Алексей Пехов

Хроники Сиалы

Трилогия в одном томе

- Крадущийся в тени
- Джанга с тенями
- Вьюга теней

Алексей Пехов

Хроники Сиалы

Трилогия в одном томе

- Крадущийся в тени
- Джанга с тенями
- Вьюга теней

Трилогия
в одном
томе

Алексей Пехов

Хроники Сиалы

Москва, 2008

Алексей Пехов

Трилогия в одном томе

- Крадущийся в тени •
- Джанга с тенями •
- Вьюга теней •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Рисунок на переплете
И. Комарова

Иллюстрации
О. Юдина

Пехов А. Ю.
П23 Хроники Сиалы: Крадущийся в тени; Джанга с тенями; Вьюга теней / Послесл. О. Жаковой.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. — 1151 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0090-4

Вор и герой — понятия несовместимые? Как бы не так! Когда приходится делать нелегкий выбор между топором палача и Заказом на небольшую прогулку в мрачные могильники эльфийских лесов, трезвомыслящие люди выбирают топор палача, а герои, такие, как Гаррет, решают бросить кости и, надеясь, что выпадут шестерки, рискнуть.

Ведь всего-то надо пробраться в заброшенную башню Ордена, надуть парочку злобных демонов, избавиться от наемных убийц, подставить воровскую гильдию, выйти из десятка кровавых стычек... ну и доехать до этих тьмой проклятых могильников вместе с небольшим отрядом отчаянных королевских рубак. Стоит ли говорить, что такой Заказ просто невозможно выполнить?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0090-4

© Пехов А. Ю., 2005
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2005

• Крадущийся в тени •

Глава 1
НОЧЬ

Ночь — лучшее время для таких, как я. Я выхожу на улицу, когда обычные люди уже давно спят в теплых постелях, и даже запоздавшие пьянчуги стараются переночевать в тавернах, не решаясь выбираться в непроглядную городскую темень.

Ночь. Тишина. Лишь шаги патрулей городской стражи гулким эхом разбиваются о стены старых домов, а затем разносятся по темным, умершим до утра улицам Авендума.

Солдаты идут быстро и торопливо, едва ли не вприпрыжку, в самых темных переулках срываясь на бег. Ребята боятся нарваться на неприятности, и я вполне понимаю наших наихрабрейших служителей закона. Нет, они не страшатся людей — безумцев, набравшихся достаточной наглости, чтобы броситься на блюстителей закона, ждут тяжелые алебарды. Они опасаются другого. Есть иные существа, скрывающиеся в тени каменных зданий. Те, кто выползает в это неспокойное время на ночную охоту. И Сагот помоги страже, если эти твари слишком голодны.

Ночная тень является убежищем для всех: мирных жителей, в страхе прячущихся от опасных людей; ворюг, желающих поскорее почистить кошельки добропорядочных горожан; грабителей, только и ждущих, как бы пустить в ход ножи; ну и демонов, разумеется, которые живут в этой самой тени и с удовольствием охотятся и на тех, и на других, и на третьих.

К счастью, с демонами, появившимися в городе после того, как Неназываемый и его многочисленные прихвостни зашевелились после веков покоя в Безлюдных землях, я ни разу не встречался. Потому и жив.

Шаги стражников, недавно прошедших мимо меня, затихли на соседней улице.

По приказу барона Фраго Лантэна, начальника городской стражи Авендума, все патрули усилены втрое. То, что сдерживало Неназываемого в Безлюдных землях, слабеет, и он скоро ворвется в наш мир из покрытой вечными снегами ледяной пустыни. Война бли-

зится, как бы Орден магов и многочисленные жрецы храмов ни пытались ее оттянуть. Это вопрос времени. Полгода, ну, может быть, год — и настанет то, чем так пугали нас в детстве. Неназываемый соберет армию, придет из-за Игл Стужи, и начнется ужас... Даже здесь, в столице, можно нарваться на осмелевших приверженцев Неназываемого. И я не уверен, что Дикие Сердца у Одинокого Великана смогут сдержать полчища огров и великанов...

Меня вновь не заметили. Спасибо ночной тени. Тень — моя подруга, моя любовница, моя напарница. Я прячусь в ней, я живу с ней, и только она всегда готова принять меня, спасти от стрел, от злобно сверкающих в лунной ночи клинков и кровожадных золотых глаз демонов.

Как говорит добрый жрец Сагота брат Фор: «Тень — родная сестра тьмы». А от тьмы недалеко и до Неназываемого.

Полная чушь! Неназываемый и тень? Абсолютно разные вещи. Это все равно что сравнивать огра и великана. Тень — это жизнь, свобода, деньги, власть и репутация. Уж Гаррет-тень знает об этом не понаслышке. Тень появляется только тогда, когда существует хотя бы крупица света, так что сравнивать ее с тьмой по меньшей мере глупо. Но моему старому учителю я, естественно, этого не говорю. Яйца курицу не учат.

Тихо. Так тихо, что слышно, как мотыльки цепляются хрупкими крылышками за ночную прохладу. Стража давно прошла, мне уже давно пора отправляться по своим делам, но я сегодня что-то слишком осторожничаю... Предчувствие заставляет меня задержаться в укрытии, возле стены здания, погруженного во мрак.

На узкой ночной улочке с каменными домами, заставшими еще Тихие времена, не раздавалось никаких подозрительных звуков. Лишь поскрипывала от слабого ветерка жестяная вывеска над лавкой булочника. Ленивый серо-желтый ночной туман, которым славится наша столица, застилал мощенную грубым камнем и избитую телегами мостовую. Говорят, туман — фокус какого-то волшебника-недоучки из далекого прошлого. Однако от его невинной шалости все архимаги королевства не могут избавиться и поныне.

Тишина тревожит меня. Так тихо бывает только в склепе богатея, после того как его навестила стая мелких городских воришек.

Скрипит вывеска, гуляет ветерок, неторопливо плывут облака по ночному небу. Но я все еще стою, слившись с тенью здания и стараясь не шевельнуться. Интуиция и мой житейский опыт заставляют меня вслушиваться в безмолвие ночного города. Ни одна, даже пустынная, улица не может быть настолько мертвой.

В ночи должны быть звуки. Шуршащие в мусоре крысы. Храпящий тут же пьяница, карманы которого уже успели почистить мел-

кие воришки, прежде чем забиться ночевать в какую-нибудь щель. Храп из окон седых домов. Крадущаяся в темноте грязная собака. Тяжелое дыхание новичка-разбойника, поджидающего жертву и сжимающего нож в потной от волнения ладони. Шум в лавках и мастерских — даже по ночам в некоторых из них продолжается кропотливая работа. Ничего этого не было на темной узкой улочке, укутанной пеленой тумана. Ничего, кроме тишины, мрака и сгущающейся опасности.

Ветерок загулял сильнее, загудел в крышах старых зданий, и тяжелые серые облака понеслись по небу, словно стадо больших пушистых овец. Беспечный гуляка-ветер ласково взъерошил мне волосы, но я не посмел накинуть капюшон. Чья-то требовательная рука удержала меня на месте, как бы говоря: стой, обожди, еще не время.

Сагот! Что же происходит на тихой темной улочке ремесленников?!

Словно отвечая на мою молитву, славный бог всех воров дал моим ушам больше чуткости.

Шаги. Торопливые шаги человека, которые не смог приглушить даже расползающийся серо-желтой накипью туман. В соседней выемке, расположенной в стене здания напротив, я заметил мимолетное колебание тьмы.

Кто-то еще решил спрятаться?

Я всмотрелся в чернильную ночь. Нет. Показалось. Слишком волнуюсь в ожидании несуществующих неприятностей. Старею, наверное.

Между тем шаги становились все громче и громче. Их звук доносился с улицы, куда несколько минут назад свернула городская стража. Я замер и постарался слиться с тенью. Опасность кружила надо мной ленивым призраком.

Из-за поворота показался мужчина и быстрым шагом, переходящим в бег, направился в мою сторону. Дурак или храбрец, раз один шастает в темноте? Скорее всего, первое. Храбрецы долго не живут в нашем мире. Хотя дураки тоже, если только они не шуты нашего славного короля.

Какое неотложное дело заставило его выйти на ночную улицу, где даже масляные фонари не горят?

Незнакомец приближался. Высокий, хорошо, можно сказать богато, одетый, рука лежит на рукояти приличного меча.

Облака вновь наползли на небо, закрыв собой звезды, и к полной тьме добавилась тьма кромешная. Я даже не смог разглядеть лица незнакомца, когда он поравнялся со мной. Хотя он был так близко, что если бы я захотел, то протянул руку и снял у него с пояса пуза-

тый кошелек. Но я не мелкий карманник, чтобы падать так низко — времена бурной молодости давно канули в прошлое, да и чутье подсказывало, что сейчас не стоит не то что дергаться, а даже глубоко дышать.

В нише напротив тьма вновь пришла в хаотическое движение, вскипая и клубясь черным цветком смерти, и я замер, леденея от ужаса. Из тьмы вырвалась Тьма, приняв обличье крылатого демона с рогатой головой-черепом и, словно лавина с Гор карликов, упала на жертву, придавив своим внушительным весом.

Человек издал вопль раненой кошки, попытался выхватить бесполезный меч, но тьма смяла, всосала, поглотила ночного путника, и существо, кем бы оно ни было, взмыло в небо, унося с собой свежее мясо, а может, и душу. Угольно-черный силуэт на миг промелькнул перед моими глазами и исчез.

Я медленно сполз по стене, стараясь успокоить дыхание. Сердце колотилось, точно бешеное.

Демон не заметил меня, хотя я все это время находился прямо напротив. Но если бы я шевельнулся! Если бы всего лишь задышал чуть громче... Это я стал бы его легкой добычей.

Повезло. В очередной раз мне очень повезло. Удача вора — женщина капризная, в любой миг может отвернуться, но, пока она со мной, я могу заниматься своим ремеслом.

В темном углу соседнего здания тихо пискнула крыса, за ней другая. В небе, охотясь за припозднившимися июньскими мотыльками, пролетела летучая мышь. Опасность миновала, можно продолжать путь. Я отделился от стены и, стараясь держаться наиболее темных участков улицы, двинулся дальше.

Быстрым шагом, не издавая сапогами ни единого звука, я перебегал от здания к зданию, из тени в тень. Улица Пекарей осталась позади, я свернул в переулок направо. Здесь туман был гуще, он обнял меня мягкими лапами, заглушил шаги, скрыл от глаз людей и нелюдей.

В тени по соседству раздалось шушуканье. Я замер, всматриваясь в серо-желтую мглу. Грабители. Молодые. Поджидают ночного гуляку или готовятся почистить спящих горожан? Сосунки. Слишком шумят, слишком неопытны. Опытные чистильщики переговариваются жестами.

Я проскользнул рядом с ними, но воришки не заметили меня. Тень в тени сложно увидеть неопытному глазу. Возникло дурацкое детское желание выскочить из тумана и громко сказать «Бу!» им в лицо. Но не до шуток. Нечего пугать молокососов. К тому же можно нарваться на нож.

Темный переулок кончился, и нависшие мрачные стены домов, видавших в этом мире и радость и горе, резко разошлись в стороны. Ветер разогнал тучи, и небо превратилось в скатерть, по которой богатей рассыпал монеты. Сотни и тысячи звезд замерцали мне этой холодной летней ночью.

На большой площади Грока горели одиночные фонари. Как-никак она была одной из центральных, и фонарщикам, несмотря на страх, приходилось выполнять свою работу. Пламя, закованное в стеклянные колпаки, разбрасывало вокруг себя пятна дрожащего света, и хаотичные тени молчаливо плясали на стенах угрюмых домов.

Это плохо, надеюсь, что погонщик-ветер снова приведет серых пушистых овец на небо, а пока придется держаться тени, жмущейся к стенам высоких зданий. Она стала бледной и пугливой от вездесущего света.

Сам Грок безмолвно смотрел на меня всевидящими глазами. Кажется, он был полководцем, спасшим наше королевство от нашествия орков, или каким-то королевским советником в далекую седую старину. Но теперь высокий человек в плаще уже которую сотню лет служил лишь бронзовым памятником, стоя на тумбе посреди мелкого круглого бассейна. А сразу за постаментом находилась цель моей ночной прогулки. Большой дом, окруженный высокой зубчатой стеной, сложенной из огромных каменных блоков, добытых в Горах карликов во времена, когда эта раса еще была дружна с нашим королевством. По мне, так это строение — полная безвкусица, но кронгерцогу*1 Патину, живущему здесь, вряд ли интересно мое мнение. Кузен короля, ответственный за казну, — важная шишка, поэтому на его причуды в архитектуре закрывали глаза. Правда, были у Его Светлости гораздо более серьезные грехи вроде любви к молоденьким мальчикам, но об этих маленьких слабостях умные люди старались не распространяться, чтобы в один прекрасный день не обнаружить у себя под лопаткой нож.

Король терпел причуды родственничка. Но, по слухам, недавно он недосчитался в казне кое-каких деньжат. Значит, в скором времени должны полететь головы, так как Его Величество не очень-то благоволит к людям, тратящим государственные деньги направо и налево.

Высокую стену дома с двух сторон подпирали две башни со срезанными вершинами. В левой располагались семиярдовые ворота с тяжелыми деревянными створками, обитыми листовым железом. В них свободно могли бы въехать в ряд четыре всадника. Но этот па-

---

* Здесь и далее к словам, помеченным звездочкой, см. примечания в конце книги.— *Автор.*

радный вход — только для приглашенных гостей, и мне лучше не думать о нем.

Я быстро перебежал освещенную площадь и укрылся в тени колонн Королевской библиотеки — места паломничества магов Ордена и историков. Иногда даже дворяне приходили сюда набраться ума, хотя чаще всего господа предпочитали отправляться учиться сразу в Ранненг — город знаний.

Из моего укрытия жилище герцога было как на ладони. Казалось, что дом вымер. Стражников не видно ни у ворот, ни на стенах. Небось сидят в караулке и стучат зубами. Я их вполне понимаю, сам бы спрятался в своей берлоге, если бы не Заказ. Он свалился на меня нежданно-негаданно. Один человечек сделал предложение, от которого я не смог отказаться. Его интересовала некая редкая вещица в коллекции герцога. Платили отлично, и всего-то было нужно войти в дом, взять безделушку и выйти. Ничего сложного, особенно если учесть, что Его Светлость уехал со свитой охотиться на оленей в пригородные леса и домашней челяди в замке будет крайне мало.

Риск растревожить осиное гнездо, конечно, велик. Но когда осы поймут, что к чему, меня уже давно не будет.

Я внимательно ощупал снаряжение и одежду, в который раз за ночь проверяя, взял ли с собой все необходимое, чтобы осуществить задуманное. Темно-серая куртка с капюшоном, серые перчатки, черные брюки и сапоги. Большой обоюдоострый нож, хорошо зафиксированный на бедре двумя кожаными ремешками, чтобы не мешал двигаться. В свое время я отдал за него кучу золотых. Чуть меньше локтя в длину, почти короткий меч — окантовку лезвия клинка покрывала серебряная полоска, и при желании можно было рискнуть и затеять драку даже с восставшим после смерти. Мне вполне могло повезти в такой схватке, и я ушел бы пусть с оторванной рукой, но живой. Этим же ножом, а точнее его тяжелой рукоятью, можно с легкостью лишить сознания любого попавшего под ноги идиота, которому не спится по ночам. Не тот мастер-вор, кто режет горло страже, поднятой по тревоге, а тот, кто бесшумно пришел, взял вещь и так же тихо ушел, оставив после себя как можно меньше следов, а следовательно, и трупов.

За спиной у меня висел миниатюрный легкий арбалет, свободно помещающийся в одной руке и нисколько не стесняющий движений. Он стрелял короткими толстыми болтами с четырехзубыми стальными наконечниками, и при должном умении из этого малыша можно попасть в глаз человеку с семидесяти шагов.

В висящей на поясе маленькой мягкой сумке из телячьей кожи лежало несколько пузырьков на самый крайний случай. Знакомый торговец-карлик содрал за них все деньги, добытые мной при грабе-

же на приеме в доме у одного городского повесы. Однако эффективность магических штучек вполне оправдывала ту цену, которую я заплатил.

Все. Больше тянуть нельзя. Стараясь все время держаться стены здания библиотеки, я устремился к дому герцога. Если бы кому-то вздумалось посмотреть со стены, то он бы увидел только серые камни и туман, разорванный ветром, играющим в пятнашки с тенями на площади. Зубчатая серая стена мелькала перед глазами размытым пятном. А вот и маленькая, почти неприметная для уличных прохожих, серая железная калитка для слуг, ведущая в святая святых Его Светлости.

Как назло, напротив горел фонарь и я был словно на ладони Сагота. Свет падал на стену, и тени здесь не было абсолютно. По счастью, улочка оказалась пуста, а патруль должен пройти здесь только через пару минут. Так что успею.

Я извлек из-за пояса набор отмычек, сделанных карликами по моему персональному заказу. Это только рядовые обыватели думают, что мастером-вором быть легко и дешево. Вранье. Чтобы что-нибудь серьезное украсть, самое главное — снаряжение (об опыте и таланте я скромно умолчу, так как без него много не наворуешь).

Самозабвенно копаясь отмычкой в дверном замке, я постарался нащупать пружину. Ага! Тихо щелкнуло. Первый рубеж обороны преодолен.

Тут как назло в начале улочки раздалось цоканье лошадиных копыт, и я заработал быстрее.

Щелчок. Второй секрет. Я отчаянно вращал отмычкой, стараясь нащупать последнюю пружину. Проклятый замок карликов! Умеют, недомерки, делать!

Все! Время вышло!

Выдернув отмычку из щелкнувшего замка — все пружины встали на свои места — я бросился на противоположную сторону извилистой улицы. В спасительную тень.

И вовремя.

Из-за поворота появились всадники. Двое, трое, пятеро, семеро. Ого! Тринадцать! Счастливое число! Наездники на высоких конях доралисской породы. Темные силуэты на сером фоне ночи. Я присел, натянул капюшон на лицо и прищурился, надеясь, что глаза не блеснули в свете звезд.

Десять воинов были облачены в серо-синие мундиры королевской гвардии. Одиннадцатый... оказался женщиной, лицо которой скрывала плотная вуаль. Двое мужчин, ехавших по обе стороны от нее, прятали лица под капюшонами плащей.

Когда они проезжали мимо меня, одна из лошадей всхрапнула и потянулась в мою сторону, но стражник дернул поводья, и путники двинулась дальше. (Интересно, что делают гвардейцы короля и неизвестная дама на ночной улице? Не мое дело. Дольше проживу, а то найдут Гаррета-тень с перерезанным горлом в Холодном море.)

Сразу за странной кавалькадой, с интервалом в три минуты, проскакал еще один отряд. Одежда на них была обычная, а не серо-синяя, зато у замыкающего я заметил на рукаве пурпурную нашивку.

Ого! Дикие Сердца. Эти-то каким образом оказались так далеко от Одинокого Великана?

Я подождал, пока всадники скроются на другой улице, выждал несколько минут и снова направился к калитке.

Двор был тих, темен и пустынен. В гнездышке герцога горели только два окна: на кухне и под крышей. Съежившаяся от ночной прохлады трава полностью глушила мои шаги. Эта июньская ночь оказалась слишком холодна для сверчков, так что во внутреннем дворике повисла тяжелая длань тишины.

Вот и дверь на кухню. Дрожащее, робкое пламя факела коптило стену возле входа. Я мягко повернул бронзовую дверную ручку и оказался внутри.

Однако! Они тут с ума посходили, если не запираются на ночь?! Совсем герцог слуг распустил. Надеюсь, что после сегодняшней ночи и последующего за ней нагоняя они будут более прилежны.

Печи и камины кухни давно остыли. На столах было полно грязной посуды, а прямо на полу спал маленький поваренок. Я остановился в уголке и стал сверяться с планом, который находился у меня в самом надежном месте — в голове. Вон та дверь приведет меня в обеденный зал с высокой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж. Но не стоит рисковать, есть обходной путь. Дубовая дверь справа ведет в крыло слуг, из которого я могу попасть на второй этаж, минуя охрану. Правда, стражники, насколько я знаю эту породу, давно спят, час поздний, но все же нарываться не стоит.

Я аккуратно (под ногами скрипел рассохшийся пол) двинулся вперед. Факелы в полутемном коридоре горели через один. За дверью слева раздавался храп здорового и довольного жизнью человека. Этот точно стражник — только они могут быть столь беззаботны.

Посмеиваясь, я двинулся дальше.

Вперед! И тихо! Главное не спешить.

Коридор повернул, я проскользнул за угол и столкнулся нос к носу с бородатым увальнем.

— Привет! — сказал я прежде, чем он успел опомниться, и что есть сил вмазал ему кулаком в живот, а когда парень согнулся, добавил ребром ладони по шее.

Слава Саготу! Этот дуралей не успел заорать. На всякий случай я добавил ему еще немного, затем подхватил бесчувственное тело и потащил вперед. Нечего ему здесь валяться, а то найдет еще какой-нибудь лунатик, поднимет тревогу, и мне будет ничуть не лучше, чем гоблину, попавшему в лапы орков.

Держа парня под мышки, я осторожно толкнул ближайшую дверь. Пусто. Чудесно! Сунув бесчувственного незнакомца в шкаф, я аккуратно вышел. К утру оклемается, а если умен, то еще и будет молчать, иначе на него посыпятся все шишки.

Отлично! Я добрался до лестницы, ведущей из крыла слуг к герцогским апартаментам. Подняться по ней было делом одной минуты, и вот уже передо мной тяжелые дубовые створки двери в крыло герцога. Естественно, заперто, но это уже дело техники.

Коридор, как и все здание, был мрачен и пуст. Но я увидел, что здесь начинается коварный пол из мраморных исилийских плит, на которых шаги становились неестественно громкими и звонкими. Даже глухой на другом конце города услышит. А мне нужно было пройти весь коридор — до спальни в самом конце.

Проклятье! Если бы я умел летать!

Но я не умел. Поэтому пришлось применить все отпущенное мне Саготом мастерство, чтобы не шуметь.

За спиной раздалось угрожающее рычание. Я вздрогнул. Замер, не донеся ногу до черно-белой мраморной плитки, и осторожно повернул голову, ожидая увидеть тридцать три тысячи демонов тьмы... К счастью, их там не было. Всего лишь один гарринч, сверлящий меня безумными белесыми глазами.

Внутренне я похолодел. Жулик Гозмо, вручая мне Заказ, ничегошеньки не сказал про то, что в доме герцога живет такая тварь. Вот я вляпался!

Гарринчи обитали далеко на юге, в степях Унгавы, почти на границе с жарким Султанатом. Эти существа великолепные сторожа, особенно от таких парней, как я. Добыть живого детеныша гарринча непомерно трудно, почти невозможно, поэтому их цена просто невероятна. Говорят, сокровищницу короля охраняют две такие твари.

Гарринч больше всего походил на огромную, размером с отъевшегося теленка, крысу, покрытую змеиной чешуей вместо шерсти, с великолепным набором зубов, способных распилить рыцаря в броне, и двумя белыми глазами-буркалами. Убить его, если, конечно, вы не маг, крайне сложно. Фыркнув, он вопросительно-насторожен-

но уставился во мрак, где я изволил спрятаться. И мне оставалось лишь молиться Саготу, чтобы тот защитил своего скромного слугу.

Я потихоньку обливался потом. Гарринч продолжал соображать. Подумав с минуту, зверь еще раз зарычал. Он чувствовал подвох, но не понимал, куда я мог деться, поэтому пытался меня вспугнуть.

Как же! Нашел дурака!

Наконец, не дождавшись ужина, тварь медленной косолапой походкой направилась в сторону открытой двери, ведущей в крыло слуг. Как я понимаю, обычно вход в их помещение заперт еще и для того, чтобы тварь, которую выпускают для охраны этажа, никого не съела. Но я беспечно оставил дверь распахнутой. Вот будет утром потеха, когда кто-то недосчитается парочки стражников!

Я еще раз перевел дух и убрал палец со спускового крючка арбалета. Пронесло. Но надо быть настороже, тварь в любой момент может вернуться.

Из-под двери спальни герцога выбивался тоненький лучик света. Странно. Неужели там кто-то есть?

Я поднес ухо к замочной скважине.

— Чушь! Я верен Хозяину! — раздался резкий визгливый голос.

Герцог? Какой тьмы он дома, а не на охоте?!

— Верен? — От этого голоса по моему телу пробежали мурашки. В нем не было ни капли жизни. Могильный холод вперемешку со злой насмешкой.— Странно. Если это так, то почему же король до сих пор не бросил дурацкую затею с Рогом?

— Это все его проклятая гвардия и Алистан Маркауз! Король под присмотром круглые сутки! Капитан что-то подозревает! Я не могу поговорить с Его Величеством наедине!

— Мой Хозяин не привык, когда его приказы не выполняются.

— А я не привык к тому, что мне не дают то, что уже давно обещали! — Человек сорвался на крик.— Вы подлые лживые ублюдки! Я больше не желаю иметь с вами никаких дел.

— Хорошо. Сейчас ты получишь свою плату,— чуть помедлив, словно вслушиваясь в только ему понятный приказ, произнес мертвый голос.

— Постой, постой, я пошут... А-а-а-а!!!

За дверью раздалось мерзкое хлюпанье, затем что-то упало, и хлопнули распахнувшиеся ставни.

Я тихо выругался и осторожно заглянул в спальню герцога.

Огонь в камине тускло трепетал. Дрожащее пламя не могло осветить гигантское помещение спальни и выхватывало лишь отдельные участки, но я прекрасно видел застывшего в высоком красном кресле герцога Патину с искаженным от ужаса лицом и разорван-

ным горлом. Из рваной раны веселыми толчками ритмично вырывалась кровь.

На открытом окне я заметил темный крылатый силуэт ночного гостя. На миг я встретился с желтыми глазами, смотрящими на меня с холодной насмешкой и превосходством самой смерти, а затем мой палец сам нажал на спусковой крючок. Тетива сухо щелкнула, и тяжелый арбалетный болт ударил в спину спрыгнувшей с окна и уже расправившей крылья твари. Раздался тупой удар, как будто сталь карликов попала не в живое тело, а в мокрый ствол дерева. Существо беззвучно растворилось в ночи. По-моему, его нисколько не расстроил болт в спине.

Пора делать ноги. Герцогу уже ничем не поможешь, а если застукают рядом с телом, то на меня повесят убийство. За подобным преступлением против короны следуют долгие разговоры в пыточных подвалах Серых камней. Я подлетел к полкам, схватил нужную мне золотую статуэтку собаки и бегом устремился к двери.

В начале коридора вновь появился гарринч. Мы увидели друг друга одновременно.

Тварь радостно взревела и огромными скачками ринулась к новоявленному ужину. Я, не останавливаясь, закинул арбалет за спину и, сунув руку в сумку, выудил флакон с синей фосфоресцирующей жидкостью. В нашем деле главное — хладнокровие. Когда гарринчу оставалась до меня пара прыжков, я выплеснул флакон прямо в его оскаленную морду.

Физиономию твари окутало синее облачко. Гарринч резко остановился, удивленно чихнул, а затем, напрочь забыв обо мне, стал усиленно и ожесточенно тереть морду передними лапами. Я со всей возможной скоростью пробежал мимо него, в душе пожелав мерзкой твари избавиться от волшебной чесотки лет эдак через двести — триста.

Завтра весь город будет бурлить, и мне не нужно лишнее внимание.

Миниатюрный дом-дворец ныне покойного герцога маячил за моей спиной. Как только получу деньги, на пару месяцев лягу на дно. Я выполнил Заказ и теперь направлялся к себе в берлогу, молясь Саготу, чтобы никого не встретить на обратной дороге...

Глава 2
НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

Вечерние сумерки упали на оживленный Авендум, заставляя горожан пошевеливаться. Люди и нелюди спешили, стараясь закон-

чить все дела до наступления ночи. Поэтому в узеньких тесных кварталах и извилистых улочках Портового города горожане торопились провести с пользой каждую минуту, перед тем как темнота разгонит их по домам.

Вот суетливо пробежали женщины, крепко прижимая к себе корзинки с нераспроданной снедью. Вот с гиканьем и свистом, взметая грязь, пронеслась пара молодых, в стельку пьяных дворян на горячих конях, заставляя прохожих вжиматься в стены и гневно грозить всадникам кулаком в спину. Вот толстый лавочник отвесил подзатыльник мальчишке-подмастерью, чтобы тот порасторопнее закрывал ставни лавки, а не глазел на городских стражников, печатающих шаг по грубой каменной мостовой.

Один из солдат бросил на меня хмурый взгляд из-под своего шлема. Я радостно ему улыбнулся, стараясь показать: смотри, мол, какой я вежливый и мирный человек. Стражник буркнул себе под нос что-то нелицеприятное на мой счет, покрепче сжал в руке алебарду и направился прочь. Я ухмыльнулся.

Стража Портового города на все закрывает глаза, даже на человека, из-под плаща которого выпирают очертания арбалета — оружия, если честно, обычным гражданам в черте города запрещенного. Обрати на меня внимание охрана города Внутреннего, и я бы обычной улыбочкой не отделался. Минимум две золотые монеты, чтобы служители порядка и справедливости забыли мое лицо до следующей встречи.

Я тут все говорю — Внутренний город, Портовый город. Все эти названия сможет понять только житель Авендума, протянувшего щупальца улиц и кварталов на огромную территорию.

Так уж исторически сложилось, что столица возникла на берегу Холодного моря, на севере королевства Валиостр. С высоты полета дракона город похож на огромный треугольник. Своим основанием он упирается в свинцово-серое и суровое Холодное море, две другие стороны обнесены высокой угрюмой стеной, в которой через равные промежутки стоят мощные сторожевые башни.

Имеется восемь городских ворот — на двух сторонах треугольника по четыре, а с моря город закрыт от врага мощным фортом, в котором поставлены пушки извечных врагов карликов — гномов. Гномам не очень-то нравится море, но любовь к золоту у них оказалась сильнее, чем нелюбовь к соленой воде. И теперь форт надежно защищает Авендум с моря, и мирануэхцы уже не решаются напасть на своих корытах на вооруженную пушками серую громадину.

Говорят, в трех штурмах столицы, которые случались за последние триста лет, ни одни ворота еще ни разу не пали.

Вот только неизвестно, что будет, если армия Неназываемого, расправляющая плечи и выходящая из многовекового самозаточения в Безлюдных землях, попробует сейчас нашу столицу на свой огрский и великанский зуб? Да и ребятки из Рачьего герцогства сидеть тихо не станут и помогут в этом нашим врагам обязательно. Ну что же, поживем — увидим. Я никуда не спешу, хотя некоторые особо азартные и ненормальные уже делают ставки, сколько створок и как долго устоит перед силой великанов тундры и холодной яростью снежных огров.

Возле внешней стены раскинулся Пригород. Сотни маленьких домиков из дерева и камня, в которых ютятся те, кому не хватило места в столице или у кого просто нет денег и возможностей в ней поселиться. Сразу за воротами начинаются дома горожан со средним достатком, или Внешний город. А уже за ним расположен Внутренний город. Он обнесен дополнительной стеной (мне пару раз приходилось перелезать через нее, когда особенно ретивый патруль решал устроить старине Гаррету проверку в беге).

Внутренний город — это сплошь дома аристократов, больших шишек и магов. В нем есть чем поживиться, но вероятность влипнуть в историю тоже велика. Именно здесь находится дворец короля.

Со стороны моря во Внутренний город врезаются город Ремесленников и кварталы Магов. Лавки, кузницы, дубильни, пекарни, магические магазинчики, библиотеки, храмы божеств и так далее. Возле самой кромки моря находится Портовый город. Здесь расположен порт, куда приходят корабли со всего света. Также в этой части столицы есть улицы, куда не рекомендуется ходить без кольчуги и надежной охраны. Особенно по ночам.

То, что я рассказываю — это лишь малая часть, капля вина в море грязи, потому как в нашей столице еще сотня кварталов и мест. В одних живут только чародеи, в других — карлики, которые не рассорились с людьми после того, как мы заключили пакт с гномами. Есть также Закрытая территория (или Запретная, или Пятно, как ее еще называют) — район, обнесенный высокой стеной, пронизанной защитной магией. Никто не знает, что в нем происходит.

Примыкающая к Портовому городу Запретная территория появилась около трехсот лет назад в результате проклятия. Маги королевства не смогли с ним справиться и, поняв, что все их хваленые огненные шары и прочая балаганная мишура никак не действуют на черное шаманство, волшебники взяли и отгородили проклятую часть города от других районов стеной. Ходили слухи о страшных существах, обитающих в Запретной части, но смельчаков, решившихся проверить эти рассказы, не находилось. По крайней мере я о таких я не слышал.

Ладно, хватит! Если я начну перечислять все достопримечательности любимого города, то времени мне и до ночи не хватит.

...Из боковой улочки вынырнули, направляясь в мою сторону, две тени. У одной в руке блеснул металл. Совсем мелкое ворье обнаглело — уже грабят в сумерках. Я остановился и повернулся к ним лицом. Тени замешкались, и одна, та, что была без ножа, выйдя на свет виновато развела руками.

— Прости, Гаррет,— произнес едва знакомый мне по «Ножу и Топору» тощий субъект.— Не узнали.

— Богатым, значит, мне быть,— как можно более хмуро произнес я и театральным жестом потянулся под плащ, к арбалету.

Несостоявшийся грабитель нервно сглотнул, еще раз извинился и скрылся в подворотне вместе со своим напарником — искать более слабую жертву.

Я продолжил путь по Портовому городу, пряча улыбку. Репутация — все же хорошая штука. Все не дружащие с законом граждане Авендума знают Гаррета-тень и даже если не видели, то хотя бы слышали о нем. После того как я прострелил ноги парочке уж очень ретивых любителей дармовых деньжат, грабить меня опасаются, хотя не исключено, что смельчак, решивший заработать себе имя на моем ограблении, рано или поздно найдется. Поэтому надо всегда быть начеку.

Я остановился возле старого и ничем не примечательного здания. Таких в Портовом городе полно. Единственное, чем оно отличалось от многих подобных — это вывеской.

«Нож и Топор».

Огромных размеров жестяной нож и топор висели тут же. И, полагаю, даже тупому доралиссцу было понятно, кто собирается в этом заведении. Я толкнул деревянную дверь и погрузился в людской шум и гам.

Трактир, в котором нашли приют мошенники и воры столицы, в отличие от других заведений будет работать всю ночь. Старый Гозмо, владелец этого клоповника, знает, как зарабатывать денежки.

Я кивнул двум вышибалам, стоящим возле входа с дубинками наперевес, и пошел к стойке, лавируя между столами и стараясь проскользнуть как можно незаметнее, не привлекая внимания посетителей.

Некоторые личности бросали мне вслед злые взгляды. За моей спиной раздавались шепотки. Мир несовершенен. В нем полно завистников и тех, кому мне довелось перебежать дорогу. Пускай бормочут. Дальше шепота за спиной все равно не отважатся пойти.

Наконец я пробрался между столами и кивнул Гозмо, который сегодня самолично стоял за стойкой. Сутулый старый прохиндей,

любивший раньше прогуляться по ночам в дома богатеньких жителей Авендума, теперь остепенился и открыл такое вот заведение, где относительно спокойно могли себя чувствовать не самые порядочные и чистые на руку личности. Тут ребята моей профессии отдыхали, искали новую работенку, покупателей и заказчиков. Хитрюга Гозмо не только создал отличное место для сбора всех работников ночи, но и нашел великолепный способ заработать деньжат.

— А-а-а... Гаррет,— сердечно поприветствовал он меня. Гозмо всегда был рад клиентам. Издержки новой профессии.— Давненько тебя не видел. Сто лет не навещал старика.

— Дела, дела,— произнес я, толкая через стойку в руку сутулого трактирщика сверток со статуэткой.

Гозмо был хорошим наводчиком, и именно он подкинул мне Заказ на путешествие в усадьбу ныне покойного герцога Патины. Трактирщик ловко поймал сверток и так же незаметно, как и я, отправил мне в руку кошелек с обещанными двадцатью золотыми. Товар тут же схватил один из разносчиков трактира и, сунув его в грязную холщовую сумку, понес заказчику.

Я отсчитал из полученного пять монет.

— За что я тебя люблю, мой мальчик, это за то, что ты всегда расплачиваешься с долгами,— весело произнес старый прохиндей, и я поморщился.

Ворую я, конечно, чужие вещи, но вот расплачиваться с наводчиками приходится своим золотом, полученным за продажу этих вещей. Не то чтобы я был скрягой... Но остаться вместо двадцати золотых с пятнадцатью все же обидно. Однако я задолжал старому мошеннику за прошлое дело, так что он вполне справедливо снял с меня причитающуюся сумму.

— Ты слыхал, что милорд Патина нежданно-негаданно помер два дня назад? — как бы невзначай спросил Гозмо, протирая пивные кружки. Мое хмурое лицо он словно бы и не замечал.

— Да? — Я выразил свое искреннее удивление столь нежданной кончиной вполне здорового герцога, на котором могли бы пахать все крестьяне Валиостра и Загорья вместе взятые.

Гозмо это удивление ни капли не обмануло, но он все так же продолжал протирать кружки, будто ничего не понял.

— Да, да. Его нашли с разорванным горлом. А гарринч, охранявший его богатства, чесался и не обращал внимания на людей.

— Правда? — изумился я.— Кто бы мог подумать, что там был гарринч. Мне вот лично о нем никто не говорил.

Трактирщик пропустил мой упрек мимо ушей. Он умел прикидываться абсолютно глухим, и, надо сказать, временами это у него великолепно получалось.

— Тебе как всегда? — спросил он.

— Да. Мой стол свободен?

Гозмо кивнул, и я направился мимо оживленно вопящих что-то пьяных аферистов, мимо поющей на сцене полуголой девицы в дальний угол зала. Сел спиной к стене и лицом ко входу в заведение. Что поделать, привычка, выработанная годами.

Сразу, как по волшебству, передо мной появилась кружка портера и тарелка с мясом. Что уж говорить, у повара Гозмо иногда случались просветления, и тогда он готовил, ничуть не уступая ребятам с кухонь аристократии. Все это принесла очаровательная служаночка, которая весело мне подмигнула, но, увидев мою вечно хмурую физиономию, фыркнула и удалилась на кухню, сердито виляя пятой точкой и срывая восхищенные взгляды сидящих за соседними столами жуликов.

Однако мне было не до ее неоспоримых прелестей. Город бурлит. Пора нырять на дно.

На пятнадцать золотых крестьянин мог безбедно существовать чуть ли не целый год, но для меня эта сумма была не очень большой, а с работой в ближайшие месяцы следовало завязать. Не ровен час, все же кто-нибудь свяжет смерть герцога и пропажу статуэтки, и вот тогда начнется охота по всему Авендуму за всеми ворами. И меня могут для довеска загрести. Если поймают, конечно.

В способностях подчиненных Фраго Лантэна я сомневался. Я вообще был не самого хорошего мнения о страже.

Не успел я отхлебнуть из кружки густого пива, как передо мной вырос тощий бледный субъект и, не церемонясь, сел на свободный стул напротив. Лично я этого парня видел впервые.

Тип мне не понравился сразу. Его бледность и худоба наводили на мысль о том, что он вампир, но я конечно же ошибался. Вампиров не существует. Незваный гость был человеком. И, судя по всему, очень опасным. Ни одного ненужного или лишнего движения, холодный оценивающий взгляд. Я не первый год на улице. Насмотрелся на таких.

Я даже хотел потянуться за арбалетом, но раздумал. Мало ли что. Может, он просто решил поговорить о погоде?

— Я разве кого-то приглашал? — спросил я как можно безразличнее.

Но от незваного гостя не укрылось мое мимолетное напряжение, и он криво ухмыльнулся:

— Ты Гаррет?

— Все может быть.— Я пожал плечами и глотнул пива.

— Меня просили тебе кое-что передать...

— Неужели деньги? — как можно искреннее удивился я.

— Да нет.— Бледный не собирался вступать в словесную перепалку.— Я должен передать тебе, что Маркун недоволен.

— С каких это пор наемные убийцы передают сообщения главы гильдии воров? — резко спросил я, ставя на стол кружку.— Или гильдия убийц успела снюхаться с гильдией ночного братства?

— Это не твое дело, Гаррет.— Бледного ничуть не покоробило, что я догадался, кто он такой.— Маркун последний раз предлагает тебе вступить в гильдию и платить взносы.

Эх, гильдии, гильдии! Король закрывает глаза на гильдию воров и на гильдию убийц. До поры до времени. Официальные власти не трогают эти сомнительные организации, пока те не зарываются и платят налоги. И, надо сказать, в казну отчисляются огромные деньжищи. Чуть ли не половина от заработанных ночным братством денег. Потому я и не в гильдии. Зачем кому-то дарить золотые, заработанные почти что честным трудом?

— Мне жаль его огорчать.— Я как можно гадливее ухмыльнулся.

Гаррет-тень, мастер-вор, о котором в Авендуме ходят легенды и который ни разу не попадался страже, не хочет вступать в гильдию.

— Я свободный охотник. И Маркуну ничего не должен. Он и так захапал под себя всех жуликов Авендума. Не собираюсь подчиняться разжиревшему карманнику.

— Хорошо.— Бледный нисколько не расстроился от моего отказа и все так же безразлично смотрел мне в глаза.— Это твое последнее слово?

Я кивнул, показывая, что разговор исчерпан, и тут же расслышал сквозь шум и гомон заведения тихий щелчок взводимой пружины. Убийца опустил руки под стол. Это произошло столь быстро, что я даже не успел заметить этого движения. Бледный и вправду оказался настоящим профи.

— М-да. Скряга Маркун в этот раз не на шутку расщедрился, если нанял такого, как ты.

Я расслабился и постарался не делать резких движений. Рыпаться не стоило, тем более не зная, что там у него под столом. Такой же арбалет, как у меня, или еще что похуже?

— Ты прости, Гаррет,— произнес Бледный, хотя я не верил, что этого парня мучает совесть.— Ничего личного, это всего лишь работа. Ты понимаешь.

— Ты, видно, глупец, если собираешься отправить меня к Саготу в заведении Гозмо.

— Ну что ты. Ты просто вдруг окажешься пьян, и я, как твой лучший друг, помогу тебе выйти. Прогуляться на свежем воздухе.

Значит, яд. Я сжался, ожидая удара. Тьма! Как нелепо я попался!

Но, как всегда, милая удача кинула кости, и мне выпали шестерки. Во всем «Ноже и Топоре» наступила оглушающая тишина. Замолкла певичка, стих пьяный хохот и оживленные разговоры. Настоящее кладбище, и Гозмо на нем главный покойник. Я посмотрел на входную дверь, и, наверное, мои глаза стали квадратными от удивления, раз даже такой профессионал, как Бледный, сделал то, чего никак нельзя делать опытному убийце. Забыв обо мне, он обернулся, решив посмотреть: что же там произошло?

У входа в трактир стояла городская стража, крепко сжимая в руках алебарды и арбалеты. И ни у кого не вызывало сомнений — ребята готовы пустить их в ход, если где-нибудь сверкнет нож. Было видно, что это не портовые дармоеды, а воины Внутреннего города. Слишком откормленные и холеные. Таким палец в рот не клади. И даже вышибалы, маму которых можно было уличить в связи с троллями, отошли в сторону, пропуская незваных гостей в святая святых воровского мира.

Должно было случиться нечто очень важное, если стражники, которым Гозмо регулярно отстегивал, чтобы они не замечали его маленького заведения и публики, которая в нем обитает, пришли сюда.

Впереди оранжево-черной оравы стоял не кто иной, как начальник городской стражи — барон Фраго Лантэн. Его взгляд близоруко ощупывал замолчавший зал и наконец вцепился в меня. Барон кивнул самому себе и направился прямо ко мне.

— Вина,— бухнул он, проходя мимо побледневшего Гозмо, который наконец-то оставил и так чистые кружки в покое.

— Сию секунду, ваша милость. Все самое лучшее,— заюлил трактирщик, немного отойдя от потрясения. Не каждый день такой человек посещает скромные воровские крысятники.

Тут же засуетились служанки. Гомон возобновился, но чувствовалось, что в зале повисла тяжелая длань напряжения и внимания. Девица снова запела что-то дрожащим голоском, косясь на барона. Десятки глаз следили за идущим к моему столику низеньким человеком, который мог в любое время засунуть каждого, кто не хочет жить по закону, в Серые камни — самую суровую и страшную тюрьму северных королевств.

Несколько человек не выдержали и потянулись к выходу. Стража им не препятствовала.

— Не радуйся раньше времени,— прошипел Бледный, незаметно убирая что-то себе под плащ.— У меня еще будет возможность для долгого разговора с тобой, Гаррет.

— Смотри не уколись,— съехидничал я, но Бледный уже исчез, растворившись в полумраке, как будто его и не было.

Я тихо выдохнул и вытер вспотевшие ладони.

— Гаррет? — спросил барон, останавливаясь передо мной.

Я внимательно посмотрел на низенького жилистого человека в форме стражи Авендума. Его камзол был намного богаче, чем у рядового воина. На мой вкус — излишне много бархата. А вот тонкий и изящный клинок из Филанда мне пришелся по душе. За него вполне можно было купить три заведения, ничем не уступающих «Ножу и Топору».

Отпираться не было смысла, и я указал Фраго Лантэну на стул, где только что сидел Бледный.

— Присаживайтесь, ваша милость.

Подскочивший Гозмо самолично принес бутылку лучшего вина, фужеры и закуску. Милорд молча дождался, когда все это окажется на столе, и тихо бросил:

— А теперь пшел вон. Будешь крутиться под ногами, сгною.

Гозмо с поклонами и глубочайшими заверениями в своей честности удалился, чуть было не споткнувшись о стул.

Фраго молча налил полный фужер красного вина, сделанного далеко на юге, там, где Хребет мира встречается со степями Унгавы, и залпом осушил его. Затем довольно крякнул и принялся изучать мое лицо. Я в долгу не остался и стал рассматривать своего неожиданного спасителя.

Я пару раз сталкивался с Лантэном. Не лично, слава Саготу. Только интересами. Я однажды позаимствовал у него из дома одно колечко. После этого барон пытался меня поймать и упечь в Серые камни, но у него ничего не вышло. Он даже объявил награду за мою голову, и мне, чтобы избавиться от этой сомнительной славы, в одну из особенно темных ночей пришлось украсть приз из его особняка. Как говорится, нет денег, нет награды, и мне забот несравнимо меньше.

Хоть мы и были на ножах и перебегали друг другу дорогу, но я уважал этого человека. Накажи меня Сагот, если это не так.

Барон был честен. Разумеется, в меру своих сил и возможностей. Конечно же он брал взятки — кто этого не делает в нашем продажном мире? Но, отстегивая барону, человек был уверен, что все будет путем. Его не подставят и не арестуют.

Лантэн был человеком чести. Он никогда не бил исподтишка, не унижал своих подчиненных, хотя и держал их в кулаке. Барон был предан королю и место свое получил не благодаря деньгам и родственным связям, а заслужил.

Авендум много выиграл, когда этого человека назначили начальником стражи. Хотя нам, ворам, после этого назначения приходилось не сладко. Количество преступлений, конечно, не уменьши-

лось, но душегубы, прежде чем пойти на дело, теперь оглядывались по сторонам: нет ли поблизости его милости? Небольшая, но все же победа в вечной борьбе закона и преступности.

— Не могу сказать, что счастлив знакомству,— буркнул барон, глядя на меня из-под густых кустистых бровей.— Я бы с радостью отправил тебя в Серые камни.

Я промолчал. У меня вертелась на языке одна подходящая фраза, но я решил попридержать ее на потом. По крайней мере, этим вечером в тюрьму мне не хотелось.

— Собирайся, Гаррет.

— Куда, ваша милость? — Кажется, этот человек смог меня ошеломить.— Уж не в ваши ли любимые Камни?

— Нет. Пока.— Он взглянул на меня.— Один... человек хочет поговорить с тобой. Я должен тебя к нему доставить.

— Правда? К палачу, что ли? — съехидничал я.

— Собирайся. Нечего ёрничать,— еще сильнее нахмурился милорд Фраго.— Лучше идем добровольно.

Я, сам того не желая, бросил быстрый взгляд на скучающих возле двери стражников. Не справиться. Много. И небось еще столько же у черного хода.

— Все выходы перекрыты.— Он как будто услышал, о чем я думаю.— Деться тебе некуда. Разве что, как вампиру, превратиться в туман и смыться сквозь щелочку.

— Вампиры не могут превращаться в туман, их вообще нет. Бабкины сказки,— машинально ответил я.

И прикусил язык.

— Так ты идешь? — Фраго терял терпение.— Ночь скоро кончится, а я привык в это время спать, а не развозить ворье.

Я молча отодвинул стул и поднялся, кутаясь в плащ.

— Вот и хорошо,— тихо сказал начальник стражи и, взяв бутылку дармового и дорогого вина в левую руку, направился к выходу. Я шел за ним, чувствуя, как любопытные взгляды всего заведения буравят мне спину...

Глава 3
ЗАКАЗ

Возле трактира, купаясь в густых, как сливки, сумерках, стояла большая карета, запряженная четверкой пепельно-серых лошадей доралисской масти. Лошади косились на стражников и нервно фыркали. Не только люди хотели провести ночь под защитой надежных стен.

Только сейчас я увидел, что окна экипажа забиты толстыми досками.

— Это чтобы я не сбежал? — буркнул я, забираясь в экипаж и садясь на мягкую скамейку, обитую красным бархатом.

Дорогой экипаж. Не каждому по карману. А четверка доралисских лошадок и вовсе стоит баснословных денег.

— Это чтобы тебя в темноте кто-нибудь не выдернул из окна. Кто-нибудь очень голодный,— ответил севший напротив меня Фраго.

Мы поехали по ночным улицам, и я только успевал подпрыгивать, когда колесо наезжало на особенно выступающий из мостовой булыжник. Барон молчал, иногда бросал на меня хмурые взгляды, и мне оставалось только вслушиваться в цокот копыт лошадей сопровождающих нас стражников, и строить догадки: куда же меня везут?

К чему весь этот маскарад? Чтобы доставить меня в Серые камни, барон с тем же успехом мог повязать мою скромную персону прилюдно. Впрочем, я сам виноват в своих бедах. Слишком расслабился в последние два дня. Высказывал плохое мнение о страже, и надо же такому случиться, что буквально через несколько минут эта стража оказалась прямо передо мной. Быстро меня нашли... Или кто-то по доброте душевной рассказал, где я?

Еще один интересный вопрос: кто желает со мной встретиться? Сразу видно, парень наделен большим влиянием — раз за мной послали самого Фраго Лантэна. Интересно, что этому незнакомцу от меня понадобилось? Отплата за причиненные когда-нибудь неудобства? Надеюсь, что он не из магов. Не хотелось бы провести остаток своей жизни в шкуре жабы или доралиссца.

Я тихонько хихикнул себе под нос, привлекая хмурый взгляд барона. Еще неизвестно, что хуже: тело жабы или козлочеловека. Я бы, наверное, выбрал первое, потому как доралиссцев в Авендуме любили меньше жаб. Лучше быть маленькой и зеленой квакушкой, чем большим и тупым козлом. Ой, что-то ты развеселился, Гаррет! Не к добру. Хотя почему не к добру? Арбалет и нож у меня не отняли, так что, если представится случай, я еще повоюю. Жаль только, что магические артефакты оставил дома, в тайнике. Но и так неплохо.

Внезапно возница остановил карету, и парочка ретивых стражников распахнула дверь экипажа. Ночь дохнула мне в лицо прохладой. Даже летом в Авендуме довольно холодно — сказывается близость к Безлюдным землям, — и лишь к августу на город падает благословенная жара, да и то на пару недель, а затем ветра с Холодного моря принесут дожди. Валиостр — самое северное королевство Сиалы, поэтому с погодой тут не очень.

— Вылазь, вор.— От одного из стражников несло крепким чесночным духом, и я невольно поморщился.

— Это что? Такая увеселительная прогулка? — стараясь не терять присутствия духа, спросил я у барона.

— Хватит пререкаться, Гаррет. Делай, что тебе сказано, и будет у нас мир и любовь.

Я многозначительно пожал плечами, показывая, что любовь барона во всех ее проявлениях нужна мне как доралиссцу зубочистка, хмыкнул и спрыгнул на каменную мостовую, оглядывая окрестности. Улочка была пустой, темные дома нависли над нами как Зам-да-Морт. По другой стороне улицы тянулась высокая стена. Так. Значит, мы где-то возле Внутреннего города.

Из городской канализации уже появились тоненькие и робкие язычки серо-желтого тумана. Он еще стелился, низко прижимаясь к мостовой, и не решался подняться выше. Но пройдет несколько часов, и туман вновь, как каждую июньскую ночь, накроет город густым покрывалом, которое продержится до самого утра.

В этот раз на улице стояла непроглядная темень, облака закрыли небо густыми тушами, и свет лился только с факелов стражи и масляных фонарей, висящих на карете. Стражники внимательно вглядывались во мрак, держа арбалеты под рукой.

— Не двигайся, вор,— со скрытой угрозой в голосе произнес чесночный приятель, а затем стал тщательно обыскивать меня.

Вот в подставленную другим стражником суму лег арбалет, затем чехол с болтами. Чесночник, было, завладел кошельком с монетами, но барон грозно цыкнул из кареты, и стражник торопливо отдернул руку.

— Кошелек оставь, морда,— произнес Фраго.— Чист? Оружия нет?

Стражник еще раз торопливо ощупал меня, достал из потайного кармана на поясе отмычки, из-за голенища сапога тонкую бритву и кивнул.

— Чист, ваша милость. Как доралиссец, возвращающийся после сделки с карликом..

Стражники на лошадях заржали. Барон опять на них цыкнул. Где-то возле стены дома промелькнула тень одинокой крысы, выбравшейся искать пропитание для своих крысят, и один из стражников запустил в нее факелом, шепча проклятия слугам Неназываемого. Факел, естественно, пролетел мимо, ударился о стену и выплеснул сноп кружащихся в ночи искр, устремившихся в облачное небо. Крыса пискнула и исчезла во тьме.

— Хватит там! — рявкнул раздраженный Лантэн.— Повязку — и в путь.

Чесночник достал из кармана темную плотную полоску ткани и завязал мне глаза. Стражники взяли меня за руки, запихнули внутрь экипажа, захлопнули дверь, и карета снова тронулась. Я поднял руки, чтобы немного ослабить давящую на глаза ткань.

— Я бы на твоем месте этого не делал, Гаррет,— крайне вежливо произнес барон у меня над ухом.

— Куда вы везете меня, ваша милость? Или это тайна?

— Можешь считать, что государственная. А теперь помолчи и наберись терпения. Не зли меня.

— Прошу прощения, ваша милость, а что будет, если я разозлю?

Темнота сделала меня разговорчивым и ехидным.

— Если ты не договоришься с тем человеком, к которому мы едем, то попадешь ко мне... злому.

Я счел, что лучше набраться терпения и немного помолчать. Для меня не было проблемой выскочить из несущегося по ночным улицам экипажа и попытаться скрыться. У меня будет несколько драгоценных мгновений, прежде чем стража сообразит, что случилось. Но, пожалуй, я не хочу рисковать, играя в догонялки с арбалетами. Так что лучше сидеть и не дергаться. К тому же меня разбирало любопытство, хоть мне и не нравилось все происходящее.

Тем временем экипаж быстро катил по городу. Скорость была приличной, видно, возница был умелым и не жалел ни кареты, ни лошадей, ни пассажиров. Я отбил всю задницу на колдобинах. Но барон не жаловался. Значит, такая спешка была необходима, и я стиснул зубы, стараясь сидеть ровно, когда нас заносило на поворотах. Правда, я не отказал себе в удовольствии один раз все же не удержаться и по инерции упасть на Фраго и стянуть у него с пояса кошелек. Надо сказать, что было там не густо.

В конце концов мы все же приехали. Меня выгрузили, передали на руки каким-то людям, крепко взявшим под локти. Затем куда-то повели. Мне оставалось лишь переставлять ноги и спотыкаться, когда попадались очередные ступеньки.

За спиной неотрывно сопел барон. Коридоры, лестницы, комнаты, залы. Звуки. Мои ноги шли по глухому каменному полу, выбивая гулкое и звонкое эхо из мраморных исилийских плит, топали по скрипящему деревянному полу. Я давно сбился со счета количества ступенек у лестниц и поворотов многочисленных коридоров огромного здания, по которому меня вели, как слепого гоблина в лесном лабиринте орков. Трещали факелы над ухом, иногда нам кто-то встречался на пути, но, как я слышал, поспешно отходил в сторону, уступая дорогу.

Наконец открылась какая-то дверь, и я почувствовал под ногами густой ворс ковра. Не видя его, не могу сказать, сколько он стоит,

но, скорее всего, сделан он в Султанате, а значит — приличных денег.

— Избавьте его от повязки.

Стоящий позади меня Фраго снял с моих глаз проклятую тряпку. Я на миг зажмурился от яркого света, исходящего от камина, десятка свечей и факелов, горящих в небольшой комнатке.

Затем придирчиво изучил помещение, мельком оценив султанатские ковры, подсвечники, дорогую мебель из дерева, которое встречается в лесах И'альяла, возле самого Хребта мира, полный рыцарский доспех работы мастеров-карликов, стоящий в дальнем углу комнаты. И это не говоря о кубках и посуде, которая, кажется, вся была из золота. М-да. Вот бы где мне развернуться и похозяйничать хоть несколько минут. Ну что же. Теперь надобно познакомиться с хозяином всего этого великолепия, который так вежливо и настойчиво пригласил меня на огонек.

Но вместо одного человека я увидел нескольких.

В кресле рядом с очагом сидел, кутаясь в толстое шерстяное одеяло и сжимая в правой руке серебристый посох, инкрустированный слоновой костью, древний старик. Маг, насколько я мог судить. Даже архимаг, если учесть то, что на посохе было четыре серебристые полоски ранга. А еще точнее — магистр, так как на посохе у него вместо пресловутого камня «сидела» черная птичка.

Старичок казался маленьким и дохленьким. Он был похож на старый хрупкий лесной орех.

Дед недовольно ежился, как будто жар очага у него под боком не мог согреть древние кости. Казалось, ткни мага пальцем или подуй на него сильный ветер, и он просто развалится.

Обманчивое впечатление. Осмелившегося ткнуть главу Ордена магов, архимага и магистра Арцивуса пальцем ждал не очень приятный конец. Этот человек был одной из самых влиятельных фигур королевства и первым советником короля, хоть у многих, впервые увидевших тщедушного старичка, могли возникнуть сомнения насчет трезвости его рассудка.

В кресле напротив Арцивуса, изящно держа бокал белого вина, сидела женщина в очень дорогом, великолепном голубом платье жительниц Миранграда. Довольно рискованный выбор одежды в нашем королевстве, особенно когда война с Мирануэхом не закончилась, а всего лишь уснула на время, пока стороны приходят в себя после кровопролитных боев, прекратившихся около пяти лет назад. Мирануэхцев у нас любят не больше чем Неназываемого, но леди, как я видел, это не беспокоило.

На лицо незнакомки была наброшена вуаль, полностью скрывающая его от моего пытливого взгляда. С этой неизвестной миледи я

уже встречался два дня назад, в ту памятную ночь, когда имел небольшое дело в усадьбе герцога. Судя по драгоценностям, именно она проезжала по переулку в окружении личной гвардии короля.

У стены стоял человек, вооруженный мечом-бастардом канийской ковки. Этот господин с брезгливым любопытством изучал мою скромную персону, словно перед ним была в лучшем случае крыса.

Хотя Крысой был он сам. Так называли его недоброжелатели. Граф Алистан Маркауз, капитан личной гвардии Его Величества Сталкона Девятого, избрал своим гербом серую крысу. Его всегда можно было узнать по тяжелому рыцарскому доспеху с выгравированной головой грызуна на грудных пластинах и шлему, которому придали форму крысиной головы. Как говаривали злые языки, Крыса даже спал и мылся в доспехах, но не думаю, что это утверждение было правдивым.

Алистан был первым мечником королевства и опорой нашего дражайшего короля. Он руководил службой безопасности, был человеком своей, только ему понятной чести, уничтожал и ненавидел всех, кто злоумышлял против его славного господина. Военная рутина, стычки с огрими и гигантами возле Одинокого Великана, война с орками Заграбы, пара пограничных войн с Мирануэхом, когда тамошнему королю после схваток с западными кланами заграбских орков захотелось размять кости.

Выйдя живым из всех этих стычек, милорд Алистан Маркауз стал тем, кем и был в данный момент,— правой рукой короля и опорой трона. Воин смотрел на меня стальными серыми глазами, покусывал пышные, висячие, по моде жителей Низины, усы. Я ответил на его прищур кислым взглядом и перевел взгляд на четвертого человека, находящегося в комнате.

Ну, с человеком я, конечно, загнул. Арктически-голубыми глазами на меня смотрел зеленокожий гоблин. Самый настоящий. Один из тех, что обитают где-то в лесах Заграбы, по соседству с орками и эльфами.

Гоблины — несчастный и забитый народец. Ростом они не выше самого маленького гнома. То есть мне где-то по пупок, не больше. С самой зари времен люди, как всегда все перепутав и посчитав, что гоблины являются союзниками орков, принялись из века в век изничтожать это несчастное и забитое всеми расами Сиалы племя.

Каких только страшных сказок не ходило в те времена о зеленокожих! Что это ужасные и хитрые людоеды, которые, дай им волю, уничтожат все человечество. Что они поклоняются тьме и проводят в полнолуние кровавые обряды, где мучают девственниц, обмазывая их кровавыми мозгами летучих мышей и зажаривая на медлен-

ном огне. И тому подобные страшные и безумные байки. Мне ли вам рассказывать, какие истории способны сочинить испуганные и невежественные люди?

Планомерное уничтожение расы гоблинов шло несколько веков. В лесах Заграбы, презрев опасность нарваться на орков, на них устраивали настоящие облавы. И доловились до того, что некогда многочисленный мирный народец, который страдал не только от ятаганов орков, но и от мечей и пик людей, был почти полностью истреблен. А когда наконец разобрались (то есть проглотили гордость и спросили у эльфов), то осталось всего лишь несколько небольших племен, спрятавшихся в самой глухой чаще Заграбы с помощью магии своих шаманов.

Итак, благодаря тому, что кто-то все-таки решил понять, почему ужасные зеленые карлики не бросаются, оскалив зубы, на людские мечи, а в ужасе убегают в лесную чащобу, — недоразумение в конце концов было исправлено и коротышек-гоблинов оставили в покое. А лет сто назад даже начали нанимать на службу. Как оказалось, они были очень умны, находчивы, остры на свой бордовый язычок, проворны, а потому как нельзя лучше подходили для службы посыльными и шпионами. К тому же Орден магов очень интересовался гоблинским шаманством, берущим начало от обрядов шаманов орков и темных эльфов.

Шаманство, если кто не знает, является самым древним колдовством в этом мире. Оно появилось на Сиале первым — вместе с ограми, самой древней расой. А потому маги людей питают к этому колдовству огромный интерес, как к изначальному первоисточнику, которое у огров переняли орки, затем эльфы, а потом и гоблины.

Кстати говоря, зеленокожий парень, который расположился прямо на ковре, оказался шутом. Об этом говорил его колпак с колокольчиками, шутовское трико, раскрашенное красно-синими квадратами, и шутовской жезл, который он сжимал зеленой рукой. Гоблин сидел, скрестив коротенькие смешные ножки и иногда вращая головой, из-за чего его бубенчики издавали веселый и мелодичный тренькающий звук.

Заметив, что я изучаю его с изумлением, он усмехнулся, сверкнув острыми как иглы зубами. Шмыгнул длинным крючковатым носом, подмигнул голубым глазом и показал мне бордовый язык. Великолепно! Только этого мне и не хватало для полного счастья!

Я перевел взгляд на последнего незнакомца в комнате, перед креслом которого и уселся гоблин. Внешне этот человек был очень похож на преуспевающего трактирщика. Такой же толстенький, маленький, с плешивой головой и аккуратными руками. И одежда его была более чем скромной. Коричневые просторные брюки, которые

носят обычные стражники. Простой толстый свитер из овечьей шерсти, отлично подходящий для январских морозов. Такие вяжут крестьяне, живущие под боком у Одинокого Великана. Интересно, ему в нем не жарко?

В общем, передо мной был абсолютно серенький и незаметный человечек. Особенно если не обращать внимания на толстое золотое кольцо с огромным рубином на его правой руке и глаза. В этих карих глазах жил ум, сталь и власть. Власть короля.

Я низко поклонился и замер.

— Так, так,— пробасил Сталкон Девятый.

Именно его голос я слышал, когда меня ввели в комнату.

— Это и есть знаменитый на весь Авендум вор? Гаррет-тень?

— Именно так, ваше величество,— подобострастно произнес стоявший рядом со мной барон Лантэн.

— Ну что ж.— Король погладил сидящего шута по голове, и тот замурлыкал от удовольствия, копируя кошку.— Ты быстро нашел его, Фраго. Намного быстрее, чем я рассчитывал. Благодарю тебя.

Барон сдержанно склонил голову, прижав руку к сердцу, хотя и дураку было видно, что он несказанно рад похвале.

— Подождите за дверью, барон, будьте так любезны,— прокашлял из своего кресла архимаг Арцивус.

Начальник стражи еще раз поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Я много слышал о тебе, Гаррет. — Король внимательно посмотрел мне в глаза.

— Не думал, что у меня такая громкая слава, Ваше Величество.— Я чувствовал себя неловко в окружении первых лиц государства.

— А он смел,— пискляво провозгласил шут и состроил мне очередную рожу, сведя глаза к переносице.

— И скромен,— с усмешкой произнесла таинственная женщина, водя пальчиком в перчатке по краю хрустального бокала.

Я был словно корова на рынке, которую обсуждает парочка крестьян-покупателей.

— Присаживайся, Гаррет,— милостиво махнул в мою сторону король, и я сел в кресло с высокой резной спинкой, изображающей какой-то эпизод из битвы, произошедшей на поле Сорна.

— Ты позволишь? — небрежно спросил король, беря со столика, стоявшего рядом с креслом, мой арбалет.

Клинок, отмычки и бритва лежали там же.

— Карлики делали?

Не давая мне времени даже кивнуть, Его Величество направил оружие на стоящий в дальнем углу комнаты стародавний доспех и

нажал на спусковой крючок. Щелкнула тетива, арбалетный болт взвизгнул и вошел в смотровую щель рыцарского шлема.

Шут карикатурно захлопал в ладоши.

Стрелять Сталкон умел. Вообще-то он многое умел делать. Особенно держать королевство в кулаке. Простой народ обожал его, хотя он жестоко подавлял бунты, которые пару раз случались во время весеннего голода. И еще все знали, что Его Величество кроме короны получил в наследство знания от отца, деда и прадеда. Великий ум всей династии Сталконов, о котором в стране ходили легенды.

Он не завышал налоги, но и не делал их мизерными. Он ослабил поводок торговцам и купцам, но сделал так, чтобы они платили подать, если хотели торговать в Валиостре. А также брал деньги с гильдии воров и убийц. Не ссорился с магами, прислушиваясь к их советам, но в итоге делая то, что считал нужным. Он не притеснял другие дружественные людям расы, и те платили королю если не дружбой, то терпимостью к людям и подчинялись законам королевства.

Единственной ошибкой короля, о которой шептались его враги, была идея союза с гномами, после заключения которого карлики рассорились с Валиостром и заперлись в своих горах. Конечно, небольшая община карликов в Авендуме осталась. В основном самые жадные, мечтавшие загрести еще немного золотишка с продажи дорогих поделок, хотя и они не одобряли того, что люди сговорились с врагами всех карликов — гномами. Правда, тут я был на стороне короля. Если выбирать между мечами, которые делают карлики самым богатым жителям королевства, и пушками, которые делают гномы, естественно, нужно брать пушки — то, что более эффективно в бою и дешевле стоит.

— Интересная игрушка. Но речь сейчас пойдет не о твоем арбалете,— произнес король, положив разряженное оружие обратно на столик.— Не мог бы ты мне сказать, вор, как к тебе попала эта вещь?

Довольный шут достал откуда-то из-за кресла золотую статуэтку собаки и показал ее мне. В один миг моя спина покрылась липким холодным потом. Хоть мне и удалось сохранить на лице маску вежливого почтения, в голове звенела паника. Кажется, кто-то кричал: «Караул!»

В руках гоблина была та самая безделушка из дома герцога. Так вот кому понес ее человек Гозмо! Ай да Гозмо! Если нам доведется встретиться, его ждет очень неприятный разговор!

Выходит, что все улики показывают на меня. Допрыгался до преступления против короны! Четвертование, которое ко мне применят, будет считаться благодатью богов и милостью королевского

суда. Как бы чего хуже не сделали! Я решил, что лучше помолчать и послушать.

— Умен и осторожен. Редкие качества,— произнесла женщина, разглядывая меня из-под плотной вуали.

Шут тихонько хихикнул только ему понятной шутке и прошелся по комнате колесом. Потом, все так же сжимая в руках статуэтку, встал рядом с Алистаном, скопировав его позу, серьезное лицо, и замер, положив руку на голову золотого пса и превратив его в импровизированный меч. Я чуть не расхохотался. Действительно похоже на Крысу и очень смешно. Гоблин не зря получал деньги.

— Это по нашему заданию ты, Гаррет, попал в дом к моему дражайшему покойному кузену. Прежде чем решить, подходишь ли ты для дела, тебя надо было испытать. А идеальнее усадьбы двоюродного братца со свободно гуляющим по ночам гарринчем просто не придумать. Согласись?

— Еще идеальнее — это королевская сокровищница,— ляпнул я.

Терять Гаррету было уже нечего. Понятно, что утром мне предстоит путешествие в Серые камни. На всякий случай я еще раз напомнил себе при возможности поговорить с Гозмо, подсунувшим мне этот Заказ.

— Ого! А у Гаррета-тени губа не дура! — пискнул гоблин.

Я ожег его взглядом, но он только ехидно ухмыльнулся и вновь показал язык.

— Сам знаю, Кли-кли,— ответил Сталкон шуту, затем взял в руки мой клинок, вынул его из ножен и, изучая, небрежно спросил: — Что случилось ночью в доме? Как он умер?

Я проглотил ставшую вязкой слюну и под присмотром пяти пар внимательных глаз начал свой рассказ. Никто меня не перебивал, архимаг Арцивус, казалось, дремал в кресле, а физиономия гоблина, на удивление, была задумчивой и встревоженной. Когда я закончил историю, в комнате повисла гнетущая тишина, лишь огонь тихонько потрескивал в камине.

— Говорил же я вам, Ваше Величество, не доверять герцогу,— зло бросил Алистан. Он почему-то сразу поверил моему рассказу, и теперь его глаза гневно сверкали.— Я усилю охрану вдвое.

Король задумчиво поглаживал подбородок, внимательно изучая меня. Он помолчал. Затем резко кивнул головой, решившись.

— О моей безопасности поговорим позже, дружище Алистан. А пока у меня дело к нашему гостю. Гаррет, ты знаешь, кто такой Неназываемый? — неожиданно спросил у меня Сталкон.

— Он зло и тьма.— Вопрос поставил меня в тупик.

Неназываемый и Неназываемый. Тот, чьим именем пугают вас в далеком детстве, когда вы не желаете вовремя ложиться спать.

Алистан фыркнул, как бы говоря, что от вора он ничего большего и не ожидал.

— Смотря как это понимать,— произнес монарх.— Зло. Хм... А знаешь ли ты, что Неназываемый известен кроме Валиостра только в Пограничном королевстве, да и то потому только, что орки атакуют эти земли с его именем на устах? Ну, может быть, еще в Исилии, частью в Мирануэхе, но там Неназываемый не больше чем страшная сказка. Он ведь не черное зло и отнюдь не тьма, просто очень сильный волшебник, который засел в Безлюдных землях и вот уже сколько времени мечтает увидеть Валиостр разрушенным.

— Позвольте...— вклинился в разговор архимаг, доселе молчавший.— Я расскажу вам, молодой человек, легенду. Правда, никакая это не легенда, а истинная правда... Лет пятьсот назад, когда наше королевство еще не было таким великим и могучим, в Авендуме жили два брата. Один из них был великолепным полководцем, другой — талантливым магом, изучавшим проблематику шаманства. Тогда магия была для людей еще загадочным искусством, она постоянно совершенствовалась, мы набирались ума, перенимая опыт у темных эльфов, орков и гоблинов. Далее мы добавляли немного своего и получали то, что теперь имеем. К сожалению, магия камня гномов и карликов нам не дана. Гм... Но я отвлекся... Дело было в последний год Тихих времен, как называют эти годы сейчас. Грок, полководец... надеюсь, тебе известно это имя?

Я кивнул. Все знали площадь Грока и памятник ему. Старик удовлетворенно покряхтел, ерзая и поудобнее устраиваясь в кресле, а затем продолжил рассказ:

— В последний год Тихих времен армия орков напала на наш город и попыталась взять его приступом. Тогда еще не было знаменитых стен Авендума, и Грок, командуя всего лишь несколькими тысячами уставших солдат, оставшихся в живых после ряда сражений, сдерживал натиск врага, вышедшего из лесов Заграбы. М-да... Брат не пришел ему на помощь. Не знаю почему, об этом, к сожалению, история умалчивает. Ссора, зависть, болезнь, нелепая случайность — но в итоге самый сильный маг того времени не пришел на подмогу оборонявшимся воинам. Однако Грок и его люди все же выстояли. Они держались до прихода темных эльфов. До времени, когда от армии Валиостра осталась тысяча, а затем всего неполных четыре сотни человек. После победы маг был схвачен и казнен за предательство.

Старик замолчал и уставился на огонь своими слезящимися глазами.

— Как звали того мага? — не удержался я.

— Его звали так же, как и брата-близнеца, — Гроком. Это был позор для Ордена магов. Страшный позор. Мы стерли имя отступника из всех анналов. С тех пор он стал называться Неназываемым. Но ему удалось выжить. Точнее, выжил его дух. Колдун еще при жизни изучал Кронк-а-Мор, запретное колдовство огров. С помощью этого вида шаманства дух умершего может жить некоторое время без телесной оболочки, а затем вселиться в другое тело. Так и случилось. Он ушел на север, в тундру, далеко-далеко в Безлюдные земли, вынашивая планы мести. Сила Кронк-а-Мора была такой, что огры, великаны и часть орков признали Неназываемого своим господином и повелителем. Хотя, по правде говоря, насчет орков я очень сомневаюсь. Эта раса слишком хитра и независима, скорее всего, им просто удобно изображать из себя жестоких варваров и нападать на врагов, прикрываясь именем Неназываемого. Как говорят эльфийские дома — большая политика! Что же до огров, великанов и отдельных людишек, то они преданы Неназываемому и душой и телом. Эти враги Валиостра уже давно бы покинули свои земли и пошли войной, если бы их не сдерживала крепость — Одинокий Великан. А Неназываемый, хоть и получил вечную жизнь, до сегодняшнего дня не решался вторгнуться в Валиостр, потому что мы гасили его силу, пока равновесие не пошатнулось.

— Ну хорошо.— Что-то у меня не складывалось в голове.— Огры, орки, великаны. А те твари, которые ночами охотятся на улицах столицы? Они тоже подчиняются Неназываемому? А этот таинственный Хозяин, о котором говорил герцог?

— Не знаю,— насупился маг.— Может, это слуги Неназываемого, может, еще чьи-то вырвались из глубин, когда равновесие в магическом источнике нарушилось.

— Кстати,— перебил старика король,— долго мои подданные будут страдать от этих тварей?

— Совет делает все возможное и невозможное, Ваше Величество. Мы подготовили заклинание, и к концу недели ни одно дитя ночи не сможет проникнуть в наш город. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Почему же Совет магов не уничтожит Неназываемого? — спросил я, возвращая разговор к первоначальной теме.

— Кронк-а-Мор надежно защищает отступника. Мы, к сожалению, ничего не понимаем в шаманстве огров. Да и вряд ли теперь когда-нибудь научимся. Неназываемый ждал века, набираясь сил и собирая армию. Лишь Рог Радуги, великий артефакт прошлого, который эльфы подарили Гроку, отняв его у огров в давние времена, сдерживал Неназываемого и его армию за горами Отчаяния. Как говорят эльфы, огры сами создали этот артефакт в противовес своей

магии, чтобы нейтрализовать ее, если Кронк-а-Мор вдруг вырвется из-под их контроля. Только благодаря Рогу Неназываемый никогда не решался выступить против нас войной. Рог каким-то образом полностью нейтрализует его магию... — Арцивус закашлялся.— Лишь пока Рог имеет силу, Неназываемый не осмеливается пройти Одинокого Великана. Что он может без своей магии?

— Не надо причислять этого волшебника к тьме,— продолжил король.— Просто он хороший и талантливый маг, который удачно использовал свои знания и теперь хочет отомстить за то, что его наказали. Считай его немного свихнувшимся на почве ненависти. И теперь, когда сила Рога ослабла за века, Неназываемый поднимает голову. Я уверен, что враг скоро нанесет удар по нашему королевству.

— Он почти нанес удар,— тихо сказал Алистан.— Эльфы-разведчики докладывают, что Неназываемый готовит армию к походу. По всем Безлюдным землям собираются тысячи великанов, огров и других тварей. В Рачьем герцогстве без остановки куют оружие. К весне следующего года, может быть раньше, Неназываемый и его войска будут под стенами города. Одинокий Великан не выстоит, а я даже не могу послать им подкрепления.

Сталкон кивнул:

— Об этом сразу прознают орки. Они нападут с тыла, да и Мирануэх сейчас не очень-то спокоен. А нашему королевству помощи ждать неоткуда. Разве что могли бы помочь темные эльфы и Пограничное королевство, но если орки решатся напасть — они нападут и на Пограничье. В другие земли Неназываемый вряд ли пойдет, поэтому ни Гаррак, ни Империя, ни Филанд нам не помощники. Исилия, как всегда, соблюдает нейтралитет и отсидится в сторонке. Мирануэх только злорадно потрет руки. Придется обходиться своими силами.

— Да и не только Неназываемый оживился,— сказал волшебник.— Орки поднимают головы в лесах Заграбы, тролли в горах стали нападать на поселения карликов, на южных границах видели дракона. Дракона! Больше двухсот лет ни один не подлетал к границам нашего королевства. Мир завис на грани войны. Страшной войны.

— Я начал собирать армию,— нахмурился король.— Надеюсь успеть к концу года выставить против Неназываемого хотя бы пятьдесят тысяч. Какую-то часть придется оставить на границах с Заграбой и Мирануэхом. Плюс ополчение. Но это так, жест отчаяния. Нужно объявить набор, хотя я и боюсь, что начнется паника, цены на товары подскочат до небес и появятся беженцы. Слава богу, что

эльфы Темных домов на нашей стороне, плюс еще и гномы с пушками.

— Прошу прощения, Ваше Величество,— осмелился я.— Насчет гномов я не сомневаюсь, им мешок золотых отсыпать — так они на родную бабку войной пойдут, а вот эльфы... Вы в них уверены?

— Нам нет нужды врать,— произнесла женщина, откидывая вуаль.— Я сама видела готовящуюся к войне армию Неназываемого за Иглами Стужи.

Я открыл рот. На меня смотрела эльфийка. Настоящая темная эльфийка.

Очарование эльфов... Его придумал тот же самый сказочник, который сочинил кровожадность гоблинов. Только в сказках эльфы прекрасны, только в сказках они бессмертны, только в сказках у них золотистые волосы, зеленые глаза, мелодичные голоса и легкая поступь. Только в сказках эльфы мудры, правильны, справедливы и великодушны. А в жизни...

В жизни неподготовленный человек может принять эльфа из лесов Заграбы и И'альялы за орка. Потому как на самом деле сказочной красоты эльфов, раздутой до небес пьяными рассказчиками в тавернах, просто нет.

Ну да... Есть привлекательные лица и у этой расы, но то, что они — не эталон красоты, это уж точно. Эльфы похожи на людей, если не считать их смуглой кожи, желтых глаз, черных губ и пепельно-серых волос. А уж торчащие из-под нижней губы клыки совсем пугают сиволапого обывателя и знатока бабушкиных сказок.

Не верьте в доброту эльфов, просто, если вам не повезет, поприсутствуйте на эльфийской пытке, когда они устраивают Зеленый лист своим ближайшим родственникам — оркам.

Да-да. Орки и эльфы появились на Сиале в один и тот же год. Хотя орки оказались здесь немного раньше эльфов, и пепельноволосые никак не могут им простить этого. И эльфы и орки были первыми, кого боги привели на Сиалу, если не считать огров. Раса орков получила гордость и ярость, а эльфы — хитрость и коварство. Но те и другие получили еще один дар — ненависть.

Они до сегодняшнего дня воюют, истребляя друг друга в кровавых схватках, которые тысячами происходят в бескрайних лесах Заграбы. Это потом появились гномы и карлики, доралиссцы и люди, кентавры и великаны, а также множество других рас, населяющих Сиалу. А первыми были неудачные дети — орки и эльфы. Это уже потом эльфы разделились на темных и светлых, хотя разница между ними только в том, что темные обращаются к шаманству, а светлые — к волшебству.

Темные и светлые не враждуют между собой, они просто относятся друг к другу с изрядной долей пренебрежения. До сих пор темные эльфы не могут понять сородичей, пользующихся чужой, не исконной для этой расы магией. Около двух тысяч лет назад они не смогли жить вместе и разделились. Темные остались в лесах Заграбы, а светлые ушли в леса И'альяла, что находятся возле самого Хребта мира.

— Познакомься, Гаррет,— сказал король, указывая на эльфийку.— Это леди Миралисса из дома Черной луны.

Я сдержанно поклонился. Окончание имени «сса» означало, что эльфийка из Верховной семьи Дома. Попросту говоря, особа королевской крови.

— Очень приятно, миледи.

— И мне.

— Любезности потом! — произнес король.— У нас мало времени, и тебе, Гаррет, придется нам помочь.

— Остановить Неназываемого? — скептически сказал я.

Если это так, то король или его советники точно выжили из ума.

— Да,— произнес архимаг.

Ну точно, в этой комнате все ненормальные! Алистан внимательно смотрел на меня, стараясь обнаружить след насмешки над его королем. Я сдержался. С трудом, но сдержался. Но не Кли-кли. Гоблин захохотал и, упав на ковер, схватился за живот.

— Жизнь королевства в руках вора! Как бы он его не спер!

Я лично не находил в этом ничего смешного, как и все остальные.

— Помолчи, Кли-кли,— сурово произнес Алистан, не сводя с меня внимательных глаз.

— Все, замолкаю, каюсь, умираю.— Гоблин трагически развел зелененькими ручками.— Если Крыса осталась серьезной после моей шутки, то пора увольнять меня с должности придворного шута. Придется снова мне, бедному и несчастному, уходить в родные леса и ждать, пока особо ретивый орк не позавтракает моими бедными косточками или не запустит в лабиринт.

Шут трагически, как актер на подмостках рыночной площади, вздохнул, а затем взглянул по сторонам и, заметив, что на него никто не обращает внимания, весело мне подмигнул.

— Я, конечно, польщен такой честью,— осторожно произнес я, стараясь не тревожить психов.— Но не кажется ли вам, что сил и опыта у меня поменьше, чем у Ордена и Диких Сердец, и остановить волшебника в одиночку будет сложновато?

Гоблин прыснул и вновь шлепнулся на ковер. Видно, моя личность его уж очень сильно забавляла. А вот меня этот маленький зеленый негодяй начинал раздражать.

— Ох, Гаррет! — Шут вытирал с глаз неподдельные слезы.— Ты не только умен и смел, но еще и самоуверен.

— Так в чем моя задача, Ваше Величество? — Я продолжал ломать комедию, дожидаясь момента, когда меня, может быть, отпустят.

Вот тогда я сделаю ноги. И плевать куда, хоть в сам Султанат, но так далеко, как только можно. В те земли, где нет безумных королей, ненормальных шутов и впавших в старческий маразм волшебников.

— Нам нужен Рог Радуги,— произнесла эльфийка.— Только он сможет остановить Неназываемого, потому что, боюсь, даже армия не устоит против всей рати Безлюдных земель.

— Рог Радуги? — тупо переспросил я.— А при чем здесь он?

— Я же уже объяснил,— раздраженно нахмурился Арцивус.— Ты что, стал плохо слышать от страха?

— И думать,— вставил свое веское слово Кли-кли.

Я ожег шута очередным взглядом, чем еще больше его развеселил.

— Пойми, Гаррет. Магия огров неидеальна и во многом топорна, как говорят люди, хотя и очень мощная, но закон равновесия...— Эльфийка кисло поджала черные губы, еще сильнее обнажив клыки.— Рог со временем теряет свои магические свойства. Его нужно...

— Активировать,— подсказал архимаг, глядя в огонь, который весело поедал дрова в очаге.

— Да. Магически подзаряжать через определенное время. Иначе все его свойства сойдут на нет. Сейчас Рог как раз слабеет, потому Неназываемый и зашевелился за Иглами Стужи. Нам нужно, чтобы ты достал артефакт для Ордена.

— А он что, не у вас? — опешил я.

В голове у меня крутилась сказка о том, как один солдат по своей глупости отдал самое ценное — свой меч — в руки врагу. Конечно же мне моя голова дороже, и я про эту сказку промолчал, хотя думаю, что гоблина она бы позабавила.

— В том-то и дело, что нет,— зло произнес Крыса.— А все по глупости Ордена.

— Орден сделал это из лучших побуждений! — резко вскинулся архимаг.

— То-то мы их и расхлебываем!

— Ваше дело, милорд Алистан, защищать жизнь короля и махать железякой, а не лезть в дела Ордена! — Старик просто кипел от возмущения. Его трясущаяся борода напомнила мне бороду дораліссца, у которого украли его самую любимую лошадь.

— Хватит! — рассвирепел король. Теперь он нисколько не походил на добродушного трактирщика.— Объясните вору его задачу.

— Около трехсот лет назад,— глухо начал Арцивус, бросив недобрый взгляд из-под седых бровей в сторону капитана гвардии,— Совет Ордена решил воспользоваться Рогом Радуги и уничтожить Кронк-а-Мор, который связывает Неназываемого с этим миром. У нас... У нас немного не получилось...

Алистан громко фыркнул.

— Вас, ваше магичество, только дипломатом в Мирануэх отправлять! Может, и Спорные земли получим! Немного...— хихикнул шут, смакуя это слово, но, встретив свирепый взгляд волшебника, заткнулся.

— Да... Ничего из нашей попытки не вышло. Мы пытались управлять магией огров, которой совершенно не знали. Где-то не там замкнули силовой поток или переместили опейрон на несколько градусов относительно пятой астральной позиции... М-да...— Арцивус понял, что стал заходить в никому, кроме него, не понятные дебри.— Все вышло из-под контроля, и магический всплеск ударил по Авендуму. Точнее, по его части. Той, которую теперь называют Закрытой территорией.

— Так вот каким образом она появилась...— протянул я.

— Понимаешь, как были бы благодарны жители славной столицы Валиостра, если бы они узнали, благодаря кому получили Пятнышко на карте? — Гоблин сделал большие глаза, превратив их в два голубых озерца.

Архимаг тяжело вздохнул — видно, шут успел достать не только меня — и продолжил:

— Орден решил от греха подальше спрятать Рог. Его зарядили, а потом отнесли к усыпальнице Грока да там и оставили. Вот, собственно, и вся история.

— И вы хотите, чтобы я добыл Рог из могилы? — удивленно спросил я.— Но зачем вам именно я? С этой работенкой справится любой могильщик, у которого есть лопата! И кстати, где похоронен Грок?

В маленькой комнате повисла напряженная и гнетущая тишина. Эльфийка и Арцивус изумленно переглянулись между собой. Граф Крыса криво улыбался, глядя на меня с презрением. Про шута и его отвисшую челюсть я вежливо промолчу. Лишь король все так же задумчиво крутил в руках мой нож, иногда бросая на меня взгляды и прикидывая, не ломаю ли я комедию.

— Гм-гм. Молодой человек, а вы вообще историю знаете? — осторожно спросил маг.

— Да на кой Х'сан'кор она мне сдалась?! Я же вор, а не ученая дева! — Я порядком устал от этого балагана.

Эти ребята знают, как довести человека до белого каления.

— Да он вообще и читать-то, наверное, не умеет,— с важным видом изрек гоблин.

Я проигнорировал этот выпад.

— Рог похоронен вместе с Гроком в Костяных дворцах, Гаррет,— тихо произнесла эльфийка, оживаясь, как будто ее смуглой кожи коснулся холодный ветерок, пришедший из-за гор Отчаяния.

И тут я рассмеялся, поняв, что эта сумасшедшая пятерка чудаков меня разыгрывает.

— Он свихнулся.— Шут в ответ на мой смех обреченно покачал зеленой головой, и колокольчики на колпаке грустно звякнули.

— Они шутят, ваше величество? Ведь так? А почему Храд Спайн? Может быть, проще составить новую вастарскую сделку и пригласить драконов для защиты любимой родины? Или приручить для вас Х'сан'кора? Поверьте, с этим я справлюсь проще и быстрее, чем с путешествием в Храд Спайн!

— Они не шутят,— серьезно сказал король, и новый взрыв смеха застрял у меня в горле. Чудесненько! Всего лишь спуститься в Храд Спайн за какой-то дурацкой волшебной дудкой...

— Нам нужен этот Рог, мастер Гаррет.— Эльфийка разговаривала со мной ласково, как с маленьким и капризным ребенком.— И нужен срочно. До наступления зимы.

— Но почему я?!

— Потому, что только хитрый и изворотливый человек пройдет там, где большой отряд воинов или магов завязнет. Например, лучший вор королевства. Да, да. Не скромничай. О тебе известно намного больше, чем ты думаешь.

— Значит ли это, что достать Рог уже пытались? — Я старался как можно дольше оттянуть время своего отказа.

— Сто тысяч демонов! Да!! — Алистан несколько раз сжал, а затем разжал кулаки.— Неужели ты думаешь, что мы обратились бы к вору, не будь больше никакого способа проникнуть в проклятые катакомбы? Первую экспедицию мы отправили еще зимой. Никто из тех, кто спустился в подземелье, не вернулся, а тех, кто ждал наверху, посекли орки. Второй отряд ушел ранней весной. Мы, учтя неудачу первой экспедиции, отправили в поход более ста человек. Опытные солдаты, восемь магов Ордена плюс поддержка темных эльфов, выступивших нашими проводниками в лесах Заграбы... И ничего, демон меня подери! Восемьдесят человек ушли в могильники, а вернулся только один, седой, как снежная сова, и полностью лишенный разума. Остатки второй экспедиции пришли в Авендум

неделю назад. Все восемь магов так и остались под землей. Как и семьдесят два человека, больше половины из которых были моими солдатами!

Я потрясенно слушал. Восемь магов, и, наверное, не последних, как и несколько десятков солдат отборной гвардии короля, ушли в неизвестность, в темную дыру под зелеными сводами Заграбы...

— И теперь вы решили, что вор сделает то, что не сделала сотня,— констатировал я.

Интересно, в чью светлую голову пришла такая идея, а главное, почему?

— Я могу отказаться? — Это был вопрос чистой риторики, как говаривает брат Фор.

— Да. Барон Лантэн все еще за дверью. Прогуляешься с ним до Серых камней,— усмехнулся Алистан.

Понятно. Значит, вот как. Либо суй голову в Храд Спайн, либо подыхай в Серых камнях, и еще неизвестно, что лучше. Будь моя воля, я бы выбрал Камни, но тут, пожалуй, можно рискнуть и обмануть весь этот безумный Совет.

— Согласен,— кивнул я и встал с кресла.— Можно идти? Выполнять задание?

Что же, я получил реальный шанс дать деру, пока совсем не запахло жареным.

— Конечно.— Король вяло махнул рукой, и его огромный перстень сверкнул в пламени свечи.— Ты принимаешь Заказ?

Вот тут-то я сел обратно в кресло. Хотел обмануть всех, посчитав себя самым изворотливым угрем, а в итоге обманули меня. Да-а, правду говорит молва — во Внутреннем городе водится много щук, способных одним движением заглотнуть угря.

Когда мастер-вор идет на задание клиента, то он принимает Заказ, который скрепляет сделку вора и заказчика покрепче золота. Беря Заказ, вор обязуется исполнить его или, в случае неудачи, вернуть задаток с процентами от общей суммы сделки, а клиент — обязательно заплатить после выполнения задания.

Заказ — нерушимый договор мастера-вора и заказчика. И нарушить, порвать, вильнуть в сторону без соглашения обеих сторон невозможно. Сагот четко следит за исполнением договора. Как говорят мастера, можно обмануть тьму и расторгнуть сделку даже с ней, но не с Саготом. Наказание последует незамедлительно. Ну, вроде попадания в цепкие руки стражи на месте преступления или заключения в тюрьму. Удача отвернется от ночного охотника, или он наткнется на нож в безопасном переулке. Да и заказчику не поздоровится, если он без всяких причин откажется платить. Покровитель

воров закрывает глаза на мелких воришек и обычное ворье, но не на мастеров-воров, работающих по выгодным наводкам.

Как вы поняли, я влип. В который раз за несколько дней!

Отказаться от Заказа — это значит расписаться в своей недавней лжи о согласии сотрудничать и отправиться в самую некомфортабельную камеру Серых камней с видом на Холодное море. Согласиться — значит уже не сбежать, потому как Заказ будет держать меня крепко. От него не отступишь, разве что король вдруг передумает, чтобы я искал этот проклятый Неназываемым Рог. Эх, прощайте ночные улицы Авендума и сундуки мирно спящих богатеев!

— Какие условия? — обреченно спросил я у Сталкона.

— До начала января ты должен доставить в столицу Рог Радуги.

— Плата?

— Пятьдесят тысяч золотом.

— Задаток? — Я постарался, чтобы мой голос не дал петуха.

Пятьдесят тысяч... Конечно, не половина королевства и не рука принцессы из сказки, но есть где развернуться... На такие деньги безбедно жить могут несколько поколений. Состояние некоторых баронов и графов втрое меньше названной суммы.

— Сколько нужно?

Я на миг задумался, заколебавшись. Все равно постоянно таскать с собой больше трехсот золотых — это надорвать пупок.

— Сотни хватит.

— Получишь деньги при выходе из дворца. Кстати, не забудь свои игрушки. Это все?

— Прошу вас сказать официальную фразу, если она, конечно, знакома Вашему Величеству.

— Я прошу принять Гаррета-тень мой Заказ,— произнес король официальную формулировку договора вора и заказчика.

— Я принимаю Заказ,— вздохнул я.

— Услышано.— Эльфийка сверкнула клыками и накинула на лицо вуаль.

Не было ни громов, ни молний. Просто где-то там Сагот запомнил и теперь будет внимательно следить за исполнением условий сделки. Или не он, а его слуги. Самое главное, что Заказ придется выполнить. Костьми лечь, но сделать, потому что от судьбы не убежишь. И не исполнить его совсем невозможно. Нельзя уйти в Храд Спайн, притаиться у выхода, а потом сказать: извините, не вышло, хоть и пытался. Не зря говорили, что Сталкон умен. Он закрыл все щелочки и лазейки, назвав огромную сумму. И, если у меня ничего не получится, я должен буду вернуть задаток и огромнейший процент от основной суммы. А таких денег у меня нет. Выходит, что Заказ будет нарушен.

— Пряздрявлям, Гаррет! — Кли-кли отвесил мне изящный поклон и подергал ножками, видимо пытаясь скопировать какой-то жест из неизвестного мне придворного этикета. Смешно, не скрою, но мне сейчас не до смеха.— Теперь ты человек короля.

Я не знаю, чего он ко мне привязался. Может, моя рожа приглянулась? Кто поймет этих безумных гоблинов?

— У меня вопросы.

Все «ваши величества» были отложены на потом. Сейчас был только заказчик, мастер-вор и Сагот, следивший за нами с небес, или где он там живет.

— Да?

— Я отправляюсь один?

У меня промелькнула мыслишка, что если поеду один, то точно не доберусь. Или заблужусь в лесах Заграбы, или пристукнут где-нибудь по дороге.

— Нет. Но мы решили, что в этот раз отряд должен быть маленьким и двигаться надо скрытно. Чьи-то глаза следили за первыми экспедициями. Слуги Неназываемого или кто-то еще, мы не нашли осведомителей.

— Насколько небольшой отряд? — нахмурился я.

— Леди Миралисса и два ее соотечественника будут проводниками в лесу и прикроют вас магией.

— Стоп! — Я даже не обратил внимания, что перебил самого короля. Алистан нахмурился, но мне на это было плевать. Перед Заказом все равны.— Вы упомянули магию... А сколько волшебников Ордена поедет с нами?

— Ни одного,— отрезал очнувшийся от созерцания огня Арцивус.

Я немного помолчал, нервным жестом взлохматил волосы и произнес:

— Мне только что послышалось, будто вы сказали...

— Ни одного,— так же твердо произнес архимаг.— Мы и так потеряли в этих проклятых Костяных дворцах восьмерых лучших. Все маги понадобятся на стенах города, если ваше предприятие окончится неудачей.

Час от часу не легче. Проще скинуть нас всех в лабиринт орков. Меньше трепыхаться будем. Без хорошего мага в лесах Заграбы, а тем более в Храд Спайне, делать нечего.

— Кроме троих эльфов с вами отправится десяток Диких Сердец, которые сопровождали леди Миралиссу от Одинокого Великана. И еще милорд Алистан. Он будет командовать отрядом.

Алистан бросил на меня кислый взгляд. Видно, ему не улыбалось путешествовать в компании вора. Крыса и Дикие составят не-

большой кулак, которым можно будет отбиться от маленького отряда нападающих, если такие встретятся на пути. Так сколько же нас? Выходило, что пятнадцать. Хотя какое мне до них дело? Мне бы выполнить свою работу.

— Хорошо. Когда выступать?

— Чем скорее, тем лучше.

— Тогда к концу недели,— посчитав дни, сказал я.

— Что?! — Алистан сделал шаг в мою сторону.— Ты издеваешься?!

— Я? Нисколько.— Я покачал головой, давая понять рыцарю, что у меня и в мыслях не было насмехаться.— Мне нужно купить снаряжение, основательно подготовиться к походу. Я лично хочу вернуться из Храд Спайна живым. Месяц, может два, скачки до лесов Заграбы, пусть приблизительно и с огромным запасом, месяц в Храд Спайне и столько же назад, до Авендума. Вполне успеем вернуться к ноябрю — декабрю. С учетом отсутствия неприятностей, естественно. Ваше величество, мне нужен доступ в Королевскую библиотеку.

Шут сказал глупость. Я прекрасно умею читать.

— Это еще зачем? — удивился старик-маг.

— Не хочу в Храд Спайне бродить заблудившимся идиотом. Там и Неназываемый ногу сломит. Мне нужны планы и старые карты. Хотя бы той части, которую называют человеческой. Грок ведь похоронен не на нижних ярусах?

— Нет. Его могила на восьмом уровне.

Про себя я облегченно вздохнул. Хоть какая-то хорошая новость. Пускай и маленькая. Лезть в ярусы огров — самоубийство. Я до них просто не доберусь живым. Сожрут по дороге. А до восьмого можно рискнуть.

— Это хорошо. Думаю, в библиотеке есть старые планы?

— Есть.— Арцивус кивнул, а затем, поколебавшись, изрек: — Только могила Грока на них не отображена, я уверен.

— Почему? — изумилась Миралисса, отвлекшись от созерцания хрупкого фужера с вином.

— Восьмой ярус хоть и не двадцать восьмой, но построен не людьми. И не для людей. Никто не должен знать, кто там живет и какие ждут опасности.

— Не думаю, чтобы маги Ордена совсем не оставили записей о могиле Грока и ловушках Храд Спайна.— Я начал нервничать.— Они ведь где-то есть?

— Есть.— Старик кивнул и еще сильней закутался в шерстяное одеяло.

— И где?

Ну надо же! Требуют выполнить Заказ и еще сопротивляются, скрывая какие-то свои тайны.

— В старой башне Ордена.

— А где старая башня Ордена? — Из старика все приходилось вытягивать калеными щипцами.

— Где-то в Закрытой части города.

Вот тут-то я окончательно понял, что влип под трубы королевских глашатаев.

Глава 4
КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Я пообещал королю, что через неделю вновь приду во дворец, и теперь у меня было целых семь дней для подготовки сомнительного предприятия — путешествия в Храд Спайн. Перво-наперво на следующее утро я отправился в Королевскую библиотеку на площади Грока.

Естественно, заходить через центральный вход было довольно большой наглостью и вызовом всем дворянам королевства, поэтому я обогнул здание справа, лавируя в потоке уже проснувшихся и спешащих по делам обитателей города, — в сером здании был вход для служащих.

Я подошел к литой железной двери и громко постучал. Но, как всегда, мою скромную персону проигнорировали самым наглым образом. Прождав пару минут, я заколотил с удвоенной силой. Опять тишина. Уснули они там все, что ли? Вполне могу допустить — посетителей не так уж много, тем более что вход разрешен только дворянам, жрецам и Ордену. Простолюдинам книги без надобности, им бы семью прокормить. Подождав немного, я застучал так, что грохот вспугнул голубей на соседних крышах, и они испуганной стаей устремились в безоблачное июньское небо.

Наконец замок щелкнул, скрипнул засов, и дверь немного приоткрылась. На меня подслеповато и довольно зло смотрел старичок — божий одуванчик. Войти я не мог — дверь удерживала массивная цепочка, на которую вполне можно было посадить самого Х'сан'кора.

— Шо стучишь, хулюган? Пошел вон! Будешь буянить, стражу позову. Уж она-то тебя на алебарды поднимет!

Я молча протянул ему королевское кольцо, пока он не успел захлопнуть дверь перед моим носом. Старик прищурился, ткнулся носом в золотой ободок и, открыв дверь, отступил в сторону.

— Чего сразу не сказал? Сразу надо показывать, а не хулюганить. Входи уж, если дома не сидится!

Спорить о том, что показать раньше я просто не успел, не было смысла, поэтому я вошел в библиотеку, и старик тут же быстро захлопнул дверь.

— Они всегда хотят до меня добраться! Но я проворный! — хихикнул дед и радостно осклабился, показывая пеньки желтых зубов.

— Кто они? — Я все же решил поладить со сторожем.

Смотритель библиотеки поманил меня корявым пальцем, огляделся по сторонам, выискивая желающих подслушать его страшную тайну, и прошептал на ухо:

— Огры!

Вот тебе раз! А дедок-то того. Совсем умишком тронулся среди книжек.

Старик несколько раз кивнул головой, убеждая меня в правдивости существующих где-то рядом с библиотекой чудовищ, и прошаркал по узкому коридору в глубину здания. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Ты чего пришел? Знаний набраться? — ворчливо спросил дед.

— Угу.

— Ученик мага небось?

— Да.

— Ну-ну,— хмыкнул старикан, ни капли мне не поверив.

Минуту мы шли по служебным коридорам с тусклым светом, струящимся из узеньких окошек, забранных стальными решетками, в полном молчании. Пылинки пролетали сквозь солнечные лучи, сверкая и искрясь. Интересно, сколько мы будем так петлять?

— А скажи мне, ученик, на кой у тебя под плащом «оса»? — вдруг хитро спросил старик, останавливаясь и смотря мне прямо в глаза.

— А ты глазастый,— изумился я.— Откуда про «осу» знаешь?

— Откуда, откуда. Доралиссец на ухо проблеял,— буркнул дед, возобновляя путь.— Я разведчиком в Диких Сердцах тридцать лет отслужил. Неужели не узнаю какой-то паршивый арбалетик, пусть он и спрятан?

— Дикие Сердца? В разведчиках? Тридцать лет?!

— Ну.

Ничего себе! Да дед просто ходячая легенда и герой! Вот только что он делает в таком месте? Дикие за срок своей службы сколачивали неплохие состояния и могли спокойно доживать жизнь в собственном домишке, не зная хлопот и бед, а не горбатиться днями и ночами, вдыхая книжную пыль.

— А не врешь? — Как-то не верилось, что передо мной один из Диких, пускай и бывших.

Дед зло фыркнул и закатал рукав светло-зеленой, поеденной молью, засаленной рубахи, обнажая предплечье с татуировкой. Пурпурное сердечко, такие рисуют влюбленные на стенах, вот только это было с зубами.

Дикое Сердце. А ниже название подразделения — «Шиповник».

Да, дед не врал. Дурака, который бы наколол себе татуировку Диких просто так, а тем более подразделения разведки, не найти во всем свете. Сердца враз бы оттяпали проходимцу руку вместе с картинкой. И на возраст бы не посмотрели.

Я присвистнул:

— Ого! А вылазок сколько?

— Сорок три,— скромно пробубнил дед.— До Игл Стужи доходил с отрядом.

Я чуть не споткнулся. Сорок три вылазки за Одинокого Великана! Это впечатляло. Старикан заслуживал немного уважения.

— Тяжело пришлось?

— Да уж...— немного оттаял ворчливый дед.— Мы пришли.

Узенький полутемный коридорчик остался где-то позади, и мы оказались в огромном и, казалось, бесконечном зале. Множество столов и стульев для посетителей пустовали, лишь за одним из них сидел молодой человек в одежде ученика Ордена. Он листал какую-то толстую пыльную книгу, посекундно сморкаясь в носовой платок. На нас сопливый юноша не обратил никакого внимания.

Чтобы прочитать все, что скопилось в библиотеке за несколько веков, не хватило бы и целой жизни. Огромные стеллажи из черного заграбского дуба уходили высоко под куполообразный потолок и скрывались где-то во мраке, который не мог разогнать даже свет, струившийся из высоких стрельчатых окон. Сотни, тысячи, десятки тысяч книг стояли на стеллажах, храня на пожелтевших страницах знания тысяч поколений Сиалы — только протяни руку и вмиг попадешь в другой мир, окунувшись в седую древность времен.

По периметру библиотеки вились узенькие балкончики, чтобы посетители могли подниматься к самому потолку за нужной книгой. Тут были тома, написанные подслеповатыми жрецами, сидевшими возле дрожащего от ветра пламени свечи; фолианты эльфов, создававших рукописи, когда светила полная луна, а черная вода Иселины, медленно текущая меж корней исполинских деревьев, отражала желтый лик небесного тела. Тут были книги гномов — они писались на глиняных табличках, затем на тонких металлических листах, а в конце концов на изобретенном печатном станке, надежно хранимом где-то в Стальных шахтах. Свитки людских волшебников; книги, написанные лучшими умами Сиалы; книги, созданные бездарностями. Знания по истории, культуре, войне, мире, магии, шаманстве,

жизни и смерти. Сказания о богах, людях, эльфах, героях, о сотнях животных и других существ, о тысячах звезд и Сагот знает о чем еще. Все знания мира были собраны в этой древней библиотеке, основой которой послужила библиотека Ранненга, построенная чуть ли не девятьсот лет назад.

— Ого! — восхищенно произнес я, задрав голову к потолку и пытаясь рассмотреть в полумраке, где же заканчиваются стены знаний.

Раньше я в библиотеках не бывал. Разве что в частных. Там я позаимствовал пару редких томов для других, не менее страстных любителей литературы.

— Вот тебе и ого! — с гордостью произнес старик, как будто он сам написал все, что здесь было.— Так чего нужно-то, хулиган?

— Здесь есть старые планы города? — спросил я у ворчливого старикана.

— Ну, есть немного...— прошамкал он неуверенно.

— Мне нужны планы той территории, которая сейчас называется Закрытой, или Запретной, или Пятном... Понял, о чем я говорю? А также планы, да и вообще все, что у тебя есть по Храд Спайну.

Старик присвистнул, вытянув губы в трубочку, пару раз щелкнул пальцами, задумчиво смотря куда-то мне за спину, затем перевел блеклые водянистые глаза на меня:

— Эвон куда тебя занесло, милой. Ты бы еще попросил карту, где накалякано о сокровищах карликов или гномов. Не будь у тебя колечка, прогнал бы взашей, да еще бы и стражу кликнул. А то интересуются тут всякие запрещенными Орденом документами. И шастают, и шастают. Тьфу! Ну идем... — Старик повернулся ко мне спиной и побрел мимо стеллажей куда-то в потаенные недра библиотеки.

— А кто шастает? — осторожно стал выспрашивать я у него.

— Ты, например. И кой вам всем дома с девками не сидится?

— А кто еще?

— Да приходил тут вчера,— зло буркнул дед, не оборачиваясь и заводя меня в какую-то маленькую комнатушку с тяжелой кованой дверью.

— На тебя похож. Такой же, как ты, серый и неразговорчивый. Под вечер пришел. И тоже колечко под нос сунул. Только немного другое, но не менее влиятельное, можешь мне поверить. Подавай, говорят, нам, старикан, планы Пятна. Хорошо хоть, не настолько обезумели, как ты. Про Храд Спайн ничего не спросили. Пришли. Погодь, я дверку отопру.

Старик принялся крутить массивную связку ключей и, ругаясь, отпирать визжащие от старости замки.

Я усиленно соображал: кому еще вдруг неожиданно понадобились карты Закрытой части города? Король пригласил к делу еще кого-то кроме меня? Не доверяет? Или это были люди кого-то другого? Например, Неназываемого?

— Эй! Уснул, что ли? Долго я на сквозняке буду мерзнуть?! Шевели копытами! — Окрик бывшего Дикого заставил меня отвлечься от тревожных мыслей.

— Тебя как звать-то, папаша? — миролюбиво спросил я, пригибаясь, чтобы не задеть низкий потолок серого коридора, уходящего куда-то в глубь земли, в темноту.

— Болтом,— буркнул дед, зажигая припасенный факел.— Арбалетный Болт, вот мое имечко. Смотри, не переломай себе ноги, ступени крутые. Все запретные книги хранятся в подземном хранилище. Возьмем, что тебе надо, и пойдешь наверх читать, иначе я тут околею.

— Я слышал, что запретные книги из хранилища выносить нельзя.

— Гм... сказал бы я, куда надо засунуть дурацкие приказы Ордена. Эти разжиревшие колдуны ничего не понимают! Повоюй они с оградами, как я, враз бы бросили дурацкие правила. Кому нужна эта рухлядь. Вычитаешь все, что нужно, а я их потом отнесу обратно. Осторожно, ступень отбита.

Хм. Болт. Насколько я знал, в Диких Сердцах многим солдатам давали прозвища, которые заменяли им имена. Прозвище характеризовало человека, и получали его за какие-то заслуги, поступки, умение, случай или характер. Дикие гордились новыми именами.

Арбалетный Болт. Видать, старик в былые времена хорошо стрелял.

Мы спустились в небольшой темный зал, факел не мог охватить его неярким светом, поэтому старик протянул руку куда-то в темноту, и над нашими головами громко щелкнуло. Вспыхнул ослепительный солнечный свет, и я от неожиданности зажмурил глаза.

— А-а-а, испугался?! — довольно захихикал дед.— Да не бойся, не бойся. Открой зенки-то.

Я медленно привыкал к яркому свету. Небольшой зал с металлическими стеллажами так же, как и тот, что остался наверху, оказался под завязку набит книгами и свитками. А над потолком висел ослепительный круглый шар, похожий на маленькое солнце.

— Это карлики придумали. Ты думаешь, они в своих пещерах в темноте бегают, лбами стенки считают? Не-э... Вот такие светильники колдуют. Магия! Наш Орден до такого и не додумался. Шарлатаны! А карлики вот поставили одну такую свечку здесь, да и во двор-

це короля штук десять в подвалах имеется. Правда, сколько они денег за это содрали, мне неведомо. Но удобно.

Я кивнул.

— Ладно, стой здесь, да ничего не трогай и нос никуда не суй. Я схожу за тем, что тебе нужно.— Дед грозно посмотрел на меня, проверяя, правильно ли я его понял.

Я принял самый безобидный вид, но Болт презрительно фыркнул, давая понять, что у меня ничего не получилось и его не надуешь, а затем скрылся между стеллажей.

С меня мигом слетела вся безобидность, и я стал прогуливаться, разглядывая названия фолиантов. Почти все были на непонятном для меня языке орков. Лишь несколько книг о магии и истории королевской династии были на человеческом языке. Мой взгляд скользнул, а затем остановился на небольшой полке с магическими свитками. Огромными вычурными буквами на стене рядом с полкой было выведено: «Боевые заклятия! Рунная магия. Пользоваться свитками разрешено только архимагам Ордена после получения разрешения Совета!»

Непонятно, почему боевые заклятия рунной магии валялись так просто и открыто. Любой проходимец, например, такой как я, мог позаимствовать эти плохо лежащие, свернутые в трубки листки пергамента.

Халатность погубит этот мир. Уж поверьте!

Я быстро огляделся по сторонам, схватил из стопки пыльных свитков один, с черной ленточкой, и сунул за пазуху. А затем отошел в сторону, ожидая старика. Уподобился мелкому воришке, но свиток, думаю, тут никому не будет понадобиться еще долгое время, а мне в Храд Спайне может пригодиться.

В чем беда всех свитков, так это в их одноразовости. Прочитал формулу, сотворил заклинание, и можно выбрасывать бесполезный пергамент. Магия уничтожает слова, стирая их и со свитка, и из памяти прочитавшего. Зато не нужно быть магом, чтобы совершить волшебство, начертанное на бумаге. Нужно всего лишь уметь читать.

Откуда-то из-за книжных стеллажей послышалось покашливание Болта, а затем появился и он сам, неся в руках две книги. Одна была здоровой, в коричневом переплете из воловьей кожи и с поистершимся золотым тиснением, вторая — маленькая и такая ветхая, что казалось — сейчас превратится под его пальцами в пыль..

— Меня там чуть огр не схватил,— буркнул старик, сунув мне в руки нужные книги.— Под стеллажом тварь пряталась. Пришлось пнуть пару раз для острастки. Ну, чего застыл как истукан? Шевели копытами или ты тут жить решил остаться?

— Это все? — недоуменно спросил я у Болта, глядя на две книги. Я ожидал большего.

— Хватит с тебя. Большая — планы Авендума, начертанные четыреста лет назад, а маленькая — про Храд Спайн. Написана не так давно, но состояние ужасное. Остальные книги на орочьем. Ты ведь по-ихнему не кумекаешь? Во! Так что не ной. Давай иди. Я тебя сюда привел, чтобы ты книги тащил, а не пялился, будто доралиссец на новую кобылу.

Старик погасил солнце карликов, вынул из скобы факел и, кряхтя, стал подниматься по лестнице. Весь путь назад мы проделали в молчании. Затем смотритель все так же молча запер железную дверь, провел меня к столу, но не в читальном зале, а к стоящему в маленьком закутке, окруженном книгами, и, что-то бормоча себе под нос, ушел. Я был один-одинешенек в этом пустом, затерянном среди книг зальчике — жители Авендума не очень-то любят ходить в королевство знаний, а уж сюда совсем редко кто забирается.

Я начал свои изыскания с самого простого и легкого. Отложив в сторону маленькую книжку, подвинул к себе увесистый том карт города, которые переплели, превратив в книгу.

Страницы из тонкого пергамента тихо шелестели под пальцами, когда я переворачивал их, ища интересующее меня место в Авендуме. Чертежи в книге поражали четкостью и подробностью. Сразу было видно, что работали старательные карлики. Только их большие, но аккуратные руки могли нанести линии с такой чистотой и любовью.

Вместе со страницами перед моими глазами пролетали улицы Авендума, его история. То, что мне было нужно, я нашел довольно быстро. Запретная территория. Конечно, тогда маги Ордена еще не успели пообщаться с Рогом Радуги, превратив пяток улиц в проклятое место, отгороженное от всего города.

Итак, проникнуть на Закрытую территорию будет довольно легко. Но вот что ждет меня там? Три параллельные дороги отходили от Портового города и направлялись к городу Ремесленников: улица Сонной Кошки, Людская и Кладбищенская. Последняя выходила одним концом на старое кладбище, где тогда хоронили умерших. Это теперь всех закапывают за городской чертой, на берегу Холодного моря, а раньше, когда Авендум был маленьким, кладбище располагалось в черте города.

Под прямым углом к Сонной Кошке располагалась улица Магов, которая плавно переходила в площадь, где стояла старая башня Ордена. За площадью начиналась улица Кровельщиков. Как я и предполагал, все эти улицы занимали не самый маленький кусок города, и они были намного больше, чем я рассчитывал. Дело предстояло

сложное. Но, если я хочу найти могилу Грока — проникнуть в старую башню Ордена мне придется. Не понимаю, как две предыдущие экспедиции отправлялись в Храд Спайн, не зная, где искать Рог? На что они рассчитывали?

Я постарался запомнить все дороги, дома и переулки. Назовите меня дураком, но я никогда не копирую планы на пергамент. Для чего тогда нужна голова?

Где-то к полудню я в изнеможении откинулся на стуле и, захлопнув толстый том, отодвинул его в сторону. Желудок бесстыдно давал понять, что он немного проголодался. Я спросил у проходящего мимо Болта, не мог бы он принести или купить мне чего-нибудь съестного. Но получил в ответ лишь свирепый взгляд и нотацию о том, что набивать брюхо нужно в трактире, а не в хранилище знаний.

Решив пойти другим путем, я достал серебряную монету и крутанул ее на столе. Монетка еще не успела остановиться, а Болт уже схватил ее и сгинул меж книг и свитков. Спустя какое-то время он пришел с огромным количеством снеди и четырьмя бутылками красного кислого вина. Дармовых денег он не пожалел и купил выпивки на целую роту.

Тут же, за столом, мы и пообедали, отодвинув книги в сторону. За полдня больше ни один человек так и не посетил здание библиотеки, и я, догрызая ногу неаппетитно жесткого цыпленка, понял, как должно быть одиноко и тоскливо здесь старику. Болт между тем налегал в основном на вино. Перекусив, я отправил смотрителя подальше, чтобы мне никто не мешал, и он, прихватив бутылки и оставшуюся снедь, удалился.

Я подвинул к себе маленькую книгу, на которой черными буквами было написано: «Храд Спайн. Ночная тайна, окутанная смертью. История и предположения. Научная работа мага Далистуса Снежного, Ордена Авендума».

Ну что же. Будет интересно почитать.

Вычурные буквы и гравюры, карты, рисунки непонятных существ. Страшная сказка захватила меня и погрузила в старую эпоху тайн.

Храд Спайн — это огрское название. Если перевести на людской язык, то получится Костяные дворцы. Но темные эльфы говорят, что людской язык не в состоянии передать тот вселенский ужас, который огры заключили в эти два слова. Никто не знает, кто и в какую из эпох создал Храд Спайн. Чья мысль и сила вгрызлась столь глубоко в кости земли, создавая глубокие каверны и пещеры, позже превращенные в архитектурные чудеса северного мира, а еще позже — в мир тьмы и ужаса.

Первыми Храд Спайн обнаружили огры, когда они еще не ушли в Безлюдные земли. Тогда и орков-то не было, не говоря уж о людях. Огры исследовали Храд Спайн долго, очень долго. Именно там они разгадали тайны Кронк-а-Мора. О зарождении огров ничего не известно, но на Сиале они появились намного позже, чем неизвестные строители заложили основы Костяных дворцов. Говорят, что мощь магии огров вышла из древних катакомб, где они обнаружили древние записи неизвестной расы, жившей на Сиале задолго до прихода огров.

Глубоко-глубоко под землей огры нашли гигантские залы и пещеры. Они стали использовать Храд Спайн как свое кладбище, оставляя тут мертвецов и накладывая на могильники страшные заклятия. Затем, когда огры ушли на север, в Храд Спайне нашли свой последний приют кости орков и эльфов. Беспрестанно воюя между собой наверху, те все же успевали создавать под землей великолепные дворцы, которые потрясали современников своей красотой. И тысячи тысяч были погребены там, в древних могильниках.

Изящные потолки, колонны, фрески, залы, статуи и коридоры — вот чем был Храд Спайн в те времена. Орки и эльфы работали сообща. Это было единственное место, в котором действовало перемирие между враждующими родственниками. Ни те, ни другие не лезли на нижние уровни огров. Обе расы понимали, что от магии огров ничего хорошего ждать не стоит, и им вполне хватало верхних уровней Дворцов.

В течение восьмисот лет орки и эльфы строили и расширяли Костяные дворцы. Храд Спайн стал самой настоящей подземной страной. Гигантской и поражающей воображение своими размерами. Это был подземный мир красоты, тайны и забвения. Огромный, живший своей, мертвой жизнью. Две расы, как трудолюбивые муравьи, строили и строили новые залы, гробницы и коридоры глубоко-глубоко под землей. В трудолюбии они переплюнули даже гномов и карликов, которые иногда приходили в Храд Спайн и поражались красоте и величию этого места.

Но в конце концов кровожадность орков и ненависть эльфов сделали свое дело, и кровь пролилась в этом священном для обеих рас месте. Каждая раса стала устанавливать на своей территории ловушки для врагов. Подземные залы трещали от темного шаманства и утопали в крови. В итоге и орки и эльфы перестали чувствовать себя в безопасности в этих местах. Костяные дворцы оказались заброшены, а впоследствии тайны расположения ловушек и лабиринтов нижних уровней оказались утеряны.

Храд Спайн стал похож на гигантский слоеный пирог, раскинувшийся под землей на десятки лиг в глубину и ширину. Уровни

огров, уровни орков и эльфов. Залы, коридоры и пещеры. Гробницы, сокровищницы и магические комнаты. Все, что было в Костяных дворцах, оказалось закручено в гигантский тугой и нераспутываемый клубок. К тому времени как орки и эльфы покинули это место, в Храд Спайн пришли уже появившиеся в мире Сиалы люди.

Они тоже не решались спускаться на нижние уровни. Удивительно, но на это нашей расе ума хватило. Людям достались для захоронения воинов три верхних яруса. Храд Спайн стал самой великой и легендарной гробницей Северных земель. Удостоиться чести быть похороненным в Дворцах могли только храбрецы, павшие на поле битвы, а также аристократия и видные государственные деятели.

Но около двухсот лет назад случилось то, что случилось. Никто не знал, что это было и из-за чего произошло. В Храд Спайне проснулось Зло костей огров, защищенное темным шаманством, которое все эти века дремало на нижних уровнях подземной страны. Оно пробудилось, подняло мертвых и еще кого-то. И поднялось до самого верхнего яруса, но не вышло за пределы Храд Спайна, навечно поселившись в древних дворцах, и больше никто не отваживался спускаться в эти места. Кроме разве что магов, носивших Рог к могиле Грока.

Время шло, леса Заграбы поглотили входы в эту подземную страну, навсегда спрятав ночной ужас под своими зелеными кронами. За века страшные сказки о Храд Спайне обросли еще большим ужасом и тьмой. Лишь однажды, около сорока лет назад, туда спустились темные эльфы, чтобы навечно оставить там главу дома Черной розы, но смогли донести тело павшего в бою с орками эльфа лишь до четвертого яруса. Они оставили его там, среди мрака и ужаса и, отбиваясь от существ ночи, ушли наверх, теряя бойцов. В итоге лишь жалкая часть эльфов смогла выбраться на солнечный свет.

И вот теперь в это темное место должен был отправиться я. Ни на что не надеясь, не имея четких карт ярусов и залов, не зная о расположении ловушек, да и самой могилы Грока, которую не в меру усердные маги Ордена устроили не на людских уровнях, а на восьмом, эльфийском. Надеюсь, что в старой башне Ордена, по уверению Арцивуса, я все же найду хотя бы карты и план, где указано местонахождение Рога.

Где-то на середине изучения труда мага Далистуса Снежного ко мне за стол подсел уже успевший под завязку набраться вина Болт и стал рассказывать о жизни и службе у Одинокого Великана. О битвах с орками и свенами, в которых он стрелял из верного арбалета. Я не очень-то слушал его пьяные россказни, просто иногда машинально кивал головой, продолжая изучать историю Храд Спайна. Лишь уже к самому вечеру старику, видно, самому надоели его сказки, и

он, наконец-то выговорившись, попросил посмотреть мой арбалет. Я оторвался от книги и поднял на него удивленный взгляд.

— Ну что смотришь так? Боишься, что я пьян и сам себя пораню? Да я арбалетом пользовался, когда ты, сопляк, еще не родился! Дай, ничего не будет!

Я, поколебавшись, молча достал из-под плаща миниатюрное оружие и протянул Болту, проверив, установлен ли предохранитель, мешавший стреле сорваться при случайном нажатии спускового крючка.

Старик выхватил арбалет у меня из рук, довольно цокнул языком, взвесил в руках. Предохранитель старикан нашел очень быстро и тут же его снял. Я стал жалеть, что не разрядил оружие. Затем смотритель, видимо наигравшись, положил арбалет рядом с собой, налил новый стакан вина, чокнулся им об оружие и, найдя себе нового и, наверное, более благодарного собеседника, продолжил историю жизни у Одинокого Великана. Я вновь погрузился в книгу и очнулся уже поздним вечером, когда Болт пронзительно заорал у меня над ухом:

— Огр!

Вопль старика был таким неожиданным и громким, что я вместе со стулом упал назад и больно ударился затылком о деревянный пол. Сквозь вспышку боли я увидел, как в стол вонзилась тяжелая стрела, пробив книгу о Храд Спайне.

Болт, схватив арбалет, не целясь, выстрелил куда-то вверх. Послышался крик боли, ярости и удивления. Я вскинул голову, ожидая увидеть настоящего и ни разу не виданного мною огра. Но оказалось, что это всего лишь мой старый знакомый — Бледный. Он стоял, схватившись левой рукой за правое плечо, из которого торчал арбалетный болт. Его короткий лук степняков Унгавы валялся на балкончике, где убийца прятался, намереваясь всадить мне в спину стрелу.

Вскочив и не обращая внимания на боль в голове, я выхватил арбалет из рук пьяного старика и понесся к лесенке на балкон. На ходу перезаряжая оружие, я думая, что Болт не зря получил свое имя. Будучи вдрызг пьяным, почти не целясь, попасть с такого расстояния, пусть даже в плечо. Это мастер.

Бледный между тем бросился от меня в один из полутемных коридоров второго этажа. Я несся за ним.

По счастью, карлики снабдили мое оружие дополнительными пружинами и рычагами, и мне оставалось лишь потянуть на себя коротенькую ручку, чтобы тугая тетива встала на свое место. Так же на ходу я вставил новый болт и выстрелил в маячившую вдалеке спину Бледного.

Но, видно, все же я слишком сильно приложился башкой, перед глазами мельтешили радужные круги, и я промазал. Бледный, услышав щелчок тетивы, резко повернулся ко мне и взмахнул здоровой рукой. Я совсем неизящно грохнулся на пол, и метательный нож, прошелестев у меня над головой, звякнул об один из стеллажей. Когда я вскочил на ноги, убийцы уже не было. Окно второго этажа оказалось распахнуто настежь. Я еще раз перезарядил арбалет, подошел к оконному проему и аккуратно высунулся наружу, готовый в любой момент отпрянуть, если Бледный не сбежал, а всего лишь затаился. Но ночная улица была пустой, горело всего лишь несколько фонарей, и я поспешно захлопнул створки, чтобы больше ничто не сунулось из темноты. Вслух искренне пожелав ублюдку Бледному быть этой ночью сожранным какой-нибудь особо голодной тварью, я спустился вниз.

— Убег огр? — всплеснул руками Болт.

Он уже вырвал стрелу из книги и теперь поливал отборной бранью все племя огров, причинившее вред старой рукописи.

— Далеко не убежит. Ты его задел,— успокоил я старика.

Видно, Маркун больше не ждет прихода Гаррета в гильдию, и твердо решил отправить его к Саготу, чтобы другим было неповадно бунтовать.

— Да, я его хорошо,— важно кивнул головой дед, икая и немного шатаясь под порывом невидимого мне ветра.

— Спасибо, Болт, ты мне очень помог. Время позднее, пойду-ка я домой.

Я узнал все, что мне требовалось, и теперь, чтобы совершить экскурсию в Закрытую часть города, должен нормально выспаться.

— Ты заходи, дружище,— неожиданно прослезился старикан и достал откуда-то из-под одежды здоровый ножичек.— Мы с тобой этих огров порубаем!

Вполне вероятно, таким кривым лезвием можно было рубать не только огров, но и самого не к ночи упомянутого Неназываемого.

Я впихнул в ладонь старику золотой, надеясь, что ни один прохиндей города не узнает о моей позорной щедрости, и вышел в ночь.

Глава 5
НОЧНЫЕ СЮРПРИЗЫ

Вы знаете, что может быть хуже разъяренного доралиссца? Хуже разъяренного доралиссца могут быть только несколько разъяренных доралиссцев. Десяток этих полулюдей-полукозлов с яростны-

ми воплями преследовали меня по ночному Авендуму, вопя во всю мощь своих не самых маленьких легких.

Узкие улицы Портового города не давали тварям подобраться ко мне всем скопом, и им приходилось гнаться за мной гуськом, стуча копытами по каменной мостовой и раздраженно блея, когда им на пути попадались какие-то ящики или бочки, из-за которых доралиссцы теряли скорость.

Ничто не предвещало в эту ночь моего бега по ночным улицам. Я вернулся из Королевской библиотеки и только открыл дверь своей новой и, осмелюсь сказать, тайной берлоги, как из темноты, с шипастыми дубинками наперевес, дурно блея, на меня бросились доралиссцы. Меня спасла только моя врожденная реакция и тупость нападающих: козлолюди отталкивали друг друга в надежде первыми добраться до моей несчастной головы. В итоге в дверях образовалась пробка. А я и был таков.

Вот уже минут двадцать, уставший, злой и невыспавшийся, я пытался оторваться от преследователей. Твари орали и блеяли где-то у меня за спиной, ни в какую не желая отставать от невезучего Гаррета.

Никто не выскакивал на меня из темных подворотен города, требуя кошелек. Все пьянчуги и полуночные гулены, не успевшие спрятаться по домам до наступления ночи, заметив погоню, как по волшебству исчезали с дороги. Даже существа ночи слышали яростные вопли моих преследователей и не решались выходить на свет, чтобы не попасть козлам под горячую руку.

Уже кончился Портовый город, и я ворвался в паутину улиц города Ремесленников, огибая кварталы Магов стороной. Волшебники — народ капризный и вздорный. Они первым делом шандарахнут по вопящей и разбудившей их толпе заклятием, а затем станут разбираться, кто виноват и что делать с вон той, нечаянно пострадавшей от волшебства, стеной дома, и надо ли счищать с нее пепел, оставшийся от вопящей и бегущей компании.

Чтобы бежать было легче, я резко дернул шнуровку плаща у себя на плечах. Черная ткань соскользнула и упала на мостовую. Очень хотелось отбросить арбалет и нож, но их немалая цена останавливала меня от этого спасительного, но глупого с финансовой точки зрения поступка.

Остановившись, я, конечно, успел бы уложить из арбалета парочку козликов, но остальные меня бы все же догнали и устроили взбучку. Поэтому не оставалось ничего иного, как бежать. За спиной раздалось радостное и удивленное блеяние, твари, видно, обнаружили мой плащ и остановились, решая, куда я мог деться. На мое счастье, доралиссцы плохо умеют бегать, несмотря на то что у них

копыта. Плюс еще они непроходимо тупы. Но лучше в козью морду им этого не говорить, так как твари мстительные и вполне можно получить рогами под ребра.

Пару раз доралиссцы из степей Унгавы пытались диктовать козлиные законы в Валиостре, но Сталкон Шестой, прадед нашего славного короля, дал зарвавшимся козликам по рогам и погнал их чуть ли не до самых степей Унгавы, вынудив подписать мирный договор. С тех пор Валиостру и доралиссцам как-то удавалось уживаться вместе, хотя община козлов в городе насчитывала чуть больше двухсот тварей. Единственное, за что терпели этих склочных существ, так это лошади.

Лошади доралисской породы были самыми быстрыми и выносливыми скакунами в этом мире. В Султанате и в эльфийских домах за них платили огромные деньги.

Я резко остановился на улице Мясников и перевел дух. По-моему, эти твари что-то кричали, когда я входил в свою берлогу. Что-то вроде: «Отдай нашего коня!» Совсем отупели. Я мастер-вор, а не конокрад. Либо произошла досадная ошибка, либо меня кто-то подставил. Вот только кто это может быть из сотни злопыхателей? Очередные происки Маркуна? Х'сан'кор меня задуши! Что за неделя? Сплошное невезение.

Из-за угла раздалось блеяние и приближающийся топот копыт. Доралиссцы, видно, наконец осознали, что в брошенном плаще я спрятаться не мог, и продолжили погоню. Попробовать укрыться в тени? Я бы уже давно это сделал, если бы не отличный нюх козлов.

Однако долго так продолжаться не может — я вскоре выдохнусь, и твари схватят меня живехонького, но обессилевшего. Или эти отчаянные вопли привлекут к моей персоне ненужное внимание. Например, ночных тварей. Придется идти на крайние меры.

Я сунул руку за пазуху и выудил оттуда недавно позаимствованный из библиотеки свиток с боевым заклятием. Эх! А ведь хотел дотянуть до Костяных дворцов и использовать там.

Торопясь, я сорвал черную ленточку и развернул свиток. Уж не знаю, как действовало это заклинание, но стоило поторопиться. Вопли доралиссцев приближались. Щурясь, чтобы разглядеть в свете луны вычурные мелкие буковки заклинания, я начал читать:

— Лаосто с'ха ф'надра коли сэт! И'хна аж жаааах'ыда!

Мой язык отчаянно ворочался во рту, пытаясь произнести непроизносимое. После магических фраз я театральным жестом направил руку в сторону приближающихся доралиссцев.

Ничего не случилось.

То есть совсем ничего. Я, как дурак, стоял посередине ночной полутемной улицы, вытянув руку и открыв рот от удивления. Рунная магия свитка не сработала! Может, я не так прочитал заклинание?

Хорошо, еще раз! Я взглянул на свиток, выругался и отбросил его в сторону. Чернила исчезли, растворив вместе с собой и буквы заклинания, видно, я все же правильно произнес проклятые слова, но тогда какой тьмы они не действуют?

Решив, что, раздумывая на одном месте, представляю из себя прекрасный объект для ударов доралисскими дубинками, я поторопился пошевелиться.

Через несколько минут, когда едкий пот тек в глаза, а легкие гудели, как кузнечные мехи гномов, мне стало ясно, что все крайне плохо. Как назло, вокруг не было ни одного стражника. Всегда так. Когда они нужны, их днем с огнем не найдешь. Козлики, может, не так быстро бегают, как люди, но вот упорства им не занимать. Доралиссцы как имперские собаки — если вцепятся, то крепко.

Все! Бежать не было сил, еще минута — и я без сил упаду прямо на мостовую. Будь что будет!

Я приник к стене здания, отбрасывающего густую черную тень. В нос ударил резкий запах протухшей рыбы. Вонь, надо сказать, ужасная. В этом был один положительный момент — твари смогут учуять не Гаррета, а рыбу. Я замер, стараясь дышать ртом, чтобы не шлепнуться в обморок от потрясающего аромата.

Они появились спустя четверть минуты, пыхтя и кряхтя, семеня гуськом и поглядывая по сторонам, сжимая в руках коротенькие шипастые дубинки. Козлиные головы с бородами и небольшими, но острыми рогами, крупные мускулистые человеческие тела. Если бы не рога и копыта на ногах, ребята вполне сошли бы за портовых грузчиков. Такие же сильные и тупые.

— Эк,— ляпнул что-то первый из дюжины охотников за головой Гаррета на своем козлином языке.

— Бэк,— возразил ему доралиссец со сломанным левым рогом и втянул носом воздух.

В рыло козла ударил рыбный дух, и он чихнул. Я немного расслабился. Твари были рядом, только руку протяни, но все же вонь отбивала все остальные запахи, в том числе и мой.

— Кудэ-э-э он мог дэ-э-эться? — заблеял первый на корявом человеческом и в подтверждение своих не самых лучших чувств к некоему Гаррету постучал дубинкой по стене соседнего здания.

Посыпалась каменная крошка.

— Впэ-э-эрэ-э-эд побэ-э-эжал,— вякнул кто-то из толпы добровольных палачей.— К Внутрэ-э-энэ-э-эму городу людэ-э-эй.

— Он забрал коня! Нашэ-э-эго коня!

— Да! Да! Нашэ-э-эго! Надо э-э-эго догнать! — завопил хор.

— Догоним! Впэ-э-эрэ-э-эд! — Первый махнул рукой, и твари неуклюжими козлиными прыжками устремились мимо меня по тихой улочке и исчезли в зыбком, только начинающем подниматься от земли тумане.

Вслушиваясь в удаляющийся и стихающий в тумане топот копыт, я искренне пожелал своим новым друзьям во время пробежки по ночному городу нарваться на неприятности. Надеюсь, Орден во главе с Арцивусом пока не додумался, как изгнать из города ночных существ... Словно в ответ на мою маленькую мысленную месть из тумана и темноты тут же раздалось испуганное блеяние, а затем рев десятка луженых и пропитых глоток городской стражи. Видно, ребята тоже перетрусили, когда на них из подворотни выскочил кто-то лохматый и блеющий дурным голосом. А теперь стража пришла в себя и решила отплатить за свой мимолетный страх, попытавшись поймать шляющихся ночью доралиссцев и засадить их в кутузку или хотя бы содрать штраф.

Я снова вжался в стенку, понимая, что страдать от рыбного запаха мне придется, по крайней мере, еще несколько долгих и утомительных минут. Все стадо снова протопало мимо меня. Надо заметить, что сейчас они бежали намного быстрее, чем когда гнались за мной. Могут ведь, когда захотят, сожри мою печень демоны! Козлолюди отталкивали друг друга, пихались локтями и противно блеяли, надеясь побыстрее унести копыта от стражи.

Стражники, наверное, не любили доралиссцев больше всех в городе. Козлы вечно устраивали драки и погромы по малейшему поводу, а то и без оного. А нагоняй за недосмотр за порядком устраивали барону Лантэну, а он, в свою очередь, давал перца своим подчиненным.

Доралиссцы исчезли во мгле, и на сцену выбежало десятка три обнаглевших от собственной храбрости оранжево-черных служителей гибкого и продажного закона Валиостра. Они вопили, свистели и улюлюкали, стараясь взять реванш. Стража протопала мимо и тоже исчезла.

Ребят-доралиссцев ждет сегодня неплохая пробежка от окраины Авендума в центр и обратно. И приличного штрафа золотом им не миновать. Я подождал еще немного на всякий случай, чтобы уж наверняка не столкнуться ни с первой, ни со второй группировкой любителей ночных забегов.

Ничего. Тихо. Лишь летучие мыши, появившиеся в городе откуда-то с юга, порхали в звёздном небе, иногда ныряя в облако желтого тумана и рассекая его перепончатыми крылышками. Хватали ночных мотыльков и вновь взмывали в небо.

Интересно, что все-таки доралиссцам от меня понадобилось? И с чего это они решили, будто я украл у них коня? Зачем Гаррету лошадь — об этом они могли подумать своими козлиными мозгами? М-да. Совсем забыл. В этих головах просто не могло быть мозгов. Как говаривает брат Фор: «У доралиссцев в башке всего лишь три извилины. Первая отвечает за сон, вторая — за жратву, третья — за спаривание».

Я вслушался в тишину. Кажется, можно продолжить путь. Следует зайти домой, взять важные и ценные вещи и вновь поменять берлогу. Я никогда надолго не задерживаюсь на одном месте. Для меня это непозволительная роскошь и большой риск смертельно пошатнуть свое слабое здоровье. Пожалуй, надо забраться куда-нибудь в глубь паутины Портового города, на самое дно, куда не решится прийти ни барон Лантэн, ни чертовы доралиссцы, ни милорд Алистан Маркауз-Крыса. Хотя этот, пожалуй, спустится за мной хоть в самую тьму и вытащит за шкирку на ковер к своему обожаемому королю.

Только я хотел сделать шаг из тени, как кто-то очень крепко схватил меня за грудки и с удивительной легкостью поднял на три ярда от земли.

Я опешил. Я испугался. Я открыл рот, чтобы заорать. Я поднял арбалет, который оставался все это время в моей руке, собираясь выстрелить. И только потом посмотрел на напавшего.

Вопль застыл у меня где-то в области живота, и я тихонько булькнул.

Итак... Я висел на высоте трех ярдов, тихонько дрыгая ногами в безнадежной попытке нащупать для них опору, а за грудки меня крепко держал... Ну, наверное, это был демон.

Огромный торс вырастал прямо из серой стены здания, к которой я совсем недавно прижимался, скрываясь от доралиссцев. Тело монстра плавно исчезало где-то в тени. Две огромные лапы крепко вцепились в меня. Голова... выглядела как голова демона. То есть стандартный набор зубищ, способных перепилить рыцаря вместе с закованной в латы лошадью; смрадное дыхание — от него, видно, сдохли все крысы на лигу отсюда; хищный разрез алых глаз со змеиными зрачками. Морда демона вполне могла заставить даже его маму, если она, конечно, у него имелась, наложить на себя руки в ужасе от содеянного.

Тварь, прищуриваясь и сузив красные глазки, оценивала Гаррета.

Как-то нехорошо она оценивала. Так скряга-карлик разглядывает мясную вырезку в лавке. То ли он выбрал для своего ужина?

— П-привет,— как можно более вежливо и спокойно произнес я, хотя стук моего сердца слышали все неуснувшие жители города.— Я Гаррет. А ты?

Тварь еще больше сузила глаза, тряхнула меня, словно кошка мышь, но все же произнесла:

— Вухджааз — умный демон.

Брр. Ну и дыхание! Недавний запах тухлой рыбы был гораздо приятнее! Он что-то не то съел или просто позабыл веков десять назад, что зубы хоть иногда следует чистить?

— Правда? — вежливо изумился я, и демон бросил на меня еще один нехороший взгляд.— А! Да! Конечно, конечно! Самый умный из всех демонов.

Я, видно, все же сумел задобрить монстра, и он на некоторое время забыл о своих гастрономических предпочтениях.

— Да. Вухджааз умный. Он ждал. Смотрел. Умный.— Тварь утвердительно кивнула рогатой головой.— Когда кто-то произнес заклинание Возврата, Вухджааз успел спрятаться.

— Ух ты! — восхищенно произнес я и заработал одобрительный взгляд твари.

Трях! В этот раз демон тряхнул не так сильно. Мои зубы даже не клацнули.

— Все демоны вновь вернулись во Тьму, а я остался.

Очередной трях.

— Почему? — не понял я.

— Тут много еды.— Его глаза вновь сузились и, сверкнув, уставились на меня.

Х'сан'кор! Неверный вопрос!

— Я интересовался немного другим: почему все остальные демоны вернулись во Тьму? — поспешил я отвлечь голодное создание от своей персоны.

— А,— произнесла тварь после минутного раздумья над словом «интересовался». Понятное дело, словарный запас пополнить никогда не вредно.— Какой-то смертный прочитал заклятие, и свободе демонов в этом людском муравейнике пришел конец. Поймаю его, высосу мозг из костей. Ты случайно здесь никого не видел?

Я отчаянно покрутил головой, кажется понимая, про какого смертного едет речь. Ай да свиток!

— А кто выпустил Вухджааза из Тьмы? — Я отчаянно искал выход из неприятной ситуации.

— Хозяин.

Еще раз трях.

— Неназываемый?

Демон только фыркнул и вновь ожег меня голодным взглядом. Тварь обладала величайшим талантом меня нервировать. Ну что он во мне нашел?

— Вухджааз голоден.

— Да? — пискнул я, положив палец на спусковой крючок арбалета.

Конечно, стрелять обыкновенным болтом в демона — все равно что колоть огра булавкой. Только еще сильнее злить. Но что мне оставалось делать?

— Да. А еще Вухджаазу нужна помощь.

Вот он шанс!

— Может, Гаррет сможет тебе помочь?

— Сможет.— Вухджааз втянул носом мой запах, и из уголка его рта потекла липкая нитка слюны.

— Нет, в том деле! — отчаянно зачастил я.

— А? — Демон немного расстроился, но отодвинул свою зубастую морду от меня.— Вухджааз хочет остаться в этом мире. Во Тьме так не кормят. Гаррет поможет Вухджаазу.

— Конечно! Что я должен делать? — с полной готовностью сровнять Горы карликов с землей произнес я.

— Помоги Вухджаазу.

М-да. Тварь тупа, как все доралиссцы Унгавы.

— Ты не мог бы меня опустить на землю? Я так лучше пойму твою проблему.

Демон подозрительно посмотрел на меня, но все же сделал, что я просил, и полностью вылез из стены.

— Смотри. Попытаешься убежать, поймаю и высосу мозг из твоих костей,— предупредило меня существо, опираясь на толстый серый хвост.

Я поспешил заверить, что предан Вухджаазу всей душой.

— Меня скоро затянет во Тьму. Как бы я ни прятался.

«Поскорей бы!» — подумал я, но состроил вежливую физиономию внимательного слушателя.

— Но если прежде я найду вещь, то останусь здесь надолго. Я чувствую его. Он в городе. Вухджааз умный,— в который раз напомнил мне демон.

— Что за вещь?

— Конь.

Ну естественно. В коне мяса больше, чем в человеке. А этот демон такой большой. И такой голодный.

— Хорошо.— Задачка была не настолько уж сложной.— Завтра я добуду тебе коня. Какую породу ты предпочитаешь?

— Ты глуп,— прошипел демон и толкнул меня когтистым пальцем. От его тычка мне пришлось отступить на несколько шагов.— Не живого коня, а Коня.

— А-а-а. Так этого коня, так бы сразу и объяснил! — Я решил, что глупость — это прямой путь в желудок Вухджааза и что умным, но ничего не понимающим быть намного безопаснее.

— Четыре дня сроку даю. Вухджааз умный. Добудь мне Коня.— Демон посмотрел на меня, ожидая ответа.

— Конечно, конечно. Все сделаю.— Сути разговора я так и не понял, но отвязаться от твари, спокойно появляющейся и исчезающей в стенах, очень хотелось.

— Я буду следить.— Демон пронзил меня алыми глазами.— Исполни мой приказ, иначе я высосу мозг их твоих костей. Вухджааз умный. Его не обманешь.

Демон шагнул в серую стену и растворился. Я еще немного постоял, успокаивая торопливо стучащее сердце, готовое вырваться из груди.

Это что же получается? Сначала за мной несутся ополоумевшие доралиссцы и требуют вернуть коня. Затем я читаю заклинание, Сагот знает сколько веков пролежавшее в хранилище библиотеки, и делаю то, что не удавалось всему Ордену —загоняю всех демонов обратно во Тьму. Ну или почти всех. Затем абсолютно оголодавший и самый тупой демон, какой только есть в этом мире, хватает меня, как какого-то котенка, и тоже требует коня. Интересно, Вухджаазу и доралиссцам нужны разные кони или одинаковые? Может, их познакомить друг с другом, пусть сами договариваются о лошадях? Мода с сегодняшнего дня, что ли, такая — коней разводить?

До дома я шел, абсолютно не скрываясь, в полной уверенности, что ни одна ночная тварь, кроме самого умного Вухджааза, до меня не доберется. Я не стал менять берлогу, махнув на все неприятности рукой до утра, и, упав на кровать тут же заснул.

До похода в Храд Спайн оставалось ровно шесть дней.

Глава 6
ДНЕВНЫЕ СЮРПРИЗЫ

Бух! Бух! Бух!

Бесцеремонный долбеж в дверь заставил меня вскочить со старой рассохшейся деревянной кровати и зашарить руками в поисках оружия. Вчера я так устал, что лег спать не раздеваясь, и арбалет, так и оставшийся пристегнутым, ночью впивался в спину. Отстегнул его, морщась, потер зудящую поясницу.

— Гаррет? Ты здесь? Открывай! Именем Ордена! — раздался громкий басовитый голос.

Что Ордену понадобилось от меня в такую рань? Я бросил взгляд в окно с грязным стеклом. Солнце стояло довольно высоко. Неужели уже полдень? Силен же я спать! Хотя посмотрел бы я на того, кто падает со стула, спасаясь от стрел наемных убийц, затем совершает легкую пробежку через половину города, спасаясь от разъяренных доралиссцев, и на закуску беседует с голодным демоном.

Я невольно поморщился. Проклятый Вухджааз! Днем я могу чувствовать себя в относительной безопасности, но вот ночью будет худо.

— Гаррет! Открой дверь или я ее вышибу!

Как же, попробуй, хотя, если это действительно маг Ордена, ему даже пробовать не нужно. Один плевок — и половина дома будет разнесена в щепки. Я начал серьезно подумывать о прогулке через окно.

Как меня нашли? Да, наверное, так же, как и доралиссцы. По чьей-то наводке. Надо будет потом обязательно посмотреть, нет ли у меня над дверью вывески: «Гаррет-тень. Мастер-вор. Часы приема с десяти ноль-ноль без перерыва на обед».

— Гаррет, его магичество Арцивус просит тебя прийти. Срочно!

Арцивус? Почему бы сразу не сказать, что от Арцивуса, а потом уже грозиться разнести дверь?

— Сейчас. Подождите! — крикнул я, нашаривая плащ. Он был немножко грязноват, и на нем остались отпечатки копыт, но носить вполне можно.

Я отпер замок, снял засов и отошел назад. Арбалет я все же не убрал — мало ли кто может прикрываться именем архимага Ордена?

— Входи!

Дверь распахнулась, и передо мной оказался довольно безобидный молодой человек в синем балахоне, мешком висевшем на узких плечах. Я никогда бы не подумал, что этот паренек может стучать в дверь с такой силой.

— Ты Гаррет? По...— Мой гость увидел нацеленный на него арбалет, посерел и заткнулся.

Я убрал оружие за спину — нечего детей пугать.

— Да, я Гаррет.

Посыльный облизал пересохшие губы, набрал воздуха в легкие и робко посмотрел на меня. Я ободряюще кивнул.

— Мастер Гаррет. Его магичество глава Ордена магистр Арцивус просит незамедлительно явиться к нему.— Парень нервно взглянул на меня и пояснил: — Я его ученик.

— Как ты меня нашел?

— Господин Арцивус сказал адрес.

Тут точно без колдовских штучек не обошлось!

— Ясно. Что стряслось?

— Не знаю.

— Хорошо. Подожди.

Я неторопливо забрал из тайника сумку с магическими ингредиентами и золото, полученное от короля. Обычно не имею такой дурацкой привычки — хранить деньги в одной куче, да еще и дома. Проще отдать их нескольким надежным людям, заставив золото работать на себя. Например, в гномий банк. Деньги всегда под надежной защитой ловушек, замков, магии и разъяренных мотыжников. Но на этот раз королевские золотые понадобятся мне сегодня же.

— Где экипаж?

— Э-э-э...— ученик почему-то смутился,— я пешком.

— Великолепно! Тогда скажи мне, ученик, как ты добрался до меня живым через весь Портовый город? У нас таких наивных пускают плавать под пирс. А может, ты не врал, что выбьешь дверь и умеешь пускать огонечки?

Парень еще больше смутился и покраснел.

— Ну,— замялся он.— Немножко.

— Ладно, веди,— вздохнул я.

С какой стати сам Арцивус взял к себе в ученики такого нелепого младенца, я понять не мог.

Навсегда покидая жилище, я все же не удержался и оглянулся. Как и предполагал, никакой вывески, что тут живет Гаррет, над дверью не было.

Полдень. Центральная улица Портового города была запружена народом. Здесь были все — начиная от праздношатающихся гуляк и заканчивая торговцами всякой всячиной.

Встречались и нелюди. Доралиссец возле старой, покосившейся от гнета времен бакалейной лавки затеял драку с проходившим мимо, глазевшим по сторонам карликом. Они свирепо мутузили друг друга кулаками и изрыгали проклятия на своих языках. Вокруг дерущихся собралась немаленькая толпа зрителей, подбадривающая бойцов и даже дающая советы, как лучше расквасить нос сопернику.

Сразу появились букмекеры, делающие ставки. Предлагали один к трем за то, что карлик победит козла. Несколько стражников стояли тут же, опираясь на алебарды, и не спешили прекращать потасовку. Видно, кто-то из них уже успел поставить деньги в этом малень-

ком шоу. По моему скромному мнению, низкорослый лысый житель подземелий проигрывал.

Я заметил пожилого карманника и двух его учеников, которые проходили под его присмотром практику прямо в толпе, так сказать в полевых условиях, срезая кошельки у зевак. Карманник-учитель, видимо, почувствовал взгляд, посмотрел на меня, напрягся, но, поняв, что я тоже не очень-то близок с шатким законом, весело подмигнул. Я подмигнул в ответ.

Я тоже в далекие, но все же прекрасные времена начинал с карманов зевак на Рыночной площади. С тех пор прошло много лет. Уже никто не помнит Гаррета-блоху, худощавого и вечно голодного паренька, рыскающего по площадям и улицам города в поисках пропитания и ночевавшего в грязной подворотне или бараке. Те времена прошли, Гаррет-блоха пропал, а в Авендуме появился Гаррет-тень.

— Ой! — вскрикнул мой провожатый, когда кто-то в толпе наступил ему на ногу.

— Не спи,— прошипел я ему на ухо.— Надо выбираться из этой давки. Держись левее, к стене.

Здесь людской поток был реже, и мы перестали пихаться локтями.

Люди и нелюди бурлили. То тут, то там возникали стихийные кучки сплетников.

Слухи, слухи, слухи.

— А вы знаете, что Неназываемый уже выступил?

— Что же делает король?

— Да нет, чушь! Нет никакого Неназываемого!

— Еще как есть! Мне еще бабка рассказывала, живи она в свете!

— А что король? Армию собирает. Налоги вновь подскочат, а пострадают бедные люди.

— А ты хотела, чтобы солдаты защищали город на пустое брюхо? Ничего, не обеднеем!

— А вы знаете, что вчерашней ночью, говорят, стража поймала сотню доралиссцев с ножами?

— Сотню?! Враки!

— Клянусь светом! Именно сотню! Они на улице Мясников резню хотели устроить!

— А вы знаете...

Дальше я уже не слушал. Чего только не выдумают люди, чтобы не скучать.

— Эй! — позвал я ученика Арцивуса.

— Да?

— До башни Ордена нам еще идти и идти. Ты так и собираешься вести меня сквозь эту толчею? Не лучше ли свернуть на улицу Клопов? Там нет такой давки.

— Ммм...— протянул парень.— Милорд Арцивус сказал, что вам в башне Ордена делать нечего. Он попросил привести вас в один из домов, тут неподалеку.

— Ну ладно. Пошли.

Арцивус думает, что вор осквернит магическую святыню?

Количество людей на улицах в первую очередь объяснялось на удивление хорошей для июня погодой. Обычно в это время в северном Валиостре, а значит, и в Авендуме, держалась прохлада, больше напоминающая ранний апрель где-нибудь на южных границах королевства. Что поделаешь, Безлюдные земли под боком. Но сейчас ситуация была несколько иной. Солнце припекало вовсю. Я обливался потом. Да и не я один. Мимо нас с учеником прошел житель Пограничного королевства, который потихоньку жарился и коптился в кольчуге. Броню пограничники носили не снимая, где бы они ни были. Привычка, выработанная соседством с лесами Заграбы.

Если такая погода продержится до конца августа, то половина города просто вымрет от жары. Я уже слышал разговоры о том, что это Неназываемый наслал на нас новое испытание.

— Гаррет! Эй, Гаррет!

Я обернулся на крик. Стоя возле «Ножа и Топора», мне отчаянно махал владелец сего заведения, старина и «дражайший друг» Гозмо.

Чего ему понадобилось? У меня уже есть Заказ. Да еще какой! Убийственно выгодный, можно сказать. Но я все же дернул ученика Арцивуса за рукав и кивнул, чтобы он шел за мной. Парень хотел было возразить, что его магичество намного важнее какого-то трактирщика, и уже открыл рот, но я повернулся к нему спиной и перешел на другую сторону улицы. Молодому магу ничего не оставалось, как последовать за мной.

— В чем дело, Гозмо? — не очень-то приветливо начал я.— Зачем орать на весь город, что я Гаррет?

— А. Э-э-э...— Сутулый трактирщик вопросительно посмотрел на моего спутника.

— Пивом угостишь? — Я многозначительно кивнул в сторону двери.— Там и поговорим.

— Проходи.

Трактир был пуст, чего и следовало ожидать. Посетители начнут прибывать ближе к вечеру, в сумерках. Столы и скамьи были непривычно пусты и одиноки. Очаг погашен. На ближайшие от входа столы взгромоздились перевернутые табуреты, сиротливо смотрящие ножками в потолок. Рядом усердно елозила тряпкой певичка заве-

дения, на данный момент ставшая уборщицей. Ей помогал один из вышибал. Да, персонал у Гозмо — мастера на все руки.

— Проходи, Гаррет, к стойке, а твой знакомый пусть садится вон за тот стол. Что будете пить, молодой человек?

— Воду.— Ученик мага чувствовал себя неуютно — на его физиономии застыло ошеломленное удивление от того, что он по собственному желанию попал в столь сомнительное место.

Гозмо скорчил кислую мину и посмотрел на меня.

— С кем это ты завел дружбу?

Я пожал плечами, и Гозмо отнес полный стакан воды к столу ученика, а затем встал напротив, за стойку бара, и налил полную кружку пива из бочки, спрятанной у него под стойкой. Специальной бочки. Он сам пьет это пиво и редко с кем делится. Я сделал большой глоток и, оценив, кивнул Гозмо. Портер был действительно великолепным, как я и предполагал. Старина Гозмо не травит свои потроха гадостью, которую без зазрения совести наливает большинству завсегдатаев заведения.

Сам бывший вор сейчас не пил, а нервно переминался с ноги на ногу, бросая в мою сторону настороженные взгляды. С чего бы это? Но он молчал, а я никогда не был излишне любопытен и просто потягивал пиво, ожидая, когда трактирщик все же объяснит, зачем позвал меня.

Гозмо тихонько начал потеть. Неужели тут настолько жарко? Я отставил пустую кружку, посмотрел на нетерпеливо елозившего по стулу ученика Арцивуса и улыбнулся Гозмо. От моей улыбки он вздрогнул и отпрянул, как будто перед ним сидел не добряк Гаррет, а самый зубастый огр всей Сиалы.

— Так зачем ты меня позвал, дружище? — нетерпеливо спросил я.— Пивом ты меня угостил, конечно, хорошим, но с чего бы это?

— Понимаешь, Гаррет,— нервно произнес Гозмо, настороженно посматривая на меня.— Я хотел извиниться за тот случай, поверь, мне очень жаль, если бы я знал, что все выйдет именно так, то никогда бы не стал...

— Это ты о гарринче в доме герцога? — перебил я его, притворившись индюшкой и «забыв» упомянуть случай с Лантэном и то, что я прекрасно знаю о том, кто заказчик.

Этот разговор я приберегу на более подходящее время.

— Гарринч? Д-да. Именно о нем,— неуверенно и немного удивленно произнес Гозмо, облегченно присаживаясь на стул и понимая, что я не собираюсь устраивать войну и пускать кровь.— Я просто хотел, чтобы ты знал, что я об этом не имел никакого понятия.

— Да успокойся, Гозмо, что ты так разнервничался? — великодушно махнул я рукой.— Ничего ведь страшного не произошло,

правда? Все живы и здоровы. У меня еще есть дела, так что я, пожалуй, пойду.

— Это значит, что извинения приняты? — облегченно спросил Гозмо.

У него просто как будто Зам-да-Морт с плеч свалился. Странно все это — старина Гозмо обычно не страдает от мучений совестью. И даже то, что он не сообщил мне, что заказчик король, не должно было сделать его настолько нервным. Во всяком случае, это право Гозмо — хранить тайну имени заказчика.

— Забудь,— великодушно сказал я, и мы с парнем вышли на улицу.

— Что хотел от вас этот человек? — спросил он после минуты молчаливого шествия.

— У тебя имя-то есть? — вопросом на вопрос ответил я ему, провожая взглядом патруль стражи.

— Родерик.

— Ну так вот, Родерик, долго нам еще идти?

— Почти пришли — вон через тот переулок,— буркнул он.

— Ты уверен, что нам сюда? — переспросил я молодого мага, тыкая пальцем в сторону зловонного полутемного коридора, который образовывали два стоящих рядом, тесно прижатых друг к другу здания.— На улицу Яблок?

— Да.

Я пожал плечами, кивнул ему, чтобы шел первым, и двинулся вслед за Родериком, достав из-под плаща арбалет. Что взять с этого молодого и незнакомого с обычаями Портового города паренька?

В таких полутемных и вонючих переулках людей погибает больше, чем в пограничных схватках с орками или миратуэхцами. В этой обманчивой тишине водятся зубастые щуки, готовые сожрать любого зазевавшегося.

Но переулочек оказался пуст. Выход на улицу Яблок был уже близко, нам осталось пройти около двадцати ярдов, чтобы вырваться из этой узкой щели. Я расслабился. И, естественно, тот тип, который отвечает за мою удачу где-то там, на небесах, снова решил спугнуть ее, хлопнув в ладоши. Удача миляги Гаррета, самого доброго и симпатичного парня Валиостра, испуганно захлопав крыльями, воспарила в прозрачную и безоблачную высоту, оставив меня наедине с Родериком и пятеркой не очень дружелюбно настроенных громил, которые появились с улицы Сонного Пса и зажали нас в узком переулке.

— Чего хотят эти люди? — встревоженно прошептал Родерик.

— Наверное, попросят сдать несколько золотых в фонд помощи ветеранов Войны Весны,— зло бросил я.

— К-как В-вес-сны? — От волнения мой спутник стал заикаться.— Война была несколько столетий назад. Он-ни же все д-давно умерли.

— А этим без разницы. Главное — взять деньги. У-у-у,— протянул я, только теперь разглядев третьего в группе с улицы Яблок.— У нас большие неприятности.

— У в-вас нет денег? — испугался Родерик.

— Не то чтобы нет. Просто они пришли не за деньгами.

— А з-зачем? — еще сильнее перепугался ученик Арцивуса.

— За моей жизнью. Думаю, и тебя в довесок на тот свет отправят.

— Н-но, м-м-ожет, мы сможем договориться с ними, убедить, что это ошибка? — прошептал бледный Родерик.

— Ты посмотри на их мечи. Какие разговоры? Когда я начну действовать, атакуй тех, что сзади.

— Н-но я не умею,— запротестовал Родерик.— У меня даже и оружия нет.

— Значит, мы умрем.

Он громко сглотнул и ничего не ответил.

Четверка людей сжимала в лапах короткие тяжелые мечи панцирной пехоты, которые использовали воины Пограничного королевства. Самое эффективное оружие в узких местечках или плотном строю, где нельзя развернуться с длинным клинком. Правое плечо пятого, держащегося за спинами товарищей, было перебинтовано.

— Как здоровье, Бледный? — вежливо спросил я, когда они подошли и остановились в пяти ярдах от нас.

— Лучше, чем будет у тебя через минуту,— в тон мне ответил убийца.

— А тебе не кажется, что грубая сила — это немножко не профиль мастера? — поддел я его.

— Время не терпит, Гаррет, приходится отбрасывать клинок и браться за молот,— поморщился Бледный.

— Неужели Маркун настолько на меня обиделся? — удивился я.

Ребята абсолютно не обращали внимания на арбалет. Все, кроме Бледного, но тот прятался за спинами этих дегенератов-переростков и ему-то мой первый болт не грозил, а второго, думаю уже не будет.

— Кто это с тобой? — Бледный проигнорировал мой вопрос и кивком головы указал на Родерика.— Ученика взял?

Громилы громко заржали.

— Это мой друг, маг Ордена. Шли бы вы отсюда по-хорошему.

— Ну если он маг, то я шах Султаната. Убейте их!

Мой арбалет щелкнул, и громила, за которым прятался Бледный, стал заваливаться назад с болтом во лбу. Второй мордоворот, крича, занес над головой меч, и тут за моей спиной взревело, и, обдав меня

раскаленным жаром, на убийц вылетел огненный шар размером с хорошую лошадиную голову. Я шлепнулся на живот и закрыл голову руками, наплевав на все и вся.

По ушам гулко ударило, земля ощутимо вздрогнула, посыпалась каменная крошка. Кто-то взвыл. Чем хорошо волшебство в отличие от шаманства? Волшебство активируется мгновенно, а шаманство — это целый ритуал. Гоблины танцуют, орки поют. Поэтому шаманство действует намного медленнее, хотя после его использования шаманы, в отличие от магов, не теряют силы.

Огненный шар, столь любимый всеми начинающими магами, превратил нападающего в кучку пепла, а затем, ударившись о стену здания, разорвался.

Бледный выл и орал где-то возле выхода из переулочка. Его отбросило туда взрывной волной, которая, как это бывает при использовании огненных шаров, действовала только в одном направлении. Даже отсюда я видел, что его лицо обожжено и в крови от мелких осколков камня. В левом от нас доме образовалась дыра, через которую вполне могла проехать королевская карета. Родерик не поскупился на заклинание.

Кстати, как он? Я отвлекся от Бледного и повернулся к ученику мага. Паренек, потеряв все силы, полулежал, прислонившись к стене, а двое оставшихся громил с изумлением смотрели на него.

— Он и вправду маг! — наконец-то дошло до одного из убийц.

— Бежим! — завопил второй, отбрасывая в сторону меч и, видно, не понимая со страху, что Родерик сейчас не способен обидеть даже муху.

Оба побежали в том направлении, откуда только что пришли, оглушительно топая и завывая от страха. Преследовать их я, конечно, не стал. Меня больше интересовал Бледный, но его и след простыл.

— Везучий гад,— восхищенно покачал я головой.

Прямо х'варр какой-то. Только эта тварь настолько живуча, что сопротивляется даже после того, как Дикий несколько раз пронзит его мечом, нанеся, казалось бы, смертельные раны. Ну и Тьма с ним!

Я подошел к Родерику:

— Ты жив?

Он вяло кивнул, но глаза его сияли:

— У меня получилось! У меня впервые получилось такое заклинание!

— О да! Я чуть не поджарился. Спасибо, что помог. Давай помогу подняться. А то сейчас стража набежит.

Родерик утвердительно мотнул светловолосой головой, я помог ему подняться с земли и, поддерживая, повел к опустевшей улице Яблок.

Глава 7
ОТКРЫТИЯ

Взгляд его магичества магистра Ордена Валиостра архимага Арцивуса не предвещал моей персоне ничего хорошего. Старикан встретил меня в собственном доме, расположенном во Внутреннем городе, совсем рядом с дворцом короля. Архимаг сидел в глубоком кресле и кутался в гору шерстяных одеял, способных согреть даже мертвеца в самую лютую зиму, но не старые промерзшие кости архимага.

— Гаррет, чтоб тебя разорвало! — заскрипел старик, со стуком ставя на миниатюрный светло-коричневый столик с вычурными резными ножками бокал с горячим вином, которое выплеснулось и растеклось небольшой лужицей по отполированной карликами до зеркального блеска поверхности.— Ты что натворил? Совсем ума лишился?

— Что случилось, ваше магичество? — Я действительно не понимал, что произошло.

Старик аж затрясся от возмущения, и я начал подумывать, что либо его хватит удар, либо архимаг меня поджарит. Он тяжело и гулко закашлял, сотрясаясь под горой одеял. Я даже скривился от сочувствия — кашель был страшным.

Резная дверь, на которой была изображена какая-то стародавняя схватка между магами Ордена и шаманами орков, открылась, и в комнату вошел Родерик. После сотворения огненного заклинания парень был бледноват, но его уже не бросало из стороны в сторону, и из стакана с лекарством, который он нес своему учителю, не расплескалось ни капли.

Родерик протянул архимагу питье, и Арцивус, сотрясаясь и захлебываясь от кашля, выпил бурую жидкость. Поморщился. Запил вином и, облегченно вздохнув, небрежным движением худой руки отпустил ученика. Дверь закрылась, и мы с архимагом остались наедине.

— Да,— пробормотал Арцивус и еще раз кашлянул в кулак.— Старость не радость. Мне уже девяносто шесть, Гаррет. Годы берут свое...

Я счел, что лучше промолчать. Не думаю, что Арцивус нуждается в лести и уверениях о том, что он хорошо выглядит. Тем более, это не так.

— И знаешь, что самое обидное? Здесь все работает, как механизм карликов.— Арцивус ткнул себя пальцем в лоб.— Но проклятая телесная оболочка! Я постоянно мерзну. Не спасает ни огонь в очаге, ни магия. Скоро придет мое время, я уже чувствую, как Сагра ходит у меня за спиной. Но ничего, мне еще есть что сказать богине смерти.

— Всем есть что сказать,— поддержал я старика.— Главное — не забыть эти слова, когда встретишься с ней глазами у ворот Света.

— Или Тьмы.

— Вы совершенно правы, ваше магичество.

— Хм.— Архимаг еще раз бросил на меня внимательный взгляд.— Так ты говоришь, что ничего не знаешь? Невинен, как Джок-принесший-зиму? Хм...

Старик забарабанил пальцами по столику, размышляя, а затем резко спросил:

— Чем ты вчера занимался? Учти, подумай, прежде чем ответить мне, я распознаю ложь.

Интересно, в чем меня теперь подозревают? Стоит ли признаваться в краже магического свитка? Раз уж он валялся никому не нужным неизвестно сколько лет.

Лет?

Я напряг память, пытаясь вспомнить, как выглядело магическое заклятие. Кажется, этот свиток единственный не был покрыт толстым слоем пыли. Потому я и выбрал его из всех остальных. Но, если он не был пыльным, значит, его положили туда совсем недавно...

Свое повествование я начал издалека. Однако архимаг не выказывал нетерпения и не перебивал меня, только хмурил кустистые брови, когда я начинал сыпать ненужными подробностями и описаниями, стараясь увести разговор в сторону. Затем я все же решился рассказать о свитке, а потом и о его неожиданном действии, когда рискнул испробовать заклинание на доралиссцах. Удивительно, но старик даже не заинтересовался этим, будто не я изгнал демонов из города. Все внимание архимаг обратил на доралиссцев.

— А ну-ка повтори, что они там кричали?

— Ну что-то вроде «Верни нашего коня».

— Ты в эту ночь еще что-нибудь слышал о конях?

— Нет,— солгал я, не решившись упоминать Вухджааза, хотя он тоже твердил о каком-то коне. Мне было интересно проверить, определит ли архимаг мою ложь.

— Хорошо.— Арцивус не заметил моего вранья.— Свиток — это очень интересно, тем более что никто из Ордена, я уверен, не слышал ни о каком таком заклинании.

Старик поелозил в кресле, поправил сползший на пол край одеяла и вновь задумчиво посмотрел на меня.

— Так где Конь? — необычайно ласково проворковал старик.

Вот только в его бесцветных глазах ласки не было.

— Да какой к Х'сан'кору конь?! — взвился я.

Меня начинало доставать, что чуть ли не каждый теперь нуждается не только в Роге Радуги и моей смерти, но еще и в каком-то вонючем коне.

— Зачем мне лошадь?! Что мне с ней делать?!

Архимаг молчал и лишь хмурил брови, но в его глазах появилось сомнение.

— То есть это не ты украл вчера вечером Коня из дома архимага О'Станда?

— Он совсем ненормальный, если держит лошадь в доме? — изумился я.

— Да при чем здесь лошадь, вор?! Вчера из дома архимага О'Станда, который приехал из Филанда, неизвестными был похищен волшебный Камень — Конь Теней. Мы рассчитывали с его помощью загнать демонов обратно во Тьму. А теперь он пропал!

— Но демоны уже исчезли. Я же произнес это заклинание.

— Исчезли.— Архимаг кивнул.— И меня очень беспокоит, что ты сделал то, чего не смог сделать целый Орден. Каким образом и откуда взялся этот никому не известный свиток, кто еще приходил к этому твоему Болту и интересовался планами Запретной части, кто такой Хозяин? С чего на вас с Родериком напали убийцы? Кому понадобился Камень и как вообще о нем кто-то прознал?

— А почему вы сразу стали подозревать меня, ваше магичество? — Я покосился на стоявшее рядом кресло.

— Садись уж, чего там,— бросил архимаг, заметив мой взгляд.— А кто еще, Гаррет, мог провернуть такое дело? Ни одна магическая ловушка не активирована, Камень попросту исчез. Даже дураку ясно, что работал мастер.

— Ну, я не единственный вор в городе. В столице есть по крайней мере еще два человека, способных на такое дело. А что говорит сам О'Станд?

— Ничего. Он мертв.— Архимаг устало закрыл глаза.— Слуги нашли его с перерезанным горлом. Убили, как какого-то ночного пьянчугу из Конюшни Старка. Не кого-нибудь, а архимага Филанда! Это не только политический скандал, но еще и удар по престижу Ордена Валиостра!

— Он прибыл сюда специально ради Коня?

— Да. Мы вызвали его, как только ночные твари появились в городе. Филанд — владелец... бывший владелец великой реликвии — Камня, с помощью которого можно загнать демонов во Тьму.

— Вы опасаетесь, что темные твари могут появиться вновь?

— Я вообще не уверен, что они куда-либо исчезали,— буркнул Арцивус.— С чего ты взял, что заклинание сработало правильно? Может, тот демон тебе просто наврал?

Вообще-то это я наврал Арцивусу, сказав, что после прочтения свитка видел, как появившийся демон орал, что заклинание тянет их во Тьму, а затем исчез. Конечно, все было совсем не так, но мне очень не хотелось, чтобы за мной как тени сновали маги-демонологи в попытке захватить Вухджааза.

То есть уничтожить его, конечно, надобно, но сейчас придется идти на вынужденный риск, иначе волшебники посадят меня под сотню замков, лишь бы выманить и захватить настоящего живого демона.

А демоны, как известно, устойчивы почти к любой магии и поэтому представляют собой довольно большую, хоть и опасную, загадку. Загадку, над которой бьется уже множество поколений магов. Ведь нет ничего желаннее для боевого мага, чем обладать устойчивостью к заклинаниям противника. И имей Орден настоящего живого демона, он бы сделал все, что в его силах, дабы раскрыть секрет неуязвимости к волшебству. Демоны дрожат только перед такими вот образчиками, как Камни. Да еще их можно поймать на заклинания в свитках, придуманных неизвестными умельцами или демонологами Ордена.

— Откуда я знаю? — Пожав плечами, я поднял честный взгляд на Арцивуса.— Эта тварь исчезла. Да и какая теперь разница, у кого этот Конь?

— С его помощью можно не только изгнать демонов, но и вызвать,— устало произнес архимаг и вновь закашлялся.

— А при чем тут доралиссцы?

— Дело в том, что это ведь их артефакт. Филандцы забрали его у козлолюдей около двадцати лет назад за то, что те попытались их обмануть при продаже лошадей. Все было, конечно, честно, по условиям контракта, но этот Камень был чем-то вроде козлиной святыни. Вот они и пытаются всеми правдами и неправдами его вернуть. Сколько раз хотели выкупить, предлагая огромные деньги и целые табуны лучших лошадей, но Орден Филанда не соглашался. И правильно делал. В Камне заключена большая сила, хоть управлять ею могут только маги с дипломом по демонологии. Ну и сами демоны.

— То есть вы хотите сказать, что если этот Конь окажется в руках демона...

— Что произойдет тогда — неизвестно. Демон может выпустить всех своих братьев из Тьмы на свободу или, если умный, оставит Коня себе. И тогда ему не сможет повредить ни одно заклинание в мире. Он будет устойчив. Магически нейтрален, если ты знаешь, что обозначает это слово.

«Вухджааз умный». Я поежился, когда мне послышался голос демона.

— Тогда почему какая-нибудь из этих тварей уже не зацапала себе Коня? — Вопрос напрашивался сам собой.

— Уж не знаю, откуда Коня взяли доралиссцы, может, кто-то из богов по какой-то прихоти им его отдал, но Камень обладает таким свойством, что ни один демон не сможет взять его в лапы, если кто-нибудь из людей или доралиссцев не отдаст его добровольно.

«Вухджааз умный». Теперь в моей голове этот голос прозвучал с превосходством.

— И теперь я должен найти вам эту штуку?

— Ты занимайся Заказом короля,— отмахнулся магистр Ордена.— Коня мы сами будем искать, раз ты тут ни при чем.

— Доралиссцы так не думают.— Я покачал головой.

Козлолюди могут стать большой занозой для меня в эти дни.

— Интересно, а с чего они решили, что Гаррет-тень замешан в этом деле? Либо пришли к тем же выводам, что и я, либо тебя кто-то подставил, вор.

— Врагов у меня хватает,— как можно небрежнее произнес я, но в голове что-то щелкнуло. Вся головоломка карликов со стоном и скрежетом шестеренок постепенно вставала на места.

— Будь осторожен. Ты нужен королю. Может, мне стоит выделить тебе сопровождение из магов Ордена?

— Нет,— торопливо отказался я.— Спасибо за предложение, ваше магичество. Для меня это будет лишней обузой. Я сам разберусь с доралиссцами.

— Ну что же, ну что же.— К Арцивусу вернулось хорошее настроение.— Это твой выбор, и я не буду настаивать, хотя надо бы. Ладно, Гаррет, ступай. Я уверен, у тебя есть дела поважнее, чем болтать со стариком.

— Могу я задать вам несколько вопросов?

— Да, конечно.

— Что вы можете рассказать о Пятне?

— Запретная территория? — буркнул старик.— Орден практически ничего о ней не знает. Белая дыра на карте города и черное пят-

но на репутации магов. С башни можно увидеть ее кварталы, но ты понимаешь, что глазам в этом случае не стоит верить.

— Ну хоть что-то вы можете мне рассказать?

— Как она появилась, ты уже знаешь... Потом на Авендум налетела черная вьюга. И затем оттуда поперло всякое разное. Орден магов создал Круг с помощью единственного оставшегося в живых архимага! Арцис было его имя. Благодаря Кругу удалось воздвигнуть Стену. Она послужила границей. Больше никто не мог вылезти в жилые кварталы улиц Авендума из Запретной части, а жители не суются за Стену.

— А что там сейчас происходит?

— Кто его знает, Гаррет. После того как Рог Радуги сработал иначе, чем рассчитывал Орден, архимаг, успевший его спасти, умер по дороге. Его ученик, кстати ставший впоследствии магистром Ордена, вынес артефакт с территории, пока собиралась вьюга. А пятеро других волшебников так навечно и остались в башне. Что с ними случилось, я не знаю. Да и с жителями этого района тоже. Умирающий архимаг сказал, что они в ком-то ошиблись.

— Что означали эти слова?

— Не знаю. В один день, точнее ночь, Орден Валиостра лишился шестерых архимагов, в том числе и магистра — Панарика. Когда все успокоилось, когда уже возникла Стена, от Рога решили избавиться. Убрать от греха подальше. Храд Спайн был идеальным местом. К тому времени он уже был заброшен, никто туда не лез. Осторожно добавили в Рог силы, чтобы он держал Неназываемого, и отнесли.

— Но как тогда информация попала в башню?

— Похоронив артефакт в Храд Спайне, один из магов отнес дневники о том, где он спрятал Рог, в старую башню Ордена. Надеюсь, что отнес. Он так и не вернулся с Запретной территории. Видишь? Я знаю не больше бабок-сплетниц на Рыночной площади. Могу дать только один совет: отправляйся ночью. Да, это кажется несоизмеримо опаснее, чем днем, все твари тьмы панически боятся солнечного света, и ночь — их вотчина, но... Понимаешь ли, вор, те, кто уходил в Запретную часть города в темное время суток, все же порой возвращались назад.

Да. Я тоже слышал истории об этом. Многие хотели рискнуть ради поиска сокровища. На улице Сонной Кошки раньше находился банк гномов. Золотишка там осталось много.

— Те же, кто шел днем,— продолжил Арцивус, — уходили навсегда.

— Где в башне мне искать информацию о Храд Спайне?

— Если она есть, то на втором этаже. В комнате архивиста.

— Ловушки, замки, стражи?

— Можешь не волноваться,— хмыкнул магистр.— Все произошло слишком неожиданно.

Старик закашлял в кулак, вновь вошел Родерик со стаканом, но архимаг, поморщившись, отставил лекарство.

— Я устал, Гаррет. Прожитые годы давят на кости. Избавь меня от присутствия своей персоны. Будь так добр.

Когда я уже вышел в коридор, а ученик архимага стал закрывать дверь, вновь послышался утомленный голос старика:

— Эй, Гаррет.

— Да?

— Когда ты планируешь отправиться в Запретную часть?

— Дня через три, когда буду полностью готов.

— Хорошо. Не забудь, что тебя ждет король. А теперь — ступай.

Я раздраженно пожал плечами, никогда не жаловался на память. И покинул апартаменты Арцивуса молча.

Теперь следовало позаботиться о новом жилье, и я знал одного человека, готового предоставить мне его на неограниченный срок и абсолютно безвозмездно.

— Приехали, милорд.— Кучер, разряженный в бархатную ливрею, вежливо открыл дверь кареты и поклонился.

О том, что милордом назвали мою скромную воровскую персону, я догадался только через несколько секунд. Непривычно как-то — милордом меня еще никто не называл.

Ну, естественно, кучера можно понять. Неужели человек, навещавший приболевшего архимага, может быть каким-то вором? Конечно же это, скорее всего, переодетый богатый граф, решивший прогуляться по Авендуму инкогнито.

Я вышел из кареты и направился к главным воротам Собора Богов, находящегося на Соборной площади, располагавшейся на границе трех частей Авендума: Внешнего, Внутреннего и города Ремесленников и Магов.

Жрецы оттяпали себе гигантский кусок города, не уступающий по размерам территории дворца короля. А если уж совсем быть честным, то на Соборной площади вполне могла поместиться парочка сталконовских дворцов.

Собор — самое крупное во всех Северных землях место, где почитались сразу все двенадцать богов Сиалы. Так что не надо было топать через половину города к интересующему тебя храму, так сказать, временному жилищу какого-то бога, а нужно было просто прийти на площадь, войти в главные ворота, открытые и днем и ночью, а затем выбрать того, к кому хочешь обратить свои молитвы.

Боги!

Я кощунственно хмыкнул.

Боги не очень-то жаловали своим присутствием мир, который создали. Раньше, в те времена, когда Сиала была юной, во времена начала начал, когда люди только появились вслед за эльфами, орками, оградами, гномами и карликами, боги еще бродили по дорогам. Творили чудеса, наказывали нечестивцев и одаривали праведников.

Но земная суета им в конце концов надоела, и они ушли заниматься собственными, непонятными для людей, «важными», как говорят жрецы, делами. Не знаю, может, и важными, только не очень-то я верил в могущество богов. Сплошные сказки для сопливых детишек да бредни фанатиков. Ну, естественно, я верю в Сагота и его силу, но не думаю, что он был богом. Кое-кто говорит, это просто удачливый вор прошлого, о похождениях которого и поныне сохранилось множество историй. Но пронырливые жрецы не преминули возвести его в божественный ранг, чтобы увеличить приток золотишка в казну храмов. Потому как воры и мошенники — народ суеверный, и верить в кого-то им ой как надо.

Ну да ладно! Существуют боги или нет, вопрос, конечно, философский, и об этом можно будет поспорить с братом Фором за кувшином-другим вина в свободное от забот время. Если, конечно, такое времечко когда-нибудь настанет. Я лично в этом сомневаюсь, у меня слишком пессимистичный взгляд на войну с Неназываемым. По моему мнению, мир со скоростью королевского гонца несется в пасть к голодному огру.

— Ты борешься с Тьмой в себе? — спросил меня один из двух жрецов, стоявших возле главных ворот.

— Я уничтожаю Тьму,— произнес я ритуальную фразу.

— Так войди же и обратись к Ним! — с пафосом произнес второй жрец.

Я не преминул воспользоваться столь гениальной рекомендацией двух стариков, которым было больше нечего делать, кроме как жариться на солнце, встречая и провожая каждого путника.

Что удивительно, стражи Собора у входа не было. Как я слышал, из-за запрета жрецов. И это в принципе было правильно, так как бандитские рожи служителей закона вполне могли отпугнуть половину прихожан и лишить Собор значительной части доходов.

Зато стражники прогуливались внутри территории — вокруг цветников, шумящих фонтанов, статуй богов и их храмов, потихоньку дурея от жары в кирасах и рокантонах. Естественно, все они были злы, как орки, у которых во время похода внезапно разболелись зубы. И причина злости была очевидна. В Собор ссылали провинившихся или попавшихся на взятках и вымогательстве сослуживцев Фраго Лантэна. Отправляли на эту не очень почетную

службу на разный срок — от дня до года. Эдакое искупление провинностей, где на ухо тебе все время шепчут о грехах приставучие жрецы, а деньги с прихожан взымать строжайше запрещено.

Мимо меня продефилировала парочка оранжево-белых бедняг. Их взгляды цепко скользнули по моей фигуре, выискивая, к чему бы придраться и как бы незаметно от жрецов засадить древко протазана мне в бок. Но я мило улыбнулся и, не удержавшись, весело помахал угрюмым и обозленным страдальцам рукой.

Эх! Люблю я дразнить великана в клетке!

Стражники нахмурились и, покрепче перехватив оружие, направились в мою сторону с явным желанием намять мне бока. Но, как я и предполагал, далеко они не прошли.

Чуть ли не из воздуха на их пути появился жрец и стал читать божественную мораль. На небритых рожах вояк появилось скучающее и такое тоскливое выражение, что я чуть было не прослезился. Ребятам строжайше запрещено вступать в споры или проявлять неуважение к служителям Собора. Под угрозой лишения пенсии. Поэтому им оставалось только слушать, слушать и еще тысячу раз слушать.

Я прошел по аккуратной, мощенной квадратными плитками дорожке, обогнул искрящийся и пенящийся фонтан в виде рыцаря, на полном скаку пробивающего копьем здоровенного огра. Вышел во внутренний двор Собора, где стояли статуи богов, между которыми постоянно крутились просители и посетители из города и близлежащих окрестностей.

Пока здесь не наблюдалось множества паломников, прибывающих из других частей королевства. Их наплыв обычно приходился на время весеннего праздника Богов, так что сейчас двор был не так уж и многолюден. Только возле изваяния Сагры стояло несколько человек. По одежде я узнал в них воинов.

Я скользнул небрежным взглядом по одиннадцати статуям мужчин и женщин. Передо мной стояли боги Сиалы. И остановился на пустом постаменте, где должна была стоять двенадцатая статуя. Сагота.

Так случилось, что в мире существовало только одно-единственное изображение бога воров. Видно, он не слишком жаловал повышенное внимание к своей персоне.

Его скульптура находилась в Запретной части города, и когда случилась заварушка с Рогом Радуги, она осталась по ту сторону стены. А воссоздать статую бога воров так никто и не смог. Даже жрецы не знали, как должен выглядеть Сагот, а потому решили не рисковать, не богохульничать и оставить постамент, где должен стоять бог, до поры до времени пустым.

Покровитель воров и мошенников, как видно, нисколько не возражал против этого. Во всяком случае, жрецы никаких знамений не видели, разве что только после пятого кувшина вина, но эти были столь туманны и загадочны, что никем не воспринимались всерьез. Так что теперь во всех храмах Сагота стояли пустые мраморные тумбы.

Но сейчас на постаменте сидел, скрестив обутые в грязные башмаки ноги, бродяга и держал в протянутой руке грубую глиняную чашку. Удивительно, но жрецы как будто не видели кощунства. Меня разобрало любопытство, и я прошел вдоль ряда остальных божеств к нищему, в самую дальнюю часть зеленого дворика. На ходу сняв плащ, я завернул в него арбалет.

— Хорошо сидишь,— дружелюбно произнес я, останавливаясь перед незнакомцем.

Он бросил на меня взгляд из-под темного, скрывающего лицо капюшона, и тряхнул чашкой для подаяния.

— Удобно? Ноги не затекли? — спросил я, делая вид, что не замечаю жеста.

— Мне сейчас намного комфортней, чем тебе, Гаррет-тень,— прозвучал насмешливый голос.

— Мы знакомы? — Меня начинало раздражать, что меня, похоже, знает каждая крыса Авендума.

— Да нет.— Бродяга пожал плечами и вновь тряхнул чашкой.— Но я о тебе слышал.

— Надеюсь, только самое хорошее? — Я уже потерял всякий интерес к попрошайке и собрался, было, проследовать по едва видимой, заросшей высокой травой дорожке в глубь территории Собора, когда голос нищего остановил меня:

— Кинь монетку, Гаррет, получишь бесплатный совет.

— Странно,— усмехнулся я, вновь поворачиваясь к сидящему.— Если совет бесплатный, то зачем тогда давать монетку?

— Ну, Гаррет, мне же надо кушать и где-то спать, не правда ли?

Незнакомец заинтриговал меня. Я порылся в карманах, выудил мелочь и, усмехнувшись, бросил нищему в подставленную им утварь. Медяшка сиротливо стукнулась о дно. Нищий поднес глиняную чашку к носу, чтобы получше разглядеть, что я ему дал, и тяжело вздохнул:

— Это особенность характера или все воры такие жадные?

— Скажи спасибо, что я трачу свое время и даю хоть что-то! — возмутился я.

— Спасибо. Так дава́ть совет?

— Будь так любезен.

— Тогда плати золотой, за медяк я не работаю.

Мне захотелось взять его за шкирку и как следует встряхнуть. На золотой этот проныра может безбедно жить целый месяц. Но я уже угодил в расставленные сети прохиндея, и мне было нежалко даже золотого ради того, чтобы услышать тот бред, что он мне скажет.

— Хорошо, вот.— Я завертел между пальцами желтую монету.— Но вначале мне хотелось бы увидеть твое лицо.

— Нет ничего проще,— произнес нищий и откинул капюшон.

Ничем не примечательная физиономия. Грубая, обветренная, немолодая, заросшая седой щетиной. Острый нос, яркие глаза. Мне он знаком не был.

— Вот твоя плата.— Я бросил в чашку тяжелый кругляшок, и бродяга торжествующе улыбнулся.— Но учти, если совет будет плох, я вытрясу деньги назад. Ну?

— Совет такой,— сказал нищий, вновь накидывая капюшон.— Не вставай на Селену. Ножками иди, Гаррет, ножками, тогда авось доживешь до старости.

— Селену? Какую Селену? И почему не вставать? — не понял я.— Что за загадки?!

Но нищий как будто в рот воды набрал.

— Слушай, я не шучу. Или верни деньги, или расскажи, откуда ты меня знаешь и что это за глупая загадка?!

— Э-э-э-х-б-б-м-а-а-а-а,— промычал нищий и замахал руками, корча из себя глухонемого идиота.

Но от моего взгляда не ускользнуло, что монета как по волшебству исчезла из рук бродяги где-то под одеждой.

— Хватит прикидываться! Возвращай деньги! — рассвирепел я и шагнул к мошеннику.

— Ты издеваешься над блаженным? — раздался у меня за спиной грубый голос.

Я обернулся и наткнулся на пяток стражников.

— Да какой он блаженный, распыли меня Тьма! Он настоящий мошенник! — Я никак не мог поверить в то, что меня надули.

— Иди, милейший, иди. Тут к богам обращаются, а ты шумишь,— нехорошо улыбнулся сержант стражи, стоявший чуть впереди хмурых подчиненных.— Иначе придется вывести тебя из этого богоугодного места.

— Му-у-у,— поддержал стражу «глухонемой» и отчаянно закивал головой.

Да они тут все в одной шайке! Спорить бесполезно, я только наживу кучу неприятностей и в итоге так и не попаду туда, куда шел.

Мне оставалось лишь пожать плечами и, кипя от праведного гнева, ретироваться. Вокруг сплошное ворье и жулики!

Надули меня четко и легко, попался, как сиволапый крестьянин на стандартную уловку мошенников, практикуемую от зари времен. Ну и Сагот с ним! Не обеднею.

Дорожка петляла меж зеленых садов, цветников и клумб. Пару раз я встречался со жрецами, идущими по своим делам. Они не обращали на меня никакого внимания, как будто посетители только и делают, что шастают по внутренней территории Собора.

Дорожка вильнула влево, обогнула клумбу с бледными синенькими цветочками, тянущимися всеми лепестками к теплому солнышку, и я подошел к массивному зданию из огромных серых блоков. Здесь была сквозная полутемная арка, ведущая к жилищу моего единственного друга в этом мире.

Испугавшиеся солнца тени жались к серым, оплывшим от времени стенам, а прохлада, витавшая в узком туннеле, казалась благословением богов. Особенно после жары летнего дня.

Мои шаги эхом отражались от низких сводов. Я почти миновал это место, когда кто-то знакомый до боли в печенке схватил меня за грудки и приподнял над землей.

За руками из стены появились плечи и голова. Остальная часть туловища так и осталась где-то там.

— Вухджааз умный.— Демон донес до меня и так уже всем известный факт.

Я скривился от аромата его дыхания, стараясь удержать завтрак, которым меня любезно накормил Родерик, прежде чем я удосужился покинуть дом Арцивуса. Хотел бы я знать, на какой помойке питается этот умник, если от него так несет?

— Привет.— Я радостно улыбнулся, как будто это был не демон Тьмы, а моя мамочка.

— Вухджааз умный.— Тварь все же решила поставить меня на землю, а затем подозрительно оглядела.— Ты достал Коня?

— Я как раз работаю над этим.

— Быстрее! — прошипел демон, и его алые глаза грозно сверкнули в полумраке.— Мне долго не продержаться.

— Мне надо еще немного времени.

— Я слежу за тобой, через три дня принеси Коня, или я высосу мозг из твоих костей! — Вухджааз еще раз зыркнул на меня и растворился в стене.

Я оперся спиной о шершавую поверхность стены и перевел дух. Фу-у-у! Так и до разрыва сердца можно довести! Никак не ожидал, что проклятая тварь появится так скоро, да еще и днем. С Вухджаазом нужно что-то делать.

Где искать Коня, я уже примерно знал. Он у тех, кто натравил на меня доралиссцев. Бесспорно. Теперь мне бы найти этих неизвест-

ных и слямзить Камень до послезавтрашней ночи, а не то мой мозг высосут...

— Ты хорошо себя чувствуешь, сын мой? — раздался вежливый вопрос над ухом, и я подлетел от неожиданности на несколько ярдов, собираясь заорать во всю глотку.

Но это был всего лишь жрец, который, как всегда это бывает, появился, когда его помощь мне уже не требовалась.

— Все хорошо,— буркнул я, и под изумленным взглядом служителя (не каждый день можно видеть, как человек ни с того ни с сего вдруг пытается улететь) торопливой походкой, выскочил из перехода на солнечный свет.

Здесь, несмотря на жару, было по крайней мере безопасно. Никто не выскакивал из стен и ничем не грозил.

Я поднялся по массивной лестнице со сбитыми ступенями и прошел по коридору, ведущему в жилища жрецов Сагота. Двое служителей, стоящих у мраморной вазы, из которой торчал вялый веник, называвшийся пальмой, прекратили спор о путях и делах бога воров и уставились на меня. Я кивнул и сложил пальцы знаком нашего цеха. Они расслабились, приветливо склонили головы в ответ и вновь занялись философским спором. Я перестал быть для них чужаком.

Ни для кого не секрет, что жрецами Сагота становятся только бывшие воры или мошенники. Это вековая традиция, от которой никто не собирается отступать...

Коридор закончился. Я поднялся на второй этаж по очередной лестнице. Здесь находились комнаты жрецов. Меня интересовала вторая дверь справа — очень приметная, на ее почерневшей от старости деревянной поверхности были глубокие борозды: следы, оставленные мечами не слишком приветливых посетителей.

Однако бывшие воры вполне могли постоять за себя и под мирными серыми рясами всегда прятали ножи. Так что посягателей на спокойствие сей обители, как рассказывал мой друг, похоронили в саду, под одной из яблонь, а мечи повесили в центральном молельном зале Храма, чтобы другим неповадно было входить в это мирное и богоугодное место с обнаженным оружием. Пусть Сагот последний из богов и не такой грозный и могущественный, как его братья и сестры, но и он, и его почитатели всегда будут защищать себя.

Я постучался в дверь. Не дожидаясь разрешения, вошел и очутился в хорошо освещенной комнате. Она была большой, и контраст ее весело расписанных разноцветными красками стен комнаты после серых и тоскливых коридоров радовал глаз. Я оценивающе (что поделать, привычка) окинул взглядом довольно богатую обстанов-

ку. Дорогие картины известных мастеров прошлого с изображениями сцен божественной мифологии, желтый султанатский ковер на полу, чудесная мебель, миниатюрный золотой постамент Сагота. Мой друг был не последним лицом в иерархической лестнице служителей бога воров.

— Гаррет! Мальчик мой! — Из-за стола поднялся огромный толстый человек в серо-белой рясе жреца и, раскрыв объятия, направился ко мне.— Какими судьбами? Сто лет старика не навещал!

— Здравствуй, Фор, рад тебя видеть живым, здоровым и толстым! — Смеясь, я обнял старого жреца.

— Что поделаешь, служба! — рассмеялся он в ответ.

— Эй! Эй! Эй! Я все видел, старый мошенник! А ну-ка верни кошелек! — вскричал я.— Все так же не теряешь хватки, старый вор?

— Куда нам, старикам, до вас, молодых? — шутливо ответил Фор и бросил мне кошелек, только что снятый с моего пояса.— Проходи к столу, я как раз собирался обедать.

— Ты всегда обедаешь, когда бы я ни пришел. Служба Саготу увеличила тебя в размерах раза в три.

— Что поделаешь, на все его воля.— Фор скорбно развел пухлыми руками.— Ты посиди, я принесу твое любимое вино.

Он усмехнулся, подмигнул мне, а затем, пыхтя и отдуваясь, ушел в соседнюю комнату. Я сел на стул, массивный и крепкий, способный выдержать вес Фора, и положил на стол плащ с завернутым в него арбалетом.

Старый Фор, Фор — Липкие Руки. Один из самых известных в прошлом мастеров-воров Авендума, который в былые годы совершал такие дерзкие кражи из самых влиятельных домов, что об этих ограблениях до сих пор говорили в нашем цеху.

Фор был тем человеком, кто первым заметил вечно голодного и худенького подростка — Гаррета-блоху и взял к себе под крыло, начав учить не мелкому карманному воровству, а искусству Высшего Мастерства.

Десять лет он мучился со мной, пока не появился Гаррет-тень, не уступающий в мастерстве учителю. Теперь Фор давно отошел от дел, перейдя на службу Саготу.

Добрый жрец, брат Фор, Защитник Рук.

Этот титул все еще вызывал у меня приступ смеха, я просто не мог поверить, что самый удачливый и талантливый вор ушел на покой. Из всех живых существ в этом сумасшедшем и опасном мире я доверял только своему учителю и другу.

— А вот и я.— Красная физиономия Фора сияла торжествующей улыбкой. В каждой руке он нес по паре запылившихся бутылок.

— «Янтарная слеза»! — воскликнул я.

— Именно! Старые запасы, лучшее вино светлых эльфов из-за Гор карликов. Цени!

— Ценю.

— Так. Закуски, думаю, хватит.— Фор оценивающе оглядел ломящийся от всяческой снеди стол.

Пробка чпокнула и вылетела из бутылки. Густое янтарное вино потекло в бокалы.

— Ну, за встречу! Рад, что не забываешь старика.

Я наслаждался терпким ароматом и вкусом. Десять золотых за бутылку — огромные деньги, и не всякий может позволить себе удовольствие оценить эльфийское вино. Был лишь один редкий напиток в этом мире, не уступающий по вкусу, — вино орков. Но, по известным причинам, не каждый мог наведаться в их погреба.

— Я и не чаял тебя увидеть в ближайшие годы, малыш. По городу ползут разные слухи.

— Слухи! — Я фыркнул.— Что за слухи?

— Ну, одни говорят, что ты на ножах с Маркуном и рано или поздно это добром не кончится. Правда, пока еще неизвестно, для кого из вас двоих. Но ставки делаются.

— Даже так?

— Да.

— Надеюсь, ты правильно поставил свое золото? — хмыкнул я.

— А как же? Другие болтали, что Фраго Лантэн упек тебя в Серые камни. Третьи — будто доралиссцы усиленно ищут некоего Гаррета. Так что, малыш? Это только слухи или ты вляпался в историю? — Фор испытующе посмотрел на меня, вгрызаясь в свиное ребрышко.

— Не совсем слухи,— осторожно начал я.— Весь мир как будто сошел с ума, Фор.

— Сагот спаси твою заблудшую душу,— вздохнул жрец и отложил обглоданную кость в сторону.— Мир завис на грани большой войны, Гаррет, а тут еще ты со своими дурацкими выкрутасами. Если все, что я слышал, правда, тебе пора исчезнуть. Куда-нибудь в Низину. Хотя не думаю, что там спокойно. Неназываемый — только начало, мои старые кости чувствуют это. Он будет толчком, тем самым фитилем, как говаривают гномы, который подожжет бочку с порохом. А уж она сама догадается, как взорвать наш хрупкий мир. Орки почувствуют свободу, Мирануэх сорвется с цепи, Гаррак вцепится в глотку Империям, а они — друг другу, карлики на гномов, гномы на карликов. Утонем в крови, помяни мое слово.

— Ты думаешь?

— Гаррет, малыш, ты ведь умный человек, недаром я потратил на тебя лучшие годы своей жизни. Ты получил знаний ничуть не мень-

ше любого дворянина. Сколько ты прочитал книг из моей библиотеки? Все? А мыслишь как пятилетний ребенок. Будет война, помяни мое слово, будет. Этого не избежать. Разве что случится маленькое чудо.

— На все воля Сагота,— мрачно бросил я, крутя в руках бокал с вином.

— На все воля,— машинально повторил Фор и откусил здоровенный кусок от румяной булки.— Так что тебя ко мне привело? — прожевав, спросил он.

— Что, я уже не могу навестить своего учителя? — искренне обиделся я и нахмурил брови.

— Только не в то время, когда разумнее залечь на дно. Хотя ты всегда был упрямым и рисковал понапрасну.— Жрец обреченно махнул рукой.— Так от меня, выходит, ничего не нужно?

— Нужно,— вздохнул я.

— Ага! — торжествующе провозгласил Фор.— Что и требовалось доказать! Я все еще не потерял логики! Так что тебе понадобилось от старого толстяка?

— Убежище на пару ночей, пока я не отправлюсь исполнять Заказ.

— У нас есть свободные кельи. А может, ты еще и жрецом заделаешься? — хохотнул бывший вор, вновь наполняя бокалы.— Стоп! Какой Заказ?! Ты совсем растерял последние мозги, Гаррет?! Тут голову можно потерять, а ты все за деньгами гонишься! Нет, ну это просто верх жадности!

— Я не хотел этого. Так получилось.

Фор внимательно глянул на меня карими бусинками глаз и с очередным вздохом наполнил вновь опустевший стакан:

— Рассказывай.

И я рассказал. Начиная с той злополучной ночи, когда тьма меня дернула отправиться в гости к герцогу Патине. Фор молча слушал, покусывая пухлые губы и иногда царапая вилкой деревянный стол, словно делал на нем какие-то пометки. Он только раз остановил меня, подробнее расспросил о Бледном и покачал головой, нахмурив брови.

— Не знаю такого убийцу в столице. Странно. Откуда он взялся?

Моя история заняла немало времени, и, когда я закончил, во рту пересохло. Фор плеснул мне еще вина, и я благодарно кивнул.

— Ты четырежды дурак, Гаррет. Ты принял Заказ, хотя более безопасно для жизни было отправиться в Серые камни. Ты воспользовался никому не известным заклинанием, чем повесил себе на шею голодного демона. Ты не смог, когда у тебя была возможность, убить Бледного, и он тебе еще не раз перейдет дорожку. Тебя подставили

козлам. Да еще объявился какой-то таинственный, никогда ранее не упоминавшийся нигде и никем Хозяин. Признаешь себя ослом?

Я кивнул.

— Ах да! Ты еще больший осел, если собираешься лезть на Запретную территорию.

— Это поможет мне выжить в Храд Спайне. Без карты я могу бродить там веками. Хочешь, не хочешь, а надо, Фор.

Он молчал, думая о чем-то своем.

— Ты уверен, что без этого похода никак?

— Угу.

— Дурак ты, ох дурак. И на кой я тебя взял к себе в ученики? Хорошо, слушай. Иди только ночью. Через стену ты перелезешь без проблем. Лучше сделать это в Портовом городе, возле старой конюшни Старка. Район опасный, но тебе не впервой бывать в таких местах. Оттуда сразу попадешь на Людскую, с нее сможешь добраться до Сонной Кошки, а дальше уже и на Магов. Не суйся на Кладбищенскую, сам знаешь почему. Сонная Кошка довольно спокойна. Если все будет удачно, пробирайся по крышам, надеюсь, что кровли еще не прогнили и выдержат твой вес. Идти по верху, конечно, неудобно, но зато безопасно — мертвяки, как известно, летать пока еще не научились. На Сонной есть старая статуя Сагота — это единственное тихое место в районе. Если что, переждешь там беду. Но до утра ты должен вернуться из Запретной части, иначе останешься там навсегда.

— Откуда ты все это знаешь? — изумился я.

— Откуда? — Фор усмехнулся.— Гулял там по молодости лет, да не смотри ты на меня так и рот закрой. На Сонной Кошке банк гномов был, может, слышал? Вот я и сходил. Внутрь так попасть и не смог, двери там на совесть, но насмотрелся всякого. Нет, никаких зубов-клыков-глазищ. Врать не хочу, этого я не видел. Вообще никого не встретил. Пусто. Мертвые улицы, как будто все исчезли. Ветер да странные звуки, ну и всякие видения, мерзости. Не буду пугать, может, ничего такого ты и не увидишь. Но возьми с собой кусок мяса да заверни покрепче в эльфийский дрокр. Эта ткань не промокает и не пропускает запахов. Если, не приведи Сагот, нарвешься на какую-нибудь кровожадную тварь или мертвых с кладбища, сможешь отвлечь их на несколько минут мясом. Вот, пожалуй, и все. Не верь глазам и ушам, делай дело и сваливай, Гаррет, сваливай побыстрее оттуда.

— А про улицу Магов?

— Чего не знаю, того не знаю. Не забирался я так далеко, малыш. Мне и так до конца жизни хватит впечатлений от Людской и Сон-

ной. На первой более-менее спокойно, на второй — всякие э-э-э... Неприятности.

— А почему не попробовать попасть на Запретную территорию с улицы Кровельщиков? Намного ближе и безопаснее, на мой взгляд.

— Понимаешь, Гаррет, беда в том, что тех, кто решался сунуться на Закрытую со стороны Кровельщиков, никто больше никогда не видел. Так стоит ли рисковать?

Мы помолчали.

— Ну что? Пойдем покажу, где будешь спать. Хотя нет, оставайся-ка лучше у меня.

— Спасибо, но мне еще надо кое-что завершить в городе.— Я встал из-за стола и взял плащ.

— Так когда ты решил идти?

— Сегодня ночью.

— Сегодня? Ты ведь говорил, через два дня? — удивился жрец.

— Что, уже передумать нельзя? — пробормотал я, направляясь к двери.— Увидимся, Фор.

— Удачи, малыш. Большой удачи,— произнес мой старый учитель.— А я подумаю, что можно сделать с твоим демоном.

Наступал вечер, и я поспешил в город Магов, пока не закрылись лавки. Иначе придется воевать с теми, кто обитает за волшебной стеной, голыми руками.

Глава 8
СЛИШКОМ МНОГО ДЕМОНОВ

Арка, где я наткнулся на «умного» Вухджааза, встретила меня зловещим полумраком. Я немного помялся перед тем, как идти через нее. Пришлось убедить себя, что два раза в одном и том же месте вселенского свинства произойти просто не может. Поэтому я преодолел дрожь в коленях и, набрав в грудь побольше воздуха, сделал шаг.

Свинство случилось, едва я преодолел половину пути. Вновь из стены вылетели лапы и сцапали меня за плечи.

— Послушай, Вухджааз, сколько можно...— раздраженно начал я, но, разглядев ухватившего, заткнулся.

Это был не Вухджааз!

Тварь, схватившая меня на этот раз, лишь отдаленно напоминала «умного высасывателя мозга из костей». Этот демон был не серым, а черным, в малиновую крапинку. Он казался немного мельче Вухджааза, но баранья голова с огромными рогами, клыками и горящими

изумрудными глазами не прибавляла демону ни капли миловидности или добродушия.

— Привет.— Я решил действовать по уже проверенной схеме. Вежливое обхождение с таким созданием еще никому не вредило.— Я Гаррет. А ты?

— Заткнись! — прошипела тварь и, приподняв верхнюю губу, оскалила зубы.

Я решил последовать ее совету.

— Где он? Ты оглох?! ГДЕ он?! — Демон, выражая не самые хорошие намерения, затряс меня. Ну точь-в-точь как Вухджааз.

— Кто — он? — спросил я, мысленно прокляв всех демонов Тьмы за то, что они никак не могут нормально сказать, чего хотят.

— Вухджааз, естественно! Эта тупая тварь! Только не надо водить гоблина по лабиринту! Не поверю, что не знаешь Вухджааза, я сам только что слышал, как ты произнес его имя!

Кажется, в этот раз мне повезло меньше. Этот демон, в отличие от предыдущего, соображал намного лучше.

— Я что, пасу его? Откуда я знаю, где он?

— Где ты должен передать ему Коня?

— Еще не знаю.

— Так узнай! И Коня ты отдашь мне, а не ему! Уяснил?

Чего же тут не уяснить? Я очень понятливый, особенно когда рядом такое чудовище.

— Ты тоже остался в этом мире? А Вухджааз сказал...

— Мой братец туп, как пустой череп,— перебил меня демон, дыхнув несказанным ароматом помойки, на которой разлагалось по меньшей мере тысяч сорок дохлых кошек.— Я не позволю захватить ему всю власть над демонами. Ты уже нашел Коня?

— Нет.

— Так ищи быстрей, иначе я высосу мозг из твоих костей.— Похоже, это у них семейная традиция: сосать мозг из костей ни в чем не повинных прохожих.— Сейчас я тебя отпущу, человечишко, но смотри не обмани меня. Конь нужен мне, иначе от тебя останется пара косточек.

— А если меня раньше схватит Вухджааз? — запротестовал я.— Ты думаешь, он не сможет отнять у меня артефакт?

— Хм...— Демон на миг задумался, и его изумрудные глаза затуманились.— Позови меня по имени, когда у тебя будет Конь, и я появлюсь.

С этими словами он отпустил меня и исчез в стене.

— Потрясающе! — завопил я.— А как твое имя?

— Щдуырук, тупица! — прорычала тварь, высунувшись из стены, и вновь пропала.

Щдуырук?! Сагот, ну кто им давал такие имена?! Язык свернуть можно!

Я вышел из проклятущей арки, решив, что либо найду обходной путь в жилище Фора, либо буду ночевать под звездами, благо пока тепло, но ни за какие сокровища мира больше не сунусь в этот проклятый переход.

Клубок все запутывался и запутывался. Как говорится: «Чем глубже в Безлюдные земли, тем свирепее огры». В деле «Гаррет, похитители Коня, доралиссцы, Вухджааз, Орден Валиостра и Орден Филанда» прибавилась еще одна сторона — Щдуырук. Надеюсь, больше желающих присоединиться не найдется.

Осталось только найти того, кто украл Камень, а затем я уж как-нибудь разберусь со всеми остальными сторонами. А если демоны подождут до конца недели, то и совсем исчезну из города. Пусть тогда они ищут другого дурака.

Внутренний двор Собора был пуст, все прихожане давно разошлись по домам. Идя к выходу, я бросил косой взгляд на постамент Сагота. Как я и предполагал, нищий уже давным-давно исчез вместе с моим золотым...

Город Магов даже в эти неспокойные дни представлял очень яркое зрелище.

Широкие улицы с вычурной архитектурой зданий, где дома были похожи на миниатюрные дворцы с яркими черепичными крышами, стрельчатыми окошками и фигурными башенками. Каждый дом, каждая улочка старались перещеголять и переспорить своих соседей красотой и аккуратностью.

Был вечер, и фонари на улицах горели разноцветными огнями — бледно-голубыми, красными, малиновыми, зелеными, ядовито-желтыми и апельсиновыми. Фонарики эти были волшебными и неизменно светились каждую ночь, что бы ни случилось в городе. Еще одно чудо Авендума, о котором говорили на каждом перекрестке этого мира — свет в фонарях загорался самостоятельно, как только наступал вечер, и гас утром, с первыми солнечными лучами.

В этот вечер улицы города Магов были забиты народом под завязку. Стихийные пьянки-гулянки вспыхивали со скоростью лесного пожара то тут, то там. Народ праздновал. Горожане хоть ненадолго освободились от ночных страхов и мыслей об армии Неназываемого. Все восхваляли Орден и магистра Арцивуса.

Как оказалось, магам наконец-то удалось изгнать из Авендума ночных тварей. И поэтому теперь можно спокойно выходить на ночные улицы, не боясь, что тебя кто-нибудь съест.

Я лишь хмыкнул. Обижаться на предприимчивого Арцивуса, присвоившего всю славу победителя демонов, я, конечно, не собирался. Мне лично такой славы не нужно. Просто очень уж насмешил этот поступок, более достойный расторопных купцов, а не магистра кичливого и важного Ордена. Просто интересно, сколько еще таких вот «победных случаев» смогли провернуть под шумок маги, укрепив тем самым свое положение? Ладно, не мое это дело.

Широкая улица Искр утопала в магических картинах. Каждая лавка считала своим долгом переплюнуть соседнюю по количеству волшебных иллюзий и зазвать к себе возможных покупателей. Вот над одним магазинчиком появились яркие огненные буквы и превратились в стаю иллюзорных голубей. Птицы, хлопая крыльями, упорхнули в вечернее небо, сложились в маленькую белую тучку, опустившуюся на крышу лавочки и вновь ставшую буквами.

Прохожие не обращали на эти чудеса никакого внимания. Здесь можно было увидеть и не такое. Например, хоть целый год смотреть разинув рот на иллюзорные молнии, уничтожающие иллюзорного огра.

Глазеть по сторонам, конечно, здорово, вон тот сиволапый крестьянин, приехавший, видно, откуда-то с юга королевства, так и поступил. А в это время расторопные и вездесущие карманники стянули у него полупустой тощий кошель.

Что-то совсем ребята обнаглели. Обычно маги не допускают, чтобы в их части города происходили подобные неприятные происшествия. Расслабились в честь праздника...

Пройдя сквозь иллюзию дракона, я оказался у ничем не примечательного дома. Тут не показывали ни ярких огненных дождей, ни ужасных чудовищ, ни волшебников в сияющих серебряных плащах. Да что говорить! Здесь даже вывески не было! Этот магазинчик не нуждался в зазывании клиентов-лопухов, которым некуда девать денежки. И цены здесь были настолько огромными, что мало кто готов был совершить покупку.

Но знающие люди приходили именно сюда, в маленькую скромную лавку, а не в раздувшиеся от магических побрякушек и красочных фантомов магазины улицы Искр.

Я толкнул дверь, и колокольчик весело звякнул. Многих посетителей удивило бы полное отсутствие товаров. Но тому, кто приходил сюда, хозяин сам подбирал со склада, находящегося в глубине лавочки, нужные вещи.

— Кого Тьма притащила? — раздался низкий и не очень-то вежливый голос, будто шмель загудел над полем клевера.— Мы закрываемся, убирайтесь!

Из полутемного внутреннего помещения лавки вышел низкорослый крепыш. Если бы я встал рядом с ним, то макушка лавочника едва-едва доставала бы мне до груди.

Как и у всех карликов, у него был массивный лоб, глубоко посаженные черные глазки и выступающая вперед тяжелая нижняя челюсть. Крепкий бочкообразный торс, сильные мускулистые руки. И несносный характер.

Многие темные обыватели откуда-нибудь из глубинки почему-то всегда путали карликов и гномов. Они считали, что и те и другие похожи друг на друга, как две капли воды из Иселины. Ну что возьмешь с темных крестьян, которые не видят ничего, кроме плуга? Карлики кардинально отличались от своих братьев-гномов. Гномы на вид были более мелкими и хлипкими, а также делали то, что никогда под страхом смерти не будут делать карлики,— носили бороду.

— Добрый вечер, мастер Хонхель,— произнес я.

— А-а-а,— протянул карлик и вытер огромные руки о кожаный фартук.— Мастер Гаррет. Добрый, добрый. А я уж было собрался вас из лавки выкидывать. Давно не были. Как зрение?

— Вполне.— Хонхель спрашивал о моем ночном зрении, которое я усилил с помощью эликсира, купленного полгода назад в его лавке.

— А что привело ко мне, да еще в момент закрытия?

— Покупки.

— Большие? — Карлик хитро прищурился, уже начав прикидывать, какие деньги он сможет с меня содрать.

— А это уже как получится. Смотря какой товар.

— Ну, мастер Гаррет,— подчеркнуто обиженно прогудел карлик.— Разве вы когда-нибудь были недовольны ассортиментом моей лавки?

— Пока нет, но, согласитесь, любезный мастер Хонхель, все когда-нибудь бывает впервые.

— Только не у меня! — хохотнул карлик и повел меня в глубину помещения.— Я получаю товар от лучших магов Ордена. А множество вещей приходит ко мне из далеких земель.

Что правда, то правда. Мастер Хонхель был одним из немногих карликов, которые остались в Валиостре, а не ушли в свои горы, после того как король заключил договор с гномами о покупке пушек. Уж не знаю, как долго будет тянуться время, пока карлики не забудут обиды и не вернутся со своими товарами в Валиостр, но такие, как добрейший мастер Хонхель, вполне успеют сколотить за это время три-четыре состояния.

— Что вас интересует, мастер Гаррет? Стандартное или что-то особенное?

— И то и то,— неопределенно произнес я, останавливаясь вслед за карликом возле большого стола с кучей ящиков, ящичков, коробочек, сундуков и сундучков.

Мы сели за стол, и, как всегда, начался торг, который я терпеть не мог. Потому как торговаться с карликами намного тяжелее, чем убить Х'сан'кора, к примеру.

— Давайте конкретней, время позднее,— поморщился Хонхель, делая вид, что он жутко занят.

Как бы не так, его от меня теперь не оттащишь всеми сокровищами драконов.

— Двадцать пять болтов с огненными духами, столько же с ледяными, сотню стандартных, бронебойных. Часть доставите по адресу. Я все сразу не унесу.

— Ого,— присвистнул карлик и округлил глаза.— Пойдете гномов из Стальных шахт выбивать?

Я не ответил, да ответ и не требовался. Хонхель знал, кто я такой, чем промышляю и какой род товаров нужен для моей работы.

— Хорошо. Еще что-то? — кивнул карлик.

— «Огоньки», вязанку. Четыре десятка «сухарей». Веревку-спутницу, ярдов десять.

— Какую?

— Паутинку.

— Эльфийскую? Да где же я такую достану? — делано удивился карлик.— У этих клыкастых разве чего допросишься?

— Ну, мастер Хонхель, вы же не простой лавочник, вы пошуруйте по своим коробочкам и сундучкам, авось найдете.

— Найду,— согласился Хонхель, понимая, что в этот раз торговаться я не намерен. Или почти не намерен.— Все?

— Можете предложить что-то еще? — вопросом на вопрос ответил я.

Карлик подумал, подперев кулачищем подбородок, затем усмехнулся:

— Есть у меня тут кой-что для таких ценителей, как вы, мастер Гаррет.

Он исчез под столом, загремел замком спрятанного там сундука, покряхтел и вылез с арбалетом в руках. Я, сам того не желая, издал восхищенный вздох, чем повысил цену еще на десяток золотых.

У арбалета оказалась довольно странная конструкция: он был двойным. Первый болт устанавливался в нижнее ложе, второй — в верхнее. Тетива на обоих механизмах натягивалась с помощью короткого рычага. Гладкая отполированная ручка, пара спусковых

крючков. Оружие было изящным, черного цвета и гораздо меньше моего. Мечта.

— Вы позволите, мастер Хонхель?

Карлик улыбнулся, протянул мне диковинку и два болта. Вещица оказалась легкой до невозможности. Я вставил болт в специальную прорезь, затем второй, потянул рычаг. Он поддался на удивление свободно. Щелчок — и тяжелые стрелы замерли в ложе. Молодцы карлики, додумались, как облегчить натягивание тетивы!

Я поискал глазами мишень, нашел на дальнем шкафу старый, запылившийся шлем, взглядом попросил у Хонхеля разрешения и, прицелившись, нажал на спуск.

— С предохранителя снимите, мастер,— насмешливо произнес карлик.— И цельтесь через вон ту стрелку, специально ведь сделано.

Щелк! Первый болт ударил в шлем, пробил сталь и застрял в забрале.

Щелк! И второй оказался там же, где и первый.

Пользоваться миниатюрным оружием было очень легко. Я влюбился в этого малыша с первого взгляда.

— Вы посмотрите, какая работа, какая сталь! Никто не сможет создать такое! Сам делал, вот этими вот ручками! — Карлик в подтверждение сунул мне под нос свои лапищи.— И разработка моя. Не буду больше хвалиться, вы, мастер Гаррет, и сами все видите.

Так он мог заливать часами, даже если бы это был не арбалет, а шкура дохлой крысы. Хонхелю главное — продать товар подороже.

— Сколько? — спросил я.

— Триста золотых.

— Сколько?!

За эту цену вполне можно было полностью экипировать десяток рыцарей.

— Триста, беру по-божески. Торговаться не намерен, или берите, или найду другого покупателя.

— А найдете ли, уважаемый Хонхель? За такую-то цену? Проще нанять отряд лучников. Сто пятьдесят.

Карлик покачал головой и пожевал губу. Затем почесал в затылке.

— Лучники вам не нужны. Как постоянному и уважаемому клиенту — двести пятьдесят.

— Двести. Не забывайте, что я беру еще и другой ваш товар.

— Двести пять,— выставил встречное предложение карлик, сжимая и разжимая огромные кулаки.

— Тьма с вами, почтенный, беру! — Торговаться с прижимистым лавочником дальше не было смысла.

— Будем считать? — Карлик с усмешкой достал из-за спины массивные счеты.— Или мастер желает еще чего-нибудь?

— Как насчет заклинаний? То, что я обычно беру.

— Пробирки? А рунную магию не желаете? Мне тут из Исилии привезли очень интересные свитки.

— Нет. Никакой рунной магии.— После того злополучного свитка, посадившего мне на шею Вухджааза и Щдуырука, я до скончания веков потерял доверие к этому виду волшбы.

Гном вскинул брови:

— Какие заклинания?

— А какие у вас есть, мастер Хонхель?

— Это смотря из какого стекла вам нужны магические пробирки.

— Из волшебного.

Волшебное стекло пробирок было создано магами и не разбивалось без желания того, кому принадлежало. То есть я вполне мог прыгать по пузырькам с магическими заклятиями в железных сапогах, и стекло бы выдержало, пока я не захотел бы, чтобы оно разбилось и заклинание сработало.

Волшебное стекло — прекрасный способ обезопасить себя от того, что пробирка с магическим зельем неожиданно разобьется, например, когда вы падаете на живот и давите на нее всем своим весом. Не случится никакого огня или бури, и вас не разметает на тысячи маленьких удивленных кусочков. Поэтому заклинания в пробирках из волшебного стекла стоят на порядок выше, чем в обычных пузырьках.

— Посмотрим, что тут у нас есть,— пробурчал Хонхель, нацепив на красный нос очки со стеклами из горного хрусталя.— Кстати, простите за болезненное любопытство, но как вы будете расплачиваться?

Этот вопрос самый важный для карликов.

— Наличными,— процедил я сквозь зубы и поставил на стол тяжелую сумку.— Здесь сотня.

Карлик даже не посмотрел на деньги, а это, надо сказать, редкий случай.

— Мастер Гаррет, я вас давно знаю, вы хороший клиент, чего уж тут скрывать, но даже вам я не собираюсь отпускать товар в долг. А то, что вы набрали у меня, уже тянет на четыре сотни. У вас не хватает, согласитесь?

— Вы правы.

Я не собирался спорить с карликом. На такое способны только гномы и драконы.

— Вам заплатят, мастер Хонхель.

— Позвольте полюбопытствовать, кто мне заплатит, если вы, мастер Гаррет, вдруг не вернетесь со своей опасной прогулки?

— Он заплатит.— Я небрежно толкнул в сторону карлика кольцо.

Хонхель осторожно взял его пальцами левой руки, поднес к глазу и внимательно рассмотрел.

— Просто придете во дворец и скажете, что от меня. Заодно и перстень вернете.

— Гм, гм. Хорошо. Впервые даю в долг.— Карлик бережно убрал золотой ободок во внутренний карман жилетки.— Так на чем мы остановились, уважаемый? А! На заклинаниях. Давайте посмотрим, что может предложить мастеру бедный лавочник.

Глава 9
КОНЮШНЯ СТАРКА

Проклятье! За два предыдущих месяца я уже успел привыкнуть к пустым улицам и тишине. Но эта ночь была особенной. Через пару минут пробьет двенадцать, а по всему городу еще бродят некоторые неугомонившиеся личности, во все луженое горло вопящие песни, от которых за лигу несет дешевым вином.

Праздник по поводу изгнания тварей Тьмы из Авендума продолжается.

По счастью, возле старой конюшни Старка в Портовом городе празднующих не было. Даже одурманенные винными парами пьяницы не стремились на темную улочку, где стоят самые бедные и ветхие городские дома. Здесь жило всякое отребье, и по утрам на обочинах частенько находили покойников.

Впрочем, и в дневное время неместным лучше было сюда не лезть. Как вы поняли, район возле конюшни Старка пользовался дурной славой, тем более что прямо под боком была стена, за которой находилась Запретная территория.

Я стоял во тьме, возле давным-давно заброшенной конюшни. От старости ее стены покосились, и со стороны могло показаться, что древнее здание вот-вот упадет и придавит тех, кто на свою беду окажется поблизости.

В этом месте властвовали запустение и тишина. Здесь старались не попадаться на глаза существам, способным перерезать горло за пару медяков или вовсе ради забавы. Их давно уже перестали называть людьми, и они были намного опасней стаи голодных гхолов.

Самое мерзкое, что все эти твари могли бы быть нормальными людьми, но, скатившись в самый низ, превратились в вечно голодных, коварных и беспринципных убийц. Не по своему желанию, а

потому, что это — единственный шанс выжить среди трущоб Портового города. Района, который, как и Закрытая территория, не терпел чужаков.

Ни король, ни маги, ни городская стража, ни совет Авендума, ни жрецы даже не думали что-то исправлять в этой ситуации, закрывая глаза на пока маленькую гноящуюся язвочку города и, видимо, руководствуясь принципом: «Если лично нам не мешает, то потерпит еще немножко».

«Немножко» длилось уже не одну сотню лет. И, поскольку все наплевали на это место и живущих здесь людей, местные жители, в свою очередь, харкнули на всех и превратились в опасных зверей в человеческом обличье.

Я взглянул прямо перед собой, где в нескольких десятках ярдов от старых тополей находилась стена — ослепительно-белое пятно в ночной мгле. С виду в ней не было абсолютно ничего волшебного. Такие стены окружают дома во всех районах города. Только на этой были коряво и неграмотно нацарапаны мерзости и непристойности. Ясное дело, жители конюшни Старка постарались выразить свои познания в литературе и живописи. И, если честно, у них это не слишком получилось.

Высота преграды, которую мне предстоит преодолеть, — два с половиной ярда. Не так уж и много, если подумать. Перелезть через нее совсем несложно. Однако желающих сходить на прогулку на ту сторону вокруг не наблюдалось. Я снова бросил взгляд на созданную Орденом защиту, разделявшую жилые и мертвые районы Авендума. Теперь стена стала желтой — это сгусток тумана накрыл ее белое тело вязкой пеленой.

Туман казался живым, призрачным, загадочным. Он мерцал в свете луны. То тут, то там выпускал осторожные, дрожащие на ветерке усики. Те нежно ощупывали воздух между собой и стеной, пытаясь найти щель и преодолеть этот невысокий, но неприступный барьер. Вот одно из желтых щупалец, сверкая и извиваясь, почти перебралось за препятствие, но, стоило ему коснуться белой поверхности, как между ними вспыхнула крошечная искра. Щупальце испуганно дернулось и, извиваясь, словно раненый червяк, отпрянуло.

Магия стены оказалась сильней. Она не пропускала туман, хоть тот постоянно пытался попасть в единственную не захваченную им часть города.

Это повторялось каждый первый месяц лета. В июне, когда туман только появляется, он молод и силен, поэтому мечется и бьется о стену, вызывая по всему ее периметру холодные голубые вспышки. Но потом штурм прекращается. Лишь изредка такие вот

усы-щупальца пытаются найти брешь в белой крепости, но месяц подходит к концу, и желтое марево исчезает до следующего года, чтобы вновь начать безуспешный штурм.

Туман перестал мерцать — сырно-желтая луна домчалась до одинокой гряды облаков, медленно плывущих в ночном небе, и скрылась в них на несколько секунд, укутавшись в мягкую перину. Потом облака проплыли дальше, и ночное светило вновь озарило окрестности конюшни Старка.

Если не считать одинокой вереницы облаков по левому краю, небо было безоблачным, и разноцветные стеклышки звезд, мерцая и искрясь в ночном куполе, сияли на непостижимой высоте. Яркой алмазной подвеской на полнебосвода раскинулась Корона Севера. Камень — самая яркая звезда наших мест — указывал на север. Туда, где в Безлюдных землях готовился к войне Неназываемый.

Бывалые люди рассказывали, что там, за Одиноким Великаном, на Корону Севера невозможно смотреть — такими яркими и крупными становятся звезды. Не в пример нашим, городским, хотя и тут Камень поражал размерами и красотой ярко-голубого сияния.

Ночь была теплой, если не сказать жаркой, но меня сотрясала мелкая дрожь, и зубы тихонько отбивали дробь. Дрожал я не от холода, а от нервного напряжения. Со мной такое случается перед важной и опасной работой. Ничего страшного в этом нет; как только настанет момент делать дело, дрожь исчезнет, развеется мелкой пылью, и на ее место придут сосредоточенность и осторожность — мои хваленые профессиональные качества.

Прячась во тьме, я нетерпеливо дожидался наступления полуночи. Как говаривала молва, промежуток между двенадцатью и первым часом — самый безопасный. Так что я решил отправиться на авантюру в благоприятное время, тем более оставалось ждать всего лишь несколько минут.

Теплая погода вынудила меня избавиться от плаща и облачиться в черную куртку с капюшоном. Чует моя печенка, что в эту ночку я набегаюсь, а плащ уж слишком стесняет движения. Да и по крышам не попрыгаешь, когда он то и дело норовит оплести ноги.

Новый арбалет висел за спиной, рядом с тонкой веревкой-спутницей. Я не стал тащить с собой все, что заказал у Хонхеля, попросив его доставить остальную часть товара прямо во дворец к королю. Карлик клятвенно пообещал исполнить просьбу. В том, что он так и поступит, я не сомневался. Хонхель слишком дорожит репутацией честного торговца, чтобы совершать глупости.

Озноб прошел, сгинул, словно холодный ветер из Безлюдных земель. Я поправил широкий пояс с кармашками, в которых уютно дремали арбалетные болты. Миниатюрная сумка с несколькими пу-

зырьками Хонхеля и нож, висящий на правом бедре, добавляли мне лишний вес, но за годы работы я уже не обращал на эти мелкие помехи никакого внимания.

У моих ног лежал внушительный кусок говяжьей вырезки. Я едва успел купить его у мясника, когда тот уже собирался закрыть лавку на ночь. Мясо пришлось завернуть в кусок эльфийского дрокра, который я приобрел у жадного Хонхеля. Карлик даже не стал скрывать, что удивлен такой странной покупкой. Но я не удовлетворил его любопытство, тем самым хоть как-то отыгравшись за то, что он содрал с меня воистину сказочную сумму и обогатился за один час так, как у некоторых не получается за целую жизнь.

Ну и Неназываемый с ним! Деньги пришли, деньги ушли, нечего рыдать по таким пустякам.

Бо-оо-ммм-мм! — раздался в ночи одинокий удар магического колокола Собора.

Этот «Бомм» слышен во всех уголках Авендума и возвещает о том, что наступает полночь.

Пора.

Я поднял с земли мясо и, выскочив из укрытия, быстро побежал к волшебной стене. Но не успел преодолеть и половину пути, когда из-за старого покосившегося домика с поломанным крыльцом и осевшей крышей раздался топот ног. Выругавшись, я метнулся назад, в спасительный мрак заброшенной конюшни.

В переулке показались смутные силуэты. Я вгляделся в них глазами, усиленными магическими снадобьями. Десяток стражников. Все в кирасах, лица напряжены и нахмурены. Какой тьмы они делают в этом районе? Обычно стражу сюда и на цепи не затащишь. Да что там на цепи — ее не заманишь кошельком, набитым золотыми монетами. Людей Лантэна здесь любят даже меньше, чем всех остальных.

Блюстители порядка вышли на освещенный луной участок, и остановились, нервно сжимая в руках алебарды и косясь на стену.

— Никого,— буркнул один из них.— Тут никого нет, Жастин.

— А ты кого ожидал тут увидеть, Ро? Свою мамочку? — сплюнул тот, кого назвали.

Кое-кто из блюстителей закона хохотнул, но взгляды у всех были испуганные.

— Нет,— зло отозвался Ро.— Я надеялся поймать того гада и отправиться на боковую.

— Надежда умирает последней,— произнес худой страж, стоявший ко мне ближе всего.— С чего ты решил, что вор будет здесь?

Вор? Это интересно.

— И то,— скороговоркой начал еще один, с рыжей всклоченной бороденкой.— Проклятая стена большая, почему тут, а не в другом месте? Пора сваливать. Не нравится мне эта помойка.

— А тебе ничего не нравится,— буркнул Ро.

— Да пошел ты! — оскалился рыжий.

— А ну заткнуться! — рявкнул тот, кого назвали Жастином, и его голос громом раздался в ночной тишине.— Вы думаете, мне приятно здесь торчать? Я бы сам с радостью сидел дома и, попивая винцо, обнимал какую-нибудь девку. Вы сами вызвались на это дело, поздно ныть.

— Если бы я знал,— тут же парировал Ро,— то никогда бы не согласился на эту работу, даже за поганые десять золотых.

Десять золотых для такой скотины?

Хм... Это большие деньги.

— Но ты ведь согласился, правда? — спросил Жастин.— И взял деньги, как и все остальные, так что хватит причитать. Без тебя паршиво.

— Может, мы перестанем грызться и займемся делом? — вновь затараторил рыжий.— Так с чего ты решил, что этот Гаррет будет здесь? Тут, вроде, и воровать нечего.

Гаррет? Значит, сии верные стражи общественного порядка явились по мою душу. И зачем же я на этот раз понадобился Фраго Лантэну?

— Почему здесь, почему здесь,— передразнил коллегу до этого молчавший гигант, переложив алебарду из одной руки в другую.— Потому что нам так сказали, идиот.

— Кто сказал?

— Уж точно не барон Лантэн,— рассмеялся великан.— Он по десять золотых за голову какого-то вора никогда не даст.

— Лучше держи язык за зубами, Ярги,— буркнул Жастин.— А то, не ровен час, его отрежут.

— Успокойся, мы тут одни и нас никто не слышит,— отмахнулся громила.

— И все же стоит быть осторожным. Если Лантэн узнает, кто нам заплатил, чтобы мы порешили этого вора, он нас на дыбу отправит. Так что заткнись.

— С каких это пор ворье стало такими важными персонами, что за их безвременную кончину стали отправлять на дыбу?

— С тех самых пор, как нам заплатил этот человек.

— Но это точно, что вор будет перелезать через стену сегодня? — не удержался от вопроса стражник по имени Ро.

— Нет, не точно,— хмуро ответил ему Жастин.— Нам сказали ждать и смотреть. Если в течение нескольких ночей он появится, убить, и дело с концом.

— Ядрена кочерыжка! Чтобы меня доралиссцы прибили! — сплюнул рыжебородый.— Да, может, он совсем не придет? Он ведь не полный дурак, чтобы соваться к мертвякам за стену!

Это утверждение стражники встретили согласным ворчанием и покосились на волшебную преграду.

— Зачем мы тогда вообще здесь торчим? — опять начал сомневаться Ро.

— Затем, что наниматель дал тебе десять золотых! — потерял терпение Жастин.

М-да, никто меня не любит, все хотят отправить мою душу на незапланированное свидание с Саготом. Вот и еще один доброжелатель появился, да не пожалел раскошелиться — заплатил нечистым на руку стражникам за мою несчастную голову. Интересно, чем я этому-то так насолил?

Какая-то чудовищная неделя у меня выдалась. За несколько дней я приобрел врагов и неприятностей больше, чем за всю прошлую жизнь.

— Короче,— буркнул Ро.— Тут никого нет, поэтому...

Он не успел договорить, потому что из того же переулка, откуда совсем недавно появились стражи, ужасно блея, выскочили два десятка доралиссцев с дубинами.

Крайний, до этого все время молчавший стражник попытался вскинуть алебарду, но с невероятной прытью подскочивший к нему доралиссец ударил несчастного дубиной и проломил голову.

Началась полная неразбериха. Крики, гвалт, блеяние, звон оружия. Доралиссцы подбежали к людям вплотную, и козьи дубинки принялись собирать кровавый урожай. Упал рыжебородый, упал Жастин. Ро дрогнул, с воплем отбросил оружие в сторону и задал стрекача. В погоню за ним тут же бросился один из козлолюдей. Вопящий от ужаса стражник пронесся мимо меня и скрылся в темном переулке между покосившимися домами. Доралиссец последовал за ним, отставая от беглеца лишь на несколько шагов. Старина Ро, в отличие от меня, бегал не очень быстро.

Доралиссцы глупы, это я вам не раз говорил. Вместо того чтобы развить успех и добить не оправившихся от неожиданного нападения стражников, все два десятка тупых козлов столпились над четырьмя трупами незадачливых убийц Гаррета и принялись месить их дубинами и топтать копытами, рассерженно блея.

Я выругался. Вояки, забери их твари Заграбы!

Взяв на себя обязанности командира, Ярги приказал уцелевшим отойти к стене и выставить тяжелые алебарды. Это оружие выглядело гораздо внушительнее, чем короткие шипастые дубинки козлолюдей. Доралиссцы, между тем, не обращали на перегруппировку никакого внимания — они продолжали пинать мертвецов.

Эх! Их бы энергию да в иное русло!

Стражники не стали ждать, когда на них вновь обратят внимание, и бросились в атаку. Вновь началась свалка, и на этот раз людям удалось переломить ход сражения в свою сторону, порядком сократив отряд противника.

Доралиссцы постарались перейти в наступление, но на этот раз алебарды не дали им приблизиться на расстояние удара. Один из них попытался обойти отряд людей с фланга, но едва не напоролся на острие и проворно отскочил назад. Рогатые посовещались, решили выбросить белый флаг и пошли на переговоры:

— Этот человэ-э-эк наш,— проблеял самый главный, заросший рыжей шерстью, козел.

— Какой человек?! — взорвался седовласый стражник.— Вы напали на стражу Авендума! Вас всех в масле сварят!

— Этот человэ-э-эк наш, убирайтэ-э-эсь! — вновь проблеял доралиссец. Купание в раскаленном масле его совершенно не пугало. Я подозреваю, он даже не понял, о чем идет речь.

— Вы, тупые образины! О каком человеке идет речь?!

— Га-аррэээт! Он забрал нашэ-э-эго Коня!

Ну что такое?! И эти туда же! Рогатые недоумки все никак не успокоятся! Хоть выставляй себя на аукцион и считай монеты, пока они торгуются, кто больше за меня заплатит. Помяните мое слово — обогащусь на века.

— Нам нет дела до ваших коней и Гаррета здесь тоже нет.— Гигант покрепче взялся за алебарду.

— А гдэ-э-э он?

— Вон туда полез,— нашелся Ярги и указал на белую стену.— На Закрытую территорию.

Доралиссцы разом забыли о стражниках и их алебардах. Они, отталкивая друг друга, принялись штурмовать стену. Вот ее перемахнул один из козлов, вот второй.

Я всегда говорил и скажу сейчас, что козлики слишком тупы, чтобы жить в нашем мире. Их появление на Сиале — какая-то шутка богов, не иначе. Шайка Гиганта опомнилась в тот момент, когда за стеной оказался третий рогатый.

Подбадривая себя криками, продажные стражники напали на оставшихся козлолюдей. Расправа была короткой и жестокой. Последнего доралиссца Гигант нанизал на алебарду, словно на вертел,

и, уперев пятку древка себе в бедро, перебросил тело через стену, в Закрытую часть города.

Сегодня ночью твари в Пятне устроят себе настоящее пиршество.

Кто-то из стражников рассмеялся. Никто из людей не верил, что они все еще живы после неожиданного нападения и численного перевеса со стороны козлов. По мне, так ничего удивительного. Доралиссцы могут победить лишь когда их в сто раз больше противника.

— А что делать с теми, кто перелез через стену? Вдруг вернутся? — спросил раненный в руку воин.

— Ну так иди и шлепни их,— предложил Ярги.

— Ищи дурака. Сами сдохнут. До утра точно не доживут.

— А что делать с тем, который побежал за Ро?

— Дать премию и объявить благодарность, если ему удалось пришить этого труса,— последовал злой ответ.— Все, ребята, пора сваливать, а то тут стало слишком неспокойно, уходим.

— Погоди.— Раненый подошел к телу Жастина, и стал рыться в его в карманах.— Я не собираюсь оставлять десять золотых местным крысам.

— И то дело,— решили стражники и по примеру товарища стали обыскивать тела других мертвецов.

Вот она, любовь человеческая к ближнему своему. Особенно после смерти. На такое не пойдут ни эльфы, ни орки, ни карлики, ни гномы, ни даже огры. В вопросе почтения к мертвым мы стоим где-то между гхолами и доралиссцами. Если первые с радостью сожрут своего павшего родственника, то вторые не обратят на его смерть никакого внимания и даже позабудут похоронить. Сравнивать человечество с трупоедами или с козлами-переростками не очень-то приятно, но что поделаешь? Жизнь местами очень гадкая штука.

— Ну, все? — Ярги спрятал блеснувшее в руках золото в карман.— Уходим.

— А как же вор?

— Можешь остаться и ждать его до тех пор, пока тебя не прирежут! Надеюсь, ты получишь удовольствие от очередного стада доралиссцев. Они с радостью выбьют из тебя дурь дубинами.

С этим утверждением никто спорить не стал, и стражники торопливо скрылись во тьме проулка. Я подождал, когда их шаги стихнут в тумане, который уже подкрался к лежащим в лужах крови мертвецам. Казалось, что он обнимает тела, шепчет им что-то, пытается пробудить, поднять. Что... Великолепные мысли лезут тебе в голову, Гаррет! Ты для этого нашел самое время. Как раз перед долгим путе-

шествием по Закрытой территории, где мертвецы — всего лишь цветочки.

От графика я отставал уже минут на пятнадцать. Проклятые стражники и не менее проклятые доралиссцы нарушили мне все планы. Теперь придется нагонять потерю времени, особенно если учесть, что летом светает рано, и часа через четыре, ну может быть пять, я должен покинуть Запретную территорию.

Я поднял с земли узел с мясом, но лишь для того, чтобы уронить его через пару секунд и грязно выругаться, вспомнив самые страшные проклятия. Я услышал приближающееся цоканье копыт. Нет, вы только посмотрите на это! В конюшне Старка аншлаг почище, чем на Рыночной площади!

В начале переулка появился одинокий доралиссец. В руке он держал обагренную кровью дубинку. Я не ошибся, бедняга Ро все же бегал недостаточно быстро.

Этого козла, кстати говоря, я узнал. Доралиссцы, конечно, похожи друг на друга мордами, и человеческому глазу трудно отличить одного от другого, но парня, у которого на башке лишь один рог, да и тот корявый, встретить можно не часто, а забыть крайне тяжело. Именно этот гад участвовал в том памятном забеге, когда я, на свою беду, вызвал Вухджааза.

Доралиссец остановился не далее чем в ярде от меня и шумно фыркнул, ощутив запах крови. Он внимательно разглядывал мертвецов, кажется, соображая, почему его товарищи не двигаются. Не знаю, сколько бы он так простоял, почесываясь и встревоженно тряся бородой, но мое терпение наконец дало внушительную трещину, и я решил подстегнуть мыслительный процесс вонючего существа.

— Бэ-э-э,— испуганно дернулся Однорогий, когда я приставил к его горлу клинок.

— Брось дубинку, козлик,— вежливо прошептал я из-за его спины.

Доралиссец — о чудо! — никак не отреагировал на обидное слово «козлик» и разжал пальцы. Дубина грохнулась на мостовую.

— Хороший мальчик.— Я старался дышать ртом.

Конечно, Однорогий не Вухджааз, но запах мускуса был не очень приятным.

— Знаешь, кто я?

Он хотел что-то проблеять, но благоразумно промолчал. Я слишком сильно прижал лезвие к его шее. Эти твари сильны, словно объевшиеся мухоморов тролли, и Однорогий, дай ему только волю, вполне способен переломить меня голыми руками. Но я не хотел предоставлять ему такого шанса.

— Сейчас ты сможешь говорить. Но советую тебе не делать глупостей, иначе я начну нервничать, и потечет кровь. Мы друг друга поняли, дружище?

Доралиссец издал икающий звук, который я, в порядке исключения, решил интерпретировать как согласие быть паинькой.

— Итак, повторим вопрос. Ты знаешь, кто я?

— Нэ-э-эт.

— Я Гаррет.

Однорогий напрягся, и я тут же сильнее прижал нож к его шее.

— Но-но! Без глупостей.

— У тэ-э-эбя наш Конь! Вэ-э-эрни! — проблеял козел, после того как я решил предоставить ему еще один шанс.

— Кто сказал, что у меня Конь? — быстро спросил я.

— Человэ-э-эк.

— Понятно, что не дракон. Кто конкретно?

— Человэ-э-эк. Очень бэ-э-элый.

— Белый? — переспросил я.

— Э-э-э...— Доралиссец защелкал пальцами, стараясь подобрать слово.— Блэ-э-эдный.

Интересно, и почему я не удивлен? Все дороги ведут к моему раненому и обожженному, но живучему другу Бледному. А следовательно, к гильдии воров Авендума и лично к Маркуну. Камешек, наверное, они и сперли, чтобы повесить на меня. Не скажу, что изящный ход, но действенный.

И тут мою персону озарила очередная гениальная безумная идея.

— Я верну вам Коня. Чуть позже.

— Когда?

— Через две ночи.

— Следующэ-э-эй ночью? — Тварь все же слишком тупа. Скажите на милость, ну как с ней вести серьезные дипломатические переговоры? Ведь все перепутает, придурок. Я закатил очи горе, попросив Сагота наградить меня терпением, и старательно разжевал:

— Эта ночь. Потом еще одна, а затем та ночь, когда вы получите свою реликвию.

Комичное и душераздирающее зрелище одновременно. Полночь, самый опасный район Авендума, гора трупов, однорогий козел-полудурок и вставший на цыпочки, чтобы дотянуться ножом до его шеи, человек.

— В среду. Знаешь, что такое среда?

— Да.

— Вот видишь, как все просто! — обрадовался я, гордясь своим талантом все доступно объяснить даже тем, у кого мозги начисто отсутствуют.— Ты в курсе, где находится заведение «Нож и Топор»?

— Да.

— Здорово! Ты продолжаешь меня радовать, парень! Так вот, через ночь. Ровно в полночь. Приходи с друзьями в трактир. Там ты получишь Коня. Запомни, ровно в полночь, ни минутой раньше, ни минутой позже, иначе вам не видать Камня. Усек? Или еще раз повторить?

— Глок понял.

— Чудесно, старина. Сейчас я уберу нож, и ты уйдешь. Дернешься — получишь в спину арбалетный болт. И никогда не увидишь своего Коня. Мы поняли друг друга?

— Поняли, человек. Отпусти меня.

Я убрал нож и быстро отошел на несколько шагов, одновременно доставая из-за спины заряженный арбалет. Доралиссец не шевелился.

— Свободен, передай своему вождю то, что я сказал.

Козел осторожно обернулся, увидел оружие, кисло кивнул. Его морда выглядела не очень-то довольной.

— Мы подождэ-э-эм, Гарро-о-лд. Не обмани, иначэ-э-э ты труп.

Доралиссец растворился в ночи. Я прислушался к его удаляющимся шагам, в третий раз за ночь поднял узел с мясом, кое-как прикрепил его тесемками к поясу и подбежал к стене, стараясь не наступать на еще не застывшую после схватки людей и доралиссцев кровь.

Остальное было делом техники. Подпрыгнуть, схватиться руками за край, подтянуться, закинуть ногу, спрыгнуть на землю. Вот так, просто и обыденно, я оказался на Запретной территории.

Глава 10
НАЧИНАЕТСЯ ВЬЮГА

Холодный ветер гулял по улице, и Вальдер подышал на руки в тонких перчатках, чтобы хоть немного согреть пальцы. Ему было приятно идти через родной город в сером и ничем не примечательном дорожном костюме, а не в мантии мага, как то предписывают правила Ордена. Волшебник не слишком жаловал повышенное внимание к своей персоне.

Он только что возвратился в Авендум после долгого путешествия в Приозерную империю и даже не успел снять сапоги, как его вызвали на срочный Совет архимагов Ордена. Поэтому он с чистой совестью отправился в башню в одежде, в которой вернулся в столицу, наплевав на парадный официоз.

Вальдер был самым молодым архимагом за всю историю Ордена Валиостра. Он получил посох с четырьмя полосками ранга в тридцать лет, чем переплюнул даже нынешнего магистра Ордена — Панарика, ставшего архимагом в сорок пять. И друзья, и недоброжелатели в самом недалеком будущем предсказывали Вальдеру посох магистра. Однако он слишком ненавидел интриги, сопутствующие борьбе за власть, предпочитая грызне работу и выполнение особых заданий Панарика. За это Вальдер получил прозвище Строптивый Архимаг, так как отсутствовал на большинстве Советов Ордена.

Небо быстро меркло, и незаметно наступили сумерки. Похолодало. Снежный наст сухо хрустел под подошвами сапог. Нос начинало неприятно пощипывать.

В этом году зима оказалась ранней. Еще с начала ноября тучи, пришедшие из Безлюдных земель, принесли снег, а ветры, прилетевшие из-за Игл Стужи, — холод. Но к середине января старухе-зиме надоело лютовать, и она решила передохнуть, на несколько дней сбросив с Авендума тяжелые ледяные оковы вечной мерзлоты. И сейчас, в сравнении с тем, что творилось в начале декабря, погоду в столице смело можно было назвать теплой.

— Эй! Сдавайся, подлый орк! — воскликнул задорный мальчишеский голос, и снежок, пролетев рядом с Вальдером, ударился о стену крепости, сооруженной прямо напротив лавки цирюльника.

— Сам сдавайся! — ответил другой мальчишка из-за снеговой преграды и бросил в противника ответный снаряд.— Я не орк, я храброе Дикое Сердце, а это мой Одинокий Великан!

— Дикое Сердце?! — захохотал нападавший, у которого снежком только что сбило с головы шапку.

Вальдер усмехнулся и прошел мимо. Детишки играют. Ну и правильно, надо ловить момент, пока зима немного успокоилась и морозы не заставляют сердобольных мамаш держать своих отпрысков дома, поближе к теплой печке.

Волшебник свернул на улицу Магов, и тут его окликнули:

— Мастер Вальдер! Мастер Вальдер! Подождите!

Он неспешно обернулся на крик и увидел спешащего подростка. Лицо Гани — ученика архимага, раскраснелось от бега.

Волшебник нашел паренька в одной из бедных деревушек Мирануэха, когда возвращался в Валиостр из Империи. У сироты оказался дар. Волшебство спало в нем, едва мерцая, словно искорка дремлющего костра. Но если в эту искорку подбросить хороших дровишек, то она превратится в пожар. И Вальдер в скором времени собирался разбудить в Гани это пламя.

У архимага Ордена до сих пор не было учеников, но подросток пока полностью оправдывал все возложенные на него надежды.

Смышленый, старательный, он легко запоминал начальные заклинания работы с Воздухом — самой непостоянной, сложной и капризной стихией. Да-да, именно Воздухом, хотя обычно все ученики в Ордене начинали изучение со стабильной Земли.

— Мастер, вы забыли! — Подросток протянул длинный белый сверток.

— Что это? — удивленно нахмурился архимаг.

— Посох конечно же! Вы его забыли. Я подумал, что он вам пригодится.

Вальдер усмехнулся. Он специально не стал брать символ магической власти с собой, но, как видно, боги этого не желали и нашли того, кто вернул его в руки «забывчивого» волшебника.

Ладно. Пригодится. Старые хрычи хотя бы не будут ныть, что он не чтит традиции Ордена. Потому что посох именно дань традициям, и ничего более. Он не несет в себе никакой силы. Обычно во время путешествий Строптивый Архимаг забрасывал ненужную палку на самое дно багажа.

— А в тряпку зачем завернул? — ворчливо спросил Вальдер, взяв сверток.

— Чтобы стража не остановила.— Гани шмыгнул замерзшим носом.— Они, конечно, слепые, но вряд ли пропустят мальчишку с посохом архимага.

— Спасибо, Гани. Ты мне очень помог.

— Здорово! А можно мне пойти с вами, мастер Вальдер? Очень хочется посмотреть на башню!

— Еще успеешь на нее насмотреться. Я иду на Совет. А он только для архимагов. Ступай домой, уже темнеет. Найдешь обратную дорогу?

— Конечно! — кивнул паренек, с сожалением посмотрев на возвышавшуюся над крышами домов башню Ордена.

— Прочитай до моего прихода сорок восьмую страницу. Запомни и постарайся разобраться.

— Только разобраться? — с хитрецой спросил мальчишка.

— Вот именно,— серьезно кивнул маг.— Не вздумай применять, пока я не вернусь. Ясно?

— Да, учитель,— кивнул Гани.

Вальдер сунул сверток себе под мышку и размашистым шагом поспешил по улице Магов к башне. Авендум медленно погружался в сон долгой зимней ночи. В бархате неба воссиял свет Короны Севера. Ее самая яркая звезда горела холодным, зловещим огнем.

Архимаг часами мог смотреть на звезды. По его мнению, они делали Сиалу куда прекраснее и чище, чем это было на самом деле.

Ледяной порыв ветра ударил задумавшегося мужчину в спину, и тот, тихонько ругнувшись, создал вокруг себя непроницаемый легкий щит, защищавший от непогоды.

Спустя минуту улица вывела волшебника на площадь, где одиноко возвышалась старая башня Ордена. Ветер словно сбесился и теперь лютовал, поднимая с мостовой снег и заставляя его кружиться в яростном белом танце. Ко всему прочему, наползли орды туч, скрывшие звезды, и начался сильный снегопад. Домов напротив уже не было видно — сплошная белая стена. В Авендуме такое часто случается. Прекрасная погода в мгновение ока превращается в самый натуральный кошмар.

Однако Вальдер, надежно защищенный магическим щитом, не обратил на снежное безумие никакого внимания. Довольно быстро он оказался возле бронзовой двери, и та сама собой распахнулась, подтверждая его право войти в святая святых Ордена.

Когда маг оказался в башне, дверь за ним аккуратно закрылась. Подчеркнуто вежливо и тихо щелкнул замок.

— Д-дай! — зашипели из полутьмы, и к волшебнику метнулась маленькая тень.

Архимаг не отступил, с брезгливостью наблюдая за бегущим к нему существом. Цепь натянулась, и тварь, возмущенно визжа, отлетела назад, пытаясь сорвать с себя стальной ошейник.

— Д-дай! — зашипела она.

— П-шел вон! — презрительно процедил Вальдер.

Существо зло сверкнуло огромными кроваво-красными глазами и осторожно приблизилось к человеку на несколько шагов.

— Д-дай! Пож-жалуйста!

Пепельно-серый гхол поджал под себя коротенькие кривые ножки и вытаращил глаза. Из его рта на подбородок стекала слюна. Он был маленьким, не больше новорожденного младенца. С лысым деформированным гротескным черепом, большим животом, маленькими уродливыми ручками и ножками. У несведущих людей создание могло вызвать жалость. Особенно если не смотреть на мощные зубы, которыми так хорошо разгрызать старые кости мертвецов. Да и коготки тоже были недетскими. Такими удобно подцеплять могильные плиты, чтобы добраться до главного лакомства — гниющего мяса.

Гхолы — падальщики и трупоеды. Их излюбленное лакомство — трупы на кладбищах или на местах сражений. Пока гхол один, он неопасен и даже труслив, но если они собираются в стаю...

До сих пор в королевстве ходили истории про деревушку на границе с Мирануэхом, уничтоженную маленькими, озверевшими от голода тварями. От жителей не осталось даже клочков волос.

— Вальдер, дружище!— По лестнице спустился маг.— Сто лет тебя не видел. Как тебе Дай? Опять клянчит еду?

Архимаг опирался на точно такой же посох, как у Вальдера.

— Привет, Илио. Все забавляешься с этой тварью?

— Он совершенно безобиден. Держи, малыш. — Волшебник сотворил из воздуха кусок мяса и бросил его в кривые тоненькие ручки гхола.

Тот заверещал, точно канарейка, ловко подскочил, поймал на лету подачку и, запихав ее в пасть, скрылся в полумраке дыры, где жил.

Вальдер показательно поморщился:

— Надо было его сразу прибить, а не сажать на цепь. Когда-нибудь ты доиграешься, и он откусит тебе ногу.

— Ерунда! Он ничуть не хуже комнатной собачки. К тому же Панарик не возражает.

— Просто он не видел, на что способны эти гадины,— пробурчал Вальдер, который ненавидел гхолов всем сердцем и уничтожал их при первой возможности.

Его раздражало, что приходится мириться с любимой игрушкой Илио. Особенно он ненавидел, когда гхол начинал возмущенно вопить, словно доралиссец, которому отпилили рога.

— Не бурчи. Что у тебя в свитке?

— Проклятье! Совершенно забыл! — Волшебник поспешно извлек посох, бросив тряпку на пол. Тут же выскочил Дай и, чирикая, утащил «подарок» в нору.

Илио рассмеялся:

— Ну ты даешь! Земмела бы хватил удар, если бы он увидел, как ты тащишь символ Ордена. Ладно, пошли. Совет ждет.

— Что случилось? Меня вызвали прямо с дороги.— Вальдер поднимался по лестнице следом за массивным приятелем.

— Панарику и Земмелу пришла в голову идиотская идея, и нам срочно нужно воплотить ее в жизнь сегодняшней ночью.

— Идиотская идея? — машинально повторил Вальдер.

Он до сегодняшнего дня не относил двух сильнейших волшебников страны к категории идиотов.

— Точно,— угрюмо бросил Илио.— Именно это слово. Земмел опять копался в старых книгах огров — ты ведь знаешь, он единственный, кто разбирается в их тарабарщине. Ну так вот, он нашел способ навсегда остановить Неназываемого.

— Каким образом?

— Решил разрушить защищающий колдуна Кронк-а-Мор. По мне, так всё это выеденного яйца не стоит. Магия огров крепче стали.

— Но...

— Но,— перебил Вальдера Илио, продолжив путь по лестничному серпантину.— Земмелу удалось запудрить мозги не только Панарику, но даже Эло, а это о чем-то говорит, правда? Поэтому у нас сегодня ночь дураков. Готовься.

Вальдер задумчиво прикусил губу. Убедить светлого эльфа, недолюбливающего Земмела, было непросто. Да что там, почти невозможно! Но на этот раз любителю магии огров удалось невозможное.

— И что?

— Добыв из запыленного сундука Рог Радуги, Орден решил совершить чудо.

— Ну-ну,— скептически хмыкнул Вальдер.— А я-то тут при чем?

— Как же? — искренне удивился Илио.— И я, и ты, дружище, будем резервуарами силы! Нужно же откуда-то Панарику и Земмелу черпать энергию? Мы — именно те два дурака, которых не хватало Совету для полного счастья.

— Позвали только нас?

— Нет.— Илио остановился возле двери, инкрустированной голубоватой костью огра.— Не только. Еще Эло и О'Карта.

— А Сингалус, Арцис и Дидра? Представление будет проходить без их участия? — изумился Вальдер.

Выходило, что из девяти архимагов Ордена в нелепом обуздании Неназываемого будут принимать участие только шестеро.

— Сингалус в Исилии. Арцис... ты же знаешь, как Земмел относится к нашему другу...

— Как орк к гоблину,— хмуро кивнул Вальдер.— А жаль, Арцис бы не помешал..

— Ты мне это говоришь? Я и без тебя знаю. Но его «не нашли». Дидра в Заграбе, у темных эльфов.

— Шестеро архимагов должны уничтожить Неназываемого? — прошептал Вальдер.— Сомнительно, очень сомнительно. Панарик не подумал о том, чтобы позвать волшебников высших ступеней? Или вообще весь Орден?

— Подумал, но Земмел его убедил, что мы и вшестером справимся.

— Кретин!

— Хуже. Ты ведь года полтора отсутствовал?

— Два.

— А Земмел все это время просидел над книгами огров. По мне уж лучше сунуть голову в пасть великану, чем читать эти древние фолианты. Он совсем потерял разум, раз решил играть с запретным шаманством огров.— Кстати,— улыбнулся Илио.— Прежде чем мы войдем. Не хочешь избавиться от щита? Это ведь он у тебя мерцает?

Вальдер и думать забыл, что поддерживает энергию защитного заклинания, спасавшего его от непогоды.

— Ты бы его убрал,— добродушно посоветовал Илио.— Знаешь ведь, как О'Карт дергается, когда проявляются необоснованные всплески энергии? Он параноик.

— Он слишком мнителен. Это вредно для здоровья.— фыркнул Вальдер, но защиту снял... Во всяком случае, для глаз Илио это выглядело именно так. На самом деле волшебник всего лишь «притушил» заклятие, подпитывая его тонкой струйкой силы, которую сможет обнаружить лишь Панарик, да и то если будет искать ее специально. По какому-то глупому детскому капризу он решил пойти наперекор дружеским нападкам Илио.

Архимаги вошли в просторный круглый зал, освещенный обычными факелами, как это предписывали древние кодексы, помноженные на нелюбовь Панарика к магическому освещению, от которого у магистра болели и слезились глаза.

Пламя горело ровно, и бледные тени застыли на стенах, словно часовые. Непоколебимые. Самоуверенные.

Вальдер не любил это место, оно всегда было слишком холодным и неприветливым. Подчеркнуто-официальным.

Стены пестрели множеством изящных стрельчатых окошек с зеленовато-фиолетовыми стеклами карликов. Из них открывался прекрасный вид на ночной Авендум, благо башня довлела над всей столицей, превосходя высотой даже королевский дворец. Огромное плоское зеркало, вплавленное в пол в центре помещения, даже днем отражало несуществующие звезды и двойную луну. Вокруг него стояло девять высоких кресел. Пять из них пустовало, четыре — занимали архимаги, терпеливо и степенно дожидающиеся опоздавших.

Илио и Вальдер вежливо склонили головы, свидетельствуя свое почтение коллегам. Те ответили благосклонными кивками. Равные приветствовали равных.

Волшебники подошли к своим местам, сели, и у Вальдера появилось несколько секунд для того, чтобы рассмотреть тех, кого он не видел так долго.

Прямо напротив восседал Эло — светлый эльф с коротко постриженными по людской моде пепельными волосами и клыками, торчащими из-под нижней губы. Он являлся полноправным членом Ордена. Магистр Панарик, в отличие от волшебников из других королевств, не имел ничего против вступления в ряды Ордена эльфов, перенявших основы волшебства у людей и отказавшихся использовать шаманство предков. Эло был одним из таких чужаков.

Союзник или противник? Друг или враг? За те десять лет, что Вальдер владел посохом, он так и не смог определиться в своем отношении к клыкастому. Неулыбчивый Эло всегда следовал пути разума, а не сердца. Иногда он поддерживал Вальдера на Совете, иногда нет. Как поступит Эло сейчас, предсказать было невозможно. Проще сделать ставку в лабиринте орков, чем угадать действия светлого.

Через два пустующих кресла восседал О'Карт — низкорослый и постоянно хмурый уроженец Филанда. Огненно-рыжая козлиная бородка и настороженный взгляд из-под кустистых рыжих бровей вызывали у Вальдера стойкую неприязнь.

Маг не любил рыжего и не скрывал этого. О'Карт отвечал Вальдеру взаимностью. В Совете они всегда оказывались по разные стороны баррикады, а в повседневной жизни старались не общаться. Вежливый поклон при встрече, вот и все.

О'Карт был излишне мнителен, всегда ожидал заговоров против своей драгоценной персоны и в общении был излишне резок, желчен и нетерпим. Многие его не любили. И между тем Вальдеру приходилось признавать, что его противник талантливый волшебник.

Сейчас О'Карт точно замерзший воробей нахохлился в кресле и, сложив руки на груди, с презрением изучал дорожную одежду Строптивого Архимага. Особенно досталось сбитым и не слишком чистым сапогам. На лице рыжего застыло гадливое выражение, словно он только что нашел у себя в тарелке с супом полуразложившуюся крысу. Вальдер усмехнулся.

«Чтоб ты подавился»,— мысленно пожелал он оппоненту, нисколько не сомневаясь, что тот в свою очередь сделал то же самое.

Рядом с недругом восседал тощий сероглазый субъект с улыбчивым лицом и вздернутым носом. Его довольно располагающую к себе внешность портили бескровные губы и тонкие сухие руки с костлявыми пальцами. Этого человека Вальдер тоже не жаловал. Он помнил его с тех пор, как еще был учеником Панарика — Земмел являлся самым старым из всех присутствующих на Совете.

Страстью архимага были книги по шаманству огров, в особенности если они касались их запретной, боевой магии — Кронк-а-Мора. Он был одним из немногих на Сиале, кто прекрасно знал древний язык огров и мог прочитать старые свитки любой степени сложности.

Вот и сейчас, ни на что не отвлекаясь, он лихорадочно листал пожелтевшие страницы раритетного фолианта, бормоча под нос слова на непонятном языке.

«Фанатик,— устало подумал Вальдер.— Таких, как он, очень сложно убедить в том, что они не правы».

Вальдеру очень не нравилась идея уничтожить Неназываемого с помощью Рога Радуги. Раньше этот артефакт был способен только на то, чтобы удерживать колдуна в Безлюдных землях. Что с тех пор изменилось? Как вообще Совет решился согласиться на такую авантюру без длительной подготовки?!

— Рад тебя видеть, ученик,— сказал Панарик.

Магистр Ордена Валиостра был самой значительной и влиятельной фигурой после короля. В свои семьдесят он выглядел едва ли на пятьдесят. Русоволосый, с румянцем на щеках. Его карие глаза всегда смотрели с вечным прищуром и вытаскивали из собеседника даже самые сокровенные тайны.

— И я вас, магистр.

— Все прошло удачно? Без осложнений?

— Были мелкие неурядицы в дороге. Я с ними справился. — Он не хотел говорить при других, что на этот раз едва не пропал.

Внутренняя разведка Приозерной империи встала на дыбы, как только архимаг Имперского Ордена скончался от внезапной болезни. В Вальдера вцепились мертвой хваткой, и волшебник насилу отбился.

Его не тронули не потому, что сочли невиновным. Невиновных, как говорится, не бывает, и поджарить пятки в целях профилактики никогда не помешает. Но кто-то наверху, кому была выгодна смерть волшебника, не захотел осложнений и просто выслал Вальдера из Империи, с запретом когда-либо возвращаться обратно. Но все это Вальдер расскажет Панарику позже, когда они останутся наедине.

— Чудесно.— Магистр кивнул.— Ты в курсе предстоящих событий?

— Да. Илио меня посвятил. Не вижу в этом никакой пользы.

— Польза в том, чтобы навсегда уничтожить Неназываемого,— сурово сказал Земмел, оторвавшись от чтения книги.

— Именно сейчас? Именно сегодняшней ночью?

— А чем тебя не устраивает нынешняя ночь? — сверкнул клыками Эло.

— Ну хотя бы тем, что нас всего лишь шестеро вместо девяти.

— Не бойся, ты не надорвешься,— улыбнулся Земмел.

— Это превосходно. Но я все равно не понимаю, к чему такая поспешность. Совет не в сборе. Трое отсутствуют.

— Все мне и не нужны. Достаточно шестерых.

— Допустим. Но с чего такая уверенность, что у нас получится то, что не получалось несколько столетий у всех других магов Ор-

дена? — Вальдер постарался говорить доброжелательно и спокойно, хотя был очень утомлен дорогой.

— Вот и я о том же думаю,— внезапно поддержал Вальдера О'Карт.

— Маги прошлого не знали то, что знаю я.— Веско произнес Земмел.— Они не утруждали себя чтением некоторых важных книг. Здесь есть все.— Он похлопал по корешку.— Кронк-а-Мор, так надежно защищающий Неназываемого, можно разбить с помощью Рога Радуги.

— Давай не будем забывать,— возразил Вальдер,— что Рог, как и Кронк-а-Мор, был создан ограми, и мы не знаем, чего от него ждать, если начнем заниматься артефактом в полную силу. Мы до сих пор не знаем, свет он или зло.

— Какая несусветная чушь! — Земмел раздраженно фыркнул и открыл стоявший рядом с ним ларец, достав из него волшебную реликвию.

Рог был инкрустирован серебром, перламутром и голубоватой огрской костью. Он дрожал от переполнявшей его силы. Той самой силы, которая так надежно держала Неназываемого в Безлюдных землях.

— Ты чувствуешь от него зло, Вальдер?

Архимаг покачал головой.

Нет. Он не чувствовал ничего, кроме первозданной мощи. Это волшебство не было темным. Впрочем, и светлым он бы его никогда не назвал. Оно просто было другим. Совершенно чужим, непонятным, а потому опасным. Рог верно хранил тайну огров.

— Неужели ты думаешь, что темные эльфы отдали бы артефакт в руки людей, обладай он хоть частицей черного шаманства? — продолжал убеждать Земмел.

— Если Рогом могут пользоваться волшебники, это не значит, что им не пользовались шаманы огров,— поддержал Вальдера до этого молчавший Илио.— Я также против поспешных действий. Дождемся Арциса, Дидру и Сингалуса.

— Поддерживаю,— хмуро бросил О'Карт.— Мы до сих пор не знаем, для чего был создан Рог. Даже о том, что он нейтрализует Кронк-а-Мор, мы догадались совершенно случайно.— Ни к чему торопиться. Неназываемый сидит на севере столько лет, что ничего не случится, если он проторчит там еще одну лишнюю неделю.

— Нет! Мы сделаем это сегодня! — Земмел больше не улыбался. Его глаза зло сверкнули.— Звездные карты благоприятствуют нынешней ночи! Сегодня или никогда. Потому что следующая такая ночь наступит только через сорок лет!

— Я предлагаю официально проголосовать за эту безумную идею! — резко бросил Вальдер.

— Какой смысл? — удивился Панарик.— Нас всего шестеро.

— Нас всего шестеро. Но давайте проголосуем,— неожиданно согласился Земмел.— Пусть Совет скажет свое слово и формальности будут соблюдены. Иначе некоторые маги не дадут мне спокойно работать.

— Высказывайтесь,— кивнул Панарик, обведя присутствующих взглядом.— Кто за то, чтобы воспользоваться Рогом Радуги для уничтожения защиты Неназываемого?

— Против,— произнес Вальдер.

— Не уверен, что получится, но вполне доверяю мастерству и опыту уважаемого Земмела,— растягивая слова, сказал Эло и поставил Рог на уже подготовленный постамент в центре зеркального пола.— За.

— Я, разумеется, именно этого и добиваюсь.— Земмел смотрел на Вальдера насмешливо.

— Против,— нахмурился Илио.— Хотя бы потому, что решать должен полный Совет.

— Я тоже против,— произнес О'Карт, и Вальдеру стоило усилий, чтобы его брови не метнулись вверх. На его памяти это был первый случай, когда рыжебородый волшебник оказал ему поддержку. А ведь он считал, что скорее орки станут мирными землепашцами, чем огненный маг встанет на его сторону.— Не стоит будить спящего великана. Его, как мы все знаем, очень сложно заставить уснуть вновь. Пусть все идет своим чередом. Неназываемый нам пока не мешает. Сидит у себя за Иглами Стужи и носа не показывает.

Трое против двоих.

Теперь все зависело от того, что скажет Панарик. Если голоса разделятся поровну, выиграет та сторона, которую поддержит магистр. По той простой причине, что его голос значит больше, чем голоса остальных.

— Доводы Земмела вполне убедительны,— после раздумья сказал глава Ордена.— Давайте попробуем. Я — за.

Теперь никто не мог идти против решения Совета.

Волшебники встали в круг у зеркала, на котором лежал Рог.

Вальдер увидел напротив себя хмурого Илио. По правую руку от него, с книгой в руках, расположился огровед, слева — Панарик. Безразлично-отстраненный Эло замер справа от Вальдера, О'Карт занял место между Строптивым архимагом и Земмелом.

Хлипкий круг. Трое отсутствуют, и оставшимся придется собрать все свое мастерство.

— В чем наша задача? — спросил эльф.

— Просто откройтесь. Мне нужна ваша сила. Пропустите ее через Рог. Поток двенадцать, сечение восемь, будьте любезны,— ответил Земмел, открывая старую книгу на нужной странице.— И раз...

Вальдер хорошо помнил эту фразу.

Именно с ее помощью учеников обучали мгновенно концентрироваться и активировать энергию. Вот и сейчас она потекла через архимага и тоненьким пурпурным пучком стала вливаться в Рог.

Справа от него протянулась лазурно-зеленая, дышащая свежей листвой сила Эло и переплелась с огненно-рыжим потоком О'Карта. Панарик и Илио тоже «вступили» в круг.

Вокруг Рога разлилось свечение и, запульсировав, стало менять цвет. Огненно-красное пламя дракона сменилось оранжевым солнцем, которое превратилось в желтую осень. Та в свою очередь сменила облик на зеленую листву лесов Сиалы, затем обернулась голубым весенним небом, синим бездонным Западным океаном и вновь, как в самом начале, стала красным, всесжигающим драконьим огнем. Именно из-за этого свойства — изменять цвет под воздействием чужой магии — Рог Радуги получил свое название.

Первые минуты прошли спокойно. Артефакт отзывался, вел себя стабильно и не внушал тревоги. Головокружения от постоянного ухода магии тоже пока не чувствовалось.

— Усильте поток! Илио, теперь ты работаешь на меня.— В голосе Земмела звучала сосредоточенность.

Волшебнику предстояло самое сложное — пробудить шаманство огров.

— Эло, смести поток, ты отклонился на три градуса к шестой координате,— раздался в полной тишине резкий голос Панарика.

Магистр не только направлял силу, ему еще хватало внимания для того, чтобы следить за работой других архимагов. Эло встревоженно дернулся и перенаправил лазурно-зеленый луч туда, куда указал Панарик.

Земмел начал заунывную песню на древнем языке.

Второй раз за всю историю башни Ордена здесь зазвучала речь огров, которая пробуждала магию Кронк-а-Мора.

— Какое-то затруднение на втором участке,— пробормотал Илио.— Вальдер, почему у тебя рассеивается сила?

Вальдер и сам начинал чувствовать, что ему приходится прилагать все больше и больше усилий и внимания, чтобы контролировать поток. Возникало ощущение, что что-то отбирало небольшое количество магической энергии.

И тут его озарило.

Из-за споров с Земмелом он совершенно забыл о магическом щите, который он так и не удосужился убрать. И теперь тот слабо

горел на границе его сознания, вызывая досадную помеху в направлении потока и слово пиявка пожирая силы. Но убрать его не было никакой возможности, секундное отвлечение — Круг разорвется, и можно только предполагать, к каким катастрофическим последствиям приведет вырвавшийся поток силы.

— Все в порядке. Нет ничего, с чем бы я не смог справиться,— поспешно успокоил друга Вальдер.

Панарик бросил на Вальдера хмурый взгляд. В отличие от остальных он разглядел помеху. И это значит, что после того, как все закончится, с ним будет очень неприятный разговор.

Вальдер с мрачным видом продолжал слушать заунывное пение Земмела.

Казалось, в зале Совета прошли часы. В висках Вальдера нарастала цепкая пульсирующая боль — расплата за волшебство.

Магия теплым сияющим коконом обнимала собравшихся, мягко пульсировала, растекалась разноцветной аурой и водопадом мощи втекала в Рог. Сила заполнила весь зал. Она опьяняла, в ней хотелось купаться, руки тянулись взять ее в вечное пользование. С ее помощью можно было создавать горы и моря, исцелять тысячи больных, даже оживлять мертвых. Ее маленькая крупица была способна уничтожить всех врагов Валиостра. Могла сделать так, что навсегда сгинут из мира Сиалы огры, великаны, орки и десятки других враждебных людям созданий. На Вальдера накатила эйфория, ощущение вседозволенности и могущества.

— Что-то не так! — взволнованно произнес О'Карт.— Колебания!

— Я ничего не чувствую! Где?! — Эло закрутил головой.

— Правее третьего участка, прямо над артефактом.

— Да где же?! Не вижу.

И тут Вальдер заметил это — маленькую черненькую точку, гниль на радужном сиянии Рога. Точка пульсировала в такт голосу Земмела, дрожала, словно свеча под порывами ветра. И... росла.

— Стоп! — гаркнул Вальдер, у которого внезапно пересохло во рту.— Появление незапланированного всплеска!

— Гасим круг,— скомандовал Панарик. Он тоже увидел частичку родившейся Тьмы.

— Не сметь! — взвизгнул Земмел.— Это убьет нас!

— Ерунда! — отмахнулся магистр и начал гасить свой поток силы.

— Гхагхабан! — вдруг выкрикнул Земмел, выбрасывая в сторону Панарика руку со сложенными в причудливую фигуру пальцами.

Магистр отлетел к стене и замер на полу с развороченной грудной клеткой. Со смертью мага круг лопнул, и четверо волшебников разлетелись в разные стороны. У Рога остался лишь Земмел.

Радужное сияние померкло и стало черным, как душа убийцы. Переставшие находиться под контролем потоки силы почувствовали волю, и четыре ослепительных жгута магии ударили вверх, испарив потолок и крышу башни. В зал Совета ворвался холодный ветер, закруживший в веселой пляске-джанге армию снежинок.

Пятый поток, тот самый, который контролировал мертвый Панарик, ударил горизонтально, прошел сквозь поднимающегося с пола Эло, превратив его в прах, а затем проделал в стене зала огромную дыру и исчез.

Сила голодным медведем навалилась на плечи пытающегося встать оглушенного Вальдера. В отражении зеркального пола, куда его бросила магия, он увидел свое бледное, перекошенное лицо с сочащейся из носа кровью. Горечь магии жгла гортань, жгутами проходила сквозь тело, вгрызаясь в кости, и причиняла страшную боль. Вокруг плескался океан силы, подчинявшийся исключительно Земмелу.

— Убийца! — закричал вставший на ноги Илио и, забыв про свой дар, с кулаками набросился на предателя.

Упивающийся пробудившимся Кронк-а-Мором Земмел обратил на противника не больше внимания, чем великан обращает на комара. Щелчок пальцами, бессмысленная огрская фраза — и Илио, издав крик, упал в дыру, образовавшуюся в разошедшемся под его ногами полу. Края зеркала с хлюпающим звуком вновь слились, похоронив друга Вальдера.

— Ты! — закричал Вальдер, рывком встав с колен, но его спеленали гибкие черные жгуты силы.

— Помолчи.— Голос Земмела оставался невозмутимым.— Я занят.

— Что ты делаешь, безумец?! — вскричал маг, пытаясь освободиться.— Ты не понимаешь, что ты выпустил на волю!

— Понимаю. Хозяин объяснил мне. Он научил, как обвести вас вокруг пальца и стать бессмертным. Через несколько минут я буду равным Неназываемому, а то и сильнее его! Да что там! Неназываемый, этот волшебник-недоучка, склонит передо мной свою голову!

— Кто такой Хозяин?! — Архимаг, старался не смотреть на пошевелившегося О'Карта и продолжил отвлекать Земмела.

— Тебе не стоит знать этого. Подобные тебе остолопы слишком кичатся могуществом Ордена, даже не понимая своим мелким птичьим умишком, какое могущество скоро будет доступно мне! Разбудить Кронк-а-Мор оказалось невероятно легко. Для этого был нужен лишь Рог и пять дуралеев, согласившихся отдать мне силу. Я изучил язык огров, я десятилетиями сидел над их книгами, постигая

древние тайны шаманства. Я сам добыл себе бессмертие, и плевать, сколько вас отправится во Тьму следом за Панариком!

— Отправляйся туда сам! — выкрикнул О'Карт, и Земмела ударил молот огня.

Ву-уу-ум! — заревело пламя, и снежинки растаяли от нестерпимого жара.

Черные узы ослабли, и Вальдер добавил свою силу ко второму удару рыжего архимага. Но Земмел лишь покачнулся, пламя жидким водопадом стекало с его одежды.

В ответ предатель нанес страшный удар. Воздух дрогнул, сгустился, и в сторону магов понесся полупрозрачный багровый шар. Вальдер разглядел плетение Воздуха, Земли и еще чего-то непостижимого. Все, что он успел сделать, — это активировать свой погасший щит, бросив в него всю энергию.

Между волшебниками вспыхнула бирюзовая стена, боевое заклинание ударило в нее, расколов на сотни тысяч голубых искорок, просяными зернышками разлетевшихся по разрушенному залу Совета. Шар потерял скорость, изменил направление, но все же ему удалось задеть архимага.

В груди взорвался огненный сноп, и Вальдер рухнул на пол. Он корчился и извивался, хрипя от боли, и пропустил тот момент, когда О'Карт вновь ударил огнем, но уже не по Земмелу, а по Рогу, над которым наливалась черная магия.

От этого касания Рог Радуги завертелся по зеркальному полу, сместился, и сила, потеряв стабильную основу, вышла из подчинения Земмела.

— Какого...— успел произнести предатель, прежде чем копившаяся все это время мощь Кронк-а-Мора молотом ударила по своему повелителю, а затем нырнула в зеркало и ушла глубоко под башню Ордена.

В зале Совета тут же разлилась тишина. Лишь холодный ветер выл в дырах стен, и снежинки падали с ночного неба.

— Ты жив? — О'Карт подошел к лежащему Вальдеру.

— Да, но это вопрос времени.— Волшебник попытался улыбнуться. На его губах выступила кровь.

В груди поселился голодный хорек, пожиравший легкие. Дышать становилось все труднее. Вальдер не питал иллюзий на свой счет.

— Отлично,— жестко сказал рыжий архимаг.— Минут пятнадцать ты еще проживешь. Вполне достаточно.

— Достаточно для чего? — Вальдер сел, не убирая рук от груди, и сплюнул кровью на зеркальный пол.

— Для того чтобы унести Рог из башни.— Филандец протянул Вальдеру невесть откуда взявшийся у него в руках артефакт.— Поторапливайся. У тебя еще будет целая вечность, чтобы належаться.

— Унести? Куда? — Вальдер плохо соображал, но Рог взял.

— Как можно дальше. Видишь?

Вальдер посмотрел, куда указывает О'Карт. По волшебному зеркальному полу пролегла тонкая извилистая трещина.

Затем другая. И еще.

— Когда оно лопнет, от башни останется только воспоминание. А то, что ушло сквозь него в землю, растечется по Авендуму. Вставай же! Давай! Ты никогда не был тряпкой!

Вальдер поднялся на ноги, стараясь не упасть.

— Я буду удерживать целостность зеркала сколько смогу!

— Я уже мертв, О'Карт. Давай поступим наоборот. У тебя есть возможность спастись.

— Все мы уже мертвы. Если останешься ты, то все закончится слишком быстро — ты очень слаб. Я попробую продержаться как можно дольше.

О'Карт отвернулся от Вальдера и, подняв перед собой руки, обрушил на трескающееся зеркало потоки силы.

Таким его и запомнил волшебник. Сосредоточенным и несломленным.

...Серпантин лестницы дался архимагу с большим трудом. Когда Вальдер дошел до первого этажа, в глазах плясала темнота, боль в груди разрослась до огромного пульсирующего шара. Он постоянно сплевывал появляющуюся во рту кровь.

Башня Ордена мелко дрожала. Сейчас немыслимые силы схлестнулись друг с другом в борьбе за свободу, и архимаг нисколько не сомневался, что Кронк-а-Мор, пусть и не завершенный Земмелом, победит. Что за этим последует, Вальдер старался не думать.

— Д-дай! — раздался требовательный голос, и маг от неожиданности вздрогнул.

Прямо перед ним, на трупе Илио, упавшем через всю башню, сидел гхол. Его морда была в крови, кривенькие ручки сжимали наполовину обглоданную ногу мертвеца.

— Д-дай! — Тварь нагло посмотрела на Вальдера и втянула носом запах свежей крови.

И волшебник сделал то, о чем очень давно мечтал. Гхол, взвизгнув, вспыхнул факелом...

Башня уже не дрожала, она низко стонала. По массивным стенам ползли трещины. Старинное здание чувствовало, что приближается его смерть. Но волшебная дверь мягко открылась, выпуская архимага наружу.

Холод и ледяной ветер опалили его лицо. Руки, крепко сжимающие уснувший Рог, мгновенно замерзли. Вальдер шатающейся походкой направился прочь. И башня, в которой сейчас не горело ни одного огонька, угрюмо провожала его тоскливым взглядом. Лишь иногда, на самой ее вершине сверкали вспышки магии — О'Карт из последних сил удерживал от разрушения волшебное зеркало.

Улица Магов была на удивление пустынна. Никто не вышел из дома, чтобы посмотреть, что творится, словно всех людей придавил тяжелый сон. Боль в груди нарастала, Вальдер уже почти ничего не видел. Он шел наобум, перебирая ногами, и тонко скулил, когда мучение становилось непереносимым. Кровь наполняла рот, стекала по подбородку и капала на одежду.

Земля колебалась, пытаясь исторгнуть из себя враждебную ей магию огров...

О'Карт продержался гораздо дольше, чем можно было предположить. Вальдер дошел до Сонной Кошки.

Даже отсюда он услышал звон разбивающегося зеркала, а потом победный вой силы, устремившейся из земли. Ужасный взрыв бросил мага в сугроб, и он зарылся горящим лицом в нежную прохладу. Рев не прекращался, магия огров бушевала. Теряющий сознание Вальдер чувствовал, как мнутся и рвутся нити жизней горожан, как темное проклятие поглощает улицу за улицей, дом за домом, жителя за жителем. Они гибли в страшных мучениях. Сила, которой чужды люди, не знала жалости и сострадания, забирая всех, кто оказывался на ее пути.

Пройдет всего несколько минут, и Зло доберется до того места, где лежит Вальдер, и тогда Рог навечно останется здесь.

Эта мысль заставила архимага перевернуться на спину. Он подставил покрытое снегом лицо под снежные хлопья, жадно ловя их окровавленным ртом. Ветер стих. Мир в ужасе замер перед надвигающейся катастрофой, ожидая пришествия самой страшной за всю историю города вьюги. Нечеловеческим усилием, каждый миг рискуя потерять сознание, Вальдер поднялся с мостовой и посмотрел в ту сторону, где находилась башня.

Теперь на месте твердыни стремительным волчком закручивался черный смерч. Обычные люди никогда бы его не разглядели, а вот магическое зрение Вальдера, пускай и ослабленное ранением, прекрасно различало высокую черную воронку, уходящую в ночное небо.

Волшебнику удалось пройти еще немного, а затем он рухнул возле подножия статуи Сагота и больше уже не смог подняться.

Верхнюю часть лица бога скрывал слой свежего снега, и видны были лишь губы. Покровитель воров улыбался архимагу открытой, одобряющей улыбкой.

— Я должен спасти Рог. Слышишь? Должен. Помоги мне, и я сделаю все, что ты захочешь.

Сагот молчал.

Вальдер почувствовал, что его с головой накрывают горячечные бредовые видения. Ему виделись темные тени, кружащие над Авендумом, чудился человек в куртке с капюшоном, бегущий по разрушенным крышам и прячущийся среди могучих златолистов. От боли он уже не понимал, где находится и кто он такой. Архимаг засыпал... С каждым ударом сердца жизнь покидала тело, и разум уже завис над пропастью, из которой нет возврата.

— Мастер Вальдер! Очнитесь! Очнитесь, учитель! — Кто-то, не прекращая, тряс мага.

Он хотел отмахнуться от назойливой мухи. Было приятно дремать и мурлыкать детскую песенку, которую когда-то напевала ему мать. Но сквозь дремоту подступающей смерти кто-то плакал...

— Учитель... это я. Вернитесь...

Вальдер с трудом разлепил отяжелевшие свинцовые веки и увидел мокрое лицо Гани.

— Ч-что... что ты тут делаешь? — с трудом просипел архимаг.

— Я почувствовал беспокойство. И побежал искать вас!

— Почувствовал...— Волшебник посмотрел на статую Сагота, прислушался, кивнул. Его захлестнула новая волна боли, и пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать.— Вот, возьми. Это Рог. Отнеси. Арцису. Быстро... Он сможет это остановить.

— Я не уйду без вас!

— Неси! Это мой последний приказ тебе, ученик! Найди Арциса и отдай артефакт. Скажи, что я прошу взять тебя в ученики. С-скажи... Скажи, что все пошло не так. Скажи, что мы разбудили то, что не в силах понять. Вьюгу... — Обессиленный волшебник откинулся на снег. — Ну же. Беги. Иначе будет поздно. Спаси то, что еще можно спасти.

Гани поколебался, потом решительно кивнул и понесся прочь, крепко прижимая к себе Рог.

— Беги, малыш, беги,— прошептал Вальдер.

Снег, тихо кружась, падал на мертвого архимага, укрывая белым одеялом тепла и покоя. Снег тихо шептал и пел свою песнь, зная, что скоро начнется его самый безумный танец.

Над Авендумом собиралась черная вьюга.

Глава 11
ГОРОД СЕРЫХ СНОВ

Привалившись к грязно-серой, покрытой лишайником стене дома на Людской улице, я застонал. Боль поселилась где-то в грудной клетке и теперь медленно отступала, забирая с собой мой страшный сон.

Я до сих пор находился там — на покрытой снежным ковром улице Сонной Кошки, возле статуи Сагота. И все еще не мог поверить, что я жив и не лежу мертвым на занесенной снегом мостовой старого Авендума.

«Я всего лишь Гаррет,— прошептал я.— Получивший в Авендуме прозвище Тень, а не погибший несколько веков назад архимаг Вальдер...»

Внезапное погружение в поймавшую меня призрачно-зыбкую паутину кошмара оказалось мгновенным. Когда это случилось, я быстро шел по Людской улице, и вдруг...

Продолжая оставаться собой, я каким-то невероятным образом в то же время превратился в Вальдера. Сознание мое раздвоилось и сломалось, словно нежная кромка молодого ноябрьского ледка. Существуя где-то там, на Закрытой территории, безвольно привалившись к стене, вор Гаррет прожил новую жизнь, точнее кусочек чужой жизни, оказавшейся на удивление реальной.

Фор не зря предупреждал меня о странностях, происходящих в этом заброшенном месте. До сих пор, даже очнувшись, я продолжал ощущать тупую боль в груди, куда попал осколок заклятия мага-шамана, а лицо ласково обжигал холод январского снега.

Сон. Или не сон? Может, что-то или кто-то специально рассказало мне о трагедии, разыгравшейся здесь более двухсот лет назад?

Кто знает?

Я дрожащей рукой вытер выступивший на лбу пот и потряс головой, стараясь выветрить из нее последние свинцовые крупицы моего маленького персонального кошмара.

Ощущение было неприятным, но теперь я хотя бы знаю, что же на самом деле произошло в ту ужасную ночь в старой башне Ордена и каким образом появилось уже ставшее легендой проклятие Авендума — Закрытая территория.

Виной возникшей гекатомбы оказался Хозяин, которому удалось соблазнить Земмела бессмертием и властью.

Кто же он такой?.. За последнюю неделю я уже несколько раз слышал это прозвище. Таинственная личность и большая загадка не только для меня, но и для Арцивуса, а следовательно, и Ордена.

Правда, теперь я точно знал, что этот Хозяин и Неназываемый — абсолютно разные персоны.

Но сейчас мне было не до них обоих. Я опять отставал от графика и поэтому, перестав забивать голову ненужной чепухой, отправился в путь.

Хоть Закрытая территория и оказалась странной — все же можно сказать, что я был приятно разочарован. Столько ужасных слухов бродило о ней по Авендуму, а оказалось, что здесь вполне тихо и мирно. Из-за этого возникло искушение идти, не скрываясь, прямо по центру улицы. Возможно, многие так бы и поступили, но не я.

Планы старой части города, сделанные старательными карликами и добытые мной в Королевской библиотеке, оказались идеально точны. Перемахнув через стену, я действительно очутился на широкой, полутемной Людской, возле низенького здания со сгнившей дверью. То ли лавка, то ли дом цирюльника — по ржавой поблекшей вывеске судить было трудно.

Собравшись с духом, на всякий случай я воззвал к Саготу и пошел вперед, постоянно сверяясь с картой в своей голове.

Улица, как я и мечтал, была пустынна. Пустынна и... абсолютно нереальна, что ли.

Да, в безликих щербинах окон тихо сопел задремавший летний ветерок. Иногда скрипела и качалась насквозь проржавевшая вывеска на какой-нибудь из полуразвалившихся лавок. Возле одного из домов стояли сгнившие зимние сани. На мостовых громоздились кучи мусора — в основном из-за разрушившихся от времени жилищ и их кровель. Но вот останков не было.

Ни души, даже ни одного самого заваляшего скелета — не то что человека, но хотя бы лошади или собаки. Тусклый серый свет улиц и бледное серебро полной луны создавали картину мертвого, давно покинутого мира. И еще одна странность: отсутствовал уже успевший стать привычным за три недели июня туман.

К моему неприятному изумлению, магическое зрение вдруг наотрез отказалось работать, как только я прошел по Людской пару десятков ярдов. Краски погасли, мир мигнул и распался на тени и тьму. Я почувствовал себя беспомощным слепым котенком, заблудившимся в конуре злой собаки, но довольно ощутимым усилием заставил заткнуться проснувшегося в глубине души нытика.

Нечего паниковать раньше времени.

Очень надеюсь, что в Храд Спайне со мной такого не случится, иначе я пропал. И хотя самое страшное, что вообще может произойти с человеком, — это оказаться в безликой темноте глубоких подземных залов, сейчас я тоже был не в восторге.

Меня окружало мертвое королевство бледных оттенков и серебряного сна. Шепот ветра, напевающего колыбельную домам-мертвецам, и запах затхлой старости были моими единственными спутниками.

Иногда я резко оборачивался и внутренне холодел, ожидая увидеть кого-то или что-то идущее за мной по пятам, но все было спокойно. Стараясь не шуметь, я ловил звуки летней ночи до предела обострившимся слухом.

Но шумел только ветер. Он, словно маленький зверек, замирал, а затем, в самый неожиданный момент вдруг начинал играть в черных провалах мертвых домов, с таинственным свистом выскакивать из подворотен, раскачивать хлопающие о стены домов сорванные ставни, дразнить гневно дребезжащую жестяную кровлю и вновь прятался.

Лишь однажды непонятный, а оттого пугающий звук заставил мою спину покрыться ледяными мурашками.

Пробираясь мимо некогда богатого дома, покрашенного выцветшей зеленой краской, я услышал тоненький и сразу же оборвавшийся детский плач. Пораженно отпрянув на противоположную сторону улицы, я слился с тенью и с тихим ужасом прислушался. Окна первого этажа, откуда мне почудился плач, были заколочены. Но звук шел именно оттуда.

Я ждал. Сердце учащенно колотилось, словно свободолюбивая птица, молящая, чтобы ее выпустили из тесной клетки. Старина Гаррет панически боялся вновь услышать это. Злой, отчаянный крик голодного младенца, оставленного матерью на произвол судьбы. Плач, которому не место в мертвом и страшном месте.

Но больше не раздалось ни звука, и я, выждав еще несколько минут, направился своей дорогой. Торопливо шел, поминутно оглядывался, боясь поверить в то, что слышал. Постепенно страх отпустил меня.

Я старался не выходить на освещенные луной участки улицы, но в то же время и не слишком сильно прижиматься к стенам мертвых домов. Они вызывали во мне какой-то инстинктивный детский ужас своими безмолвными разбитыми глазницами-окнами, скорбными и многочисленными. От этих несуществующих взглядов на душе становилось мерзко, разыгравшееся воображение то и дело услужливо подкидывало мне разнообразные, в большинстве своем неприятные, картины.

В такие мгновения очень хотелось плюнуть на короля, Храд Спайн, карту и исчезнуть из города. Меня сдерживала только угроза нарушения договора.

Находящаяся за домами по правую руку Кладбищенская улица, шедшая параллельно Людской, не добавляла мне ни капли оптимизма. Я ежесекундно ждал чего-то, но это самое что-то не сильно спешило выползти на лунный свет, дабы продемонстрировать себя Гаррету во всей красе.

Наконец я увидел дом судьи. Уж не знаю, действительно ли в этом здании жил судья или название появилось из-за какого-то случая. Но на городских планах эта серая трехэтажная громадина называлась именно домом судьи.

Вполне вероятно, что строение и вправду был судейским, особенно если учесть, какие взятки брали в былые времена королевские арбитры. Теперь все по-другому. Сталкон прижал парочку нечистых на руку чиновников, еще пяток отправил в Серые камни, а самых невезучих — на эшафот. С тех пор законники стали работать, как замысловатые механизмы карликов, быстро и точно, а главное — честно.

Сразу за судейским домом, если верить тем же планам, находился узенький переулок, выводящий на улицу Сонной Кошки. Она, как и Кладбищенская, шла параллельно Людской, но по левую от меня руку. В принципе можно было пройти дальше по Людской и выйти на Сонную по широкому Овсяному переулку, но до него идти и идти, а Запретная территория являлась не тем местом, что располагает к долгим и приятным ночным прогулкам. Клянусь Тихими временами! Чем быстрее отсюда исчезнешь, тем лучше для здоровья. Поэтому узкий переулочек как нельзя кстати сокращал мое опасное путешествие по крайней мере вдвое.

— Сожри меня Х'сан'кор! — выругался я вполголоса.

Стоявший по соседству с судейским жилищем дом развалился, и одна из рухнувших стен заполнила переулок, перекрыв мне путь на Сонную Кошку. К сожалению, я не был горным козлом, чтобы перебраться через все эти завалы. Тут и не к ночи упомянутый Вухджааз ногу сломит.

Придется идти дальней дорогой.

Мой взгляд упал туда, где в ночи таяли стены мрачных домов. Сколько еще до Овсяного переулка? Сколько раз придется сыграть с судьбой в кости, рискуя нарваться?

Я понимал, что на улице тихо, что тут абсолютно никого нет, а все же... Ну не горю я желанием идти по Людской улице! Вот хоть режьте меня, не пойду, и все тут! Та же самая интуиция, спасшая меня в ночь вылазки в дом герцога, вцепилась руками в плечи и не пускала вперед. Но тогда как же мне попасть на Сонную? Единственный выход — пройти сквозь один из зловещих домов, стоящих слева. Хотя бы через ближайший ко мне — судейский.

Находясь в густой, как сливки, тени, я мучительно медлил, решая, какое из зол меньшее — пройти по Людской дальше или сунуть нос в мертвый дом? Ни тот, ни другой вариант меня не очень-то устраивал, но стоять вот так и ничего не предпринимать было не менее опасно, чем продолжить путь.

В доме напротив судейского вновь раздался тихий детский плач, и я вздрогнул. Звук раздавался со второго этажа. Скорее всего, вон из того черного зияющего окна с истлевшей грязной тряпкой, в которой с трудом можно было распознать занавеску.

Если в первый раз услышав всхлипы, я сослался на разгулявшееся воображение, то теперь деваться было некуда — я действительно это слышал. И сие открытие нисколько не наполняло мое сердце благодатью и спокойствием. Призраки? Души умерших? Проклятие Рога Радуги?

Не знаю, что это было и что оно хотело от меня, но я уж точно не куплюсь на детский плач и не понесусь сломя голову, как какой-нибудь сказочный дурачок-рыцарь, спасать невинного младенца. Этот «невинный», вполне вероятно, пару сотен лет ничегошеньки не кушал и теперь представляет для меня нешуточную опасность. А поэтому нам лучше избежать встречи. Нет тут никаких детей, вот уже двести лет нет. Во всяком случае, живых.

Я аккуратно отстегнул арбалет и зарядил вместо одного из обычных болтов огненный. Он был точно такой же, как и боевой, лишь красные насечки на наконечнике помогали отличить его от своих неволшебных собратьев. Это было серьезное оружие, без труда способное свалить с ног даже закованного в латы рыцаря.

Прошло всего-то несколько мгновений, за которые мое сердце успело провалиться в пропасть и запутаться где-то в кишках, а жуткий плач замолк так же неожиданно, как и возник. Секундная тишина... А затем я услышал тихое хихиканье. Злой детский смешок. Так мог смеяться ребенок, который мучает кошку и знает, что взрослые его за это никогда не накажут.

Волосы на моей голове зашевелились, спина покрылась холодным потом, и мне чуть ли не впервые в жизни захотелось заорать во весь голос от ослепляющего животного страха.. Так меня еще ничто не пугало.

Живые мертвецы старых Штолен Ола и даже парочка знакомых демонов с непроизносимыми именами показались мне добрыми пушистыми щенками перед этим тихим зловещим смехом невидимого существа.

Неизвестность всегда страшит. Пора было делать ноги, причем быстро — смех не располагал к вежливой и неспешной беседе с его таинственным обладателем. У меня больше не возникало сомнений,

что неизвестный устроил охоту за бедным Гарретом. Иначе как он оказался за пару кварталов от того места, где я его услышал впервые?

Когда хихиканье раздалось уже с первого этажа здания, я отбросил сомнения и колебания. Вихрем взлетел по высоким ступеням крыльца дома судьи, толкнул дверь и ворвался в древний мрак, на ходу вытащив из кармана одноразовую магическую безделушку, излучавшую тусклый свет. Видно было ровно настолько, чтобы не врезаться в ближайшую стену или мебель и найти старую, покосившуюся от времени дверь, ведущую во внутренние помещения. Времени не было даже на то, чтобы достать один из «огоньков» — ярких магических источников света, купленных мной у старины Хонхеля. Смех уже раздавался на улице, у крыльца.

Другой бы на моем месте пальнул по неизвестному хохотуну-плакальщику, но я слишком осторожен — так уж меня воспитал Фор. Не стоит рисковать раньше времени. А вдруг в итоге я не убью, а только еще сильнее разозлю неизвестную тварь.

Ударом ноги распахнув дверь из и'альяльской ивы, над которой, как известно, время не имеет никакой власти, я ввалился в темный зал, стены которого растворялись в кромешной тьме. Едва не спотыкаясь о разбросанную в беспорядке поломанную мебель, бросился дальше, и топот моих шагов, наверное, был слышен за лигу от этого места.

Краем глаза я отметил распластанный на полу скелет в истлевшей от времени одежде. Еще дверь — и следующий зал. И еще. И еще. Я несся по заброшенным комнатам, разрезая мрак тусклым светом, исходящим от волшебного кулона. Кровь стучала в висках, в животе стыли холодные и не желающие таять льдинки страха. Я молился Саготу, чтобы не споткнуться и не переломать ноги.

Мельтешение стен, огромные тени на них, игра света и тьмы, дрожащий бледный круг. Впереди замаячила очередная дверь. Распахнув ее, я сорвал с левой руки перчатку, кинул во мрак, развернулся и побежал в обратном направлении. Свернул налево, чудом избежал встречи со столом, проскользнул в едва приметный закуток для слуг. Захлопнул дверь, прижался спиной к стене, стараясь удержать судорожное дыхание, спрятал кулон за пазуху, чтобы исходящий от него свет не пробивался сквозь щель под дверью и не выдал моего присутствия. Мир погрузился во мрак, и я слился со стеной в единое целое, стараясь дышать как можно тише.

Прошли века, прежде чем мое ухо расслышало тихие шаги. Больше всего они походили на легкие шажки разутых ног ребенка. Он приближался, палец на спусковом крючке арбалета напрягся. Шаги

замерли перед дверью. И опять раздался тихий довольный смешок, от которого мороз бежал по коже. Неужели меня нашли?

Лишь приложив огромное усилие, я не побежал, а застыл, как застывает испуганный заяц в минуту опасности, надеясь, что хищник не заметит его в снегу. Дверь резко распахнулась, чуть не расплющив меня об стену, но я даже не пошевелился, молча возносся молитвы всем богам Сиалы.

Хохотун-плакальщик застыл на пороге. Послышалось сопение. Кажется, существо пыталось найти меня по запаху. Еще один хохоток морозом отозвался у меня в животе. Тварь не уходила, понимая, что я где-то рядом, но в комнату войти не решалась, так как дальняя дверь, куда я бросил перчатку, тоже была открыта и вполне вероятно, что я мог быть там, дожидаясь момента, чтобы сбежать.

Медленно падали крупицы песка в песочных часах времени. За этот срок я успел проклясть свою глупую идею — спрятаться в доме. Надо было бежать по улице, может, тогда мне бы и удалось скрыться. А теперь я ощущал себя гоблином, запертым в лабиринте орков.

Наконец я услышал очередной тихий смешок, а секунду спустя удаляющиеся шлепки босых маленьких ножек. Ориентируясь по затихающему звуку, я рисовал в голове следующую картину: вот существо прошло зал, вошло в дальнюю комнату, замерло... Опять победный хохоток — видно, оно обнаружило мою перчатку,— и быстрые удаляющиеся торопливые шажки, которые поглотила тишина.

Я медленно сполз по стене на пол. Руки едва ощутимо дрожали, очень хотелось выпить чего-нибудь крепкого. Например, знаменитого самогона Гозмо. Ни в коем случае нельзя было оставаться тут, тварь могла вернуться, поняв, что ее надули самым примитивным образом. Возвратиться обратно на Людскую или все же рискнуть — пройти сквозь мрак и выйти из дома на противоположную улицу?

Я пару раз бывал в зданиях подобной планировки, поэтому ориентировался свободно. Сейчас я заскочил в крыло слуг и, если пройти прямо, а затем через две двери направо, то выйду на задней половине первого этажа дома. Там должна быть дверь на кухню, а с кухни попасть на Сонную Кошку — дело одной минуты. Я вновь извлек кулон и двинулся по мрачному дому, каждое мгновение ожидая услышать знакомый смех.

Переступив через упавший шкафчик с разбитой стенкой, толкнул дверь в нужную мне комнату и закрыл ее за собой. Тусклый свет выхватил из сгустка мрака стол, сиреневую вазу низинских мастеров с засохшим веником цветов: лепестки давно осыпались и тонким коричневым слоем покрывали полированную поверхность сто-

ла. Стул с резной спинкой, стилизованной под паутинку, — не иначе творение карликов, хотя те и не очень любят работать с деревом. Пара картин — увы, я не смог рассмотреть, что на них изображено, от времени холст потемнел, и проступали лишь отдельные штрихи. Небольшие стеллажи с рядами запыленных книг.

Наверное, я попал в кабинет управляющего. И сам он лежал на полу, лицом вниз. Старый скелет зарос паутиной и был покрыт пылью. Я осторожно подошел и склонился над ним. Кости ног были раздроблены или, точнее, разгрызены, как будто кто-то пытался добраться до костного мозга.

Гхолы?

«Не похоже. Не те отпечатки зубов. К тому же здесь есть слабый магический след».

Я изумленно тряхнул головой. Какой след?! Какие отпечатки?! О чем это я?! Словно кто-то другой подумал и мысленно произнес эти слова. Кто-то, очень хорошо знающий повадки этих существ. Кто-то, разбирающийся в магических следах. Например, тот, кем я недавно был в захватившем меня сне.

Архимаг Вальдер.

Сагот, что за чушь я несу?! Моя голова — это моя голова, и никаких слов мертвого волшебника там быть просто не может!

Я поспешно отошел от мертвеца, вызвавшего у меня чьи-то чужие, совершенно непонятные мне, мысли, и взглянул в окно.

Взглянул и выругался. Странностей на Запретной территории становилось все больше.

За окном стояла зимняя ночь. Крыши домов и мостовая были покрыты снегом. В некоторых местах намело неплохие сугробы.

Опять бред?! Десять минут назад за окнами было лето, а теперь самая настоящая зима! С веселыми криками по улице пробежала пара мальчишек, чуть не сбив закутанного в шубу толстяка в старинной одежде. Сколько же там людей! Горели огни в домах напротив, да и сами строения выглядели новехонькими.

«Последний вечер,— прошептал у меня в голове такой знакомый голос архимага Вальдера.— Я умер в эту ночь».

Я подскочил от неожиданности, плюнул на все эти чудеса и, чуть ли не выбив дверь, вылетел из помещения.

Стол посреди комнаты, ваза с засохшим веником, который раньше был цветами, картины, книги, стул, скелет на полу. Окно. Зима. Люди, жившие двести лет назад и не подозревающие, что случится через несколько часов. Я вновь оказался в комнате с видом на зимнюю улицу.

Что за ерунда?!

Вновь прошел в странную дверь и на этот раз не стал закрывать ее за собой.

Стол, ваза, цветы, мертвец, окно, зима.

Оглянулся назад, в комнату, где я только что был.

Стол, ваза, цветы, книги, скелет с измочаленными костями и белый, медленно опускающийся на улицу снег. Замкнутый круг.

Влип.

Я попробовал повторить эпизод прохождения сквозь дверь еще два десятка раз, но с железным постоянством оказывался в одной и той же комнате. Вот будет забавно, если хохотун-плакальщик попал сюда вместе со мной. Тут от него долго не попрячешься.

«Гонки по одной и той же комнате, тысячу раз отразившейся в реальности».— Вновь тот же тихий и усталый голос.

— Кто ты? — испуганно прошептал я, вслушиваясь в себя и уже догадываясь об ответе.

«Не знаю...— раздалось через некоторое время.— Я — это я. И жив благодаря тебе. Но не весь, а лишь частица моего сознания».

— Ты в моей голове! — выкрикнул я.

«Не бойся. Я уйду, как только ты покинешь проклятую магией землю. Позволь мне жить. Хоть немного»...— Голос был молящим, и я на миг дрогнул, но тут же испугался:

— Нет! Убирайся из моей головы!

«Ты знаешь меня. Ты был мной тогда, когда все это случилось. Ты должен знать, что я не причиню тебе вреда. Наоборот, помогу».

Плевать я хотел на его помощь. Он поселился в моей голове без всякого разрешения с моей стороны! И мне очень хотелось выскрести голос проклятого архимага из ушей.

«Я помогу тебе выбраться и завершить твое дело».— Он говорил тихо, приходилось напряженно вслушиваться, чтобы разобрать слова.

— Какое дело?

«Ты был мной, а я стал тобой. Ты знал мою жизнь, а теперь я знаю твою. Все твои дела, все твои задачи. Мы — целое».

— Мы не целое! — Я зло пнул ногой по черепу мертвеца, и тот откатился к стене.— Это мое тело!

«Пусть так.— Вальдер не собирался спорить.— Позволь мне просто уснуть, когда все это кончится, и я помогу тебе выбраться отсюда».

— Уснуть? Как уснуть? В моей голове?

«Да... Я хочу покоя. Я слишком долго ждал тебя, чтобы выполнить обещание».

— Ждал? Обещание? Кому?

Нет ответа.

— Нет! Тысячу раз нет, сожри меня Х'сан'кор! Это моя, и только моя голова! Уходи!

«Хорошо,— ответил Вальдер после долгого молчания.— Я помогу тебе просто так, а затем уйду. Ты попал в зеркало времени. Выходи в окно. Просто прыгай и ни о чем не думай».

Сделать так, как он говорит, и оказаться в зимнем мире? Но что мне делать, если я вдруг попаду на двести лет назад? Смогу ли я выбраться обратно или мне придется всю оставшуюся жизнь проторчать в совершенно незнакомом для меня месте?

Архимаг молчал, и мне в общем-то не оставалось ничего другого, как последовать его совету — вылезти из проклятой комнаты через не менее проклятое окно. Время пролетало незаметно, еще пара-тройка часов — и начнется рассвет. Надо успеть убраться из этого паршивого места до того, как горизонт пронзят первые солнечные лучи.

Я подошел к разбитому окну. Выглянул наружу. Лицо обдало легким морозным ветерком. Как там говорил архимаг — конечно, если это говорил он, а не мое свихнувшееся воображение:

— Просто прыгай и ни о чем не думай.

Легко сказать! Разбежаться и сигануть, словно цирковой тигр через горящий обруч! Только здесь вместо пламени осколки острого стекла по краям рамы. Впрочем, мне не впервой. Из некоторых навещаемых мною домов богатеев я уходил именно таким способом. Когда на пятки наступает десяток ретивых охранников, только и мечтающих порубить тебя в капусту, не то что через окно, через дымоход сбежишь.

Я убрал кулон — лунного света вполне хватало. Подумав, взял со стола вазу и швырнул на улицу. Она крутанулась в воздухе, и исчезла, так и не ударившись о землю.

— Грызи мою печень демон бездны! — сплюнул я и, разбежавшись, прыгнул в неизвестность.

Мелькнула комната, белая мостовая, лениво плывущая по небу луна, падающие снежинки. Я приземлился на ноги, не удержался, стал заваливаться на бок и сделал перекат через правое плечо.

Морок исчез. Растворился, унесенный ветром времени. Ни снега, ни новых домов с приветливо горящими окнами, ни людей, спешащих по своим делам. Мертвая улица Сонной Кошки. Мертвые дома с мертвыми окнами. И летняя ночь. Значит, я попал куда надо.

Все же Вальдер указал мне правильный выход. Разбираемый любопытством, я оглянулся назад, на жилище судьи. Вернувшись, заглянул через окно в комнату, где только что находился. Стол, выброшенные из вазы цветы, скелет. Дверь. А дальше — темная кишка коридора, уводящая куда-то в мрачные глубины темного здания.

— Пойду-ка отсюда! — пробормотал я, закидывая арбалет за спину.

В дома больше заходить не буду, а то точно застряну в них на веки вечные. Я огляделся по сторонам и, сверяясь с картой, продолжил путь.

Улица Сонной Кошки ничем не отличалась от Людской. Все то же запустение, все те же тысячи несуществующих глаз, наблюдающих за мной из рваных ран окон. Разве что здесь было поуже да потемней, плюс здания победнее.

Мое быстрое продвижение не мешало держаться тени и полумрака, а также настороженно вслушиваться в тишину ночи и песнь унылого ветерка. Пару раз он доносил до меня скомканные расстоянием звуки детского плача, но они были такими призрачно-далекими, что я постарался не обращать на них внимания.

Шли минуты. По дороге я напоролся на скелет лошади, лежащий поперек улицы. Ее кости, как и останки безымянного мертвеца в нескончаемой комнате с вазой, были раздроблены или, точнее, разгрызены чьими-то зубами. Уж не мой ли это знакомый хохотун-плакальщик? Я аккуратно обошел скелет.

Ветер усилился и тоскливо завыл в мертвых остовах домов.

На улице запахло затхлостью и пылью, словно под кроватью скряги. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Один разок пришлось пролежать в подобном месте битых два часа, дожидаясь, пока невесть откуда нагрянувший хозяин не издал рыкающий храп здорового и довольного жизнью человека.

В одном из домов справа от меня зияла огромная черная дыра, и я поспешно перешел на другую сторону улицы — нечего искушать судьбу, ведь неизвестно, какая образина может там коротать эту ночку.

Впереди вырисовалось непонятное белое пятно в воздухе. Я подкрался к нему довольно близко и стал с интересом изучать. Возле деревянного, порядком развалившегося трактира с вычурной вывеской в форме толстого кота мой путь преградило облако прозрачного серебристо-белого тумана.

Круглое, пушистое, похожее на безобидную овечку, оно зависло прямо посреди улицы, не касаясь краями окружающих домов.

Не знаю отчего, но у меня возникло стойкое впечатление, что это какой-то гигантский разжиревший паук бросил недоделанную паутину. Края субстанции колебались и дрожали, создавая впечатление вялой жизни. Туман нисколько не напоминал июньский туман Авендума — тот был желтым и непроглядно густым, а этот...

Странный какой-то.

Остановившись ярдах в десяти от неожиданной преграды, я решал, что делать дальше. Фор посоветовал мне путешествовать по крышам, но кто знает, выдержат ли они после стольких лет человеческий вес? Попробовать проскочить? Под покровом тени, прижавшись к стене здания? Рискнуть, конечно, можно, но чем мне это грозит?.. А вдруг «облачко» решит приблизиться и проверить, кто залез в его вотчину?

За серебристой марью странной субстанции были видны очертания человеческого силуэта. Судя по росту — какой-то великан, не иначе. Его голова была вровень с крышами одноэтажных зданий.

Судя по всему — впереди виднелась статуя Сагота.

Я уже занес ногу, чтобы подойти к стене и проскочить мимо облачка, когда меня остановил вновь зазвучавший в голове резкий голос:

«Стой! Не двигайся, если тебе дорога жизнь!»

Гаррет — парень послушный, я застыл не хуже пугала на деревенском огороде. Только через несколько томительных ударов сердца до меня стало доходить, что это говорит вновь объявившийся архимаг. Я собрался ответить Вальдеру, что о нем думаю, но он рявкнул раньше:

«Молчи! Ни звука! Эта тварь слепа, но со слухом у нее все в порядке! Говори мысленно, я тебя прекрасно услышу».

«Ты обещал оставить меня в покое!»

«Интересно, где бы ты тогда был? В пасти Ириллы?» — возразил он.

«Не понимаю»

«Это то, на что ты смотришь».

Я вгляделся в облако.

«Об этом порождении Кронк-а-Мора я читал в древнейших фолиантах, когда...— голос помедлил,— когда еще был жив. Ириллы слепы, любят заброшенные места и не любят тех, кто к ним приходит».

«Как же они охотятся? — недоверчиво спросил я.— Слепой охотник — это что-то новенькое».

«Я уже сказал тебе. У них прекрасный слух».

«Думаю, оно бы уже давно схватило меня, если бы все было так, как ты говоришь»,— подумал я.

«Не обольщайся. Ирилла услышал тебя ярдов за двести. Он просто все еще ждет, что ты подойдешь к нему».

«Не дождется. Нашел дурака. Придется искать другой путь».

«Как только ты сделаешь шаг назад, он нападет. Надо обмануть его».

«Интересно — как? — фыркнул я, не отрывая настороженного взгляда от безмятежно колышущегося туманного сгустка.— И тебе-то какое дело, если оно меня сожрет?»

Вальдер долго молчал. Я уже было начал подумывать, что он и вовсе не ответит.

«Я вновь получил жизнь после долгого ожидания и забвения. Жизнь, а не серое ничто, из которого нельзя попасть ни во тьму, ни в свет. Пусть я существую в чужом теле, где меня считают незваным гостем, но это лучше, чем ничто. Позволь мне уснуть, я не буду тебе мешать, а может, иногда и смогу помочь. Не прогоняй!..»

«Ладно, по рукам. Пока можешь оставаться.— Я все же пришел к выводу, что помощь архимага может быть полезной.— Но только до тех пор, пока я не покину Запретную территорию. Договорились?»

«Да! Спасибо!»

Если подумать — что такого страшного, если в голове иногда звучит чей-то голос? У многих в Авендуме, особенно у тех, кто находится во втором крыле больницы Десяти мучеников, в башке постоянно живут голоса. И побольше, чем один. Правда, у тех, кто слышит их, с умишком обычно не все в порядке, но покажите мне хотя бы одного нормального в этом безумном мире!

«Так как же мне обмануть этого ушастого слепыша?»

«Попробуй поднять камень и кинуть куда-нибудь подальше от себя. А затем беги».

Замечательный, гениальный план! А я, грешным делом, подумал, что мне действительно посоветуют что-нибудь дельное. Хотя можно попробовать. Если побежать быстро, то вскоре я окажусь возле статуи Сагота, а Фор говорил, что там абсолютно безопасно и никакая тварь не посмеет меня тронуть.

Я поднял с земли мелкий круглый камешек и швырнул его в ближайшее от тумана окно. Он влетел во мрак, стукнул о стенку, и мышеловка захлопнулось. Облако, словно сорвавшаяся с эльфийского лука стрела, метнулось на неожиданный звук и скрылось внутри дома, а я бегом пролетел опасный участок, уголком зрения замечая, что моя уловка не очень удалась — белый сгусток, теперь напоминающий червя, отродясь не видавшего солнца, стремительно вытекал обратно на ночную улицу.

И он явно решил поиграть в догонялки с моей испуганной и сосредоточенной на отчаянном галопе персоной. Я прибавил ходу, благо до Сагота оставалось всего ничего

«Быстрее!» — совсем не под руку посоветовал Вальдер.

Мог бы и помолчать. Я и так выжимал предельную скорость.

Упав возле гранитного постамента, я увидел, как несущийся на меня червь, озверевший от голода, точно гхол, издал мелодичный

хрустальный звон и разлетелся на тысячу маленьких клочков, багровым огнем сгорающих в воздухе.

Что же, учитель Фор, ты, как всегда, оказался прав. Статуя Сагота — действительно безопасное место.

— Слушай, маг! Ты можешь пока торчать в моей голове, но не надо говорить под руку! Прекрати болтать, если только мне не угрожает опасность! Заткнись или убирайся! — зло просипел я.

Архимаг вежливо промолчал..

Я встал с земли, отряхнул куртку и штаны от пыли и мелкого мусора, развернулся, чтобы наконец-то увидеть лицо своего бога.

И задохнулся от изумления.

Неизвестный мастер хорошо постарался, создавая покровителя воров. Сагот сидел на гранитной тумбе, скрестив обутые в башмаки ноги. Он выглядел чуть-чуть усталым, словно путник после долгого и наконец-то завершившегося путешествия. У него были изящные руки с тонкими пальцами — они казались слишком молодыми для сорокалетнего мужчины.

Острый нос, высокий лоб, легкая небритость, лукавые глаза и улыбка, одновременно подходящая и для умудренного опытом старика и для озорного мальчишки.

Я видел этого человека раньше. И даже заплатил золотой за его нелепый совет.

Передо мной сидел тот самый нищий из Собора с пустого постамента.

Я слышал среди ночного братства несколько легенд о том, что Сагот якобы иногда любит побродить по земле и поговорить с теми, кто взывает к нему в трудные минуты. Помочь им, посоветовать, наказать или разыграть. Но я никогда не думал, что со мной когда-нибудь случится нечто подобное.

— Видишь, я исполняю Заказ,— обратился я к статуе.— Вот только твоего совета про Селену так и не понял. Можешь продолжать радоваться. Ты облапошил меня на целый золотой.

Но бог молчал, продолжая смотреть насмешливо. Больно ему надо отзываться на дерзости какой-то букашки по имени Гаррет. Я вздохнул. Что ж, Сагот защитил меня от Ириллы, но пора отправляться дальше.

— Прощай, Сагот.— Я умерил дерзость и поклонился.— Я постараюсь достать этот Рог.

Я развернулся и пошел по застывшей в ночной мгле Сонной Кошке, оставив статую бога воров за спиной. Побывав возле изваяния, я вдруг ощутил уверенность и спокойствие. Я выполню этот Заказ.

Мне подумалось, что только что я получил одобрение бога, пускай он не сказал мне ни слова.

Улица была так же бесконечна, как ненависть эльфов к оркам. Я шел по ней уже минут двадцать. Хотелось побыстрее расквитаться с делами и свалить отсюда куда подальше.

Но, видно, пока мне было это не суждено.

Сначала я почувствовал запах, который ни с чем нельзя спутать. Эта вонь была способна свести с ума голодного гхола — смрад разлагающихся трупов. Я стал дышать ртом, пытаясь не обращать внимания на нестерпимый «аромат», думая о том, что изо рта Вухджааза и его братца пахнет намного хуже.

Спустя пару мгновений до меня донесся хруст и чавканье — звуки, знакомые тем, кто занимается разорением древних могил. Именно по ним всегда можно вычислить проклятых тварей.

Мертвецы, оживленные оставшимся от огров черным шаманством, так и не исчезнувшим за тысячелетия из мира Сиалы. Вот кто это был.

Покойники, которые нет-нет да появляются в различных, в основном заброшенных и, к счастью, редко посещаемых людьми местах. И этому появлению не могут воспрепятствовать даже могучие ордена волшебников, маги светлых эльфов и шаманы орков, гоблинов и темных эльфов вместе взятые. Слишком сильно шаманство зловещей и таинственной расы огров, непонятое и до сегодняшнего дня оставшееся в мире с тех самых пор, как эти существа правили всеми Северными землями и еще не превратились в тупых кровожадных людоедов.

Магия, оживляющая трупы, препятствует их гниению, и мертвецы вполне в состоянии просуществовать несколько десятков лет, прежде чем время сжалится и убьет их плоть. Они, как и многие существа тьмы, не выносят солнечного света. От него их тела испаряются, словно куски сахара в горячей воде. Поэтому основное место обитания зомби — это заброшенные пещеры, штольни, выработки, подвалы старых домов и, разумеется, склепы. Лишь ночью они выползают из своих убежищ в поисках поживы.

В принципе, немного попотев, с рядовым восставшим из мертвых способен справиться хороший мечник, попросту изрубив врага в капусту. Отлично действуют волшебные световые кристаллы, разрушающие их плоть, огонь, серебро, кошачья слюна, некоторые травы... Вот только обычно всего этого не бывает при себе, когда наталкиваешься на ходячий труп.

Зомби не так страшны, как о них рассказывают у ночных костров и в трактирах. Это я вам заявляю со всей ответственностью. Однаж-

ды, еще в молодости, бродя в поисках несуществующих сокровищ по заброшенным старым Штольням Ола, находящимся к востоку от Авендума, я наткнулся на двух таких созданий. Тупым, голодным, неповоротливым тварям отчего-то не лежалось в могилах. Убежать от них оказалось довольно просто. Это так называемое «свежее мясо» еще проворное и ловкое, а полусгнившие останки еле-еле передвигаются из-за отсутствия большей части мышц, сухожилий, а то и костей. Главное — не попасться в их руки-крюки, иначе придется худо. В добычу ребята впиваются не хуже имперских собак.

Чавканье раздалось с новой силой, и меня передернуло от отвращения. Да и кто на моем месте остался бы хладнокровным? Не очень-то приятно услышать такое, и неважно, кто ты — добрый булочник, храбрый солдат, безжалостный убийца или честный вор.

Я не понимал одного — откуда зомби здесь взялись. До Кладбищенской улицы довольно далеко. У них что? Вечерняя прогулка перед сном? Да и какие мертвецы продержатся две сотни лет? За это время каждый порядочный оживший покойник, хочет он того или нет, должен развалиться.

Что же, спишем гуляющих на странности Запретной территории.

В левую руку я взял припасенное мясо, а в правую — свой нож. Если что, серебряная окантовка лезвия на время меня защитит.

Нет, зомби не дохли от серебра, просто они становились менее поворотливыми и очень ленивыми. Порой тварь, получившая серебряную стрелу в грудь, даже не обращала внимания на проходящего мимо человека.

Помню, был случай, когда какой-то тупой кретин решился завладеть ценной стрелой и выдернул ее из якобы вновь умершего мертвеца. Кончил он плохо, и его даже не смогли похоронить. Потому что хоронить, собственно говоря, было нечего.

Из-за угла кирпичного здания донеслось хрипение. Окна этого дома были закрыты массивными стальными ставнями, а тяжелая стальная дверь могла выдержать даже прямое попадание ядра из пушки гномов. На фасаде огромными буквами было написано:

«Б...НК ХИРГЗ...Н и СЫ...О...ЬЯ».

И доралиссцу было бы понятно, что здесь написано: «Банк Хиргзан и сыновья». Известный и богатый род гномов.

Значит, вот он какой, гномий банк. Именно до этого места дошел Фор, но не смог проникнуть внутрь и вернулся. Я аккуратно, стараясь не шуметь, заглянул за угол. В нос ударил все убивающий запах гниющей плоти, а мой взгляд уперся в точно так же выглядывающего из-за угла, только с противоположной стороны, мертвяка.

Возникла немая сцена, достойная лучшего драматического спектакля Рыночной площади. Столкнувшись нос к носу с оживим

мертвецом, я поступил как маленький и беззащитный зверек, когда тот сталкивается с лесным хищником, — окаменел.

Тварь была не первой свежести. Одной руки как не бывало, ребра справа обнажены и тускло белеют в туманном лунном свете. Грязно-серо-зеленого цвета кожа, одно глазное яблоко отсутствует. Губы давно сгнили, а покрытые свежей кровью редкие зубы оскалены в сардонической улыбке деревенского дурачка. Еще одна гадина стояла ко мне спиной.

Я прекрасно рассмотрел ее сгнившее тело и выступающие сквозь черное мясо белые пятна позвонков. Дальний зомби еще не успел отобедать и с превеликим энтузиазмом, хрипя и чавкая, запихивал в рот куски мяса, которые вырывал из распростертого в переулке человеческого тела.

В том, что еще сегодня утром эта плоть была жива, не возникало никаких сомнений.

Брр! Быть заживо съеденным такими тварями... Малоприятная смерть!

Как и в хорошем спектакле, с молчанием следует не переборщить. Увидевшая меня тварь наконец сообразила, что немая сцена не может продолжаться вечность, отпрянула на шаг назад и, взмахнув полусгнившей рукой, ударила по тому месту, где я только что стоял. Меня, естественно, давно там не было, я уже выскочил на середину Сонной Кошки, лихорадочно разворачивая дрокр, чтобы достать мясо.

Покойничек довольно резво двинулся в моем направлении, выставив вперед единственную руку и грозно шипя. Второй тоже оторвался от десерта и, на ходу запихивая в пасть мясо, поспешил на подмогу собрату.

Мертвяки — не хохотун-плакальщик, в общении с ними следует сохранять спокойствие, иметь трезвую голову, а также капельку проворства. И тогда у тебя есть все шансы пережить встречу.

— Будем считать это маленькой тренировкой перед Храд Спайном,— пробормотал я.

Твари приближались, и я отбежал еще на десяток ярдов, выманивая их из темного переулка. Дождавшись удобного момента, я швырнул мясо в морду однорукого. Тварь на время потеряла ко мне всякий интерес и принялась с остервенением рвать нежданно-негаданно свалившуюся на нее добычу.

Ожившие, как известно, ненасытны, и то, что мертвец совсем недавно откушал, оторвав от ныне лежащего в переулке бедняги приличный кусок, нисколько не умерило его аппетита.

Я выхватил из-за пояса волшебную эльфийскую веревку-паутинку. С ее помощью можно было преодолеть почти любое препят-

ствие. Она не требовала трехзубчатой «кошки» на свободном конце и спокойно прилипала к любой поверхности так, что не оторвешь. А волшебное свойство самостоятельно поднимать хозяина вверх только добавляло ей популярности среди любителей преодолевать неожиданные преграды. Таких, как я, например.

Правда, и цена этой штуки была высока. Не так-то просто добыть веревку, которую используют разведчики темных эльфов.

Я взмахнул паутинкой, и свободный конец улетел в сторону крыши банка гномов, как будто к нему был привязан тяжелый груз. Держа свободный конец паутинки в руке, я ждал, когда чудо эльфийской магии самостоятельно закрепится где-то там наверху и поднимет меня подальше от голодных созданий. Первый зомби уже доедал мясо, и я успел пожалеть, что взял с собой так мало. Второй поравнялся с первым, но не остановился, чтобы присоединиться к пиршеству, а продолжил упорный путь в мою сторону. Походка у него была как у пьяницы из Портового города — того и гляди упадет. Однако мертвяк не падал, а с упорством гнома, вгрызающегося в тело земли, пер на меня.

Я почувствовал резкий рывок, волшебная веревка стала поднимать меня вверх. Мертвец разочарованно захрипел, попробовал подпрыгнуть и достать меня руками, но не дотянулся и с тупым стуком шлепнулся на землю, чуть не придавив подошедшего однорукого собрата. Мне, если честно, было не до них. Упираясь ногами в стену банка, я лез наверх.

Тяжело отдуваясь, я закинул ногу на гранитный карниз, проходящий по всему зданию чуть ниже крыши, и резким рывком перекинул себя на него. Перевернулся на спину, разглядывая звездное небо. До рассвета осталось чуть больше двух часов, и звезды поблекли перед еще не проснувшимся, но уже таким близким утром.

Лучник уходил за горизонт, Камень терял волшебную яркость, Свинопас приблизился к Луне. Созвездия еще были на ночном небе, но потихоньку тускнели, советуя мне поторопиться.

Мертвяки рассерженно хрипели где-то внизу, тупо и бесконечно ударяясь в стену здания в тщетной попытке достать убежавшего от них человека. Я издал абсолютно безумное хихиканье. Напряжение от только что пережитого все еще не прошло. Кровь дробью боевых барабанов орков стучала в ушах.

Вот ведь работа! Дернула меня тьма стать вором! Был бы обычным лавочником или кузнецом каким-нибудь. Жил бы себе и жил, в ус не дул, хлопот не знал и не совал бы дурную голову в неприятности.

Ладно! Предаваться унынию будем несколько позже. Разумеется, если доживем до этого. Я встал, отцепил веревку, впившуюся в

крышу точно голодная пиявка из реки Хрустальной Мечты. Затем смотал паутинку в тугой моток и прикрепил к ремню. Убрал так и не понадобившийся клинок и огляделся.

Луна топила весь мир в волшебном серебристом свете. Перед моим взором лежали крыши домов. Тут неоткуда взяться тени, и серебряное сияние заливало все вокруг, превращая их в сказочную равнину черепицы, ржавых труб и поломанных флюгеров. Дома подступали друг к другу очень плотно, и расстояние между ними было совершенно мизерным — даже паралитик, наверное, был способен перепрыгнуть с одного на другой, не переломав себе костей.

Зомби все еще хрипели внизу, и я ухмыльнулся, видя, как Однорукий с остервенением пытается выбить прочную дверь гномов, чтобы проникнуть внутрь и добраться до меня. Что ж, у него есть все шансы слопать Гаррета.

Лет через шестьсот.

Я еще раз хмыкнул и уже собрался идти, когда заметил ярдах в двенадцати от того места, где стоял, здоровенную рваную дыру в крыше.

Все же время сделало то, что не смогли сделать все воры Авендума. Оно пробило брешь в надежной защите банка. И у меня сразу возник соблазн спуститься вниз и узнать, так ли богат клан Хиргзан, как о нем говорит людская молва.

Но в данный момент деньги мне бы только мешали, да и лезть в темное жерло дыры не особо хотелось, тем более что крыша рядом с ней, скорее всего, была не толще крылышек мотылька, а следовательно, могла рухнуть подо мной в любой момент и отправить незадачливого Гаррета в мрачную неизвестность.

— Что ж, следующему смельчаку, решившему проведать банк, очень даже повезет,— пробормотал я и отправился своей дорогой.

Время сейчас — самое дорогое, что у меня есть.

Я разбежался и перепрыгнул на соседнее здание. Разбежался, перепрыгнул. Разбежался — снова прыжок. Квартала через два я уже дышал как возбужденный кабан.

Один раз из-под ног поехала плохо закрепленная черепица, но я каким-то чудом успел вцепиться в карниз и повиснуть на руках. Слава Саготу, выбрался.

В другой раз одряхлевшая от времени покатая крыша одного из домов начала крошиться прямо под ногами. Я прибавил скорости, чувствуя, как подо мной все идет ходуном, а за спиной раздается грохот падающей кровли. Сильно оттолкнулся и перепрыгнул на соседнее здание, сбив сапогами несколько продолговатых, ярко-красных и не потускневших от времени черепиц.

Успел.

Я довольно мрачно пронаблюдал, как на месте дома, где я только что находился, взметнулась вверх вековая пыль. Вяло клубясь в лунном свете, она стала принимать очертания гигантского черепа, и я, решив не дожидаться, чем все это кончится, поспешил к улице Магов, благо до нее было уже рукой подать.

За время путешествия я еще пару раз видел зомби, вяло гуляющих по Сонной. По счастью, твари не задирали головы, чтобы полюбоваться полной луной, и потому не видели меня.

Я еще раз возблагодарил Сагота, что решил преодолеть оставшийся путь по верху, а не по улице, иначе нарвался бы на такое количество ходячих мертвяков, что замучился бы от них избавляться.

Последний высокий прыжок — и я оказался на крыше здания, выходящего фасадом на улицу Магов. Цель моей ночной вылазки была уже очень близка. Но вся проблема заключалась в том, что домов по соседству больше не было. Словно чей-то гигантский язык слизнул их из этого мира. Пустые черные квадраты на месте отсутствующих зданий.

И все.

Я облокотился на потемневшую от времени дымовую трубу. У меня есть два варианта дальнейшего продвижения. Первый — это спуститься вниз и, рискуя шкурой, пробежать остаток пути до башни Ордена. Второй — рискуя шеей, попытаться допрыгнуть до здания, стоящего на противоположной стороне улицы.

Несмотря на рискованность затеи, второй вариант нравился мне больше первого. Я уже успел убедиться, что наверху намного безопаснее, потому как бегать по полутемным улицам — все равно что танцевать джангу на тонком льду.

Чтобы перекинуть веревку через улицу, мне потребовалось три попытки. Свободный конец достал до крыши нужного мне здания и основательно к ней прилип.

Я для спокойствия собственной души подергал за паутинку несколько раз, проверяя ее надежность. Теперь оставалось совершить одно из моих, уже входящих в привычку, безумств. А именно — прыгнуть со здания, пролететь над улицей и оказаться на противоположном доме. Пару раз в жизни я выполнял подобный трюк, правда, тогда был много глупее.

Шаг в пропасть... Мостовая сделала резкий скачок в моем направлении, и вот я уже лечу над ней, вцепившись обеими руками в веревку, которая сразу же показалась мне слишком тонкой и ненадежной.

Стена здания с темными жерлами окон приближалась с катастрофической скоростью, грозя расплющить меня в лепешку. Я инстинктивно выставил вперед ноги, стараясь смягчить удар, но пау-

тинка напряглась, превратившись вдруг из гибкой и податливой веревки во что-то совершенно непонятное.

Прямой жесткий штырь завис вместе со мной в воздухе, а затем стал медленно приближаться к зданию. Но как только я коснулся ногами серой стены, жесткость веревки исчезла, она вновь стала обычной и мягко вытянула меня наверх.

— Вот и все.

Я рассмотрел ладони. Той, что была без перчатки, повезло меньше — на коже осталась красная ободранная полоса. Ладно. Ерунда. Жить буду.

Дома на улице Магов оказались более новой постройки. Во всяком случае, настил подо мной не стонал от натуги и старости, грозя обвалиться в самый неожиданный момент. Я продолжал путь, торопясь — до наступления утра было рукой подать.

Извилистая, петляющая, как пьяная змея, улица Магов нисколько не напоминала идеально прямые, словно вычерченные по линейке карликов Сонную Кошку, Людскую и Кладбищенскую.

Да и домики, несмотря на не самый престижный район города, выглядели куда богаче. Чуть ли не на каждой второй крыше стояли изящные флюгера в виде какой-нибудь волшебной зверушки. На паре фасадов я мельком заметил вычурные статуи, украшающие стены. Однако разглядывать их, конечно, не стал, направив все внимание на то, чтобы не свалиться с очередной покатой крыши.

Вверх. Вниз. Прыжок. Приземление. Вверх. Вниз. Прыжок. Приземление. Я двигался, как механизм карликов,— четко, точно, не тратя лишних сил. Прыгал, абсолютно уверенный в том, что ничего такого теперь не случится.

Эта уверенность меня и подвела. Во время очередного приземления я остановился перевести дух и с тревогой посмотрел на звезды. Не успеваю, чтоб мне танцевать джангу с Неназываемым!

Вот тут-то под моими ногами и раздался тоскливый скрип. Так скрипят старые двери в покинутых жильцами домах. Крыша ходуном заходила под ногами, я взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие, чтобы не грохнуться с высоты третьего этажа на каменную мостовую и одновременно отпрыгнуть подальше от рушащегося настила.

Но опоздал.

Опора ушла из-под ног, и я полетел вслед за ней. Мелькнули стены, пыль, поднимающаяся от рушащейся кровли, звездное небо.

И наступила темнота...

Глава 12
ВО МРАКЕ

Без сознания я пролежал, думаю, не очень долго. И когда, открыв глаза, посмотрел на небо, звезды почти не сместились, да и луна была яркой, а не утренне потускневшей.

Застонав, я сделал попытку сесть. Удивительно, но, судя по всему, все кости оказались целы, что меня, разумеется, неимоверно обрадовало. Сломай я ногу или, не дай Сагот, позвоночник, лежать бы мне сейчас на полу и ждать прихода рассвета.

Упал я неглубоко. Потолок был совсем рядом — стоило встать, протянуть руку и немного подпрыгнуть, чтобы коснуться его пальцами. Видно, я очутился в какой-то комнате третьего этажа. Пол выдержал и меня, и обвалившуюся часть крыши, на обломки которой я так несказанно удачно приземлился. Пролети я через этажи до земли, и вряд ли меня когда-нибудь смог бы увидеть король.

Поднявшись, я осторожно пошевелил руками, все еще не веря, что остался цел. Нужно выбираться отсюда, этот детский плач положительно плохо действует на мои расшатанные нервы.

Стоп!

Какой плач?!

Меня словно гигантским гвоздем прибили к полу. Я лихорадочно соображал, откуда выплыли мысли про детский плач?

Да, что-то такое было. Что-то на границе сознания, когда я падал во тьму. Что-то разбудившее меня, вырвав из забытья.

Плач. Такой знакомый детский плач.

Как бы в ответ, подтверждая все законы всемирного свинства и мои тревожные опасения, из темного угла комнаты раздались тихие всхлипывания. Я почувствовал себя не самым лучшим образом, нервно вытащил кулон и выставил его перед собой на вытянутой руке.

Старая комната с облезлыми стенами, дощатый ободранный пол, почти весь засыпанный мусором, и маленькая девчонка в дальнем углу, внимательно смотрящая на меня зелеными глазами.

Ей было не больше пяти лет. Золотые кудряшки непокорных волос, пухлые розовые щеки со следами слез, надутые губки бантиком, грязное рваное платьице, босые ножки и затасканная плюшевая игрушка — не то щенок, не то мишка — в руках. Очаровательный маленький ребенок, с которого только фрески рисовать в храмах.

Вот только в глазах ее застыло ожидание змеи, ненависть волка и голод огра. А рядом лежала моя перчатка, брошенная в доме судьи.

Девочка всхлипнула.

Я медленно, очень медленно, не отводя взгляда, стал нагибаться, чтобы поднять валявшийся у ног арбалет. В тот момент, когда мои пальцы сжались на оружии, девочка в последний раз хлюпнула носом и издала тихий зловещий смешок.

Я так и замер. Вот и свиделись. Хохотун-плакальщик собственной персоной.

Глаза существа — язык не поворачивается назвать это ребенком — сверкнули, затхлая стена воздуха ударила мне в лицо, и я отлетел к противоположной стене. Кулон замигал и начал стремительно гаснуть. В комнате быстро темнело, лишь зеленые глаза излучали свечение, гипнотизируя и подавляя мою волю, заполняя мозг липким туманом покоя.

— Не спи! Стреляй! — на границе сознания раздался чей-то спокойный, требовательный голос, и туман в голове стал быстро рассеиваться.

По ушам ударил протестующий визг, тварь почувствовала, что теряет надо мной власть. Я вновь мог двигаться и, ориентируясь только на ядовитую зелень глаз, нажал на оба спусковых крючка арбалета почти одновременно. Первый, обычный болт, ударил хохотуна в плечо, развернув его вполоборота, но тот только издал торжествующий смешок и, не останавливаясь, продолжил путь в мою сторону.

Волшебный, огненный, болт устремился вслед за своим обыкновенным братом и ударил тварь в грудь.

Яркая вспышка высвободившегося из магического плена пламени, грохот и протестующий визг.

Раз... два... три... Я убрал руки от лица и осторожно открыл глаза. Комната была пуста. Кулон вновь набрал силу и робко освещал древнее помещение и случившийся в нем разгром.

Хохотун-плакальщик исчез, от него не осталось даже пепла. То ли действительно огонь уничтожил его, то ли тварь убралась в менее жаркое местечко. Мне, если честно, было все равно, что произошло,— лишь бы оно находилось подальше от меня.

Пол кое-где тлел, а в одном месте, в центре комнаты, уже появились пугливые язычки пламени. Я поспешно затоптал их — не хватало только привлечь всех обитателей проклятого места. Хотя, наверное, все в округе уже услышали грохот разорвавшейся магии, и беспокоиться после такого шума, право слово, глупо. А может, и не слышали. На Запретной территории, как я уже успел заметить, со звуком творятся странные вещи.

— Спасибо, Вальдер. Ты появился очень вовремя,— пробормотал я, но ответа не получил.

Я покинул комнату и увидел ведущую вниз деревянную лестницу. Путешествовать по старым крышам больше не было никакого

желания. Мне вполне хватило синяков и не хотелось испытывать судьбу еще раз.

Лестница натужно скрипела, стонала, но не спешила разваливаться под ногами, за что я вынес ей свою искреннюю благодарность. Потом подумал и присоединил благодарность Саготу, терпящему мои выкрутасы.

Серо-желтый прямоугольник, сплетенный из кружев тени и лунного света, ярко выделялся на фоне темной стены комнаты на месте отсутствующей двери. Я выскользнул на улицу Магов. Безжалостные капли из часов времени утекали в песок, хлесткими кнутами подгоняли ленивую корову-утро, способную прогнать ночь. Час, даже меньше, и еще темный горизонт вспыхнет ярким проблеском неугомонной летней зари.

Я прибавил ходу, скользя в тенях. Слившись с ними в единое целое. Танцевал вместе с серыми странницами под слышную только мне музыку... Тени несли меня на своих дымчатых лебединых крыльях. Вперед и только вперед, туда, где узкая улица расширялась, превращаясь в небольшую площадь.

Я не заметил, как очутился здесь. Остановился, закутавшись в плащ тени, отбрасываемой стареньким двухэтажным домом без крыши. Напротив меня стоял один дом, последний маяк человеческого жилья перед пустующей площадью.

Немым укором, ужасной болью, страшным огрызком в два этажа впереди стояла такая одинокая, такая мертвая старая башня Ордена. Сила Кронк-а-Мора не пощадила ее — от былого величия и изысканности постройки не осталось ничего. Черная вьюга хорошо поработала над некогда прекрасным творением магов Ордена.

— Что же ты наделал, Земмел! — простонал Вальдер.

Да, катастрофа здесь разразилась страшная, я нисколько не завидую тем, кто оказался поблизости, когда случился разгул неуправляемой стихии. И ни камушка на голой и абсолютно чистой площади, окруженной скелетами домов и залитой, как лесная сказочная поляна, светом заходящей луны.

А ведь в башне было не три, а намного больше этажей, и во время взрыва ее обломки должны были разлететься по всей площади. Однако их нет. Чисто и пусто. Словно они испарились.

— Долго мы будем здесь стоять? Время уходит! — Голос, вдруг раздавшийся из густого мрака дома напротив, заставил меня оторваться от невеселых мыслей и изумленно уставиться в его сторону.

Слова принадлежали явно живому человеку, а не какому-нибудь тривиальному призраку.

— Успокойся, Шныг. Или ты хочешь кончить, как старина Ростгись? — раздался в ответ противный писклявый голос.

— Успокойся, Шныг, успокойся Шныг,— недовольно пробурчал первый.— Ростгиш сам виноват. Зазевался, вот и попал на зуб мертвецу, а тут ждать нечего! Берем планы и драпаем!

— Есьсё бы мертвецу не напасть! Ростгись только и делал, что пил в последнее время,— хмыкнул второй.— А теперь как приказесь лезть в эту проклятусьюю басьню? Нахрапом? Мы ведь не тязелая кавалерия Его Велисества! Надо все сетко продумать, инасе не сносить нам головы!

— Додумаешься ты, Соловей! — зло бросил Шныг.— Утро на носу, сваливать пора.

— Да помолси зе! Думаю! — рявкнул Соловей, и Шныг заткнулся.

Так-так-так. Эти имена мне известны. Два мастера-вора Шныг и Соловей, работают на гильдию, а следовательно, на слизняка Маркуна.

Ребята совсем неплохи, но, правда, грязноваты. Трупов за ними целая гора. Соловей хоть и коротышка, да вид у него бледненький, но умен, как сто королей. А Шныг — здоровый, с крепкой мускулатурой — казался обывателям неуклюжим и тупым. Что ж, многие так думавшие оказались на Пирсах с ножом под лопаткой.

Да и Ростгиша я тоже знал, да пребудет он в свете. Парень года два назад появился в Авендуме и присоединился к этой парочке. Не мастер. Слишком много пил, реакция у него была отвратная, вот и попал в итоге на ужин к зомби. Выходит, это я на его останки наткнулся на Сонной Кошке. Не повезло бедняге.

Дел у меня никаких со Шныгом и Соловьем никогда не было. Мы друг друга, мягко говоря, не переваривали. Ребята опасные, всякую минуту жди от них ножа под ребро.

Интересно, какой тьмы им потребовалось на Запретной территории?

— План у тебя? — пропищал Соловей.

Его комариный писк больно резал по ушам, но воры, кажись, не считали своим долгом скрываться и шумели на всю улицу. Что, кроме зомби, никого не встретили? Все остальные сюрпризы достались мне? Печально.

— Тот, который мы достали из Королевской библиотеки? Да, вот он. Посвети.

— Сем? — зло буркнул Соловей.— «Огоньки» остались у проклятого Ростгися! Теперь ими зомбики питаются!

Ага! Так вот про кого говорил старикан Болт. «Серые и неразговорчивые». Видно, в библиотеку наведывались Шныг и Ростгиш, Соловья бы дед точно запомнил.

Выходит, у коллег тоже здесь Заказ, ведь сунули они под нос Болту колечко какого-то влиятельного хмыря! Эх, не догадался я расспросить старика про кольцо, посчитал глупыми выдумками старого маразматика! Нужно будет обязательно вернуться и поговорить с ним по душам. Так кто же их послал?

— Нам надо взять проклятущие карты или что там еще, пока нас не обошел этот ублюдок.

— Ну сто ты нервнисяесь? — Соловей был, как всегда, спокоен и рассудителен.— Гаррет сунется сюда не скоро. А мозет, совсем в сьтаны налозит. А если и полезет, то заказсик, как я понял, нанял пару стразников, стобы, если сто, они его присюсили.

— Этот Гаррет всем порядком надоел. Маркун кипятком исходит от одного его имени, да и заказчик, если что, приказал его убрать. А тот, кому служит заказчик, да и мы заодно, начинает высказывать недовольство.

Гаррет? Интересно, о каком Гаррете говорит Шныг? Ну уж точно не обо мне! Слово «ублюдок» ко мне явно не относится. Я хороший малый и все-такое.

Выходит, таинственный обладатель кольца нанял не только воров, но и храбрых и честных стражников во главе с ныне покойным Жастином, прибитым резвыми доралиссцами.

Ин-те-рес-но! Весь внимание, я стал слушать дальше.

— Убрать? — гнусно хихикнул Соловей.— Да ты последние мозги потерял, Сьныг! Этот парень хоть и выглядит дохлым и худюссим, но я не собираюсь, как этот ненормальный Ролио, ссепляться с Гарретом. Делаем дело, отдаем Заказ, берем денезки и валим в теплые края. Куда-нить в Загорье. Нас там никто не найдет. Несего с тьмой осьиваться.

— Думаешь, от Хозяина так легко уйти? — раздался насмешливый голос, и я вздрогнул.

Этот голос я узнаю из тысячи. Он очень изменился, из него почти исчезла мертвенность и безжизненность, но я его узнал. То самое существо, разговаривавшее с герцогом, а затем убившее его. Та ночная крылатая тварь.

— Даже не думай о бегстве. Ты уйдешь только тогда, когда он отпустит тебя, человечишко. Ведь... ты верен Хозяину?

— Я верен.— Голос Соловья стал осипшим и испуганным.— Мы верны.

— Да, да, ваша милость, мы верны Хозяину,— поддержал заискивающим голосом Шныг.

Из темноты раздался тихий довольный смешок, и мне привиделось мимолетное сверкание золотых глаз.

— У-умные человечишки,— протянуло оно.— Тогда почему же вы до сих пор не добыли карты Храд Спайна? Заблудились?

По счастью, я не видел ни это существо, ни воров, находящихся напротив меня, во мраке разрушенного дома. Только слышал. И очень надеялся, что они в свою очередь не видят меня. Я был абсолютно уверен, что люди меня не заметят, но вот этот Посланник... Стоит ему взглянуть в мою сторону и... О том, что могло произойти в этом случае, я старался не думать.

— Нет, что вы, ваша милость. Мы просто ждем. Ждем, когда будет благоприятный случай.— Слова из глотки Шныга вылетали сумасшедшей скороговоркой.— Вот уже почти собрались идти.

— Узе идем, узе. Не извольте сомневаться.

— Добудьте карты и уничтожьте, а затем можете убираться отсюда на все четыре стороны.— В голосе Посланника сквозило нескрываемое презрение.

— Н-н-но, ваша милость.— Шныг явно очень сильно удивился.— Заказчик сказал принести бумаги ему. Мы просто не можем...

Шныг прервал свою тираду и почему-то начал хрипеть, а его напарник испуганно ойкнул.

— Хозяин не привык слышать «не можем». Ему нужны слуги, которые могут! Те, кто не способен выполнить элементарное задание, недостойны служить ему, они бесполезны!

Хрипение Шныга перешло в очаровательное бульканье.

— Смею заметить, что Сьныг ни в коем случае не хотел показаться ненужным! — запричитал Соловей.— Мы прямо сейчас достанем эти бумаги!

Раздался стук падающего тела и облегченные хрипы Шныга, пытавшегося вновь вогнать воздух в свои легкие.

— Вы знаете, что ваш заказчик тоже служит Хозяину, а Хозяин говорит, что карты Храд Спайна должны быть уничтожены, иначе они могут попасть в руки короля и его прислужников. Передайте это глупцу, которого вы называете заказчиком! Если он богат, это не значит, что он должен считать себя звеном Борга. Пускай вспомнит покойного герцога Патину!

— Мы все поняли, васа милость,— подтвердил Соловей. Шныг не переставая кашлял.— Мы все передадим, как вы сказали.

— Чудесно, а теперь исполняйте! Неужели вы думаете, что, если бы я мог войти в башню, мне понадобились бы ваши услуги?

Посланник не стал дожидаться ответа на свой вопрос. В темном проеме дома возникло нечто еще более темное. Вновь сверкнуло золотым. Посланник медленно обвел взглядом темную улицу, его взор скользнул по тому месту, где я стоял, на миг задержался, но я не

успел даже испугаться. Хлопнули черные крылья, и он растворился в ночи.

Над улицей повисла тишина, которая лишь иногда прерывалась отчаянным кашлем Шныга.

— Про... кха-кха! Проклятая тварь... кха-кха! Чуть не за... кха! ...душила меня!

— А сто ты хотел? — окрысился Соловей.— Спороть такую сюсь при нем! Думать нузно! Скази спасибо, что зив остался! С посланниками Хозяина так не разговаривают!

— Во тьму эту тварь! Во тьму тебя! Кха-кха! Тьфу! — Шныг сплюнул, но тут же продолжил: — Во тьму меня, дурака, что я послушался Маркуна, который связал нас по рукам и ногам этим Хозяином! Во тьму этого заказчика! Во тьму проклятые бумаги! Кха-кха!

Шныга скрутила новая волна кашля. Казалось, что крыша дома не выдержит этого звука и обрушится, погребя под собой обоих воров. В этот момент что-то очень похожее на человеческую фигуру появилось на сцене разыгравшегося представления. Она медленно приближалась со стороны улицы Кровельщиков. Путь ее не внушал мне доверия, так как она направлялась прямиком в нашу сторону.

Это было тем более скверно, что я находился чуть ли не на ее пути! Пришлось метнуться через улицу, к дому, где сидели оба вора, там мрака побольше, так что спрятаться такому прохиндею, как я, гораздо проще.

В дверь проскочить я не успел, так как из нее как раз выходили воры, и мы едва не столкнулись друг с другом. Я успел отпрянуть в сторону и прижаться к стене. Но мастера-воры на то и мастера, чтобы услышать незначительный шорох.

— Тут кто-то есть,— прошептал Шныг, и я тихонько зашелестел выходящий из ножен кинжал.

Соловей и Шныг начали прислушиваться, но, как и я, заметили приближавшегося незнакомца.

— Тсс. Гляди,— прошептал Соловей.

А посмотреть было на что. К нам приближался человек. Самый настоящий. Вот только полупрозрачный — сквозь него было прекрасно видно башню Ордена и камни мостовой. Он был одет в балахон мага и опирался на магический посох.

— Во-о-от! — донеслось до меня тихое бормотание призрака. Его голос двоился и даже троился, отчего возникало довольно странное эхо.— Все меня бросили. Предатели. Где они? Где? Ищу. Брожу. Найду. Во-о-от. Все меня бросили.

Призрак бормотал эдакую повторяющуюся считалочку, поворачивая голову из стороны в сторону и осматривая окрестности, вид-

но в поисках этих самых предателей. Вместо лица у него было размытое пятно, но я нисколько не сомневался, что этот маг все прекрасно видит. Я едва дышал. Шныг и Соловей, стоявшие чуть дальше, тоже.

Призрак остановился в нескольких ярдах от нас и вновь покрутил полупрозрачной головой.

— Брожу-брожу. Найду-найду.— Он немного помолчал и очень озадаченно произнес: — Найду-найду. Ага! Во-о-т они! Спрятались! Я знаю, что вы тут! Найду-найду.

Он вытянул посох и, как слепой, стал водить им из стороны в сторону, медленно приближаясь. Вот тут-то я и понял, что, если что-нибудь не сделать, за мной придут рачьи сани. Через десяток секунд он наткнется на меня, и тогда все пропало. Был один шанс, глупый до невозможности, но я все же решил им воспользоваться, тем более что пора было избавляться от неожиданных конкурентов в лице Шныга и Соловья. Я шагнул из мрака на освещенную луной улицу с таким рассчетом, чтобы воры оказались у меня за спиной, и услышал, как кто-то из них изумленно выругался.

— Огонь! — громко рявкнул я, а затем шлепнулся на мостовую, закрыв голову руками.

Маг, не думая, выстрелил заклятием в то место, где я только что находился. Воздух взревел, когда что-то пролетело надо мной. Упругий удар, грохот, крики ужаса и боли незадачливых воров. Призрак попал. Правда, не в меня, но попал. Что там случилось с прислужниками Хозяина, я разбираться не стал. Да и загорать на камнях прямо напротив новой опасности не стоило. Я вскочил, обогнул бормочущего мага и, как одуревший от весеннего солнца заяц, петляя и подпрыгивая, понесся по площади в сторону башни.

Крики людей смолкли, уж не знаю, погибли ли воры, или им хватило ума заткнуться,— мне лично их нисколько не было жалко. Или я их, или они меня. Или этот проклятый бормочущий призрак всех нас.

Кстати о нем. Бормотание за моей спиной кончилось, воздух вновь взревел, я отпрыгнул в сторону и успел заметить, как туманный шар, оставляя за собой чадящий хвост, пролетел над площадью, черканул о мостовую, подскочил, словно детский мячик, и с грохотом разорвался возле дальнего дома, оставив в его стене неплохую дырищу.

Я изменил тактику: вперед, подскок, резко влево, вперед, подскок, резко вправо, подскок, внезапная остановка, резко вправо, снова вперед. Точно блоха на сковородке.

Эта тактика на удивление помогла. Еще три дымных шара пронеслись над площадью и разорвались далеко от того места, где я находился. Один раз мне вновь пришлось абсолютно неизящно шлеп-

нуться на землю, когда магический снаряд мага ударил в башню Ордена, но не разорвался, а, отскочив от нее, изменил траекторию и понесся прямо на меня.

Я еще успел заметить, как дымный снаряд увеличивается в размерах, летя мне прямо в лицо, времени на прыжок в сторону уже не было, я упал и, как только шар пронесся над головой, снова вскочил, благо башня была уже рядом.

Проклятый призрак, чтоб ему грызли кости гхолы, вопил где-то у улицы Магов, а я судорожно искал дверь. Пришлось бежать вдоль стены, освещенной лунным светом, и быть как на ладони у разбушевавшегося привидения. Оно довольно проворно приближалось, зло причитая и намереваясь прихлопнуть Гаррета.

Очередной снаряд ударил в здание чуть выше моей головы, но, как и предыдущий, отскочил от строения и полетел в обратном направлении. Видно, даже после поразившего ее катаклизма башня сохранила часть магии, не позволяя кому ни попадя швыряться в нее заклинаниями и разрушать стены.

Слава Саготу, я наконец-то нашел дверь! Судорожно дернул за бронзовое кольцо... Но она даже не шевельнулась. Замков никаких, так что отмычки здесь не подойдут, а проклятый призрак, сейчас скрытый от меня стеной, скоро вновь появится в поле зрения и продолжит безумные стрельбы.

Я дернул дверь еще раз, затем пнул и зло выругался. Время на исходе. С одной стороны призрак, с другой — наступающее на пятки утро. Я мельком глянул на звезды. Только Корона Севера да Летний Букет еще держатся в небе, остальные созвездия померкли, их практически не видно. Луна бледнела буквально на глазах, несколько мгновений — и свет, озаряющий круглую площадь, стал рассеянным и блеклым.

Минут через двадцать придет рассвет.

Все. Если не случится маленького чуда, я с территории не выберусь, это точно. Можно считать, что я уже покойник! Если только раньше меня не прибьет безумный призрак, которому не сидится в свете. Бормотание мага раздалось совсем близко.

Спрятаться в башне? Может, там можно будет переждать до следующей ночи? Я ухватился за тоненькую соломинку надежды, отчаянно напрягая мышцы, чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть проклятущую дверь.

Без толку. Нет, сюда я не попаду, все мое предприятие оказалось тщетным. Я уже собрался бежать в сторону спасительных домов, когда голос Вальдера в голове вдруг произнес: «Открой, это я».

Дверь плавно отошла в сторону, дружелюбно пропуская меня во тьму внутренностей мертвого здания.

— В-о-о-т ты где! — Торжествующее эхо раздалось прямо у меня над ухом, я поспешно прыгнул под защиту башни, и дверь резко захлопнулась, оставив меня в кромешной тьме.

Спустя секунду с безумным грохотом в нее угодил волшебный снаряд. Настырный призрак никак не хотел успокаиваться. Интересно, не собирается ли он выбить дверь и добыть меня, как улитку из раковины?

«Не беспокойся.— Вальдер ответил на мои мысли.— Он не войдет, а она не впустит».

«Кто он такой?» — спросил я, доставая кулон.

«Не знаю, мне он не знаком».

«Я смогу здесь переждать день? В башне безопасно?»

«Увы, мой друг. В этой части Авендума нет безопасного места».

Сагот! Значит, двадцать минут, и все.

Держа перед собой кулон, я разглядывал уже знакомую по сну обстановку. Все осталось без изменений, разве что стены закоптились да на полу лежит человеческий скелет.

«Старый друг»,— с грустью прошептал Вальдер.

Друг? Ах да! Архимаг. Как же его звали? Илай? Нет... Илио. Рядом с человеческим скелетом лежали останки гхола. Тут же валялась и его цепь.

Следовало идти наверх, туда, где, по словам Арцивуса, располагался архив. Хватать планы Храд Спайна и бежать, благо у меня родилась очередная безумная идейка. В голове тихонько хмыкнул Вальдер, одобряя мой план.

Я взлетел по черной мраморной лестнице, которая гигантской змеей оборачивалась вокруг центральной колонны. Свет кулона выхватывал из мрака фрески, повествующие об истории Ордена. Второй этаж, дверь, ведущая в архив. Я ненароком поднял голову. Огрызок серпантина лестницы вел в предутреннее небо. Вот и все, что осталось от величия башни Ордена.

Вломившись в дверь, я попал в длинный широкий коридор. Свет выхватил истлевшие султанатские ковры под ногами, изящную резную мебель, гобелены на стенах и сотни дверей.

Забери меня Неназываемый! Какая из них?!

«Вперед! Зал архива дальше!»

Я бросился бежать. Коридор казался бесконечным, видно, маги Ордена что-то сделали с пространством, чтобы немного расширить внутренние помещения башни.

«Стой!»

Я чуть было не пронёсся мимо. Деревянные створки были полуприкрыты, как будто кто-то в спешке покидал архив. Может, так оно и было — маг, вернувшийся из Храд Спайна и понесший карты

через Закрытую территорию, так и не добрался до Ордена. Вот будет смеху, если он даже не дошел до башни и здесь нет никаких бумаг.

Кулон начал тускнеть.

— Что такое?

«Магия башни убивает его. Больше он тебе не поможет. Поторопись».

Я вошел в огромное помещение. Времени почти не осталось.

Хм... Неплохо. Королевская библиотека лопнула бы от зависти. Такого количества магических книг и древних фолиантов не было даже в ней. Полки, полки, полки. Книги, книги, книги. И все это пронизано магией. Чужак тут мог бы блуждать часами и так и не найти искомого. Х'сан'кор сожри мою покойную бабушку!

«Прямо! — рявкнул Вальдер.— Налево! Держись этого стеллажа, за ним снова налево! Прямо. Дальше, дальше, дальше... Стоп! Поворачивай! Вот оно!»

Я, запыхавшись, смотрел на изящный хрустальный столик, на котором одиноко стояла большая черная шкатулка, украшенная серебристыми оленями. Ее крышка была поднята, и я различил свернок бумаг. Вот она, цель!

Дрожащими руками схватив сокровище, я засунул его в сумку. Теперь пора убираться.

— Щдуырук! — завопил я, что было мочи.— Щдуырук, это я!

Несколько мгновений, за которые я успел изрядно понервничать, опасаясь, что мой план не осуществится, ничего не происходило. А затем прямо из стеллажа вылез мой знакомый демон с бараньей башкой. Черный в малиновую крапинку. Настоящий душка. И, признаться честно, скажи мне кто-нибудь несколькими часами ранее, что я буду рад его видеть, мне бы оставалось только покрутить пальцем у виска и отправить психа куда подальше.

— Ну? Ты добыл Коня? — Зеленые глаза яростно сверкнули.

— Отнеси меня к границе Закрытой территории, к началу улицы Кровельщиков,— довольно вежливо и воспитанно попросил я.

Но демонов, видно, не учили быть вежливыми и воспитанными.

— Ты сдурел, человече? — прошипел Щдуырук и схватил меня за грудки.— Или выпил лишку? Я похож на извозчика?

— Мне нужно отсюда убраться! — Не было времени, чтобы спорить с этой тварью.— Отнеси меня туда, куда я прошу, и узнаешь, где получить Коня!

Демон зло и подозрительно посмотрел на меня, видно раздумывая, как меня сожрать, и неожиданно разжал пальцы, отпустив меня.

— Ладно, отнесу, куда просишь, но, если обманешь, я высосу из костей твой мозг.

— Заметано.— Я перевел дух.

Будь на месте демона его братишка, «умный» Вухджааз, сидеть бы мне сейчас в его желудке!

— Ты готов, человече?

— Да.— Я, не глядя, схватил с ближайшей полки несколько старых фолиантов.

Что поделать, издержки профессии. Знающим людям эти книги можно будет толкнуть за бешеную сумму — чем не приработок, раз мне не удалось сунуть нос в гномий банк?

— Я вот только возьму...

Щдуырук схватил меня за шкирку и рванул на себя.

Кляк!

Миг — на меня скакнула стена, миг — что-то серое промелькнуло перед глазами, а уши как будто набили ватой. Еще миг — и я уже стою, изумленно моргая, возле волшебной стены.

— ...пару книжечек,— закончил я прерванную фразу.

— Ты и так взял,— фыркнул демон.— Ну?! Где он?!

— Приходи завтра в «Нож и Топор» ровно через минуту после того, как наступит полночь. Там я отдам тебе Коня.

Щдуырук сдавленно зарычал и оскалил зубищи.

— Чую, что врешь!

— А зачем? — Я пожал плечами и нервно покосился на небо. Минуты две до рассвета, не больше.— Ты меня всегда можешь найти. Приходи, только ровно в то время, что я сказал, иначе Коня может уже не быть.

— Не учи меня, змееныш! Я буду! — рыкнул демон и скрылся в стене ближайшего дома. Даже про высосанный мозг из костей не стал упоминать.

Я облегченно перевел дух, аккуратно поставил книги на торец стены, забрался на нее и уже хотел слезть, когда вспомнил о незаконченном деле.

«Вальдер, ты должен уйти».

«Прощай»,— тут же раздался голос архимага.

«Спасибо тебе. Живи в свете».

Я почувствовал, как что-то исчезло из меня. Архимаг ушел.

Спрыгнув со стены, я протянул руки и взял лежащие на ней магические книги. Ну вот и все, я сделал то, что никто не делал до меня,— прошел Закрытую территорию насквозь. Правда, смухлевав и воспользовавшись помощью демона, но об этом обычным обывателям знать не обязательно.

Я уже, было, собрался уходить, когда из-за стены донесся крик:

— Гаррет, спаси!

Я подпрыгнул, уцепился руками за край, подтянулся и посмотрел, кто меня зовет.

По улице Кровельщиков, ковыляя, спотыкаясь и падая, бежал Шныг. Выходит, уцелел. Живучий сукин сын! Кажется, он устроил гонку и пробежал всю улицу, чтобы успеть.

— Гаррет! Не бросай! — выкрикнул он.

Я не отличаюсь любовью к ближнему, который мечтает всадить мне нож в сердце, но помочь Шныгу следует. Это великолепный шанс узнать и о его заказчике, и о таинственном Хозяине.

— Быстрее! — рявкнул я.— Прибавь! Рассвет на носу!

На простоватом лице вора отразилось отчаяние. Он изо всех сил поднажал, но до меня было еще двадцать с лишним ярдов.

— Хватайся! — Я протянул ему навстречу руку, но со стены не слезал, уже находясь ногами в кварталах города Ремесленников.

Шныг очень торопился.

Но тут горизонт вспыхнул розовой зарей и разогнал тьму. Я проворно нырнул обратно, соскальзывая со стены на землю, краем глаза успев заметить, как из бедняги вора во все стороны бьют ослепительные лучи багрового света. Сдавленный вопль — и тишина.

— Чтоб по мне всю ночь маршировала армия пьяных карликов,— пробормотал я.

...Все же я сильно устал. Дай Сагот добраться до кровати, а там меня не поднимет и залп гномьих пушек. Я поднял с земли тяжелые книги, прижал их к себе и пошел по просыпающимся кварталам города Ремесленников.

В этой части города вставали спозаранку. Работяги прощаются со сном, когда другие еще дрыхнут. Хочешь заработать, просыпайся раньше.

Булочник давно растопил печь, из его дома приятно пахло свежей сдобой и тестом. Спешит по делам молочник, толкая впереди себя огромную телёжку, заставленную металлическими бидонами. В Портовый город идет лудильщик. Отчаянно зевая, бредет еще толком не проснувшийся старый маляр.

Ветер донес до меня звуки ковки металла из квартала Оружейников и Кузнецов. Тем, кто живет рядом с этим районом города, я не завидую. Пару раз у городских старшин возникала идея взять всех работающих по металлу и поселить в Пригороде, и каждый раз этому противился король.

В принципе правильно противился. Если вдруг Авендум попадет в осаду, то кузнецы и оружейники, их мастерские и маленькие заво-

дики очень понадобятся обороняющимся. Когда приходит враг, ценное лучше держать внутри стен, а не за ними.

— А ну пш-шел! — Старая тщедушная бабулька замахнулась такой же старой и растрепанной метлой на валявшегося на земле пьяницу. В городе Ремесленников не любят лентяев.— Вставай, вставай! Ишь разлегся!

Думаю, что после объявления о том, что демоны ночи изгнаны из Авендума навсегда, количество пьяных, не дошедших до домов и уснувших прямо на дороге, резко увеличилось. Город жил и даже не обращал внимания на то, что скрывается за белой стеной Закрытой территории. За двести лет люди привыкают и не к такому страшному соседству.

— Ну есть под боком зло, но ведь сидит себе за стеной, никого не трогает, к нам не суется, жить не мешает. Ну и ладно! Деды жили, отцы жили, теперь мы живем. Да и на век наших внуков и правнуков хватит!

Так думает едва ли не каждый.

— Авось пронесет, не затронет, переждем, перебедуем, Орден-то нам на что?

Иногда наслушаешься этих лопухов, и прямо такое зло берет! Это все равно что сидеть на пороховой бочке с горящим фитилем под ясным небом и надеяться, что начнется дождик. Понимаю, с язвой города, таинственным Пятном, сделать ничего нельзя, но и закрывать глаза, надеясь, что боги спасут, тоже нельзя! Потому как...

Тьфу! Устал я, устал, вот и потянуло на ворчанье.

Город Ремесленников остался позади, народу на улицах было немного, и я без труда прошел пока еще полупустую в эти утренние часы часть города. Отдельные жители косились на мою подранную и грязную одежду, но мне на них в данном конкретном случае было начхать. Моя не самая радостная физиономия отпугнула самых любопытных, и я вполне спокойно протопал до самой Соборной площади.

Здесь меня встретили уже знакомые старцы-жрецы. Кажется, эти старые развалины так и не удосужились покинуть свой пост с того самого момента, как я их видел в последний раз. Оба старика окинули меня не самыми радостными взглядами, но их тут поставили не для того, чтобы думать, а с очень важным и ответственным заданием — как заморские попугаи талдычить одну и ту же фразу:

— Ты борешься с Тьмой в себе?

О! Именно об этом я только что и говорил!

— Я уничтожаю Тьму,— устало ответил я, намереваясь как можно скорее покончить со всей этой дурацкой напыщенностью и бредом неугомонных соборников.

— Так войди же и обратись к Ним.— Второй жрец ответил мне как-то вяло и неуверенно.

Скорее всего, мой вид не располагал к долгим теологическим беседам.

— Прямо сейчас и обращусь,— буркнул я, направляясь в сторону жилищ жрецов Сагота.— Особенно к тому, кто берет по золотому за идиотские советы.

Фонтан в виде рыцаря и огра все так же весело журчал, извергая из себя водопады сверкающей воды. Вокруг статуй богов крутились жрецы. Утренняя уборка, пока не появились прихожане. Один из служителей тщательно протирал тряпочкой лицо Сагры, другой возлагал к ногам миловидной Сильны букет цветов. На меня не обратили внимания.

Перед аркой, вызывающей в голове не самые приятные воспоминания, я остановился. Поколебался мгновение и сделал шаг.

Ничего не случилось.

Никакая шибко умная тварь не желала меня хватать. И мозг сосать из костей тоже не собиралась.

Странно.

Может, что случилось? Я прогулочным шагом прошелся туда-сюда, ожидая, когда же наконец кто-нибудь меня удосужится схватить. Безрезультатно. Ну и тьма с этим Вухджаазом! Я плюнул и потащился к покоям Фора.

По дороге встретил нескольких жрецов, они гасили факелы, горевшие всю ночь. Служители Сагота не обратили на меня внимания, видать, им сообщили о моем предстоящем визите. Я подошел к знакомой двери, толкнул ее и ввалился в обитель учителя. Он, видно, так и не ложился спать, просидев все время, пока я отсутствовал, за столом. Стол, кстати, пустовал, ни крошки еды — еще одна странность. Кажется, Фор все же волновался за своего непутевого ученика.

— Явился,— встрепенулся он, когда увидел меня, впрочем не подав виду, что рад.— Удачно?

Я молча бухнул ему на стол сумку с бумагами и книги.

— Ого! — воскликнул он.— Не ожидал. Как там было, расскажешь?

— Позже,— промямлил я.— Чуть позже. Разбуди меня, когда стемнеет.

С этими словами, скинув с себя грязную одежду, я бухнулся на кровать, и провалился в долгожданный сон.

Глава 13
ЧТО РАССКАЗАЛИ БУМАГИ...

Я проснулся от шуршания перелистываемых страниц, но не спешил открывать глаза, решив хоть немного поваляться.

— Хватит бездельничать, вечер уже,— ворчливо произнес Фор, заметив, что я не сплю.

— Стемнело? — Я зевнул.

— Скоро. У тебя дела?

— К сожалению,— буркнул я, сев на кровати. Фор занял свое любимое кресло и изучал один из фолиантов, принесенных мной из башни Ордена. Вторая книга и сверток манускриптов лежали рядом, на столике для бумаг.

— Твою одежду я позволил себе выбросить, ее теперь только нищим носить, да и те постесняются. На стуле новая. Как полагаешь, темный цвет тебе пойдет?

Риторические вопросы я обычно оставляю без ответа. Потому как Фор и так знает, что в темной одежде ночью работать сподручнее и, что уж скрывать, безопаснее. Только безумец способен натянуть на себя белое рубище и идти в дома богатеев, которые наверняка заметят его за сотню ярдов и устроят теплую встречу с последующим протыканием чем-нибудь острым.

Одежда пришлась впору, лишь рубаха немного жала в плечах, но это всего лишь досадная мелочь. Мой взгляд упал на стол с едой возле окна, и в животе требовательно заурчало.

— Вижу, что ночные прогулки не испортили твой аппетит, а следовательно, не пора ли нам пройти к столу и благословить Сагота за еще один день жизни? — Фор отложил книгу и встал с кресла.

— С каких это пор ты стал читать магические фолианты?

Вот уж не знал, что у старого вора появилось новое увлечение.

— Да я и не читал,— пожал плечами Фор, шествуя к столу.— Просто бегло оценил товар. Три-четыре сотни за обе книжки ты получить сможешь, могу посоветовать покупателя, я еще не растерял старые связи.

— Я пока в золоте не нуждаюсь,— буркнул я, садясь за стол.

Последние лучи заходящего солнца теплыми пиками пробивались сквозь изящную деревянную решетку на окнах и падали на мое лицо. Предвечернее небо горело раскаленной сталью.

— Но ты все же придержи их на всякий случай, вполне возможно, что когда-нибудь книги придется продать.

— Хорошо.— Фор кивнул.

У него тоже был интерес в этом деле — двадцать процентов от цены продажи. Деньги храму Сагота всегда пригодятся.

— Ты, кстати, чего уселся? Руки бы помыл, а то, как свинья, право слово!

— Руки помыл, руки помыл,— буркнул я, но послушно встал из-за стола и направился к умывальнику.

Я и вправду был грязен, и умыться стоило. Ворчал я для порядка, в связи с адской усталостью, не прошедшей даже после того, как проспал целый день.

— И побрейся заодно! Рожа у тебя самая что ни на есть бандитская, малыш! — донесся до меня голос Фора.

Я машинально провел рукой по трехдневной щетине.

— И так сойдет. Я ведь не на королевский бал отправляюсь! — фыркнул я, опуская руки в воду.— Нет времени. Мне еще надо разобраться с целой шайкой коневодов.

— Ну как знаешь. Кстати, расскажи, как там было. А то все слухи да сведения, на которые нельзя положиться. Ты на моей памяти единственный человек, который смог забраться так далеко на Запретную. Надо бы записать для хроник и будущих поколений.

— Ты еще и летописцем стал? Чего только не узнаешь о старом учителе! — сказал я, возвращаясь к столу.

— Старые знания быстро уходят из нашего мира. Многое утеряно,— вздохнул Фор.— Согласись, твой рассказ, может быть, поможет многим людям, тем более что это в первую очередь для хроник обители Сагота.

— Да я и не возражаю.— Я пожал плечами.— Почему бы нет? Ты не против, если я буду одновременно есть и говорить?

— Конечно, малыш, конечно. Валяй, а после твоей истории я немного расскажу про добытые тобой бумаги.

— Что-нибудь важное там есть? А то я схватил, что под руку попалось.

— Есть, но об этом чуть позже, время терпит. Давай уж, не томи.

Меня долго заставлять не пришлось, тем более что выговориться и поделиться своими впечатлениями стоило. Хотя бы для разрядки, иначе можно сойти с ума от ночных приключений.

Я начал рассказ с момента, как оказался возле конюшни Старка. Фор молча внимал — он всегда был хорошим слушателем. Судя по лицу моего учителя, его больше всего обеспокоили нанятые неизвестным стражники и воры. На хохотуна-плакальщика и давно умершего архимага он не обратил особого внимания.

— Кто-то идет той же дорожкой, что и ты, малыш. Правда, он постоянно опаздывает, но как долго это будет продолжаться? Как долго ты сможешь оставлять Хозяина с носом, опережая его? Я навел справки, полистал наши архивы. Ни-че-го. Ни единого упоминания.

Такое впечатление, что его не существует вовсе, а все это — плод твоей фантазии.

— Да ну?

— Жуй свою булку. Я тебе верю. Но меня изумляет, что возможна подобная секретность. Обязательно где-нибудь что-нибудь должно было выплыть.

— Но не в этот раз.

— Да. Это не Неназываемый. Хотя, думаю, ты уже и сам это понял. У колдуна из Безлюдных земель не хватит мощи выпустить на волю всех демонов. Так кто же такой Хозяин, раз обладает таким могуществом, столь долгой жизнью и подобными знаниями?

— Бог? — ухмыльнулся я.

— Не говори ерунды. Хотя... Правда — ему поклоняются и служат совершенно разные люди. Давай попробуем потянуть за эту цепочку. Смотри. Герцог Патин, не последняя фигура в Валиостре, служит Хозяину. Маркун, а следовательно, и половина его прихвостней из гильдии — тоже. Кто еще? Маги? Королевские чиновники? Дворяне? И этот твой... Посланник. Меня беспокоит то, что совершенно неясно, чего Хозяин хочет. Он — темная доралисская лошадка, способная выиграть важные скачки и устроить многим массу неприятностей. И поклонники у него хоть куда. Если слуг Неназываемого с периодичностью вылавливают, то хозяйских прихвостней еще не поймали ни одного.

— Про них просто не слышали!

— Вот именно! А это говорит об очень хорошо налаженных связях, конспирации и тому подобной шелухе, которая способствует выживанию сект, не приветствующихся в нашем добропорядочном королевстве. Хреновые дела, малыш.— Фор покачал головой.— Буду думать, буду искать, может, и накопаю в архивах что-нибудь интересное. А тебе пока дам хороший совет.

— Бесплатный? — ехидно хмыкнул я с набитым ртом.

— Ну я же не Сагот, право слово, чтобы брать с тебя золотые! Ты как-никак мой ученик!

— И на том спасибо.

— Не за что. Тем более что ты не один обеднел от советов нашего бога,— внезапно ухмыльнулся Фор.

— Не верю.— Я откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на него.— Ты действительно намекаешь на то...

— Что я тоже разговаривал с ним. Было дело. И мне тоже пришлось выложить золотой.

— Расскажи мне.

— Ну... — протянул он и ухмыльнулся.— Я беседовал с ним за пять минут перед тем, как встретить тебя и Басса,— неохотно сказал Фор.

— О! — многозначительно произнес я, начиная догадываться, о чем пойдет речь.

— Вот тебе и «о»! Сагот дал совет взять вас в ученики. Да какой там совет! Получив свой золотой, он назвался и просто-напросто приказал мне это сделать. Так вот все и вышло. Хотя, кажется, с Басом у него произошла промашка.— Он нахмурился.— Ладно. Нечего было вспоминать. О чем мы с тобой говорили?

— О советах.

— Так вот тебе мой бесплатный совет: не откладывай дела на милость богов, сходи-ка ты к этому Болту. Если старик опознал кольцо, которое ему показывали воры, то мы узнаем, что это за влиятельная фигура, служащая Хозяину.

— Сейчас уже поздно.— Я бросил взгляд в окно, на тускнеющее небо.— Библиотека закрылась, придется подождать до утра.

— Не стоит. Старик вряд ли покидает место работы. Скорее всего, там и спит. Прежде чем ты займешься делами, все же загляни на площадь Грока. Думаю, тебе он дверь откроет. Нечего тянуть. Раз Хозяин ведет свою, непонятную нам игру, в которой ясно лишь то, что он хочет убить тебя,— следовательно, он слишком опасен. И кстати, похоже, он всей душой не желает, чтобы некий Гаррет лез за Рогом.

— Ты о том, что он приказал уничтожить бумаги, а герцогу повлиять на короля?

— Угу. Я думаю, приказ повлиять на Сталкона — это убедить его в бесплодности попыток лезть в Храд Спайн. Или попросту шлепнуть Его Величество.

Мне все больше не нравилась прояснявшаяся ситуация. Хозяин начинал доставать меня сильнее, чем чесоточный клещ.

— Ладно. Подумаю,— сказал я, наблюдая за Фором, который внезапно встал из-за стола и направился в другую комнату.

События сплетались в тугой клубок змей, они обвивались вокруг меня и холодили кожу. Как бы эти змеи не укусили! Замучаюсь избавляться от яда.

Фор вернулся через несколько минут, неся в руках массивные бронзовые подсвечники, в каждом из которых находилось по пять горящих свечей. Самое время: солнце уже почти село, и сумерки заползли в комнату нагло и вальяжно, прямо как кот, обожравшийся дармовой хозяйской сметаны. Яркий свет десяти свечей заставил мрак посторониться, и тот забился в самый темный угол комнаты.

— Что ж, твою историю я выслушал. Теперь давай займемся тем, что ты принес с Запретной территории.— Фор показал мне бумаги, добытые в башне Ордена.— Пока ты спал, я полистал их немного. Много интересного, но... Но, малыш, это все не то. Да, карта Храд Спайна есть, и даже план, как добраться до Рога, но это... Это самоубийство. Тот путь, который тебе предстоит пройти... пройти практически невозможно. Да ты и сам потом на досуге, изучив старые карты, поймешь, что это нереально. Сотни залов, переходов, штолен. И это только до восьмого яруса. Что ниже — в этих бумагах не указано. Вот, бери.

Фор толкнул в мою сторону карты.

— Пусть они пока побудут у тебя, спрячь в надежное место, заберу перед отъездом,— попросил я его.

— Твое дело.— Фор сгреб бумаги обратно.— Кстати! Нашел я в этих записках забавную страничку, смотри.

Я взял в руки пожелтевший от времени листок:

— Что это?

— Это древнеорочий. Пришлось попыхтеть и посидеть со словарем, чтобы перевести. Многое осталось непонятым, у орков довольно путаный язык, но у меня все же получилось, хоть и не так складно, как, наверное, должно было быть. Это стихи. Что-то вроде схемы-подсказки. Сплошная загадка. Читай.

Фор протянул мне листок с переводом.

Огром рожденный на снежных равнинах,
Веками проживший у эльфов в Листве,
Он Гроку был отдан как память о мире,
Возникшем меж расами в Долгой Зиме.

Предан покою он Ордена силой
В час, когда выжил Авендум в боях.
Славный средь мертвых с ним делит могилу
В мрачных пещерах на древних костях.
Годы проходят, лежит он в Храд Спайне.
Ветер гробниц в свое ложе зовет.
Час подойдет, обнажит свои тайны,
Магию проклятых правдой сожжет.

Коль смел ты и быстр, коль храбр ты и ловок,
Коль легок твой шаг и остра твоя мысль,
Избегнешь расставленных нами уловок,
Земли, воды, пламени ты берегись.

А дальше — иди же! Распахнуты створки
В Уснувшего Шепота залов покой.

Здесь мозг человека, и эльфа, и орка
В безумии гаснет... Погаснет и твой.

Сквозь залы Уснувшего Эха и Мрака,
Минуя слепых сторожей Кайю,
Под взгляд Великанов, сжигающих в пепел,
К гробницам Великих, погибших в бою,

Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,
И только один не умрет под мечами,
Один, что с тенями стал ближе, чем брат.

Бледной Селены замерзшее тело
К ложу святому тебя вознесет.
Здесь тысячи лет солнце камни не грело,
Веками здесь ветер холодный поет.

И помни, пришелец, душа живет в Роге.
Во имя людей силу даст он тебе.
Но корысть воров покарает он строго.
Навек ты останешься гнить в страшной Тьме.

— М-да. Почти ничего не понятно.

— А что тебе показалось понятным, ученик? — удивился Фор.

За окном уже стемнело, и даже свет свечей не мог разогнать настырную темноту. Скоро пора двигаться по делам.

Я задумчиво стучал пальцами по столу:

— Кажется, понял, откуда растут ноги у совета Сагота. В этих стихах тоже упоминается какая-то Селена, которая возносит, а ведь Сагот предупреждал, что на нее лучше не вставать, и ножками, ножками.

— Хм...— протянул Фор и почесал подбородок.

Потом крякнул и налил себе вина из пузатой запыленной бутыли. Предложил мне, но я отказался — мне сегодня нужно иметь кристально чистую голову.

— Что ж, я тоже обратил внимание на упоминание Селены. Вообще, над всем этим стоит поразмыслить. Кстати, не забудь его показать эльфийке, она должна знать древний язык орков. Возможно, она переведет эту страницу гораздо точнее, чем я.

— Хорошо.

— Но то, что речь идет о Роге Радуги — неоспоримый факт. Вот смотри: «Огром рожденный на снежных равнинах» — это о том, как шаманы огров, прежде чем превратиться в зверей, создали последний артефакт своей расы — Рог. «Веками проживший у эльфов в Листве» — думаю, ты должен помнить старую сказку, как глава

дома Черной розы предпринял попытку вторгнуться в Безлюдные земли. Вот в том походе эльфы и отобрали у огров Рог. Дальше все тоже понятно: «Он Гроку был отдан как память о мире, возникшем меж расами в Долгой Зиме». Темные подарили Рог Гроку как заверение о мире между эльфами и людьми, воцарившемся после великого вторжения орков, получившего название Войны Весны.

— Ясно.

— Дальше идет стандартная чушь, хоть тут и древнеорочий, но видно, что писал человек. А вот над этими строчками следует задуматься: «Избегнешь расставленных нами уловок, земли, воды, пламени ты берегись». Что это, Гаррет, как не предупреждение о том, что маги Ордена нагородили невесть каких ловушек? «А дальше — иди же! Распахнуты створки в Уснувшего Шепота залов покой. Здесь мозг человека, и эльфа, и орка в безумии гаснет... Погаснет и твой». Распахнутые створки, скорее всего, это вход в третий ярус, или Створчатый ярус, как говорится о нем в картах. Там нарисованы огромные двери, через которые можно проникнуть в нижние залы Храд Спайна. Вполне вероятно, что они могут быть запечатаны заклинанием.

— Их можно обойти, Фор? Есть другой вход?

— Я не так много времени изучал план. В Храд Спайне четыре центральных входа. Один на севере, около Пограничного королевства. Второй — в сердце Заграбы, два других — у отрогов Гор карликов. Но последние давно завалены и замурованы недомерками. Выходит, что остается всего два входа. И каждый ведет к Створкам. Так что, боюсь, обойти не получится.

— Замечательно,— отозвался я.— А если их не удастся открыть?

— Ты об этом не думай, меня больше всего беспокоят залы Уснувшего Шепота и предрекаемое безумие. Не для красного словца они ведь это придумали! И это полбеды, а дальше речь идет о каких-то Кайю. Кайю — это орочье слово, но диалект эльфийский, его ни с чем не спутаешь. Что это за Кайю? Магия, существа или еще чего похуже?

— Справлюсь у Миралиссы.— От всех этих дурацких стишков-загадок потихоньку начинала трещать голова.

— А потом сжигающие Великаны... Тоже загадка. Хотя гробницы Великих, погибших в бою, вполне известны. Это целые залы воинов, которых люди хоронили на шестом ярусе в течение пяти с лишним веков. Огромное кладбище, где каждый находящийся в могиле — уже при жизни был легендой. Тут же эти усопшие рыцари с мечами, и Селена, которая укажет путь к Рогу, и, в конце концов, предупреждение о том, что Рог так просто в руки не дастся.

— Давай подумаем об этом позже! — взмолился я.— Иначе у меня голова распухнет! Нельзя, что ли, было нормально написать? Так и так. Там зубастый, тут клыкастый, а здесь просто зажарят или превратят в жабу! Так нет, им обязательно понадобилось упражняться в поэзии!

— А что ты хочешь? — Фор вздохнул и развел руками.— Орден любит головоломки, головы у магов устроены немножечко по-другому. Я, пожалуй, еще подумаю над этим текстом, а ты делай то, что хотел. Ночь на дворе.

Действительно, черные крылья птицы-ночи незаметно накрыли собой Авендум, пока я беседовал с Фором. Пора заняться делом.

— Ты прав. Мне пора.

— Давай, малыш, удачи. Кстати, ты знаешь, что сегодня последняя ночь июня?

— Угу. Проклятый туман наконец-то исчезнет с улиц. Где мой арбалет?

— Арбалет? — Фор хмыкнул.— У тебя не арбалет, а сплошное недоразумение. Приклад отсутствует, какие-то рычаги, да еще и по два болта за раз. Ты где откопал этого уродца?

— У Хонхеля.

— Ясно. Мог бы и не спрашивать... Вон он, лежит на стуле.

Я привычным жестом закинул оружие за спину и направился к выходу.

— Не забудь расспросить Болта! — крикнул мне вдогонку Фор.

— Помню, помню,— ответил я, уже выходя в коридор.

Этой ночью мне нужно было поставить окончательную точку в деле Коня Теней.

Глава 14
КЛИНКИ В ТЕНЯХ

— Рад тебя видеть, Вухджааз, где пропадал? — поприветствовал я демона, стараясь не обращать внимания ни на огромные руки, вновь приподнявшие меня над землей, ни на зловонное дыхание, ни на злые глазищи, ни тем более на большие зубы.

Ну демон. Так и тьма с ним! Я их за эту неделю навидался больше, чем некоторые демонологи за всю жизнь.

«Пойти, что ли, лекции в Ордене читать? — уныло подумал я, просто умирая от вони, исходящей из пасти серого монстра.— О попытках общения с «умными» демонами и способах заговаривать им зубы».

— Где мой Конь? — зарычал Вухджааз и весьма ощутимо меня встряхнул.

М-да... Все в мире меняется, только скверные привычки демонов остаются прежними.

— Я как раз собирался тебе сообщить, где его можно найти, но ты куда-то пропал.

Он поймал меня на улице, прямо рядом с Королевской библиотекой.

— Вухджааз умный.— Тварь облизнулась и с гастрономическим интересом посмотрела на меня.— Так где Конь?

— Приходи завтрашней ночью в «Нож и Топор». В одну минуту первого, там я тебе и отдам Коня.

— Вухджааз умный,— повторил он, видно считая, что я совершенно глухой и все предыдущие разы не слышал, с каким наиумнейшим демоном мне приходится общаться.— Я высосу мозг из твоих костей.

Вонючая гадина стала медленно подтягивать меня к себе, дабы насладиться честно заработанным ужином. Ну конечно! Я ведь сказал, где взять Коня, и теперь ему не нужен. О том, что без меня Коня ему не видать, тупая тварь даже не подумала.

— Стой! — пискнул я, когда до его зубов оставалось всего ничего.— Щдуыруку не понравится, если ты меня съешь!

— Хх-хшш-ааа? — изумленно зашипел Вухджааз и даже на миг выпустил меня из лап. Но всего лишь на миг. Он сразу же исправил оплошность и приблизил к моему лицу подозрительную рожу.

— А что тут делает мой брат?

— Он тоже остался и тоже охотится за Конем! — вякнул я и поспешно добавил, дабы избежать неприятных эксцессов и недоразумений: — Но я на твоей стороне!

— Да? — Демон немного подумал.— Неужели?

— Точно! Пока я живой, то могу обманывать Щдуырука и говорить ему, что не знаю, где Конь. Если ты меня съешь, твой брат поймет, что тебе стало известно, где артефакт, потому что я умер!

Бред? Еще какой! Но для «умного» демона вполне сойдет и такая нелепость. Уж что-что, а заговаривать зубы я мастер!

— Мой братец глуп! Хотя... он действительно может что-то понять.

— Щдуырук очень глуп, он не так умен, как Вухджааз,— льстиво заметил я демону.

Надеюсь, что Щдуырука нет поблизости и он не слышит моих слов.

— Вот-вот, так что с братом разберусь сам, а сейчас я слишком голоден и очень хочу есть.

— Меня нельзя есть! — отчаянно заверещал я и стал брыкаться.

— Почему? — опешил Вухджааз, он, видно, ожидал всего чего угодно, но не уверений, что пойманную добычу нельзя есть...

— Я болен заразной болезнью демонов! — Это первое, что пришло мне в голову.

— Почесухой? — испуганно рявкнул Вухджааз и разжал пальцы.

Я очень неэстетично шлепнулся на землю и отбил себе зад.

— У-у-у.— Это все, что я смог произнести от боли.

— Чего «у»? Я спрашиваю — почесухой? — зашипел Вухджааз, но приближаться пока не спешил.

— Именно,— закивал я и в подтверждение своих слов стал отчаянно чесаться.

— Вухджааз умный демон! Не ври мне! Как ты мог заразиться почесухой?!

— От Щдуырука, конечно! — Врать — так до синей луны.

— Проклятущий братец вечно распространяет заразу! — Вухджааз расстроенно стукнул кулаком по стене ближайшего дома, едва не пробив в ней дыру.

— И я того же мнения.

Он зарычал и неохотно отступил:

— Ладно. Приду туда, куда ты говоришь, человек! Но, если обманешь, я все же высосу мозг из твоих костей!

— Не опаздывай! — Я разговаривал сам с собой, тупая тварь уже исчезла в стене здания.

Я прислушался к себе. Руки, кажется, не дрожали, и штаны тоже были вполне сухими и чистыми. Как-то неожиданно и стихийно до меня стало доходить, что я вот только что был на волосок от пропасти. От пропасти с зубами, если быть точным. Спасла смекалка и беспросветная глупость одного воистину наиумнейшего демона, да засунут колючку под хвост его верблюду, как говорят жители далекого Султаната. С другой стороны, я выполнил очередную часть своего плана. Доралиссцы и оба демона уже приглашены на официальный банкет в заведение плута Гозмо. Осталось оповестить еще две стороны и владельца трактира, и дело, можно сказать, в шляпе.

Библиотека была неподалеку, и я направился к ней. Хотя в городе давно наступила темнота, на этот раз никто не прятался в домах. На площади было достаточно много народу, я даже заметил пяток стражников, которые с важным видом прохаживались возле статуи Грока, видно опасаясь, что жители города, опьянев от полученной свободы, украдут неподъемную скульптуру.

Я мельком бросил взгляд на дом покойного герцога. В окнах, как и следовало ожидать, света не было. Слуги блюдут траур, но, думаю,

это ненадолго. У герцога полным-полно родственничков, так что его наследство пустовать не будет, и скоро никто и не вспомнит о таинственном убийстве, произошедшем в спальне Его Светлости.

Я обогнул здание библиотеки, вошел в узкий полутемный переулок и уже приготовился забарабанить в железную дверь, чтобы разбудить не только Болта, но и весь квартал, как вдруг заметил тоненькую полоску света, выбивающуюся из-под двери. Странно. Очень странно. Видно, Болт снова напился и забыл закрыть на ночь библиотеку.

А что, если бы вместо меня, честного и крайне порядочного человека, к нему на огонек заглянул нечистый на руку ворюга? Ну тогда бы точно половину редких книг как ветром сдуло со всех этих стеллажей и полок. Я хмыкнул и толкнул дверь. Она живенько прянула в сторону, открывая моему взору темный туннель служебного коридора.

Свет был только перед дверью, дальше — сплошная темнота. Я беззлобно ругнулся по поводу того, что у некоторых руки не доходят создать нормальное освещение, снял факел со стены и пошел по знакомому коридору, игнорируя ответвления вправо и влево.

Я был тут уже во второй раз, а этого вполне достаточно, чтобы знать дорогу. Путешествие до залов с книгами заняло не больше пары минут. Магическое зрение после Закрытой территории ко мне так и не вернулось, поэтому приходилось полагаться лишь на источник света в своей руке и проклятия, посылаемые на голову Хонхеля. Света от фонарей, надежно закрытых гномьим стеклом, дабы огонь, не дай Сагот, не вырвался из плена, было вполне достаточно, и лишь где-то в вышине, под самым потолком, шкафы и стеллажи кутались в шапку тьмы.

Я вернулся немного назад, в коридор, где и оставил факел, повесив его в пустую скобу. Нечего злить Болта, а то его паралич разобьет, увидь он, что я притащил открытый огонь к его драгоценным книжкам.

— Эй, Болт! Это Гаррет! — крикнул я, и мой голос эхом отразился от сводчатого потолка, заметался по стенам и растворился, запутавшись в паутине книг и шкафов.

Тишина. Ни звука. Старик, видно, действительно выпил лишку и теперь дрыхнет где-нибудь под столом. Хотя возможно, что он просто-напросто тут на ухо и не слышит моих приветственных воплей.

— Болт! Ты здесь?

Я медленно пошел вперед в поисках знакомой сутулой фигуры. Но в этом огромном здании, как я уже говорил, можно бродить тысячелетиями и не встретить ни одной живой души. Я резко повер-

нул направо и двинулся в сторону столов, за которыми прошлый раз изучал книги. Там было место, где вполне можно распить бутылочку винца, не беспокоясь, что кто-нибудь тебя потревожит. Если же старикана там не будет, придется перевернуть здесь все вверх дном. Впереди мигнул свет.

— Болт! — успел рявкнуть я, прежде чем вышел в читальный зал.

Так и есть! Вот фонарь на столе, вот бутылка вина, вот наполовину обглоданная краюха хлеба и пучок зеленого лука.

Бутылка почти пуста, лишь на донышке оставалось немного вина. Старик разлегся на полу, прямо в луже разлитого красного вина. Нет, вы только посмотрите на него!

Я буркнул под нос что-то нелицеприятное о любителях залить за воротник в самое неподходящее для этого время и пошел к спящему пьянице, лихорадочно соображая, как бы побыстрее вернуть его в сознательное состояние и расспросить.

— Болт! Хватит спать! Вставай. Ты похож на свинью. Нельзя же так! — Я наклонился над ним и потряс за плечо.— Сколько можно дрых...

Фразу я так и не закончил, потому что заметил довольно поганую вещь — Болт, кажется, не дышал. И лежал он не в луже вина, как мне показалось вначале, а в луже собственной крови. Я осторожно перевернул старика на спину.

Так и есть. Какая-то сволочь перерезала бедному деду горло от уха до уха. Тело было еще теплым, да и крови натекло немного. Следовательно, убийца или убийцы пришили Болта совсем недавно, может, в тот самый момент, когда я входил в библиотеку. Значит, велика вероятность, что они не успели далеко уйти и я вполне могу нагнать их на ближайшей улице.

Я уже было поддался минутному порыву, но голос рассудка основательно остудил мою жажду справедливости. Хозяин меня на этот раз опередил, и я уже никогда не узнаю, чье кольцо показывали Болту Ростгиш и Шныг. И бежать за неизвестными убийцами, которые могут оказаться совсем не людьми, не было никакого резона. Бедняге уже ничем не поможешь.

Жаль, я успел привязаться к этому ворчливому безумному деду.

От тела куда-то в глубь зала, виляя между столов, тянулась кровавая дорожка. Странно... Я взял со стола фонарь и, освещая дорогу, пошел по кровавым следам. Но не успел пройти и двадцати шагов, как наткнулся на второй труп.

Этого хмыря-переростка я знал. Один из тех, кто сбежал из переулка, где нас с Родериком застали врасплох. На этот раз парню не повезло, убежать ему не удалось. В груди громилы торчал ножичек, который в прошлый раз я видел у Болта. Получается, что старик все

же сумел дорого продать свою жизнь. Значит, верно, что Дикие Сердца просто так из этого мира не уходят, один из убийц поплатился за св...

Три тени прыгнули в круг света, вынырнув откуда-то из-за темных стеллажей и не дали закончить мне мысль. Я заметил блеск металла и отпрянул в сторону.

Гнилая тьма! С чего это я решил, что убийцы успели убраться?! Ведь намного проще было спрятаться в полумраке зала и переждать, пока не уйдет неожиданный посетитель! Или дождаться удобного момента и отправить его к богам следом за стариком.

Я отпрыгнул назад, прижавшись к шкафу с книгами. Трое убийц приближались. Как назло, арбалет не был заряжен и поэтому бесполезен. Надежда только на клинок. Я молча обнажил оружие и, выставив его перед собой, стал ждать нападения, не веря, что мы разойдемся миром. Такие ребята зарежут родную бабушку, да еще и всю семейку в придачу. Тем более что двоих убийц я до этого видел, и не при самых лучших обстоятельствах. Первый, тот, который выскочил прямо на меня, был напарником жмурика, убитого Болтом.

Этот мордоворот держал нож в левой руке и сладко улыбался, как будто перед ним был не загнанный в угол человек с клинком намного большего размера, чем его зубочистка, а мамочка, купившая Громиле карамельку. Второй — не кто иной, как стражник Ярги, правда, не в оранжево-черном мундире, а в гражданке, поэтому я сразу его и не узнал. Выходит, ребята работают на неизвестного слугу Хозяина, раз здесь один из подкупленных служителей закона.

Интересно, а где остальные? Отдыхают после ночного боя с доралиссцами?

Третьего убийцу я не знал. Крепкий, можно сказать, что дубленный ветрами. Волк меж двух дворняг. Нож в его руке то и дело пускался в пляс.

— Подумать только, кого ночами можно встретить в таких местах,— лениво растягивая слова, заговорил Громила, остановившись вместе с напарниками в десяти шагах от меня.— Кого это к книгам потянуло?

— Хватит болтать, кончаем его и сваливаем! Дело уже сделано,— просипел третий, двигаясь вперед.

— Успокойся, Муха,— примирительно сказал Громила.— Сейчас мы убьем сразу двух зайцев. Это Гаррет.

— Тот самый?! — обрадовался Ярги.— Его голова золотая!

— Да, вот сейчас мы ее ему и отрежем.— Громила двинулся ко мне.

— А ты осмелел.— Я растянул губы в гадливой ухмылочке.— Помнится, несколько дней назад ты вместе с во-он тем покойником драпанул так, что пятки сверкали.

— Ну с тобой ведь больше нет мага,— хмыкнул Громила, перебрасывая нож из руки в руку.

— Стой, дай я его кончу,— попросил Ярги, облизывая тонкие губы и смотря на меня с алчным блеском в глазах.— Дай развлекусь.

— Смотри, как бы тебя не кончили,— хмыкнул Муха, но вместе с Громилой отошел назад, освобождая пространство для боя. Видать, ребята действительно решили устроить забаву, ни во что не ставя мою персону.— Не тяни. Если еще кто-то придет, здесь будет полно трупов.

— Никому эта дыра не нужна. Старика ты уже замочил, Муха. Теперь расслабься.

— Но прежде старик завалил твоего дружка,— буркнул Муха.— Одно слово — Дикий.

— Так ты ведь тоже из них.

— Заткнись! — рявкнул Муха.

Дикий? Здесь?! Неужели дезертир?! Парень опаснее, чем я думал!

— Ну что, вор? Пошла забава? — Ярги ухмыльнулся щербатым ртом и прыгнул на меня, целясь ножом в живот.

Я отклонился вбок, попытался достать его оружием, но не удалось. Пришлось отскочить к фонарю, стоявшему на полу, и отмахнуться клинком, отогнав Ярги подальше..

— Где же твой арбалет, вор? — раздался насмешливый голос Громилы, но я его проигнорировал.

Ярги вновь пошел в наступление, и мы стали кружить вокруг фонаря, выжидая, кто первым допустит непростительную, а значит, смертельную ошибку.

Пару раз наши ножи сталкивались, противно лязгая, затем начинали вить паутину уловок и ухищрений, медленно, но верно ведущих одного из нас к.победе, а другого — в гроб. Сталь рассекала воздух, и наши тени плясали на стенках шкафов и стеллажей.

Пришлось попотеть, проклятый стражник держал нож низинским, обратным хватом. С одной стороны, плохо — этот гад почти неуловимо мог перевести укол в режущий или рубящий удар, и наоборот. С другой стороны, хорошо, потому как низинская техника предназначена для воинов в броне, которая защищает свободную руку от порезов, а для тех, у кого вместо кольчуги и кольчужной перчатки одна рубаха, эта техника палка о двух концах.

Вжю-у-ух! Клинок противника полетел мне в лицо, я парировал, но в самый последний момент его оружие изменило направление, и

мне пришлось изогнуться, чтобы не получить укол в подмышку. Ярги немного не повезло из-за того, что, когда удар прошел мимо цели, его по инерции немного развернуло. Так что я успел ударить его по левой руке и отскочить в сторону прежде, чем он успел сообразить, что произошло. Ярги, шипя от боли, тряхнул раненой рукой.

— Ты не слишком ловок, приятель.

— Заткнись! Убью! — прошипел он.

Тяжелые частые капли срывались с его пальцев и падали на пол. Зачем мучиться и пытаться достать до живота или шеи врага, если можно нанести глубокие порезы на запястьях, подождать, когда раненый враг ослабеет от потери крови, и впустить его в благословенный, по словам жрецов, мир. Ярги тоже понимал, что времени у него совсем немного, поэтому пошёл напролом, точно носорог, и попытался обмануть меня ложными финтами. Я вертелся угрем, но все равно получил легкий порез на груди.

— Пора закрывать этот балаган и уходить.— услышал я краем уха.

Терпение Мухи было на исходе.

— Тебя вынесут отсюда вперед ногами, ублюдок!

— Точно так же, как прошлой ночью вынесли твоих дружков доралиссцы?

Услышав это, Ярги на мгновение опешил, остановился, и я, сорвав с плеча плащ, швырнул ему в лицо и тут же, оказавшись рядом, трижды ударил его ножом. Позади зло ругнулся Громила.

Ярги выронил нож, захрипел, вцепился в мое запястья и начал заваливаться назад. Я с трудом вырвался, оставив в его животе нож. Гаррет остался без главного и самого весомого своего аргумента.

Оба убийцы без всяких разговоров бросились на меня. Я крайне неизящно отпрыгнул назад, по пути пнув фонарь в лицо Громилы и сунул руку в сумку, пытаясь нащупать пузырек. Громила, поймав брошенный в него фонарь, словно тот был мячом, разочарованно цокнул языком.

Нашарив в сумке, я швырнул пузатую склянку ядовито-желтого цвета в Муху, но тот пригнул голову, и проклятая магическая побрякушка разбилась об одну из ножек гигантского стеллажа с книгами, находящегося за спинами убийц. Так что вместо головы наемника в воздухе растворилась ножка стеллажа.

Замечательное везение!

— Иди сюда, Гаррет! Хватит бегать! Я исполосую тебя на ремни!

Стеллаж между тем, потеряв опору, начал заваливаться вперед, прямо на ничего не подозревающих убийц. Еще чуть-чуть — и оба были бы раздавлены, но шум не удержавшихся на полках книг привлек их внимание. Муха, откатился в сторону, а Громила, как менее

умный, начал поворачиваться, удивленно открывать рот и попал под град сыпавшихся томов. Затем безногий стеллаж рухнул, подминая человека под себя и давя в лепешку. Предсмертный вопль заглушил грохот.

Я оглянулся. Мухи нигде не было. Не теряя времени, я вернул себе нож, вытер его об одежду убитого, убрал в ножны и зарядил арбалет. Потянул рычаг, взвел тетивы, заставил болты встать в боевое положение. Потом, ради пущего спокойствия, взял еще один болт в зубы, чтобы, если первые два не попадут в цель, не терять много времени на перезарядку. Таким образом вооружившись, я стал методично отступать к выходу.

Шел медленно, вслушиваясь в каждый шорох и в любой момент ожидая увидеть убийцу. Следовало взять фонарь, но он бы несколько стеснял мои движения, поэтому я оставил эту затею, решив положиться на интуицию и оставить руку свободной.

За каждым шкафом, за каждой книгой, в каждой тени мне чудился Муха. Но его там не было. Библиотека казалась пустой, словно заброшенное кладбище.

Я заставлял себя не бежать, хотя хотелось быстрее проскочить полутемные помещения и оказаться на свету. Но спешить — значит утратить контроль над ситуацией, а следовательно, стать уязвимым. Так что я едва плелся, словно пробираясь по полю, на котором живого места нет от медвежьих капканов.

Наконец проклятые шкафы с книгами закончились, и передо мной появился коридор, ведущий к черному ходу. Я остановился, решая, как лучше прокрасться по узкому туннелю, где даже развернуться было трудно, не то что состязаться во владении оружием с Диким Сердцем.

Его выдала тень. Она была бледной, слабой и почти убитой клинками света, но я смог ее увидеть. Может, Муха и опытный боец, но прилично спрятаться у него не получилось. Убийца залез на стеллаж и, вцепившись в полки, повис, дожидаясь, когда я пройду под ним.

Мы стали действовать одновременно — я разворачиваться и поднимать арбалет, он прыгать с ножом мне на плечи.

Щелкнула тетива. Первый болт, едва не задев падающего на меня противника, ударил в один из толстых фолиантов, стоявших на верхней полке. Второго выстрела я сделать не успел. Впрочем, как и отпрыгнуть. Убийца все весом обрушился на меня, и мне удалось остаться в живых лишь потому, что я изо всех сил ударил его арбалетом по запястью. Нож и мое оружие отлетели в сторону.

Я упал на спину, ударяясь затылком о каменный пол, и в голове разлетелся сноп огненных искр. Проклятый убийца оказался сверху

и, ни секунды не мешкая, нисколько не смутившись, что потерял нож, заехал мне кулаком в лицо.

Бац! На правой скуле взорвалась пороховая бочка гномов, и я сжал зубы, едва не перекусив находящийся в них болт. Преодолевая боль, я крайне неизящно постарался лягнуть навалившегося на меня врага, но эта жалкая попытка успеха не имела. Муха размахнулся и добавил мне еще раз. Я выхватил арбалетную стрелу и с размаху всадил ее в плечо противника. Он заорал, немного ослабил хватку, но тут же, свирепо рыча, заехал мне локтем. В отличие от своих напарников он не был склонен к болтовне и просто хотел сделать побыстрее работу, прежде чем у него появится возможность убраться восвояси.

Финалом нашей эпической битвы, достойной быть увековеченной в виде фрески в королевском дворце, стало то, что жилистые руки Мухи рачьей хваткой вцепились в шею некоего Гаррета и довольно целеустремленно принялись его душить, перекрыв доступ воздуха в легкие.

Я ударил Муху обеими руками по ребрам, но и это не возымело действия. Он, как имперская собака, еще сильнее сжал пальцы и, стиснув зубы, навис надо мной. Болт в плече ему нисколько не мешал.

Кто-то вполне достоверно начал хрипеть. Затем хрип начал стихать, отступил на задний план, запутался в тенях. Они надвинулись, обняли, черными кругами заплясали перед глазами, начав звать за собой. Когда тьма уже полностью поработила меня, откуда-то из другого мира, такого прекрасного и насыщенного свежим воздухом, раздалось щелканье тетивы, свист стрелы и тупой удар. Потом что-то очень тяжелое упало на меня, окончательно придавив к полу, но дышать, на удивление, стало легче.

Я лежал и, не открывая глаз, вдыхал бесценный дар богов — воздух. Во мне все клокотало, хрипело и свистело. Шея нещадно болела, даже глотать было больно, но я дышал, и это в данный конкретный момент было самым главным.

— Живехонек, милорд! — раздался голос надо мной. В нос ударил ядреный аромат чеснока.— Дышит.

— Поднимите его! — Барон Фраго Лантэн собственной персоной, насколько я могу судить по злому голосу.

Из чистой вежливости пришлось разлепить веки и оглядеть новых действующих лиц бесконечной комедии. Так и есть.

Надо мной стоял необычайно хмурый барон в окружении двух десятков верных псов. И мой давнишний знакомый — обожающий чеснок стражник с армейским арбалетом в руке. То тяжелое, что упало на меня, было не чем иным, как мертвым Мухой. Ему влепили

стрелу промеж лопаток, и наемник от переизбытка чувств решил помереть прямо на мне.

Признаться честно, я впервые в жизни так сильно обрадовался встрече с городской стражей. Беру все плохие слова об их умении и умственных способностях назад и клянусь здоровьем доралисского вождя, что на этой неделе больше ни разу не подумаю про них что-нибудь гадкое. Если бы не бравые ребята, лежать мне на полу библиотеки синим и дохлым, словно цыпленок.

— Одну секунду, ваша милость.— Чесночник поспешно отложил разряженный арбалет в сторону и стащил с меня тело Мухи.

Сразу полегчало. Чесночник и еще один солдат крепко взяли меня под руки и поставили на ноги. Пол почему-то довольно сильно шатался, и пришлось сделать над собой усилие, чтобы не упасть. Лицо после знакомства с кулаками Мухи безбожно горело, словно к нему ненадолго прижали раскаленную кочергу.

— Барон Лантэн? Вы не представляете, как я рад вашему появлению,— искренне прохрипел я.

Горло до сих пор саднило, на шее чувствовались чужие безжалостные пальцы.

— Надо думать! — фыркнул один из стражников.

— Гаррет, сукин сын, какой тьмы ты тут делаешь? — рявкнул Фраго. Видно, мне удалось испортить ему настроение на целый месяц.— А если бы нас здесь не оказалось?

— История для меня закончилась бы очень печально,— буркнул я.

Ненавижу, когда на меня орут.

— Не только для тебя! — продолжал вопить Фраго.— Король бы с меня шкуру спустил!

— Откуда вы узнали, где меня надо искать?

— А мы и не знали,— немного успокоившись, бросил барон и сел на стул, расторопно подставленный ему одним из подчиненных.

Мне сесть, естественно, не предложили, но в моем состоянии не до этикета, поэтому я самостоятельно взял табурет, на который обычно вставали, чтобы снять книгу с верхней полки, и с удобством расположился напротив барона. Рядом остался стоять Чесночник и тот второй, который помогал ему меня поднимать. Остальные стражники взяли в руки фонари и расползлись по библиотеке на тот случай, если в темноте еще кто-нибудь прячется. Напрасный труд, на мой взгляд. Не думаю, что тут еще кто-нибудь был, кроме мертвецов.

— Мы и не знали,— повторил барон и бросил взгляд на охрану.— Джиг, идите прогуляйтесь.

— Как скажете, милорд.

— Мы вот этого преступника искали.— Барон брезгливо ткнул пальцем в труп Мухи.— Дезертир и изменник. Его и Дикие Сердца искали, но нам больше повезло. Болтливая птичка чирикнула, что этот парень сейчас в Королевской библиотеке, вот мы и пришли брать его тепленьким. Встретить тебя я не планировал.

Ничего удивительного, что сам Фраго решил принять участие в охоте и аресте. Дезертиры из Диких считались самыми опасными преступниками. Мухе крепко повезло, что он поймал спиной стрелу. Попади он к Диким Сердцам, и тогда бы с ним поговорили по-иному. Так просто из нашего мира он бы не ушел.

— Так я повторю свой вопрос. Что ты здесь делаешь, Гаррет?

— Пришел проведать старого друга. Он смотритель этой библиотеки.

— И где же твой товарищ, скажи на милость?

— Мертв.

— Рассказывай.

И я рассказал. Половину подробностей пришлось опустить. О Хозяине и его слугах я не сказал ни словечка, как и о том, что я видел некоторых из убийц до этой ночи.

— Можно сказать, что тебе повезло, вор,— хмыкнул барон, выслушав мою историю.

Было видно, что он едва терпит мое присутствие. Оно его откровенно бесило. Так кошку бесит мышка, которая бегает перед ее носом, но схватить ее не представляется никакой возможности, иначе хозяин крепко оттаскает мурлыку за хвост.

— Можно сказать, что мне крупно повезло.— Я уже немного пришел в себя после произошедшего и теперь с нетерпением искал возможности улизнуть куда подальше.— Я свободен?

Делать тут было нечего, от покойника Болта я ничего теперь не узнаю, остальные мертвецы тоже будут молчать, как... хм... как мертвые, а барон Фраго, такой любезный и добрый, меня немного нервировал.

— А что, у тебя в такой поздний час есть какие-нибудь дела? — ухмыльнулся барон.— Надеюсь, не поход в дом невинного богатея?

— Невинные богатеи существуют только в детских сказках, милорд,— хмыкнул я и встал с табурета с твердым намерением отправиться восвояси.

Барон, кажется, хотел приказать мне сесть и заткнуться, но тут появился Джиг и отвлек его внимание.

— Милорд, там один из наших!

— Что ты мелешь? — нахмурился Фраго.

— Не извольте сомневаться, он из стражи. Ярги. Был в ночных сменах шестого караула. Портовый город.

— Из отряда Жастина?

— Теперь там другой командир, Жастина ведь возле конюшни Старка...

— Знаю, знаю. Не надо мне напоминать,— отмахнулся Фраго.

Я просто мечтал сказать, кто потянул к конюшне Старка продажную стражу, но тогда я до утра не отделаюсь от вопросов и подозрений, а поэтому поступил крайне разумно — попросту промолчал.

— Ну что за ночка! — сплюнул Фраго.— Гаррет, тебе хотя бы известно, что ты кокнул одного из моих людей?

— Разумеется, нет, милорд. На нем не было написано, что он стражник. И он не спешил представляться, когда хотел пустить меня на мясную вырезку.

— Ясно,— вздохнул Фраго.— Ну что же, в любом стаде есть паршивая овца.

Хотел я сказать барону, что паршивых овец в его стаде отнюдь не одна, но вновь благоразумно промолчал. Молчание — золото, и в последнее время я стал понимать, что это действительно так.

— Идем со мной, опознаешь его.— Фраго повелительно махнул рукой.

Угу. Как же! Мне только и осталось, как маленькой собачонке, бегать за бароном на задних лапках.

— Простите, милорд, но у меня задание короля.

Я заработал очередной хмурый взгляд от Лантэна. Настаивать он не решился. С приказами короля, если ты не шут-гоблин, обычно не спорят. Это может крайне плачевно сказаться на здоровье.

— Ладно. Проваливай отсюда.

Не дожидаясь, когда начальник стражи передумает, я скрылся в коридоре, не забыв по дороге подхватить факел, чтобы обратный путь казался светлым и веселым. Настроение у меня было самое что ни на есть поганое.

Глава 15
ОТВЕТЫ

Прошу прощения за дурацкий и в общем-то тухлый каламбур, но улица Сонного Пса была погружена в сон. Она разительно отличалась от своей сестры — Сонной Кошки, как домами, здесь расположенными, так и размерами. Сонный Пес — довольно коротка и извилиста. Здесь располагаются различные лавки невысокого пошиба, старенькие дома да пара трактиров с не самой хорошей репутацией.

Возле одного из них я как раз и находился. Огромная вывеска в виде ножа и топора грозила в один прекрасный день плюнуть на свои обязанности и грохнуться какому-нибудь невезучему прохожему на голову.

«Нож и Топор», как я и предполагал, был пуст. Как сказал мне Фор, Гозмо ни с того ни с сего на время прикрыл свое маленькое заведение. Довольно странно, если знать, какие деньги он при этом теряет. И не только от продажи пива, но и от процентов, что бегут ему, когда на территории трактира происходит заключение контрактов и Заказов.

Двери и ставни закрыты, хотя ни первое, ни тем более второе для меня не являлось такой уж серьезной преградой. Я был настроен решительно и во что бы то ни стало собирался посетить этой ночью трактир Гозмо. Между мной и моим старым другом назрел серьезный разговор и ночь — самое удобное время для того, чтобы застать трактирщика врасплох. В четвертом часу утра он должен дрыхнуть без задних ног и вряд ли будет слишком сильно расположен к сопротивлению.

Кто-то слизнул с полной луны маленький кусочек, и желтый круг пошел на убыль. Первая ночь июля, когда исчезает надоевший туман, пожиравший ночные звуки и скрывавший все подряд под щитом невидимости. С одной стороны, туман — это хорошо, в нем можно прекрасно спрятаться, но с другой стороны — может спрятаться и еще кто-нибудь.

Вначале я хотел самым наглым образом вскрыть центральную дверь и пройти через весь трактир, словно хозяин, но умерил свой пыл и решил проникнуть в спальню Гозмо через окно. Намного проще, да и возни с замками и засовами, во время которой тебя может застукать любой мучающийся бессонницей, меньше.

Окно спальни Гозмо находилось на втором этаже. Паутинка была при мне, и добраться до цели оказалось делом одной минуты. Намного дольше пришлось провозиться со щеколдой. Отомкнуть ее, не поднимая шума, оказалось делом непростым, но я недаром ем свой хлеб.

Гозмо самозабвенно храпел, точно соловей выводя трели и рулады, даже не подозревая о непрошеных гостях. На моем пути оказалось несколько фарфоровых горшков с незабудками, и я едва не смахнул их с подоконника. Пришлось уподобиться циркачам с Рыночной площади, чтобы ничего не разбить.

Гозмо продолжал безмятежно дрыхнуть. Вот что значит полное отсутствие совести.

Я на цыпочках подкрался к нему, забрал лежащий на тумбочке корд, затем аккуратно запустил руку под подушку. Так и есть. Паль-

цы наткнулись на что-то холодное. А дружище Гозмо не так уж глуп и безмятежен, как можно подумать.

Одолжив на время метательный нож, я добрался до кресла, смахнул с него какие-то тряпки и сел. Мне захотелось сделать появление Гаррета эффектным. Трактирщик это вполне заслужил, так что стоило подумать, как поторжественнее все устроить, чтобы хоть как-то отыграться на проклятом предателе.

Лет пять назад, когда я посетил комнату Гозмо (правда, тогда я входил через дверь), на одной из стен висел тяжелый охотничий рог. Довольно дорогая вещица. Я встал, прошел к стене и методом проб и ошибок нащупал злополучную дуделку, удостоившуюся чести сыграть в сцене пробуждения Гозмо ведущую роль.

Достав арбалет и вновь заняв кресло, я положил оружие себе на колени, уже представляя рожу Гозмо. Хотелось рассмеяться, но я держался.

Разбудить еще кого-нибудь я не боялся. Гозмо не сдавал комнаты, так что постояльцев не было, а вышибалы после смены уходили домой. В трактире мы были одни, а что до жителей окрестных домов, так они на своем веку и не такие вещи видели. Точнее, слышали.

Я поднес рог к губам, набрал полную грудь воздуха и дунул.

Что это был за звук! Даже я не ожидал такого эффекта! Рожденный рев горной лавины вперемешку с воплем ошалевшего от ужаса ишака заметался по комнате, отражаясь от стен и звеня в ушах.

Гозмо, прервав храп, подлетел в воздух вместе с одеялом на целый ярд и, приземлившись, стал отчаянно крутить головой, спросонья ничего не соображая. Я доставил себе удовольствие и весело расхохотался.

— Кто здесь? — гаркнул плут, еще не привыкший к темноте, а поэтому видевший только открытое окно.

Его рука змеей нырнула под подушку и ощутила пустоту.

— Гаррет.

— Гаррет?! — Он не поверил.

— А кто еще мог навестить тебя в такой час? Зажги свечу.

Руки у трактирщика дрожали, поэтому огонек появился не сразу, а, появившись, больше освещал не меня, а старого мошенника, сидящего на кровати с самым идиотским выражением лица и хлопающего глазами. Я для него представлял собой лишь тень в кресле, размытый контур на границе света и мрака. Свет свечи до меня попросту не добирался, на полпути его съедала тьма. Пришлось наклониться, чтобы мое лицо попало в круг света.

— Ну, пришел в себя? — насмешливо поинтересовался я.

— Гаррет, ты скотина!

— Я рад, что в этом у нас с тобой нет разногласий. А теперь поговорим.

— О чем? — Гозмо выглядел одновременно злым и ошеломленным.

— Да есть тут одно дело. Я много думал...

— Тебе полезно,— перебил меня трактирщик.

Щелкнула тетива, и, прожужжав по комнате, болт ударил в спинку кровати, совсем рядом с Гозмо. Тот от неожиданности подпрыгнул:

— Тьма! Ты что?! Сдурел?!

Кажется, он немного перепугался.

— Будь любезен, не надо меня перебивать. У меня сегодня была тяжелая ночь. Я очень нервный. Так что закрой пасть и изволь выслушать.

Трактирщик последовал моему совету и заткнулся, лишь тонкие губы заметно побелели. Он не видел арбалета, но всей шкурой чувствовал, что сейчас оружие направлено на него.

— Так вот,— продолжил я.— Я много думал. О том нашем разговоре, да и о многих, казалось, случайных вещах. С чего это такой негодяй, как ты, вдруг решил извиняться? Я тогда слишком спешил и решил, что из-за гарринча в доме герцога, о котором твоя наглая морда якобы забыла меня предупредить. Ты живо ухватился за эту ниточку, так как подумал, что я ничегошеньки не знаю, а поэтому твоей драгоценной жизни ничего не грозит. Но ведь речь шла не о гарринче? Не так ли, Гозмо?

Трактирщик открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и лишь облизал разом пересохшие губы. В нашем маленьком мире за подставы, особенно за такие, какую позволил себе устроить Гозмо, обычно режут глотку. И плут, естественно, об этом очень хорошо знал. Поэтому и помалкивал, полагаясь на случай, судьбу, Сагота и доброту Гаррета, которому так некстати стало все известно.

— Ну что же, вижу, что я не ошибся. И это радует. Начнем с того, что ты знал, кто дал тебе Заказ на статуэтку из дома герцога, и ни словом мне не обмолвился.

— Я не знал...

— Ну, догадывался, что практически одно и то же.— Я безразлично пожал плечами.

Выходило, что неприятность с Рогом, в которую я влип, возникла из-за Гозмо. Поэтому церемониться с бывшим вором я не собирался.

— Видит Сагот, Гаррет! Я не хотел тебя подставить!

— Но не сдержался. Увидев, что Фраго Лантэн навестил твой клоповник, а затем забрал меня с собой, ты перестал догадываться и

все понял. И, как видно, решил, будто меня отправят в Серые камни. Наверное, ты очень удивился, заметив Гаррета на следующий день на улице. Тебе подумалось, что я все знаю, и ты решил прикрыть тылы. Не удивлюсь, если Маркун сыграл здесь не последнюю роль.

Последнюю фразу я бросил ради пущего эффекта, для проверки дна реки, даже не ожидая, что она даст такой результат. Гозмо громко икнул от страха.

— Маркун тут ни при чем, не в этом...— Он осекся.

— Не в этом деле? — живо ухватился я за ниточку.— Верю! Охотно верю! Тем более что в подставе мне этого Заказа ты, думаю, все же не так уж и виноват.

Гозмо облегченно вздохнул, поняв, что резать его, может быть, и не будут.

— Но я изменю свое мнение, если ты не расскажешь о делишках жирного борова.

— Чтоб тебя сцапал Неназываемый,— устало прошептал Гозмо.— Ладно, Гаррет, я сделал глупость. И в первом и во втором случае. Но на первый тебе грех жаловаться, за статуэтку ты получил свои золотые, а недоразумения с Лантэном, как я вижу, улажены. В тот же вечер, когда ты ушел с оранжево-черными, в трактир явился Маркун со своими ребятами... И как бы невзначай обронил, что ты, мол, все же решил вступить в гильдию и ему с тобой нужно срочно переговорить. Я ему ответил, что тебя теперь ждут Серые камни и никакого вступления в гильдию не будет, но Маркун настаивал. Ты же знаешь, как он может быть настойчив.

Я знал. Ребята Маркуна всегда отличались вежливым обращением с молчунами, поэтому, думаю, Гозмо не сопротивлялся даже для виду.

— Ты ему выложил, где моя берлога,— утвердительно сказал я.

— Да! Но я думал, что там тебя не будет!

— Но доралиссцы, которых навел на меня Маркун, думали иначе, потому как ночью меня ожидала теплая встреча. Спасибо, Гозмо. Удружил. Целых два раза.

Трактирщик съежился, ожидая от меня любой гадости. Отправь я его в свет, все бы меня только поддержали и сказали, что я поступил совершенно правильно. За такие шутки, пускай и произошедшие случайно, в нашем воровском сообществе расплачиваться приходится серьезно.

— Дружище Гозмо! — радостным голосом начал я, и мой собеседник еще больше огорчился этому необоснованному дружелюбию.— Я готов забыть все наши недоразумения и даже не трепаться о твоем поведении по городу, но за пару ответных услуг.

— Все что угодно! — поспешно ответил Гозмо, понимая, что пара услуг на одной чаше весов и репутация с жизнью на другой — это такая малость!

— Перво-наперво расскажи мне об убийстве мага из Филанда и пропаже некой вещицы.

Гозмо задумчиво пожевал губу, потер подбородок, а затем изрек:

— Люди Маркуна. Шныг и Соловей, ходят слухи. Их работа. Они все проделали идеально, даже маги не подкопаются. Украли какую-то доралисскую штуковину. Видно, это уж очень ценная штука, раз Маркун решился на убийство мага.

— А чтобы больше запутать следы, этот слизняк, недостойный называться вором, подставил доралиссцам меня! Иначе чего они вот уже который день ищут встречи со мной?

— Он это сделал, а сам ушел в тень и ждет покупателя или заказчика.

— Чудесно! И мы подходим ко второй услуге. Ты ведь продаешь товар? Знаешь всех, кто желает купить что-нибудь горяченькое?

— Ну, есть немного...

— Не скромничай. Завтра с утра ты встретишься с главой гильдии воров и скажешь, что появился человечек, который купит у него эту вещь, скажем... за двадцать тысяч золотых.

— Но это же будет ложью!

Вот тут я захохотал. Искренним и веселым смехом.

— Гозмо! Только не говори мне, что ты праведник и никогда не врешь! Я тебе ни за что не поверю!

— Но Маркун и его ребята отправят меня под пирсы рыб кормить!

— Тебе не кажется, что я сейчас ближе, чем Маркун? — зловеще поинтересовался я.— То-то! Да не переживай. Саготом клянусь, что совсем скоро Маркун забудет о тебе на долгие годы. Так ты скажешь?

— Скажу,— буркнул Гозмо.

— Скажи. Без десяти полночь в трактире. Завтра. Точнее, уже сегодня. Да! Еще можешь с него взять аванс с несуществующей сделки как компенсацию за разруху в твоем трактире.

— Какую разруху?!

— Не дергайся. Вытрешь пол от крови, и все дела. Пусть Маркун с ребятами будут у тебя, и товар пусть возьмет. Скажешь, что покупатель может встретиться только в это время. Маркун слишком жаден, он обязательно заявится.

— А разруха? — Гозмо прицепился к этому слову.

— Забудь. Ничего ужасного не будет, — самым честным тоном заявил я.

— Не знаю, что ты там придумал, Гаррет, но мне это очень не нравится.

— Согласись, это лучше, чем распрощаться с жизнью.— Тут я его уел.— Ладно, мне пора. Приятно было увидеться.

— Эй, Гаррет! Я сделаю, что ты просишь, но ты в свою очередь должен пообещать, что забудешь обо всех маленьких неприятностях, которые я не со зла тебе причинил.

— Заметано, приятель,— соврал я.

Выходить через окно не хотелось, обычный способ меня привлекал больше, правда, пришлось пятиться спиной к двери, потому как старина Гозмо славился тем, что мастерски метал даже тяжелые клинки. Я не был уверен, что под матрасом у него не припасено еще какой-нибудь пакости. Доверия к этому жулику у меня было не больше, чем к рачьему герцогу, а жизнь слишком приятная штука, чтобы с ней вот так глупо расставаться.

Я нисколько не сомневался, что Гозмо сделает так, как я его попросил. Выбора у него действительно не было. Разве что свалить из города или передать наш ночной разговор Маркуну. Но первое невозможно — пришлось бы оставить любимый трактир, а второе... Вы бы стали заключать союз с кровожадной змеей, нисколько не сомневаясь, что в самый неожиданный момент она вас цапнет за пятку? Вот-вот. Гозмо тоже. Он лучше доверится Гаррету, да еще и денежек с гильдии постарается заработать, надеясь, что все обойдется.

Я снял засов с входной двери и выскользнул на улицу. Мне было абсолютно наплевать, закроет ли Гозмо за мной трактир или оставит его на волю богов и проходимцев.

Глава 16
ОХОТНИКИ ЗА КОНЕМ

Следующий день прошел у меня кувырком. Пришлось побывать в десятке мест, чтобы выполнить пару-тройку задумок. Если все пройдет удачно, сегодняшней ночью меня ожидает довольно интересный спектакль, правда, актеры не догадываются, какие роли им предстоит исполнить. Оставалось выполнить финальную часть постановки и предупредить последних участников представления. Поэтому я наведался в дом к магистру Арцивусу.

Архимага на месте не оказалось, и я вручил приглашение на дружескую вечеринку через Родерика. Парнишка выглядел немного изумленным, но пообещал все передать в точности.

Выполнив, что надо, я со спокойной душой отправился коротать такие долгие часы до ночи к Фору.

Учителя не было, и в его покоях я оказался предоставлен самому себе. Часа через два, которые я провел в метаниях по комнатам из угла в угол, до меня наконец дошло, что я слишком сильно нервничаю, а это не очень полезно для моего хрупкого здоровья.

Пришлось изучить погребок Фора и выудить из него бутылку вина. Задумчиво повертев в руках, я с сожалением положил ее обратно. Не хватало еще прийти в трактир пьяным и запороть все веселье. Оставалось только молча лезть на стенку и потихоньку сходить с ума, ожидая наступления ночи.

Я посидел в кресле, в сотый раз перепроверил арбалет, даже побрился, благо времени было предостаточно. Затем отрешенно уставился в окно, думая, чем бы таким заняться. Как назло, ни одной нормальной мысли не находилось, и я чуть не завыл от тоски и нетерпения, однако тут меня осенила идея почитать бумаги, добытые в башне Ордена. Обнадеженный светлой догадкой, я уже собрался окунуться в озеро знаний.

Но бумаги бесследно исчезли.

Я перерыл все, начиная с письменного стола Фора и заканчивая матрасом на его кровати. Я даже заглянул под нее, но, кроме довольно приличного слоя пыли — что поделать, Фор никогда не славился любовью к уборкам — и перепуганного паучка, там ничего не было.

Пришлось перевести дух и пойти другим путем. Фор — бывший вор, и я уверен, что он запрятал документы так, что сам Неназываемый вместе со своими приспешниками не смогли бы их найти и за сто лет. Несомненно, что бумаги в этих покоях. Фор не стал бы уносить их куда-нибудь далеко, если только не случилось что-то страшное. Поэтому я, полагаясь на собственный опыт и зная некоторые повадки моего старого учителя, снова начал поиски.

Обстучав пол рукоятью ножа, я надеялся услышать глухой звук, говорящий о скрытом тайнике. И я его услышал целых два раза. Но находки меня разочаровали. Под столом, где я поддел и отодвинул в сторону плиту, был обнаружен неплохой ларец, под завязку набитый королевскими золотыми. Эдакая заначка на черный день.

Возле старого стеллажа, где пол был выложен мозаикой, изображающей человеческие грехи, я обнаружил второй тайник. Миляга Фор решил проявить своеобразное чувство юмора и спрятал ценности под плитой с надписью «Жадность». Золота тут было побольше, чем в первом схроне, я полагаю, что обнаружил черную кассу служителей Сагота. Тысяч шесть-семь золотых, на мой профессиональный взгляд. Огромная куча деньжищ. Хоть собственный замок строй. Но искомых бумаг, как назло, не было.

С полом я провозился почти час и занялся тайниками в мебели. В итоге обнаружилось двойное дно в одном из ящиков письменного

стола, где мой дражайший учитель хранил переписку со жрецами из Гаррака. Не думаю, чтобы она была тайной, иначе бы Фор запрятал письма куда-нибудь подальше. Скорее всего, это были бумаги на дурака, чтобы отвлечь внимание от чего-то более важного. С еще большим рвением, чуя, что разгадка близка, я ринулся на поиски и тщательно ощупал все стулья и даже простучал кровать с резной спинкой. Ни-че-го. Все равно что искать курящего карлика! Теперь оставалось самое сложное — проверить стены.

Но удача на этот раз была благосклонна, и под одной из фресок, после того как я мягко стукнул по ней подушечками пальцев, послышался едва заметный, почти не отличающийся от обычного звук. Теперь оставалось догадаться, каким образом забраться в тайник — фреска и стена представляли собой единый нерушимый монолит. Казалось, что он создан таким со времен Сотворения мира.

Пробить в стене дыру? Ну, это по крайней мере пошло. Я все же мастер-вор, а не мелочь пузатая, к топорной работе без всяких причин у меня душа не лежит. Да и не ворую я, а беру свои собственные бумаги, спрятанные заботливым Фором. Думаю, учитель расстроится, если я нарушу эту оригинальную композицию из фресок, оставив старику на память о себе дырку в стене...

Пришлось ощупывать каждый дюйм в надежде активировать секретный замок. Правда, если в запоре тайника сокрыта магия, то тут я ничего не смогу сделать. Придется дожидаться Фора. Хотя... кое-что из запасов, купленных у жадного мастера Хонхеля, может мне помочь!

Я сходил за своей сумкой, покопался в ней и в итоге выловил оттуда пузырек с эликсиром молочно-белого цвета. Открывалка для разных магических замков. Пробка попалась тугая, пришлось повозиться, для верности вцепившись в нее зубами. Она проиграла битву и, протестующе чпокнув, вылетела. Я щедро плеснул резко пахнущую жидкость на стену, где предположительно находился тайник. Капли, попав на фреску, на миг вспыхнули ослепительными рубинами, а затем растаяли в воздухе, будто секунду назад их и вовсе не было. Но стена стала прозрачной, а затем фреска с изображением быка, где и находился тайник, плавно отползла в сторону, обнажая массивную металлическую дверцу гномьей работы.

Замочек оказался что надо. Я хмыкнул, придвинул к стене стол, так как сейф был довольно высоко от пола. Влез на него, уселся поудобнее и, добыв из сумки верные отмычки, принялся ковыряться. Победа далась нелегко. Прошло больше двадцати минут, прежде чем последняя пружина неохотно щелкнула и дверца приоткрылась, на волосок отойдя от стены. Я радостно хохотнул и протянул руку, но тут же ее отдернул.

Следовало проверить тайник на предмет ловушек для дураков. Фор вполне в состоянии поставить какую-нибудь гадость по старой привычке. Но нет — ни скрытой пружины, ни взведенного самострела, ни еще какой пакости не было.

Тайник оказался маленьким. Никаких ценностей. Только бумаги. Я не стал копаться в таинствах жреческой братии — у ребят собственные маленькие игры, и негоже совать в них любопытный нос. Просто взял свое и закрыл дверцу. Как только щелкнул замок, магическая фреска вновь встала на место, закрыв уродливое отверстие в стене. Сторонний наблюдатель, пожалуй, никогда бы не догадался, что здесь спрятан сейф.

Я оттащил стол на прежнее место и уселся изучать бумаги, благо времени оставалось еще часа четыре. Бегло прочел стих-загадку, а затем взялся за карты Храд Спайна.

За все это время продвинулся я едва ли на дырявый медный грош. Коридоры, залы, холлы, комнаты, закутки, туннели, пещеры и подземные дворцы. Все это сплеталось в комок умирающих от безумства, агонизирующих от собственного яда змей. Тысячелетний лабиринт, основы которого были неизвестно кем заложены во времена, когда раса орков, первая раса новой эпохи, еще не появилась на Сиале. Судя по картам, заблудиться в Костяных дворцах проще, чем чихнуть или сказать «Бу!».

Уже к вечеру, когда глазам от чтения стало больно, а старина Фор так и не удосужился появиться, я оторвался от карт и убрал документы к себе в сумку. Вновь возиться с тайником-фреской было лень, да и волшебную жидкость тоже жаль тратить, так что я счел старую сумку вполне безопасным местом.

Пора отправляться в путь.

В принципе я мог бы никуда не ходить. Но меня терзало сомнение вперемешку с любопытством — сработает ли мой план? И поверит ли моим словам, переданным через Родерика, Арцивус? Потому что, если вдруг архимаг пропустит мои слова мимо ушей, план полетит во тьму вместе с одним из демонов, который, уверен, сможет захапать Коня в свои когтистые лапы.

Вечерело.

Наступило то время суток, когда мир окрашивается во все оттенки серого. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но уже собралось на покой, а луна походила на снежную сову. Над городом всего лишь на час воспарила гигантская дремлющая птица, имя которой — сумерки.

По улице Сонного Пса растеклась подозрительная тишина. А это говорило о том, что затевается нечто темное и кому-то могут пус-

тить кровь. Поэтому жители окрестных домов с поспешностью и наигранной занятостью спешили по важным, но несуществующим делам. Неудивительно, что расползшиеся нежные руки ленивых сумерек, ощупывая каменные стены домов, почти никого не находили на улице.

Но в том-то и дело, что почти.

Улица все же не была пустой. На ней крутилось несколько ребят довольно распознаваемой наружности. Такой внешностью обладают некоторые личности, те, что не в ладах с законом и готовы залезть в карман хоть к самому барону Лантэну.

Маркун подсуетился и выставил наблюдателей в целях обнаружения нестандартных ситуаций в виде Фраго Лантэна с верными ребятами или Гаррета на худой конец. Ну-ну. Пусть себе притворяются беспечными гуляками, наслаждающимися вечерним воздухом. По мне, так воздух Портового города здоровью обычно не помогает. Скорее наоборот. Очень сильно вредит.

Ребята меня, слава Саготу, не успели заметить, и я свернул на соседнюю улочку, намереваясь попасть в трактир к Гозмо через черный вход. Или выход — тут с какой стороны смотреть. Но и здесь меня поджидала неудача. Как назло, недалеко крутилось слишком много достаточно злых и высматривающих мнимых врагов доралиссцев, и я свалил отсюда от греха подальше. Козлы тоже прикидывались мирными овечками и делали вид, будто это их район. Местные жители не возражали.

Придется по старинке, через крышу. Вот только следует это сделать не при помощи паутинки, а с соседнего здания. Иначе и доралиссцы, и парни Маркуна очень сильно удивятся человеку, собравшемуся ни с того ни с сего покорять вершину трактира, а не входить через дверь, как все добропорядочные граждане, которым нечего скрывать ни от гильдии воров, ни от тупых козлищ.

Я присмотрелся к дому, стоящему слева. Крыши обоих строений почти соприкасались. Насколько я помнил, в доме по соседству с трактиром был какой-то вертеп, там покуривали неплохую травку-красавку*, привозимую из далекой Джашлы. Дурацкий наркотик, от которого мозги превращаются в кашу.

Подойдя к вертепу, я решительно забарабанил в дверь. Довольно долго никто не открывал, видно, владельцы, основательно обкурившись, подумали, что их беспокоит кто-нибудь из богов, и решили, что у богов навалом своего зелья и им в этом уютном притоне делать нечего. Или просто-напросто хозяева заведения позабыли, как открывается дверь и что это такое.

Я постучал еще раз. И еще раз. А затем еще.

Ноль внимания. Интересно, им никто не говорил, что чрезмерное употребление красавки превращает человека в законченного идиота? Видимо, нет. Ладно, Х'сан'кор с ними! Я решил, что придется искать другой путь. Время поджимало. Уже порядком стемнело.

Вот тут-то дверь притона, в которую я безуспешно барабанил последние пять минут, открылась. В нос ударил нежный аромат травки, и я сморщился, как от зубной боли.

Жуткое зелье. Знавал я парочку ребяток, неплохих в общем-то людей, которых Маркун, сожри его королевские гарринчи, подсадил на дурь. Очень эффективный способ безболезненно избавиться от ненужных забот. А главное — руки чисты, никто и не посмеет тебя обвинить в том, что, обкурившись, ребята сошли в могилу менее чем за два месяца.

— Ну? — хмуро спросили меня из-за полуоткрытой двери.

Интересно, почему все, к кому я стучусь в дверь, не очень рады меня видеть? С этим надо что-то делать! Прямо мания какая-то — не пускать меня, самого обаятельного и доброго парня в округе, в дом!

— Так! — Я сразу взял Х'сан'кора за рога.

Отодвинув полудохлого юношу, открывшего мне дверь, вошел внутрь, стараясь дышать как можно реже. Пары красавки, как я уже говорил, довольно сильно действуют на неокрепший и непривычный к этому наркотику мозг.

— Чего «так»? — ошалел молодой человек от моей наглости и немного очнулся от погружения в мир грез.

— А то, сучий ты кот,— зловеще прошипел я и поманил парня пальцем.

Тот, как послушный теленок, подошел, чтобы узнать, чего это я там шепчу. Я же проворно схватил обкурившегося обалдуя за ухо и сильно дернул.

— Ай! — завопил он и запрыгал на носочках, когда я приподнял его ухо куда-то к потолку.— Больно!

— Нисколько не сомневаюсь. Еще не так будет больно! Вы почему не платите?! — Я грозно сдвинул брови.

— Кому-у-у-у? — взвыл парень не своим голосом.

Кажется, за минуту мне удалось сделать то, что не удавалось сделать всем лекарям больницы Десяти мучеников за целый год. Наркотический дурман с треском вылетел из дырявой головы.

— Вы что, считаете тут себя звеном Борга?! Почему не заплатили доблестной страже, которая не щадя живота своего защищает вас, бездарей, от бед и напастей?

— Я не знаю-у-у! — заныл вьюноша, видно желая, чтобы я исчез, как его кошмарные наркотические видения, но не тут-то было.— Это те-отка!

— Где эта тетка? — рявкнул я и еще раз дернул беднягу за ухо.

— Здесь я,— раздался угрожающий гром у меня за спиной.— Отпусти мальчишку.

Не спеша выполнять прозвучавший приказ — ухо клиента могло мне еще пригодиться,— я обернулся и в буквальном смысле уткнулся носом в живот этой самой тетки. Пришлось задрать голову вверх, чтобы увидеть ее лицо.

Ого! Надо сказать, что, встреть я ее в чистом поле, пробежал бы без оглядки лиг двадцать, не меньше. Клянусь родной мамочкой, в предках у этой тетки было никак не меньше десятка троллей и парочки великанов. Но в ее руках мною было замечено оружие — гигантская деревянная скалка. Хотя и скалкой-то ее не назовешь. Это по меньшей мере дубина, одним ударом которой запросто можно сшибить на землю рыцаря вместе с лошадью. Поняв, что сейчас эта штука опустится на макушку некоего Гаррета, я стал действовать.

— Ты! — грозно зарычал я и, отпустив ухо скулящего, ткнул пальцем в объемистое брюхо тетки.— Хочешь вылететь из города вместе с отравой, которой здесь торгуешь?! А?!

Женщина опешила никак не меньше «мальчишки». Наверное, те, кто видел ее впервые, бежали без оглядки. Я же вопил, качал права и нисколько ее не боялся.

— А в чем дело...— Она помялась, а затем все же через силу произнесла на всякий случай: — Господин?

— И она меня спрашивает, в чем дело? — Я горестно цокнул языком.— Ты хозяйка этого свинарника?

— Ну я,— уже куда решительней ответила тетка.

Еще немного, и она придет в себя, и тогда весь мой блестящий экспромт, как морские волны, разобьется о ее непробиваемую тушу.

— Что хозяйка — ты, это радует,— буркнул я, обходя владелицу притона и направляясь к лестнице.— Куда ведет эта лестница?

— На крышу.— Она косолапо следовала за мной по пятам, недоуменно и подозрительно хмурясь.

— Пойдем поговорим без свидетелей! — не оборачиваясь, гаркнул я, строя из себя большую шишку.— Ты почему не платишь за охрану?!

— Ты из стражи, что ли? — озабоченно спросила великанша, топая за спиной.

Лестница жалобно скрипела и ходила ходуном. Я боялся, что она не выдержит этого страшного веса и мы вместе с хозяйкой ухнем

вниз. Самой ужасной перспективой было приземлиться первым. Если после этого на меня грохнется ее туша, то я превращусь в очаровательную круглую лепешку.

— Неужели догадалась? — презрительно фыркнул я.

— Но я же заплатила! — запротестовала тетка.— В этом месяце заплатила!

— М-да? Тогда почему я здесь? — Я продолжал ломать комедию.

На втором этаже красавкой воняло еще сильнее. Прямо на полу, привалившись к стенам, сидели бледные любители травки. Сизый дымок наводнил коридор призрачным кружевом наркотических мечтаний, и я молнией пролетел через него, иначе, с непривычки надышавшись этой дряни, можно отбросить копыта, улетев в далекие разноцветные сны до конца года.

Естественно, она платила стражникам, чтобы те закрывали глаза на ее маленький бизнес и не трогали этот дом. Но благодаря врожденной наглости мне удалось проникнуть туда, куда просто так меня ни за что бы не впустили.

Тут я увидел еще одну лесенку, ведущую на крышу, и принялся карабкаться наверх.

— Говорю вам, господин, я самолично расплатилась неделю назад. Пять золотых, прямо в руки капрала.

— Ага! — Я уже стоял на крыше, по соседству располагалась крыша трактира Гозмо.— Ну, раз капралу, тогда вопросов больше нет. Бывай.

Я мило улыбнулся — женщинам обычно нравится моя улыбка — и в два прыжка оказался на другом здании. Тетка проводила меня удивленным взглядом. Все же для таких внушительных габаритов с соображалкой у нее было достаточно туго. Наконец до нее дошло, что ее просто-напросто надули, и она, окатив меня забористой бранью, швырнула скалку.

Я родился под счастливой звездой и вовремя пригнулся. Здоровенная дубина, грозно шелестя, пролетела над головой и с грохотом врезалась в несчастную крышу трактира. Дыру она не пробила, врать не буду, но пару черепиц превратила в мелкий красный порошок. Естественно, я не стал дожидаться продолжения шоу, нырнул в маленькое чердачное окошко... и чуть не попал в заботливо оставленный кем-то капкан.

Охотнички, жарь меня темные эльфы! Таким капканом можно ловить взрослого обура! Ничто не может быть более опасным, чем гостеприимство моего лучшего друга Гозмо!

На чердаке, как я и ожидал, оказалось пыльно и грязно, поэтому люк в полу мне удалось найти с большим трудом, да и то лишь после того, как разгреб ворох старого тряпья, едва не чихая от пыли.

Крышка оказалась заперта, причем с той стороны, и, прежде чем мне удалось ее открыть, я раз десять успел проклясть и замок, и Гозмо, и ребят Маркуна вкупе с тупыми доралиссцами.

Лестницы вниз не было, и я просто спрыгнул на пол второго этажа, чуть не зашибив проходящего по коридору Гозмо. Трактирщик взвизгнул от неожиданности и отшатнулся к стене, со страху чуть ли не повторив подвиг Вухджааза.

Какой подвиг? Тот самый. Прохождение стены насквозь.

— Гаррет! Ты меня в гроб вгонишь! — сплюнул он, когда все же узнал меня.— Нельзя было выбрать менее экстравагантный способ прихода в гости?

— Ты сделал все, как я сказал? — Я проигнорировал его вопрос.

В гости к Гозмо ходить мне в последнее время разонравилось.

— Да! Будь ты трижды неладен! Маркун с ребятами уже второй час здесь.

— Соболезную.— Глава гильдии воров, как всегда, нетерпелив. Решил прийти намного раньше указанного срока.— Настроение у него, как всегда, плохое?

— Плохое?! — Гозмо в отчаянии заломил руки.— Мне крышка! Как только он узнает, что никакой сделки не будет, его ребята нас выпотрошат!

— Не ной,— беззлобно бросил я.— Теперь отступать тебе некуда.

Что верно, то верно. Даже предай меня Гозмо, он все равно покойник. Толстый слизняк, по ошибке богов ставший главой воровской гильдии Авендума, обмана не прощает. Гозмо ждут приветливые Пирсы. А затем безымянный надгробный камень.

— Будь проклята та ночь, когда я тебя послушал,— буркнул Гозмо.

Скорее всего, и его посетили мысли о воде под Пирсами.

— Не паникуй. Это вредит делу. Лучше подумай о приятном. Свою долю золота ты уже получил?

— Нет,— нахмурился Гозмо.— Проклятый толстяк обещал заплатить после заключения сделки.

— Будет тебе сделка. Будет. Ровно в полночь. Налей пока ребятам пива, чтобы не скучали. А то они могут расстроиться и начать громить заведение.

— За чей счет налить? — Тепла в глазах старого вора было не больше, чем в сосульке на перевале С'у-дар.

— За свой, естественно, или ты думаешь, я пожертвую хотя бы медяком, чтобы наполнить брюхо Маркуна?

Гозмо так не думал, поэтому в очередной раз сплюнул на пол.

— Иди, займи их делом и пивом. А я — в кабинет.

— Тьма с тобой,— буркнул Гозмо и направился к лестнице, ведущей на первый этаж.

В отсутствии любви к моей персоне со стороны Гозмо я не сомневался, но продавать меня ему было действительно невыгодно. Лучше положиться на то, что Гаррет что-нибудь придумает и все обойдется. Такое уже не раз случалось в наших с ним отношениях. Вспомнить хотя бы тот славный денек, когда нам на шею свалилась темная эльфийка и ее кровожадные родственнички!

Кабинет находился прямо над трактирным залом. Это была маленькая комнатка. Нечто вроде кладовки с волшебным полом. Прозрачным с одной стороны и не скрывающим того, что творится под ногами.

Насколько я знаю, Гозмо приобрел таверну без колдовского пола. Но однажды изгнанный из Ордена и подвыпивший маг заперся в кладовке с девицей, и в итоге получилось то, что получилось. Даже думать не стану, чем они здесь занимались, но в результате вышел очень удобный наблюдательный пункт. Я узнал о нем совершенно случайно. Старина Гозмо в тот день слегка перебрал, и его язык работал быстрее мельничных крыльев. На следующий день трактирщик, конечно, все отрицал, но я все же загнал его в угол, и Гозмо пришлось признаться. Так что сегодня представление я буду смотреть с должным удобством, а главное, абсолютной безопасностью для себя.

Посетителей, как я и полагал, в этот день предусмотрено не было. Ни один нормальный, да и ненормальный тоже, не полезет в осиное гнездо, особенно когда главная оса — это Маркун собственной персоной. Лучше уж пересидеть один денек дома, без выпивки. Или наведаться в трактир на соседней улице.

Гозмо, конечно, не разделял мнение завсегдатаев, не осмелившихся навестить сегодня его заведение, но страдал, надо отдать ему должное, молча.

Роль посетителей взяли на себя верные шакалы Маркуна, рассевшиеся за столами в количестве двух дюжин штук. Именно штук. Эти парни всего лишь живые придатки мечей и грубая сила, безропотно исполняющая приказы главы воровской гильдии,. С мозгами у них еще большая напряженка, чем у доралиссцев.

Ребята дули дармовое пиво, выставленное щедрым Гозмо, так и мелькавшим от стола к столу, выполняя заказы нагловатых бандюг. Вся шайка оказалась прилично вооружена и, видно, пришла сюда на минутку, только ради того чтобы промочить горло, прежде чем начать войну с Неназываемым. Во всяком случае, имевшегося при ребятах арсенала вполне должно было хватить на маленькую войну. Да и рожи у любителей дармового пивка были мрачны, видать, то-

лько что с похорон любимого дедушки. Я искренне не позавидовал тем, кто вскоре должен здесь появиться.

Кажется, меня ждало настоящее огненное шоу.

Его Величество, Милорд Толстая Задница, Глава Шайки Трупоедов, недостойной звания воровской гильдии Авендума, сидел за отдельным столом, располагавшимся прямо подо мной. Если бы между нами не было преграды — пола, я бы с огромнейшим удовольствием и несказанной радостью плюнул ему на плешивую голову, благо он это тысячу раз заслужил.

Жирный глава гильдии был выряжен побогаче, чем павлины во дворце султана. Бархатный наряд темно-коричневого цвета, достойный короля, а не владельца трех подбородков и заплывших крысиных глазок. Маркун был мне противен. Слизняк, который обманом подмял под свою необъятную тушу некогда прекрасную и всесильную гильдию воров. Раньше мы с ним еще как-то могли разойтись на узенькой тропинке интересов и заказов, но тепрь пришло время, и она стала слишком узка для двоих.

Напротив Маркуна, спиной ко мне, сидел человек в черной одежде. Разумеется, это был Бледный. Они о чем-то говорили. Убийца раздраженно и нервно взмахнул руками, но Маркун обратил на него не больше внимания, чем гхол на изглоданную берцовую кость.

Слышно ничего не было, магия звука должна подействовать на меня лишь через несколько минут. Кстати, они уже давно прошли...

— Что ты нервничаешь, Ролио? — Голос Маркуна возник в кабинете внезапно.

— Я нервничаю? — зашипел Бледный.— Я лишь говорю, что все это мне не нравится.

— Что не нравится? — Спор, кажется, шел уже давно, и Маркун начал потихоньку раздражаться.

— Покупатель. Как он узнал, что у тебя этот Конь? Да и денег у него откуда столько?

— Какая тебе разница? Не думаю, что Гозмо посмеет меня обмануть. Да и покупатёль — это не наша забота,— хохотнул Маркун.

— Тут ты правильно сказал,— буркнул Бледный, вставая со стула.

Я наконец смог рассмотреть его рожу. Несколько ожогов и куча царапин на лице делали Бледного похожим на выходца с того света. Не так-то просто быть красивым, пострадав от достопамятного огненного шара Родерика. Да и рука до сих пор на перевязи — попадание Болта, да пребудет он в свете, так просто ему не забыть.

— Это не наша забота! Это твоя забота! Именно тебе наш общий знакомый дал Заказ на Коня. И именно ты будешь отвечать своей

дурной башкой, раз намереваешься кому-то продать Камень, обойдя стороной заказчика!

— А мне помнится, что именно наш общий знакомый приказал тебе убить Гаррета, но вор до сих пор жив, а вот ты выглядишь не краше нежити. А еще очень даже помнится, что мои лучшие люди так и не вернулись после твоих афер. Двое остались в безымянном переулке, трое по дури попались страже в библиотеке. И еще надо поинтересоваться, какой тьмы страже там понадобилось? А еще трое самых опытных людей пропали где-то на Закрытой территории. И всех посылал ты! Прикрываясь моим именем! Мне этот Гаррет нужен как орку дудочка! Ты его должен шлепнуть, а не я! Вот и действуй!

— Не я послал твоих шакалов на Закрытую,— перебил Маркуна Бледный.— Это слуга Хозяина.

— Ой, вот только не надо, Ролио.— Маркун презрительно отмахнулся от Бледного. На толстой роже главы гильдии читалось откровеннейшее презрение ко всему миру, и Бледному в особенности.— Это ты втравил меня в ваши с Хозяином дела. Знал бы, никогда бы не сунулся.

— Да ладно, Маркун. Ты служишь Хозяину с тех времен, когда меня даже в Авендуме не было! Так что не вешай всех утопленников на мою шею! Я просто напомнил тебе, что хватит получать деньги просто так и пора расплатиться услугами с нашим повелителем. Да и грех тебе жаловаться,— хмыкнул Бледный и вновь сел на стул.— Золота ты получил вполне достаточно.

— Мою голову золото не спасет,— буркнул Маркун.

— Твою голову ничего не спасет, если ты продашь Коня! — рявкнул Бледный, выходя из себя.

Несколько шестерок Маркуна отвлеклись от кружек с пивом и оглянулись посмотреть — что это там творится за столом у начальника?

— Я не собираюсь продавать Коня! — отрезал Маркун и стукнул пухлой рукой по столу.— Мы просто заберем деньги, а покупателя — под пирс! Неужели ты считаешь меня настолько тупым, чтобы я рискнул отдать этот Камень кому-либо, кроме слуги Хозяина? Ты лучше разберись с собственным заданием и отправь наконец в свет нашу общую проблему.

— Отправлю,— уже более примирительно буркнул Бледный.— Гаррет надолго здесь не задержится.

— Ты это говорил пять дней назад,— мерзко хихикнул Маркун.— Я уже начинаю сомневаться в твоих профессиональных качествах.

— Ты лучше подумай, как в целости и сохранности сберечь Коня, пока за ним не придет заказчик.

— А чего его беречь? — Маркун искренне удивился.— Он всегда при мне.

Глава гильдии небрежно щелкнул пальцами, и один из бандюг тут же поставил на стол пресловутого Коня Теней.

Я всегда говорил, что доралиссцы — довольно странные создания. Только они могли обозвать нечто больше похожее на фаллос какого-то древнего языческого божка Конем Теней. Если это Конь, то я — император Заозерной империи.

— Эй, Гозмо! — крикнул Маркун на весь зал.— Ну и где твой покупа...

Договорить, увы, он не успел. Для тех, кто находился в зале трактира, случилось сразу несколько неприятных вещей.

Дурно блея, а это они умеют проделывать мастерски, через обе двери начали вбегать доралиссцы. За главного, как я понял, у них был мой старый друг и знакомый — Глок. Настроение у козлов было отвратительнейшее, и, судя по зажатым в руках дубинкам, тесакам и крюкам они собирались вот-вот пустить их в дело. Если людей было всего две дюжины, то козлов набилось штук пятьдесят. В трактире сразу стало тесно и запахло жареным.

Доралиссцы на этот раз почти смогли меня удивить. Десяток козликов догадались захватить с собой арбалеты, но по глупости своим преимуществом воспользоваться не сумели. Им бы вначале выстрелить, а потом уже лезть в схватку. Как всегда это бывает у козлов, все вышло наоборот. Те, кто арбалетов не имел, тупо поперли вперед, оставив стреляющую братию у себя за спиной. А те, кто был с арбалетами, тоже божеским терпением не отличались и решили, что чем раньше они выстрелят, тем лучше.

Ну и выстрелили. Из десяти болтов три попали в стену, шесть — в спины перших напролом козлов, и лишь один болт, видно совершенно случайно, вошел в плечо человеку Маркуна.

Не умеют доралиссцы пользоваться козырями. Убив шесть соотечественников, козлы в недоумении остановились, соображая, каким это образом они умудрились попасть в собственных собратьев по оружию? Ребята Маркуна, не ожидавшие, что вот так, враз, попадут на козью ферму, вскочили из-за столов, опрокидывая стулья, и схватились за оружие, благо времени у них было навалом. Все доралиссцы до сих пор тупили, как заправские... э-э-э... доралиссцы.

В самом начале потасовки Гозмо нырнул от греха подальше под стойку. За его здоровье, если честно, я нисколько не опасался. Готов заложить собственную печень — у него под пивным бочонком ка-

кой-нибудь тайный лаз, и через пару минут трактирщик будет далеко отсюда.

— Конь! Наш Конь! — заорал Глок, заметив одиноко стоящий на столе Камень.

— Воры! — дружно заблеяли доралиссцы, выходя из ступора.

И пошла потеха!

Вопли, крики, гвалт, звон оружия. Мертвые и раненые, кровь во все стороны. Козлы, было видно, завелись серьезно и не собирались щадить новых владельцев их реликвии. Доралиссцы, как всегда, шли напролом. Понять, что они могут умереть, мозгов у козлолюдей попросту не хватало.

Бандиты отчаянно отбивались от наседающих врагов, размахивали мечами, ножами и табуретками, но силы все же были неравны, и ряды гильдии заметно уменьшились. Впрочем, как и доралиссцев.

Маркун что-то трусливо визжал из-за спин головорезов, те вопили и ругались, стараясь не подпускать к себе взбесившихся мстителей. Бледный крутился волчком, нож в его здоровой руке так и сверкал, и уже пяток козлов лежали вокруг него мертвее некуда. Но люди были обречены. Пара минут — и их просто сомнут количеством.

Кто-то из доралиссцев успел добраться до Коня. Торжествующе блея, он отбросил тесак в сторону и поднял святыню высоко над головой, словно рыцарь-победитель, которому вручили кубок. Тут же этим воспользовался один из ребят Маркуна и, всадив в козла нож, вырвал Коня из рук умирающего.

В этот момент на сцене появились новые актеры.

Из стены выскочил Вухджааз, до смерти перепугав оборонявшихся людей. Козлы же ничего не поняли, или им было просто все равно, кого мутузить дубинками,— инстинкт самосохранения у этих существ отсутствовал.

— Вухджааз умный,— сообщил демон всем присутствующим и одним ударом лапы оторвал голову Маркуну, у которого в руке каким-то чудом оказался Конь Теней.

Демон торжествующе заревел и протянул к сокровищу лапу. Однако наихрабрейшие доралиссцы, презрев опасность и последствия, бросились на демона, посмевшего посягнуть на их святыню. Вухджааз очень сильно расстроился и устроил форменную козлорубку. Видно, демон все же был немножко подслеповат, потому как пару раз промахнулся и попал лапами по стенам, сотворив в них большие дырки. Настолько большие, что парочка бандитов, поняв, что защищать труп Маркуна не очень интересно, а главное, опасно для здоровья, выскользнули через новоявленные двери в стенах на улицу.

Остальные прорваться не успели. Путь им преградил жутко расстроенный братец Вухджааза, демон с почти непроизносимым именем — Щдуырук. Он рявкнул, для затравки протоптал в кучке перепуганных бандитов широкую просеку, подмяв под себя троих обалдевших от такого количества демонов и забывших вовремя отскочить из-под ног Щдуырука людей.

Видя только ненавистного братца, бараноголовый демон целеустремленными скачками направился на незапланированное свидание с Вухджаазом. Тот в это время стоял к брату спиной и был слишком занят спортивными упражнениями (уменьшением количества доралиссцев в мире Сиалы). На моих глазах умный демон схапал за шкирку Глока и откусил однорогому голову, а затем заработал лапами, кромсая козлов направо и налево.

Но оставшимся в живых доралиссцам посчастливилось, потому как тут умному демону стало не до козлов. Щдуырук на полной скорости заехал рогами Вухджаазу в спину. Серый демон потерял равновесие, пролетел через весь трактирный зал, сметая столы и стулья, и с грохотом врезался в стену. Я даже на миг зажмурился — удар был страшным. Как не обвалился потолок, не знаю. Но моему умному приятелю на это было плевать, он резво вскочил на лапы и, оглушающе зарычав, бросился сводить счеты с братом.

И люди, и доралиссцы вжались в стены, стараясь не попасть под ноги дерущимся демонам. Удивительно, но в кучке оставшихся в живых я заметил Бледного. Парень тихонько пробирался к дырке в стене, которую пробил Вухджааз. Если демоны не отвлекутся от сведения счетов, то убийца ускользнет. Клянусь Саготом, в очередной раз ускользнет!

В этот момент Вухджаазу удалось схватить своего низкорослого братца, и я стал со все возрастающим изумлением наблюдать, как Щдуырук летит к потолку. Грохнуло, затрещало, пол содрогнулся у меня под ногами — и перед моим ошеломленным и, чего уж скрывать, испуганным взором предстала баранья башка Щдуырука. Она пробила пол и оказалась в ярде от меня, а тело болталось где-то в районе первого этажа. Щдуырук поводил изумрудными глазами из стороны в сторону и тут заметил меня. Немая сцена длилась не больше секунды. Затем раздался полный ненависти рев:

— Гаррет! Подлый обманщик! Да я тебя...

Что он меня, Щдуырук ни сказать, ни тем более сделать, к счастью, не успел, потому как Вухджааз дернул братца за ноги и голова демона исчезла, оставив после себя здоровенную дырку в полу.

Пронесло, славьтесь все боги Сиалы! Пронесло! Я начинал подумывать: куда запропастился Арцивус с кавалерией и не стоит ли убраться подобру-поздорову, пока есть такая возможность?

Между тем схватка внизу продолжилась. Грохот стоял вселенский. Потом по ушам ударил жуткий вой, и я схватился за голову, опасаясь оглохнуть. Щдуыруку удалось повалить на пол Вухджааза, и теперь бараноголовый победно вырывал из спины собственного братца здоровенные куски мяса. Вухджааз орал благим матом, но ничего не мог сделать. Понимая, что победитель, кажется, определился и зная по сказкам злопамятность демонов, я решил не рисковать и смыться, пока Щдуырук не вспомнил о моей персоне. Про Коня Теней приходилось попросту забыть и надеяться, что, овладев артефактом, Щдуырук все же свалит в далекие края и забудет о неком Гаррете...

Хотя постойте! Он не сможет взять Коня! Ведь ему должны его отдать в руки либо люди, либо доралиссцы! Тем лучше!

Я встал со стула, и в этот момент наконец появилась кавалерия.

Оглушительно бумкнуло, а потом прямо из разреженного воздуха стали появляться маги Ордена. Пять, семь, десять, двенадцать! Да тут весь Орденский совет во главе с Арцивусом, да еще и демонологи в придачу!

Последние — маги в черных балахонах с золотистой окантовкой на рукавах — дружно взмахнули руками, и вокруг демонов засияла магическая сеть, сотканная из бледно-серых лучей. Вухджааз завыл еще яростнее, попытался порвать волшебные путы, но что-то сверкнуло, и его ощутимо обожгло. Щдуырук тоже не терял времени даром. Рявкнул на гортанном и непонятном языке, сеть в одном месте побледнела, и я уже стал подумывать, что рыбка вырвется из невода, но Арцивус небрежно махнул рукой, и невидимый молот со всей силы ударил бараноголового демона в грудь. Тот шлепнулся на Вухджааза и затих.

— Стягивайте потоки,— кашлянул Арцивус и зябко поежился. Видно, старикан неуютно чувствовал себя без очага под боком.— Дело сделано.

Сеть вокруг неподвижного Щдуырука и хрипящего Вухджааза начала стягиваться, оплетая тела демонов. Я с удивлением заметил, что оба монстра стали постепенно уменьшаться в размерах. Серые ячейки сияли все ярче и ярче. И вскоре на том месте, где пару минут назад воевали два здоровенных чудовища, остался маленький, слабо светящийся шарик величиной с кулак. Надеюсь, что моим демоническим друзьям там не очень тесно и неудобно. Маги спеленали их от души.

— Возьмите их, мастер Родган,— кивнул Арцивус.— Поместите тварей в надежную клетку и примитесь за изучение. Совет поможет по мере своих скромных сил.

Один из сияющих от радости демонологов быстро поднял шарик с забрызганного кровью пола и аккуратно спрятал его в небольшую сумку. Что ж, у магов наконец-то есть шанс изучить настоящих живых демонов, а не фолианты с их описанием.

Арцивус, не обращая внимания на мертвецов, перешагивая через трупы, как будто это были не мертвые люди и доралиссцы, а камни, подошел к обезглавленному телу Маркуна и поднял Коня Теней.

— Не двигаться! Именем короля! — Этот крик отвлек меня от Арцивуса, и я увидел, как врывающиеся в двери стражники во главе с бароном Лантэном отлавливают попытавшихся скрыться с места происшествия оставшихся в живых бандитов и козлов.

— А, барон,— кашлянул Арцивус.— Вы, как всегда, вовремя...

— Что с ними делать, ваше магичество? — Фраго, казалось, нисколько не смутился иронии, прозвучавшей в голосе архимага.

— Откуда я знаю? — Арцивус небрежно пожал плечами. Его нисколько не заботила дальнейшая судьба участников заварушки.— Это ваше дело, барон, допросите, а затем поступайте, как считаете нужным.

Барон кивнул и приказал конвою увести всех, кому посчастливилось пережить эту ночь в трактире «Нож и Топор». В бывшем трактире... То, что осталось от здания, особенно первый этаж, сложно было назвать увеселительным заведением. Разруха, кровь и мертвецы. Придется очень хорошо поработать и вложить немало средств, чтобы придать заведению божеский вид.

Арцивус передал Коня одному из архимагов и, подняв голову к потолку, раздраженно произнес:

— Гаррет, ты долго намереваешься просидеть на стуле или все же соизволишь спуститься вниз?

Вот тебе и потолок! Для магистра он оказался так же прозрачен, как и для меня. Пришлось спускаться. По дороге возникла мыслишка улизнуть через крышу. Однако не думаю, что это была удачная идея. Арцивус пребывал не в духе, впрочем, как и всегда, а заканчивать век лягушкой у меня никакого желания не было.

Как я уже однажды говорил, взгляд его магичества не предвещал моей персоне ничего хорошего. Но на этот раз архимаг, похоже, не собирался немедленно спускать с меня шкуру.

— Явился,— хмыкнул старикан.— Пойдем со мной, у меня есть к тебе парочка вопросов.

Старина Гозмо так и не вылез из-под стойки, и я еще больше уверился в том, что его давно и след простыл. Я последовал за сгорбившимся Арцивусом, оставившим трактир на попечение двух архимагов. Думаю, они так просто это место не покинут, а перевернут его

раз десять и докопаются до таких глубин, которые не снились даже Королевским песочникам.

На улице оказалось до жути темно, никто не озаботился зажечь ночные фонари, ни в одном окне не горел свет. Но я уверен, что спящих на улице Сонного Пса не было. При том шуме, что раздавался из трактира последние полчаса, не смогли бы уснуть даже глухие тролли. Будет завтра по всему Портовому городу разговоров. Таких небылиц наплетут! Особенно те, кто якобы присутствовал на месте происшествия и все видел собственными глазами!

В итоге все сойдутся на том, что в трактир нагрянул сам Неназываемый, которому не понравилось пиво Гозмо, но храбрые маги Ордена показали ему фигу и отправили за Иглы Стужи. А чем не история? В меру глупая, в меру загадочная, народец такие любит и ухватится за нее, как раки за добычу.

Перед трактиром стояла уже знакомая мне по поездке с бароном Лантэном карета. Выходит, она принадлежит не королю, а Арцивусу! Так вот чья это была идея — послать меня в Храд Спайн! Старенький маг-маразматик удружил, нечего сказать!

— Мне в карету? — на всякий случай спросил я.

— Можешь бежать рядом, если хочешь,— хмыкнул Арцивус и, кряхтя, стал залезать на ступеньку. С двух сторон архимага поддержали за локти кучера, помогая забраться внутрь.— Или ты думаешь, что я такой большой любитель пеших прогулок? А может, мне стоит использовать на обратный путь телепортацию?

Арцивус еще раз нехорошо посмотрел на меня. Я прикинулся невинным ягненком, но взгляд мага выдержать не сумел и поэтому стал глазеть в окно, благо на этот раз оно не было забито досками.

— Холодно,— буркнул волшебник и взял лежащее рядом с ним шерстяное одеяло.

Лично я никакого холода не чувствовал, летняя ночь была теплой.

— Ладно, рассказывай.

«Что рассказывать?» — хотел спросить я, но передумал. И дохлому гоблину понятно, что он желал от меня узнать.

— Давай я тебе помогу,— усмехнулся старик.— Начни с того, как ты узнал, у кого находится Конь и каким образом в Авендуме вновь объявились демоны, которые, по твоим словам, исчезли на веки вечные.

Я глубоко вздохнул, собрался с силами и начал рассказывать. Правду, и ничего кроме правды. Первую часть моей истории Арцивус уже слышал, так что я только чуть ее подправил, добавив разговоров с демонами. Дальше пришлось рассказывать о Закрытой территории, но я сослался на то, что это слишком долгий разговор, и

моя история ограничилась лишь — пришел, забрал, ушел. Все подробности я оставил на следующий раз, надеясь, что его не будет..

На что зловредный маг только еще раз хмыкнул и пообещал, что король не так добр, как он, поэтому мне придется рассказать ему все. Я тяжело вздохнул, давая понять, что, когда король потребует, я сделаю так, как он хочет.

Карета везла нас по ночному городу, как я понял, без всякой цели. Кучерам дали задание просто возить нас по Авендуму, пока Арцивус не наговорится и не удовлетворит свое любопытство. По моим подсчетам, мы колесили почти час, а проклятый старик никак не мог успокоиться и отстать от бедного и уставшего Гаррета. С демонов разговор перешел на Коня, с Коня на Хозяина, с Хозяина на Храд Спайн, с него опять на Коня... Это тянулось бесконечно! Наконец архимагу это тоже надоело или он попросту замерз и рвался к горячему очагу, но вопросы в конце концов иссякли.

— Ладно, вор,— сказал старик и посмотрел в окно.— Скоро утро, мне давно пора спать, а не колесить по городу, сейчас я отвезу тебя...

— Куда, ваше магичество? — перебил я.

— Естественно, к королю! За тобой нужен глаз да глаз, иначе ты устроишь такую заваруху, из какой тебя не вытащат даже «Бобровые шапки»!

— Но неделя отпущенного срока еще не кончилась! — запротестовал я.

— Знаю,— отрезал Арцивус.— Вот только этой недели у нас нет. Выступать нужно немедленно. Скоро мы окажемся невластны над событиями. Так что ждать окончания недели — самоубийство.

— Хорошо, но мне в любом случае нужно забрать бумаги, добытые на Закрытой территории. Я приду во дворец завтра. Точнее, сегодня утром.

— А что, карты разве не у тебя? — удивился Арцивус.

— Нет, я ведь не дурак таскать их повсюду с собой,— соврал я, чувствуя, как документы жгут тело сквозь сумку.

— И куда же ты их запрятал? — хмыкнул Арцивус, говоря этим, что он не слишком высоко оценивает умственные способности сидящего напротив него Гаррета.

— В надежное место,— уклончиво ответил я.

Ну не рассказывать же мне главе Ордена, что надежное место висит у меня на поясе! Чего доброго, волшебник расстроится и правда увезет к королю, не дав попрощаться с Фором. А в том, что из дворца меня уже не выпустят заботливые гвардейцы, я почему-то нисколько не сомневался.

— В надежном месте,— недовольно буркнул архимаг.— В наше время надежных мест почти не бывает, Гаррет! И я немного удив-

лен, что именно ты об этом ничего не знаешь! Гм, гм... Хорошо, пускай будет по-твоему. Но учти, если к завтрашнему утру ты не появишься во дворце, я лично тобой займусь.

— Не извольте сомневаться, ваше магичество, буду.— Я поспешил уверить Арцивуса в своей кристальной честности.

Думаю, что старый волшебник мне абсолютно не поверил, но все же он крикнул, чтобы карету остановили. Значит, до Фора мне придется добираться пешком.

— Всего хорошего, Гаррет.— Арцивус дал понять, что я свободен.

— Доброй ночи, ваше магичество.— Я тоже не ударил в грязь лицом.

Когда надо, я могу быть крайне вежливым. Я вылез из кареты и закрыл за собой дверцу.

Так, кажется, я нахожусь на границе Внешнего и Внутреннего города, до Соборной площади идти не больше одного квартала. Справлюсь.

Кучера гикнули на лошадок, и те бодро потрусили вперед. Но карета проехала всего лишь несколько ярдов и остановилась.

— Эй, ты! — крикнул мне один из слуг.

Ну что за люди? Ни манер, ни доброго расположения духа к несчастному ночному прохожему!

— Подойди.

Пришлось тащиться назад и открывать дверь, чтобы лицезреть укутавшегося в одеяло архимага.

— Гаррет, я совершенно забыл,— кашлянул Арцивус.— Спасибо за помощь. Орден не забудет этого.

Карета уже давно нырнула в лужу тьмы, поглотившую ее тело, а я все еще стоял посреди улицы с открытым ртом. На моей памяти такое случилось впервые — Орден признал чью-то помощь и даже сказал спасибо. Теперь я был абсолютно уверен, что мир катится в пропасть, а небо вот-вот упадет и придавит мою любимую мозоль.

Глава 17
НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА...

— Ты борешься с Тьмой в себе?

Я вздохнул с облегчением. Есть все же в нашем грешном и многострадальном мире вещи, которые не меняются веками. Старый хрен, из которого за давностью лет уже давно перестал сыпаться даже песок, вновь стоял на посту возле ворот Собора. Его напарник находился по другую сторону от входа и тихонько клевал носом,

грозя вот-вот не устоять на ногах и шлепнуться на землю. Интересно, их вообще-то хоть когда-нибудь сменяют?

— Я уничтожаю Тьму,— ответил я.

— Так войди же и обратись к Ним.— Дремлющий старикан оживился.

Вот что значит привычка!

— Я, пожалуй, это сделаю утром. Зачем тревожить богов по пустякам? — хмыкнул я.

— Тоже правильно,— включился в беседу первый жрец.— Боги устают от наших глупых просьб и молитв.

Второй старикан вновь начал клевать носом. Что ни говори, а устал бедняга.

— Ну, бывайте,— махнул я дедкам рукой и пошел своей дорогой.

— Ты тоже почитатель Сагота? — окликнул меня старик.

— Да! — крикнул я, не оборачиваясь, но потом остановился как вкопанный и резко развернулся к нему.— Что значит тоже?

— Да не далее как пять минут назад вошли ребята. Спрашивали, где найти прибежище Защитника Рук, жреца Фора. Ты тоже с ними?

Я не ответил, так как сломя голову понесся к обители. Не нравятся мне люди, посреди ночи разыскивающие моего старого учителя.

Вся территория Собора бы освещена ярким светом масляных фонарей. Не осталось ни уголка, ни маленького клочка земли, куда бы могла забиться испугавшаяся тень. Огни слились в одну размытую ярко-оранжевую линию. Танец пламени и ночи, который я нарушил и разбудил, закрутился вокруг меня в яростной свистопляске видений. Теплая июльская ночь была тиха и безмятежна. Лишь одинокий сверчок весело пиликал под кустом, устроив маленький концерт для тех, кто отказывался спать. Я бежал и знал, что могу не успеть. Кто бы ни искал Фора, он уже давно сделал все, что хотел. Мною двигала безумная надежда, что, может, обойдется, хотя я понимал, что это попросту невозможно.

Призраком промелькнул фонтан с навеки сцепившимися в схватке рыцарем и огром, пронеслись статуи богов, размытые в сплошное пятно лица и фигуры. Тропинка вильнула влево, но я пробежал напрямик, через клумбу, давя сонные бледно-синие цветы с грустно поникшими венчиками.

Вперед, только вперед!

Тьма арки всосала меня и тут же выплюнула с другой стороны. Я влетел в обитель Сагота, на ходу доставая из-за спины арбалет. Проклятый пот заливал глаза, мешая нормально видеть, а главное, целиться. Дверь в покои Сагота...

Я опоздал. Двери попросту не было. Разрубленная на несколько частей, она грудой досок лежала на полу. Я ворвался в комнату — поступок, не спорю, наиглупейший, но в данный момент мне было попросту не до размышлений.

Встретили меня оружием. С десяток обнаженных мечей и парочка копий чуть было не продырявили Гаррета в самых различных местах. Спасло лишь то, что я резко остановился. Ну и громогласный вопль Фора, конечно:

— Никому не двигаться! Он свой!

Все присутствующие застыли как вкопанные, и только тут я смог рассмотреть, что угрожали мне добрые жрецы Сагота. Вид у них был решительный и не очень дружелюбный, но следует полагать, что были на то веские причины в виде пятерки мертвецов, лежавших на полу. Клинки, с которыми покойники пришли в гости, валялись тут же. Одежка мертвяков была отнюдь не жреческой — так одевались лишь те, кто причислял себя к гильдии убийц.

— Фор, ты цел? — спросил я, стараясь рассмотреть своего учителя за стеной жрецов.

— Куда же я денусь? — прогрогудел учитель, раздвигая добровольных телохранителей в стороны.

Да, действительно, если не считать синяка на лице, почти такого же, как у меня, но более яркого и свежего, да разодранного жреческого балахона, парадного, как я понимаю, Фор был жив и здоров.

— Брат Олиго, убери этих...

— Конечно, мастер Фор,— кивнул бородатый служитель.— Места под яблонями еще много...

Все же очень интересно, какое количество покойников, покусившихся на здоровье славных братьев, зарыто в саду под старыми яблонями? Думаю, достаточное.

Жрецы подняли тела и, сетуя сквозь зубы на тяжесть неудавшихся убийц, поволокли их вон из комнаты.

— Страже сообщать, конечно, не будешь? — на всякий случай спросил я.

Один из братьев, вытирающих пол от крови, громко хмыкнул, выражая в этом незатейливом звуке все отношение к недоразумению богов, названному по ошибке стражей.

— У меня к тебе разговор.— Настроение у Фора было подавленным.

— Хорошо,— кивнул я, понимая, что разговор сугубо личный, а потому придется подождать, пока старательный служка вытрет с пола в покоях Защитника Рук всю кровь.— Что тут произошло?

— Да ничего существенного. Возвращаюсь я после Молельни Рук, собираюсь сытно откушать да заодно и тебя порасспросить о

делах, творящихся в этом суетном мире, как тут... В общем, вижу, что дверь в мои покои самым наглым образом изрублена на куски, а по комнатам шастают уже виденные тобой покойники. И ладно шастали бы, может, тогда я бы их и простил, грешных! Так нет! Еще и шарят по столам, суют носы туда, куда не следует. Ну я и осерчал... А тут эти ребятки за оружие схватились и решили меня на всякий случай по-ре-шить. К счастью, с Молельни нес эту штуку, так что успел отбиться, пока свои не подоспели.

Фор небрежно кивнул в сторону лежащей на столе тяжелой церемониальной булавы. Ого! Судя по ее виду, чьей-то голове очень не повезло!

Между тем жрец наконец-то закончил уборку и, подхватив в одну руку ведро, а в другую тряпку, оставил нас с Фором наедине. Служители Сагота не то что жрецы других богов. Братья в серых рясах могут не только молиться богам, но и вымыть пол, починить обрушившуюся кровлю или отбиться от профессиональных убийц.

— Сагот! — Фор поднял руки к потолку.— Новую дверь поставят только утром, а пока нам придется коротать время без нее. Ушел?

— Угу.— Я выглянул из комнаты, а затем, вздохнув, устало сел на стул. День, впрочем, как и все дни на этой неделе, выдался тяжелым и ярким на события.— Так что ты мне хотел сказать?

— Гаррет, малыш,— начал Фор,— бумаги пропали...

— Какие бумаги? — Я поначалу даже не понял, о чем речь.

— Те самые.— Фор выделил слово «самые».— Когда я пришел, один из этих рылся в тайнике, но их там уже не было.

— Не волнуйся. Бумаги взял я,— успокоил я учителя и похлопал по сумке, где лежали ценности старой башни Ордена.— Еще вечером, пока тебя дожидался.

— Слава Саготу,— с искренним облегчением выдохнул Фор, а затем с прищуром посмотрел на меня: — Как тебе удалось открыть тайник?

— Очень просто, хотя не настолько просто, как твоим незваным гостям. Они-то, думаю, нашли и открыли его намного быстрее, вот только ничего там не обнаружили.

Фор покачал головой:

— И с каких это пор гильдия убийц занялась воровством? Да еще и набралась смелости нападать на жрецов в обители бога...

— Фор, я не уверен, что это люди гильдии. Убийцы обычно так не работают. Да и с гильдией вы всегда жили мирно, вряд ли Ургез решился бы прислать своих ребят. Нет, это кто-то другой.

— Опять Хозяин? — ехидно бросил Фор и достал бутылку вина. Нам обоим было необходимо выпить.

— Все может быть. Этот Хозяин везде успевает устроить неприятности.

— Как все прошло?

— Ты о моей маленькой проблеме с лошадью?

— Ну да.— Фор отхлебнул вина из пивной кружки.

Все его бокалы были разбиты во время схватки с неизвестными убийцами, и пришлось наливать напиток богов в не приспособленную для этого посуду.

Я рассказал.

— Хм, ты смог разорвать звено Борга самым элементарным способом, попросту натравив все стороны друг на друга. Умно, но отнюдь не ново. Ну, это я так, старческое ворчание. Не обращай внимания, малыш. Меня вот только огорчило, что Маркун со своей шайкой и этот твой Бледный, как его звали?

— Ролио.

— Ролио, Ролио...— Фор, казалось, пробовал имя на вкус.— Не слышал раньше. Он точно не из Авендума. Так о чем я? Ага! Значит, эти тоже служат Хозяину. Куда ни ткни, одни слуги.

— Ну, Маркун уже никому не послужит,— усмехнулся я.

Жирного вора, погибшего от лап Вухджааза, мне было нисколько не жаль.

— Маркун — да. Надеюсь, что теперь его место в гильдии займет более достойный человек, и она станет такой, как была во времена моей молодости. Но вот этот Ролио точно с тебя не слезет. Маркун мертв, но Заказ убийце давал не он, а какой-то влиятельный слуга Хозяина, а это значит, что тебе лучше поберечь голову.

— Поберегу,— согласился я с учителем.— Но вообще-то я пришел попрощаться. Мне надо к королю, а потом и в дорогу.

— Только не в пять утра! Во дворце все спят, и тебя там точно никто не ждет. Лучше отдохни, Гаррет, а то создается впечатление, что на тебе вспахали все земли Сиалы.

С этим трудно было не согласиться. Я и сам не прочь лечь на боковую, и как можно на более долгий срок. Пожалуй, ста лет мне хватит, может, и заварушка с Неназываемым за то время, что я сплю, кончится сама собой...

Конечно же на следующее утро в лучшую сторону ничего не изменилось. Неназываемый все так же сидел за Иглами Стужи и точил зуб на Валиостр, а я должен был отправляться за сотни лиг, чтобы добыть волшебную дудку.

Прощание с Фором было немногословным.

— Береги себя, малыш.— Вот и все, что он мне сказал, перед тем как я собрал вещи и покинул его гостеприимную обитель.

Надеюсь, что смогу прийти к старому жрецу после возвращения из Храд Спайна.

Как видите, сегодняшним утром я что есть силы излучал сомнительный оптимизм, рассчитывая вернуться оттуда, откуда нет возврата.

До дворца я дошел без приключений. За то время, пока я спал, в Авендуме случился небольшой дождик. В воздухе чувствовался неуловимый аромат прохлады, грозящей вот-вот исчезнуть из-за жарких солнечных лучей. Дождь прошел и исчез безвозвратно. На ясной лазури неба, готового цветом посоперничать с глазами гоблина, не было ни облачка. Совсем недавно наступил полдень, а поэтому солнышко припекало. Ветер тоже присутствовал, но он был таким горячим, что не приносил облегчения. С погодой в этом году творилось непонятно что.

Во Внутреннем городе текла спокойная и размеренная жизнь богатеев, плюющих на жару и другие неприятные мелочи жизни. Дома тут были беленькие и богатенькие. Просто лакомые кусочки для любителей покопаться в чужих сундуках. Но первое, что бросалось в глаза, когда входишь во Внутренний город, — это чистота. Ни соринки, ни грязинки, к которым так привыкаешь в Портовом городе.

И публика приличная. Эти парни кошельки не воруют. Ребята из Внутреннего города ворочают такими суммами и крадут в таких количествах, что хоть стой, хоть падай. Мне столько не заработать за десять жизней беспрерывного воровства.

Один раз меня остановила стража Внутреннего города. Моя одежда не придавала мне уж слишком благочестивый вид. Но пронесло. Они лишь спросили, куда я направляюсь, и, получив ответ, отстали. Как оказалось, их уже предупредили о моем визите.

Махина королевского дворца, окруженная отнюдь не декоративными стенами, занимала приличную часть Внутреннего города. Маленькая крепость внутри города-крепости. Каждый новый король из династии Сталконов считал своим прямым долгом что-то достроить, пристроить или улучшить. В итоге дворец разросся неимоверно, но в то же время он оставался тем, чем был с начала основания. Крепостью.

Сперва я хотел войти внутрь через ворота для слуг и поставщиков продуктов на королевскую кухню, но потом подумал: с чего это я буду идти через дальнюю калитку, как какой-нибудь сиволапый крестьянин? Король пригласил меня к себе лично, я не напрашивался, так что пусть для меня открывают центральные ворота. И, наискосок пересекая Парадную площадь, я уверенным шагом направился прямиком к ним.

Стоящие на посту гвардейцы, увидев меня, заметно оживились.

— Чего изволим? — спросил один из них, сжимая в руке копье с длинным и узким наконечником.

Дворец Сталкона со времен вступления этой династии на престол охраняла личная гвардия короля, которой сейчас командовал вечно хмурый милорд Крыса. Гвардейцев набирали только из дворян. Служба по охране короля была честью необычайной, особенно для младших сыновей, которым ловить в землях батюшки было нечего. А здесь был шанс отличиться, получить собственную земельку.

Парни не любили пускать пыль в глаза. Все эти церемониальные протазаны или гизармы охраны императоров обеих Империй не годились для нормальной защиты главы государства в случае непредвиденных обстоятельств. Копье — вот оружие воина. После того как на отца нынешнего Сталкона напали мятежники из числа дворян западных провинций, не согласных с политикой Спорных земель, убеждать гвардейцев сменить оружие никто не стремился. Именно копья воинов спасли и короля, и королевство.

— Мне к Его Величеству, — произнес я, зная, что за этим последует.

Воспитание у милордов дворян, конечно, хорошее, но повеселиться над дурачком еще никому не вредило. Весь десяток искренне восхитился моей глупостью и заржал.

— Прямо к нему? — спросил меня тот гвардеец, что начал разговор.— На бокальчик винца небось? А? — Он весело подмигнул товарищам.— Право слово! Как хорошо, что к нам забежал шут с Рыночной площади!

— А как вас представить, милорд? — вкрадчиво спросил другой гвардеец и отвесил изящный, хоть и шутливый поклон.— Вы, наверное, маркиз, как и я? Или герцог? Дело к королю не терпит отлагательства, не так ли?

— Он не герцог, любезный Вартек, он истинный барон, как и я! — захохотал крупный двухметровый гвардеец, чуть не выронив от смеха копье.— Вы гляньте на этот синячище на его простецкой физиономии, маркиз! Истинный барон!

Гвардейцы вновь загоготали.

— Ты веселый парень,— отсмеявшись, сказал мне маркиз Вартек.— Иди своей дорогой, король сегодня, как и всегда, не принимает неизвестно кого.

— Чудесно! — Я безразлично пожал плечами. Пусть Арцивус попробует сказать, что я не пытался.— До свидания, милорды.

Уйти я не успел. Откуда-то появился воин с нашивками лейтенанта гвардии и потребовал, чтобы я назвался.

— Гаррет,— ответил я.

Гвардейцы разом поскучнели, а барон с досадой плюнул себе под ноги.

— Так чего же ты комедию ломал? — спросил он меня.— Сразу не мог сказать?

— Следуй за мной, я провожу,— велел мне лейтенант.— А с вас, господа, в следующий раз нужно будет шкуру спустить за невыполнение приказа милорда Алистана.

Милордам дворянам достало ума промолчать и не спорить с лейтенантом. Но настроение у них испортилось, это несомненно.

Я последовал за офицером:

— А что за приказ, милорд?

— Милорд Алистан приказал, как только ты появишься, провести тебя во дворец и препятствий не чинить, а этим, как всегда, лишь бы позабавиться.

— Так ведь скучно же на воротах целый день стоять,— попытался защитить я гвардейцев. Мне еще не хватало приобрести тут дополнительный десяток персональных врагов.

— Скучно им,— хмыкнул лейтенант.— Идем, тебя уже давно дожидаются.

От ворот тянулась дорога прямо к огромному серому зданию с высокими аркообразными окнами. Людей на территории было предостаточно, как слуг, так и тех, кто тут жил благодаря милости Сталкона. Я потихоньку поглядывал по сторонам, на тот случай, если мне когда-нибудь суждено сюда вернуться самостоятельно.

Однако в здание мы не пошли, лейтенант свернул в сторону и повел меня по тропинке, выложенной желтым песчаником.

— А скажи-ка, Гаррет, что за дело у тебя с милордом Маркаузом, если он вдруг уезжает неизвестно куда, оставляя на мою шею всю гвардию? — внезапно спросил лейтенант.

— Не знаю, милорд.— Я не собирался раскрывать первому встречному государственные тайны.

Мне показалось, лейтенант вздохнул:

— Не вовремя он уезжает. Совсем не вовремя. Сейчас он нужен гвардии и королю здесь.

Я промолчал.

— Тебе сюда. Сядь где-нибудь и жди. За тобой придут.

С этими словами лейтенант гвардии, сверкая на солнце серебряными пуговицами на серо-синем камзоле, удалился.

Я огляделся по сторонам.

Маленький садик с круглой площадкой посередине. Она была засыпана песком и являлась, наверное, чем-то вроде фехтовального плаца. Или как называют то место, где гвардейцы тренируются махать железяками? За деревьями виднелся дворец, примыкая к ним

почти вплотную. Я поправил на плече сумку и стал ждать, внимательно наблюдая за окружающими.

Да-да, я тут был не один. Неподалеку крутился целый десяток очень серьезных ребят. Зрительно я их помнил, так как видел в ночь визита в дом герцога. Именно эти воины сопровождали Миралиссу по ночному городу.

Дикие Сердца.

Я удостоился нескольких умеренно заинтересованных взглядов. И все. Им не было никакого дела до незнакомого человека, непонятно за каким Х'сан'кором припершегося сюда? Тем более что у Диких были неотложные дела. Кто-то резался в кости, кто-то спал в теньке маленького фонтана, кто-то правил оружие, кто-то решил поупражняться с мечом. Так что Гаррет был проигнорирован самым бессовестным образом.

В углу сада, возле клумбы с алыми розами пыхтела четверка гномов. Низкорослые, узкоплечие ребята с бородами, заплетенными в косы, так непохожие на своих массивных и крупных безбородых родственников — карликов, крутились возле здоровой пушки. Похоже, они пытались ее зарядить, но что-то у них не получалось, и поэтому парни раздраженно бранились и потрясали кулаками перед красными рожами друг друга. Это делу помогало мало, и от яростного спора перебранка разгоралась еще сильнее.

Пушка неисправна, и они пытаются ее починить? Тогда мне понятно их плохое настроение. Продать бракованную пушку Сталкону, а теперь возвращать золото, гномам конечно же не хотелось.

Солнце било прямо в глаза, поэтому я жмурился, как ошалевший от весны кот, с интересом наблюдая за спорщиками. Еще пяток минут — и начнется драка с таскaнием за бороды. Но гномы выдохлись и начали искать компромисс. Теперь они засыпали в пушку порох из маленького ярко-красного бочонка. Ядро лежало рядом, на песке. Один из недомерков, судя по короткой бороде младший, попытался закурить трубку, но получил от напарника подзатыльник и, обиженно засопев, убрал ее в карман.

И правильно! Еще не хватало взлететь всем на воздух из-за бесшабашности бородатого дурака.

За спиной раздались легкие крадущиеся шаги, и, улыбнувшись, я произнес:

— Как жизнь, Кли-кли?

— У! — разочарованно сказал гоблин — ему не удалось застать меня врасплох.— Как ты догадался, что это я?

— Ты сопел.

— А вот и нет! — запротестовал шут и присел рядом со мной на ступеньку.

— А вот и да.

— А вот и нет! И вообще, ты чего с королевским шутом споришь? — обиженно спросил Кли-кли и в подтверждение своих слов нацепил на зеленую голову шутовской колпак с бубенцами, до этого находившийся в его руке.

— Да я не спорю.— Я пожал плечами.

— Хочешь морковку? — миролюбиво спросил гоблин, доставая ее из-за спины.

Морковка была размером чуть ли не в половину Кли-кли. Королева морковок. Целая морковища.

— Нет, спасибо.

— Не хочешь? Ну и не надо. Мое дело предложить, и вообще мне больше достанется!

Шут больше не стал настаивать, откусил от оранжевого овоща изрядный кусок и захрустел, довольно жмурясь на солнце.

— Овоффи полеффны, Гаррет,— с набитым ртом произнес шут.— На одном мясе не проживешь.

— У нас тут с тобой гастрономический спор намечается? — Я выгнул бровь дугой.

Шут в точности повторил мой фокус с бровью, усмехнулся и, довольный собой, вновь захрустел морковкой. Вот так мы и сидели: я молчал, наблюдая за работой гномов, Кли-кли обедал и иногда дергал коротенькими ногами, видно пытаясь изобразить какой-то только ему понятный танец. Получалось, надо сказать, забавно.

— Есть две новости: хорошая и плохая. С какой начинать? — спросил меня Кли-кли, когда от овоща-переростка осталась ровно половинка.

— Давай, пожалуй, с хорошей,— лениво процедил я.

Погода, несмотря на жару, была замечательной, и я млел на солнышке.

— Хорошая новость такова,— произнес гоблин и потряс кончиком колпака, чтобы колокольчики радостно зазвенели.— Ты отправляешься завтра поутру. Тру-ру-ру.

— Валяй плохую.

— Плохая новость такова.— Шут грустно вздохнул, и колокольчики печально тренькнули.— Я, увы, остаюсь во дворце и не поеду с тобой.

— Хм... У тебя нарушены понятия ценностей, шут,— хмыкнул я.— Для меня все наоборот. Хорошая новость — плохая, а плохая — хорошая.

— Фу,— обиженно засопел Кли-кли.— Ты еще пожалеешь, что я с тобой не поеду!

— Это почему?

— Кто будет тебя защищать в пути? — с самым серьезным выражением на лице спросил он.

— Думаю, что не пропаду,— в тон ему ответил я.— Дикие вкупе с Крысой на что?

— Кстати, насчет Диких.— Кли-кли вновь впился острыми зубами в несчастную морковку.— Ты уже успел познакомиться с ними?

— Нет, а ты что, успел?

— А как же! Они у нас уже с неделю! — возмутился моему вопросу шут.

Ну конечно же! Я посмел подвергнуть сомнению его способность заводить новые знакомства.

— Я тебе их представлю, только издали, отсюда, если ты ничего не имеешь против моего предложения.

— Ты и им успел напакостить? — Нежелание Кли-кли подходить к воинам могло быть объяснено только тем, что маленький паразит устроил Диким какую-то каверзу.

— Ну почему сразу напакостить? — надулся шут и с укором, затаившимся в голубых глазах, посмотрел на меня.— Я всего лишь налил в их кровати по ведру воды, а они расстроились.

— Надо полагать! — хохотнул я. В голову прыгнула веселая картинка, как гоблин, состроив заговорщицкую физиономию, льет воду.

— Ну так вот. Видишь тех, кто режется в кости? — Шут не очень желал распространяться, что же случилось после того, как кто-то из воинов лег в мокрую постель.

Кли-кли ткнул пальцем в сторону троицы.

— Здоровый, желтоволосый — это Медок. Рядом с ним, бородатый,— Дядька. Такой сухой и плешивый. Он десятник этой угрюмой компании. А вон того, пухленького, Котом зовут. Мяу! — как можно громче сказал Кли-кли и высунул язык.

Гномы отвлеклись от пушки и хмуро посмотрели на шута, Кот же не обратил никакого внимания на паясничающего Кли-кли.

— Ясно,— произнес я, рассматривая троицу, играющую в кости.

Медок оказался двухъярдовым широкоплечим детинушкой с мощными мускулистыми руками, головой, которая, казалось, не имела шеи и росла прямо из плеч, и волосами цвета липового меда. Из-за них он, наверное, и получил такое имечко от Диких — Медок. Воин по сравнению с другими Дикими казался попросту великаном. Впрочем, так оно и было. Парень был здоров и силен, как два быка. Простоватая физиономия выдавала в нем жителя деревни. Таких сразу отличаешь от городских.

— Оп-па! — хохотнул Дядька, бросив кости в очередной раз и склонившись над ними вместе с товарищами.

Дядьке было за пятьдесят, редкие седые волосы, еще кое-где сохранившиеся на плешивой голове, и густая седая борода, почему-то напомнившая мне овечью шерсть, старили его еще сильнее. По сравнению с Медком он казался невысоким, но и он, и великан Медок, да и все другие Дикие все же чем-то были похожи друг на друга. В них, как и в покойнике Мухе, чувствовались сила и опыт. Опыт тех, кто несет службу на стенах Одинокого Великана у Безлюдных земель.

— Клянусь Д'сан-дором,— ругнулся Кот.— Тебе сегодня везет, Дядька! Я пас!

Толстенький, круглолицый Дикий нисколько не напоминал кота ни повадками, ни резким голосом. Единственное, что придавало ему сходство с этим животным,— это усы, чем-то напоминающие кошачьи.

— Не хочешь играть, не надо,— усмехнулся десятник.— А мы продолжим...

Кот махнул в сторону напарника рукой и прилег на травку возле фонтана, рядышком со спящим воином.

— Надо полагать, что вон того зовут либо Соня, либо Храпун? — с иронией произнес я.

— Это который рядом с Котом? — уточнил шут. Дождавшись утвердительного кивка с моей стороны, он ответил: — Нет, этого кличут Горлопаном.

— С чего?

— Откуда же я знаю? — Кли-кли вытянул губы трубочкой.— Они ведь со мной разговаривать не хотят и норовят кинуть чем-нибудь тяжелым. А я всего-то подбросил им в комнату дохлую крысу!

— Помнится, совсем недавно ты упомянул про воду в постели. О крысах речи не шло.

— Ну, крыса была немного раньше...— смутился шут.

— Ладно, забудем.— Кли-кли был неисправим.— Ты мне расскажи лучше вот про эту парочку.

Я кивнул гоблину на двоих воинов, сидящих особняком от остальных и попивающих вино из бутылки.

— Вот гады,— пробормотал Кли-кли, игнорируя мой вопрос.— Ведь это мое вино!

— Тогда что оно у них делает?

— Военный трофей,— буркнул гоблин и крепко сжал остаток морковины, будто это был не овощ, а меч.

— Чего? — Его ответ меня удивил.

— Ты что, глуховат? Я же сказал — военный трофей. Я вон тому гаду,— показал гоблин на Дикого, который в данный момент прило-

жился к винной бутылке,— в сапог гвоздь сунул ради шутки. А они осерчали...

— Ну, естественно, я бы тоже осерчал и оторвал твою зеленую голову.

— Эти тоже пытались.— Гоблин откусил очередной кусок морковки.— Но смогли добраться только до бутылки. Эх, Гаррет! Знал бы ты, каких сил мне стоило украсть ее из винных погребов короля!

— Ты ведь королевский шут. Просто взять нельзя было?

— Фу! Как же с тобой скучно! — Кли-кли разочарованно помотал головой, вызывая оживленное треньканье колокольчиков.— Взять-то можно, но украсть ведь намного интереснее!

Тут я с ним спорить не стал.

— Так что ты мне о них можешь сказать? — Я вновь направил разговор в интересующее меня русло.

— Забавная парочка, не находишь? — произнес он и показал воину, который держал в руках бутылку, язык.

Забавная? Это еще мягко сказано! Удивительная! Не думал, что на своем веку увижу картину, где гном мирно распивает бутылку дорогущего вина со своим извечным недругом — карликом. Спросите у кого угодно, что будет, если случайно столкнутся на узкой тропке нос к носу гном и карлик, и даже двухлетний ребенок скажет, что в лучшем случае дело кончится потасовкой, а в худшем — смертельным поединком.

Что же, все верно. Вот только не в этом случае. И крепко сбитый карлик, способный руками гнуть подковы, и его более мелкий и узкоплечий бородатый родственник отчего-то не спешили вцепиться друг другу в глотку. Особенно этому удивлялись крутящиеся возле пушки гномы. Они что-то зло бормотали себе под нос, косясь на карлика, но не спешили устраивать драку на территории королевского дворца. Гному тоже досталось яростных взглядов от соплеменников за то, что он забыл память предков и распивает вино с самым ненавистным и исконным врагом племени.

Но, как я понял, Дикому было абсолютно наплевать на неодобрение со стороны родственников. Он даже снял с макушки карлика шляпу с узкими полями и нацепил себе на голову. Волосы у карлика оказались ярко-рыжими, словно жидкий огонь выпрыгнул из камина и теперь пляшет у него на голове.

На мой взгляд, ребята уже успели перебрать. Странно, от одной бутылки обычно с этими расами такого не случается.

— Кли-кли, а ты уверен, что военный трофей — всего одна бутылка? — с хитрецой спросил я у приунывшего гоблина.

— Как же, одна,— сплюнул шут.— Они у меня целый ящик уволокли, эта просто последняя.

Вот это больше походило на правду. От ящика вина вполне могут немного захмелеть даже гном с карликом.

— Рыжего зовут Делером,— еще разок вздохнув сказал Кли-кли.— На языке гномов это означает огонь. А его наступивший на гвоздь дружок откликается на имя Халлас. Это по-ихнему Счастливчик. Вон того,— Кли-кли указал на человека возле клумбы с розами, в одиночестве размахивающего мечами и ведущего поединок с невидимым противником,— именуют Угорь. Страшный молчун, он на мои шутки попросту не обращает внимания. Невозможно расшевелить.

Последние слова гоблин произнес с обидой. Ну как же! Кому-то было абсолютно плевать на его шалости! Такого плевка на собственный профессионализм Кли-кли просто не мог перенести. Но я никак не отреагировал на обиду шута, все мое внимание захватило наблюдение за выверенными, точными движениями Дикого. Они завораживали. Это был красивый и смертоносный танец: «брат» и «сестра» в руках гарракца — а это был именно уроженец Гаррака, их всегда можно узнать по смуглой коже и иссиня-черным волосам — танцевали в безумном серебристом вихре смерти. Угорь перетекал из одной позиции в другую, стойки ежесекундно менялись, клинки рассекали полуденный воздух с ужасающей быстротой, «сестра» колола настолько стремительно, что мой взгляд мог уловить только размытый блеск серебристой молнии. Удар, еще удар, укол, резкий уход влево, «брат» падает вниз, на голову невидимого противника, разворот вокруг своей оси, рука Угря вытягивается на неестественную длину, становясь продолжением «сестры», чтобы достать до живота нового врага. Дикий делает отступ назад, прикрывшись «братом» от предполагаемого рубящего удара справа, и тут же из защиты бьет сразу двумя клинками. «Сестра» хищным уколом поражает голову предполагаемого противника, а «брат» наносит страшный удар снизу, под щит.

— Красиво! — восхищенно присвистнул шут.

Я был с ним полностью согласен. Несмотря на раскаленное солнце и жару, Угорь продолжал тренироваться и делал это потрясающе. Он был жилистым, подвижным, с красивым породистым лицом и тонкой бородкой.

— Гаррет, отвлекись на минуту от парня, думаю, за время вашего путешествия ты еще сто раз успеешь насмотреться на то, как он машет железяками. Лучше глянь вон на того, смешного.

Ничего смешного в указанном шутом воине я не нашел. Он чем-то напоминал Кота, правда, был не таким упитанным. Ничем не примечательное лицо с тонкими губами и бровями домиком, блед-

ные голубые глаза и ленивый взгляд, на миг остановившийся на мне и Кли-кли.

— И что смешного ты в нем нашел? — спросил я у шута, который вновь приобрел интерес к огрызку многострадальной морковки.

— Да не в человеке, дубина! — раздраженно всплеснул руками шут, огорчаясь моему тугодумству.— Кстати, его зовут Сурок. Я про зверушку у него на плече.

Только тут я обратил внимание на то, что ранее принял за безвкусное украшение в виде серого меха на левом плече воина. Это оказался лохматый зверек. Он тихонько дремал и поэтому оставался неподвижен, что и заставило меня подумать, что это своеобразная дань моде.

— Что это? — Я с любопытством посмотрел на шута.

— Линг. Из Безлюдных земель. Ручной. Я его пару раз пробовал кормить морковкой. Он меня даже умудрился цапнуть,— с нескрываемой гордостью произнес гоблин и в подтверждение того, что не врет, сунул мне под нос прокушенный палец.

— Не повезло,— посочувствовал я.

— Еще как повезло,— не согласился со мной Кли-кли.— Если бы Сурок застал меня в тот момент, когда я скармливал его зверушке подгнившую морковку, он бы меня по головке не погладил. Честное слово, прибил бы!

Тут я все же не удержался и рассмеялся.

— Теперь я понимаю, Кли-кли, почему ты решил не ехать со мной! Чуть ли не каждый из будущих путешественников точит на тебя зуб. Они тебя выбросят в первую же придорожную канаву!

— Ничего подобного! — запротестовал гоблин и шмыгнул носом.— Это все Арцивус и Алистан. Это они меня не хотят отпускать!

Кли-кли расстроенно погрозил кулаком в небо.

— Эй, Сурок, у тебя случайно нет желания пройтись до кухни? — спросил у разлегшегося на травке приятеля до этого молчавший Дикий.

Судя по кольчуге и отсутствию волос на голове, воин был родом из Пограничного королевства. Только они готовы напялить на себя железо даже на таком солнцепеке. Пограничник прекратил точить меч и теперь искал, чем бы заняться.

— Это еще зачем? Чего я не видел на кухне? — с ленцой в голосе спросил Сурок.

— Покормишь Непобедимого, а то он у тебя так с голодухи помрет. Все спит и спит.

— Жарко, вот и спит, а на кухню пошли сходим, знаю я, чего тебе там понадобилось.

— Да все знают,— откликнулся Кот, приподнимась с травы.— Кухарки там ох какие аппетитные!

Медок и Дядька весело рассмеялись. К смеху присоединился и сам инициатор прогулки.

— Ну, идем, что ли? — спросил Пограничник.

— Это — Арнх,— представил мне человека Кли-кли.— По-орочьи— Шрам.

— Он вроде не похож на орка.

— Он человек, дубина! Это просто прозвище.

Лоб Арнха пересекала тонкая белая нитка шрама.

— Слушай, Кли-кли,— не утерпел я.— Меня сюда лейтенант привел и велел ждать, когда за мной придут. Сколько ждать-то? Я сейчас от жары расплавлюсь!

— Так я за тобой и пришел,— хихикнул шут.

— Тогда чего еще мы дожидаемся?

— Ты погоди, Гаррет, куда спешить? Король отчитывает своих подданных, они молча бледнеют и потеют. Так чего тебе там делать? Вон смотри, я тебе про последнего Дикого не рассказал.

Последний из десятки Диких сидел под раскидистой яблоней, обхватив обеими руками здоровенный биденхандер. На мой взгляд, для этого невысокого и с виду не очень сильного человека двуручник был слишком тяжел. На мощной черной рукояти меча был изображен золотой дубовый лист.

— Он что, мастер длинного меча? — с недоверием спросил я у гоблина.

— Ты рукоять не видишь, что ли? Конечно, он мастер, если только не украл эту железяку у кого-нибудь!

— Да эта штука весит больше него!

— И ничего не больше! — возразил гоблин.— Но тяжелая, это правда. Сам проверял.

— Только не говори, что ты пытался свистнуть меч у этого парня!

— Не-а, я просто хотел узнать, сколько он весит. Грохоту было, когда я его не удержал и уронил на ногу карлику!

Я ничего не ответил, рассматривая человека в смешной шляпе, больше напоминающей колокол Собора.

— Его зовут Мумр. Но все называют Фонарщиком. О нет!

Последняя фраза Кли-кли была обращена не ко мне. Фонарщик достал маленькую дудочку и, отложив в сторону биденхандер, собрался заиграть.

— Только не это! — взмолился шут.

Мумр дунул, и дудочка разродилась мучительно хрипящим звуком. Шут взвыл и зажал руками уши. Будь поблизости собаки, они бы точно завыли или передохли от мучений. А я стал подумы-

вать — не подсунуть ли эту дудку Арцивусу, выдав за Рог Радуги? Уверен, что как только Неназываемый услышит эту ужасную мелодию, то наложит на себя руки, чтобы не мучиться.

— Я сейчас кину в него вот этим! — проскрежетал зубами Кли-кли и потряс зажатым в руке огрызком.

— Эй, Дядька! — окликнул десятника Делер.— Скажи Мумру, чтобы он заткнулся, иначе я за себя не отвечаю!

— Точно! — поддакнул Халлас и приложился к бутылке.

— Я его сейчас сам порешу! Где справедливость?! Дайте же наконец поспать! — сонно буркнул Горлопан и перевернулся на другой бок.

Дядька, не отрываясь от игры в кости, нашарил возле себя мелкий камешек и швырнул в Фонарщика. Тому, чтобы уклониться от летящего снаряда, пришлось оборвать мучения терзаемой дудки.

— Да ну вас! — расстроился он.— Ничего вы в музыке не понимаете!

— И вот так всю неделю, Гаррет,— перевел дух Кли-кли.— Ты представляешь, он своим дуденьем смог достать даже меня! Ух ты! А это что?

Я и не заметил, как Кли-кли успел залезть в оставленную без присмотра сумку. Теперь он держал в руке один из магических пузырьков с темно-вишневой жидкостью, в которой плавали золотистые искорки.

— А я знаю, что это такое! — завопил шут, вскакивая с места.— Смотри, сейчас будет фокус!

— Верни на место! — рявкнул я гоблину, но было уже поздно.

Кли-кли проворно избежал моих рук, подлетел к гномам, наконец зарядившим пушку, размахнулся моей волшебной покупкой. Пузырек звякнул и разбился о ствол пушки. Вспыхнуло алое зарево, и орудие исчезло.

И дернул же меня Неназываемый купить у Хонхеля заклинание переноски! (Тяжело нести гору вещей? Нет ничего проще! Разбиваешь о груз пузырек, и они попросту исчезают. Разбиваешь другой — и вновь появляются.) Я приготовил это волшебство для Храд Спайна. Так, на всякий случай, если набреду на залежи алмазов или изумрудов. Прощайте, драгоценности мертвецов! В наследство мне досталась гномья пушка!

Над садом повисло ошеломленное молчание, даже Угорь прекратил вращать мечами. Но молчание длилось недолго. Его нарушили яростные вопли одуревших от злости гномов. Кли-кли не стал ждать расправы, отпрыгнул подальше от гномьих кулаков и, звеня бубенцами, во всю прыть помчался в мою сторону. У меня появилось сильное желание отвесить гоблину пинка.

— Гаррет, не зевай! — воскликнул Кли-кли, проносясь мимо меня. Он каким-то чудом разминулся с моей ногой, уже готовой лягнуть его задницу.— Давай за мной, я отведу тебя к королю!

С этими словами гоблин скрылся за дверью. Мне ничего не оставалось, как, кипя от ярости, последовать за маленьким негодяем, оставив Диких слушать вопли обозленных гномов.

Глава 18
СОВЕТ

Фигурка шута маячила впереди, так что заблудиться в огромном переплетении коридоров и лестниц было невозможно. Но приходилось спешить, чтобы поспевать за одетым в серо-синее трико Кли-кли. Гвардейцы провожали шута и меня скучающим взором и не спешили останавливать незнакомца для вполне разумного вопроса: что я тут делаю? Видно, им уже успели сообщить об этом.

Вышколенные слуги в ливреях открывали перед гоблином двери, пропуская его, а следовательно, и меня в святая святых королевского дворца.

Желание оторвать голову зеленому вредителю потихоньку умирало, но мой новый друг решил не искушать судьбу и держался от меня подальше. Что в принципе правильно. Тумака этот шутник заслужил.

Я свернул за угол, стараясь нагнать гоблина, и нос к носу столкнулся с выводком придворных матрон, выгуливающих своих великовозрастных дочурок. Шут, не останавливаясь, отвесил безупречный поклон, достойный того, чтобы его внесли во все книги этикета, и проскочил через неожиданное препятствие в виде широких юбок.

Я вежливо улыбнулся дамам, но впечатления не произвел. Точнее, произвел, но совершенно противоположное желаемому. Леди наморщили великосветские аристократические носики, как будто от меня разило выгребной ямой.

На самом деле разило от них. Я чуть не потерял сознание от резких ароматов. По мне, так эти дамы попросту нырнули в ванну с духами и провели там целый год.

— Ваше сиятельство! — обратился ко мне шут, уже находящийся в дальнем конце коридора.

Понятное дело, чтобы я его услышал, ему пришлось орать на весь дворец. Видно, шут решил, что я туговат на ухо.

— Сколько вас можно ждать, герцог?!

Услышав, что я герцог, женщины резко изменили мнение о моей персоне. Наморщенные носики пропали, и на личиках сразу же поя-

вились кокетливые улыбочки. Их уже не смущал ни мой не самый изысканный наряд, ни синяк на лице. Я был герцогом, а аристократу все простительно.

Я еще раз вежливо улыбнулся и проскочил мимо. От них всего можно ожидать: задурят голову ароматами и, пока будешь находиться в отключке, успеют женить на какой-нибудь смазливой, но жутко обделенной интеллектом придворной дурочке. А потом хоть объясняй, что шут наврал, хоть не объясняй — толку не будет. В лучшем случае папаша дочурки проткнет липового герцога мечом, дабы сохранить никому не нужную честь рода.

Гоблин нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая меня возле массивных белых дверей с золотыми вставками, изображающими охоту на обура. Рядом с дверьми застыли шесть гвардейцев. Пока я шел к ним, шут успел ущипнуть одного из серо-синих за ногу, показать язык другому и попытался вырвать копье у третьего. В общем, гоблин паясничал, как мог. Гвардейцы же, находясь в почетном карауле, даже не пошевелились. Но вот в их глазах я явственно прочел желание прибить маленького змееныша, как только сменится очередной караул.

Увидев, что я приближаюсь, Кли-кли прекратил ломать комедию и толкнул створки.

— Гаррет, не зевай,— весело пропищал он.

Легко сказать! В тронном зале я оказался впервые. Огромный, настолько огромный, что в нем могли поместиться все дворяне королевства, если хорошенько их утрамбовать. А если серьезно, в помещении вполне можно было проводить репетиции военных парадов. По крайней мере, для кавалерии места должно хватить с лихвой.

Окна тоже были огромными. Они начинались прямо от пола, выложенного белой и черной квадратной плиткой, и заканчивались под потолком. Где-то далеко-далеко впереди стоял трон короля, рядом с которым застыли два гвардейца почетного караула. Кроме них, в зале никого не было.

— Не ты ли говорил мне, что король устраивает разнос придворным? — спросил я Кли-кли и тут же заткнулся.

Мой голос усилился в десятки раз и эхом зазвучал в зале. Точно, без магии не обошлось: даже если говорить шепотом, тебя услышит любой человек в любом месте тронного зала.

— Ну я говорил, ну и что? Мало ли чего тебе наговорит шут? — хихикнул гоблин. Прислушался к прозвучавшему эху и занялся крайне ответственным, на его сугубо гоблинский взгляд, делом: поджав левую ногу, запрыгал на правой по белым плиткам пола, стараясь не наступать на черные.

Так мы и прошли весь тронный зал: гоблин на одной ножке, я — размеренной походкой, стараясь преодолеть сильное искушение сорваться на бег и придушить не знающего забот негодяя. Шут доскакал до трона, надо сказать, ничем особым не выделяющегося на общем фоне. Ни литого золота, ни рубинов с голову тигра не было. Ничего из тех богатых и экстравагантных выкрутасов, которыми славились обе Империи. Тамошние императоры стремятся перещеголять друг друга в роскоши. Наш славный Сталкон, да просидит он на этом троне еще сто лет, предпочитал вкладывать золотые не в сомнительные, хоть и красивые, безделушки, а в армию.

Шут, не обращая никакого внимания на молчаливого гвардейца, залез на трон, взял с бархатной подушки королевский скипетр, больше смахивающий на тяжелый чекан (таким вполне можно играючи отбиться от нападающих), и соскочил на пол.

— Не поранься,— поддел я его, за что заработал презрительный взгляд.

Но все же Кли-кли положил новую игрушку обратно на подушку, присовокупив к ней огрызок морковки. Отошел назад, склонив голову набок, как какой-нибудь художник, оценил созданное им произведение искусства и, удовлетворившись результатом, повел меня дальше. В самом конце зала были очередные двери, как две капли воды похожие на те, через которые мы вошли совсем недавно. Шут по-хозяйски пнул их ногой.

— Пр-р-росю! — Гоблин приветственным жестом пригласил меня войти, но потом сообразил, что если он будет тут стоять, то мне представится вполне реальный шанс схватить его. Поэтому Кли-кли ловко юркнул внутрь, в очередной раз избежав расправы, поджидающей его за разбитый магический пузырек.

Я оказался в комнате, куда меня в прошлый раз привел Фраго Лантэн. Всех находившихся в ней я уже знал, так что в представлении они не нуждались. Я вежливо поклонился.

— Полноте, мастер Гаррет,— сказал король.— Оставим весь сомнительный этикет для моих придворных. Присаживайтесь. Почему так долго, Кли-кли?

— А я тут при чем? — Шут скорчил рожицу.— Пока мастера Гаррета расшевелишь... Я его целых пятнадцать минут уговаривал сюда прийти.

Я задохнулся от возмущения, услышав это наглое вранье, но переборол себя и, решив не обращать внимания на королевского дурака, пробормотал:

— Благодарю, Ваше Величество.

Перед тем как сесть на стул, подвинутый мне гоблином, я бросил на него внимательный взгляд. От проклятого насмешника можно

было ожидать любого подвоха. Но Кли-кли выглядел невинной овечкой. Не думаю, что он рискнет при короле подложить мне под зад что-нибудь остренькое.

В этот раз Сталкон нисколько не походил на добродушного трактирщика в свитере и солдатских брюках. Дорогая одежда и тонкий ободок короны на голове казались мне намного более подходящими для этого человека.

— Магистр Арцивус уже рассказал нам, что твое предприятие закончилось удачно,— сказал король.

Арцивус хмурился. Он явно был не в духе. Такая физиономия была у одного моего приятеля, когда он мучился от запора. Надеюсь, у волшебника другая причина для плохого настроения. Архимаг бросил на меня не самый ласковый взгляд, но ничего не сказал.

— Да, ваше величество, я вполне подготовился для нашего... э... маленького предприятия.

— У меня возникло много вопросов. Не будешь ли ты так любезен еще раз рассказать нам о том, что с тобой произошло?

Воля короля — закон, я вздохнул и в который раз за эту неделю стал пересказывать свои приключения, правда, на этот раз ничего не утаивая. Ну, или почти ничего. Про Вальдера я так и не сказал ни слова.

На середине повествования мое горло окончательно пересохло, и я стал говорить все тише и тише. Заметив это, Сталкон едва заметно пошевелил пальцами, и предупредительный шут плеснул мне вина. Я не спускал с него глаз, в бокале вполне могло оказаться слабительное. Затем продолжил историю.

Арцивус лишь иногда вскидывал бровь, обычно в моменты, которые он слышал впервые. Те самые, что я скрыл от него во время нашего путешествия в карете. Самое интересное, что меня не перебивали и слушателям не надоедала моя бесконечная история. Но все подходит к концу, так что я смог облегченно вздохнуть и еще раз промочить горло замечательным вином из королевских погребов.

— Дела...— протянул Кли-кли, первым нарушив тишину.

— Ты слишком мягко выражаешься, дурак,— буркнул Алистан Маркауз. На этот раз он был одет в обычную форму гвардейцев. Надо думать, что знаменитые доспехи, уже успевшие стать легендарными среди воинов Валиостра, остались сегодня не у дел.— Дела кипят, дражайший шут. И как бы нас не обожгло кипятком. Простите, ваше величество, но, как мы ни скрывались, о предстоящем походе все же стало известно врагу.

— Не только врагу,— промурлыкала Миралисса. Сегодня она была без вуали и сменила голубое мирануэхское платье на изумрудное.— Вы забыли о Хозяине.

— Вы раньше слышали о нем? — спросил у эльфийки король.

— Нет.

— Архивы нам тоже не помогут,— хмуро добавил Крыса.— Королевские песочники все эти дни искали и ничего не нашли.

— Ну почему же ничего? — возразил Сталкон.— Кое-что нашли.

— А,— капитан королевской гвардии махнул рукой.— Чушь это.

— О чем идет речь? — оживился Арцивус.

— Понимаете, ваше магичество, перерывая старые хроники, мы наткнулись на допрос некоего Джока Имарго. Того, кого все знают под именем Джока-принесшего-зиму. Он говорил, что его подставили и убийство принца дома Черной розы — это дело рук прихвостней Хозяина. Никакого Хозяина, конечно, никто не нашел, так как о нем никто никогда не слышал, и Джока выдали эльфам.

— Он что-нибудь говорил вам об этом, леди Миралисса? — поинтересовался архимаг.

— Простите, милорды, но я плохо знаю этот отрывок истории.— Миралисса отрицательно покачала головой.— К тому же это было внутреннее дело дома Черной розы, дом Черной луны не вмешивался. Я спрошу у Элла. Один из сопровождающих меня эльфов — из дома Черной розы.

— Хорошо. Будем считать Хозяина вполне реальным и таким же опасным, как Неназываемый. Если не опаснее. Ведь мы так и не поняли, чего он хочет,— сказал король.

— Чего он хочет, и огру понятно,— возразил Кли-кли.— Чтобы Рог в наши руки не попал.

— Многие не хотят, чтобы Рог Радуги вновь вернулся в мир. Орден тоже входит в число тех, кто считает его слишком опасным, но, увы, необходимым средством. Бумаги при тебе, Гаррет? — спросил Арцивус.

Я неохотно кивнул. Слишком много сил было потрачено, чтобы их добыть, и теперь отдавать планы Храд Спайна в руки Ордена не хотелось. Даже на время.

— Позволь взглянуть.

Ничего не оставалось, как залезть в сумку и отдать их архимагу. Волшебник начал изучать карты. Иногда он шевелил губами, натыкаясь на заинтересовавшие его строчки.

Остальные терпеливо ждали, когда архимаг соблаговолит поделиться своими наблюдениями. В этот момент двери в комнату открылись, и вошел уже знакомый мне лейтенант гвардии.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но там гномы.— Лейтенант выглядел немного обескураженным.

— И чего они хотят, Изми?

— Говорят, что гоблин, очень похожий на вашего шута, украл их, точнее вашу, пушку, как только они ее починили.

— То есть? — Король, как и все остальные, не очень понимал, как маленький Кли-кли мог умудриться стащить тяжеленнейшую пушку.

— Гномы говорят, что он колдовал, и она попросту исчезла.— Солдат сам не понимал, как дурак с бубенцами смог такое провернуть.

— Кли-кли, это правда?

Судя по виду гоблина, он думал только об одном — как бы незаметнее улизнуть.

— Ну не совсем...— промямлил шут, изучая носки своих сапог.

— Что значит — не совсем?! — рявкнул король.— Отвечай понятно!

— Ну правда,— буркнул шут, соглашаясь с обвинениями лейтенанта Изми.— Я всего лишь хотел попробовать заклинание из сумки Гаррета!

— Попробовал на мою голову! Кто теперь будет разбираться с гномами?

Шут вежливо промолчал, сделав вид, что ему очень-очень стыдно. В раскаяние Кли-кли никто не поверил, да он и не рассчитывал на такое чудо.

— Она все равно была бракованной,— попытался оправдаться гоблин.

— Взял я тебя на свою голову! — Король раздраженно покачал головой.

Кли-кли еще раз сделал вид, что ему очень-очень стыдно, неловко, и вообще он больше так не будет.

— Попробуй замять это дело.

Бедняга лейтенант, получив невыполнимый приказ, на миг замешкался, но нашел в себе силы согласно кивнуть и удалился на битву с гномами. Задание он получил опасное и трудное. Если не сказать невозможное. Проще уговорить огра не есть человечину, чем успокоить разбушевавшихся гномов, особенно когда они бушуют по серьезной причине, то бишь из-за денег.

— Я...— попытался оправдаться Кли-кли, но наткнулся на разъяренный взгляд Сталкона и заткнулся.

— Вот послушайте,— хмыкнул Арцивус. Архимаг даже не обратил внимания на только что произошедший неприятный инцидент. Все его внимание захватили старые бумаги.— Очень интересная вещь.

Магистр прочитал вслух стих-загадку, который до этого заинтересовал Фора. Но, в отличие от моего учителя, архимагу не надо

было лезть в словари, он вполне свободно владел первым языком орков и эльфов — древнеорочьим.

— Сразу могу сказать, что одно четверостишие является абсолютнейшим и самым наглым воровством, которое я только видел за свою жизнь,— встрял шут, как только Арцивус закончил читать.

— И какое же тебе не понравилось? — удивился архимаг.

Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,
И только один не умрет под мечами,
Один, что сам тени стал ближе, чем брат,—

нараспев продекламировал шут.— Это из книги Брук-грук.

— Из Книги Пророчеств гоблинов? — переспросила Миралисса.— Ты уверен?

— Я в жизни еще не был так уверен. Это точно из Брук-грука. Только тут какие-то грамотеи изменили четверостишие.— Казалось, будто гоблин сейчас просто лопнет от возмущения, что кто-то испортил великое гоблинское пророчество.

— О какой книге идет речь? — не выдержал Алистан. Он, как и я, никогда не слышал ни о каком Брук-как-его-там.

— Любезный граф.— Голос Кли-кли источал ядовитую насмешку.— Вам иногда следует отложить меч в сторону и заняться чтением. Брук-грук, или Книга Пророчеств, была написана безумным шаманом Тре-тре три с половиной тысячи лет назад. Она в стихотворной форме повествует о самых важных и ключевых событиях, которые должны произойти в мире Сиалы в ближайшие десять тысяч лет. Так она предсказала появление Неназываемого. И про Запретную территорию там есть строчки, хотя Орден и не обратил на них в былые времена никакого внимания.

При этих словах гоблина Арцивус нахмурился еще сильнее, но спорить с шутом посчитал ниже своего достоинства.

— Мой дедушка был шаманом,— продолжал Кли-кли.— И меня готовил, вот только я не уродился стать волшебником. Но Книгу Пророчеств помню наизусть, поэтому четверостишие сразу узнал.

Голос шута источал гордость. Думаю, дед-шаман гордился бы внуком не меньше. Запомнить наизусть книжку, написанную каким-то психом,— для этого нужны несомненное упорство и талант.

— И каким же это четверостишие было изначально?

Измучены жаждой и прокляты тьмой,
Немертвые грешники кару несут,
И только один не умрет под клыками,
Один, что с тенями танцует, как брат.

— Не так уж и складно. Предыдущее мне нравилось намного больше,— высказал я свое мнение о поэзии гоблинов.

— На себя посмотри! Великий ценитель литературы и искусства! Это сочинял великий безумный шаман Тре-тре! — осадил меня Кли-кли.

— Оно и видно.— На этот раз я не собирался оставлять последнее слово за шутом.

— Зато мы не крадем чужие пророчества и не превращаем их в сладенькие стишочки,— фыркнул гоблин и демонстративно повернулся ко мне спиной.

Мое незнание литературного шедевра обожравшегося мухоморами шамана гоблинов окончательно уверило маленького шута в моей необразованности.

— Кстати, Кли-кли, что это за пророчество? — продолжил расспрашивать Сталкон.

— Оно называется «Танцующий в тенях». Я могу рассказать его полностью, но это займет пару часиков.

Ого! Похоже, старикан-шаман не знал остановок! Если уж взялся сочинять стишки, так на два часа, не меньше!

— А если кратко?

— Э-э-э...— Шут наморщил лоб.— Скажем так. Это пророчество о человеке, живущем неправедным ремеслом, но решившем послужить на благо своей родины. Там много всего, но в итоге он добудет Спасение для народов Сиалы и остановит врага. Спасение из Таинственных Каменных дворцов Костей. Речь идет о Храд Спайне, если кто не понял.— Кли-кли выразительно глянул на меня.— Это пророчество про тебя, Гаррет. Вот уж не думал, что встречусь с живым героем из книги Брук-грук.

— Да ладно врать-то,— отмахнулся я. Мне не улыбалось стать героем какого-то гоблинского предсказания, придуманного безумным стариком.— Я не верю в дурацкие сказки. Этот ваш Тре-тре что-нибудь перепутал или что-нибудь не то съел. И почему именно я? Что, так мало людей занимаются неправедными делами?

— Там также говорилось, что этот человек свяжет демонов с помощью лошади,— невинно намекнул шут, вколачивая очередной гвоздь в мои надежды вывернуться из всяких там гоблинских пророчеств.

Ну и пусть занимается разгадкой никому не нужной сказки! Главное, что я не верю в бред одуревших от красавки шаманов, а с гоблина много не возьмешь. Он же королевский дурак.

— Так, значит, Танцующий в тенях... Интересно... Вот что, Кли-кли, перепиши-ка мне это предсказание на бумагу, я на досуге ознакомлюсь,— сказал Арцивус.

— Хорошо, ваше магичество. Сделаю в трех экземплярах.

— На нормальной бумаге, Кли-кли! А не как ты написал письмо герцогу Патине! — предупредил шута король.

— Хорошо.— Гоблин немного скис.

Интересно, на чем додумался накалякать дражайший Кли-кли ныне покойному герцогу?

— Игру-у-ушка,— пробасили у меня за спиной, и на середину комнаты выскочил человек.

Приличная рубаха была испачкана, штаны помяты, а на голове царило самое настоящее безобразие. Подлинное птичье гнездо!

— Хочу игрушку.— Человек шлепнулся на пол и стукнул ногой.

Старший сын и неудавшийся наследник — Сталкон Лишенный Короны собственной персоной.

Никто не знал, что это было — наказание богов или просто так уж получилось, но старший сын короля Сталкона Девятого, мой ровесник, обладал разумом четырехлетнего ребенка. Естественно, он не мог претендовать на корону, которую теперь должен был получить младший принц — тоже, как и все мужчины этой династии, носивший имя Сталкон.

К старшему же приставили нескольких нянек, и он жил в своем сказочном, детском и, наверное, очень счастливом мирке, в котором не было боли, грязи и крови настоящего, реального мира.

— Разве ты не должен спать? Где твои няньки? — спросил король у сына. В его голосе слышалась необычайная ласка.

— Бяки! — Вот и все, что думал принц о своих воспитательницах.

— Я отведу его,— вмешался Кли-кли.— Пойдем со мной, Сталкоша, пойдем. Я тебе игрушку дам.

— Игрушка?! — Старший сын короля проворно вскочил на ноги и протопал за уже выскользнувшим из двери шутом.

В комнате повисло молчание.

— Я приношу свои извинения.

— Ну что вы, ваше величество.— Желтые глаза эльфийки понимающе сверкнули.— Это не ваша вина...

— А чья, если не моя? Богов? — В голосе короля послышалась горечь.

Ему никто не ответил.

Я понимал этого человека. Когда ни с того ни с сего здоровый двадцатилетний наследник вдруг превращается в идиота с разумом четырехлетнего ребенка и все надежды рушатся, это ужасно. И страшно. Но наш король всегда слыл сильным человеком. Он смог пережить и это. А если не пережить, то хотя бы не показывать свое горе. Ходили слухи, что юного принца поразила магия. Но что за темное волшебство это было и кто его создал, распространители

слухов сказать не успели. Вездесущие Королевские песочники заткнули ребяткам рот, навсегда спровадив их в Серые камни, а может, и в более отдаленные места.

— Значит, это пророчество о тебе, Гаррет.— Сталкон наконец нарушил тягостное молчание.

— Я очень сомневаюсь в этом, Ваше Величество.— Я действительно не верил в гоблинские байки.— Досадное совпадение, и ничего больше.

— Вряд ли это о нашем любезном воре,— поддержал меня милорд Алистан.— Воры не попадают в пророчества. Самое лучшее, на что может рассчитывать вор, — это угодить в Серые камни.

Последняя фраза капитана гвардии предназначалась конечно же исключительно для меня.

— Ошибка невозможна.— Кли-кли появился бесшумно и сел на ковер.— Книга Брук-грук еще ни разу не ошибалась.

— Зато шуты имеют склонность ошибаться! — не согласился Арцивус.— Давайте диспуты по поводу причастности Гаррета к различным тайнам истории оставим на следующий раз.

— Следующего раза не будет,— буркнул гоблин, но спорить с главой Ордена не осмелился.

Арцивус тоже уделил мало внимания гоблинской сказке. Орден в этом отношении вообще очень старомоден и не обращает внимания ни на какие прорицания, если только их не сотворили маги из башни.

— Леди Миралисса, не подскажете, что такое упомянутая в стихе Селена?

— Селена? Это на древнеорочьем, первом языке этого мира, если не считать огрского. Очень странный диалект. Если пофантазировать, то Селена — не более чем игра слов. Селаржын — на старом языке «луна», ена — «фиолетовый». Фиолетовая луна? Мне такое слово встречается впервые. В наших Анналах Кроны оно не упоминалось.

— Получается, в Храд Спайне есть фиолетовая луна,— хихикнул Кли-кли. Его сей факт отчего-то очень сильно позабавил.

— Это только мой предполагаемый перевод.— Миралисса едва заметно нахмурилась.— Над бумагами следует поработать, прежде чем мы поймем, что к чему.

— И поработают, не сомневайтесь, принцесса, поработают. Гаррет! — Арцивус обратился ко мне.— Ты не возражаешь, если я возьму документ?

Я безразлично пожал плечами. А почему бы и нет? Стихотворение я вполне сносно помню наизусть, пусть берет, может, Орден что и раскопает.

— Ну и чудесно,— обрадовался Арцивус, протягивая остальные бумаги гоблину, чтобы тот передал их мне.

Кли-кли отвесил шутливый реверанс в лучших традициях придворных дам, сложил ножки крестиком, присел и протянул бумаги. Я убрал их в сумку, не обращая на дурака никакого внимания, что, кажется, его не очень сильно расстроило. Во всяком случае, он незаметно для окружающих скорчил мне рожицу и вновь вернулся на ковер.

— У меня еще два вопроса. Что такое залы Уснувшего шепота и эха?

— Не знаю, Гаррет. У нас в Заграбе ходят легенды о многих страшных вещах, находящихся в Костяных дворцах, но я к ним попросту не прислушивалась. По крайней мере, про такие залы в Храд Спайне ничего никогда не слышала.

— А кто такие Кайю?

— Точнее, слепые стражи Кайю,— поправила меня эльфийка.— Это еще одна сказка из тех, что живут уже второе тысячелетие. Она появилась в то время, когда мы стали воевать в Костяных дворцах с орками. Чтобы защитить могилы эльфийских владык от надругательства, наши шаманы вызвали из далеких миров существ, дабы они вечно оберегали покой мертвых. Это очень-очень старая легенда. Никто уже сотни лет не был на тех ярусах, а наши записи о Кайю противоречат друг другу.

— Интересно, как слепые могут кого-то охранять?

— Палочкой, мой любезный вор, палочкой,— объяснил мне шут.— Ходят туда-сюда и палочкой по полу стучат. Ну, иногда еще друг на друга натыкаются и ругаться начинают.

— Кли-кли, помолчи.

— Замолкаю, милорд Крыса.

— Вы выступаете завтра утром,— сказал король.— Леди Миралисса и ее спутники поведут отряд по лесам Заграбы. Алистан, ты командуешь. Постарайтесь нигде не задерживаться и вернуться как можно быстрее. Едва настанет весна и растают снега на перевале, Неназываемый выступит из Безлюдных земель.

— Мой король, быть может, стоит послать к Одинокому Великану несколько тысяч воинов для поддержки?

— Нет смысла. Дикие все равно не выстоят. Регулярная армия им будет только мешать. Одинокий Великан — это всего лишь маленькая плотина, и она лопнет под объединенным натиском Безлюдных земель. Граница всегда держалась только на храбрости Диких и из-за неспособности агрессора объединиться. Послать туда армию, Алистан, значит рискнуть жизнью королевства. Да ты и сам это понимаешь. Мы отправим в крепость сотню «Бобровых шапок» и Ве-

селых висельников с двух кораблей. Они помогут Сердцам продержаться как можно дольше. Неделю, в крайнем случае две, чтобы я успел подготовить контрудар. Ближе к зиме нужно будет отправить еще тысячу солдат.

— Мой отец и другие главы домов собираются прислать вам в помощь около трехсот лучников,— сообщила Миралисса.

— Да? — Это известие обрадовало не только короля.— Передайте мою благодарность вашему отцу, миледи.

Я хмыкнул. Многим покажется, что триста лучников — это капля в море... Что ж, это действительно так, если только они не эльфы. Триста эльфийских лучников способны устроить смертельную жатву среди врагов. Прошло уже восемьсот лет с тех пор, как Филанд чего-то не поделил со светлыми эльфами И'альяла, но все до сих пор помнят, как неполные три десятка эльфов разгромили тяжелую кавалерию филандцев. Попадая между сочленениями доспехов или в смотровые щели шлемов, выпуская по двадцать стрел в минуту, горстка эльфов заставила отступить четыре отборные сотни кавалерии. Точнее, отступить успели только двести человек. Еще столько же осталось лежать на земле.

— Мы пройдем через Валиостр, пересечем Иселину и войдем в леса из Пограничного королевства,— между тем сказала Миралисса.

— Места там опасные,— неодобрительно нахмурился Маркауз.— Это территория орков.

— Но здесь находится ближайший к нам вход в Костяные дворцы, до второго нужно будет еще три недели пробираться через леса Заграбы.— Миралисса поправила выбившуюся из высокой прически прядь пепельно-серых волос.— Так что нам придется рискнуть, как и предыдущим отрядам.

Алистан Маркауз ничего не сказал, но и ежу было бы понятно, что он не очень доволен перспективой добираться до Храд Спайна через леса орков. Как и я. По мне уж лучше сидеть дома и попивать вино.

— Думаю, за месяц вы достигнете цели своего путешествия. То есть в первых числах августа должны быть на месте,— произнес Арцивус.

— Это если не будет никаких непредвиденных обстоятельств,— возразил Сталкон.

Все сразу поняли, о каких таких обстоятельствах идет речь — тех самых, что не дали закончить экспедицию первым двум группам.

— Надеюсь, все сложится удачно. А за то время, пока мы будем в походе, нужно готовить армию. На наше предприятие надежды мало.

Граф Алистан не очень-то стремился отправляться в путешествие. Вполне понятное нежелание. Мало того что придется проводить время в компании с вором, так еще и короля оставить без опеки.

— Ты ведь знаешь, что армию я уже готовлю,— раздраженно отмахнулся Сталкон.— Но нас все равно мало. Катастрофически мало. Что такое несколько десятков тысяч против бесчисленных полчищ из Безлюдных земель? Король Шаргаз принес свои извинения и не пришлет нам ни одного солдата. Все Пограничье сейчас возле лесов Заграбы, орки обнаглели. Пограничное королевство ждет нападения, и им нужен каждый воин. Кстати, Гаррет, все, что я хотел от тебя услышать — услышал. Можешь быть свободен. Не думаю, что тебе интересны государственные дела. Кли-кли, проводи гостя и покажи ему его комнату, вещи и все остальное.

Я понял, что разговор окончен, встал, поклонился и вышел вслед за шутом. Мне действительно неинтересно слушать, сколько кавалерии перебросить на левый фланг и какое количество провианта понадобится арбалетчикам.

— Следуй за мной, Танцующий в тенях.— В голосе шута слышалось неимоверное количество официальности.

— Не называй меня так.

— Почему? — невинно скосил на меня глаза гоблин.

— Потому что я не хочу!

— О! — понимающе сказал шут.— Тогда не буду.

Мы вновь пересекли громаду тронного зала, теперь в обратном направлении, и вышли в коридоры дворца.

— Ты что предпочитаешь увидеть сначала? Свое временное место обиталища или нового друга?

— Какого еще друга?

— Пойдем покажу.

Идти пришлось довольно долго. Выйдя из здания, мы прошли мимо опустевшего садика — из всех Диких там остался лишь Горлопан, видевший уже свой четвертый, если не пятый, сон.

— Кли-кли,— спросил я у шута по дороге,— а эти Дикие, откуда они?

— Естественно, из Одинокого Великана,— фыркнул гоблин.

— Да нет же,— раздраженно фыркнул я в ответ.— Из какого подразделения Диких?

— О! Все, кроме Арнха, из Шипов. Арнх из Стальных лбов.

Шипы... Вот теперь я действительно был спокоен за свою шкуру. С такими ребятами очень сложно попасть в неприятную ситуацию. Даже если сильно стараться. Да и о мастерстве Толстолобиков, как

называли Стальных лбов другие воины, ходит куча различных историй.

Наконец шут привел меня к хозяйственным постройкам, стоящим довольно далеко от дворца. А если быть абсолютно точным — гоблин вывел меня прямо к конюшне. Здесь пахло свежим сеном и навозом (тоже, кстати, свежим). Лошади в стойлах с интересом косились на незваных пришельцев. То и дело кто-нибудь из них тянулся к нам мордой, в надежде получить угощение.

Лошадок здесь было с полсотни. Изящные доралисские кони, невозмутимые тяжеловозы, мощные, кажущиеся непосвященному такими страшными, боевые лошади Низины...

— Вот, познакомься.— Шут положил руку на морду крупной кобылы пепельного цвета.— Это Пчелка. Она теперь твоя.

— М-да? — неуверенно спросил я.

— В чем дело, Гаррет? — нахмурился Кли-кли.— Тебе не нравится подарок короля?

— Ну почему не нравится? — Я погладил за ухом потянувшуюся ко мне лошадь низинской породы.— Очень даже нравится. Просто я не очень хорошо умею на них ездить.

— То есть как?

— То есть так,— раздраженно ответил я гоблину.— По-твоему, у меня дел больше не было? Только и оставалось кататься на лошадях туда-сюда по Авендуму? Куда мне раньше было ездить, скажи на милость?

— Мм, дела...— протянул гоблин и почесал в затылке.— Ладно, я тебя сегодня научу.

Я посмотрел на шута с таким видом, словно он предложил мне поцеловать ядовитую змею.

— Гаррет, успокойся. Я действительно могу тебе помочь. Это довольно просто. Пчелка умная, ее обучали. К тому же она — боевой конь, то есть кобылица, то есть кобылка, то есть коняшка... Ну ты понял... Вот! На, угости ее.

Кли-кли достал откуда-то здоровенное красное яблоко и протянул мне.

— Не гнилое? — Я еще помнил, чем шут пытался накормить зверушку Сурка.

Гоблин посмотрел на меня так, будто я плюнул ему в душу, а Пчелка весело захрумкала угощением, и в ее миролюбивом взгляде стало еще больше доброжелательности. Не очень верится, что она боевая кобылка... Тьфу! Привязалось!

— Пошли, покажу тебе комнату.— Кли-кли потянул меня за рукав.— Там, кстати, вещи. Карлик вместе с кольцом принес.

Значит, Хонхель уже притащил то, что я не забрал из его лавки в вечер покупки. Я безропотно пошел за королевским шутом, понимая, что сегодня он с меня не слезет и придется терпеть его до завтрашнего утра, когда я с радостью помашу зеленому гоблину рукой.

— Кстати, нам нужно зайти к оружейнику и подобрать тебе приличный меч и кольчугу.— Кли-кли прямо распирало от жажды деятельности.

— Вот уж не надо мне такого подарочка.— Я отрицательно покачал головой.

— Ы-ы-ы...— Гоблин показал мне зубы.— Что не так на этот раз?

— Меч мне нужен так же, как удавка утопленнику. Я все равно не умею с ним обращаться. Мне, любезный шут, достаточно вот этого.— Я похлопал рукой по короткому клинку на бедре и сунул под зеленый нос королевского дурака арбалет.

— Ну как знаешь.— Ему лень было со мной спорить.— Тогда подберем тебе броню.

— Я ведь не Алистан Маркауз, Кли-кли! И не собираюсь таскать на себе выработку целой шахты гномов!

— Не нервничай. Найдем тебе легкую и безопасную броню.— Гоблин не унывал.

— Да не нужна она мне! В кольчуге двигаться неудобно! Тем более, я не собираюсь лезть в авантюры!

— Гаррет! — Шут направил на меня палец и вынес вердикт: — Ты скучный и неинтересный тип.

Хоть в чем-то мы с гоблином пришли к единому мнению.

Глава 19
НОЧЬ ВО ДВОРЦЕ

Удача в последнее время решила самым невоспитанным образом от меня отвернуться. Поэтому я нисколько не удивился, что в последнюю ночь, когда я хотел нормально отоспаться, поспать мне и не дали. Даже в апартаментах, находящихся на втором этаже королевского дворца, найдется гад, способный устроить тебе неприятности.

Разочарованно застонав, проклиная все и вся, я перевернулся на спину и уставился в потолок. Трусливый сон сбежал от меня, как здоровый сбегает от прокаженного. Поначалу я решил, что меня разбудила очередная проделка гоблина. Но маленького шута поблизости не было. Я очень надеялся, что он спит без задних ног, где-нибудь подальше отсюда, намаявшись за день. Шутка ли, преподать Гаррету урок управления лошадью, да еще так достать нытьем по

поводу невыбранной кольчуги, что мне пришлось уступить его требованиям и подобрать себе железную рубаху из королевской оружейной. Шут остался доволен и с победной улыбкой отправился на боковую.

Но если дело не в Кли-кли, то что же заставило меня проснуться? Вот опять! Точно! Все дело в криках! Именно они меня разбудили. А еще звон оружия.

Вначале я подумал, что возмутители спокойствия— обычные напившиеся ребята, возвращающиеся, например, с гулянки, устроенной младшим сыном Сталкона. Но вряд ли они будут греметь клинками. Во всяком случае, настолько громко.

Судя по всему, в коридорах дворца кипела схватка. Вот только кто, с кем и по какой причине сражается?

Раздумывал я на ходу, стараясь в темноте надеть штаны и одновременно нащупать оставленный на стуле арбалет и сумку с болтами. На улице загудели горны, поднимая на ноги гвардию. Вначале один, затем другой, и через короткий промежуток времени сигнал тревоги звучал по всей территории дворца.

Схватив арбалет, я бросился к окну. Речи о том, чтобы зажечь свечу, не было. Слишком много времени нужно потратить, чтобы ее найти. Придется заряжать арбалет при свете звезд. Нет, я могу зарядить его и в полной темноте, но будет обидно перепутать обычный болт с каким-нибудь из волшебных, а затем пальнуть и самому оказаться поджаренным...

Тревога! Тревога! — перекликались горны.

На улице суетились люди с зажженными факелами, по какой-то причине ни один из волшебных фонарей, сооруженных на территории дворца Орденом, не горел. Прямо под моим окном пробежали несколько гвардейцев, двое несли на руках раненого. Чуть дальше, направляясь в противоположную сторону, двигался еще один отряд воинов, наконечники копий в их руках грозно блестели в дрожащем свете.

Две человеческие тени выскочили из дворца и бросились бежать в глубь сада. Кто-то из гвардейцев первого отряда заметил беглецов, и, оставив раненого на попечение двух товарищей, воины бросились преследовать убегавших.

Остановившись, один из преследуемых вскинул руки. Затем стал крутиться и раскачиваться из стороны в сторону. Гвардейцы перешли с бега на шаг, осторожно приближаясь к незнакомцам и не очень-то понимая, что вытворяет этот сумасшедший. Разгадка раскрылась слишком поздно: Прекратив свое безумство, человек резко вскинул руку в сторону воинов, и гвардейцев раскидало в разные стороны, словно детские соломенные игрушки.

Тьма! Это же самый настоящий шаман!

И тут же в ответ на магию шамана откуда-то с верхних этажей дворца ударил серебристый росчерк молнии. От неожиданности я пригнулся, пытаясь прогнать разноцветную карусель, закружившуюся перед глазами, а когда вновь смог нормально видеть — беглецов не существовало. На том месте, где они только что находились, красовался огромный черный круг выжженной земли. По его краям еще горела трава. Маг Ордена жахнул по врагам от всей души. От злоумышленников ничего не осталось.

Вновь запели горны, возвещая о тревоге и призывая к оружию. Гвалт за дверью стоял невообразимый, бой уже шел в начале того коридора, где располагалась моя спальня. Выходит, злоумышленников намного больше, иначе отчего не слышно победных криков многочисленных гвардейцев?

— Король! Сталкон! Валиостр! — раздался боевой клич королевской гвардии.

— Неназываемый! Месть! — ответили им.

Так вот кто решился на такой шаг! Сторонники Неназываемого!

Эти гады повсюду. Похоже, иногда в сочувствии к Неназываемому стоит подозревать даже родного и любимого дядюшку-одуванчика, который и мухи-то в обычной жизни не обидит. И чем сильнее становится мятежный маг, тем больше сторонников он обретает среди рода человеческого.

Не понимаю я таких людей. Что ими движет? На что они надеются, вступая на дорогу предательства?

Кто-то усиленно задолбил в мою дверь, и я на всякий случай направил на нее арбалет.

— Гаррет, это Кли-кли! Отпирай скорее!

Голос вполне походил на тот, что был у королевского шута.

Схватка довольно живо продвигалась в мою сторону, и если за дверью действительно маленький гоблин, то он может попасть в большие неприятности.

Я поспешно отпер замок.

— Я не один, не стреляй.— Кли-кли прошмыгнул ко мне в спальню маленькой зеленой мышкой, и сразу за ним проследовали еще две тени. Они были чуть побольше, чем гоблин, но гораздо меньше меня.

— Закрой дверь,— подкинул гоблин хорошую идею.— Делер, зажги огонь.

Я сделал то, что было велено, и повернул ключ, подумывая, не забаррикадировать ли дверь мебелью?

Вспыхнул маленький огонек, а затем и факел, осветивший лица моих гостей. Шут оказался без своего колпака с бубенцами, его фи-

зиономия была необычайно серьезной и сосредоточенной. На правой щеке темнела неглубокая царапина. Двумя руками Кли-кли крепко сжимал топор, наверное снятый со стены. Во дворце такого оружейного барахла, как я уже успел убедиться, предостаточно. Оружие, на мой взгляд, было для гоблина слишком тяжелым.

Рядом с шутом стоял Делер, удерживая в одной руке факел, а в другой — обоюдоострую секиру с хищными полумесяцами лезвий. В отличие от гоблина карлик не выглядел растрепанным. Даже шляпа с узкими полями, почему-то так напомнившая мне походный котелок, на голове у недомерка сидела как влитая.

Третьим гостем оказался Халлас. Он, не обращая на меня никакого внимания, будто пришел в гости к себе в Стальные шахты, подбежал к окну и выглянул на улицу. Боевую мотыгу гном небрежно прислонил к стене.

— Это мастер Гаррет,— представил меня воинам Кли-кли.

Делер вежливо снял шляпу, гном просто кивнул.

— Что случилось, Кли-кли? — спросил я у гоблина.

— Нападение! Они к королю пробирались, но гвардейцы заподозрили неладное, и пошла потеха!

— И как, стервецы, обнаглели! — загудел Делер.— Переоделись в мундиры гвардии!

— Да кто они такие?

— Раки,— сплюнул гном, не отрываясь от окна.— Выкормыши Рачьего герцогства! Да и другие сторонники Неназываемого, небось из ваших городских!

Он скорчил рожу, говорящую о том, что к жителям Авендума Халлас относится ничуть не лучше, чем к гхолам.

— В общем, так, Гаррет,— деловито зачастил шут.— Один из этих отрядов сейчас движется по коридору сюда. Парни Алистана его сдерживают, но все равно отступают, силы слишком неравны. Мы должны им помочь.

За окнами раздался гвалт ничуть не слабее, чем за дверью.

— Эти отвоевались,— хохотнул Халлас и от избытка чувств ударил кулаком по подоконнику.— Гвардейцы их всех на копья посадили!

— Отойди ты от окна, дурак бородатый! — не выдержал карлик.— Нам сейчас других выручать надо!

— Сам дурак! — отмахнулся от напарника гном, но все же подошел к нам, захватив по дороге мотыгу.

— Как мы им поможем, Кли-кли? — спросил я, надевая рубаху и не обращая внимания на перебранку между Дикими

Четверо против скольких? С учетом того, что двое и оружие-то толком держать не умеют. Или карлик с гномом настолько хороши, что мы им с гоблином без надобности?

— Гвардейцы отступают, эти гады за ними, как только убийцы пройдут мимо нашей двери — у них будут открыты спины. Вот тут мы и ударим.

— Уже близко.— Гном, приложив ухо к двери, вслушивался в драку.

Видно, на лице у меня отразилось слишком скептическое отношение к безумному плану гоблина, поэтому Кли-кли добавил:

— Гаррет, пораскинь мозгами! У тебя ведь есть болты, заряженные огненной магией и льдом! Шандарахнем им в спину, мало не покажется!

— А ты откуда знаешь, что у меня есть? — Я уже разряжал арбалет, вытаскивая обычные болты.

Сумку с остальными зарядами я, поколебавшись, перекинул через плечо.

— А я покопался в тех вещах, что твой карлик-торговец вместе с кольцом Сталкона притащил,— нисколько не смущаясь, ответил Кли-кли.

— Еще чуть-чуть! — Делер присоединился к Халласу и застыл перед дверью, держа факел и взяв секиру на изготовку.

— Господа, вы сейчас не лезьте,— предупредил я Диких.— А то и вам от моих болтов достанется.

— Магия,— скорчил презрительную гримасу гном.

— Ты мне тут поумничай,— бухнул Делер.— Как скажете, мастер Гаррет. А этому умнику я, если что, бороду оторву!

— Руки коротки,— парировал гном.— Сейчас как дам мотыгой!

— Ох, договоришься ты у меня, мотыжник.— Делер нехорошо сощурил глаза.— Кэ-э-эк стукну стулом! Сунешься вперед, поджаришься! Помяни мое слово!

— Делер сейчас стулом одному из этих голову проломил,— гордо сказал шут, как будто в этом была его заслуга, а не карлика.— Мы как раз отмечали, когда они появились и весь праздник испортили. Гады!

Что они отмечали, я спросить уже не успел, так как гном рявкнул:

— Пора!

Он распахнул дверь и вместе с карликом выкатился в коридор. Мы с Кли-кли последовали сразу за ними. Я успел старательно помолиться, чтобы не попасть на лезвие чьего-нибудь меча.

Гвардейцы дрались отчаянно, но отступали. А на них напирало человек двадцать пять в точно таких же, как у них, серо-синих мун-

дирах, но с белыми повязками на рукавах. К счастью, коридор был довольно узок, поэтому люди короля с грехом пополам сдерживали нападающих, которые не могли воспользоваться тем, что их большинство. К тому же копья в руках малочисленных сторонников Его Величества давали небольшое преимущество перед врагом. Продвигались нападающие в два ряда. Задние пока не вступали в битву и просто шли следом. Их спины были беззащитны...

Воспользоваться этим следовало как можно быстрее. Гвардейцы из последних сил сдерживали натиск противника.

— Чего ты ждешь?! — завопил на меня Кли-кли, возбужденно взмахнув топором и чуть не попав в голову переминающегося от нетерпения гнома.— Стреляй!

Щелк!

Болт попал в толпу наседающих заговорщиков и взорвался, выпуская огненного элементаля на свободу. Громыхнуло, вспыхнуло, кто-то заорал от ужаса и боли. По крайней мере пятерка убийц отправилась во тьму. От человека, в которого я попал, остались лишь головешки. Но надо отдать врагам должное — они быстренько разобрались, в чем тут дело. Семеро человек отделились от отряда, продолжившего битву с гвардейцами, и направились в нашу сторону.

Гном, рыча, бросился наперерез бежавшим к нам воинам, но Делер швырнул в бегущих факел, освободившейся рукой успел схватить Халласа за бороду и резко дернуть вниз. Халлас взвыл от неожиданности и обиды и упал на пол. Делер и Кли-кли последовали за ним, зная, что сейчас произойдет.

Я выстрелил второй раз, целясь в здоровенного детину, несущегося на меня бодрой прытью одуревшего от счастья кабана. На этот раз пронзительно зазвенело, снежный элементаль освободился из магической ловушки, и лицо закололо от сотен холодных иголочек. Удар произошел довольно близко, и я только чудом избежал неприятностей для своей шкуры. Детина, как и следовало ожидать, развалился на две ледяные половинки, еще двоим, бежавшим сразу за ним, попросту заморозило все выступающие части тела. Остальные оглушенно трясли головами, закрывали глаза, скользили по ледяному настилу и дружно вопили. Особенно тот парень, у которого вместо пальцев теперь были сосульки, а одежда покрылась снежной коркой.

Халлас рявкнул что-то насчет того, что дайте срок — и он доберется до скотины, посмевшей схватить его за бороду, а затем принялся бить еще не отошедших от последствий выстрела врагов. Делер тоже решил не оставаться без забавы, и его секира запела песнь в унисон боевой мотыге гнома. Один из врагов попытался ударить карлика мечом сверху вниз, но рыжий поднырнул под падающий

клинок и перерубил ретивому воину обе ноги. Тот, захлебываясь криком, упал, и его безжалостно добил гном, опустив мотыгу на голову. Буквально за полминуты из бравой семерки, точнее четверки, оставшихся в живых после моего выстрела никого не осталось. Карлик с гномом работали слаженно и вдохновенно.

— Сталкон и Одинокий Великан! — заорал Халлас и, потрясая мотыгой, побежал к оставшимся врагам, которые в это время сражались с приободрившимися от нежданно свалившейся помощи гвардейцами.

Делер последовал за ним.

Теперь перевес был уже на нашей стороне, и гвардейцы с дружным ревом сминали последнее сопротивление.

— Как мы их! — воодушевленно сказал Кли-кли.

Гоблин стоял, широко расставив коротенькие ножки, и топор, казавшийся огромным в его руках, касался лезвием мраморного пола. Шут заметил мой скептический взгляд.

— Ладно, ладно, Гаррет! Ты их,— миролюбиво согласился он.— Но если бы я тебя не охранял...

— Это ты меня охранял? — возмутился я, между делом перезаряжая арбалет, на этот раз обычными болтами.

— Я! — Смутить шута было довольно сложно.— Ну а если ты не согласен, что я спас тебя, то моя заслуга все равно стоит всех сокровищ Сиалы. Ведь это я придумал гениальный план нападения на ничего не подозревающего противника.

— Смотри не умри от бахвальства,— ответил я Кли-кли, наблюдая, как последнего злоумышленника протыкает гвардейский меч.

— Сзади, Гаррет! — взвизгнул гоблин, и я резко обернулся.

С другой стороны коридора к нам приближался целый отряд воинов, но понять, кто это такие — гвардейцы или переодетые в гвардейскую форму враги, было сложно.

Увидев, что я направил арбалет в их сторону, неизвестные закричали:

— Сталкон и Весенний Жасмин!

— Гаррет, это свои! — крикнул шут, опасаясь, что я ненароком подстрелю младшего сына короля, получившего прозвище Весеннего Жасмина за случай, когда... Но это уже другая история, надеюсь, на нее еще найдется и время, и место, и благодарные слушатели.

Многочисленный отряд гвардейцев под командованием Сталкона-Жасмина поравнялся с нами.

— Вижу, Кли-кли, что ты тоже воюешь,— усмехнулся принц.

Ему было всего шестнадцать, но паренек уверенно держал меч, а господа гвардейцы готовы были прыгнуть на горячие угли вслед за будущим королем. В юном Сталконе чувствовалась порода. Он не

очень походил на своего отца и старшего брата — Сталкона Лишенного Короны. Стройный и гибкий принц больше напоминал мать, вторую жену Сталкона Девятого.

— Наш славный шут всех победит,— весело хохотнул уже знакомый мне по встрече возле ворот гвардеец-барон.

— Мы их здорово вздули! — К нам подошел Халлас, его мотыга по самую рукоять была в крови.

Стали подтягиваться и другие гвардейцы из отряда, которому мы помогли выстоять.

— Мой принц! — Рубаха лейтенанта Изми намокла от крови, но стоял он крепко, не обращая внимания на легкую рану на предплечье.— Я счастлив, что вы пришли нам на подмогу!

— Это не он пришел! — Шут не собирался оставаться в стороне и намеревался получить свою долю славы и благодарности.— Если бы я не придумал гениальный план, мастер Гаррет не выстрелил волшебными болтами, а славные господа Делер и Халлас не поработали железом, быть бы вам, лейтенант, на том свете.

— Я обязательно награжу тебя орденом, дорогой Кликли.— Принц постарался сохранить серьезное выражение лица.

— И маршальским жезлом,— немного оттаяв, буркнул гоблин.

— Я подумаю.— Все же принц улыбнулся.

Некоторые гвардейцы попросту хохотали. Как будто и не было никакого боя. Вновь запели горны, но теперь в их голосах слышались победные нотки, и тут же к принцу подбежал гонец и зачастил скороговоркой:

— Северное и Западное крыло дворца полностью освобождены, в Восточном еще идут отдельные схватки, но милорд Алистан с гвардией разберутся с ублюдками сами. На третьем этаже Южного крыла кипит бой. Враг хорошо укрепился в малом бальном зале, и мы не можем его выкурить.

— Что с отцом? — коротко бросил принц.

— Король в безопасности. Вместе с тремя отрядами идет на соединение с милордом Маркаузом. Он просит вас зайти в Южное крыло с Жемчужной лестницы, а Алистан пройдет из зала Цветов.

— Идемте, прижмем мокриц! — гаркнул принц.

Гвардейцы ринулись вслед за будущим королем. Гном и карлик увязались следом, причем шли они в первом ряду и чуть ли не обгоняли молодого Сталкона. Воистину этим расам только бы повоевать!

— Пошли, Гаррет.— Кли-кли дернул меня за край расстегнутой рубахи.— Твой арбалет еще понадобится!

— Я вор, а не солдат,— запротестовал я.— К тому же людей с арбалетами тут хватает.

Действительно, среди гвардейцев я насчитал по крайней мере восьмерых, несших тяжелые армейские арбалеты, болты которых способны прошить воина в тяжелых доспехах. Но я все же пошел вместе со всеми, так в общем-то и не поняв, что меня подвигло на столь безумный поступок.

Следы боя были повсюду. Валяющееся оружие, разбитые вазы, сорванные гобелены, кровь и тела. На полу лежали и гвардейцы, и самозванцы. К утру кто-то должен лишиться головы. Во дворец проникли не пятьдесят и даже не сто бойцов. Счет шел на сотни, а эти сотни никак не могли попасть сюда без посторонней помощи. Значит, предатели есть среди дворцовых слуг, и, боюсь, даже в рядах гвардии. Королевским песочникам предстоит большая работа по выявлению злодеев.

Во время продвижения отряда по коридорам, лестницам и залам дворца к нам присоединялись гвардейцы. Иногда это был один человек, иногда сразу двадцать. Бой закончился, критическая точка битвы, когда решается, на чьей стороне сегодня будет богиня войны Сагра, перевалила за середину. Мы выстояли.

Враг думал, что серо-синие дадут застать себя врасплох, и поплатился за это. Какую бы цель ни ставили перед собой сторонники Неназываемого, в этот раз у них ничего не вышло, а следующего раза, думаю, уже не будет. Во всяком случае, такого дерзкого нападения. Милорд Крыса приложит все усилия, чтобы даже мышка не прошмыгнула, не то что несколько сотен убийц.

— Измн, бери четыре десятка и заходи в Южное крыло через сад! — отдал приказ принц.— Захлопнем мышеловку!

— Маркиз Вартек, ваши люди готовы? — спросил Сталкон у беловолосого гвардейца.

— Да! — Еще один мой знакомый с ворот сейчас был необычайно сосредоточен.

— По северному коридору, прижмите их к стене, остальные за мной!

— Гаррет, мы с маркизом! — Кли-кли полностью взял на себя командование моими дальнейшими действиями.

Остальные гвардейцы между тем уже уходили за принцем в очередной коридор.

— Лишний арбалет не помешает,— кивнул Вартек, принимая в свой маленький отряд нашу компанию.

— Как и секира! — Делер все же умудрился в пылу боя потерять свою шляпу.

— Как и мотыга! — возразил гном, сунув под нос карлику окровавленное оружие.

Я тихо застонал, предвидя очередной спор, но Вартек с восемью арбалетчиками уже поднимались по лестнице, поэтому Делер только сплюнул под ноги и поспешил вслед за солдатами. Халлас решил не отставать от напарника, закинул мотыгу на плечо и, пыхтя, тоже засеменил по лестнице. Я и шут замыкали шествие, причем Кли-кли выглядел таким воинственным, что, выскочи на нас Х'сан'Хор, неизвестно, что бы с ним случилось от страха.

— Тебе не тяжело? — заботливо спросил я у гоблина.— Бросил бы топорик-то.

— Ты за собой следи,— процедил шут, но все же, как только мы натолкнулись на очередные последствия дворцовой схватки, отбросил тяжеленный топор в сторону и поднял длинный кинжал с листообразным лезвием. Шут пару раз взмахнул оружием, чуть не отрезал себе ухо и остался вполне доволен новым приобретением.

Мы свернули в широкий темный коридор. Тут не было ни факелов, ни фонарей. То ли их погасили, то ли попросту не успели зажечь. Лишь впереди, шагах в ста, горел свет, так что нам пришлось идти почти на ощупь. Никто, к счастью, не упал, лишь Делер разразился стонами и шипением, когда кто-то в темноте наступил ему на ногу. Но карлик приберег ругань на другой раз и поэтому только буркнул себе под нос что-то на гномьем языке, стараясь больше не попадаться людям под ноги.

В этой части дворца четыре коридора сходились в одном месте, выводя путников в огромный зал с зеркальными стенами. Конечно, он был не таким гигантским, как тронный, но достаточно большим, чтобы в нем собрались последние сторонники Неназываемого. Они сгрудились в центре, обнажили оружие и ждали. Человек сорок в середине круга. За их спинами было что-то большое и темное, накрытое сверху черной тряпкой. Я толком не смог рассмотреть, что это такое — спины обороняющихся надежно скрывали неизвестную вещь.

Мы перекрыли все четыре коридора: с одной стороны подошел принц с гвардейцами, с другой — отряд Изми, с третьей — Алистан Маркауз в любимой броне, он и копейщики медленно подбирались к врагам, сжимая кольцо. А с четвертой были мы, да пяток гвардейцев, да Дикие. Теперь злоумышленникам попросту некуда было деться.

— Явились,— бухнул Дядька, неодобрительно оглядывая гнома и карлика.— Где вас носило?

— Развлекались.— Делер небрежно протер тряпицей, висящей на поясе, лезвия секиры.

— Давай, Вартек! — крикнул Изми с другого конца зала.

Восемь арбалетчиков выдвинулись вперед, и армейские склоты замерли в хищном напряжении, готовые по первому приказу выплюнуть болты в цели.

— Эй, вы! — гаркнул Маркауз. Голос из-под его шлема, так похожего на крысиную голову, звучал приглушенно.— Сдавайтесь, и король обещает вам справедливый суд!

Из рядов сторонников Неназываемого вылетело ответное предложение, советующее, что король должен сделать со своим наисправедливейшим судом и куда он может его засунуть. Ребята как минимум трижды совершили преступление против короны, поэтому надеяться на милость короля у них не было никаких оснований. Все равно они, можно считать, покойники.

Маркауз едва кивнул, и раздалось дружное щелканье склотов. Восемь болтов пробили восьмерых врагов насквозь. Капитан гвардии не собирался гнать своих воинов на убой, считая, что проще расстрелять предателей издали.

— Перезаряжай! — раздалась команда Вартека.

Уперев оружие в землю, гвардейцы вставили ноги в арбалетные стремена и с остервенением принялись крутить механизм, отвечающий за натягивание тетивы.

Пока солдаты приводили арбалеты в боевую готовность, из рядов врагов вышел человек. Он молча поднял руки вверх, медленно повернулся вокруг своей оси, одновременно раскачиваясь из стороны в сторону, как будто был деревом, борющимся с порывами осеннего ветра. Такое этой ночью я уже видел. И, кажется, у всех нас начались большие проблемы. Если в эти секунды что-то не предпринять, на нас дубиной упадет огрское шаманство.

— Алистан! — заорал я.— У них шаман!

Арбалетчики только-только закончили натягивать тетиву и теперь накладывали болты, но опаздывали. Безнадежно опаздывали.

Я выстрелил. Сначала один болт, затем другой. И не попал. Руки слишком дрожали или смерть решила в этот раз обойти шамана стороной, но стрелы прошли мимо, лишь вторая едва-едва задела серо-синий гвардейский мундир колдуна.

Нас всех спас кто-то из солдат отряда Изми, швырнув копье. То ли шаман оказался простофилей, то ли неумехой, но он не успел выставить перед собой преграду. Тяжелое оружие ласточкой пронеслось через весь зал и со смачным всхлипом ударило колдуна в живот, отбросив его назад, в толпу сторонников Неназываемого.

И вот тут-то это случилось.

Уж не знаю, почему он начал действовать — то ли его разозлила смерть шамана, то ли он находился под контролем колдуна, то ли ему попросту надоело ждать. Но зал огласился яростным ревом, и,

расталкивая последних из оставшихся злоумышленников, перед нашими глазами предстал тот, кто чуть ранее прятался под сорванной откуда-то со стен дворца черной драпировкой.

— Огр! — закричали гвардейцы.

В их голосах звучал нескрываемый ужас.

Я смотрел на существо, ранее виденное мной только на картинках, во все глаза. Эти ублюдки умудрились протащить во дворец настоящего живого огра! Одного из племени тех, кто не ступал на землю Валиостра вот уже несколько тысяч лет!

Несведущему трудно поверить, что огр является дальним родственником орков и эльфов. Высотой он три с половиной ярда, с иссиня-черной, агатовой кожей и мордой, в которой сходство с эльфами и орками заключается только в черных губах, огромных клыках, растущих из-под нижней губы, и пепельно-серой гриве волос.

Маленькие черные зрачки огра почти сливались с радужкой на фоне голубых белков. Вызывало отвращение кабанье рыло и огромные заостренные уши, причем каждое размером с приличный лопух. Шеи у огра вообще не было, казалось, что его голова растет прямо из плеч. На мощном, кажущемся квадратным теле, облаченном в шкуру белого медведя, жгутами переливались стальные бугры мышц. И в довершение всех неприятностей в руке у монстра был здоровущий топор. Его зазубренным лезвием, если постараться, вполне можно перерубить колонну, удерживающую фасад Королевской библиотеки.

— Все назад! — коротко рыкнул Медок.— К стенам! Арбалетчики, не спать!

Гвардейцы дружно шарахнулись в стороны и стали отступать в коридоры. Арбалетчики дали очередной залп. Попал, по закону всемирного свинства, лишь один. Болт врезался в правую верхнюю часть груди огра, заставив того сделать невольный шаг назад и...

И все, собственно. Вот и весь эффект. По слухам, у этих созданий два сердца, и, чтобы убить огра, нужно поразить оба. Чего уж тут говорить, если сейчас болт практически не задел никаких жизненно важных органов. Я извлек из сумки волшебный болт. Кажется, придется потратить весь неприкосновенный запас еще до Храд Спайна.

— Сурок, справа! Горлопан, заходи со спины! Сейчас мы разделаем этот орешек! — Медок уже шел на огра, раскручивая над головой страшный огр-шач. Цепь, соединяющая рукоять и било оружия, рассерженно звенела.

Сурок с Горлопаном уже обошли огра, держа полуторные мечи обеими руками. Чудовище рыкнуло, резко развернулось и ударило топором сверху вниз, целясь в голову Горлопана. Тот отпрыгнул в

сторону, и топор ухнул, разбив изящную плитку пола. Во все стороны брызнула каменная крошка.

Воспользовавшись заминкой огра, Сурок подскочил к нему сзади и с кажущейся небрежностью полоснул мечом по ноге, подрезая сухожилие под коленом. Огр тут же ткнул древком топора назад и угодил в подставленный воином щит. Сила удара была такова, что Сурок отлетел назад, а потом ярдов восемь проехал на спине по полу.

— Штихс! — выругался Халлас, крепко сжимая в руках мотыгу, но лезть в бой не торопился, дабы не помешать своим же.

— Кот, подсоби,— коротко отдал приказ Дядька, и толстый человечек шариком выкатился вперед, оказавшись между оглушенным Сурком и опасностью.

В это время оставшиеся в живых враги, поняв, что пока все заняты огром, у них появился шанс, попытались прорваться к коридору, где находились бойцы Изми. Если бы воины Алистана не бросились наперерез противнику, презрев опасность нарваться на топор монстра, ублюдкам удалось бы уйти.

В зале завязалась драка. В коридоре остались лишь я и шут.

— Гаррет, ты не суйся, без тебя справятся,— подал прекрасную идею Кли-кли.

Я так и сделал, предпочитая наблюдать за схваткой издали. Огр между тем распалился не на шутку. Перед ним была лишь одна цель — проклятый желтоволосый человек, раскручивающий над головой тяжелый огролом. Припадая на правую ногу, чудовище, словно мельница, размахивало перед собой топором в надежде зацепить Дикого. Гигант Медок, казавшийся по сравнению с огром коротышкой, выжидал, выманивая противника на себя.

И удобный момент представился. Подскочивший сзади Горлопан с кривой усмешкой рубанул мечом по другой ноге огра, проворно отскочил назад, на недосягаемое для топора расстояние. Тварь упала на колени, глухо рыча, и огролом Медка с хрустом ударил в голову чудовища, ломая кости черепа.

Горлопан подошел к телу огра и пнул его.

— Ф-фу,— протянул Медок, вытирая рукавом вспотевший лоб.— Пока одного завалишь, полжизни растеряешь!

— И это говорит мне тот, кто однажды за один день уничтожил шестерых таких? — хмыкнул Горлопан.— Между прочим, матерых огров. А не молодняк, вроде этого.

Все было кончено. Враги изрублены. Уставшие за время ночного боя гвардейцы усаживались прямо на пол. Ни одного сторонника Неназываемого не удалось взять живым, они все предпочли погибнуть в бою.

— Гаррет, пошли! — Шут вьюном проскользнул мимо воинов и залез на тело огра.— Ух ты!

— Вот тебе и ух! — сплюнул Фонарщик. В этот раз при нем не было огромного биденхандера, и сражаться Мумру пришлось обычным мечом.— Мне еще не хватало с ограми воевать вдали от Безлюдных земель!

— Эй! — запротестовал Арнх.— Я думал, что нытье — любимое занятие Горлопана, а не твое...

Вокруг тела огра постепенно собрались гвардейцы. Они потрясенно молчали, рассматривая труп чудовища.

— А он здоровый! — с ноткой восхищения в голосе произнес гоблин, меряя тело монстра своими маленькими шажками.

— Слезь с него, Кли-кли.— Алистан Маркауз снял шлем и теперь хмуро взирал на гоблина.— Вообще, что ты тут делаешь?

— Воюю.— В подтверждение своих слов шут небрежно помахал кинжалом.— Вместе с Гарретом. Вон принц подтвердит.

— Надо проверить все коридоры и каждую комнату. Кто-то из мерзавцев мог уцелеть,— вместо подтверждения сказал принц.

— Сейчас распоряжусь.— Алистан кивнул.

Я старался не лезть в первые ряды и как можно незаметнее слинять, но возвращаться в спальню одному было боязно. Вдруг на кого нарвусь? И в общем-то неважно, кто именно это будет — уцелевшие враги или ретивые гвардейцы, готовые сейчас нанизать на копья кого угодно. Просто так, для количества. А разбираться уже потом будут — друг я им или враг.

— Пошли, Гаррет, нас тут не ценят,— подошел ко мне Кли-кли.

— И куда идем?

— Да хоть бы и выпить!

— Ну нет! Сегодня с утреца мне в дорогу, и я намереваюсь хоть немного выспаться.

— У, вечно ты такой скучный! — расстроился гоблин, но все же увязался проводить меня до двери.

К нам присоединились Делер и Халлас. Карлик намеревался поискать любимую шляпу, потерянную в горячке боя, а гном — выпить за компанию с Кли-кли.

— Как там Сурок? — немного погодя спросил у карлика шут.

— Щит спас. Руку отбил, но все будет нормально. Ребра целы. Башка цела. Чего еще надо? — Делер почесал в затылке.— Наш Сурок запасливый. Успел захватить щит.

— Вот если бы огр звезданул древком Кота... — протянул гном.

М-да, Кот вообще воевал в одних подштанниках.

— Делер, ты к нам присоединишься? — Кли-кли перепрыгнул через распростертое тело гвардейца в серо-синем мундире, но с белой повязкой на рукаве.

— А то! — Дважды приглашать карлика промочить горло не пришлось.

— Вот видишь, Гаррет,— подколол меня шут.— Не все такие буки, как ты.

Я бросил на гоблина кислый взгляд, и тот заткнулся, понимая, что сегодня мое терпение исчерпалось. Гном бормотнул что-то себе под нос и, зажав мотыгу под мышкой, загибал пальцы на обеих руках. Как оказалось, он считал, сколько врагов за сегодня уложил. По подсчетам выходило, что сорок пять. Услышав такую цифру, Делер споткнулся на ровном месте и сказал, что самомнение у некоторых гномов намного длиннее, чем их борода.

— Ну чего ты цепляешься? — недовольно спросил Халлас.— Скольких тогда, по-твоему, я пристукнул?

— Девятерых,— сказал карлик и поднял с пола свою помятую шляпу.

— Сколько? — возмутился гном.— Да мы, гномы, воюем...

— Паршиво вы воюете,— перебил Халласа Делер.— Навоевали на поле Сорна. Знаем, знаем.

— Это кто еще навоевал?! — Бородатый готов был устроить форменную драку.— Дали мы вам под зад!

— Нам?! — Карлик остановился и сжал кулаки.— Нам под зад?! То-то у вас ни одного мага после этой битвы не осталось!

— Ничего, у нас еще будут маги!

— Ага! Во! — Карлик сунул кукиш под нос приятелю.— Все ваши магические книги остались у нас! Приходите и забирайте, мотыжники проклятые!

— И заберем! И возьмем! — брызгал слюной Халлас.— Дайте срок, сровняем Горы карликов с землей! Вот прикатим пушки...

Дальше я не слушал, вошел в спальню и плотно закрыл за собой дверь. Никакая свара карлика с гномом не отвлечет меня от самого важного занятия — сна.

Кажется, я только-только успел коснуться головой подушки, а меня уже тряс за плечо приставучий и вездесущий Кли-кли:

— Гаррет, вставай! Просыпайся!

Я тихо зарычал и с закрытыми глазами попытался нащупать поблизости что-нибудь тяжелое, чтобы наверняка пришибить надоедливого гоблина.

— Кли-кли,— простонал я.— Побойся богов! Дай мне до утра поспать! Иди пьянствуй со своими новыми дружками!

— Уже утро,— возразил мне гоблин.— Через полчаса вы выступаете.

Эти отнюдь не радостные слова заставили меня вскочить с кровати. Я осоловело потряс головой и уставился в окно. Ночное небо на востоке постепенно бледнело, ожидая нового рождения солнца. Часа четыре утра, не больше.

— Алистан совсем с ума сошел, если решил идти в такую рань? — спросил я у севшего на стул гоблина.

— А ты хотел, чтобы тебя с фанфарами провожали? — хихикнул шут.— Днем в городе слишком много глаз. Слухи пойдут.

— Все, кому надо, уже знают о нашем маленьком путешествии,— резонно возразил я.

Кли-кли только согласно хмыкнул и промолчал.

— Кстати! — осенило меня.— Каким образом ты пробрался в запертую комнату?

— Не ты один, Гаррет, можешь вскрывать замки.— Голубые глазищи гоблина весело сверкнули.— Тут есть один тайный ход... Ты готов?

— Сейчас, дай только вещи собрать,— буркнул я.

— Все уже давным-давно собрано и нагружено в седельные сумки Пчелки. Я позволил себе позаботиться о лучшем друге.

— Это кто твой лучший друг?

Шут, как и раньше, оставил мой иронический вопрос без ответа и протянул мне тарелку с еще неостывшим завтраком.

По дороге мы встретили Халласа с Делером. Эта неразлучная парочка тоже вышагивала в сторону конюшни, оживленно споря. Как говорят, горбатого могила исправит. На удивление, оба были живы и здоровы, видать, побоища между ними так и не произошло. Дикие присоединились к нам, и весь остальной путь мы прошли вместе.

— Ты мне лучше скажи, куда ты ночью ходил? — обиженно ворчал Делер.

— К родственникам, в город,— невозмутимо ответил Халлас.

— Угу, как же,— хмыкнул карлик.— Нужен ты им в два часа ночи. Так они тебя и ждут. Небось опять по бабам?

— А если и по бабам! — взбеленился Халлас.— Тебе-то какое дело?

— И мешок притащил какой-то,— продолжал ворчать Делер.

Действительно, за спиной гнома болтался холщовый мешок. Такие носят рудокопы и добытчики драгоценных камней в Стальных шахтах.

— Ну и что? — Халлас принялся раскуривать трубку, и Делер презрительно сморщил нос.

— Чего в мешке-то тащишь? — с любопытством спросил карлик.

— Я же не спрашиваю, что у тебя в бочонке.— Гном всеми силами стремился сменить тему разговора.

— А чего тут спрашивать? — немного удивленно спросил Делер и потряс объемистым бочонком, который, кряхтя, нес обеими руками. Бочонок, надо сказать, был размером в половину карлика, и в нем что-то жизнерадостно булькнуло.— Вино в нем.

— Это где же ты надыбать такую ценность успел? — хмыкнул Халлас, выпуская табачные колечки дыма.

— Кли-кли подсобил,— радостно улыбнулся карлик.— Из сталконовских погребов.

— И чего будешь с ним делать?

— Пить! Мотыжная твоя голова! — рявкнул карлик.— Чего еще с вином делают? Повешу на лошадку и потихоньку буду опустошать.

Последнюю фразу Делер произнес с мечтательным выражением на лице.

— Смотри, допрыгаешься! Узнает Дядька...— буркнул гном.

Мы подошли к конюшне. Первое, что бросилось в глаза, — это оседланные лошади и вооруженные люди. Тут уже были все знакомые мне Дикие, вот только теперь неопытному взгляду будет трудно определить, что это Дикие Сердца, а не обычные солдаты из пограничного гарнизона.

Знаменитые нашивки в виде зубастых сердечек были безжалостно содраны с потертых кожаных курток. Да и рукоять огромного меча Фонарщика, как я заметил, оказалась обернута полосой черной ткани, скрывающей под собой золотой дубовый листок мастера. Еще одна предосторожность или способ как можно меньше привлекать к себе посторонние взгляды. Любимую игрушку — биденхандер — Мумр каким-то чудом прикрепил рядом с седельными сумками и, видно, до смерти перепугал несчастную пегую лошадку оружием.

— Гаррет, пора,— напомнил шут.

Значит, прощальных речей и напутствий со стороны короля и Арцивуса ожидать не приходится. Они даже не пришли. Действительно, больно им надо провожать смертников, да и дел после ночного нападения, должно быть, выше крыши. Когда уж тут вспомнить о маленьком отряде!

Я подошел к Пчелке, приветственно похлопал ее по шее, в ответ услышал довольное фырканье и взобрался в седло.

— Моя школа! — довольно улыбнулся гоблин, обращаясь ко всем присутствующим в надежде получить одобрение.

Но все были слишком заняты, чтобы обращать внимание на надоедливого шута. Лишь Угорь бросил на нас насмешливый взгляд и

проверил, легко ли выходят из ножен «брат» и «сестра». Кли-кли нисколько не огорчился таким явным игнорированием своей персоны и, задрав голову кверху, сказал:

— А вон и последние твои спутники.— Шут указал на эльфов рядом с Миралиссой.— Элл из дома Черной розы и Эграсса из дома Черной луны.

Я окинул эльфов заинтересованным взглядом. Элл, с густой пепельно-серой шевелюрой и челкой, почти закрывающей янтарные глаза, как раз надевал на голову шлем, полностью скрывающий его лицо. У него был несколько широкий нос и тяжелая нижняя челюсть.

Эграсса, эльф с серебристым ободком на голове, как видно являющимся каким-то отличительным знаком, негромко разговаривал с Миралиссой. Я внимательно рассмотрел породистое скуластое лицо, раскосые глаза и крепко сбитую фигуру настоящего воина.

— Они с ней родственники? — спросил я у Кли-кли, наклонившись как можно ниже.

— М-да, двоюродный братец, кажется. Но что родственник и что из королевского рода — это факт! Да ты и сам по этому дурацкому «сса» в имени видишь. Ну, я пойду с карликом и гномом попрощаюсь,— пробормотал гоблин и исчез.

Миралиса, почувствовав мой взгляд, обернулась. Мимолетная улыбка узнавания и легкий кивок. Ее собеседник тоже приветственно кивнул мне. Уж в чем, в чем, а в вежливости эльфам не откажешь. Вначале пожелают доброго дня, а уж потом перережут горло. Культурные, стервецы!

Миралиссу, если честно, я поначалу не узнал. Шикарное мирануэхское платье ушло в небытие. Его сменила обычная мужская, пусть и эльфийская, одежда. Сложная высокая прическа тоже исчезла, превратившись в толстенную пепельную косу, спускающуюся до самого пояса. За спиной у эльфийки, как и у ее спутников, висел эльфийский клинок — с'каш, рядом примостился грозный лук и колчан, полный тяжелых стрел с черным оперением.

Эльфы подходят к оружию консервативно, не то что воины людей, и пользуются обычно только кривыми клинками или луками. Остальное оружие употребляется ими постольку поскольку.

А вот у десятка Дядьки какого только смертоубийственного железа при себе не было! Начиная с обычных мечей и арбалетов, прикрепленных рядом с седельными сумками, и заканчивая огр-шачами, боевыми мотыгами, секирами и биденхандерами. И это если не считать круглых щитов у каждого второго. Внушительный арсенальчик и внушительная компания.

Правда, милорд Алистан, отдающий последние распоряжения лейтенанту Изми, который оставался вместо него командовать гвардией, меня довольно сильно удивил. На нем не было его знаменитых доспехов. Их заменила точно такая же, как и у других Диких, куртка с нашитыми металлическими бляхами. Нет, я не удивлюсь, если кольчуга или там чего потяжелее обнаружится на вьючной лошади, как и у всех Диких, но сам факт, что Крыса отправляется в путь без доспехов, ставших для него родными...

Между тем Алистан закончил инструктаж Изми и прыжком оказался в седле огромного черного коня.

Нет, положительно! И чего я, собственно, так волнуюсь? В такой-то компании? Под защитой мечей меня ожидает всего лишь приятная прогулка и, может быть, маленькое чудесное приключение.

Тут вновь появился Кли-кли и устроил всем на прощание небольшой спектакль.

— Гаррет! — Шут рыдал в три ручья.— Гаррет! Не бросай меня, Гаррет!

Проклятый гаденыш заслуживал немедленной и наимучительнейшей из смертей! На нас уже стали обращать внимание. Гвардейцы, проверяющие поклажу на запасных лошадях, откровенно ржали, следя за выкрутасами королевского шута.

— Гаррет! — ныл гоблин, прыгая вокруг Пчелки и хватаясь за мой сапог.— Кто будет утирать тебе сопли?

Кли-кли выудил из кармана яркий цветастый платок размером с небольшое боевое знамя и шумно высморкался.

— Вперед! — Граф Маркауз ударил пятками своего коня.

— Удачи, Танцующий в тенях! — уже абсолютно нормальным голосом шепнул мне шут на прощание.

Х'сан'кор меня раздери! Мы все-таки выехали, да помогут нам все боги Сиалы!

Глава 20
В ПУТИ

Авендум остался у меня за спиной. Величественные неприступные стены, сложенные из сероватого камня, добытого в старых Штольнях Ола, растаяли в утренней дымке, которую лучи просыпающегося солнца вспугнули с земли и заставили испуганным белым мотыльком на несколько минут повиснуть в воздухе. Но утро всего лишь промелькнуло призрачной неуловимой пичугой и сгинуло за горизонтом, сменившись жарким полднем.

Все Дикие поснимали курки и остались в одних рубахах. Исключением был лишь Арнх в неизменной и не снимаемой ни на секунду кольчуге. У жителей Пограничного королевства свои заскоки, и не мне их судить. Быть может, родись я рядом с лесами Заграбы и ожидай каждую минуту нападения орков, не то что кольчугу, доспехи Маркауза напялил бы, несмотря на жару.

Бритая голова худого жителя Пограничья сияла на разошедшемся солнце, как начищенное медное корыто, и, клянусь своей лошадью, Кли-кли бы обязательно высказал парочку тупых шуточек насчет этого явления. Я тоже расстегнул ворот рубахи и закатал рукава, о чем к вечеру сильно пожалел — кожа приобрела великолепный малиновый оттенок и следующие несколько дней мешала наслаждаться жизнью.

Все же я ненавижу жару. Уж лучше мороз, чем такое душегубство. От постоянного попадания прямых солнечных лучей, больше похожих на раскаленные кнуты, мозг в голове грозился вот-вот вскипеть. Впрочем, мою ненависть к упавшей на королевство жарище разделял ехавший рядом Сурок. Он и его зверек только и мечтали о том дне, когда зароются в снег возле Одинокого Великана.

Первыми по дороге выступали Маркауз и эльфы, а дальше, разбившись на пары и тройки, двигались Дикие. Компанию мне поначалу составил Сурок, оказавшийся довольно разговорчивым и интересным собеседником, а затем присоединились Халлас с Делером.

Умелый карлик из подручных средств смастерил длиннющую трубочку и умудрился засунуть ее в винный бочонок. Теперь и карлик и гном втихаря, пока на них не смотрел Дядька, потягивали божественный нектар, иногда восклицая от удовольствия и снизошедшей на них благодати. Оба постепенно становились все веселее и веселее, и я начал опасаться, что кто-нибудь из них все же, переборщив, выскользнет из седла и стукнется головой о землю. Но нет, они лишь немного раскраснелись и затянули бравую песню о каком-то походе. Дядька, разговаривающий с Угрем, бросал на новоявленных певцов подозрительные взгляды и постепенно мрачнел все больше. Десятник явно чувствовал, что дело не чисто, но никак не мог найти причину внезапного опьянения солдат.

Карлик с видом знатока рассуждал о достоинствах Миралиссы как женщины. Он и Халлас сошлись на том, что достоинств довольно много, но вот клыки портят все впечатление. Гном, немного подумав, ляпнул, что в принципе нетрудно накрыть ей голову тряпкой, а дальше действовать, как велит мать-природа, на что молчавший все это время Сурок предложил обоим экспериментаторам заткнуться. Или хотя бы говорить на полтона ниже, иначе Миралисса достанет из ножен с'каш и живехонько отрубит одному бороду, а друго-

му — кое-что пониже. На миг воцарилась тишина, а затем неугомонный карлик произнес:

— Да я же не со зла. Просто для души решил об эльфийке поговорить.

— Ты про душу будешь рассказывать в лесах Заграбы, когда тебя эльфы за оскорбление принцессы дома подвесят на каком-нибудь дереве вниз головой,— возразил Сурок и погладил линга.

После этого обсуждение эльфийки окончательно скисло, и гном с карликом углубились в двухчасовой философский спор о достоинствах и недостатках оружия на длинном древке. Как всегда, Халлас и Делер отчаянно противоречили друг другу, поминутно сжимая кулаки и щедро обмениваясь оскорблениями.

Сурок с интересом ученого-языковеда внимал ругательствам на гномьем языке. Некоторые из услышанных слов он старательно шептал себе под нос, пытаясь запомнить, чтобы блеснуть новообретенными знаниями в дружеской компании, когда представится такая возможность.

Спор между гномом и карликом, как и следовало ожидать, окончился ничем. Каждый остался при своем мнении. Еще спустя часик Делер принял воистину трудное решение и сказал, что на сегодня вино дегустировать хватит, иначе вскоре надо будет искать новый бочонок, а вероятность обнаружить его на проезжей части крайне призрачна, если не сказать равна нулю. Эта фраза отчего-то очень насмешила Фонарщика, который ехал последним в нашем отряде. Он наигрывал на дудочке какую-то незатейливую мелодию. Надо признать, что по сравнению с тем разом, когда я впервые услышал игру Мумра, от этой музыки хотелось всего лишь скорбно выть на луну.

Надвинув на глаза нелепую шляпу, Фонарщик путешествовал в гордом одиночестве, лишь иногда перебрасываясь парой-тройкой фраз с Котом, едущим впереди него и следящим за четырьмя лошадьми, на которых был навьючен весь наш груз.

— Слушай, Сурок,— спросил я у воина, в данный момент кормящего линга с гордым именем Непобедимый. Зверек, усевшись на шее нисколько не смутившейся от этого лошади, с благодарным видом хрустел сухарем.

— А почему Мумра назвали Фонарщиком?

— А,— неопределенно ответил тот, запихивая в любимую зверушку очередную порцию снеди.— Он раз фонарь хотел потушить...

— Волшебный, тот, который находился на улице Искр,— вступил в разговор раскрасневшийся от вина Халлас.— Он, видите ли, поспорил с одним идиотом, что погасит фонарь во что бы то ни стало.

— Ну и погасил? — с интересом спросил я у гнома.

— Угу,— фыркнул Халлас и от переизбытка чувств дернул себя за бороду.— Притащил ведерко воды и вылил с крыши какого-то дома.

— И?

Гном отчего-то не был расположен к задушевной беседе, все из него приходилось вытаскивать клещами.

— И промахнулся!

— Ну не совсем промахнулся.— Мумр, услышав, что говорят о нем, присоединился к нашей компании.— Я просто попал не туда, куда надо.

— Точнее, попал... куда не надо,— зло ответил Делер.

— Не надо было меня поить вашим карликовским пойлом! — возразил Фонарщик.

— «Ярость глубин» не пойло! — возмутился карлик.

— Пойло, пойло,— поддержал человека гном.— Настоящее пойло. Если бы не твоя бутылка, Делер, может, Мумр и не облил бы того мага.

— Ах ты! — Карлик не мог поверить в то, что Халлас его не поддержал.— Да ты сам нахваливал «Ярость», а как какой-то маг намочил себе одежку, так ты сразу в кусты?!

— Это я в кусты?! — Борода Халласа гневно встопорщилась.— Гномы никогда не ходят в кусты! — И он добавил, немного подумав: — От опасности, я имел в виду.

Карлик презрительно фыркнул и надвинул шляпу на глаза, показывая, что разговор с предателем закончен.

— Ну нет, не надо нахлобучивать на уши свой кошкой дранный горшок! — Халлас разошелся не на шутку.— Я, что ли, спорил с Мумром о том, что он никогда не потушит волшебный фонарь?

— Так это ты меня идиотом сейчас назвал?! — наконец осенило Делера.

Я живенько ткнул Пчелку пятками в бока и поспешил вперед, оставив позади очередной спор карлика и гнома. Ребята не могут без свары прожить и дня. Того и гляди, вцепятся друг другу в горло. Я потихоньку пристроился позади лошадей Миралиссы и Маркауза.

— По моим подсчетам, если будем и дальше продвигаться в заданном темпе, то меньше, чем через две недели достигнем Ранненга. От него до Иселины рукой подать, а от нее еще недели две до Пограничного королевства. И еще неделя до лесов Заграбы,— сказала эльфийка внимательно слушающему ее Маркаузу.

— Значит, полтора месяца? — задумчиво пожевал ус милорд Алистан и тут только заметил, что я присоединился к их компании.

— Это с учетом незапланированных происшествий.— Эграсса был склонен рассчитывать на худшее.

Надо же! Среди эльфов, оказывается, тоже есть пессимисты! А я уже думал, что только люди способны сомневаться и предполагать худшее.

— К тому же мы не можем круглые сутки скакать в седле. Думаю в Ранненге нам потребуется хотя бы пара дней передышки.

— Не думаю, что нам следует заезжать в Ранненг,— встрял я в разговор.

— Спасибо за совет, Гаррет,— довольно невежливо ответил Алистан.

Было видно, что ни в чьих советах он не нуждается, а уж в советах вора тем более.

— Простите, милорд Алистан, но вы не понимаете,— настойчиво продолжил я.— Мало того что мы едем по одному из самых оживленных трактов королевства, привлекая к себе ненужное внимание, а мы его привлекаем, потому как эльфы, гном, карлик и десяток вооруженных до зубов людей — очень странная компания. Поверьте, милорд: крестьянам и обычным путникам будет о чем посудачить. Странный отряд. А слухами земля полнится. Те, кому эти слухи интересны, вполне могут прийти к определенным выводам и устроить нам встречу. А вы, как я понимаю, еще хотите заехать во второй по величине город королевства! Думаю, нас уже ищут различные малоприятные господа. Те, кто пропустил врагов в королевский дворец, без всякого сомнения, успели сообщить, что наш отряд выехал. Нам нечего делать в Ранненге.

— Вор дело говорит,— поддержал меня Элл, на мгновение, сверкнув клыками.— Нам нужно сторониться оживленных мест.

— Так что ты предлагаешь? — Миралисса посмотрела на эльфа.— Уйти с центрального тракта и брать юго-восточнее?

Элл едва заметно пожал плечами, показывая, что решение за Алистаном.

— Юго-восточнее? — Алистану это предложение не очень понравилось.— Свернуть с хорошей, пускай и оживленной, дороги и сунуться в поля, леса и буреломы? Мы потеряем уйму времени и не доберемся до Заграбы даже к сентябрю!

— Сейчас тракт идет прямо на юг,— ответил Эграсса.— После Ранненга он уходит на запад. Южнее нет крупных городов, лишь замки баронов и небольшие городки, точнее, деревушки с гарнизонами. Поблизости от Заграбы люди жить не желают. Поэтому, чтобы не терять время, нам придется рискнуть и двигаться прежней дорогой. До Ранненга чуть больше недели пути. Это если путешествовать по тракту. От города повернем на юго-восток к Иселине. Там

есть паром, нас переправят. А дальше уже и до границы с Пограничным королевством и лесами Заграбы недалеко.

— Города нам не избежать. Надо будет пополнить припасы,— сказал Алистан, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

С самого начала путешествия граф Маркауз задал лошадкам темп, и те шли бодрой рысцой. Скажем так, мы не очень-то торопились, но и не плелись слепыми улитками. Каждые несколько лиг лошадям давали отдых.

Места, по которым мы проезжали, были людными. Туда-сюда по тракту сновали верховые, двигались телеги с товаром в Авендум и с товаром из Авендума. Крестьяне, мастеровые, члены гильдий, направляясь по своим делам. Один раз мы повстречались с ехавшим навстречу отрядом воинов. Бобровые шапки направлялись к Одинокому Великану.

Пчелка оказалась на удивление крепкой лошадкой. Я не заметил, чтобы она уж очень сильно устала. Ее бег был таким же, как и утром, — ровным и легким. Скорее, больше лошади устал я.

К вечеру у меня болело все тело, и теперь я узнал, как чувствуют себя преступники в Султанате, когда их сажают на кол. Ощущение, надо сказать, не из приятных.

Уже в сумерках Алистан решил остановиться в опрятной и чистой деревушке под названием Подсолнухи, находящейся недалеко от тракта. Аккуратные беленькие домики, чистые дорожки и приветливые жители. Все говорило о том, что тут не бедствуют. От обилия растущих повсюду солнечных цветов, уже наклонивших венчики под тяжестью созревших семечек, пестрило в глазах.

Постоялый двор был огромным, и для всего нашего отряда нашлись комнаты. Таверна называлась «Золотая курица» и вполне оправдывала это название. Как тем, что приносила своему хозяину неплохие барыши, так и тем, что во дворе бродило пять десятков кур, которых, казалось, нисколько не смущало наступление сумерек. Во всяком случае, ни одна из клуш не собиралась отправляться на насест. Куры продолжали с важным квохтаньем рыться в песке в поисках припозднившегося ужина.

Я с усилием слез с Пчелки и позволил гостиничному слуге отвести лошадь в конюшню. Чтоб мне никогда больше не держать в руках золотых! С непривычки путешествие верхом — довольно непростое и сомнительное удовольствие. Вся задница превратилась в одну сплошную мозоль. Но это еще не все. Солнышко тоже успело поработать, немного поджарив меня со всех сторон, и я чувствовал себя старым, разбитым и больным.

— Эй, Гаррет! — От компании Диких отделился хитро улыбающийся Медок и показал мне кулак.

Остальные воины наблюдали за мной с интересом. Я внимательно разглядывал сунутый чуть ли не под нос э-э-э... объект. Из сжатого кулака торчало несколько соломинок.

— Что это? — с осторожным любопытством спросил я у Медка, не спеша дотрагиваться до соломинок.

— Жребий! — весело хохотнул высокий Дикий.— Мы с ребятами посоветовались и решили, что ты тоже должен участвовать.

— В чем участвовать? И кстати, почему эльфы и наш славный граф уже в таверне, а мы играем в жребий?

— Эльфы и Алистан птицы высокого полета,— ответил мне вместо Медка Дядька.— А жребий очень прост. Кто вытянет короткую, тот разделит комнату с Фонарщиком.

— До конца путешествия,— быстро добавил Арнх.

Мумр следил за всеми этими приготовлениями с плохо скрываемой злостью.

Мне, собственно говоря, было все равно, кто окажется в моей комнате, и поэтому я с как можно более небрежным видом вытянул из кулака Медка первую попавшуюся соломинку. Она оказалась короткой.

Вокруг послышались облегченные вздохи. Кто-то ободряюще хлопнул меня по плечу, кто-то весело подмигнул. Все же непонятно, отчего с Фонарщиком никто не хочет ночевать в одной комнате. Но спросить я так и не успел. В таверне уже были накрыты столы, а радушный хозяин собственноручно разливал по бокалам свое лучшее вино. Постояльцев было мало, в зале находились в основном жители деревни.

А вот из еды подавали только курицу. Во всех ее видах. Куры жареные, куры запеченные с яблоками, куры пареные, куриные крылышки с перцем. Того и гляди, что сам закукарекаешь от такого изобилия. А если прибавить к этому, что я не слишком люблю курятину, то всем станет понятно мое не самое приподнятое расположение духа. В отличие от меня Дикие были бодрыми и веселыми, будто они и не провели целый день в седле, а я, сославшись на усталость, отправился в комнату и лег на одну из двух кроватей. В который раз за последнее время пожалев, что дал втянуть себя в подобную авантюру.

Только к середине ночи мне стало понятно, какую свинью подложила мне судьба-насмешка. Фонарщик явился поздней ночью, когда я уже спал. За день в седле я настолько намаялся, что даже не услышал его прихода.

Зато я очень хорошо услышал Мумра, когда он принялся воодушевленно храпеть. Куда уж тут старине Гозмо с его ночными трелями и руладами! Храп Гозмо по сравнению с храпом воина — это все равно что писк маленького комарика супротив рева голодного обура.

Естественно, я проснулся и, разумеется, попытался всеми силами заглушить эти ужасные звуки. Я пробовал свистеть. Я пробовал затянуть песню. Я швырнул в Мумра сапогом.

Бесполезно. Он даже не подумал проснуться или хотя бы перевернуться на другой бок.

После часа мучений, когда я уже приноравливался к храпу и вот-вот готов был погрузиться в сон, Фонарщик менял очередность звуков и все начиналось по новой. В конце концов я залез с головой под подушку и наконец-то заснул, дав себе зарок в следующий раз найти более спокойное место для отдыха.

Мумр разбудил меня утром. Я бросил на него хмурый взгляд. Небось ему-то никто не мешал видеть сны.

Удивительно, но за ночь мне стало полегче. Спасибо Эллу, заметившему вчера мое самочувствие и плеснувшему в мою кружку с вином что-то из собственной фляги. Что бы это ни было — оно мне помогло.

— Поздновато мы сегодня встали,— сказал я Мумру.— Никуда не спешим?

— Леди Миралисса ждет гонца,— отозвался Фонарщик, шаря у себя под кроватью.

Выудив из-под нее биденхандер, воин положил его себе на плечо и направился к выходу из комнаты.

— Пошли завтракать, Гаррет.

— Иду.

Я протянул руку за арбалетом и ножом. Хм... Странно... Очень странно... Нож был на месте, а вот мой стреляющий малыш бесследно исчез. В этот самый момент с улицы раздался звук арбалетного выстрела, а затем испуганное куриное кудахтанье. Я выглянул в окно, выругался, выскочил из комнаты и стал спускаться по лестнице на первый этаж.

Несколько Диких уже завтракали в зале таверны. Меня поприветствовали и вежливо спросили, как спалось сегодняшней ночью. Я вежливо сказал, что хорошо. Но ни себя, ни их мне обмануть не удалось.

— Гаррет, ты куда? Все же остынет! — удивился Халлас, держащий в одной руке шматок сала, а в другой — кусок копченой колба-

сы. Похоже, гном был в затруднении и не знал, с чего ему начать трапезу.

— Я на минутку,— отмахнулся я и выскочил на улицу.

Арнх, Кот и Горлопан с интересом наблюдали за оригинальным состязанием между Угрем и одним маленьким и очень хорошо мне знакомым субъектом. К вящему неудовольствию хозяина таверны, состязание состояло в том, чтобы за как можно более короткий промежуток времени подбить как можно больше бегающих по двору кур. Штук пятнадцать куриных трупиков уже застыли комками перьев тут и там на песке.

Угорь стрелял из склота, взятого у Маркауза. Кли-кли — а это был именно он, я его физиономию теперь и с закрытыми глазами узнаю — лупил по курицам из моего арбалета.

— Развлекаешься? — спросил я у гоблина.

— Доброе утро, Гаррет,— сказал мне в ответ Кли-кли и метким выстрелом подстрелил очередную несчастную птичку.— Десять — шесть. Я выиграл!

Это он сказал уже Угрю, и тот согласно кивнул, даже не помышляя спорить.

— Спасибо, что разрешил воспользоваться арбалетом.— Шут протянул мне оружие.

— Не помню, чтобы я тебе разрешал.

— Да не придирайся ты к словам,— поморщился гоблин.— Я целую ночь скакал на коне, всю задницу себе стер, пока вас догнал! Должен же я был хоть немножечко расслабиться!

— И зачем, позволь спросить, ты приехал?

— Мне показалось или я расслышал в твоем голосе недовольство? — Шут внимательно посмотрел мне в глаза.— А приехал я для того, чтобы передать Миралиссе одну штучку, которой у короля не было в тот момент, когда вы уезжали.

— Так это мы по твоей милости никуда не спешим? — хмыкнул немногословный гарракец.

— Вообще-то,— сказал гоблин, отметая все возможные возражения,— остальной путь я проделаю в вашей компании.

— В качестве шута? Вот еще! — фыркнул Горлопан.

Он вместе с Котом подошел к нам, пока Арнх занимался тем, что выдергивал из трупиков птиц болты и разбирался с огорченным хозяином «Золотой курицы».

— Разве ты видишь на мне колпак? — Кли-кли демонстративно ткнул пальцем себе на голову.

Ни шутовского колпака с бубенцами, ни трико на гоблине не было. Обычная дорожная одежка и плащ на плечах.

— Я отправляюсь с вами не как шут, а как проводник. То место, куда мы направляемся, моя родина. В Заграбе я чувствую себя не хуже эльфов. И к тому же я являюсь доверенным лицом короля.

— Если бы я был на месте короля, то не доверил тебе охранять даже свой ночной горшок,— сказал Горлопан.

— Да у тебя отродясь ночного горшка не было! — хохотнул над Горлопаном Кот.

— Был или не был, это неважно! — отмахнулся от усатого воина товарищ и почесал длинный нос.— Прости, гоблин, но оберегать еще одного гражданского от всех неприятностей — это уже слишком. Особенно зная твою привычку устраивать всем гадости...

— Меня зовут Кли-кли, а не гоблин, сударь Ворчун и Нытик,— отрезал шут.— И ни в чьей охране я не нуждаюсь. Я сам способен за себя постоять.

С этими словами он откинул в сторону полы плаща, предлагая нам полюбоваться поясом, на котором висело четыре тяжелых метательных ножа. Два слева и два справа. Подошедший Арнх уважительно присвистнул, оценив оружие гоблина:

— Кли-кли, ты сегодня явно в ударе. Может, еще и песенку нам споешь?

— Не сомневайся, спою,— согласился шут.— Наступает время потехи! Или ты думаешь, что от меня так просто избавиться?

К сожалению, я точно так не думал. Поэтому, пока мы шли завтракать, успел попросить Сагота наделить меня божественным терпением.

В следующие несколько дней ничего важного не произошло. Мы продолжали пробираться на юг, останавливаясь на ночевки в окрестных полях.

Ночи были теплыми, и никто не ощущал неудобства от капризов погоды. Будь она обычной, то есть такой, какой всегда была в июле последние десять тысяч лет, — мы бы немного померзли ночами. А так — спи на травке да смотри на звездное небо. Если бы не комары, тоже, кстати, одуревшие от невесть откуда взявшегося тепла, жизнь вообще была бы прекрасной.

Ночевки в полях объяснялись просто: вот уже второй день как тракт обходил деревни стороной, сделав изящную петлю на юго-восток. В ближайшую деревушку мы должны были попасть только к завтрашнему вечеру. Удивительно, но под открытым небом Мумр не храпел. Как сказал мне Сурок, Фонарщик начинает концерты во время сна только тогда, когда у него появляется крыша над головой. Так что теперь я вполне сносно высыпался.

Постепенно мы с Пчелкой настолько привыкли друг к другу, что я, к своей несказанной радости, обнаружил отсутствие у себя усталости после целого дня скачки. Хотя вру. Усталость все же была, но отнюдь не смертельная. Не та, после которой хочется упасть на землю годика эдак на четыре и больше не вставать ни за какие сокровища короны.

Маркауз вначале не хотел брать шута с собой, но гоблин с совершенно невиннейшим выражением на плутоватой физиономии протянул графу бумагу с королевской печатью, и суровому воину скрепя сердце пришлось разрешить Кли-кли ехать с нами.

Конь шута размером был не меньше коня Алистана, и если низкорослые Халлас с Делером смотрелись на лошадях, скажем так, немножечко забавно, то гоблин на огромном черном чудовище, получившем кличку Перышко, выглядел попросту комично. Его ножки даже не доставали до стремян. Но следует заметить, что в седле Кли-кли чувствовал себя вполне уверенно, а Перышко подчинялся всем командам по первому требованию хозяина.

Шут вел себя удивительно тихо. В понятие «тихо» я вкладываю следующий смысл: проснувшись поутру, можно было не опасаться змеи в сапоге или колючки в лошадином хвосте. Зато мелкая гоблинская пакость целый день черным вихрем носился из головы растянувшегося по дороге отряда в хвост, а из хвоста — к голове. Кли-кли успевал везде. Он был вездесущ, как чума-медянка в зараженной деревушке. В течение дня его можно было заметить распевающим песни с Делером и Халласом, рассказывающим очередную историю Коту и Угрю, ведущим заумную беседу с эльфами или до хрипоты спорящим с неуступчивым Алистаном Маркаузом.

На третий день нашего совместного с гоблином пути на Кли-кли снизошло вдохновение в виде проснувшегося поэтического дара. Гоблин горланил на весь тракт только что придуманную им так называемую дразнилку про весь наш отряд. Или, точнее, почти про весь наш отряд.

Кли-кли благоразумно умолчал, а, скорее всего, попросту не пропел ту часть, которая предназначалась темным эльфам. Гоблин пришел к вполне здравому выводу, что эльфы могут не оценить его гениального чувства юмора, зато вполне в состоянии пустить кровь тому, кто, по их мнению, оскорбил их род, а тем паче дом.

Песенка начиналась с того, что мы куда-то едем, а затем плавно и незаметно переходила на личности. Оказалось, что Медок ржет, как лошадь, Дядька все время чешет бороду, у Горлопана плохо пахнет изо рта, Алистан упрям и мечтает кого-нибудь проткнуть мечом. И так про всех. Как только гоблин принимался орать новый куплет, так сразу все начинали смеяться над тем, о ком в данный момент

шла речь. Естественно, не веселилась только цель шутовских насмешек. Но стоило начаться новому куплету, и кто-то смеяться переставал, а тот, кому совсем недавно перемывал косточки гоблин, начинал хохотать как сумасшедший. Конечно же основную роль добрый парень Кли-кли отвел вору по имени Гаррет. То есть мне.

Хмурый, мрачный, злобный Гаррет
На лошадке ехал в путь,
Но пришла беда лихая,
Гаррет в луже стал тонуть...

Ну и так далее в течение десяти минут. Не могу сказать, что я злился. Ну развлекается и развлекается, надо отдать Кли-кли должное — он поднял всем настроение, и дорога перестала быть скучной.

Катастрофа произошла на следующий день после того, как Кли-кли пропел дразнилку. Мы как раз проехали большой тележный обоз, груженный репой, которую везли на продажу торговцы, и до деревни, а значит, и до доброго ужина оставалось всего ничего... В это самое время Кли-кли спелся с Фонарщиком, и они стали изводить меня в два голоса, хотя Халласу их незатейливая песенка очень даже понравилась.

Кли-кли вместо Мумра стал выкрикивать все бом-тирлимы, причем делал это шут противнейшим голосом донельзя маленькой и плаксивой девчонки. Фонарщик в это время с остервенением наяривал на дудке-недоразумении нечто отдаленно напоминающее вопль запутавшегося в сетях водяного.

Прекратить маленький концерт смогли только объединенные усилия Дядьки, Делера и Сурка. Когда появилась деревня, Мумра и гоблина уже желали удавить почти все члены отряда. Лишь эльфы, Алистан и Угорь сохраняли ледяное спокойствие.

Таверна в деревушке была намного хуже, чем в Подсолнухах. Но выбирать не приходилось. К тому же после ночевок под открытым небом я был рад любой кровати.

Жители заинтересованно поглядывали на нас — не каждый день тут можно было увидеть такое количество новых людей и нелюдей. Особенно больше всего охов и ахов заслужили эльфы и гоблин. И те, и другие довольно редко появляются в землях Валиостра, а поэтому жителям показалось необходимым бросить дела и смотреть во все глаза на приезжие диковинки. Когда еще представится такой случай?!

Хозяин безымянной таверны попросту обалдел от такого наплыва гостей и, раскрыв рот, застыл на крыльце. На наше счастье, дородная жена трактирщика ткнула мужа локтем под ребра и застави-

ла поторапливаться не только его, но и двух сонных дочурок, удостоившихся крайне заинтересованного взгляда Арнха. Правда, несмотря на тычки матери, молодки двигались все так же медленно и сонно, пока дело не подправил линг. Он попросту спрыгнул с плеча Сурка на голову одной из девок, а находившийся рядышком Кли-кли, который и являлся инициатором этой сценки, крикнул:

— Бешеная крыса!!

В поднятом переполохе Непобедимого едва не затоптали, за что Кли-кли удостоился чести получить подзатыльник от Сурка. Теперь обиженный на весь белый свет гоблин дулся и не хотел ни с кем разговаривать. К концу ужина шут заявил о желании спать в комнате вместе с Гарретом и Фонарщиком и очень удивился, не встретив возражений ни с чьей стороны.

— Гаррет.— Эграсса подошел незаметно и, склонившись надо мной, произнес: — Треш Миралисса хочет поговорить с тобой. Идем. Я провожу.

Я встал из-за стола и пошел вслед за высоким эльфом.

Поговорить? О чем? И почему сейчас, а не раньше?

В комнате кроме Миралиссы находился Маркауз, задумчиво смотревший в окно, и Элл, снимающий ножом кожуру с яблока.

— Добрый вечер, Гаррет.— Раскосые золотистые глаза эльфийки блеснули в пламени свечей.— Ты знаешь, что это? — Миралисса протянула мне какой-то предмет.

Я взял его в руки и едва сдержал возглас восхищения.

— Красиво?

Я нашел в себе силы кивнуть, завороженно рассматривая драгоценность, по воле случая оказавшуюся в моих руках.

Это был ключ размером в мою ладонь и весьма тяжелый. Но не просто ключ, а настоящее произведение искусства. Мелькнула кощунственная мысль, что знающие люди, те, кто коллекционирует древние вещи, отдадут мне за право обладать ключом несколько гор золота.

Древняя вещь казалась хрустально-ледяной и настолько хрупкой, что на нее даже страшно было дышать. Того и гляди растает. Но я знал, что, даже если взять секиру Делера и бить, не переставая целый день, с безделушкой ничего не случится, а вот секиру придется покупать новую.

— Слеза дракона? Карлики делали?

— Ты прав,— кивнул Эграсса.— К нему приложили руки карлики, только они могут так обработать этот минерал. Видишь, какая тонкая работа?

Тонкая — это не то слово! Идеальная, изящная, совершенная и древняя. В наше время такое не сможет создать никто. Для обработ-

ки наиредчайшего минерала — слезы дракона, — обладающего прочностью самих гор, которые его создали, нужны не только обычные инструменты, но и магия. А сейчас волшебство карликов находится в упадке, и на такие творения даже их мастера, увы, не способны. Слишком многое оказалось забыто за Пурпурные годы.

— От чего этот Ключ? — спросил я, неохотно возвращая драгоценность Миралиссе.

— Ты что-нибудь слышал о Створчатом ярусе?

— Третий ярус Костяных дворцов? — уточнил я, припоминая давнишний разговор с Фором и планы на древних картах Храд Спайна.— А дальше иди же, распахнуты створки...

— Совершенно верно, Створчатый, или Третий, ярус Храд Спайна с волшебными дверями. Двери запечатаны очень сильным заклинанием, но вот этот Ключ, созданный две с половиной тысячи лет назад карликами по просьбе владык Темных домов, откроет дорогу вниз.

— Этот предмет нам привез Кли-кли,— вступил в разговор Алистан.— Когда шут уезжал, он был... Впрочем, уже неважно. Главное, сейчас ключ у нас, и, если створки, о которых говорила леди Миралисса, окажутся заперты, мы не будем топтаться и искать обходной путь.

— Если он вообще есть, этот обходной путь.

— Есть, Гаррет. Или был. Прошли же как-то к могиле Грока маги Ордена, относившие Рог. Тогда ключа у магов не было, он находился в Заграбе.

— Артефакт уже побывал в Храд Спайне этой весной.— Алистан сложил руки на груди.— Перед тем как направиться в Безлюдные земли, леди Миралисса отдала его королю, а Сталкон — магам из второй экспедиции. Благодарение богам, единственный пришедший из могильников несчастный, сошедший с ума, смог вынести ключ.

— Благодаря ему маг и остался жив.— Эграсса зажег еще одну свечу и поставил подсвечник на стол, к двум уже стоявшим.— Что бы там ни обитало, но человека с ключом оно не тронуло.

— Мало радости быть живым, но ненормальным,— хмыкнул я.— Эта штука теперь у вас — замечательно. Но зачем рассказывать об этом мне?

— Ключ не игрушка.— Элл наконец бросил чистить яблоко и подошел ко мне.— Чтобы он открыл створки, его нужно настроить на владельца. Подчинить.

— Чудесно,— без всякого энтузиазма проговорил я.

«Держаться подальше от тех, кто колдует» — вот один из моих многочисленных девизов.

— Мы должны настроить его на тебя. Все уже готово. Держи.— Миралисса вновь протянула мне артефакт, не обращая никакого внимания на мою кислую гримасу.

С моего согласия или без оного эльфы намеревались немного пошаманить, и брыкаться не стоило, а то они еще перепутают какое-нибудь слово, и ходить мне до конца жизни с рогами на голове или еще с чем похуже.

— Садись на кровать.— Эграсса зажег свечу, но поставил ее не на столе, а у изголовья.— Милорд Алистан, вы не будете так любезны оставить нас на то время, пока совершается ритуал?

Граф без всяких возражений вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

— Чего ты ждешь, Гаррет? На кровать! — Эльфийка достала из своей дорожной сумки пучки сухих трав.

По комнате пополз сладковатый запах болотных цветов и поздней осени. Я сел, и подошедший ко мне Элл с чашкой в руке окунул в нее палец, а затем начертил на моем лбу и щеках какие-то знаки. Миралисса уже стояла над одной из свеч и, шепча, подбрасывала в воздух пыль. Как я понял, это была какая-то истолченная трава.

Пыль почему-то очень медленно падала, касалась пламени свечи, на миг вспыхивала и, родив тоненькую струйку белого дыма, исчезала. Вот оно, шаманство темных эльфов. Долгие шепотки, танцы, фигуры и различный мусор вроде сушеного дерьма летучей мыши. Да, подчас это искусство может сделать то, чего никогда не совершит волшебство. Древняя магия, если все сделать правильно, намного мощнее, но цена ее...

Одна ошибка, один неправильно произнесенный слог, отсутствие, казалось, самого бесполезного реактива — и ничего не получится. А главное — время, нужное для сотворения шаманства, время — бесценное, ставит магию темных эльфов отнюдь не на лучшую позицию по сравнению с тем же волшебством.

Одни эльфы это поняли и стали светлыми, другие до сих пор, как орки, гоблины и огры, не хотят отказываться от древних знаний и упорно продолжают использовать малоэффективный анахронизм, как говорят маги Ордена. Впрочем, я уверен, что и у волшебства есть оборотная, слабая сторона, о которой Орден магов просто вежливо умалчивает.

Между тем Миралисса уже не шептала, а пела. Ее низкий грудной голос тугой спиралью слов закручивался в воздухе. Это пение завораживало. Несмотря на всю свою врожденную грубость, орочий язык, а точнее его эльфийский диалект (эльфы считали себя слишком гордыми, чтобы пользоваться языком орков), был подобен горному ручью. Его журчание оказалось очень приятно слушать.

Эльфийка пела, приближаясь ко мне, и мне казалось, что в комнате остались только я, она и ее голос. Эграсса с Эллом отдалились куда-то, став одной из многих теней, навалившихся на меня со всех сторон.

Голос, тени... И глаза. Золотистые глаза Миралиссы, в которых вспыхнули язычки янтарного пламени. Они затягивали меня, уводили в далекие дали и времена. Они заполнили всю комнату. Лицо в тех местах, где Элл нарисовал знаки, начинало гореть, да и Ключ в зажатом кулаке становился все теплее и теплее.

Стены комнаты вспыхнули, зашатались и рухнули в разные стороны, а затем горящими флагами стали падать в бесконечную тьму. Я вскрикнул, безнадежно ища ногами несуществующую опору, и раскинул в стороны руки в бесплодной попытке взлететь. Тьма взорвалась огнем. Яростное пламя, родившееся из мрака, ринулось на меня со всех сторон, опалило шею, спину, плечи. От нестерпимого жара, лизнувшего тело, вспыхнули волосы на голове. Боль пронзила меня тупым ножом. Не помню, кажется, я закричал, но чернильная тень, невесть откуда взявшаяся в этом янтарно-огненном аду, упругим ударом коснулась моей спины и толкнула вперед, в желтые глаза, в ревущий жар.

Миг.

Полет. Ослепление. Тишина.

Ночь.

Глава 21
КЛЮЧ

— Клянусь верхушкой Зам-да-Морта, да не растают ее снега! Вы, уважаемый, пока сюда шли, случайно в старые штольни не заходили? Там сейчас опасно, гномы совсем оскудоумили, выработанную породу скидывают прямо на головы. Того и гляди зашибут.

Темный эльф, к которому обращался старый карлик, с усилием сдержался. Наверное, только хорошо знающие эту расу могли понять, чего стоила эта выдержка жителю Заграбы. Ни темные, ни светлые эльфы, побери их пламя дракона, не отличались сдержанностью характера и на любое оскорбление, настоящее или мнимое, отвечали железом. Но этот представитель лесного народа остался спокоен и не спешил вытаскивать из-за спины кривой с'каш с нефритовой рукоятью. Кто сможет лучше уговорить карлика-мастера выполнить особый заказ, как не старший сын владыки дома Черного пламени?

Элодсса был не только хорошим воином (а его считали хорошим воином даже враги-орки), но и прекрасным дипломатом. К тому же познания в шаманстве давали ему шанс добиться от карликов того, чего хотели эльфы, пускай недомерки и не будут подозревать о том, что их немножечко подтолкнули. Но Элодсса не торопился испробовать тайные знания. Это последняя надежда. Пока же можно обойтись обычными переговорами.

— Нет, почтенный Фрахель, мне на голову ничего не падало.

— М-да? — Старого мастера чуточку расстроило это обстоятельство.— Что ж, ваша раса сдвинута на голову и без всяких камней.

— У каждой расы свои недостатки.— Эльф сделал попытку улыбнуться и оскалил клыки, хотя хотел он совсем другого — взять упрямого коротышку за шкирку и несколько раз стукнуть головой об стенку!

Но нельзя! Никак нельзя срываться! Так уж получилось, что Фрахель, вырви лесное пламя его печень, был одним из немногих, кто являлся Мастером с большой буквы. Лишь этот карлик способен создать то, что нужно народу эльфов.

— А вот это точно! Недостатков хоть лопатой черпай,— хохотнул карлик и отложил в сторону золотую игрушку-птичку, которую собирал по чьему-то заказу.

Элодсса готов был заложить обруч дома Черного пламени, символ власти своего отца, что после завершения работы умелого уродца эта золотая птичка будет распевать песенки. Да еще как! Почище живого соловья!

— У каждой расы свои недостатки! — между тем продолжил карлик.— Вот взять, к примеру, наших родственничков, чтоб им пусто было, господ гномов. Ничего делать не умеют, только руду добывать да коридоры сверлить. Хотя бы одну вещицу сотворили, прихлебатели!

— Давайте не будем говорить о ваших родственниках,— поспешно сказал Элодсса.

Эльфа абсолютно не интересовали постоянно обостряющиеся отношения между карликами и гномами. Каждый обвинял другого в лени и ничегонеделании. Некоторые подгорные жители уже начинали поговаривать, что обеим расам в одних чертогах становится тесно и пора кому-нибудь из них искать себе новый дом.

Естественно, карлики считали, что горы должны покинуть гномы, а гномы — что карлики. Зная вспыльчивость, упрямство и готовность тех и других спорить по любому пустяку, вполне можно предположить, что вскоре назреет драка. Лет эдак через триста—четыреста, когда количество обвинений переполнит бездонную бочку терпения.

— И то правда, о родственниках не будем,— крякнул карлик и встал из-за рабочего верстака.— Вы-то с орками испокон веков друг дружке глотки рвете и все никак не успокоитесь.

А вот теперь Элодссе пришлось стиснуть зубы. Фрахель откровенно издевался, понимая, что раз уж эльф стерпел предыдущие оскорбления, то стерпит это, да и многие другие.

— Ладно, ладно, досточтимый эльф,— примирительно поднял руки мастер.— Знаю, что задел вас за живое, и прошу прощения. А насчет вашего маленького предложения... Заманчиво, но, увы, невозможно!

— Почему?

— Я не настолько талантлив.

— Ну полноте.— Эльф раздраженно поморщился.— Скромность, любезный мастер Фрахель, идет вам так же, как гномам отсутствие бороды.

Карлик оценил шутку, представив безбородого гнома.

— Слава о мастере Фрахеле гремит по всем Северным землям Сиалы. Не вы ли создали волшебный колокол и комплект оружия для императора? К кому еще обратиться эльфийским домам? К Врахмелю? Он слишком жаден и потому испортит минерал. Смерхелю? Его слава мастера намного громче, чем он того заслуживает. Или, может быть, побеспокоить Ирхеля? Он — полная бездарность. Так что, любезный мастер, для нашего заказа нужен самый лучший. Вы!

Насчет того, что лучшие мастера карликов ничего не умеют, эльф врал, желая польстить упрямому недомерку. Тому лесть пришлась по душе, и он несколько оттаял.

— Что же,— Фрахель задумчиво почесал подбородок,— я, может, и возьмусь за ваш мелкий заказик, когда у меня появится немного свободного времени. Вы ведь сами видите...

Он небрежным жестом указал на забитые поделками столы, и у него на лице появилось выражение фальшивого сожаления.

Эльфа это маленькое представление нисколько не смутило — Фрахель просто набивал себе цену.

— У нас нет времени, чтобы ждать. Створки уже созданы, и теперь нам нужен ключ. Хотя бы один.

— Ключ им нужен,— буркнул карлик, бросив быстрый взгляд на эльфа.— Как клепать двери для своих Подземных дворцов — так вы мастера. А как сделать маленький ключик — так сразу к карликам. Я вообще не уверен, что он будет работать. Наши магии слишком разнятся.

— Это, конечно, так,— вежливо улыбнулся Элодсса.— Но для этого эльфы и обратились к вам, а не к кому-нибудь другому. Толь-

ко вы способны создать артефакт, подходящий для дверей Створчатого яруса.

— Хорошо! — немного раздраженно согласился карлик.— Способен. Но Ключ должен быть особым, думаю, вы понимаете, о чем я говорю. Тут нужен материал, достойный створок. А у меня нет ничего подходящего, и сколько времени понадобится, чтобы его добыть, я не знаю.

— Думаю, тут я смогу вам помочь.— Эльф достал из сумки длинный изящный футляр и передал его карлику.

— Хм... Красная заграбская вишня? — Мастер задумчиво повертел деревянный чехол в огромных ручищах, а потом медленно раскрыл его.

Внутри лежал черный бархатный мешочек, перевязанный золотой ниткой. Мастер недовольно фыркнул под нос. Эльфы любят всяческие выкрутасы. Нет бы попросту отдать, так они еще и завернут вещь в сто одежек, а ты разворачивай!

Но все недовольство Фрахеля испарилось, когда он увидел, что ему дали.

Большой продолговатый камень неправильной формы, грязно-белого цвета. На первый взгляд ничего существенного — таких булыжников полно на берегу любой речки. Но это только на первый взгляд. Если суметь приложить к нему мастерство, то камень превратится в настоящее сокровище. Бриллиант, который заиграет на свету всеми красками мира и брызгами мироздания. Волшебное дитя гор, самая большая редкость, которую земля крайне неохотно отдает в руки чужаков.

— Слеза дракона! Да еще такой огромный! — Лицо старика засияло от восторга.— Но откуда он у вас? Последний минерал мы нашли больше двухсот лет назад!

— Этот камень принадлежит моему дому уже больше тысячи лет,— ответил эльф.— В те времена слеза дракона встречалась намного чаще, чем сейчас. Дом Пламени купил его в ваших горах.

— Карлики никогда бы не продали такую ценность! — негодующе воскликнул Фрахель.

— Нам его продали гномы,— согласился эльф.

— Эти бородатые недомерки! — Из уст карлика, который был ненамного выше гнома, слышать такие слова было по меньшей мере забавно.— И мы еще делим с ними одни стены! Вы можете в это поверить, треш Элодсса?

Эльф безразлично пожал плечами, ему уже надоедало слушать о гномах.

— Потребуется очень много времени.— Карлик постучал пальцами по верстаку.— Обработка, сами понимаете. Магия. Через два месяца смогу сделать первые наметки.

— Через неделю Ключ должен быть готов,— резко ответил Элодсса.

— Вы хотите, чтобы я работал круглыми сутками? — возмутился Фрахель.

— А почему бы и нет, если мы вам хорошо заплатим?

— Насколько хорошо? — сощурился карлик.

— Назовите вашу цену.

Фрахель немного подумал и назвал.

— Согласен на четверть от названного.

— Этот разговор несерьезен,— отрезал карлик.

— Плюс все, что останется после обработки слезы — ваше.

— Объедки предлагаете?! — возмутился Фрахель.

Но опять же больше для порядка. Хитрец прекрасно знал, что даже маленькие кусочки минерала, которые обязательно останутся после обработки, бесценны.

— Ладно.— Он недовольно пожевал губами.— Пусть будет по-вашему, треш эльф. Примусь за работу прямо сейчас.

— Не смею вас больше отвлекать,— поклонился эльф.

Карлик небрежно махнул рукой, прощаясь с Элодссой. Мыслями он уже был в работе.

Эльф всей душой ненавидел проклятые подземные чертоги. Упорные бородачи-гномы пробивавшие коридоры, как-то не подумали о том, что рост у эльфов намного выше, чем у недомерков.. Поэтому большую часть дороги до покоев, которые карлики выделили принцу дома Черного пламени, приходилось идти сгорбившись и согнувшись чуть ли не вдвое, иначе голова задевала низкий потолок. А от мысли, что над ним лига скалы, готовой в любой момент рухнуть и завалить холл, Элодссу мутило.

Коридоры, коридоры и еще раз коридоры. Ответвления, штольни, воздушные шахты нижних ярусов, где по какому-то непонятному капризу жили мастера карликов — весь этот лабиринт мог привести в уныние любого, кто родился не в подземельях, а под зелеными кронами дубов.

Свернул не на том перекрестке, зазевался на одно мгновение и можешь прощаться с жизнью,— окажешься в какой-нибудь старой выработке, давным-давно забытой даже создателями-гномами, и уже никогда не увидишь голубого неба и родных лесов. Возможно, твои останки обнаружат года через два, когда какой-нибудь гном или карлик по пьяни сунется не в тот коридор. А самое обидное, что

обжитые места вот они — руку протяни, шаг сделай, поверни за нужный угол — и будешь спасен.

Эльфа передернуло. На его взгляд такая смерть, приправленная хорошей дозой отчаяния, была жутчайшей из возможных.

Поэтому Элодсса старался не потерять из виду спину карлика, выделенного ему в провожатые.

Воздух в низких полутемных коридорах был спертым, и эльф мечтал как можно быстрее оказаться наверху, в более обжитых ярусах подземной страны. Там и потолки высокие, и дышать легче, и света больше.

Главное, конечно, свет. От полутьмы у эльфа очень болели глаза. Если здесь на стенах висели слабенькие, почти не дающие света фонарики, так похожие на хрупких светляков из лесов Заграбы, то в главных залах подземного королевства сияли маленькие солнца — большие ослепительные творения магии карликов.

Элодсса и проводник шли бесконечно долго. Эльф уже давно запутался в капризных изгибах коридоров, видно прорубленных гномами после того, как они изрядно обкурились красавки. Лишь однажды им попался отряд бородатых рудодобытчиков. С фонариками-светляками, крепившимися к гномьим шлемам, с рабочими мотыгами, а также другим инструментом гномы, весело горланя незатейливую песенку, спускались куда-то к сердцу земли.

— Почему здесь так мало народу? — спросил Элодсса у своего провожатого.

— А кто тут согласится жить? — удивился карлик вопросу.— Это же пятьдесят вторая штольня! Отсюда до поверхности восемь часов топать! Все живут выше. Только нашим мастерам, таким как уважаемый Фрахель, нужно уединение для работы. Чтобы никто не мешал, да и под их магию не попал ненароком. Ну и гномы тут иногда шастают к выработкам. А так места пустынные. Заблудитесь — быть беде. Пришли, любезный эльф.

Они остановились перед подъемником. Внизу была ночь. Наверху тоже. Спутникам предстояло подняться по круглому туннелю более девятисот ярдов. Можно, конечно, этот путь проделать и по крутой каменной лестнице, хищной спиралью пронизывающей тело гор, но на это требовалось слишком много сил и времени. Так что придется доверить жизнь ненадежной люльке.

Эльф осторожно ступил на старые рассохшиеся доски и покосился на толстый обтрепанный канат. Если он оборвется, то лететь эльфу до дна очень и очень долго. Он вполне успеет два раза пересказать Анналы Кроны, прежде чем разобьется о самое дно.

На подъемнике находился барабан, и карлик три раза стукнул в него. Звук ласточкой упорхнул куда-то вверх, и через некоторое

время до ушей Элодссы долетел тихий, приглушенный расстоянием ответ.

— Па-аехали! — улыбнулся карлик и вцепился в поручень.

Принц дома Черного пламени поступил точно так же. Он помнил, как его опускали вниз.

О безалаберности гномов, а именно они управляли этим агрегатом, ходили легенды. Пока эльф спустился до этого яруса, седых волос у него на голове прибавилось.

На миг подъемник ухнул вниз вместе с сердцем. Хотя почти сразу же медленно, но верно стал ползти вверх. Мимо Элодссы со скоростью пьяной улитки проплывала стена грубого необработанного базальта. Гномы тут не постарались, оставив после пробивания тунеля все как есть. К чему шлифовать стены, украшать их скульптурами и росписями, создавать подлинные шедевры архитектуры, если для этого существуют верхние ярусы, где искусство подгорных жителей могут оценить приходящие в их королевство гости?

Желающих сунуться куда-нибудь поглубже почти не оказывалось, так что горбатиться несколько веков лишь для того, чтобы вырубить из твердого камня очередную колонну, смысла не было никакого.

Во время подъема иногда в стенах появлялся вход в очередной ярус, но люлька проплывала мимо, и вновь вокруг тянулись каменные стены кишки туннеля. Один раз из очередного коридора к ним прыгнул карлик. Он с интересом взглянул на гостя и принялся разговаривать с провожатым Элодссы. Гномьего языка эльф не знал, поэтому оставалось только надеяться, что разговор идет не о нем.

Карлик спрыгнул через шесть ярусов, напоследок махнул рукой и пошел по своим делам. Тут уже пошли обжитые места. Коридоры стали шире и просторнее. Количество жителей, спешащих по делам, увеличилось в несколько раз. Элодсса понял, что они почти приехали.

— Эй, вы! — гаркнул провожатый, задрав голову вверх.— Крутите быстрее, сколько можно поднимать?!

— Я тебе щас покручу быстрее! Я тебе щас так покручу! — донесся сверху злой голос.— Щас вообще все брошу или держатель ослаблю! Будешь лететь два года! Как можем, так и крутим!

Карлик в сердцах махнул рукой и посмотрел на Элодссу, видно ожидая поддержки:

— Гномы...

Эльф усмехнулся уголками рта, очень надеясь, что поднимающие их гномы не осуществят угрозы. Про себя же Элодсса решил, что больше ничто не заманит его не только в пещеры подземного ко-

ролевства, но и в горы. Карлик снова ударил в барабан, и подъемник остановился.

— Вот и приехали,— благодушно сказал проводник, слезая с люльки.— Двадцать восьмой чертог, если считать с самого верха. Сами дорогу найдете, господин эльф?

— Не думаю.

— Все очень просто: сейчас прямо по центральному коридору, через зал с изумрудными сталактитами, а затем считайте ответвления. Шестое справа — ваше. Оттуда после каждого второго перекрестка три раза налево, и вы как раз попадете в сектор, где мы размещаем наших гостей. Не бойтесь, заблудиться здесь практически невозможно, если что, спросите дорогу у кого-нибудь из наших. Только не у гномов, эти бородатые в последнее время совсем соображать разучились. Только и знают, что новые штреки рубать!

С этими словами карлик вновь залез на подъемник и, стукнув по барабану, поехал вниз.

Эльф пошел искать свою комнату, он ни на миг не собирался оставаться в проклятом подземелье. Нужно забрать вещи и подняться на первый ярус, поближе к небу и солнцу. Если торчать под землей целую неделю, пока Фрахель делает Ключ, можно сойти с ума. Уж лучше он вернется обратно точно к сроку, заберет артефакт и никогда, больше ни-ког-да даже близко не подойдет к горам.

Элодсса шел и смотрел по сторонам. В отличие от нижних ярусов здесь было на что обратить внимание. С творениями рук гномов и карликов могли посоперничать лишь произведения эльфов и орков в Храд Спайне. Правда, в Костяных дворцах Элодсса не чувствовал себя крысой, заживо погребенной глубоко под землей. Но надо отдать должное подземным строителям — все, буквально все, начиная с самых маленьких деталей и заканчивая устремляющимися куда-то ввысь восьмигранными колоннами, было прекрасно.

Он вошел в зал с изумрудными сталактитами, поражающими своими размерами, и застыл в восхищении. Откуда-то с потолка, из маленького окошка, добравшись до такой глубины неизвестно какими путями, на зеленые сталактиты падал, рассекая специально созданный полумрак, солнечный луч. От его ласкового касания зеленые камни искрились, будто их обсыпали мелкой алмазной крошкой. А в центре столкновения проявлялось изображение — карлик и гном.

— Это Великие Грахель и Чигзан — первый карлик и первый гном. Братья,— раздался голос за спиной Элодссы.

Эльф обернулся и возле одного из зеленых столбов увидел заговорившую с ним.

— Говорят, первыми это изображение обнаружили гномы, когда кто-то догадался поднести к сталактиту свет. Так что ты сможешь рассказать своему народу, что видел одну из реликвий подземного королевства.

— Мидла.— Элодсса церемонно поклонился, стараясь скрыть изумление.

— Треш Элодсса.— Она поклонилась не менее церемонно, застыв в поклоне на несколько секунд, как того требовал этикет, когда эльф встречается с представителем королевской фамилии дома.

— Очень удивлен тебя здесь увидеть,— сказал Элодсса.

— Надеюсь, приятно? — улыбнулась ему собеседница.

Волосы у нее были обрезаны не по моде темных эльфиек, предпочитавших высокие прически или толстые косы. На лоб падала пепельно-стальная челка, затылок и виски были коротко выстрижены. Она была одета в темно-зеленый костюм разведчицы, за спиной вместо привычного с'каша виднелись два коротких изогнутых клинка с точно такими же, как и у меча Элодссы, нефритовыми рукоятями. Он сам подарил ей оба клинка в те времена, когда жизнь казалась слишком простой. Какими же молодыми они были!

— Это зависит от того, что ты тут делаешь,— как можно более отстраненно сказал Элодсса.

— Что может тут делать разведчица дома Черного пламени, как не охранять наследного принца? — Она криво улыбнулась.

«Наследный принц». Эти проклятые слова встали между ними два года назад, навсегда разрушив счастье.

— Глава дома приказал мне быть твоей тенью.

— Этого не может быть! Отец никогда бы не послал тебя!

— Разве я когда-нибудь тебе лгала? В отличие от тебя у меня нет на это права.— Она тоже не могла забыть того, что случилось.

— Я не обманывал тебя! — вырвалось у Элодссы.— То, что произошло между нами, не было ложью!

— Ну конечно.— Еще одна горькая улыбка.— Во всем виноват твой отец и глупые предрассудки.

— Я не могу преступить закон, и ты это знаешь! Не моя вина, что вместе нам не быть! Сын главы дома не может связать себя узами с...

— Ну, продолжай, Элодсса,— мягко попросила она, когда принц осекся.— С кем? С той, кто размахивает клинками? С той, кто шляется по Заграбе в поисках прорвавшихся на территорию нашего дома отрядов орков? С той, кто обучает маленьких эльфов держать в руках с'каш или стрелять из лука? Или с той, у которой в жилах не течет благородная кровь?

— Этот разговор, как и все предыдущие, ни к чему не приведет.

— Ты прав,— грустно кивнула Мидла.

— Можешь отправляться назад к отцу и сказать, что со мной все в порядке.

— Я похожа на посыльного? — В желтых миндалевидных глазах мелькнула плохо скрываемая ярость.

Он слишком хорошо знал этот взгляд. В то время, когда они встречались, он пару раз видел в ее глазах подобный гнев. Теперь впервые он был направлен на него.

— У меня достаточно охраны! — отрезал Элодсса.

— Твоя охрана вон там.— Мидла ткнула пальцем в потолок.— В лиге над нами. Пока они спустятся сюда, наследник дома Черного пламени превратится в нечто мертвое и неподвижное.

— Кто на меня здесь нападет? Карлики и гномы?!

— Я выполняю приказ главы дома.— Она безразлично пожала плечами.

— А я приказываю тебе отправляться обратно в Заграбу! — вспылил Элодсса.

— Ты пока еще не имеешь власти отца.— Она торжествующе улыбнулась.

Эльф скрипнул зубами, сжал кулаки и, развернувшись, пошел прочь, проклиная упрямство Мидлы.

Девушка наблюдала за уходящим Элодссой и старалась сдержать слезы. В глазах у нее застыла боль.

Неделя тянулась бесконечно.

Элодсса раздумал подниматься наверх. Мидла последовала бы за ним, а эльф не хотел разговоров у себя за спиной. Все еще помнили об их отношениях и о запрете на свадьбу отца Элодссы. Поэтому наследник дома Черного пламени большей частью сидел в покоях, выделенных ему карликами, и лишь иногда прогуливался по ближайшим залам, наслаждаясь красотой и величием этих мест. В такие минуты его сопровождала молчаливая Мидла. Каким-то образом она узнавала о том, что он покинул комнаты, и тут же появлялась рядом.

Оба держались друг с другом подчеркнуто вежливо и холодно. И оба чувствовали себя не в своей тарелке. Все прогулки заканчивались тем, что Элодсса злился, в первую очередь на себя, и возвращался в надоевшие покои. Поэтому, когда подошел срок, который он назначил карлику, эльф наконец-то вздохнул с облегчением.

Ему повезло, и он ушел, не потревожив Мидлу, хотя ее комнаты были напротив. Скорее всего, это случилось потому, что эльф специально не предупредил карлика-сопровождающего о том, что собирается посетить Фрахеля. Элодсса подозревал, что именно благо-

даря этому маленькому стукачу Мидле становится известно о его прогулках.

Путь до подъемника он нашел без всякого труда и здесь столкнулся с гномами, закованными в броню и с боевыми мотыгами вместо обычных. Бородатые о чем-то горячо спорили.

— Добрый день, почтенные,— поприветствовал их Элодсса.

— Какой уж он добрый,— буркнул один из гномов.— Слыхали небось, что происходит?

— К сожалению, нет.

— На сто пятнадцатых воротах, что возле Загорья, весь пост вырезали. Восемь карликов и столько же гномов полегли.

— Кто это сделал, знаете?

— Нет.— Все гномы были мрачнее тучи.— Но есть вероятность, что убийцы проникли в королевство.

— Может, оно, конечно, и так, вот только какой моченой репы мы тут торчим? — зло спросил мотыжник в тяжелых латах.— До сто пятнадцатых восемьдесят лиг отсюда! Ни один смертный, если он, конечно, не гном или не карлик, так далеко сам не пройдет! Заблудится в штольнях!

— А вдруг не заблудится? — возразил первый.

— А вдруг только летучие мыши гадят! — возразил самый толстый гном.— Уже сколько времени прошло? Во! И никто на них не натолкнулся из наших! Кто бы там ни был, не стал он суваться так глубоко под землю! Перебил охрану и ушел!

— Ладно, нас тут поставили, значит, будем стоять,— примирительно сказал первый гном.— Куда надо-то?

Последний вопрос предназначался Элодссе.

— К мастеру Фрахелю.

— Это в пятьдесят вторую штольню? Заходите на подъемник. Дорогу знаете?

— Не очень.

— На каждом втором перекрестке сворачивайте налево, и так пять раз. Затем шесть перекрестков прямо и в третий левый коридор. Найдете?

— Да, спасибо.

— Эй! — крикнул гном вверх.— Почтенного до пятьдесят второй!

— Сделаем! — донеслось сверху.

Подъемник вздрогнул и поехал вниз.

Фрахель с облегченным вздохом откинулся на спинку стула. Тысячи маленьких раскаленных иголочек без всякой жалости впивались в его глаза. Теперь ему необходим долгий, долгий отдых. Он

сумел совершить невозможное. Это творение — лучшее, что он смог создать за свою долгую жизнь.

Работа захватила мастера, вызов, брошенный его умению, требовал полной отдачи, — и теперь на черном бархате лежал Ключ, созданный из слезы дракона. Тонкий и изящный предмет уже хранил в себе огромную силу, а после того как клыкастые темные наделят артефакт своей магией, он станет и вовсе могучим.

Фрахель ухмыльнулся. Орков ждет большой сюрприз, когда створки перестанут раскрываться перед ними. Эльфы хитры и коварны, раз решили отнять у первых память предков, закрыв дверь перед самым их носом!

Карлик посмотрел на гудящее в горне лиловое пламя, все еще помнящее вкус слезы дракона. Оно целую ночь лизало минерал, отдавая ему силу вечной ярости и жизни гор. Ключ родился в огне и из огня. Фрахель с сожалением посмотрел на двенадцать сточенных алмазных резцов. Ну ничего, тех денег, что заплатит ему эльф, хватит на несколько сотен точно таких же, если не лучше. Оставалось последнее, самое быстрое и самое сложное — наделить творение жизнью и памятью. Мастер встал, раскрыл старую книгу, поднял руку над дремлющим ключом...

И тут в дверь его мастерской постучали. Карлик зло выругался. Должно быть, эльф приперся! Рановато! Что же, принц он там или еще кто, но ему придется ждать, пока Фрахель не доделает все, что нужно.

— Ждите, уважаемый! — крикнул Фрахель.— Я еще не закончил!

Вновь стук.

— А, чтоб тебя! Да открыто! — Фрахель уже приготовился сказать заказчику пару ласковых слов.

В мастерскую вошел человек, и все слова застряли у карлика во рту. Гостей он не ждал.

— Мастер Фрахель? — спросил человек, внимательно осмотрев помещение.

— А кто спрашивает? — не очень любезно ответил хозяин.

— О! Позвольте представиться, меня зовут Суовик.

— Суовик? — Карлик нисколько не сомневался, что у этого Суовика есть титул. Хотя бы потому, что на камзоле был вышит золотой соловей. Кажется, такой герб носил кто-то в Валиостре.

— О! Не утруждайте себя, мастер! Просто Суовик, и все,— замахал руками человек.

«Просто Суовику» было под пятьдесят. Он был высок, худ как жердь, с седыми висками и такой же проседью в аккуратной бородке. Карие глаза смотрели на карлика с дружелюбной насмешкой.

— Что вам угодно? — стараясь скрыть раздражение, спросил Фрахель.

Грубить он не хотел, человек мог быть клиентом.

— О! — Фрахелю уже начинало надоедать это оканье незваного гостя.— Я бы хотел купить одну вещь. Точнее, не я, а тот, кто меня послал. Мой хозяин...

— Но позвольте,— перебил Фрахель гостя и развел руками.— Я не лавочник. У меня ничего нет для продажи! Я выполняю частные и очень хорошо оплачиваемые заказы. Если вам нужно что-то купить, обратитесь к мастеру Смерхелю, два яруса выше, триста двадцать второй штрек.

Фрахель повернулся к Суовику спиной, давая понять, что разговор окончен.

— О! Вы меня не так поняли, почтенный мастер! — Человек не собирался уходить из мастерской.

Он довольно бесцеремонно подошел к стулу и сел, закинув ногу на ногу.

— Мой хозяин хочет приобрести вещь, сотворенную именно вашими руками.

— И что же именно он собирается у меня купить? — с явной издевкой спросил карлик, уперев руки в бока.

Вежливость вежливостью, но этого человека он с удовольствием вышвырнет из своей мастерской.

— Вон ту забавную вещицу! — Суовик приподнялся со стула и ткнул пальцем в искрящийся Ключ.

На миг мастер потерял дар речи.

— Вы с ума сошли, уважаемый?! Эльфийский Ключ? У меня есть на него заказчик! Да и зачем он вам?

— Мм... Мой хозяин — человек...— На слове «человек» Суовик почему-то запнулся.— Человек с определенным вкусом. Скажем так. Он коллекционер, а этот замечательный ключ великолепно подойдет к его замечательной коллекции.

— Нет! — отрезал карлик.— У вас не хватит денег, чтобы купить работу, да и слово свое я не нарушу.

— О! Насчет денег вы можете не волноваться, мастер Фрахель!

Суовик встал со стула и, подойдя к столу, на котором артефакт дожидался последнего штриха мастера, стал выкладывать из сумки камни. Зубы у Фрахеля клацнули, а глаза стали большими, как блюдца. Человек положил на стол слезу дракона — камень, ни в чем не уступающий тому, что принес ему эльф. Затем еще один. И еще. И еще.

— Мой Хозяин очень щедр, вам не придется жалеть,— улыбнулся Суовик.

Карлик молчал и во все глаза смотрел на камни, ожидая, что в любой момент они исчезнут. Такого просто не могло быть! Тут лежало равноценное количество того, что карлики с гномами нашли за последнюю тысячу лет! Не дождавшись ответа, Суовик положил на стол еще два минерала, последний был просто огромным.

— Согласитесь, любезный мастер, такая цена заставляет задуматься. Пусть ваш заказчик подождет еще неделю, а вы сделаете еще один ключ, материала у вас теперь предостаточно.

— Но ключ еще не готов, он еще не наделен жизнью! — Карлик убеждал уже сам себя.

— Тут вам не стоит беспокоиться, я сам позабочусь об этом.

— Людское волшебство тут не поможет,— покачал головой гном.

— Кроме людского волшебства есть и другая магия.— Человек улыбнулся.

— Другая магия? — Фрахель подозрительно сощурился.— Есть еще магия камня моего народа и шаманство. Магия гномов и карликов не подходит для людей, а шаманство ваше племя может изучать только огрское...

— А даже если и так? — Суовик пожал плечами.

— Кто вы?! — выпалил карлик, шаря взглядом по мастерской в поисках секиры.

— Разве это важно? Так мы договорились? — Суовик протянул руку к Ключу.

— Нет,— через силу выдавил карлик.— Забирайте свое барахло и выметайтесь!

— Это ваше последнее слово?

— Да!

— Очень жаль.— Человек вздохнул.— Я хотел по-хорошему.

В открывшуюся дверь проскользнули пять теней, и Фрахель побледнел.

По дороге Элодсса все же умудрился заблудиться и свернуть не в тот коридор. На миг смуглая кожа эльфа покрылась потом, когда в голове возникла мыслишка о том, что он заблудился. Однако он не поддался панике, не стал сломя голову носиться в лабиринте, а остановился и постарался вспомнить дорогу.

Пройдя назад и дважды повернув направо, эльф оказался в знакомом коридоре с низким потолком.

Остальной путь Элодсса проделал без приключений, хотя ему и казалось, что стены нарочно пытаются его раздавить и заставляют тяжело дышать. Элодсса искал знакомую дверь в мастерскую Фрахеля гораздо дольше, чем в прошлый раз. Очень часто приходилось останавливаться, чтобы сориентироваться и понять свое местона-

хождение, но он был согласен заплатить такую цену за прогулку в одиночестве.

Он не хотел, чтобы Мидла была рядом, так как ощущал злость и вину. Злость на себя. За то, что поддался на уговоры отца, будто она — не пара королевскому сыну. Эльф до сих пор любил ее, и она, как подозревал Элодсса, тоже не смогла его забыть...

Наконец он оказался возле мастерской Фрахеля и толкнул дверь.

Карлик лежал на полу мертвее мертвого. Над Ключом, над его ключом, застыв, человек пел песню на огрском языке, а артефакт отвечал ядовитым багрянцем, пульсируя, словно живое сердце, в такт словам.

Поющий бросил на застывшего эльфа всего один взгляд и коротко бросил:

— Убить!

И на эльфа, обнажив ятаганы, ринулись пять орков.

С'каш с тихим шелестом покинул ножны, второй рукой Элодсса сорвал с пояса кинжал и метнул его в шамана. Оружие вошло в шею, под кадык, и незнакомец, хрипя и обливаясь кровью, завалился на бок. Теперь он не сможет произнести ни слова и не воспользуется магией. Разливающееся над Ключом багряное сияние постепенно начало гаснуть. Но забрать артефакт уже не было возможности — первый орк заносил ятаган для удара. С'каш и ятаган столкнулись, разошлись и вновь столкнулись. Орк отпрыгнул назад, дожидаясь, пока подойдут его соплеменники:

— Тебе конец, выродок!

Элодсса ничего не сказал. Конечно, пятеро против одного — это очень много, но эльфа спасало то, что он стоял в дверях и напасть на него одновременно могли только двое.

— Пригнись! — раздался за спиной резкий знакомый голос.

Он сделал, что было велено, и появившийся над его плечом лук выстрелил. Стрела глубоко вошла орку в глаз. Еще один выстрел — и второй, пораженный в сердце, упал. Третью стрелу Мидла выпустила в упор, прямо в лицо подбежавшего врага. Элодсса вступил в бой, давая время эльфийке убрать лук и обнажить клинки.

Избежав удара справа, он поднял с'каш над головой, поставив оружие плашмя, чтобы встретить падающий ятаган противника. Орк попался, его ятаган скользнул по направленному вниз с'кашу Элодссы, и, благодаря силе собственного удара, враг сделал лишний шаг вперед, обнажив бок. Взвизгнув, изогнутый клинок эльфа распорол воздух и, перерубив левую руку противника, глубоко ушел в не защищенный доспехами бок. Едва уловимое движение назад, разворот вокруг собственной оси с одновременным поднятием оружия

вверх, шаг в сторону — и с'каш перерубает шею врага, заставляя голову прокатиться на полу и остановиться где-то под столом.

Элодсса уже спешил на помощь Мидле, но она и сама справилась с последним орком. Два изогнутых клинка так и остались в теле мертвого врага. Мидла привалилась к стене и, шипя от боли, зажимала распоротую ятаганом ногу.

— Ты в порядке?

— Нет, тысяча демонов! С какой дури тебя потянуло сюда одного?! А если бы я не успела?!

— Пришлось бы справляться своими силами.— Он разорвал найденную у карлика тряпку.

— Своими силами,— буркнула Мидла, затягивая узел.— Этот волчий выкормыш все же достал меня!

— Идти сможешь?

— Не думаю, что смогу ходить в ближайший месяц.

— Надо убираться отсюда. Неизвестно, сколько врагов проникло в шахты.

— Это те, кто вырезал охрану дальних ворот?

— Скорее всего. Я понесу тебя.

Мидла только кивнула:

— Вытащи из трупа клинки — они мне слишком дороги.

— Конечно.— Элодсса выдернул из мертвого оружие, передал Мидле и направился к телу человека, намереваясь вытащить из его шеи кинжал.

Шаман, вопреки всем законам, был еще жив, хотя на губах у него проступила кровавая пена, хлопьями стекающая на подбородок и бороду. Элодсса безразлично выдернул кинжал из раны, прислушался к булькающим и свистящим хрипам.

— Ты...— Человек попытался что-то сказать.— Хо... зяин... все равно зав... ладе... ет ключом.

— Вот уж не знаю, кто твой хозяин, но эльфы просто так не расстаются со своей собственностью.

Элодсса добил раненого, с удовлетворением отметив, как стекленеют карие глаза. Затем взял со стола Ключ, немного подумал и сгреб в лежащую на полу сумку все слезы дракона, вполне трезво рассуждая, что мертвецам они уже без надобности, а гномы с карликами как-нибудь обойдутся.

— Мертв? — спросила Мидла, когда он подошел и взял ее на руки.

— Да, он колдовал, когда я пришел. Что-то делал с ключом.

— Это не наше дело, пусть шаманы разбираются. Он служил оркам?

— Скорее, наоборот,— пропыхтел Элодсса, вынося Мидлу в коридор.— Это они служили ему.

— Как такое возможно? Орки никогда не подчиняются тем, кого считают ниже себя.

— Я не успел у них спросить. Кстати, ты заметила, что у них не было нашивок клана?

— Да. Это очень странно.

— Вот и я о том же.

— Что ты намерен теперь делать?

— Сообщить обо всем гномам или карликам и убраться из-под земли.

— А потом?

— Потом? — Элодсса на миг задумался.— Потом собираюсь отдать Ключ отцу и изменить парочку старых законов, не считаясь с мнением главы дома.

— Это каких? — удивилась Мидла.

— Тех, что запрещают быть вместе сыну королевской династии и разведчице. Ты не возражаешь?

Мидла только улыбнулась, давая Элодссе понять, что с ее стороны никаких возражений не будет. Ни он, ни она не видели, что в глубине Ключа, лежавшего в сумке у эльфа, мерцает едва заметная багровая искорка.

Глава 22
РАЗГОВОРЫ В ОГНЕ

Многие думают, что во мраке нет жизни.

Это большое заблуждение. Может, в кромешной пустоте Ничто жизнь не так и заметна, как в нашем красочном мире, но то, что она есть, несомненно. То тут, то там на короткую долю секунды с отчаянным скрипом распахивались двери — столбы света в безграничном мраке, ведущие неизвестно куда. Они появлялись лишь для того, чтобы через краткий миг с оглушительным грохотом захлопнуться, поглотив свет.

Но мир склонен меняться, и спустя века двери пропали, надолго оставив меня в абсолютной тьме и тишине. Ни звука, ни дуновения, ни искорки света, способной отпугнуть вековечный мрак этого места. Я висел в пустоте и видел сны. Много снов. Красивых и страшных одновременно. Снов, где я просто был наблюдателем; снов, где я проживал тысячи жизней; снов, которые были правдой, и снов, которые были просто снами.

Они шли и шли, сменяясь, как разноцветные картинки игрушечного калейдоскопа моего далекого детства. Сны, ни к чему не обязывающие; сны, над которыми стоило задуматься; сны, которые стирались из моей памяти, как только заканчивались, и уступали место другим, ни на что не похожим снам.

Сколько это длилось? Не думаю, что больше чем вечность, да и та когда-нибудь должна была кончиться. Вечность, как и сны, имеет такую неприятную особенность — подходить к концу в самое неподходящее для этого время.

Спустя несколько веков, показавшихся мне минутами, во мраке родились первые багровые искры. Это были дети гигантского и пока еще не видимого мною костра. Они вырывались откуда-то снизу, взлетали мерцающими угольками вверх, туда, куда до этого уползали мои сны. Искры вздымались высоко-высоко и, мигнув на прощание, таяли, пожираемые голодным мраком.

Одна из них пролетела прямо возле меня, на миг зависла перед лицом и, обернувшись огненной снежинкой, медленно кружась во мраке, стала падать. Я инстинктивно подставил ладонь, горящая снежинка огня упала на нее и растаяла. Ладонь обожгло легким морозцем. Огненная снежинка была холоднее льда.

Искорок-снежинок стало больше, они ускорили свой полет и теперь летали не только снизу вверх, но и горизонтально, как будто их гонял хулиган-ветер. Иногда, когда огненного снега становилось слишком много, снежинки закручивались в оранжевый смерч. В такие мгновения у меня перед глазами возникали картины прошлого.

Прошла еще вечность, и в одном месте мрак набух, пожелтел — так желтеет бумага, когда ее подносишь к пламени свечи — и лопнул. Появились языки багрового огня. Затем еще и еще. Спустя миг пламя сожрало мрак, заполнив все пространство моего бесконечного сна.

Багровый огонь оказался беззвучным, и от него не было никакого жара. Я почувствовал небольшой холодок, когда особенно рьяный и неугомонный язычок пламени лизнул мне лицо. Я провел по щеке пальцами, и на них остался тонкий слой огненного инея. Он нагрелся и багровым дымком заструился с ладони, нежно клубясь перед лицом и маня меня прыгнуть за ним в пламя.

Куда дальше? Я находился в самом центре этого беззвучного холодного ада, но дымок превратился в безжалостный янтарный огонек и толкнул меня в бездну. Появился звук, и мой крик жалкой мошкой потонул в реве огненного прилива. В ответ огонек только весело подмигнул мне янтарным глазом. Но я уже и сам видел, что это не обычный огонь, а глаза, просящие вернуться в какой-то забытый мною мир.

Забытый? Но я же помню, что смотрящие в меня глаза — это раскосые золотисто-янтарные очи эльфийки. Ее, кажется, звали Миралиссой.

— Потанцуй с нами, Танцующий! — Веселый смех заставил меня отвлечься и обернуться.

Закручиваясь в вихре танца, на языках пламени двигались три тени. Их нисколько не пугало присутствие света, они оставались такими же черными и непрозрачными для него, как будто и не было вокруг никакого огня.

— Ну же, Танцующий, не бойся! — засмеялась одна из них и сделала вокруг меня оборот.

— Я не танцую, леди.— В горле пересохло.

То ли от холодного огня, то ли от снов.

— Смотрите, он не хочет танцевать,— задорно рассмеялась другая тень, подлетая ко мне вплотную.

На мгновение я увидел очертание женского лица.

— Отчего же, Танцующий, ты отказываешься танцевать? Почему ты не хочешь подарить нам всего лишь одну пляску?

— Мне нужно идти.— Пламя за спиной выло не переставая и, кажется, начинало теплеть.

— Идти? — Третья тень оказалась рядом с первой и второй.— Но чтобы уйти, ты должен подарить нам танец. Давай, Танцующий! Выбирай! Какая из нас троих тебе больше по душе?

— Я не умею танцевать.— Я покачал головой и обернулся.

Янтарные глаза все еще никуда не исчезли, но потихоньку отдалялись, скрываясь за стеной пламени. Я бросился к ним, и меня тут же обдало жаром. Я в страхе закрыл лицо руками.

— Вот видишь, Танцующий,— покачала головой вторая тень.— Ты пройдешь сквозь огонь только в танце. Танцуй, или навеки останешься здесь!

Я уже мог отличить каждую из них по голосу. Они одновременно были такими похожими и... такими разными.

— Какую из нас ты выбираешь? — вновь спросила третья. Жар за моей спиной становился нестерпимым.

— Всех троих,— хмуро сказал я.

Одной глупостью больше, одной меньше. Какая, собственно, разница?

Минутное замешательство.

— Ты и вправду Танцующий,— удивленно произнесла первая тень.— Берешь от жизни все.

— Что же, мы проведем тебя через барьер. Держись!

Тени обняли меня, закрывая черными телами от подступающего со всех сторон огня. И повели. Вихрь кружения, стрела скольжения

и легкости, черная молния, пронзившая стену пламени и толкнувшая меня к янтарным глазам.

Падаю...

— Мы еще станцуем с тобой джангу! — слышу я слова, брошенные в спину.

Последняя, злая вспышка багрового и сходящего с ума от собственного бессилия пламени. Ночь...

— Что с ним?..

Голос пробивался через густую паутину беспамятства, разрывая ее нити, подобно кинжалу. Он подхватил меня со дна сна, ставшего явью, медленно поднимая к поверхности, чтобы я глотнул свежего воздуха жизни.

— Приходит в себя! Эграсса, дай мне цветы! Быстро! — Голос Миралиссы напряжен и...

Растерян? Испуган?

— Что, подери меня тьма, здесь происходит?! — Опять первый голос.

Его я тоже, кажется, знал... Алистан Маркауз.

— Успокойтесь, граф, все объяснения после! Эграсса, что ты медлишь?!

— Вот.— Эльф казался спокойным.

Я почувствовал кислый запах травы и невольно поморщился.

— Ну же, Гаррет, хватит ломать комедию! Открой глаза! — Голос у невозмутимого Элла резкий, напряженный.

Я попробовал. Я честно попробовал! Но веки были ужасно тяжелые, попросту налитые свинцом и отказывались подчиняться.

— Гаррет! Ты меня слышишь?

Что они все ко мне привязались? Ведь так хорошо спалось! Вонь от проклятой травы стала невыносимой. Пришлось чихнуть. Холодная рука легла на мой лоб.

— Давай, Танцующий, открой глаза! Я знаю, ты меня слышишь!

Миралисса тоже называет меня этим именем — Танцующий? А все Кли-кли! Это гоблин первым ляпнул, будто я какое-то там пророчество. Удавил бы, да жалко зеленого. Сожри меня Х'сан'кор! Долго они будут пихать мне под нос вонючую дрянь? Видно, все же придется открыть глаза, иначе эльфы не отстанут.

Еще одно усилие. В этот раз все оказалось намного проще. Воля у эльфийки железная. Первое, что я увидел,— это ее лицо. Миралисса склонилась надо мной и, даже несмотря на смуглую кожу, была необычайно бледна.. Чуть дальше стояли два напряженных, как хорошо натянутая тетива лука или струна музыкального инструмента,

эльфа. Рядом с ними — Маркауз. Он был хмур. Впрочем, это его постоянное состояние духа, все уже давно привыкли.

— Как ты себя чувствуешь? — Миралисса вновь положила руку мне на лоб.

Как я себя чувствую? Руки, ноги целы. Хвоста, по-моему, нет. Все в порядке. Чего они, собственно, переполошились?

— Нормально я себя чувствую. А что?

Я сделал попытку встать с кровати, но Миралисса мягко толкнула меня назад.

— Полежи пока.

— Кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит?! — Милорд Алистан все же не выдержал.

— Кто бы мне объяснил,— с раздражением бросила Миралисса и поежилась, как от зябкого сквозняка.— Все шло как всегда. Стандартная процедура настройки на Ключ — ее может выполнить любой ученик третьего года, почти ничего не понимающий в шаманстве. Все было нормально, а затем Ключ полыхнул багровым, и я потеряла связь с Гарретом. Его сознание унесло в такие далекие дали, что мы с большим трудом вернули его назад. Точнее, он сам как-то вернулся, все наши попытки оказались безуспешными. Ничего не понимаю!

Атефакт полыхнул багровым? Такое было в одном из снов. Какой-то человек... Суник? Суоник? Не помню. Что-то он сделал вот с таким же, как этот, ключом. Что-то не слишком хорошее. Еще один хозяйский прихвостень, не иначе.

— Гаррет, ты что-нибудь помнишь? — спросил Эграсса.

— Ну помню,— протянул я.

— Не нукай! Что помнишь, вор? — Алистан все еще злился.

— Сны. Тысячи снов.

— Каких снов?

— Их было очень много за это время!

— Какое время, Гаррет? — нехорошо нахмурился Эграсса.— С того момента, как ты сел на кровать и как проснулся, прошло не больше двух минут!

Я остался лежать с открытым ртом. По моим меркам прошла целая вечность.

— Это все ваш Ключ, самим надо было его делать, а не отправлять принцев к карликам! — обвиняющим тоном сказал я.

— Откуда ты знаешь, что Ключ заказывал принц?! — Глаза Миралиссы удивленно прищурились.

— Из сна, наверное...— немного подумав, сказал я.— Я даже имя эльфа того помню — Элодсса.

— Элодсса Разрушитель Законов,— кивнул Элл, подтверждая, что я не вру.— Был такой правитель дома Черного пламени. Очень давно, больше тысячи лет назад. Вот только я не знал, что он заказывал Ключ.

— А он и не заказывал.— Я нарушил запрет Миралиссы и сел на кровати.— Это его отец заказал. Даже не отец, а все эльфы. И темные, и светлые, а Элодсса поехал к карликам. Там все это и случилось.

— Что «это»?

— Не обращайте внимания,— отмахнулся я.— Это всего лишь один из множества снов.

— Сны имеют свойство показывать прошлое. Или будущее. Вполне возможно, что ты мог, сам того не зная, увидеть одну из страниц.

Пришлось рассказывать.

— Если основываться на моем сне,— закончил я,— выходит, что с Ключом сделали нечто не то, и теперь он работает не так, как надо.

— Но раньше-то с ним было все в порядке! — возразил Алистан.

— Раньше мы и о Хозяине ничего не слышали,— возразил графу Элл.— Возможно, в Ключе что-то проснулось, и он чуть не затянул Гаррета.

— Ладно! — Миралисса в раздражении щелкнула пальцами.— Будем продолжать делать то, что делали все это время. К тому же артефакт Гаррета запомнил.

— Я, пожалуй, пойду. Если с вашей стороны нет никаких возражений.— Я встал с кровати и направился к двери.

— Не забудь Ключ.

— Какой тьмы он мне сейчас нужен? — запротестовал я.

Таскать у себя за пазухой штуку, в любой момент способную превратиться в ядовитую гадюку, я не желал.

— Гаррет, ты ведь не Вастарскую сделку заключаешь, правда? — раздраженно произнес Маркауз.— Чего торгуешься? Бери уже этот проклятый ключ и проваливай!

— Нет, пусть он побудет у меня,— неожиданно поддержала меня Миралисса.— Я еще раз его проверю. Нужно убедиться, что он абсолютно безопасен.

Вот и чудненько! Я покинул задумчивых эльфов и недовольного графа Крысу.

По дороге в мою комнату меня окликнул хмурый Кот:

— Алистана не видал? — бросил он на ходу.

— У Миралиссы.

Кот кивнул и двинулся по коридору к комнате эльфийки.

— Где это ты шлялся? — Такими словами встретил меня шут, когда я появился на пороге.

Фонарщика еще не было, и Кли-кли стелил себе постель на полу, между двух рассохшихся кроватей.

— Ты любитель спать на жестком? — спросил я, игнорируя вопрос гоблина.

— И тебе советую, для здоровья полезно,— сказал Кли-кли, взбивая подушку.

— Спасибо, перебьюсь.— Я достал из кармана и вставил в ухо хлопковую пробку, одну из тех, что озаботился попросить у заботливой жены хозяина таверны.

— Это еще зачем? — подозрительно сощурившись, спросил мой зеленый приятель.

— Не могу без них уснуть.— Я невольно криво ухмыльнулся, и гоблин отстал.

Кровать после нескольких ночевок под открытым небом показалась подарком богов. И в эту ночь я спал словно младенец...

Как и следовало ожидать, на следующее утро Кли-кли был хмур и молчалив. Он дулся на весь свет, а в особенности на Фонарщика и почему-то на меня. До того момента, когда взошло солнце и немного растопило его настроение, Кли-кли отказывался со мной разговаривать и лишь сердито фыркал в ответ на мои жалкие попытки наладить отношения. Видно, его очень расстроило то, что он не был предупрежден о ночном храпе Мумра.

Ни Миралисса, ни Алистан словом не обмолвились этим утром о ключе и лишь поторапливали нас, намереваясь как можно быстрее отправиться в путь. Выехали мы рано, еще не наступил рассвет, а милорд Крыса уже гнал весь отряд, и додремывал я прямо на Пчелке, благо лошадка не неслась галопом. Сурок, едущий рядом, лишь хмыкал, понимая мое состояние, и принялся ненавязчиво следить за Пчелкой и тем, чтобы я не рухнул на землю.

Через час лошади пошли рысью, и я, уже проснувшись, довольно лихо сидел в седле. Вот что значит постоянная практика. И только сейчас заметил, что в нашем небольшом отряде произошли некоторые изменения.

— А где Кот и Эграсса? — удивленно спросил я у проезжающего на Перышке Кли-кли.

— У них появилось важное задание.— Гоблин впервые открыл рот за это утро.— Все, Гаррет! Хиханьки и хаханьки остались за спиной! Теперь у нас впереди суровые, а может, и опасные будни. Что-то должно произойти, я носом чую!

В подтверждение своих слов Кли-кли громко шмыгнул носом.

— Что случилось, Сурок? — не унимался я.

Дикий лишь пожал плечами, но выглядел обеспокоенным.

— Неназываемый их знает! Кот вчера весь день ходил сам не свой. Бормотал что-то, к вечеру все оглядываться начал. А сегодня утром прихватил эльфа для компании и вовсе пропал. Вон, слышал, что Кли-кли сказал? Что-то происходит. Ненавижу я, когда вокруг непонятки!

— А кто любит? — зевнув, спросил Горлопан.— Вон Алистан как гонит! К вечеру с такой прытью в Султанате окажемся!

— Горлопан, иди к Мумру песни петь! И без тебя тошно! — хмуро бросил едущий впереди Дядька.

— Что-то я не слышу, чтобы наш музыкант дудку мучил! — возразил Горлопан, но заткнулся и все остальное время молчал, лишь иногда привставая на стременах и оглядываясь.

Мы свернули с тракта на старую и пустынную дорогу, продолжавшую вести на юго-восток, хотя Медок сказал, что она затем вновь поворачивает на юг и сливается с трактом перед самым Ранненгом. Этот путь был гораздо короче, но менее оживлен. Деревень тут не было, места необжитые, значит, вновь придется коротать ночь под открытым небом.

Прошло утро, наступил жаркий полдень и сгинул в подступающем вечере, но Алистан все гнал и гнал, не щадя ни лошадей, ни всадников. В моей душе заворочался червячок беспокойства. Что-то случилось — иначе к чему такая спешка?

Ни эльфийка, ни граф, ни Дядька не отвечали на расспросы шута и только еще сильнее подгоняли коней. Три коротких остановки — лишь для того, чтобы дать отдых измученным лошадям — и снова пыльная дорога мелькает под ногами, да диск медно-красного солнца скатывается за горизонт по правую руку.

Лишь когда небо приобрело огненно-малиновую окраску, постепенно переходящую в темный фиолет, а от солнца остался махонький краешек над горизонтом, наш отряд остановился на ночлег. От дороги далеко уходить не стали. От чего бы мы ни бежали (или что бы мы ни догоняли — хотя в последнем варианте я склонен сомневаться), все равно нас видно, как у Сагота на ладони. По правую и левую сторону от тракта тянулись невспаханные поля, и огонек ночного костра заметят за лигу.

Бледный рогатый месяц, сменивший за время нашей поездки луну, появился на небе и завел беседу с первыми звездами. Но наслаждаться природой времени не было, нужно еще успеть насобирать дров.

Найти в чистом поле пищу для огня, да еще и в потемках, довольно проблематично. Если кто сомневается, пускай как-нибудь сам попробует выйти на просторы, где вместо деревьев растет зеленая

травка, несколько очаровательных, но абсолютно бесполезных цветочков, да сидит стадо полусонных кузнечиков. Попытайтесь разжечь из вышеперечисленного приличный костерок. Очень сомневаюсь, что у вас получится, особенно если учесть, что весь день до этого нужно было провести в седле.

К счастью, мы с Сурком наткнулись на заросли густого низкого кустарника, и подоспевший Делер срубил его секирой.

Обязанности в отряде были четко распределены. Двое собирают дрова и поддерживают огонь, один кашеварит, четверо смотрят за лошадьми, остальные — обустраивают место для ночлега. Все занимались делами, никто не отлынивал. Даже Маркауз, хоть он трижды граф, каждый вечер проверял лошадей, следя за тем, чтобы, не дай Сагот, ни одна не захромала.

Лично меня никто ни о чем не просил, но чувствовать себя бездельником не хотелось (мне с этими людьми еще придется делить последний кусок хлеба), так что я тоже оказывал посильную помощь. В основном помогал Сурку собирать дрова или занимался кормежкой Непобедимого. Линг оказался забавным зверьком и к тому же чертовски сообразительным. Мы с ним вполне мирно ладили, я позволял ему забираться к себе на плечо, он в ответ разрешал его погладить. Такая любовь и идиллия сильно удивили Сурка, рассказавшего мне, что Непобедимый не шибко приветствует, когда его кто-нибудь трогает. Если, конечно, это не его любимый хозяин.

Когда я, Сурок и Делер дотащили до разожженного костерка остатки кустарника, не захваченные в первую ходку, на огне уже весело булькал котелок, а Халлас, едва не макая в него бороду, помешивал варево деревянной ложкой. Неизменный мешок, ставший уже привычным за время нашего путешествия, висел за спиной гнома. Кажется, он даже спал с ним вместе, положив рядышком еще и боевую мотыгу для успокоения души. Делер первые два дня все пытался разузнать о содержимом мешка, а потом плюнул. И теперь, когда ему на глаза попадалась гномья сумка, лишь презрительно фыркал.

Кли-кли, как примерный помощник поваров (кашеварили через день Халлас и Дядька), подавал гному снедь. Халлас жестом профессионального королевского повара сыпал в котелок всего до кучи. В итоге такого подхода к приготовлению пищи получалось нечто ужасное на вид, но вполне питательное и вкусное.

— Опять какую-то дрянь стряпаешь? — Делер наморщил нос и бросил ветки на землю.

— Не хочешь — не ешь! — отрезал гном, швырнув в бурлящий котелок большую луковицу.

Он терпеть не мог, когда его талант повара подвергался сомнениям.

— Да ладно тебе, Делер,— примиряюще сказал Медок.— Чего ты взъелся?

— Я от его снеди полночи в кусты бегаю! Уж лучше пусть Дядька готовит!

— Дядька кашеварит завтра,— издевательски сказал Халлас, помешивая в котелке.— А насчет кустов, это вам, карликам, очень полезно. Избавитесь от одной вредной штуки, а то ее у вашей расы слишком много.

— Это о какой такой штуке ты разговор ведешь, мотыжник недобитый? — уперев руки в бока, спросил Делер.

— Той, что начинается на «д», а заканчивается на «о». Посредине буквы «е», «р», и «м».— Халлас неотрывно смотрел в кипящий котелок, как будто ничего оскорбительного он не произнес.

Делер стал загибать пальцы на правой руке и шевелить губами, чтобы понять, что имеет в виду гном. Кли-кли уже догадался и радостно осклабился, приготовившись наблюдать вселенскую драку. Сурку тоже не понадобилось много времени, чтобы сообразить, что к чему, но он, в отличие от шута, тут же схватил Непобедимого и направился помогать Горлопану, Арнху и Фонарщику кормить лошадей. Медок же незаметно встал так, чтобы в случае чего оказаться между карликом и гномом.

— Дермо,— недоуменно пробормотал Делер, уставившись на собственные пальцы, будто они сами собой сложились в фигу.— Дерьмо?! Ты говоришь о том, что в карликах слишком много дерьма?!

Делер бросился к Халласу, но на его пути выросла массивная фигура Медка.

— Ах ты, маленькая бородатая вошь! — Карлик попытался обойти воина справа, но Медок как бы невзначай вновь перегородил Делеру дорогу.

— Иди сюда, и мы посмотрим, сколько дерьма у твоей расы! — Попытка обогнуть гиганта Дикого слева тоже не привела к успеху.

Халлас невозмутимо мешал походную кашу и ухмылялся в бороду.

— Мало мы вас на поле Сорна отщучили! Да пусти же ты меня, Медок!

— Успокойся, Делер.— На крики подошел Дядька.— И так Кот с эльфом до сих пор не вернулись, да еще ты тут свару начинаешь!

— Я начинаю?! — возмутился карлик и в сердцах сорвал с головы шляпу.— Этот... Этот выкормыш подземных глубин сказал, что в карликах слишком много дерьма!

— А ты наплюй,— подал идею Медок.

— Как наплевать? — опешил от такого предложения Делер.

— Смачно,— абсолютно серьезно ответил Дядька.

Карлик немного подумал и плюнул. К счастью, ни в котелок, ни тем более в Халласа плевок Делера не попал, иначе драки уже бы точно нельзя было избежать.

— Ты давай готовь нормально! — сказал Халласу поостывший карлик.— И бороду в котелок не суй! Больно мне там нужна твоя борода!

Оставив последнее слово за собой, он протопал следом за Сурком, ворча себе под нос.

В эту ночь Алистан впервые расставил караульных. Первыми заступили Арнх и Угорь, через три часа их должны были сменить Дядька и Медок. В следующую ночь на посту будет коротать время следующая четверка. Избежали этой сомнительной радости только Маркауз, Миралисса, Кли-кли и я.

Не скажу, что я очень огорчился. Все понимали, что нельзя поручать вору то, с чем он вряд ли сумеет справиться.

А вот Кли-кли обиделся и сказал, что, несмотря ни на каких настроенных против гоблинов личностей, он собирается исполнить свой долг караульного. Только не сегодня, а как-нибудь попозже, ну вот хотя бы во время дежурства Делера и Халласа. Гном и карлик, уже успевшие помириться и мирно откушать из одного котелка, с радостью согласились взять в компанию гоблина.

И еще в эту ночь я впервые видел, что Элл кладет рядом с собой лук и втыкает в землю две стрелы.

Не спалось. Сон бежал от меня. Поэтому я просто лежал, закинув руки за голову, и смотрел в похожее на бездонное озеро звездное небо. Теплый ночной ветерок мягкой ладошкой касался высокой полевой травы и уснувших цветов, нежно пригибая растения к матери-земле. Трава притворно сердилась, шелестела, но стоило ветру отвлечься — и она озорно поднимала голову, приглашая вернуться и продолжить забавную игру.

Худосочный старикан-месяц степенно плыл над миром, и его свет серебристой мукой падал в траву, придавая ей вид драгоценной ювелирной поделки, вышедшей из-под руки талантливого мастера. Пахло влажной землей, полевыми цветами, летней свежестью и бескрайним простором. После постоянной каменной вони раскаленного города аромат природы опьянял.

Где-то далеко в полях раздался тоскливый крик одинокой птицы. Не только мне не хотелось спать нынешней ночью.

На мгновение черный силуэт, мелькнувший над головой, закрыл собой звезды и бесшумно растворился в ночи, чтобы спустя краткий миг вновь вернуться назад. Тень сделала круг над лагерем и, поняв, что ничем интересным возле огня поживиться не удастся, лениво шевельнув крыльями и почти касаясь телом травы, исчезла где-то в посеребренных месяцем полях.

Филин на охоте. Берегитесь, мышки! Как бы он нашего Непобедимого не утащил. Хотя линга так просто не съешь. Попробуй такого зубастого схватить — вмиг останешься без клюва и перьев! До сих пор было слышно, как зверек шуршит в опустевшем котелке, доедая остатки.

Костер догорал, и рожденные за это время угли тихо перемигивались с далекими сестрами — звездами. Кто кого пересветит. Надо бы подкинуть дровишек, но вставать лень — воины спят чутко, обязательно кого-нибудь разбужу. Рядом со мной, перевернувшись на спину и открыв рот, лежал Горлопан. Кли-кли, если бы сейчас не дрых, обязательно бы воспользовался такой неосторожностью солдата и ради веселой шутки засунул бы тому в открытый рот одуванчик или какую-нибудь мелкую букашку — от зеленого гоблина можно ожидать любой пакости в самый неожиданный момент.

Я до сих пор не мог понять характер шута: то ли он попросту играет роль королевского фигляра, паясничая направо и налево, то ли действительно это обычное состояние его зеленой души. До Кли-кли я с этой малочисленной расой серьезно не общался, так что общее впечатление о гоблинах у меня начало складываться совсем недавно.

Но на этот раз Горлопану ничего не грозило — шут слишком устал и сейчас сопел, подложив руку под щеку, ничуть не хуже, чем все остальные. Фонарщик спал в обнимку с любимым биденхандером недалеко от Кли-кли. Делер расположился поближе к огню. Халлас с ценным мешком улегся на границе света и тени.

Остальные лежали по другую сторону от затухающего огня, сливаясь с мраком, превратившись в темные силуэты, и четко рассмотреть, кто где спит, было невозможно. Несколько раз мимо тихо проходил несший службу Угорь. Но потом, убедившись, что все тихо, он присел неподалеку и стал ждать, когда подойдет время его смены.

Угорь, наверное, единственный из моих спутников, о ком я так и не сложил определенного мнения. Всегда молчаливый и прямой, как боевой посох, смуглый гарракец редко вступал в разговоры, лишь иногда бросая скупые слова. Это происходило только в тех случаях, когда он считал, что стоит поделиться своим мнением с остальными.

В отряде его уважали, это было видно сразу, но вот друзей или приятелей среди Диких я у Угря не заметил. Для него мы все были товарищами по походу, теми, кто будет с ним, если потребуется, драться против общего врага, но никак не друзьями, с которыми можно с удовольствием выпить пивка в один прекрасный весенний денек. Он держался на расстоянии, не влезая в дела других и не позволяя лезть в душу к себе. Никто из воинов не обижался и принимал характер гарракца как само собой разумеющееся. Однажды я спросил у Фонарщика о том, как к ним попал этот человек.

— Не знаю, он не склонен рассказывать о своей прошлой жизни,— развел руками Мумр.— Да мы и не настаиваем. Прошлое — это личное дело каждого. Вон Пепел — это командир Шипов у Великана — раньше был мелким воришкой. Еще мальчишкой к Диким попал. А теперь мы с ним хоть за Иглы Стужи пойдем. И плевать мне, кем он был раньше — вором, убийцей или похитителем старушек. То же самое и про Угря. Не хочет рассказывать о том, что было до службы, — это его личное право. Я его почти десять лет знаю, и никаких сомнений в его храбрости никто из наших ребят никогда не испытывал. Однажды я слышал сплетню, что он из какого-то знатного рода Гаррака. Да и сам думаю, что он не простой парень. Ты посмотри, как с клинками обращается — будто с ними и родился! Дворянин, одним словом.

Вновь крикнула ночная птица. Тягучий короткий звук разнесся по полям, и Угорь резко повернул голову в ту сторону. Но нет, крики замолкли, видно, сама виновница этих воплей испугалась собственного голоса.

Сон все не шел. Меня слишком сильно обеспокоило долгое отсутствие Кота и Эграссы. Гоблин не зря говорил, что назревает нечто неприятное. Что могло задержать двоих воинов на, казалось бы, безопасной и мирной дороге?

Хм...

Такой ли уж безопасной? Такой ли мирной? Если до Авендума чуть больше недели верхом, это не значит, что на тракте все тихо и спокойно. Случиться могло все что угодно. Разбойники, непогода, лошадь сломала ногу, булыжник на голову упал, в конце концов! И неважно, что над головой голубое небо,— камни могут упасть откуда угодно в самый неожиданный момент и здорово хрястнуть по темечку.

Почему Кот был так хмур и взволнован? Даже обеспокоен! За день до того, как я познакомился с Ключом, воин не скрывал волнения. Он излишне часто оборачивался назад, вглядываясь в пустую дорогу, слишком нервно поглаживал кошачьи усы и странно бормотал что-то себе под нос.

Что он увидел? Что почувствовал? Ведь все остальные, включая Миралиссу и Эграссу, владеющих шаманством, оставались безмятежными.

Впрочем, кто поймет следопыта? Ребята этой профессии обязаны видеть то, чего не замечают другие.

Потихоньку звезды перестали быть четкими, и мир погрузился в глубокий сон.

Я открыл глаза, не понимая, что меня разбудило. Месяц довольно хорошо прогулялся по небу за то время, пока я спал, и теперь был уже в объятиях Солнечного Стрелка, огромного созвездия, располагавшегося на самой границе с горизонтом.

Угорь задремал рядом с Горлопаном, рот последнего все так же оставался открытым. Прошло более трех часов, как я уснул, и теперь стражу несли Дядька с Медком, сменившие отправившихся спать гарракца и Арнха.

Кто-то позаботился о дальнейшей жизни костра, и он маленьким алым цветком неспешно поедал дрова. Рядом с огнем сидела Миралисса, иногда окуная палку в пламя. Костер недовольно шипел и стрелял искрами, бегущими от него в ночное небо.

Я встал и, стараясь никого не разбудить, направился к эльфийке, по пути едва не наступив на Делера. Осторожно присел рядом и стал смотреть, как огонь слизывает кору на палке.

— Тоже не спится? — после долгого молчания наконец спросила она.

— Да.

Я наблюдал за ее безмятежным лицом, за отливающими алым в свете костра волосами.

— Хорошая ночь,— вздохнула она.

— Если учесть, что мне не так часто удавалось за свою жизнь ночевать в полях, то да. Ночь хорошая.

— Ты даже не знаешь, какой ты счастливый человек,— неожиданно сказала эльфийка, блеснув клыками.

Я до сих пор не мог привыкнуть к торчащим эльфийским зубам. Человек, наверное, подсознательно опасается кого-то не слишком похожего на него, в особенности если у неизвестного во рту имеются такие клыки.

— Да, если попасть в безвыходную ситуацию и в итоге отправиться в Храд Спайн, — это счастье...— довольно мрачно ответил я.

— Я не буду тебя утешать. Ты выбрал достаточно рискованную профессию и знал, на что шел. Вором быть опасно. Правда, я не об этом. Как часто ты выходил за стены Авендума?

— Раза три,— немного подумав, сказал я.— И не дальше чем на пять лиг.

— Вот-вот. Счастливый. Ты всегда рядом с родным домом.

— Не очень уж он мне и родной.

Никаких ностальгических чувств по стенам Авендума я не ощущал.

— Но ведь все равно это дом. Знаешь, какое у меня заветное желание? — внезапно спросила она.

Я посмотрел в ее желтые глаза и едва заметно покачал головой.

— Хочу наконец вернуться домой. Увидеть родной лес, близких, дворец, дочь. Почему ты улыбаешься? Считаешь, что это слишком по-женски?

— Нет, миледи. Я так не считаю. Все хотят когда-нибудь вернуться домой. Тем более если там остался твой ребенок.

— Я не была в Заграбе больше двух лет. Путешествовала с отрядом по всей Сиале, последний раз дошли до самого С'у-дара. От него вернулись только я, Элл и Эграсса. Остальные так и остались в снегах.

— Сочувствую...

— Оставь.— мягко прервала она меня.— У нас иное отношение к смерти. Мы все-таки не люди. Эльфы легче к ней относятся и легче принимают. Все когда-нибудь уходят. Рано или поздно это случается, и бегать от этого — глупо, а закрывать на это глаза — еще глупее. Жить и трястись от страха, что в какой-то момент ты умрешь, — это не по нам. Весь вопрос только в том, как уйти и за что стоит расстаться с жизнью.

Вновь повисла тишина, только иногда что-то шипело между углей, да ветер трепал выбивающиеся из косы волосы эльфийки.

— Я все хотел спросить,— начал я.— Зачем вы ввязались в эту авантюру? Ведь это наша беда. Это проблема людей.

— Темные заключили союз с Валиостром.

Я промолчал. Союзы как заключаются, так и расторгаются. Это дело большой политики, и из-за какого-то союза, пускай и продержавшегося несколько сотен лет, не стоит совать голову в пасть голодного огра.

Миралисса поняла мою невысказанную мысль:

— Гаррет, ты всегда настроен так мрачно?

— Все зависит от обстоятельств.

— Пойми, если мы не поможем вам сейчас, то расплатимся за это позже. Орки номинально признали над собой власть Неназываемого, пускай он и человек. Но признали-то они его, потому что это им выгодно. Ведь после Войны Весны им ни разу не удалось продвинуться по континенту. Их окончательно загнали в Заграбу.

— Я понимаю.

— Если Неназываемый сомнет Валиостр, то Пограничное королевство, исконные земли орков, останется без поддержки. Пограничники против всех сил Первых не выстоят. Если Неназываемый удовольствуется местью и его армии остановятся в Валиостре, ничего не кончится. Орки наберутся сил, возьмут Исилию, со временем подточат Мирануэх, а потом что-нибудь придумают против Неназываемого. Они горды и склонны думать, что с помощью ятаганов победят человека, пускай он хоть тысячу раз маг. А может, оставят Валиостр в покое — на юге полно других земель.

— Юг силен. Там Гаррак, Империи, Низина, Филанд, светлые эльфы, наконец.

— Если лавина начинает разбег, то чем ниже она спускается, тем опаснее становится. Их тяжело будет остановить. Озабоченные величием своей расы, они будут вырезать всех под корень. Ведь именно орки — Первые дети богов. Именно им была подарена Сиала, куда по какому-то недоразумению попали остальные червяки — другие расы, и ушли в тень огры. Только орки достойны жить, а остальных надо отправить во тьму. Рано или поздно придет и черед эльфов. А без поддержки людей война будет безысходной. Мы захлебнемся в крови, Гаррет. Вот почему эльфы помогают Валиостру. Мы хотим, чтобы вы выстояли сейчас, иначе мы погибнем в будущем. Падем. Потеряем все. Неназываемый — это только начало. Комок снега, который обрушит лавину нового передела мира.

Я кивнул. Действительно, орки уже давно копят силы и не лезут попробовать остроту ятаганов только потому, что совместные силы Валиостра, Пограничного королевства и темных эльфов еще кое-как их сдерживают. Но погибни хоть кто-то из этих троих, и дышать Первым будет намного легче. В плотине появится небольшая лазейка для махонького ручейка. А, как известно, вода камень точит. И спустя некоторое время — плотина рухнет.

— Завтра я поведу отряд,— вдруг сказала Миралисса.— Милорд Алистан и Угорь поедут назад. Нужно узнать, что произошло с Котом и Эграссой.

— Не пропадут ли и они?

Маркауз и Угорь были отличными воинами, и их помощь в случае чего окажется для нас не лишней.

— Будем надеяться, что моего кузена и Кота задержали непредвиденные обстоятельства.

— Что вообще случилось? Почему они так быстро покинули наш отряд?

— Кот что-то увидел.

— Кот что-то увидел? — удивился я.— Но из-за того, что кто-то что-то увидел, не посылают людей неизвестно куда! Мало ли кому что привиделось!

— Кот видит то, чего не видят другие,— тихо сказала Миралисса и положила обугленную палку на землю.— Ты знаешь, что раньше, перед тем как уйти к Диким, он был в учениках у Ордена?

— Не верю.— Я как-то не мог представить себе этого усатого толстячка учеником мага.

— А между тем это так. Я не знаю, по какой причине он ушел от волшебников, но знания у него остались. Кот замечает интересные вещи, хотя порой и сам не может объяснить свои инстинктивные ощущения. Разбуди любого из Диких и спроси: чему они доверятся больше? Что выберут в опасную минуту? Разум и факты или призрачные ощущения Кота? Могу предположить, Гаррет, что все предпочтут последнее. Слишком часто этот невзрачный человек оказывался прав и проводил отряд стороной от опасности.

Я пошевелился, положил в пламя еще несколько веток.

— В тот вечер, когда ты увидел ключ, пришел Кот. Он сказал, что чувствует опасность. Даже не опасность, а ее призрак. Что-то готовилось у нас за спиной, а еще что-то шло прямо за нами, ярдах в ста, он чувствовал чей-то взгляд, но, сколько ни смотрел, не смог ничего обнаружить.

— Вы поверили?

— Почему нет? Какой ему смысл врать? Рассудив, что мы не можем разворачивать отряд назад и нестись сломя голову незнамо куда, чтобы предотвратить неизвестное, мы с Алистаном решили ехать дальше, но свернуть с людного тракта на эту дорогу. Тут нас и заметить сложнее, и, если что случится, другие не пострадают. А Кот, который «видел», где творится зло, и Эграсса, как младший принц дома, знающий шаманство, должны отправиться назад и посмотреть, что происходит.

— И помешать...

— По возможности, но это не было основной целью. Кот сказал, что это недалеко, три лиги, не больше. По всем подсчетам, они должны были уже нагнать нас.

— Где-то поблизости ходит вражеский шаман? — догадался я.

— Ты прав. Но даже я ничего не почувствовала. Если бы не настороженность Кота, возможно, нам бы уже ударили в спину.

— И долго мы будем так бежать?

— До Ранненга точно. Согласись, вступать в схватку неизвестно с кем слишком опасно, мы можем потерять даже то преимущество, что имеем сейчас. А в городе есть маги Ордена, туда враги не сунутся.

— Простите, миледи, но тут я не согласен,— покачал я головой.— Если они проникли во дворец короля, то за стены Ранненга они уж точно попадут.

— Ты предлагаешь нам совсем не заезжать в Ранненг?

— Не исключено, что нас именно туда и заманивают.

— Откуда такое предположение? — Она с интересом посмотрела на меня.

— Скажем так, предчувствие.

— Как у Кота?

— Нет, в отличие от Кота я иногда ошибаюсь.

Черные губы Миралиссы грустно улыбнулись.

— Возможно, ты и прав. Но город нам необходим. Мы никак не сможем его избежать. Иначе за Иселиной будет слишком тяжело без свежих лошадей и припасов. В любом случае нападать на нас там не то же самое, что здесь, когда вокруг ни души. Через три дня мы будем в Ранненге. До рассвета еще два часа, иди спать.

— Я уже не усну.

— Мне нужно составить несколько заклятий. На всякий случай. Чувствую, что и впереди нас могут ждать неприятности.

— Тогда не буду вам мешать. Спокойной ночи.

Едва заметный наклон головы, и она уже была занята тем, что чертила вновь подобранной с земли палкой какие-то фигуры на золе.

Я вернулся на свое место и расправил смятое одеяло. Под утро стало прохладно, на стебельках травы появились первые топазовые капли росы.

— Чего не дрыхнешь? — ворчливо спросил меня совершающий обход лагеря Дядька.— Вон даже кони спят без задних копыт, а ты тут, понимаешь, шорох наводишь. Эх, зелень необученная! Я бы на твоем месте каждой свободной минутке радовался!

Тихонько ворча, Дядька удалился.

Что же, Дикий дело говорит. Надо ловить моменты и использовать их по назначению, иначе весь день буду как вареный. Что бы ни произошло с Котом и Эграссой, это уже случилось, и я не в силах ничего изменить.

Я лег на импровизированную постель и тут же вскочил, стараясь сдержать крик. Какая-то сволочь подложила мне в одеяло колючку! Я бросил злой взгляд на шута, но тот безмятежно спал. Или мастерски притворялся.

Горбатого могила исправит, я махнул на все рукой, выбросил колючку как можно дальше и лег. И в этот самый момент едва не подавился смехом. Кое-кому было даже хуже, чем мне, хоть он об этом

пока не догадывался. Горлопан все так же спал с открытым ртом, из которого одиноко торчал стебель одуванчика.

Последнее, что я увидел, прежде чем вновь заснул, — одинокая фигурка Миралиссы возле костра, рисующей на земле непонятные знаки.

Глава 23
ВИШКИ

Как вы думаете, кто с утра оказался виновником всеобщего переполоха? Ну конечно же Кли-кли. Миралисса застала гоблина в тот момент, когда он рисовал «палку, палку, огуречик» на золе возле магических фигур эльфийки. Естественно, она едва не оторвала ему руки за такие художества. Поэтому все утро гоблин старался держаться от леди подальше.

— Гаррет! — виновато канючил он, не найдя более благодарного слушателя в нашем маленьком отряде.— Я ведь честно не хотел ничего такого! Я думал, это просто каляки-маляки, и ничего больше!

— Кли-кли, зачем ты мне все это рассказываешь? — удивился я.— Ты иди перед Миралиссой оправдывайся.

— Но ты мой друг и должен узнать о несправедливом отношении к гоблинам в этом мире!

— Друг? — хмыкнул я.— Друзьям не кладут колючки в постель.

— Но это лучше, чем одуванчик в рот.— Кли-кли и не собирался ничего отрицать.— Вон Горлопан до сих пор плюется.

— Хватит валять дурака, гоблин! — К нам подошел Алистан.

— А я и есть дурак. Хотя торжественно клянусь прекратить всякую ерундистику.— Кли-кли с самым серьезным видом поднял ладонь, прямо как гвардеец, принимающий клятву.

Алистан кивнул, будто действительно поверил обещанию гоблина. Угорь уже давно был в седле, дожидаясь графа.

— Мы отправляемся. Следуйте этим трактом и никуда не сворачивайте. Постараемся вас догнать к вечеру.

— Если не удастся встретиться в пути, ищите нас в Ранненге. Трактир «Ученая сова»,— на прощание сказала им Миралисса.

Алистан кивнул, и они с Угрем, вжимая пятки в бока коней, помчались назад — туда, где предположительно должны были находиться Эграсса и Кот.

— Давайте, мужики,— хлопнул в ладоши Дядька.— По коням.

Этот день был самым жарким за все время нашей поездки. Безжалостное солнце рассвирепело до такой степени, что даже стойкий и упрямый Арнх снял с себя кольчугу. Медок так вовсе разделся по

пояс, показав всему миру бугры мышц, обилие шрамов и татуировку Дикого Сердца. Многие последовали его примеру. Кли-кли выпросил у Сурка какую-то тряпку и повязал ее себе на голову, предварительно намочив водой из фляги.

Дорога подставляла спину жаркому солнцу, петляла меж полей и зарослей низкого кустарника. Облаков не было, лазурь неба била по глазам так, что становилось больно и постоянно приходилось щуриться. Весь отряд, кроме невозмутимых эльфов, походил на стадо окосевших от счастья доралиссцев.

Густой раскаленный воздух липкой тягучей волной обжигал легкие. Я отдал бы полжизни за то, чтобы пошел дождь, который разбил бы летнюю жару, как молоток разбивает хрупкий фарфор низинских мастеров.

Часа через два беспрерывной скачки под неусыпным оком не на шутку разбушевавшегося солнца обширные поля скользнули нам за спины и слились с горизонтом, уступив место холмистой местности, щедро обсыпанной низенькими соснами. Вместо запаха полевых трав и цветов, беспрерывного жужжания насекомых и стрекота кузнечиков на нас обрушился аромат сосновой смолы вкупе с безмятежной тишиной умиротворенного леса.

Тракт петлял меж пригорков, иногда поднимался на один из них и тут же, не задерживаясь, нырял вниз. Плавные подъемы чередовались точно такими же плавными спусками, и такой путь продолжался довольно долгое время. Лошади начали уставать, в результате чего по настоянию Дядьки, который смог уговорить Миралиссу сделать привал, животным дали небольшой отдых. Слишком небольшой. Я только-только слез с Пчелки, как вновь пришлось садиться в седло и скакать, скакать, скакать...

Лес по обочинам сгустился, сдвинул стволы деревьев, скрыв от нас под листьями почти все небо. Низенькие кривоватые сосенки сдались, отдавая место под солнцем осинам и березам. Всю территорию придорожного леса и окружающих холмов захватил густой подлесок. Благодаря плотной стене деревьев, наконец воцарилась благословенная прохлада — обессиленные солнечные лучи уже не лупили по нашим плечам горячими плетками, и все вздохнули с облегчением. Арнх вновь поспешил напялить любимую кольчугу, благо ему представилась для этого прекрасная возможность.

Следующий час мы путешествовали в относительной прохладе приветливого леса.

Но хорошее настроение долго не продержалось. Да и с чего ему быть? Ну да, больше никто не заботился о том, что мозги вскипят в черепушке, но для полного счастья этого слишком мало. До сих пор

нам было ничего не известно о пропавших Коте и Эграссе, да и об Алистане с Угрем тоже. Где уж тут повод для веселья?

Так что все были напряжены и немногословны. Фонарщик совсем забыл про любимую дудку. От Кли-кли не было слышно его извечных тупоумных шуточек. Даже Делер с Халласом перестали спорить, а это за все время нашего путешествия попросту небывалый случай. Карлик хмурился и поглаживал лезвие огромной секиры, гном не переставая дымил трубкой, изводя последние запасы табака. Дядька рычал, дергал себя за бороду и советовал всем сосункам или перестать ныть, или поворачивать назад и сидеть дома с мамочкой. Горлопан беззлобно огрызался.

Как только дорога поднималась на очередной холм и стена леса переставала загораживать обзор, кто-нибудь из моих спутников обязательно оборачивался назад. Но тракт оставался пустым, и мы вновь продолжали путь, постепенно мрачнея все больше и больше.

Миралисса о чем-то тихо разговаривала с Эллом, иногда кусая губы то ли от бессилия, то ли от бешенства. Ожидание — это самая плохая штука. По себе знаю. Иногда терпение просто кончается, не выдерживая пытки временем. В такие моменты хочется выть, чтобы хоть чем-то себя занять.

Возле пересекающего дорогу лесного ручья из высоких зарослей крапивы прямо под копыта нам вылетел ошалевший заяц. Лошадь Сурка испуганно всхрапнула, прянула в сторону и чуть не сбросила седока. К счастью, воин смог удержаться в седле и не отправился на свидание с крапивой. Виновник этого маленького переполоха попытался скрыться в лесу на другой стороне тракта, но был настигнут стрелой Элла. Несчастный заяц вскрикнул, как ребенок, перевернулся через голову и испустил дух.

— О! — Арнх свесился с седла и поднял серое тельце за длинные задние ноги.— Хоть какое-то разнообразие в ужине!

— Накормить одним зайцем такую ораву — это, конечно, здорово! — фыркнул Горлопан.

— Закинем его в котелок вместе со всем остальным,— пожал плечами Халлас.— Хуже не будет.

— Остановимся на том холме,— сказала Миралисса, после того как, наверное, в сотый раз за день обернулась через плечо на пустую дорогу.— Сделаем привал.

— Вот и ладушки,— поддержал Дядька предложение эльфийки.— Отдых нужен. Уже вечер скоро, а мы все скачем.

Дядька был прав: спина от долгой скачки ныла безбожно. Очень хотелось слезть с Пчелки, лечь на травку и хорошенько потянуться. До сладкого хруста в позвоночнике, чтобы спина отозвалась приятной болью и затихла до завтрашнего утра.

— Гаррет,— подъехавший Фонарщик отвлек меня от мечтаний,— как думаешь, милорд Алистан сможет нас догнать?

— Не знаю, Мумр,— вяло ответил я.— Еще не вечер.

— Надеюсь, у Миралиссы хватит ума больше никого не посылать в эти сомнительные разведки?

Я тоже очень надеялся на разум темной эльфийки. Если еще кто-нибудь покинет отряд, нас останется смехотворно мало. Нашей компании стоит держаться вместе как можно более долгий срок.

Дорога пошла в горку, лес неохотно сполз вниз — холм для него был слишком высок, а время взобраться на вершину для деревьев еще не пришло.

— Привал.— Горлопан резво соскочил с лошади на землю.

— Не думаю,— покачала головой Миралисса.— Вернись в седло.

Я проследил за ее взглядом. Там, впереди, чуть больше чем в лиге от нас, над лесом поднималось несколько толстых столбов густого жирного дыма.

Что-то очень хорошо горело.

— Что там? — спросил Дядька, сощурившись.

— Насколько я помню, Вишки, маленькая деревушка, дворов сорок — сорок пять,— ответил Медок.

— И что же там может так гореть? — Делер, сам того не замечая, вновь потянулся к секире.

— Ну уж точно не дома, дым слишком черный, будто уголь жгут.— Халлас ожесточенно пыхтел трубкой.

— Проверим? — Дядька вопросительно посмотрел на встревоженную Миралиссу.

— Да.— Она нерешительно кивнула.— Все равно тракт проходит через деревню, так что обойти мы ее можем только лесом.

— Собрались, ребята! Надевайте броньки, и узнаем, чего там огонек покушивает! — отдал приказ десятник.

— Еще бы узнать, какая сволочь его разожгла! — сказал Фонарщик.

Как только появилось хоть какое-то дело, кроме утомительной и надоевшей за эти дни скачки, воины сразу оживились. Лучше любая цель, чем нахождение в полной неизвестности в течение нескольких дней, когда ты не знаешь, где враг и в какую тварь засунуть ярд железа, чтобы улучшить свое поганое настроение. Я вполне понимал этих людей: бездействие для бойцов — худшее испытание.

— Гаррет, тебе особое приглашение нужно? — Ко мне подъехал гоблин на Перышке.— Где твоя кольчуга?

— Какая кольчуга?

— Та, что мы тебе подобрали! — раздраженно отозвался Кли-кли.

— Я не собираюсь натягивать на себя железо! — невежливо произнес я.

— Очень зря! — Сурок уже снял с вьючной лошади кольчугу и надевал ее поверх рубахи.— Броня, знаешь ли, иногда прекрасно спасает жизнь.

— От арбалета все равно простая кольчуга не спасет. Склот ее насквозь прошьет!

— Склоты не у всех есть, да и не только одними арбалетами враги пользуются! Спасет от царапин, если что.

Раздери меня на сто частей! Ну вот есть у меня предубеждение против железа на теле! Привык я обходиться без брони всю свою жизнь и в кольчуге ощущаю себя не лучше, чем некоторые чувствуют себя в гробу. Тесно и неуютно. Правда, если подумать, те, кому довелось полежать в гробу, уже ничего не чувствуют.

— Да ты глянь на остальных! — не унимался Кли-кли.

Воины отряда уже облачались в доспехи, ранее находившиеся в поклаже, на лошадях, из-за достаточно жаркой погоды. На мой взгляд, обычный, пускай и большой пожар не стоил таких мер предосторожности.

Эльфы щеголяли в темно-синих кольчугах со стальными нагрудниками, на которых были выгравированы эмблемы их домов. У Миралиссы — Черная луна, у Элла — соответственно Черная роза. Он надел шлем, скрывший его лицо, а Миралисса накинула на голову кольчужный капюшон, спрятав под ним толстую косу и густую челку. Халлас, облаченный в нечто более напоминающее рыбью чешую, помогал Делеру застегнуть стальные поножи. Карлик отложил шляпу в сторону, нахлобучив на голову плоский шлем с выступающими вперед частями, закрывающими щеки и нос.

Чтобы не выглядеть белым доралиссцем, пришлось доставать и свою «одежку». Она неприятно давила на плечи, и я недовольно поморщился. С непривычки тесно и неуютно.

— Да не переживай ты так! Скоро привыкнешь,— утешил меня Фонарщик.

На нем были доспехи, состоящие из плотно пригнанных друг к другу стальных полосок, и, перехватив мой взгляд, он улыбнулся:

— Великолепная штука для тех, кто любит помахать биденхандером из стороны в сторону. Не стесняет движений и перехватов.

Вместо шлема Мумр повязал на лоб тонкую полоску ткани, чтобы волосы не лезли в глаза.

— Тронулись? — Дядька вопросительно посмотрел на эльфийку.

— Да,— односложно скомандовала она, но затем подумала и добавила: — Бери командование на себя.

Такое предложение Дядька воспринял как должное. Миралисса в отличие от десятника не знала, на что способны его воины.

— Халлас, Делер,— вперед! У вас броня самая крепкая, коли что...

Дальше десятник не продолжал. И так всем было понятно, что «коли что». Случись беда, солдаты в более крепкой броне, быть может, выдержат попадание тяжелого арбалетного болта, отвлекут стрелков на себя от менее защищенных товарищей.

— Про меня не забыл, десятник? — Глухо раздалось за моей спиной.— Я с ними.

Я обернулся, не узнав голоса. Вместо старой кольчуги Арнх надел тяжелый доспех. Плюс шлем, больше похожий на желудь, с узкими прорезями для глаз, полностью закрывающий лицо. Это если не считать поножей, наплечников, кольчужных рукавиц и круглого щита. Одним словом, Стальной Лоб.

Кстати, щиты были почти у всех, исключая Фонарщика, Медка и эльфов. Мои спутники настроились на хорошую драку и будут очень разочарованы, если окажется, что в деревушке всего лишь заурядный пожар, возникший по недосмотру какого-нибудь пьяного крестьянина.

В этот раз мы никуда не спешили, ехали медленно, внимательно вглядываясь в заросли, ожидая возможной засады. Потянуло дымом и гарью, а ведь до Вишков было еще ехать и ехать. Кли-кли сморщился, как от зубной боли, — дым щекотал горло и жег глаза. Кстати, гоблин-то как раз был без кольчуги. С каких это пор защитой стали считать дорожный плащ?

— Кли-кли, что же ты меня дергал, а сам без всего остался? — прошипел я, ткнув пальцем себе в грудь, показывая на кольчугу.

— Да на меня все равно подходящего размера нет,— небрежно отмахнулся гоблин.— К тому же и попасть по мне очень сложно. Я маленький.

— Тихо вы! — недовольно прошипел Горлопан.

По деревянному мостику мы переехали широкий ручей, или же небольшую речушку — это кому как нравится. Вода под ним текла со скоростью ожиревшей улитки и вся заросла какой-то болотной травой.

Поворот и резкая остановка...

— Ядрена мать! — тихонько присвистнул Дядька.

Халлас сказал еще более емко и понятно, вплетая в разговор довольно цветистые эпитеты гномьего языка, но заткнулся, получив шлепок по шлему от Делера.

Тракт преграждали стволы деревьев. Ладненькие прямые сосенки с обрубленными ветками были положены одна на другую и за

ними развевались знамена. Первое — серо-синее, знамя королевства, а вот от вида второго волосы у меня на голове зашевелились. Желтое полотнище с черным силуэтом песочных часов.

Стяг смерти. Знамя самой страшной из всех существующих в мире Сиалы болезни — чумы-медянки. Также я заметил три десятка воинов, облаченных в белые куртки и малиновые штаны. Бездушные егеря собственной персоной. На лице у каждого солдата была закрывающая нос и рот повязка.

Едва заметив нас, люди за преградой вскинули луки. А за нашими спинами, выскочив из засады, которую мы даже не заметили, быстро и деловито, как муравьи, выстраивались, перекрывая дорогу пикинеры.

— Стоять! — раздался резкий окрик.— Держите руки на виду! Кто такие?!

— Именем короля! — выкрикнула Миралисса и в подтверждение своих слов взмахнула бумагой с огромной серо-синей печатью королевского дома Сталконов.

Даже с расстояния в тридцать ярдов, что отделяли нас от завала, печать прекрасно было видно. Луки в руках воинов немного ослабли.

Первый испуг от неожиданной встречи у меня прошел. Это не разбойники, и нас, прежде чем нашпиговать стрелами по самые уши, выслушают. А насчет знамени... Мало ли что тут происходит? Может, крестьяне бунтуют. Может, стяга другого не нашлось, вот этот и добыли, а никакого мора в деревне нет.

— А почем я знаю, что эта королевская печать не фальшивка? — раздался тот же голос.

— Да я десяток таких намалюю! — крикнул кто-то из находящихся за спиной пикинеров.

Выходить к нам они не спешили.

— А ты это вот видел? — рявкнул Дядька.— Или мне к тебе поближе подъехать?

Десятник, несмотря на кольчугу, уже успел обнажить правую руку до локтя. На ней была явственно видна татуировка.

— Или кто из вас, бело-малиновых, посмеет сказать, что Дикие не служат Сталконам?

Никто не сказал. Язык не повернулся. Если уж Дикие Сердца окажутся предателями, то кому еще остается верить? В подлинности татуировки также никто не сомневался. Как я уже говорил ранее, с самозванца татуировку обычно срезают вместе с рукой. А то и с головой.

Луки и пики перестали угрожать нам и опустились. Но убирать оружие егеря не спешили, держали при себе, чтобы в случае чего использовать его по прямому назначению.

— Далеко от Одинокого Великана вы забрались...— К нам вышел воин с нашивкой капрала на рукаве.— Кто такие и что тут делаете?

Лицо капрала, как и у всех остальных, было скрыто под повязкой.

— В деревне чума? — Миралисса не спешила отвечать.

— Да.

Как может спасти какая-то обыкновенная тряпка там, где не спасает даже хваленая магия Ордена? Заразившемуся чумой-медянкой оставалось только одно — успеть выкопать себе могилу. В древние времена от этой ужасной болезни вымирали целые города. Да что там города! Целые страны! Достаточно вспомнить одну из самых ужасных эпидемий, когда еще цельную Империю поразила эта зараза. Из десяти человек умирало девять. Из выживших потом погибала еще половина. А на следующий год половина половины.

Очень давно об этом проклятии ничего не было слышно. Больше ста пятидесяти лет о чуме никто и не вспоминал. А тут так неожиданно, в самом сердце Валиостра, ни с того ни с сего появилась старая болезнь? Дело нечистое.

Обычно чума сперва появляется на границе королевства, занесенная беженцами из другого государства, а затем уже болезнь со скоростью лесного пожара устремляется в глубь страны. Но, с другой стороны, должна же она сперва где-нибудь появиться... К примеру, если какой-нибудь умник раскопает старые захоронения...

— Здесь все написано.— Миралисса показала капралу королевскую грамоту.

Тот даже руки не протянул, чтобы взять бумагу.

— В деревне мор, миледи. Нам запрещено прикасаться к чужим вещам, чтобы не разнести заразу по округе. Нам также запрещено впускать или выпускать кого бы то ни было. Все ослушавшиеся будут немедленно убиты как королевские изменники и распространители мора. Я еще раз спрашиваю: кто вы такие и что тут делаете?

— Не твое дело, проклятый егерь,— тихонько буркнул себе под нос Халлас, но, по счастью, капрал его не услышал.

— Мы выполняем задание короля.— В голосе Миралиссы проскользнула нотка гнева.— Направляемся в Ранненг — это все, что вам надо знать, капрал. И тот, кто будет чинить нам препятствия, приравнивается к преступникам короны.

— Ничего не могу сделать,— пробормотал капрал, попав между двух огней.

Понятное дело — с одной стороны, приказание никого не пускать, с другой — королевская печать. И поди пойми, что делать. Пропустишь — голову снесут. Не пропустишь — тоже неприятностей не оберешься.

— У меня распоряжение моего командира,— схватился егерь за последнюю соломинку.

— Что может быть выше королевского приказа? — надавила Миралисса, чувствуя, как в буквальном смысле трещит оборона противника.

— Угроза жизни и благополучию Валиостра,— раздался из-за заслона чей-то голос.

Ряды солдат раздвинулись, и к капралу подошли двое. Повязки скрывали лица людей, но в этих двоих вполне можно узнать выходцев из Ордена. Волшебник и волшебница.

— Мор ставит всех на одну ступеньку. Если болезнь выйдет из локализованного очага, в стране разразится катастрофа, треш Миралисса.

— Не имею чести,— холодно сказала эльфийка.

— Маги Ордена Валиостра — Балшин и Клена, отвечающие за контроль над сдерживанием болезни, возникшей в деревне под названием Вишки,— произнес мужчина.— Конечно же вы меня не узнали под этой защитной маской, но мы встречались с вами, треш Миралисса, на одном из приемов во дворце Его Величества.

— Все может быть.— Миралисса равнодушно кивнула.— Что здесь произошло? Вы можете рассказать, господа маги?

— Позвольте полюбопытствовать? — попросила волшебница.

Миралисса холодно протянула женщине бумагу. Я видел, как ее ноздри раздуваются от гнева. Не привыкла эльфийская принцесса, чтобы ей чинили препятствия.

— Свободен, капрал,— негромко сказал Балшин, и егерь, облегченно вздохнув, ретировался к своим, оставив разбираться с нами магов Ордена.

— Подлинная,— кивнула женщина, сделав над печатью несколько пассов.

Королевский документ на долю секунды полыхнул розовым светом.

— Это должно уничтожить возможную инфекцию.— Она протянула документ Миралиссе.

— А происходит тут следующее.— Мага нисколько не смущало, что ему приходится задирать голову вверх, чтобы смотреть на всадников.— Мы с госпожой Кленой проезжали мимо деревушки, когда появился первый заболевший. Это было три дня назад...

— Откуда здесь взялась болезнь? — перебил Балшина Элл.

Выходит, не я один недоумеваю по поводу странного появления мора, да еще в такой опасной близости от Ранненга. Всего лишь несколько дней пути до второго по величине города Валиостра.

— Мы не знаем. С этим еще предстоит разобраться,— сказала Клена.— Но симптомы достоверны. Мы смогли вызвать из города расквартированный там полк Бездушных егерей. Они перекрыли все дороги и тропинки, чтобы ни один житель не смог покинуть очаг поражения и разнести заразу по стране.

— А что, были попытки? — прогудел из-под шлема Арнх.

— Были,— небрежно кивнул маг.

Очень уж небрежно. Никто дальше расспрашивать не стал, хотя всем было ясно, что стало с отчаявшимися людьми, оказавшимися в одном капкане вместе с больными. Их утыкали стрелами издали, и все дела. И плевать, кто пытался прорваться сквозь блокаду егерей — здоровые мужики с вилами или женщины с детьми. Никто не осуждал Бездушных — или убить сейчас несколько десятков, или подставить под угрозу тысячи.

— А как же сами егеря? — спросила Миралисса.

— Надежно защищены магией.

— С каких это пор магия спасает от Медного губителя*?

— Магия не стоит на месте,— напыщенно произнесла Клена.— Орден научился не подпускать болезнь к людям, но тем, кто заразился до того, как мы их зашитили, уже ничем нельзя помочь.

Чем дольше шел этот разговор, тем меньше он мне нравился. Что-то слишком много нестыковок в рассказе волшебников. Это даже если учесть, что больше половины они нам не рассказывают. Если существует такая магия защиты, понятно, почему Бездушные еще здесь, а не несутся подальше от чумного места. Но почему маги использовали свое волшебство на то, чтобы обезопасить целый полк егерей, но не сделали того же самого в начале эпидемии, когда, по их же словам, болезнь была только у одного человека? Либо они врут, либо тут происходит совсем не то, о чем нам говорят, и они снова врут.

Как будто прочитав мои мысли, Балшин бросил на меня быстрый взгляд.

«Тру-ля-ля»,— промурлыкал я про себя.

Может, сказки, что некоторые выходцы из Ордена умеют читать мысли, но рисковать мне не хотелось. Если волшебник вдруг надумал прощупать мои мыслишки — его дело. Ничего умного он в моей голове не найдет, пусть даже не пытается.

— Сколько осталось в деревне незараженных? — полюбопытствовала Миралисса.

— Ни одного,— бесстрастно сказал маг, отвлекшись от меня.

Ни одного?! Это как?! Ведь известно, что умирают на седьмой день, а прошло всего три-четыре.

— Какая-то новая форма болезни? — Элл так и не снял шлема.

— Именно,— все тем же бесстрастным тоном ответил ему Балшин.

Миралисса ничего не сказала, она думала и крутила между пальцами левой руки обгорелый кусочек палочки. Той, которой чертила на золе заклинания.

О нет!

Что она задумала? Вступать в схватку с магами — безумие! Уверен, стоит эту палку переломить, поплевать, лизнуть или сделать еще какую-нибудь наипростейшую вещь, и дремлющее шаманство проснется. Я как бы невзначай обернулся назад, на дорогу. Пикинеры еще были там, но уже беззаботно стояли на обочине, переговариваясь друг с другом. Наш отряд опасности для них не представлял, тем более что нами были заняты оба мага, так почему же не поболтать в сторонке, прислонив громоздкую трехъярдовую пику к дереву?

— Вы направляетесь в Ранненг? — спросила Клена.

— Да,— односложно ответила Миралисса.

— Зачем?

— По заданию короля.

— И поэтому вы поехали по безлюдной дороге, а не по хорошему тракту? — ехидно спросил маг.

Чего они хотят, раздери меня снежные упыри?! Ведь ясно же, что бумага у нас настоящая и, чиня нам препятствия, этот волшебник нарывается на большие неприятности не только из-за гнева короля, но и из-за Ордена, который ни в коем случае не одобряет такого самоуправства своих питомцев.

— Нас не предупредили, что здесь закрыто,— буркнул невытерпевший Халлас.

— Тем хуже для вас,— пожал плечами Балшин.

— То есть нам нельзя здесь проехать? — уточнила Миралисса.

— Не только проехать, но и выехать. Увы,— с деланым сожалением развел руками маг.— Вам придется задержаться, пока мы не победим болезнь. Мы не можем рисковать благополучием королевства. Естественно, вам будет предоставлен максимально возможный комфорт.

— Но мы здоровы! — возмутился доселе молчавший Фонарщик.

— Возможно,— согласилась волшебница.— Но, как уже говорилось, мы не можем рисковать. Вас придется задержать.

— И долго вы будете побеждать болезнь? — ядовито плюнул Элл.

— Три-четыре месяца. Потом, если не появятся новые зараженные, мы снимем карантин.

— Три месяца?! — задохнулся несдержанный Халлас.

Все планы летят коту под хвост. Если мы подчинимся, то в Храд Спайне окажемся лишь глубокой осенью, а следовательно, не поспеем вернуться к сроку. Что делать? Прорываться назад? Но скольких мы потеряем во время этого прорыва? Сколько падет под стрелами, пиками и магией волшебников? Почти все.

Остается лишь одна надежда — на припасенное шаманство Миралиссы. Теперь я уже неотрывно следил за порхающей между ее пальцами обгорелой палочкой.

— Помолчи, Халлас,— резко оборвала гнома Миралисса.— Вы намерены задержать нас, несмотря на приказ короля?

— Да.

— У вас могут возникнуть неприятности с советом Ордена, я обязательно сообщу об этом магистру Арцивусу,— сделала последнюю попытку избежать драки эльфийка.

— Как вам будет угодно,— вежливо улыбнулся Балшин.— Вы сообщите, но только после снятия карантина, не раньше. Вам нечего опасаться. Наша магия вас защитит.

Мне показалось, что на совет магу чихать с купола Собора. А вот его напарница нервно дернула щекой, когда Миралисса упомянула про магов.

— Что будет, если мы откажемся подчиниться? — спокойно спросил Элл.

— Мы будем вынуждены применить силу,— огорчился Балшин.

— Успокойся, к'лиссанг,— обратилась Миралисса к Эллу.— Мы не станем проливать кровь и покоримся.

Тот неохотно кивнул, лицо Делера пошло бордовыми пятнами. Дай знак, и он пойдет крушить головы секирой направо и налево, несмотря на численный перевес противника и двух магов в придачу.

— Я знал, что вы прислушаетесь к голосу разума,— вежливо поклонился маг.

— Где вы нас разместите? — Миралисса небрежным жестом разломила палочку на две половинки и отбросила ее в сторону.

Маги не обратили на поступок эльфийки никакого внимания. Ну мало ли чего она сломала и выбросила? Балшин и Клена слишком радовались, что надменная эльфийка не схватилась за с'каш, чтобы обращать внимание на такую ерунду.

А вот я заметил. И не только я. Глаза Кли-кли хитро сверкнули, он тоже знал, для чего ранее применялась эта палочка и какие каляки-маляки она вырисовывала на золе костра.

— О, вам не стоит беспокоиться, треш Миралисса! Вы останетесь в лагере егерей, там очень...

Что «там очень», Балшин сказать не успел, потому что возле знамен раздались вопли ужаса. Я, чего греха таить, сперва тоже перепугался. До сегодняшнего дня мне не приходилось видеть свободно разгуливающую по дороге человеческую руку.

Да-да, на первый взгляд это была всамделишная человеческая рука, только немного крупнее. Раз в сто. На ее ладони могли поместиться три всадника вместе с лошадьми.

Чудовище бодро перебирало пальцами и ползло со стороны деревни прямо на заграждение и испуганно кричащих лучников. При этом оно печально пыхтело, а его многочисленные красные глазки, расположенные на фалангах каждого пальца, осуждающе косились на разоравшихся людей.

Все вопили, кричали, к голосам лучников прибавился нестройный хор поддержки пикинеров. Крики становились громче, в них звучала все большая паника.

Чудовище остановилось, оперлось на большой палец и мизинец, три остальных задрало к небу, представив нашим глазам «ладонь», большую часть которой занимала огромнейшая пасть с редкими иглами зубов. Рука уже вдосталь напыхтелась и, чтобы немного разнообразить ситуацию, заревела.

Вот тут-то все и начали бегать. Парочка самых больших смельчаков выстрелила по чудовищу из луков, но стрелы застряли в ногах-пальцах, не причинив руке никакого вреда.

— Спасайся! Бежим! Караул! В лес! — Пронзительный вопль Кли-кли подхватили метавшиеся по дороге егеря.

— В лес! В лес! Бежим! Бежим!

Бело-малиновых егерей как будто ветром сдуло, остались только самые глупые и те, кто попросту не успел спрятаться.

Обрушив на руку огненные снопы света, в бой вступили маги.

— Гаррет! Ты долго собираешься глазеть на это представление?! — пытаясь перекричать грохот рвущихся заклятий, заорал у меня над ухом Кли-кли.

Панические нотки, совсем недавно звучавшие в голосе гоблина, когда он всем советовал скрыться в лесу, исчезли. Шут великолепно воспользовался ситуацией и дал егерям хороший совет смыться, очистив тем самым нам дорогу назад.

— Давай! Наши уже свалили! Или ты надеешься прокуковать тут три месяца? — Кли-кли всадил пятки в бока Перышка и помчался за улепетывающими Дикими.

Я последовал за ним, оставив у себя за спиной эльфов, а также битву магов и самых храбрых егерей с чудовищной рукой.

Взвыл порыв ветра, и я невольно обернулся. Миралисса и Элл скакали прямо за мной, пригибаясь к шеям лошадей.

Рука-монстр отлетела в сторону, подмяв под себя несколько берез. Маги без устали размахивали дланями, и было видно, что перевес на их стороне. Копыта Пчелки застучали по деревянному мосту, на миг мелькнул знакомый ручей и с бешеной скоростью унесся назад. Мы выпутались. Нас даже никто не попытался остановить. Все были слишком заняты спасением собственных жизней.

— Нам нельзя задерживаться,— выдохнул Горлопан.— Если эти устроят погоню...

Отряд остановился на вершине холма, с которого мы впервые увидели, как горят Вишки. Ничего так и не изменилось — черный дым до сих пор коптил небо, не думая исчезать.

— Успокойся.— Арнх снял шлем и провел рукой по вспотевшей лысине.— Ты ведь слышал, у этих в деревне как его...

— Карантин,— подсказал Кли-кли.

— Во! Карантин! Они три месяца носа не высунут! Погони можешь не опасаться.

— Значит, сообщат в тот же Ранненг, чтобы нас перехватили,— не успокаивался Горлопан.

— Тьфу ты, дурак-человек! Я ж говорю, карантин! Они ни гонца, ни самого паршивого голубя не пошлют! Правильно я говорю, леди Миралисса? — Арнх обернулся к эльфийке, чтобы она подтвердила его правоту.

— Если там действительно была чума-медянка,— задумчиво сказала она, не отрывая взора от чадящего дыма, поднимающегося над лесом.

— А что там было, если не зараза? — искренне удивился Сурок.

— Да что угодно! — произнес Халлас.— От этого Ордена всего можно ожидать! Это вы, люди, уши развесили, а маги между тем за вашими спинами какую-нибудь пакость скрывают! Что, не прав, скажете?

Гном сурово оглядел отряд, в поисках несогласного с его мнением. Дураков ввязаться в спор не нашлось.

Халлас был прав. Орден постоянно играет с огнем. Я сразу вспомнил сон о вьюге, разразившейся в Авендуме после неудачной попытки уничтожить Неназываемого с помощью Рога. В итоге получили Запретную территорию. И ведь никто не знает о том, какую

роль сыграл в этом всеми любимый Орден. Даже слухов в народе не ходит о событиях прошлого. Отсюда можно запросто предположить, что если мы не знаем одну часть неприятных промашек волшебников, то можем не знать и другую. Причем эта другая может быть намного больше.

— Что они там делали? — между тем продолжил гном.— Этот ваш карантин? Так я и поверил! Даже если там и была чума, то они сами ее небось напустили. Наколдовали грамотеи, и нате вам!

Гном согнул руку в жесте, известном всему миру с давних времен. Халлас просто клокотал от ненависти к Ордену. Интересно, с чего? Когда маги успели наступить гному на любимую мозоль?

— Да хватит тебе,— примирительным тоном сказал Фонарщик.

— Хватит?! Ты защищаешь этих двух крыс, которые чуть нас на три месяца не заточили?! И скажу я вам, что через три месяца нас бы уже в живых не было! Так сказать, нежданно-негаданно за три дня померли от чумы-медянки! Это вот только всякие карлики верят в такую чушь!

Делер молчал и терпел. Заведенного гнома сейчас лучше было не трогать.

— Где это видано, чтобы деревню выкосило за три дня?! Во-во! В этом самом месте! Простите, леди Миралисса, но наболело! Сами маги все и устроили, уж не знаю, что там у них случилось и какая промашка вышла... А потом грохнули с неба десяточком молний да сотней огненных шаров, чтобы улики скрыть. Сровняли деревню с землей!

— А ты-то откуда знаешь, что сровняли? Ты ее видел? — грохнул Медок.

— А гному не надо видеть! Мы с огнем с детства работаем, а такой дымина бывает, только когда в топках сталелитейных печей гору костей земли сожжешь! Да и то не всегда! Магический это огонь! Носом чую! Потому и егерей сюда согнали, чтоб они всех задерживали, пока колдуны работать не закончат!

— Ладно! — наконец пресек Горлопан обвинения Халласа.— Была там чума или что-то другое, мы уже никогда не узнаем, но в любом случае нужно уехать как можно дальше. Осторожность не помешает.

— Уроды! — Гном покосился на Миралиссу и решил, что ее ушам лучше не слышать то, что он еще думает о магах.

— А вы видели, какую тварюгу они прикормили? — задумчиво спросил Деллер.— Может, этих рук в деревне — как гномов в пещерах!

— Эта тварь была не их, это треш Миралисса ее создала! — сказал Кли-кли.— Кстати, миледи. А откуда вы узнали, что понадобится именно такая ручонка?

— А я и не знала, бесценный Кли-кли.— Черные губы эльфийки растянулись в ядовитой улыбке.— Я вообще-то подготовила заклинание усыпления. Все должны были заснуть.

— Но откуда тогда появилась эта тварь, треш Миралисса? — неподдельно изумился Элл.

— Спроси у нашего зеленого попутчика, мой верный к'лиссанг. Ведь это он рисовал рядом с моим заклятием! Так что появление подобного существа — целиком заслуга Кли-кли.

— Откуда же я знал? — виновато шмыгнул носом гоблин.— Я думал, что у вас там просто так написано.

— Нам повезло, что появилось такое создание, а не обыкновенная корова,— иронично заметила Миралисса.— Вряд ли бы она кого-нибудь испугала.

— Да мы же вообще могли запросто сгореть или улететь на луну! — с ужасом прошептал Горлопан, осознавая всю степень риска, которая висела над нами благодаря художествам королевского шута.

— Тебя, Кли-кли, надо от общества изолировать,— добродушно хохотнул Делер.

— Да вы мне спасибо должны сказать! — возмутился гоблин.— Если бы не эта ручка, еще неизвестно, как бы все дело обернулось! Говорил же я, что мой дедушка был шаманом. Это у нас наследственное!

— Устраивать пакости? — спросил Сурок.— Из тебя такой же шаман, как из меня вождь доралиссцев!

— Да я тебе докажу, что во мне течет кровь лучших шаманов гоблинов, включая великого Тре-тре! Он мой предок по линии маминой бабушки!

— Хватит! Горлопан прав! Нужно уехать как можно дальше! — оборвала Кли-кли Миралисса.

— Попробуем лесом? — предложил Медок.

— Обойти деревню? Не думаю, что это хорошая мысль,— не согласился Дядька.— Секреты егерей могут быть под каждой елкой, если нарвемся, так просто нас уже не отпустят.

— Ты предлагаешь возвращаться назад? — Такая идея эльфийке не нравилась.— До тракта ехать гораздо дольше, чем до Ранненга. Потеря времени будет огромна.

— Есть еще одна дорога.— Медок, как и я, уже успел снять кольчугу и теперь пальцем чертил на песке схему.— Вот тракт.— По пес-

ку прошла прямая линия, в середине изгибаясь, как подкова, а затем вновь выпрямляясь.— Вот Ранненг.

Линия упиралась в нарисованную точку города. От того места, где тракт изгибался, резко отходила линия вниз и вправо. Она все дальше отползала от тракта, потом в какой-то точке шла с ним параллельно и затем сближалась, встречаясь с дорогой возле самого города.

— Здесь есть заброшенная тропа. Во всяком случае, была.

— Ты предлагаешь выйти на нее?

— Да, леди Миралисса. В нашем случае это хоть какой-то выход. Через Вишки дорога перекрыта, возвращаться назад слишком долго.

— Решено,— согласилась эльфийка.— Вернемся до места, где начинается тропа, и дождемся возвращения милорда Алистана, иначе он поедет дальше и угодит в руки магов.

— Не потеряем ли мы больше времени, пробираясь по холмам? — засомневался Фонарщик.

— Нет,— покачал головой Медок.— Холмы останутся по левую руку. Местность называется Харьганова пустошь. Редколесье, овраги, заросли вереска, и ни одного человека на двадцать лиг в округе. Пустые места. Даже если нас будут искать, то врагам придется очень постараться.

— Тогда чего мы стоим? — буркнул Горлопан, ставя ногу в стремя.

Был уже поздний вечер, июльское небо постепенно бледнело, солнце почти скрылось. В наступающей нам на пятки темноте мы двинулись в обратный путь. Настроение у всех было подавленное. Люди молчали, лишь Халлас пыхтел трубкой и тихо ругался, да Кли-кли вязал на веревке узелки, грозясь показать всем знаменитое шаманство гоблинов.

Глава 24
ХАРЬГАНОВА ПУСТОШЬ

Нам пришлось потратить немало времени, чтобы в полной темноте найти едва заметную тропу. Медок несколько раз останавливал отряд, спешивался и ходил вдоль стены кустов, задумчиво почесывая в затылке. Потом вновь взбирался в седло, и мы скакали дальше, все больше и больше отдаляясь от холмов и несчастной деревушки Вишки. В какой-то момент пришлось зажечь факелы — света месяца не хватало. Горлопан тут же стал ворчать, что нас теперь даже слепой увидит.

Когда Медок в десятый раз спешился, застонал даже невозмутимый Сурок:

— Ну и где твоя тропа?! Сколько можно рыскать в потемках? Давай отложим до завтра! Все устали, и линга не мешает покормить.

— Да погоди ты со своей мышью! — отмахнулся великан.— Это где-то здесь. По-моему, мы должны повернуть и немного проехать назад.

— Ты это говорил полчаса назад,— буркнул Халлас.

— Давайте поищем утром,— поддержал Сурка Кли-кли.

Гоблин почти не отрывался от вязания узелков на веревке. Теперь у него их было несколько сотен. По словам Кли-кли, очень скоро должна получиться страшная гоблинская магия.

Никто на его треп не обращал внимания, лишь Делер попросил предупредить, когда все будет готово, чтобы он успел спрятаться подальше от места демонстрации способностей несостоявшегося шамана.

— Ты уверен, что эта тропка тут? Ты сам по ней ходил? — спросил Угорь.

— Нет. Я тогда еще мальцом был, мне дед ее показывал. По ней пастухи на все лето уводили стада пастись в пустоши. Трава там о-го-го какая была!

— Неудивительно! — хмыкнул Кли-кли.

— Ты что-то знаешь про это место? — спросила Миралисса.

— На привале расскажу одну занимательную историю, если не заснете.

— Вспомнил! — внезапно завопил Медок и хлопнул себя по лбу.— Вспомнил! Она начиналась возле двух деревьев, которые наклонились друг к другу словно два пьяницы!

— Было нечто подобное.— Элл убрал упавшие на глаза волосы.— Ярдах в пятистах за нами.

Все вздохнули с облегчением, понимая, что скоро наступит долгожданный привал. Лично я уже еле-еле держался в седле, поэтому слезть с Пчелки было моим самым заветным желанием.

— Точно! Они, родимые! — воскликнул Медок, когда из темноты вынырнули силуэты двух осин, в полном одиночестве возвышавшихся среди кустарника.— Тропка аккурат между ними и начинается!

— Ну тады привал! — Халлас облегченно сполз с седла, и я последовал его примеру.— Дядька! Мы жрать чего-нить сегодня будем или на пустой желудок завалимся? Там заяц еще не протух?

— Тебе только брюхо набить, бородатый! — хохотнул Делер.

Надо ли говорить, что на это ответил гном? Все вновь вернулось на круги своя.

— Нам кто-то обещал рассказать историю,— сказал Арнх, когда спустя некоторое время мы все сидели у костра, а каша с зайчатиной оказалась в животе.

— Извольте.— Кли-кли отложил в сторону моток веревочек и узелочков.— Что бы вы хотели услышать?

— А ты что, знаешь много историй?

— Я же все-таки королевский шут,— обиделся гоблин.— Мне по должности положено.

— Ты обещал рассказать про Харьганову пустошь, если не ошибаюсь.

— А...— протянул Кли-кли.— Неужели никто из вас не слышал про отряд Харьгана?

Кто-то отрицательно покачал головой, кто-то безразлично пожал плечами. Название никому ни о чем не говорило.

— Короткая же у вас, людей, память,— вздохнул гоблин.— А ведь прошло всего лишь чуть меньше пятисот лет!

— Ну ты даешь, зеленый! — засмеялся Горлопан.— Да за это время можно забыть все что угодно!

— Только не отряд Песьих Ласточек, благодаря которому, может, и существует сейчас Авендум.

— Песьи Ласточки? — нахмурился Дядька.— Что-то не припомню я такого отряда. Во всяком случае, в Валиостре его нет.

— Теперь нет, и никогда уже не будет,— грустно сказал Кли-кли.— Это произошло во время Войны Весны. Орки хлынули из лесов Заграбы нескончаемым потоком неожиданно для всех. Несколько десятков тысяч обрушились на Пограничное королевство, но основная сила удара пришлась на Валиостр...

— Это мы и без тебя знаем,— перебил гоблина Арнх.

— Кто тут рассказывает, ты или я? — рассвирепел Кли-кли.— Если такой умный, сам разглагольствуй, а я спать лягу! А не можешь, так молчи!

Арнх примиряюще поднял вверх обе руки.

— Первыми армию орков встретили пограничные гарнизоны. Они пытались задержать врага, пока гонцы доберутся до столицы. Кто не знает, тогда столицей был Ранненг, это только после войны ее перенесли в Авендум, подальше от Заграбы. Так вот...— Шут на миг задумался, потеряв нить рассказа.— Орки опрокинули пограничные гарнизоны. Те отступали и огрызались, дожидаясь, когда подойдут основные силы людей. Майдинг на юге держался до последнего. Гонцы успели, Грок двинул армию и на берегах Иселины дал бой. Шесть дней Первые пытались форсировать реку, но люди стояли крепко. На седьмой день, неся огромные потери, орки в четырех местах прорвали оборону Грока и опрокинули армию людей,

вынудив ее отступить на север. Весь южный Валиостр был потерян. Из Шамара не приходило никаких вестей, и Грок счел, что Пограничье уже уничтожено.

— Ха! Пограничье просто так не сдается! Мы выдержали ту осаду! — сказал Арнх, но, наткнувшись на взгляд Кли-кли, замолк.

— Исилия, как всегда, не вмешивалась ни в какие войны, понадеявшись, что чаша беды ее минует. У Мирануэха просить помощи не имело смысла — ваше государство никогда не жило с этой страной в мире. С темными эльфами после того, как наступила Зима из-за нелепой гибели их принца, разговаривать было попросту не о чем, их уже много лет не было видно в Валиостре... Королевство осталось один на один с врагом. Только судьба, боги да армия могли остановить волну орков.

— Никогда еще Первые не нападали таким количеством. То было страшное время,— кивнул Дядька.

— Люди слишком презирали все другие расы. Как можно брать в союзники полуживотных? А тут такое. Никто не ожидал прихода орков, и за беспечность поплатились. Уставшая армия после долгого отступления встретила Первых под стенами Ранненга и проиграла битву. Столица была взята, а затем уничтожена. Армия и король отступали к северу. Измученные люди, основательно потрепанные передовыми отрядами врагов, отходили к Авендуму, чтобы дать там последний бой — дальше отступать было некуда. Разве что в Холодное море или за Одинокого Великана в Безлюдные земли.

И первое, и второе было самоубийством. Оставалось только умереть достойно. Гроку нужно было время, чтобы подготовиться к решающей битве. Время, которого у него, увы, не было. Армии требовался отдых, хотя бы день.

Раньше все эти места густо покрывал лес. Деревень еще не существовало... То есть, конечно, они были, но в таком мизерном количестве... Про постройку дороги, или главного тракта, в те времена еще никто не думал, существовал всего лишь один достаточно крупный путь из Ранненга в Авендум. И он как раз проходил через ту местность, которая сейчас носит название Харьганова пустошь. Это в наше время старая дорога забыта и заброшена, а тогда она была связующей нитью между центральными городами Валиостра. По ней и отступала армия. На совете, где были не только военные, но и представители тогда еще совсем недавно основанного Ордена, решили, что нужно пожертвовать какой-то частью солдат, чтобы они задержали наступающих хотя бы на несколько дней. Край благоприятствовал — вокруг леса и топи, тракт всего лишь один, только по нему могут пройти враги. В одном месте он пересекал глубокий овраг, по правую и левую сторону которого было непролазное болото. Тут и

решили сдерживать врага столько, сколько удастся. Пока основные силы людей не отойдут как можно дальше.

Гоблин прервался, завернулся в плащ и продолжил:

— Кинули клич. Искали добровольцев. Тех, кто решит остаться и дать бой. Удивительные вы существа, люди. Иногда готовы перегрызть друг другу глотку за медяк или другую чушь, а иногда решаете прикрыть собой спины товарищей, понимая, что живыми выбраться не удастся. Откликнулись чуть больше трех тысяч. Три тысячи человек, согласившихся стать смертниками, ногтями впиться в склоны оврага, но не пропустить орков. Из них выбрали четыре сотни, остальными жертвовать было просто глупо.

— Ну с этим бы я проспорил,— тихо, чтобы не услышал шут, пробормотал под нос сидящий рядом со мной Халлас.

— Решивших остаться назвали Песьими Ласточками. Уж не знаю почему, история это до нас не донесла. Армия ушла... Командовал отрядом старый вояка, раньше бывший тысячником у Грока. Его звали Харьганом, и по его имени благодарные потомки позже назвали это место. Основной целью защитников было задержать врагов хотя бы на день, не больше. А они остановили продвижение армии на целых четыре. Ни один орк не прошел. Солдаты Харьгана дали армии Грока драгоценную передышку и время подготовиться к встрече под Авендумом. Не будь Ласточек, неизвестно, как бы сложилась история королевства.

Дальше события вам известны. Грок принял бой, орки все же ворвались в Авендум, но тут подоспели темные. Их никто не ждал. Ни люди, ни тем более орки. Эльфы забыли обиду на людей и пришли к ним на помощь в самый последний момент. Темные не могли упустить такого случая — поквитаться с родичами. Война Весны была выиграна. Вот, пожалуй, и все.

— А эта пустошь?

— Пустошь? — переспросил шут.— Пустошь осталась пустошью. Как-то сама собой появилась новая дорога. Никому не хотелось тревожить кости павших воинов. Их, если честно, большей частью даже не похоронили. Не до этого было людям — надо было страну после войны восстанавливать. Шли годы, и про отряд Харьгана потихоньку стали забывать. Слишком много других забот. Неназываемый, например, появился. А кости что? Мертвецам небольно. Земля сама заберет свое. Тракт потихоньку пришел в запустение. Только пастухи перегоняли стада. Землица-то тут о-го-го какая жирная, и трава соответственно высокая. Осталось только название — Харьганова пустошь, да и то со временем забыли, откуда оно пошло. Теперь даже старики не помнят о подвиге людей. Маленькая война на просторах большого мира. Маленькая драма и маленькая смерть.

Сколько их было? Сколько их еще будет? Скольких героев незаслуженно забудут поколения, и скольких негероев будут помнить, хотя они этого не заслужили?

Над костром повисла гнетущая тишина. Каждый думал о тех, кто грудью встали перед кривыми ятаганами орков, но не отступили.

— Гномы никогда бы такое не забыли!

— И карлики!

Я почувствовал стыд за свою расу. Наверное, впервые в жизни мне было стыдно за людей, забывших такую жертву...

— Пошли, Горлопан,— крякнул Фонарщик, поднимаясь с земли.— Нам с тобой сегодня первыми заступать на дежурство.

Никто не разговаривал. Все постепенно укладывались спать, лишь одинокая фигурка шута так и осталась сидеть возле огня, наблюдая за пляской маленького костерка....

Дождь лил как из ведра. Боги распороли животы низких мглистых туч, и водопады воды низвергались со свинцовых небес на землю. Тучи закрыли собой солнце, и мрачный день стал еще мрачнее и тоскливее. Непогода лютовала, пытаясь доказать утопавшим в размокшей жиже солдатам, что не стоит им оставаться и ждать наступающего врага.

— Прочь! — кричал дождь.— Прочь!!

Ливень срывался с неба водопадом, стегал по одежде косыми плетями, моросил мягкими лапками, холодный, теплый, злой, колючий, жалящий, ласкающий, кусающий. Десятки разных обличий одного проклятущего сына погоды, поставившего своей задачей довести людей до изнеможения.

Солдаты устали, замерзли и насквозь промокли. Лучники зло косились на небо — влага портила луки, и никакие эльфийские хитрости по сохранению тетивы не помогали.

— Гуляка! — негромко позвал Харьган, вытирая ладонью мокрое лицо.

— Да? — на зов подбежал командир мечников.

— Бери своих ребят. Хватайте все топоры, что найдете в отряде, и рубите деревья на той стороне оврага.

— Хорошо,— не моргнув глазом, сказал воин.

Сотник вообще не привык удивляться приказам командиров, а тем более друга Харьгана.

— Разрешишь выполнять?

Островерхий шлем был слишком велик и налезал Гуляке на глаза, но сотник, сколько его помнил Харьган, от этого не испытывал никаких неудобств.

— Давай. Стаскивайте стволы к нам, затем разберем мост. Устроим Первым приятную встречу.

Собеседник улыбнулся щербатым ртом, сжал руку в воинском салюте и убежал поднимать своих.

Харьган вздохнул.

Тяжело. Боги! Как тяжело смотреть на них! Он старик, уже почти стукнуло шестьдесят — ему умирать не страшно. Но вот те, кем судьба уготовила командовать... Мальчишки. Двадцатилетние, тридцатилетние мальчишки. Он всех их считал слишком молодыми, чтобы они умирали здесь, перед мостом, перекинутым через пропасть глубокого безымянного оврага. Будь его воля — и встречать врага остались бы только те, кому уже нечего терять в этой жизни. Те, кому некуда возвращаться, те, чья семья — это друзья-солдаты, а родная мамочка — орущий на всех десятник.

Капли юркими ящерками стекали по волосам и грубому некрасивому лицу Харьгана, чтобы затем упасть на захлебывающуюся, перенасыщенную водой землю. В этот поздний август было очень много дождей, казалось, сам мир рыдал, наблюдая за происходящей на земле войной.

Орки нагрянули внезапно. Никто не ждал этой войны, поэтому в первые дни катастрофы, обрушившейся на землю Валиостра, армия потеряла слишком много солдат. Они проигрывали сражение за сражением. Битва при Иселине, черная вода которой на века нахлебалась крови воинов как той, так и другой стороны. Пылающие стены Ранненга. Еще с десяток неизвестных и менее значительных битв, это уже не говоря о сотнях никому не известных стычек, проходящих по всему фронту боевых действий.

И вот теперь последняя надежда. Последняя зацепка за ускользающую свободу королевства — битва, которая спустя некоторое время разразится под Авендумом. Но ни Харьган, ни его люди уже не смогут принять в ней участие. За них перед армией орков встанут другие...

Старый воин нисколько не сомневался, что он и его люди найдут последнее пристанище в этой мокрой земле на склонах глубокого оврага. У них только одно задание — задержать врага как можно дольше, пока основные силы людей не укрепятся под новой столицей Валиостра. Теперь отступающая армия находилась где-то далеко позади них, а впереди, за завесой тумана, ждала армия врагов.

Орки не слишком спешили. Какая разница — пустить кровь людишкам часом раньше или часом позже. Они Первые, и они будут владеть всеми землями, а люди... Люди отправятся кормить червей. Вначале валиострцы, затем Мирануэх, потом настанет черед гномов

и карликов, а уж напоследок придет очередь мерзких родственников — эльфов.

— Харьган! — Молодой воин, совсем еще мальчишка, подошел к стоявшему возле моста командиру.— Приехали еще два обоза со стрелами.

— Чудесно.— Командир наблюдал, как вереница людей с топорами бежит через мост к одинокому лесочку с унылыми от серой погоды деревьями.— Распредели среди лучников. И давай мне сюда пять десятков солдат, начнем строить укрепления.

— Не мало ли?

— Нормально, Кляо. Остальные пусть отдыхают.

Застучали топоры, не прошло и получаса, как все деревья маленькой рощицы были срублены под корень, а солдаты, кто на руках, кто волоком, кто привязав к стволам веревки, начали перетаскивать стволы с обрубленными ветками на другую сторону оврага.

— Гуляка! — вновь крикнул Харьган.— Распрягите лошадей из обоза, и пусть они вам помогают! Чего горбатитесь?

— Будь сдел! — скороговоркой крикнул лысый сотник с моста.

Дождь немного успокоился, теперь он лишь тихонько моросил. В воздухе висела водяная пыль. Было раннее утро, с земли поднимались густые белые клубы тумана. Уже в трехсот ярдах, на противоположной стороне оврага, дорога скрывалась в молочной пелене, и оставалось только гадать, как далеко находится враг. Вчера разведка сообщила, что передовые сотни орков в одном дневном переходе. Но это было вчера...

Дна оврага видно не было. Его стены не слишком отвесные, но и назвать их пологими язык не повернется. При неосторожном спуске вполне можно сломать шею. Где-то далеко внизу, иногда заглушая дождь, звенел ручей. Так что когда разберут мост, оркам придется вначале спуститься по одной скользкой глиняной стене, а затем подняться по другой. Только так они смогут добраться до укреплений.

— Харь,— обратился к командиру отряда старый ветеран в черной кольчуге, надетой поверх кожаной рубахи,— хорошую оборону из этих деревяшек мы не построим, может, послать еще сотню, пусть лес валят? Вон березовая роща так и просится под топор.

— Давай, Лис,— одобрительно кивнул Харьган.

Лис, такой же старый вояка, как и командир, невесело усмехнулся в усы и пошел отдавать новое распоряжение командира Песьих Ласточек.

Отряд получил это название лишь сегодня утром, когда последние воины армии Грока отступали, оставляя добровольцев в одиночестве встречать врага. Лис тоже не питал иллюзий остаться в живых после сражения. Да и никто не надеялся пережить грядущую

битву, все знали, на что идут, когда вызвались в добровольцы. Точнее, в смертники.

«Мы все ведь уже мертвы,— с какой-то необъяснимой тоской подумал старый воин.— Мы ходячие мертвецы. И я, и Лис, и Гуляка, и волшебница, которой взбрело в голову стать героиней, и еще четыре сотни мужчин и женщин, решивших добровольно расстаться с жизнью только для того, чтобы другие прожили хоть ненамного дольше, чем они».

Дождь зарядил с новой силой, мягко шелестя по земле, успокаивая и убаюкивая уставших людей, вселяя в их души обманчивую уверенность и покой безграничной тишины. Он смирился с тем, что солдаты не собираются уходить.

— Сделано,— сказал Гуляка, когда последний древесный ствол волоком протащили через мост и положили на этой стороне оврага.

Деревьев срубили много, но все же недостаточно, чтобы построить надежное укрепление. Харьган надеялся, что ребята Лиса внесут щедрый вклад в доставку строительного материала на оборонительные сооружения.

— Пойдем, надо разбирать мост.

— Это довольно трудно, командир.— Гуляка потер переносицу.— Его просто так не разберешь, нужно дня два.

— У нас их нет.

— Дык и я о том же! Может, подпалим?

— Без толку, дождь третий день льет не переставая. Дерево пропиталось водой, посмотри, какие там бревна! Вовек не загорятся. Зови-ка нашу колдовницу, посмотрим, на что способна девчонка.

Гуляка громко фыркнул. Он уже не раз говорил, на что могут быть способны молодые девчонки в этом возрасте, но Харьган посоветовал ему держать разговоры при себе, если не хочет доживать жизнь воробушком после пары пассов, сделанных леди Сьеной.

Волшебнице не было и восемнадцати. Круглое конопатое личико с вздернутым носиком и большим детским ртом, короткие русые волосы и светлые наивные голубые глазищи. Харьган до сих пор не понимал, как дал себя уговорить, чтобы молодая волшебница осталась с его отрядом. Все равно она слишком молода, чтобы колдовать хорошо и противостоять многоопытным шаманам орков в магическом поединке. Лишь зря сложит здесь голову.

Если уж маг, так старый и с бородой! Но только ни одного опытного мага в отряде не осталось, все ушли с армией, волшебники будут нужны в последней битве. А чтобы у Харьгана был человек с даром — пусть берет лучшую ученицу одного из архимагов Ордена.

— Вы звали меня? — За спиной раздался звонкий девичий голос.

Командир обернулся.

Капюшон упал с ее головы, и мокрые волосы одинокими прядями облепили лоб. На шее, на серебряной цепочке висел медальон в форме капли.

Волшебница смотрела на Харьгана с вызовом. Она знала, что он не очень-то верит в ее способности.

— Да, гм... гм... леди Сьена. Вы можете сделать что-нибудь с этим мостом?

Она проследила за его взглядом:

— То есть разрушить?

— Если вы на это способны.

Она вспыхнула и метнула на него гневный взгляд.

— Пусть люди отойдут подальше.

Харьган кивнул Гуляке, и тот со скептической гримасой на физиономии отдал солдатам распоряжение отойти от края оврага на безопасное расстояние.

Молодая волшебница сосредоточенно покусывала обветренную нижнюю губу и сверлила взглядом огромный мост.

Долгое время с ним не происходило никаких изменений. Гуляка нетерпеливо переминался с ноги на ногу, а Харьган уже подумывал, что придется все же попытаться попробовать огонь, когда волшебство Сьены наконец подействовало.

Не было ни громов, ни молний, ни прочих эффектов, которых так ждут обыватели от волшебства. Мост просто жалобно заскрипел, а затем с грохотом ухнул на дно оврага. В воздухе повисло облако из мельчайшей древесной пыли и стружки.

— Ог-го! — восхищенно выдохнул Гуляка.— Это, ядрить вашу мать, сломала так сломала!

Он осекся, поняв, что позволил себе грубость, недостойную ушей волшебницы Ордена. Сьена радостно улыбнулась, не обращая на слова Шлюхи никакого внимания, и посмотрела на Харьгана. Прямо счастливая деревенская девчонка, которой отец купил обновку на местной ярмарке.

— Благодарю вас, леди Сьена, хорошая работа.

Она еще раз улыбнулась:

— Я могу идти?

— Конечно,— сказал Харьган.

Она сделала несколько шагов, покачнулась и, не удержавшись на ногах, шлепнулась на мокрую землю.

Командир и сотник подбежали к ней одновременно:

— Что с вами?

— Ничего страшного.— Ее лицо побледнело, и конопушки выделялись на фоне белой кожи яркими пятнышками.— Это всегда... после магии... слабость. Сейчас пройдет.

— Гуля... Клирд! — поправился Харьган, нечего смущать девчонку глупыми прозвищами.— Помоги леди Сьене дойти до ее палатки. И чтоб...

— Да ладно, командир,— обиженно пробасил Гуляка.— Что я, маленький, что ли? Провожу со всей почтительностью, на какую способен.

Харьган не сомневался, что сотник сделает все как надо, а потом где-нибудь добудет Сьене молока, которое, как говорят, хорошо восстанавливает силы волшебников. Бой не за горами, и способности молодой чародейки им обязательно понадобятся.

Старый воин окинул взглядом эту сторону оврага. Воины уже вооружились лопатами и строили укрепления, присыпая древесные стволы землей или обтесывая их топорами. Харьган поманил к себе молодого десятника, одного из бойцов Пограничного королевства, прорвавшегося через окружение орков. Парень доказал свою смелость под Иселиной и получил под командование отряд отчаянных рубак.

— Нашу волшебницу видел?

— Да, командир.

— Бери своих людей и чтобы ни на шаг от нее. Если что, сами под стрелы орочьи подставляйтесь, но девчонку мне сохраните! Сам понимаешь, как она нам нужна!

Сжатый кулак стукнул в грудь, воин развернулся и, на ходу собирая своих людей, пошел в сторону, где только что скрылись Гуляка и Сьена.

Харьган поплевал на руки и поднял с земли лопатку. Отлынивать от работы он не привык.

А дождь, не останавливаясь, падал с плачущих небес...

Самая страшная пытка — это ожидание. Оно сломило, а то и уничтожило множество людей. Что может быть хуже, чем стоять за невысокими стенами из присыпанных землей бревен и вглядываться в промозглую мглу в течение целого дня, наблюдая лишь одну и ту же картину — дорогу, съедаемую белесой стеной тумана.

Проклятый дождь никак не кончался, казалось, нескончаемые тучи никогда не иссякнут. Они грозно клубились над землей и ждали, когда под ними прольется кровь.

День близился к концу, а о враге не было ни слуху ни духу. Правда, около часа назад из-за покрывала тумана донеслись звуки, очень похожие на рокот боевых барабанов орков, но все стихло, так и не успев начаться, и над землей вновь повисла гнетущая тишина ожидания.

В этой тишине было слышно, как звонкие капли воды падают с набухших стеблей травы и журчит разлившийся от дождя ручеек где-то в глубине оврага, скрываясь под фатой так и не соизволившего расползтись за целый день тумана.

Удивительно, на что способны четыре сотни людей, если они связаны единой целью. Там, где недавно был лишь мост, теперь возвышалось серьезное укрепление, состоящее из десятков стволов деревьев и горы перекопанной за день земли. Даже известные мастера крепостей — гномы умерли бы от зависти, увидев, что можно сделать за столь короткое время.

Стена начиналась у самого края оврага и была не выше человеческого роста. На большее не хватило ни времени, ни материала, да и лучники из-за такого укрытия могли стрелять не только навесом, но и прицельно.

На самом склоне оврага, перед стеной укрепления, строители вбили в землю длинные и острые колья. Теперь нападающим нужно будет очень постараться, чтобы быстро преодолеть заграждение. Они наверняка застрянут, протискиваясь между кольями, и стрелки Харьгана за это время успеют собрать кровавую жатву.

У людей все было готово к встрече, лишь сами гости отчего-то задерживались. Харьган начинал волноваться: скоро настанет непроглядная темень, а ночью лучники — главный шанс его ребят пережить атаку — будут не так метки, как днем.

— Неужели они решили дождаться темноты? — высказал свои опасения командир Песьих Ласточек.— Но с каких это пор Первые осторожничают с людьми? Они ведь считают нас говорящими обезьянами и ни во что не ставят.

— Я вот чего боюсь,— крякнул Лис, сидевший рядом с Харьганом.— Не нашли ли они другой путь к Авендуму? Лесами пробраться можно или через болота...

— Через болота? — Командир покачал головой.— Нет, дорога здесь одна.— Если орки решат сунуться в лес или обойти нас болотами, то к Авендуму они придут в начале следующей весны. Вокруг такие дебри, что даже на трезвую голову не выберешься.

— Значит, будем ждать,— философски заключил Лис.

И они ждали.

День кончился. Так и не соизволившее показаться из-за туч солнце закатилось. Наступила безлунная ночь. Звезд тоже не было видно, только костры разгоняли темноту.

Сьена предложила Харьгану заклинание, которое осветит окрестности на несколько часов, но он, поколебавшись, отказался. После фокуса с мостом старый командир стал ценить способности волшеб-

ницы. Нечего девчонке напрягаться по пустякам, магия понадобится во время боя, а пока можно обойтись стандартными средствами.

Харьган приказал каждые две минуты стрелять на ту сторону оврага огненными стрелами, чтобы освещать дорогу. И теперь горящие росчерки стрел пробивали броню ночи, разрывая туман, и, воткнувшись в землю на противоположной стороне оврага, сгорали, давая тусклый обзор.

На душе у Харьгана было тревожно. Проклятущие Первые что-то задумали.

Он стал обходить посты, хотя и валился с ног от усталости. Многие воины спали, ловя момент в нежданно свалившейся на них длительной передышке. Если ты собираешься умереть, это не значит, что стоит отказывать себе во сне.

— Как настроение?

Воин, которому был задан вопрос, держал в руке мощный боевой лук почти в человеческий рост. Из такого стрела насквозь прошивала за четыреста шагов. В отряде было сто пятьдесят профессиональных лучников. Да и остальные воины тоже знали, какой стороной накладывать стрелу на тетиву.

— Прорвемся,— усмехнулся солдат и натянул лук.

Его товарищ поднес факел к стреле, обмотанной паклей. Она вспыхнула, Тетива щелкнула о перчатку, и горящий снаряд по крутой дуге устремился вверх, осветив укрепления и черную, задернутую поволокой тумана пасть оврага. Яркая звезда на миг зависла в самой высокой точке полета, а затем сорвалась вниз, оставшись одиноким светлячком гореть на ночном тракте.

Пш-ш-ш!

Еще с пяток огненных стрел воспарили с разных мест укреплений и дружным каскадом упали там же.

— Пусть вас сменят. Отдохните,— сказал Харьган.

— На том свете отдохнем! — пошутил лучник, а затем добавил: — Уже недолго осталось ждать... отдыха.

— Идут! Идут! — раздались крики, а затем одиноко запел горн.

Харьган поднял голову и протер глаза.

Сон не принес облегчения, проклятая ночная прохлада за ночь вгрызлась в кости, и старому воину казалось, что он спал в узком деревянном ящике.

— Харь,— подскочил Гуляка,— разведка заметила движение!

— Далеко? — резко вскидываясь спросил Харьган.

— Ярдах в восьмистах отсюда. Одного нашего подстрелили, двое ушли!

— Все по своим местам! — приказал командир, надевая на голову легкий шлем.

С кольчугой Харьган, как и все воины, не расставался ни на минуту. Если враг нападет, то вряд ли будет дожидаться, пока солдаты облачатся в доспехи. Так что броню носили не снимая, даже спали в ней.

Туман поредел и теперь был похож на порванное полотнище знамени, побывавшего в жестокой сече. Лишь овраг так и оставался под завязку заполнен им.

Солнце едва-едва показалось над лесом, и солдаты зябко ежились — железо на теле за ночь успело крепко остудить.

— Лучники на первую линию! В ряд! — отдал команду Харьган.

Сейчас не до стандартных королевских трех линий и уж точно не до четырех эльфийских. Эти построения хороши в чистом поле, а тут, спрятавшись за стеной из дерева и земли, лучше стрелять навесом, а потом напрямую. Наверняка. Прицельно. Чтобы каждая стрела достигла цели.

На мощные боевые луки уже натянуты тетивы, на руки надеты верные и истрепанные тысячами ударов перчатки, колчаны ломятся от стрел.

Одна стрела в руке, еще две воткнуты в землю. Толстые, с большой палец диаметром, с хорошими бронебойными наконечниками. Это не обычный срезень, которым только легкую пехоту бить, это таран, пробивающий хорошую сталь.

В семи шагах за лучниками выстроилась угрюмая линия воинов с мечами и огромными прямоугольными щитами. В отличие от стрелков мечники стоят редко — между каждым из воинов сохраняется промежуток в два шага. Если враг пройдет сквозь дождь стрел, рубаки дадут время лучникам отойти за свои спины и поменять оружие на более эффективное в ближнем бою, а сами сомкнутся, сдвинув щиты.

— Командир! — подскочил Лис.— Там я ребят собрал, они из Головорезов Эркайна...

— А что, разве они не все под Майдингом полегли? — удивился Харьган.

Отряд набирался в спешке, сюда попали люди почти из всех подразделений армии, и он просто не успел узнать всех своих подчиненных.

— Сорок семь человек выжило. Ты ведь знаешь, они великолепно лупасят из склотов. Сорок семь арбалетов! Может, пригодятся?

Капля в море, но, как говорят, вода камень точит. К тому же арбалеты-склоты в ближнем бою гораздо опаснее луков. Хороший залп при отсутствии должной защиты у врага способен смести целых два ряда нападающих.

— Давай их к лучникам. И вот еще что! Прикажи не высовываться, пока орки не подойдут вплотную. Кто ими командует?

— Я,— хитро прищурился усатый воин, вооруженный двумя тяжелыми кистенями.

Рукоять, цепь, тяжелый шипастый шар. Конечно, кистень — это не огролом, но и им тоже можно ударить так, что мало не покажется даже тяжелому пехотинцу. Лис был истинным виртуозом владения парными кистенями. Таких во всей армии насчитывалось не более трех десятков. Он умел раскрутить шары так, что они превращались в мельницу смерти. Тем, кто будет прорываться через Лиса, Харьган не завидовал.

Сам он предпочитал обычный и ничем не выделяющийся боевой топор на длинном древке. Многие смотрели на это оружие крестьянина с плохо скрываемым презрением, все больше полагаясь на мечи, но Харьгана оно ни разу не подвело в пограничных стычках с Мирануэхом.

— Удачи, Лис, может, и свидимся!

— А то!

— Гуляка!

— Да?

— Кто над Играющими с ветром?

— Блидхард! Ну такой маленький, щуплый! Он с нами после Иселины. Ветеран.

Все они теперь ветераны. И глубокие старики, и зеленые мальчишки. Те, кто пережил битву на берегах Черной реки, под Ранненгом, под Майдингом, становились либо ветеранами, либо покойниками. Последних, как это ни печально, оказалось большинство.

— Хорошо, передай через ребят, чтобы он действовал по обстоятельствам.

— Где требуется моя помощь? — К советующимся сотникам подошла Сьена.

На волшебнице уже был надет стальной панцирь, голову прикрывал кольчужный капюшон. Оружейники за ночь постарались и сварганили из подручных средств приемлемую защиту для невысокой волшебницы. У Сьены, как и вчера, не было никакого оружия, лишь на шее сверкал медальон.

— Ваша помощь, леди Сьена, понадобится в самом скором времени.— Харьган перевел взгляд на десятника ее охраны.

Тот кивнул, показывая, что все в порядке. Двое его бойцов держали тяжелые щиты панцирной пехоты. Если между армиями начнется дуэль на луках, волшебница будет надежно защищена от шальной стрелы стальными листами.

— А что мне сейчас делать? — неловко спросила она.

— Ждать.

Но ждать пришлось недолго.

Из стены тумана выскользнули фигуры.

— Орки!

— Гото-о-овьсь! — разнесся по рядам стрелков крик десятников.

— Поднять знамя,— скупо бросил Харьган.

Его приказ тут же выполнили. Над укреплениями взметнулось желтое полотнище. Ткань на него пожертвовала Сьена, позволив отодрать часть собственной палатки. Отряд был сформирован только вчера, но, несмотря ни на что, у него должно быть знамя, пускай это обычная тряпка, вместо древка прибитая к молодой осине. На ткани чьей-то неумелой рукой было намалевано нечто напоминающее собаку с крыльями и хвостом ласточки. А также что-то на орочьем языке. Харьган нисколько не сомневался, что художник-полиглот впихнул в эти непонятные закорючки самые страшные оскорбления для расы Первых.

Люди молча смотрели на приближающуюся волну врагов. Сейчас начнется...

Противник остановился на расстоянии, превышающем полет стрелы. Слишком далеко, чтобы рассмотреть лица. Сейчас Ласточкам были видны лишь фигуры — неясные темные силуэты в занавесе растворяющегося тумана.

Из рядов врага вышли трое воинов. Средний нес знамя с белым полотнищем, левый трубил в горн, призывая к переговорам.

— С каких это пор орки идут на переговоры с горнами, а не барабанами? — пробурчал Харьган, надевая латные перчатки.

— Странно...— произнес воин, стоявший рядом, прищурив глаза и вглядываясь в незнакомцев..— Это... не орки... это... люди! Точно! Это люди!

По рядам оборонявшихся пробежал шепоток:

— Люди? Откуда? Вся армия давно отступила! Кто-то из наших? Подмога? Но почему с юга? Между тем троица переговорщиков подошла к краю оврага и остановилась.

Действительно, люди.

— Эй вы! Слышите меня? — крикнул тот, что стоял справа, высокий, крепко сбитый воин с густой окладистой бородой.

— Слышим! Не глухие! — ответил Гуляка откуда-то с правого края укреплений.Резкие голоса разгоняли очарование летнего утра.

— Тут вроде мостик через эту пропасть был? Куда дели-то?

— Съели! Вы кто такие будете и какого хрена на той стороне делаете?! — вновь заорал Гуляка.

Харьган в разговор не встревал, у Гуляки язык подвешен гораздо лучше, пусть себе болтает.

— Мы — это доблестная Шестая южная армия Валиостра, теперь Первая ударная людская! Образованная по приказу орков из доблестных воинов, желающих благоденствия и счастья всему человечеству.

— Постой-ка, постой! Что за Первая ударная людская? И про Шестую южную ты врешь, никто из них не выжил, они в котел под Болтником попали!

— Да что вы, ребята, не понимаете, что ли?! — раздался злой голос из рядов лучников.— Перебежчики это! Предатели! Крысиные хвосты! Они на орков теперь пашут!

— Со своими драться?!

— Ублюдки!

— Неужели не понимают, что орки их потом посекут?!

— Перебить этот позор!

— Нет пощады предателям!

— Ну, полно! — рявкнул Бородач, вволю наслушавшись оскорблений, сыпавшихся на него с другой стороны оврага.— Я пришел сделать вам выгодное предложение!

— Иди сюда, и мы засунем его тебе в задницу, мерзкий трус! — заорал Гуляка, вскакивая на укрепление и размахивая мечом.

— Ты командир?!

— Я командир! — Харьган во весь рост встал на другом краю стены.— Что ты хочешь нам предложить?

— Что ты его слушаешь, командир? — прошипел Лис, сидевший со своими ребятами прямо под стеной, но Харьган даже не обернулся.

— Славная армия Первых, достойных властвовать на Сиале, предлагает вам сложить оружие и войти в состав Первой ударной людской армии. Сопротивление бесполезно, нас намного больше вас, через несколько часов подойдут силы орков, и мы вас сомнем! Зачем попросту терять свою жизнь?! Война проиграна, это даже дораликсцу понятно! Вступайте в наши ряды — и останетесь живы, и, быть может, даже хорошо заработаете! Орки справедливы. Им нет нужды убивать всех подряд!

— Ты ответствен делать такие заявления и предложения? — спросил Харьган, ощущая, как за его спиной начинает клокотать гнев воинов.

— Да! Я правая рука славного командующего Ольми!

Харьган знал одного Ольми из бывшей Шестой... Точнее, слышал об этом человеке. В основном только хорошее. Тем удивительнее и ужаснее было то, что он перешел на сторону врага.

— А не боишься ли ты, сучий выкормыш, получить стрелой в глаз?! — крикнул Гуляка.

По рядам защитников прокатился одобрительный гул.

— Я пришел с белым флагом на переговоры! Вы не будете стрелять! — нагло ухмыльнулся Бородач.

— Наш ответ — нет! Мы не подчинимся! — сказал Харьган.

— Глупцы! — зло рявкнул Бородач.— Сколько вас за этими хлипкими деревяшками? От силы двести, а нас почти тысяча! Мы умоемся вашей кровью!

— Приди и возьми! — распалялся Гуляка.— Стрел у нас на всех хватит!

— Солдаты! Не слушайте его! — заорал парламентер.— Вы получите жизнь! Это не предательство, это разумный выход! Вам все равно не выстоять! Я даю вам шанс! Рубите командиров и переходите на нашу сторону!

Харьган не сомневался в верности своих людей и не опасался удара в спину, но с этим горластым разговор пора было заканчивать.

— А теперь послушай меня, парламентер! Я тоже дам тебе один шанс! Ты трус, предавший собственный народ! Надеюсь, ты быстро бегаешь?! Тогда обгоняй наши стрелы! Вот тебе мой ответ!

Уже разворачиваясь, он видел, как знаменосец отбрасывает в сторону бесполезный белый флаг и бежит назад, как заметался горнист по краю оврага, как округляются глаза у Бородача.

Гуляка и Харьган спрыгнули со стены, и десять лучников, только этого и дожидавшихся, выстрелили.

Все воины целились только в Бородача, и он, получив в грудь десять стрел, упал, так и не успев сделать ни шагу в сторону.

— Кто так стреляет, кур-рвы?! — В маленьком жилистом человечке Харьган узнал Блидхарда, которого назначили командиром над всеми лучниками.— Вот как надо с предателями!

Боевой лук рядом со стрелком казался гигантом, но человечек плавно натянул тетиву и так же плавно ее отпустил. Стрела чиркнула в воздухе и воткнулась прямехонько между лопаток уже довольно далеко успевшего убежать знаменосца. Человек, раскинув руки, упал.

— Кончайте эту сволочь — и в строй! — Блидхард уже спешил на дальний фланг.

Изо всех сил удирающего горниста сбила меткая стрела, и тот свалился, скрывшись в тумане. Так и осталось неизвестным, то ли он ранен, то ли действительно сразу же отправился во тьму.

— Солдаты! — рявкнул Харьган.— Сейчас мы будем сражаться не с орками, а с такими же, как мы! С людьми! С предателями, забывшими вкус молока собственной матери и перешедшими на сторону

врага! Пусть ваши руки не дрогнут! Убивать отступников без пощады!

И по рядам стоявших насмерть, решивших умереть, но не пропустить врага, разнеслось:

– БЕЗ ПОЩАДЫ!!!

Черная стена врагов заколебалась, пришла в движение, и людские волны покатились на штурм. Предатели атаковали линиями, в каждой по сто – сто пятьдесят человек. Они были еще далеко, но вот-вот, через минуту, может быть, две, уже будут видны их лица.

С обеих сторон затрубили горны. Нападающие подбадривали себя криками, на бегу потрясали оружием. Тысяча. Тысяча тех, кто пойдет на все, раз уж они перешли на сторону орков. Им нет возврата, поэтому они будут сражаться до последнего. Но Харьган не сомневался, что его ребята выдержат, ведь их атакуют не орки... К тому же Песьи Ласточки имели небольшое преимущество – овраг с более высокой стеной.

Первая волна врагов катилась и катилась, становясь все ближе. Воины бежали, надеясь как можно быстрее преодолеть опасную зону полета стрелы и оставить целями своих товарищей, тех, кто бежит в двадцати шагах за ними, в другой волне.

– Какой идиот ими командует? – пробормотал Харьган.

Нестись толпой, попросту напрашиваясь на стрелы, даже не выставив перед собой щиты, было глупо. Очень глупо. Но другого выбора у предателей сейчас не было.

– Дуга пять пальцев вверх! Залп! – Команда Блидхарда заглушила вопли нападающих.

Стрелки задрали луки вверх, резкий щелчок, свист стрел, уходящих в свинцовое небо.

– Дуга семь пальцев вверх, поправка на ветер полпальца влево! Залп!

Новые пчелы смерти сорвались в тот самый момент, когда первая волна стрел рухнула на головы нападающих. Кто-то успел выставить перед падающей смертью щит, кто-то попросту по счастливой случайности избежал с ней встречи. Но в основном первая волна вкусила всю горечь смерти-мандрагоры. Ее коса прошлась по рядам предателей, падая на головы, плечи, разгоняясь, прошибала кирасы и кольчуги, впивалась в грудь и добивала тех, кто упал раненым.

На земле осталось более восьмидесяти тел, выжившие с упорством бежали вперед, стараясь как можно быстрее нырнуть в туман оврага, скрыться с глаз стрелков.

Вторая стая стрел была направлена по более крутой дуге, они упали на людей чуть ли не вертикально. Крики... Теперь осталось

всего тридцать человек, остальные нашли свою смерть на той стороне оврага. До спасения им оставалось пробежать около пятидесяти ярдов.

— Вторые номера! Три шага назад! Дуга шесть пальцев вверх! Первые номера! По оставшимся! Прицельно! Залп!

Линия лучников дрогнула, рассыпаясь на две половинки. Вторая линия стреляла по дуге, посылая смерть навстречу уже накатывающейся новой волне. Первая линия сбила по прямой, добивая уцелевших солдат первой волны.

Конечно, лучники людей — это не эльфы, у которых седьмая стрела срывается с лука, пять находятся в полете, а первая уже пьет кровь врага, но и люди способны нанести сокрушительный урон врагу из мощных луков, конструкция которых скопирована с эльфийских боевых асимметричных луков.

Лучники расстреляли оставшихся — ни один солдат первой волны не успел добежать до спасительного оврага. Черные тела, утыканные стрелами с белым оперением, остались на коричневой земле.

В это время стрелы второй линии уже сыпались на головы новой волны атакующих.

— Вторые номера! Три шага вперед! Сомкнуться! Все вместе! Дуга восемь пальцев вверх! Залп!

Вновь слившаяся линия лучников дружно выстрелила.

— По врагу! Прицельно! С поправкой на ветер полпальца влево! Стрелять по своему усмотрению!

Воткнутые в землю стрелы уже давно израсходованы, поэтому правая рука опускается к висящему на бедре колчану, стрела, шурша, покидает его, ложится на тетиву...

Легкое движение рукой, тетива скрепит, сопротивляется изо всех сил, задержка дыхания... далеко-далеко, на той стороне оврага, белеет расплывчатое пятно — лицо врага. Оперенье касается щеки, лучник плавно, не дергая, отпускает тетиву, и та зло щелкает о перчатку — выплевывая смерть, отправляет ее в полет... Жужжит рассерженный шмель. Быстрый и краткий миг полета... Удар! И вот стрела уже гневно дрожит, глубоко вонзившись в человеческую глазницу...

Из второй волны два десятка воинов все же умудрились избежать стрел и нырнуть в туман. Некоторые лучники, перегибаясь через стену, стреляли в овраг, надеясь поразить скрывшихся там врагов.

— Отставить, кур-рвы! Вы лучники или сапожники?! Нечего лупить в молоко! По третьей волне! Дуга шесть пальцев вверх и полпальца влево! Залп!

Харьган одобрительно хмыкнул. Не зря Блидхард командир лучников. Так скорректировать и направить огонь может только истинный Играющий с ветром.

— Лис! Готовься! Сейчас прорвавшиеся прибудут! — крикнул Харьган.

— Не прибудут! — усмехнулся Лис.— Они ведь не дураки двадцатью душами идти на прорыв! Будут ждать остальных!

— Если еще будут остальные! — прорычал знакомый Харьгану по ночному обходу лучник, делая очередной выстрел в цель.— Стрелы!

Между линиями лучников и мечников бегали разносчики. Один из них подлетел к солдату и сунул новый пучок стрел ему в колчан.

Блидхард безостановочно отдавал команды, ежесекундно меняя направление стрельбы и заставляя взлетать стрелы то по крутой, казалось неподъемной, дуге, то по прямой, сея смерть в рядах наступающих. В третьей волне счастливчиков оказалось даже меньше, чем во второй, в овраге скрылось не больше пятнадцати человек.

— Берегись! — крикнул кто-то из воинов.

Командир нападающих поставил лучников лишь в четвертую волну. Пока ребята Блидхарда разбирались с третьей линией атакующих, четвертая, вооруженная короткими и не такими дальнобойными, как у Песьих Ласточек, луками, подошла на дистанцию стрельбы.

Харьган, прежде чем нырнуть под специально для такого случая сколоченный из досок обоза огромный деревянный щит, успел заметить в воздухе стаю летящих к ним шершней...

Мечники падали на колени, поднимая над головой щиты, прячась сами и закрывая товарищей. Тяжелее пришлось солдатам Блидхарда — не все успели положить луки и поднять лежащие под ногами дощатые преграды для стрел.

Харьган почувствовал, как в доски ударила одна стрела, затем другая. Еще одна вонзилась в землю рядом с его ступней. Соседний солдат, попытавшийся скрыться за маленьким круглым щитом, вскрикнул, когда одна из стрел угодила ему в бедро, на мгновение открылся и, получив вторую в шею, захрипев, повалился на землю.

Наконец обстрел закончился, и Харьган отбросил утыканную доску в сторону. Вражеские стрелы были повсюду — и в земле, и в щитах, и в стене укрепления, и в людях.

— Подавить стервецов! — громко надрывался Блидхард.— Ну же! Кур-р-вины дети!

Лучники вновь взялись за луки.

— Свободный залп!

— Гуляка! — заорал Харьган.— Потери?!

— Восемнадцать убито! — донеслось через некоторое время.— Ребята Блидхарда в основном! Раненых не считал!

— Залп!

Щелк! Щелк! Щелк! Тетива бьет о рукавицу, стрелы свистят в воздухе, заглушая даже вопли умирающих.

Пятая волна, воспользовавшись заминкой лучников Блидхарда, слилась с четвертой и подбегала к оврагу, а за ней уже накатывала шестая. Лучники врага больше не стреляли, им не хотелось становиться мишенями для Песьих Ласточек. Играющие с ветром открыли прицельный огонь. Ежесекундно кто-нибудь из врагов падал, но время было упущено, масса людей, подбадривая себя криками, скрывалась в овраге.

— Не спать, кур-рвы! Смотреть в оба! Как только появятся супостаты, отойти за мечи! По шестой линии! Залп!

— Пусть не стреляют! — К Харьгану подскочила Сьена. Ее кольчужный капюшон сполз с головы, русые волосы растрепались, лицо было бледным и решительным.— Дайте им спуститься в овраг! Как только это случится, отойдите от края стены!

— Не стрелять! — рявкнул Харьган.— Отойти за мечников!

— Не стрелять! Отход! Отход! — пронеслось по рядам.

— Вы уверены в том, что делаете, леди Сьена? — Сейчас Харьгану приходилось рисковать, доверившись таланту юной волшебницы.

— Да! А теперь не мешайте мне!

Возле стены остались только волшебница, два щитоносца из ее телохранителей и сотники.

Шестая волна с победными криками скатилась в овраг, седьмая и восьмая были на подходе.

— Не удержим! — просипел сквозь зубы командир десятка телохранителей Сьены.— Клянусь Сагрой, не удержим!

Харьган молчал, слыша только шепот Сьены, который, казалось, заглушал даже крики врагов.

Внезапно туман вспыхнул, превратившись в стену жидкого пламени, и внутренности оврага стали больше напоминать горнило гномов. Жар ударил Харьгану в лицо, ему почудилось, что брови и волосы вспыхнули. Люди отшатнулись от разверзнувшейся огненной бездны и лишь одна волшебница, не сгибаясь, смотрела в горящее пламя. Все, кто оказался внизу, должны были превратиться в головешки.

В один присест Сьена спалила добрые четыре сотни человек!

Огонь исчез точно так же, как и появился, съев туман и обнажив обугленные, дымящиеся стены оврага.

Волшебница начала медленно оседать на землю, но подскочившие щитоносцы подхватили ее, не дав упасть.

— Жива, миледи?! — Десятник-пограничник уже был рядом.

— Д-да...— Она неуверенно улыбнулась и сплюнула кровью. Ее рука не отпускала медальон, и по серебристой капельке пробегали всполохи искорок.

— Быстро! К лекарю ее! — рявкнул Харьган.— Лис! Ты жив?!

— Еще как! — Воин с двумя кистенями откинул тяжелую доску, которой закрывался от огненного волшебства. Ни он, ни его подчиненные так и не соизволили отбежать от стены вместе со всеми.— Ну и задала же девчонка им жару!

— Не спать, кур-рвины дети! — Блидхард с луком уже стоял возле стены.— По отступающим! Два пальца вверх! Залп!

Седьмая и восьмая волны, видя, что произошло с их товарищами, поспешно отступали назад. Подчиненные Блидхарда успели выстрелить еще несколько раз, прежде чем противник ушел на недосягаемое для стрел расстояние.

По рядам оборонявшихся разлилась тишина.

Противоположная сторона огромного оврага и дорога были усеяны мертвецами. Черные обугленные стены источали запах гари и горелого мяса. Густой дым, исходящий из этого адского пекла, поднимался над воинами. Ручей молчал — пекло, сотворенное волшебницей, испарило его.

Миг — и тишина взорвалась радостным ревом:

— По-бе-да-а!!!

— Ур-ра!

— Эх! Хорошо мы их потрепали! — К Харьгану подскочил довольный Гуляка.— Жаль только, мечами не поработали!

— Еще успеешь! Не всех мы перебили.

— Да, сотни три осталось. Но они вряд ли полезут. Дождутся орков.

— Все может быть,— с сомнением сказал Харьган.— Всех лекарей или тех, кто хоть как-то умеет врачевать, — к раненым и волшебнице.

— Сделаю!

А над укреплениями раздавались радостные крики людей, праздновавших маленькую победу и еще несколько часов подаренной богами жизни...

Гуляка, как и думал Харьган, оказался неправ. В течение дня враг еще дважды бросал силы на штурм и дважды в бессильной ярости откатывался назад, неся потери. По итогам дня в завязавшихся дуэлях лучников отряд потерял двадцать девять человек убитыми и

восемнадцать ранеными, трое из которых уже не могли продолжать бой. По сравнению с потерями противника — мизер, но каждый воин был у Харьгана на счету, и каждая смерть ставила под удар способность отряда эффективно сражаться в дальнейшем.

Волшебница так и не восстановила силы и лежала в палатке. Харьган возносил молитвы всем двенадцати богам, чтобы к Сьене вернулись ее способности до подхода передовых отрядов орков. Без ее помощи шансов продержаться против сокрушительного натиска нескольких десятков тысяч Первых у людей практически не было.

Ночь сгустила краски, сожрала их, оставив лишь черную, и только шипящие огненные стрелы разбавляли этот цвет. Ночной атаки, которой опасался Лис, так и не последовало. Лишь однажды под покровом темноты кто-то из врагов, подкравшись к краю оврага, заорал, что все сидящие за стеной — покойники, но Блидхард, пославший стрелу на звук голоса, заткнул дураку пасть на веки вечные.

Наступило утро, которое плавно перешло в день. Дорога оставалась пустынной, враг отошел, скрываясь за темным леском, и лишь карканье воронов, пировавших на трупах, доносилось с той стороны укреплений. К полудню небо еще сильнее заволокло тучами, дождик превратился в ливень, и тракт почти скрылся за стеной падающей воды.

— Коз-злиная жизнь,— пробормотал Гуляка, зябко ежась и стуча зубами.— Вот уж не думал, что я когда-нибудь стану мечтать о приходе орков!

— Чтоб тебе... оторвало! — сплюнул Лис, сидящий под огромным щитом, являющимся защитой от дождя для четырех командиров.— Ты что, последние мозги за эти дни порастерял? Такую чушь несешь!

— Мне эта погода уже вот где сидит! — Гуляка зло чиркнул ребром ладони себя по горлу.— Еще два дня, и я тут от тоски завою, а из ушей вода потечет!

— Ты смотри на это с другой стороны.— Блидхард облизал ложку.— Еще два дня дадут Гроку уйму времени, хотя ты прав, дождь — это проблема. Стрелы летят тьма знает как, да и тетива становится хлипкой.

Откуда-то из-за пелены дождя раздался едва слышный рокот барабанов.

— Начирикал, кур-рва! — Блидхард зло бросил ложку, и та звякнула о дно металлической миски.

— Все по местам! — Харьган выскользнул из-под навеса, на ходу нахлобучивая на голову шлем.

— Я на правый фланг! — Гуляка бросил приятелю топор и, подхватив меч, побежал на другую сторону обороны, поднимая людей.

— Даст Сагра, свидимся.— Блидхард спрятал ложку за голенище сапога.

— Труби тревогу! — отдал приказ горнисту Харьган.

Над укреплениями разнесся тревожный сигнал.

— Харь, я с арбалетчиками на место.— Лис грозно потряс кистенями.

— Давай, давай! Если что, отходи за мечников!

— Посмотрим!

— Это приказ! — резко одернул друга Харьган.— Я не собираюсь терять людей из-за твоей глупости!

— Хорошо. Не пропадай!

— Угу.

Лис свистнул, созывая подчиненных, и направился к стене, где уже выстраивалась линия лучников.

Из палатки вышла Сьена, за локти ее с обеих сторон поддерживали воины. Харьган мельком заметил, что она так же бледна, как и вчера, но хоть на ногах держится, пускай и еле-еле. Возможно, и сможет помочь отряду в трудную минуту.

Грохот барабанов приближался, орки пошли в атаку.

— Ничего не видать! — сказал лучник с соломенными волосами и без шлема, вглядываясь в пелену.

— А ты слухай! — рявкнул ходящий вдоль линии стрелков Блидхард.— Слухайте, что вам командир скажет!

Харьган терпеть не мог произносить пламенные речи. Он не Грок и не какой-нибудь напыщенный тысячник, чтобы орать про долг, честь и верность, но в данный момент все же стоило как-то поддержать ребят.

— Воины! Мы дождались! Покажем Первым! Пускай обломают о наши мечи свои зубы! Чем больше тварей убьем, тем меньше нашим придется пускать им кровь под Авендумом! Облегчим работу Гроку! Рубить, колоть, резать! Убивать их так же, как они нас! Без пощады!

И, как и в прошлый раз, по людским рядам разнеслось:

— БЕЗ ПОЩАДЫ!

Первыми из-за стены дождя появились остатки Первой людской армии. Орки трезво рассудили, что пускай людишки ловят на себя стрелы своих соплеменников, а они уж как-нибудь проскочат.

Вновь в воздухе запели стрелы. Враги двигались плотной толпой, как стадо овец или баранов, которых подгоняет пастух, и лучникам не надо было выбирать мишени — почти каждая стрела находила цель.

Уцелевшие перевалили край оврага и, скользя по мокрой стене, скатились на дно.

Лучники, перегибаясь через стену, стреляли вниз, в людскую массу, катящуюся по дну оврага. Барабаны орков продолжали бить, но Первые обманули союзников. Подтолкнув людей на штурм, остались в отдалении наблюдать за битвой.

Вот уже нападающие оказались на другой стороне оврага. Закрываясь от стрел щитами, они поднимались все выше и выше, приближаясь к заветной цели.

Стрелки, чтобы усилить эффективность огня, забрались на стену. Встав на нее, они со всей возможной скоростью и сноровкой посылали стрелу за стрелой в штурмующих.

И враг дрогнул. До вкопанных в землю кольев оставалось совсем немного, всего два-три ярда, но волна нападающих рухнула назад, на дно оврага, в ужасе отступая под непрерывным смертельным дождем. Люди карабкались по противоположной стороне под прицелом ребят Блидхарда. И лучники, не колеблясь, стреляли в спины предателей. Отдельные счастливчики смогли выбраться из капкана и броситься назад, только для того чтобы погибнуть под ятаганами подошедшего вала орков. Жителям Заграбы не нужны были плохие воины. От Первой людской армии не осталось и следа.

— Со стены! — скомандовал Харьган.

Лучники горохом посыпались назад, поспешно выстраиваясь в линию с намерением начать обстрел орков, подошедших к оврагу. Но спрыгнуть успели не все. Орки тоже неплохо били из луков. Замешкавшиеся стрелки падали на руки товарищей или на дно оврага, усыпанное людскими телами. Стрелы шли хорошо, кучно, и, если бы не расторопность мечников, успевших прикрыть себя и друзей тяжелыми дощатыми щитами, орочьи иглы нанесли бы отряду большой урон.

— Не спать! — Блидхард уже натягивал лук.

Очередная порция стрел ударила по оркам, но, в отличие от людей Первой людской, орки разумно пользовались щитами. Огромные прямоугольные листы, закрывшие головы Первых, помогли им перенести атаку лучников Блидхарда практически без потерь. Щиты раздвинулись, и сквозь щели в людей полетели ответные иглы. Теперь уже солдатам Харьгана нужно было пережидать обстрел, спрятавшись за щитами. Воспользовавшись этим, орки, не теряя времени, продвинулись вперед и оказались возле самого края оврага.

Снова залп лучников. Неприступная преграда для стрел из орочьих щитов. И тут же ответные выстрелы.

От нагрудника не успевшего спрятаться Харьгана с дребезгом отскочила стрела, и он зло выругался, видя, как орки хлынули в овраг сплошным потоком.

— Давайте, кур-рвы! Стреляйте! Или они вам пятки поджарят!

За то время, как орки спускались, а затем поднимались, лучники успели сделать шесть залпов. Во время штурма оврага щиты Первых были не так эффективны, строй распался, и стрелы наконец-то стали приносить должный урон.

По приказу командира стрелков Играющие с ветром вновь разделились на две части. Первые лупили по накатывающемуся валу противника, вторые выискивали в кипящей массе орков лучников, беспрерывно обстреливающих людей.

Еще одна стрела свистнула рядом с головой Харьгана, другая попала в живот белобрысому лучнику, легкая кольчуга его не спасла, и он, выронив лук, упал.

— Мечники! — отдал приказ Харьган.— Еще на двадцать шагов назад! Сохранять промежутки!

Приказ оставить стену многим мог показаться глупым, ведь тут так хорошо можно закрепиться и отражать атаку за атакой! А отойти — это дать противнику возможность маневрировать, собраться после подъема и пойти в атаку. Вот только с орками такой фокус обороны укрепления не пройдет. Здесь спасет лишь плотный строй и таранный удар, а для этого следовало отойти назад.

Людская линия, ощерившись копьями, мечами, топорами и прикрывшись щитами, стала медленно пятиться. Орки уже добежали до частокола, последние стрелы лучников ударили по ним, насквозь пробивая доспехи.

Враг замешкался, протискиваясь между острыми кольями, и командир лучников, перекрывая гвалт битвы, заорал:

— Отходим за вторую линию!

Стрелки уже бежали к ждущим мечникам, проскальзывая между ними и образуя вторую линию обороны. Харьган отходил вместе с ними, оставив за спиной только арбалетчиков Лиса.

— Давай, Лис!

Но старый вояка и сам знал, что делать.

Сорок арбалетов неожиданно появились перед изумленными орками, уже начавшими перелезать через стену.

Щелк!

Огромный невидимый цеп ударил по рядам Первых, заставляя отлетать назад, сбивая собственных товарищей и увлекая их на дно оврага.

Солдаты закинули арбалеты за спины и задали стрекача к надежной стене из щитов и мечей. Лис походя снес одним из кистеней го-

лову самому прыткому орку, по глупости высунувшемуся из-за стены, и бросился догонять своих.

Через укрепление перелез первый орк и тут же свалился со стрелой в шее. За ним последовали сразу двое, еще четверо... и вот уже десятки Первых спрыгивают на землю.

— Мечники! На колено! — гаркнул Харьган.

Десятники повторили приказ командира, и первая шеренга опустилась на правое колено.

— Залп, кур-рвы!

Стоящих во второй шеренге лучников не надо было учить прописным воинским истинам — если первая линия дает тебе такую возможность, то лупи по врагу, пока рука не устанет или он до тебя не добежит! Стрелы вжикнули над головами мечников, останавливая разогнавшихся орков.

— Ты смотри! — присвистнул кто-то рядом с Харьганом.— Уп-порные, собаки!

Орков нисколько не смутила гибель товарищей, перед людской стеной их было уже не меньше сотни. А новые враги все лезли и лезли через стену. На укреплениях, так заботливо выстроенных воинами Харьгана, появились лучники орков.

Один из солдат Гуляки упал, в смотровой щели его шлема застряла стрела. На место упавшего тут же встал стрелок из второй шеренги, сменив лук на малую секиру.

Прежде чем отряды сшиблись, блидхардовские подчиненные выстрелили во второй раз. И если лучники в основном пытались перебить стрелков орков, то парни Лиса, уже перезарядившие склоты, метили в напирающих Первых.

— Встать! Сдвинуть щиты! Опустить копья! Держать строй! Стоя-а-а-а-а-а...

Сшибка! Щиты ударили о щиты, издав оглушительный и ни с чем не сравнимый грохот. Гвалт, крики, звон оружия. Копья на миг остановили лавину орков, отяжелели от тел, опустились, и уцелевшие Первые приблизились на расстояние удара ятаганом.

Всего несколько сёкунд люди сдерживали натиск врага, а затем их линия, не выдержав свирепости атаки, лопнула, как ненадежная струна.

Теперь сражались отдельные разрозненные отряды солдат, в лучшем случае натиск сдерживали десятки или пятерки воинов, в худшем — люди в одиночку противостояли врагам.

Как-то неожиданно Харьган оказался на самом острие атаки. Справа и слева от него орки глубоко вгрызлись в ряды воинов, оставив командира и еще человек двадцать в самом авангарде людских сил.

Прямо на командира отряда бежал орк с занесенным для удара ятаганом. Все, на что был способен Харьган, — это ткнуть длинной рукоятью топора противнику в лицо. Из тычка рукоять топора резко нырнула вниз, и разогнавшееся лезвие раздробило орку ключицу и ребра. Едва уловимое движение на себя, чтобы освободить оружие из раны, упругая струя алой горячей крови бьет в лицо, застилая глаза, — но Харьган уже развернулся, направляя топор на помощь сдерживающему двух орков молодому воину.

И не успел.

Один из орков принял удар чекана на щит, а второй нырнул вниз, упал на землю и перерубил пареньку ноги.

Из груди Харьгана вырвался хрип бешенства и ярости. Топор рухнул на так и не успевшего встать орка, со скрежетом разорвал звенья кольчуги и врезался в бок корчащегося от боли Первого. Второй орк, не размышляя, ударил человека щитом в грудь. От удара воин пошатнулся, выпустил застрявшее в теле оружие и, понимая, что сейчас получит укол ятаганом в живот, перекатился через спину, разрывая дистанцию с врагом. Перекатился, надо сказать, очень удачно, особенно для лучника в легких доспехах, который с трудом сдерживал атаку не на шутку разошедшегося врага, вооруженного двумя клинками.

Харьган попал прямо под ноги орку и, сам того не желая, подсек ударом плеча под колени. Первый, не ожидавший такого развития событий, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и спиной рухнул на поднимающегося командира. Недолго думая Харьган воткнул врагу в печень кинжал, сбросил с себя тело и, подхватив с земли один из его ятаганов, помог лучнику одолеть следующего врага.

С ятаганом старый воин чувствовал себя непривычно. Нет, он вполне сносно владел мечом, но топор для него был удобнее и роднее. Это все равно что сесть на чужую лошадь. Ездить умеешь, но непривычно и немного неудобно. А неудобство в бою — прямой путь в могилу.

Харьган поднял с земли чей-то щит и снова вступил в рубку. Положение его отряда немного окрепло, люди уже не пятились, а пытались сдержать и в некоторых местах даже откинуть врага за стену. Линия фронта постепенно выравнивалась.

Клинок орка скользнул по щиту Харьгана, и командир попытался достать Первого прямым ударом в грудь. Но тот небрежно отмахнулся от кривого меча и, сбив его вниз, нанес удар в открывшуюся брешь. Доспех командира выдержал, ятаган соскользнул с правого наплечника, лишь оставив под доспехом внушительный синяк.

Забыв про боль, Харьган тут же атаковал орка в голову ударом справа. Проклятый Первый закрылся щитом и внезапно выбросил руку вперед, метя острием меча под шлем человеку. Тому лишь неимоверным усилием удалось подставить под этот змеиный укол щит, но орка и его оружия там уже не было.

«Опытная тварь!» — мелькнуло у Харьгана в голове, прежде чем почувствовал, как вражеский клинок впился в правое плечо, на этот раз немного ниже бронированного наплечника.

— При-и-гнись!

Харьган втянул голову в плечи, и шар кистеня с чавкающим всхлипом врезался в висок орка. Второй кистень ударил врага в грудь.

— Живой?

— Да,— поморщился Харьган, плечо болело, рубаха намокла от крови, и пришлось взять ятаган в левую руку.

— При-и-гнись!

Шипастые шары, получив разгон, одновременно рухнули на головы двум оркам, пытающимся зайти с фланга. Один из врагов успел закрыться щитом, но кистень разбил легкий щит в щепы и сломал орку руку. Харьган довершил дело, добив врага ятаганом.

Теперь бой шел на равных. Люди успешно выдержали первый, самый опасный натиск и теперь медленно, но верно оттесняли Первых к стене.

Сам того не ожидая, Харьган вновь оказался возле оброненного топора и, швырнув ятаган в спину одного их Первых, поднял свое оружие.

Для того чтобы метать мечи, требуется прирожденное мастерство, а им Харьган, увы, не обладал. Ятаган ударил противника рукоятью промеж лопаток и в общем-то не причинил ему никакого вреда. Лишь отвлек на время от рубки, чем и воспользовался один из копейщиков, насадив противника на копье, как на вертел.

В воздухе мелькнула стрела, еще одна... Харьган выругался, полагая, что орки вновь умудрились прислать лучников, но, приглядевшись, заметил в самом тылу своего отряда три десятка лучников во главе с Блидхардом. Стрелки смогли разорвать дистанцию, отошли на безопасное расстояние и теперь прицельно вгоняли стрелы в штурмующих. Несколько Первых попытались прорваться к лучникам, но на их пути встали мечники Гуляки, прикрыв отряд Играющих с ветром.

Сагра заколебалась, не зная, на чью сторону встать, но начавшие сыпаться из дождевых облаков молнии убедили богиню войны на этот раз поддержать людей.

Голубые нитки разрядов с сухим треском падали с неба, разя орков одного за другим. От магии Сьены доспехи не спасали. Прямо на глазах у Харьгана сорвавшаяся откуда-то сверху молния разделилась на несколько частей и поразила сразу семерых орков, оставив от них лишь черную землю да обугленные доспехи.

И Первые дрогнули, не выдержав дождя из молний и стрел. Где-то за оврагом загремели боевые барабаны, приказывая отступить. Орки отходили организованно и четко, оставив небольшой отряд прикрывать основные силы. Но воспрянувшие духом люди сокрушительным молотом ударили в стену щитов, круша врага направо и налево, а подоспевшие лучники из тех, кто так и не сменил во время битвы лук на меч, не обращая внимания на кипящую вокруг них битву, стали осыпать стрелами преодолевающих овраг Первых.

Из отряда орков, прикрывающего отступавших, никого не осталось. Последнего настигли парные кистени Лиса.

Жалкое сопротивление вражеских стрелков, попытавшихся огрызаться с другой стороны оврага, было безжалостно подавлено. Несколько минут шел планомерный отстрел отступающих. В который раз за два дня колчаны опустели.

— Отлично, кур-рвы! — Блидхард довольно заметно подволакивал левую ногу. В ней торчал обломок стрелы.— Хорошо поработали!

— Гуляка! — крикнул Харьган, тяжело опираясь на топор.

— Нету больше Гуляки,— хмуро сказал один из воинов.

— Да пребудет он в свете,— пробормотал Лис.

Харьган стоял под так и не закончившимся за время битвы дождем, зажмурив глаза и стиснув зубы. Потеря друга была неожиданна. Любой другой, но не он. Слишком уж хорошо обращался с мечом старый друг, чтобы вот так просто дать себя зарубить орочьим ятаганам. Выйти без единой царапины под Ранненгом и Иселиной и погибнуть в этой глуши...

— Как? — наконец выдавил Харьган.

— Стрелой, точнее стрелами,— ответил Кляо, правая рука Гуляки.— Он ребят повел на орков, прорвавших линию, и нарвался...

Говорить больше было не о чем.

— Кляо.

— Да?

— Принимай командование.

— Слушаюсь!

— Оцени потери отряда, всех раненых — к лекарям. Мертвых... Мертвых сложите в стороне, похоронить всех не сможем.

— А орков?

— Этих в овраг.

— Их там и так полно,— нахмурился Лис.— Через пару дней вонять начнут так, что не продохнем.

— А что ты предлагаешь? — К ним подошел Блидхард.— Поменьше этих кур-рв убивать? Так ты скажи, мы тогда с моими ребятками во время следующей атаки отдохнем, а то надоедает тетиву дергать. Пару дней. Ха! Ты проживи сначала эту пару дней.

— Ты бы лучше к лекарю сходил,— миролюбиво ответил Лис.

— А-а,— махнул рукой Блидхард.— Стрела зазубрена, хрен такую вытащишь. Уж лучше пусть там сидит. Я и с ней в глаз любой кур-рве попаду.

— Смотри, ногу оттяпают,— пригрозил Харьган.

— А нам и так недолго осталось,— сплюнул Блидхард и, посмотрев в глаза командиру, произнес: — Ты ведь не думаешь, что мы отбились. Это только авангард орочьей армии. Основные силы еще не подошли, а эти попробовали взять нас нахрапом. Не получилось. Ну так у них и ни одного шамана не было, иначе бы волшебница тут много не наколдовала. А вот когда подойдут Кровавые топоры или Груунские ухорезы, нас сметут, как пылинку. Против этих кланов мы не продержимся и часа. Так что уж лучше я сразу лишусь башки. Чем вначале ноги, а потом еще и башки.

— Дело твое.— Харьган и сам знал, что против элитных войск орков при теперешнем состоянии отряда им не продержаться.

А выстояли они лишь благодаря внезапной помощи Сьены.

— Кстати, как там наша волшебница? — спросил Харьган.

— Жива,— ответила Сьена.

Она, как всегда, подошла незаметно. Действительно, жива. И даже стоит без помощи телохранителей. Харьган мельком отметил, что от десятка охранников осталось шестеро. У молодого жителя Пограничья на голове была повязка, уже успевшая пропитаться кровью.

— Рад, что ваше здоровье в порядке, и спасибо за помощь.

— Да это и не я,— смутилась девушка.

— Вот как? — приподнял бровь Харьган.— А кто тогда?

— Ну, точнее не совсем я.— Волшебница смутилась еще сильнее.— Амулет помог.

Харьган перевел взгляд на магическую капельку серебристого металла.

— Мой учитель, сказал, что он защитит от шаманства орков. Амулет нейтрализует эту магию, если шаманство направлено непосредственно на меня. А оказалось, что он еще и силы восстанавливает. Я тут попробовала пользоваться им немножечко по-другому, так от избытка дара меня чуть не раздавило!

— Командир! — Вернулся Кляо.— Командир, потери...— Сотник на миг запнулся.

— Продолжай.

— Семьдесят шесть мертвы, двадцать легко раненных, еще семеро при смерти.

— Скажи ребятам пусть отдыхают. До следующей атаки.

Лис вздохнул и стянул с рук перчатки:

— Будем надеяться, она состоится не скоро. Ну, кто поставит, что мы продержимся до завтрашней ночи?

Ставок никто делать не хотел. Зачем ставить на то, что попросту абсолютно невозможно?

— Шестая? — Лис присел рядом с Харьганом и облокотился спиной о полуразрушенную стену укрепления.

— Какая шестая? Восьмая только что была, вон сейчас девятая пойдет, слышишь? — усмехнулся Харьган и сплюнул кровью.

Боль в груди и постоянная кровь изо рта — последствия удара орочьей булавы в нагрудник.

Над залитым кровью миром раздавался рокот боевых барабанов. За ночь Первые атаковали укрепления людей восемь раз, трижды им удалось прорваться за стену, несмотря на огонь лучников и вставших насмерть воинов. Каждый раз орков отбрасывали назад со все большими и большими потерями. Первые, как заведенные, пробовали на зуб Песьих Ласточек. Овраг заполнился трупами наполовину, стрел почти не осталось, приходилось подбирать то, что прислали орки, чтобы хоть как-то отстреливаться от вала наступающей армии.

Отряд Харьгана совершил невозможное — выстоял против врага почти четыре дня, дав армии Грока огромную фору во времени. Командир окинул взглядом немногих выживших. Тридцать девять человек. Тридцать девять уставших, перебинтованных, измазанных кровью людей. Все, кто выстоял, все, кто выжил.

Не стало Кляо, погибшего от глупой одинокой стрелы, не стало Блидхарда, не стало молодого пограничника, охранявшего волшебницу. Да и сама девочка погибла, уничтожив одного из шаманов противника. После этого орки устроили целенаправленную охоту за Сьеной и в предпоследней из вылазок добились удачи, окружив ее и телохранителей.

Солдаты похоронили волшебницу в неглубокой могиле возле опрокинутой палатки, положив на могильный камень амулет-капельку.

И между тем, неся катастрофические потери, люди заставили Первых уважать себя. Заставили расу, относящуюся с презрением

ко всем другим живущим на Сиале, осторожничать и не лезть через проклятый овраг сломя голову.

Девятую атаку солдаты не переживут. Это знал каждый из выживших.

— Покажем Первым, как должны умирать воины! — Лис взялся за любимые кистени, вслушиваясь в рокот приближающихся барабанов.

— Покажем.— Харьган встал с земли.— Смотри, Лис, дождь-то кончился!

— Это к счастью.

— Поднять знамя! Горнист, труби! Луки к бою! Бить врагов без пощады!

И орки, наступавшие на проклятые, не сдающиеся укрепления, услышали то, что слышали и боялись во время каждого отступления от стен оврага:

— БЕЗ ПОЩАДЫ!!!

Глава 25
ТАНЦУЮЩИЙ В ТЕНЯХ

— Гаррет! — Кто-то осторожно дотронулся до моего плеча.— Гаррет, вставай!

Я открыл глаза и посмотрел на склонившегося надо мной шута.

— Кли-кли! — с отчаянием простонал я.— Ну чего тебе не спится-то?

Он укоризненно посмотрел на меня и по-хозяйски уселся на седельной сумке.

— И кричал же ты нынешней ночью! — сообщил Кли-кли.— Что, кошмары снились?

— А все из-за тебя,— промычал я.

— ?

— Понарасскажешь сказок, а потом они всю ночь покоя не дают!

— Каких сказок? Это ты про отряд Харьгана? — догадался гоблин.

— Угу, все ночь снилось, как они с орками воевали.

— Ух ты! — с завистливым восхищением протянул Кли-кли, жалея, что это не ему приснился такой замечательный сон.

Замечательный ли? Не думаю. В ушах моих до сих пор еще звенел крик «Без пощады!», а тело бил легкий озноб, как будто я очень долго находился под проливным дождем.

— Кстати, Алистан с ребятами ночью приехали! — как бы невзначай бросил гоблин.

— Чего же ты сразу не сказал?! — вскочил я.

— Ш-ш-ш! — зашипел шут, делая страшные глаза.— Чего орешь? Не видишь, все спят?

Действительно, хоть уже и было светло, все еще лежали, кутаясь в походные одеяла. Только Делер с Халласом находились на границах лагеря, сторожа наш покой.

Шут не соврал насчет прибытия воинов. Я заметил огромного коня Маркауза и лошадей вернувшихся Диких.

— Так чего же ты меня тогда разбудил?

— Я же говорю, ты кричал! И мне хотелось быстрее всех рассказать тебе о том, чего унюхал наш Кот.

— Рассказывай.

— Он действительно оказался прав. Кое-что затевалось у нас за спиной. Они с Эграссой вовремя успели. Чутье следопыта привело их на небольшую полянку, довольно далеко от тракта. А там трое каких-то типов, все как один похожие на тех колдунов, что ночью пробрались во дворец Сталкона. Кот говорит, что у них были такие же перстни, как у ночных налетчиков.

— Какие еще перстни?

— У-у-у...— разочарованно протянул гоблин.— Ты, как я вижу, все проспал. У всех нападавших на дворец на мизинцах были колечки в форме плюща. Это один из гербов Неназываемого. Чтоб они друг друга отличать могли. Так вот, ребятки на полянке костерок развели и котелок поставили. Уж не знаю, чего они там готовить собирались, но точно не праздничный торт. Как только из котла стал подниматься багровый дым...

— Багровый? — переспросил я.

Ненавижу этот цвет после того, как Миралисса отправила меня в неизвестно какие дали во время знакомства с Ключом.

— Я тоже удивился, но Кот рассказывал именно так. Да ты не перебивай! Так вот... Сбил ты меня, Гаррет! — свирепо зашептал Кли-кли.

— Багровый дым,— подсказал я ему.

— А! Ну да! Так вот, как только из котла стал подниматься багровый дым, Эграсса взял лук и перебил всех шаманов, они даже понять ничего не успели. Кот перевернул котелок, затоптал костерок. А тут и та тварь, что шла за нами всю дорогу, из воздуха появилась. Кот ее давно почуял, но только она невидимой была. Это какая-то ищейка. В общем, убили ее и отправились нас догонять...

— И ехали так долго, что смогли догнать нас только сейчас,— ехидно продолжил я историю гоблина.

— Да погоди ты! — раздраженно отмахнулся от меня Кли-кли.— Ну вот! Опять сбил! Не буду я тебе ничего рассказывать!

— В обратный путь они отправились, нас догонять,— поспешно произнес я.

— Только далеко не уехали.— Уже вскочивший гоблин снова уселся рядом.— То ли Кот с Эграссой упустили кого-то из этих гадов, то ли эльф стрелял недостаточно быстро, но один из шаманов успел передать тревогу. В общем, тракт им перекрыли. И спереди, и сзади. Сразу несколько отрядов, неизвестно откуда взявшихся. Кот снова почувствовал, что стали шаманить совсем недалече от того места, где они только что были. Еще одна группа колдунов в лесу была, вот только они до этого совсем не рыпались, потóму-то Кот их и не почуял. Взяли наших ребяток в клещи сторонники Неназываемого. Коту с Эграссой пришлось уходить в леса, чтобы оторваться от преследования, поэтому их так долго и не было. Преследователи отстали, смысла гоняться по буреломам за нашими не было — слишком хорошо эльф умеет запутывать следы. А через день, когда Кот с Эграссой выбрались на дорогу, они наткнулись на Алистана с Угрем. Вот, собственно, и вся история.

— Бр-р-р! Ничего не понял!

— Не ты один,— вздохнул шут.— Граф с эльфами всю ночь проговорили. Выходит, что шаманов в Валиостре больше, чем дораліссцев в степях Унгавы. А уж сторонникам Неназываемого и вовсе нет числа. А тут еще твой Хозяин с приспешниками, и маги странные в чумной деревеньке. Все на нас охотятся и колдуют. Вполне вероятно, что если бы Кот с Эграссой не успели помешать тем шаманам, то отряда уже не было.

— Но шаманство же состоялось! Ты сам говорил, что кто-то другой смог заменить убитых колдунов!

— Ну и что? — Шут пожал плечами.— Ты пойми, шаманство — это не волшебство Ордена, у него совсем другие законы. Стоит его немного сбить, и получается совсем не так, как было задумано творящим. Помнишь руку-монстра? Вот и тут то же самое. Фиг его знает, во что оно в итоге преобразовалось. Мы-то пока еще живы.

— И в кого же ты такой умный, Кли-кли?

— В дедушку, он у меня шаманом был.

— Да, ты уже сто раз говорил. Значит, считаешь, что, кто бы ни строил нам козни, он теперь успокоится?

— Отчего же?

— Ну ты ведь только что сказал, что шаманство не получилось!

— Не получилось в первый раз, получится во второй,— пожал плечами гоблин.— Велика ли наука — колдовать? Эти ребята денек

отдохнут и еще раз помагичат, пошлют за нами страсть зубатую да отвалят, будто их на земле и не существовало. Дело сделано, задание господина исполнено, можно скрыться до тех времен, когда Неназываемый явится из-за Игл Стужи.

— Им недолго осталось ждать.

— Вот и я о том же. Нужно как можно быстрее добраться до Храд Спайна и испортить Неназываемому настроение лет на пятьсот.

К нам подошел Халлас:

— Слухайте, мужики.— Гном вытащил изо рта трубку и выпустил колечки дыма.— Пора всех будить, а то они так до пришествия Неназываемого проспят.

— Ну так давай разбудим,— вскочил на ноги шут, разом подзабыв о тревогах.— У тебя не найдется лишнего ведерка ледяной воды?

Из-за полного отсутствия ветра день обещал быть очень жарким. Почти таким же, как вчерашний, а также позавчерашний, а также позапозавчерашний, а также... Я могу продолжать долго.

Никто особо не изумлялся, когда к полудню нас всех подстерегла очаровательная маленькая жаровня.

Лично я всегда пережидал это время дня с содроганием. Не спасала ни намокшая тряпка, ни шутки-прибаутки гоблина. Впрочем, к шуткам все прислушивались и даже хохотали, Кли-кли из кожи лез, показывая все мастерство придворного королевского дурака.

Отряд снова был в сборе, настроение, несмотря на жару, стало замечательным. Вот только нет-нет, а на лицо Миралиссы набегала тень тревоги. Один раз, поравнявшись с лошадью эльфийки, я услышал обрывок ее разговора с Эграссой. Девушку до сих пор беспокоили шаманы, готовившие где-то далеко за нами какую-то гадость в котлах. С ее слов выходило, что, пока они не завершат колдовство, покоя им не будет.

Я вполне верил чутью эльфийки. В любой момент от недобитков Неназываемого нам может ухнуть на головы какая-нибудь пакость. Как говорят, законы всемирного свинства срабатывают в тот самый момент, когда их совершенно не ждешь.

Поэтому, чтобы быть совсем уж спокойным, я косился на Кота — вдруг он заранее что-то учует. Но толстенький неудавшийся маг Ордена оставался спокойным, безмятежным и веселым. Поэтому тревога, охватывавшая меня, потихоньку отступала.

Харьганова пустошь утопала в высокой траве и зарослях вереска. Иногда узкую тонкую тропинку даже не было видно — ее полностью скрывал травяной покров. От стрекота сотен кузнечиков, на все лады пытающихся доказать нам, кто из них самый лучший му-

зыкант, закладывало уши. Когда мы въезжали в особенно густую траву, трещащие серо-зеленые насекомые водопадами срывались из-под копыт лошадей, сетуя на то, что мы вторглись в их королевство.

К вечеру первого дня мы пересекли старый овраг с оплывшими стенами, и мое сердце предательски екнуло. Но это было совершенно не то место, что я видел во сне. Здесь овраг был неглубоким и никак не походил на громадину, что в давние времена являлась преградой для наступающих на людей орков.

Через некоторое время, пробравшись между огромными валунами черного гранита, каждый из которых был величиной с небольшой дом, мы наткнулись на ветхую избушку. Медок сказал, что в ней ночуют косари, заготавливающие сено на зиму для окрестных деревень. Длиннющие ряды сена, лежащие на полянах, подтверждали его слова.

— До ближайшей деревни далеко, это же сколько им их возить надобно будет? — удивился Дядька.

— Здесь самая лучшая трава в округе. Сюда за двадцать лиг приезжают,— сказал Медок.— Да и косари приходят на целое лето. Сена на всех хватает да еще остается!

— Но тут ведь ни один обоз не пройдет! Ты посмотри, сколько от тракта надо ехать! Полдня, не меньше! — не согласился Дядька.

— Эх ты! Сразу видно, нет в тебе деревенской крови!

— Это ты, бородач, из деревни! А я всю молодость в Майдинге прожил! — сказал Дядька.

Еще через час, когда тропинка вовсе исчезла и отряду пришлось двигаться вперед, не разбирая дороги, прямо по травяным полянам и лабиринту кустов вереска, Горлопан заметил большое стадо коров — голов, наверное, в двести. Животные с достоинством щипали сочную траву, лениво отгоняя хвостами тучи мошкары, кружащиеся вокруг звенящим облаком. Нас заметили, и с десяток лохматых пастушьих собак бело-черного окраса с лаем бросились к незваным путникам.

Арнх зашипел сквозь зубы и потянулся к арбалету, но над поляной раздался резкий свист, и псы, недовольно ворча, вернулись назад. Лишь самый здоровый, наверное вожак, остановился недалеко от нас и с настороженным интересом стал наблюдать за отрядом.

— Ишь как смотрит, зверюга,— пробормотал Делер.

— Ты что, не знал: они карликами питаются! — хохотнул Халлас, за что получил недобрый взгляд от напарника.

— Ты у меня когда-нибудь договоришься, борода. Возьму любимый стул и как двину!

Гном даже не посчитал нужным отреагировать на этот выпад.

Пастух, отозвавший собак, тоже наблюдал за нами, прикрывая глаза от солнца ладонью. Смотрел с интересом, как на какое-то чудо, будто мимо него проезжали не обычные всадники, а все двенадцать богов Сиалы вкупе с Неназываемым. Мальчишка-пастушок, стоявший рядом со старшим товарищем, раззявил рот до такой степени, что я испугался, как бы туда не залетела сотня-другая мух.

Вообще-то им было чему удивляться: не каждый век встретишь в сердце пустоши, куда не все пастухи-то рискуют забираться — так далеко она находится от обжитых мест, целый отряд вооруженных до зубов незнакомцев из разных рас.

Кли-кли не удержался и показал пастушонку язык, перепугав того до полусмерти. Видать, деревенский паренек впервые в жизни видел живого гоблина.

— Ну вот, Кли-кли,— впервые за день открыл рот Угорь,— теперь на целую зиму будет разговоров. Пацан скажет, что видел живого огра.

— Это кто огр? — возмутился гоблин.— Я?! Огры ведь воют! Вот так!

Гоблин тоскливо заревел, чем перепугал не только пастушонка и вновь начавших брехать собак, но и половину лошадей отряда.

— Успокойся, Кли-кли! — раздраженно сказал Сурок.— Ты Непобедимому аппетит на целый день испортишь!

— Да я просто показал, как воют огры! — оправдался гоблин.

— Тьфу ты! Неумеха! — пробурчал Делер.— Так твоя покойная бабушка воет, а не матерый огр! Мумр, изобрази!

Фонарщик, ехавший позади меня, с радостью исполнил просьбу карлика, издав звук, от которого я чуть не свалился с лошади. Пастушьи собаки за нашими спинами испуганно завыли.

— Ну, вы, там! — крикнул нашей компании Дядька.— Комедианты долбаные! Хар-рош кузнечиков пугать!

— Да ладно тебе, Дядька! — крикнул Делер.— Все равно неча делать!

Десятник обреченно махнул на нас рукой.

Весь оставшийся день ничего важного с нашим отрядом не произошло.

Пролетели еще два дня путешествия по пустошам. Мы пересекали огромные территории в сердце Валиостра, до обустройства которых у людей так и не дошли руки. Справа от нас потянулись знаменитые непроходимые лéса.

— Послезавтра мы должны выйти на тракт,— сказал Медок на третий день путешествия.

— Эх, поскорей бы! Пива хочу,— вздохнул Делер.— Я без пива звереть начинаю.

Халлас хмыкнул.

— Чего хмыкаешь, бородатый?!

— Да я вот тоже пивка захотел.

— А-а-а,— разочарованно протянул Делер, поняв, что спора с гномом, изнывающим от жары, не выйдет.

В небе звенела песнь жаворонка.

— Дождь будет,— сказал Кот после долгого молчания.

— Эх, хорошо бы! — Горлопан с тоской посмотрел на безоблачное небо.— Не так жарко станет!

— Зато мокро! — не согласился с Горлопаном Фонарщик.

— Жарко, мокро,— буркнул Арнх.— Вам не угодишь.

— А ты вообще не встревай,— оборвал воина Горлопан.— Полируешь себе тыкву, вот и полируй! А то заговоришься и отрежешь что-нибудь важное!

В общем-то замечание Горлопана было вполне своевременным. Арнх, достав из сапога изогнутый кинжал, на ходу брил себе голову, уничтожая на ней мелкую поросль волос. Воины Пограничного королевства следовали только им понятной моде и сверкали лысыми макушками на радость себе и солнышку.

Лично я, как и Горлопан, тоже немного боялся за судьбу головы Арнха. Казалось, что вот сейчас у него дрогнет рука и остро отточенный кинжал оттяпает воину по меньшей мере ухо.

— Слушай, Арнх,— с хитрецой спросил Халлас.— А не боишься, что дождик тебе лысину намочит?

— А ты не боишься? — лениво спросил Арнх, пробуя большим пальцем остроту лезвия.

— Чего? — опешил гном.

— Что твоя борода от воды расползется! — отпарировал воин.

— Уел он тебя! — радостно кудахтнув, сказал Халласу Делер.

— Ты бы помолчал, герой! — обозлился на карлика Халлас.

— Да с чего вы рѐшили, что дождь-то будет? — не оборачиваясь, спросил ехавший впереди нас Сурок.— Кот! Точно будет дождь?

— Угу.

— Мне бы твою уверенность,— вздохнул Горлопан.

— Ты ее можешь обрести, если, как и Кот, обернешься назад,— весело хихикнул шут.

Все одновременно обернулись.

По линии горизонта медленно и величественно разрасталась темно-лиловая, кое-где иссиня-черная полоса грозовых облаков.

— А мы-то думали, что теперь кроме опасности ты еще и погоду навострился предсказывать! — разочарованно протянул Фонарщик.

Вид у него был как у ребенка, у которого зараз отняли и леденец, и сахарный крендель.

— Я тебе что? Лягушка, чтобы непогоду предсказывать? — хмыкнул Кот, а затем еще раз внимательно глянул на далекий грозовой фронт.

— Ур-ря! — сказал Сурок.— Долгожданная прохлада близится!

Линг на его плече оживился и возбужденно шевелил розовым носом. Видно, тоже ощущал подступающую грозу.

— Как бы не вляпаться,— пробормотал Кот и бросил обеспокоенный взгляд на черную линию.

Она уже набухла, как переполненный бурдюк с водой, и, кажется, немного приблизилась к нам. Да на нас движется не дождь, а целая буря!

Слов Кота никто не услышал. Ну, или почти никто.

Делер залихватски сдвинул котелок на затылок и запел:

Если веревка на шее —
быть под горами измене.
Ногами месишь ты глину —
получишь стилет острый в спину.
Если в дозоре заснется —
сон твой стрелою прервется.
И не скуешь ты крепких оков,
чтоб удержать в них друзей иль врагов!
Если не хочешь уйти в мир теней —
первым ударь и, коль сможешь,— убей!
Первым ударь и, коль сможешь,— убей!

— Чего так мрачно? — внимательно выслушав незатейливую песенку карлика, сказал Кли-кли.

— Так и должно быть! — с достоинством сказал Делер.— Это военный марш карликов.

— Под такой марш лучше маршировать к ночному горшку, а не на врага! — презрительно сказал Халлас.

— Тоже мне, знаток боевых маршей! — не остался в долгу Делер.— У вас, бородатые, и таких-то нет!

— А «Ударь молотом по топору»?

— Ха! — презрительно сказал карлик.

— А «Песня безумных рудокопов»?

— Ха! — Еще более презрительный ответ.

— А как дам мотыгой по башке?

— Это еще что за марш? — удивленно спросил Делер.— Опять твои родичи по пьяни в Стальных шахтах новую песенку сочинили?

— Это не песенка! Это я тебе сейчас как дам мотыгой по башке, чтобы ты больше не вякал!

— Ты-то?

— Угу!

— Руки коротки!

— Я тебе покажу коротки! — взревел потерявший последнее терпение гном.

Халлас пытался нашарить любимую оружие.

— Заткнуться! Живо! — рявкнул Кот.— Беда!

Гном и карлик, прекратив спор, уставились на него изумленно.

— Да ладно тебе, Кот! — прокашлялся Делер.— Ничего страшного и не будет. Мы уже и помирились. Правда, Халлас?

Халлас поспешно кивнул.

— Да при чем тут вы? — Следопыт остановил лошадь и теперь неотрывно смотрел на небо.

Тучи еще больше приблизились, слизав четверть небесной лазури. Легкий ветерок донес до нас далекий раскат грома.

— Какая беда? — спросил Горлопан, тоже не отрывая взгляда от горизонта. Тревога следопыта передалась и нам.

— Да заткнись же ты! — раздраженно буркнул Кот, втягивая носом воздух.

Лично я ничего не ощущал. Ну будет дождик, ну намочит нас немножко... Чего так беспокоиться и волноваться?

— А день так хорошо начинался! — расстроенно сказал Кли-кли.

— Этим ублюдочным детям долбаных козлов все же удалось! — прошептал Кот и, всадив пятки в бока лошади, помчался догонять эльфов и Алистана, оставив нас недоумевать в хвосте отряда.

— Это он о ком так выразился? — удивленно смотря на отчаянно жестикулирующего Кота, разговаривающего с Миралиссой, спросил Халлас.

— О тебе! — Делер никогда не упускал возможности подковырнуть напарника.

— Хватит, Делер! — одернул карлика рассудительный Сурок.— Оставь подколы на потом! Ты, Халлас, кстати, тоже! Видите, что с Котом творится?

— Да уж,— с тревогой покачал головой Фонарщик.— В последний раз я видел его таким встревоженным, когда мы нарвались на засаду в Д'сан-доре.

— Может, он ошибается? — с надеждой спросил у воинов Горлопан.

— Ага! Как же! Ни разу не ошибся, а тут, значица, ошибается! — сплюнул Делер.

Чего бы там ни почуял Кот, но лица у Миралиссы и Маркауза были встревоженными. Элл то и дело бросал взгляды на надвигающиеся тучи.

— Что я тебе говорил, Гаррет,— прошептал Кли-кли.

— Что? — машинально спросил я, как и все, стараясь углядеть в небе то, что заметил Кот.

— Ты чем слушаешь? Я же говорил, что, пока шаманы не наколдуют, они не успокоятся!

— Ты думаешь? — Меня пронзила запоздалая догадка.

— Уразумел наконец! — Гоблин закатил глаза.

— Они вызвали грозу? Но зачем?

— А тьма их знает! — устало сказал Кли-кли.— Я ничего не ощущаю. Никакого следа шаманства. Но Кота эта гроза взбаламутила, вот я и подумал: а не наши ли это недруги позаботились?

— Очень хочу услышать, что ты не прав!

— Ты знаешь, я тоже хочу этого,— серьезно сказал шут.

Между тем Следопыт закончил что-то объяснять Миралиссе. Она посмотрела на Алистана, и тот решительно кивнул.

— Что случилось-то? — Дядька не находил себе места.

— Давай подъедем и спросим,— высказал мудрое решение Арнх.

За время путешествия в нашем отряде сложился некий порядок передвижения. Первыми всегда ехали Алистан и эльфы. Они разговаривали на свои, только им интересные темы и принимали за нас решения в важных для отряда вопросах. Дикие общались в своем кругу, стараясь не встревать в разговоры эльфов и Маркауза. О том, чтобы заговорить с ними на тракте просто так, безо всякой причины, не могло быть и речи. Разве что Угорь вел пространные беседы с Эллом.

Нет, воины не чурались и не избегали верхушки нашего отряда, просто они считали, видно исходя из опыта многолетней службы, что каждый должен заниматься своим делом и нечего лезть к командирам по пустякам. Надо будет — позовут.

Да и сами Дикие были разбиты во время дороги на маленькие группки. То ли по интересам, то ли по только им известным симпатиям друг к другу. Но это вполне естественно — во время путешествия очень сложно ехать одной плотной кучей. Медок и Дядька. Угорь, Кот и Арнх. Халлас, Делер, Сурок, я и Кли-кли. Горлопан и Фонарщик. Хотя Кли-кли, единственный из всех, носился на Пе-

рышке из головы отряда в хвост и обратно, успевая переговорить со всеми по сто раз на дню.

Мне, собственно, было плевать на эти правила, но так уж сложилось, что, попав в компанию, где кроме Сурка были гном и карлик, с которыми меня накрепко связала драка во дворце Сталкона, я стал держаться их общества.

Предложению Медка о том, чтобы поехать и все узнать, не суждено было осуществиться. Миралисса сама подъехала к нам:

— Кот говорит, что надвигающаяся буря имеет искусственное происхождение.

— А попроще? — жалобно попросил Горлопан.

— Чего тут не понять?! — удивился Кот.— Наколдовали эти тучи, дурья твоя башка!

— Шаманы? — спросил Фонарщик и с укоризной посмотрел на Эграссу.

Конечно же Мумр считал, что Эграсса недостаточно поработал луком в том лесу, где слуги Неназываемого пытались колдовать. Будь воин на месте эльфа, он бы не упустил возможности пару раз взмахнуть тяжелым биденхандером.

— Может, шаманы, а может, и нет,— пожал плечами Кот.— Но что это магия, могу гарантировать.

— Точно шаманы, некому больше! — вздохнул Кли-кли.

— Этого можно избежать? — Маркауз дернул себя за ус.

— Я ничем помочь не смогу.— Миралисса бессильно развела руками.— Тут моего мастерства не хватит. Я ничего не ощущаю.

— Это погодное колдовство. Стихия дождя довольно нестабильна,— пробормотал Кот.

— Что ты там шепчешь? Говори нормально! — не выдержал Халлас.

— Нас учили...— Кот на миг запнулся.— Нас учили, что дождевая магия, созданная шаманством, нестабильна. Она существует от силы четыре, ну, может быть, пять часов и сильно зависит не только от мастерства шаманов, но и от природных явлений. Например, ветра.

— Хочешь попробовать уйти из-под туч? — Элл одним из первых понял задумку Кота.

— Угу. Ветер сейчас дует точно на юго-запад, а мы поскачем на юго-восток. Авось и разойдемся с грозой.

— Как же,— хмыкнул Медок.— Ее будто кто-то погоняет! Смотри, как несется!

Я невольно еще раз взглянул на настигающую нас стихию.

— А на что способна эта тучка? — невольно вырвалось у меня.

— Ни на что.— Вместо Кота мне ответил Эграсса.

— Тогда от чего мы собираемся бежать? — опередил меня с вопросом милорд Маркауз.

— От того, что эта туча пытается скрыть,— крайне нехорошим голосом ответила ему Миралисса.

— Можно я,— встрял в разговор Кот, видя, что, кроме Миралиссы и Эграссы, разбирающихся в волшебстве, никто ничего не понимает.— Сотвори такую штуку весь совет Ордена, тогда бы это была реальная опасность. Они бы ее нашпиговали молниями, правда, для такой магии понадобилась бы уйма сил и пара недель подготовки. Как боевому заклятию и сотворению тучи с молниями — медяк цена. Если говорить простыми словами, можно наколдовать что-нибудь другое, более эффективное, но гораздо менее дорогое. К тому же тучей невозможно управлять. Ее можно послать в определенном направлении, хоть за Иглы Стужи, но, если не повезет, ветер снесет ее за время пути на сотню лиг в сторону. Так вот, это людское волшебство. Что касается шаманства, хоть эльфийского, хоть орочьего, оно способно только на то, чтобы создать облако с дождем. И все.

— Короче давай! — Горлопан обеспокоенно глянул на чернеющее небо.

— Это будет обычная туча с дождем, с обычными молниями и громом. Максимум, что она сможет, это промочить нас насквозь. Ну, при очень хорошем шаманстве случится буря. Ненаправленная. То есть она не будет пытаться уничтожить именно нас. Это будет обычная буря, как сотни других до нее. Если кто и пострадает, так только случайно.

— Тебе бы лекции в Ранненгском университете читать! Ничего я не понял! — буркнул Делер.— Как насчет того, что тучи пытаются что-то скрыть?

— Дождевой фронт с его молниями и громами всегда накрывает любую другую магию,— пояснила Миралисса.— Ни один волшебник на Сиале, будь он хоть трижды Неназываемым, не способен увидеть внутри грозы враждебную магию до той поры, пока волшебство не окажется у него буквально под самым носом. Кот чувствует, что гроза создана шаманством, но не знает, что она может скрывать. В ней шаманы могли спрятать что-то такое, что не должны увидеть волшебники Ордена. Тучи — великолепная ширма.

— До волшебников отсюда десятки лиг, могли бы и не опасаться,— буркнул Арнх.

— Значит, они прячут нечто такое, что видно за десятки лиг,— не согласился Кли-кли.

Вновь вспышки далеких зарниц и грохотание грома. Теперь намного ближе.

— Хватит болтать! Кот, раз у тебя чутье на грозу, значит, тебе нас из этого и вытаскивать! Веди! — Маркауз не собирался дожидаться дождя.

И начались наши безумные пятнашки с погодой.

Кот взялся за дело уверенной рукой и задал лошадкам темп ничуть не хуже, чем когда мы уносили ноги из Вишек. Гром гремел все ближе и ближе. Ветер усиливался, заставляя высокую траву пригибаться к самой земле. Смолкли музыканты-кузнечики, замерли птицы. Весь мир застыл в ожидании приближающегося ненастья, надеясь, что оно принесет облегчение и прохладу.

То и дело один из нас оборачивался назад, проверяя, далеко ли мы сможем проскакать еще, прежде чем нас накроет дождем.

Но я смотрел только вперед. Во-первых, при такой бешеной скачке боялся свалиться с Пчелки, и во-вторых, однажды оглянувшись назад, я так перепугался, что чуть было не заорал. Черноты неба, наступающей нам на пятки, хватило бы на сотню миров. Тучи просто не могут быть такими черными, если только боги по недосмотру не пролили в них добрую бочку чернил.

Даже Угорь побледнел, а это было совершенно несвойственно для хладнокровного гарракца.

— Ветер изменился! — крикнул Кли-кли.— Восточный! Фронт сносит в сторону!

Я заставил себя обернуться. Теперь, как ни старайся гроза, в ее сердце мы уже не попадем, оно сместилось далеко восточнее нас. Но край волшебной бури заденет отряд, это точно. И пускай он окажется не так силен, но ливень будет знатный — ни у кого не возникало сомнений.

Грозные тучи полностью заслонили собой небо. Поднявшийся яростный ветер бросал гроздья песка, метя мне в лицо, и пришлось набросить на голову капюшон плаща, сшитого из эльфийского дрокра.

Другим было хуже, чем мне. Делер щурил слезящиеся глаза и беспрерывно ругался до тех пор, пока ему в рот не попал песок. Ветер трепал бороду Халласа и гривы лошадей. У Мумра сорвало с головы шляпу, но он даже не остановился, чтобы отобрать у ветра новую игрушку.

Вихрь тысячью демонов завывал в ушах, и тучи, словно стадо взбесившихся коров, надвинулись на нас угрюмой стеной. Непрекращающиеся алмазные гирлянды молний, сливающиеся в зарницы, то и дело сверкали по всему горизонту, освещая потемневшую, а оттого еще более мрачную пустошь. Ветер, словно сошедший с ума пастух, гнал беременные дождем тучи на нас. Дождь еще не начался, но скоро, очень скоро за грохотаньем грома и сверканием молний

тугие струи дождя устремятся к замершей в нетерпеливом ожидании земле.

Сверкнуло, и ветер донес до нас сердитый рокот, как будто это шумел суровый морской прибой, с нескончаемым упорством пытавшийся уничтожить прибрежные скалы в вечной и бессмысленной борьбе тысячелетий, которая продолжится даже тогда, когда исчезнет с Сиалы последний человек.

Сверкнуло.

— Ща-ас кэ-эк грохнет! — крикнул шут.

И грохнуло знатно. Небеса раскололись от рева богов, лошади испуганно заржали.

— Вперед! — где-то впереди, пытаясь преодолеть шум ветра, крикнул Кот.

Сочный звучный удар грома диким жеребцом пронесся по небу, и у меня на миг заложило уши. Гром раздался прямо над нами.

Я еле удержался на Пчелке, конь Горлопана встал на дыбы, едва не сбросив с себя седока. Делеру не повезло: он шлепнулся на землю, и, если бы не Сурок, проворно схвативший лошадь карлика за ухо, перепуганная животина сбежала бы. Делер одарил «тупую скотину, недостойную возить карлика на своем трижды проклятом горбу», жуткой бранью и вскарабкался обратно в седло. Нам всем пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы успокоить испуганных животных.

Первая тяжелая капля дождя, не удержавшись в животе тучи, сорвалась с черного неба и упала вниз. Она ударилась о нос Кли-кли и разбилась, как разбиваются дорогие хрустальные фужеры, на тысячу мелких и сияющих стеклышек. За первой дождевой каплей упала вторая. За второй — третья. Брызги небесной воды барабанили по плащу и жадно раскрывшейся, потянувшейся к дождю земле.

— Вперед! — Кот не собирался останавливаться и пустил лошадь в галоп.

Отряд, растянувшись цепью, продвигался за следопытом.

Дождь накрыл нас влажными крыльями, и редкие капли сменились ревущим водопадом, низвергнувшимся с небес. В мгновение ока все, на ком не было эльфийских плащей, вымокли до нитки.

— Чтоб я спал на иглах, если мы не запомним этот ливень надолго! — сказал Халлас.

Борода у гнома походила на намокшую старую мочалку. С его утверждением я был согласен на все сто.

Гроза с громом, молниями, водопадами и другими атрибутами, положенными приличной и уважающей себя грозе, сместилась восточнее. Теперь рокотало в отдалении, уже не угрожая нам.

Но дождь никуда не делся. Все небо затянуло сплошной пеленой угрюмых облаков, льющих воду на землю из нескончаемых небесных кладовых. Ни одного голубого просвета, ни одного солнечного лучика. Над Харьгановой пустошью разлилась мрачная осенняя атмосфера. Земля пропиталась дождем, и невесть откуда, поглотив траву, под копытами лошадей появилась жирная грязь.

Погода была мерзкой, унылой и холодной, особенно для тех, кто уже успел привыкнуть к постоянной жаре.Хуже всех пришлось Халласу. Вымокший до нитки, он стучал зубами, дрожал от холода, и клацанье его зубов было слышно за десять ярдов. На предложение Миралиссы надеть плащ упрямый гном ответил отказом.

— Мы еще пос-смотрим, кто из нас проч-ч-нее! — Вот и все, что он сказал, косясь на падающие с неба капли.

— Ты смотри, заболеешь, я с тобой носиться не буду! — пробурчал Делер из-под плаща.— Никаких лекарств на ложечке не жди!

— От-т тебя-то? — хмыкнул гном.— От т-тебя я никаких лекарств пр-ринимать не буду. З-знаю я вашу с-сволочную пород-ду! Нас-сыпешь какого-нибудь яд-да, а я потом хрипи, синей и заг-гибайс-ся! Такого удовольствия я т-тебе не доставлю!

— Больно ты мне такой мокрый нужен! — надулся карлик.

Халлас фыркнул и больше ничего не сказал, продолжая упрямо играть с дождем, кто кого пересидит. Отряд уже не несся сломя голову по полям пустоши, лошади перешли на быстрый шаг.

Часа через три начнет темнеть, так что скоро придется нам останавливаться на ночлег.

— Ну ког-гда же он кончитс-ся?! — взмолился наконец невытерпевший гном.

Губы у него посинели, а зубы отбивали отчетливую дробь на зависть орочьим барабанам.

— Не раньше чем к завтрашнему утру,— сказал Медок, бросив взгляд на серое небо.

— К утру?! — простонал Халлас.

— И никак не раньше.

— Слушай, Халлас,— к нам подъехал Угорь,— а ты пока объяви ему перемирие.

— Перемирие? — крайне подозрительно сказал гном, чувствуя какой-то свинский подвох в этом предложении.

— А что? Продолжишь войну попозже.

— А разве т-так можно? — с сомнением спросил упрямый осел.

— Почему нет? — Фонарщик, ехавший рядом со мной, пожал плечами.— Войны иногда прерываются перемирием.

— Только не в-войны гномов! — запальчиво ответил Халлас.

— Считай, что у тебя кончился порох и перемирие необходимо,— нашелся воин.

Гном обстоятельно подумал, выжал намокшую бороду и, состроив рожу, будто он делал наиглубочайшее одолжение всему миру, сказал:

— Ну ладно. Давайте ваш плащ, что ли?

Делер уже открыл рот, чтобы высказаться о нестойкости гномов, идущих на уступки во время сражения, но поймал убийственные взгляды окружающих и промолчал. Халлас закутался в плащ.

К вечеру дождь усилился. Он уже полностью пропитал землю, и теперь луга превратились в огромные лужи. Копыта лошадей чавкали в этом маленьком болоте, и животные стали уставать, хотя продвигались мы довольно медленно. Только через две лиги травяные луга пустоши остались позади, и мы выехали на некое подобие тропы.

— Это остатки старой дороги. Той самой, что вела из Ранненга в Авендум,— будто услышав мои мысли, произнес из-под капюшона Кли-кли.

— Удивительно, как она сохранилась,— пробормотал Сурок.— Почти пятьсот лет минуло, а она лишь травой поросла.

— Нич-чего удивительного,— пробурчал Халлас.— Ее г-гномы с-строили.

— Да ладно тебе, Счастливчик, заливать! — отмахнулся Фонарщик.

— И нич-чего я не заливаю. Наша это работ-та. Я нюхом чую. Делер, подт-тверди.

— Ваша, ваша,— миролюбиво согласился карлик.— Ты бы лучше помолчал да грелся. У тебя зуб на зуб не попадает.

— Ч-чей-то ты о моем здоровье так з-заботишься?

— Так помрешь — мне тебе могилу рыть.

Халлас поплотней закутался в плащ и ничего не сказал.

Несмотря на дождь, с земли стал подниматься туман. Прозрачная белесая дымка стелилась над землей, просачиваясь между травинок, окутывала копыта лошадей. Но как только появлялся ветер, рассеивалась и на время отступала.

К нам, придержав коня, подъехал Маркауз:

— Эй, Кот! Ты уверен насчет неприятностей? Ничего не напутал?

— И то верно,— поддержал Алистана Горлопан.— Гроза давно прошла, мы вот уже четвертый час мокнем, а никаких особых проблем с небес так и не дождались.

— Ну и слава Сагре, чтоб ничего еще сто лет не происходило,— прокряхтел Дядька.

— Сам не могу понять, что происходит,— растерянно отозвался Кот.— Раньше чувствовал, а теперь ничего. Пусто. Я уже начинаю думать, что почудилось.

— А Миралисса и Эграсса? — осторожно поинтересовался Мумр у Алистана.

— Нет. Они не знают.

— Значит, пронесло,— с облегчением вздохнул Горлопан.

— Не надо радужных надежд,— состроил кислую физиономию Кли-кли.— Пронесет, пронесет, а потом кэ-эк вдарит!

— Чего ты каркаешь, чучело зеленое? — зло одернул гоблина Медок.— Надо говорить, что пронесет, и не думать о плохом.

— Я, конечно, оптимист, но путешествие с Гарретом вносит в мой характер слишком много пессимизма.

Кли-кли бросил в мою сторону многозначительный взгляд. Я ответил ему тем же, пообещав устроить гоблину чудесную жизнь, если он не заткнется. Шут только хихикнул.

Гоблинское зрение раз в десять острее человеческого. То, что мне казалось серой тенью, проступающей сквозь дождь и дымку, для Кли-кли было чем-то уж очень неожиданным. Он удивленно вскрикнул, гикнул, ударил Перышко пятками и стал нагонять эльфов.

Под копытами лошадей в траве, выросшей на заброшенной дороге, иногда что-то шуршало и скрипело, будто лошади наступали на снежный наст. Я свесился с седла, но, кроме высоких зеленых стеблей, ничего увидеть не смог.

Под копыто Пчелки попал обломок какой-то палки. Лошадь наступила на него, и я услышал тот самый заинтересовавший меня звук. Еще десяток ярдов — и очередная палка. Теперь я смог хорошо рассмотреть ее. Черная, чернее и'альяльской ивы, неровная и бугристая. Это был осколок человеческой берцовой кости.

Я похолодел. Кони шли по костям. Мы топтали останки неизвестных мертвецов. То тут, то там слышался хруст и скрип.

— Чтобы мне целовать сковородку! — выругался Фонарщик.— Да тут битва была!

Вернулся Кли-кли, и видок у него был мрачнее, чем та туча, что гналась за нами поутру.

— Еще какая битва, друг Фонарщик. Битва отряда Харьгана.

— Быть того не может,— не согласился Сурок.— За пятьсот лет кости уходят глубоко в землю. Да они бы совсем исчезли, а не лежали на поверхности, словно со времени сражения прошло не больше двух лет.

— Не нравится мне здесь,— протянул Горлопан.

— Кости хрупкие, как низинский фарфор,— пробормотал Кли-кли.— А насчет того, что это не останки со времен той битвы, ты не прав, Сурок. Впереди овраг, о котором я вам рассказывал.

Но мы уже и без рассказов гоблина могли увидеть возникшую перед нами преграду. Глубокий провал в теле земли — овраг был почти такой же, каким я видел его во сне. Только в реальной жизни он казался еще больше, угрюмее и страшнее. Весь заросший высокой травой, достигающей груди, с громко журчащим, располневшим от дождя ручьем — он воистину был непреодолимой преградой для осаждающих во время штурма.

Легкая дымка в жерле оврага обрела очертания, загустела и почти скрыла дно. Вот только стены были уже не такими отвесными и обрывистыми. За пять столетий вода, снег и растения сгладили их.

Я и не заметил, что все молчат. Никто не произносил ни слова. Мы просто смотрели сквозь усиливающийся дождь на ту сторону, откуда несколько столетий назад на четыреста человек накатывали орды орков.

— Внизу, наверное, полно костей,— нарушил молчание Медок.— Понятно, почему такую дорогу забросили.

— Где старые кости, там и гхолы.— Фонарщик положил руку на рукоять биденхандера.

— Они слишком старые. Слышишь, как хрустят под копытами? Никаких гхолов здесь уже давно нет.

— Неприятно,— пробормотал Кот.

— Что? — Фонарщик спрыгнул на землю.

— Я говорю, неприятно вот так вот лежать. Непогребенным. Чтобы твои останки были не в земле, а под ветрами столетий.

— Что-то ты о смерти рано задумываешься, смотри, как бы Сагра не услышала,— попытался пошутить Фонарщик.

Шутки не получилось.

— Одни покойники! Ходить по костям воинов неверно... Кот прав, от этого места веет смертью и чем-то неестественным.— Арнх отбросил в сторону травинку, которую мусолил в зубах битый час.

— Да кто тебе сказал, что кости человеческие? — Эльф слез с лошади, покопался рукой в грязи и бросил в руки Арнха что-то черное.— Вот смотри.

Тот на лету поймал предмет и принялся вертеть в руках, а затем безразлично выбросил в овраг. Я успел заметить, что это была нижняя челюсть с неестественно большими и длинными клыками. Прямо как у Элла или любого другого эльфа. Или орка.

— Орки? — Арнх заинтересованно посмотрел на к'лиссанга Миралиссы.

— А кто же еще? — Золотистые глаза эльфа сверкнули.— Кости людей тоже встречаются, но по сравнению с орочьими их мизер. Первых здесь хорошо посекли.

— Да, им несладко пришлось,— крякнул Фонарщик.

— Тут не только стрелы были.— Кот кивнул, указывая нам на лишь ему заметные признаки.— Еще и магия поработала. Стены оврага оплавлены. Видите? Кто-то устроил там жаровню.

Мне сразу вспомнилась волшебница из сна и горящий по ее воле туман в овраге.

Край дороги на противоположной стороне лежал передо мной как на ладони, и, если бы не дождь с туманом, думаю, отсюда открывался бы потрясающий вид. Я попытался поискать взглядом остатки стены старых укреплений и земляного вала, но, естественно, за пятьсот лет от них не осталось ничего, кроме памяти. Кости павших просуществовали намного дольше.

— Эй, Танцующий в тенях! — Ко мне подошел Кли-кли.— Что задумался?

— Я, кажется, просил меня так не называть,— зарычал я на гоблина, но маленький засранец даже глазом не моргнул.

Да и смотрел он не на меня, а на дорогу.

— Гаррет,— очень проникновенным голосом сказал Кли-кли,— как говаривает Горлопан, мы в полной заднице. Или еще дальше. Они нас обошли!

Сказав это, гоблин бросился назад и заорал так, будто великаны отдавили его любимые колокольчики на колпаке. Я ринулся вдогонку за шутом, опасаясь, что он ненароком тронулся умом. Этих зеленых очень сложно понять, особенно когда они находятся в таком паническом настроении.

Заслышав крики, все уставились на Кли-кли с недоумением. По крайней мере, на лицах Алистана и Эграссы отразилась та же самая мысль, что возникла у меня — шут сошел с ума.

Кли-кли между тем оказался рядом с ними и стал исполнять нечто похожее на безумный танец обкурившейся красавки блохи. При этом королевский шут не переставая орал о том, что Кот был прав про тучу.

Когда я добрался до него, он все еще вопил, а остальные смотрели на него, как на зачумленного.

— Гаррет! — Кли-кли обратился ко мне.— Ты-то меня хоть послушай! Туча!

— Какая туча, дружище? — как можно более вкрадчивым голосом, а именно так разговаривают с психами, спросил я.

— Раскрой зенки! Да не на меня, идиот! На небо!

С больными на голову спорить себе дороже, и поэтому под пристальным взглядом гоблина я стал смотреть на дождевые тучи. Некоторые из отряда последовали моему примеру. Но ни они, ни я, ничего странного не видели.

Те же самые, что и час назад, серые, сплошные, изрыгающие на землю дождь.

— Мм... По мне, они все одинаковы.

— Вот та! — сказал Кот и ткнул пальцем куда-то вдаль.

В ответ на горизонте полыхнула молния, и сразу же одна из туч на миг осветилась багровым огнем.

Халлас тихонько выругался.

— Я надеялся, что все-таки иногда ошибаюсь,— с какой-то горечью произнес Кот.

То, что скрывала гроза, сотворенная сторонниками Неназываемого, наконец-то добралось до нас, пусть ему и потребовалось сделать для этого приличный крюк.

— Спаси нас Сагра!

— Что это за дрянь, Кот?

— Всем заткнуться! — рявкнул Маркауз, перекрыв вопли и вопросы остальных.— Кот, ты что-нибудь можешь с этим сделать?

— Нет.

— Леди Миралисса, треш Эграсса?

— Мы попробуем.

Миралисса и Эграсса принялись рисовать на размокшей земле помесь осьминога и звезды с сотней лучей-щупалец. Эльфийка скороговоркой шептала слова. Контуры фигуры на земле стали пульсировать желтым огнем.

Я очень надеялся, что их шаманство нам поможет. Элл стоял впереди колдующих, почти возле самого обрыва, держа лук на изготовку, хотя не думаю, что стрелы будут эффективны против магии. Остальные, включая и меня, столпились позади эльфов, наблюдая за приближающейся опасностью.

А она спешила к нам на всех парах. Где-то внутри клокочущей тучи, в самой ее середине, разгоралось багровое пламя. Она двигалась против встречного ветра с одной-единственной целью — догнать нас.

Миралисса перестала шептать и начала петь на орочьем языке. Каждое слово, казалось, повисало в воздухе звенящим колокольцем, вибрировало и гудело, отдаваясь мерцающим светом в нарисованной на земле желтой фигуре.

— Это что еще за твари? — выдохнул Горлопан.

Он был белее мела, и я уверен, что моя физиономия в эту минуту выглядела ненамного лучше.

Из облака вынырнуло крылатое существо. Одно, другое, третье.

И вот уже десять длинных, ширококрылых созданий закружились в хищном хороводе, то скрываясь, то вновь выныривая из багрянца. Их полет был плавным и завораживающим, но сейчас я не спешил восторгаться грацией этих тварей.

— Что это, заморозь мои потроха ледяной червь? — прошептал Медок, с отчаянием сжимая в руках бесполезный огролом.

— Не знаю! — Кот не отрывал от существ глаз.

Они были небольшими, хищными, совершенно ни на что не похожими. Их маслянистая кожа отливала багровым. И это мне не понравилось больше всего.

— С'алай'яга х'тар агр т'хханнг! — выкрикнула последние слова заклятия Миралисса.

Из рисунка на земле выплеснулось нечто желтое и со скоростью гномьего ядра устремилось в сторону магической тучки.

Что бы это ни было, но за время пути оно успело вырасти и стать размером с небольшой дом.

Желтое встретилось с багровым и ворвалось в тело тучи. Она вздрогнула, будто была живым существом, отпрянула. Внутри нее взорвалась ослепительная вспышка.

И все.

Туча съела то, что создали эльфы.

Магический багрянец с кружащимися в хороводе тварями завис над нашими головами. А затем хоровод распался. Существа атаковали.

Из десяти летунов шесть прошли высоко над нашими головами, а четверо упали на нас. Настолько стремительно и настолько быстро, что мы едва-едва смогли среагировать.

Щелкнула тетива — это Элл выстрелил в первую тварь. И попал, но стрела, пройдя сквозь летуна, исчезла, не причинив врагу никакого вреда.

Эльф едва успел отпрыгнуть с пути атакующего, его спасла только природная ловкость. Чудовище, едва не задев брюхом траву, издало разочарованный крик, пронеслось мимо и вновь стало набирать высоту, присоединившись к кружащей над облаком шестерке.

— Не зевай!

Делер упал на землю и дернул за ноги воинственно размахивающего мотыгой Халласа. Тот издал протестующий вопль, грохнувшись мордой в лужу, и вторая тварь вжикнула у него над головой, а

затем повторила путь своей предшественницы, устремившись в небо.

Два других существа нападали синхронно. Они одновременно снизились и пошли на нас, на ходу выбирая себе жертву. Все бросились врассыпную, точно перепелки перед нападением ястреба, но существа уже успели наметить себе цели. Первым был Кот, замерший возле самого обрыва, а вторым оказался я.

Щелк!

Время в песочных часах богов замерло, почти остановилось. Я видел, как ме-э-эдленно летело на меня багровое создание. Теперь можно было рассмотреть его лицо. Да-да, именно лицо, а не морду. Человеческое, мужское, не старое, застывшее и похожее на бронзовую посмертную маску.

Твари стремительно приближались. Нам что-то кричала Миралисса, но я не слушал, мой взор приковала надвигающаяся смерть. Отчего-то я понял, что после встречи с этим меня ждет даже не Сагра, не свет или тьма, а полное, всепоглощающее ничто, из которого уже не будет возврата.

Кот медленно взмахнул рукой, из его пальцев вылетела одинокая голубая искорка. Отчаянная попытка задействовать что-то из арсенала, который волшебник-недоучка берег именно вот на такой день. Искра коснулась лица существа, разрывая кожу и мясо, обнажая череп, но тварь не почувствовала боли, возможно, она вообще не знала, что это такое, и с торжествующим воплем врезалась в свою жертву. Миг — и прошла сквозь тело Дикого облачком багрового тумана, а затем устремилась вверх, к облаку, а Кот с бескровным лицом начал очень медленно заваливаться на бок.

— Га-а-ар-рет! — Крик шута донесся до меня сквозь кисель времени, и я перевел взгляд на вторую тварь.

«Вот и все!» — Проскользнула в голове дурацкая мыслишка.

Я понял, что слишком замешкался. Существо приближалось очень быстро, и я уже не успевал отпрыгнуть, уйти с его пути.

— Я помогу,— прошептал в голове до боли знакомый голос.

И пришла боль. Адская, нереальная. Нутро обожгло огнем, во мне что-то закипело, забулькало, и... вырвавшись, бесшумно врезалось в тварь, одновременно отбрасывая меня в сторону.

Пронзительный вопль.

Крылатый распался как туман под действием урагана.

Земля понеслась мне навстречу.

Щелк! Время вновь набирает обороты.

Удар при падении выбил из легких почти весь воздух. Мне оставалось только таращить глаза от боли и натужно хрипеть, стараясь

восстановить дыхание. Чьи-то руки с двух сторон подхватили меня под локти, приподняли и попытались поставить, но ноги оказались слишком мягкими, будто я перепил молодого вина. Медок выругался и вместе с Горлопаном принялся оттаскивать Гаррета подальше от обрыва.

— Вальдер! Сукин ты сын! — вслух прохрипел я.— Ты же обещал оставить меня в покое!

Естественно, никто не ответил. Волшебник затаился, и я вновь его не чувствовал. Лишь когда стало жарко, он вынырнул из глубин моего «я» и спас мне шкуру.

— С кем это он? — опасливо спросил Горлопан.— Ты уверен, что та тварь его не коснулась?

— Уверен!

Между тем девять оставшихся существ кружили с явным намерением продолжить атаку. Скорость хоровода все увеличивалась, твари слились в один нечеткий, размытый круг, который лопнул, словно мыльный пузырь, и создания стали пикировать на нас.

— Проклятье! — Горлопан отпустил меня и выхватил меч.

Я потерял опору и свалился на землю, подыхая от внезапно накатившей слабости.

По всей длине края оврага воздух вдруг заколебался, и начали появляться едва заметные тени — человеческие силуэты, вооруженные луками. С каждым ударом сердца они все больше обретали четкость.

— Ты это видишь? — прошептал потрясенный Медок.

Я ошеломленно кивнул, но не думаю, что он это заметил.

А багровые твари продолжали падать с небес. В настоящем времени прошло не более двух секунд, нам же они показались вечностью.

По захлебывающемуся от дождя оврагу прогремел голос:

— По врагу! Прицельно! Поправка полпальца правее цели! Залп! Кур-рвы!

Серые тени стрел устремились в небо, навстречу падающей на нас смерти. С криком ужаса и разочарования летуны рассыпались в воздухе и истаяли, а багровая туча издала стон.

— Залп!

Когда-то давным-давно, наверное, в прошлой жизни, а может, во сне, я уже слышал этот голос.

Не было слышно щелчков тетивы и полета стрел. Лишь дождь шуршал по земле, да беспрерывно, словно издыхающее приведение, стонала туча. Веер призрачных стрел, как личинки наездника, вгрызлись в ее брюхо, оставляя после себя огромные рваные дыры.

Громкий, тоскливый вой обреченного. Он катился над землей, все дальше, дальше... и я зажал уши руками, столь громок и ужасен был этот звук. Думаю, его услышали даже в Джашле.

Призраки выстрелили в третий раз, и туча вспыхнула, точно солнце, залив багрянцем окрестности. За неполную минуту я ослаб, оглох и ослеп. Не оставалось ничего другого, как свернуться клубочком и попытаться вынырнуть из этого страшного кошмара...

Когда я пришел в себя, все уже кончилось. Не было больше багровых туч на небе, исчезли призраки, будто они мне приснились, да и дождь перестал. Облака пропали, вновь уступив место безоблачному, голубому небу. Солнце светило мне прямо в глаза, но прежнюю удушающую жару сменила теплая летняя погода.

Я попробовал пошевелить вначале одной рукой, затем другой, потом пришел черед дернуть ногами. Вроде живой. Скосив глаза вниз, я увидел, что лежу на одеяле, а сверху чья-то заботливая рука укрыла меня еще одним.

— С пробуждением,— раздался надо мной голос, а затем в поле зрения появилась бородатая и улыбающаяся физиономия Дядьки.— Очнулся? Мы уж думали петь по тебе погребальную песнь «Прощение».

Я хмыкнул и попытался сесть. Мне это удалось без всякого труда, значит, после сотворенного Вальдером волшебства я вновь пришел в норму. Я еще раз попробовал мысленно позвать архимага, променявшего Закрытую территорию на проживание в моей голове. Как всегда, безрезультатно. Волшебник то ли затаился и не хотел отвечать, то ли попросту пропал.

— Сколько я провалялся? — В тот день, когда на нас напали багровые летуны, был вечер, а сейчас, если за время моей отключки боги не успели поменять правила, было раннее утро.

— Немного,— подошел Алистан.

— Сколько точно? — не сдавался я.

— Чуть больше суток.

Не слабо.

— Как ты себя чувствуешь? — Миралисса подошла вместе с графом и положила мне руку на лоб. Кожа у нее была сухой, а ладонь горячей.

— Да вроде я в порядке. Что произошло?

— Это мы у тебя должны спросить,— сказал Алистан.— Что произошло на обрыве, вор?

— Не знаю.— Я нахмурился.— Не помню.

— А ты постарайся, Гаррет.— Голос Маркауза приобрел вкрадчивость, он даже забыл назвать меня вором.— Это очень важно.

Сказать, что у меня в голове поселился умерший несколько сотен лет назад архимаг, — значит прослыть умалишенным или стать объектом интереса для всего Ордена. Но и ничего не сказать нельзя.

Весь отряд смотрел на меня с ожиданием.

— Вначале на нас летели эти твари, потом Кот что-то сделал, но это не помогло. Потом я увидел, как ко мне приближается одна из них, и что-то произошло.

— Что-то? — Миралисса удивленно приподняла бровь.— Ты и вправду не знаешь, что случилось?

— И вправду,— нисколько не покривив душой, сказал я.

Я действительно не знал, что сделал архимаг, чтобы убить летуна и отбросить меня с его дороги. Так что врать почти не пришлось.

— Кто-то за сотую долю секунды сотворил атакующее заклятие такой мощи, что я думала, у меня волосы вспыхнут! На такое способен лишь очень опытный волшебник.

Угу. Такой, как мой приятель Вальдер.

— Ну уж точно это сделал не я.

— Естественно,— холодно сказал Алистан.— Но нам интересно, кто?

Я пожал плечами.

— А призраки? Кто, то есть что они были такое?

— Это духи тех, чьи кости лежат на этой стороне оврага. Воины отряда Песьих Ласточек вернулись в наш мир, когда почуяли творящееся шаманство.— Миралисса не спускала с меня задумчивого взгляда.

Думаю, она прекрасно знала, что я ей не все рассказываю, но вытрясать из меня правду сейчас отчего-то не стала.

— То, что создали шаманы Неназываемого, могло разбудить души павших.

— А что с той тучей? — спросил я.

— Исчезла.

— А с Котом?

Все стали отводить взгляды.

— Он умер, Гаррет,— наконец ответил мне Дядька.

— Что случилось? — Я отчего-то все еще не мог поверить в смерть следопыта отряда.

— То существо, чем бы оно ни являлось, прошло сквозь него и убило. Это все, что мы знаем.— Ты в состоянии сесть в седло, вор? — спросил Алистан.

— Да.

— Хорошо. Мы потеряли день, а нам требуется выбраться на тракт. Дядька, все готово?

— Конечно, капитан,— кивнул десятник Диких.

— Вставай, Гаррет, надо отправить воина в последний путь.

Кота похоронили, когда я еще не пришел в себя. Он нашел свой последний приют под молодой рябинкой с серебристой корой, раскинувшей ветви над большим могильным камнем. На камне кто-то вывел: «Кот. Брат Диких Сердец. ? — 1123 Э.С.».

— Прощай,— сказал Дядька за всех.

— Спи спокойно.— Миралисса, шепча, провела над могилой рукой.

Кли-кли часто моргал, стараясь сдержать слезы. Арнх бессильно сжимал и разжимал кулаки. Делер и Халлас сейчас казались близнецами — оба маленькие, угрюмые и хмурые.

А затем Фонарщик затянул песнь «Прощение». Песнь, которую поют Дикие над могилами и телами своих братьев, неважно, пали они в бою или умерли от старости. Песнь странную и даже не подходящую для воинов. Ведь как воины могут прощать своих врагов?

Но этой песне было столько же лет, сколько Диким Сердцам и Одинокому Великану, и она звучала в такие далекие и седые столетия, что сейчас уже и неизвестно, кто и с чего стал ее петь, отправляя воителей в последний путь.

И я, и Кли-кли, и Алистан, и Миралисса с эльфами слушали эту странную, нелепую для воинов, но в то же время горько-щемящую и завораживающую песнь, которую спустя один куплет подхватили все Дикие.

Когда она смолкла, лишь стрекот кузнечиков нарушал утреннюю тишину. Никто не произнес ни слова, боясь первым нарушить скорбное молчание.

Отряд потерял товарища. Но последнего ли? Неизвестно, кто или что ожидает нас впереди. Еще слишком многое мы должны преодолеть, чтобы добраться до лесов Заграбы, скрывающих могильники Храд Спайна.

— Все.— Голос у Дядьки был как наждачная бумага.— Пора.

— Удачной зимы, Кот.

Кли-кли отвернулся, стараясь скрыть слезы. На душе было горько. Наряду с болью утраты в нас закипал яростный гнев. Если бы те, кто сотворил тучу, сейчас находились рядом, то, клянусь всеми богами Сиалы, их разорвали бы на куски голыми руками.

Почти весь день отряд проехал без разговоров. Прекратились ссоры Халласа и Делера, не было слышно вечных песенок и дудки Фонарщика, Кли-кли забыл про шутки и иногда шмыгал носом, глаза у него заметно покраснели. Сурок хмурился и небрежными движениями поглаживал Непобедимого, изваянием застывшего на его плече.

Я ехал отдельно от всех, сразу позади Дядьки и Медка. Настроение было паршивое, и разговаривать ни с кем не хотелось. Лишь однажды мое уединение было нарушено подъехавшим Алистаном.

Он как-то незаметно возник справа от меня, и мы вместе проехали несколько лиг. Я не возражал против его молчаливой компании и даже немного удивился, когда он первым нарушил тишину:

— Ты знаешь, Гаррет, Кот лег в хорошем месте.

— Да? — Это все, что я мог выдавить, удивившись его словам.

— Рядом с могилой героев. Доброе соседство.

— Для него — да,— помолчав, ответил я.— Но кто о нем вспомнит через десять лет? Могила в пустоши. Сюда доберется, дай бог, один пастух в десятилетие.

— Ты не прав, вор. Его будут помнить в отряде.— Дядька услышал наш разговор.— Возле склонов гор Отчаяния, недалеко от Одинокого Великана есть кладбище. Там покоятся все воины отряда, неважно, есть ли их тела в могилах или они навеки остались в снежной тундре. Кота будут помнить.

За весь оставшийся день мы больше не обмолвились ни словом.

Казалось, с пролившимся на землю дождем невыносимая жара отступила надолго. Следующие дни мы путешествовали при относительно теплой и очень приятной погоде. Луга с сочной зеленой травой и непроходимыми зарослями кустарника остались позади, и пустошь сменилась сосновым редколесьем.

Настроение в отряде постепенно восстанавливалось. Смерть Кота не забылась, просто насущные проблемы отодвинули ее на задний план.

То тут, то там стали возникать разговоры. Делер вновь поцапался с Халласом из-за того, что они никак не могли прийти к единому мнению, росли ли на полянке, где мы остановились прошлой ночью, ядовитые поганки или это были всего лишь грибы-бурышки. Фонарщик извлек из кармана дудку, наигрывая незамысловатую мелодию. Кли-кли, по доброте душевной, устроил Эллу утренний подъем при помощи шляпы Делера, в которую была налита вода. За этакое самоуправство гоблин чуть было не схлопотал на орехи и от эльфа и от карлика, но вовремя спрятался за мной, ноя, что его талант никто не ценит.

Несколько раз за время путешествия я ловил на себе задумчивый взгляд Миралиссы, но она ничего не спрашивала, видно дожидаясь, когда мы останемся наедине. Поэтому я старательно избегал ее общества.

Сам не знаю почему, но о Вальдере и его помощи никому рассказывать не хотелось.

Мы удлинили путь, следуя параллельно тракту, но не спеша на него выходить. День сменялся днем, и я уже думал, что никогда не увижу главной дороги, к которой все так стремились. Однако на восьмой день пути, когда июль уже давно перевалил за середину, Кли-кли издал вопль радости и ткнул пальцем на показавшуюся между деревьями светлую полосу.

Мы наконец-то выбрались с Харьгановой пустоши на тракт.

И только тут я заметил, что держит в руке гоблин.

— Откуда это у тебя, Кли-кли? — спросил я, когда ко мне вернулась способность разговаривать.

— Ты о чем? — не понял шут, а затем проследил за моим взглядом и понимающе протянул: — А! Ты об этой безделушке? Не поверишь! Когда ты лежал в отключке, мы стали искать место для могилы Кота, да пребудет он в вечном свете. Так я отошел немного дальше всех и заметил эту штучку.

— Прямо так и заметил? Как гриб?

— Почему как гриб? — удивился Кли-кли.— Грибы они, Гаррет, что? Грибы под деревцами, березками там или осинками, прячутся, а она лежала на камешке, покрытом мхом. На нем даже было что-то написано, но я ничего разобрать не смог.

— И ты взял? — спросил я.

— А почему нет? — Гоблин пожал плечами.— Сам же видишь, вещица красивая. Чего же добру пропадать? Я ее продать смогу.

— Не продавай ее, Кли-кли,— вкрадчиво сказал я.

— Ты думаешь? — Шут еще раз окинул находку любопытным взглядом, а затем, застегнув цепочку на шее, спрятал амулет в виде серебристой капельки под плащ.— Вот и Миралисса мне сказала то же самое. Вы сговорились, что ли?

— Да нет, просто поверь мне. Может, когда-нибудь она спасет нам жизни.

Кли-кли посмотрел на меня серьезно:

— Ты полон загадок, Танцующий в тенях.

— Все мы полны загадок и тайн, Кли-кли. И я, и Миралисса, и ты. Ведь так?

— Ага! — согласился он и внезапно улыбнулся.— Значит, ты уже не возражаешь, что я тебя называю Танцующим?

— А мои возражения что-то значат? Тебя это все равно не останавливает. Называй меня, как хочешь, я теперь в любом случае всеми силами попытаюсь добыть Рог.

— Ну вот и еще одно из пророчеств шамана Тре-тре сбылось,— торжественно сказал гоблин.— Танцующий в тенях принял новое имя и решил идти до конца.

— Ты опять со своей дурацкой книжонкой! — тут же вспылил я.— А если еще кто-нибудь возьмет себе такое имя?

— Сначала ты мне найди идиота, который на это согласится,— ехидно сказал Кли-кли.

Эх, жаль, маленький стервец увернулся от моих рук и избежал тумака!..

Ранним утром двадцать восьмого июля из утренней дымки перед нами выросли стены города.

Отряд прибыл в Ранненг.

Москва, 2002

В книге использованы стихи Павла Костина и Михаила Федорова.— *Автор.*

• Джанга с тенями •

Глава 1
РАННЕНГ

Жители Южного Валиостра, ни разу не бывавшие на севере страны и не видевшие Авендума, склонны считать Ранненг очень большим городом. Он действительно не маленький, но все же размерами сильно уступает Авендуму.

Кто не знает, Ранненг — бывшая столица королевства, утратившая это почетное звание в период Войны Весны, когда произошло вторжение орочьей армады из Заграбских лесов. За полторы тысячи лет своего существования город пережил сотню властителей, шесть больших пожаров, начисто стиравших его с лица земли, несколько переворотов, бунтов, эпидемий и, разумеется, войн.

Почти уничтоженный орками и заново отстроенный после победы, Ранненг воистину считается самым красивым городом королевства. Старинная архитектура, многочисленные храмы богов, множество парков, широкие улицы, фонтаны, высокие острые шпили дозорных башен, раздвижные мосты по берегам рек — все это привлекает в город многочисленных путешественников, зевак и торговцев.

В самом начале правления династии Сталконов по высочайшему указу тогдашнего короля в Ранненге был основан Университет наук, в который приезжают учиться чуть ли не со всех северных королевств. Напротив достопочтенного Университета находится огромный парк, и если пройти через этот маленький лес, разросшийся в городской черте, в Верхний район города, то упрешься в огромные бронзовые ворота школы Ордена магов.

Именно здесь будущим волшебникам закладывают основы основ, и только после пяти лет сурового обучения они отправляются в школу Авендума для дальнейшего совершенствования магического искусства. Благодаря школе магов и Университету старую столицу называют Городом Знаний.

Лучшего места для закладки города было просто не найти — Ранненг удобно расположился на пяти холмах, находящихся точно в центре пересечения главных южных торговых путей королевства.

За красоту его очень любят воспевать поэты, но у Ранненга есть один существенный недостаток: он намного ближе к лесам Заграбы, чем Авендум, а следовательно, оркам, появись у них вновь нездоровое желание повоевать, намного проще добраться сюда, а не к Холодному морю. Поэтому пятьсот лет назад у нас появилась новая столица. Орки научили людей осторожности.

Что ни говори, а династия Сталконов не собиралась дважды наступать на одни и те же грабли, поэтому король со всем двором перебрался на север, в Авендум, подальше от страны лесов и возможных опасностей.

На этом позвольте свой краткий историко-географический экскурс завершить, благо мы наконец-то добрались до городских ворот.

Стояло позднее утро, и народ из окрестных деревень и городков направлялся к воротам, чтобы купить, продать, украсть, получить работу, пойти учиться, посетить родственников, услышать сплетни или попросту от нечего делать поглазеть на какую-нибудь ерунду. Поэтому давка была такая, что попасть в бывшую столицу раньше чем к вечеру я не надеялся.

Гвалт в толпе стоял неописуемый. Сотни людей говорили, орали, кричали и спорили, с пеной у рта доказывая свое право первыми пробиться ко входу. Возле телеги, груженной репой, вспыхнула драка за спорное место в очереди. Стража Ранненга попыталась навести порядок, но только сделала еще хуже — безнадежная попытка успокоить мутузивших друг друга деревенщин к успеху не привела, а все нездоровое внимание толпы оказалось сосредоточено на нерасторопных стражниках.

Назревала серьезная потасовка, и в воздухе ощутимо запахло жгучим гарракским перцем. Немногочисленные солдаты сами были не рады, что вмешались в свару.

— Что за ерунда? — раздраженно бросил тип с унылым лицом, отзывающийся на имечко Горлопан.— Сколько себя помню, у Северных ворот никогда не было такой давки! Все всегда прут через ворота Триумфа.

— И чего мы здесь поперлись? — зло прошипел Халлас, держась рукой за щеку.

Что может быть хуже хмурого, сварливого и злого на весь белый свет гнома? Только хмурый, сварливый, злой на весь белый свет гном, да к тому же еще и с больным зубом. Он начал болеть у Халласа прошлым вечером и, судя по всему, причинял ему массу страданий. Но занудный гном упрямился и не давал выдрать злосчастный зуб, намереваясь сделать это у приличного цирюльника, а не у коно-

валов, к коим зачислил Делера и Кли-кли, предложивших свои услуги врачевателей.

— Да они ближе всех к тракту! — попытался оправдаться Горлопан.

— Ближе они,— хмуро сказал Халлас, теребя косички в своей бороде.— А то, что сейчас кто-то загнется от боли, об этом дурья твоя башка не подумала?!

— Хватит ныть, — пробурчал Делер.— Потерпи немного.

Гном нехорошо посмотрел на широкоплечего карлика с явным намерением дать ему в нос, но вместо этого пробурчал:

— Чего так медленно-то?

Он наблюдал, как стража пропускает в ворота телегу, доверху заставленную деревянными клетками с курами.

— Так каждого же осмотреть надо, пошлину взять, узнать, зачем приехал,— пискнул Кли-кли.

— Небывалое для стражи рвение,— хмыкнул я.— С чего бы это?

— А кто их знает,— пожал плечами маленький зеленый гоблин.

— Может, попробуем через другие ворота, милорд Алистан? — нерешительно спросил Медок, покосившись на командира нашего отряда.

Рыцарь несколько секунд обдумывал предложение и отрицательно покачал головой:

— До них больше часа.

Лицо у Халласа стало бордовым, и я начал опасаться, что его хватит удар.

— Час?! — зарычал он.— Я столько не вытерплю!

И гном решительно направил лошадь к воротам.

— Куда это он? — ошалело спросил Горлопан, но Алистан лишь усмехнулся и направил коня следом. Нам не оставалось ничего другого, как держаться рядом.

Публика вначале с интересом глазела на нас, а затем, сообразив, что мы лезем без очереди, начала угрожающе роптать.

— Побьют! Клянусь Сагрой, побьют,— пробурчал Сурок.

Но гном бесцеремонно пер через возмущающуюся толпу и орал как заправский сапожник, требуя, чтобы ему освободили дорогу.

— Сто-ой, гном! Сто-о-ой! — Перед Халласом возник стражник с алебардой.— Куда прешь?! Не видишь очередь?!

Бородатый открыл было рот, чтобы высказать солдату все, что он думает о нем и его родственниках вплоть до седьмого колена, но Миралисса, каким-то чудом оказавшаяся рядом, оттеснила его в сторону.

— Доброе утро, почтенный! Что произошло? Почему задержка? — улыбнулась пепельноволосая эльфийка.

Стражник сразу же сбавил тон и даже попытался поправить мундир. Как учат нас мамочки с самого раннего детства, с эльфами, будь они хоть темными, хоть светлыми, надо вести себя как можно вежливее. Если, конечно, не хочешь получить кинжалом под ребра в тот момент, когда лесным жителям покажется, что их ненароком оскорбили.

— Какое же оно доброе, миледи?! Видите, что у нас творится? Каждого приходится проверять и перепроверять. А все из-за происков Неназываемого! Говорят, несколько недель назад он напал на дворец короля!

— Так уж и Неназываемый? — недоверчиво хмыкнул Дядька и усмехнулся в густую седую бороду.

— Как есть Неназываемый! А еще пять тысяч его прислужников! Если бы не гвардия и Алистан Маркауз — убили бы Его Величество!

— Так уж пять тысяч? — опять недоверчиво хмыкнул Дядька и почесал плешивую голову.

— Народец говорит, что пять,— немного смутился разговорчивый солдат, похоже только сейчас поняв, что пять тысяч — число довольно большое.

— Ну-ну,— хохотнул Дядька, присутствовавший, как и все мы, во дворце той памятной ночью, когда сторонники Неназываемого решили попробовать на зуб королевскую гвардию.

— А очередь-то у ворот тут при чем?! Нападение ведь было в Авендуме, а ворота-то в Ранненге?! — не выдержал Халлас.

— Король, да просидит он на троне еще сотню лет, отдал приказ об усилении бдительности! Вот мы и стараемся.

— Да если мимо них протопает армия орков, они ее и не заметят,— тихонько прошептал мне на ухо Кли-кли.

Гоблин был прав, потому как весьма сомнительно, что обычный стражник сможет распознать в проходящем мимо него человеке сторонника Неназываемого. Сочувствующие главному врагу Валиостра изменники до поры до времени ничем не отличаются от других мирных жителей.

Толпа за нашими спинами зашумела еще сильнее:

— Что такое?!

От ворот к нам шел хмурый воин с нашивками капрала. К милой беседе сегодня он был явно не расположен.

— Да погоди ты, Мис,— невзирая на звание отмахнулся от капрала говорливый страж.— Видишь, леди эльфийка новостями интересуется!

Капрал споткнулся, разглядев наш пестрый отряд. Зеленый голубоглазый гоблин, три темных эльфа, хмурый рыцарь, девять воинов, один из которых вроде бы гном злобного вида, а другой — вроде

бы карлик в нелепой шляпе-котелке. Плюс худой тип с явно воровской рожей. Не каждый день встретишь в городе такую компанию.

— А-а...— протянул капрал, подбирая слова.— Ну раз так...

— Не будем вас задерживать.— Еще одна улыбка Миралиссы.— Так мы можем проехать?

Улыбка эльфа способна ввести неподготовленного человека в долгий ступор, особенно если он раньше не видел эльфийских клыков, двумя белесыми клинками торчащих из-под нижней губы.

— К-конечно, можете проезжать.— Капрал махнул рукой в сторону ворот, чтобы стражники нас пропустили.— Но помните, оружие в черте города имеет право носить только городская стража и эльфы!

— А дворяне и солдаты? — молчавший все это время Угорь изумленно вскинул бровь.

— Кинжалы и ножи допустимого размера — это единственное исключение.

— Но мы на службе у короля! Мы не наемный отряд!

— Простите, закон один для всех,— безжалостно отрезал капрал.

Слышал я об этом законе. Он появился лет триста тому назад. Потасовки в Ранненге в то время вспыхивали со скоростью лесных пожаров. Времечко было неспокойное, три дворянских дома грызлись за власть, и когда в бучу, оторвавшись от важных государственных дел, все же вмешался король, трупов на улице было поболе, чем на поле Сорна после битвы гномов и карликов.

Половина графов, баронов, маркизов и прочей мелочи, в жилах которой текла дворянская кровь, полегло на улицах города. Но другая половина — вот жалость — осталась, и до сегодняшнего времени Кабаны, Обуры, Соловьи и их сторонники точили зуб друг на друга.

Так что те, кто теперь таскает с собой по городу железки с руку величиной или, не дай Сагот, арбалет, рискуют нарваться на очень большой штраф и пару деньков отдыха в неуютной тюремной камере. Последнее обстоятельство являлось великолепным отрезвляющим средством для господ дворян. Побывав в местах сырых и унылых до невозможности, милорды на какое-то время становились тихими и кроткими, как ягнята.

— Но как же так...— начал было протестовать Фонарщик, который сразу всей душой воспротивился такому закону.

Мумр нигде не расставался со своим огромным биденхандером, а тут выходило, что в Ранненге Мастеру длинного меча придется запрятать страшную железку куда подальше и обходиться коротким ножичком.

— А я ведь даже не спрашиваю вас, по какому делу вы приехали в наш город и какому дому будете здесь служить.— Стражник многозначительно посмотрел на нас.

— Мы не собираемся поступать на службу к дворянским домам,— отрезал милорд Алистан.

— Мне все равно, милорд рыцарь.— Капрал примиряюще поднял обе руки.— Не служите так не служите. Ваше право. Вот только первая мысль, которая приходит в голову, когда видишь вооруженный отряд в городе, что кто-то из домов нанял себе на службу еще нескольких рубак.

— В Ранненге опять неспокойно? — спросила Миралисса, перекидывая толстую пепельную косу через плечо.

— Есть немного,— кивнул солдат.— Соловьи с Кабанами недавно устроили потасовку в Верхнем городе. Двух баронов распороли от шеи до пупка. М-м-м... Прошу прощения, если смутил, леди эльфийка.

— Ничего страшного и спасибо за ответы, любезный. Так мы можем проехать?

— Да, миледи. Вот вам бумага, она поможет избежать вопросов патрулей.— Капрал достал из деревянного футляра, висевшего у него на бедре, свернутую грамоту и протянул эльфийке.— Здесь говорится, что вы только что прибыли в наш славный город. Добро пожаловать!

— Вот вам. За службу.— Эграсса, свесившись с лошади, сунул капралу в ладонь монету.

— Благодарс-с...— Стражник не договорил. Он увидел, какую монету вручил ему эльф, и застыл, как статуя в королевском парке.

Не каждый день капралу выпадает подержать в руке полновесный золотой. Чую, что сегодня в караулке будет праздник, и ни один стражник к полуночи не сможет устоять на ногах.

Оставив позади себя изумленную и несказанно обрадованную щедростью темного эльфа стражу, отряд наконец-то проехал ворота.

Из переулка, начинающегося у городских ворот, мы свернули на широкую улицу, ведущую в самое сердце города. Трактир, в который вела нас Миралисса, находился на одном из холмов и, пока мы до него добирались, я вовсю крутил головою, изучая окрестности.

На улочке, начинающейся у памятника защитникам Ранненга, погибшим в Войну Весны, нас остановила стража, но, увидев бумагу, выданную капралом, разочарованно отстала.

— Ладно,— неожиданно крякнул Горлопан.— Мне родственников надо проведать, встретимся в трактире!

— А у нее подружки, случаем, нет? — хитро ухмыльнулся Арнх.

Горлопан бросил удивленный взгляд на высокого лысого воина и переспросил:

— У кого нет подружки?

— Кто о чем,— обреченно вздохнул Сурок.— Вы бы лучше не о бабах думали, а о том, что нам делать дальше!

— Мышку корми! — в один голос ответили на реплику Сурка Горлопан и Арнх.

— Да кормлю, кормлю,— вяло отбился от обоих Сурок и пересадил линга с одного плеча на другое.— Только Дядьке скажи, чтобы он потом тебе шею не намылил.

— Уже давно сказал. Свидимся!

— Подружке привет! — крикнул Арнх, но Горлопан уже смешался с толпой, оставив свою лошадь на попечение недовольного таким неожиданным подарком Фонарщика.

Народу вокруг было, как гхолов на заброшенном кладбище.

— Праздник у них, что ли, какой-то? — пробурчал Фонарщик, обозревая толпу не самым дружелюбным взглядом.

— А то! — ответил всезнайка Кли-кли.— Неделя экзаменов в Университете. Весь город гуляет.

— Угораздило же нас,— тоскливо сказал я.— Терпеть не могу толпу!

— Я думал, что ты вор,— протянул гоблин.

— Ну вор,— отозвался я, немного не понимая, куда клонит королевский шут.

— Я думал, воры любят толпу.

— Это еще почему я должен любить давку?

— Я думал, что в давке кошельки воровать сподручнее,— пожал плечами Кли-кли.

— Не мой уровень! — фыркнул я.— Я кошельками, дражайший дурак, не промышляю.

— Угу, ты промышляешь Заказами,— хихикнул мерзкий гаденыш.— Ты знаешь, Гаррет-баррет, по мне уж лучше таскать кошельки с медяками из карманов простофиль, чем получить твой теперешний Заказ.

— Иди Халласа доставай,— зарычал я на гоблина.

Кли-кли ткнул меня в больное место. Ладно, поздно плакать. Я принял Заказ — видно, в то время немного тронулся умом со страху, и теперь обратного пути у меня нет.

— Гаррет! — оторвал меня от раздумий Фонарщик.— Что это ты загрустил?

— А это его обычное состояние духа,— бесцеремонно влез в разговор королевский шут.— Наш Танцующий в тенях в последнее время слишком мрачен и угрюм.

— Зато кто-то другой у нас слишком весел и счастлив,— буркнул я.— Как бы ты не накаркал чего не надо.

— Каркает у нас Горлопан,— не согласился со мной Кли-кли.— Я же говорю только то, что есть на самом деле.

— А еще цитируешь предсказания объевшихся мухоморами шаманов гоблинов,— подколол я шута.— Все их пророчества про Танцующего в тенях не стоят тухлого яйца воробья!

— Поздно отбрыкиваться! Ты сам принял имя «Танцующий в тенях», прямо как в пророчестве! Книга Брук-грук ни разу не врала! — запальчиво начал Кли-кли, но, поняв, что я всего лишь дразню его, обиженно умолк.

Слабое место Кли-кли — обожаемая им Книга Пророчеств гоблинов, которую он знает от корки до корки. Теперь, видите ли, я не вор Гаррет, а ходячее пророчество, которому суждено спасти королевство и весь мир. Ага. Как же! Будь моя воля, я бы его не спасал, а грабил.

— Ты лучше скажи, Кли-кли,— встрял в разговор Арнх,— есть в твоей книжонке, написанной шаманом Трю-трю...

— Тре-тре, а не Трю-трю, неуч! — возмущенно перебил лысого воина гоблин.

— Написанной шаманом Тре-тре,— как ни в чем не бывало продолжил Арнх, но гоблин его снова перебил:

— Великим шаманом Тре-тре!

— Хорошо. Написанной великим шаманом Тре-тре. Так есть там хоть что-нибудь, кроме твоих обожаемых пророчеств?

— Например? — Кажется, уроженцу Пограничного королевства удалось сбить гоблина с толку.

— Ну, например, как лечить больные зубы гномов?

Халлас, вновь поравнявшийся с нашей группкой, услышав разговор, навострил уши, хотя постарался сделать вид, что ему это совсем неинтересно.

Кли-кли это заметил и улыбнулся улыбочкой «сейчас что-то будет» — явное предзнаменование, что он собирается учинить какую-нибудь пакость.

Шут выдержал такую театральную паузу, что Халлас от нетерпения стал ерзать в седле, а затем, когда гном уже был готов вскипеть от злости, гоблин изрек:

— Есть.

— И что же это такое? — спросил я, отчаянно дергая уздечку и пытаясь направить Пчелку так, чтобы она больше не шла между Кли-кли и Халласом.

Гоблин как пить дать затевал какую-то гадость, и я не собирался находиться на пути полета тяжелых предметов, когда бородатый решит пустить кровь королевскому дураку.

— О! — загадочным голосом изрек Кли-кли, довольно ухмыляясь.— Это очень действенная штука. Ее в принципе можно было использовать в самом начале болезни Халласа, и зуб сразу бы прошел! Клянусь шляпой великого шамана Тре-тре, если это не так, Гаррет!

— Так чего же ты молчишь, душегуб?!! — Гном взревел так, что переполошил половину улицы.

Дядька обернулся и грозно показал нам кулак, затем ткнул пальцем в сторону Алистана и провел ребром ладони себе по горлу.

— Заканчивай балаган, Кли-кли,— беззлобно сказал Сурок гоблину.— Люди смотрят.

— Все, больше ни словечка,— клятвенно пообещал тот, жестами показывая, будто закрывает рот на замок.

— Как ни словечка? — возмутился гном.— Делер, скажи этому зеленому, что, если он не даст мне лекарство, я за себя не ручаюсь!

— Он правду говорит, Кли-кли,— хмыкнул карлик.— Гномы — это такое шелудивое племя, они маму родную из-за ерунды прибьют, не то что какого-то королевского шута.

— Я не какой-то! Я единственный королевский шут! — с нескрываемой гордостью произнес гоблин, как будто эта должность могла спасти его от рук скорого на расправу гнома.

— Это гномы — шелудивое племя? — Халлас враз забыл о гоблине и переключил все свое внимание на Делера.— Да вы, карлики, только и делаете, что жируете в горах, которые по праву принадлежат нам!

— Заканчивай балаган, Делер,— опять повторил Сурок.

— А я что? — Делер пожал плечами.— Я ничего. Я вообще молчу! Это Халлас чего-то взъелся!

— Вот и замолчи! Я сейчас не с тобой разговариваю, морда в шляпе! — отрезал гном.— Ну, Кли-кли, какое средство?

Кли-кли перевел голубые глазищи на гнома и с крайне сомневающимся видом произнес:

— Не уверен, что гоблинский способ лечения зубов тебе понравится, Халлас.

— Ты можешь просто сказать, Кли-кли?! Без всякого там «не уверен»?

— Ты все равно им не воспользуешься,— продолжал ломаться Кли-кли.— А мне зря придется раскрыть страшную гоблинскую тайну.

— Я обещаю, что воспользуюсь твоим способом прямо сейчас! — Гном из последних сил сдерживался, чтобы не открутить собеседнику голову.

По зеленой физиономии Кли-кли от уха до уха растянулась улыбка, и он сразу же стал походить на жутко довольную лягушку.

Я еще отчаяннее заработал уздечкой, придерживая Пчелку, пока не очутился рядом с Фонарщиком, оставив гоблина и гнома впереди себя. Мой гениальный маневр не остался незамеченным, и Сурок, Делер и Арнх в точности его повторили. Халлас и Кли-кли остались наедине, потому как желающих очутиться между молотом и наковальней среди нас не оказалось.

— Учти, ты обещал воспользоваться способом гоблинов! — напомнил пакостник больному.— Так вот, чтобы вылечить больной зуб, надо взять стакан ослиной мочи и часок подержать ее во рту, а затем выплюнуть через левое плечо, желательно в правый глаз лучшему другу. Зубную боль как рукой снимет!

Ожидаемого взрыва не последовало. Халлас лишь зло посмотрел на гоблина, смачно харкнул под копыта его коня и послал лошадь вперед. По-моему, Кли-кли немного расстроился. Он, как и все, ожидал грома и молний.

— Скажи мне, друг Кли-кли,— спросил я у приунывшего гоблина,— а сам-то ты этот способ пробовал?

Шут посмотрел на меня как на умалишенного:

— Я похож на идиота, вор?

Я так и знал, что услышу от него что-то в этом роде.

— Трепещи, Гаррет,— сказал Медок.

— Трепещу,— ответил я, не спуская глаз с фонтана Королей.

А на него стоило посмотреть! Раньше я много слышал об этом фонтане, но увидеть чудо своими глазами довелось впервые.

Огромный водяной столб пятидесяти ярдов в высоту считался одной из достопримечательностей Ранненга. Фонтан занимал целую площадь, и его ревущие струи устремлялись высоко в небо, а затем падали вниз, разбиваясь водяной дымкой и тонкой пеленой окутывая всю площадь. Водяная пыль и солнечные лучи, сливаясь в жарких объятиях, создавали радугу, гибким мостом рассекающую небо над площадью на две половинки, а затем ныряющую в фонтан.

Как говорили знающие люди, при создании мастерами-карликами этого чуда не обошлось без помощи Ордена. Только магия способна создать радугу, каждый день, в любую погоду появляющуюся из брызг. Казалось, протяни руку, дотронься до семицветного чуда — и ощутишь всю хрупкость и воздушность небесного моста.

— Благодать,— довольно вздохнул Арнх, лицом ловя свежесть воды.

— Угу,— ответил я.

Конец июня и половина июля выдались настолько жаркими, что даже выдержанный воин пару раз за время нашего путешествия снимал с себя любимую кольчугу. А для жителя Пограничного ко-

ролевства, привыкшего носить броню чуть ли не с рождения, снять кольчугу — очень серьезная жертва.

К счастью, в последние несколько дней небывалая удушающая жара несколько спала, но все равно было достаточно оснований, чтобы опасаться за вскипание мозгов в черепушке. Поэтому возле фонтана, где властвовала прохлада, а воздух был свеж и чист, отряд испытывал наслаждение.

— Не задерживаемся! — Алистан даже не взглянул на достопримечательность.

Вот и весь отдых. Как подумаю, что после Ранненга нас вновь ждет путешествие под летним солнцем, так мне сразу становится очень нехорошо. Х'сан'кор знает что творится с погодой в этом году...

— Да что с тобой сегодня такое? — раздался у меня над ухом возмущенный голос Кли-кли.— Я тут, понимаешь, распинаюсь перед тобой, как жаворонок перед петухом, а ты и ухом не ведешь!

— А ты что-то интересное балаболил? — спросил я.

— Балаболил! — фыркнул шут.— Я не балаболил, а описывал красоты этого славного города.

— Красот поблизости не замечаю,— буркнул я, осмотрев улицу, по которой мы сейчас ехали.

Улица как улица. Старенькие двухэтажные дома с обшарпанными стенами, правда, надо отдать должное жителям, не все здания казались такими уж дряхлыми. Но красоты я все равно упорно не замечал. Не знай я, что нахожусь в Ранненге, предположил бы, что это Внешний город Авендума.

— Погоди, сейчас до парка доедем, там такие деревья, прямо как в Заграбском лесу!

— Ты тут бывал, Кли-кли? — спросил Фонарщик, подъехав к нам на своей чалой лошаденке по прозвищу Упрямица.

Лошадь Горлопана трусила за Упрямицей и недовольно пряла ушами, протестуя, что ее так бесцеремонно тащат за собой.

— Да, был я тут разок,— сказал Кли-кли, мечтательно причмокивая губами.— Выполнял задание короля.

Халлас от неожиданности поперхнулся и, позабыв о зубной боли, уставился на Кли-кли:

— Только не рассказывай мне сказок, гоблин! Я в жизни не поверю, что король мог доверить тебе важное дело!

— Бе! — Кли-кли показал гному язык.

— И все же расскажи свою байку, скучно ведь! Когда мы еще до трактира доедем,— попросил Сурок.

— Да тут ехать всего ничего! Сейчас через парк попадем в Верхний город, это где Университет, магическая школа и прочая и прочая. В общем, районч ик еще тот. Ехать совсем чуть-чуть осталось.

Гоблин попросту ломался и ждал, чтобы его еще немного попросили.

— Давай уж, не томи,— сказал Фонарщик.

— Угу, сейчас только придумаю, с чего начать,— милостиво согласился Кли-кли и нахохлился, делая вид, что мучительно соображает.

— Гаррет, подержи Непобедимого, я куртку сниму,— попросил меня Сурок.

— Давай,— согласился я, и Сурок перекинул линга мне на плечо.

Ручная лохматая крыса Сурка по кличке Непобедимый принюхалась, хрюкнула и, посопев, затихла на моем плече. Удивительно, но кроме Сурка линг из всего отряда не кусал только меня и даже позволял себя гладить, когда находился в благодушном состоянии духа.

Не знаю, отчего у лохматого грызуна Безлюдных земель вспыхнула ко мне такая любовь. По крайней мере, видя, как крыса воет и пытается укусить Кли-кли за палец, когда он протягивает к ней руки, я весело ухмыляюсь, чем очень раздражаю гоблина. Вот и сейчас он не смог смолчать:

— Ты поаккуратней с этим зверем, Гаррет. Он враз тебе ухо оттяпает!

— Ты историю обещал, Кли-кли,— напомнил я гоблину.

— А, ну да! В общем, год назад Обуры и Кабаны решили заключить союз и устроить Соловьям кровавую ночку. В Ранненге должна была начаться буча, а Сталкону это невыгодно. Начнут с Соловьев, а закончат Его Величеством. Поэтому меня сюда и прислали.

— И наш воистину бесстрашный друг всех победил! — хохотнул Делер.

— У вас, карликов, фантазии на медный грош! — фыркнул Кли-кли.— Меня сюда прислали сделать так, чтобы Кабаны рассорились с Обурами, а Обуры — с Кабанами. И чтобы эти дворянские шайки больше никогда и не подумывали о союзе... Что я и сделал! — Последние слова гоблин произнес не без гордости.

— И как же ты это провернул? — хмыкнул я, возвращая линга Сурку.

— А точно так же, как ты в истории с Конем Теней. По плану «Натрави всех на всех»!

— Натрави всех на всех? Это он о чем, Гаррет? — не понял Фонарщик.

— Не бери в голову, Мумр,— отмахнулся я, не желая сейчас распространяться насчет того дела.— И насколько твоя задумка понравилась Обурам и Кабанам, Кли-кли?

— Ты знаешь, в чем странность, Гаррет? Моя задумка им абсолютно не понравилась! — весело хихикнул шут.— Особенно Обурам. Господа дворяне так расстроились, узнав, что один из графов Кабанов отдает свою дочурку за Соловья, и Обуры недолго думая устроили Кабанам горячую помолвку! Те в долгу не остались и прирезали парочку Обуров. Такой кавардак в городе начался, что ни о каком союзе и речи больше быть не могло! Дворяне юга снова потихоньку грызутся, вспоминая давние обиды, а мой король не беспокоится за целостность трона. Бунт и гражданская война откладываются на неопределенный срок, а все королевство идет благодарить шута за мир и спокойствие в Валиостре!

— А наш шут парень хоть куда! — хмыкнул, звеня кольчугой, Арнх.

Нашему королю дворяне юга были словно рыбья кость в горле. Проглотить больно, а выплюнуть нельзя — может стать еще хуже. Потому как если милордов дворян оставить без присмотра, то они того и гляди снюхаются с западными провинциями, и тогда пропал трон. Как только спорам и интригам придет конец, дворянам, а тем более дворянам, объединившимся в союз, делать станет абсолютно нечего, и они начнут искать, куда бы направить лишнюю силушку.

Во времена отца нынешнего короля уже был неприятный случай, когда западные дворяне решили свергнуть династию. Не нравилось им, видите ли, что король не хочет отдать Спорные земли Мирануэху. К счастью, тогда у мятежников ничего не получилось. Королевские гвардейцы устроили бунтовщикам сюрприз, появившись в самый неожиданный для них момент. Дворяне юга не поддержали мятеж западных соседей. Кабаны, Соловьи и Обуры были слишком заняты друг другом, чтобы обращать внимание на призывы поучаствовать в заговоре. У ранненгских ребят своих заговоров не перечесть, так зачем же связываться с королем?

Мы миновали парк, заросший исполинами-дубами. Мне даже не верилось, что такие деревья могут расти в городской черте, а не в лесу. В Авендуме даже на территории королевского дворца больших деревьев не было, не говоря уж о других районах города. С теми холодами, что приходят к нам вместе с ветрами из-за Холодного моря и Безлюдных земель, все деревья зимой в один миг отправятся на дрова. Народец из Портового города и Пригорода быстро бы оставил от них одни пеньки.

Дорога стала взбираться на холм, и, выехав из парка, мы очутились в районе Ранненга, который напрямую примыкал к Универси-

тету и школе Ордена. Тут дома были поновее и покрасивее, чем те, мимо которых мы проезжали раньше. Но народу на улице было все равно тьма-тьмущая. Больше, чем блох на немытой собаке, это уж точно.

Прежде чем мы достигли трактира, облюбованного Миралиссой еще во время ее прошлых путешествий по Валиостру, гном пару раз успел поругаться с пешеходами, крутившимися возле лошадей, и один раз привлечь к отряду ненужное внимание очередного отряда стражи, за что Дядька получил нагоняй от Маркауза. Отдуваться за всех десятник Диких Сердец не захотел и устроил разнос гному.

Халлас надулся, встопорщил бороду и замолчал, лишь его черные глазки злобно сверкали из-под насупленных бровей.

Отгороженный от улицы забором трехэтажный трактир был очень большим и солидным заведением.

— Чтоб я лопнул! — присвистнул Делер, оглядывая наше временное место жительства.— Раз тут такой домище, то и кухня должна быть огромной! А огромная кухня — это верный признак хорошей еды! Как думаешь, Халлас?

Гном бросил тоскливый взгляд на напарника — и вновь смолчал.

— Твоя правда, Делер,— прогудел гигант Медок.— Хватит нам есть Дядькину и Халласову снедь. Эх, сейчас бы молочного поросеночка с хреном!

— Будет, господин хороший! Всенепременно будет вам молочный поросеночек! И даже два! Думаю, такой богатырь, как вы, одним не насытится! — ответил воину невесть откуда взявшийся пузатый краснолицый человек.— Доброго дня, леди Миралисса! Счастлив вас снова лицезреть в моем наискромнейшем заведении!

— И я рада видеть тебя живым и здоровым, мастер Пито,— вежливо улыбнулась эльфийка.— Как идут дела в трактире?

Халлас весьма громко застонал, намекая, что любезности и вопросы нужно отложить до того срока, как он разберется с больным зубом. Мастер Пито недоуменно покосился на хмурого гнома, но намека, увы, не понял:

— Да живем потихоньку, кое-как сводим концы с концами.

— Ну не прибедняйся! — улыбнулся Элл и спрыгнул с лошади.— Ты за полгода, пока мы отсутствовали, даже потолстел!

— Куда там,— протестующе отмахнулся от слов телохранителя Миралиссы трактирщик.— Это все от бед! О! Треш Миралисса привела в мое заведение новых спутников? А где же те, что были у меня в прошлом году? Я вижу только господ Эграссу и Элла.

— Их больше нет,— неохотно произнесла Миралисса.

Я не знаю этой части истории, но из тех отрывочных фраз, что роняла темная эльфийка в разговоре со мной, понял, что все ее спут-

ники, кроме Эграссы и Элла, выехавшие с ней из лесов Заграбы, остались в снегах Игл Стужи. Живыми из Безлюдных земель выбрались только трое эльфов да десяток Дядьки, с которыми Миралисса и прибыла в Авендум.

— Беда-то какая! — заломил руки трактирщик.— Как же это?!

— Лучше покажите нам наши комнаты, мастер Пито,— сказал Эграсса.

— О! — Трактирщик понял, что затронул больную тему.— Покорнейше прошу простить мое любопытство! Следуйте за мной, господа хорошие! Одного вашего спутника я уже поселил. И пива налил!

— Кого это вы поселили, любезный мастер? — подозрительно сощурился Маркауз, и его рука упала на меч.

— Я что-то не так сделал? — испуганно зачастил трактирщик, остановившись как вкопанный.— Он пришел, сказал, что с вами и...

— Кто пришел? — перебил граф Алистан.

— Да я пришел, милорд Маркауз, я! — Горлопан вышел с кружкой пива из двери трактира.

— Ого! — Арнх втянул в себя воздух.— Ну ты прямо как молния! Я тебя к вечеру ожидал, а ты так быстро обернулся!

— Как подружка? — Фонарщик прошел мимо Горлопана и, не услышав его ответа, скрылся в трактире.

— Да не к подружке я ездил! — вяло попытался отбиться Горлопан.

— Угу! Ты ездил по грибы! — Сурок последовал за Мумром.

— Проходите, господа, проходите! — Пито вновь обрел почву под ногами.— Все комнаты уже приготовлены!

Кли-кли обвел отряд взором голубых глаз и изрек:

— Никто не возражает, что я размещусь в комнате Гаррета и Фонарщика?

Возражающих конечно же не нашлось. Уже все в отряде знают народную мудрость: чем дальше спишь от гоблина, тем крепче твой сон. Когда по соседству нет Кли-кли, то не надо ожидать ведра холодной воды в самый неподходящий момент.

— Ты идешь? — Кли-кли остановился у входа в трактир и взглянул на меня.

— Угу,— бросил я и переступил порог заведения.

Размерами зал трактира не уступал маленькой площади. Люстры со свечами под потолком, ажурные, но крепкие стулья, длинные скамьи и кряжистые столы. На одной из стен висела огромная фигура совы, вырезанная из цельного ствола дерева. Лестница, ведущая на второй этаж, стойка, крепкая дубовая дверь на кухню.

— Много у вас постояльцев, мастер Пито? — спросил граф Маркауз, снимая кожаные перчатки и бросая их на ближайший стол.

— Никого, кроме вас,— не моргнув глазом сказал трактирщик.

— Вот как? — изумленно вскинул бровь капитан королевской гвардии.— Дела действительно идут так плохо?

— Не волнуйтесь, милорд! — Трактирщик хитро улыбнулся.— Треш Миралисса оплатила содержание трактира на два года вперед.

— Мы решили сделать из «Ученой совы» то, что вы, люди, называете штабом,— поясняя слова Пито, сказал Эграсса.— Кузина заплатила мастеру Пито, чтобы он пока никого здесь не селил, а без других постояльцев мы можем чувствовать себя более комфортно.

— Мастер Пито,— Мумр оперся на свой огромный биденхандер,— нам бы пивка.

— Всенепременно! — засуетился трактирщик.— Только железяку, которую вы, господин хороший, в пол воткнули, вытащите, а то вы мне все заведение попортите.

— А к пиву баньку,— поддакнул Дядька.

— И поросенка,— вставил Медок.

— Все будет буквально через пять минут! — Трактирщик бросился раздавать поручения прислуге.

Я прошел к дальнему столу, блаженно откинулся на спинку стула и, поколебавшись, достал из дорожной сумки планы Храд Спайна. Я до сих пор не смог нормально изучить карты глубоких подземных лабиринтов могильников. Сейчас у меня выпала минутка наконец-то заняться изучением свитков, которые с таким трудом попали в мои руки.

— Гаррет, хватит изучать бумажки! Успеешь еще! Ты с нами идешь?

— Куда? — Я поднял взгляд на Кли-кли.

— Халласа к цирюльнику провожать.

— Мы же его не в последний путь отправляем. Я-то на кой вам понадобился?

Кли-кли приблизился ко мне и, заговорщицки оглядевшись по сторонам, прошептал:

— Делер говорит, что гном до ужаса боится! Если что, его нужно будет подержать.

— Так возьмите Медка,— отмахнулся я от шута.— Он здоровый, пятерых гномов за раз удержит. А мне мои зубы слишком дороги, чтобы я давал Халласу стучать по ним кулаками.

— Медок теперь зад не поднимет со скамьи,— разочарованно произнес гоблин.— Арнх, Фонарщик и Сурок сваливают погулять по городу, эльфов и Алистана не допросишься — они сейчас заняты

поисками припасов на следующую часть дороги. Горлопан и Дядька теперь пиво будут дуть, пока не лопнут. Кого мне звать, как не тебя?

— Угря.— Я кивнул в сторону смуглого гарракца.

— Он и так идет с нами.

— А его, значит, тебе не хватит?

После долгой дороги я не горел желанием куда-то идти.

— Ну, Гаррет, хватит ломаться! Делер очень просил!

Я зарычал на гоблина, но собрал со стола бумаги, завернул их в дрокр и убрал в сумку.

— Пошли же! — зашипел Халлас, когда я и Кли-кли подошли к нему.

— Гаррет,— промурлыкала Миралисса,— не забудь оставить арбалет в трактире.

Вот Х'сан'кор! А я и вправду забыл о своем малыше!

Расставаться с дорогой, а главное нужной вещью не хотелось. Без арбалета за спиной я чувствовал себя голым и беззащитным.

— И клинок оставь,— произнес Элл, наблюдая, как я отдаю оружие Дядьке.

— Да, Гаррет, о ноже тебе тоже придется забыть,— поддержал Элла Дядька.

— Мы тебе чего-нибудь менее заметное выдадим! Вилку, например! — хихикнул Кли-кли.

— Это почему я должен оставить клинок? — Я посмотрел на желтоглазого к'лиссанга Миралиссы, пропустив укол Кли-кли мимо ушей.

— Стража в него вцепится не хуже чем имперская собака в кусок мяса. Он больше допустимого размера.

Скрепя сердце, пришлось оставить оружие на попечение Дядьки.

— Медок,— обратился Сурок к помощнику Дядьки,— кинь-ка мне мой мешок, негоже Гаррету без железа по городу шастать.

Сурок поймал брошенный ему мешок, порылся в нем, выудил сухарь, сунул его в лапки запищавшего от восторга Непобедимого, вновь обратился к мешку и извлек оттуда кинжал в простеньких потертых ножнах.

— Держи.

Я взял оружие и наполовину вытащил клинок из ножен.

— Рубиновая кровь?

— Угу, канийская ковка. Хорошая сталь.

— Ух ты! Прямо как меч у Алистана! — восхищенно присвистнул шут, посмотрев на клинок, отливающий красноватым цветом.

— Спасибо, Сурок!' — Я с сожалением вернул оружие воину.— Сталь действительно великолепная, но излишне шумная. Попроще ничего нет?

— Да у нас железа сколько угодно! Возьми мой.— Фонарщик протянул мне кинжал.

— Сойдет,— благодарно кивнул я, пристегивая оружие к поясу.

Если что, в потайном кармане у меня есть бритва плюс в сумке целый арсенал магических фокусов, купленных мной в волшебной лавке накануне отъезда из Авендума.

— Кли-кли! — Алистан подошел к шуту.— А у тебя ничего лишнего с собой нет?

Шут надулся, будто его обвинили в королевской измене, и откинул в стороны полы своего темного плаща, показывая широкий пояс, на котором висело четыре тяжелых метательных ножа. Два справа и два слева. Не припомню, чтобы за время поездки он хоть раз вынимал оружие из ножен.

— Это точно? Ты ничего такого не припрятал?

— Я пуст, как бутылка вина в руках пьяницы, милорд,— искренне ответил Кли-кли.

— Ладно.— Кажется, Алистан поверил словам гоблина.— Учти, если будешь слишком остер на язык со стражей, тебя могут ждать неприятности!

— Учту,— сказал шут, всем своим видом показывая, что и без наставлений Алистана знает об отсутствии чувства юмора у солдат.

Гоблин принялся копаться в своих многочисленных карманах и выудил спутанный клубок веревочек и узелочков. Помнится, он поспорил с нами, что сотворит с помощью этой штуки страшную гоблинскую магию. Пока у него ничего, кроме безумной паутины из веревок и узелков, не получалось. Кли-кли перехватил мой взгляд и весело подмигнул:

— Если что, то о-го-го!

— Предупреди, когда будешь испытывать свое о-го-го,— попросил я его.— Я уеду в соседнее королевство.

Шут бросил на меня взгляд, ясно говоривший, что он во мне разочаровался на веки вечные, и убрал клубок веревок обратно в карман.

— Ты еще очень удивишься, Гаррет, когда я грохну свое шаманство.

— Сурок! — Немногословный Угорь протянул воину ножны с «братом» и «сестрой».— Побереги их.

— Конечно, дружище, конечно,— произнес Сурок, принимая клинки из рук гарракца.

— Пошли, Гаррет, иначе от зубной боли я помру прямо тут на полу! — буркнул гном, выходя из трактира.

Глава 2
ГНОМИЙ ЗУБ

— А куда мы идем? — Шут вприпрыжку бежал рядом со мной.

Коротенькие ножки гоблина были не приспособлены для темпа, который задал нашей компании Халлас.

— К цирюльнику. Сам будто не знаешь!

— Я понимаю, что не к сапожнику, Гаррет! Я спрашиваю куда? Цирюльников за этот час мы повидали много!

— Тогда ты с этим вопросом обратился не по адресу, это тебе к Халласу надо.

— Спасибо, но я хочу дожить до старости! Он сегодня не в духе, и вопросы я ему задавать не намерен.

— Раз не хочешь у него спрашивать, помолчи, ладно?

— У! — обиженно протянул гоблин и бросился теребить вопросами Делера, но тот ответил ему почти то же самое, что и я.

— Знаешь, Гаррет,— Угорь впервые заговорил с тех пор, как мы вышли из трактира,— мне начинает надоедать эта прогулка.

— И не только тебе одному,— вздохнул я.

Мы уже битый час бродили по Ранненгу в поисках нужного лекаря. Как гном хотел из всех выбрать именно нужного, оставалось для нас загадкой. Но те цирюльники, у которых мы уже успели побывать, под ярлык нужных никак не подходили.

Жесткие требования Халласа к человеку, который соберется драть ему зуб, оставляли разочарованных лекарей с пустыми карманами, а гнома с больным зубом. Причин в отказе тому или иному зубодральщику у Халласа набралось с целую гору.

У одного лавка была слишком грязной, у другого цены слишком высокими, у третьего глаза голубые, четвертый оказался слишком старым, пятый слишком молодым. Шестой был сонным, седьмой странным, восьмой заикался, у девятого рожа по кулаку плакала. Капризам гнома было просто невозможно угодить!

Как только Халлас подходил к лавке очередного цирюльника, его шаги самым волшебным образом замедлялись, он начинал плестись, как пьяная улитка, и мелко дрожать. Даже слепому дораліссцу было понятно, что гном попросту ужасно боится.

— На нас уже смотрят,— буркнул гарракец.

— На нас смотрят с того момента, как мы вышли из трактира,— буркнул я в ответ.— Тут уже ничего не поделаешь!

Компанией мы были любопытной, и поэтому на нас глазели без зазрения совести. Перво-наперво конечно же все смотрели на гоблина, представителей его расы не так часто можно встретить в городах королевства. Но, конечно, как только люди замечали гнома и карли-

ка, про Кли-кли забывали напрочь. Если гоблинов еще иногда можно увидеть на белом свете, то гномов и карликов, мирно идущих рядом друг с другом,— никогда.

— Гаррет, ты глянь! — Кли-кли дернул меня за рукав.

— Куда? — Ничего интересного я не видел.

— Да вот прямо сюда! — Кли-кли ткнул пальцем в сторону лавки, торгующей овощами.— Погоди, я мигом!

Не успел я и рта открыть, как гоблин уже унесся за покупками.

— Чего это он? — недоумевающе спросил меня Делер.

— У каждого свои слабости,— ответил я.— Кто-то не хочет драть зубы, а кто-то обожает морковку.

Халлас пропустил намек про зубы мимо ушей и картинно застонал.

— Не стони! — безжалостно прикрикнул на гнома Делер.— Сам виноват. Трус несчастный.

— Это кто трус? — тут же вскинулся Халлас.— Гномы ничего не боятся! Это ваше безбородое племя боится! Заперлись в наших горах и дрожите как осиновый лист на осеннем ветру!

— Тогда чего ты зуб не дерешь?!

— Говорю же, глупая твоя черепушка! Это плохие цирюльники!

— Ладно, а чего ты опять со своим мешком потащился? — не отстал от Халласа Делер.— Ты можешь его хотя бы на минуту оставить?! У тебя там что, гномья книга заклинаний?!

— Ну что ты как флини расстрекотался?! — взорвался Халлас.— Мой мешок! Что хочу, то и ношу!

С этим мешком гном был попросту неразлучен. Куда бы ни направлялся Халлас, он всегда таскал его с собой. Что там лежит, не смог узнать даже проныра Кли-кли. Делер просто умирал от любопытства и терялся в догадках. Уж не знаю, какие в мешке хранились сокровища, но гном, раздобывший его у родичей, несущих вахту в форте Авендума, крутился вокруг собственности, как курица вокруг первого в своей жизни яйца.

— А вот и я,— весело хрустя морковкой, к нам подошел Кли-кли.— Ну что, зуб будем драть или станем ждать, когда он сам отвалится?

— И этот туда же! — буркнул гном.— Дался вам мой зуб! Что хочу, то с ним и делаю!

— Тут недалеко Большой Рынок! Там точно должен быть цирюльник! — предложил Кли-кли.

Большой Рынок действительно оказался большим. Нет, не так! Он был просто огромным! Как по размеру, так и по количеству то-

варов. А людей, шастающих между торговыми рядами, было вовсе не сосчитать.

— Купите лошадь! Настоящая доралисская порода! Посмотрите, какая у нее грация!

— Яблоки, яблоки!

— Лучшая сталь севера! Лучшие клинки юга!

— Заходите!

— Купите обезьянку, господин!

— Это я дура? Да ты на свой товар посмотри, стерва! Разве это репа? Это одно название!

— Вор! Держите вора!

— Лови его!

— Султанатские ковры высочайшего качества! Не боятся моли!

— Эй! Поаккуратнее! Это фарфор низинских мастеров, а не глиняный горшок твоей бабушки!

— Да хватит мне на ноги наступать! Щас как врежу!

— Испугал! Сейчас сам врежу!

— Семечки!

— Милорд, у нас в заведении лучшие девочки в этой части Валиостра! Пройдемте! За серебряный сразу три штуки! А за два они вам такое сделают!

— Ма-а-а-ам! Хочу крендель! Ну ку-п-и-и-и-и! А-а-а-а-а!

— Не толкайся!

— Вожжи, уздечки, седла! Вожжи, уздечки, седла!

— Щенки имперской собаки! Уже кусаются!

— Имперской? Да ладно врать! Это же крысята, а не собаки!

— Пира-ажки!

Гвалт тут был почище, чем у ворот во время нашего въезда в Ранненг. Угорь что-то пытался мне сказать, но вопль толстой бабки, сунувшей мне под нос одуряюще воняющую рыбу никак не меньше чем месячной свежести, не дал мне расслышать слова воина. Я отмахнулся от торговки и бросился догонять своих.

Халлас, видать от боли лишившись последних мозгов, привел нас в толпу народа, наблюдающую представление балагана прямо посреди рынка. Гном, никогда не отличавшийся вежливостью по отношению к ближнему своему, распихивал народ локтями, наступал на ноги и сквернословил, как заправский житель Портового города. Буквально через несколько секунд популярность гномьего племени в Ранненге упала ниже цен на навоз.

Мы все же сумели пробраться через эту давку, а Кли-кли, не удержавшись, вылез на сцену, сделал колесо, стойку на руках, вырвал у жонглера изо рта факел, сел на него задницей, вскочил, залез

по столбу на канат, перебрался на другой столб, плюнул на лысину силача, поднимающего гирю и, сорвав гром аплодисментов, смылся.

— Все развлекаешься? Бом-тирлим и труль-ля-ля? — мрачно спросил я гоблина, когда он догнал меня.

— А ты все бурчишь и думаешь о худшем? — не остался в долгу Кли-кли.— Дурацкая у тебя жизненная позиция, Гаррет! Пошли быстрей, а то потеряемся в этой гурьбе.

Гоблин ринулся вперед, благо его маленький рост позволял без проблем пробираться через толпу. Мне же раз двадцать успели отдавить ноги, раз десять попытались всучить абсолютно ненужные вещи, начиная с мочалки и заканчивая драной и отчаянно вопящей кошкой на последней стадии издыхания.

Какой-то неопытный воришка попробовал залезть ко мне в карман, но я, извернувшись, приставил к его животу кинжал Фонарщика, а затем прижал паренька к стене одной из лавок.

— Кто учитель?! — рявкнул я на карманника.

— А? — Холодная сталь у живота не очень способствует мыслительному процессу.

— Я спрашиваю, кто твой учитель, щенок?!

— Шлюд-филин, го-осподин!

— Он из гильдии?

— А?

— Ты плохо меня слышишь? Если да, то хорошего вора из тебя не выйдет!

— Да, мой учитель из гильдии, господин.

— Тогда передай ему, чтобы он тебе показал, кого стоит грабить, а к кому лучше не лезть, пока опыта не наберешься!

— Л-ладно.— Паренек был ошеломлен.— Вы не будете звать стражу, господин?

— Нет,— буркнул я, убирая кинжал обратно в ножны.— Но если еще раз ко мне сунешься... Понял, что я хочу сказать?

— Да.— Паренек все еще не мог поверить, что так легко отделался.

— Тогда пошел вон!

Повторять дважды не пришлось. Карманник-неудачник юркнул от меня, как испуганная мышка, и вмиг затерялся в толпе. Я проводил его долгим взглядом. В далекой молодости я сам лазил по карманам лопухов до тех пор, пока меня не подобрал учитель Фор, научивший всем тайнам высшего искусства воровства.

— Гаррет, ты долго намереваешься тут стоять? — Ко мне подскочил Кли-кли.— Мы только тебя и ждем! И кто был тот паренек, с которым ты вел такую непринужденную беседу?

— Просто прохожий, идем!

Делер, Угорь и Халлас нетерпеливо дожидались нас на пятачке, свободном от торговых рядов.

— Вот цирюльник! — Делер ткнул толстым пальцем в сторону лавки.— Вперед, Халлас!

— Вперед?! Я тебе лошадь, что ли? — Гному очень не хотелось идти.

— Давай, давай,— поддержал я карлика.— Вот увидишь, тебе сразу станет ле...

Мой взгляд вперился в толпу, и я не закончил фразу. Возле рядов, торговавших лошадьми, мелькнула до боли знакомая фигура. Я, ни секунды не раздумывая, ринулся вдогонку за увиденным мною человеком, не обращая внимания на удивленные вопли товарищей, зазвучавшие за моей спиной. Мне, если честно, было не до этого. У меня перед глазами застыло лицо, которое я видел не больше одной секунды. Следовало во что бы то ни стало догнать замеченного человека и по возможности отправить его во тьму.

По дороге я едва не сшиб какого-то торговца, перевернул корзину яблок и, не слушая поднявшуюся вокруг меня брань, выхватил кинжал из ножен. Лезвие оружия легло вдоль предплечья, чтобы клинок в моих руках был менее заметным для окружающих. Я подбежал туда, где несколько секунд назад увидел старого знакомого.

Никого. Я бросился дальше, отчаянно вертя головой в бесплодной попытке отыскать скрывшегося человека.

— Что случилось, Гаррет? — Рядом со мной тенью вырос Угорь.— Ты будто призрака увидел!

— Угу.— Я так и не оторвал взгляд от толпы.— Призрака. Только, к сожалению, живого.

— Кто это был?

— Давний враг,— хмуро сказал я, убирая оружие в ножны.

— Может, тебе показалось? Тут столько людей... мог и обознаться.

— Да,— помолчав, ответил я воину и еще раз обвел рынок взглядом.— Надеюсь, показалось...

Но я не надеялся. Не могло мне привидеться! Уж очень этот человек был похож на наемного убийцу Ролио.

— Пока мы возвращались назад, я всю дорогу ежесекундно оглядывался, но так никого похожего на Бледного не заметил.

Гном и карлик куда-то пропали, и гоблин в одиночестве переминался с ноги на ногу.

— Гаррет, что с тобой творится? Ты здоров? — Кли-кли заботливо посмотрел мне в глаза.— Кого ты там увидал, если понесся по рынку похлеще стада ополоумевших доралиссцев?

— Так... обознался. Куда делись Делер с Халласом?

— Карлик потащил гнома к цирюльнику,— ответил мне Кли-кли, а затем вновь задал вопрос: — И что это за старый знакомый такой, если он заслужил от тебя сталь под ребра?

— Бледный,— односложно ответил я.

— О! — понимающе сказал шут и замолк. Он слышал от меня об этом субъекте много ласковых и добрых слов — Он тебя видел?

— Ты знаешь, дружище, меня самого волнует тот же вопрос. Надеюсь, что нет, иначе неприятности ждут не только меня. Тот тип, на которого работает Ролио, будет рад прихлопнуть нас всех.

— Хозяин? — догадался гоблин.

— Да.

— Вы о чем? — Угорь ни о каком Хозяине ничего не слышал.

— Не забивай себе голову! — сказал я воину.— Просто считай, что можешь в любой момент получить чем-нибудь острым под лопатку. Как только Халлас вылечит зуб, мы отправимся назад, и пускай Алистан с Миралиссой ломают голову, что делать дальше. Я же говорил, что нам не следует заезжать в Ранненг!

— Остановка — необходимость. Ты это прекрасно знаешь.

— Ты сегодня разговорчив, Угорь-бугорь! Есть причина? — спросил Кли-кли.

— Скаль зубы с кем-нибудь другим, Кли-кли,— беззлобно обронил гарракец.— Пойдем. Делеру может понадобиться помощь.

— Предупреждаю сразу,— поспешно сказал я,— гнома держать не нанимался!

Досадно, что и гоблин, и Дикий пропустили мое предупреждение мимо ушей. Интересно, почему в некоторых ситуациях некоторые личности страдают избирательной потерей слуха? Я огорченно вздохнул и поплелся за товарищами к лавке цирюльника.

Халлас с бордовым лицом выскочил из двери лавки нам навстречу и чуть не сшиб с ног шута. Гоблин едва успел отскочить в сторону. Вслед за Халласом вылетел Делер. Цветом лицо гнома могло посоперничать со свеклой.

— Что случилось? — спросил я.

— Этот! — на весь рынок заорал гном и ткнул пальцем в сторону двери в лавку.— Этот!

— Заткнись! — зашипел Делер и надвинул шляпу себе на глаза.

— Этот!!

— Я говорю, заткнись! Потопали отсюда!

— Да что случилось-то? — переспросил я.

— Этот переспавший с ослом кретин хочет денег! — не выдержал гном.

— Э-э-э...— Угорь тоже ничего не понимал.— Но ведь цирюльнику обычно платят деньги?

— Но не три же золотые монеты! Ты где-нибудь слышал, чтобы за гнилой зуб брали три золотые монеты?

— Не слышал.

Я тоже не слышал. Три золотых — это большие деньги. За них можно выдрать все зубы у половины армии Валиостра.

— Пошли, Халлас! — не отставал Делер.

— Эй, ты! Барыга проклятый! Иди сюда! Я тебе за медяк зубы выбью! А шею вообще бесплатно сверну!

— Халлас, закрой рот и пошли отсюда! — не выдержав, заорал карлик.

— Угорь, заткни их обоих, пока стража не подошла! — шепнул я гарракцу, видя, как вокруг нас начинают собираться зеваки.

На свою беду, из лавки выглянул цирюльник.

— Но позвольте,— пролепетал он.— Я удаляю зубы с помощью заклинаний, купленных в магической лавке! Это совершенно безболезненная процедура, поэтому у меня такая цена!

— Держите меня,— попросил нас Халлас и ринулся на лекаря с кулаками.

Тот тоненько взвизгнул и захлопнул перед разъяренным гномом дверь. Делер повис на плечах у товарища, а Угорь преградил пруцему, точно носорог, бородатому дорогу. Я сделал вид, что вообще пришел не с ними, а просто стою и дышу свежим воздухом.

Кто-то сознательный уже вызвал стражу, и десяток воинов пробирались через толпу в нашу сторону. Быстро обернулись! Стража Ранненга работала намного добросовестнее стражи Авендума. Видно, частые стычки Кабанов, Соловьев и Обуров держали служителей гибкого и продажного закона в постоянной боевой готовности.

Смыться мы не успели.

— Проблемы? — спросил у меня десятник стражников.

— Проблемы? Ну что вы! Никаких проблем! — поспешно ответил я, мечтая лишь о том, чтобы Делер любым возможным способом заткнул гному рот.

— Не надо сказок! — сурово сказал воин.— Чего тогда этот недомерок так разорался?

— У него неудачный день.

— И поэтому он мечтает пристукнуть уважаемого цирюльника? — хмыкнул другой стражник.— Злонамеренное нарушение порядка и подстрекательство к драке. Сами с нами пойдете или... как?

Неважно, из какого города стража, достаточно побывать в одном — и узнаешь об этой породе людей всю подноготную. И доралиссцу понятно, чего ребята от нас хотят.

— Мы никуда не пойдем, любезные,— пришел мне на помощь Угорь, оставив Халласа на попечение Делера и Кли-кли.

Было в глазах гарракца что-то такое, что заставило стражников отступить на шаг назад. Волк против стаи дворняг, вот что подумалось мне, когда Угорь встал у них на дороге.

За ними было количественное преимущество, и что самое главное — алебарды супротив наших кинжалов. Надо сказать, это очень веский аргумент в драке. Но было видно, что они все еще сомневаются.

— Еще как пойдете, господин хороший,— процедил сквозь зубы самый храбрый десятник и поудобнее перехватил древко.— Мы не в вашем Гарраке, у нас закон соблюдается!

Губы Угря дрогнули в едва заметной улыбке.

— Если бы в моей стране закон соблюдался так же, как у вас, то преступников в Гарраке было бы больше, чем взяточников в караулке.

— Это ты на что намекаешь? — нехорошо сощурил глаза десятник.

Угорь еще раз едва заметно улыбнулся, задумчиво покачался на пятках, и обе его руки упали на рукояти парных гаррakских даг.

Этот жест не укрылся от воинов, и они как по команде сделали еще один шаг назад. Халлас наконец-то заткнулся и теперь с удивлением глазел на окружавших нас зрителей и стражу, не веря, что это благодаря его скандальной натуре собралось столько народу.

— Господа, господа! — Неожиданно из толпы вышел человек и подошел к охранникам.— Это мои друзья, они не здешние и к законам славного Ранненга еще не успели привыкнуть!

Остроносый, голубоглазый, где-то моего возраста. У него была открытая, чуть плутоватая улыбка, русые волосы и одеяние зажиточного горожанина. Наверное, последнее и заставило стражу ответить ему, а не прогнать взашей.

— Они нарушают порядок и оскорбляют хранителей порядка.— Десятник неприязненно посмотрел на гарракца.

— Конечно, конечно,— участливо зашептал человек и, осторожно взяв стражника под локоток, отвел его в сторону.— Но вы понимаете, они из деревни, места там дикие, и мои друзья совсем не обучены хорошим манерам. В городе впервые. А вон тот, худой, племянник моей тетушки и соответственно мой родственничек! — Человек ткнул в мою сторону пальцем.

— Что делает этот хмырь? — потрясенно спросил Халлас.

— Вытаскивает нас из задницы, в которую мы попали по твоей вине,— доступно объяснил гному Делер.

Халласу хватило ума не начинать очередной спор.

— Я должен был смотреть, чтобы у них не возникло неприятностей,— между тем продолжал объяснять воину мужчина.— Войдите

в мое положение, господин десятник! Ежели что, тетушка мне голову оторвет и домой непременно не пустит!

Из руки незнакомца в руку командира перекочевала серебряная монета.

— Ну...— протянул десятник.— Мы все же должны выполнить свой прямой долг и обязанности.

Еще одна монета поменяла владельца.

— Хотя...— Стражник стал немного оттаивать.— Хотя после небольшого внушения я вполне смогу отпустить ваших... мм... почтенных родственников.

Третий серебряный исчез в загребущих лапах.

— Да! — Десятник решительно кивнул.— Думаю, у стражи Ранненга найдутся более важные дела, чем наказание безвинных прохожих, которые еще просто не обвыклись в городе. Всего хорошего, почтенный!

— Всего хорошего.

— Пошли, ребята,— сказал воин своим подчиненным, и стража, потеряв к нам всякий интерес, исчезла в толпе.

Зеваки, поняв, что балаган окончен, занялись другими делами. Рынок вновь забурлил, и на нас перестали обращать внимание.

Человек подошел к нам, улыбнулся и, посмотрев мне в глаза, сказал:

— Привет, Гаррет!

Мне не оставалось ничего другого, как ответить:

— Привет, Басс.

— ...Привет, Гаррет.

— Привет, Басс,— лениво ответил я, приоткрыв один глаз.

— Ты все дрыхнешь? — спросил приятель.

— Угу.

— Есть охота.— Басс скривился и похлопал себя по животу.

— А я при чем?

— Ну ты же мой друг!

— Ясен пень, что друг. Но пора научиться добывать себе жратву не только игрой в кости и карты с мелочью пузатой!

— Эй! — разочарованно вздохнул Басс и присел на краешек соломенного матраса.— Если тебе уже двенадцать, а мне всего одиннадцать, это не значит, что ты умнее!

— Если это не так, чего же ты тогда ко мне пристаешь с нытьем про еду? — хмыкнул я.

— Дело есть.

— Ну? — Я перестал изучать потолок и сел.

— Тут в кости у Сопливого Кра играл один человек...

— Ты-то как туда попал? — удивленно спросил я.

В игровое заведение нас не спешили пускать. Кра от детишек-карманников никакой выгоды не было. Такие, как мы, только под ногами крутятся да приличных клиентов чистят.

— А вот попал! — хитро сощурил голубые глаза Басс.

Басса недаром называют Пронырой. Он мог пролезть куда угодно — другое дело, что за эти вылазки моему приятелю довольно часто перепадало на орехи.

— Так что насчет этого человека?

— А! В общем, он играл с Кра в кости и выиграл три золотые монеты!

Я завистливо присвистнул. Лишь однажды я смог выудить из кармана прохожего золотой, так мы на него с Бассом целых два месяца жили припеваючи! А тут сразу три!

— Ты думаешь, что сможешь их у него позаимствовать? — осторожно спросил я у Басса.

— Я вряд ли, а вот ты сможешь,— болезненно поморщившись, признался друг.

— Угу,— хмуро сказал я.— А если что, за руки поймают меня, а не тебя.

— Да не волнуйся! — беспечно отмахнулся Басс.— Этот тип похож на простофилю. Если что, я помогу. Мы же команда!

Здесь он прав. За два года нашего знакомства и жизни в трущобах Пригорода мы многое пережили вместе. И за этот срок у нас были как плохие, так и хорошие дни.

По сравнению со мной Басс не очень хорошо копался в карманах прохожих. У него вообще не было таланта чистить кошельки, и этот груз полностью лег на мои плечи. Зато Проныра владел другими талантами: он мог заговорить зубы самому Неназываемому, облапошить и надуть ближнего своего, смухлевать в кости или карты или навести меня на человечка с оттянутым от монет карманом.

— Тебе хорошо говорить,— не согласился я.

— А вот тебе не надо быть таким угрюмым. Я хоть раз не того человека показал?

— Ладно,— вздохнул я.— Где твой золотой дядя?

— Сидит в «Грязной рыбе» и наполняется под завязку вином.

— Пойдем, покажешь,— неохотно произнес я.

У нас еще оставалась одна серебряная и пять медных монет, и рисковать шеей не было смысла, если бы не три золотых. За эти деньги стоило слезть с матраса и вылезти на холод.

Мы выскользнули из старой покосившейся лачуги, служившей домом для двадцати с лишним душ. Здесь жили такие же, как мы, бездомные бродяги.

Над Авендумом властвовала ранняя весна, на земле лежал снег, а по ночам стояли такие же холода, как в лютом январе, когда многие, не имевшие крыши над головой, замерзали прямо на улице. И все равно, несмотря на холодную погоду, неприветливое серое небо и обилие сугробов, в воздухе чувствовалась весна.

Неуловимо пахло распускающимися листьями, журчащими ручьями и грязью.

Да-да! Именно грязью, которая незнамо откуда каждый год появлялась в Пригороде Авендума. Но грязь — это, конечно, ерунда, маленькое неудобство, и ничего больше. Главное, что скоро будет теплая погода и я наконец смогу скинуть эту опостылевшую и драную в пяти местах собачью шубу, украденную у пьяного конюха еще в ноябре прошлого года.

Она верно грела меня всю зиму, но в ней я был не так ловок и быстр, как без нее, и эта вынужденная неуклюжесть уже не раз подводила меня. На той неделе я чуть не попался в лапы стражников, потому что запутался в собственной одежде.

«Грязная рыба», покосившаяся от времени таверна, находилась в самом центре Пригорода, возле площади Кислых Слив. Ни один нормальный человек в городе не пойдет набивать себе брюхо в «Рыбу» — кислое вино и обилие клопов отпугивали от таверны приличных посетителей.

Мы остановились на противоположной стороне улицы, прямо напротив двери таверны.

— Ты уверен, что твой человек до сих пор еще внутри? Что ему делать в такой тошниловке при трех золотых? Лучше места найти не мог, что ли?

— Значит, не мог,— буркнул Басс.— Он там, и у него на столе два кувшина с вином. Не думаю, что он успел вылакать их за то время, пока я за тобой бегал.

— Ты просто не знаешь, как некоторые навострились лакать вино,— возразил я ему.— Он уже может быть за лигу отсюда.

— Гаррет, ты вечно паникуешь по пустякам,— фыркнул Басс.— Говорю же тебе, что он внутри!

— Ладно,— вздохнул я.— Будем ждать.

И мы стали ждать, а делать это на морозе, пускай и легком, не очень-то приятное удовольствие. Всякий раз, когда дверь таверны открывалась, мы с Бассом вскакивали, и каждый раз оказывалось, что это не тот человек.

— Слушай,— не вытерпел я через два часа ожидания,— я жутко замерз.

— Кому сейчас легко? Я тоже почти околел, но этот парень точно там!

— Ждем еще полчаса, если он не выйдет, я отсюда сваливаю,— решительно сказал я.

Басс горестно вздохнул:

— Давай я схожу и проверю?

— Угу. Еще не хватало, чтобы Кра тебя отдубасил. Стой, где стоишь.

Морозец жадно лизал пальцы, поэтому я стал притоптывать ногами и хлопать руками, пытаясь хоть немного согреться. У Басса еще несколько раз вспыхивало желание сходить в таверну и проверить, как там поживает владелец трех золотых, но каждый раз, после недолгих препирательств со мной, он оставался на месте.

— Может, дядя перепил? — неуверенно спросил мой друг, когда мне стало казаться, что пальцы на руках превратились в сосульки.

— Может...— стуча зубами от холода, ответил я.— Мне уже не хочется ничего, кроме тепла.

— Вот он! — неожиданно сказал Басс и ткнул пальцем в человека, выходившего в этот момент из таверны. Я придирчиво его изучил и выдал вердикт:

— Простофиля.

— Я же тебе говорил,— шмыгнул носом мой дружок.— Ох заживем!

— Рано радуешься,— сказал я, провожая грядущую жертву взглядом.— Узнал, где он прячет деньги?

— Угу. Правый карман. Там у него кошель.

— Идем.

Мы старались держаться так, чтобы он нас не заметил. Лезть к нему в карман сейчас — это значит напрашиваться на неприятности, людей мало, незаметно к нему не подойдешь, поэтому нам оставалось только дожидаться удобного случая.

— Ты уверен, что он выпил два кувшина вина? — прошипел я Бассу, не спуская глаз с незнакомца.

— А что? — зашипел он в ответ.

— Уж очень уверенно он идет. Совсем не похож на пьяного.

— Пьяные разные бывают,— не согласился Басс.— По моему папаше вообще нельзя было заметить, пьяный он или трезвый, пока он за полено не брался и мать гонять не начинал.

Между тем человек без всякой видимой цели петлял по Пригороду, как заяц петляет в лесу, когда путает следы. Мы держались в отдалении и не лезли ему на глаза до тех пор, пока он не пришел на Рыночную площадь. Народу здесь было много, и нам не стоило большого труда оказаться прямо у него за спиной.

Я быстро кивнул Бассу, и тот юркнул в сторону.

Я постарался дышать носом, приноровиться к шагам человека и избавиться от нервной дрожи. Пальцы на руках слишком замерзли и были не такими ловкими и послушными, как обычно. Не будь в кармане у человека целых трех золотых монет, я бы ни за что не стал рисковать.

Кто-то подтолкнул меня в спину, на секунду я оказался почти прижат к мужику и, воспользовавшись этим подарком богов, запустил руку ему в карман. Я сразу же нащупал кошелек и, схватив его, собрался дать деру, но в этот момент незнакомец неожиданно вцепился в мою руку.

— Попался, воришка! — прошипел он.

Я тоненько взвизгнул и попытался вырваться, но человек был намного сильнее, и моя рука даже не шелохнулась в его медвежьей лапе. Молнией в голове сверкнула мысль, что я, кажется, влип в крупные неприятности.

Невесть откуда взявшийся Басс подлетел к бугаю сзади и ловко пнул его по ноге. Тот взвыл и выпустил меня.

— Сматываемся! — крикнул Басс и дал деру.

Я, не раздумывая, последовал за другом, крепко сжимая вожделенный кошелек и слыша, как за нами несется озверевший парень.

— Воры! — орал он.— Держите воров!

Мы продрались через толпу и вылетели с Рыночной площади на какую-то узенькую улочку. Проклятущий человек не отставал от нас ни на шаг.

Бежать было тяжело, шуба путалась в ногах, и топот преследователя раздавался все ближе и ближе. Басс впереди меня улепетывал во всю прыть, расстояние между нами постепенно увеличивалось. Я застонал от разочарования: шубу, с таким трудом позаимствованную, придется бросить. Сунув кошель в зубы, я на бегу стал расстегивать пуговицы. Теплая одежда слетела с моих плеч и упала в снег. Бежать сразу же стало значительно легче, я прибавил ходу и смог нагнать Басса.

— В переулок! — крикнул я ему и резко свернул направо.

Басс последовал за мной, а преследователь, уже готовившийся схватить меня за шкирку, отчаянно ругаясь, пролетел мимо. Теперь у нас появился призрачный шанс затеряться в лабиринте переулочков Пригорода.

— Он нам головы открутит! — с трудом пропыхтел Басс.

Я ничего ему не ответил и лишь поднажал еще сильнее, очень надеясь, что предсказание приятеля не осуществится. Мы в очередной раз повернули, слыша, как человек грозится оторвать нам руки. Я начинал терять силы, а проклятый незнакомец, казалось, не ведал усталости.

Вдруг из какого-то полутемного закутка появились чьи-то руки и, схватив меня и Басса за шиворот, втащили в полумрак ниши. Басс испуганно заорал, замолотив воздух руками, я, не отставая от друга, попытался вырваться и пнуть схватившего.

— А ну заткнитесь, если жить хотите! — прошептал чей-то голос.— Стойте тихо!

Было в этом голосе что-то такое, что враз заставило нас умолкнуть.

Преследователь пронесся мимо, топая и оглашая переулок отборной бранью.

Человек, спасший нас, так и не разжал пальцев, он вслушивался в тишину, и я, воспользовавшись моментом, попытался убрать кошель с золотыми в карман.

— Можешь не трудиться,— сказал незнакомец.— Я не ворую у карманников.

— Я не карманник! — запротестовал я, стуча зубами от холода. Без теплой шубы было тяжко.

— Не карманник? А кто же ты? — усмехнулся спасший нас от неприятностей человек.

— Я настоящий вор!

— Во-ор? Ну-ну. Клянусь Саготом, может, ты и станешь хорошим вором с моей помощью. А может, и не станешь, малыш. Давай-ка я посмотрю на свой сегодняшний улов.

Человек разжал руки, вышел на свет и внимательно рассмотрел меня и Басса.

— Ну и кто вы такие? — спросил у нас незнакомец.

— Я Басс-проныра,— шмыгнул носом Басс.

— А я Гаррет-блоха,— ответил я, изучая нашего неожиданного спасителя.

— Ну что же,— улыбнулся человек.— А я Фор. Фор — Липкие Руки.

— Гаррет, ты знаешь этого хмыря? — Голос Халласа вырвал меня из воспоминаний прошлого.

— Да, это мой старый... друг,— буркнул я.

— Очень старый,— улыбнулся Басс.— Рад видеть тебя живым и здоровым, Гаррет!

— Я тоже,— не слишком-то приветливо ответил я ему.

— Как Фор? — Басс, казалось, не заметил моего сухого тона.

— Жив, по воле Сагота.

— Все так же наставляет молодежь? — улыбнулся Басс.

— Нет, он теперь жрец. Защитник Рук Сагота.

Басс присвистнул.

— Слушай, Гаррет,— не выдержал гном,— может, ты со своим знакомым поговоришь в следующий раз? Огромное вам спасибо за помощь, почтенный, но нам нужно идти.

— Делер,— обратился я к карлику,— отдай ему деньги.

Удивительно, но карлик, не протестуя, залез в кошелек и вручил Бассу три серебряные монеты.

— Хей! — возмутился тот.— Мне не нужны монеты! Я же помог другу!

— Монеты еще никому не мешали,— сказал я. — Бывай. Ах да! Если тебе интересно, Маркуна на этом свете больше нет.

— И это все? — Он удивленно развел руками.— Ты даже не поговоришь со мной? Вот так вот просто уйдешь после того, как мы больше десяти лет не виделись?

— Нет времени, дружище,— бросил я.

— Как мне тебя найти, Гаррет? — крикнул мне вслед Басс.

— Я не думаю, что мы еще встретимся,— обернулся я к нему.— Я здесь проездом. Скоро меня уже не будет в городе.

Сказав это, я отвернулся и поспешил за Халласом. Кли-кли не удержался и спросил:

— Это был твой друг?

— Да... То есть нет... Возможно.

— Брр,— потряс головой шут.— Так да или нет? Ты бы определился.

— Отстань от него, Кли-кли,— посоветовал Угорь.

— Да я же ничего! — Кли-кли развел руками.— Просто спросил. Слушай, Гаррет, а ты со всеми друзьями так изысканно вежлив и обходителен или только с избранными? Это я так, на будущее спрашиваю, чтобы не слишком сильно удивляться, когда ты при встрече меня так откровенно и ненавязчиво пошлешь.

— Жуй свою морковку! — зарычал я на гоблина.

Тот обиженно хрюкнул и, последовав моему совету, отхватил от овоща огромный кусок.

По всему Большому рынку разнесся вопль:

— Почте-энные! Почте-энные!

— Это не нас? — на всякий случай обернулся Угорь.

— Не все из нас почтенные,— возразил гарракцу гоблин и бросил на меня укоризненный взгляд.— Некоторые даже очень непочтенные... А еще хмурые и вечно злые.

— Почте-энные! Подождите! — Отчаянно махая рукой, к нам бежал прилично одетый паренек.

— Это точно нас,— сказал Угорь и остановился.

— Вот только каких подземных королей мы ему понадобились? — подозрительно буркнул Делер, сощурив глаза.

— Пошли,— подтолкнул напарника Халлас.— Если мы так каждого крикуна станем дожидаться, то к цирюльнику и до ночи не дотопаем!

— А если пойдем дальше, то он будет бежать за нами и орать в три горла,— резонно возразил я гному.— Нам такого счастья не надо.

— Угу,— согласился Кли-кли, впиваясь зубами в морковку.— Халлас, у тебя рукав задрался.

Тот выругался и опустил рукав коричневой рубахи, скрыв под ним татуировку в виде красного зубастого сердечка — эмблемы отряда Диких Сердец.

— По-по-чтенные! — Паренек тяжело дышал, видно, пока он нас догонял, совсем выбился из сил.

— Чего тебе, человече? — грозно нахмурился Халлас.— Дел других нет, кроме как орать на весь город?! Мы и без тебя знаем, что мы очень почтенные граждане.

— Я хотел предложить,— начал паренек, но Делер не дал ему договорить:

— Не покупаем!

Карлик с гномом развернулись и пошли своей дорогой, и не думая выслушать запыхавшегося бедолагу. Я едва заметно пожал плечами. Не судьба юноше продать что-нибудь карлику.

— Погодите! — крикнул он.— Это ведь вы ищете цирюльника?

Халлас застыл, не донеся ногу до земли, затем медленно опустил ее и развернулся в нашу сторону. Лицо гнома не предвещало пареньку ничего хорошего.

— Сколько? — спросил гном, разминая кулаки.

— Бесплатно!

Это заставило бородатого застыть на месте и крепко задуматься. Он крякнул, почесал в затылке и произнес:

— Мне тут показалось, что ты сказал, что удалить зуб можно совершенно бесплатно. Это так?

— Абсолютно верно!

— А? — задумчиво произнес Халлас и вновь поскреб затылок. Сейчас гном разрывался между жадностью и желанием подраться.

— Да ерунда это! — прогудел Делер.— Бесплатно ничего не бывает!

— Я тоже так считаю.— Халлас вновь воззрился на паренька нехорошим взглядом.

— Нет, почтенные! Я не вру! В Университете на факультете лекарей вам все сделают, не взяв ни монеты. К тому же не цирюльники, а самые настоящие лекари! Светила науки! Профессора!

— М-да? — все еще недоверчиво сказал Халлас.— И этим твоим профессорам больше делать нечего, как только зубы у всех драть?

— Так сейчас же неделя экзаменов в Университете,— объяснил, поочередно заглядывая в лицо каждому из нас, студент.— Профессора старшим курсам рассказывают, как лечить, ну и показывают заодно, а затем спрашивают, как мы материал усвоили.

— Веди,— согласился за Халласа Кли-кли.

— Постой, постой, зеленый! — Халлас, чуя, что предстоит скорое прощание с зубом, стал упрямиться. — Так тебя специально для этого в город и послали?

— Да, почтенный, я ненароком услышал ваш разговор с цирюльником.

Халлас вздохнул, подумал, затем еще раз вздохнул и, зажмурившись, кивнул:

— Веди.

Естественно, никакой повозки, а тем более кареты, для нас не предполагалось. Нам пришлось на своих двоих пилить в обратном направлении. И если гном с карликом шли так, будто не успели ни капли устать, то мои ноги гудели и решительно требовали отдыха.

Неожиданно Кли-кли испуганно ойкнул и дернул меня за край куртки.

— Гаррет, смотри! Бездушные! — прошипел он театральным шепотом и указал на солдат.

Пятерка воинов, одетых в белые мундиры и малиновые штаны, шла нам навстречу.

— Что нам делать?

Кли-кли действительно паникует, или от нечего делать попросту ломает комедию?

— Улыбайся,— на всякий случай произнес я.

— Что? — опешил гоблин.

— У-лы-бай-ся,— процедил я сквозь сжатые зубы и растянул губы в идиотской улыбке в качестве примера для гоблина.

Кли-кли испуганно икнул и ощерился в улыбке от уха до уха, показывая всему белому свету многочисленные иглы зубов. Теперь гоблину было не до меня, он старательно скалился. Халлас с Делером тоже заметили Бездушных, я видел, как мгновенно одеревенели их спины. А вот Угорь даже бровью не повел. Железный парень.

Бездушные егеря прошли мимо, даже не удостоив нас взглядом, и Кли-кли облегченно вздохнул:

— Фу, пронесло!

— Чего ты их так испугался? — спросил я у гоблина.

— Ну как же, после Вишек...— озадаченно ответил Кли-кли.

— Вишки? Успокойся, Кли-кли,— улыбнулся Угорь. — Не думаю, чтобы маги растрезвонили на весь свет, что мы от них сбежали. Они незнамо что творили в той деревеньке и поэтому будут молчать, чтобы не привлекать к себе ненужное внимание.

— Но весточку-то в город могли послать! — возразил Угрю гоблин.

— Не пошлют. Мы ведь уже разговаривали на эту тему, помнишь? И волшебники, и те егеря, что остались возле Вишек, просидят там как минимум три месяца, прежде чем бросятся нас искать. Если вообще мы им потом понадобимся. А на этих не обращай внимания, они просто расквартированы в Ранненге и про нас ведать не ведают.

— Кстати, Гаррет,— обратился ко мне Кли-кли.— А зачем ты посоветовал мне улыбаться?

— У тебя улыбка дурацкая,— пожав плечами, ответил я.

— И что? — не понял меня королевский шут.

— Ну...— протянул я и, не удержавшись, улыбнулся.— Когда у тебя дурацкая улыбка, ты становишься похожим на идиота. Улавливаешь?

Гоблин споткнулся на ровном месте, а Делер попросту подавился смехом. Пожалуй, это был один из немногих случаев, когда я побил Кли-кли его же картой — тупой шуткой.

Огромные бронзовые створки ворот Университета Ранненга оказались приветливо распахнуты настежь и гостеприимно встречали всех тех, кто подходил к ним из парка, разросшегося между Верхним городом, Университетом и школой Ордена. На них издалека был виден герб древнейшего и уважаемого заведения — выгравированный в виде раскрытой книги, переплетенной виноградной лозой.

Парк, в окружении которого находился Университет, оказался огромен, велик и прекрасен. Очутившись в нем, я испытал ощущение, будто попал в сказочный лес из детских снов, в котором дубы круглый год подпирают небеса зелеными кронами.

Наш проводник прошел в ворота, и мы, следуя за ним, свернули на одну из тенистых каменных дорожек, ведущую мимо седых зданий факультетов в сердце Университета.

— Почему здесь нет людей? — с интересом спросил Делер, озираясь по сторонам.

— Студенты или на практике, или сдают последние экзамены, или уже разбрелись на каникулы, почтенный. Все зависит от факультета,— пожал плечами паренек.— Видели бы вы, какие попойки тут случаются в начале осени! А сейчас застой, как в старом болоте,

к тому же центральное здание в той стороне Университета, почти все факультеты сейчас располагаются там...

— А этот ваш...— Делер пощелкал пальцами, вспоминая название,— лечебный факультет. Он где?

— А! Лечебный рядом с моргом, так что мы никого из студентов не увидим, пока не придем на место.

— С моргом? — опасливо переспросил Халлас.

— Это на тот случай, если тебе зуб неправильно выдерут,— поддел гнома Делер.— Чтобы труп далеко не тащить.

— Чего ты каркаешь, морда? — ругнулся Халлас.— Все ваше карликово племя такое, только каркать и можете. Все века каркаете, а мы за вас шахты и штольни пробиваем!

— Вы за нас?! Да вы ни одной достойной вещи своими руками сделать не сумеете! Мотыжниками родились, мотыжниками и умрете!

— Может, мы и мотыжники, но зато не воруем у других магические книги!

— И ничего мы не воровали! — возразил Делер.— Они по праву принадлежат нам.

— Ха! Мы все равно умнее вас! Гномы нашли секрет пороха, разработали печатный станок, а теперь мы мастерим у себя в шахтах паровой котел!

— Угу. Который взорвется и разнесет вас к Неназываемому!

— Это у вас он взорвался! А мы по уму все делаем!

— Вы-то?!

— Хватит! — не выдержав, рявкнул Угорь.— Заканчивайте дрязги!

Как это ни удивительно, но слова Угря произвели на гнома и карлика точно такой же эффект, как ведро холодной воды на двух дерущихся котов. Халлас и Делер закрыли рты и грозно засопели.

Что бы ни говорил наш проводник, но все же мы встретили по пути нескольких студентов. Два бледных молодца, измученных то ли экзаменами, то ли обильной дегустацией молодого вина, прошли мимо нас, беседуя о том, есть ли сущность у света или свет — всего лишь антитьма без права распада на составляющие.

Еще одна компания студиозов сидела на травке под деревьями и лениво перелистывала книжки.

— Это с литературного факультета,— перехватив мой взгляд, презрительно заметил наш провожатый.— Богема.

Кли-кли весьма картинно хрюкнул, услышав такое словечко.

— Чего ты хрюкаешь? — не удержавшись, спросил я у него.— Это не красит культурного гоблина.

— Зато ты не знаешь, что такое богема! — не остался в долгу Кли-кли.

— Представь себе, знаю,— разочаровал я его.— Библиотека моего учителя может поспорить с Королевской.

— Не очень-то я тебе и верю. Образованный вор — это нонсенс.

— Ну да. Как и образованный гоблин. Чего вы в Заграбе читаете, кроме книжек вашего Тре-тре?

— Великого Тре-тре,— машинально поправил меня Кли-кли.— У нас много древних книг, Гаррет-баррет. Намного больше, чем ты думаешь! Многие люди душу готовы заложить, чтобы взглянуть на них хоть одним глазом.

— Охотно верю, тайный рецепт гоблинской дряни, что затуманивает мозги, ищут многие...

— Бя-бя-бя! — надулся он.

Из-за деревьев показалось желтое трехэтажное здание с широкой лестницей, на которой студентов было как гномов на поле Сорна.

— Экзамен? — спросил Делер, оглядывая листающих книжки студентов.

— Да, сегодня у второго курса анатомия,— поморщился паренек.— Все сдавшие пойдут праздновать в «Солнечную каплю». Так что пьянка вечером будет знатная!

Делер ухмыльнулся, будто он сам уже начал пьянствовать:

— Э... друг мой, Халлас! Ты чего-то побледнел. Никак сдрейфил?

— Гномы не дрейфят! — гордо сказал Халлас и на негнущихся ногах стал подниматься по лестнице.

— Как бы он в обморок не шлепнулся,— шепнул мне Кли-кли.

Мы вошли в здание и, пройдя по длинному коридору, под завязку забитому волнующимися студентами, очутились в зале.

Пол здесь резко уходил вниз, к кафедре, возле которой седовласый преподаватель заставлял два десятка студентов смотреть, как он кромсает лежащий на железном столе труп некой помесью пилы и ножа.

— Господин профессор! — крикнул наш провожатый.— Я привел!

Профессор оторвался от попыток распилить череп несчастного покойника и, подслеповато сощурившись, посмотрел на нас:

— Ну наконец-то! Да как их много!

— Зуб болит только у него,— поспешно сказал Делер, ткнув пальцем в сторону Халласа.

Халлас дернулся и, недобро сощурившись, посмотрел на карлика.

— Гном? Хм... Что же, это будет познавательно,— сказал профессор, откладывая пилу в сторону.— Проходите, почтенный, проходите.

— Иди, не бойся,— подтолкнул гнома Делер.— Гаррет, ты с нами?

— Нет,— сказал я.— Я лучше вот здесь на скамейке посижу.

— Ну и зря, такое представление пропустишь! — Клик-кли весело поскакал по лесенке вслед за Делером и Халласом.

Я сел на одну из скамеек и издали принялся наблюдать, как Халласа усаживают в кресло, поставленное рядом со столом, где лежит труп. Профессор помыл руки и взялся за нечто похожее на пыточный инструмент палача.

— Кто тот человек? — спросил у меня Угорь, присаживаясь рядом.

— Ты о Бассе? Тебя терзает обыкновенное любопытство или есть серьезная причина интересоваться моим прошлым?

Угорь немного помолчал. Он вообще по жизни молчун, иногда за целый день рта не раскроет.

— И то и другое, если честно. Странное совпадение, что мы столкнулись с тем, кто тебя знает. Ты вдруг увидел какого-то старого врага. Затем, буквально через несколько минут, появляется еще один твой знакомый. В последнее время я склонен с опаской относиться ко всяким совпадениям и случайностям. И, прости, не доверяю никому, кроме себя. Нас ищут, ищут те же самые неизвестные, с чьей помощью погибли первые две экспедиции к Костяным дворцам. Этот Басс, незнамо как свалившийся на нас, начинает меня немного волновать.

Зная железный характер Угря и то, что его практически нельзя смутить никакими неожиданностями, это «немного» в его устах имело очень большое значение.

Я помолчал, собираясь с мыслями, потому как не люблю разговаривать с людьми о своей жизни. Чем меньше о тебе знают другие, тем сильнее ты защищен от разных неожиданностей.

Фор вбил мне эту мудрость давным-давно, и со временем я стал понимать, что мой старый учитель абсолютно прав. Никто в Авендуме не знал о чувствах и привязанностях Гаррета-тени, и никто не мог надавить на меня, используя для этой цели моих друзей и близких. Поэтому, мало болтая и занимаясь своими делами, я не очень беспокоился о неожиданном ударе в спину.

Молчаливому гарракцу я доверял.

Наверное, Угорь был одним из немногих людей, кому я не боялся раскрыть и излить душу, зная, что все, что он от меня услышит, уйдет с ним в могилу.

— Мы были дружны с самого детства,— неожиданно для себя начал я рассказ.— Жили в трущобах Авендума. Нам пришлось многое пережить вместе... Голод, зимнюю стужу, облавы стражи... Чего только мы не натерпелись... Я и Басс держались друг друга и в общем-то кое-как сводили концы с концами до той поры, пока нас не взял под свое крыло один мастер-вор. Его звали Фором...

Этот человек многому нас научил... Фор говорил, что у меня природный дар к воровству, может, так оно и есть. Басс оказался не таким... Когда мы жили на улице, по карманам прохожих шарил я, а не он. У приятеля была другая страсть — карты и кости. Фор в конце концов махнул на моего друга рукой, а Басс все больше и больше затягивался в игру.

Я поморщился. Вспоминать тот эпизод прошлого мне было по-прежнему неприятно.

— Пару раз он влипал в неприятные ситуации, проигрываясь в пух и прах. Фор в то время был не последней фигурой в криминальном мире Авендума и мог отмазать своего ученика от неприятностей. Но всему когда-нибудь должен наступить конец. Однажды Басс крепко влип. Мой друг остался должен большую сумму Маркуну, этот человек долго был главой гильдии воров Авендума. Басс ничего не сказал ни мне, ни Фору. Он попросту взял наши деньги и пропал. Украл золото у учителя и у друга. Потом пошел слух, что ребята Маркуна пустили его под Пирсы, но тела так и не нашли. Все эти двенадцать лет я и Фор считали Басса мертвым. А теперь представь себе мое изумление, когда я увидел его в Ранненге живым и здоровым.

— Да уж...— крякнул Угорь.— Будем надеяться, что ваша встреча все-таки была лишь совпадением... Ты не собираешься с ним встретиться и поговорить?

— Нет...— не задумываясь ответил я, и наша беседа скисла сама собой.

Мы с Угрем вновь обратили свое внимание на то, что происходит у кафедры.

Профессор, зажав в руке пыточный инструмент, читал студентам лекцию:

— ...Как видите, зубочелюстная система гномов довольно близка к зубочелюстной системе человека. Но есть и определенные отличия. Строение черепа и альвеолярных отростков челюстей гномов немного другое. Прикус у них прямой, а зубов у этой расы меньше, чем у людей, — их всего лишь двадцать четыре, по двенадцать на каждой челюсти. Отсутствуют клыки и вторая пара премоляров. К сожалению, други мои, я не имею возможности показать вам зубы орков или эльфов. Но поверьте, у обеих рас они абсолютно идентичны, что

доказывает их крайне близкое родство. Гиперразвитие клыков нижней челюсти привело у эльфов и Первых к развитию довольно специфического прикуса, при котором во время открывания рта нижняя челюсть смещается... Впрочем, мы отвлеклись. Причиной, заставившей прийти нашего сегодняшнего пациента, является верхний правый четвертый зуб. Я склонен предполагать, что фактором для возникновения боли послужило резкое переохлаждение организма. Но тут, конечно, желательно собрать анамнез, потому что на предположениях далеко не уедешь. Помню, был случай, когда мой пациент...

— Думаю, так продолжаться будет еще очень и очень долго,— хмыкнул Угорь.

Так считал не только гарракец. Некоторые из студентов откровенно скучали, Кли-кли с интересом приглядывался к блестящему ножу, оставшемуся лежать возле трупа, а Делер отчаянно зевал, прикрывая рот массивной ладонью. Халлас нетерпеливо ерзал в кресле, постепенно меняя цвет лица с бледного на багровый. В тот самый момент, когда говорливый профессор стал разбирать десятый клинический случай из своей практики, терпение гнома лопнуло.

— А-а-а! Клянусь ледяными червями! — взревел гном и, соскочив с кресла, решительно протопал в нашу сторону.

— Куда вы, милейший?! — вскричал удивленный профессор.— А как же зуб?

Все студенты очнулись от спячки и, открыв рты, принялись глазеть на гнома.

Услышав вопрос, Халлас остановился, развернулся и показал всем присутствующим неприличный жест, от которого бедняга профессор схватился за сердце. Оставшись доволен результатом, гном с гордо поднятой головой направился к выходу.

— Вот и выдрали! — сплюнул Делер, поравнявшись с нами.

Кли-кли вообще ничего не сказал, лишь трагически вздохнул и шмыгнул носом.

— Ну и куда мы теперь, Халлас? — спросил Делер.

— В кабак! Может, хоть выпивка заглушит эту проклятую боль...

Гном решительно вошел в дверь таверны под названием «Солнечная капля». Наверное, в Верхнем городе это было худшее из всех заведений. Несмотря на близость к Университету и школе магов, здесь собрались не самые благонадежные личности города.

Мой настороженный взгляд сразу выцепил стол с пятью доралиссцами и стол, где сидели ребятки, у которых на груди висели бляхи гильдии каменотесов. Доралиссцы и каменотесы недовольно косились друг на друга, но к активным боевым действиям пока не

приступали. Склонен предполагать, что до драки дело не дойдет, пока ребята не опустошат еще пяток кувшинов с вином и не начнут решать, кто из них большие козлы.

Еще одной опасной зоной в зале «Солнечной капли» являлись столы, за которыми расположился десяток Бездушных егерей, отмечающих, как я понял, увольнительную. Эти парни косились и на доралиссцев, и на каменотесов. На простецких лицах воинов застыла мрачная решимость начистить рыло и тем и другим если они помешают им веселиться.

Конечно, было полно и обычного, настроенного на более мирный лад люда, но напряжение явственно витало в воздухе, и хозяин носился как угорелый, пытаясь разрядить обстановку.

— Гм...— произнес я, пытаясь перекрыть гул.— Может, поищем более спокойное место?

— Не боись, Гаррет, ты со мной! — произнес Халлас, садясь за единственный свободный стол, находящийся возле самой стойки.

Да я и не боялся. Попади завсегдатаи сего трактира в «Нож и Топор» — не сомневаюсь, они бы в обморок со страху попадали. А здесь... Просто на кой лезть в берлогу, где ожидается драка? Себя по возможности надо беречь.

Перед нами как по волшебству выросла служанка.

— Этим четверым пива, а мне что-нибудь очень-очень крепкое,— сказал гном.

— Есть пшеничная настойка и крудр.

— Пшеничную настойку смешай с крудром, добавь темного пива и немного «Гномьего жара»,— после недолгого раздумья решил гном.— «Гномий жар» у вас найдется?

— Поищем, господин.

Если служанка и удивилась странному выбору, то не подала вида.

— Слушай, Халлас,— обратился к гному Делер,— если ты жаждешь покончить жизнь самоубийством, то не стоит пить всякую гадость. Скажи мне, и я без колебаний отправлю тебя в свет.

На этот выпад Халлас применил довольно странную для себя тактику — он попросту его проигнорировал.

— А мне, если можно, не пива, а морковного сока,— встрял в разговор Кли-кли.

— Такого у нас не подают.

— Ну, тогда какого-нибудь другого сока. Только вкусного.

— У нас нет,— уже не очень любезно сказала служанка.

— А молоко? Молоко есть?

— Пиво.

— Ну тогда пива,— огорченно вздохнул Кли-кли.

— Какие люди и в каком месте! — раздался знакомый голос.

К нам подошли Фонарщик, Арнх и Сурок. Линг спрыгнул с плеча Сурка, шлепнулся к нам на стол и стал шевелить розовым носом в надежде чем-нибудь поживиться. Кли-кли сунул Непобедимому морковку, но тот лишь оскалился и тихонько завыл. Линг плевал на попытки гоблина завязать с ним крепкую дружбу.

— Вас-то каким ветром сюда занесло? — не очень-то приветливо спросил гном вновь прибывших.

— Не вижу, чтобы ты радовался нашей встрече,— усмехнулся Арнх, присаживаясь.

Мумр и Сурок последовали примеру своего спутника, правда, Сурку пришлось брать стул от соседнего столика, где как раз сидели козлолюди. Доралиссцы окинули воина нехорошими взглядами, но связываться не стали, посчитав, что рога и бороды не стоят таких мелочей, как стул.

— А он сегодня никому не рад,— ответил за гнома Делер.

— Зуб выдрали? — спросил Фонарщик.

— Слушай, Мумр,— раздраженно начал Халлас,— играй в свою дудку и не трогай меня!

— У-у-у, как все плохо,— огорченно покачал головой Фонарщик.

— Чего не выдрали-то? — включился в беседу Арнх.

— Передумал я! — не выдержал гном.— Передумать, что ли, нельзя?!

— Да ладно, Халлас, ладно,— добродушно успокоил гнома Арнх.— Передумал так передумал. Чего кричать-то?

Служанка принесла нам пиво, а Халласу его огненную болтушку и, получив заказ от трех присоединившихся к нам Диких, вновь удалилась.

— Вы сами-то как здесь очутились? — спросил я у Сурка, который кормил линга.

— Да Арнх нас потащил по городу гулять. Дрянь городишко. А на обратном пути мы зашли горло промочить.

— А что интересного в городе? — спросил Кли-кли, осторожно нюхая принесенное ему пиво. Оно ему явно пришлось не по душе.

— Слушай, Кли-кли,— игнорируя вопрос гоблина, сказал Сурок.— Хватит болтать ножками! Ты мне все штаны испачкаешь.

— Извиняюсь,— сказал шут, хотя по его виду не очень было заметно, что он сильно раскаивается.— Халлас, а ты чего не пьешь?

— А ты? — огрызнулся гном, уставившись на свое пойло, как будто там плавала неделю как околевшая змея.

— А я нюхаю! — нашёлся Кли-кли.— Мне этого вполне достаточно!

— Я тоже.

— Да уж. Крудром из кружки воняет почище чем от козлов,— хмыкнул Фонарщик.

— Ну что за раса такая гномы?! — отхлебнув густого темного пива, хитро ухмыльнулся Делер.— Зубы драть боятся, заказывают огненную смесь, а пить опять же боятся.

— Кто это боится?! Это на кого ты намекаешь, шляпа?! На поле Сорна мы не побоялись вам рога пообломать, а выпить эту воду боимся? На!

Халлас залпом, не передохнув, отправил жидкость себе в глотку. Меня передернуло. От капли гремучей смеси, которую с горя заказал гном, загнулся бы даже Х'сан'кор.

Бородатый выпил, крякнул, стукнул кружкой об стол, собрал разбежавшиеся в разные стороны глазки в одну точку и прислушался к своим ощущениям, раздувая ноздри. Все мы взирали на него с неподдельным восхищением.

— Ну га...— выдал гном, обдав нас непередаваемым ароматом гадкой смеси.— Ну га... Ну гадость, забери меня Неназываемый!

— Ты жив? — опасливо покосился на друга Делер.

— Нет! Я уже в свете! Так хорошо было только тогда, когда ты вытащил мою задницу с эшафота рачьего герцога! Зуб совсем не болит! Служа-анка! Еще три кружки того же самого!

— Ну что? — помедлив, спросил Сурок.— За Кота надобно выпить.

— Чтобы земля ему пухом, а травка покрывалом,— поднял свою кружку Фонарщик.

— Чтобы шел в свете,— поддержал Фонарщика Халлас.

— Удачной зимы ему,— пожелал Угорь.

Мы выпили молча, не чокаясь.

Вот так в жизни бывает: кто-то уже в свете, а кто-то еще жив. Кот навсегда остался в земле возле старого оврага Харьгановой пустоши. Первый погибший из тех, кто отправился сопровождать меня в Храд Спайн. Очень надеюсь, что, кроме разведчика Диких, больше за время нашего путешествия никто не умрет.

Время текло незаметно, люди приходили и уходили, каменотесы, доралиссцы и егеря планомерно накачивались вином, и уже часа через два, когда передо мной стояла третья кружка, а перед Халласом восьмая с его огненной «лечилкой», невесть откуда появился дед с дудочкой и заиграл веселую джангу.

Самые трезвые и способные твердо стоять на ногах пустились в пляс. Арнх, подхватив под руки визжавшую вначале от возмущения, а потом от восторга служанку, влился в круговерть танца. Каменотесы весело подпевали, доралиссцы стучали кулаками об стол, а мы притопывали ногами, стараясь попасть в такт музыке. И лишь Хал-

лас не обращал внимания на всеобщее веселье и планомерно накачивался пойлом.

Гном или карлик может выпить, не захмелев, столько, сколько не выпьет целая толпа людей. Но Халласу вполне хватило, и его язык стал весьма заметно заплетаться, нос покраснел, а глаза заблестели. Апофеозом лечения явилось признание гнома в искренней любви к Делеру.

— Эх ты! Шля-ляпа! Ик! Не будь твоей мо-морды передо мной, что бы я с-стал делать? — пьяно бормотал гном и попытался облобызать приятеля.— Слу-луж-анка! Ик! Па-автарить!

Прошло еще немного времени, а мои товарищи никуда и не собирались уходить. Теперь у них появилось новое развлечение — Мумр и Сурок принялись играть в гляделки с доралиссцами. Каждая партия старалась пробуравить друг в друге дырку. Каменотесы, поняв, что у них, возможно, появились союзники, приободрились, а егеря задумались, на чью сторону вставать в предстоящей драке.

В трактир веселой гурьбой ввалились господа студенты, решившие отметить успешную сдачу экзамена. Халлас задремал на плече у Фонарщика, и Делер вздохнул с облегчением — гном-непоседа наконец-то заткнулся.

Как-то неожиданно за нашим столом возник спор о кулинарных изысках рас Сиалы. Карлик бил себя кулаком в грудь и говорил, что лучше, чем его народ, готовить никто не умеет, на что Кли-кли предложил разбудить Халласа и узнать его мнение на сей счет. Делер поспешно сказал, что будить его напарника не стоит, все равно гномы в еде ни шиша не понимают, достаточно вспомнить хотя бы, как гном кашеварил во время нашего путешествия.

— Вообще-то гоблины — мастера приготовить что угодно,— высказал свое мнение Кли-кли.

— Угу, только нормальные люди вашу снедь употреблять не способны,— фыркнул Фонарщик.

— Вас, Диких, нормальными людьми назвать довольно сложно,— возразил Кли-кли.— Вы небось сами во время рейдов в Безлюдные земли всякую дрянь лопаете!

— Бывало,— согласился Фонарщик.— Помню, однажды пришлось жрать мясо снежного тролля, еда, я тебе скажу, еще та!

— Тьфу! — Сурка передернуло от воспоминаний.

— Да ладно вам,— не согласился с товарищами Делер.— Мясо как мясо, только тухлятиной отдает.

— Во-во! Именно ею, родимой,— поддакнул Фонарщик.— Меня тогда чуть наизнанку нé вывернуло!

— Что-то я не заметил,— хмыкнул карлик.— После недели голодухи в снегах ты накинулся на это мясо, как будто это был не

тролль, а телячья отбивная. За ушами так и трещало! А если бы дождался, пока я его прожарю, и не ел сырым, вообще бы на ура прошло.

— Да ладно,— не вытерпел Кли-кли, нюхнув для бодрости пивка из кружки.— Разве это страсти в кулинарии? Мясо тролля! Ха!

Кли-кли состроил гримасу, будто он пять раз на дню только и делает, что лопает мясо троллей.

— А ты пробовал более экстравагантные блюда? — с интересом спросил у гоблина Угорь.

— А то! — гордо произнес Кли-кли.— У нас даже есть древняя застольная песенка о такой еде!

— А ну-ка сваргань,— попросил Мумр.

— Лучше не надо! — замахал руками Делер.— Знаю я ваше зеленое племя! Вы хуже бородатых! Как начнете петь, так собаки на лигу в округе воют!

— Интересная песня. Называется «Муха в тарелке»,— осклабился шут.

— Пей свое пиво, Кли-кли, и помалкивай! — грозным голосом предупредил гоблина Фонарщик. Маленький стервец покорно вздохнул и носом уткнулся в кружку.

— Господа хорошие! — К нашему столику подошел какой-то старикан.— Помогите инвалиду, купите ему кружку пива!

— Ты не очень похож на инвалида,— буркнул Делер, не получивший от богов дара щедрости.

— Но это так,— трагически вздохнул попрошайка.— Десять лет я скитался по пустыням далекого Султаната и оставил в песках все свои силы и состояние.

— Угу,— недоверчиво хмыкнул Делер.— В Султанате! Думаю, что ты от стен Ранненга за всю жизнь дальше десяти ярдов не отходил.

— У меня есть доказательство.— Старика немного качало, видно, за сегодняшний день он уже успел принять на грудь.— Вот!

Дед театральным жестом достал из-под грязного латаного плаща нечто напоминающее палец, только размером раза в три больше, да еще и зеленого цвета, да еще и с шипами, да еще и в цветочном горшке.

— И что это за зверь? — спросил Делер, опасливо отодвигаясь от непонятного предмета на безопасное расстояние.

— Эх, молодежь,— покачал головой старик.— Совсем ничему не обучены. Это же кактуз!

— Какой еще, на хрен, кактуз? — не понял карлик.

— Всамделишный! Редкий цветок пустыни, обладающий целебным даром и цветущий раз в столетие.

— Ерунда какая! — недоверчиво рассмотрев редкий пустынный цветок, вынес свой вердикт Арнх.

— Да ладно вам, купите деду пива,— вклинился в разговор добрый Фонарщик.

— И не только деду,— пробурчал Халлас, открывая глаза.— И мне тоже! Только не пива, а той фигни, что я пил до этого. Зуб опять заболел!

— Ты спи,— шикнул на гнома Делер.— На сегодня хватит.

— Ага! — фыркнул гном.— Как же! Какому-то старикану, значит, можно, а мне ни-ни?! Я тебя даже слушать не буду! Вот сейчас встану и сам все себе возьму!

— Да куда ты встанешь, Халлас? Тебя же ноги не держат!

— Еще как держат! — возразил гном и, отодвинув табурет, встал.— Ну?! Съел?!

Его довольно заметно качало из стороны в сторону, сейчас он был похож на матроса во время разразившегося шторма.

Халлас, сделав пару неловких шагов, столкнулся с идущим ему навстречу доралиссцем. Тот возвращался к своему столу с полной кружкой крудра, и ненароком подвернувшийся ему под ноги гном расплескал весь напиток козлу на грудь.

Бородатый пьяным взглядом окинул возвышавшегося над ним козлочеловека, умильно улыбнулся и сказал то, что совсем не стоит говорить представителю расы доралиссцев:

— Привет, козел! Как жизнь?

Доралиссец, услышав смертельное для его народа оскорбление (то есть слово «козел»), без всяких заминок влепил кулаком гному в зубы.

Делер увидев, что кто-то кроме него смеет бить друга, обиженно взревел, схватив стул, и обрушил его на голову доралиссцу. Тот как подкошенный рухнул на пол.

— Мумр, подсоби! — попросил Делер, схватив козла под мышки.

Фонарщик бросился на подмогу, поднял потерявшего сознание доралиссца и на счет «три» отправил его в далекий полет к столу егерей.

Солдаты приняли «снаряд» с распростертыми объятиями и сразу же отправили домой, к столику, из-за которого уже вставали немного злые и расстроенные козлолюди. У Бездушных опыта в запускании бессознательных тел было не так много, как у Делера и Фонарщика, поэтому доралиссец не долетел до намеченной цели и рухнул на каменотесов. Те будто только этого и ждали. Повскакивали с мест и с кулаками ринулись на егерей. Доралиссцы, проигнорировав начавшуюся бучу между воинами и каменотесами, бросились к нам.

Кли-кли пискнул и нырнул под стол. Я, зная, какой неимоверной силищей обладает ошибка богов, название которой козлочеловек, схватил со стола легендарное растение кактус и запустил его в рыло ближайшему нападающему. Владелец кактуса и моя цель закричали в одно и то же время. Один от возмущения, другой от боли. Старикан бросился спасать из-под копыт козла свое бесценное растение, а доралиссец, противно блея, выдергивал из носа колючки.

К этому времени драка приняла вселенский размах и боевой задор Веселых висельников. Все дрались со всеми. По воздуху летали пивные кружки, выискивая зазевавшихся остолопов. Одна чуть было не угодила в голову Сурку, но он вовремя пригнулся.

Причитающий хозяин заведения попытался остановить разгром его собственности, но получил в рыло от одного из козлов и свалился под стойку. Еще одна кружка грохнулась в кучку студентов, и они с воплем «Наших бьют!» ринулись в атаку на егерей.

— Гаррет! Не крутись под ногами! — прорычал Делер, устремляясь к следующему врагу. Он примерился и пнул его между ног.

Я отпрыгнул за стол, предоставляя право Диким получать все пинки и шишки, благо это их прямая обязанность — защищать меня от всевозможных неприятностей.

Угорь, Фонарщик и Сурок образовали клин и давали жару всем, кто рисковал подойти на расстояние удара. Угорь выдавал скупые удары кулаками, точные и размеренные, и тот, кто после встречи с гарракцем все еще держался на ногах, попадал под раздачу к Фонарщику или Сурку.

Линг на плече последнего впал в бешенство и пронзительно визжал, норовя укусить любого, кто подвернется ему под зубы. Поняв, что остаться на плече у хозяина — это пропустить все веселье, Непобедимый прыгнул на ближайшего врага и вцепился зубами ему в нос.

— Гаррет! Подвинься!

Арнх оттеснил меня в сторону и, схватив за грудки одного из егерей, ударил того головой. Затем еще одного драчуна постигла та же самая участь. А затем еще одного. Воистину лысая башка жителя Пограничного королевства оказалась страшным оружием.

Но на любого дракона найдется своя баллиста. Один из каменотесов подкрался к Арнху сзади и ударил воина по затылку бутылкой. Она разлетелась вдребезги, Арнх покачнулся, а каменотес, ободренный успехом, замахнулся кулаком.

Выскочивший из-под стола Кли-кли со всей дури огрел врага по колену. Тот выронил из рук оружие и, сыпля проклятиями, попытался схватить Кли-кли за шкирку, но проворный гоблин просколь-

знул между ног человека и отвесил каменотесу сочный пинок в задницу.

Я внес свою скромную лепту тем, что для полного счастья подарил парню смачный удар в живот. Противник согнулся в три погибели, и Кли-кли самым бесцеремонным образом повторно пнул его в пятую точку, а я врезал ребром ладони по шее. Парень обиженно закатил глаза и рухнул на пол.

— Ты в порядке? — спросил я у Арнха, на всякий случай придерживая его за плечо.

— Угу,— промямлил воин.— Кто это так меня?

— Вот он! — Кли-кли ткнул пальцем в лежавшего на полу человека.

— Пни его за меня, пожалуйста,— морщась попросил Арнх, и отзывчивый Кли-кли старательно исполнил просьбу товарища.

— Становится слишком жарко! Пора сваливать! — Под глазом у Фонарщика появился наиогромнейший фонарь.

— Фигу вам! — пропыхтел Делер, отбиваясь табуретом сразу от двух доралиссцев.— Веселье только начинается! Вы будете глазеть или мне хоть кто-нибудь поможет с этими козлами?!

— За козлов отвэ-э-этишь! — проблеял один из доралиссцев, обрушивая кулак на низкорослого карлика сверху.

Делер отскочил в сторону, вмазал табуретом по ребрам бившего его доралиссца и отпрыгнул назад, пропуская на свое место «тяжелую кавалерию» в виде пятерых воинственно настроенных егерей. Ребята виноградной гроздью повисли у доралиссцев на плечах и с солдатской основательностью принялись обрабатывать их морды кулаками.

Вокруг Угря образовалось свободное пространство. Никто больше не рисковал попробовать свои силы на гарракце. Наверное, мне показалось, но, по-моему, воин немного расстроился из-за такого поворота событий. Он только вошел во вкус!

— Стоять можешь? — спросил я у Арнха, осторожно опуская его на единственный уцелевший табурет.

— Да что со мной сделается? Не фарфоровый,— морщась, зашипел он и потрогал шишку у себя на затылке.

— А студенты-то ребята бойкие! — Сурок наконец закончил чесать кулаки о рыло самого здорового каменотеса и теперь с академическим интересом наблюдал за свалкой в соседнем углу трактира.

Студенты подошли к драке со студенческой находчивостью и бесшабашностью. Перевернув несколько столов, они устроили с их помощью импровизированную баррикаду и сначала провели, как говорят гномы, артиллерийскую подготовку, используя для этого

пивные кружки, и только потом с дружным ревом набросились на Бездушных егерей и им сочувствующих.

Кто-то из побитых попытался доползти до выхода и улизнуть, но не успел. Дверь попросту слетела с петель, и в заведении появились стражники.

— Никому не двигаться! Все арестованы! — заорал кто-то из воинов, но тут же получил пивной кружкой в шлем и, тряся головой, рухнул на колени.

Стража обиделась, что никто не воспринимает ее серьезно, и каменотес, собравшийся отправить в их сторону бутылку, упал с арбалетным болтом в ноге.

— Тикаем! — закричал кто-то из студентов.

Самые сообразительные стали покидать «Солнечную каплю» через разбитые окна.

Сурок недолго думая вытащил из-под стойки перепуганную служанку:

— Где черный ход?

— Там! — Девушка кивнула в сторону кухни.

— Сваливаем, ребята! Я не собираюсь объясняться со стражей! — Сурок бросился в указанном направлении.

Весь наш отряд дружной гурьбой последовал его примеру. Фонарщик и Делер во время тактического отступления не преминули настучать по тыкве последнему из оставшихся на ногах доралиссцев.

— Сто подлунных королей! — хлопнул себя по лбу карлик.— Халласа, жги его бороду, забыли!

Стражи в таверну битком набилось. Они уже теснили дерущихся, и Халласа пришлось вытаскивать чуть ли не из-под ног служителей закона.

Гном кое-как очухался и, поддерживаемый Делером и Мумром, стал ковылять к черному ходу. Мы, перепугав повариху, проскочили кухню и выбрались на улицу. Делер по дороге пел боевой марш карликов, Кли-кли подпевал ему тоненьким голосочком, Фонарщик довольно хрюкал. Ребята искренне радовались потасовке.

Мы, как оказалось, довольно долго просидели за пивом, на улице уже успело стемнеть. Выскочив в какой-то темный переулок, бросились прочь от трактира, но Халлас остановился как вкопанный и заорал:

— Мой мешок!!!

Гном оттолкнул в сторону попытавшегося задержать его карлика и нырнул назад, в таверну.

— Вот идиот! — зашипел Сурок.

— Вляпается! Как пить дать вляпается! — Делер собрался ринуться на помощь другу.

— А ну стой на месте! — осадил его Угорь.— Я не собираюсь вытаскивать из кутузки двоих.

Делер пробурчал сквозь зубы гномье ругательство, но остался на месте, с нетерпением глядя в сторону светлого прямоугольника распахнутой двери. Минута тянулась бесконечно долго...

Наконец появился Халлас с вожделенным мешком.

— Эх, жаль, тот козел не проломил твою тупую голову! — произнес Делер, но в его голосе сквозило несказанное облегчение.

— Пошли,— скупо сказал Угорь, принявший командование над нашим немногочисленным отрядом.

— Сурок, ты мышку в таверне не забыл? — встревоженно спросил Кли-кли.

— Я быстрее тебя забуду, чем Непобедимого,— проворчал Сурок.

— У-у-у, злой ты,— обиделся гоблин.— И вообще, плохой сегодня выдался день!

— Это еще почему? — удивился Арнх.— У тебя же по определению не бывает плохих дней.

— Ну посуди сам,— сказал Кли-кли, стараясь приноровиться к шагу Арнха.— Приперлись в город, прошастали весь день, Халласу зуб так и не выдрали, а завтра нужно двигаться дальше.

— Велика беда,— не согласился Сурок.

— Эх,— огорченно вздохнул Халлас.— Забыл!

— Чего ты еще забыл? — недовольно спросил Мумр.— Мешок же у тебя.

— Трубку забыл! Трубку! Выпала, должно быть, когда этот огромный козел саданул меня по роже!

— Ну и славно.— Делер не переваривал табачного дыма.— Хоть немного отдохнешь от курения.

— Трубка! Из бриара! — между тем продолжал сокрушаться Халлас.— Фамильная реликвия! Вернуться, что ли?

— Только попробуй. С Дядькой сам будешь разбираться,— предупредил гнома Угорь.

— А, ладно,— сплюнул Халлас.— У меня в седельной сумке запасная есть.

— Как твой зуб? — не удержавшись, спросил я у гнома. Халлас что-то подозрительно долго не ныл.

— Нету его, слава Сагре!

— ?

— Да этот козел так саданул, что выбил его к карликовой бабушке!

— Видишь, Халлас,— захохотал Делер.— Какого ты себе знатного цирюльника нашел. Рогатый, тупой, и бороденка имеется! Ну прямо как ты!

В темном переулке раздался взрыв смеха, причем Халлас смеялся наравне со всеми.

Три раза мимо пробегали поднятые по тревоге стражники, и нам приходилось таиться в тени зданий. Угорь решил не рисковать, и мы сделали большой крюк, чтобы не попасть под руки растревоженным, будто осы ранней осенью, блюстителям порядка. Наконец мы вышли на улицу, ведущую к «Ученой сове».

Глава 3
НЕПРИЯТНОСТИ НАЧИНАЮТСЯ...

До трактира мы добрались без всяких приключений. Когда я говорю «без всяких приключений», то подразумеваю, что во время пути домой не произошло ничего ужасного. Мумр не пытался выдуть из дудки клич одуревшего от счастья осла, Халлас ни с кем не поругался и не подрался, Кли-кли не задирал юбки у почтенных матрон, не пел пошлых песенок и не корчил рожи страже, а Угорь никого не прирезал по доброте душевной.

Гулять с моими товарищами по городу — все равно что танцевать джангу с Неназываемым на тонком фарфоровом блюдце, подвешенном над пропастью, заполненной кипящей лавой (того и гляди, то ли колдун тебя поджарит, то ли блюдце разобьется, и ты примешь довольно неприятную ванну).

— Дом, милый дом! — пропел Кли-кли, проскальзывая в ворота «Ученой совы».— Ай! Ты что?! Больно же!

Последние фразы гоблина относились к Угрю, который рачьей хваткой вцепился в плечо шута.

— Стой на месте,— прошептал Угорь.— Здесь что-то не так. Гаррет, что-нибудь замечаешь?

— Слишком тихо,— ответил я, осматривая полутемный двор.— Фонарь над входом не горит. Он, кажется, разбит... Ни одного слуги, а утром они во дворе вились как мухи. Огни горят только на первом этаже.

— Неприятности? — Кинжал Сурка, тихо звякнув, покинул ножны.

— Не знаю,— буркнул Угорь, отпуская Кли-кли и обнажая даги.— Но не припомню, чтобы утром в стенах торчали арбалетные болты.

Только тут я заметил, что в стене трактира, сейчас прекрасно освещенной луной, сиротливо застрял арбалетный болт.

— Рассыпаться,— отдал команду Делер.— Гаррет, ты вор, подкрадись и попробуй заглянуть в окно. Надо узнать, какие гости к нам пожаловали.

Угу! Я вор, но не самоубийца!

Но сказать я это не успел. В тени возле двери шевельнулся темный силуэт, сверкнули янтарные глаза, и неизвестный произнес:

— Где вы были столько времени?

На несколько долгих секунд мое сердце рухнуло куда-то вниз и на три удара замерло испуганным кроликом. (Цвет глаз посланника, кажется, поменялся на красный.) Я не сразу узнал голос Элла.

— Что случилось, Элл? — Кли-кли было ринулся к эльфу, но его остановил холодный приказ Угря:

— Стой, Кли-кли.

Гоблин замер как вкопанный и посмотрел на воина. Гарракец так и не убрал даги обратно в ножны.

— Ты Элла не узнал?

— Выйди на свет, Элл. Будь так добр,— вместо ответа гоблину мягко попросил гарракец у эльфа.

Слишком уж мягко и спокойно! В эту минуту Угорь был напряжен, как натянутая тетива лука, вот-вот готовая послать стрелу в цель.

В чем он подозревает эльфа?

Глупый вопрос. Воин, как и я, должен был помнить рассказ Миралиссы о том, что некоторые слуги Неназываемого могут менять облик и становиться чьими-то знакомыми или вообще невидимыми. Одну из таких тварей Кот и Эграсса убили во время нашего пути возле лагеря шаманов.

— В чем дело, Угорь? — довольно неприветливо процедил эльф.

Гарракец не доверял темному, а для эльфа необоснованное недоверие — это достаточно серьезное оскорбление. Настолько серьезное, что дело может дойти до поединка. Но Угорь — парень не робкого десятка, он знает, на что идет.

— Ты просто выйди на свет, и все. Сам знаешь, в последнее время странные вещи вокруг нас творятся.

Элл не стал спорить и сделал, что у него просили. Вопросительно посмотрел на Угря. Смуглая кожа, черные губы, пепельные волосы с челкой, ниспадающей на желтые глаза, здоровущие клыки, вышитая черная роза на рубашке — эмблема дома, тяжелый эльфийский лук в руках и неизменный с'каш за спиной. Губы к'лиссанга Миралиссы растянулись в едва заметной насмешливой улыбке.

— Ну как? Похож?

Угорь угрюмо молчал, изучая лицо эльфа. Делер как бы невзначай прянул влево, а Арнх вправо, обходя темного по флангам.

— Если бы я захотел, то вы бы и десяти шагов не сделали,— выложил на стол козырного туза эльф.

Что верно, то верно. Элл, в отличие от Миралиссы и Эграссы, не обладал познаниями в шаманстве (магия — это дело высших родов эльфийских домов), но стрелял отменно. Каждый из нашей семерки получил бы стрелу в глаз, прежде чем Кли-кли успел сказать «Бу!».

— Да... это ты,— кивнул Угорь и, не спуская взгляда с эльфийского лука, убрал даги в ножны.— Прости.

Раскаяния в голосе гордого гарракца не чувствовалось.

— Похвальная предосторожность.— Губы Элла дрогнули в улыбке. Эльф решил забыть об оскорблении по крайней мере на время.

— Что случилось? — шмыгнул носом Кли-кли.

— Идите в дом, Миралисса все расскажет. А потом кто-нибудь смените меня... Медка еще надо найти.

— Куда он поперся на ночь глядя? — Делер недоумевал, как и все остальные.

— Все вопросы к Миралиссе,— отрезал эльф и скрылся во мраке.

— В тени прячется! Ха! А глазищи так и сверкают! Даже слепой его заметит, а уж гном точно! — бахвальски рассудил Халлас.

— Ты не прав,— покачал головой Угорь.— Он захотел, чтобы мы его увидели. Не недооценивай эльфа, гном.

Халлас крякнул, дернул себя за бороду и вошел в трактир, но своего мнения об эльфийской способности сидеть в засаде гном, по-моему, не изменил. Я последовал за ним и остолбенел на пороге. Пол был мокрым от впитавшегося в доски вина. Причиной всего этого безобразия оказалась большая винная бочка на стойке, которую продырявили пять арбалетных болтов. Все вино, естественно, вылилось на пол и чуть не затопило трактир.

В дубовой двери, ведущей на кухню, было полно болтов, еще столько же мы увидели в стенах. Столы и стулья большей частью перевернуты или сдвинуты. Возле стойки лежало шесть тел.

Одного мертвеца я узнал — это был трактирщик, мастер Пито. Трое других, как я понял,— его помощники-слуги. Два оставшихся тела мне были незнакомы, но, в отличие от убитых стрелами хозяина заведения и его слуг, эти двое были изрублены.

В самом центре зала, возле стола, заваленного оружием, находились Миралисса, Эграсса и Алистан. Милорд Маркауз невозмутимо очищал от крови батарный меч канийской ковки, эльфы негромко разговаривали друг с другом. Дядька сидел прямо на стойке, сжимая в левой руке пивную кружку. Правое плечо у десятника оказа-

лось забинтованным. Сквозь белую ткань повязки проступила кровь.

— Явились, гори ваши души! — выругался он, как только увидел нас.— Какого Неназываемого шляетесь, когда вы здесь мне нужны?! Я вам, мать вашу, сейчас головы поотрываю, засранцы! Я, вонючий козел танцуй на ваших костях, сам должен за всех отдуваться?!

— Что случилось? — виновато спросил Делер.

Дядька, нисколько не стесняясь Миралиссы, принялся излагать в доступной для нас форме, более подходящей в разговоре между портовыми грузчиками, что тут произошло и что нам теперь следует со всем этим делать. Из его монолога я смог вынести всего четыре более или менее ценных слова — «у», «на», «пошли», «в».

Никто не рискнул его перебивать, и десятник, выговорившись, все-таки снизошел до объяснений.

В трактире оставались только Алистан, Дядька, Горлопан и Медок.

Не прошло и часа, как сюда вломились неизвестные с арбалетами. Ребята без всяких объяснений попытались отправить всех находившихся на тот свет.

Медок вовремя сдернул Дядьку со стула, и десятник вместо сердца получил арбалетным болтом в плечо. Мастеру Пито и его слугам повезло меньше. Несчастных хладнокровно нашпиговали болтами. Медок с Дядькой рванули в сторону спасительной кухни, а Алистан, прежде чем отступить вслед за Дикими, поработал мечом и отправил двоих врагов, уже разрядивших арбалеты, во тьму. Дикие забаррикадировали дубовую кухонную дверь, а нападающие даже не попытались ее выбить.

А вот Горлопану не повезло — когда воины отступали на кухню, он находился на другой стороне зала под прицелом троих арбалетчиков.

— Когда они ушли, а мы выбрались,— продолжил Дядька,— вся стена, возле которой эти ублюдки застали его врасплох, была утыкана болтами, а на полу море крови.

— Я не вижу тела.— Угорь кивнул в сторону лежащих возле стойки мертвецов.

— Мы тоже не увидели.

— Думаете, они забрали его с собой? Но зачем?

— Не знаю, может, он был еще жив?

Жив? В нашем мире слишком мало чудес, чтобы надеяться на такой исход событий.

Я отчего-то нисколько не сомневался, что Горлопан уже мертв. Если нападавшие без зазрения совести убили безобидного трактир-

щика, то опытного воина они должны были пристрелить на месте. А тело... Мало ли для чего им оно могло понадобиться?

Еще одна невосполнимая потеря для отряда. Прощай, Горлопан.

— Чего хотели эти люди? — спросил я у Миралиссы, отвлекаясь от раздумий о гибели еще одного нашего товарища.

— Ключ, Гаррет. Они забрали Ключ.

Час от часу не легче! Сегодня судьба со своей сестричкой-удачей явно не на нашей стороне.

— Какой еще Ключ?! — Делер, впрочем, как и все Дикие, ничего не знал ни о каких ключах. Миралисса и Алистан не посчитали необходимым рассказать членам отряда об эльфийской святыне.

— Без него будет довольно проблематично попасть в сердце Храд Спайна,— пояснил я карлику.— В общем, это важная штука, без которой нам можно никуда не ехать, а спокойно дожидаться прихода Неназываемого в Ранненге. Нет Ключа — нет Рога Радуги.

— Штихс! — Карлик произнес ругательство на гномьем языке и еще больше нахмурился.— И как они про этот ваш Ключ смогли прознать?

— Кто знает? — Эграсса снял с головы серебряный обруч и раздраженно швырнул его на стол.— В людских городах слишком много болтливых птичек! Кто-то знал, кто-то сболтнул, кто-то услышал и начал действовать. Мы потеряли одну из главных эльфийских святынь!

Где-то полторы тысячи лет назад, когда орки и эльфы только-только отстроили верхние залы Костяных дворцов (после того как перестали спускаться на нижние ярусы огров), обе расы считали Храд Спайн священным местом и не рисковали проливать в его лабиринтах кровь друг друга. Но ненависть оказалась сильнее ее — война началась и под землей. Дворцы стали смертельны как для Первых, так и для эльфов.

С тех давних пор Храд Спайн всегда оставался опасным местом. Там было много такого, о чем даже огры рассказывали шепотом. До сих пор остается неизвестным, кто (или что) заложил основу Костяных дворцов глубоко под землей в те времена, когда и раса огров еще считалась молодой.

Это ведь потом огры превратили Храд Спайн в могильники (а затем их дурному примеру последовали орки, эльфы и люди), но каково было истинное предназначение подземных лабиринтов, так никто и не понял.

Раса огров освоила нижние ярусы, начала создавать свои и потеряла разум, превратившись в тупых и кровожадных животных. Эльфы и орки пришли оградам на смену, но были умнее своих предшественников и не только не стали лезть в мрачные глубины яруса Ночи,

но даже не рисковали спускаться в бывшие владения огров, опасаясь разбудить их темное шаманство.

Но то, что не сделал разум молодых рас, сделала их кровь. Кровь и ненависть — две стороны одного и того же меча, пробившего брешь в печати равновесия.

Эльфы и Первые вовремя догадались убраться с дороги пробудившегося зла и закрыть ему путь с помощью Створок.

Прежде чем древнее зло подземных чертогов успело вырваться наружу, эльфы установили на третьем ярусе огромные Створки, созданные с помощью магии шаманов темных и волшебников светлых эльфов. Эти Створки перекрыли проход между ярусами Храд Спайна.

Чтобы замкнуть Створки, эльфам понадобился магический ключ, и за помощью они обратились к карликам, наврав про то, что запечатывают они Дворцы для того, чтобы не прошли орки. Ключ на века замкнул Створки, и немногие отваживались спускаться в глубину Дворцов по обходному пути. Пути, по которому отчего-то не могло пройти зло.

После того как Створки были заперты, Ключ надолго поселился в столице темного королевства — Листве, и лишь в этом году дом Черной луны забрал Ключ из дома Черного пламени и передал его Миралиссе.

Она отвезла артефакт Сталкону, зная, что тем, кто отправится в Храд Спайн, без него никак не обойтись. Путь через Створки третьего яруса — самый быстрый и самый безопасный, ну или относительно безопасный.

— Без Ключа мне проще сунуть голову в пасть огру и целой и невредимой вытащить ее обратно, чем совершить прогулку по Храд Спайну. Все наше предприятие становится очень и очень безнадежным. Есть какие-то идеи по поводу того, что нам делать дальше?

— Ждать,— ответил мне Эграсса и машинально провел пальцем по лежавшему перед ним серебряному обручу.— Теперь мы будем ждать...

— Чего ждать? Или кто-то надеется, что эти парни будут настолько глупыми, что вернут нам Ключ вместе с искренними извинениями?

— Треш Эграсса дело говорит — не нервничай, Гаррет.— Дядька окунул бороду в пивную кружку.

— Я и не нервничаю.

— Ну вот и правильно. Медок пошел за похитителями.

— Медок?!

— А кто еще?! Не вас же, обормотов, дожидаться,— проворчал десятник.— Господ эльфов не было, я ранен, милорд Алистан рыцарь,

а не следопыт. Вы шляетесь по кабакам да морды бьете! Только Медок и оставался.

— Давно он ушел? — спросил Сурок.

— Давно, часа два...

— Халлас, хватит рассиживаться.— Делер двинулся к выходу.— Элл просил его сменить, думаю, он еще сможет нагнать нашего громилу.

Гном с карликом вышли на улицу.

— Я думал, вы всегда носите Ключ с собой, леди Миралисса,— прервал затянувшееся молчание Кли-кли.

На этот раз от шута не было слышно его вечных хиханек и хаханек. Даже неунывающий гоблин понимал, в какое положение мы попали.

— Моя ошибка, шут.

Эльф признал свою ошибку?! Небывалый случай. Обычно они склонны винить в ошибках других.

— Никто не виноват,— успокоил Миралиссу милорд Алистан.— Мы не предполагали, что кому-то станет известно, что у нас есть Ключ.

— Надо было предположить! — Эльфийка сверкнула глазами.— Моя беспечность и моя вина! Я не потрудилась даже установить защиту вокруг артефакта!

— Как они вообще прослышали о нашем появлении? — задумчиво сказал Эграсса.

Темный эльф как будто читал мои мысли.

Ответ на этот вопрос был только один — нас здесь ждали, и ждали давно.

— Кто-то кому-то успел о нас донести,— ответил эльфу Алистан.— Пока ехали по городу, мы были как на ладони.— Здесь сотни глаз, нас могли искать...

Угорь прошел через весь зал и склонился над телами неизвестных. Он довольно долго изучал лица мертвецов, а затем без всякой брезгливости проверил карманы покойников и их руки. Руки-то зачем?

— Без сомнения, они воины,— наконец вынес гарракец свой вердикт.

— Что они воины, а не жрецы богини любви, мы и так видим,— фыркнул Дядька.— Интересно, кому эти гады служили?

— Если бы они попросту постреляли нас, я бы предположил, что кто-то из дворянских домов решил избавиться от отряда, посчитав, что их соперники наняли нас на службу. Тогда бы это было предупреждение...— после недолгого молчания сказал Алистан.

Ничего себе предупреждение! Предупреждение — это когда тебе ломают палец и обещают в следующий раз сломать руку, а затем шею. А когда тебя шпигуют арбалетными болтами, то это не предупреждение.

— Это сторонники Неназываемого,— сказал Угорь и бросил на стол два кольца.— Вот что я нашел у мертвецов.

Я взял тяжелый ободок и повертел его в руке. Кольцо в виде ветки ядовитого плюща — герб Неназываемого. Такие штуки носят его слуги, когда выполняют волю своего владыки.

— Понятно.— Я бросил колечко на стол и вытер руки.

Коснувшись золотого ободка, я, пожалуй, впервые испытал отвращение к вещице из чистого золота, и, будь сейчас передо мной целый сундук этого добра, я бы ни за что его не прикарманил. Сталкон поступает совершенно правильно, отправляя вариться в кипятке людей, состоящих на службе у Неназываемого.

Сторонники колдуна — фанатики. Они гниль, грязь и сорняки нашего королевства, и прополкой этих сорняков с радостью занимаются палачи-огородники Королевских песочников.

В зал вошел незнакомый мне человек. Миралисса представила его как племянника покойного мастера Пито.

— Горе-то какое, треш Миралисса! Хоть бы боги покарали проклятых убийц! — запричитал наследник, в отчаянии заламывая руки.

— И покарают, мастер Квилд, можете в этом не сомневаться.— Миралисса ободряюще похлопала по плечу нового владельца трактира.— Я позабочусь, чтобы затеявший все это злодей не ушел безнаказанным.

— Спасибо.— Квилд с благодарностью кивнул эльфийке.

— Стража знает о случившемся?

— Нет и не узнает! — ответил трактирщик.— Эти дармоеды только и могут пошлины стричь и взятки брать! А когда случается вот такое, их днем с огнем не сыщешь!

— Тогда вам лучше вынести тела из зала, пока кто-нибудь ненароком не заглянул в трактир.

— Да...— Квилд скорбно кивнул.— Да, действительно, я так и поступлю. Сейчас позову помощников, треш Миралисса, и отнесем убитых ко мне домой, а там уж женщины разберутся что да как. К похоронам приготовят...— вновь загрустил Квилд.— А этих двоих супостатов я, с вашего позволения, на заднем дворике, возле скотного двора закопаю.

— Это на ваше усмотрение, мастер Квилд.

Дядька допил пиво и подошел к нам.

— Как плечо-то? — немного виновато спросил у него Арнх.

— До свадьбы заживет и мясом зарастет. Спасибо эльфийке, помогла шаманством, через неделю буду как новенький.

— Горлопана жалко,— вздохнул Кли-кли.

— Ты погоди, зеленый, его хоронить-то! Может, и жив еще,— одернул шута Сурок.— Не стали бы люди Неназываемого с собой труп тащить, живого уволокли, чует мое сердце.

Может, и живого... А может, и нет... Без постоянного нытья и брюзжания Горлопана в отряде сразу стало как-то пусто...

Минуты текли со скоростью улитки, которая ненароком попала в королевские винные погреба и налакалась в них дармового пойла по самые рожки. Капли времени падали на раскаленные угли ожидания, но никто из богов даже не попытался ускорить их бег, превратить капли в дождь и затушить жар.

Вернулся Квилд с помощниками и, погрузив тела на носилки, вынес их из трактира.

Дважды заглядывал Халлас. В первый раз он сообщил, что все в порядке, а второй — взял две кружки пива. На вопрос Дядьки, что они с Делером будут делать с выпивкой на посту, бесхитростный гном ответил очень лаконично — пить. Десятник нахмурился, но решил с упрямым ворчуном не спорить.

Алистан с невозмутимостью, которой позавидовали бы особы королевской крови, продолжал наяривать точильным камнем по мечу, видно желая сделать его самым острым во всей вселенной.

Пример графа оказался заразителен, и Угорь, обнажив один из двух своих клинков, принялся за работу. На мой взгляд, точить гаракский меч — ненужная трата времени. Узкий и изящный «брат» без всяких усилий мог располосовать эльфийский дрокр, не говоря уже об обычном шелке.

Я поинтересовался у Дядьки: где мой любимый арбалет и нож? Десятник ткнул пальцем в сторону дальнего стола, где было свалено все наше оружие.

Что тут поделаешь — не умею я пользоваться ярдовыми стальными кусками жéлеза, называемыми мечами, кинжалами, топорами, секирами и прочими... А вот арбалет — другое дело. Из своего миниатюрного друга я легко попаду в мишень с семидесяти шагов, в то время как искусство владения мечами и колюще-режущими предметами — дело не для приличного вора. Где мне, скажите пожалуйста, размахивать мечом? Со стражей, что ли, драться? Так лучше просто убежать, чем дожидаться, пока какой-нибудь пропитой страж пырнет тебя куском железа в живот. Так что не создан я для фехтовальных поединков, хотя благодаря Фору и «закрытым боям» вполне сносно разбираюсь в этом со стороны.

Сурок продолжал запихивать в Непобедимого очередную порцию снеди, и создавалось такое впечатление, что воин кормит свою зверушку на убой. Арнх, Дядька и Эграсса занялись игрой в кости на интерес, и эльф уже успел выиграть шесть раз.

Кли-кли с совершенно серьезной миной шептался с эльфийской принцессой. На мою попытку подойти к ним шут ответил не очень приветливым взглядом, и я не стал их беспокоить. У гоблина и эльфийки появились общие секреты?

Фонарщик потихоньку наигрывал грустную мелодию на дудочке, и лишь я остался не у дел. Решив заняться чем-нибудь полезным, я извлек из сумки карты Храд Спайна и изучал их до той поры, пока не вошел Элл.

Миралисса вопросительно изогнула бровь, но эльф лишь отрицательно покачал головой:

— Не нашел.

— Никаких следов? — отвлекся от меча Алистан.

— Да нет, совсем наоборот — слишком много следов. Я по ним прошел через весь город и даже нашел тех, кто украл у нас Ключ, но они все уже были мертвы.

— То есть?!

— То есть абсолютно мертвы. Их утыкали стрелами. Если эти люди и несли артефакт, то у них его отобрали. Шесть трупов в темном переулке, никакого Ключа, никакого Медка и полное отсутствие следов. Как будто по ним метлой прошлись. Я поискал, но без толку...

Нападавшие на нас сами попали в засаду? Этих-то кто успел пришить? Свои или в дело вступила третья сторона? Но кто?

— Надеюсь, с Медком ничего плохого не случилось, и он будет поудачливее, чем наш Элл,— ворчливо сказал Дядька.

— Мумр, Сурок, — негромко произнес милорд Крыса,— смените Халласа и Делера.

Фонарщик отложил дудку в сторону и пошел выполнять приказ Алистана.

Ввалившись в трактир, гном с карликом оккупировали стойку и принялись уничтожать стратегические запасы пива, заодно добрым словом вспоминая друга Горлопана, да пребудет он в свете.

Все вновь занялись своими делами и лишь иногда бросали обеспокоенные взгляды в сторону двери.

Я вернулся к изучению бумаг. Проклятые лабиринты Костяных дворцов наотрез отказывались оставаться в памяти, я от силы смог запомнить путь от первого яруса до лестницы на второй. Наконец, когда время перевалило за полночь и наше терпение уже почти пол-

ностью себя исчерпало, появился Медок. Воин молча взял из рук Делера полную кружку густого темного пива и осушил ее одним глотком.

— Нашел я их,— усмехнулся молодой великан, тыльной стороной ладони вытирая усы.— Они в доме в южной части Ранненга.

— В южной? — нахмурилась Миралисса.— Но там только особняки высшего дворянства!

— Вот-вот... Халлас, повтори пивка.

Медок протянул кружку гному, и тот безропотно ее наполнил.

— О Горлопане что-нибудь узнал?

— Ничего. Как в воду канул,— отхлебнул пива воин.

— Что вообще произошло? Элл тебя так и не смог найти.

— Да? — Медок посмотрел на эльфа.

— Я обнаружил только трупы...

— Ах да! Я когда вышел из трактира, отставал от наших убийц минут на десять. Да еще и стража в Верхнем городе разбегалась. Из-за них пришлось хорониться и идти с оглядкой. В общем, к месту схватки я немного опоздал. Пришел, на мостовой одни лишь мертвецы и десяток ребят с луками, уходящих из темного переулка. Ну, на безрыбье, как говорится... Я за ними пошел.

— Они что-нибудь говорили?

— Да нет...— подумав, сказал Медок.— Правда, потом, когда убийцы встретились с каким-то человеком, тот сказал, что Хозяин теперь может быть ими доволен.

— Хозяин? — с тревогой переспросила у Медка Миралисса и бросила предупреждающий взгляд в мою сторону.

— Так они сказали,— пожал плечами Медок и отхлебнул из кружки.— Мне довольно долго пришлось за ними идти, а потом еще дольше торчать в каком-то закутке, пока неизвестные ожидали человека. Они передали ему тот предмет, что украли у вас, треш Миралисса, получили деньги, восхвалили Хозяина и свалили.

— А неизвестный?

— Поперся совершенно в другую сторону. Тут уж мне пришлось выбирать, за кем идти. Я рассудил, что украденная штука важнее, и пошел за ним. Ловкий зараза! Чуть было его не потерял.— Он тебя не заметил? — обеспокоилась Миралисса.

— Да нет... Не должен был.

— Чего же ты его не пришил, раз у него Ключ был? — разочарованно спросил гном.

— С ним еще четверо были. Охранники. Да и сам он опасный тип, судя по всему. Я даже подумал, что парень из шаманов — больно бледная у него кожа.

— Ты сказал «бледная»?! — вскинулся я.

— Ага. Как мел. Белая-белая.

Уж не мой ли это был знакомец Ролио? Выходит, что на Большом Рынке мне не почудилось и я видел именно его. Сторонники Неназываемого все сделали за Бледного, и слугам Хозяина оставалось лишь подкараулить добычу в темном переулке и, расстреляв воров из луков, завладеть Ключом. То, что не удалось шаману Хозяина полторы тысячи лет назад в Горах карликов, удалось наемному убийце сегодняшней ночью, и Хозяин наконец-то смог заполучить вожделенный артефакт в свои лапы.

— Продолжай, Медок,— попросил Эграсса.

— А что продолжать? — пожал плечами Медок.— Я не Кот, да пребудет его душа в свете, следопыт из меня как из Халласа ювелир, но все же этого парня я смог довести. Он в огромном особняке в южной части города. Вот и весь рассказ.

— Что за дом? Где он расположен?

— Да тьма знает это расположение! Я в городе впервые. Насилу обратную дорогу нашел. Но опознать смогу. Не дом, а целый дворец, и ворота вычурные, с птичками всякими.

— Вот и славно! Мы этим птичкам сейчас крылышки-то и пообломаем! — Халлас запихнул в рот кусок хлеба и взялся за боевую мотыгу.

— Ты куда это, такой бойкий, собрался? — Дядька с нескрываемым интересом наблюдал за гномом.

— Как куда? — опешил от такого странного вопроса Халлас.— Надо ведь Ключ у этих отобрать.

— Одним неполным десятком? Не зная, к кому мы идем? Не зная численности охраны? Не зная, где в доме они прячут эту штуку и вообще, там ли он? Побойся богов, Халлас! Видать, тебе слишком сильно приложили по зубам! — съязвил карлик.

— Сядь, Халлас,— негромко сказал Алистан, и пристыженный гном, собравшийся начать грызню с Делером, вернулся на место.— Вначале нам нужно узнать, с кем мы имеем дело, и только потом лезть в бой.

— С кем мы имеем дело? Тут, пожалуй, я смогу вам ответить, милорд Алистан,— не подумав, ляпнул я и тут же прикусил язык, но было уже поздно.

— Ты стал прорицателем, вор? — спросил меня граф Маркауз.

— Да нет, ваша милость. Все гораздо проще.— Тот человек, что получил от напавших на сторонников Неназываемого Ключ, не кто иной, как Бледный. А Бледный, как вы должны помнить, служит Хозяину. Смею предположить, что, кто бы ни жил в доме, он так же, как и Ролио, на побегушках у Хозяина.

— Что же, логично,— согласилась с моими доводами Миралисса, а затем раздраженно щелкнула пальцами.— Значит, этот Хозяин снова переходит нам дорогу...

Алистан хмыкнул, показывая тем самым, что я его нисколько не убедил своими предположениями.

— Прошу прощения, леди Миралисса,— лениво процедил наконец-то открывший рот Угорь.— Мы с ребятами в последнее время только и слышим от вас о каком-то неведомом Хозяине. Вы не могли бы рассказать о нем подробнее? А то мы как слепые котята — даже не знаем, откуда может нагрянуть опасность.

— Думаю, Гаррет расскажет лучше, чем я.

Взоры Диких обратились в мою сторону.

— Мумр, налей мне пивка,— вздохнув, обратился я к Фонарщику.— История будет долгой.

— Ну я уже ее слышал, так что пойду-ка я спать,— зевнул Кли-кли.

— Я тоже на боковую,— поддержал гоблина гном и бахвальски закончил: — Вы мне просто завтра, то есть уже сегодня, скажите, где башка у этого вашего Хозяина, и я его стукну мотыгой, чтобы он козни нам не чинил!

— Герой ты наш,— фыркнул Делер.

— Ага, не то что некоторые карлики, носящие на пустой башке глупую шляпу! — И гном вышел до того, как Делер успел найти более-менее достойный ответ.

Передо мной очутилась пузатая кружка пива, и я начал рассказ...

— М-дя...— крякнул Делер, выслушав мою историю.— В интересные дела мы ввязались, а, Дядька?

— Не ной,— ответил карлику десятник.— Знал, на что шел, когда из Одинокого с нами уходил.

— Знал,— согласно кивнул Делер.— Да нам и не привыкать! В снегах Страны огров выживали, неделями голодали, до изумрудного льда Игл Стужи доходили! Так что мы теперь и перед каким-то гадом не отступим!

— Не отступим, карлик,— тихо произнес Алистан.— Нам теперь отступать некуда. Шанс, что до конца ночи Ключ покинет особняк, существует. Добровольцы есть?

— Утром отосплюсь,— сказал Сурок и, сняв с плеча Непобедимого, передал его мне.— Присмотри. Медок, я с тобой.

— Погодите, я с вами прогуляюсь.— Из-за стола встал Эграсса и, взяв с'каш, вместе с Дикими вышел из таверны.

— Мм...— задумчиво протянул Делер.— Мне показалось или треш Эграсса действительно захватил с собой клинок?

— На эльфов закон Ранненга не распространяется, Делер,— улыбнулась Миралисса.— Мы можем носить оружие где угодно.

Карлик разочарованно хрюкнул и пробурчал себе под нос, но так, чтобы не услышала Миралисса:

— Как зубастый, так можно с собой хоть катапульту таскать, а как честный карлик, так не разрешают взять в город какую-то безобидную секиру!

Я подхватил дремлющего линга и отправился спать.

Глава 4
...И ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На следующее утро меня разбудили резкие и злые визги Непобедимого. Со сна я поначалу вообще ничего не понял.

Божественное озарение сверзилось на меня как всегда неожиданно. Разгадка была очень простой — я слышу Непобедимого потому, что какая-то маленькая зелененькая гоблинская вонючка решила позлить грозную мышь.

— О! Смотри!— раздался восторженный голос Кли-кли.

Линг завыл еще сильнее.

— Попробуй поднести палец к нему поближе! — В голосе Мумра слышался неподдельный интерес.

— Угу, сам поднеси! Цапнет!

— Да не цапнет!

— А я говорю, цапнет! Посмотри, как он зубы оскаливает!

— Слушай, Кли-кли! Когда тебе еще представится такая возможность его погладить? Сурка нет, а его Непобедимый под твоим боком. Можешь наконец-то попробовать с ним подружиться! Поверь, он тебя не укусит!

— Говоришь складно, только вот доверия у меня к твоим словам ни на медный грош!

— Ну, твое дело,— уж очень безразличным голосом произнес Фонарщик.— Не хочешь — не надо. Буди Гаррета и пошли завтракать.

— Пока некоторые храпели за всю армию Мирануэха, я уже успел позавтракать,— ворчливо ответил Кли-кли, а затем, делано вздохнув, сказал: — Ладно, поглажу, авось не укусит.

Тут же предупреждающе завизжал Непобедимый, давая понять, что фамильярностей он не потерпит.

— Ай! Больно! Он ме́ня цапнул! Клянусь великим безумным шаманом Тре-тре, крысеныш меня цапнул! — заорал гоблин.

— И мало,— сказал я, открывая глаза.— Чего к нему лез?

— Гаррет! Ты на чьей стороне? Ты за меня или за эту лохматую ненормальную выхухоль? Посмотри! Он меня цапнул!

Кли-кли в качестве доказательства и обвинения сунул мне под нос прокушенный палец.

— Мало тебе,— злорадно произнес я.— Вот Сурок узнает, что ты над его зверем издеваешься, он тебе голову оторвет.

— Дурак ты, Гаррет,— сказал Кли-кли и облизал «ужасную» рану.

— Э нет! Позволь,— сказал я, вставая с кровати.— Дурак не я, а ты.

— Верно, дурак,— благосклонно согласился Кли- кли.— Но к тому же я еще и мудрец. А вот ты просто дурак!

— Это отчего же ты мудрец? — вмешался Фонарщик, прислушивающийся к нашему спору.

— Как отчего? — фыркнул я, надевая рубаху.— Его в детстве головой с крылечка уронили, вот он и считает себя мудрым дураком.

— Может, я и мудрый дурак, но ты, Гаррет, дурак самый настоящий! И знаешь почему? Потому что мудрец знает, что он дурак, а, следовательно, он мудрый дурак! А такие, как ты, считающие себя наиумнейшими и наимудрейшими, даже не догадываются, какие они круглые дураки!

— Ну у тебя и рассуждения,— заметил я, немного запутавшись.— Ты не пробовал в Университет профессором философии пойти?

— Какие мы слова знаем! — Это легкое утреннее переругивание очень забавляло маленького гоблина.— Фи-ло-со-фия! Небось такой дурак, как ты, десять лет это слово учил? А насчет рассуждений, я тебе очень быстро докажу, что ты дурак! Хочешь?

— Нет.

— Потому что ты дурак! — не преминул напомнить мне гоблин.— Боишься?

— Просто от королевского шута я никаких доказательств слышать не хочу. Ты пустомеля, Кли-кли.

— Я пустоме́ля?! Нет, я тебе докажу, что ты дурак, который не слушает мудрецов! — распалился гоблин.— Вот смотри! Доказательство первое! Кто может впутаться в Заказ о Роге Радуги?

— Дурак! — Мне скрепя сердце пришлось признать правоту зеленого.

— О! Да ты мудреешь не по дням, а по часам! — искренне восхитился шут, заматывая прокушенный палец носовым платочком.

Платок был далеко не первой свежести, да к тому же по его краям были вышиты голубые цветочки весьма пошлого вида. Скорее всего, этим платочком пользовался еще дедушка Кли-кли, а когда

пришло время, он передал его в подарок внуку (естественно забыв перед этим постирать подарочек).

— Продолжим нашу дискуссию,— не унимался зеленый клоп.— Доказательство второе! Когда ты отказался признавать верность гоблинских пророчеств, рассказывающих о Танцующем в тенях, то есть о тебе, ты разве повел себя не как наикруглейший из самых круглых дураков?

— Я повел себя как умный человек. Больно мне надо быть в ваших нелепых пророчествах. Дураком я стал в тот момент, когда разрешил называть себя Танцующим в тенях!

— Ох,— разочарованно вздохнул шут.— Вот опять глупеть стал. Но ничего, пускай ты дурак, но имя принял и тут уж тебе не отвертеться! Пророчество исполнится!

Кли-кли просто обожал Брук-грук — гоблинскую Книгу Пророчеств, в которой якобы рассказывается обо всех важнейших событиях, которые должны были произойти на Сиале. Якобы именно в ней существует особый цикл предсказаний, получивший название «Танцующий в тенях». Гоблин настаивает, что эти сказки про меня. Я же отбиваюсь от сочинений безумных гоблинских шаманов руками и ногами. Вот чего мне только не хватало в жизни для полного счастья, так это стать героем книжки!

— А как он принял имя, Кли-кли? — поинтересовался Мумр.

— Как, Фонарщик-монарщик? Да очень просто. Он же дурак!

Чувствую, что у гоблина что-то перевернулось в мозгах, и теперь он как заморский попугай будет целый день твердить это слово. Фонарщик ответом личного шута Сталкона не удовлетворился, и Кли- кли продолжил разглагольствовать:

— Сейчас расскажу. Пророчество о Танцующем в тенях говорит о том, что этот самый Танцующий, который будет непременно вором, спасет весь мир от злой бяки. А прежде чем он это сделает, случится еще куча событий или знамений. Там много всего того, по чему можно узнать Танцующего, то бишь нашего всеми любимого круглого дурака Гаррета по прозвищу Тень. Вначале Танцующий должен связать демонов с помощью Коня Теней, потом уничтожить багровую птицу, затем обрести имя!

— А при чем тут Гаррет? — недоуменно спросил Мумр.

— Ох! И тяжело с вами, дураками, разговаривать! — делано разозлился Кли-кли и от досады топнул ножкой.— Демонов Конем Теней Гаррет, можно сказать, связал?

— Не я, а маги Ордена связали демонов.

— Да это не главное,— отмахнулся от моих попыток возразить Кли-кли. Шут сел на своего любимого конька — пророчества безумного мага Тре-тре, чтоб ему в свете пусто было!

— Орден связал демонов с твоей помощью? Связал! Знамение свершилось? Свершилось! Идем дальше! Багровая птица в Харьгановых пустошах была? Была, да к тому же не одна!

— Если этих летающих тварей гоблины называют птицами...

— Это образное литературное выражение, парень! Ничего ты в искусстве не понимаешь! Так была птица?

— Ну будь по-твоему,— вздохнул я. Ну не спорить же мне с этой мелочью о том, что порождение Кронк-а-Мора шаманов Неназываемого можно назвать ночным кошмаром с крыльями, но никак не птичкой? — Была.

— Во! А имя ты обрел?

— Угу! Еще с детства. Гарретом кличут.

— Тьфу ты, горе мое! Ты действительно тупица или просто притворяешься так искусно, что и не отличишь?! Я не о твоем имени от рождения, а об имени свыше! Танцующий в тенях — вот оно! Ты сам согласился, что я тебя могу так называть! Так что имя ты принял!

Я еще раз проклял тот день, когда разрешил Кли-кли так меня называть. Да и разрешил-то только ради того, чтобы неугомонный маленький шут отстал, а он вместо этого завопил на все четыре стороны света, что знамение исполнилось. И теперь следует ожидать следующих, не менее глупых гоблинских предсказаний!

— И какое из пророчеств-предзнаменований у тебя на очереди? — с пренебрежением спросил я у гоблина.

— На очереди? — Шут хитро прищурился, посмотрел на меня и продекламировал:

Когда багровый ключ уйдет,
Как влага сквозь песок уходит,
И Путь туманом порастет,
Работа для вора придет.
С Клубникой встретится он в ночь,
И ключ решит, кому помочь!

— Угу,— не удержавшись, хохотнул я.— Я всегда говорил и буду говорить: твоему безумному шаману Тре-тре следует на завтрак поменьше мухоморов кушать.

— Попр-росю без необоснованных оскор-рблений! — Гоблин показал мне зубы.— Тре-тре был самым великим шаманом моего народа! Арцивус со своим Орденом и в подметки ему не годится!

— Годится или не годится, это пусть другие решают. Ты хоть сам-то догадался, о чем говорится в твоем стишке? Я вот ничего не понял.

— Потому что ты дурак,— не преминул напомнить мне шут.— На то оно и пророчество, чтобы понять его, когда оно свершится! Но

оно вот-вот сбудется, ведь «...багровый Ключ ушел...». То есть, если говорить нормальным языком, артефакт у нас сперли.

— А этот ваш Ключ? Он что, багровый? — заинтересовался Фонарщик.

— Да нет...— сказал сбитый с толку вопросом Мумра Кли-кли.— Он на хрустальный похож...— Ладно, Гаррет. Иди набивай живот, а то у нас с тобой еще есть дела!

— У меня есть только одно дело, Кли-кли, то самое, о котором я поклялся на могиле Кота. Я достану Рог Радуги, всучу его Ордену, сграбастаю честно заработанные денежки и грамоту с помилованием, а затем отправлюсь жить в свое удовольствие. Остальное, если, конечно, это не угрожает моей жизни и не сулит барыша, меня не касается.

— И все же у нас есть дело,— очень серьезно сказал Кли-кли.— Мумр и Угорь идут сменять Сурка и Эграссу.

— Не улавливаю связи. При чем здесь я?

— Во-первых, отдашь линга Сурку...

— Я могу передать его и здесь,— перебил я гоблина.

— Во-вторых,— невозмутимо продолжил Кли- кли,— Миралисса попросила тебя осмотреть дом и сказать, сможешь ли ты в него забраться и слямзить Ключ из-под носа у хозяйских слуг.

— Слямзить? Из-под носа? — эхом переспросил я.— Я?

— Ну не я же! Ты ведь у нас вор!

Крыть было нечем. Я взял с подушки мышь и, посадив ее себе на плечо, произнес:

— Пошли. Дорогу знаешь?

— Угу. Медок утром пришел и все мне рассказал. Угорь составит нам компанию. Фонарщик, ты с нами?

— Да.

— Но учти,— предупредил я гоблина, выходя из комнаты,— пока я не позавтракаю, ни о каких прогулках по городу не может быть и речи.

— Нисколько в этом не сомневался. Будет тебе завтрак. Мастер Квилд уже давно накрыл стол.

Птички пели, радуясь лету, цветочки цвели, небо голубело, травка зеленела, солнышко светило. Если не вспоминать о том, что у нас из-под носа украли Ключ и что мы до сих пор ничего не знаем о судьбе Горлопана, день казался чудесным.

— Далеко нам идти? — спросил я у гоблина.

— Не очень,— пробормотал шут.

Правой рукой он держался за мой рукав и прыгал на одной ножке, на радость себе и прохожим. Отодрать его мне не удалось, шут

вцепился в рукав рубахи, как клещ впивается в собаку, так что пришлось перейти к увещеваниям.

На вежливую и проникновенную просьбу прекратить валять дурака и идти как все нормальные люди на двух, а не на одной ноге, Кли-кли ответил мне отказом. Пришлось не обращать на гоблина-попрыгунчика внимания. Ну не драться же с ним на виду у прохожих, право слово!

— Насколько не очень? — вновь спросил я у приятеля после очередной безуспешной попытки выдрать рукав из его цепких рук.

— Ну с часок,— безразлично ответил Кли-кли и перепрыгнул через лежащую на дороге палку.

Я застонал.

— Но нам же надо в южную часть города, на Пестрый холм. До него топать и топать.

— Вот в том-то и дело, что кому-то топать, а кому-то прыгать и строить из себя дурака,— не удержался я от комментария.

Кли-кли был горазд весь этот час пропрыгать на одной ножке.— Прости, но карету нам сегодня не подали,— съязвил королевский шут и ловко перескочил через лужу.

Гаденыш наврал. От трактира до нашей цели было не больше двадцати минут.

Улица, ведущая к Пестрому холму, забиралась на него под немыслимым углом. Пока я добрался до района Больших шишек, с меня сошло семь потов. Слава Саготу, хоть гоблин от меня отстал.

— Вот бы прокатиться! — почти на самой вершине холма мечтательно пробурчал шут.

Я проследил за его взглядом. Возле одного из домов стояла старая рассохшаяся телега, под колеса которой был подбит деревянный брус, чтобы она ненароком не покатилась вниз и не придавила какого-нибудь нерасторопного прохожего.

— Даже не думай! — предупредил я его.

— Ничего ты не понимаешь в объедках, Гаррет! Дурак, одним словом! Смотри, какая горка! Мы же как ураган помчимся!

— Не нравится мне твоя идейка.

— Какая идейка? Что помчимся как ураган? — уточнил Фонарщик.

— Нет,— ответил я.— Что мы помчимся как ураган. Если ты, Кли-кли, решил покончить жизнь самоубийством, то не надо других впутывать в свои безумные идеи.

— Гаррет, ты все такой же бука! Расслабься, нам ничего не грозит! Почему сразу самоубийство?

— Да потому, дурья твоя голова! Эта горка длиной больше четырехсот ярдов! Поехать-то ты поедешь. Разогнаться разгонишься!

Как ураган,— пискляво передразнил я Кли-кли.— Но тормозить мы как будем? Твоей дурной башкой? Нам потом кости по всему Ранненгу собирать придется!

— О! — глубокомысленно сказал шут, обдумав мои соображения и с сожалением посмотрев на телегу.— Над этой проблемой я не подумал.

— И кто из нас дурак, а кто мудрец?

— Ты дурак, я мудрец — это даже тупому доралиссцу понятно. Кстати, мы уже пришли, вон поместье!

Поместье, находящееся на самой верхотуре холма, размерами напоминало половину королевского дворца. Правда, отсюда я плохо мог его рассмотреть. От моего взгляда большую часть дома скрывали густые кроны растущих в парке деревьев.

Вход в частное владение перегораживала высокая серая стена, на вершине которой находились замысловатые стальные фигурки. Их вид нисколько меня не обманул — в первую очередь это шипы и преграда для тех, кто решится перебраться через стену, и только потом — украшение. Не сомневаюсь, что кроме шипов внутри нас поджидают или собаки, или гарринчи, или стражники. Или и те, и другие, и третьи.

Стальные ворота поместья пестрели от нарисованных на них изображений птичек. Тут были летающие, поющие и еще Сагот знает какие птахи. Я пригляделся к рисункам и понял, что это соловьи. Следовательно в гадючьем гнезде живет кто-то из милордов дворян Соловьев.

— Впечатляет! — сказал Фонарщик, оценивая взглядом дом.— Как тебе, Гаррет?

— Сложно.

— В смысле?

— В смысле выбраться оттуда.

— Но ты же мастер в таких делах. Не так ли?

— Угу. Но от этого дело не становится проще. Где Сурок и Эграсса?

— Наверное, притворяются деревьями, вот мы их и не замечаем,— высказал предположение Кли-кли.— Спрятались они, Гаррет, спрятались. Или ты думаешь, что два парня, постоянно крутящиеся вокруг дома на пустом участке земли, не привлекут к себе никакого внимания?

— Ну, раз спрятались, тебе их и искать. Я в прятки играть не собираюсь.

— А вот и найду! Потому как не такой дурак, как некоторые! — сказал наш мудрец и решительно принялся крутить головой.

Естественно, гоблин никого не нашел. Если эльф захочет, чтобы его не увидели, его не увидят. Да Дикие, в особенности их разведчики, всегда славились хорошей маскировкой и умением спрятаться даже там, где это сделать, казалось бы, невозможно.Сурок с Эграссой двумя призраками вынырнули из зарослей кустов, растущих возле стены, огораживающей поместье. Я вообще не подумал бы, что там могут сидеть два здоровых воина.

— Вы припозднились,— поприветствовал нас Сурок.

— Еще бы! Вас сам Х'сан'кор не сыщет! — сказал я, передавая радостно пищащего линга хозяину.— Не узнали, кому принадлежит дом?

— Нет. А вы?

— Нет,— ответил Угорь.— Все тихо?

— Как на погосте. По крайней мере, через эти ворота из дома никто не выходил, но где-то за час до рассвета туда въехали семеро. Прошу пожаловать в берлогу. Укрытие удобное. С дороги его не видно, так что заступайте. Можете спокойно сидеть, ворота оттуда видны как на ладони.

— Удачи,— пожелал воинам немногословный Угорь и направился к кустам. Он нырнул в какую-то щель, и ветки тут же скрыли его от наших глаз.

— Пошли, Гаррет. Чего ты пнем на улице торчишь? — позвал меня Кли-кли.

— Слушай,— запротестовал я,— ведь ты говорил, что мне надо только осмотреть дом, и все. Уговора, что я должен лезть в кусты, не было!

— Ну какой же ты все-таки вредный! — уперев руки в бока, сказал маленький шут.— Почему я должен тебя постоянно уговаривать, словно ты дите малое?

— Ладно, ладно,— примирительно поднял я руки.— Сдаюсь, только не ной!

— Вот так-то лучше! — победно пропищал шут и скрылся следом за гарракцем.

Я последовал за ним, успокаивая себя мыслью, что, пока Миралисса не узнает, чей это дом, и не придумает с Алистаном, как нам в него пробраться, мне все равно делать нечего. Разницы никакой — что тут лежать, что в трактире сидеть. Правда, в трактире нет надоедливого Кли-кли, зато там есть Миралисса.

После того как призрак Вальдера спас меня в Харьгановой пустоши от багрового летуна, темная эльфийка поглядывала на меня с очень большим интересом. Я не рассказал ей, да, впрочем, и никому другому, что в моей голове живет дух мертвого архимага. И после

событий, произошедших на пустоши, играл роль круглого дурака: мол, не знаю я, что тогда произошло и как я спасся!

За ночь Сурок с Эграссой и Медком постарались и создали великолепное убежище. Если смотреть со стороны дороги, то кусты казались нетронутыми, но стоило попасть внутрь зарослей, и тут же оказываешься в уютной зеленой берлоге с примятыми ветками и травой.

Места в ней было достаточно для того, чтобы спокойно уместилось два человека. Нас, конечно, было не двое, а четверо, но Кли-кли не отличался крупными размерами, а я немного потеснился, и мы вполне удобно разместились в этом наблюдательном пункте.

Фонарщик тут же улегся на траву, выдрал травинку, взял ее в зубы и принялся наблюдать сквозь ветки «крыши» за облачками, плывущими по небу. Прекрасное занятие для тех, кто желает заснуть.

Угорь занялся делом — он наблюдал за воротами, ведущими в дом, и лишь мы с Кли-кли страдали от жуткой скуки. Непоседливый гоблин ни минуты не мог посидеть спокойно, и чем дольше мы находились в засаде, тем сильнее он маялся от тоски.

— Сам сюда залез, теперь терпи,— со злорадством произнес я.

Гоблин лишь осуждающе вздохнул и прилег на травку рядышком с Мумром. Шут тоже принялся считать пролетающие над нами облака, но вскоре ему это надоело, и не прошло и пяти минут, как он заерзал, пихнул меня ногой в бок и подполз к Угрю.

— Никого? — с любопытством прошипел Кли-кли.

— Никого,— односложно ответил гарракец, не отрывая взгляда от ворот.

— А-а-а...— разочарованно протянул гоблин, затем снова пихнул меня ногой в бок и опять стал считать облака, не обращая внимания на мой не самый доброжелательный взгляд.

Через десять минут история повторилась. Пинок в бок, ползком к Угрю, вопрос, ответ, разочарованное «А-а-а...», пинок в бок.

На третий раз я не выдержал:

— Кли-кли! Ложись на место или я за себя не отвечаю!

— Да я просто на минутку к Угрю!

Пинок в бок.

Я рассвирепел и попытался в ответ отвесить шуту тумака, но тот каким-то немыслимым образом разминулся с моей ногой и, радостно хихикнув, показал язык. Что ж, я подожду, когда он пропрыгает обратно!

— Никого?

— Никого.

— А-а-а...Ой!

Кли-кли хотел вернуться на место, но Угорь, не глядя на гоблина, прижал его рукой к земле:

— Лежи здесь.

— Но почему?!

— Хватит Гаррета задевать.

— Ну я же любя! — попытался оправдаться Кли- кли.

Воин не ответил, и шут, надувшись от смертельной обиды, обозвал меня ябедой, но перечить Угрю не посмел и остался на месте.

Время тянулось бесконечно. Мумр жевал травинку, Кли-кли задремал, сморенный бездельем, я отлежал себе бок и перевернулся на другой. Лишь Угорь все так же неподвижно, как и два часа назад, наблюдал за воротами. Движения и каких-либо признаков жизни там не наблюдалось. Несомненно, они охранялись, и охранялись хорошо, раз тут живет кто-то из воинственной ранненгской дворянской братии, но никаких стражников мы не видели.

По истечении третьего часа Угорь вскинулся и усмехнулся:

— Наконец-то!

Я встрепенулся и, аккуратно отодвинув ветку, посмотрел на ворота. Два стражника, видно из личной охраны хозяина дома (на их одежде были вышиты какие-то эмблемы, хотя с такого расстояния я не мог их четко разглядеть), торопливо раскрывали тяжелые створки.

— Что происходит? — протяжно зевая, спросил очнувшийся от дремы Кли-кли.

— Тараканье гнездо оживилось,— буркнул Мумр.— Гаррет, потеснись немного, я ни шиша не вижу.

Из ворот выехали всадники. Один, три, пять. И Бледный, забери его тьма!

— С ними Ролио! — прошептал я.

— Где? — Кли-кли так захотел увидеть убийцу, о котором я ему столько рассказывал, что чуть не выпал из кустов прямо на дорогу.

Было бы не до смеха, если бы шут угодил под копыта лошадей всадников. Но Угорь не дремал и дернул Кли-кли за ногу, вернув его обратно в кусты.

— Расслабься, парень.

— Я нечаянно.

— Вот Бледный. Всадник во всем черном,— объяснил я. Руки так и чесались угостить убийцу болтом, но арбалета при мне, увы, не было.— Куда это они направляются?

— А, вселенская тьма! Уйдут!— выругался Угорь.— Уйдут, клянусь драконом!

— А вдруг у него Ключ? — Я подлил масла в огонь.

Всадники удалялись.

— Мумр! Живо за ними! — отдал приказ Угорь.

— Так у них же лошади!

— А у тебя ноги! По городу не поскачут, видишь же, что едут медленно! Постарайся узнать, куда они собрались.

— Ладно,— выплюнул травинку Фонарщик.— Попробую.

— Надо все рассказать Маркаузу и Миралиссе.— Угорь встал из кустов.— У нас еще есть шанс перехватить их возле городских ворот.

— Ворот много,— оспорил эту идею Кли-кли.— Следует поторопиться!

До трактира добраться мы не смогли. Точнее, нам просто не дали этого сделать. Как только мы очутились на улице, по которой проходили несколько часов назад, дорогу перегородили двое. Неброская одежда ремесленников, хмурые лица, холодные глаза. Парни были очень самоуверенны, но их уверенность была совершенно оправданной и понятной — у каждого в руке по обнаженному мечу.

— Похоже, в поместье все же нас заметили,— протянул я, извлекая из ножен кинжал.

Кинжал против меча — это все равно что арбалет против баллисты. Не знаю, как Угря, но меня самым тривиальным образом изрубят в капусту, как только я полезу в драку.

— Гляньте назад! — пискнул Кли-кли.

С тыла к нам подходили шестеро. Они находились еще достаточно далеко, но у каждого был арбалет...

Только тут я заметил, что арбалетчики выходят не из поместья, ворота которого оставались закрытыми, а из здоровенной кареты.

— Это не Соловьи! Прислужники Неназываемого! Нас выследили!

Угорь глухо зарычал и обнажил даги.

— Гаррет, не стой дураком! — зашипел Кли-кли, наблюдая за приближением арбалетчиков.— Сумка с магическими безделушками у тебя с собой?

— Нет. Сегодня оставил вместе с арбалетом и клинком.

Гоблин сдавленно застонал:

— Это твой самый дурацкий поступок из всех возможных!

Не поспоришь.

И тут меня озарило. И я полез в карман на рукаве куртки за припрятанным козырем — магической пробиркой с зельем. Разбиваясь, она создавала вспышку, шум и дым.

Абсолютно бесполезная штука, но я получил ее совершенно бесплатно, и выбрасывать волшебный пузырек было жалко, а испробовать не представлялось возможности. Я уже очень давно не носил «шумелку» в сумке, чтобы случайно не перепутать с другими. Убрал

пробирку в специальный карман на рукаве и забыл про нее, благо весила она всего ничего.

— Прикройте глаза! — рявкнул я товарищам и швырнул пузырек под ноги мечникам.

Вспыхнуло, бухнуло, и часть улицы стало затягивать густым молочно-белым дымом. Один из мечников испуганно вскрикнул.

— Держитесь за моей спиной! — приказал Угорь и бросился на ошеломленных врагов, невзирая на их мечи.

Один из противников сидел в дыму на мостовой и удивленно хлопал глазами. Про меч, лежавший в нескольких шагах от него, парень даже не вспомнил. Второй враг оказался менее пуглив. Он, не очень умело размахнувшись, попытался снести Угрю голову, но тот поднырнул под клинок, заблокировал его левой дагой и воткнул правую в шею мечника.

Второму парню, который все так же продолжал сидеть и ошеломленно хлопать глазами, я врезал ногой в челюсть. Неудавшийся убийца клацнул зубами и рухнул на мостовую.

— Бери меч! — сказал мне Угорь, подбирая с земли клинок убитого.

Я клинком владею, как пекарь штурвалом королевского фрегата, но в данном случае не было времени объяснять это гарракцу. Как только арбалетчики увидели, что произошло с их товарищами, они перешли на бег. К сожалению, мой магический фокус не произвел на них должного впечатления, и бежали они не от нас, а к нам. Самый нетерпеливый выстрелил в нас, и болт чиркнул о мостовую в опасной близости от ноги Угря.

— Живыми хотят взять! — прорычал Угорь.

— За мной! — пискнул Кли-кли, понимая, что воздух тут вскоре станет свистеть от стрел, а в таких местах приличному гоблину делать абсолютно нечего.

Шут скрылся в белесом дыму, я резво потопал за ним, Угорь прикрывал отход.

Всего лишь десять шагов, и мы вырвались из стены дыма, застилавшей улицу. Арбалетчики стреляли, больше не заботясь о том, чтобы взять нас живыми. Нас скрывала стена дыма, и только поэтому наши шкуры все еще оставались целыми и невредимыми. Один из болтов пролетел возле моей головы и со стуком вонзился в борт телеги с подпорками под колесами. Кли-кли намеревался прокатиться? Кажется, его мечта осуществится через несколько секунд.

— Гаррет, что это за дрянь ты кинул? — кашляя, спросил Угорь про содержимое волшебного пузырька.

— Пустячок, спасший нас от неприятностей! Стой, Кли-кли! — Я схватил гоблина за шкирку.— В телегу!

— Ты дурак?!

— Ага! Давай, мудрец!

Угорь, не став ничего у меня спрашивать, зашвырнул протестующего гоблина в телегу. Он-то понимал, что от стрелков бегом не скроешься. Через десяток секунд за наши шкуры никто не даст и дырявого медяка. Я запрыгнул следом за Кли-кли.

— Гаррет, надеюсь, ты знаешь, что делаешь! — Кажется, я впервые видел шута испуганным.

Ни во время атаки сторонников Неназываемого на королевский дворец, ни в Вишках, ни в Харьгановых пустошах его изумрудная кожа не имела такого бледно-салатового оттенка.

Угорь мощным ударом выбил из-под колес деревянные подпорки, фиксирующие телегу на месте, и та покатилась под горку. Хладнокровный гарракец еще и подтолкнул ее, хотя этого абсолютно не требовалось. Спуск был достаточно крутым, и наш транспорт разогнался просто до умопомрачительнейшей скорости.

— Я-я-й д-ду-мма-ю, ч-чт-то эт-то был-ла плох- хай-я! Ид-де-я! — Колеса подскакивали на камнях мостовой, и Кли-кли, вцепившись обеими руками в борт, заикался от тряски и расширенными от страха глазами наблюдал за пролетающими мимо нас домами.

Немногочисленные прохожие с криками отпрыгивали в сторону, чтобы не попасть под колеса и награждали нас отборнейшей бранью и пожеланиями отправиться во тьму.

В борт стукнул еще один болт.

— Пригнитесь! — рявкнул Угорь, стараясь перекричать грохот колес и шум ветра, воющего у нас в ушах.

Мы так и сделали. По заднему борту застучал самый настоящий дождь смерти. То ли преследователей было намного больше, чем мы видели, то ли они оказались стрелками-виртуозами. Стрелять и заряжать с такой скоростью могли далеко не все королевские солдаты.

Кли-кли все же высунул голову за борт, посмотрел вперед и выдал многозначительное восклицание:

— Ой!

Глаза у гоблина в это время могли поспорить размерами с луной. Я не утерпел и решил узнать, что означает это «Ой» в устах нашего умника.

Улица, как ни прискорбно об этом говорить, заканчивалась через сто ярдов и поворачивала под прямым углом налево. Вот тут-то нас и поджидал пренеприятнейший сюрпризец — прямо на пути резво летящей вниз телеги возвышалась стена одного из домов.

Я оглянулся назад — преследователи сильно проигрывали в скорости нашему безумному экипажу, но с упорством имперских псов, которые почуяли долгожданную добычу, неслись по следу.

— Прыгаем! — заорал я.

Скорость у телеги была сумасшедшая, и если мы ненароком решим остаться в ней, то нас попросту размажет по стене.

— Если мы прыгнем, мы можем испортиться! — возразил мне Кли-кли.

— А если не прыгнем, то точно испортимся! Прыгаем на «два»!

— Раз...

Мы не успели. Телега догнала стену или стена догнала телегу, неважно.

Мы врезались.

Мы вмазались.

Мы с треском влетели в очень твердую поверхность.

В общем, если есть те, кто не понимает нормальный человеческий язык, объясняю по слогам — мы вля-па-лись в неприятности. Как говорят гномы — из огня да в полымя!

Удар был страшен. Кли-кли, стоявший как заправский канатоходец на борту и так и не дождавшийся моего «два», попросту улетел в неизвестном направлении. Гоблина как ветром сдуло, и ему еще крупно повезло. В отличие от шута мы с Угрем находились внутри.

От столкновения мир померк. Мне показалось, что из Безлюдных земель прибежала парочка ретивых великанов и станцевала джангу на моих ребрах. Как они (ребра конечно же!) остались целы, это еще тот вопрос. В ушах стоял звон, в глазах вертелись звезды, левый бок — одна сплошная боль, а голова тяжелая до невозможности.

Неизвестно сколько времени я так пролежал. Может, секунду, а может, целый век. Звезды упорно не желали исчезать, проносились в задорном хороводе и от их безумия меня начало мутить. Ко всем вышеперечисленным неприятностям можно добавить, что от удара соображал я с трудом и какими-то урывками.

И все дальнейшие события я лицезрел как бы со стороны.

Вот надо мной склонился Кли-кли. Надо сказать, что гоблин был цел и невредим, если не считать ссадины на щеке и порванного плаща.

— Гаррет! Да Гаррет же! Тьма тебя раздери! Вставай! Вставай же!

Чего он так кричит? Я же не глухой. И откуда здесь столько досок? Ах да! Телега!

— Вставай, Танцующий в тенях! Они близко!

Х'сан'кор съешь его язык! Ну чего этот шут ко мне пристал? Мне бы с часок отлежаться, и я буду как новенький. Пусть Угря достает! Кстати, как он там поживает?

Пришлось совершить над собой усилие, отвлечься от Кли-кли, который пытался мне что-то втолковать, и повернуть голову в сторону предполагаемого нахождения воина.

Ага! Угорь рядом со мной, только руку протяни. Лицо у парня залито кровью, он опирается руками на трофейный меч и пытается встать с колен. Я даже зауважал Дикого еще сильнее. Упорный все-таки парень наш Угорь!

— Беги, Кли-кли! Предупреди! — просипел воин.

Бежать? От кого? И предупредить кого? В глазах Кли-кли, услышавшего приказ воина, вспыхнул испуг.

— Я вас не оставлю!

— Давай, шут,— сам не знаю для чего сказал я. Голос у меня был ничуть не лучше, чем у Угря.— Предупреди кого надо, и мы с тобой выпьем морковного сока...

В горле у меня настолько пересохло, что я готов был вылакать все Холодное море, несмотря на то что оно очень соленое.

— Постарайся выжить, Танцующий! — Кли-кли бросил на меня прощальный взгляд и исчез из поля зрения.

Куда это он? А! Ну конечно! Побежал куда-то предупреждать кого-то. Вон как смылся, видать, очень хочет сока. Большой ему в этом удачи! И личного счастья...

Гарракцу встать не дали. Какие-то люди окружили его, выбили из руки меч и ударили по затылку. Угорь упал на землю и больше не шевелился. Я сделал попытку подняться, но отчего-то руки и ноги меня не слушались, и я попросту закрыл глаза, давая понять этим нехорошим людям, что разговаривать с ними претит моему воспитанию.

Тысяча демонов тьмы! Ну и вмазались же мы в так некстати подвернувшийся дом! Ну не мог он, что ли, отойти в сторонку?!

Тьма! Не о том я думаю!

— Этот жив? — спросил кто-то стоявший надо мной.

— Угу! Но в отключке! — Говоривший весьма ощутимо пнул меня под ребра.

Я же говорю, нехорошие люди!

— Берем с собой или одного нам хватит?

— Одного хватит.— Еще один пинок.— Этого в расход.

— Я тебя в расход быстрее отправлю! — Еще один голос.— Обоих хватаем! Или ты такой умный и с Ризусом сам будешь разговаривать?

— Да я же пошутил!

— Тупая шутка, придурок! Недомерка упустили!

— Да что может этот гоблин?

— Может! Еще как может принести нам целый воз неприятностей!

— Послать ребят вдогонку?

— Ха! Ты бы еще через год опомнился! Он на своих коротеньких ножках нас всех обгонит! Зеленого уже не достанешь, он в переулках затеряется так, что днем с фонарем не сыщешь. Хватит разговоров. Грузите этих, пока стража не нагрянула и народ не стал собираться!

Меня взяли за ноги и за руки и куда-то понесли.

Вот так всегда. Как только в городе случается серьезная заварушка, всех стражников и прохожих попросту сдувает с улиц. Потом, когда наступает тишь да гладь, они, конечно, появляются и бьют себя пяткой в грудь. Мол, задержали нас неотложные дела, а то бы мы их всех!

Меня бросили на что-то жесткое. Кто-то ругнулся, хлопнула дверь, и пол, дернувшись, заскрипел. Кажется, я очутился в карете. Но почему же меня так бесцеремонно уронили? Ребята могли вежливо пригласить прокатиться с ними. Неужели они думали, что я, такой вежливый и безотказный, не соглашусь залезть в карету?

Кто-то тихо застонал у меня над ухом. Угорь?

Пришлось открыть глаза, чтобы удовлетворить свое любопытство. Как оказалось, я лежу на полу кареты по соседству с потерявшим сознание Угрем. Кроме нас тут находились ребята-арбалетчики, которые не далее как пять минут назад попытались подстрелить некоего Гаррета и его компанию.

У орков есть великолепная поговорка: «Любопытство гоблина в Лабиринт завело». Один из нехороших парней заметил, что я открыл глаза, и воскликнул:

— Эй, этот пришел в себя!

Я хотел ему сказать, что я, собственно, никуда и не уходил и я не этот, у меня есть имя, но язык отчего-то отказался слушаться.

— Так выруби его,— безразлично посоветовали арбалетчику.

Последнее, что я увидел, прежде чем погрузился в темное ничто,— камнем падающую на меня дубинку.

Глава 5
РАЗГОВОРЫ В ТЕМНОТЕ

Я шел по широкому темному коридору, стены которого были выложены грубым булыжником и покрыты то ли мхом, то ли лишайником. Света здесь практически не было, и мне приходилось касаться стены рукой, чтобы не пропустить случайный поворот.

Потолок плясал как спятивший дождевой червяк. Трижды я касался его макушкой, но стоило сделать всего лишь несколько шагов — и сколько ни тяни руку вверх, никакой преграды под пальцами не ощущается — лишь пустота, тьма и слабый сквознячок.

В голове у меня роились тысячи вопросов. Как я сюда попал? Куда иду? Зачем? Что ищу во тьме этого подземелья? И подземелье ли это?

Очень сомнительно, особенно если исходить из того, что через каждые двадцать шагов моя рука натыкалась на металлическую дверь с маленьким решетчатым окошком. Двадцать шагов грубого камня и мха под рукой, а затем пальцы ощущают холодный и мокрый от подземной сырости металл. А затем снова двадцать шагов камня.

У меня создавалось ощущение, что я нахожусь на самом нижнем ярусе какой-то огромной тюрьмы.

Коридор казался бесконечным. Иногда из-за дверей доносились стоны и бормотание, но большей частью за ними жила оглушающая тишина. Кто находился в этих подземных казематах? Узники, безумцы, пленные или души тех, для кого дорога в свет или тьму закрыта на веки вечные? Ответа на эти вопросы у меня не было, так же как и желания узнавать, кто же на самом деле сидит в камерах.

Когда я проходил мимо очередной двери, из-за нее раздался безумный хохот. Я от неожиданности отпрыгнул к противоположной стене коридора и ускорил шаги, стараясь оказаться как можно дальше от сумасшедшего узника. Но смех еще долго метался по стенам и потолку, и, подгоняя, бил меня по спине.

Спустя три вечности, когда я уже сбился со счета шагов, мне почудился слабый запах моря.

Да, так пахло в Портовом городе Авендума, когда ветер дул со стороны причалов. Это был запах соли, запах водорослей, запах морских капель, оставшихся после набегающих на пирс волн, запах чаек, которые по вечерам встречают рыбачьи лодки. Запах свежей прохлады, запах рыбы, запах бриза и запах свободы.

Чернильная тьма отступила, и медленно, жутко медленно из нее стали проступать призрачные очертания коридора. Откуда-то сверху пробивался робкий луч дневного света.

Я остановился и, задрав голову, посмотрел на голубое пятнышко неба, видимое через маленькое окошко, пробитое в высоком, просто недосягаемом для меня потолке. На лицо мне упал солнечный луч, и я невольно зажмурился. До меня донесся мерный гул, как будто недалеко вздыхает уставший после целого дня тяжелой работы великан. Где-то поблизости находилось море, и прибой было очень хорошо слышно.

Море?! Но каким образом? Как оно тут могло очутиться?! Куда же я все-таки попал? И самое главное, как я сюда попал?

Оставшись торчать на одном месте, я точно не найду интересующих меня ответов, поэтому я распрощался со светом и направился дальше по коридору, вновь нырнув в неласковую тьму. Глаза к мраку привыкали долго, и один раз, едва не потеряв опору под ногами, я чуть было не грохнулся. Остановившись и вытянув вперед правую ногу, пощупал пол.

Так и думал.

Лестница.

Как назло, она уходила куда-то вниз, в еще более густой и непроглядный (если такое вообще возможно) мрак. Я остановился и принялся размышлять, что мне делать дальше?

Дорога вниз, в глубокое подземелье тюрьмы (буду называть это место так, пока точно не узнаю, где нахожусь), для меня была крайне нежелательна. Сагот знает, на что или кого я там наткнусь. Да и бродить во тьме можно очень и очень долго. У меня было всего два выхода из создавшейся ситуации: вернуться назад, в самое начало пути, или все же спуститься вниз и поискать ведущую наверх лестницу.

Первый вариант был даже более разумен, чем второй, но пройти весь долгий и утомительный путь назад я был просто не в состоянии.

Оставалось идти вперед. Решившись, я стал осторожно спускаться. При мне не было ни масляного фонаря, ни факела, ни тем более магического «огонька», и идти приходилось на ощупь. Спускаясь и держась рукой за стену, я считал ступени. Их оказалось шестьдесят четыре. Крутые, избитые временем ступеньки привели меня в очередной коридор.

Он оказался полным близнецом предыдущего. Тот же чернильный мрак, тот же затхлый и холодно-влажный, пробирающий до мурашек воздух. Те же стены, сложенные из грубого камня и покрытые шершавым мхом-лишайником, те же металлические двери с решетчатыми оконцами. Единственное отличие я заметил только тогда, когда стал считать шаги. Двери в стенах находились через каждые сто, а не через двадцать, как было раньше, ярдов.

Здесь было намного холоднее, чем в верхнем коридоре, и я спустя какое-то время, сам того не замечая, начал дрожать. Идти приходилось медленно, в темноте я боялся налететь на неожиданную преграду или попросту свалиться в провал или яму. После того как справа от себя я оставил седьмую по счету дверь, стены изменились.

Грубая каменная кладка и мох пропали, уступив место базальтовой скале. Неизвестные строители прорубали весь дальнейший ко-

ридор прямо в горной породе. У меня возникло подозрение, что я попал в казематы гномов или карликов.

Далеко-далеко впереди во мраке мигнул светлячок света. Я остановился, прижался к стене и стал всматриваться в даль.

Огонек еще раз мигнул. Скорее всего, это пламя еще плохо разгоревшегося масляного фонаря. Светлячок тихонько покачивался в такт чьим-то шагам и медленно удалялся от меня.

Я не раздумывал. Огонь — это разумные существа, даже если они и не очень дружелюбно настроены к неожиданным посетителям. Надо просто держаться от несущего фонарь неизвестного в отдалении, вести себя как можно незаметнее и надеяться на то, что нечаянный проводник выведет меня из этой воистину странной и загадочной тюрьмы.

Я устремился вперед, презрев опасность споткнуться о неожиданное препятствие и поломать себе ноги. Нагнать незнакомца оказалось довольно легко — он плелся со скоростью огра, объевшегося человечины.

Пробежав мимо лестницы, ведущей наверх (именно по ней пришел сюда неизвестный), и решив пока не рисковать, чтобы не топтаться в темноте, я догнал путника.

По сгорбленной спине, шаркающей походке, дрожащей старческой руке, которая сжимала масляный фонарь, и по седым волосам я без всяких сомнений и колебаний понял, что ему уже очень много лет. Неизвестный путник был одет в старую рваную дерюгу грязно-серого цвета, хотя я готов заложить последний золотой, что в далекие седые годы эта тряпка была великолепным камзолом.

Массивная связка ключей, висящая на потертом поясе, противно дребезжала в такт его шагам. В другой руке дед держал то ли миску, то ли тарелку. Дед шел, держа фонарь на вытянутой, чуть дрожащей руке, и его тень, увеличенная в несколько раз, танцевала на стенах.

Я крался в десяти шагах от путника, стараясь держаться в двух ярдах от границы света. Старик шествовал молча и лишь иногда сипло кашлял. Также он шаркал, кряхтел и тихонько ругался. Я боялся, что старикан развалится прямо на ходу, так и не добравшись до цели своего похода. Но коридор, на мое счастье, неожиданно закончился, и дед, покряхтев, остановился возле крайней двери. Надсмотрщик, как я прозвал про себя старика, поставил миску и фонарь на пол и снял с пояса связку ключей.

Он бормотал и придирчиво перебирал ключи, пока наконец не остановил свой выбор на одном из них, попробовал повернуть его в замке, но из этого ничего не вышло. И надсмотрщик, кляня тьму и того, кто ее породил, вновь стал греметь связкой, ища более подходящий ключ.

Тут до меня стало доходить, что, когда старик двинется в обратный путь, я окажусь прямо на его дороге, если только не потороплюсь добежать до лестницы. А в кромешной темноте бежать бесшумно, не видя ни стен, ни ступенек, довольно проблематично. Как бы медленно ни шел старик, если он меня и не увидит, то уж услышит обязательно.

Дед продолжал возиться, а я отчаянно искал выход из неприятной ситуации. Можно, конечно, дать старику по тыкве, но где гарантия, что без него я найду дорогу наверх? Новая лестница вполне способна привести меня в новый лабиринт, и бродить я в нем буду до скончания веков. Так что вариант с нападением отпадает.

Спрятаться мне на его пути негде — свет от фонаря захватывает коридор во всю ширину, и как бы я ни жался к стенам, все равно меня сможет заметить даже слепой крот.

Напротив двери, с которой сейчас возился старик, была дверь, ведущая в другую камеру.

Вот именно что была.

Теперь на ее месте зиял угольно-черный проем, ведущий в открытую, а следовательно, пустую камеру. Дверь с сорванными петлями, приличными вмятинами на стальном теле и покореженной решеткой на окне лежала на полу.

Не знаю, кого держали в камере, но, увидев, что узник смог сотворить с преградой, я не позавидовал стражам тюрьмы, когда это существо вырвалось на свободу.

Да-да, именно существо!

Ни один нормальный человек не способен оставить на пятидюймовых стальных листах такие вмятины (если только он в течение трехсот лет без остановки не стучал в нее своей дубовой башкой).

Старик наконец нашел ключ, поднял с земли фонарь, осмотрел находку при более ярком свете, удовлетворенно цокнул языком и начал возиться с дверью. Я проскользнул в двух шагах от него и нырнул в темноту камеры.

Старик перестал ворочать ключом в замке и резко втянул носом воздух, словно был охотничьей собакой, почувствовавшей лиса. Но мне было не до странностей дедули. Я чуть было не выскочил обратно в коридор, потому как вонь в пустующей камере заставляла предположить, что в ней без перерыва в течение десяти лет блевала армия гномов.

Я закрыл нос рукавом куртки и постарался дышать ртом. Получалось это с трудом, потому как запах был таким, что у меня начали слезиться глаза. Все время, пока я стоически пытался бороться с вонью, старик неподвижной статуей стоял возле отпираемой двери.

Наконец надсмотрщик еще раз втянул носом воздух, потряс головой, как будто прогонял невесть каким образом свалившееся на него наваждение. Как же, папаша, как же! Меня сквозь такую вонь ты не почуешь! Даже если у тебя нюх имперской собаки!

Старик вновь занялся сражением с упрямым замком. Я тем временем старался сохранить остатки завтрака в желудке. Если только смогу выбраться из подземелья, то выброшу пропахшую одежду, а сам на месяц залезу в горячую ванну.

Замок наконец поддался, лязгнул, и дед торжествующе хохотнул. Ржавые, несмазанные петли завизжали. Старикан поднял миску и, освещая путь фонарем, вошел в камеру.

До моих ушей донеслось слабое звяканье цепи.

— Проснулись? — Голос у старика оказался хриплым.— Оголодали небось за три дня-то?

Ответом была тишина. Лишь цепь еще раз звякнула, как будто узник пошевелился.

— А! Гордые! — хохотнул дед.— Ну-ну! Вот вам вода. Хлеб, простите, забыл в караулке. Но вы не волнуйтесь, красавицы. Я вам в следующую ходку обязательно захвачу. Денька через два.

Он зло рассмеялся.

Я выглянул из своего укрытия, надеясь рассмотреть, что творится в камере напротив, но увидел лишь приглушенный свет от фонаря и стариковскую спину.

— Ну, я пошел, приятно оставаться. А водичку ты пей, она, конечно, не павлины в грибах и не клубника со сливками, но тоже вкусная!

Дед вышел из камеры, и дверь, заскрипев, начала закрываться.

— Постой! — Один из узников оказался женщиной. Голос звонкий, привыкший повелевать.

— Ишь ты! — удивился дед, остановившись.— Заговорила. Чего тебе?

— Сними цепь!

— А больше ты ничего не хочешь?

— Сделай, как я сказала, и получишь тысячу золотых.

— Не унижайся перед ним, Лета! — резко произнесла вторая женщина.

— Тысячу? Ого! Много,— крякнул старик, и дверь камеры снова заскрипела.

— Пять тысяч! — В голосе Леты послышались нотки отчаяния.

Дверь продолжала закрываться.

— Десять! Десять тысяч!

Дверь с грохотом захлопнулась, и я вздрогнул. Казалось, что с этим грохотом само небо рухнуло на землю. Зазвенела связка клю-

чей, и я отошел от стены, из-за которой выглядывал все это время, в глубь камеры, подальше от света.

К тому же с нового места я мог увидеть лицо старика. Я просто должен был увидеть лицо человека, который вот так просто и обыденно отказался от десяти тысяч золотом!

Ключ сухо звякнул в замке, и старикан повесил связку на пояс и повернулся в мою сторону. Я испугался.

Сильно.

В последний раз я был так напуган в ту ночь, когда залез в Закрытую территорию и встретился с очаровательным и голодным хохотуном-плакальщиком.

У старика была желто-пергаментная кожа, острый прямой нос, синие бескровные губы, грязная нечесаная борода и глаза...

Именно они напугали меня до дрожи в коленках. У старого хрыча были холодные, агатовые глаза, в которых не наблюдалось никаких признаков зрачков или радужки. Разве можно назвать темные провалы тьмы и мрака глазами?

Они были мертвее камня, холоднее льда, безучастнее вечности.

Такого попросту не должно да и не могло существовать в нашем мире.

Не выдержав взгляда, я отшатнулся.

По всем вселенским законам свинства под ноги попалась какая-то дрянь. Не надо быть гением, чтобы догадаться, что эта дрянь оглушительно звякнула. Мне показалось, что звук разнесся по всей Сиале.

Старик, как и следовало ожидать, тут же застыл на месте и уставился мертвой чернотой глаз туда, где я прятался.

Я не нашел ничего лучшего, как вообразить себя бездушным бревном или камнем. Говоря простым языком, я старался не только не шевелиться, но и не дышать.

Дед потянул носом воздух, и я вознес молитву Саготу, чтобы меня не учуяли. Надсмотрщик с черными озерами мрака вместо глаз пугал меня до мокрых подштанников.

Старик переложил фонарь из правой руки в левую и вооружился. Больше всего эта штука была похожа... На что может быть похожа большая берцовая кость человека, к тому же заостренная? Только на заостренную кость и ни на что больше.

В свете фонаря она казалась желтой, и лишь острый край отломка, так напоминающий по форме наконечник копья, был грязно-ржавого цвета — цвета засохшей крови. Старик оскалился, во рту мелькнули желтые пеньки гнилых зубов, а затем покрепче перехватил странное оружие и, подняв фонарь, двинулся в мою сторону.

Не верьте тем, кто говорит, что в последние оставшиеся секунды перед смертью человек видит всю свою прошедшую жизнь, которая табуном доралисских лошадок проносится перед его глазами.

Врут. Откровенно, нагло и безбожно врут.

Никаких видений у себя я в эти секунды не заметил. Да и о видениях ли речь, если ты перепуган до дрожи в коленях? Страшный дед решил меня прикончить — в этом не было никаких сомнений.

То ли бог всех воров услышал мою молитву, то ли запах, к которому я почти смог привыкнуть, ударил по чувствительному носу надсмотрщика, но он остановился в трех шагах от моего убежища.

Сейчас старик смотрел прямо на меня, а граница света его фонаря пролегла в пяти шагах от моих ног. Сделай этот уродец еще несколько шагов, и я окажусь прямо в круге света от фонаря!

Я мысленно проклял свою беспечность и любопытство. Будь я умнее — прижался бы к стене, а не стоял как истукан в центре камеры напротив дверного проема, полагаясь на то, что тьма защитит меня от глаз старика.

Черные глаза не мигая смотрели в мою сторону, и сердце у меня в груди гремело сильнее, чем кузнечный молот гнома. Оставалось удивляться, что старикан его не слышит.

Дед смотрел долго. Очень долго. Не меньше минуты, показавшейся мне годом, за который я успел состариться на целый век.

— Проклятые крысы,— наконец проскрипел старик.— Расплодились, твари! И чего они здесь только жрут?

Он засунул оружие-кость за пазуху, переложил фонарь из левой руки в правую и зашаркал по коридору в сторону лестницы. Дед скрылся, и теперь я мог видеть только маленький кусочек коридора и дверь, за которой томились пленницы. Чем дальше старик уходил от меня, тем сильнее тускнел свет в коридоре.

Я не стал совершать безумных поступков и красться следом за надсмотрщиком. С того времени как мне довелось увидеть его глаза, все желание вылезать из вонючей камеры пропало. Я лучше переждy, а потом потихоньку-полегоньку дотопаю до лестницы, пускай и в кромешной тьме.

Так что я остался на месте.

А что, если вообще не подниматься по ближайшей лестнице, а дойти до той, по которой я попал в этот коридор, доковылять до места, где я очнулся, и поискать другой выход? Теперь мне было не лень протопать огромный путь назад. Я был готов сделать все что угодно, даже сровнять Горы карликов с землей, но только не встречаться со стариком. Шарканье ног смолкло, на коридор опустилась оглушающая тишина. И свет! Свет от фонаря не померк до конца! В коридоре сгустились глубокие сумерки...

Старик остановился, так и не дойдя до лестницы. Но зачем, выдери его тьма?

Я, не отрывая взгляда от дверного проема, сделал аккуратный шаг влево, затем еще один, и еще, и еще.

И тут у меня чуть разрыв сердца не случился! Честное слово, еще никому не удавалось напугать меня целых два раза за столь короткий срок!

Этот старый высохший стручок никуда не ушел. Хитрый ублюдок разлегся на полу и заглядывал в камеру. Находись я сейчас на том месте, где стоял всего несколько секунд назад, и проклятый дед так и остался бы для меня незамеченным. А если бы я совершил еще большую глупость и вместо того, чтобы отойти в сторонку, направился к выходу, то просто-напросто столкнулся с ним нос к носу. Сейчас это чудовище в человеческом обличье внимательно смотрело на то самое место, где я совсем недавно находился.

Какой хитрец! Куда пропала его показная медлительность и шарканье?! Как ловко, бесшумно и незаметно он вернулся назад! Облапошил даже меня! Тьма выпей мою кровь, если его уход не был всего лишь очень хорошо разыгранным спектаклем!

Старик стал подниматься с пола, его рука нырнула под камзол и вытащила кость-оружие. Моя спина в один миг стала мокрой от пота.

Всего лишь за два удара сердца дед проворно выскочил на середину коридора, встал напротив дверного проема и едва уловимым движением руки швырнул кость туда, где, по его мнению, я находился. Кость, словно живая, взвизгнула в воздухе, пронеслась через всю камеру и, глухо стукнувшись о дальнюю стену, упала на пол.

Несостоявшийся убийца удивленно хмыкнул и задумчиво почесал в затылке.

— Действительно крысы,— немного разочарованно произнес он.— Вот ведь померещится всякое! Эх, какую кость посеял! Теперь, пока вонь не пропадет, в эту яму не сунешься.

Бормоча и ругаясь, он отправился к фонарю. Шаркающие шаги удалялись. В коридоре становилось темнее, и вскоре вновь наступил непроглядный мрак.

Я старался успокоить сошедшее с ума сердце, готовое вот-вот вырваться из грудной клетки. Повезло! Не уйди я с прежнего места, и чудо-косточка воткнулась бы мне в грудь. Бросок деда оказался настолько быстрым, что я не успел бы не то что уклониться, но даже понять, что произошло.

Меня спасли удача, помощь Сагота и капризная судьба. Так что спасибо им всем за вновь подаренную жизнь.

Уже давным-давно затихли шаги старика. Мои глаза настолько привыкли к тьме, что она перестала быть непроглядной, и я смог различить контуры дверного проема. Вокруг меня было очень и очень тихо, но страх не собирался никуда пропадать. Сейчас я самым банальнейшим образом боялся пошевелиться. А вдруг это еще одна хитрость? Я ведь уже видел, насколько бесшумно он может передвигаться. Что ему стоит сделать вид, что уходит, отнести фонарь и теперь поджидать меня во мраке коридора?

Поджидать... Во мраке... Коридора...

Вереница холодных мурашек пробежала между лопаток и продолжила свой путь по спине. Волосы на голове явственно зашевелились. Проклятый дед с проклятыми черными глазами проворен, как десять орков, и, затаившись в засаде, вполне способен отправить меня на последнюю прогулку в свет.

— Стоп, Гаррет, стоп! Перестань думать об этом, иначе страх проберет тебя до костей! Еще немного таких мыслей, и ты начнешь паниковать! Ты вор. Спокойный и расчетливый мастер-вор по прозвищу Гаррет-тень. Гроза сундуков богачей. Гаррет, которого маленькие зеленые гоблины с острыми языками называют не иначе как Танцующим в тенях. Ты никогда не предавался панике во время работы, так не предавайся ей и сейчас! Спокойно... Спокойно... Восстанови дыхание, дыши носом, вот так... Вдох, выдох... Молодец! Сваливай отсюда, пока не стало еще хуже!

Не знаю, сам ли я бормотал эти слова или кто-то невидимый нашептывал мне их на ухо, но страх, зло зарычав и напоследок клацнув зубами, отступил.

Бродить во тьме безоружным — настоящее безумие, поэтому я задержал дыхание и пошел к дальней стене камеры, туда, где осталась лежать кость. Пришлось вслепую довольно долго топтать ногами пол, пытаясь ее нащупать. Глаза от вони слезились, в нос, казалось, насыпали воз гарракского перца. Наконец я ее нашел и взял в руки.

Тяжелая! Взвесив оружие в руке, я сразу почувствовал себя увереннее. Если, не дай Сагот, что-нибудь случится, у меня будет чем защититься от нападающих. Я засунул ее за пояс и осторожно выглянул из камеры в коридор.

Ничего и никого. Тьма и мрак.

Огонька фонаря не было видно, должно быть, старик успел подняться по лестнице. После одуряющей вони камеры душный и спертый воздух коридора показался мне освежающим нектаром богов.

Я все никак не мог избавиться от воспоминаний — проклятые черные глаза теперь вечно будут преследовать меня в кошмарах. Эх, был бы со мной Угорь...

Угорь! Как я мог забыть о нем!

Пелена забвения спала с моих глаз, и все прошедшие события дня развернулись передо мной. Я вспомнил то, что произошло этим утром.

Вначале прогулка к поместью неизвестного нам слуги Хозяина, затем нападение сторонников Неназываемого, наше бегство на безумной телеге, столкновение со стеной, плен и потеря сознания. Очнулся я уже в коридорах подземной тюрьмы.

Но если я здесь, то куда же дели гарракца? И почему меня оставили на полу коридора, а не посадили в камеру, как других пленников? И вот еще одна странность — чувствовал я сейчас себя так, как будто и не влетал на полной скорости в стену того злосчастного дома... Руки-ноги целы, голова не трещит, бок не саднит. Хоть сейчас пробегу сто ярдов наперегонки со стражей.

— Я сплю? Не слишком-то похоже. Значит, следует найти и освободить Угря. Он должен быть где-то здесь.

Тыкаться в каждую дверь — бесполезно. Их слишком много. Да и нарваться на неприятности, если открыть не ту камеру, можно запросто. Мало ли кто там может тебя поджидать. Лучший выбор — это пробраться в караулку и посмотреть книгу заключенных. Такая штука обязательно должна быть даже в тюрьме, пускай на службе здесь старики с черным мраком вместо глаз.

Я направился по коридору в сторону лестницы и, не пройдя и десяти шагов, остановился. Узницы! Как я мог о них забыть! Женщины должны знать, что это за тюрьма. Да и оставлять их на милость проклятущего старика — не дело. Может, попробовать освободить пленниц, благо отмычки в моем кармане сторонники Неназываемого не тронули?

Тут же в голове разыгралась буря противоречивых мыслей.

«Гаррет, ты не рыцарь на белом коне из слащавой детской сказочки,— шепнул мне голос, в котором проскальзывали циничные нотки.— Бери ноги в руки и дуй отсюда как можно дальше! Ты все равно не спасешь женщин».

«Еще как спасу! — возразил другой голос.— Ты бы смог оставить человека гнить во мраке, если бы существовала хотя бы призрачная возможность его спасти?»

Ого! А у меня не один, а два внутренних голоса! Плюс мой настоящий, да еще и голос Вальдера! Итого нас четверо! Самое время занять койку в комнате с мягкими стенками в больнице Десяти мучеников и прикинуться психом!

«Смог бы,— ответил первый голос.— Таскаться во тьме с полудохлыми от голода бабами — это безумие! Пропадем».

«И слушать не желаю! А если бы ты гнил за решеткой? Например, в Серых камнях?»

«Во-первых, не гнил бы. Меня довольно непросто поймать. А во-вторых, если бы, повторяю, «если бы» я гнил в Серых камнях, то не нашлось бы ни одного дурака, который, рискуя собственной жизнью, полез бы меня спасать».

«Ты, как всегда, самонадеян и слишком циничен».

«А ты слишком добренький. Тебе надо было уродиться не вором, а жрецом Сильны».

«Ты как хочешь, а я хотя бы попытаюсь их спасти!»

«Ладно,— помолчав, ответил второму голосу первый.— Но не говори потом, что я тебя не предупреждал. Хотя... Авось заграбастаем себе десять тысяч золотых, которые бабенка сулила старику. Десять здесь да пятьдесят от короля по завершении Заказа!»

Я возвратился к камере, где томились узницы.

Я аккуратно, чтобы не издать ни малейшего звука, вставил отмычку с треугольной насечкой в замочную скважину. Попытался повернуть. Не вышло. Хм, попробуем-ка четырехуголку с пазом ноль восемнадцать... Так... Есть! По крайней мере, в замке что-то тихонько звякнуло.

А замок-то не простой. В нем не меньше девяти пружин, да еще две скрытые. Заденешь такую ненароком — и начинай всю работу сначала. Не иначе как карлики делали! Недомерки, как всегда, создали вещь на совесть, и теперь мне придется приложить массу усилий, чтобы вскрыть дверь. Чисто теоретически возиться мне с таким замком — от двух до пятнадцати минут.

«Не торопись. Подумай. Эти женщины не боялись старика!» — неожиданно раздалось в моей голове.

Я вздрогнул. Это были не мои «внутренние голоса», не глупый спор с самим с собой, это был голос Вальдера. Архимага Вальдера, умершего несколько веков назад и нашедшего приют в моей гостеприимной башке, которая впускает всех кого не лень.

«Ты считаешь?» — испуганно подумал я.

«Да. Этот старик напугал тебя?»

«Напугал?! Ты еще спрашиваешь?!»

«И меня тоже, пускай я видел «это» совершенно другим зрением. А голоса у женщин во время разговора... Они даже не дрогнули! Так стоит ли нам...— Шепот Вальдера в голове на мгновение осекся.— Стоит ли тебе лезть в логово паучих?»

«Куда я... мы попали?»

«Не знаю. Не могу вспомнить.— В первый раз на моей памяти волшебник чего-то не знал.— Мы просто очутились здесь, и все... Как будто нас сюда кто-то забросил...»

Просто очутились? То есть кто-то добренький щелкнул пальцами, и я, бац, оказался в тюрьме?!

Я мысленно пожелал этому ретивому щелкуну распрощаться не только с пальцами, но и с рукой. Чтобы знал, как посылать неизвестно куда порядочных людей!

«Что же мне делать?» — на всякий случай спросил я у своего собеседника.

«Это твоя голова,— донесся до меня ответ.— Сам решай, что тебе делать».

«Нет, позволь! Благодаря тебе это теперь не только моя голова! — возмутился я словам архимага.— Ты влез в нее, не спрашивая разрешения, и теперь будь так добр, раз уж никуда не собираешься из нее исчезать, дать мне совет: как поступить?»

Ответом мне была тишина. Проклятый архимаг, как это уже бывало прежде, исчез, будто его и не было. Но тут меня не обманешь, Вальдер только притворяется немым до той поры, пока моей шкуре не угрожает реальная магическая опасность. Он уже несколько раз вытаскивал меня из самых неприятных неприятностей, и не сомневаюсь, что еще не раз вытащит.

Кто-то может сказать, что у нас с архимагом взаимовыгодное сотрудничество — Вальдер спасает меня из опасных ситуаций, а я взамен предоставляю его душе сон и временное забвение в уголке своего сознания. Ну так вот. Пусть все те, кто считает, что это здорово, заткнутся на веки вечные! Они просто не знают, каково это — делить собственную голову с другим человеком, пускай он давным-давно умер и не лезет в мои дела, пока дело не запахнет жареным.

Очень неприятное чувство — ощущать в себе кого-то еще и вспоминать то, чего никогда не происходило в твоей жизни. Хотя не могу отрицать — не будь со мной архимага, мои глаза давно бы сожрали червяки-могильщики.

— Ну и тьма с тобой. Можешь молчать до посинения! — ругнулся я.

Принять решение, что делать дальше, я не успел. Откуда-то со стороны лестницы донеслись звуки шагов. Кто бы это ни был, но шел он уверенной твердой поступью. Незнакомец направлялся в мою сторону, и я подумал, что сегодня все тюремщики только и мечтают, что прогуляться по тюремным коридорам. Фор всегда учил меня опасаться тех, кто нагло бродит по местам, в которых передвигаться следует исключительно на цыпочках и не привлекать к себе

ненужного внимания. Раз шумит, значит, ничего не боится. Раз ничего не боится, значит, может быть опасным. Раз может быть опасным, то следует всеми силами избежать встречи с таким человеком.

Этой мудрости своего старого учителя я всегда старался следовать и оттого был до сегодняшнего дня жив и здоров. На этот раз я тоже не собирался ничего нарушать.

Я юркнул в уже ставшую мне родной тюремную камеру с выбитой дверью. Вонь вновь забралась в нос, но теперь я смог привыкнуть к ней намного быстрее, чем в прошлый раз. Я встал так, чтобы видеть коридор и дверь камеры неизвестных узниц, и стал вслушиваться в приближающуюся поступь.

Шаги идущего раздавались всего лишь в пяти ярдах от моего убежища. В трех... Двух...

У неизвестного был потайной фонарь, во мраке виднелся узкий оранжевый серп света, который совершенно не давал мне никакого обзора. Я смог разглядеть лишь черный контур, темную тень на фоне едва отступившей тьмы.

Неизвестный остановился, дверь жалостливо взвизгнула. Я старался смотреть во все глаза, хотя ничего увидеть в таком мраке было попросту невозможно. Оставалось держать ушки на макушке.

Незнакомец вошел в камеру, и я услышал, как вновь звякнула цепь.

— Здравствуй.

На этот раз первой говорила вторая женщина.

— Самое главное — всегда быть вежливой, не так ли, Лафреса? — насмешливо произнес нежданный посетитель. Услышав его голос, я тут же захотел оказаться за тысячу лиг отсюда.

Тьма! Х'сан'кор и тысяча демонов! Чтобы мне пятки на сковородке поджарили! Чтобы меня всю оставшуюся жизнь за руку ловили! Вот влип так влип!

Я узнал этого парня. До этого я слышал его всего лишь дважды, и каждый раз мне очень хотелось оказаться от него как можно дальше. Это был «он», верный пес Хозяина, тот, кого называют Посланником.

— А что у меня есть, кроме вежливости? — В голосе женщины послышалась горечь.— Или ты думаешь, что я начну умолять тебя сохранить мне жизнь?

— Сохранить тебе жизнь может только воля Хозяина,— холодно ответило существо.— Я всего лишь Посланник, выполняющий его волю. А насчет того, что ты не будешь меня умолять... Будешь! Если только я этого захочу. Еще как будешь, Лафреса!

Женщина промолчала.

— Так-так,— не ожидая ответа, совсем уж по-человечески хмыкнул Посланник.— Вижу, Благ держит вас на одной воде.

— Я вырву ему сердце! — яростно прошипела Лета.

— Не думаю, что это ему повредит,— хмыкнул Посланник.— Ты же должна знать, как следует поступать с Продавшимися. Проще отрезать Благу голову, чем пытаться вырвать бесполезное сердце... Хотя могу тебя обнадежить — ты вскоре сможешь осуществить свою угрозу, милая Лета. В последнее время я все чаще подумываю сделать из тебя такого же Продавшегося, как старина Благ. Нашему общему другу требуется помощница... мм... для разного рода... утех.

— Ты всегда отличался гнилыми шутками, раб! — презрительно ответила женщина.

Я втайне порадовался, что не стал спасать узниц. С человеком, разговаривающим на равных с Посланником, мне точно не по пути.

— А ты всю свою коротенькую жизнь отличалась большим самомнением,— насмешливо парировал Посланник.— Ты слишком много на себя взяла, милая Лета, впрочем, как и красотка Лафреса, и поплатилась за это.

— Я всегда была верна и выполняла все приказы Хозяина! — вспылила та.

— Всегда ли? Ну-ну, Лета! Старого друга не стоит обманывать. Тут только ты, я и Лафреса, так что можешь смело рассказывать, как вы умудрились провалить такое простое задание.

— Мы сделали все, как повелел Хозяин! Во благо...

— Не надо речей про благо! Оставь их для жрецов и расфуфыренных павлинов, которые называют себя дворянами! Лучше ответь, почему твое багровое облако не подействовало?! — рявкнул Посланник.— Почему Ключ еще не у Хозяина?!

Багровое облако! Уж не про грозу-шаманство говорит сейчас верный пес Хозяина? Похоже, речь идет про ту самую мерзость, что чуть было не уничтожила наш отряд в Харьгановой пустоши.

— Я не понимаю, как так получилось,— устало произнесла женщина.— Ты же знаешь, я все сделала точно и правильно, как мне велели. Слуги перебили всех шаманов Неназываемого, они тоже охотились за отрядом, затем мы воспользовались варевом этих магов-недоучек, прикрыли шаманство грозой, чтобы Орден, не дай тьма, ничего не пронюхал, и отправили волшебство с нужным ветром. Все было рассчитано, и никто не должен был выжить. Ни эльфы, ни эльфийка не обладали должными познаниями, чтобы помешать мне. Они не могли уничтожить облако!

— Но сделали это! — безжалостно отчеканил Посланник.

— Это не они,— заспорила Лета.— От шаманства темных и Первых за лигу разит, а тут ничего!

— Не оправдывайся перед ним! — резко произнесла Лафреса.— Он всего лишь слуга.

— Это не они! — упрямо продолжала твердить женщина, не обращая внимания на слова Лафресы.

— Не они? Тогда кто?! Кто, скажи мне ради Купели кровавой росы?! — зашипел Посланник.

— Не знаю. Кто-то сильный. И, наверное, волшебник, потому-то мы не смогли ничего почувствовать. Тот, кого ты не принял в расчет.

И имя ему Вальдер. Именно мой знакомый распылил багровое облако на миллион маленьких клочков, чем и спас жизнь отряду.

— Не зарывайся, Лета! Вы и так ходите по тонкому волоску! Все было принято в расчет! Все! Или ты хочешь убедить меня, что среди этих муравьев прячется волшебник? Игрок из Авендума ничего не говорил ни о каком сильном маге. Никто из Ордена с отрядом не поехал, он об этом позаботился!

— Я не доверяю Игроку,— пробурчала Лета.— Он лис, который в любой момент может спутать наши планы.

— Бессмертие и знания — великолепный стимул для верности.

— Если он так верен нашему делу, тогда почему вор еще жив?

— Планы изменились.

— Глупо! Этой женщине надо брать пример с молчаливой Лафресы — дольше проживет.

— Еще немного, и я вырву тебе язык, девка! Не тебе обсуждать волю Хозяина!

— Не надо угроз, Посланник! Я знала тебя в другой жизни, так что трать свое красноречие на баранов, слуг Хозяина! Их тебе удается пугать намного лучше, чем меня!

— О да! Они намного покладистее, чем ты. Хотя ты ничем не отличаешься от них. Ты так же смертна, хотя и помнишь все свои прошлые жизни. Но разговор сейчас не о слугах, а о тебе и твоей подруге. Вы допустили ошибку, не оправдали доверия Хозяина и поэтому очутились здесь и ждете расплаты.

— За этим ты сюда и пришел? Как низко пал тот, кого теперь называют Посланником! Что ж, я готова к смерти,— гордо заявила Лафреса.

— Хочешь что-нибудь сказать напоследок?

— Нет.

Лета хрипло и истерично рассмеялась:

— В отличие от тебя я всегда могу возвратиться в Дом Любви. А вот ты, мой дражайший Дж...

Неожиданно женщина захрипела. Знаем, проходили! Когда этот тип немного расстроен, он любит хватать ненароком подвернувшихся под его лапы людей за шеи.

— Ни-ко-гда,— тихо процедил он.— Слышишь?! Ни-ко-гда не смей называть мое настоящее имя! Да, благодаря Лафресе я родился в Доме Боли и в Доме Страха и никогда не смогу коснуться Любви, но теперь я нахожусь в Доме Силы, и не тебе, мелкая вошь, произносить мое имя!

Хрипы плавно перешли в бульканье, затем раздался стук упавшего тела — обходительный парень этот Посланник.

— Будь моя воля, и ты бы никогда не вышла из этой камеры, Лафреса. Я ничего не забыл! Так что можешь поблагодарить Хозяина при личной встрече за сохранность жизни! Твое счастье, что у тебя есть работа.

— Что я могу сделать для моего повелителя? — Голос уцелевшей даже не дрогнул. Она нисколько не опечалилась из-за смерти подруги.

— Ты одна из немногих, кому можно доверить Ключ. Возьмешь его и привезешь сюда.

— Ключ?

— Ты стала плохо слышать? Артефакт в руках одного из слуг. Ты вернешь его или для тебя это настолько сложно?

— Нет... Несложно. Но почему я?

— Да, ты правильно подумала. На твоем месте могла быть Лета. Да и любой человечишка, даже не обладающий твоими способностями, мог бы принести Хозяину эту штуку, но вот беда... Ключ подчинили. Эльфийка сотворила шаманство, и теперь следует разрушить узы. А кроме тебя лишь пятеро на такое способны. Предвосхищая твой вопрос, почему вместо них выбрали тебя, отвечу: Игрок в Авендуме слишком занят, а остальные слишком далеко. Им потребуется много времени, чтобы подготовиться хотя бы к началу... Зная твой природный дар к Кронк-а-Мору, смею предположить, что подготовка тебе не требуется. Или почти не требуется...

— Когда Хозяину нужен Ключ?

— Крайний срок — две недели.

— Отсюда до Ранненга мне придется добираться четыре месяца.

— Ты будешь там уже послезавтра. Забери артефакт, разрушь связь, принеси Хозяину, и тогда, может быть, наш повелитель забудет о твоем досадном промахе. Ты все уяснила?

— Да.

— Хорошо.

— Мне понадобится время, чтобы дождаться благоприятного положения звезд, иначе узы не разорвутся.

— У тебя его нет. Постарайся не облажаться.

— Сними с меня цепи.

Раздалось негромкое щелканье.

— Бери фонарь и проваливай.

— С радостью,— отозвалась женщина.

— Помни, в этот раз тебе лучше не ошибаться, иначе в Доме Любви ты окажешься нескоро.

— Я запомню твои слова, Посланник.

Она оказалась босой и невысокой, но, черт, лица я рассмотреть не смог. Если эта Лафреса собирается нагрянуть за Ключом в усадьбу Соловьев, то я любыми средствами должен успеть опередить ее. Следом за женщиной шел Посланник.

Я ждал, когда затихнут шаги.

«Гаррет, ты совсем перестаешь думать»,— хмуро бросил Вальдер.

«Ты сегодня просто болтаешь без остановки,— ответил я архимагу.— Что случилось?»

«Ты слышал, что он сказал? До Ранненга добираться четыре месяца, а она там будет уже послезавтра»,— намекнул мне архимаг и вновь исчез.

А, тьма! Когда я доберусь до города, Ключа может уже и не быть! И ни Миралиссу не предупредить, ни Маркауза! Единственный выход — пусть он мне совершенно не по душе — следовать за этими двумя и...

Что и? Что?! Помешать им?! Или напроситься в попутчики?!

Сагот, укажи путь!

Я вышел из камеры и, коснувшись одной рукой стены, направился к лестнице, туда, куда две минуты назад ушли Посланник и женщина.

Идти я старался по возможности быстро и тихо. По крайней мере, пытался проделать это в кромешной темноте.

Те, кого я преследовал, шли ярдах в пятнадцати впереди меня. Подойти к ним на более короткую дистанцию я не решился, опасаясь оказаться замеченным.

Об удаленности от меня слуг Хозяина я ориентировался по звуку. Как только шаги становились тише, я прибавлял ходу и нагонял идущих впереди. Если перебарщивал и звук становился громче, я останавливался и дожидался момента, когда можно будет продолжать путь.

Вот так мы и продвигались до самой лестницы. Здесь мне пришлось дожидаться, пока Лафреса и Посланник не поднимутся наверх, а затем следовать за ними.

Поднимался я долго. Очень долго. Во-первых, было все так же темно, а ступеньки оказались совершенно разного размера, и идти

приходилось чуть ли не на ощупь, поэтому плелся я со скоростью улитки. Во-вторых, лестница была уж очень длинной. Поначалу она вела четко вверх, а затем стала завиваться спиралью и тянулась, тянулась, тянулась.

Я думал, что отдам Саготу душу прямо на этих зловредных ступеньках. Естественно, потерял из виду тех, за кем шел все это время.

Когда лестница кончилась, я осторожно выглянул в коридор, освещенный редкими чадящими факелами. Никого. Ни Посланника, ни Лафресы. Стены, сложенные из массивных каменных блоков, большей частью были покрыты копотью. Покатый аркообразный потолок тоже не блистал чистотой. Кое-где на нем еще сохранились остатки самой настоящей побелки, но, на мой неопытный взгляд, ее возраст исчислялся десятилетиями. Никаких дверей в стенах, лишь надписи на непонятном языке. То ли огрский, то ли язык Первых, я в письменах этих рас полный профан...

Прошел я недалеко, всего шагов сто — сто пятьдесят, и коридор оборвался очередной лестницей, правда, на этот раз в ней было от силы ступенек двадцать, не больше. За ней мрак вновь начал сгущаться. Я сделал первый шаг, и тут же в ноздри ударил слабый запах гнили, тления и пыли.

— Ну уж дудки,— пробормотал я себе под нос, немного вернулся назад и снял со стены факел.

Пламя от сквозняка, невесть каким образом пробравшегося в подземелье, трепетало и плевалось искрами. Я вошел в маленький зальчик и выругался. То, что я увидел, мне совершенно не понравилось.

На почерневшем от времени, грубо сколоченном столе разлегся скелет. Могу сразу сказать, что он не принадлежал человеку. Судя по клыкам, скорее уж орку или эльфу. В его черепушке застрял маленький ржавый топорик.

Я не боюсь мертвецов, особенно тех, что лежат и никого не трогают. Я не очень-то опасаюсь и тех тварей, которых члены Ордена кличут воскресшими, а простой народ — бродунами или попросту живыми мертвецами. Эти твари довольно неуклюжи и безобидны, главное правило при общении с ними — держаться подальше от их рук и зубов. Ну и по возможности не вставать на пути.

Живые мертвецы существуют, согласен. Но вот о живых скелетах до сегодняшнего дня я не слышал. Такого чуда просто не могло существовать в природе. Как, ну как могут двигаться кости, если между ними отсутствуют мышцы, хрящи, жилы и тому подобное? Напрашивается сразу два ответа: либо какой-то идиот дергает кости за веревочки, что маловероятно, либо тут не обошлось без шаманства огров, что очень даже возможно.

В общем, мне было недосуг выяснять причину, отчего лежащий на столе костяк довольно резво дрыгал ногами и, кажется, пытался встать. Сейчас меня занимал немного другой вопрос: способен ли он осуществить задуманное и насколько эта штука опасна?

Скелет продолжал дрыгать ногами, пытаясь подняться. Но у него ничего не получалось, так как какая-то добрейшая душа пригвоздила его позвоночник к столу железными скобами.

Все же любопытство — мой порок. Я подошел немного поближе. Тварь тут же повернула башку в мою сторону и зашипела. Клянусь Саготом, зашипела, не имея ни легких, ни языка, ни всего, чего полагается иметь приличным людям, чтобы издавать звуки!

— Черные дыры глазниц, в которых тлели мириады багровых искорок, уставились на меня.— Осс-ссвободи, смертный!

Я на миг опешил. Если скелеты научились разговаривать, то пора занимать место на кладбище — конец света близок.

— Не в этой жизни,— мрачно ответил я и отступил подальше.

Мертвяк уронил голову, зло зашипел, будто масло, попавшее на докрасна раскаленную сковородку, и стал дергаться и извиваться. К делу он подошел с душой (если у этой твари она была), и стол заходил ходуном.

— Я всс-ссе равно осс-вобожуссс-сь!

Каждое слово сопровождалось резким дерганьем и содроганием стола. Скобка возле поясницы мертвеца стала едва заметно поддаваться.

Я счел за лучшее пойти своей дорогой и не испытывать судьбу. Позвоночник удерживается по всей длине, кроме шеи, и твари придется дергаться не меньше недели. Но главное ведь начать!

Первая опора поддалась, а за ней сдадутся другие. Как говорится — вода дырочку найдет. Я не собирался оставаться и наблюдать, что же произойдет, когда эта штука обретет свободу.

На протяжении следующих минут никаких странностей, а тем более неприятностей не произошло, за что Саготу честь и хвала на веки вечные!

Пол едва заметно пошел в горку. Факел освещал унылые серые камни, блестевшие от подземной влаги, и надписи на стенах, сделанные чьей-то небрежной рукой. Потолок ушел куда-то ввысь, и пламя факела уже не могло высветить его из мрака. Появилось слабое эхо, двоившее мои шаги, и пришлось идти чуть ли не на цыпочках.

Посланник и женщина канули во мраке, и догнать их не представлялось никакой возможности.

— Займись Нижним Северным ярусом.— Голос Посланника разнесся по коридору и заставил меня бросить факел на пол и затоптать его ногами.— Эти Хозяину уже не нужны.

— Я могу их?..— Голос Блага дрожал от возбуждения.

— Мне неинтересно, что ты сделаешь, Продавшийся! — В каждом слове Посланника сквозило презрение.— Хочешь жрать — жри, хочешь резать из их костей безделушки — режь, но перед этим сделай то, что я сказал!

— Конечно, господин! Уж старый Благ позаботится об их косточках! Да-да! Позаботится!

Голоса текли отовсюду, они обволакивали меня и не давали определить, где же находятся говорившие. Я был уверен, что Посланника и старика не было в коридоре, иначе они бы обязательно увидели огонь моего факела. Создавалось ощущение, что разговаривали где-то за стеной, но, пока горел факел, никакой двери я увидеть не успел.

— Позвольте, господин, сказать... Прошу меня покорнейше простить, если лезу не в свое дело... но зря вы эту девку отпустили!

Теперь голос Блага раздавался прямо над моей головой. По потолку, что ли, они ходят?

— Займись тем, чем я сказал! — отрезал Посланник.— Иначе ты окажешься там, откуда тебя вытащил Хозяин. Давно червей не кормил?

Благ испуганно забормотал, раздалось шарканье, и стена прямо передо мной уползла в сторону, открывая взору комнату, освещенную фонарем. Я даже не успел отскочить в сторону — уж очень неожиданно передо мной открылась секретная дверь. Я оказался в кругу света, и Благ, как раз выходивший в коридор, меня увидел.

Клянусь головой Кли-кли, но на миг в черных озерах глаз вспыхнуло изумление. Старик оскалился, и я не думая швырнул в него его же оружием — костью.

Надо сказать, что я не отличаюсь мастерством в метании не то что костей, но даже обычных ножей. Но, видно, в этот раз мою руку кто-то направлял.

Я попал. Только не в старика, а в масляный фонарь в его руке. Тот взорвался, и высвободившееся пламя обезумевшим от голода хорьком накинулось на Блага. Старик взвыл, упав на пол, стал кататься, пытаясь сбить пламя. Но было тщетно. Огонь огненным шаром окружил его, пожирая одежду и плоть. Я стоял, завороженный этим страшным зрелищем, и заметил яростный блеск янтарных глаз в самый последний момент.

Черная тень бросилась на меня, я инстинктивно отпрянул назад, и когтистая лапа, готовая вырвать мне сердце, промахнулась.

Почти.

Когти разорвали рубашку, а затем сгусток боли лопнул где-то возле живота. Кажется, перед тем как мир разбился на тысячу осколков боли, я успел закричать.

Глава 6
ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Мрак Вселенной и ледяной огонь магии. Мир в мире, сон во сне, капля в капле, зеркало в зеркале...

Однажды я уже находился здесь.

Когда это было? Вечность до, вечность спустя или вечность после?

Ах да! Кажется, припоминаю — это произошло в далеком будущем, в тот день, когда Миралисса подчинила моему сознанию Ключ от Створок Храд Спайна. В тот памятный вечер я провалился во мрак Ничто, в сон сна, заполненный огненными снежинками багрового пламени Кронк-а-Мора.

Но, в отличие от прошлого раза, сейчас мне было холодно... Очень холодно... Тело сводило жестокой судорогой. Холод и боль — вот, пожалуй, и все, что я мог ощущать.

Что из двух зол причиняло большие страдания? Сейчас мне на это было ровным счетом наплевать, я просто хотел всеми силами свалить отсюда в более приветливое и менее загадочное место. Но из моих тщетных попыток выбраться из Ничто ничего не выходило. Рядом не было темной эльфийки, и я оказался абсолютно беспомощен и все сильнее и сильнее замерзал...

Холодно-холодно-холодно-холодно-холодно...

Со временем мне стало казаться, что в животе поселился клубок прожорливых пиявок, которые рождали страшную, ни с чем не сравнимую боль. Если бы не холодный вихрь остро жалящих снежинок, постоянно отвлекающих меня от углей, разгоравшихся в животе, боль свела бы меня с ума. О том, чтобы посмотреть, что когти Посланника сотворили с моим животом, не могло быть и речи. Я опасался, что если хотя бы на миг увижу это, то наверняка потеряю сознание.

Боль пульсировала, росла, двоилась и множилась во мне, словно бесконечные отражения в зеркальном лабиринте сна. Она распускала острые лепестки по всему телу и доводила меня до безумия. Теперь я знаю, какова самая страшная пытка.

В бесшумном хороводе огненных снежинок раздавался мерный стук, и я не сразу смог догадаться, что это мои зубы выбивают дробь,

отдавая дань хозяину этого мира — огненному снегу, несущему ледяную смерть.

Проснувшийся ветер мрака, ветер, ранее приносивший мне сны прошлого, сны жизней давно умерших людей, эльфов, гномов, орков и многих других существ, швырнул острые кристаллики ледяного огня мне в лицо.

Я попытался увернуться или хотя бы закрыться от снежинок руками, но этой жалкой попыткой лишь разозлил пиявок боли у себя в животе. Они сразу же почувствовали, что я занят другим делом, что перестал с ними бороться, бросил их контролировать, и вцепились мне в кишки. Я взвыл от боли и ужаса.

Они пульсировали в унисон, дышали, но если знаешь, что они не всесильны, то их можно победить.

Но холод безжалостен, бездушен и безучастен ко всему живому, а потому слишком опасен. Эта штука пытается усыпить, принести ложное тепло и спокойствие, унести сознание в бесконечную реку забвения и снов, впадающую в море Смерти.

Холодно! Сагот, как же мне холодно!

Огенные снежинки закручивались во мраке гигантским огненным столбом, падали на руки и таяли, превращаясь в багровый дымок.

В черном Ничто магии, мире снов и призраков прошлого, совсем другие законы.

— Здравствуй, Танцующий!

Я, как и в прошлый раз, пропустил тот краткий миг, когда они появились передо мной. Ко мне скользнули старые знакомые — живые тени, хозяйки Ничто. Про себя я называл их Первой, Второй и Третьей. Три тени, три подруги, три сестры, три любовницы... Они ничуть не изменились с момента нашей последней встречи, нашего последнего танца, благодаря которому в прошлый раз я смог выбраться отсюда. Может, и в этот раз с их помощью мне удастся выкарабкаться на волю?

— З-здравствуйте, лед-ди.— Зубы стучали друг о друга, и слова давались мне с большим трудом.

— Разве ты не знаешь, Танцующий, что некоторые сны так же опасны, как явь? — В голосе Второй слышалась печаль.

— Сны опас-сны? — Мне вспомнились все кошмары о прошлом, которые я видел за последний месяц.— Д-да, пожалуй, з-знаю...

— Тогда зачем же ты призываешь их к себе, Танцующий? Пророчества и судьба не всегда смогут защитить тебя!

Первая и Третья молчали.

— Я не хотел появлятьс-ся в вашем мир-ре сна,— попытался оправдаться я.— Я даже не з-знаю, как оказался с-среди этого багр-р-рового снега!

— Ты считаешь наш мир сном? — удивилась Первая тень.— Это ошибка, Танцующий. Наш мир гораздо реальнее твоего — ведь он был первым из появившихся. Мир Хаоса послужил основой для тысяч других, когда такие, как ты, стали строить и уничтожать тени. Он не сон, и мы не сон, и ты сейчас находишься не во сне...

— И ты умираешь, Танцующий! — вклинилась в разговор Третья.— Ты на самом деле умираешь, потому что слишком часто бродишь в снах, которые пока для тебя опасны.

— Я не пон-нимаю, о чем вы...— Холод убаюкивал мое сознание.

— Сны могут убивать,— прошелестела Первая.— Достаточно поверить, что сон — это явь и ты не только видишь его, но и начинаешь жить в нем... Как тогда, он становится опасен! Тот, кто сделал тебе это, был в твоем сне...

— Или ты в его...— перебила Первую Вторая.

— Это уже не важно. Ты поверил и поэтому получил такую рану...

Тюрьма Хозяина — сон?

Напоминание о ране и нескрываемое сочувствие, которое слышалось в голосе тени, заставили меня посмотреть на живот.

Лучше бы я этого не делал! И это называется «Посланник промахнулся»! Отчего до сих пор я еще был жив — не знаю. С такими ранами гарантированно отправляются в свет без всяких шансов вернуться под синее небо.

Пиявки боли принялись грызть меня с удвоенным усердием, и я не смог сдержать крика.

— Вот видишь, Танцующий, как могут быть опасны неконтролируемые сны?

— К-как... Как я с-сюда попал? — просипел я, преодолевая боль.

— Это мы должны спросить у тебя — ты попал в наш дом по своей воле.

— Я не хотел с-сюда приходить! Я хотел ддо-до-мой!

— Теперь и навсегда твоим домом станет наш мир. На Сиале ты уже давно бы испустил дух. Только здесь ты сможешь жить!

— Мне н-нужен свой!

— Свой?! — Третья, разогнав искрящийся занавес багровых снежинок, закружилась вокруг меня.— Чем он лучше этого? Разве там можно сделать вот так?

Третья придвинулась ко мне почти вплотную, на миг передо мной мелькнуло женское лицо. Затем она слилась со мной, и я почувствовал, как сквозь тело прокатывается теплая волна и пиявки

боли с разочарованным скрежетом разжимают присоски и уплывают во мрак, искать для себя более слабую и покладистую жертву.

Миг — и Третья опять находится рядом с сестрами, а я со все возрастающим изумлением смотрю на то место, где всего лишь секунду назад зияла страшная рана.

Ничего. Никакой раны. Лишь порванная окровавленная рубаха является единственным напоминанием об ударе Посланника.

— Способен ли твой мир на такое, Танцующий?

Я лишь ошеломленно качаю головой. Никто, даже Орден, не сможет сделать так, чтобы вместо дырки величиной с кулак, из которой хлещет кровь и вываливаются кишки, вновь оказалась целая и здоровая кожа. На Сиале такие фокусы могли проделывать только боги.

— Тогда зачем же ты в него так стремишься?

— У мен-ня дела,— буркнул я.— К тому ж-же здесь слишком хол-лодно.

Первая засмеялась, и, отвечая ее смеху, снежинки лопнули и превратились в огоньки. Холодный ветер поспешно скрылся, уступив место разрастающимся огонькам. Они слились друг с другом и превратились в голодного хищного зверя, имя которому — пламя, которое за один удар сердца сожрало мрак и окружило нас плотным жарким коконом.

Тени оставались такими же черными и непроглядными, как и раньше.

— Ну что, Танцующий, так теплее? — насмешливо спросила Первая.

— Да...— Сил удивляться уже давно не было. Насколько всесильна эта троица? И почему у них такой интерес к моей персоне?

— Ты остаешься с нами?

— Зачем я в-вам нужен? — спросил я, отогреваясь и стараясь потянуть время.

— Ты — Танцующий с тенями. Первый Танцующий, появившийся у нас за десять с лишним тысячелетий! И можешь делать то, чего не могут делать другие люди. Ты еще сам не знаешь, на что способен! Ты нужен нам, этому миру и вдохнешь в него жизнь, ушедшую в другие миры благодаря таким, как ты! Без тебя наш дом окончательно умрет!

— Без меня умрет мой мир! — Я попытался перекричать рев злого пламени.— Мой долг...

— Твой долг?! — с сарказмом проговорила Вторая.— Вор заговорил о долге. С каких это пор ты стал рассуждать о нем?

— Мне нужно вернуться и закончить дело,— упрямо настаивал я.— Я принял Заказ, и пока он на мне, я не волен над своими желаниями!

Тени склонили головы одна к другой и стали тихо переговариваться. Неужели я смог их убедить? В этом мире, мире-пустоте, заполненном то огненным снегом, то жарким пламенем, мне не было места. Разве они этого не понимают?

— Хорошо, ты можешь уйти,— объявила решение Вторая.— Мы ждали тысячи лет, подождем еще немного. Ты все равно когда-нибудь вернешься к нам. Тот, кто узнал дорогу в изначальный мир, всегда возвращается. А теперь иди!

— Куда?

— Вперед.

Я бросил опасливый взгляд в сторону огненной стены:

— Вы же знаете, что без вас я не смогу пройти сквозь огонь! Верно. Но в этот раз ты должен пройти без нашей помощи. Не всегда мы будем рядом с тобой. Не всегда джанга с тенями проведет тебя через ловушки Дома Силы. Когда-нибудь тебе придется бороться с ним один на один.

— Дом Силы?! — вскричал я.— Вы сказали Дом Силы?! А про Дома Любви, Боли и Страха вы тоже знаете?!

— Знаем.

— А про Хозяина?! Кто или что он такое?! Про Хозяина вы...

— Знаем,— перебила меня Третья.

— Тогда расскажите мне! Это очень важно!

— Совсем недавно ты торопился убраться отсюда, Танцующий, а теперь жаждешь сведений,— холодно ответила на мою просьбу Первая.— За них надо платить, ты готов к этому?

— Смотря что вы за них потребуете! — осторожно сказал я. Не стоит соглашаться, пока не узнаешь, какую цену попросят от тебя взамен.

— Тебе придется остаться с нами.

— Тогда цена этому знанию — дырявый медяк. Здесь мне оно не понадобится.

— Прости, но твой мир еще долго не будет готов к этим знаниям,— с сожалением ответила мне Вторая.— Вперед, Танцующий, огонь ждет тебя!

— Прощайте!

— Нет. До скорой встречи, Танцующий! Помни, что не всегда джанга с тенями ведет правильной дорогой!

— Помни!

— Опасайся!

Они еще что-то кричали мне в спину, но я уже не слышал их слов. Огонь угрожающе замахнулся на меня шипящими языками.

— Ты мой! — проревело багровое пламя.

— Ты наш-ш-ш! — вторили его голодные языки.

Я не склонен к безумным и безрассудным поступкам, но, видно, пришло время. Как там говорили тени? Не всегда можно пройти сквозь огонь с помощью танца с тенями? Нет, как-то по-другому...

Огонь опалил лицо, волосы угрожающе затрещали. На руках, которыми я закрыл глаза, начала лопаться кожа.

В прошлый раз только джанга, безумный танец, в котором меня закрутила троица, помог пройти сквозь пламя этого негостеприимного мира и вернуться назад на Сиалу.

Сейчас я остался один на один с голодным огнем.

— Ты мой!!! — гудела стена жара.

— Вы мои!!! — каркнул я в ответ.

Я, больше не раздумывая, прыгнул в духовку. Стена торжествующе взревела, принимая меня. Боль от ожога распустилась пунцовым бутоном, но одежда и волосы даже не вспыхнули. Пламя лишь разочарованно выло у меня за спиной. Перед тем как на меня рухнула тишина, я успел понять, что все-таки смог прорваться сквозь границу миров без джанги с тенями...

В голове гудело, во рту поселилось множество ежей, затылок отчетливо пульсировал и не давал ни на секунду забыть о себе. Я зашипел похлеще, чем кипящий котел, и соизволил открыть глаза. Перед глазами все расплывалось, так что мне потребовалось заметное усилие, чтобы понять, где я очутился на этот раз.

— С добрым утром! — Раздавшийся голос заставил меня вздрогнуть.

— Это, по-твоему, доброе утро, Угорь? — хмыкнул я.

— По крайней мере мы все еще живы.

— Давно мы здесь?

— Уже утро следующего дня. Весь прошлый день и ночь мы проторчали тут. Как твоя голова?

— И не вспоминай,— со стоном попросил я гарракца.— Гудит, как растревоженное осиное гнездо. Меня довольно сильно приложили в карете.

— Я уже стал беспокоиться. У тебя был жар, и ты говорил, не приходя в сознание.

— Мне снились плохие сны,— пробормотал я, вспоминая прогулку по мрачным коридорам хозяйской тюрьмы и загадочный огненно-снежный изначальный мир Хаоса, который, по словам теней, должен умереть.

Сон! Это был всего лишь очередной сон из нескончаемой связки кошмаров!.

— Ты-то как? Тебе ведь больше моего досталось,— спросил я у Угря.

— Выживу,— односложно ответил он мне.

Ну, раз гарракец говорит, что выживет, значит, выживет.

Я попробовал пошевелить руками, но из этого ничего не вышло — какая-то сволочь крепко-накрепко связала их у меня за спиной.

— Даже не пытайся,— усмехнулся Угорь, заметив мою попытку проверить крепость веревок, перетянувших запястья.— Веревка из волокон арта, от нее просто так не избавишься. Я целый час провозился, но так ничего и не получилось.

Арт — это такое дерево, дохленькое, кривое и ничем не примечательное. Но из его волокон, после того как их должным образом обработают, получают великолепные прочные веревки. Их можно перерезать или перегрызть, но разорвать или вывернуться из таких пут способен только очень сильный или же очень ловкий человек.— Нас в тюрягу, что ли, посадили? — немного туповато пробормотал я.

Мне никак не удавалось избавиться от наваждений снов. Все еще не верилось, что долгое путешествие в подземных коридорах и разговор с тенями — это всего лишь кошмар.

— Верно. На званый обед сторонники Неназываемого нас приглашать не спешат.

Я огляделся, стараясь получше ознакомиться с местом нашего заключения.

Темницей это назвать было трудно. Нет, тут, конечно, наличествовали серые стены, маленькое решетчатое окошко под потолком, грязная солома на полу и одинокий факел на стене. То есть на первый взгляд самая обычная и не очень-то располагающая к постоянному жительству камера. Но вот в чем была странность — я ни разу в жизни не слышал от людей, побывавших в тюряге, что в камере должно быть две двери.

— Вторая запасная? Если тюремщики ключ от первой потеряют? — не удержавшись, попытался пошутить я, несмотря на продолжающийся гул в голове.

Первая дверь — деревянная, обитая узкими стальными листами, располагалась прямо напротив нас. Вторая, полностью железная, находилась на левой стене камеры, и засов у нее, в отличие от первой, находился тут, а не снаружи, как у любой уважающей себя двери в тюрьме.

— Что за ерунда?!

Он проследил за моим взглядом, неловко пожал плечами.

— Без понятия.— Лучше помолись своему Саготу, чтобы нас отсюда вытащили.

— Вытащат-то нас в любом случае и, кажется, вперед ногами.— Настроение у меня было мрачновато-говорливым.— Какова вероятность того, что отряд отыщет нас раньше, чем ребята Неназываемого избавятся от лишней обузы?

— Были бы мы обузой, нас бы не стали хватать, а шлепнули прямо на улице.

— Верно. Мы им для чего-то нужны, но как долго это продлится? Кли-кли, слава Саготу, смылся, и, думаю, прошло достаточно времени, чтобы Алистан и Миралисса начали действовать.

Из маленького окошка до нас донесся крик горластого петуха.

— Вот тебе и ответ,— произнес Угорь.— Мы не в Ранненге, мы за городом, а навряд ли Алистан догадается искать нас на таком расстоянии от стен.

— Почему ты думаешь, что мы за городом? По-твоему, в Ранненге не может быть петухов?

— Да нет, их навалом, но я в карете пришел в себя, и перед тем как меня опять вырубили, смог увидеть, что за окнами простирается отнюдь не городской пейзаж.

Угу. Приятно слышать. Теперь уже точно известно, что шанс найти нас в подвале, да еще так далеко от трактира,— нулевой.

— Умеешь ты обнадежить,— горестно вздохнул я.

Нам оставалось только ждать и надеяться на чудо, Сагота и всех готовых нам помочь личностей. Первое нас избегало, второй, кажется, не слышал, третьих попросту не существовало (по крайней мере, на расстоянии лиги от нас). Как говорят матросы из Портового города — мы крепко сели брюхом на мель..

Лязгнул засов, и вошли двое. Первый был широкоплечим мужиком лет пятидесяти, с лиловым носом и льдисто-голубыми глазами. Невысокий, плешивый, в мятой, заляпанной жиром одежде и с кривой ухмылкой во всю мерзкую рожу. Вторым посетителем оказался... Горлопан.

Живой и абсолютно здоровый.

Я в первую секунду даже не поверил, что вижу именно его, а не какой-то морок или призрака, восставшего из могилы.

Лицо Угря, когда он увидел, кто пришел нас навестить, не дрогнуло. Лишь темные глаза нехорошо прищурились.

— Я вырежу тебе сердце,— процедил он.

— Я постараюсь быть осторожным и не попадаться тебе в руки,— очень серьезно ответил Горлопан.— Приношу свои извинения за причиненные вам неудобства.

Угорь все таким же ледяным голосом пожелал Горлопану засунуть все неудобства куда подальше.

— Жаль,— огорчился предатель.— Я искренне сожалею обо всем случившемся, но судьбу не выбирают. Вы выбрали свою сторону, а я — свою.

— И давно ты ее выбрал? — угрюмо спросил я, наконец заметив на его пальце то, что с самого начала увидел Угорь,— махонькое колечко в виде листка ядовитого плюща.

Все сразу же встало на места. Вот от кого сторонники Неназываемого узнали о том, где мы остановились и где находится Ключ! Да и выследили они нас у дома Соловьев тоже не без его помощи.

Как же ловко этот ублюдок все провернул! И ведь перед нашим носом, и никто ничего не заподозрил! Да и как можно заподозрить своего товарища, с которым успел столько всего пережить?! Как можно подумать о Диком, что тот служит Неназываемому?! Это все равно что назвать солнце зеленым, а огров — очаровательными созданиями!

Сказал, что поехал к родственникам, а в это время сообщил своим соратникам о нас и вернулся в трактир. Все остальное было делом техники. Парни Неназываемого ворвались в трактир, подстрелили слуг, Маркауз с воинами укрылся на кухне, а Горлопан инсценировал свою смерть и был таков вместе с помощниками и нашим Ключом. Кто, ну кто связал бы Дикого с Неназываемым? Да никто! И о Горлопане мы бы больше никогда не услышали, исчез бы он с нашей дороги, если бы не слуги Хозяина, отобравшие у него Ключ.

— Очень давно, Гаррет,— усмехнулся тот.— Ты не представляешь, сколько поколений моей семьи помогают вернуться Владыке в Валиостр.

— Но ты ведь Дикий. Как можно?

— Гаррет, ты мне глубоко симпатичен, но не надо мне говорить про Диких! Я отдал им четырнадцать лет жизни только потому, что Неназываемый велел мне и другим Верным сделать это.

Слуги Неназываемого называют себя Верными? Ха!

— И много вас среди нас? — Голос Угря излучал просто вселенское спокойствие.

— Что ж, я отвечу тебе, дружище,— улыбнулся предатель.— Теперь тебе это можно узнать, и знаешь почему?

— Потому что вы не выберетесь из этого подвала,— наконец-то открыл рот человек с лиловым носом.

— Заткнись! — резко одернул напарника Горлопан.— Нас было шестеро. Глаза и уши Неназываемого среди Диких Сердец. Удивлен? Ты был бы еще сильнее удивлен, если бы узнал их имена. Одно я тебе, так и быть, по старой дружбе назову. Помнишь Огрыз-

ка — помощника капитана Сыча? Он был главным в нашей группе, жаль, что Верный так и не вернулся из Безлюдных земель.

— Жаль, что ты не остался вместе с ним,— глухо сказал Угорь.

На этот раз гарракец не смог скрыть своих истинных чувств. И ежу было понятно, как он потрясен, узнав, что в Дикие Сердца затесались сорняки-предатели. Немыслимо!

— И остался бы, не вытащи ты меня из той заварушки,— согласно кивнул Горлопан.— Ну, ладно, это дело прошлое, и для разговоров у нас еще будет время. А пока я просто пришел вас проведать и узнать, что вам нужно. Напои их!

Последние слова адресовались Лиловому Носу. Горлопан пошел к выходу, но я его окликнул:

— Горлопан!

— Да, Гаррет?

— А это того стоило?

— Стоило что? Четырнадцать лет жизни коту под хвост или служба Владыке?

— Второе.

— Ты не понимаешь и не поймешь. Ни ты, ни Дикие, татуировкой которых я испоганил свое тело. Для вас Неназываемый — зло. Чистое, незамутненное зло — и ничего больше.

— Эк как ты заговорил,— пробормотал Угорь.

— Ты привык видеть Горлопана вечно ноющего, спящего и недовольного всем светом, дружище? — Он впервые за все время улыбнулся.— Горлопан! Если бы ты знал, как мне надоела эта собачья кличка! Четырнадцать лет я был собакой, четырнадцать лет я гавкал для вашего короля! У меня есть имя, и я, может быть, даже знатнее тебя, гарракец, скрывающий свой титул.

— Знатность тебя уже не спасет, я убью тебя без всякой дуэли.

— Все может быть, но вряд ли,— поморщился наш враг.— Что же насчет твоего вопроса, Гаррет,— это того стоило. С самого начала. Если бы не Рог Радуги, Неназываемый давно бы сокрушил династию Сталконов.

— Столько сотен лет ненавидеть какую-то династию! Твой Неназываемый и вправду сумасшедший!

— Сталконы сделали его таким! Они очернили имя лучшего мага Ордена перед народом! От него отвернулись все, все, кого он любил, включая брата-близнеца, жену и детей! У него не оставалось другого выбора, как Кронк-а-Мор и бессмертие! А теперь он хочет отомстить!

— Мстить некому. Все уже давно мертвы, а его брат Грок давно лежит в Храд Спайне.

— Наш разговор ни к чему не приведет,— покачал головой Горлопан и вышел из камеры.

— Горлопан! — рявкнул Угорь, и я подскочил от неожиданности.

— Да? — Удивительно, но он вернулся.

— Помни, я вырежу тебе сердце!

Тот ничего не сказал, лишь цепко, с прищуром взглянул на связанного гарракца, криво и не очень-то уверенно ухмыльнулся и вышел вон.

— Вот вам вода.— Лиловый Нос поставил перед нами две миски.

— И как, по-твоему, мы будем пить со связанными за спиной руками? — спросил я у него.

— Это уж, звиняйте, не моя проблема. Я не самоубийца и руки вам распутывать не буду. Поищите дурака в другом месте. А вообще, дам я вам совет: можете не пить — все равно вам недолго осталось.

— Зачем же сюда тащили? Шлепнули бы на улице.

— Это вы у Ризуса спросите, когда он приедет посчитать ваши кости.

Лиловый Нос направился к выходу.

— Эй, быдло! — негромко окликнул тюремщика Угорь. Голос гарракца просто сочился презрением высшего к низшему.— Кто этот Ризус?

— Быдло? Это ты меня быдлом назвал? — Лиловый Нос сжал кулаки.

Он подскочил к гарракцу и замахнулся кулаком. Угорь не отвел взгляда, и Лиловый Нос так и не решился ударить.

— Хотите узнать, как вы умрете? — нехорошо усмехнулся Лиловый.— Вас сожрут ваши соседи по камере. Сейчас я вас познакомлю.

Лиловый Нос подошел к железной двери и с натугой отодвинул визжащий засов. За ней оказалась мощная кованая решетка, преграждающая проход в следующую камеру. Я с неприятным удивлением заметил, что на нижней части решетки осталось нечто похожее на следы зубов. Кто-то усиленно пытался прогрызть в преграде проход на свободу, и этот кто-то мне очень сильно не понравился. Тварей, у которых во рту такие зубы, лучше обходить стороной.

Желательно за лигу.

— Я их три недели не кормил, так что от вас даже косточек не останется! Оставляю дверь открытой, чтобы вы смогли насладиться их видом. Когда Ризус с вами потолкует, я с радостью поверну рычаг в коридоре, решетка поднимется, и кое-кого скушают, хе-хе!

Лиловый еще раз премерзко хохотнул и покинул камеру.

— Что там, Угорь? Тебе не видно? — напряженно спросил я.

— Нет. Но мне это не нравится.

— Еще бы, когда оттуда такая вонь! — согласился я с ним.

Запах из-за решетки заставлял немножечко паниковать. Он оказался не слишком уж и резким — это было всего лишь слабое дуновение, но его оказалось вполне достаточно, чтобы я насторожился.

Так пахло гнилое мясо. Падаль. Трупы.

— Этот сукин сын держит у себя живого мертвеца! — с ужасом воскликнул я.

— Похоже, мы пришли к одному и тому же мнению.

Меня передернуло — быть сожранным ходячим трупом, оживленным с помощью хаотичной магии огров, до сих пор самостоятельно парящей над нашим миром. Страшная смерть!

За решеткой властвовала тишина и тьма. Ни движения...

— Знали бы мои родственники, как я низко пал! — ни с того ни с сего расхохотался Угорь.— Сначала угодил к Диким, теперь оказался за решеткой и готовлюсь стать завтраком для полусгнившего мяса! Узнай об этом отец, его бы второй удар хватил!

— Ты о чем? — вырвалось у меня.

Гарракец посмотрел на меня и горько усмехнулся.

— Я стал Диким около десяти лет назад, Гаррет. Сердца — моя новая семья, а Одинокий Великан — мой новый дом. Я отринул все, что было в моей прошлой жизни, я стал тем, кого раньше в большей степени презирал и не очень-то уважал. У нас в Гарраке не любят тех, кого вы называете Дикими. Сам знаешь почему.

Кто же не знает? Однажды, в далекие седые времена Вастарской сделки, Дикие наголову разгромили «Дракона» Гаррака.

— Девятнадцать лет своей прошлой жизни я носил другое имя. Горлопан правильно сказал — у всех нас раньше были имена. Поменять свое родовое имя, которое с гордостью носили мои предки, на кличку Угорь — что, кажется, должно быть страшнее для дворянина?

Я старался не дышать, чтобы любым способом не прерывать речь Угря. По словам Сурка, никто среди Диких до сей поры не знал, кем он был и чем занимался до того, как прийти к Одинокому Великану.

Он всегда держался на расстоянии от других, всегда был спокоен, холоден, не болтлив и великолепно владел парными клинками дворянского сословия Гаррака. Угорь был загадкой для многих, в том числе и для меня. Скала, Лед, Непробиваемый, Молчаливый, Холод — вот те немногие прозвища, которыми наградил воина Кли-кли.

То, что Угорь сейчас изливает мне душу, было несколько неожиданно. Он не был склонен к сантиментам, и некоторые из Диких до сегодняшнего дня считали, что парень унесет тайну своего появления в Одиноком Великане в могилу.

— Мой отец — «зуб Дракона»,— продолжил Угорь.— Тебе известно, что это означает?

Мне хватило сил лишь на то, чтобы ошеломленно кивнуть. «Зуб Дракона» — высший воинский чин в армии Гаррака! «Зубом Дракона» по вековой традиции могли становиться только близкие родственники короля, а из этого следовало, что в Угре течет королевская кровь! Это не простой дворянчик, это даже не герцог! Это кронгерцог с прямым правом наследования трона, если род короля неожиданно прервется.

— Мой отец Марлед ван Арглад Дас, кузен короля Гаррака, является уже шестым «зубом Дракона» в нашем роду. Высокая честь, вор! Высшая честь, какая только может выпасть дворянину нашего королевства.

Угу. Знаю, слышал не раз. Гарракскому дворянину ничего не надо в жизни, кроме высшей чести сохранения лица рода, вековых дворянских традиций и тому подобной не очень-то понятной мне чуши. Дворяне Гаррака просто помешаны на словах «честь» и «верность королю».

— Я старший сын рода, так что мне тоже предстояло стать «зубом Дракона». Предстояло...— Угорь заскрежетал зубами.

— Что тебе помешало? — осторожно спросил я.

Он посмотрел на меня, и я увидел, что в его глазах плещется озеро застарелой боли.

— Что помешало? — задумчиво переспросил он. Было видно, что он сейчас находится очень далеко от меня, где-то там, в прошлом.— Молодость, самонадеянность и, наверное, гордыня... В то время я думал, что мне можно брать от жизни все. Старший сын «зуба Дракона», племянник короля — меня ждала прекрасная карьера военного... Я был всем и делал все, что только хотел. Считал себя лучшим, первым во всем, и многие думали так же, как и я. А те, кто был иного мнения, слегли в могилу после дуэлей. Я был неприкасаемым и слишком уж бесшабашным. Любимец знати, женщин... Я! Я! Я! Это «Я» меня в итоге и погубило...

— Что же случилось?

Угорь тряхнул головой, отгоняя воспоминания прошлого, и, уставившись на решетку камеры, произнес:

— Неважно. Это уже дела давно минувших дней. Я допустил ошибку, опозорил себя, отца, род и своего короля. А позор смывается только смертью. И я умер. Улис ван Арглад Дас перестал существовать, и появился Угорь... Так, наверное, было лучше для всех...

Он фыркнул.

— В ту ночь я умер и сохранил честь своему роду. Никто так и не узнал, что я не смог в нужный момент направить кинжал себе в гор-

ло и остался жив... Ни отец, ни тем более король не знают, хотя думаю, что мой младший брат подозревает... Я покинул страну... Ни родового имени, ни возможности вернуться в Гаррак... У меня не осталось ничего, кроме оружия и умения им владеть. Я ушел на другой край северных земель и стал Диким. Стал тем, кого раньше, будучи первым в «Драконе» Гаррака, не очень-то любил и уважал. Тут никто не спрашивал о моем прошлом и... Разговорился я что-то сегодня,— одернул себя гарракец. Извини, что взвалил на тебя все это.

— Забудь.

— И ты забудь этот разговор. Я зря его затеял.

— Но затеял ведь?

Он помолчал.

— Наверное, я просто хотел попросить тебя оказать мне услугу,— пробормотал Угорь и посмотрел в потолок.— Если вдруг я умру, а тебе доведется выжить, передай «брата» и «сестру» моему младшему брату. У него намного больше прав, чем у меня, носить родовые клинки рода ван Арглад Дас.

— Не думаю, что смогу это сделать,— помолчав, сказал я.— Мы с тобой в одной лодке, и сожрут нас вместе.

— Ты просто пообещай,— попросил Угорь.

— Ну хорошо. Обещаю.

— Спасибо. Я этого не забуду.

«Естественно, ты этого не забудешь,— подумалось мне.— За тот срок, что нам отмерен безжалостной Сагрой, довольно сложно успеть что-нибудь забыть».

За решеткой, отделяющей нас от камеры, кто-то чирикнул. Мы с Угрем одновременно повернули головы в сторону странного звука.

— Ты слышал? — слишком уж громко спросил я у воина.

— Угу,— угрюмо ответил он мне.— Это еще хуже, чем голодные мертвецы.

Хуже, чем голодные мертвецы? Хм? Ну не Х'сан'кора же туда запихнули сторонники Неназываемого в самом деле?!

— Мм... Улис... э-э-э... Угорь, ты не мог бы просто сказать, а не заставлять меня нервничать еще сильнее? — попросил я.

— Смотри!

Угорь изловчился, подцепил носком сапога перевернутую миску и швырнул ее в сторону решетки, и она, стукнувшись, разлетелась дождем черепков.

Чириканье воробушков перешло в угрожающее шипение, и из мрака на решетку с остервенением и ненавистью голодных демонов кинулись четыре существа. Одна из тварей попробовала перекусить стальные прутья, и по камере разнесся одуряющий, просто пробира-

ющий до мурашек скрежет. Я похолодел и принялся молиться Саготу, чтобы преграда выдержала пробу на зуб.

Прутья устояли, но на них все же остались глубокие борозды. Слава об этих зубках гуляла по всей Сиале. Они играючи перемалывают в муку старые кости мертвецов на кладбищах.

— Гхолы, спаси нас Сагот! — вскричал я.— Этот ублюдок приручил гхолов!

Угорь ничего мне не сказал, он внимательно изучал приникших к решетке тварей.

Так прошло несколько томительных и не очень-то приятных для нас минут. Мы наблюдали за ними, они за нами. У гхолов, в отличие от нас, интерес был чисто гастрономический.

Лишь небольшой процент городских жителей, столкнувшись с гхолом где-нибудь в чистом поле, поймет, с кем свела его нелегкая. Сейчас они довольно редки, и встретить их можно лишь в самых глухих местах Сиалы. На старых заброшенных кладбищах, курганах и могильниках, которые эти твари покидают лишь тогда, когда случаются большие битвы. Падальщики и трупоеды, предпочитающие в основном человечинку, желательно полежавшую недельку-другую на свежем воздухе. Но не гнушаются и другой падали. Гхолы, особенно гхолы-одиночки, трусливы, а поэтому не шибко опасны для взрослого человека, исключая те случаи, когда он по глупости решает уснуть возле старого могильника. А вот ребенка, даже десятилетнего, одинокий гхол порвет запросто.

Ситуация резко меняется, когда трупоеды собираются в стаю, поголодав перед этим длительное время. То, что случается с тварями, когда они находятся в состоянии безумного голода, можно охарактеризовать словами — им попросту сносит колпак. Сказку о двух рыцарях, которые отправлялись на какую-то войну, а наткнулись на десяток год не кушавших гхолов, знает каждый ребенок. От рыцарей, как и следовало этого ожидать, остались только их доспехи, да и то порядком пожеванные.

Чего уж говорить о двух связанных пленниках? Гхолы, три недели не державшие во рту ни кусочка, от нас даже косточек не оставят.

У одной из тварей, вцепившейся ручонками в прутья решетки и зырящей на нас, как на самую большую ценность в мире, изо рта потекла липкая струйка слюны.

У-у-у, как все запущено. Как они друг друга-то еще не умудрились съесть?

Гхол бросил на меня плотоядный взгляд и, склонив голову набок, насмешливо чирикнул. Он мне напомнил птенца какой-то невиданной птицы. Хотя на самом деле с птицами гхолов объединяет только одно: их дурацкое чириканье. Внешне же гхолы больше по-

хожи на очень несчастных и довольно безобидных, пускай местами и странноватых, существ.

Маленького роста, не больше новорожденного младенца, с пепельно-серой гладкой кожей, огромными плошками кроваво-красных глаз, непропорционально большой головой, маленьким тельцем, выпирающим животом, коротенькими кривыми ножками, длинными тонкими ручками и редкими желтоватыми зубами, гхолы могли вызвать у ни разу не видевших их и не знающих, с чем они столкнулись, жалость или смех, но никак не страх.

Это погубило многих самоуверенных горе-смельчаков, которые умудрились повернуться спиной к такому с виду безобидному, но уж очень голодному созданию.

— Съем! — вдруг произнес один из них, глядя прямо на нас.— Съем-съем-съем! Съем! Ага! Съем!

У гхолов, как и у огров, имеются в башке какие-то крохи мозгов. И если огры из самой могущественной расы Сиалы, единственной расы Темной Эпохи, дожившей до наших дней и создавшей первую новую магию мира — шаманство и страшный Кронк-а-Мор, превратились в тупых и крайне свирепых чудовищ, то гхолы, наоборот, из века в век умнели. К счастью, слишком медленно.

Они могли запоминать и повторять отдельные слова не хуже заморских попугаев и были намного умнее обезьян, которых иногда можно найти в балаганах на Рыночной площади.

— Съем! — в последний раз сообщил нам гхол и скрылся во мраке.

Два других последовали примеру маленького говоруна, оставив четвертого сторожить у решетки. Гхол вцепился в нее руками, несколько раз дернул, а затем разочарованно зашипел.

— Посмотри, какие у паренька когти,— довольно нервно сказал я.

Да и как тут не нервничать, зная, что Лиловый Нос в любой момент может дернуть рычаг и поднять преграду, которая сейчас являлась единственным, что отделяло нас от встречи с богами.

— Лучше нам поспать, Гаррет.

Я посмотрел на Угря как на умалишенного.

— Нет, я абсолютно серьезен. Спи, делать нам все равно нечего.

— Уснуть, когда под боком такое соседство? Это не для меня!

— Ну как знаешь.— Он закрыл глаза.

Этот парень отличается железными нервами. Не удивлюсь, что он уснул бы, даже если бы за его спиной стоял сам Неназываемый.

Я вновь посмотрел на гхола, стоявшего на посту возле решетки. Все демоны тьмы! Сколько же в нем этой вонючей слюны?

Гхол, заметив, что я смотрю на него, отчего-то занервничал и чирикнул. Тут же из тьмы показался его приятель, бросил на нас подо-

зрительный взгляд, проверяя, не собирается ли завтрак смыться, и, убедившись, что все спокойно, вновь убежал в логово.

«Вальдер,— мысленно позвал я архимага.— Вальдер, ты здесь?»

Нет ответа.

Насколько я знал из сна прошлой жизни мага, он ненавидел этих тварей, но, судя по всему, на этот раз архимаг вмешиваться не намерен. А жаль, я бы с радостью глянул на поджаренного гхола. В таком виде они намного безобиднее сырых и живых.

Я скорчил гхолу-постовому рожу. Тот, как заправское зеркало, скорчил ответную морду, и, надо сказать, у трупоеда это получилось намного лучше и... страшнее.

Прошло чуть больше четырех часов с тех пор, как я познакомился с очаровательной семейкой голодных пожирателей мертвецов, а Угорь так и не соизволил проснуться.

Гхолы за это время дважды успели сменить часовых. Они старательно торчали на виду, таращили красные глаза, иногда угрожающе шипели, чирикали, пускали слюну, пробовали решетку на съедобность и нервировали намного больше, чем целый отряд продажных стражников, застукавших меня в неподходящий момент в сокровищнице одного графа.

В общем, ребята развлекались как могли, пока это им не надоело. Стражник-гхол скрылся во мраке, но я все равно чувствовал на себе голодные, исполненные вожделения взгляды.

Солнце уже давным-давно сияло на небе, и лучи копьями влетали в узенькое решетчатое окошко, расположенное под самым потолком камеры, и падали на солому. Время уходит сквозь пальцы, как золотой песок, и ничто не может замедлить его бег.

Поначалу я даже не обратил внимания на писк, раздавшийся где-то над головой. Зато на него обратили внимание гхолы и Угорь. Первые, встревоженные неизвестными звуками, прилипли к решетке, а второй резко распахнул глаза, будто он и вовсе не спал.

— Хвала всем богам! — радостно пробормотал воин, и его лицо просветлело.

Я повернул голову к окошку.

— Линг! — воскликнул я.

— Точно. А это значит, что ребята нас отыскали!

— Эй! Есть тут кто? — неожиданно раздался голос Сурка.

— Мы здесь! Чего так долго?

— Да вы бы еще за десять лиг спрятались, мы бы вас еще неделю искали! Живы?

— Да!

— Двигаться можете?

— Руки связаны!

— Это не проблема, сейчас Непобедимого спущу!

— Найди дверь! — сказал Угорь.

— Мы этим и занимаемся. Здесь сторонников Неназываемого — полно! Мы как раз их патрульных добиваем. Все, до встречи!

На миг в лучах солнца что-то сверкнуло, а затем сапожный нож воткнулся острием в солому. Прямо за моей спиной. Издав писк, со стены отважно спрыгнул линг и, упав в сено, засеменил к нам.

— И что теперь? — нервно спросил я, наблюдая за лохматой крысой.

— Теперь возьмем нож.

— Не знаю, как ты, но я своими руками даже пошевелить нормально не могу, не то что до него дотянуться. Проклятая веревка!

— Не торопи события, Гаррет.

Тем временем лохматый крыс с гордым именем Непобедимый юркнул к Угрю и стал перегрызать веревку, стягивавшую его запястья.

— Удивлен? — усмехнулся Угорь.— Сурок даром времени не терял и обучил животину разным фокусам.

— Вижу.

Я воспрянул духом, понимая, что спасение не за горами. Скоро кто-нибудь из Диких доберется до камеры, отопрет дверь, и мы окажемся на свободе.

Минуты тянулись и тянулись, и в сердце заползала тревога. Что же их нет? Неужели ребят заметили и им пришлось отступить? Да нет, о чем это я! Дикие не отступают и не оставляют своих товарищей в беде. Вот сейчас лязгнет засов и...

Но засов не лязгал. Никаких звуков, кроме злого шипения гхолов, кажись догадывающихся, что их завтрак намерен сделать ноги. Непобедимый издал удовлетворенный писк и направился в мою сторону, а Угорь принялся растирать освобожденные запястья.

— Ну вот теперь мы повоюем.— Гарракец бросился к оружию и одним взмахом перерезал мою веревку. В этот момент на двери лязгнул замок.

— Ну наконец-то! — зашипел я.— Эй! Ты чего?

Угорь бросился на свое старое место, на ходу подхватив линга, сунул его в карман и сложил руки за спиной, положив нож вдоль предплечья, так, чтобы со стороны его не было видно.

— Сиди и не шевелись!

Угорь, к несчастью, был прав. Вошли к нам не спасители.

Горлопан, такой невозмутимый и такой непривычный, слишком уж выбивающийся из того образа, в котором я его привык видеть, прислонился к дальней от нас стене, сложил руки на груди и с са-

мым что ни на есть безучастным видом уставился в только ему видимую точку над головой Угря.

Лиловый Нос встал недалеко от меня и указал на нас пальцем третьему человеку:

— Вот, господин Ризус, этот ворюга.

Господин Ризус был невысоким парнем с черными блестящими волосами и глубоко посаженными серыми глазами. Тонкогубый рот и идеально прямой нос выдавали в нем человека, не склонного прислушиваться к чужому мнению, а нездоровый желтый цвет лица навевал на мысль о чуме-медянке. От мужчины резко пахло лошадиным потом, и его богатая одежда была изрядно помята и перепачкана. Парень, наверное, скакал целые сутки без остановки, чтобы лицезреть мою персону.

— Я задам вам всего два вопроса.— Голос для человека такого хлипкого телосложения был необычайно низким и глубоким.— От ваших ответов будет зависеть ваша смерть. Скажете мне правду и умрете быстро. Будете отпираться — гхолы обглодают ваши кости.

— Позвольте, я им все объясню, господин Ризус,— подал голос Горлопан.— Так мы сохраним много времени.

Человек неохотно кивнув, процедил:

— Только быстро. У тебя десять минут, пока я переодеваюсь с дороги.

Он вышел.

— Друзья...— начал Горлопан.

— Неназываемый тебе друг,— угрюмо ответил я ему.

— Допустим,— не стал спорить со мной предатель.— Если вы еще не поняли, господин Ризус — шаман, и, могу заверить вас со всей ответственностью, очень хороший. Он специально приехал в Ранненг, чтобы забрать Ключ для Неназываемого. Теперь вы можете представить, как он расстроился, узнав, что артефакта у нас нет?

Мы промолчали.

— От вас господину Ризусу нужно всего лишь два простых и правдивых ответа на два очень простых вопроса. Если вы ответите на них, то ручаюсь, я самолично убью вас. Быстро и безболезненно, а затем прослежу, чтобы вас достойно похоронили.

— И что это за вопросы, скажи на милость?

Я ждал лишь знака Угря, когда можно будет дать по башкам этим умникам.

— Я всегда знал, что воры отличаются большой сговорчивостью,— довольно хмыкнул Горлопан.— Вопрос первый: кто убил шаманов, которые готовились напасть на наш отряд?

— Ты же был тогда с нами! — искренне изумился я.— Откуда мы, по-твоему, знаем? Нашлись добрые люди, вот и все.

— Добрые люди не способны убить шестерых лучших шаманов Неназываемого! — отрезал Угорь.— Теперь из его Высших в Валиостре только господин Ризус.

— Горлопан, твой Ризус — псих! Он что, думает, будто мы, будучи в Харьгановой пустоши, могли узнать, кто шлепнул его дражайших колдунов за десятки лиг от нас?

Ну не рассказывать же ему, что за всем этим стоят слуги Хозяина и Лафреса.

Горлопан разочарованно цокнул языком, а затем признался:

— Да я в общем-то и не сомневался в этом. Это точно были не вы, не Миралисса и не Кот. Не тот уровень, тут поработала птичка высокого полета.

— Тогда зачем спрашиваешь? — подал голос Угорь.

— Да не смотри ты на меня так, дружище! — поморщился Горлопан.— Дырку просверлишь. Господин Ризус интересуется, и я должен спросить. Хорошо, тогда второй вопрос: где Ключ?

— Пошел ты!

— Давай я им займусь,— предложил Горлопану Лиловый Нос.

Горлопан болезненно поморщился, но ничего не сказал.

Угорь пробормотал себе под нос что-то очень нелицеприятное про маму громилы. Расчет гарракца оказался абсолютно верным — вспыльчивый палач, разом забыв обо мне, схватил Угря за грудки, приподнимая с пола.

— Да я тебя на куски разорву! Я тебя...

Но Угорь ударил человека под подбородок, правой рукой метнул нож, и тот, пролетев, угодил Горлопану в плечо. Я вскочил и с чувством огромного удовлетворения добавил предателю кулаками.

Угорь оказался рядом, оттеснил меня, выдернул из раны противника клинок, полоснул того под коленом, повалил на пол.

— Веревку! Живо!

Обрывками мы кое-как связали извивающемуся предателю руки.

Я доковылял до двери и выглянул в коридор.

— Чисто!

— Превосходно! Не спускай с коридора глаз.

— Заметано. Он еще жив?

— Да. Забери у меня мышь.

Я посадил линга себе на плечо и встретился с гарракцем взглядом, прочитав в его стальных глазах приговор предателю. Угорь наклонился над ним.

— Я обещал, что вырежу твое сердце, но у меня нет на это времени. Прощай.

Он показал мне, что пора выходить из камеры и, оказавшись в коридоре, закрыл дверь и опустил засов.

— Не говори нашим о Горлопане,— попросил он меня.— Пускай они думают, что он умер еще в трактире. Не нужно им знать, кем эта тварь была на самом деле.

— Угу.

— И о том, что я тебе говорил о себе, тоже молчи.

— Угу,— повторил я.

— И еще... О том, что среди Диких есть враги, никто не должен услышать. Сейчас не время для тревог. Когда мы вернемся к Одинокому Великану, я сам поговорю с Сычом.

— Хорошо.

— Рад, что мы друг друга поняли! — кивнул воин и резко дернул за незамеченный мной рычаг, находящийся в стенной нише.

Где-то загрохотал механизм, поднимающий решетку, выпуская гхолов на свободу. Меня передернуло, но сторонников Неназываемого было совсем не жаль.

— Идем! — скупо бросил Угорь и, не оглядываясь, поспешил прочь.

Из караулки выскочил охранник, и гарракец одним ловким движением свернул ему шею.

Дверь коридора распахнулась, и на пороге появились три знакомые низкорослые фигуры.

— Что я тебе говорил, Халлас? — радостно пропищала самая маленькая.— Я говорил, что найду их первым? Говорил?

— Кли-кли! Это ты?

— Странная у вас, людей, привычка констатировать очевидные вещи. Естественно, это я, Гаррет!

— Только тебя мне все это время и не хватало!

— Я тоже рад видеть тебя живым и здоровым! — состроил рожицу королевский шут.— Ух ты! Гхолы!

Как оказалось, здесь был еще один загон этих созданий. Кажется, Лиловый Нос оказался еще большим извращенцем, чем я думал, и разводил их в свое удовольствие.

Гоблин напрочь забыл обо мне, подошел к решетке, возле которой бесились обезумевшие трупоеды, и сунул туда палец, видно желая познакомиться с тварями поближе. На счастье Кли-кли, он обладал куда большим проворством, чем прожорливые уродцы, поэтому шут вовремя успел отпрянуть назад, и алчные челюсти поймали лишь воздух.

— Угорь, твои клинки.— Делер прислонил к стене секиру и достал из-за спины ножны с «братом» и «сестрой».

— А арбалет ты случайно не захватил? — с надеждой спросил я у карлика.

— Захватил, но он у Сурка, так что держись пока за нами. Кли-кли, ты остаешься?

— Иду, они все равно злые. Ух ты! Мертвец! Угорь, ты ему шею, что ли, свернул? Чего он за спину себе смотрит? Вот здорово! — продолжал возбужденно тараторить гоблин.— Можно я его пну? А? А-а-а... Да! Он же покойник, ему все равно. А мог бы стать нашим заложником! Нет? Угорь, скажи! Я прав, а?

— Закрывай балаган, Кли-кли,— буркнул я шуту.— Позже будешь веселиться.

— Тяжело с вами, дураками,— вздохнул Кли-кли, становясь серьезным.— Идем, что ли?

— Давно пора! Наши выход уже минуты две удерживают! — пропыхтел из-под шлема гном.

Халлас выскочил в коридор, за ним Делер, следом Угорь.

Мы с Кли-кли поднялись по лестнице и оказались на улице, рядом с гномом, карликом и человеком.

Здесь валялся мертвый господин Ризус. В его спине торчали две черные стрелы. Элл, намазавший лицо черно-зеленой краской, стоял тут же, с луком наперевес. Эльфы не отличаются великодушием по отношению к своим врагам и не гнушаются тыкать стрелами в спину противников, если они предоставляют такую великолепную возможность.

— Как ты его завалил? — удивленно спросил я у темного эльфа, покосившись на труп шамана.

Теперь он не казался таким грозным. Маленький и тщедушный человечек, нашедший свою смерть от эльфийских стрел.

— Гаррет, ты слепой? — издевательски спросил у меня Кли-кли.— Не видишь, как он умер? Его стрелами нашпиговали.

— Я не о том! — поморщился я, сетуя на недогадливость Кли-кли.— Я спрашиваю, как он умудрился убить шамана?

— Шамана? Хм...— пророкотал только что подошедший к нам Арнх, закованный с головы до ног в железо, и с интересом поглядел на тело.

— Будь он хоть сто раз шаман, Гаррет, но когда неожиданно и без всякого предупреждения тебе под лопатку вгоняют стрелу, то о всяком шаманстве враз забываешь,— пояснил Элл.— Ты думаешь, мы с шаманами орков в Заграбе на мечах сражаемся?

Нет. Не думаю. Стрела из кустов, и все дела.

— Быстрее, тьма вас раздери! — откуда-то издали раздался крик Сурка, а затем послышались вопли людей и звон оружия.

Звон перебивался резкими визгами и воем — это в бой включился милорд Алистан с мечом из поющей стали.

Когда мы выскочили на улицу, все было кончено. На дубовом щите Алистана появилась вмятина, у Сурка был разорван правый рукав куртки, но никто не пострадал, чего не скажешь о противниках. Трое сторонников Неназываемого лежали мертвыми, еще один корчился на траве и, схватившись за живот, стонал.

Да, это не сказка. Только в сказках умирают с честью и безмолвно. В жизни обычно долго корчатся, вопят и истекают кровью. Из-под побелевших пальцев раненого сочилась кровь. Парня прокололи не хуже чем какую-нибудь свинью.

Меч Арнха поднялся и опустился. Человек затих навеки.

— Отходим! — отдал приказ Маркауз, увидев нас.— Сейчас на шум слетится все гнездо!

И мы побежали. То есть побежали я и шут. Остальные организованно отступили на заранее подготовленные позиции, охраняемые на данный момент не участвовавшими в схватке Дикими в составе Медка и Фонарщика, и группы дальней поддержки в виде Эграссы и Миралиссы, вооруженных луками. Дядьки нигде не было видно. Должно быть, по причине ранения десятника оставили в трактире.

За спиной послышались крики, в воздухе прошмыгнул арбалетный болт, и я зарылся носом в землю, чуть не придавив собой линга. Эграсса, Миралисса и присоединившийся к ним Элл начали ответный обстрел врага, целя в окна и проем двери здания. Трое самых прытких преследователей, решивших догнать нас и попытать счастья в честном бою, словили стрелы на грудь и растянулись на земле, отбив у остальных негодяев все желание высовывать нос из-за каменных стен.

— Со всеми все в порядке? — спросила Миралисса, оттягивая тетиву с наложенной на нее стрелой к уху.

Треньк!

— Да, если не считать моих нервов! — не преминул пожаловаться Кли-кли.— Я не привык чувствовать себя подушечкой для арбалетных болтов!

— То ли еще будет,— пробормотал я, вставая с земли.

— Отходим к лошадям!

Приказ Алистана так и не был исполнен. С верхнего этажа крепкого двухэтажного дома, в подвале которого нас продержали без малого целые сутки, сорвалось нечто белое, но, увы, не пушистое.

— Берегись! — крикнула Миралисса.

Я повторно шлепнулся на землю, и моему примеру последовали все остальные, включая эльфов. Ослепительно-белый диск весело

прошуршал в воздухе и врезался в яблоню, разметав несчастное дерево на тысячу маленьких щепочек.

Шаман, тьма меня раздери! В доме еще один шаман Неназываемого, а ведь Горлопан говорил... Мало ли чего он нам говорил! Факт остается фактом: колдун только что шандарахнул по нам чем-то нелицеприятным, и только по счастливому стечению обстоятельств и воле богов он промазал на добрых десять ярдов.

Миралисса уже была на ногах и, шепча, закручивалась в завораживающем волчке танца. Эх! Владей эльфийка не шаманством, которое надо слишком долго подготавливать, а обычным волшебством людей и светлых эльфов, у нас был бы хоть какой-то шанс, а так... так это игра в кошки-мышки. Или, точнее, в жмурки в полной темноте. Кто быстрее — тот и победитель.

Элл и Эграсса сосредоточили обстрел на окне, из которого вылетел диск.

— Милорд Алистан! — крикнул кузен Миралиссы перед тем, как послать в окно очередную стрелу.— Уводите людей!

Все внимание эльфов было сосредоточено на окне. Темные позабыли о двери, и этим тут же воспользовались сторонники Неназываемого. Двое арбалетчиков прошмыгнули на улицу с явным намерением подпортить нам шкуры.

— Ничего не можем сделать! — Эграсса доставал новую стрелу из изрядно опустевшего колчана.— Они ваши!

Шаману нельзя дать сосредоточиться на новом заклинании. Ослабь обстрел хоть на секунду — и белый диск разнесет нас всех в кровавую кашицу.

— Сурок, арбалет! — рявкнул я и, сам себе удивляясь, вскочил с земли.

Дикий, не мешкая, бросил мне в руки моего малыша, слава Саготу, уже заряженного.

Один из врагов успел выстрелить первым. Он присел и лупанул по мне с колена. Навскидку. И пусть меня теперь попробуют разубедить, что Неназываемому не служат профессиональные воины! Только в армии есть такие искусники.

Быть бы мне с болтом в легком, если бы невесть откуда взявшийся Алистан не закрыл меня щитом. Болт успешно тюкнул в неожиданно возникшую преграду, а я, выбрав целью арбалетчика, который еще не произвел выстрела, нажал на спусковой крючок.

Грохнуло, я вам скажу, ничуть не хуже, чем пресловутое шаманство! Бедняга превратился в головешки, а второму, тому, кто сейчас торопливо перезаряжал арбалет, оторвало правую руку и почти полностью сожгло лицо. По-моему, на разгром, учиненный моим выстрелом, не обратила внимания только Миралисса, шепчущая за-

клятие, и эльфы, не дающие сосредоточиться шаману Неназываемого.

Я даже не посмотрел, чем было заряжено мое оружие. Болт с огненным элементалем!

— Сурок, забери тебя тьма! Ты что зарядил?!

— Это Кли-кли!

— Гаррет! — тут же заныл гоблин.— Они же у тебя почти все одинаковые!

— Почти?! Неужели не видно, что на этих три красные полоски?!

— Будь щедрее! Болт стоил пять золотых, но сейчас не время для нытья и жадничанья.

После того как в дверном проеме все покрылось льдом и раздались вопли боли, Миралисса наконец-то перестала петь песню и кружиться, как детский волчок на ярмарке.

Эльфы прекратили обстрел, и тут же, как будто только этого и ожидая, из окна вылетел очередной белый диск. Он несся на нас и, право слово, я думал, что это уже точно конец!

Но тут сработало заклятие эльфийки, и на миг перед нами вспыхнула зеленая стена. Вспыхнула и пропала, а диск, то ли отбитый, то ли отраженный, полетел в обратную сторону. К сожалению, он попал не в окно, где прятался шаман, а в угол дома.

Мелкое каменное крошево брызнуло во все стороны, разя выскочивших из здания сторонников Неназываемого не хуже, чем камни пращников. Нас от ран и увечий защитил магический щит.

Очередной диск, очередной отскок и полет в сторону дома, за стенами которого засел враг, но на пути снаряда вырос точно такой же, как у нас, зеленый щит, и белый снаряд, отразившись, ушел в сторону и разнес сарай, находящийся ярдах в тридцати от дома. Испуганно заржали лошади.

Еще диск. И еще. Шаман Неназываемого отличался куда большим мастерством, чем эльфийская принцесса. Наш щит от каждого попадания стал довольно заметно прогибаться и дрожать.

— Да уходите же, идиоты! Я не могу долго удерживать защиту! — рявкнула побледневшая от напряжения Миралисса.

— Я помогу! — Кли-кли отчаянно стал рыться в своих карманах.

— Уходим, Кли-кли! — Милорд Маркауз протянул руку, чтобы схватить гоблина за шкирку, но тот выудил из кармана клубок веревочек и узелочков и дернул за какой-то неприметный с виду шнурок.

Вся конструкция, так долго и заботливо плетенная шутом, обещавшим всем показать «ужасное шаманство гоблинов», расплелась в один миг, а затем самым что ни на есть волшебным образом растворилась в воздухе.

— Ой! — Кли-кли ошалело уставился на пустые руки, видимо, он сам не ожидал такого эффекта.— Чего это она?

Меня удивила Миралисса. Она охнула, шлепнулась на землю и закрыла голову руками, успев перед этим крикнуть:

— На землю!!! Живо!!!

Вид эльфийки, упавшей лицом в грязь, послужил для нас великолепным примером для подражания, потому как если уж леди не гнушается сотворить несвойственный темной поступок (купание в грязи не относится к основным эльфийским развлечениям), то нам и раздумывать нечего.

Я в третий раз за последние две минуты упал, успев заметить, как крыша здания подлетает на добрых пять ярдов в воздух, а затем ухает обратно в ревущее пламя, фонтанами хлещущее из окон и дверей.

Ву-у-ууу-ух!

Над нами прокатилась волна жара неимоверной силы. Раскаленным воздухом нельзя было дышать, он обжигал горло и легкие. Одежда тоже не спасала, жар лизал кожу даже сквозь куртку, рубашку и штаны.

Прошло еще секунд двадцать, прежде чем я решился поднять голову. Массивного двухэтажного каменного здания с красной черепичной крышей больше не существовало. На его месте осталась лишь одна каким-то чудом уцелевшая стена. Огонь ревел и лизал камни. Черный дым широкими крыльями устремлялся в небо.

Вот какие вещи случаются! Порвал глупую веревку: раз — и ничего нету! Ни дома, ни людей, в нем находившихся.

Все, как и я, таращились на пожар. Я встал с земли и, отряхиваясь, с опаской покосился на гоблина.

— Я... Я... Я не хотел! — испуганно зачастил Кли-кли, отступая под нашими не очень-то ласковыми взглядами.— Я даже не думал! Правда! Должен был пойти всего лишь маленький дождик!

— Дождик?! — заревел Делер, выплевывая изо рта песок, и, ткнув пальцем в разрушенное здание, язвительно спросил: — И это твой дождик?!

— Ну я же правда не думал, что так получится! — виновато шмыгнул носом шут.— Мне дедушка-шаман еще в детстве показывал... Я, наверное, не там сорок пятый узелок завязал.

Физиономия у маленького шута была покрыта копотью и грязью и выражала высшую степень виноватости.

— Кли-кли,— выдохнула Миралисса, вытирая грязное лицо тыльной стороной ладони.— Если ты еще раз устроишь такое, не предупредив меня...

Гоблин закивал с таким пылом, что, казалось, его голова вот-вот свалится с плеч.

Вдалеке послышались крики спешащих к месту происшествия людей. Лишние глаза нам ни к чему, пора уходить подобру-поздорову.

— К лошадям! Быстро! — Алистан забросил щит за спину и первым побежал туда, откуда недавно доносилось лошадиное ржание.

Я передал линга Сурку и постарался не отставать от капитана королевской гвардии.

— Здорово! — пропыхтел бегущий рядом со мной Кли-кли.— Недаром мой дедушка был шаманом! Как я им всем показал!

На физиономии гоблина уже не было ни капли раскаяния.

— Ты чуть нас вместе с ними не зажарил, гений!

— Это ты злой, потому что завидуешь моим способностям,— произнес шут.

Я презрительно фыркнул. Кли-кли только строит из себя глупца и пустобреха. Если быть честным — гоблин умнее магистра Арцивуса и лишь работает на свой образ. Но вот в такие минуты я готов поверить, что королевский дурак на самом деле паясничает по скудости своего ума.

Мы пробежали мимо дымящихся развалин сарая и за яблонями увидели наших лошадей. Несчастные животины испуганно всхрапывали, пряли ушами и в ужасе таращили глаза. Чувствовалось, что они не очень-то рады, когда рядом с ними творят разрушительные заклятия.

Я поздоровался с Пчелкой легким хлопком по боку и вскочил в седло.

Алистан сразу же пустил лошадей в галоп, и все свое внимание мне пришлось сосредоточить на скачке, чтобы ненароком не влететь в какое-нибудь некстати подвернувшееся дерево. И лишь когда мы увидели город и приблизились к стенам Ранненга, на меня всей тяжестью неба обрушилась усталость.

Глава 7
ГОБЛИНСКИЕ ИДЕЙКИ

Когда отряд на взмыленных лошадях влетел во двор трактира, нас уже поджидал нервно ходящий из угла в угол Дядька. Он быстро зашевелил губами, считая всадников и, удостоверившись, что все целы и живы, радостно улыбнулся. Медок спрыгнул с лошади и вполголоса стал рассказывать другу, что произошло во время нашего спасения. Дядька разочарованно цокал языком, жалея, что из-за раны не смог поучаствовать в битве.

Отдав поводья Пчелки подскочившему слуге, я в изнеможении сел прямо на землю. До чего довели, последние силы потерял!

— Эй, дружище! Ты жив? — участливо спросили меня.

Я вскинул глаза и увидел возвышающегося надо мной Басса.

— А ты что здесь делаешь?!

— Он находится на испытательном сроке,— сказал шут и шлепнулся задницей на траву рядом со мной.— Ну или типа того.

— Ну или типа того? — как эхо переспросил я.

Басс ничего не сказал, он выжидательно смотрел на меня. Чего ему надо-то? Кли-кли между тем выудил из-под нового плаща любимую морковку и, хрумкнув, произнес с набитым ртом:

— Фтафти фете фафо фнать...

— Чего? — не понял я.

— Я говорю, кстати, тебе надо знать, что, если бы не твой дружок, быть бы вам с Угрем покойниками! — прожевав, пояснил гоблин.— Это он показал, где вас прячут.

Я вопросительно посмотрел на бывшего товарища. Тот осторожно присел рядышком и стал рассказывать. Иногда Кли-кли отвлекался от морковки и вставлял в повествование Басса свое веское слово.

Как оказалось, Басс был на улочке, по которой мы катались на телеге с горки, и видел, как меня и бесчувственного Угря грузили в карету. Вмешиваться он не стал (что абсолютно правильно, один против дюжины — не воин), но сумел проследить за каретой до самого частного владения сторонников Неназываемого, находящегося за городом. Помня его детскую кличку Проныра, я этому не удивился.

Узнав, где нас держат, Басс отправился назад в Ранненг, но ворота уже были закрыты, и ему пришлось коротать ночь под стенами города. Сегодняшним утром Проныра сразу же поспешил в трактир «Ученая сова».

— А про него-то ты откуда знаешь? — не удержался я, впрочем, уже зная ответ.

В тот день, когда мы впервые встретились с ним на Большом Рынке, он попросту проследил за нашей компанией. Вначале до «Солнечной капли», а потом уж и до «Ученой совы». Так что куда идти за помощью, он знал. Правда, не подозревал, что наткнется на эльфа, с утра вставшего не с той ноги.

Перво-наперво Элл собирался пустить Бассу кровь, потому как существует народная мудрость: если ты доверяешь первому встречному, то ты рано или поздно оказываешься на кладбище. Но Халлас и Делер, а затем и Кли-кли, вернувшийся из безрезультатных поисков моей персоны, подтвердили, что да, видели, как этот хмырь раз-

говаривал с пропавшим Гарретом. Элл попридержал коней и убрал нож, а Миралисса с Алистаном подвергли осведомителя допросу с пристрастием.

Надо отдать должное эльфийке — она подозревала Проныру до самого последнего момента, вполне разумно предполагая, что перед ней заурядный мошенник, или сторонник Неназываемого, или слуга Хозяина, или тьма знает кто еще. Поэтому Бассу в случае обмана было обещано вырывание глаз и отрезание всех выступающих частей тела особо жестоким способом.

Элл, Эграсса и Медок отправились на разведку по указанному Бассом адресу и убедились, что дом попросту кишит типами не очень приятной наружности. Затем прибыла кавалерия в лице почти всего отряда (Дядька остался приглядывать за Бассом и залечивать так и не затянувшуюся даже после вмешательства Миралиссы рану). Дальнейшая история мне была известна...

— Спасибо.— Мне пришлось сделать над собой небольшое усилие, чтобы поблагодарить его.— Если бы не твоя помощь...

Дальше говорить не было нужды.

— Мир? — Он протянул мне узкую ладонь и нерешительно улыбнулся.

— Угу.— Я пожал ему руку.— Но у меня к тебе будет серьезный разговор.

Я все еще злился на него за те годы, которые он не сообщал мне и Фору, что жив-здоров.

— Хорошо, только немного позже. Думаю, тебе следует отдохнуть пару деньков. Еще увидимся.

Проныра направился к воротам трактира, но на его пути призраком вырос Элл:

— Куда это ты направился, человек?

— Вам придется остаться, мастер Басс.— Рядом с Эллом встала Миралисса.

— Но почему, тысяча дохлых гоблинов?!

Кли-кли от неожиданности подавился морковкой и с укоризной поглядел на моего давнего приятеля.

— Наши дела в Ранненге требуют конфиденциальности, и, простите, мы не можем вам доверять даже после того, как вы нам помогли.

— Вы собираетесь посадить меня под замок, что ли? — Брови Басса удивленно поползли вверх.

— Ну почему же под замок? — вмешался в разговор Алистан Маркауз.— Мы обеспечим тебе все удобства до той поры, пока отряд не покинет город. Еды здесь вдосталь, кровать тоже найдется, так что оставайся.

— А если я не соглашусь? — Проныра всегда был упрямцем.

Лицо Элла прорезала кривая многообещающая ухмылка.

— Советую согласиться.

— Но я могу надеяться, что после всех ваших «дел» вы меня отпустите?

— Конечно,— не моргнув глазом сказал Элл.

А вот я немного в этом сомневался. Эльфы — народ практичный, им проще перерезать Бассу глотку, из благих намерений и заботы о судьбе нашей миссии, чем отпустить свидетеля гулять на все четыре стороны. Надо будет поговорить с Миралиссой, когда придет срок, а то ее к'лиссанг вполне может отправить шулера в свет. Элл на такие дела скор и не в меру горяч.

— Гаррет, дружище, как я рад, что ты жив! — Халлас обнял меня за плечи (низкорослому гному удалось это сделать лишь потому, что я сидел на земле).— Пойдем, я тебе пивка налью.

— Пойдем, дружище, — улыбнулся я, вставая с земли.

Идя к двери трактира, я с удивлением думал, что, сам не желая этого, меняюсь. Гаррет-тень, мастер-вор, лучший потрошитель сундуков во всем Авендуме, одиночка, хмурый тип, никогда не имевший настоящих друзей и никогда не показывающий окружающим своих настоящих эмоций, — меняется. К добру или к худу?

Назвал бы я два месяца назад кого-нибудь своим другом?

Нет.

У меня просто не было друзей, исключая моего наставника, учителя и второго отца — Фора. А уж выпить за компанию... Не было такого.

Вор, если он хороший вор, всегда должен быть один. Ни семьи, ни привязанностей, ничего такого, что повлияет на его работу и безопасность. Так и было до недавнего времени.

Я с удивлением понял, что вечно спорящие и ругающиеся друг с другом Делер и Халлас, надоедливый и непоседливый Кли-кли, Миралисса, Фонарщик, да и все остальные стали теми, кого я без всяких колебаний могу назвать своими друзьями.

Мы с Угрем утоляли голод и параллельно рассказывали всем присутствующим (за исключением отправленного наверх Басса) о том, что с нами произошло. Про Горлопана, разумеется, не упоминая.

— Одно радует во всей этой истории, Гаррет,— вздохнул Арнх.— Теперь сторонники Неназываемого оставят нас в покое.

— Не будет у нас покоя. Еще остался этот ваш Хозяин,— пробасил Медок.

— Но, согласись, большая разница, как воевать — на два фронта или на один?

— А то.

Пока они беседовали, я набрался смелости и, воспользовавшись паузой, произнес:

— Я видел сон...

Алистан презрительно фыркнул. Он не очень-то серьезно относится к моим «видениям». Кли-кли страдальчески застонал и схватился за голову. Миралисса, напротив, ободряюще кивнула.

Я рассказал о тюрьме Хозяина и разговоре Посланника с таинственной женщиной.

— Интересно! — после недолгого молчания сказала эльфийка.— Тебе просто везет на Хозяина! Я обязательно расскажу хронистам дома Черной луны об этом. Вдруг что и удастся обнаружить. А вот Лафреса, если ты действительно видел пророческий сон, опасна для нас. Если она первой заполучит Ключ — все пропало. Я почему-то нисколько не сомневаюсь, что эта женщина сможет разрушить узы артефакта.

— Мм...— протянул я, подбирая слова.— Леди Миралисса, почему хозяйские слуги просто не могут доставить артефакт своему господину, не дожидаясь женщины?

— Действительно,— поддержал меня Алистан.— Чего проще доставить стекляшку куда следует и не полагаться на ведьму?

— Ключ настроен на Гаррета, и если, не разрушив узы, доставить Ключ туда, где обитает Хозяин, он может быть слишком опасен для нашего врага.

— Стоп! — Невозмутимый Угорь оторвался от еды и удивленно воззрился на эльфийку.— Вы знаете, где живет Хозяин?!

— Я догадываюсь,— неохотно ответила принцесса.— Хозяин, если он управляет такими существами, как Посланник, и наделяет столь мощной магией своих слуг, должен находиться в месте сосредоточения огромной силы. А артефакт, связанный узами с другим, создаст в этом месте такие сильные возмущения в магическом потоке, что Хозяин на долгое время лишится всех своих сил и возможностей. Поэтому и нужно сперва уничтожить узы, а это способен сделать только очень опытный шаман.

«Место силы — Дом Силы»,— внезапно для самого себя пробормотал я, вспоминая фразу, произнесенную Посланником Лафресе.

— Что ты сказал?! — резко спросила Миралисса.

Я оторвал взгляд от тарелки с супом и удивленно посмотрел на эльфийку. Она вцепилась в стол так, что у нее побелели костяшки пальцев.

— Я сказал, Дом Силы... вы что-то об этом знаете?

От меня не укрылось, что Миралисса и Кли-кли обменялась быстрыми взглядами.

— Весь вопрос, откуда ты о нем узнал? — уклонилась она от ответа.

— Из сна.— Я пожал плечами и перечислил: — Дом Силы, Дом Боли, Дом Любви, Дом Страха...

При каждом новом названии дома смуглая кожа эльфийки бледнела все сильнее и сильнее. Кли-кли подавился ватрушкой и закашлялся. Делер вежливо и от всей широкой карликовской души шарахнул гоблина по спине.

— Мне не нравятся твои сны, Гаррет! Что еще ты узнал?

— Да... ничего.— Я был немного удивлен неожиданным напором и горячностью обычно всегда спокойной леди.

— Точно?! — Янтарные глаза буравили меня, стараясь вытянуть из моего «я» самые сокровенные тайны.

— Точно,— абсолютно честно ответил я, не отводя взгляда.

Она вся как-то сразу обмякла и постарела. На лбу и в уголках рта появились морщинки усталости, пальцы с черными ногтями нехотя отпустили крышку стола.

— Что я такого сказал?

— Это слишком долгая история, Гаррет. У нас в данный момент нет на нее времени,— очень уж поспешно сказал Кли-кли.

Голос маленького гоблина звенел от... напряжения?

Я хмыкнул и уставился в тарелку, продолжая машинально помешивать ложкой суп и думать о том, что у шута и Миралиссы намного больше общих дел и тайн, чем они стараются нам показать.

Тайны.

Одни сплошные тайны. Они, как тени от факела, танцуют и пляшут вокруг меня, но в руки, хоть убей, не даются. Загадки все прибывают и прибывают, и скоро я попросту утону в их мутном непроглядном потоке.

Кто такой Хозяин? Кто такой Влиятельный, или Игрок? Зачем Хозяину Рог? Он тоже враг Неназываемого? Почему Хозяин с таким удовольствием играет с нами, как кошка с подраненной мышкой? Кто такой Посланник? Что это за мир Хаоса, куда я попадал во сне? Что это за странные сны? Что это за Дома Силы, Боли, Любви и Страха? И еще тысяча и один вопрос, на которые я не знал ответов.

Я не стал ничего спрашивать у эльфийки и гоблина — все равно Миралисса отделается от меня умными речами, а Кли-кли притворится круглым дураком и покажет язык.

Аппетит пропал, но я стоически доел суп, все время чувствуя на себе испытующий взгляд эльфийки...

— Нам надо поговорить, вор,— сухо бросил мне Алистан Маркауз, после того как я вылез из-за стола.

— Конечно, милорд.

— Следуй за мной.

Он, даже не посмотрев, иду ли я, стал подниматься на второй этаж трактира, и мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним. В комнате нас уже поджидали Эграсса и Миралисса. Элла не было, он взял на себя обязанность присматривать за Бассом, который в данный момент обедал в зале и пытался научить Фонарщика играть в какую-то карточную игру.

— Присаживайся, Гаррет.— Эграсса указал мне на кресло.— Выпьешь вина?

— Да. Спасибо.

Я тут же напрягся. Раньше темные мне в своей компании пить не предлагали. Кузен Миралиссы сегодня необычайно любезен. А еще говорят, что эльфы — злые и нехорошие создания.

Хотя так оно и есть.

Люди никогда не жили в мире ни с темными эльфами Заграбы, ни со светлыми эльфами лесов И'альялы. Трения были всегда — все те тысячелетия, что наши расы знают друг друга. К счастью, до открытой войны дело ни разу не доходило, но пограничные стычки, особенно в первое время, когда люди появились на Сиале, — обычное дело.

Это сейчас с нашим королевством дома темных заключили мир и дружбу, а раньше желтоглазые ребята не очень-то приветствовали жителей Валиостра. Да и теперь по большому счету эльфы помогают нам противостоять Неназываемому не по доброте душевной. Душевной доброты в эльфах столько же, сколько в их прямых родственничках — орках.

То есть ноль.

Молчание в комнате затягивалось, и я, прочистив горло, спросил:

— Зачем я понадобился?

Вопрос прозвучал несколько нелюбезно, но чего они хотят от вора? Любезных манер? Не умею... Точнее, умею (спасибо Фору), но не хочу. Сейчас опять будут спрашивать, что спасло меня в Харьгановой пустоши или откуда я узнал о Домах.

— Потерпи, вор,— бросил стоявший у окна Алистан Маркауз.— Как только придет Кли-кли, мы начнем...

— Кли-кли пришел. Можете начинать, ваша милость!

Шут проскользнул в дверь и, подмигнув мне, уселся на кровать. Сейчас расслабленный и дурачащийся гоблин нисколько не напо-

минал мне того парня, что напряженно сидел за столом, услышав мою невинную фразу о Доме Силы.

— Ну что же... Я не стал говорить об этом внизу, там твой дружок, Гаррет...

— Я считаю, что его надо запереть на время,— сверкнул клыками Эграсса.— Смешно сказать — мы таимся и терпим неудобства в собственном доме!

— Все остальные уже посвящены в новости, так что остались только ты и гарракец,— продолжил Алистан Маркауз, хотя было видно, что он полностью разделяет мнение эльфа.— А вот, кстати, и он...

Угорь бесшумно проник в комнату, приветственно кивнул и замер, прислонившись к дверному косяку, отчего-то напомнив мне статую воина начала Эпохи Снов.

С появлением очередного посетителя в небольшой комнатке стало тесновато. Она не очень-то была приспособлена для всякого рода сборов и военных советов.

— Мы узнали, кому принадлежит поместье и где находится Ключ,— сурово сказал Маркауз, отворачиваясь от окна.

— Вы уверены, что он все еще там?

— Он в городе,— вместо него ответила эльфийка.

— Простите, треш Миралисса, но как вы можете быть в этом уверены?

— Я связывала Ключ узами. Я чувствую. Не будь его в городе... Впрочем, и ты, как тот, с кем Ключ связан, должен его ощущать.

— Вы, должно быть, ошибаетесь, кроме усталости и желания уснуть, я не чувствую ничего,— недовольно буркнул я.

— Ты просто толстокож, как стадо мамонтов, Гаррет! — Кли-кли не упустил возможности меня уколоть.

— Может, сейчас этого нет, но оно придет. Особенно когда ты окажешься рядом с артефактом. Это нечто типа щекотки. А дом, где его прячут, принадлежит графу Балистану Паргайду.

Когда эльфийка это сказала, милорд Маркауз уставился на меня, будто ожидая каких-то немедленных действий.

— И что? — тупо спросил я.

Кли-кли в отчаянии обхватил голову руками и застонал, как будто у него разболелись все зубы.

— Гаррет, ты заперся в маленьком мирке и дальше своего носа ничего не видишь! — произнес гоблин.— Граф Балистан Паргайд — самая влиятельная фигура юга Валиостра! Его род может поспорить древностью со Сталконами, это не говоря уже о том, что он глава всех Соловьев и очень, просто очень опасный тип. Он не пылает любовью к нашему королю, хотя пока сидит тихо. Но дай ему волю, Паргайды попытаются оспорить свое право на престол. По-

верь, оно у них есть. А теперь, узнав, что Паргайд снюхался с Хозяином, я вдвойне опасаюсь за благополучие короля.

— Паргайд и его знаменосцы могут выставить восемь тысяч мечей, не считая мелкой дряни. А с такими силами следует считаться,— буркнул Алистан.

С первого взгляда было ясно, что граф не очень-то обожает графа. Дворянская любовь — что с нее возьмешь? Все грызутся за земли, пыряются кинжалами, плескаются ядами, а потом еще и простым солдатам приходится отдуваться.

— У него земли тянутся отсюда и чуть ли не до Заграбских дубов, а уж золота...

— Хорошо. Кто владелец поместья — мы узнали. Что будем делать дальше? — Я посмотрел на Алистана.

Тот дернул себя за ус и неохотно произнес:

— Не думаю, что мы вот так просто сможем проникнуть в его дом. Без карты патрулей и знания, где точно находится Ключ... это самоубийство. Стража Соловьев спать не будет. Дом большой, и обежать все комнаты ты просто не сможешь. Риск слишком велик.

— Вы абсолютно правы, милорд. Просто так туда не попадешь, а если и попадешь, то надо располагать точными сведениями о месте нахождения артефакта.

— Кли-кли предложил план, как мы можем попасть в дом графа.

Кли-кли? Предложил? План? Я состроил самую кислую из всех возможных физиономий и посмотрел на гоблина.

— А что? — запальчиво спросил он.— Думаешь, я не могу предложить гениальный план?

— Можешь,— не став спорить, произнес я.— Вот только я нисколько не сомневаюсь, что твой гениальный план заведет нас прямиком в могилу.

— Ну ладно, Гаррет. Это не гениальный план, а так... Маленькие гоблинские идейки. О чем это я? Фу, Гаррет! Ты всегда сбиваешь меня с умных мыслей... А! Вот!.. Отнюдь не секрет, что через денек граф Балистан Паргайд устраивает ежегодный прием в честь какой-то великой победы Соловьев над Кабанами, случившейся два века тому назад. Так что у нас есть вполне реальный шанс попасть на праздник...

— Прошу прощения, Кли-кли,— вклинился в разговор Угорь.— Но как-то не верится, что нас за здорово живешь пропустят в святая святых Соловьев.

— Не волнуйся, Молчаливый. Еще как пропустят. И не только пропустят, но еще и сами пригласят! Балистан Паргайд слывет заядлым коллекционером древностей, и это нам очень поможет.

— Кли-кли, неужели у тебя в кармане завалялся раритет любимого дедушки? — не удержавшись, спросил я.

— Дурак ты, Гаррет! Леди Миралисса, покажите ему...

Эльфийка молча протянула мне браслет. Я повертел его в руках, внимательно рассматривая. Черная сталь, грубая ковка, руны, кажется, письмена огров.

— Это действительно то, о чем я подумал? — Я поднял глаза на Миралиссу.

— Я не умею читать мысли, Гаррет.— Мимолетная улыбка тронула черные губы.— Да, это большая ценность. Браслет ковали огры еще в те времена, когда они не ушли в Безлюдные земли.

Да, именно так. Обычная железяка, в которой не было ни одной унции драгоценного металла или магических свойств, но древность и то, что она — одно из немногих творений, оставшихся от огров, поднимало ее цену до двухсот, а то и трехсот золотых. Серьезные деньги. Особенно для парня моей профессии.

— То есть мы купим пропуск в дом за это? — уточнил я у шута.

— Уже купили! Пока ты отдыхал на соломке, мы без дела не сидели. Граф Балистан Паргайд уже узнал о том, что в городе имеется такая редкость, и любезно прислал приглашение герцогу Ганету Шагору посетить его скромный прием, а заодно захватить с собой интересующую его ценность.

— Мм...— протянул я.— Не улавливаю связи между нами и каким-то там герцогом.

— А связь-то прямая, Гаррет.— Кли-кли смотрел на меня насмешливо и весело.— Герцог Ганет Шагор — это не кто иной, как ты!

Вот тут-то я и понял, что сейчас придушу маленького мерзавца за его дурацкие идейки...

— Кли-кли,— я постарался, чтобы мой голос звучал тихо и вкрадчиво,— друг мой, ты снова мухоморов на завтрак переел? Какой из меня герцог?

— Всамделишный. Хочешь попасть в дом к Паргайду? Будешь герцогом,— бесцеремонно отрезал шут.

— Да я не умею быть герцогом! — взорвался я.— Я вор! Вор, а не дворянин и светский павлин! Что, не нашлось другой кандидатуры?!

— А кого ты можешь предложить, Гаррет? — с искренним интересом спросила у меня Миралисса.— Дикие отпадают, они воины. Любой тут же распознает в них простого человека. Милорд Алистан не может, его знают при дворе. Кто остается? Ты.

— Почему сразу герцог, а не эльфийка или скупердяй карлик?

— Потому что слух о коллекционере уже разлетелся по городу. И коллекционер — человек.

— Да не знаю я всех этих дурацких дворянских правил, этикета и тому подобной великосветской чуши! Меня же раскусят в первые пять секунд!

— Ой, Гаррет, не смеши меня! — Кли-кли, сидя на кровати, беспечно болтал ногами.— Ты думаешь, эти дармоеды что-нибудь поймут? Теперь ты герцог, а не какой-то там занюханный маркиз. Состроишь свою извечно хмурую рожу, и к тебе никто даже не подойдет с вопросами. Будь важным, холодным и уверенным в себе, как индюк мастера Квилда, вот и все!

— Ты даже не знаешь, о чем говоришь,— я покачал головой.— Это авантюра...

— Все наше предприятие до Храд Спайна — авантюра,— серьезно произнес шут.— У нас есть два дня. За это время я постараюсь научить тебя хоть чему-то. И расскажу легенду.

— У нас в королевстве герцогов, как мух на тухлом мясе? Кли-кли, побойся богов! Все герцоги наперечет! Откуда возьмется еще один? Из-за моря? Да по моему выговору даже доралиссцу ясно, что я всю жизнь провел в Валиостре!

— Ну не волнуйся ты так! Есть такой герцог, троюродный братец нашего короля по линии бабки. Он человек со странностями, живет затворником, лет двадцать не покидал свой замок, так что никто не опознает в тебе самозванца.

— Но есть же...

— Если я говорю, что никто не опознает, значит, никто. Не беспокойся, я буду рядом с тобой и коли что...

— Нет! — отрезал я.

— Что нет?

— Нет! Тебя рядом со мной не будет!

— Это еще почему?

— Кли-кли, ты бедствие на двух тоненьких ножках! Если ты пойдешь со мной, нас точно оттуда живыми не выпустят!

— Я иду с тобой, Танцующий в тенях, это вопрос уже решенный. К тому же тебе понадобится свита и подсказчик. Герцоги, если ты не знал, одни по гостям не бродят.

— Хорошенькая свита! Маленький зеленый дурак!

— Вот именно что дурак, дурак! Кто будет смотреть на тебя, когда в доме появится шут?

Хм? Ну, пришлось признаться самому себе, что гоблин дело говорит, — если он устроит пару пакостей, все будут глазеть только на него.

— В тебе могут опознáть королевского шута.

— Отнюдь! — возразил он.— Очень невелика вероятность встретить среди Соловьев знакомое рыло. Да к тому же для вас, людей,

все гоблины на одно лицо. Все будет шито-крыто, и никто ничего не заподозрит. Мастер Квилд уже достал нам приличествующую случаю одежду. Тебя будет сопровождать Эграсса. И шестеро ребят, как почетный караул.

— Простите, но весь ваш план шит белыми нитками! Я не похож на дворянина, я не похож на герцога, и что бы вы ни говорили, один вопрос по геральдике — и сразу же все станет ясно! Клянусь Саготом, мы завалимся! Уж лучше я рискну и без всяких планов и знаний попытаюсь проникнуть в дом! Повторяю, гоблин, повторяю со всей ответственностью того, кого милорд Алистан привык называть скользким типом, — у нас нет шансов!

— У нас нет не только шансов, но и выбора,— вздохнул гоблин.— Или у тебя на примете есть другой герцог?

— Есть,— неожиданно сказал Угорь.

Все как один уставились на него.

— Ты не сможешь стать герцогом! — наконец возмутился Кли-кли.— Ты гарракец! А Ганет Шагор — нет!

— Я смогу в этом помочь,— встряла в разговор Миралисса.— Личину наложить сложно, но стоит попытаться, к тому же Угорь действительно больше похож на благородного человека. Что скажешь?

— Думаю, я справлюсь с ролью дворянина, миледи,— бесстрастно сказал гарракец.

Я облегченно выдохнул и благодарно кивнул.

— Гаррет, ты рано обрадовался,— грозно нахмурился Кли-кли.— Тебе все равно придется пойти на прием.

— Кли-кли прав,— подтвердила Миралисса.— Только ты сможешь почувствовать, где прячут Ключ.

— Но ведь вы, леди Миралисса, говорили, что чувствуете, что Ключ в Ранненге.

— Я могу сказать, что он в Ранненге, но конкретное место можешь указать только ты.

Я вздохнул:

— Слуги ждут господ во время приема снаружи.

— Да, и поэтому ты не будешь слугой.— В голубых глазах гоблина сияло торжество.

Я даже побоялся спросить, какая гениальная идейка на этот раз пришла в зеленую голову шута. Поняв, что я не собираюсь любопытствовать, в кого меня хотят превратить на этот раз, Кли-кли сказал:

— Мы сделаем тебя драланом!

Что же. Это может пройти.

— Кли-кли, весь высший свет будет исходить кипятком, если рядом с ними окажется дралан.

Не секрет, что тех, кто раньше копался в грязи, а теперь носит дворянский титул, не очень-то жалуют те, кому этот титул достался от именитых предков.

— Тем забавнее все это будет выглядеть.

Зеленому лишь бы повеселиться.

— Что мы должны делать на приеме? — вздохнул я, смиряясь с неизбежным.

— Пить игристое вино, кушать фазанов и говорить умные речи про погоду.

— Да нет же, Кли-кли! Что мы должны делать на самом деле?

— Ты должен постараться узнать, где Паргайд прячет Ключ. Не волнуйся, Миралисса говорит, что как только ты окажешься достаточно близко к нему, то сразу почувствуешь с ним связь.

Ну, раз так говорит Миралисса... Однако, боюсь, что темная на этот раз ошибается. Почему я не чувствовал Ключ, когда он был у нас?

— Мне нужно только узнать, где он лежит?

— Да. Не думаю, что ты сможешь его взять, когда вокруг будет столько людей,— сказала эльфийка.

Ну... и не такое проделывал в молодые годы, а уж эту штуку украсть я как-нибудь смогу.

— Есть еще одна небольшая проблема, треш Миралисса. Бледный может вернуться в любой момент, а он знает меня в лицо. Фонарщик что-нибудь смог узнать? Куда отправился Ролио?

— Убийца покинул город и умчался по юго-западному тракту. Будем надеяться, что он не вернется ко времени приема.

— Тебе придется рискнуть, вор.

Вот вы бы, милорд Алистан, и рисковали. Нет, ну что за авантюра, побери меня тьма! По мне, так проще взять поместье штурмом.

Следующий день я был просто невыносим и заставил Кли-кли пожалеть о его гениальных идейках превращения меня в дралана. На все мои доводы, что простолюдину, совсем недавно попавшему в высший свет, такой кусок знаний попросту не нужен, Миралисса и гоблин плевать хотели.

Вот уж не думал, что быть дворянином так сложно. Держать в голове массу абсолютно глупых и ненужных вещей — на это способен только тот, в чьих жилах течет высокородная кровь.

Я узнал, как надо брать в руки бокал, пить, кланяться, вести себя за столом, говорить комплименты, многозначительно молчать, вызывать на дуэль, рассуждать о вечном, лошадях, соколиной охоте, военных парадах, турнирах, геральдике и прочей дребедени, которой нет места в обычной жизни уважающего себя мастера-вора. К

концу дня моя голова просто трещала от переизбытка ненужных знаний.

Как оказалось, гербом герцога Шагора был еж на фиолетовом поле, и я, постаравшись не ударить в грязь лицом, стал колючим и едким, как стадо зверьков моего нового господина — Угря. Так что в конце концов при виде меня Кли-кли шипел и плевался, словно рассерженный кот, но все равно на пару с Алистаном продолжал вбивать в мою голову знания. Последней пыткой для меня стала родословная герцога. Как оказалось, любой дралан должен знать всех предков того, кто пожаловал его дворянским званием.

Родословная, я вам скажу, еще та вещь! Помнить, кто на ком, с кем, как, зачем, почем и сколько в итоге у них родилось детишек, которые кто на ком, с кем, как, и так до бесконечности.

В итоге я окончательно запутался в новоявленных родственничках Угря и обозвал двоюродную бабушку, добрейшую герцогиню Де Ларанден троюродной кузиной внучатого племянника по линии шестой сводной сестры, находящейся в браке с дядей двенадцатой сестры матери по линии отца-деда-бабки. Кли-кли в раздражении плюнул, сказав, что я неисправим, раз не могу запомнить такую простую вещь, и, печатая шаг, скрылся на кухне. Оставив потешаться надо мной Арнха и Фонарщика, которые в процессе всего обучения-мучения просто надорвали животики от смеха.

— Будь у меня столько родственничков, я бы сбежал из дома! — сквозь хохот выдавил из себя Арнх.

— А ты и так сбежал,— напомнил жителю Пограничного королевства Мумр.

Это вызвало у Арнха еще больший хохот, и он, вытирая слезы, чуть не опрокинул кружку пива себе на кольчугу.

За час до выезда на меня напала нервная дрожь, и я шастал из угла в угол трактира, как гарринч, которого посадили в клетку. Я чуял, что все наши выкрутасы и игры с судьбой добром не кончатся. Доиграемся, клянусь Саготом! А все из-за Кли-кли, чтоб его орки поймали!

— Сурок,— спросил я у воина, дрессирующего Непобедимого,— ты не видел, куда шут делся?

— Глянь у себя в комнате, он вроде там ошивался.

Ну, естественно, заботливый гоблин готовил мне костюм для приема. До этого момента я еще не видел своего парадного наряда. Кли-кли наотрез отказывался показывать его, видно заботясь о целостности моих нервов. Все остальные участники маскарада уже получили обновки — зеленые облачения для Диких, на груди которых был вышит серый еж на фиолетовом поле. Угорь облачился в дорогущее дворянское платье с высоким накрахмаленным воротником и

широкими рукавами глубокого коричневого цвета, а Эграсса уже успел приодеться в сине-желтый камзол, на котором была вышита черная луна — знак его дома.

Из-за двери комнаты, которую я делил с Фонарщиком и Кли-кли, раздался незнакомый голос:

— Обвиняемый! Ты признаешь себя виновным?

— Нет, не признаю! — пропищал Кли-кли.

— У тебя есть последнее слово, перед тем как будет оглашен окончательный и справедливый приговор. Говори.

— Идите вы все в задницу! — торжественно произнес шут.

— Тогда услышь свой приговор, несчастный!

В разговор включился третий голос:

— В связи с покушением на личную собственность ты приговариваешься к четвертованию. Приговор привести в исполнение немедленно!

Я изумленно приоткрыл дверь и заглянул в комнату, отчего-то надеясь увидеть там весь королевский суд и палача в придачу. Но нет, комната была пуста, если не считать сидевшего за столом Кли-кли. Перед ним стояла огромная тарелка крупной белой черешни, но гоблин сейчас не обращал на нее никакого внимания. В этот момент он был занят насущными делами — отрыванием крылышек и лапок у пойманной мухи.

— Тебе не надоело изображать из себя дурака? — спросил я, взяв горсть черешни.

— Работа у меня такая, Гаррет,— вздохнул гоблин и выбросил все, что осталось от мухи, в окошко.— Не изображай я из себя дурака — сидел бы дома, в Заграбе, учился на шамана.

— Неужели жалеешь? — спросил я, выплевывая косточку.

— Да нет... Все, что ни делается, — к лучшему. К тому же не будь меня, кто бы тебя защищал?

— Меня? Ты хочешь сказать, что меня защищаешь? — Мы в сотый раз вернулись к старому разговору.

— А кто же, если не я? Только благодаря мне ты еще жив.— Шут раздулся от важности.

— Благодаря тебе, мой маленький зеленый пакостник, я получил колючку под задницу, холодную воду в постель, дурацкое пророчество и звание лжедралан вместе с павлиньим нарядом — подарком герцога. Кстати, где он?

— Как где? Он там же, где последние двадцать лет: в родовом замке на Морском утесе, что близ Исилии.

— Я про костюм, а не про Ганета Шагора! Хотелось бы взглянуть что по твоему заказу подобрал для меня наш любезный трактирщик? В чем я поеду на этот прием?

— А! — понял шут и спрыгнул со стула.— Скоро увидишь.

— Скоро? А почему не сейчас?

— У нас есть еще одно важное дело. Следуй за мной, Танцующий в тенях, сейчас ты получишь свой последний урок.

— Да иди ты во тьму! Сколько можно? — рассвирепел я.— Ты меня весь день этой геральдикой мучил, в ней сам Неназываемый ногу сломит, не то что обычный вор. На сегодня уроков достаточно!

— Ты не обычный вор. Ты мастер-вор.— Шут направил на меня палец, будто это был самый настоящий арбалет.— И тебе надо хотя бы показать, как следует танцевать в приличном обществе!

У Кли-кли идеи одна безумнее другой.

— Ты меня еще роды научи принимать. Вор — повивальная бабка. Драланов не зовут танцевать! Я к тому же умею это делать без твоих уроков.

— Умеешь. Какую-нибудь джангу или галкаг.— Кли-кли слопал черешенку, зажмурил левый глаз, прицелился и плюнул в окно.— А у дворян танцы совсем другого содержания. Пошли, не хочешь же ты опростоволоситься в самый неподходящий для этого момент?

Я в который раз за сегодняшний день застонал, но делать было нечего и пришлось топать за шутом в общий зал, на ходу проклиная тот день, что свел нас вместе.

Все Дикие собрались здесь. Здесь же находился и Басс. Он озадаченно хмурился, глядя на довольно странную для воинов одежду слуг и, к счастью, ничего не понимал.

— Эй, Делер! — позвал Кли-кли.— Подь сюды!

Карлик отвлекся от спора с Халласом и вразвалочку, не торопясь, подошел к нам. В костюме слуги-охранника он был похож на корову в мундире Диких егерей.

— Чего вам?

— Слушай, Делер. Ради общего дела, сделай милость!

— Ну? — подозрительно покосился он на нас, понимая, что милость — это всегда бесплатно, а бесплатно карлики за так делать ничего не любят.

— Обними Гаррета.

Лицо Делера посуровело.

— Ты это... Кли-кли. Хоть ты мне и друг... Я ведь в рыло могу дать...

— Дурак ты, Делер! У нас урок танцев.

— А-а-а,— понимающе протянул карлик и, сняв с головы шляпу-котелок, взъерошил огненно-рыжие волосы.— Тогда я ростом не вышел, вам Медок нужен.

— Медок,— проворчал Кли-кли насупившись.— Медок еще тот медведь, он Гаррету все ноги отдавит...

— Ну тогда Арнх.

— Арнх?

— А что! Я согласен! Это должно быть очень забавно! — усмехнулся лысый воин, вставая из-за стола.

Забавно? Я отчего-то не разделял горячего энтузиазма вояки пуститься в пляс.

— Вот и славно! Значит, так, Арнх, обнимай Гаррета. На талию ему руки. На талию! Ты вообще знаешь, что такое талия? Во! Гаррет, а ты чего как статуя стоишь?! То же самое делай! Так! Спину! Спину прямее держите! Что вы как паралитики, побери меня орки! Во! Теперь глядите, что надо делать!

Гоблин изобразил несколько замысловатых и совершенно диких па.

— Ну как? — спросил он, отдышавшись.

— Напоминает пляску доралиссца, после того как ему в штаны насыпали раскаленных угольев,— выразил всеобщее мнение Халлас.

Последние слова гнома потонули в хохоте.

— Вот дурни! Это сейчас самый модный танец! — Кли-кли постарался перекричать хохот.

Хохот перешел в рев.

Шут раздраженно фыркнул и набросился на нас с Арнхом:

— Чего стоите, словно замороженные?! Делайте, как я! На счет!

Я чувствовал себя полнейшим идиотом.

— И... раз-два-три, раз-два-три! Четче шаг! Три... Спину прямее! Два-три! Гаррет, не волочи ногу! Раз-два-три!

Арнх отдавил мне пальцы на правой ноге, один раз мы чуть не рухнули на пол, когда Кли-кли стал ускорять темп.

Все хохотали без умолку, Фонарщик достал дудку и стал наигрывать нам мелодию. На бесплатное представление пришел посмотреть мастер Квилд. В зал спустились эльфы. Потом приперся Алистан. У нашего разлюбезного графа рожа была довольная-предовольная. Действительно, не каждый день увидишь такое...

— Раз-два-три! Выше ногу! Раз-два-поворот-три!

Неугомонный Кли-кли не замолкал ни на минуту. Арнх снова наступил мне на ногу, и я зашипел от боли.

Наконец-то все это кончилось, и я перевел дух.

— Кли-кли, а зачем нужно было прямо сейчас учить Гаррета танцам? — с любопытством спросила у гоблина эльфийка.— Ведь тебе же известно, что Балистан Паргайд терпеть не может танцы и на приеме ничего подобного не будет.

Кли-кли замялся и бросил в мою сторону опасливый взгляд.

— Ну, может, на будущее пригодится,— промямлил шут.

Он надул меня!

Я сделал шаг к маленькой негодной вонючке, но гоблин уже юркнул за спину Басса и показал мне язык. Теперь, чтобы достать шута, мне придется обогнуть стол, а за это время маленький поганец как пить дать успеет смыться.

— Ах ты...

— Гаррет, я же должен был вас всех развеселить и поднять моральный дух нашего войска! — обиженно заныл гоблин.— Чего ты злишься?!

Я взял себя в руки.

— Гаррет, у тебя не больше четверти часа, чтобы переодеться,— напомнил мне Угорь.

Воин уже облачился в предоставленный ему наряд. Истинный герцог, клянусь светом! Лицо его, благодаря магии Миралиссы, на время стало не таким смуглым. Черные волосы посветлели, и теперь уже никто не опознал бы в Угре гарракца.

— Ба! Угорь! Тебя прямо хоть сейчас на гарракский престол сажай! — восхищенно воскликнул Медок.

Щека Угря предательски дернулась.

— Кли-кли, где моя одежда?

Гоблин опасливо выглянул из-за спины Басса, взвешивая свои шансы на долгую жизнь, затем решился и буркнул:

— Пошли.

— Куда это вы собираетесь? — как бы невзначай спросил Басс.

Перед ним тут же вырос Элл и холодно предложил проводить Проныру до его комнаты. Тот, усмехнувшись, встал и последовал за эльфом. Кли-кли привел меня в комнату. На застеленной кровати была аккуратно разложена моя одежда. Я окинул ее скептическим взглядом и, повернувшись к шуту, зарычал:

— Издеваешься?!

— Даже не думаю,— поспешно ответил гоблин.— Что тебя на этот раз не устраивает?

— Вот это! Это не одежда, а наряд павлина!

— Все герцоги немного павлины. Это самая обычная одежда для дворянина. Не говоря уж о драланах. Ребята любят пышные одежки.

— Алистан так не одевается!

— Алистан — капитан королевской гвардии, а не дралан, которого пригласили на торжественный прием.

— Я не дралан, и это тебе прекрасно известно! К тому же ума не приложу, как все это надевать?!

— Сейчас разберемся,— храбро выпалил Кли-кли и, высунув язык, принялся ворошить богатые тряпки.

Когда гоблин подвел меня к зеркалу, я потерял дар речи.

На мне была ослепительно-белая шелковая рубашка с узкими рукавами и ажурным воротником. Бархатный дублет глубокого сливового цвета с золотыми пуговицами и высоким воротником. Справа на груди искусно вышитый серебряной нитью герб в виде плуга, вспахивающего поле.

Бриджи были немного узковаты, а потому не очень-то удобны. Высокие сапоги с вышивкой, широкий, в полторы ладони пояс, кинжал из поющей стали в дорогих ножнах с рукоятью из голубоватой кости огра. Весь этот безумный наряд довершали длинный атласный плащ с черной подбивкой, три перстня с рубинами, широкополая шляпа с зеленым пером и массивная золотая цепь тройного плетения. Упади я с такой цепью в реку — точно бы не всплыл. Пускай наряд Угря был и намного богаче моего, но от этого мне нисколько не легче.

Я посмотрел на Кли-кли, и тот открыл рот, чтобы поделиться своими впечатлениями.

— Ни слова! — оборвал я его.

— Но я...

— Заткнись!

— Хорошо, Гаррет,— смиренно сложив ручки, будто жрец Сильны, согласился Кли-кли.

На мой взгляд, я был похож на настоящее огородное пугало, хоть сейчас можно отправляться ворон гонять. Такая одежда не для меня, это точно!

— А как тебе мой нарядец? — Кли-кли стянул плащ и крутанулся на месте.

Гоблин облачился в нечто сине-красно-лоскутковое, а на голову нахлобучил незнамо откуда взятый колпак с колокольчиками.

— Пестро.

— Значит, то, что надо!

Когда мы спустились в зал трактира, отчего-то никто над моим костюмом не засмеялся.

— Да помогут нам боги. Поехали.— Миралисса поймала мой удивленный взгляд и пояснила: — Я еду с вами, мне обязательно надо проверить дом на наличие магических ловушек, иначе впоследствии могут быть неприятности.

Она сменила привычный серо-зеленый костюм эльфийской разведчицы на шикарное шелковое платье пурпурного цвета с изображающей луну брошью из черного железа. Неизменная коса пепельно-серых волос превратилась в высокую прическу по мирануэхской моде, на шее нитка желто-дымчатых топазов, так прекрасно гармонирующих с ее глазами. С профессиональной точки зрения могу заметить, что такие камушки потянут на пять лет безбедного сущест-

вования с каждодневными загулами, пьянками и швырянием денег налево и направо.

— Держи.— Она протянула мне браслет огров.— Когда Балистан Паргайд спросит о нем у Угря, будь рядом и подари браслет.

— Что? — опешил я.

— Невелика потеря, для нас он ценности не представляет. Зато это шанс подобраться к Ключу, если ты расположишь к себе нашего графа.

— Нет, я не про то,— поморщился я.— Почему браслет будет у меня, а не у Угря?

— Расскажу по дороге.

— Карета подана, леди Миралисса,— подскочил к нам трактирщик.

— Благодарю вас, мастер Квилд,— милостиво улыбнулась эльфийка,— вы нам очень помогли.

— Ну что вы, это ведь ради дядюшки-покойника! Вы за его душу отомстили, вся моя семья вам обязана.

— Помни, Гаррет,— сказала мне эльфийка, пока мы шли к великолепной карете, запряженной шестеркой доралисских лошадей, невесть откуда добытой Квилдом.— Мы будем в доме слуги Хозяина.

Буду надеяться, что на приеме все тупицы и ни один слуга Хозяина, если они, конечно, там будут, не вспомнит, что из Авендума выехали гоблин и эльфы.

Мы надеемся на чудо и заключаем Вастарскую сделку с судьбой.

В доме слуги Хозяина. Не стоило ей напоминать мне.

Я и так слишком хорошо это помнил.

Глава 8
ДРАЛАН ГЕРЦОГА ГАНЕТА ШАГОРА

Уже стемнело, и карета плыла по пустеющим улицам и паркам Ранненга, как призрачный корабль из старых морских легенд. Я, Кли-кли, эльфы и Угорь заняли мягкие скамейки, Фонарщик и Арнх взяли на себя управление нашим экипажем, а Делер, Халлас, Медок и Дядька сопровождали нас на лошадях.

Миралисса строго-настрого запретила Диким брать с собой любое оружие, кроме кинжалов. Соловьи слишком опасаются лазутчиков и убийц от Кабанов и Обуров, чтобы разрешить незнакомцам войти в свой дом с большим и острым предметом на поясе. Делер тут же ворчливым и недовольным голосом спросил у эльфийки:

— А не могли бы вы, треш Миралисса, отвести им глаза, как страже Ранненга, после того как мы спасли мастера Гаррета и Угря?

Эльфийке в тот раз пришлось приложить кучу усилий, чтобы во время проезда отряда по городу стражники не заметили торчащего из тряпок оружия. Карлику ответили вежливым и холодным отказом, и ему пришлось оставить любимую секиру в трактире. Надо ли говорить, что Делер был не очень-то доволен этим обстоятельством?

Чем ближе мы подъезжали к поместью Соловьев, тем быстрее ко мне приходило спокойствие. Нервная дрожь, как правило возникающая перед каждым делом, стихала.

Впервой мне, что ли, влезать в разного рода рискованные ситуации? Стать на время драланом куда менее опасно, чем украсть награду за собственную голову из дома барона Фраго Лантэна, начальника городской стражи Авендума. И уж тем более это не опаснее прогулки по Закрытой территории или спуска в могильники Храд Спайна. Прыгнуть в яму, кишащую гадюками, и вылезти обратно — не это ли испытание для настоящего мастера-вора?

— Как только почувствуешь Ключ, дай нам знать и направляйся к выходу,— предупредил Эграсса, проверяя большим пальцем остроту кривого кинжала.

— Понял.

Он прав — не стоит дразнить демонов больше обычного. Чем дольше мы проторчим в доме, тем больше у нас шансов нарваться на возможные неприятности.

Сейчас я усиленно молился Саготу, чтобы в доме Балистана Паргайда не нашлось умника, который бы знал настоящего герцога Ганета Шагора в лицо. А то мы влипнем в такие неприятности, что нам не поможет даже шаманство Миралиссы. Да и про моего лучшего дружка — Бледного — ни в коем случае не стоит забывать. Пускай он и покинул город, даже не попытавшись разобраться со мной, но... Этот гад может объявиться в самый неподходящий момент так же неожиданно, как и исчез.

— О чем задумался? — звякнул колокольчиками шут.

— О превратностях судьбы и возможных неприятностях,— совершенно честно ответил я ему.

— Да не беспокойся, Танцующий в тенях. Я ведь с тобой!

— Этого я и опасаюсь.

— Мы теряем дни,— глухо сказала Миралисса, поправляя локон прически.— Уже начался август, а мы даже не пересекли Иселину. Если дела пойдут так и дальше, окажемся возле Храд Спайна только к сентябрю.

— Ты не права,— не согласился с ней Эграсса.— До Черной реки от Ранненга два дня скачки, затем две недели до границы с Пограничным королевством и оттуда три дня до Заграбы. В Заграбе еще неделя, пока доберемся до Храд Спайна. Так что в конце августа мы должны быть на месте.

— Это не наши территории, кузен,— вздохнула эльфийка.— Восточные ворота Храд Спайна расположены на территории орков. Неизвестно, сколько времени мы будем пробираться через Золотой лес.

А также неизвестно, с чем мы еще столкнемся в пути. И сколько мне понадобится времени в Храд Спайне. И смогу ли я открыть Створки. И найду ли я в лабиринте Костяных дворцов Рог. И смогу ли я вернуться с ним обратно.

— Время покажет,— ответил Миралиссе эльф и убрал кинжал в ножны.

Время! Проклятое время! Мы слишком много его потеряли в Харьгановой пустоши, а теперь теряем в Ранненге. Если так будет продолжаться, мы не успеем доставить Рог в столицу к началу зимы.

Между тем наша карета уже оказалась на том памятном подъеме, с которого я скатился на телеге несколько дней тому назад.

— Подъезжаем,— буркнул Кли-кли и поежился.

Ого! Гоблин-то и сам нервничает! А еще меня пытается успокоить!

— Ладно, Гаррет, что делать, ты знаешь. Сострой рожу поугрюмее и молись своему Саготу, чтобы узнать, где Ключ.

Сделать угрюмую рожу?

— Такая подойдет? — Я покосился на шута, и тот одобрительно поднял вверх большой палец.

— Тпр-ру! — раздался голос Арнха.

Карета остановилась. К двери подошел человек, одетый в парадную форму с эмблемой золотого соловья.

— Почтенные милорды, назовите себя.

— Его милость герцог Ганет Шагор, почтенные Милле и Эралье из дома Черной луны, дралан Пар! — гаркнул шут почище чем десяток королевских герольдов.— Ну и любимый дурак герцога, конечно! Это я, если кто не понял!

И Миралисса и Эграсса сменили имена на более простые, что само по себе уже дело небывалое.

Гордые обычаи расы Вторых не позволяли эльфу называться другим именем ни при каких обстоятельствах. Выходит, сегодняшний случай — особый, раз два эльфа высших семей дома Черной луны пошли на изменение своих имен.

Особы высшей семьи дома могли привлечь к себе самое пристальное и ненужное внимание, и поэтому эльфы на время лишились своего гордого «сса». К тому же Паргайд, хоть и ни разу не видевший нас, мог знать от информаторов из Авендума об эльфах по имени Эграсса и Миралисса, побывавших у короля. Так что лишняя предосторожность нам не повредит. Эльфы поменяли имена, но не название дома. Дом для эльфийской расы — вещь неприкосновенная.

— Могу я посмотреть приглашение, ваша милость?

Шут нагло сунул под нос стражнику конверт из голубой бумаги, на котором явственно была видна печать с оттиснутым на ней Соловьем.

— Видел? Еще вопросы? Или ты хочешь, чтобы его светлость рассердился?

— Прошу прощения,— испуганно пробормотал воин и стал пятиться назад, едва не запутавшись в ножнах собственного меча.— Проезжайте!

Арнх на козлах чмокнул, подгоняя лошадей, карета тронулась, но, не проехав и ярда, остановилась.

К нам подошел очередной стражник. В отличие от первого, на нем была не кольчуга, а сплошные шелка. Голый череп мог послужить причиной зависти для всех воинов Пограничья. Нос, словно клюв горного орла, густые кустистые брови, оттопыренные уши и длинная борода. Его глаза — цепкие, цвета голубой стали — скользнули по нам, запоминая лица.

— Прошу прощения, ваша милость, но могу я взглянуть на приглашение? — сухо попросил нас человек.

— Нас только что проверили! Ты забываешься, страж! Перед тобой герцог! — холодным тоном отчеканил Угорь.

— Еще раз приношу свои глубочайшие извинения, милорд, но это приказ Балистана Паргайда, и такая проверка в целях вашей же безопасности.

— Дай ему бумагу, дурак! — процедил Угорь.— Учти, о твоем поведении будет доложено графу, и я самолично выпорю тебя кнутом!

— Как будет угодно вашей светлости,— безразлично сказал человек.

— Да, печать подлинная,— внимательно изучив письмо, кивнул он.— Приношу мои искренние извинения за неудобство.

В его голосе не было слышно никакого раскаяния.

— Вот тебе за труды,— сухо произнес Угорь и бросил человеку медную монетку. Тот машинально поймал ее, и в его глазах сверкнул гнев. Впрочем, он тут же его подавил.

— Благодарю, ваша милость,— поклонился он.— Я запомню ваш дар.

Карета тронулась, и ворота поместья остались позади. Сейчас мы медленно ехали сквозь небольшой парк.

— Не стоило унижать его, Угорь,— помолчав, сказала Миралисса.

— В Гарраке знать не привыкла к вежливому обхождению с простолюдинами. Я делаю то, что мне велит мой образ,— безразлично пожал плечами Угорь.

— Здесь не Гаррак, и этот человек опасен.

— Знаю, и все же я сделал то, что следовало сделать.

— Этого человека зовут Мейло Труг,— тихо сказал шут.

— Ты знаешь его?

— Да. Видел лет пять назад на турнире, проводимом в честь именин младшего сына Сталкона. В свободной схватке среди пеших он вышел победителем. Мастер длинного меча.

— Он мог тебя узнать,— опасливо пробормотал я.

— Не думаю. Я смотрел на него с трибуны, но вряд ли он видел меня.

Карета остановилась возле поместья, каждое окно которого сияло. Дверь открылась, и слуги с эмблемами золотых соловьев склонились в вежливом и глубоком поклоне.

Первым из кареты выскочил Кли-кли и, чтобы не терять времени даром, начал строить рожи.

— Милорд, благородные господа! — поклонился нам человек, сжимавший в руке массивный и богато украшенный то ли жезл, то ли посох.— От лица графа Балистана Паргайда счастлив приветствовать вас! Следуйте за мной, вас уже ждут.

Угорь кивнул. Парень будто только этого и дожидался. Он развернулся и повел нас по ковровой дорожке в здание. Кли-кли обогнал провожатого и теперь скакал впереди него, весело звеня колокольчиками. Глашатай старался не замечать крутящегося под ногами гоблина.

Зал приемов начинался сразу же за дверью и просто трещал по швам от приглашенных. Не думал я, что в Ранненге и его окрестностях такое количество высокородных! И это всего лишь одна воинствующая партия! А ведь еще существовали Обуры и Кабаны. Этих было не намного меньше, чем Соловьев.

Зал ломился от людей, стонал и жмурился от яркости и богатства их нарядов, умирал от разнообразия причесок, задыхался от аромата духов. Я наметанным глазом, стараясь сохранять презрительно-скучающее выражение на лице, оглядел помещение. Да, драго-

ценностей на высокородных дамах хватит на целую драконью сокровищницу. Есть чем поживиться...

Горели тысячи тысяч свечей, и было светло как днем. Возле фонтана, который чья-то безумная прихоть установила прямо посередине зала, развлекая публику, играли музыканты. Кругом сновали слуги, разносящие подносы с бокалами игристого вина. То тут, то там слышались разговоры и веселый смех.

Парень, который сопровождал нас, трижды стукнул посохом по полу и заорал так, что едва не заставил меня выпрыгнуть из собственной шкуры:

— Герцог Ганет Шагор из дома Шагоров! Почтенные Милле и Эралье из дома Черной луны! Дралан Пар!

— И еще шут Кря-кря, ты, балбесина! — крикнул Кли-кли, изящно поклонившись публике.

На нас обратили внимание и почтили поклонами. Гоблин подскочил ко мне.

— И что теперь? — едва открывая губы, спросил я у него.

— Выпей вина и строй умную рожу, от тебя сейчас больше ничего не требуется. А я пойду познакомлюсь с народом.

Не успел я и рта раскрыть, а Кли-кли уже скрылся среди господ — только его и видели. Миралисса быстро нашла общий язык с парочкой расфуфыренных дам и с неожиданным знанием дела без умолку болтала об эльфийских мужчинах и хитростях эльфийской моды. Например, о том, как сохранить кожу молодой. При этом она так отчаянно хлопала глазами и щебетала, словно полная дура, что, не знай ее, я никогда бы не подумал, что это всего лишь маска. Дамы внимали с открытыми ртами.

Эграсса с видом знатока пошел вдоль стены, на которой было развешано старинное оружие.

— Милорд Шагор?

К нам с Угрем подошел человек, облаченный в сине-черный бархатный дублет. Высокий, с черной аккуратной бородой, белоснежной улыбкой и насмешливыми карими глазами. Виски у него уже поседели. Физиономия пускай и благородная, но вполне к себе располагающая. С таких парней очень любят рисовать героев на фресках храмов.

Он мне кого-то очень и очень напоминал. Было в его чертах нечто смутно знакомое.

— С кем имею честь? — едва поклонился Угорь. Герцогу, как говорит Кли-кли, можно вообще не утруждать себя гнуть спину. Я отвесил более глубокий поклон.

— Граф Балистан Паргайд. Рад, что вы ответили на мое приглашение,— отвесил легкий поклон человек.

— Благодарю за любезное приглашение на этот чудесный прием, граф. Позвольте вам представить моего сюзерена, дралана Пара.

Едва заметный кивок. Драланов, пусть они хоть трижды дворяне, не очень чтят.

— Вы всегда ходите вместе с герцогом, дралан? — блеснул белозубой улыбкой Балистан Паргайд.

— Я люблю путешествовать, милорд. А путешествие в компании с Его Светлостью — всегда насыщено приключениями.

— Что вы говорите? — Еще одна вежливая и ничего не значащая улыбка.— Надеюсь, герцог, я не оторвал вас своим несвоевременным приглашением от более важных дел?

— Ну что вы! Мне стоило развеяться.

Легкая музыка плыла по залу, окружающие с интересом косились в нашу сторону, но лишь вежливо кланялись, не пытаясь вступить в беседу.

— Я не успел вас встретить возле моего дома, но слышал, что вы путешествуете с эльфами. Простите за нескромный вопрос, Ваша Светлость, но что вас связывает с этой расой?

Прежде чем Угорь успел ответить, откуда-то из-за широких юбок уже немолодой дамы, скучающе потягивающей вино, вынырнул шут. В каждой руке гоблин держал по пирожному с кремом.

— Постель,— проговорил он.

— Что? — моргнул граф.

— Мой хозяин, да просидит его задница на Морском утесе еще двести лет, путешествует с эльфами, потому что они хороши в постели. Не обращайте внимания на дралана. Он просто путешествует.

Я на мгновение лишился дара речи от такой наглой и откровенной лжи. Думаю, услышь эти слова сами эльфы — они бы выпотрошили гоблина как рыбу, несмотря на то что он носит шутовской колпак. Угорь принял новость о своих постельных предпочтениях со спокойствием истинного герцога. Балистан Паргайд же, напротив, усмехнулся и понимающе посмотрел на него.

— Жизнь нужно разнообразить,— как можно небрежнее пожал плечами Угорь.— Иначе она становится слишком скучной.

— Ну, разумеется. Это ваш шут, милорд? — Граф с интересом разглядывал Кли-кли.

— Это наш хозяин, милорд? — в тон графу спросил Угря гоблин и запихнул в рот оба пирожных. Кли-кли тут же стал похож на хомяка. Шут немного подумал, а затем выплюнул оба лакомства прямо на султанатский ковер.

— Мой шут остер на язык, но не приучен к хорошим манерам, прошу его простить.

Кли-кли скорчил рожу и отвесил Балистану глубокий реверанс, едва не ткнувшись носом в пол.

— Я мог бы сказать, что мне приятно, если бы вокруг не было столько набитых дураков, любезный граф,— пропищал шут.

Граф Балистан Паргайд весело расхохотался:

— Назвать моих гостей набитыми дураками отважится не каждый человек!

— Если граф не заметил с первого раза, то с прискорбием сообщаю, что я не человек, а гоблин,— звякнул колокольчиками Кли-кли.

— Герцог, ваш шут забавен! Уступите его мне!

— Не продавай меня дешевле чем за тысячу золотых! — влез в разговор шут.— И не забудь после сделки отдать мою долю!

— Боюсь, граф, если герцог уступит вам своего шута, то мой лорд станет вашим кровным врагом. Поверьте, Кря-кря — это ходячее бедствие! — Я решил, что пора раскрыть рот.

Граф вновь рассмеялся.

Тем временем герольд ударил палкой по полу и объявил очередных гостей.

— Ах, прошу простить меня, Ваша Светлость. Но, вы понимаете, обязанности хозяина. Мы еще обязательно найдем время поговорить, не правда ли?

— Конечно, граф. Конечно.

— Герцог. Дралан.

И снова эти дурацкие поклоны. Если так будет продолжаться весь вечер, у меня точно голова отвалится.

— Я пройдусь до фонтана. Встречаемся возле лестницы.— Угорь двинулся прочь от нас.

— Ну, как он тебе? Я про графа.

— Не сейчас,— уголком рта прошипел шут, отчаянно подпрыгивая и звеня колокольчиками, чтобы даже самые чуткие уши не смогли расслышать его шепота.— Ты чувствуешь Ключ?

Клин-дон! Трим-бом! Трам-пам!

— Нет.

Кли-кли разочарованно хрюкнул.

Клин-дон! Клин-дон! Тирлим-бам!

— Возьми вина. Погуляй! — шепнул мне Кли-кли, прежде чем затеряться среди Соловьев.

Я огляделся, но ни эльфов, ни Угря не увидел. Чем дальше вечер, тем он чудеснее!

Небрежным жестом остановив слугу, разносящего напитки, я взял у него бокал розового игристого вина. Лучше бы здесь было

что-нибудь другое. Терпеть не могу эту филандскую мочу. Как выпью, так все нутро горит, будто яда подсыпали.

— Господин желает сладких фруктов? — Мне под нос сунули целое блюдо заморской дряни, обсыпанной сахарной пудрой.

— Господин желает, чтобы ты убрался,— буркнул я слуге.

Со скучающей рожей я стал прохаживаться по залу. На меня косились так, словно я притащил в этот зал полуразложившуюся кошку и бросил ее на главное блюдо вечера!

Прошелестев широкими юбками, чуть ли не впритирку мимо меня проскользнула какая-то женщина. Лицо скрыто вуалью.

— Прошу прощения, милорд.

Да, разминуться, конечно, было сложно. Понимаю.

Еще пара шагов, и все повторилось по новой, только эта дама уронила мне под ноги веер:

— Прошу прощения, милорд, я такая неловкая.

Пришлось наклониться, поднять с пола веер и подать его ей. Она мило улыбнулась и присела в реверансе, предоставляя моему взгляду насладиться глубоким декольте. Пришлось сделать над собой вселенское усилие, чтобы оставить миледи в одиночестве, иначе гоблин мне устроит выволочку.

И еще несколько шагов. Третья миледи оказалась рядом, кокетливо стрельнула в мою сторону глазками:

— Как ваше имя, милорд!

— Не обращайте внимания, дорогой дралан! Я сейчас вас спасу! — Мне на плечо упала тяжелая рука.— Простите мою фамильярность, но я всего лишь барон, владения мои граничат с Пограничным королевством, и мечу нас учат намного раньше, чем этикету. Да, думаю, и вы не очень-то ему следуете! Впрочем, все же разрешите представиться. Барон Оро Габсбарг к вашим услугам!

Я сдержанно поклонился.

Огромный, почти как Медок, заросший густой черной бородой, с маленькими черными глазками, красным лицом и гремящим голосом, мужчина больше всего походил на медведя. И как и у всех в этом зале, у него на одежде по соседству с собственным гербом (черная туча, изрыгающая молнии на зеленом поле) была приколота брошь в виде соловья.

— Что вы думаете об этом вине? — неожиданно спросил меня новый знакомый.

Я сказал абсолютную правду:

— Пойло.

Барон оглушительно расхохотался и от переизбытка энтузиазма хлопнул меня по спине, едва не сломав позвоночник.

— А вы мне нравитесь! Я всегда говорил: побольше бы в нашем королевстве драланов и, глядишь, ни одного белоручки среди дворян не останется! Когда вы только появились в зале, все сразу сказали, что вы тупы и невежественны! Я же вижу, что это не так!

— И кто же так сказал? — спросил я, стараясь восстановить дыхание после медвежьего удара барона.

— Да все эти гнилоеды! — Барон, не стесняясь, обвел рукой зал.— Вы думаете, любезный, они чем занимаются? — Черные глазки Оро Габсбарга гневно сверкнули.— Сплетничают! Им же больше делать нечего. Эти хлыщи, смеющие называть себя мужчинами, льют на свои носовые платки духи!

Мне показалось, что сейчас барона стошнит прямо на мой дублет.

— Вы представляете?! — Барон втянул носом воздух и подозрительно посмотрел на меня, пытаясь уличить в использовании южных ароматических вод.— Вижу, что вы все же отличаетесь от этих щенков в лучшую сторону,— удовлетворенно буркнул Оро Габсбарг и, ухмыльнувшись в бороду, хитро подмигнул мне.— Ну, как я вас спас от этих хитрых змеюк?

— Простите? — не понял я.

— Ну, от тех демонов в юбках. Каково, а?! Как я их всех оставил с носом?! Это вдовушки. Их основное развлечение — затащить нового мужика в свою постель. Нет, постель — дело, конечно, нужное и важное, но прежде чем вы сделаете свое дело, эти дамы, которых лучше называть шлюхами, напичкают вас ядом по самые... Я хотел сказать, что все их мужья предпочли быть заколотыми Кабанами и Обурами. Согласитесь, это лучше, чем терпеть рядом с собой стерву.

Я согласно кивнул. Похоже, барону требовался благодарный слушатель, и он его приобрел.

— Мельчают, мельчают дворяне,— горестно вздохнул гигант.— Уже совсем не то, что раньше. В жилах у знати давно течет не кровь, а жи-и-иденькая водица. Конечно, исключая нас с вами,— тут же поспешил добавить он.

— Конечно.

Несмотря на горластость и не самые изысканные манеры, этот человек начинал мне нравиться.

— Сколько мечей у вашего герцога?

Вопрос Оро Габсбарга поставил меня в тупик. Действительно, сколько у герцога Ганета Шагора мечей? И каких мечей? Тех, что носят на поясе, или тех, которыми командуют?

Видя мое замешательство, барон издал медвежий рык, оказавшийся обычным смехом.

— Вот что значит безвылазно сидеть на Морском утесе! Земля у вас мирная, Заграба далеко, вы даже не помните, сколько воинов у вашего лорда!

— Что поделать, мой друг,— развел я руками.

— Друг? — Барон с интересом посмотрел на меня.— А что?! Мне это нравится!

Он схватил мою руку и сдавил в ладони. Слава Саготу, после этого рукопожатия моя ладонь каким-то чудом осталась целой и невредимой.

— Как вы относитесь к Соловьям, любезнейший?

— Э-э-э...— осторожно начал я.

— Никак,— безжалостно заключил Оро Габсбарг, новоявленный друг вора Гаррета-тени, прочитав ответ у меня в глазах.— Признаюсь вам от всего сердца, дружище,— прошипел он, наклоняясь к моему уху.— Я тоже. Только об этом молчок! Тсс!

— Но тогда что соловей делает на вашей одежде?

— Эх, северяне, северяне,— с тоской пробормотал барон.— Времена тяжелые, любезный. Мой родовой замок Фарахолл не так уж далеко от Загребы. Конечно, передо мной еще земли милорда Альгерта Далли, Опоры Трона и Хранителя Западной Границы Пограничного королевства, но Первые проникают даже ко мне. Только за этот год мы уничтожили два отряда орков, но третий полностью вырезал одну из моих деревень и скрылся в лесах. У меня всего лишь сто пятьдесят воинов плюс еще сотня по патрулям раскидана. Мечей не хватает, орки находят бреши в обороне. Ходят слухи, что орочья Рука собирает армию. Так что, друг мой, я готов стать даже бабочкой, лишь бы Балистан Паргайд дал мне ратников!

— Ясно.

— Ничего вам не ясно, любезный дралан! — с неожиданной злостью пророкотал Оро Габсбарг.— Простите за резкий тон, но рассказывать вам о наших бедах — все равно что объяснять слепому, как выглядит катапульта! Земли вашего герцога слишком далеко от проклятого леса, вы не сможете почувствовать и понять ту угрозу, что постоянно висит над нами, жителями Пограничья. После Войны Весны орки безвылазно сидят в Золотом лесу, но всякому терпению приходит конец и всякие уроки забываются.

Он нахмурился.

— Я писал Его Величеству трижды, просил прислать мне людей. Я достаточно богат, чтобы прокормить лишние три сотни ртов, но король не ответил! Не думаю, что в этом виноват он, письма могли не дойти или затеряться. Вы же знаете, как просто можно потерять письмо! Моих людей не пустили во дворец, они слишком незначительны, чтобы топтать тамошний мрамор ногами! А самому мне до-

браться до столицы не удается, нельзя оставлять надолго землю предков. Не в это время... Я и сюда-то выбрался только потому, что рассчитывал на помощь графа, но, видимо, зря. На границе неспокойно, и, если что случится, мы не выстоим... Так что приходится довольствоваться не опытными воинами, а собственным ополчением из окрестных деревень и наемниками. Ганет Шагор ведь родственник короля?

— Дальний.

— Выполните мою просьбу! Будете в столице, пусть герцог расскажет Сталкону о нашем с вами разговоре. Король — человек умный, он должен понять, что наша южная граница трещит по швам.

— Но ведь гарнизоны...

— Шайка ленивых и спившихся стражников! — с презрением ответил Оро Габсбарг.— Десятилетия мира и спокойствия развалили дисциплину! Четверть крепостей стоят пустыми. Еще в стольких же воины не знают, как держать меч. Да, я пристрастен, да, есть гарнизоны, где еще не забыли, что такое орки, но ситуация пла-чев-на-я. Очень плачевная! Если что, не дай Сагра, случится, нас погонят до Иселины, а может, и дальше. Вы понимаете меня?

Я кивнул. Уверен, что в Авендуме ничего такого не знают. По крайней мере, король. Все считают, что после Войны Весны южная граница королевства неприступна и надежно защищена от вторжения из Страны лесов. Узнай король, как на самом деле обстоят дела, и чьи-то головы полетят.

— Вы передадите мои слова герцогу?

— При первой же возможности,— совершенно искренне ответил я.— И не герцогу, а сразу королю. Дайте только срок вернуться в Авендум.

Черные глаза барона неотрывно смотрели на меня.

— Клянусь.

— Чудесно! Спасибо, дружище, век этого не забуду! Э-э-э, прошу прощения, дралан, но меня требует моя супруга. Вон видите, как смотрит. Бабенка она ничего, но вся беда — слишком горяча на руку. Открою вам секрет: у нее есть великолепная шипастая булава. Клянусь всеми богами, я проигрываю ей три поединка из пяти! Так что сами понимаете... Будете в моих землях, непременно прошу в гости. Фарахолл всегда к вашим услугам!

Барон неловко поклонился и оставил меня в одиночестве.

Вот такие дела творятся в нашем королевстве!

Ветреные леди в это время заинтересовались Угрем. Я ринулся к нему на выручку, но меня опередили. На помощь Дикому пришла старушка с маленькой лохматой собачкой на руках. Бабка оттеснила очередную вдовушку, как будто той и вовсе рядом не было.

Соблазнительница недовольно прошипела сквозь очаровательные зубки какую-то гадость и, шелестя юбками, оскорбленно направилась прочь. Понятное дело, миледи всего лишь маркиза, на цепочке у нее маленький гербик, а вот у бабульки целая графская корона. Силы не те.

— Вот молодежь нынче пошла! Были ведь у нас времена романтики, ухаживаний, а теперь что? Теперь им только бы...

Далее милая старушенция произнесла фразу, от которой покраснели бы даже матросы. Новая знакомая Угря имела вид колоритный и, не побоюсь этого слова, забавный. Черное платье висело на ней, как на вешалке, фиолетовый парик казался полным недоразумением. На морщинистом лице белел слой пудры в палец толщиной. Все это очарование дополнялось весьма упитанным песиком с огромным синим шелковым бантом на шее.

— Графиня Рантер к вашим услугам.

Интересно, чего это они все сегодня предлагают свои услуги?

— Я...

— Ох, не трудитесь, герцог. Я прекрасно знаю, кто вы такой. Впрочем, как и все в этом зале.

— Сплетники? — подскочил я на помощь к Угрю, вспоминая недавний разговор с бароном.

И заработал довольно пренебрежительный взгляд старушенции.

— Это вам сказал Оро-медведь? О чем это он так долго с вами беседовал? Впрочем, не трудитесь отвечать, дралан, это даже моему милому лохматому Тоббиандру понятно. Правда, мой маленький? — засюсюкала графиня, обращаясь к дремлющей, пускающей слюни собачке.— О чем может рассуждать этот пропахший пивом варвар? Только о мечах, боях и глупых орках, которых просто не существует в природе! Правда, мой масенький?

— Вы не верите в орков, графиня?

— Верю. Но Тоббиандр такой впечатлительный! Кстати, вы выглядите намного моложе, чем я думала, герцог!

— Неужели? Вы мне льстите.

— Да, когда я вас видела в последний раз, лет сорок тому назад, вы важно маршировали под стол с деревянным мечом в руке. А сейчас вам не дашь больше тридцати. Северяне обладают секретом вечной молодости?

Я натужно рассмеялся, Угорь хранил ледяное спокойствие. Проклятая старуха видела настоящего герцога! Пускай в это время он и был в младенческом возрасте!

Не волнуйся, Гаррет! Не паникуй, Гаррет! Герцог жил затво-о-орником, Гаррет! Никто его не узна-а-ает, Гаррет! Я с тобо-о-ой, Гаррет!

Чтоб демоны съели этого Кли-кли с его гениальнейшими идейками!

— Наверное, молодость — это от предков, графиня.

— Кстати о них! Вы совсем не похожи на своего отца. Совершенно! И я не вижу в вас ни одной знакомой черты моей любезнейшей троюродной кузины!

Троюродной кузины? А! Якобы матери Угря! Я быстренько перебрал в уме родословную по линии матери герцога. Да, точно! Есть пересечение с ветвью рода Рантеров. Пускай дальнее, но есть.

— С этими вопросами вам лучше обратиться к моей матери, любезная графиня.

— Как же, позвольте спросить? Она давно умерла!

Оп-па! Пора заканчивать разговор.

— Да, великая потеря,— встрял я в разговор, беря Угря под локоть.— Но позвольте вас покинуть, у нас еще множество дел.

И, не дав сказать ей ни слова, мы направились к широкой мраморной лестнице на противоположном конце зала. Удивленный взгляд старушенции буравил мне спину. Ничего, переживет. А что она хотела от только что оторванного от сохи дралана? Вежливых манер?

Слева от меня раздался смех. Конечно же это был Кли-кли, развлекающий господ дворян. Шут взялся за дело всерьез, и все эти разодетые павлины гоготали не хуже чем обычные простолюдины. Гоблин пел песенки, жонглировал тремя полными фужерами вина и загадывал загадки. На мой взгляд, шутки эти были слишком тупы, но у знати они имели оглушительный успех.

— Наверх,— сказал я Угрю.— Проверим, что там.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и очутились на балконе. Он кольцом опоясывал зал, и отсюда открывался великолепный вид. Здесь же начинались два коридора, ведущие в глубь здания. В ближайшем от меня оказалось множество картин в огромных позолоченных рамах — целая портретная галерея.

Ради любопытства я подошел к первому полотну. С картины на меня насмешливым взглядом смотрел граф Балистан Паргайд собственной персоной. На следующем полотне был изображен человек, который являлся копией Паргайда. Вне всякого сомнения — отец. Я сделал шаг, чтобы увидеть деда любезного графа, и тут в животе у меня защекотало. Я было подумал, с чего это вдруг такая неприятность, но вспомнил слова Миралиссы о Ключе и щекотке.

Ключ! Клянусь Саготом, Ключ где-то рядом!

— Я что-то почувствовал! Угорь, прикрой, если что!

Прогулочным шагом углубился в коридор, все больше и больше отдаляясь от зала, где проходило празднество Соловьев, и остался

наедине с картинами, с которых на меня смотрели многочисленные предки Балистана Паргайда.

Щекотка в животе усиливалась. Ключ звал и манил к себе.

«Я здесь! Я тут! Я здесь! Скорей! Узы зовут!» — чудилось мне.

Оставалось пройти совсем немного. Артефакт за какой-то из двух дверей, что возле последнего портрета в коридоре. Я подошел к ним и невольно остановился, разглядывая портрет, привлекший мое внимание. Только сила воли не заставила меня охнуть.

Портрет был старым. Очень старым. Об этом говорили и краски, потемневшие от времени, и манера письма, использованная художником. Оценив картину сугубо профессиональным взглядом мастера-вора, не гнушавшегося в свое время кражей произведений искусства, могу с уверенностью утверждать, что полотну не менее пятисот лет, а человеку, которой изображен на нем, судя по костюму, все полторы тысячи.

Мужчине с картины было за пятьдесят, худой, с седыми висками и такой же проседью в аккуратной бородке. Усов он не носил. Карие глаза смотрели на меня с дружелюбной насмешкой. И этого парня я знал, а точнее, видел, пускай он и жил в те времена, когда Ранненг был всего лишь небольшой деревушкой, а Авендума даже не существовало.

Где я видел этого господина? Конечно же во сне! В том самом, где этот человек убил мастера-карлика и попытался захватить Ключ, но нашел смерть от кинжала эльфа. Мне помнится, что у него на камзоле был вышит золотой соловей.

Вот кого мне так напоминал Балистан Паргайд! Фамильное сходство между нынешним слугой Хозяина и человеком, нашедшим свою смерть в Горах карликов, очевидно! Как же его звали...

— Суовик Паргайд,— раздался негромкий голос за моей спиной.

Я обернулся и увидел хозяина особняка. Я даже не слышал, как он ко мне подошел. А ведь на полу не султанатские ковры, а мраморная плитка. Да и Угорь не подал мне никакого сигнала. Выходит, граф вышел вон из той полуприкрытой двери.

— Приношу свои извинения, милорд. Я увидел картины и не смог преодолеть любопытство,— нашелся я.

— Далеко вы забрались, дралан,— как-то не очень хорошо усмехнулся Балистан Паргайд.— А-а-а, вот и любезный герцог!

К счастью, Угорь, видимо почуяв неладное, появился из-за поворота коридора.

— Надеюсь, дралан Пар не оскорбил ваших предков, граф? Он интересуется стариной...

— В самом деле? — спросил герцог.

«С каких это пор такое неотесанное рыло интересуется стариной? С тех пор как у него отняли плуг и возвысили?» — вот что говорили его глаза.

— Расскажите, граф, кто изображен на портрете? — поспешил перевести тему в более спокойное русло Угорь.

— Вы оказываете честь моим предкам, Ваша Светлость! Это Суовик Паргайд, как я уже говорил. Третий в роду Паргайдов. К сожалению, в один прекрасный день он отправился в Горы карликов и так и не вернулся оттуда.

— Сожалею.

— Он многое сделал для нашего рода. Но, впрочем, что это я все о родственниках и о родственниках. Идемте, я познакомлю вас с моей коллекцией!

Граф извлек тонкий изящный ключ и отомкнул замок ближайшей к нам двери. Хороший замок, прежде чем такой откроешь, с тебя семь потов сойдет.

— Будьте как дома, герцог. И вы, дралан, проходите. Ну? Что скажете?

— Впечатляет.

— Моя маленькая страсть.

— По цене она не такая уж и маленькая, граф,— сказал я, осматривая экспонаты коллекции Балистана Паргайда.

— О! Вы в этом разбираетесь?

— Немного. Я интересуюсь стариной...

— Ну и во сколько же вы оцените этот набор безделушек, дралан?

— Тысяч в семнадцать золотом. Но это только приблизительная оценка.

— О! Вы действительно разбираетесь в предметах старины. Шестнадцать с половиной тысяч, если быть точным. Ваша Светлость, вы случайно не захватили ту безделушку, о которой я упомянул в письме?

— Браслет? Да, но он не мой. Это дралан Пар у нас интересуется такими вещами.

— Вот он, прошу, граф.

Я протянул творение огров Балистану Паргайду.

— Кстати, как вы узнали о том, что у меня есть эта вещичка? — как бы между прочим спросил Угорь, разглядывая изъеденный ржавчиной меч.

— Слухи,— усмехнулся граф, с вожделением рассматривая древнюю и почти стершуюся надпись на браслете.

— Должно быть, кто-то из моих слуг...

— Да, слуги — люди ненадежные. Но послушайтесь моего совета, герцог. Ничто так не вразумляет слуг, как хорошая порка. Кстати, вы надолго прибыли в Ранненг?

— Нет, я здесь проездом и сегодняшним утром намереваюсь в обратную дорогу.

— Путешествуете?

— Да,— односложно ответил гарракец графу, внимательно рассматривая занятную вещицу Эпохи Свершений.

Подойдя к окну, я увидел парк, посеребренный светом месяца.

— Вы озаботились поставить решетку на окна, граф.

— Простите, что вы сказали, дралан? — Балистан Паргайд на миг оторвался от созерцания черного браслета.— Ах да! Это от воров. Я поставил решетки в этом крыле. Здесь и в моей спальне. Хотя после того, как с двоих ворюг мои люди живьем содрали кожу, местная гильдия воров решила не рисковать головами своих подопечных.

— Думаю, это ненадолго. Здесь у вас целое состояние...

— Поживем — увидим.

Как же! Уверен, что решеткой дело не ограничилось, и на окнах, а может, на дверях есть еще пара магических и горячих в буквальном смысле этого слова сюрпризов.

— Сколько вы хотите за него? — спросил Балистан Паргайд, с сожалением возвращая браслет мне.— Эта вещь показалась мне немного интересной.

Я подержал браслет в руке, мысленно прощаясь с ним навсегда. Эх! Содрать бы с графа полновесным золотом, но раз Миралисса сказала...

— Возьмите это как подарок. Все равно он мне ничего не стоил.

Балистан Паргайд не стал отказываться, что явно говорило о нем как о человеке умном и берущем все, что плохо лежит. Но он был порядком ошеломлен.

— Дралан Пар! — Он впервые назвал меня полным именем.— Я ваш должник.

— Что же.— Я выдавил улыбку.— Тогда давайте поскорее вернемся в зал, иначе все вино выпьют без нас.

Балистан Паргайд улыбнулся, аккуратно положил новое приобретение рядом с боевым топором Седой Эпохи и кивнул.

— А что за этой дверью? Еще одна ваша маленькая коллекция на шестнадцать тысяч золотых? — спросил я у графа, когда мы вышли из комнаты.

— О нет! Здесь моя спальня. Я специально ложусь поближе к своим сокровищам,— засмеялся граф.— Но идемте, а то гости подумают, что я и вправду о них позабыл.

Может, там и вправду спальня. Однако Ключ тоже находится там. Теперь я явственно чувствовал его зов. На миг мне захотелось ударить повернувшегося ко мне спиной Балистана Паргайда по голове и под шумок, проникнув в комнату, украсть Ключ.

Но нельзя. Эльфийка велела мне только узнать, где лежит Ключ, но ни в коем случае не трогать его... А раз темная считает, что до поры до времени не стоит прикасаться к артефакту, значит, так оно и должно быть.

В зале, как и прежде, играла музыка, люди болтали ни о чем, а Кли-кли, взгромоздившись на ближайший стол, жонглировал четырьмя пирожными с кремом. Пятое по нелепой случайности упало ему на колпак под хохот зрителей и шквал аплодисментов.

Мое внимание привлекла женщина в кроваво-красном платье, стоявшая в одиночестве возле журчащего фонтана.

Невысокого роста, русые волосы едва достают до открытых плеч, скуластое лицо, нос с едва заметной горбинкой, задумчивые голубые глаза. Ее сложно было назвать красавицей, но от нее тяжело было отвести взгляд. В ней было что-то такое... Даже не могу описать это словами. От женщины буквально исходили волны силы и притягательности.

Силы? Интересно, сейчас это мои ощущения или ощущения Вальдера?

Балистан Паргайд заметил мой взгляд и понимающе улыбнулся:

— Идемте, господа. Я познакомлю вас со своей гостьей.

От незнакомки пахло свежей клубникой. Никаких драгоценностей, кроме серебряных сережек в виде маленьких паучков, нежно обхватывающих лапками мочки ушей, на ней не было.

— Леди Йена! Разрешите вам представить моего дорогого гостя. Его Светлость Ганет Шагор. А это дралан Пар.

Привлекательные пухлые губы тронула улыбка, и девушка наклонила голову, присев в небрежном реверансе.

— Мое почтение, господа...

От ее голоса по моей спине пробежали холодные мурашки, и я вздрогнул. В тюрьме Хозяина было темно, и я не мог разглядеть узницу Посланника. Но вот голос ее я узнал, пусть говорила она не так много, как покойная Лета.

Леди Йена и Лафреса — одна и та же женщина.

— Что с вами, дралан? — участливо спросила меня она, видимо заметив, как я ошеломлен.

— Не волнуйтесь, миледи. Ничего страшного. Просто я не привык находиться на таких замечательных приемах, вот и все,— неловко выкрутился я.

Мне очень хотелось как можно быстрее уйти из этого дома. Пока я пытался стать драланом, из моей пустой головы совершенно вылетело, что Лафреса тоже жаждет заполучить Ключ. Неприятности! У нас оч-чень большие неприятности!

— Все ли вам по душе, миледи? — между тем спросил граф.

— Да, благодарю. Я просто устала с дороги, прошу простить меня. Доброй ночи, господа.

Она покинула нас и стала подниматься по лестнице.

Все это время Кли-кли, стоявший в отдалении, строил мне страшные рожи и отчаянно тыкал пальцем то на белую скатерть небольшого столика с напитками, то на свою физиономию.

Я едва заметно покачал головой.

Не понимаю.

Вновь тычок на белую скатерть, затем себе на лицо, а затем многообещающий жест ребром ладони по шее. Что он мне хочет сказать?

Кли-кли разочарованно оскалился и поспешил к нам.

— Милорд, я, конечно, понимаю, что вечер удался, а ваш дралан даже порозовел от выпивки, но господам Милле и Эралье, к глубокому прискорбию и величайшему сожалению, придется покинуть прием. У них засвербело в одном месте, если вам будет угодно об этом узнать. Они интересуются, вы поедете с ними или прибудете позже?

Глаза шута кричали, что нам лучше поехать с ними. Да что там у них стряслось?

Угорь скучающе зевнул, небрежно прикрывая рот перчаткой, и кивнул:

— Увы, граф. Я вынужден покинуть ваш замечательный дом, пора отправляться. Вы же знаете, какой народ эти эльфы.

— Что ж, будете в Ранненге, непременно посетите меня снова.

— Обязательно. При первой возможности,— простился Угорь с хозяином.

Думаю, Балистан Паргайд даже не представляет, как скоро мы вновь нанесем визит в его владения.

Кли-кли скакал впереди нас, звеня колокольчиками и размахивая позаимствованным со стола бубликом.

— Дорогу самому талантливому шуту герцога Ганета Шадора! Дорогу!

Так он орал до тех пор, пока мы не вышли из зала.

— В чем дело, Кли-кли?

— Бледный вернулся.

Я заставил себя продолжать путь, не оглядываясь по сторонам.

— Ты уверен?

— Еще как! Он и та дама в красном, от которой ты чуть слюни не пустил, полчаса назад приехали.

Так вот куда уезжал Ролио! Он встречал Лафресу.

— Тогда мы очень вовремя покинули празднество.

— Ты нашел Ключ?

— Да.

— Слава богам!

Наша карета стояла у входа, Миралисса и Эграсса уже находились внутри. Дикие на лошадях составляли почетный кортеж.

Старуха-усталость, как всегда, пришла неожиданно. Я понял, насколько опасным было то, что я сделал, только когда уселся в экипаж.

— Гаррет, ты нашел Ключ? — спросила Миралисса.

— Да,— ответил за меня Кли-кли.— Разве не видите, он спит?

Я провалился в омут глубокого сна прежде, чем карета успела покинуть поместье графа.

Глава 9
...И КЛЮЧ РЕШИТ, КОМУ ПОМОЧЬ

— Даже не думай, ты не пойдешь со мной! — прошипел я Кли-кли.

— Ничего подобного! Еще как пойду! — возразил мне шут.

— Я сказал, оставайся здесь!

— Гаррет, ты можешь меня оставить тут, но я все равно пойду за тобой! К тому же мой любимый медальон теперь на твоей шее. Будешь упрямиться, расстроюсь и отберу назад.

Я заскрежетал зубами и в который раз за последние пять минут посмотрел на стену, окружающую поместье Балистана Паргайда.

Ночь. Тишина. Месяц и звезды скрылись за облаками, лишь два больших фонаря, висящие возле ворот, давали хоть какой-то обзор. Самый удобный расклад для таких, как я. Чем темнее, тем проще работать. Хотя когда рядом Кли-кли, про слова вроде «проще» следует забыть напрочь.

После того как мы побывали на приеме у графа в том самом поместье, возле стены которого я сейчас лежу на брюхе, прошли почти сутки. Самое время, чтобы проникнуть в особняк и забрать то, что нам принадлежит. Если честно, я хотел рискнуть и проникнуть во владения графа в ночь приема, но Миралисса настояла на том, что не стоит сгоряча совать руку в осиное гнездо. Даже мой довод о появлении Лафресы не помог. Эльфийка лишь усмехнулась и сказала,

что узы порвать не так-то просто и посланнице Хозяина придется дожидаться благоприятного положения звезд.

Пока я вел светские разговоры с дворянами, остальные времени даром не теряли. Миралисса проверила дом на предмет магических сюрпризов и обнаружила, что на всех окнах второго этажа наложены защитные заклинания. Эграсса (как это ему удалось, не представляю!) достал подробный план дома, а Дикие, протащившие в поместье парочку бутылок хорошего вина из запасов мастера Квилда, разговорили пяток стражников и выведали не только расписание, но и маршруты патрулей. Так что сейчас я был во всеоружии. Осталось только залезть, взять Ключ и уйти, пока его не хватились.

Что может быть проще, правда?

Итак, когда все было готово, и я уже намеревался заняться делом, мне в попутчики навязались Элл, Эграсса, Маркауз, Угорь и Арнх. Конечно же я самым горячим образом возмутился против такой идеи. Мне еще не хватало таскать за собой целую толпу!

— А если тебя заметят? Кто тебя прикроет, Гаррет?

— Меня не заметят,— упрямо талдычил я им, но все было бесполезно, и эта пятерка отправилась вместе со мной, в то время как остальные спешно собирали вещи, чтобы после нашего возвращения сразу же покинуть город.

Эльфы обрядились в свою походную темно-зеленую одежку, вымазали и без того смуглые физиономии темной дрянью и, перебросив за спину с'каши, взялись за луки. Алистан отложил в сторону меч из поющей стали, вооружился боевым топором, ранее принадлежащим Коту, облачился во все черное и вместе с Угрем и Арнхом, который напялил поверх своей любимой и неснимаемой кольчуги черную куртку, отправился защищать бедолагу Гаррета.

Его милость как-то не заботил тот факт, что он по сути дела будет являться соучастником ограбления, что должно было опозорить порядочного дворянина на десять поколений вперед. (А вообще-то если задуматься, то позорить-то и не за что. Всем и так ясно, что большинство дворян ворует куда в больших размерах, чем обычные простолюдины.)

Эльфы двумя тенями залезли на стену и, натянув луки, замерли на ней, прикрывая Арнха, Угря и Маркауза, пока те перебирались через препятствие. Затем темные спрыгнули в парк графа, и я остался в одиночестве. Эграсса попросил меня выждать пару минут перед тем, как они разведают местность (то бишь прирежут всех, кто попадется под руку). Ну что же, если желтоглазые избавят меня от лишних патрулей, я плакать не буду.

Вот тут-то мне на голову и свалился Кли-кли. Уж не знаю, каким образом гоблину удалось ускользнуть от бдительной Миралиссы и

не менее бдительного Дядьки, но факт остается фактом — сейчас шут лежал в кустах рядом со мной и упрямо доказывал, что без его помощи я пропаду. Отпущенные эльфом две минуты уже давно истекли, а я все еще спорил с маленьким ходячим бедствием.

— Ладно! — наконец сдался я.— Пойдешь со мной. Но только до дома! Если будешь шуметь и путаться под ногами, я собственноручно тебя пришибу!

Кли-кли согласно кивнул.

— Отстанешь, пеняй на себя,— предупредил я его.

Я не стал дожидаться ответа, выскочил из кустов, подпрыгнул и кончиками пальцев зацепился за край стены. К счастью, никто из графских слуг не додумался рассыпать на самой стене битое стекло.

На мой взгляд — серьезное упущение в обороне. Будь там такая пакость, и меня не спасли бы даже перчатки. Тонко выделанная свиная кожа от острого стекла — ненадежная защита. К тому же пальцы на перчатках были обрезаны — так удобнее работать с замками.

Я подтянулся, закинул правую ногу, забрался наверх, стараясь не напороться на фигурки-шипы. Чтобы не пораниться, пришлось раскинуть руки и балансировать на полусогнутых ногах.

— Гаррет,— заскулил внизу Кли-кли, отчаянно подпрыгивая,— не могу дотянуться!

Гоблин был слишком мал, чтобы залезть самостоятельно. Меня так и подмывало оставить его внизу. Проблем было бы меньше, это точно!

Я скрипнул зубами от досады и принялся разматывать паутинку. Гоблину придется помочь, иначе Кли-кли мне такой свиньи не простит и закатит под стеной истерику.

— Держись за веревку,— прошипел я, спуская паутинку.

Рядом со мной появилась тень. Элл.

— Почему задержка?

— Гоблин на мою голову свалился! Кли-кли, перебирай ногами!

— Я переби-ра-ю! — пропыхтел шут. Естественно, у него ничего не получалось, и он болтался из стороны в сторону, как мешок с камнями.

Я вцепился в веревку, одновременно пытаясь сохранить равновесие на стене. Отклонение вправо или влево грозило мне встречей с шипами.

— Давай помогу.— Элл, невзирая на острия, пришел мне на выручку.

Вот картинка! Две тени на стене пытаются втащить третью. На наше счастье, ни луны, ни звезд, ни зрителей, иначе бы у нас случились большие неприятности.

Наконец пыхтящий Кли-кли появился на стене.

— Что ты делаешь, гоблин? — Голос Элла был далеко не дружелюбен.

— Разве не видно? Дышу свежим воздухом. И чего это они такие стены тут строят? Знал бы, ни за что не полез. Какие мерзавцы! Подумать только! Их за одно это следует ограбить!

— Слезаем! Все разговоры потом,— сказал я, переступая шипы.

Эльф легкой тенью скользнул вниз и без всякого шума оказался подо мной.

Мне же пришлось повиснуть на руках, теперь уже с другой стороны стены, а затем разжать пальцы и приземлиться на траву. Я, конечно, мог спрыгнуть, как и Элл, но зачем? Зачем рисковать ногами без всякой нужды? Сломаешь что-нибудь ненароком, и привет!

Кли-кли остался сопеть на стене.

— Кли-кли!

— Сейчас! — пискнул гоблин и рухнул на меня.

Я вовремя успел вытянуть руки и поймать его.

— А теперь объясняй, что ты здесь делаешь? — придвинулся Элл.

— Помогаю Гаррету. И не надо на меня так смотреть, дырку просверлишь!

— Он ведь все равно за тобой увяжется, а, вор? — Эльф задумчиво посмотрел на Кли-кли.

— Только до дома,— поспешил уверить Элла гоблин.— А что ты задумал?

— Связать тебя.

— Я королевский шут и не позволю, чтобы всякие клыкастые эльфы связывали меня веревками! Предупреждаю! Я буду кусаться и визжать!

— Я теряю с вами время,— раздраженно бросил я.— Можете решать, что делать дальше, без меня!

— Хорошо, пускай идет с тобой.— У эльфа было лишь два выхода из создавшейся ситуации. Или прирезать гоблина, или отпустить.— Но учти, Кли-кли, если что, я самолично сдеру с тебя кожу.

— И все-то они грозятся... Понял. Если что, так все!

— Удачи, Гаррет, мы будем поблизости.

— Что с патрулями?

Здесь, под кронами ночного парка, было очень темно, но мне показалось, что Элл усмехнулся.

— Троих мы сняли, так что западное крыло свободно.— Желтоглазый поднял с травы свой мощный горбатый лук.

Хорошо. Меньше стражников — меньше проблем. Сейчас мне надо было обежать поместье и подойти к окнам западного крыла. Именно к окнам, потому как центральный вход сегодня для меня заказан. Впрочем, как и другие входы-выходы в поместье.

По словам Делера, распивавшего вино со стражниками графа, почти у каждой двери стоят караульные. Обычная практика у тех, кто опасается неожиданного нападения. Оставались окна, и только на заднем фасаде дома, потому как там ходит всего лишь один патруль и шанс быть обнаруженным несоизмеримо меньше, чем в другом месте.

Проникнуть сразу же в восточное крыло здания не представлялось возможным — на окнах второго этажа этого крыла были решетки. Оставался только один вариант — попасть в дом через западное крыло, пройти по длиннющему коридору до балкона, выводящего в зал приемов, а оттуда по коридору с картинами до спальни герцога.

— Пора. Кли-кли, не отставай!

Сагот! Ну на кой я его с собой взял?!

В парке было темно, и мощные стволы деревьев вырастали перед нами черными силуэтами. Затем показались огни дома. Факелы горели лишь около центрального входа в особняк. Тут же стояла четверка стражников. Точнее, стоял только один, трое других сидели на ступеньках и вели беседу. О чем они разговаривали, я не слышал — расстояние было слишком велико.

— Не спят, гады,— разочарованно зашипел Кли-кли.

— Работа у них такая.

— Да нет, я про тех, что в доме.

В окнах второго этажа горел свет. Не спят, а, следовательно, у меня могут возникнуть проблемы. Неназываемый побрал бы этих полуночников! Нет в моей профессии никого хуже тех, кто не ложится спать вовремя, как это надлежит всем приличным людям.

— Куда теперь, Гаррет?

— Видишь во-он те деревца?

— Ну?

— До них, потом к стене здания и до окна.

— Нас же увидят!

— Меньше болтай и делай, как я, тогда не увидят. Впрочем, можешь оставаться в парке и дожидаться меня, я не возражаю.

— Думаю, я способен не привлекать к себе лишнего внимания,— тут же ответил шут.

Между парком и домом было пустое пространство ярдов сорок в длину. В основном зеленая постриженная травка и клумбы (а точнее, целые поля) роз. Я постарался пробежать это место как можно быстрее.

Вокруг нас властвовала тишина, лишь разыгравшийся ветер шумел в кронах деревьев. Ни криков птиц, ни песен сверчков. Нам с Кли-кли пришлось топать прямо через клумбы, безжалостно давя каблуками кусты белых и желтых цветов. Представляю, сколько

проклятий завтра обрушит на наши головы садовник! Розы мстили, провожая меня одуряющим ароматом дешевых женских духов. Мерзость!

Стена дома возникла внезапно, и я с облегчением прислонился к ней, переводя дух. Кли-кли пыхтел по соседству:

— Ты носишься быстрей королевского гонца. Я и не знал, что работа вора такая тяжелая.

— И нервная. Не отставай!

Стена тянулась по правую руку от нас. Я крался впереди, Кли-кли сразу за мной, едва не наступая на пятки. Как назло, трава здесь не росла. Чья-то заботливая рука рассыпала тут мелкие камни. Так что приходилось идти, точно по сухому валежнику, очень аккуратно.

Тьма вокруг была кромешной, как будто мы оказались глубоко под землей. Нас с Кли-кли сейчас, конечно, сложно разглядеть, но беда темноты в том, что и врага тоже не видно. Мы как раз дошли до угла здания, когда из мрака показался патруль стражников. Я сразу же застыл, и Кли-кли врезался мне в спину, удивленно ойкнув.

В следующие три секунды я успел сделать сразу несколько дел: накинуть на голову капюшон, зажать рот гоблину свободной рукой и постараться слиться со стеной в единое целое, благо тени тут было на десять Неназываемых.

Кли-кли, надо отдать ему должное, даже не дернулся.

Трое стражей, переговариваясь между собой, медленно шли в нашу сторону. Все бы ничего, но у одного из них был факел. Через несколько секунд мы с гоблином будем как на ладони.

— А я ему говорю, чего ты дурня из себя строишь! Проиграл? Плати!

— А он?

— А чего он? Он за нож, ну я его и того...

— Смотри, Гарт, узнает начальник караула, кто Хрена пришил...

— Не узнает, если ты молчать будешь. Да я и не виноват! Зачем играть на петушиных боях, если не можешь заплатить проигрыш?

— Хрен тоже хорош! Сам за нож схватился... Дураком был, дураком и умер! Ничего я никому не скажу. Не волнуйся.

— Спасибо, дружище,— проникновенно поблагодарил стражник.

Я стал медленно сползать по стенке, укрывая плащом и себя, и Кли-кли. Руку с физиономии гоблина пришлось убрать, иначе арбалет не зарядишь. Мой малыш оказался у меня в руках, и я, стараясь производить как можно меньше шума, потянул рычаг, взводящий тетивы, на себя. Едва слышный щелчок сказал мне, что болты встали в боевое положение. При добром расположении Сагота я успею

заставить замолчать двоих, но остается третий, и у этого парня будет меч.

Стражники поравнялись с нашим ненадежным укрытием, и мой палец на спусковом крючке невольно напрягся.

— Прохладно нынешней ночкой что-то,— пробурчал тот, что с факелом.

— Сейчас закончим обход и пойдем в караулку, у меня там припрятана бутылочка именно вот для такого случая.

— А если нас застукает Мейло?

— Не застукает,— беспечно отозвался стражник.

Ребята протопали мимо и пошли своей дорогой. Ни один из них даже не посмотрел в нашу сторону. Действительно, какая опасность может поджидать со стороны стены?

— Мейло-то? Он родного папу застукает, не говоря уже о таком дурне, как ты!

— Чего-то тройки Клоса не видать.

— Клосу и его ребятам сегодня не повезло, Мейло отправил их в парк — охранять милорда графа от свирепых белок! — хохотнул факельщик.

— Им давно полагалось вернуться. Может, случилось чего?

— Конечно же случилось! Ты думаешь, что ты один такой умный? У Клоса, видать, тоже бутылочка под деревцем была припасена. Да не одна! Небось парни теперь до утра на травке продрыхнут.

Боюсь, что после знакомства с Эллом и Эграссой Клос с компанией больше никогда уже не проснутся.

— Пойдем поищем, что ли?

— А зачем? Охота тебе по темноте шастать?

Голоса стражников затихли в отдалении.

— Пронесло,— выдохнул Кли-кли.— Все стражники от рождения такие слепые или только эти?

— Когда как. Мы почти пришли.

Нам оставалось свернуть за угол и пробежать вдоль дальней стены здания до нужного окна. Я лег на землю и осторожно высунул нос из-за угла, проверяя — все ли чисто?

Никого.

На этой стороне дома не горело ни одного окна.

— Здесь.

Я достал паутинку и швырнул свободный конец веревки вверх, метя в балкон, нависший над нашими головами. Волшебная веревка-спутница без всяких там кошек или зацепов основательно прилипла к камню. Я для спокойствия собственной души подергал несколько раз, проверяя крепость моей путеводной ниточки в небеса. Не оторвешь! Я не зря потратил золотые на это чудо.

— Стой здесь. Не шуми и не вздумай устраивать каких-нибудь фокусов! — Я ожег гоблина грозным взглядом.

— Да, Гаррет.

— И что бы ни случилось, не смей лезть за мной.

— Да, Гаррет.

— Если я не вернусь через час, найди Маркауза и убирайтесь отсюда.

— Да, Гаррет.— Маленький гоблин выглядел самым несчастным существом на Сиале.

— Я полез, если что случится, свистни, только тихо.

— Но, Гаррет, я не...

— Кли-кли,— раздраженно бросил я.— Просто сделай то, что я прошу.

— Хорошо, Гаррет,— смиренно согласился гоблин.

Я отстегнул застежку, удерживающую плащ на плечах. Плащ хорош, спору нет, он чернильно-черного цвета, как и вся моя одежда, но лазить в нем по стенам, особенно высоким, дело неудобное и даже трудное.

— Гляди в оба,— дал я последние наставления шуту и дернул паутинку, отдавая ей мысленный приказ.

Веревка дрогнула и начала поднимать меня вверх. Мне оставалось только упираться ногами в стену и смотреть, как ко мне приближается балкон.

Где-то на половине дороги, в то время когда я находился между небом и землей, откуда-то снизу раздалось шипение то ли раскаленной сковородки, то ли умирающей от паралича змеюки. Пришлось остановиться и поглядеть вниз. Кли-кли засунул в рот почти все пальцы и теперь надувал щеки, пытаясь изобразить горниста.

— Ты чего? — с высоты зашипел я на него.

— Опасность! — Шут указал в ту сторону, откуда мы только что пришли.

По тропинке, кольцом окружающей весь дом, шел одинокий стражник. Вот уж не знаю, что он на свою голову тут искал, но точно не приключений. Парень, правда, смотрел себе под ноги, поэтому не видел торчащего прямо у него на пути гоблина.

Кли-кли заметался из стороны в сторону, не зная куда спрятаться, и я с досады заскрипел зубами.

— Ну где же она? — сплюнул стражник.

Лица я его не разглядел, но голос был молодой.

Тут, как назло, страж оторвал свой взгляд от тропинки и увидел Кли-кли.

А разве я не говорил всем, что с гоблином у меня обязательно появятся лишние проблемы?!

— Эй! А ну стой! Ты что здесь делаешь?! — Рука стражника опустилась на эфес меча.

— Поди-ка сюда,— заговорщицки поманил Кли- кли стражника.

Сагот! Что делает этот идиот?!

Мужчина, не убирая руки с меча и не спуская взгляда с нарушителя, двинулся в сторону гоблина. Человека смутило то, что неприятель оказался крохотного роста и, уличенный в преступлении, не делал попыток убежать или выхватить оружие.

— Да иди, иди. Не кусаюсь я.

— Ба! Да ты же шут того герцога! — Стражник остановился прямо подо мной.

— Разумеется, шут! А ты кого здесь собирался встретить? Х'сан'кора?

Я дернул паутинку, приказав ей спускать меня вниз.

— Ты что здесь делаешь, маленький негодяй? Вот сейчас поймаю и уши надеру!

До башки этого дуралея было не больше одного ярда.

Гоблин следил за моими чудесами эквилибристики одним глазом.

— Хочешь золотой? — Между пальцами шута заиграл желтый кругляшок.

Расчет Кли-кли оказался совершенно верным. Есть среди людей такие экземпляры, что, покажи им монетку, и они уже совершенно ничего не соображают.

— Хочу! — рявкнул парень.

Нисколько не удивлюсь, что в этот момент он отчаянно таращил глаза и всеми силами пытался уследить за монетой.

Я ударил его обеими ногами, целясь в затылок. На голове у него оказался полушлем, и удар вышел не таким уж сильным, но человеку этого вполне хватило. Он рухнул на колени, хватаясь за голову. Я разжал пальцы и упал на него сверху, придавив своим весом.

— Стукни его! — пискнул Кли-кли, нервно прыгая на одном месте.— Стукни его!

— Какой ты... кровожадный... гоблин,— сплюнул я, тряся отбитым кулаком.

Парень оказался на удивление крепким. Мне пришлось дважды дать ему по дубовому затылку, да еще и добавить локтем в висок для собственного успокоения. Только после этого он соизволил затихнуть.

Я развернулся к Кли-кли:

— Что это ты здесь устроил?

— Надо же было заговорить ему зубы, пока ты спускался, аки демон мщения.

— Я спрашиваю, почему ты не свистнул?

— Я не умею свистеть. Я же пытался тебе сказать, а ты даже не пожелал слушать! — оправдывался гоблин.

За моей спиной звякнуло. Я, выхватывая нож, резко обернулся, но это был всего лишь Элл. Он как раз вытирал кинжал об одежду стражника.

Мертвого стражника. Ибо не жилец тот, кому в сердце вогнали чуть ли не добрый ярд холодной стали.

— Теперь не закричит.— Желтые глаза эльфа неодобрительно сверкнули.— Дело надо доводить до конца, Гаррет.

— Заканчивай свои дела быстрее, вор. Время идет.— Из тьмы выступил Алистан Маркауз.— Кли-кли, с тобой я поговорю чуть позже. Пойдешь с нами. Элл, бери тело за руки.

— Постойте,— остановил я их.— Гоблин вас точно втянет в неприятности. С ним одна морока.

— А вот и не втяну! — обиделся Кли-кли.— Если бы не я, этот покойник тебя бы точно заметил.

— Слушай, шут, видишь вон те кусты? Они как раз напротив окна спальни графа. Спрячешься там, пока я тебя не позову. Я кину тебе Ключ, и ты уберешься с ним как можно дальше. Элл, помоги ему перебраться через стену.

— Хорошо.

Я подпрыгнул, схватился за конец веревки, и все началось сначала. Когда я перекинул ноги через перила и оказался на балконе, внизу уже никого не было — ни эльфа с графом, ни Кли-кли, ни тела покойника. Паутинка надежно угнездилась на своем привычном месте — у меня на поясе.

Балкончик был маленький, его создавали для красоты, тут едва ли могло поместиться два человека. Балконная дверь — застекленная ажурная деревянная решетка, казалась хрупкой и беззащитной преградой для таких ребят, как я. Но первое впечатление всегда обманчиво — от такой видимой беззащитности жди подвоха. К счастью, мне даже не придется гадать и тратить драгоценные пузырьки с заклятиями на обнаружение магии. Миралисса сказала, что на всех окнах второго этажа лежат защитные заклятия.

Уж не знаю, как они работали, но того, кто ночью лез в дом с улицы, ожидал жгучий прием. Эльфийка предложила создать рунное заклятие, чтобы я смог разрушить защиту, но я вежливо отказался. К рунной магии в последнее время у меня крайне негативное отношение. (С тех самых пор, как я прочитал один завалявшийся свиток и прогнал всех демонов во тьму. Ну, или почти всех. Вухджааз и Щдуырук не в счет.)

К тому же я не хотел испытывать на своей шкуре, что будет, если шаманством ударить по людской магии. Я также не мог рассчитывать на медальон Кли-кли — он нейтрализовал только шаманство, а не волшебство людей и светлых эльфов. Чтобы попасть в дом, мне придется воспользоваться собственными запасами.

Из маленькой зеленой сумки на поясе я выудил пузырек с черным, как окружающая меня ночь, порошком. Пробка чпокнула и осталась у меня в зубах.

Я щедрым жестом сыпанул порошком прямо на дверь, закрыл пузырек пробкой и убрал ценную вещицу в сумку. С балконной дверью в это время ничего не происходило, и я уже начал подумывать, что на этот раз эльфийка ошиблась. Но нет, там, куда попал черный порошок, появились пятна. Они разрослись, слились между собой и, мигнув, исчезли.

Все. По крайней мере, мне теперь ничего не грозит.

Как я и думал, дверь заперта. Люди почему-то не горят желанием видеть меня в своих жилищах. И что я им такого сделал?

Я ухмыльнулся только мне понятной шутке. Сам шучу, сам смеюсь. Ха-ха, уважаемые господа!

Замок я открыл за несколько секунд. То, что здесь стояло, даже не имело морального права называться гордым словом «замок». Я приоткрыл дверь, раздвинул руками воздушные занавески и скользнул внутрь дома графа Балистана Паргайда.

Темно, хоть глаза выколи! Куда это я попал? Надеюсь, что не в спальню старой девы, иначе крику не оберешься.

М-да... Начинается, подобные фразочки из меня так и лезут, когда я слишком сильно нервничаю...

Пол в комнате был покрыт ковром, так что шуму от меня было немного. Из-под двери, ведущей в коридор, пробивалась тоненькая полоска света. Глаза уже успели привыкнуть к темноте, и я получил более-менее приличный обзор.

Я попал в комнату больших размеров со стеллажами, стоящими вдоль стен.

Библиотека.

Будь я здесь в другое время и по другому делу, обязательно проверил бы парочку стеллажей. Граф любит старину, поэтому не удивлюсь, если здесь окажутся книги начала Эпохи Сна, а то и Эпохи Свершений. По дороге пришлось обогнуть столик, черным пятном выделяющийся на темно-сером фоне неосвещенной комнаты.

Тяжелая двустворчатая дверь библиотеки легко поддалась. Я выглянул в коридор.

Пусто.

Ну и правильно, в такое время самое лучшее занятие — это сон. На мою беду, какой-то старательный гад зажег масляные фонари. Маленькие язычки пламени трепетали под стеклянными колпаками.

Теперь предстояло самое сложное — пройти весь коридор этого крыла, проскользнуть через несколько комнат, оказаться в коридоре возле балкона над залом приемов и по коридору с портретами попасть в спальню Балистана Паргайда. Затем оставалось сделать то, зачем я сюда пришел, и вернуться назад тем же путем.

Я постарался проскочить опасный участок как можно быстрее. Густой ворс ковра заглушал мои шаги, и не стоило опасаться, что меня кто-то услышит. Двери по правую и левую руку были заперты, из комнат не раздавалось ни звука. Один раз я пересек перекресток, где сходились два коридора.

Один из них, насколько я помнил, вел в крыло слуг и подвальные помещения. Света здесь было намного меньше, и я даже на миг хотел свернуть туда. Но путь по нему был намного длиннее, а мне не стоило задерживаться в гостях больше, чем это требовалось.

Ага. Вот и нужная дверь.

Я надавил на бронзовую ручку, но она не поддалась. Пришлось доставать отмычки и шуровать в замке, нащупывая пружину. Сказать, что я чувствовал себя неуютно,— значит не сказать ничего. Ковыряться в замке в то время, когда вокруг горят фонари и любой лунатик может увидеть тебя с другого конца коридора,— дело неблагодарное.

— Ай! Не говори глуп-постей! Я, ка-ажется, говорил, что... ик! Да...— раздалось из-за двери напротив.

— Ты пьян, О'лак, куда собрался?

— От... от-тлить, дурья твоя б-башка! Или ты предп-почитаешь... ик! Предпоч... тьфу! Ты хочешь, чтоб-бы я прямо тут... да?

Замок щелкнул, я ввалился в комнату и захлопнул дверь, прежде чем пьяница успел открыть свою. Я прислушивался к тому, что сейчас творится в коридоре. Мужчина вышел из комнаты и неровной походкой пошел прочь. Я почти сразу же перестал слышать его шаги — ковер заглушал все звуки.

Я находился в одной из множества комнат для гостей, живущих в этом крыле. На великое воровское счастье, она оказалась пустой. Мне оставалось только подойти к балконной двери, открыть ее и попасть на балкон, что я и сделал.

Было достаточно всего лишь одного взгляда, чтобы оценить обстановку и отпрянуть назад, в спасительную темноту. Как и было указано на плане, балкон выходил во внутренний двор особняка графа.

Если кто до сих пор еще не понял, особняк графа был построен в виде квадрата с маленьким внутренним двориком, куда был вход с первого этажа. Здесь шумел фонтан и росло пяток хлипких яблонь, их ветки едва доставали до уровня второго этажа. Под одним из деревьев сидел человек и курил набитую табаком бумажную трубку. Я смог его заметить только благодаря мерцавшему огоньку.

До сего момента мой план был очень прост: спуститься по паутинке во внутренний дворик, добежать до стены противоположного крыла и, взобравшись по веревке на балкон, оказаться в приятной близости от Ключа.

Теперь же проклятый стражник сводил все мои труды на нет. Он смотрел прямо в мою сторону, и, спустись я по веревке, вне всякого сомнения, даже несмотря на ночь, охранник меня заметит. Возвращаться же назад и бегать по коридорам — дело неблагодарное и опасное, в любой момент могут застукать.

Оставалось одно — ждать. Длины паутинки все равно бы не хватило, чтобы достать до противоположной стены.

Всадить в курильщика болт? В принципе можно, но я не был уверен, что в такой темноте смогу попасть ему точно в шею. Промахнусь — так он, чего доброго, будет орать, как боров под ножом мясника и перебудит весь дом.

Я уселся на пол и сквозь воздушные занавески принялся наблюдать, как вспыхивает во время затяжек огонек,— он отравлял воздух едким дымом до бесконечности долго.

Наконец стражник встал, затоптал остатки курева в землю, взвалил махину-арбалет на плечо и потопал к выходу. Я вздохнул с облегчением, но, как оказалось, рано обрадовался. Страж резко развернулся, пошел вдоль стены, опять развернулся...

Патрулирует, собака! Не люблю я излишне усердных охранников — от них одна головная боль. Этот парень был из их числа.

Скрипеть зубами не имело смысла — зубов не напасешься. Я вновь сел на пол и принялся считать шаги охранника. Шесть... Десять... Пятнадцать... Пять... Одиннадцать... Двадцать два...

Времени у меня мало, всего ничего, но рискнуть стоило. Я дождался, когда мужчина повернется ко мне спиной, и выскочил на балкон.

Два...

Паутинка прилипла, и я, перекинув себя через перила, спрыгнул вниз, держась обеими руками за веревку.

Восемь...

Пожалуй, это был мой самый быстрый спуск за все время работы. Не будь у меня на руках перчаток, содрал бы не только кожу, но

и мясо. Но даже перчатки не могли спасти меня — ладони как будто обожгло огнем.

Десять...

Я потянул паутинку на себя, и она, отлипнув от балкона, упала и тут же свернулась в моток.

Тринадцать...

Я прыгнул вперед. Там, под стволом хлипкой и чахлой дикой яблони, мрак был особенно густым.

Пятнадцать...

Стражник развернулся и пошел в мою сторону. Иди, родной, иди. Ты не заметишь меня до тех пор, пока не наступишь. Охранник вновь отвернулся, и я короткими перебежками, из тени в тень начал подбираться к нему.

Наконец я оказался за спиной безостановочно шагающего как механическая игрушка стражника и, вооружившись лежащим в кармане кастетом, приложил его по затылку.

Парень изумленно хрюкнул и стал заваливаться на спину. Я подхватил его и усадил на траву, прислонив спиной к стволу дерева. Его арбалет я на всякий случай разрядил и бросил болт в фонтан, затем немного подумал и отправил туда же сумку с еще девятью стрелами.

После этого я положил бесполезное оружие парню на колени и, отойдя, оценил творческую работу.

Сойдет. Издали он вполне похож на уснувшего. Очень рассчитываю, что охранник «проспит» до утра.

Залезть с помощью паутинки на нужный балкон было делом одной минуты. Дверь здесь была приоткрыта, и небольшой сквознячок играл с белыми воздушными занавесками. Я сделал шаг в комнату, пригнулся и стал ждать, когда глаза привыкнут к темноте.

В комнате кто-то был, это несомненно. Слышалось чье-то умиротворенное сопение. Постепенно из мрака выступила кровать у дальней стены. Чтобы выйти, мне придется пройти мимо. Я почти дошел до двери, когда под ногами скрипнула половица.

Я остановился, сморщившись, как от зубной боли. Человек повернулся на другой бок и вновь засопел. Еще один шаг, и вновь скрип половицы.

На кровати нерешительно тявкнули. От неожиданности я едва не подпрыгнул.

Собака?!

Тявканье сразу же повторилось.

— Что такое, Тоббиандр? — раздался сонный голос.

Графиня Рантер! Вот в чью спальню меня угораздило ввалиться!

— Р-р-рав? Рав!

— Что там? Крысы?

Старуха привстала, слепо вглядываясь во мрак, но с кровати слезть не решилась. На мое счастье, ее проклятая псина тоже не отличалась храбростью и не спешила вонзить в меня зубы.

— Это все мерзкий граф, мой масенький! Говорила я ему, что боюсь крыс, а его люди поселили нас в такую комнату. Тут даже пол скрипит, чего уж говорить о серых чудовищах! Они только и ждут, чтобы попробовать моего бедного мальчика.

— Р-р-рав! — подтвердил Тоббиандр.

— Давай спать, мой хороший. Премерзкие крысы до нас не доберутся!

Тоббиандр для собственного успокоения еще раз тявкнул и затих. Мне пришлось отстоять все ноги, прежде чем я дождался сопения графини.

Постаравшись как можно тише покинуть комнату, я вышел в коридор, являющийся точной копией того, по которому совсем недавно проходил мой путь. Тот же ковер, то же освещение и та же пустота.

Я двинулся вперед, останавливаясь через каждые два ярда и вслушиваясь в тишину. Дверь справа от меня была приоткрыта.

— А кто она?

— Помолчи. Некоторые вопросы могут довести до могилы.

Бледный!

— Я всего лишь спросил...

— А я всего лишь дал совет — поменьше болтай языком. Ты же знаешь, граф любит укорачивать слишком длинные языки. Да и не знаю я, кто она. Мне сказали встретить, я и встретил, остальное меня не касается.

— Ладно, ладно, Ролио. Забыли! Плеснуть винца?

— Нет. И прекрати курить эту дрянь, голова раскалывается!

— Да что ты заводишься-то? — Голос у человека был обиженный.

— Меня беспокоит эта баба...

Я осторожно заглянул в дверную щель, и в нос мне ударил слабый запах красавки. Бледный и еще один, тот, который курил, сидели за столом и кидали кости. Перед каждым высилась горстка разномастных монет. Ролио сидел ко мне спиной. Меня так и подмывало всадить ему болт промеж лопаток и враз избавить свою голову от возможных проблем.

— Прости меня, Ролио, но не о том ты, по-моему, беспокоишься. Тебе Заказ надо выполнять. Парень до сих пор еще на ногах, а уже больше месяца прошло.

— Ты занимайся своими делами, а я займусь своими! — прорычал Бледный.

Послышались шаги, парень, идущий сюда, топал, как во время торжественного марша на Парадной площади, так что я услышал его еще задолго до того, как он появился в коридоре. Отскочив от двери, я отчаянно озирался, ища, куда бы спрятаться.

— Ты чего? — послышался удивленный голос курильщика.

— Там кто-то есть.

— Где?!

— За дверью.

Я услышал, как отодвигается стул. В семи ярдах впереди в коридоре были ниши, где стояли огромные, в человеческий рост, вазы с цветами. В нишах властвовала полутьма, и я бросился к ним, надеясь спрятаться за одной из ваз.

Между вазой и стеной расстояние было совсем маленькое, и поместился я там с большим трудом. Отодвигать вазу вперед я попросту не рискнул, опасаясь, что она опрокинется.

Мимо меня по коридору прошел человек. Его изрядно качало, будто он шел не по полу, а по палубе попавшего в шторм корабля. Иначе говоря, парень был изрядно пьян. Он едва не налетел на Бледного, когда тот с метательной звездой в руке выскочил в коридор.

— Идиот! — рявкнул Бледный с презрительной гримасой, отталкивая от себя человека.

Тот рухнул на пол:

— С-спаси-бо.

— Вот видишь, Ролио, никто нас не подслушивал,— сказал Бледному напарник по игре в кости.

— Я-я не подсс-лушивал, да. Чес-с слово! Я заа-блудилсся!

— Заткнись!

Бледный бешеным взором оглядел коридор, вертя в руках звездочку, а затем нехотя убрал оружие за пояс:

— Пошли, Клоп. А ты, О'лак, проваливай спать!

— С-спасибо.

Бледный зло хлопнул дверью, оставив пьяницу на ковре. А нервишки-то у Ролио пошаливают — вот что значит невыполненный Заказ!

Я выскользнул из своего укрытия, пьяный пытался подняться с пола, и до меня ему не было никакого дела. Думаю, затей я вокруг него шаманскую пляску с песнями под бой бубна, он бы и то не понял, что здесь происходит.

Коридор кончился, я вышел на памятный мне балкон над залом приемов. Сейчас, без музыки, снующих слуг и разодетых в шелка дворян, он казался пустым и холодным. Даже стражников у выхода нет. Ни свеч, ни факелов, ни фонарей. Тьма и спокойствие, лишь ту-

склые квадраты света от окон на полу. В высокие аркообразные окна заглядывал выбравшийся из-за облаков месяц.

Ковер кончился, пол на балконе и в коридоре был мраморным. К счастью, это обычный темно-красный с прожилками камень, а не исилийская головная боль, на которой каждый шаг отдается сотней колоколов.

Вновь я ощутил щекотку в животе и призывы Ключа.

В коридоре с портретами горели редкие фонари, и тени разгулялись по стенам, играя друг с другом в пятнашки. Предки Балистана Паргайда смотрели на меня с портретов, и в их глазах я что-то не замечал дружелюбной насмешки. Как бы это странно ни звучало, но люди, изображенные на картинах, жгли меня грозными взглядами.

На миг меня пронзил суеверный страх — я слышал сказку Фора, которую он рассказал мне еще в далеком детстве. Сказку о том, как люди с картин ожили и убили вора.

Чушь! Суеверная чушь, и ничего больше. Я бросил быстрый взгляд на Суовика Паргайда и отвернулся. Сагот! Кем бы ни был художник, написавший портрет, этот сукин сын был явно талантлив! Не удивлюсь, если Суовик сейчас вывалится из картины прямо на пол.

— Я здесь! Я тут! Узы зовут! — пел мне Ключ.

Перед дверью спальни графа караула не было. Еще одна странность. Обычно высокородные любят ставить перед спальней парочку охранников, чтобы они защищали их неспокойные сны. Спрашивается, для кого я приготовил сонное заклятие?

Я достал отмычки, вставил одну из них в замочную скважину, повернул... Не заперто. Дверь прикрыта, но не заперта!

Я толкнул ее от себя, ожидая увидеть в спальне все что угодно, вплоть до мертвого Балистана Паргайда с разорванным горлом (как некстати вспомнился покойник кронгерцог Патин и Посланник, отправивший кузена короля во тьму).

Но нет, спальня оказалась совершенно пустой. Возле стены, занимая большую часть комнаты, стояла огромная кровать. У окна маленький стол, на нем горящая свеча, рядом с ней массивная шкатулка.

Граф любит поделки огров, и эта штука не была исключением. Она оказалась сделанной из такого же темного металла, как браслет, подаренный Балистану Паргайду. Полустершиеся руны, изображения каких-то диковинных тварей, то ли животные, то ли кое-что похуже... Но не в шкатулке сейчас было дело, а в том, что в ней лежало. Ключ звал, и я, как загипнотизированный, сделал шаг в его сторону.

— Я здесь! Скорей! Бери! Узы зовут! Идем!

Шаги, раздавшиеся в коридоре, разрушили морок. Кто-то сюда шел, а я даже не закрыл за собой дверь!

Спрятаться в комнате было негде, на окнах решетки... Кровать! Я достал из-за спины арбалет и юркнул под кровать, надеясь, что идущий по коридору пройдет мимо комнаты и не обратит внимания на открытую дверь.

В моем убежище было тесновато, но отсюда я мог видеть всю комнату (точнее, ее пол). Пыли не было, и угрозы чихнуть в самый неподходящий для этого момент я не страшился.

В комнату вошла женщина, обутая в туфельки красного цвета. Она остановилась возле столика со шкатулкой, и в ноздри мне ударил аромат спелой клубники.

Лафреса!

В коридоре вновь раздались шаги, и спустя несколько мгновений в спальню вошли высокие мягкие сапоги. Да-да, именно так. По крайней мере для меня. Красные туфельки, высокие мягкие сапоги — вот все, что я мог увидеть из своего убежища.

— Пора?

Я узнал голос графа.

— Да, звезды нам благоприятствуют. Как она открывается?

Милорд подошел к столику, раздался музыкальный звон, затем несколько быстрых щелчков.

— Прошу вас, леди Йена.

— Не называйте меня леди!

— Как вам будет угодно, ле...

— Госпожа. Или Лафреса. Так меня называет Хозяин.

— О! — понимающе окнул граф.

— Спаси! Скорей! Берут! Спаси! — Вопль Ключа взорвался у меня в голове, и на мгновение в глазах стало абсолютно темно.

Ничего я не могу сделать, будь у меня хоть сотня арбалетов! Не думаю, что обычный арбалетный болт причинит Лафресе хоть какой-то вред. Оставалось только ждать и молиться богам.

— Отойдите, я должна сосредоточиться.

Лафреса запела на незнакомом мне языке, и новые крики Ключа зазвучали у меня в ушах. Ноги в красных туфельках отбивали странный и завораживающий ритм, который переплетался с тихой песней Лафресы и ртутным мороком растекался по замершей в ожидании комнате.

— Спаси! Не хочу! Наши узы крепки!

Боль в ушах была невыносимой, я сжал руками виски, но это нисколько не помогало.

Песнь Лафресы становилась все громче и громче, ее слова вплетались в музыку магии, звучали и гремели над моей голо-

вой. Я всем телом ощущал, как трещат путы, которыми связала меня с Ключом Миралисса. Мне как будто дробили молотком пальцы.

— Наши узы крепки!

— Наши узы крепки,— как зачарованный успокаивающе шепнул я.

— Крепки...— Мне послышался облегченный вздох.

Боль немного отступила, но стоило Лафресе повысить голос, и пальцы вновь заломило, а в уши как будто налили жидкого свинца.

— Наши узы крепки,— вновь шепнул я.

— Граф! Мне нужна кровь, я не справляюсь! — рявкнула Лафреса между завываниями.

Раскаленный огонь пролился мне на пальцы, но я уже знал, что делать. Они не могут порвать узы, пока я рядом. Ключ — это бессловесное и неживое, но в то же время разумное создание — на моей стороне.

С Клубникой встретится он в ночь,
И ключ решит, кому помочь...

Кажется, так звучала часть пророчества моего лучшего друга Кли-кли. Если честно, я рад, что артефакт на моей стороне.

— Наши узы крепки, наши узы крепки, наши узы крепки, наши узы крепки, крепки, крепки, крепки, крепки...

Как тебе такая магия, Лафреса? Нравится?!

Пение прекратилось так же неожиданно, как началось, — сейчас было слышно лишь тяжелое хриплое дыхание женщины.

— В чем дело, госпожа? — Голос графа походил на голос вороны — каркающий и противный.

— Не знаю,— обессиленно ответила она.— Эта дилетантка наложила на него такие узы, что я не могу с ними справиться. Граф, тот человек, что встречал меня, еще здесь?

— Вы о Ролио? Да, он в доме.

— Помнится, Игрок дал ему задание избавиться от одного человека. Так?

— Совершенно верно.

— Пусть он сделает это немедленно. Любыми доступными и недоступными средствами. Если надо — с помощью вашей армии. Ключ сопротивляется мне, он чувствует связанного с ним. Пусть ваш человек избавится от помехи, и я попробую еще раз.

— Я немедленно распоряжусь...

— Постойте! Помогите мне дойти до комнаты... Артефакт забрал все силы...

— Вашу руку, миледи.

— Я же просила не называть меня леди! — холодно процедила она.— Впрочем, прошу прощения. Я слишком сильно устала, чтобы оставаться вежливой.

Я вслушивался в удаляющиеся шаги, а затем еще несколько минут пережидал, чтобы полностью убедиться в отсутствии возможных неприятностей.

Тихо, как в могиле.

Я выполз из-под кровати, снял арбалет с взвода и убрал обратно за спину. Сегодняшней ночью я счастливо отделался, но надо поторапливаться — Лафреса может вернуться в любой момент. Да и Бледного спустили с поводка, и теперь придется держать ухо востро и спать с ножом под подушкой.

Свеча, стоявшая на столе, прогорела наполовину, а шкатулка оказалась закрытой. Как бы ни вымотало шаманство Лафресу, служанка Хозяина не забывала о бдительности и захлопнула крышку, да, наверное, еще и магии добавила...

Вероятность того, что на шкатулке печать волшебства людей или светлых эльфов, а не шаманства, — ничтожно мала, но не буду рисковать и проведу маленькую проверку.

Я распахнул окно спальни и выглянул наружу. Кусты под окном были недвижимы, и приходилось надеяться, что Кли-кли все еще прячется где-то там.

Ветерок тут же задул свечу. Ну и тьма с ней! Благодаря ярко сияющему месяцу в комнате и так достаточно светло.

Добыв из сумки нужный пузырек, я уронил капельку на крышку шкатулки. Она растеклась и осталась недвижимой. Волшебство людей здесь отсутствует напрочь, иначе капелька просто исчезла бы. Тут или шаманство, или вообще ничего... Буду надеяться на медальон Кли-кли.

Я облизал враз пересохшие губы и потянулся к шкатулке. Это все равно что брать руками угли или ядовитую змеюку... Страшно. А вдруг медальон гоблина, защищающий от заклятий шаманства, не сработает?

Ничего. Никакого эффекта. Ни грома, ни молний, ни гласа богов. Шкатулка казалась абсолютно нормальной, никакой магии. Неужели я ошибся в Лафресе?

Замочной скважины я не увидел, но крышка упорно не поддавалась. Безделушка оказалась с секретом, эдак я могу провозиться до скончания веков — уж лучше взять ее с собой. Я попробовал поднять ее, но лишь изумленно охнул.

Тяжелая!

Настолько тяжелая, что я едва смог приподнять ее над столом.

Тащить такой вес через весь дом себе дороже. Я ощупал все выступы и неровности, надеясь обнаружить скрытую пружину, но крышка осталась недвижимой.

Припоминаю, что, когда ее открывал граф, раздавалось несколько щелчков. Значит ли это, что она активируется сразу двумя, а то и тремя пружинами?

Вполне вероятно.

Я изменил тактику, зажал одним пальцем фигурку полуптицы-полумедведя, вторым пальцем череп в ногах этой твари и поддел ногтем крышку. Бесполезно...

Хм... А что издавало музыку, прежде чем Балистан Паргайд отомкнул замок, позвольте спросить?

Пришлось повторно и очень внимательно осмотреть стальной ящичек. Так и есть, на крышке выбита арфа, а во рту у полуптицы-полумедведя флейта. А ну-ка попробуем... Есть!

Флейта и арфа одновременно сместились внутрь, шкатулка тихонько тренькнула, несколько раз щелкнула, и крышка приглашающе распахнулась, предлагая насладиться тем, что она охраняла.

На черном бархате лежал Ключ. Тонкий, сотканный из хрустальной паутины и ледяных снов, он, казалось, должен был сломаться даже от горячего дыхания. Но это не так, слеза дракона, из которой он сделан, отступает только перед магией и алмазными резцами, которые должны действовать одновременно и очень умело.

Я протянул руку к артефакту, и тут медальон Кли-кли обжег холодом мою кожу. Вокруг Ключа вспыхнуло марево желтизны и тут же погасло, оставив в моих глазах разноцветные круги от вспышки. Спасибо безделушке гоблина, если бы он ее не нашел, даже не хочу думать, что со мной могло случиться.

Я взял Ключ и сжал его в кулаке.

«Наши узы крепки»,— довольно шепнул мне он напоследок и затих.

Все, пора убираться из гостеприимного дома графа!

За моей спиной угрожающе зарычали. Я, стараясь не делать резких движений, повернулся в сторону двери, желая рассмотреть вновь прибывшего.

Собака.

Большая.

Очень.

Здоровенный пес имперской породы. Размерами он превышал всех виденных мною до этого псин — здоровенные лапы, огромная голова, обрубленный хвостяра, торчащие уши, гладкая короткая шерсть... и зубы...

Пес был светло-рыжим, с черной мордой и лапами. Напряженный, как взведенный арбалет. Шерсть на загривке стояла дыбом. В горле у зверюги угрожающе клокотало. Такой не залает и не позовет хозяина — он все сделает сам.

Я смотрел на него, он смотрел на меня. Все так же, стараясь не делать резких движений, я отошел к окну, но дальше путь был перекрыт — на окнах решетка. Выйти отсюда я мог только через дверь. Придется убить собаку, иначе отсюда не выбраться.

Я потянулся за арбалетом. Пес взорвался ураганом клыков и злобно сверкающих глаз. В считаное мгновение зверюга преодолела разделяющие нас ярды и замерла в одном дюйме от самого дорогого, что у меня есть, — Гаррета.

Пес приподнял верхнюю губу, показывая мне коллекцию своих внушительных зубов. Нашел чем хвалиться, гад!

— Хорошо, хорошо! — заверещал я, показывая собаке пустые руки.— Я не вооружен! Просто спина зачесалась!

— Угу, как же! Так я тебе и поверил! — говорили колючие глаза собаки.

Пес еще раз угрожающе рыкнул, клацнул передо мной зубами и, пятясь, отошел на ярд.

— И что теперь?

— Это ты мне скажи! — Клянусь Саготом, он это подумал!

— Слушай, я сюда попал по ошибке. Я, может, пойду, а? — Я чувствовал себя полным идиотом, разговаривая с собакой.

Пес наклонил голову, изучающе посмотрел на меня и вывалил розовый язык.

— Нашел дурака.

Я решил подойти с другой стороны:

— Хор-роший пес! Просто замечательный! Такой кр-расивый!

Зверь убрал язык, сузил глаза и подозрительно посмотрел на меня, ощущая подвох в моих словах. Псина легла на пол, положив голову на передние лапы. Мол, послушаем, что еще тут расскажет этот двуногий.

— Ах, какой пес! — продолжал улещивать я его. В глазах у собаки застыла неимоверная скука.— Отпусти меня, а?

Пес фыркнул. Он не собирается рвать меня на клочки, хотя для него это раз плюнуть. Зверюга решил дождаться, когда в комнату заглянет хозяин и меня возьмут с поличным. Так... Чем мы располагаем?

Ничем. До арбалета не дотянешься, эта проклятая тьмой собака ученая. Думаю, попробуй я схватиться за нож — зверь расстроится и отхватит мне какую-нибудь часть тела.

Что остается? Есть у меня в сумке несколько боевых заклятий, припасенных на самый крайний случай, стоит рискнуть.

Мою попытку залезть в сумку пес встретил угрожающим рычанием. Я поспешно отдернул руку.

— Слушай, ну зачем я тебе?! Давай я лучше косточку принесу!

Зверь лишь зевнул в ответ. Я уперся спиной в подоконник и прошипел в окно:

— Кли-кли! Кли-кли!!

— Да! — пискнули снизу.— Чего так долго?!

— У меня проблемы!

— О! — донеслось до меня.— Какие?

— Собака!

— Так они вроде друзья человека?

Издевается он, что ли?

— Только она об этом не знает!

— Так избавься от нее!

Пес с интересом прислушивался к доносящемуся из окна писку, склоняя голову то вправо, то влево.

— Я даже руки не могу поднять! Ищи эльфов, пусть помогут!

— Где я их сейчас буду искать? Впрочем, никуда не уходи! Я скоро!

Как он там сказал? «Никуда не уходи»? Да, думаю, я последую его бесценному совету.

Шута не было долго. Очень долго. Пес откровенно скучал, дожидаясь, когда кто-нибудь придет и похвалит его за пойманную добычу. Я тихонько исходил потом. Когда в дверном проеме появилась низкорослая фигурка, с головы до пят укутанная в черный плащ, сердце мое ухнуло куда-то вниз. Я уж подумал, что пришла стража.

— М-да, а он здоровый,— опасливо произнес Кли-кли, не спеша приближаясь к зверюге.

Тот подскочил и, угрожающе рыча, отпрянул в сторону, стараясь одновременно уследить и за мной, и за гоблином.

— Где Эграсса и Элл?

— Я их не нашел. Милый песик!

Пес зарычал еще сильнее. Видно, его в жизни еще так не оскорбляли. У меня бы язык не повернулся назвать это «песиком», а уж тем более «милым». Все же странный народ гоблины!

— Ты смерти моей хочешь? Не зли его! Где ты шастал?

— Я не шастал, я выручал тебя из неприятностей,— обиделся шут.— Сейчас мы ему устроим.

Пес насторожился и на всякий случай показал нам зубы. Кли-кли на это лишь улыбнулся и достал из-за спины то, что он там держал.

Кот! Толстый, рыжий, откормленный, как боров! Где гоблин умудрился его добыть?

Кли-кли разжал руки, и кот шлепнулся на пол. По-моему, он еще не понял, что в его кошачьей жизни настал неприятный и переломный момент. Пес взвыл, будто призрак, увидевший изгоняющего духов, и забыв о нас, ринулся к своей законной добыче.

Может, кот и не рос на улице (он был слишком откормлен и ухожен для этого), но дураком он не был — это уж точно! Рыжий взял когти в лапы и задал отчаянного стрекача, бросившись из комнаты с потрясающей для такой комплекции скоростью. Пес отставал от него всего лишь на несколько шагов.

— Где ты его взял? — ошеломленно выдохнул я.

Шут хитро улыбнулся:

— На графской кухне конечно же! Видал, какой откормленный?

— Угу,— тупо ответил я, все еще не веря, что дурацкая затея сталконовского шута увенчалась успехом.

— Чего угу? Ключ у тебя? Так какой же тьмы ты тут глазами хлопаешь? Хочешь дождаться, когда этот крокодил доест кошака и вернется за нашими печенками? Уходим!

Мы выскользнули в коридор, галопом промчались мимо картин, вылетели в зал, а оттуда в следующий коридор.

— Тсс.— Я приложил палец к губам.

Кли-кли кивнул и на цыпочках стал пробираться вперед. Возле ваз, где я до этого прятался, мы остановились.

— Куда дальше, Гаррет?

Я напряженно думал. Тот путь, что был проделан мной в одиночку, никак не годится для двоих. К тому же через комнату графини с собакой. Лезть через соседние комнаты тоже не стоило, а то вместо доброй старушенции нарвешься на свирепого барона с мечом, который церемониться не станет и как пить дать попытается тебя проткнуть.

— Кли-кли, как ты попал в дом? — осенило меня.

— Через подвальное окошко.— Гоблин состроил кислую рожицу.— Ты слишком большой, чтобы через него пролезть. Но я могу разрубить тебя на кусочки и просунуть...

— Кли-кли, сейчас не время для шуток.

— Как раз самое что ни на есть время. Но если не желаешь сказать хотя бы вежливое «ха-ха», то и не надо! Можем попробовать через кухню.

— Кухню? — Плана первого этажа у меня не было, и ориентировался я смутно.

— Это там, где готовят,— благожелательно пояснил мне маленький мерзавец. Чувствую, что сегодня гоблин решил отыграться на

мне за все те беды, что люди успели за века принести его племени.— Да, через кухню, она прямо по дороге к подвалу.

— Веди.

Дверь, где раньше сидел Бледный и тот другой парень, была открыта настежь. Комната пуста, лишь слабый запах красавки. Бледный уже получил приказ искать Гаррета...

Кли-кли привел меня на лесенку, которая вела на первый этаж. По ней мы спустились в крыло слуг. Стены тут были серые и не такие ухоженные, как на втором этаже. Никакого намека на богатую обстановку. Ни картин, ни ковров, ни статуй и ваз в нишах. Даже масляные фонари здесь были заменены на обычные факелы, коптившие стены.

— Куда теперь?

— Направо.

За дверью кухни гремела посуда и слышались разговоры.

— Там кто-то есть,— сказал я и так всем очевидную вещь.

— Уж мне ли этого не знать? Ты думаешь, легко было свистнуть кота у толстой кухарки?

Как же я сам не подумал о том, что кухня будет работать? Повара в таких домах обычно вообще не ложатся спать. Кто-то поддерживает огонь в очаге, кто-то решает, какой снедью потчевать Балистана Паргайда нынешним утром, кто-то готовит для гостей... Со всей беготней я напрочь забыл об этом.

— Так какой же тьмы ты меня сюда привел?

— Ты попросил, вот я и привел. Да не смотри на меня так, Танцующий в тенях! Будто я не знаю, что в сумке у тебя три флакона усыпляющей дряни! Или ты все жмотничаешь и экономишь? Смотри, протаскаешь пузыри, пока они не протухнут!

Маленькая слабость Кли-кли — пошарить по чужим вещам в отсутствие хозяев. Так что неудивительно, что гоблин знает о содержимом моей сумки.

Пришлось позвенеть бутылками, выбирая нужную. Я распахнул дверь и швырнул пузырек, успевая заметить вытянутые лица поваров. Дверь я сразу же захлопнул. Раздалось неблагозвучное «бумс!». Боюсь, граф Балистан Паргайд сегодня останется без завтрака.

— И что теперь? — поинтересовался гоблин.

— Ждем.

— Согласись, Гаррет, если бы не моя помощь, не сносить тебе головы.

— Угу. А теперь заткнись!

— И все-то мы серьезные. И все-то мы злые,— буркнул себе под нос гоблин.— Слушай, Гаррет,— после недолгого молчания вякнул он.— Мы не можем больше ждать, правда!

— Почему?

— Потому,— хрюкнул Кли-кли и указал мне за спину.

В конце коридора стоял мой давнишний знакомый — имперский пес. Морда у него была покорябанная и не очень-то довольная. Во взгляде зверя, обращенном на нас, не было ни капли желания творить мир во всем мире.

— Похоже, кота он не поймал,— мрачно заключил Кли-кли.

Пес сорвался с места и огромными скачками устремился к нам. Гоблин взвизгнул, как пятилетняя девчонка, нашедшая у себя в тарелке живую мышь.

— Задержи дыхание! — крикнул я.

Мы ввалились на кухню и захлопнули дверь прямо перед носом у псины. Зверь на такое подлое свинство ответил оглушительным лаем. Кли-кли задвинул щеколду и побежал вдоль столов и горящих печей, перепрыгивая через тела уснувшей челяди.

По полу еще клубились остатки сонного дыма, и я старался не дышать. Кли-кли толкнул дверь на противоположном конце кухни, и мы оказались на улице.

— Ишь как надрывается! — с восхищением присвистнул Кли-кли.— Интересно, что с нами будет, если он все же выберется оттуда?

Даже отсюда был слышен собачий лай.

— Кто-нибудь обязательно придет проверить, почему пес графа устроил такой шум. Надо уходить, и как можно скорее. Пошевеливайся!

До парка пришлось передвигаться короткими перебежками, прячась от стражников в тени и кустах. Один раз Кли-кли едва не вылетел прямо под ноги очередному стражу, я успел спасти гоблина от неприятностей в самый последний момент.

Парк встретил нас ночными шорохами и спящими деревьями.

— Где наши? — прошептал Кли-кли, вертя головой.

— Давай к стене, там разберемся!

Когда граф обнаружит отсутствие Ключа, он будет в ярости. «В ярости» — это еще мягко сказано, а уж про настроение Лафресы я вообще промолчу — она вновь не оправдала надежд Хозяина и ее ожидают большие неприятности.

На полпути к стене нас встретил Эграсса:

— Дело сделано?

— Да.

Эльф крикнул ночной птицей. Откуда-то из-за деревьев ему ответили.

— Отходим.

Когда мы подошли к стене, Арнх и Алистан уже перебрались через нее, Элл с луком наготове ждал нас.

— Вначале гоблин.

Эграсса запрыгнул на стену, я подкинул шута, эльф его поймал и переправил в руки тех, кто стоял с другой стороны. Настала моя очередь, я подпрыгнул, и Эграсса с Эллом втянули меня наверх. Последним на стене оказался Угорь.

— Пока все тихо.— Элл вслушивался в ночную тишину.

— Поверь, это ненадолго.

Лошади уже стояли у стены. Алистан и Арнх сидели в седлах, Кли-кли взбирался на спину огромного жеребца по кличке Перышко. Пчелка, увидев меня, приветливо фыркнула. Я достал Ключ и перебросил его Алистану. Он поймал его и кивнул:

— Молодец, вор.

Ого! Впервые в его голосе я услышал одобрение.

— Сегодняшней ночью мы должны убраться из Ранненга,— сказал граф и ударил лошадь пятками, отправляя ее вперед.

Я вознес благодарность Саготу. За те несколько дней, что мы здесь пробыли, я всей душой успел возненавидеть этот город.

Глава 10
ЧЕРНАЯ РЕКА

По моим прикидкам, сейчас было не больше четырех утра, а «Ученая сова» кипела от приготовлений в дорогу. Мы въехали во двор трактира в тот момент, когда Халлас и Делер, ругаясь между собой, снаряжали в дорогу четырех вьючных лошадей.

— Гаррет, я знал, что ты справишься! — дружелюбно хлопнул меня по плечу Дядька.

Благодаря эльфийскому шаманству, рука десятника, в которую угодил арбалетный болт, уже полностью зажила.

— Зато я не знал,— сказал я.

— Вор, на минутку! — подозвал меня Маркауз.

— Возьми,— Миралисса протянула мне Ключ,— пусть лучше он будет у тебя.

В прошлый раз, когда она пыталась вручить артефакт мне на хранение, я отказался, теперь же... Может, и вправду, лучше носить его при себе, а то снова украдут?

Я молча повесил Ключ себе на шею и убрал его под одежду.

— Лафреса попыталась разорвать узы, но у нее ничего не вышло,— сообщил я эльфийке.

— Этого стоило ожидать. Не так-то просто разорвать узы Танцующего с тенями. Хозяин еще не знает, что гоблинские пророчества начали исполняться.

— Вы тоже верите в чушь, которую несет наш шут? — кисло поинтересовался я.

— А почему бы и нет? — Эльфийка перекинула косу через плечо.— Его пророчества нас пока еще ни разу не подводили.

К нам подошел Дядька:

— Милорд Алистан, треш Миралисса... У нас все готово, можем отправляться.

— Хорошо. Мастер Квилд!

— Да, леди Миралисса? — подскочил трактирщик.

— Вы все сделали?

— Да, в точности как вы мне сказали.— Квилд принялся загибать пальцы, перечисляя поручения: — Слуг отправил на две недели по домам, родственников вывез из города, трактир закрываю, скоро уйду сам. Вас я не видел, точнее, видел, но что вы делали, не знаю, я человек маленький...

— Именно так, мастер Квилд. Не тяните, уходите быстрее, вы можете попасть под горячую руку. Вот вам за труды.

Трактирщик принял полный кошель монет и рассыпался в благодарностях.

— Позвольте посоветовать, леди Миралисса. Уходить лучше через Грязные ворота, они на ночь никогда не закрываются, а стражники за монетку о вас и не вспомнят.

— Так мы и сделаем, а теперь прощайте!

Квилд еще раз поклонился, пожелал доброй дороги и скрылся в трактире, чтобы закончить последние дела.

— За монетку они о нас и не вспомнят, а за две очень даже вспомнят,— сказал я, в общем-то ни к кому не обращаясь.

— Верно мыслишь, вор. Пусть мастер Квилд думает, что мы поедем через Грязные. Вреда это ни ему, ни нам не принесет. Но мы попробуем покинуть город через Праздничные.

Басс сидел на крылечке и с интересом наблюдал за нашими сборами. Тьма меня раздери, я совсем забыл о нем!

— Твоя лошадь.— Элл протянул Проныре уздечку.

— Спасибо, я больше доверяю своим ногам, доберусь до дома пешком. Гаррет, можно тебя на минутку? Надо поговорить.

Элл преградил ему дорогу:

— Наговоришься еще. Ты едешь с нами.

— С вами?!

— С нами?! — выдохнул я.— Какой тьмы ему надо ехать с нами?! Этого еще не хватало!

— Тут мы с тобой мыслим совершенно одинаково, Гаррет. Я тоже считаю, что твоего знакомого нужно оставить здесь. Желательно закопав под свинарником, но треш Миралисса думает иначе.

— Проклятье! — решительно сказал я. Путешествовать в одной компании с Бассом мне не очень-то хотелось. Но чтобы он погиб, мне не хотелось совершенно.

— Все очень просто, мастер Басс.— Эльфийка дома Черной луны уже была рядом.— Мы не можем оставить тебя здесь.

— Ты начнешь болтать,— продолжил Элл.— А нам это не нужно.

— Обещаю, что буду нем как рыба.

— Вы, люди, очень много обещаете, но мало выполняете. Хотя ты прав, если ты решишь остаться здесь, то точно будешь нем как рыба...

Дальнейшие пояснения не требовались — или лошадь и совместное путешествие, или кривой эльфийский клинок в горло.

— Гаррет! Ты хоть им скажи!

— Прости, но я ничего не могу поделать,— с сожалением покачал я головой.— Кажется, для всех будет лучше, если ты отправишься с нами.

Миралисса права — даже если Проныра не проболтается сам, его могут найти люди графа... Басса, по эльфийским понятиям, проще убить, но раз уж я замолвил за него словечко, то темные сделали для него исключение.

— Это безумие! Видно, сам Неназываемый дернул меня связаться с вашей компанией! — Басс зло сплюнул, понимая, что выхода у него нет и придется разделить с нами дорогу.— И куда мы едем?

— Об этом тебе знать не стоит, человек, садись в седло и помалкивай. Да, если вздумаешь сбежать, помни — я буду рядом.

Элл с первой минуты знакомства воспылал к моему бывшему другу огромной «любовью».

— Вот и совершай после этого добрые дела! — Все еще злясь, шулер залез на лошадь. Надо сказать, что вышло у него это довольно неуклюже.

— Не переживай, могло быть хуже,— утешил я его.

Пчелка потянулась ко мне, прося лакомства, но у меня в карманах ничего не было, и я лишь развел руками.

— На.— Сурок протянул мне яблоко.

Лошадь весело схрумкала угощение и благожелательно покосилась на меня, прося добавки.

— Гаррет! — Кли-кли, казавшийся маленьким холмиком на спине огромного черного коня, подъехал ко мне.— Ты не мог бы вернуть мой медальон?

— А, конечно.— Я и забыл о безделушке Кли-кли.— Вот. Спасибо.

— Не за что.— Гоблин повесил финтифлюшку себе на шею.— Ну что, готов в дорогу?

— Нет.

— Понятно,— усмехнулся шут.— Ночевки в открытом поле и баланда, сваренная Халласом, не для тебя?

Ответить я не успел, потому как, посылая проклятия небесам и зеленому гоблину, появился Делер:

— Кли-кли! Это ты взял последнюю бутылку вина?!

— Гаррет, я, пожалуй, поеду,— заспешил шут.— Нет, ничего я не брал! Больно мне нужна твоя «Асминская долина»!

— А откуда ты тогда знаешь его название? — подозрительно прищурился карлик.

— Так, на ум пришло.

— Кли-кли, сто... стой, кому говорят! Ах ты, ворюга полвершковая!

Что бы ни происходило в нашем мире — Кли-кли оставался неизменным и верным своим привычкам.

Через Праздничные ворота мы проехали, не испытывая никаких трудностей. Заспанные стражники без всяких вопросов и с услужливостью, какая только была возможна, распахнули перед нами створки и выпустили из города, не задав ни одного вопроса о целях столь поспешного выезда в ночную пору.

Золото, врученное капралу, действовало лучше всяких грамот с печатями городского совета.

За два последующих дня мы преодолели расстояние, которое разделяло Ранненг и Иселину. Всю дорогу мы скакали с бешеной скоростью, чтобы как можно больше увеличить разрыв между нами и возможной погоней, снаряженной графом Балистаном Паргайдом.

Тракт, по которому мы ехали, был многолюден и оживлен. И в Ранненг и из Ранненга спешили путешественники и мастеровые, шли обозы, тащившие на продажу всякую всячину. Деревни встречались через каждую лигу, и отряду не приходилось ночевать в чистом поле.

Басс был мрачен, всю дорогу за ним следовал или Элл, или Дядька. Хорошо, что мой дружок решил не рисковать и не предпринимал попыток к бегству, понимая, чем ему это грозит. На мой вопрос, неужели Проныра поедет с нами до Храд Спайна, Миралисса сказала, что найдет, где его пристроить.

— На границе много постов и крепостей. Посидит там, пока мы не вернемся, а потом уж пусть отправляется на все четыре стороны.

Сообщать Бассу о решении эльфийки я не стал. Не думаю, что он бы обрадовался этим новостям.

К пяти часам вечера второго дня пути мы выехали к Иселине.

Я увидел сверкающую ленточку реки еще когда мы находились в лесу — отблески солнца отражались в воде и били сквозь деревья прямо в глаза. А едва мы оказались на открытой местности, у меня просто захватило дух.

Отряд стоял на невысокой возвышенности, и широкая лента реки лежала перед нами как на ладони. За время путешествия я успел повидать множество речушек, речек и рек. Но все они не шли ни в какое сравнение с Иселиной.

Передо мной была мать всех северных рек. Огромная, широкая и полноводная, она начиналась где-то там, где ручьи с Гор карликов сливались в могучий шипящий поток, который затем протекал через леса Заграбы и впадал в море Бурь далеко на северо-востоке.

Впереди по дороге виднелась большая деревня. Неподалеку от нее возвышались мощные бастионы замка.

— Сурок,— спросил я у Дикого.— Что это за поселение?

Воин довольно странно посмотрел на меня и ответил:

— Болтник.

— Тот самый?

— Да.

Все помнят котел под Болтником, в который угодила четверть нашей армии во время Войны Весны. Люди стояли на берегу Иселины, ожидая, когда через нее начнут переправляться ударные силы орков. Никто тогда не знал, что выше по течению, в пятидесяти лигах отсюда, Первые опрокинули людской заслон, отбросили людей к Ранненгу и ударили в тыл тем, кто дожидался их под Болтником.

Выходцы из Заграбы прижали людей к реке, на другом берегу тоже было черно от лучников орков. Наша армия оказалась между молотом и наковальней. Почти никому не удалось вырваться из этого окружения: тех, кто ушел по воде или прорвался сквозь кольцо — были считаные единицы. В день, когда все это случилось, люди поняли, что не зря эльфы назвали реку Иселиной, то есть Черной рекой. Черная река — черные дни. Правда, в те дни она была не черной, а красной от крови людей и Первых.

Алистан не повел отряд в деревню, мы обошли ее стороной, и белые дома с красными черепичными крышами остались по правую руку. Все понимали, что не стоит лезть туда, где возможны, пускай и призрачные, неприятности.

Лишь Угорь и Арнх отправились в деревню узнать насчет переправы на тот берег, а мы остались в небольшом лесочке возле самой воды, чуть ниже по течению от Болтника.

Возле реки пахло свежестью и влажной травой. Берега заросли осокой и камышом, раскидистые ивы склонили ветки с серебристо-зелеными листьями к самой воде. Вокруг лошадей тут же закружилась пара слепней, названных Кли-кли «бзыками». Гоблин немедленно устроил на «бзыков» охоту.

Противоположный берег отсюда казался очень далеким. Я бы не поставил на то, что смогу до него доплыть. Деревья на той стороне были махонькими, не больше половинки моего мизинца.

— Чего, Гаррет, смотришь? Речек не видел? — Рядом со мной присел Халлас и принялся раскуривать трубку.

— Таких больших — нет.

— А по мне — лучше бы их совсем не видеть. Река — это значит лодка. А я ненавижу лодки!

— Если ты не понял, то наш гном очень боится плавать,— объяснил стоящий неподалеку Медок.

— Гномы ничего не боятся! Просто лодки — не для гномов!

— Для гномов мотыги,— фыркнул Делер.— Да не нервничай, Счастливчик! Переправишься ты без всяких мучений. К тому же это не челнок, а паром.

— Иначе говоря, большая лодка! — хмуро выпустил колечко дыма Халлас.

— У него морская болезнь,— ухмыльнулся Медок.

Халлас задымил еще сильнее, угрюмо косясь на водные просторы.

— Морская болезнь еще ничего! Я вот плавать не умею,— с излишней гордостью проинформировал нас Кли-кли.

— То есть совсем? — Халлас посмотрел на шута.

— То есть только как топор могу! И нисколько не боюсь.

— Ядрена кочерыжка! Я же сказал, что гномы ничего не боятся!! — взорвался Халлас.

Вернулись Угорь и Арнх.

— Ничего не получается, милорд Алистан.— Лысина Арнха блестела от пота.— У них какой-то городской праздник. Никто не работает, оба парома простаивают, все пьяны. Так что до завтрашнего утра с этого берега мы никуда не денемся.

— А, тьма! — выругался командир.

Мы перебрались поближе к паромам, чтобы утром первыми переправляться на тот берег. Две деревянные махины с огромными барабанами, на которые были намотаны толстые цепи, стояли в чет-

верти лиги от Болтника. Они располагались в ста ярдах друг от друга и находились во владении совершенно разных людей.

Одного из паромщиков мы нашли. Старикан сидел в своем доме, стоящем на берегу реки, и наотрез отказался перевозить нас даже за все золото Сиалы.

— Работники гуляют, кто цепь выбирать будет? Сегодня ночью придут, проспятся, а завтра с утреца отчего же не перевезти таких замечательных господ? — кряхтел он.

— Смотри, дед! Пойдем к твоему конкуренту!

— Да идите, господа хорошие, я вас держу, что ли? Только бесполезно это, клянусь богами. Там то же самое. До утра ничего не работает, праздник у нас.

Зато упрямый старик с радостью уступил свой дом Маркаузу, Миралиссе и Эграссе. Довольно щурясь и слушая, как бренчат у него в карманах денежки, паромщик потопал в город.

— Глупость какая,— сказал Басс.— Как они семью-то кормят? Мало того что далеко от города, так еще рядом конкурент.

— Не скажи,— хмыкнул Дядька.— Паромы постоянно переправляют товары для Пограничного королевства, да и солдат перекидывают с берега на берег. Армия платит хорошо...

— Ближайшая переправа в сорока лигах к северу отсюда, Болтник — последнее крупное поселение в этих местах,— поддержал Дядьку Арнх.— На том берегу лишь отдельные деревушки да замки дворян.

Нам мягких кроватей не досталось, пришлось ночевать на берегу. Дикие отнеслись к этому факту спокойно — им доводилось проводить ночи в снежной тундре Безлюдных земель, где только огонь и одеяло отделяют спящего от холода и смерти, чего уж тут говорить о ночевке на свежем воздухе возле какой-то речки? А вот Басс недовольно ворчал:

— Мало того что вы тащите меня незнамо куда, так еще и комаров заставляете кормить! А, тьма! — Он ударил себя по лбу, враз припечатав нескольких кровопийц.

Тут Проныра был прав — воздух просто звенел. Мелкие твари появились к самому вечеру и решили устроить себе шикарный пир. То и дело раздавались проклятия и оглушительные хлопки. Комары отправлялись в свет десятками, но это, как видно, совершенно не волновало их голодных товарищей. К тому же сейчас не было ветра и ничто не могло сдуть кровососущую мелочь от реки.

Кли-кли предложил замечательное шаманство гоблинов, которое, по его словам, должно было уничтожить всех комаров на десять лиг в округе, но, помня его волшебство с веревками, уничтожившее

дом сторонников Неназываемого, мы послали шута с его замечательной идеей куда подальше.

Кровососы продолжили свое пиршество. Меня лично бесило, что они все время норовили залезть в уши и в рот, при этом не переставая противно жужжать. Наконец даже Элл не выдержал и пошел за помощью к Миралиссе. Вернувшись, он бросил в костер, разожженный из дров, позаимствованных из поленницы паромщика, какой-то порошок, и по округе распространился пряный аромат травы. Комары начали дохнуть сотнями, и буквально через несколько минут нашим мучениям пришел конец.

Темнело, и вода в реке приняла вид черного зеркала, в котором отражались плывущие по небу облака. Спустя несколько мгновений заходящее солнце бросило последние лучи на речную гладь, и та засияла, словно расплавленная бронза.

В окрестных камышах раздался плеск.

— Эк рыбешка-то играет, видать, щука мальками промышляет,— вздохнул Дядька.

— Вот бы сейчас ушицы,— мечтательно причмокнул Арнх.— Надоела мне Халласова дрянь.

— Не хочешь — не ешь! — отрезал гном, услышав последнюю реплику воина.

— Да ладно тебе обижаться, Счастливчик. Сам бы небось рыбку покушал,— добродушно отозвался Арнх, опуская ноги в речную воду.— Ух! Теплая как парное молоко!

— Мало ли чего бы я покушал. Где бы еще это взять, вот в чем вопрос!

— А давайте просто наловим рыбы! — осенила Кли-кли гениальная идея.— Я еще никогда в жизни рыбу не ловил!

— А снасть ты где возьмешь?

— Дык снасть — это не проблема. Возьмем веревку, пару гвоздиков, наживку и закинем подальше. Может, какой дурак и клюнет,— поглаживая бороду, сказал Дядька.

— Давайте! Ну давайте, а? — запрыгал непоседливый Кли-кли.

— Дядька! — откликнулся Делер, кормивший лошадей.— Уважь Кли-кли.

— Ладно. Только пусть он, пока я снасть делаю, найдет какую-нибудь наживку.

— Это я щас! Это я мигом! — закричал радостный гоблин, убегая на поиски.

— Ну просто ребенок,— хмыкнул Басс, подсаживаясь ко мне.— Ничего у них не получится, с такой снастью только лягушек ловить.

— Ты погоди судить-то, я на такую снасть еще в детстве во-от таких лещей таскал,— развел руки Дядька.

— Хватит заливать, лучше идите к огню, жрать готово,— позвал Халлас.

Мы почти опустошили котелок, когда у костра появился шут Его Величества.

— Брось это! — рявкнул Сурок, отодвигаясь от гоблина подальше.— Она уже воняет!

— Конечно же она воняет,— радостно сказал Кли-кли, держа на вытянутых руках дохлую кошку.

— Где ты ее нашел?

— В канаве возле дороги, ее телега переехала. Уже давно. Честно-честно! У нее в глазах даже червяки завелись, во!

— Да не порти нам аппетит! — отодвинул от себя тарелку позеленевший Мумр.

— Так мне ее что, бросать, что ли? Сами же сказали, наживка нужна,— озадаченно хлопая глазами, спросил зеленый сорванец.

— Но не дохлая же кошка! Думать надо, Кли-кли!

— Погоди, Фонарщик,— облизал ложку Дядька.— А почему бы и нет? Чем мы рискуем?

— Своими желудками,— вставил Халлас, стараясь не смотреть на облезлый трупик несчастного создания.— Скажи, Делер?

— Халлас прав,— подтвердил карлик.

— Не отчаивайся, Кли-кли, сейчас мы насадим твою наживку на крючок.

— Ура! Вот здорово! Спасибо, Дядька! — Кли-кли едва не уронил кошку в котел с кашей.

Халласа от такого кощунства над его стряпней чуть удар не хватил, и гоблин поспешил убраться на берег и дожидался десятника там. Я решил посмотреть, как будет проходить такая странная рыбалка, и, встав из-за «стола», отправился к рыболовам.

Дядька без всякой брезгливости взял кошку за хвост, приладил ее к самодельной снасти, раскрутил, как какую-нибудь пращу, и забросил в реку. Раздался громкий «плюх», и по воде разбежались круги.

— И что теперь? Щас клюнет, да? — От нетерпения гоблин подпрыгивал на месте.

— Может, сейчас, может, чуть погодя. На, вот тебе веревка, намотай на руку, как дернет, так и ты дергай,— степенно сказал Дядька, передавая снасть Кли-кли.

Гоблин уселся на берегу и принялся смотреть на спокойную гладь воды, в которой уже отражались первые звезды.

— Слушай, Дядька,— тихо шепнул я десятнику, когда мы, оставив Кли-кли в одиночестве, шли обратно к костру.— Ну я понимаю Кли-кли. Но ты-то ведь должен знать, что поймать что-то на полуразложившуюся кошку — это надо очень постараться!

Дядька усмехнулся:

— А я знаю.

— Тогда зачем...

— Кли-кли он ведь как ребенок. Гоблины взрослеют гораздо позже, чем мы, люди. Пускай расслабится и отдохнет. Одни боги знают, чего ему стоит все время быть шутом. Там, за Иселиной, начинается Приграничье, и ни у кого из нас уже не будет времени на отдых.

— Все настолько плохо?

— Приграничье, конечно, не Безлюдные земли, но орки там могут появиться в самый неожиданный момент. Для Первых запустить карательный отряд на наши земли — дело совершенно обычное, и нам придется держать ухо востро, иначе гибели не избежать. Мы уже двоих успели потерять... Проклятье! Какой я ко всей тьме десятник, если не смог их уберечь?!

— Хороший, Дядька. В гибели Кота и Горлопана твоей вины нет.— Вот и все, что я смог ему ответить.

— Забудь,— вздохнул он.— Я просто слишком стар для таких походов. Давно пора забрать заработанные денежки да обосноваться в собственной таверне. Вот закончим это дело, я так и поступлю.

— Ты то же самое говорил, когда мы вернулись из последнего похода,— ухмыльнулся слышавший нас Медок.— Горбатого могила исправит!

— А ну молчать, сосунок! Я пока еще здесь десятник,— добродушно осадил его командир.— Как же я вас одних оставлю-то, обалдуев?

На том разговор и прекратился.

От воды тянуло свежестью, звезды одна за одной вспыхивали на небе. Дикие расстилали на траве походные одеяла, готовясь ко сну.

— Так куда мы все-таки едем? — спросил Басс, подсовывая под голову свернутую куртку.

— Ты просто спи, человек,— усмехнулся эльф.— Как приедем, я первым сообщу тебе.

— Если в Приграничные земли, то хотелось бы успеть оставить потомство и составить завещание.

— Смешной у тебя дружок, Гаррет. Может, мы его вторым шутом сделаем? — хмыкнул Сурок.— Тебе же сказано было, мил человек, спи и ни о чем не беспокойся.

— Сплю,— недовольно буркнул Проныра и закрыл глаза.

Элл еще раз внимательно посмотрел на него и ушел в темноту — нести первую стражу.

— Клю... Клюет! Клюет! Клянусь Великим шаманом Тре-тре, она клюет! — орал шут.

Визгливые вопли гоблина били по ушам, прогоняя сон. Я разлепил глаза и зло выругался. Звезды все еще сияли на небосклоне, но заря на востоке уже разгоралась. Вся трава, одеяла и одежда были покрыты мелкой алмазной пылью росы. Со сна я зябко поежился — было холодно, так как моя одежда за ночь пропиталась влагой.

Ивы застыли черными тенями на фоне неба и бледнеющих звезд. Возле одного из деревьев подпрыгивала маленькая и очень хорошо знакомая мне фигурка в своем неизменном плаще с острым капюшоном.

— Клюнуло! Чес-слово, клюнуло! — орала тень.— На помощь! Она клюнула!

— А, чтоб тебя! — сказал я и рухнул обратно под одеяло.

Мое мнение разделяли и остальные проснувшиеся. Халлас, приподнявшись на локте и наблюдая, как гоблин вытанцовывает безумную пляску, гневно ворчал.

— Кли-кли, заткнись! — посоветовал Мумр, даже не разлепляя глаз.— Утро еще не наступило.

— Да как же вы не понимаете-то! Она клюнула! Чес-слово, я не вру! Сами посмотрите! Ну скорей же! Я ее вытащить не могу!

— Дядька! — сказал из-под шляпы, надвинутой на лицо, Делер.— Ты все это затеял, ты и иди смотреть, чего там у нашего брехуна проклюнулось. И заткни его!

— Да скорей же! Веревка лопнет! Вы не слышите, что ли?!

— Будь проклята та минута, когда я решил научить гоблина ловить рыбу! — Десятник со вздохом встал с земли, накинул на себя кожаную куртку и потопал к беснующемуся Кли-кли.

— Дядька, смотри! Я рыбу поймал!

Нет, это просто ни в какие ворота не лезет! Теперь уж я точно не засну!

— Гаррет, ты к Кли-кли пойдешь? — пробормотал Басс.

— Ну?

— Пни его за меня хорошенько,— сказал Проныра и повернулся на другой бок.

Я посмотрел на него с плохо скрываемой завистью — приятеля всегда было трудно разбудить.

— Пошли глянем, чего там,— встав, проворчал Медок.

Над нетронутой водной гладью лежало разорванное одеяло тумана. Крики и вопли гоблина разносились далеко-далеко над рекой.

— Гаррет! Гаррет! Смотри! Я ее поймал! Она клюнула! Чес-слово! Раз — и хап! Она меня чуть в воду не утянула! Я ведь плавать не умею! Бульк, и все! Или я уже об этом говорил? Гаррет, я поймал — вот что главное!

Веревка, натянутая как струна, конвульсивно дергалась. Ушлый гоблин догадался несколько раз обмотать свободный конец снасти вокруг ствола ближайшей ивы.

— Утянула, говоришь? — Дядька жестом опытного рыбака попробовал дернуть снасть.— Ух, хорошо сел! Да какой здоровый! Медок, подсоби!

Десятник и мускулистый воин, кряхтя, стали выбирать из воды веревку, Кли-кли наматывал ее вокруг вкопанной в землю палки.

— Соп-противляется, гад! — крякнул Медок, когда резкий рывок из-под воды едва не сбил его с ног.

Выуживание неизвестного трофея затянулось на целый час. К этому времени от возбужденных воплей нашего горе-рыбака проснулся даже Басс, и теперь все расположились за спиной Медка и принялись выдвигать предположения: что же смог поймать на дохлую кошку наш шут?

— Небось водяного подцепил.— Халлас никак не мог раскурить трубку.— Или русалку.

— Еще скажи, что короля кракенов,— засмеялся Делер, помогая Медку.— Ты вечно любишь сочинять, Счастливчик.

— Тупица ты необразованная! — не остался в долгу гном.— Что же это за рыба-то такая, которую час вытаскивают? Она вон даже хвостом не бьет и не сдается ни на минуту. Точно, русалка!

— Ну, про русалку это, конечно, ерунда, а вот какую-нибудь речную тварь поймать можно. Раньше их тут было пруд пруди,— зевнул Сурок.

— А ты почем знаешь, грамотей? Сам видал? — Халлас, похоже, жаждал увидеть обнаженную девицу.

— Да нет, старики рассказывали.

— Старики... Ставлю один золотой, что это обычная рыба, а никакая не русалка.— Басс подбросил монетку в воздух.

— По рукам! — заухмылялся гном.— Гони монету, ты проспорил.

— Это мы еще посмотрим, пускай вначале вытянут.

— Фу... Арнх, замени меня,— устало вздохнул Дядька.— Проще уж ее отпустить, чем так мучиться!

— Ни за что! — в один голос завопили Кли-кли и Халлас.

Битва с водяной тварью продолжилась. Когда наконец над водой появилось нечто черное и длинное, все уже порядком устали ждать.

— Бревно! — огорченно плюнул Делер.— Стоило ли тащить его столько времени?

— Эх! — сказал Арнх.— А я-то уж думал!

— Как бревно?! При чем тут бревно! Я не мог поймать бревно! — возмутился Кли-кли.

— Смирись, друг,— засмеялся Басс. И тут это бревно распахнуло пасть, в которой при желании мог поместиться целый человек.

— Мама! — Вот и все, что сказал Кли-кли, падая от неожиданности на спину.

— Сом! — заорал Дядька.— Да какой здоровенный!

Тут сом понял, что Диких пастью впечатлить трудно — они в Безлюдных землях и не такое видали, и попытался освободиться из плена. Вода вскипела, Медок упал на колени, но веревку из рук не выпустил, Арнх стиснул зубы, стараясь удержать огромную рыбину. Все, кто был на берегу, включая и меня, бросились им на помощь.

Общими усилиями сом оказался на берегу. Огромное черное тело было покрыто водорослями и ракушками, длинные черные усы шевелились, два белесых глаза-буркала свирепо косились на нас, рыба жадно открывала рот, грозясь слопать любого, кто осмелится подойти к ней достаточно близко. Из губ чудовища торчал целый арсенал разномастных крючков. Длиной оно было ярдов семь, а о его весе страшно было подумать.

— Что здесь у вас происходит? — К нам подошла Миралисса.

— Миралисса, а я рыбу поймал! Чес-слово! Во какая большая, они мне все помогали ее тянуть, но поймал я! Правда, здорово?! — хвалился Кли-кли.

— И что ты с ней будешь делать?

— Даже не знаю...— задумался Кли-кли.— С собой возьмем!

— Есть эту дрянь? — скривился Халлас.— Да ему лет сто, не меньше! Мясо старое, болотом небось воняет! Ну его! Лучше давай отпустим!

— Отпустим? — задумался Кли-кли, а затем, решив проявить благородство победителя над побежденным, важно кивнул: — Можно отпустить. Плыви, рыбка, и помни, что дохлые кошки доведут тебя до беды. Ну вы... это... Столкните его в воду, что ли?

Сом, не веря своему соминому счастью, поднял в воздух целый водяной столб и исчез в черной глубине реки.

— Ты, кстати, мне деньги должен,— напомнил Басс Халласу.

Гном недовольно фыркнул и полез в кошель.

— Гаррет, а ты видел, какую я рыбу поймал?! Здорово, да?!

— Молодец, Кли-кли, ты самый настоящий рыбак,— польстил я самолюбию гоблина.

— Нет, ты правда так думаешь, а? — Он даже остановился на мгновение, услышав от меня такие слова.

— Правда,— вздохнул я.— А теперь иди сгрызи морковку и успокойся.

— У меня нет морковки,— разочарованно развел руками Кли-кли.— Еще позавчера кончилась.

— Сожалею.

— Эй, Кли-кли! Помоги Сурку принести дров,— распорядился Дядька.

— Это я щас! Это я мигом! — Неунывающий гоблин уже забыл о рыбе и унесся на новое задание.

Пока разжигали костер, пока Дядька, принявший дежурство по кухне у Халласа, готовил еду, пока мы собрались — наступило раннее утро. Небо уже полностью просветлело, солнечный свет прогнал звезды, и лишь бледный призрак месяца тонким серпом висел над самым горизонтом. Вернулся паромщик в окружении шести здоровых детин и сказал, что мы можем отправляться хоть сейчас.

— Только, господа хорошие, вы все сразу не влезете. Вас вон сколько, да еще и лошадок немало. В два захода смогу перевезти.

— Ни к чему,— ответил Алистан, отсчитывая паромщику шесть серебряных монет.— Я вижу, что ваш сосед тоже на месте, так что остальные переправятся у него.

— Ничего у вас не получится, милорд, простите мне такие слова. Профессиональная гордость у нас. Он не станет моих клиентов возить, а я его, так уж повелось. Придется вас в два захода, так что прошу покорнейше простить меня.

Соседний паромщик и его помощники угрюмо и недружелюбно смотрели на конкурента.

— В два так в два,— согласился Алистан.— Дядька, распределяй людей.

— Ненавижу лодки,— буркнул Халлас, опасливо посматривая в сторону парома.

Лицо гнома было цвета нежной весенней зелени.

— Да ладно тебе,— усмехнулся Арнх, звеня кольчугой.— Гляди, волн нету, вода гладкая, переплывешь, ничего с тобой не случится.

— Вот только как начнет качать паром вве-эрх, вн-и-и-з, в-верх, вн-и-из, так ты и узнаешь, какой у нашего мотыжника желудок,— усмехнулся Делер.

— Заткнись, тыква! — сглотнул Халлас, со страхом смотря на реку.— И без тебя тошно!

— Ну так иди в кустики, чтобы народ не смущать, и поблюй,— посоветовал добрый карлик.

Халлас застонал и сжал рукоять боевой мотыги.

— А ты песенку пой,— предложил гному Кли- кли.— Мне помогает.

— Правда? — В глазах у бородатого сквозило недоверие вперемешку с надеждой.— А чего петь-то?

— Ну, спой «Молотом по топору». Или «Песнь безумных рудокопов».— Делер хлопнул по спине Халласа.— Прошу на борт!

Гном сглотнул, позеленел еще сильнее, в сотый раз сообщил всем, что он ненавидит лодки, и шагнул на паром.

— Кли-кли, давай,— мотнул седой головой Дядька.

— Ну уж дудки! Я с Гарретом поплыву!

— Твое дело, тогда Фонарщик. Все, отчаливайте, мы следующие!

— Навались, ребятушки! — крикнул паромщик со своего места.

Работники налегли на барабан, зазвенела выбираемая цепь, и паром поплыл. На берегу остались я, Кли-кли, Дядька, Арнх и Угорь вместе с вьючными лошадьми.

Когда паром преодолел четверть пути, безмолвную утреннюю тишину нарушило пение Халласа. Я не завидовал тем, кто сейчас был на пароме — певец из гнома, как из меня фея с крылышками.

Счастливчик орал во всю глотку, фальшивя и завывая так, что его песня была слышна даже в Болтнике. Жители деревни вряд ли скажут гному спасибо за такое чудесное утреннее пробуждение.

— Во развопился-то,— хмыкнул Арнх, закидывая ножны с мечом себе за спину. К неизменной кольчуге прибавилась кожаная куртка с нашитыми пластинками, поножи, наручи и кольчужные перчатки. Арнх поймал мой озадаченный взгляд.— Пограничное королевство близко, надо вернуться на родину во всеоружии.

— До Пограничного королевства двухнедельный переход...

— Ну и что?

Х'сан'кор поймет этих жителей Пограничья. Их мясом не корми, дай только напялить на себя побольше железа. Близость к восточным лесам Заграбы — владениям Первых — творит с людьми довольно странные штуки.

Между тем Халлас не успокаивался и надрывался за двоих, грозясь перепугать всю округу.

Безусый иль немолодой,
Мальчишка иль старик седой,
Коль дух твой молод!
Зимой и в летнюю пору
Услышишь, как по топору
Ударит молот!

В тот час, когда замолкнет хор
Лесов, что у подножья гор,

В безмолвном страхе!
И из могил со всех концов
Восстанут сотни мертвецов
В могильном прахе!

Под этот битвы страшный шум
Войдут без страха и без дум
Армады мертвых!
Их встретят тысячи бойцов —
Цвет бородатых молодцов,
На руку твердых!

Сойдутся в схватке щит на щит
Так, что и сталь там затрещит
И меч согнется!
И дрогнет нежити стена,
Враз побелев, как седина,
И распадется!

И оросится борода
Немертвой кровью, что всегда
Пыл возбуждает!
Гуляет бойко меж голов
Спор молотов, стук топоров,
Род освежая!

Старуха-смерть, в конце концов,
Обрядит бережно бойцов
В могильный холод!
В мороз и в страшную жару
Мы ждем, когда по топору
Ударит молот![1]

Три раза Халлас не успевал закончить куплет и перегибался через борт парома, извергая утренний завтрак в воду.

— Эк его разобрало-то, беднягу! — сочувственно вздохнул Дядька.

Паром между тем ткнулся в берег, и маленькие фигурки людей, в которых я едва различал своих спутников, стали выводить лошадей. Одна из фигурок упала на землю, да так и осталась лежать. Кажется, это был Халлас.

Паром двинулся в обратном направлении.

— Готовимся. Арнх, подводи лошадей.

— Гаррет, а Гаррет! Ты меня за руку будешь держать?

— Кли-кли, тебе опять неймется?

---

[1] Стихи Михаила Федорова.

— Да нет, я серьезно! Я плавать не умею! А вдруг упаду?!

— Сядешь на середине парома, и ничего страшного не случится,— успокоил я его, так и не поняв, то ли гоблин задумал очередную каверзу, то ли действительно не умеет плавать.

— Я боюсь,— совершенно искренне шмыгнул носом Кли-кли.

Паром между тем набирал скорость, и через десять минут мы уже заводили на него оставшихся лошадей. Те не сопротивлялись, совершенно спокойно отнесясь к перспективе прокатиться по речке. Животные встали в специальные стойла, и Дядька дал понять паромщику, что мы готовы отправляться.

— Навались!

Детинушки ухнули, барабан заскрипел, и мы поплыли.

О борта парома тихонько плескалась вода, доски пахли ряской и рыбой. Ивы на берегу постепенно отдалялись.

— Кли-кли, что ты делаешь? — спросил я у гоблина, который свесил за борт ноги и полоскал их в воде.

— Чего делаю? Пытаюсь преодолеть свой страх перед водной стихией.

— Смотри, плюхнешься.

— Ты поймаешь,— беззаботно ухмыльнулся он.

Я сел с ним рядом и стал наблюдать, как медленно, но верно приближается к нам противоположный берег. На середине реки дул ветер, и паром стало плавно покачивать на незнамо откуда появившихся волнах.

Одна из лошадей испуганно всхрапнула и начала ржать, норовя задними ногами выбить перегородку.

— Держите ее! Мне еще тут проблем не хватало! — крикнул паромщик.

Дядька бросился успокаивать перепуганное животное. То храпело, таращило глаза и дрожало, но ласковый шепот десятника постепенно успокоил его, и оно лишь испуганно косилось на воду.

Звенела цепь, плескалась вода, берег медленно приближался.

— Чего это они забегали? — Удивленный возглас Кли-кли отвлек меня от созерцания черной воды.

Наши суетились по берегу, размахивали руками и что-то кричали. Орали, несомненно, нам, но ветер и расстояние сносили слова в сторону, и я ничего не мог разобрать.

— Не знаю,— озадаченно сказал я.— Случилось что?

— Да не похоже...— протянул Кли-кли.

В это время кто-то из эльфов натянул лук и по крутой дуге пустил стрелу в нашу сторону.

— Он с ума сошел? — просипел шут, наблюдая за полетом стрелы.

— Пригни голову, она на излете,— резко сказал я ему, но в этом не было особой нужды.

Стрела чиркнула в воздухе и, перелетев паром, упала в воду, за нашими спинами.

— Эй! Да что они там?! Сдурели?! — заорал Арх.

— Смотрите! На том берегу! — крикнул шут, переведя взгляд с воды, где упала стрела, на берег, откуда мы недавно отчалили.

А посмотреть было на что. Эльф не зря привлекал наше внимание, пускай и таким странным способом. На берегу, возле второго парома, суетилось неполных четыре десятка всадников.

Но это не самое главное — прямо на нас, медленно, неотвратимо и абсолютно бесшумно надвигался полупрозрачный шар цвета багрового пламени. Он едва-едва не касался воды и размерами мог поспорить с хорошим амбаром. На берегу, откуда на нас летела смерть, я едва различил застывшую женскую фигурку с воздетыми руками.

Лафреса!

— Это что за дрянь?! — изумленно выдохнул паромщик.

Я знал, что это такое. Кронк-а-Мор. Точно таким же шаром, только в десять раз меньшим, убили Вальдера. От этой магии нас не спасет ни медальон Кли-кли, ни способности Миралиссы.

— С парома! Живо! — заорал я и, схватив за шкирку гоблина, прыгнул в воду.

Кли-кли от неожиданности взвизгнул и лягнул ногами воздух. Упал я неловко, не успев сгруппироваться — слишком велико было желание как можно дальше отпрыгнуть от обреченного плавательного средства.

Вода оказалась теплой и черной, я открыл глаза, но в глубине почти нечего не было видно. Мелкие крупинки взвеси и сотни пузырьков окружали меня и барахтающегося гоблина.

Я изо всех сил греб свободной рукой и ногами, пытаясь как можно глубже уйти под воду. Кли-кли бился, словно кролик в силке, и паниковал. Я видел его расширенные от ужаса глаза и вырывающиеся изо рта пузыри, но продолжал погружаться все глубже и глубже, не заботясь о состоянии здоровья гоблина. Надеюсь, ему хватит воздуха, прежде чем мы всплывем.

Бу-у-у-уммм-ммм!

Упругий удар шарахнул мне по ушам, на миг в глазах потемнело, и я потерял ориентацию, не понимая, где низ, а где верх...

Мерцающий потолок над головой показал мне, что я двигаюсь в правильном направлении.

Гребок свободной рукой, резкий толчок ногами, вновь гребок, вновь толчок. Казалось, я стою на одном месте, ни капли не приближаясь к благословенному воздуху. Когда наконец водная поверх-

ность разорвалась над моей головой, Кли-кли почти перестал двигаться, но стоило ему сделать вдох, как он закашлял и задергался еще сильнее.

— Я не умею тонуть! Я не умею тонуть! — перепутав со страху слова, пищал гоблин.

— Прекрати дергаться! — заорал я.— Утопишь и себя и меня! Прекрати! Слышишь?!

Это нисколько на него не подействовало, и я на несколько мгновений притопил шута. Когда я вновь приподнял его голову над водой, Кли-кли кашлял, плевался и говорил гадости.

— Не дергайся! Иначе брошу! Слышишь меня, идиот?!

— Кха-буль! Буль! Да! Кха-кха! Слышу!

— Расслабься! Я тебя держу, не утонешь! Просто расслабься, лежи на воде и дыши!

Он лишь булькнул в подтверждение, что понял мои слова.

Я огляделся по сторонам. От парома осталась лишь память и куча щепок, разлетевшихся по всей реке. Несколько особо крупных деревяшек все еще горели, в воздухе пахло гарью и дымом. Ярдах в сорока за нами виднелась голова плывущего человека, но кто это был, разглядеть я не смог. Еще кто-то спасся... А как же остальные?

Сейчас не время, чтобы оплакивать потери, Гаррет! Надо еще выбраться из воды! До берега было далековато, но я должен доплыть, если не хочу кормить рыб на дне. Ко мне уже плыли на помощь, но им еще понадобится много времени, чтобы преодолеть разделяющее нас расстояние.

И я поплыл. Размеренно загребая воду, считая каждый гребок и стараясь дышать как можно ровнее.

И-раз! И-раз! И-раз!

Сколько я сделал этих «и-разов», не знаю до сих пор. Много, очень много. Перед глазами была лишь плещущаяся вода, безжалостное небо да далекая полоска берега.

Доплыву! Врете! Доплыву!

И-раз! И-раз! И-раз!

Еще чуть-чуть! Еще немного!

И-раз! И-р-раз!

Кли-кли непосильным грузом оттягивал мне руку, сапоги, одежда, арбалет, нож и сумка тоже тянули на дно. Надо бы избавиться от оружия, но я скорее брошу шута, чем свое снаряжение!

Конечно же то, что я только что сказал, было неправдой — я не такая свинья, чтобы утопить беспомощного гоблина, но и оружие бросать не дело.

Сапоги, наполнившись водой, тянули вниз. Избавиться от них не было никакой возможности — они со шнуровкой, а я пока еще не ак-

робат и не фокусник, чтобы освободиться с помощью только одной руки. Не будь со мной гоблина, я бы рискнул, а так — даже пытаться не стоит. Какое счастье, что я снял плащ. Теперь он безвозвратно потерян, но зато не оплетет мне ноги и не утянет на дно.

Еще через пятьдесят «и-разов» я понял, что с таким грузом пловец я неважный. Если не подоспеет помощь, нам с Кли-кли придется сделать прощальное «буль-буль» и скрыться под водой на веки вечные.

Руки и ноги налились тяжестью, гребки становились все слабее и слабее, дышать было нелегко, очень часто я видел перед собой лишь черную воду, и лишь иногда сверху выплывал краешек синего неба.

Выплывал, чтобы сразу же скрыться. Я успел порядком нахлебаться воды, и меня мутило.

А берег — нечто размытое и нечеткое — был все еще далеко...

— Кли-кли,— просипел я.— Попробуй сбросить сапоги!

— Уже!

Молодец, гоблин!

— Тогда отчего... ты такой... тяжелый?

— Кольчуга...

Тьма! Вот почему его все время тянет ко дну! Этот засранец напялил на себя кольчугу!

— Кли... Кли... я... тебя... убью!

— Только... на берегу! Пожалуйста!

На берегу! Я не доплыву до этого проклятущего берега!

И-раз! И-еще-раз! И-последний! И-еще-немножко! И-раз!

Одежда все сильнее тянула меня вниз, я греб уже из последних сил, в глазах было темно, в ушах шумело, казалось, что рука, держащая Кли-кли, отвалится в любой момент. Три раза я уходил под воду и три раза, прилагая гору усилий, всплывал, чтобы глотнуть хоть каплю воздуха...

Когда чьи-то руки подхватили меня, я уже был на грани обморока.

— Гаррет, отпусти Кли-кли. Гаррет! — раздался рядом голос Сурка.

Я нехотя разжал руку, отпуская одежду гоблина.

— Все, до берега близко, не дергайся! — Элл дышал тяжело, не так уж и просто ему дался заплыв на скорость.

Если бы я мог, то хихикнул бы. Не дергайся! Вроде то же самое я говорил Кли-кли.

Когда мои ноги коснулись дна и Элл с помощью Медка вытащил меня на берег, я не поверил случившемуся чуду. Добрался все-таки, слава Саготу!

Я обессиленно упал на четвереньки, и меня вырвало речной водой. Полегчало. Я сплюнул кислую слюну, и кто-то похлопал меня по спине:

— Жив, вор?

— Врод-де д-да, милорд Ал-листан.— Меня била крупная дрожь.

Где-то рядом хрипло и безостановочно кашлял Кли-кли.

— Хлебни. — Делер сунул мне под нос свою фляжку.

Я благодарно кивнул и сделал большой глоток. Через секунду в моем животе взорвалась гномья бочка пороха, обжигая нутро безумным огнем.

В голове промелькнула безумная мысль: «Отравил!»

Из глаз полились слезы, я попытался сделать вдох, но у меня ничего не получилось, и я закашлялся.

— Это тебе не пиво, это «Ярость глубин»! Пробрало? Давай, Гаррет, вставай, не время сейчас лежать! — сказал Делер, забирая у меня флягу.

Я с трудом сел и стал стаскивать с себя мокрую одежду.

— Эти идиоты перебили всех паромщиков,— зло прошипел сквозь зубы Халлас, смотря на тот берег через маленькую подзорную трубу.— Они отплывают, клянусь горами!

На противоположном берегу носились фигурки всадников, а человек пятнадцать, может двадцать, как раз отчаливали на пароме с явным намерением добраться до нас. Лафресы я отсюда не видел.

— Что это за парни? Чего им надо? — Борода Халласа гневно топорщилась.

— Люди Балистана Паргайда, вне всякого сомнения,— ответил Алистан Маркауз, вытаскивая меч.— Готовьтесь, сейчас начнется. Леди Миралисса, вы можете чем-нибудь помочь?

— Только своим клинком и луком. Меня блокирует эта женщина.

— Элл? Эграсса?

— Слишком далеко, стрелы до того берега не долетят. Да и до парома пока тоже. Стрелять сможем шагов за четыреста...

— А если ведьма еще раз попытается по нас шандарахнуть этой хренотенью?! — опасливо спросил Мумр, опираясь обеими руками на гарду воткнутого в землю биденхандера.

— Нет, такое заклятие надо готовить не менее пяти-шести часов,— ответила эльфийка, наблюдая за приближающимся паромом. Тот уже успел преодолеть четверть разделяющего нас расстояния.

— Медок! Медок, не спи! Оплакивать их мы будем потом, к бою, воин! — приказал Алистан.

Молодой воин очнулся и, хмуро кивнув, взялся за огролом.

«Оплакивать? Кого? — тупо подумал я. Голова ничего не соображала, во рту до сих пор оставался привкус речной воды и тины.— Тьма! Неужели больше никому не удалось выбраться с парома?»

Дядька, Арнх, Угорь, паромщики... Все погибли?! Не может быть... Такого просто не может быть!

Я затравленно оглянулся, пытаясь сосчитать людей, оставшихся в отряде. И первым увидел Угря в промокшей одежде. Оказывается, это он плыл позади меня. Грудь гарракца ходила ходуном, было видно, что и ему нелегко далось это купание. Воин не бросил свои клинки, и я мог только представить, каких сил ему стоило самостоятельно доплыть до берега.

Эльфы, взявшись за луки, молча ждали, когда паром, уже находящийся на середине реки, приблизится на расстояние выстрела.

— Гаррет, отваливаем! — Ко мне подскочил Басс.— Сейчас здесь мясорубка будет!

— Он дело говорит, Гаррет,— сказал Халлас.— Вы не воины, вам лучше за нашими спинами переждать. Эх, была бы сейчас пушка, как бы я накрыл эту лодку!

— Пушка! — безумно хохотнул Кли-кли, бросив выжимать свой многострадальный плащ.— Какой же ты молодец, Счастливчик! Ну конечно же пушка! Гаррет, не спи! Где твоя сумка?! Доставай пушку!

— Ты совсем со страху сдурел? — спросил я, с ужасом думая, что после купания гоблин сошел с ума.— Какая пушка?

— Да та самая! — Ничего толком не объяснив, Кли-кли подскочил к брошенной мной сумке и, вывалив все, что в ней было, на землю, принялся рыться в магических пузырьках.— Вот он!

Кли-кли высоко поднял над головой пузырек с темно-вишневой жидкостью, в которой плавали золотистые искорки, шарахнул его об землю. И почти сразу же из воздуха появилась самая настоящая гномья пушка.

— Ядре-о-она кочерыжка,— вымолвил Делер, округлив глаза.

Халлас попросту ничего не мог сказать, он являл собой образец статуи, у которой отвисла челюсть, а глаза вылезли на лоб. Кто-то у меня за спиной втянул в себя воздух сквозь стиснутые зубы. Да я и сам, признаюсь, был порядком ошеломлен.

Из-за тяжелой дороги и свалившихся на нас несчастий я совершенно забыл о маленькой неприятности, случившейся во дворце Сталкона.

Кли-кли тогда спер у меня точно такой же пузырек и разбил его о пушку гномов. Та, как и следовало предполагать, сразу же исчезла, а разъяренные бородатые едва не порвали шута на тысячу маленьких

зелененьких лоскуточков, когда он использовал на их вожделенном сокровище заклинание переноски: разбиваешь такой пузырек на какой-то вещи, она исчезает, разбиваешь другой — вновь появляется.

Вообще-то я планировал это заклятие для Храд Спайна, на случай обнаружения несметных сокровищ, но судьба распорядилась иначе, и вместо изумрудов мы получили оружие.

— Халлас, действуй! — Голос гоблина вывел Счастливчика из ступора и созерцания одной из великих тайн гномов.

Бородатый подскочил к орудию:

— Заряжено?

— Вроде...

— Сейчас проверю... Да, все в порядке! Делер, Медок! Помогайте!

Втроем они стали разворачивать пушку в сторону приближающегося парома.

— И много у тебя в рукаве таких сюрпризов, дружище? — несколько нервно спросил Басс.

Я ничего ему не ответил, все мое внимание было сосредоточено на Халласе. Он поспешно раскуривал трубку и одновременно командовал Делером и Медком.

— Упреждение надо взять небольшое. Упреждение! Ты знаешь, что такое упреждение, дубина?!

— Я тебе потом покажу, кто из нас дубина! — пропыхтел красный от натуги карлик, пытающийся сдвинуть орудие еще на несколько дюймов.

— Стоп! Все назад, сейчас мастер будет работать!

— Ты хоть умеешь с ней обращаться? — опасливо спросил Сурок.

— Я гном, и порох течет в нашей крови! — Халлас, прищурив глаз, наблюдал за паромом.

— Порох не может течь,— сразу же влез карлик, но гном его проигнорировал.

— Учти, у тебя только один выстрел.

— Не сбивай меня, Кли-кли! — рявкнул гном.— Все заткнули уши!

Я поспешил последовать его совету. Халлас поднес горящую трубку к какой-то выемке на пушке, отбежал и, засунув указательные пальцы в уши, принялся наблюдать.

Над стволом поднялся сизый дымок...

БАХ!

Пушка окуталась вонючим сизым дымом и отшатнулась назад. В воздухе свистнуло, а затем на месте парома в небо устремился шипящий столб огня и дыма, в котором смешались вода, люди, лошади, доски...

Бу-у-м-ш-ш-ш! — донеслось до нас.

— В яблочко! — воскликнул гном.— Я попал! Попал!

— Да-а-а!!! — орал Кли-кли.— Вот вам!

От парома и плывших на нем не осталось ничего, кроме мусора на воде.

Люди графа на противоположном берегу тоже смотрели на то место, где совсем недавно плыли их друзья. Затем несколько всадников посовещались, и вся кавалькада устремилась прочь от берега.

— Сейчас бы мне второе ядрышко.— Халлас любовно погладил бок пушки.

— Куда они собрались? — спросил Фонарщик.

— Переправу искать, куда ж еще! — сплюнул Медок.

— Их двадцать восемь,— сказал Элл, снимая тетиву с лука.

— Вот-вот. Нам надо уходить...

— Они здесь не переправятся,— покачала головой Миралисса, провожая взглядом всадников.— В этом месте Иселина растекается слишком широко. До ближайшей переправы больше сорока лиг.

Я стал выжимать рубаху. Мокрая одежда липла к телу, мне было холодно и противно.

— Медок,— сказал Алистан, глядя на успокоившуюся водную гладь.— Принимай командование... Теперь ты... десятник.

Какой уж десятник... От десятка Диких осталось только шесть человек.

— Может, обойдется? — тоскливо спросил Медок. Воин, как и все, смотрел на воду.— Может, они выше по течению выплыли?

— Не могли они выплыть,— угрюмо сказал Угорь.— Я сразу за Гарретом в воду сиганул. Дядька просто не успел, он на самой середине парома был, с лошадьми. А Арнх... На нем кольчуга была, да и другого железа... Даже если и прыгнул, то камнем на дно ушел...

Все мрачно молчали. Как же мы теперь без седого степенного Дядьки и сверкающего лысиной жителя Пограничья? Не верилось, что их уже нет.

— Да пребудут они в свете,— глухо произнес Делер и снял с головы шляпу.

Кли-кли шмыгал носом и тер глаза, стараясь скрыть слезы...

Отправились мы в дорогу только через час, когда Дикие справили обряды по погибшим друзьям, а Халлас закопал пушку. Гном был настойчив и твердил, что главный секрет его народа не должен попасть в чужие руки.

Настроение у всех было мрачное и подавленное, что неудивительно. Мы отправились в путь, удаляясь от Иселины, которая для нас навсегда останется Черной рекой.

Глава 11
ПРОДАВШИЙСЯ

Всю следующую неделю мы гнали коней на юго-восток, приближаясь к Приграничью, местности, примыкающей к Пограничному королевству и Заграбе.

На десятки лиг вокруг расстилалась холмистая равнина, перемежающаяся узкими речками, громкими ручьями и смешанным редколесьем. Деревень в округе было мало, за два последних дня мы увидели только одну, да и то обошли ее стороной, не желая попадаться на глаза жителям.

Земля в этих местах была благодатная, жирная, трава, росшая на ней, так и тянулась к солнцу. Но желающих перебраться через Иселину и начать обживать эту часть королевства было не так уж много. Впереди Приграничье, а за ним восточные леса Заграбы и знаменитый Золотой лес, где живут орки.

Алистан все сильнее и сильнее забирал к юго-востоку, обходя стороной торговые пути, пролегающие между Валиостром и Пограничным королевством. Как я понял, он рассчитывал через неделю вывести нас к границе между государствами, а уже оттуда, по прямой, направить отряд прямо к лесам Заграбы.

Все вьючные лошади погибли на пароме, унеся на дно наши припасы и доспехи. Халлас и Делер долго сокрушались об их потере, но сделать, понятное дело, ничего не могли. У нас остались лишь кольчуги, которые находились на тех лошадях, что переправились в первый заход, да эльфы сохранили доспехи, с выгравированными на нагрудниках гербами их домов.

Сурок и Фонарщик вообще остались без какой-либо брони, если не считать курток из вареной кожи с нашитыми на них металлическими бляхами. Продукты, сменная одежда, да и много еще чего на века осталось на дне реки. Но мы не голодали, дичи в этом крае было полно, и на нашем костре всегда жарилось мясо.

На четвертый день после злосчастной переправы через Иселину окончательно испортилась погода и полил дождь. Он не переставал донимать нас пять дней, и мне приходилось кутаться в плащ, любезно одолженный Эграссой.

Долгий дождь, льющий из низких серых облаков, — это всегда сыро, холодно и мерзко. Особенно тяжело было вставать утром и разжигать костер. Ноги и руки не гнулись, казалось, что ты спал не на траве, укрывшись от падающей с неба воды плащом из непромокаемого дрокра, а на снегу. Кли-кли простыл, кашлял и хлюпал носом. Сурок лечил его травяными отварами, от которых гоблин пле-

вался и кривил рожи, говоря, что такой горечи он не пил никогда в жизни.

Дождь лил, лил и лил.

Земля превратилась в огромное озеро грязи, лошади то и дело скользили в этом месиве и спотыкались, грозя сбросить всадников на землю. Звонкие ручьи и маленькие речушки, десятками пронизывающие местность, располнели, разжирели и вышли из берегов. В низинах случилось форменное наводнение, иногда вода поднималась до стремян. Теперь приходилось долго выискивать какую-нибудь возвышенность на равнине, чтобы разбить лагерь на ночь.

Лишь к одиннадцатому дню пути вода стала спадать, но дождь все равно продолжал накрапывать. На двенадцатый день мы достигли Приграничья, и Алистан распорядился, чтобы все надели кольчуги. Я терпеть не могу какие-либо железные одежки, чувствую себя в них как в гробу — тесно, тяжело и совершенно неудобно двигаться. Но в данном случае с моей стороны никаких возражений не последовало — очень не хотелось получить стрелу в живот от невесть как забредшего на такое расстояние от Заграбы орка. Кли-кли, увидев, что я напяливаю железную рубаху, одобрительно кивнул.

— Кли-кли, ты же вроде говорил, что тебе кольчуга не нужна, ты, мол, маленький, в тебя попасть трудно,— поддел я его, вспоминая, как едва не пошел на дно из-за гоблинской брони.

Он глянул на меня из-под своего капюшона и изрек:

— Маленький-то маленький, но здоровье следует беречь. Я ее специально в Ранненге достал...

Когда только этот проныра все успевает?

У Баса кольчуги не было. Все последние дни он был хмур, как небо над нашими головами. Дождь не способствовал улучшению настроения Проныры, и я понимал, каково у него на душе. Когда тебя тащат незнамо куда, а рядом едет молчаливый эльф, расположение духа резко ухудшается. Элл до сих пор постоянно следил за моим бывшим другом, и симпатии в желтых глазах темного я что-то не разглядел.

Бывшим другом...

Да пожалуй что так.

Дружбы как таковой между нами не осталось. Да, нас по-прежнему многое связывало, но это многое — всего лишь воспоминания, не больше. За тот срок, что мы не виделись, я и Басс сильно изменились. По жизни мы шли разными дорогами. Да и не смог я его простить за тот стародавний поступок, когда он тайком сбежал, бросив меня с Фором и украв общие деньги.

Из-за дождя худо приходилось не только простывшему Кли-кли. Трубка Халласа ни в какую не желала разгораться, и гном был сер-

дит на весь белый свет. Делер, нахохлившись под коротким зеленым плащом, бормотал себе под нос старинные песенки карликов. Это еще сильнее бесило Халласа, но погода не располагала к ругани, и гном лишь раздраженно ворчал и делал новую безуспешную попытку разжечь трубку.

Медок, ставший новым командиром Диких, витал далеко от этих мест. В глазах желтоволосого великана появилась задумчивость и усталость. Воин был слишком дружен с Дядькой и никак не мог смириться с потерей. Алистан вообще ни на что не обращал внимания, он смотрел только вперед и гнал боевого коня к Заграбе. Эграсса и Сурок очень часто оставляли отряд и отправлялись назад проверить — не приближается ли погоня? Но на горизонте было пусто, и эльф с воином возвращались, лишь отрицательно качая головами.

Мумр попытался наиграть на дудке незатейливую мелодию, но стало еще тоскливее, и Фонарщик со вздохом убрал дудочку обратно в седельную суму.

Когда дождь взял недолгую передышку и перестал проливаться на нашу голову, все немного повеселели. Даже лошади, казалось, пошли быстрее и легче, не обращая внимания на так и не разошедшиеся тучи. О солнышке нам оставалось только мечтать.

На тринадцатый день пути на одном из низких холмов, поросшем до самой макушки высокой травой-горчанкой, мы увидели столб. Он был сделан из черного базальта, но даже это не могло спасти его от зубов времени. Судя по всему, эту штуку здесь установили, по крайней мере, тысячу лет назад.

— Приграничье,— бросил милорд Алистан и послал коня вперед.

Приграничье — это огромная территория, земли которой принадлежат приграничным баронам. Где-то здесь жил мой новый друг — барон Оро Габсбарг, приглашавший заглянуть к нему на огонек.

Во время одной из остановок, когда все были заняты своими делами, я подошел к Миралиссе, в одиночестве сидевшей возле шипящего костра, и задал вопрос, уже вторую неделю не дающий мне покоя:

— Как они смогли найти нас, леди Миралисса?

Она сразу поняла, про кого я спрашиваю:

— Не знаю, Гаррет. В последнее время я много чего не знаю... Нас не должны были обнаружить так быстро, я ставила защиту...— Она вздохнула.— Быть может, эта женщина чувствует Ключ...

Мне сразу же захотелось сорвать артефакт с шеи.

— А может, он здесь ни при чем... Есть какая-то другая метка, по которой они нас ведут.

Меня очень интересовал еще один вопрос:

— То, что попало в паром, было Кронк-а-Мором?

— Да. Самая опасная магия огров, и сейчас ею владеет человек. Однако Лафресса не обладает опытом Неназываемого, и то, что она сотворила в тот день, должно было убить ее на месте...

— Но не убило.

— Нет. Дом Силы способен защитить своих слуг.— Говоря это, Миралисса внимательно смотрела на меня.

— Извините. Не понимаю.— Я покачал головой.— Я слышу звон, но не знаю, где висит колокол. Дом Силы — для меня пустой звук, и не более того. Не пора ли прекратить играть в загадки?

— Время ответов еще не наступило, Танцующий в тенях.— На этот раз гоблин подошел незаметно и остановился у меня за спиной.

— Боюсь, что, когда время придет, будет уже поздно, шут,— довольно зло ответил я ему.— Мне надоели тайны! Мне надоели мои сны!

— Ты — Танцующий в тенях, поэтому и видишь такие сны,— торжественно произнес Кли-кли.

— Сейчас ты больше похож не на королевского шута, а на разжиревшего жреца, который несет божественную чушь, чтобы состричь с прихожан еще немного монет.

— Что ты хочешь знать, Гаррет? — вздохнул Кли- кли, присаживаясь рядом.

— Все.

— Похвальное стремление,— хихикнул гоблин.— Но нельзя объять необъятное. Хорошо, ты уже не ребенок и, думаю, способен понять... Я расскажу тебе о Четырех Великих Домах и Сотворении. Эту историю мне поведал мой дед. Мы, гоблины, помним то, что забыли орки и эльфы, мы помним то, что вы, люди, никогда и не знали.

— Очередная гоблинская байка? — не очень-то приветливо спросил я у него.

— Байка? Пожалуй. Ведь ты же ничего не имеешь против, а? Так я и думал. С чего бы начать? Когда мир был юн... Нет, не так... Когда Сиалы еще даже не существовало, когда даже боги были беззаботными детьми, а об ограх никто и не слышал, во всей вселенной существовал только один мир. Сейчас его называют миром Хаоса. Он был Первым, Изначальным. В нем жили...— Шут на миг замялся.— Наверное, люди... Однажды кто-то из них открыл секрет, что тени их мира — это живые создания, пускай они и немного другие. Тени — это семена, прообразы других вселенных. И если человек умеет ими управлять, то есть «способен танцевать» с ними, он может взять любую тень Хаоса и построить новый мир. Свой собственный. Ну, или попытаться построить — это уж как у кого получится.

На такое были способны не все, один на сто миллионов, а может быть, и на двести, но в те льдистые времена их было намного больше, чем сейчас. Людей, способных создавать из теней миры, стали называть Танцующими с тенями.

Я вздрогнул:

— Не хочешь ли ты убедить меня, что я тоже могу взять любую тень и слепить из воздуха нечто похожее на Сиалу?

— Отрицай или не отрицай, Гаррет, но ты Танцующий, от этого ты уже никак не отвертишься. А насчет теней, вот мой тебе ответ — нет. Не сможешь. Я же сказал. Только из теней мира Хаоса можно создать новую вселенную. Тени нашего мира — лишь тени теней теней теней Изначального. Они мертвы и не способны танцевать.

— То есть попади я в Хаос и все бы у меня получилось?

— Откуда я знаю? Это лишь байка, да и не умеешь ты бродить между мирами...

— Ну и слава Саготу,— облегченно вздохнул я.— Валяй, ври дальше...

— Так о чем это я? А! Вот. Танцующие брали тени, и тысячи тысяч новых миров появились благодаря им. Но, творя миры, Танцующие отнимали для этого частичку от своего мира, и пришло время, когда мир Хаоса умер. В нем не осталось теней. Туда пришла тьма и огонь Изначалья. Люди ушли из него, расселившись по другим мирам, и дорога в Изначальный постепенно оказалась забытой. Никто из Танцующих того времени не попытался спасти мир Хаоса, хотя они могли это сделать. Зачем? Ведь вокруг столько новых необычных вселенных, стоит ли трудиться и восстанавливать рухлядь?

— О чем ты задумался, Гаррет? — спросила молчавшая все это время Миралисса.

— О том, какой шутник создал наш мир. Значит, ты говоришь, Кли-кли, что Хаос уже не восстановить?

— Нет. Дорога в него забыта. А если бы и была, то нужна тень этого мира, чтобы вдохнуть в него жизнь.

Я вспомнил о трех подругах-тенях, пляшущих на багровых языках пламени и просящих меня спасти их мир. В животе засвербело, может, шут на самом деле прав? Может, в его сказке есть доля правды?

— К чему ты мне все это рассказываешь? Я и так ночами плохо сплю. И каким боком в твой рассказ попадает Дом Силы?

— Так это предыстория... Если честно, Гаррет-баррет, про эти дома я ничего толком не знаю... Дед говорил, что существует Четыре Великих Дома и что их якобы создал тот Танцующий, который дал

жизнь нашему миру. Но для чего он создал эти дома, никто не знает. В гоблинских книгах нет никаких намеков на это.

— Зато в Анналах Кроны есть упоминание,— вновь вступила в разговор Миралисса.— На самых первых страницах хроник есть маленький абзац, где про них говорится. Их было четыре, совершенно разных и непохожих друг на друга: Дом Любви, Дом Боли, Дом Страха и, наконец, самый главный — Дом Силы. Говорят, что те, кто побывал в них, получили бессмертие. Сколько ни убивай таких людей, они рано или поздно возрождаются в Доме Любви. Прошедшего Четыре Великих Дома можно убить навсегда, лишь когда он находится в одном из этих Домов. Каком — мне неизвестно.

— Ради чего они были созданы?

— Пойми, мы ничего не ведаем точно и можем только предполагать. Один короткий абзац Анналов, написанный неизвестно кем, вызывает споры наших историков вот уже несколько тысячелетий. По этому отрывку создавались целые научные труды, но какова их достоверность? Известно лишь, что тот, кто прошел все Четыре Великих Дома, уже не просто человек, эльф или карлик — он что-то совершенно иное. Я не представляю, что делают в Домах Любви, Боли и Страха. Единственное, о чем нам известно, — те, кто находится в Доме Силы, необычайно сильны в магии, а точнее, в ее начальной стороне — шаманстве. Это все, что я знаю, Гаррет.

— Это все, что вы знаете? — эхом повторил я.— И эти знания вы так от меня скрывали? Глупую сказку о том, как якобы создан наш мир, и предположения, построенные на каком-то махоньком абзаце? Это и есть главная страшная тайна гоблинов и эльфов?!

Мне было смешно. Зайди в любую таверну, и там тебе еще не такое порасскажут. И история выйдет намного правдивее, чем у Кли-кли и Миралиссы.

— Эти знания очень опасны,— мягко укорила меня эльфийка.— Особенно для некоторых людей. Когда они узнают, что могут стать даже выше богов и создать свой мир...

— Простите, миледи, но это глупости.

— Я же говорил, что еще рано и он ничего не поймет.— Гоблин с укором посмотрел на темную.— За ту историю, что мы тебе сейчас рассказали, Гаррет, Орден бы отвалил нам телегу золота.

— Это не говорит в пользу ума волшебников,— парировал я.

— Тьфу, дурак! — Шут в раздражении встал и пошел прочь.

Что-то он слишком болезненно реагирует на мой скептицизм.

— Может, когда-нибудь позже ты все поймешь, Гаррет,— вздохнула Миралиса, тоже вставая.

— Постойте! — остановил я ее.— А почему вы решили, что я могу что-то знать о Доме Силы?

— Ты Танцующий в тенях... Впрочем, не обращай внимания, я просто пошла неверным путем, вот и все.

— А Хозяин? С чего вы взяли, что Хозяин в этом Доме Силы?

— У него особый магический почерк... Тебе этого не понять, Гаррет, ты ведь не владеешь шаманством. То, что настигло нас в Харьгановой пустоши, то, что ударило по парому... Это совершенно другое, отличное от нашего... Такое могло родиться только с помощью легендарного и мифического Дома Силы.

Она, мягко ступая по промокшей траве, ушла, и я остался один.

Думать.

После рассказа эльфийки и гоблина загадок не убавилось, а прибавилось.

Ранненг утопал в цветах. Душистые розы всех расцветок заполонили город. Второй день не стихал праздник, и те, кто еще был способен стоять на ногах, высыпали на улицы, горланя песни, водя хороводы, объедаясь выставленной на столах бесплатной снедью и опиваясь вином и пивом, рекой хлещущими из огромных бочек. Город жил, веселился и пел. Так было и так будет. Раз в год, в конце августа весь народ прославлял богов.

Крики, гвалт, хохот, музыка, запах вина, сдобы и жареного мяса — все это смешивалось в праздничный ком радости, жизни и праздника.

Джок Имарго шел по улице и улыбался.

Он был высоким широкоплечим молодым человеком с волевым подбородком, озорной улыбкой, карими глазами и жгуче-черными волосами. От него исходила волна спокойствия, уверенности и жизнерадостности.

Его узнавали, ему махали, ему кричали, его приглашали присоединиться к той или иной компании, его звали распить кружечку пивка или закружиться в вихре заводного танца. Его было трудно не заметить — высокого, статного, с колчаном стрел на бедре и мощным двухъярдовым луком в руках. Кто же не знал Джока Имарго, любимца публики, лучшего лучника последних четырех королевских турниров?

— Эй, Джок, иди к нам!

— Нет к нам!

— Привет, Джок!

— Джок, потанцуй со мной! Ну, Джок!

— Смотрите, девочки, какой красавчик!

— Джок, сегодня королевский турнир! Удачи тебе!

— Удачи, Джок, мы верим в тебя!

— Эй, Джок! Давай выпьем кружечку!

— За пятую победу!

— Джок!

Он улыбался, кивал, махал рукой, отвечая на приветственные крики, но не останавливался. Сейчас его не интересовали ни кружки с пенящимся пивом, ни благосклонные красотки. Сегодня, в пять часов дня он станет пятикратным чемпионом в стрельбе из лука, и только потом у него появится возможность расслабиться и отпраздновать свой успех.

Сейчас еще было слишком рано — турнир начнется только после полудня, а состязания лучников задуманы в его середине, перед финальными рыцарскими боями, после общей свалки и боя мечников. А пока у Джока было время, и он спешил туда, куда его звало сердце.

На улице Фруктов народу было ничуть не меньше, чем в других частях города. Его пару раз окликнули, хлопнули по плечам, но он вежливо отказывался от приглашений присоединиться к пирушке.

Возле большой лавки, торгующей фруктами и овощами, Джок остановился и, толкнув дверь, вошел. Приветственно звякнул колокольчик, сообщая хозяину о новом покупателе. Впрочем, сегодня был праздник и ни о какой продаже товара не могло быть и речи. На самом видном месте стоял стол, вокруг которого собралась компания, дегустирующая пиво.

— А, Джок, мой мальчик! — приветственно махнул один из сидящих за столом.— Как я рад тебя видеть! Проходи, не стесняйся. Эй, кто-нибудь! Налейте парню пива.

— Спасибо, мастер Лотр, но не сейчас. Сегодня я должен сохранить ясную голову.

Владелец лавочки хлопнул себя по лбу:

— А я и забыл, вот память-то! Ну что, мой мальчик? Покажешь им всем?

— Постараюсь,— ответил Джок.

— Всади одну стрелу от моего имени,— сухопарый Лотр протянул Джоку персик.

— Нелегко тебе сегодня придется, парень,— крякнул трактирщик, заведение которого находилось по соседству с лавкой мастера Лотра.— С таким-то соперником!

— Э, что ты говоришь, дурень? Разве найдется конкурент для Джока Имарго? — подняв кружку, сказал Лотр.

— Среди людей — нет, а вот среди эльфов... Я бы не поставил свой золотой на Джока, ты уж прости, парень...

— О чем ты говоришь, спаси тебя боги? Какие эльфы? — хмыкнул Лотр.

— А такие. Самые обычные темные эльфы, с клыками. Из луков они стреляют намного лучше, чем люди.

— А при чем здесь турнир и эльфы, дери тебя тьма?! — включился в разговор владелец мясной лавки.

— А при том! Вы словно с луны свалились! Неужели не знаете, что сегодня к королю прибывает посольство темных из дома... как его... Черной розы, во! А посольство возглавляет кто? Наследник этого дома, с тьма-знает-каким-именем-огр-ногу-сломит. И этот наследник высказал желание поучаствовать в турнире, а точнее, в стрельбе из лука. Так что, парень, тяжело тебе сегодня придется. Эльфа просто так не обставишь.

— Посмотрим,— безразлично пожал плечами Джок. Он не очень-то верил городским сплетням.— Мастер Лотр, а где Лиа?

— В саду. Иди проведай ее,— благодушно ответил папаша.

Когда Джок ушел, трактирщик ухмыльнулся и сказал:

— А когда я про эльфа сказал, видали, как он расстроился?

— Да чушь все это! Джок парень хороший, ничего он не расстроился.

— Ну, тебе виднее, Лотр, он же за твоей дочуркой приударяет, а не за моей,— хихикнул трактирщик, вылезая из-за стола. Здесь ему делать больше было нечего, толстяк сказал все, что велено, и Хозяин будет им очень доволен...

Мастер Лотр среди своих знакомых слыл богатым лавочником. Продажа заморских фруктов оказалась делом прибыльным, он поставлял товар к столам многих дворян столицы, включая и короля. Денежки лились рекой, и поэтому не было ничего удивительного, что внутренний двор лавки превратили в цветущий сад с тремя журчащими фонтанами. Возле одного из них на скамейке сидела девушка.

Сейчас она была занята вышиванием, и на белой ткани уже распустился кроваво-красный мак и небесно-голубой колокольчик. Рядом с девушкой сидел мальчуган лет семи. Он был занят тем, что пускал в фонтане кораблик.

— Лиа? — окликнул Джок.

Она оторвалась от своего занятия и улыбнулась той улыбкой, которую он так любил.

— Джок! Как я рада, что ты зашел!

— Неужели ты думала, что я о тебе забыл? — промолвил он.

— Нет, но ведь сегодня королевский турнир и ты должен быть там...

— Ни один турнир не стоит твоих глаз.

Лиа скромно потупилась и улыбнулась. Затем отложила вышивание в сторону, грациозно встала и взяла с огромного блюда с фруктами ягоду клубники.

— Хочешь?

— Спасибо, твой отец дал мне персик.— Он показал ей сочный плод с бархатистой кожицей.

— Зря. Она вкусная.— Девушка откусила спелую ягоду.

— Я выиграю этот турнир для тебя, Лиа,— произнес Джок, садясь рядом с ее младшим братом, целиком занятым игрой в кораблики.

— Ах Джок! Разве ты не слышал, что говорят про эльфа?

— Слышал. Но эльф он или нет — я выиграю турнир для тебя. Все в городе узнают, что Лиа, дочь Лотра, самая красивая девушка Ранненга. Ни один принц не встанет на пути моей стрелы!

Лиа сорвала с клумбы цветок и стала отрывать у него лепестки.

— Что ты делаешь?

— Гадаю. Выиграешь ли ты сегодня.

— Это всего лишь цветок.

— Ты прав,— вздохнула она.— Я так волнуюсь! Давай не будем полагаться на глупый цветок. Лун! Лун, подойди!

— Ну что? — Братец Лиа с недовольной рожицей оторвался от игры.

— Иди скорей сюда, сейчас Джок нам покажет, как он стреляет из лука!

Мальчонка тут же бросил игру и прибежал к ним.

— Вот тебе яблоко, видишь ту статую воина, что в самом конце сада? Насади яблоко на копье и беги сюда.

— Я мигом! — Лун побежал исполнять просьбу сестры.

— Что ты делаешь? — удивленно спросил молодой стрелок.

— Я загадала,— если ты попадешь в это яблоко, значит, выиграешь королевский турнир.

— Оно намного ближе, чем будет мишень на поле,— покачал головой Джок.

— Ну пожалуйста! Ради меня! — взмолилась Лиа.

Джок улыбнулся и кивнул. Он надел на руку перчатку, натянул тетиву на мощный лук и достал из колчана стрелу. Свою стрелу. Она была с фиолетовым оперением в золотую полоску. Все знали, каковы стрелы Джока Имарго. Прибежал Лун, яблоко, установленное им, зеленым пятнышком высилось на копье статуи.

Джок наложил стрелу, плавно оттянул тетиву к уху, задержал дыхание и так же плавно отпустил. Тетива звонко щелкнула о перчатку, и стрела, гневно жужжа, отправилась в полет. Секунда, и вот она уже развалила большое спелое яблоко и скрылась где-то в саду.

— Ура! — весело закричал Лун и подпрыгнул.

— Ах, какой ты молодец! — Лиа радостно захлопала в ладоши.— Ты выиграешь этот турнир. Обязательно выиграешь! Ты куда?

— Достать стрелу.

— Погоди! — Она схватила его за руку, а затем, привстав на цыпочки, прошептала: — Оставь. Я отдам ее тебе ночью.

Он с изумлением и радостью посмотрел на нее. Лиа улыбнулась, поцеловала его в щеку и проворковала:

— А теперь иди! Вечером мы отпразднуем твою победу.

Он хотел что-то сказать ей, но девчонка приложила палец к его губам, еще раз очаровательно улыбнулась и, не оглядываясь, пошла к фонтану. Джок немного помялся и покинул сад. Пора готовиться к турниру, ведь Лиа ждет от него только победы.

Девушка выждала минут пять, затем вновь отложила вышивание и пошла в сад. Выдернула воткнувшуюся в землю стрелу и внимательно осмотрела ее.

Превосходно. Лун слишком занят корабликом, отец пьет с друзьями, в ближайшее время ее никто не хватится.

Стрелу надо как можно скорее отнести нужному человеку, и тогда ее ждет награда Хозяина. Она улыбнулась той самой улыбкой, которую так любил Джок.

— Что ты думаешь об этом городе, Эроч? — спросил Эндаргасса.

— Скопище варваров, треш Эндаргасса,— почтительно ответил пожилой охранник, ехавший рядом.

Эроч был эльфом старой закалки, и отношение к людям у него было крайне пренебрежительное. Эндаргасса был не согласен со старым другом и к'лиссангом.

Домам темных стоит держаться людей. Как бы люди ни были странны, некультурны, агрессивны и вероломны — за ними сила и только их воины, действующие вкупе с эльфами, способны уничтожить орков.

Именно поэтому правители девяти темных домов собрались на совет и решили, что пришло время объединить силы людей и эльфов и выступить единой армией против тех, кто смеет называть себя Первыми. Именно поэтому старший сын главы дома Черной розы приехал в Валиостр с грамотой для короля. Именно поэтому младший брат Эндаргассы отправился с точно такой же миссией в Пограничное королевство.

— Ты не прав, Эроч, за людьми сила, и без них мы не справимся с нашими родственничками.— Эндаргасса уже не раз начинал этот разговор.

— Может, за ними и сила, треш Эндаргасса, но люди коварны, жестоки и очень опасны. Мы справимся с орками и без их помощи.

— Тысячелетия войн с Первыми доказывают, что это не так, друг Эроч. Мы сражаемся с ними на равных, но никому не удается взять верх. Армия людей — это та сила, что сможет переломить ход многовековой войны в нашу пользу.

— Люди сражаются в рядах, у них кавалерия, они не приспособлены воевать в лесу. По крайней мере, большинство из них.

— Значит, нам придется выгнать орков из леса,— безразлично пожал плечами Эндаргасса.

— Вашему отцу, прежде чем посылать нас, следовало вспомнить «Легенду о мягком золоте», треш Эндаргасса,— вздохнул Эроч.

— «Свой дом защищай лучше сам»? — процитировал принц.— Как же, помню. Но это всего лишь песня. Того, о чем в ней говорится, никогда не было на самом деле.

— Конечно, треш Эндаргасса, конечно. Но легенда хранит мудрость, гласящую, что не стоит доверять людям, иначе после орков они примутся за нас.

Эндаргасса лишь усмехнулся. Эроч не был большим сторонником заключения союза с людьми.

— Люди могут быть опасны, а вы даже не надели доспехов! — Последние слова телохранителя звучали обвиняюще.

Эндаргасса был облачен в легкую шелковую рубашку с вышитой на груди черной розой, и среди сорока девяти бойцов сопровождения, закованных в сияющие доспехи из голубоватого металла, казался уязвимым.

— Если тебе хочется париться в железе при такой жаре — это твое право,— сказал Эндаргасса.— К тому же ты рядом, что со мной может случиться?

Эроч ничего не сказал, лишь помрачнел еще больше и пристальным взглядом желтых глаз оглядел людскую толпу, выстроившуюся вдоль улиц, чтобы поглазеть на приезд дорогих гостей.

— А вот и встре́чающие,— сказал Эндаргасса, видя, как навстречу его отряду скачут двадцать всадников, облаченных в тяжелую броню.

— Треш Эндаргасса, от имени нашего славного короля Сталкона Рваное Сердце рад приветствовать вас и ваших спутников в столице Валиостра! — произнес всадник в бело-зеленой броне.— Я граф Пелан Гельми, капитан королевской гвардии, и мне поручено проводить вас до королевского дворца.

— Хорошо,— кивнул эльф.— Мы следуем прямо за вами, милорд Гельми.

Рыцарь кивнул, и они направились дальше. Всадники раздвигали праздничную толпу, давая дорогу почетному гостю. Милорд Гельми придержал лошадь и поравнялся с принцем.

— Как вы могли заметить, треш Эндаргасса, у нас в городе праздник, поэтому на улицах столько народа.

— А я думал, что все они решили поприветствовать меня,— поддел человека эльф.

— Конечно, и это тоже,— смутился милорд Гельми.— Знаете ли вы, что сегодня ежегодный королевский турнир? Его величество просит вас присоединиться к нему в королевской ложе.

— Всенепременно.

— В конце будут соревноваться наши лучники. Говорят, вы прекрасный стрелок, треш Эндаргасса. Не желаете присоединиться?

— Нет, благодарю вас.— Легкая улыбка тронула черные губы принца.— Думаю, это будет не очень чест...

В воздухе вжикнуло, и стрела ударила Эндаргассу в шею. Эльф закачался, схватился рукой за горло, захрипел и упал с лошади на мостовую.

Темные схватились за с'каши, люди за мечи, толпа бросилась врассыпную, давя друг друга, лошади, почуяв кровь, обезумели. Эльфы кричали и выли, кто-то бросился к телу, желая остановить кровь, но все было кончено. Эндаргасса, наследник дома Черной розы, был мертв.

— Стрелок на крыше! — кричал кто-то.

— Люди ответят за смерть моего господина! — ревел Эроч, прижимая к себе окровавленное тело принца.

Граф Пелан Гельми был бледен и испуган. Его окружало пять десятков мрачных и взбешенных темных, которые только что потеряли своего сородича.

«Надо действовать, иначе дело дойдет до мечей!»

— Чуч! Оцепите улицу! Бракес, скачи к королю! Мрак, ищите стрелка! Чтобы мышь не проскользнула! Пару, сгоняй сюда всю стражу! Не стойте столбом! Действуйте!

Люди бросились выполнять распоряжения, граф спешился и наклонился над мертвым эльфом. Эроч стоял на коленях прямо в луже крови, с'каш лежал рядом. Он сломал и вытащил из шеи Эндаргассы стрелу, и теперь она двумя безобидными обломками лежала в крови.

— Если вы не найдете убийцу, мы сами отомстим за смерть треш Эндаргассы! — с ненавистью произнес Эроч.

Граф, испачкав в крови парадные дорогие перчатки, поднял с земли обломки стрелы:

— Чуч!

— Да, милорд? — Сдерживая храпящую лошадь, подъехал один из воинов рыцаря.

— Узнаешь? — Он протянул лейтенанту гвардии обломок.

— Д-да...— Чуч был ошеломлен не меньше графа.— Это стрела...

— Думаю, мы схватим убийцу вашего господина в течение часа,— перебивая своего подчиненного, обратился к Эрочу милорд Гельми.

Эльф долго смотрел на человека своими бесстрастными янтарными глазами, а затем нехотя кивнул:

— Мы подождем... Час.

До начала королевского турнира оставалось не меньше часа, но Джок уже спешил к полю, где должны были проходить основные состязания. Во-первых, ему было интересно узнать, кто станет победителем всеобщей свалки, а во-вторых, стоило подготовиться, оценить ветер и осмотреть площадку, где предстоят соревнования.

Улица, прилегающая к полю, смутила его. Джок шел и никак не мог понять, что же здесь не так? Потом осознал — люди! Здесь было мало людей, а ведь сегодня королевский турнир! Горожане отчего-то не спешили занять места на скамейках, дабы насладиться зрелищем поединков.

Все обсуждали заварушку, случившуюся возле Грязных ворот. Вроде убили кого-то из эльфов. Джок не придал этому событию никакого значения, сейчас он целиком и полностью был настроен на победу, а все остальное его нисколько не заботило. Последний час перед глазами лучника висела красно-белая мишень, в яблоко которой он должен был вогнать как минимум восемь стрел.

Последние сто шагов до конца улицы и начала турнирных площадок Джок Имарго прошел в полном одиночестве. Людей отсюда как будто ветром сдуло. Ни единой души.

Лишь впереди стояли солдаты из королевской гвардии. Джок нахмурился. Во-первых, что здесь делают гвардейцы, ведь обычно довольствуются охраной городской стражи? Во-вторых, солдат было намного больше, чем это требовалось.

Как минимум двадцать пеших, половина из которых копейщики, а половина арбалетчики. Да еще и десяток конных, все закованы в броню, у всех воинственный вид. Командовал, как понял Джок, рыцарь в бело-зеленой броне, по крайней мере, доспехи этого человека были самой богатой отделки.

Люди молча ждали его приближения, никто не шевелился. Джок замедлил шаги и ахнул — турнирные флаги, а также сине-серое королевское знамя были приспущены.

— Неужели король умер?! — ошеломленно пробормотал он.

Это сразу проясняло, почему никто не спешил на турнир и отчего люди выглядели такими обеспокоенными и испуганными.

Лица у стражников были хмурые и напряженные. Джок подошел к преградившим ему дорогу и обеспокоенно спросил у знакомого воина, с которым несколько раз до этого пил пиво:

— Трамур, что здесь происходит?

— Смотри-ка, сам пришел! — криво усмехнулся тот, поудобнее перехватывая копье.— Бросай лук, падаль!

— Что? — опешил Джок, бросив взгляд на бело-зеленого рыцаря, но тот молчал.

Трамур ударил Джока пяткой копья* в живот. Молодой человек согнулся от боли, выронил лук. Из глаз брызнули слезы, и дышать сразу же стало очень тяжёло.

Второй удар пришелся по шее, мостовая дернулась, качнулась, подпрыгнула и со всей силы ударила в лицо. Рот наполнился кровью, в голове властвовало смятенье, он попытался встать, спросить, за что его бьют, но кто-то ударил его ногой под ребра, и он вновь рухнул на камни мостовой.

Его долго и молча били, он пытался защитить голову руками, свернуться, как зародыш сворачивается в материнской утробе, но от ударов некуда было деться и негде спрятаться. Они сыпались и сыпались. Сильные, болезненные, испуганные.

Лучник уже не чувствовал вкуса крови во рту, так много ее было. Шум в ушах стал приглушенным и вязким, как болото. Наконец чей-то голос рявкнул:

— Хватит! Довольно, я сказал! Темным не нужен мертвец!

Больше Джок ничего не слышал, он провалился в спасительное небытие...

Последующие дни прошли для него как в тумане. Он просыпался в какой-то узенькой камере, настоящем каменном мешке, его били, затем вели на допрос, где трое людей со скучающими лицами и эмблемами Королевских песочников задавали ему странные и пугающие вопросы.

Поначалу Джок пытался оправдываться, пытался сказать, что он не виноват, но вновь начинались побои. Его никто не слушал.

Песочникам нужно было только признание, иначе темные, одуревшие от жажды мести, устроят в королевстве бойню. Затем начались пытки. На третьей он сломался и признался во всех злодеяниях, что ему приписали. Ему уже было все равно, что с ним будет, лишь бы его хоть ненадолго оставили в покое.

Лицо Джока превратилось в кровавое месиво, нос сломали в нескольких местах, пальцы на руках раздробили, ребра переломали,

кровоподтеки, синяки и рассечения просто невозможно сосчитать. Он почти не двигался, когда его бросали на провонявшую мочой солому камеры, лишь тяжело дышал, скулил и засыпал.

Иногда дверь камеры открывалась, и к нему приходили гости. В такие минуты он начинал тихонько и жалобно стонать, так как его опять начинали бить. Потом пришло забытье, и больше недели он находился на грани смерти.

Но ему не дали умереть. Орденский волшебник помог вернуть его из тьмы.

Очень часто к Джоку приходили сны. Он спал, он грезил, он был далеко-далеко от холодного каменного мешка, в который его бросили по чьей-то злой воле. Лучник почти не помнил своих снов, кроме одного...

В этом сне к нему пришел стражник, он открыл дверь камеры и, весело улыбаясь, сказал, что знает о том, что Джок не виноват и что преступление совершили слуги Хозяина. Хозяин ждет... После этого Джок плакал и крутился на соломе... А затем вновь уснул.

Потом был очень скоротечный суд, который он почти не запомнил. Лишь яркий свет в глаза, много белых пятен лиц и разговоры. Его о чем-то спрашивали, он отвечал... Вот какой-то человек показал высокому королевскому суду его колчан со стрелами, а затем достал его стрелу, только сломанную и отчего-то покрытую засохшей кровью.

— Я не виноват,— шепчет Джок, но его никто не слушает, лишь писарь суда скрипит пером по бумаге.— Это все слуги Хозяина...

Суд опрашивал красного и потеющего мастера Лотра. Тот заикался со страху, озирался по сторонам, но говорил... Да, Джок был в тот день у меня... Да, расстроился, когда узнал, что эльфийский принц, да пребудет он в свете, захотел выступать на турнире... Да, мелькнуло в его глазах что-то... И как он, старый дурак, не заметил этого сразу?

Еще какие-то люди... Друзья, знакомые, товарищи, родственники... Да, он хотел победить... Да, мог проиграть из-за эльфа... Да, он всю жизнь был тщеславным и злобным малым. Да, позор-то какой!

Потом была Лиа. Да, Джок говорил ей, что всеми средствами победит сегодня на турнире... Дальше он уже не слушал, а лишь шептал разбитыми губами одно и то же слово:

— Лиа... Лиа... Лиа...

Все было кончено и решено. Подписанное им признание, его обагренная кровью стрела, показания десятка свидетелей, все это привело высокий королевский суд к единственно верному решению.

Когда деревянный молоток опустился и худой старый судья в черной мантии и нелепом белом парике произнес лишь одно слово — «виновен», Джок увидел, как эльф, весь суд просидевший неподвижным камнем, посмотрел на него и улыбнулся. Штаны Джока стали мокрыми, эта улыбка испугала его так, как не могли испугать все побои людей.

Его не казнили, с ним сделали гораздо более страшную вещь — отдали в руки темных. Старый эльф с блеклыми желтыми глазами и сухими, как сено, волосами, эльф, который так напугал Джока на суде, самолично приглядывал за ним.

Его положили на повозку, заковали в кандалы и увезли из Ранненга.

Дорога до Заграбы сложилась для Джока в одну длинную нить скрипа колес, неба над головой, гортанных разговоров эльфов и боли.

Она приходила ежедневно, раскаленными щипцами вцеплялась в плоть, как только наступал вечер и эльфы останавливались на ночлег.

В это время к пленнику приходил Эроч и доставал из кармана маленькую коробочку стальных иголок. Эльф всегда все делал молча, но каждый раз после пытки Джок думал, что пришел его час и он умрет прямо сейчас. Поэтому ждал прихода смерти с радостью и болезненным предвкушением.

Но эльфы были слишком внимательны, чтобы потерять своего пленника после пытки. Когда боль становилась особенно невыносима, когда она грозилась раздуться и разорвать голову, появлялся эльфийский шаман и приносил облегчение. А следующим вечером все повторялось. Изо дня в день, терпя невыносимые мучения, Джок умирал, проклинал богов, оживал, плакал и вновь умирал. Страшный сон никак не кончался...

Заграбу он помнил плохо... Зелень, шелест листьев, звон ручьев, прохлада и боль... Его куда-то вели, кому-то показывали, сотни клыкастых эльфийских лиц, старый эльф с черным обручем на голове, молчание и снова боль...

Отчего-то все деревья росли здесь сверху вниз. И трава тоже. А солнце садилось снизу вверх. Эльфы ходили по земле, которая оказалась вверху, вниз головой.

Он долго не мог понять, что происходит. Не мог сообразить до тех пор, пока не обратил внимание, что кровь, вяло капающая из рассеченной щеки, стекает ему на лоб, а не на подбородок, а затем срывается и взлетает на землю, висящую над его головой.

Все оказалось очень просто, он висел на дереве вниз головой, а веревка, перекинутая через толстый сук, надежно оплетала его ноги. Сколько это продолжалось? Час? День?

В лесу стемнело, наступила ночь, и где-то внизу сквозь темные кроны деревьев проступили звезды.

Его никто не охранял. Зачем? Из эльфийской веревки-паутинки не выпутаешься, да и далеко ли пробежит по незнакомому лесу измученный человек?

Лучник вновь провалился в забытье, стараясь побороть боль. Тихий шелест травы разбудил его, и, открыв глаза, он увидел под собой темный женский силуэт.

«Эльфийка!» — промелькнуло у Джока в голове.

Женщина молчала, молчал и он. Ему было все равно, он уже давно привык, что многие приходили смотреть на него. Пусть смотрит, лишь бы не била. Внезапно она рассмеялась.

— Кто... вы?

Слова дались ему с трудом, он уже давно ни с кем не разговаривал. Большинство времени лишь кричал от мучений.

— Бедняжка,— вздохнула женщина.

— Лиа? Это... это действительно ты? — выдохнул он, не веря своим ушам.

— Лиа? Что ж, ты можешь называть меня так,— сказала она, выходя из тени на лунный свет.

Она была такой же красивой, как тогда в саду, в тот злополучный день гибели эльфийского принца. Русые волосы, голубые глаза, скуластое лицо, пухлые губы.

Лиа. Его Лиа. Та, что предала.

— Но... как?

Как девушка могла оказаться так далеко от дома, в самом сердце страны эльфов?

— Слуги Хозяина способны и не на такое.

— Хозяина? Я не виноват! Я не мог этого сделать, только не я!

— Знаю.— Она улыбнулась.

— Знаешь? Но почему тогда ты молчала? Надо сказать эльфам, надо объяснить им...

— Поздно. Сейчас темные не желают никого слушать, они жаждут мести. Разбираться, действительно ли ты виновен, они станут не раньше, чем через несколько месяцев. А этого времени у тебя, увы, нет. Эльфы решили сделать исключение — завтра тебя ждет Зеленый лист.

Джок дернулся на веревке, закачался, как маятник, и всхлипнул от ужаса. Он не хотел умирать... так.

— У тебя есть выбор, глупыш.— Лиа подошла вплотную, и он почувствовал запах ее клубничных духов.— Или темные устроят тебе показательную казнь, которую раньше применяли только на орках, или...

— Или? — эхом откликнулся Джок.

— ...или ты станешь верным слугой Хозяина.

Она говорила долго, очень долго, и, когда она закончила, Джок сказал всего лишь одно слово:

— Да.

В глазах его разгоралась ненависть.

Девчонка достала из складок платья кривой эльфийский нож, привстала на цыпочки и легким движением перерезала человеку горло.

На ее волосы, лицо, шею, платье обрушился горячий водопад. Она стояла, принимая эту страшную Купель Кровавой Росы и... улыбалась. Когда все кончилось, девушка посмотрела на мертвое тело, висящее перед ней, и сказала:

— Ты родишься вновь, родишься в Доме Любви и станешь самым первым, самым преданным слугой!

Через минуту на лесной поляне уже никого не было, лишь мертвец тихонько покачивался на веревке...

— Ты плохо спал этой ночью. Опять кошмары? — спросил у меня Кли-кли, кутаясь в плащ и зябко ежась от утренней прохлады.

— Угу,— угрюмо ответил я, скатывая одеяло.

— Про что на этот раз?

— Про Джока-принесшего-зиму.

— Ух ты! Расскажи! — заинтересовался гоблин.

— Отстань, Кли-кли, не до тебя! — После вчерашнего разговора у костра и нового сна мне было над чем подумать.

Кли-кли разочарованно хрюкнул и поплелся приставать к Фонарщику, седлавшему наших лошадей.

Погода с утра вновь испортилась. Моросил легкий дождик. Капли были настолько мелкими, что я едва мог их разглядеть.

Как бы не ливануло по новой. Проклятый дождь успел всех нас порядком достать. Уж не знаешь, что лучше — отупляющая жара или такая вот промозглая погода.

За ночь костер полностью прогорел, а оставшиеся после него угли задушил дождик. Вновь разжигать пламя не имело смысла — пока провозишься, потеряешь кучу времени. На ходу перекусив холодным мясом подстреленных вчера Эллом куропаток, мы отправились в путь.

Тоскливая холмистая равнина тянулась и тянулась мимо, не имея ни конца, ни края. Тучи и полумрак дождливого дня навевали глубочайшую тоску. Через полтора часа скачки Алистан вывел отряд к старой, расползшейся от дождя, едва заметной из-под луж и грязи дороге.

— Впереди, лиги через три, будет деревня,— сказал Элл.

— Надо пополнить припасы и купить лошадей,— кивнул Алистан Маркауз.

— Если их продадут,— сомневающимся голосом ответил Элл.

— У крестьян всякая животина на счету,— поддакнул Медок.

— Там увидим,— сказал Алистан Маркауз и повел отряд по дороге.

Скорость нашего продвижения упала, копыта лошадей чавкали в грязи и бурлящих от дождя лужах. Пелена висела над миром, и видно было не дальше чем на сто — сто пятьдесят ярдов.

Дорога пошла вниз, спускаясь с очередного холма. Стекающие ручьи обгоняли нас и вливались в огромную лужу. Так, чего доброго, скоро вновь настанет необходимость плыть — лошади шли по колено в воде. Тракта видно не было, и мы, сбившись с пути, попали на старый, уже затопленный погост.

Верхушки могильных памятников торчали из воды как маленькие островки, мы ехали мимо них, стараясь направлять лошадей друг за другом, чтобы, не дай Сагот, не провалиться в открытую могилу, которая вполне могла находиться под слоем воды.

— Куда это нас занесло? — хмуро спросил Медок, ни к кому не обращаясь.

— К мертвякам, разве не видно? — буркнул Халлас, не понимая, что некоторые вопросы бывают просто риторическими.

— Что может делать кладбище в таком месте, да еще такое затопленное? — Медок бесстрастным взглядом проводил проплывающий мимо нас притопленный гроб, видать вымытый водой из свежей и неглубокой могилы.

— Деревня близко,— ответил Сурок, поправляя край капюшона, чтобы защитить от дождя высунувшегося Непобедимого.

— Быстрей бы уж.— Шляпа Делера давно превратилась в нечто бесформенное и насквозь мокрое.— Сейчас бы в тепло, к огню, горячего вина и теплую постель со всеми радостями жизни.

— Не думаю, что в такой глуши мы сможем найти для тебя трактир, скажи спасибо, если пустят переночевать в хлеву,— ответил Сурок, смахивая с лица дождевые капли.

— Дождь затяжной, это теперь на целый день,— хрипло сказал Басс, стараясь направить свою лошадь так, чтобы она шла параллельно Пчелке.

— В могилу хочешь угодить? Давай или назад или вперед,— обратился я к нему.

Он недовольно зыркнул на меня из-под капюшона и придержал лошадь.

Кладбище кончилось так же неожиданно, как и началось. Из воды вновь появилось некое подобие дороги, взбирающейся на очередную возвышенность.

Деревня мне не понравилась сразу. Пять десятков приземистых деревянных домов расположились рядом со стеной черного елового леса. Вскопанные и размокшие поля, жирная грязь на улицах, дым от печных труб над крышами да еще и дождь. Все это враз вызвало у меня отрицательное отношение к деревушке.

Мальчишка, идущий с ведром в нашу сторону, увидев отряд, уронил ношу в грязь и с воплем побежал прочь. Басс выругался сквозь зубы, видно не понимая, что выскользнувшие из-за стены дождя вооруженные всадники могут напугать не только десятилетнего мальца, но и взрослого человека.

Когда мы подъехали к центру деревни, все жители попрятались от дождя, и улица была пустой. Капли шуршали по крышам, барабанили по капюшонам, плескались в лужах. Нас окружал их тихий шепот. Из одного дома вышел здоровенный мужик с топором и с тревогой посмотрел на нас.

— Как называется деревня? — спросил у него Медок.

— Верхние Выдры,— угрюмо ответил крестьянин, нервно перекладывая топор из руки в руку.— Нам не нужны неприятности.

— Их у вас не будет. Трактир в деревне есть?

— Прямо, ярдов через двести. Серый дом с вывеской, не ошибетесь.

Медок поблагодарил человека кивком головы и послал лошадь вперед. Мы поехали дальше, направляясь в указанную сторону. Я не удержался и оглянулся назад, но крестьянин с топором уже исчез.

Трактир был так же уныл и неопрятен, как и другие дома Верхних Выдр. Над входом висела жестяная вывеска, но что было на ней написано, я разобрать не смог — слишком старой она была, краска давно стерлась, а обновить надпись трактирщик не спешил.

— Ждите здесь,— сказал Алистан Маркауз, спрыгивая в грязь и протягивая поводья Сурку.— Медок, идем.

Они скрылись в здании, оставив нас мокнуть под дождем. Делер никак не прекращал стенаний, мечтая о жарком огне и горячей еде. Халлас в несвойственной ему вежливой манере попросил карлика замолкнуть.

Алистан и Медок вышли хмурыми и злыми.

— Трактир не работает, переночевать нам нельзя. Никто в деревне ничего не продает, тем более лошадей. Их у них меньше десятка.

— А настоять? — спросил Эграсса.

— Не думаю, кузен, что это хороший способ завоевать людскую любовь,— ответила эльфу Миралисса.

По лицу Эграссы было хорошо видно, что он думает о людской любви.

— Но переночевать-то нас пустят или опять мучиться? — влез в разговор Басс.— Мне этот дождь до смерти надоел!

— Нам всем надоел дождь,— громыхнул Медок, взбираясь на лошадь.— Милорд Алистан, может, попробуем поискать в домах? Авось кто и согласится нас приютить за пяток монет?

— Не стоит и пробовать. Трактирщик сказал, что это владения Балистана Паргайда.

Сурок выругался:

— Давайте убираться отсюда.

Но мы не проехали и ста ярдов — улицу преградила толпа. Угрюмая, злая и молчаливая. Здесь собрались чуть ли не все жители деревни. У многих в руках были вилы, топоры, косы, цепы, а то и обычные поленья.

— Ой! — тихонько произнес шут.

Я тут же оглянулся назад — дорогу перекрыли две телеги. Ловко.

— В чем дело? — крикнул Алистан Маркауз.

Из толпы вышел давешний мужик с топором:

— Мы не хотим неприятностей!

— Мы уезжаем из деревни, пропустите!

— С радостью, но сперва бросьте оружие и отдайте нам лошадей!

— Что?! — взревел Халлас, потрясая мотыгой.— Чтобы гном отдал свое оружие шайке мерзких вонючих крестьян?! Не бывать этому!

Толпа угрожающе загудела и двинулась в нашу сторону.

— Будем прорываться,— сказал Алистан Маркауз и плашмя ударил коня мечом по крупу.

Огромный боевой конь сделал скачок, оказался перед людьми, смял тех, кто шел в первом ряду. Сверкнул меч, отбивая цеп. Крестьяне с воплями и проклятьями бросились в стороны.

Я направил Пчелку вперед, стараясь не отставать от остальных. Отряд прошел сквозь крестьян, как нож проходит сквозь масло. Тех, кто не догадался отскочить, затоптали.

Один парень едва не умудрился всадить мне вилы в бок, но Халлас размозжил ему голову мотыгой, прежде чем я успел испугаться. Секунда — и я уже вылетел из толпы, отчаянно стуча по бокам Пчелки пятками и пригибаясь к ее шее.

Воинственные крики остались позади, мы неслись вдоль мрачных домов, желая поскорей вырваться из этой проклятущей деревни. Какая муха их тут всех перекусала, хотел бы я знать? Впереди было нечто вроде перекрестка. Прямо на нашем пути стояло человек пятнадцать, и эти, в отличие от крестьян, были вооружены копьями и луками. И одеты не в пример лучше — шерсть и сталь.

Алистан направил коня влево, проносясь мимо выставленных копий. Миралисса умудрилась сжечь одного из врагов заклинанием. Пока остальные хлопали глазами и орали от испуга, отряд пронесся за Алистаном. Я скакал предпоследним, сразу же за Халласом. Гном на своем коньке успел проскочить опасное место, а на мою долю достались острые наконечники копий, мелькнувшие в пяти дюймах от лица. Пчелка встала на задние ноги и заржала. Я только каким-то чудом не сверзился с седла и не упал в грязь.

— Вправо! — рявкнул Басс, видя, что дорога слева уже перегорожена копейщиками.

Я с трудом направил Пчелку вслед за лошадью Проныры. Придется нам прорываться вдвоем. Теперь мы скакали в противоположном направлении от наших. За спиной щелкнули тетивы, и одна из стрел, прожужжав у меня над ухом, впилась в круп лошади Басса, скачущего впереди. Та встала на дыбы и сбросила приятеля на землю.

— Руку! — крикнул я, подлетая к нему и свешиваясь с седла.

Проныра вцепился в мою руку, подпрыгнул, я закинул его на Пчелку позади себя, и он вцепился в меня не хуже пиявки.

— Надо выбираться отсюда! Гони!

Меня не стоило упрашивать дважды. Вновь вжикнули стрелы, но на этот раз мимо. Мы пронеслись сквозь всю деревню, больше не встретив ни одного человека — ни своих, ни чужих.

Я остановил Пчелку, только когда Верхние Выдры остались далеко позади, скрывшись за завесой дождя.

— Неласковые ребята, чего они на нас взъелись?

— Мы можем вернуться и спросить их об этом.— Басс соскользнул с Пчелки.

— Надо отыскать наших.

— При таком-то дождине? Ты их не заметишь, пока не столкнешься нос к носу.

— И что ты предлагаешь?

— Я бы смылся, не находись мы так глубоко в Приграничье. Отсюда в одиночку не выберешься.

Я слез с Пчелки и повернулся к нему:

— Ты не прав, нам надо как можно скорее найти отряд. Смотри, деревня осталась там. Нам просто стоит сделать крюк, и мы выйдем к отряду.

— Вдвоем на одной лошади? — Он обернулся и задумчиво стал смотреть в сторону Верхних Выдр.

Вот тут-то я и увидел это.

Из спины Басса торчало две стрелы. Толстые, с палец толщиной, с белым оперением, одна застряла прямехонько под левой лопаткой, другая намного ниже и правее. Сердце и печень. С такими ранами люди не живут. Проныра же, казалось, даже не почувствовал ни боли, ни стрел, да и на его одежде не было видно ни капли крови.

— Так что ты думаешь? Гаррет, я, кажется, с тобой говорю!

— А?

Видно, в моих глазах что-то проскользнуло, потому что Басс внимательно, с прищуром посмотрел на меня и спросил:

— Что с тобой, дружище?

— Ты знаешь,— осторожно начал я,— те парни все же хорошо стреляют.

— С чего ты взял? Мы вроде как живы.

— У тебя из спины торчат две стрелы. Не ощущаешь?

Он, не спуская с меня глаз, нашарил рукой одну из стрел и неприятно хмыкнул.

— Вот тьма! Если бы ты знал, как не вовремя это все случилось,— криво ухмыльнулся Басс, а затем, каким-то немыслимым образом оказавшись рядом, ударил меня под дых.

Пчелка испуганно заржала и шарахнулась в сторону, я не удержался на ногах и упал.

— Мне всего лишь надо было наблюдать за тобой и говорить женщине, где вы.— Голос Проныры звучал жалобно.— Теперь Хозяин меня накажет.

Мое сердце ощутимо екнуло.

Глаз у Басса больше не было, вместо зрачков и радужки плескалось море тьмы. Его глаза были глазами старика из тюрьмы Хозяина.

Нож сам прыгнул в мою руку, и я остервенением всадил длинное лезвие ему в живот, но он даже не пикнул. Я не заметил, как он меня ударил, в груди разорвалась боль, не спасла даже кольчуга, и я снова оказался на земле.

— Ты знаешь,— скучающим голосом сказал Проныра, вытаскивая из живота мой нож и взвешивая его в руке,— ребята Маркуна действительно отправили меня под Пирсы в тот день, когда я украл у вас с Фором деньги. Не повезло. Быть мертвым — очень плохая штука, Гаррет. Но Хозяин вернул меня к жизни, я стал Продавшим-

ся и всего лишь должен был присматривать за вами. Ну и что нам с тобой теперь делать?

Вжих! Черная стрела ударила его в сердце.

Вжих! В горло.

Вжих! В живот.

Элл стоял не далее чем в десяти ярдах от нас и с методичностью вбивал в Басса стрелу за стрелой.

Без толку!

— Меня так просто не убить,— зарычал Басс, бросаясь к эльфу.— Я очень давно хотел сделать то, что сейчас сделаю!

Элл отбросил лук и достал из-за спины с'каш. Мой нож намного уступал длиной кривому клинку, но Проныру это нисколько не смущало, он налетел на эльфа как весенний ураган.

Тяжелое дыхание, мелькание клинков, звон стали о сталь. Басс лишился левой руки по локоть, но продолжал атаковать. Из обрубка не вытекло ни капли крови, а его черные глаза остались безучастны.

Я всадил ему в затылок арбалетный болт, пробив голову насквозь. Эта неприятность Продавшегося тоже нисколько не смутила.

Я вспомнил, что говорил Посланник Лафресе.

— Элл! — заорал я, перезаряжая арбалет.— Голова! Сноси ему голову!

Басс зарычал, отвернулся от противника и бросился на меня с ножом. Эльф подскочил сзади, кривой меч взвизгнул и отделил голову того, кто раньше был моим другом, от туловища.

Она упала в грязь и покатилась. Тело, напичканное стрелами, отчаянно махало из стороны в сторону уцелевшей рукой, пытаясь задеть кого-нибудь из нас ножом. Тварь до сих пор оставалась живой и опасной.

Элл подскочил к голове и дважды ударил извлеченным из-за голенища кинжалом по черным глазам. Раздался звук трескающейся скорлупы, глаза лопнули, и тело, конвульсивно дернувшись в последний раз, рухнуло в лужу и затихло.

Не теряя времени даром, эльф оказался рядом с мертвецом и, вновь взявшись за с'каш, расчленил труп, отсекая руки и ноги. Я все еще стоял с опущенным арбалетом, когда Элл молча протянул мне мой нож. Я осторожно взял его, осмотрел и убрал в ножны. На клинке не было ни капли крови.

— Он мне никогда не нравился.— Желтые глаза сверкнули.

— Что это такое? — ошеломленно спросил я.

— Один из видов упыря, магически созданный из убитого. Верный слуга. Они соображают, говорят, могут есть, помнят все, что было с ними до смерти, и их практически нельзя отличить от обыч-

ных людей. Чего я не знаю, спросишь у Миралиссы, если это тебе так интересно. Нам повезло, что во время нашего пути он был спокоен.

— Как ты нас нашел?

— Я же говорю — он мне никогда не нравился,— повторил Элл.— Лови свою лошадь, и поехали, дождь усиливается.

Я свистнул, подзывая Пчелку. Этому фокусу меня научил Кли-кли. Животина все еще была испуганна, она косилась на лежащего в луже мертвеца, но, подчиняясь моему зову, подошла.

— Спасибо,— сказал я, забираясь в седло.— Сегодня ты спас мою шкуру.

Он ничего не ответил, только кивнул. Я объехал тело Продавшегося и за всю дорогу до отряда больше ни разу не обернулся.

Глава 12
СУД САГРЫ

После Верхних Выдр погода изменилась в лучшую сторону. Боги на небе щелкнули пальцами, и сильный ветер за одну ночь прогнал тучи. Выглянувшее с утра солнце теплой рукой принялось сушить землю, избавляя ее от излишней влаги. Наконец-то можно было снять плащ и насладиться чудесной погодой.

По словам Алистана Маркауза, до Пограничного королевства отряд доберется к вечеру. При должной удаче и помощи богов мы наткнемся на один из гарнизонов. В Пограничье никому не отказывают в ночлеге.

После истории с Бассом Миралисса долго расспрашивала меня, что произошло. Эльфийка многозначительно кивала, переглядывалась с подъехавшим Кли-кли, но молчала и лишь в конце моего рассказа произнесла:

— Как говорят у людей, ты родился в рубашке.

На этом наш разговор и закончился. Ни она, ни гоблин не удосужились мне что-либо объяснить.

Улучив момент, я подъехал к Эллу. Эльф бросил на меня удивленный взгляд, но промолчал, ожидая, когда я сам начну разговор.

— Элл... я...

— Не трудись, Гаррет. Мне от твоих благодарностей ни горячо ни холодно.

— Я в общем-то не об этом хотел поговорить,— смутился я.

— Да? — Быстрый взгляд.— Ты смог меня заинтриговать. Продолжай.

— Ты ведь из дома Черной розы... Понимаю, может, тебя мой вопрос удивит, но ты что-нибудь знаешь о Джоке-принесшем-зиму?

— О принцеубийце? Каждый ребенок нашего дома знает о нем. Великолепная сказка, воспитывающая ненависть к человеческой расе.— Он ухмыльнулся, то ли шутя, то ли говоря абсолютно серьезно.

— Что с ним стало?

— Его казнили.

— Это вы говорите чужакам, а что произошло на самом деле?

— Ты и есть чужак,— безжалостно ответил Элл, затем помолчал и спросил: — Почему тебя это так интересует?

— Я видел сон, где его не казнили. По крайней мере, так, как хотели.

— Раз видел сон, зачем же тогда меня спрашивать? — буркнул желтоглазый.— Этому парню повезло: какая-то сердобольная душа вскрыла ему горло от уха до уха.

Эльф провел пальцем себе по шее, показывая, как было дело.

— Об этой истории мы не очень-то любим распространяться. Джоку удалось выскользнуть из рук наших палачей перед самой казнью. Везучий ублюдок. Того, кто отправил его во тьму, мы так и не нашли. Ходил слушок, что это кто-то из орков пробрался и пошутил, но я в него не очень-то верю.

— А...

— Гаррет, это было больше шестисот лет назад, столько поколений сменилось, а ты хочешь, чтобы я вспоминал рассказы стариков! Я больше ничего не знаю.

— Понимаю... но неужели вы не смогли догадаться сразу, что его подставили?

— Знаешь такое выражение — гнев застилает разум? Вы, люди, искали... э-э-э... как это у вас называется... козла отпущения. Зачем доискиваться, кто виноват, если эльфа убила стрела Джока? Или очень похожая стрела. У вас был выбор: или искать настоящего убийцу и влезть в войну, или отдать одну человеческую жизнь и забыть обо всем. Тогдашний ваш король поступил мудро, козел был найден, стрела предъявлена, признание, пускай и выбитое, имелось, свидетели...

Он скривился.

— Мои предки тоже хороши. Горе и ярость застлали им разум, на принцеубийце мы хотели отыграться за то, что случилось в Раннеинге — виновен он или нет. Мы пытались его допросить, но ваши побои и наши пытки... Он только твердил, чтобы его не били... В то время он был виновен, это только спустя три месяца, когда стали ко-

пать, выяснилось, что стрелок-то был другой, а Джок в это время находился совсем в ином месте.

— Другой стрелок?

— Вы, люди, как и мы, эльфы, тоже не очень любите рассказывать о своих ошибках. Он сам признался. Добровольно. Пришел, рассказал, как все было, где прятался, как стрелял. Не сказал только, почему это сделал.

— Он?

— Настоящий убийца.

— А никто не думал, что это просто сумасшедший, которому нечего делать?

— Откуда я знаю, Гаррет? Может, так и было.

— Но было поздно. Джок-то уже был мертв.

Элл пожал плечами:

— Одна человеческая жизнь не сыграла большой роли.

— Ты ошибаешься,— тихо проговорил я.— Ты не знаешь, что произошло из-за той страшной ошибки.

— Да? — Он посмотрел на меня.— Так расскажи мне, глупому.

— Забудь, теперь это всего лишь пустое сотрясение воздуха.

Эльф кивнул и выкинул наш разговор из головы.

Но только не я. Теперь я знал кто, что и как.

Милорд Алистан решил выслать разведчиков, и теперь Угорь с Сурком уходили далеко влево или вправо, выискивая возможную опасность. Пока все было тихо, и я бы с удовольствием согласился, чтобы эта тишина продолжалась еще очень и очень долго, вплоть до самого Храд Спайна, но всему хорошему когда-нибудь приходит конец. После полудня вернулся Сурок и доложил, что в нашу сторону движется вооруженный отряд.

— Всадники,— сказал он милорду Крысе.— Человек сто — сто двадцать, может, больше. Все вооружены, в доспехах. В полулиге отсюда.

— Люди Балистана Паргайда?

— Не похоже, но могу ошибаться, расстояние слишком большое.

— Они тебя увидели?

— Обижаете, милорд,— ухмыльнулся Сурок.— Если поторопимся — мы еще можем схорониться и попытаться избежать встречи.

— Не думаю, что это нам удастся.— Элл указал на появившегося вдалеке конного. Человек заметил нас, развернул лошадь и поскакал в обратном направлении.— Они тоже не гнушаются разведчиками.

— И мы посмотрим, кто кого,— взялся за секиру Делер.

— Навоюешься еще,— одернул ретивого карлика Медок.— Не дергайтесь. Халлас, это тебя касается в первую очередь.

— Угу.— Гном выбил трубку и убрал ее в седельную сумку.— Я нем как могила.

К отряду присоединился Угорь, который сумел разглядеть немного больше, чем Сурок.

— Это точно не Паргайд, если только он не собирается сбить нас с толку. У них два знамени — зеленое поле с черной тучей и молниями и желтое поле со сжатым стальным кулаком в пламени.

— Про первое ничего не могу сказать, это какой-то мелкий землевладелец, а вот второе знамя мне известно. Это знамя графа Альгерта Далли, хранителя Западной границы,— ответил милорд Алистан.

— Что он делает в чужих землях, любезный милорд? — спросил шут.

— Не обязательно он, это может быть отряд воинов, служащих ему.

— Я могу сказать, кому принадлежит первое знамя, милорд,— влез я в разговор.— Если не ошибаюсь, такой герб у барона Оро Габсбарга. Мы видели его на приеме у Балистана Паргайда, Кли-кли.

— Ах да! Такой большой и лохматый! Как же, как же. Припоминаю.

Напряжение в отряде немного спало. Не думаю, что воины Пограничья и люди барона сразу же изрубят нас в капусту. Это ведь не алчущий крови граф Паргайд, люди которого поджидали нас в Верхних Выдрах, — Элл успел увидеть вышитого на их одеждах соловья. Приспешники графа настроили против нас жителей деревушки, когда кто-то вовремя передал им сообщение. Уж не знаю, как сообщение обогнало нас — то ли голубем, то ли вороном, то ли магией, но нам успели организовать теплую встречу.

Впереди появилась колонна всадников. Они скакали прямо в нашу сторону, и я бы не сказал, что был очень рад этому обстоятельству. Когда на тебя прет такая силища, невольно хочется оказаться как можно дальше. Знамена трепетали на ветру, доспехи и наконечники копий сияли в лучах солнца, лошади дробили копытами землю... Колонна стремительно приближалась.

— Спокойно, ребята,— процедил Медок и, сам того не замечая, потянулся за огроломом.

Впереди ехали двое рыцарей, облаченных в тяжелые доспехи. У одного был закрытый шлем в виде головы петуха с зелеными перьями-плюмажем. Второй — без шлема, с густой черной бородищей. Я без труда узнал в нем своего знакомого — барона Оро Габсбарга. Сзади следовали оруженосцы, за ними знаменосцы, еще дальше во-

ины в кольчугах и полушлемах с широкими стрелками, защищающими нос. У многих были копья и щиты.

Когда до нашего отряда всадникам оставалось не больше двадцати ярдов, человек в шлеме поднял правую руку раскрытой ладонью вверх, и воины остановились. К нам поехали барон с рыцарем, оруженосцы и знаменосцы.

— Назовите себя,— произнес «петух», подъезжая к нам. Из-за шлема голос человека казался глухим и безжизненным.

— Ба! — вскричал барон, увидев меня. Его лицо выразило крайнюю степень изумления.— Будь я проклят, если передо мной не дралан Пар собственной персоной!

Оро сощурился, наткнулся взглядом на Угря и неуверенно спросил:

— Милорд герцог?

Видок у Угря не очень соответствовал герцогскому, да к тому же магия личины, наложенная на него Миралиссой, давно пропала, и теперь герцог Ганет Шагор был смугл и черноволос, и это не укрылось от взгляда барона.

— Не совсем,— произнес Алистан Маркауз, выезжая вперед.— Господа...

— Глазам своим не верю! Граф Алистан Маркауз собственной персоной, сожги меня молния! И вы здесь?! Воистину я польщен, что такие люди оказались на моей земле! Неужели вы решили воспользоваться моим приглашением и посетить Фарахолл?! Лейтенант, позвольте, я представлю вам своих гостей. Это граф Алистан Маркауз, правая рука нашего славного короля Сталкона, капитан королевской гвардии, это...

— Позвольте, я сам представлю остальных людей вашему благородному спутнику, барон,— вежливо перебил Оро Габсбарга Алистан.

— Почту за честь,— прогрохотал «петух» и снял шлем.

Сурок вроде ахнул, потому как рыцарь оказался женщиной. Очень молодой девушкой с наголо бритой, по моде воинов Пограничного королевства, головой.

— Это маркиза Алиа Далли, лейтенант гвардии, дочь графа Альгерта Далли,— пророкотал барон.

— Господа.— Девушка склонила голову в вежливом приветствии.

— Миледи, позвольте представить вам моих спутников. Треш Миралисса и треш Эграсса из дома Черной луны. К'лиссанг треш Миралиссы — Элл из дома Черной розы.

— А...— изумленно пророкотал барон, таращась на Угря и меня, не понимая, почему Алистан не назвал наши имена.

— Угорь — воин. Гаррет — вор,— жестко разъяснил барону милорд Крыса.

— Вор? — Казалось, Оро врезали по голове дубиной.— Вор?!

— Правда, приятный сюрпризец? — вылез Кли-кли.— Кстати, обо мне, как всегда, все забыли. Позвольте представиться, королевский шут Кли-кли. На данный момент нахожусь в отпуске.

— Вор...— все еще изумленно твердил Оро, а затем ни с того ни с сего оглушительно расхохотался: — А знает ли об этом дражайший граф Балистан Паргайд? Интересно, как все эти светские хлыщи отнесутся к тому, что они целый вечер провели в обществе воина и преступника?!

— Это еще цветочки,— скромно изрек Кли-кли.

Барон Оро Габсбарг нисколько не расстроился, узнав правду. Странные это люди — дворяне Приграничья.

— Господа,— произнесла Алиа Далли,— могу ли я узнать, что привело вас в Приграничье?

— Охотно отвечу — мы направляемся в Заграбу.

— Заграбу? Но территории эльфов намного западнее этих мест, отсюда можно попасть только в земли орков.

— Туда мы и направляемся,— ответила девушке Миралисса.

— Но, помилуйте боги, что вам там понадобилось?! — воскликнул барон.— Есть куда более простые способы самоубийства!

— Действительно, Заграба — не то место, куда следует стремиться,— согласилась с ним Алиа Далли.

— Простите, миледи, но мы выполняем дело государственной важности, от которого зависит судьба всех Северных земель. Это все, что я могу вам сказать, остальное может узнать лишь ваш благородный отец. Надеюсь, вы проводите нас к нему?

— Конечно! — Алиа кивнула.— Ворота нашего замка всегда открыты для вас и ваших спутников, милорд Алистан. Мы как раз направляемся туда и с радостью проводим вас в Кротовый замок.

— Тогда не будем задерживаться, миледи, путь у нас долгий.

— Через несколько часов мы уже будем в Пограничном королевстве, а к завтрашнему вечеру — в замке.— Леди Алиа Далли вновь надела петушиный шлем, превратившись в безликого рыцаря.— Следуйте за нами, господа.

Отряд вновь двинулся в путь вместе с колонной воинов. Алистан и Миралисса присоединились к Алии Далли, все остальные старались держаться друг друга. Лишь Кли-кли решил поразвлечься, благо новой публики было хоть отбавляй. Не прошло и часа, как по рядам воинов гулял хохот — шут наконец-то нашел, где можно развернуться.

Барон Оро Габсбарг ехал впереди, следом за Алистаном Маркаузом, беседующим с леди Алией, и иногда кидал на меня озадаченные взгляды. Меня, если честно, они немного нервировали. Сагот знает этого парня — добренький, добренький, а потом ни с того ни с сего снесет голову.

Наконец он не выдержал, придержал лошадь и, дождавшись, когда я поравняюсь с ним, спросил:

— Значит, вор?

— Да, милорд.

— Хм... здорово ты меня обманул... это затея милорда Крысы... э-э-э... я хотел сказать, милорда Алистана Маркауза?

— Короля,— соврал я, чтоб уж полностью себя обезопасить.

— О! — сказал мой собеседник и задумчиво пожевал ус.— У меня еще никогда не было в друзьях воров.

Оро Габсбарг обвиняюще наставил на меня палец, больше похожий на толстую колбаску.

— Я прошу прощения, если это задело вашу честь, милорд,— подбирая слова, ответил я ему.

Он внимательно зыркнул на меня своими маленькими черными глазками, неожиданно расплылся в улыбке, а затем от души хлопнул по спине. Я едва не слетел с Пчелки и не зарылся головой в землю.

— Да ладно! — добродушно прогудел барон.— Главное, чтобы человек был хороший! К тому же будет чем похвалиться перед своей леди-женой, когда я вернусь в Фарахолл!

Не помню, я говорил, что бароны Приграничья довольно странные люди или не говорил?

— Хотя мне тебя искренне жаль... э-э-э... как там тебя?

— Гаррет, милорд.

— Мне тебя искренне жаль — бродить по Заграбе еще то удовольствие!

— Понимаю.

— Как видно, не очень сильно, иначе ты бы ехал совсем в другом направлении. Может быть, Альгерт Далли сможет убедить милорда Алистана бросить эту глупую затею.

— Что он за человек?

— Хмм? — Барон вопросительно посмотрел на меня и начал рассказывать. Его не очень-то смущала беседа с низшим, да и поболтать он любил, лишь бы рядом был благодарный слушатель. — Камень, а не человек. Альгерт Далли — опора трона, хранитель Западной границы королевства. Солдаты в шутку прозвали его Доброй Душой. В бою он впадает в такую ярость, что громит всех направо и налево и по доброте душевной даже не замечает, что не оставляет врагов для

своих солдат. Всех сам — прирожденный воин. Правда, есть у него одна странность — помешан на ножах...

Я удивленно посмотрел на барона.

— Ну, говорят, он всегда таскает с собой какую-нибудь железку. Нож постоянно держит в руке, ест им, спит с ним, в баню тоже с ножом, и к бабе с ножом. Но это ведь мелочи, да, вор? У каждого свои странности.

— Истинно так, милорд. А его дочь?

— Леди Алиа? Она командует гарнизоном Кротового замка. Правая рука папаши. Девка вроде ничего, боевая, вот только башку брить... по мне, это кощунство... Милорд Альгерт прислал ее с воинами ко мне в Фарахолл. Помнишь, мы разговаривали с тобой на приеме у графа? То, что не дал мне Балистан Паргайд, обещал дать милорд Альгерт, оттого я и еду сейчас с ними. Взял двадцать своих людей — и в Кротовый замок, благо недалеко... Ладно, заговорился я что-то, проедусь-ка. Еще увидимся, вор!

— Всенепременно, ваша милость, всенепременно.

К вечеру мы оказались в Пограничном королевстве. Об этом нас известил очередной столб из черного базальта, стоявший возле самой дороги.

Холмистая равнина осталась за нашими спинами, начались хвойные леса, перемежающиеся широкими полями. Дорога петляла меж елок, отряд растянулся по ней длинной колонной. По пути мы миновали две деревянные крепости с высоким частоколом и смотровыми башнями. Ночевать остановились прямо в поле, когда почти совсем стемнело.

За час разбили лагерь. Вспыхнули многочисленные костры, на которых забурлили котелки с едой. Десяток воинов с успехом атаковали лес и отвоевали у него дрова и длинные стволы молодых деревьев, из которых соорудили загон для лошадей.

Рядом протекала маленькая речка, так что воды у нас было вдосталь. Люди леди Алии разбили большой шатер, куда были приглашены эльфы, барон и Алистан. Все-таки в высоком положении есть какие-то приятные стороны — ночевать можно с удобствами. Утомившийся за целый день Кли-кли упал на мое одеяло и заснул без задних ног. Мне пришлось коротать ночь на плаще, правда, особого неудобства я от этого не испытал.

Было очень тепло, и если бы не вездесущие комары, я мог бы с чистой совестью сказать, что это была одна из лучших ночевок под открытым небом за все время нашего путешествия из Авендума. Засыпая, я понял, чего мне так не хватало все это время,— чувства безопасности. Ведь когда вокруг тебя находится больше ста рубак, чувствуешь себя как за каменной стеной.

Следующим утром Алиа Далли подгоняла отряд, намереваясь к вечеру оказаться в замке своего отца. Шли ходко. Я находился в голове колонны, сразу за высокородными, оруженосцами, знаменосцами, личной охраной, и оттого пыль, поднятая копытами лошадей, не так уж сильно лезла мне в нос, чего не скажешь о воинах, едущих сзади. Проливных дождей, упавших на Приграничье, в этих землях как будто и не было. Дорога, по которой мы продолжали путь, оказалась сухой и пыльной.

Через несколько часов пути, аккурат после небольшой остановки и очередной ссоры Халласа и Делера, не поделивших маленькое кислое яблоко, из конца колонны к леди Алии прискакал сотник. Я находился недалеко и поэтому слышал весь разговор.

— Миледи, разведчики заметили всадников!

— Сколько?

— Двадцать человек. Едут прямо за нами, минут через шесть будут здесь. Знамен нет, но это не наши.

— Мы дождемся их,— сказала девушка.— Надо узнать, кого тьма посадила нам на хвост.

— Это за нами, миледи,— произнесла Миралисса.— Эти люди гонятся за отрядом от самого Ранненга.

— Враги?

— Для нас — да.

— Значит, и для меня,— кивнула головой девушка.— Дрон, скажи людям, чтобы были готовы.

— Не думаю, миледи, чтобы они напали на нас. Слишком неравны силы,— протянул Эграсса.

— Посмотрим.

Двадцать человек? На той стороне Иселины их было двадцать восемь, если Миралисса действительно права и это люди Балистана Паргайда. Куда делись остальные?

Они вылетели из-за поворота дороги, увидели ораву закованных в металл людей, расстроились и придержали лошадей, заставляя животных перейти на шаг. Человек во главе отряда заметил нас и двинулся вперед, остальные последовали за ним.

Граф Балистан Паргайд собственной персоной. Физиономия у Соловья была усталая и злая, насмешливой улыбки и след простыл. Я узнал еще двоих спутников графа.

Первый — парень, встретивший нас у ворот, — Мейло Труг, кажется. Черная шелковая рубашка, кожаная куртка и полное отсутствие брони. А еще меч — биденхандер, точно такой же, как у Мумра, на черной рукояти оружия — золотой дубовый лист. Как и говорил Кли-кли, Мейло — мастер длинного меча. Фонарщик оценивающе посмотрел на клинок Мейло, но ничего не сказал.

Второй — мой старый добрый друг, имя которому — Бледный. Он нисколько не изменился, вот разве что лицо после магического ожога так до конца и не зажило. Ролио увидел меня и впился взглядом, как будто я задолжал ему сто золотых монет. Я мило улыбнулся Бледному. Ноль внимания.

Остальные воины были мне неизвестны. Я с радостью и несказанным облегчением увидел, что Лафресы в этом отряде нет.

— Клянусь своим мечом! Это становится уже совсем интересным! Граф, вы с вашими людьми тоже выбрались на прогулку? — изумился Оро Габсбарг.

— Барон, рад, что я встретил вас. Арестуйте этих людей!

— По какому обвинению? — спросил Алистан Маркауз.

— А-а-а! И вы в этой шайке, милорд? Интересно, что скажет король, когда узнает, что его человек занимается воровством?!

— Полегче, граф, иначе мы скрестим клинки,— сурово сказал Алистан, опуская руку на рукоять меча.— Предъявите свои обвинения.

— Обвинения? Вот они! Я обвиняю этих людей в том, что они обманом проникли в мой дом, выдавая себя за дворян! Я обвиняю их в краже моего имущества и убийстве моих людей! Арестуйте их, барон! — Голос Балистана Паргайда звенел торжеством.

— Увы, милорд, — усмехнулся Оро Габсбарг. — Я здесь не командую и ничем не могу вам помочь.

— Да какая разница, забери меня тьма? Вы командир этого отряда, лейтенант? Хорошо! Свяжите мерзавцев и отдайте мне! Или хотя бы не вмешивайтесь, и мои люди все сделают сами!

— Сожалею,— проговорила из-под шлема Алиа Далли.— Но они гости и находятся под моей защитой. Я не собираюсь передавать их в руки ваших молодчиков, граф.

— Да как ты смеешь?! Я граф и не собираюсь слушать какого-то тупого молокососа! — побагровел Балистан Паргайд.

— А я маркиза Алиа Далли, милорд! — Она сняла шлем и с яростным блеском в глазах посмотрела на опешившего Балистана Паргайда.— Сейчас вы не у себя дома! Сейчас вы в моей стране! И вы только что оскорбили меня! Потрудитесь извиниться!

Балистан Паргайд пошел пятнами, но извинился. Не думаю, чтобы он испугался. Как говорил милорд Алистан, мечом этот хорек владел знатно, но обострять ситуацию еще сильнее не стоило, особенно когда тебя окружает такое количество воинов.

— Чудесно,— кивнула девушка.— Не смею вас больше задерживать. Всего хорошего.

— Но эти люди смертельно оскорбили меня! Они должны ответить!

— Не сегодня. Прощайте.— Алиа развернула коня, давая понять, что на этом их разговор окончен.

— Эти люди оскорбили моего господина,— неожиданно процедил Мейло Труг.— От его имени я требую суда Сагры! Именем стали, огня, крови и волей богов!

Сказанные слова произвели в рядах воинов Пограничья эффект взорвавшейся бочки с порохом. Я даже отсюда услышал, как заскрежетал зубами милорд Алистан. Этот Мейло сказал что-то важное?

— Я услышала тебя, воин,— кивнула леди Алиа.— Ты обвиняешь в преступлении какого-то конкретного человека или всех?

Тень улыбки пробежала по губам Мейло, он уже собирался ответить, когда в разговор вмешался Балистан Паргайд:

— Всех! Он обвиняет всех!

Улыбка на физиономии у Мейло скисла, похоже, сейчас граф, сам того не ведая, совершил какую-то глупость.

— Услышано,— поспешно сказала графиня.— Тебе будет предоставлена возможность доказать правоту своего господина, воин.

— Мы сделаем это здесь и сейчас! — вновь влез Балистан Паргайд.

— Нет. По правилам закона Сагры, на суде должен присутствовать владетель той земли, на которой произнесен вызов. Сейчас мы на землях моего лорда-отца, и, чтобы суд свершился, вам придется проехать в Кротовый замок, где и будут оглашены правила поединка.

Поединка?! Она сказала — поединка?! Мне это решительно не понравилось!

— Но...— недовольно начал Балистан Паргайд.

— Вы можете снять вызов, воля ваша,— невозмутимо произнесла Алиа Далли.— Правила этого не запрещают.

— Нет. Мы поедем с вами, миледи.

— Как вам будет угодно, милорд. Хочу напомнить, что, если до поединка ваши люди осмелятся напасть на моих гостей, у них будут большие неприятности,— ответила девушка.

Она не предложила графу и его людям свое покровительство.

Мы продолжили путь, люди маркизы как бы невзначай следовали за людьми графа, внимательно наблюдая за ними. Граф молча ехал рядом с Оро Габсбаргом. Взгляд Бледного неприятно холодил мне затылок.

— Сурок,— тихо спросил я у воина.— Что это за суд Сагры?

— Не знаю. Был бы с нами Арнх, он бы разъяснил законы своей страны...

— Суд Сагры? Слышал я о такой штуке, ребята,— сказал Фонарщик.— Суд богини войны. Он раньше был очень распространен сре-

ди воинов Пограничного королевства. Когда возникало спорное решение или оскорбление чести воина, проходил суд Сагры. Поединок, одним словом. Этот ушастый вызвал нас на бой, и не один воин Пограничного королевства не посмел бы ему отказать в этом праве.

— Поединок идет до смерти? — Сурок скосил взгляд на Мейло Труга.

— Когда как. Все зависит от того, что скажет верховному лорду земли вызвавший нас. Если он произнесет, что до смерти, значит, до смерти.

— Ты так спокойно говоришь об этом, Мумр,— криво усмехнулся я. Этот Мейло оказался хитрым парнем.

— Могло быть и хуже,— философски ответил Фонарщик, доставая дудочку.

— Куда уж хуже?

— Если бы граф не влез в разговор, то его слуга мог выбрать себе любого соперника. А тут милорд Паргайд сказал, что обвиняет всех.

— И теперь этому, как его?.. — спросил Сурок.

— Мейло,— подсказал я.

— И теперь Мейло придется драться со всеми нами?

— Как же! Разбежался! Теперь все решит жребий. Гаррет, не надо так нервничать, ты в любом случае в этом деле не участвуешь.

— Почему?

— Суд Сагры только для воинов. Ты, Кли-кли и Миралисса — не воины.

— Это я-то не воин? — горя праведным гневом, возразил Кли-кли.— Да я воин получше всех вас, вместе взятых! Я даже боевую песню знаю!

— Молодец, Кли-кли, только успокойся,— примиряюще сказал Медок.

— Эй, гоблин,— позвал Кли-кли седоусый воин, услышавший вопли шута.— Спой свою песню.

— А что? Сейчас и спою!

И спел. Да так, что не успокаивался добрых десять минут.

— Хорошая песня,— довольно крякнул воин.— Душевная.

— Ну как? Я воин после этого?

— А то! — абсолютно серьезно сказал солдат.

В рядах пограничников засмеялись, за один дневной переход суровые воины успели полюбить шутки и песенки Кли-кли.

Наивные! Они просто еще не испытывали очарования от гвоздя в сапоге или ушата холодной воды в постели.

Шут повернулся к нам и показал язык. Слышали, мол, что умные люди обо мне говорят?

Безлюдные места остались в стороне, часу не проходило, чтобы мы не проезжали мимо какой-нибудь деревеньки. Вот только в отличие от наших, валиостровских, эти были обнесены частоколом, здесь же находились смотровые вышки с лучниками. Каждый крестьянин Пограничного королевства в любой миг мог сменить соху на боевой топор и дать отпор врагам.

— Как здоровье, Гаррет? — Бледный поравнялся со мной.

— Спасибо, не жалуюсь, а как ты, Ролио? Отошел от стычки с демонами? — не остался я в долгу.

— Так это ты...— протянул Бледный и усмехнулся.— Что-то я не припоминаю, что называл тебе свое имя.

— Ты никогда не отличался вежливостью. Пришлось мне все узнавать самому.

— Тем больше у тебя причин печься о своем здоровье.

— О! Я буду очень заботиться о себе! Просто очень. Что заставило тебя отправиться в такой долгий путь?

— Проблема по имени Гаррет. Ловко ты спер тот Ключ, я оценил, можешь мне поверить.

— Польщен, честное слово.

— Ну, бывай, скоро увидимся.

— Надеюсь, что нет.

Вряд ли Бледный начнет действовать прямо сейчас. Вокруг слишком много людей, он не оберется неприятностей, если попытается отправить меня в свет. В тот миг, когда я вдруг ни с того ни с сего упаду с лошади и истеку кровью, убийце перережут горло. А он этого, разумеется, не хочет. Так что буду ожидать от него подлостей, лишь когда останусь один.

Кротовый замок мы увидели издалека — огромная серая махина, стены которой поднимались в небо на сорок ярдов, а двенадцать прямоугольных башен — на все шестьдесят.

Стены щерились баллистами и катапультами, угрожая любому, кто решит попробовать взять цитадель штурмом. Широкий ров заполняла проточная вода из находящейся рядом реки.

Когда мы ступили на подъемный мост, стены угрожающе нависли над нами. Я задрал голову — люди на них казались букашками. Сейчас мощные дубовые ворота, обитые стальными листами, были приглашающе распахнуты, решетки подняты, но в случае нападения не всякий таран сможет справиться с такой преградой.

Возле ворот стояли на часах два десятка воинов. Начальник караула поприветствовал леди Алию, и мы въехали в замок. Я оказался в коротком туннеле, стены которого щерились бойницами.

Возле стены хищно замер огромный, выстреливающий сразу сорок болтов арбалет-дикобраз. Под потолком, на перекрытиях, на це-

пях висели чаши, куда обороняющиеся заливали смолу и горячее масло. Да, дом Альгерта Далли — крепкий орешек, такой нахрапом не возьмешь.

Мы въехали во внутренний двор замка. Двором сие место называлось в насмешку, он вполне мог поспорить размерами с небольшой площадью.

— Миледи Алиа,— поклонился один из воинов,— ваш лорд-отец ожидает вас.

— Благодарю, Чиззет.— Маркиза спрыгнула с лошади.— Благородные господа, следуйте за мной. Просящий суда — тоже. Чиззет, позаботьтесь о размещении наших гостей.

Естественно, обычного вора на аудиенцию к милорду Доброй Душе не позвали, да я и не напрашивался, если честно. Милорд Алистан, барон Оро, эльфы, граф Паргайд и Мейло последовали за леди Алией, а мы отправились за Чиззетом, который клятвенно пообещал своей госпоже найти для нас кровати.

Мы получили комнаты в башне Крови — так называли это место жители замка. Хорошие комнаты, с кроватями, тростником на полу и окнами, выходящими во внутренний двор.

Как сказал мне Угорь, в цитадели такого размера за раз могло находиться более шестисот человек. Огромная туча народа. Кли-кли, не признающий никаких кроватей, расстелил на полу одеялко и смылся совать свой любопытный нос в каждый угол замка. Явился Элл и сообщил нам, что поединок состоится завтра утром.

— До смерти,— ровным голосом уточнил он.

Мое хорошее настроение враз испортилось. Но это было еще не все. Если мы проигрываем, то Ключ, добытый с таким трудом, достанется Балистану Паргайду — таков закон суда Сагры.

— А если мы уйдем под покровом темноты?

— Из замка, Гаррет? Суд Сагры для воинов Пограничья — святое. Мы или выиграем, или лишимся Ключа. Третьего не дано.

— Я самолично разнесу голову этому хлыщу! — пригрозил Халлас.— Решили, кто выйдет на поединок?

— Решит жребий. Идемте за мной, милорд Альгерт ждет нас.

— Я могу пойти с ними?

— Ты не участвуешь в жребии, Гаррет.

— Но пойти я могу? — уточнил я.

— Можешь,— безразлично кивнул он.

Зал, куда нас привел граф, размерами не уступал внутреннему двору замка. Народу здесь было порядочно — шерсть и сталь, мечи и бритые головы. Казалось, тут собрались все мужчины королевства. Кли-кли крутился под ногами, развлекая воинов, но, как только за-

метил нас, цирк закончился, и шут присоединился к нашей компании.

— Где тебя носило? — тихо спросил я.

— Осматривал местные достопримечательности. Кстати, на кухне есть морковка.

— Поздравляю.

Миралисса, Эграсса и Алистан уже были здесь, как и Балистан Паргайд с Мейло Тругом. Оро Габсбарг сжимал в своей лапе пивную кружку. Заметив меня, барон важно кивнул.

Алиа Далли стояла за спиной низкорослого широкоплечего человека, подбородок которого зарос двухнедельной щетиной. Как и все воины в замке, этот человек был лыс, облачен в кольчугу и грубые штаны воина. В руках он задумчиво вертел кинжал с дорогой рукоятью из кости огра. Граф Альгерт Далли Добрая Душа, если не ошибаюсь.

Мы подошли к столу, за которым сидел лорд, и остановились.

— Итак, ты не изменил своего решения? — обратился милорд Альгерт к Мейло, после того как удостоил каждого из нас внимательным взглядом.

— Нет, я требую суда Сагры.

— Хорошо, осталось выбрать соперника. Принесите жребий!

— Эй, гарракец! Лови.— Мейло Труг бросил Угрю медную монетку.— Я, кажется, задолжал тебе.

Угорь поймал медяк и невозмутимо сунул его за пояс.

— Благодарю, лишние деньги всегда пригодятся.

— Ты советовал выпороть меня кнутом. Я помолюсь Сагре, чтобы встретиться с тобой на площадке.

— Как тебе угодно.— Угорь невозмутимо поклонился, Халлас зло забормотал что-то себе под нос, нехорошо посматривая на Труга.

В это время появился воин, принесший жребий. Из его кулака торчали соломинки.

— Тот, кто вытащит короткую, встретится с этим человеком на суде Сагры завтра утром,— сказал Альгерт Далли.— Напоминаю, что вы вольны отказаться участвовать в жребии, но тем самым признаете свою вину... Вижу, желающих нет. Тяните, и да поможет вам Сагра!

Первым был Элл. Он смело протянул руку и вытянул длинную.

Эграсса. Длинная.

Мое сердце оглушительно стучало, как будто это я сейчас тянул жребий.

Милорд Алистан. Длинная.

Медок. Длинная.

Халлас. Длинная. Гном выглядел расстроенным. Он очень хотел поучаствовать в бою. То, что одного из поединщиков вынесут ногами вперед, Халласа нисколько не смущало. Как и всякий гном, Счастливчик был излишне самоуверен.

Угорь. Длинная. Мейло Труг разочарованно выпятил нижнюю губу.

Оставались Делер и Фонарщик.

Мумр. Короткая. Короткая, Сагот нас всех спаси! Фонарщику драться!

Воин Альгерта Далли разжал кулак, показывая всему залу, что последняя соломинка, которая должна была достаться Делеру, — длинная.

Карлик с досадой плюнул. Этот тоже рвался в бой.

Мумр, казалось, нисколько не расстроился, что завтра ему предстоит смертельный поединок. Он хмыкнул, безразлично пожал плечами и спрятал соломину в карман.

— Да будет так,— сказал милорд Альгерт.— Оружие?

— Длинный меч,— ответил Мейло Труг, сверля Мумра взглядом.

— Длинный меч,— кивнул Мумр.

— Завтра с утра за вами придут, а теперь приглашаю всех разделить со мной хлеб и мед.

Не знаю, как у других, но у меня кусок в горло не лез, и, когда я вышел из-за стола, еда на моей тарелке осталась нетронутой.

— Сейчас начнется.— Кли-кли нервно подпрыгнул, шмыгнул носом и откусил от морковки приличный кусок.

— Ты можешь не чавкать хоть какое-то время? — раздраженно зарычал я на него.

— Не могу,— отрицательно покачал головой королевский шут.— Когда я нервничаю, мне хочется кушать.

— Успокойся, Кли-кли,— попросил Медок. Командир Диких волновался не меньше меня.

— Как ты думаешь, Медок! — Кли-кли невозмутимо оттяпал от морковки очередной кусок.— Каковы шансы у Мумра?

— Не знаю.

— Все зависит от того, как он владеет мечом,— разжал зубы дымящий трубкой гном.

— Поверь мне, Мейло родился вместе с этим куском железа,— вздохнул Кли-кли.— Королевские турниры просто так не выигрывают.

— Наш Фонарщик тоже не сапог дырявый,— ответил гном.— Дубовый лист на рукояти так просто не достается.

Я пропустил их спор мимо ушей. Не до того мне было сейчас.

Утро выдалось прохладным, солнца видно не было, на небе — сплошные облака. Мы, как и многие жители замка, стояли вокруг находящейся во внутреннем дворе большой открытой площадки с хорошо утрамбованной землей. Ни фанфар, ни праздничных лент здесь не было, сейчас не турнир, а судебный поединок. Милорд Альгерт с дочерью, эльфы, Балистан Паргайд и Алистан Маркауз... Все, наверное, нервничают, как и я, но по их благородным физиономиям это не очень-то заметно... Забери меня тьма, я сейчас чувствую себя так, как будто сам должен выйти на площадку! Только Оро Габсбарг, казалось, скучал.

По рядам зрителей пролетел шепоток, я повернул голову и увидел Мейло Труга. Он неспешно вышел на арену боя, повернулся лицом к знати, поклонился.

Мейло и сейчас оделся, как щеголь: красная шелковая рубашка с широкими рукавами, бордовые кожаные бриджи, начищенные до блеска сапоги, черные кожаные перчатки. На его левом плече покоился биденхандер. Длиной меч едва уступал росту человека. Воткни его в землю, и массивное круглое навершие рукояти меча достало бы Мейло до подбородка.

Мумр появился спустя минуту. Он ступил на площадку с другой стороны замкового двора и остановился напротив противника. Фонарщик, как и Мейло, был в рубашке, но не из шелка, а из черной шерсти. Грубые штаны воина, мягкие сапоги... Поединщиков объединяло только одно — кожаные перчатки на руках и тяжелые биденхандеры.

Ни тот, ни другой воин не имели никаких доспехов — на суде богини доспехи не нужны. Фонарщик — мастер длинного меча, Мейло — тоже, так что поединок будет проходить до первой серьезной ошибки одного из бойцов. Одного хорошего удара таким клинком достаточно, чтобы отправить противника прямиком в свет.

На лбу у Мумра была повязана черная лента, поддерживающая его длинные волосы и защищающая глаза от стекающего со лба пота. Меч Фонарщик небрежно опустил острием вниз, легко придерживая его пальцами за крестовину.

Мейло сверлил противника глазами. Мумр ответил безучастным взглядом. Казалось, что сегодня он вышел на утреннюю прогулку, а не на бой. Рядом с Тругом Фонарщик казался худеньким и щуплым. Биденхандер в его руках выглядел несуразно огромным и тяжелым.

— Вы готовы? — Голос Альгерта Далли разнесся над площадкой.

— Да.

— Да.

— Поднявший вызов, ты все еще хочешь оспорить право владения за своего милорда?

— Да,— не колеблясь, кивнул Мейло Труг.

— Суд свершится...

— Смертью,— продолжил Мейло.

— Да будет так,— кивнул Альгерт Далли, задумчиво вращая меж пальцев любимый нож.— Сталью, огнем, кровью и волей богов, говорю вам — Сагра над вами, и она решит, кто из вас прав и достоин!

Я уже не раз говорил: меч — не мое оружие. Кроме арбалета я смог более-менее сносно освоить лишь нож. Фор — большой дока в фехтовальных делах, пытался обучить меня, но после нескольких уроков лишь обреченно махнул рукой.

Единственное, что я вынес из тех мучительных упражнений с деревянной палкой, — поверхностные знания стоек и названия отдельных ударов. На этом все мои знания, а также умения на фехтовальном поприще заканчивались. Но спасибо моему старому учителю хотя бы за это, теперь, видя, как фехтуют стражники в замковом дворе или воины на турнире, я хотя бы иногда мог понять, почему один человек закрывается мечом так, а другой колет эдак.

Между тем на площадку, где должен был состояться суд, вышел жрец Сагры, как и все воины Пограничного королевства облаченный в кольчугу и шерсть, извлек из ножен клинок, воткнул его между ставшими друг против друга соперниками и начал читать молитву, прося богиню войны и смерти быть свидетелем этого поединка, наказать виноватого и защитить правого. Мейло не шевелился, Фонарщик, все так же удерживая клинок на сгибе левой руки, лениво жевал соломинку, благодаря которой сюда попал.

— Мама,— испуганно икнул стоявший рядом со мной Кли-кли, и в ту же секунду жрец выдернул меч, сделал длинный шаг назад и сказал:

— Начали!

Никто из воинов не последовал его приказу до тех пор, пока он не покинул площадку. Все это время Мейло не сводил взгляда с Фонарщика, а тот в свою очередь лениво смотрел в только ему видимую точку, расположенную где-то над головой врага. Каждый ждал, когда противник начнет атаку.

Прошло шесть долгих ударов сердца, прежде чем Мейло, издав угрожающий рык, первым кинулся на врага.

Он размашисто шагнул вперед, одновременно кладя левую руку на длинную рукоять меча, и биденхандер, как пушинка, слетел с его плеча. Мейло ускорил полет меча поворотом корпуса и нанес страшный удар, целясь в грудь.

Как только он стал двигаться, Дикий, против моего ожидания, шагнул в сторону противника. Я, кажется, ахнул, казалось, что летящее лезвие перерубит Мумра пополам, но огромный биденхандер Фонарщика, всего лишь секунду назад баюканный на руке, словно младенец, ожил и преградил путь вражескому мечу.

Дза-а-анг! — пронеслось по двору замка, и слуга графа отшатнулся назад.

Фонарщик крякнул и атаковал в беззащитный бок. Теперь уже Мейло удивил меня — он оказался почти рядом с Мумром и повернулся к летящему мечу спиной.

Толпа выдохнула.

Мейло забросил оружие себе за спину и плоскостью клинка остановил удар меча Мумра. Дза-анг!

Ни секунды не медля, Мейло продолжил разворот, повернулся, меч вылетел у него из-за спины и упал сверху, грозя перерубить противнику руки. Фонарщик проворно закрылся, направив острие своего клинка в лицо врага, встретил удар и тут же толкнул меч вперед. Мой взгляд не успевал следить за тем, что творится на площадке. Огромные клинки порхали, как взбесившиеся мотыльки, с визгом рассекая воздух, с грохотом сталкиваясь, расходясь и вновь сталкиваясь. Порой все движения соперников сливались в одно размытое пятно, и я понимал, что они еще живы, только через несколько секунд, когда атака того или иного поединщика натыкалась на блок.

Вжу-у-ух! Дзанг! Дзанг! Вжу-ух!

— А-а-а... У-у-у... О-о-о...— пела толпа, отвечая на каждый взмах, на каждый укол, на каждый удар.

Вот опять Мейло закрутился волчком, рубанул, казалось вкладывая в клинок свою душу. Мумр отпрянул, резко провалил рукоять меча вниз, заставляя клинок взмыть вертикально вверх, и удар Мейло пришелся в воздвигнутую перед ним стальную стену.

Дза-анг!

Мечи плели в воздухе паутину, закручивались сверкающей вьюгой, то и дело ударялись друг о друга, взмывали ввысь, грозя поразить небо, и падали вниз, мечтая разрубить землю. Воины не сражались — они танцевали, играя со смертью в таинственную, завораживающую и почти неуловимую глазом игру, ставкой в которой были их жизни. Клинок Мейло словно живой подскочил высоко вверх, Фонарщик кинулся в образовавшуюся брешь и попытался нанести удар.

Всего лишь попытался...

Балистан Паргайд не зря платил слуге денежки. Тот быстро отступил назад, продолжил движение своего клинка, и теперь уже биденхандер Мумра подлетел вверх, дав возможность противнику нанести удар.

Фонарщик присел, принял удар возле самой крестовины меча. Тут же резким движением выпрямился, толкнул эфес вперед и вверх. Меч Мейло едва не попал в лицо хозяину, настолько неожиданной оказалась атака. Чтобы избежать встречи с отлетевшим клинком, негодяй отскочил назад, начал пятиться от наступающего на него Мумра.

От начала боя до этого момента прошло всего с полминуты, а лица обоих воинов уже блестели от пота.

Пес Балистана был порядком ошеломлен неожиданным натиском, теперь он смотрел на Фонарщика, едва не отправившего его к праотцам, настороженно и напряженно, ловя каждое едва заметное движение.

— Пора убивать,— буркнул Халлас.— Долго этими оглоблями не помахаешь.

Гном прав, пускай сейчас тяжеленные мечи порхают как перышки, но усталость рано или поздно придет — и тогда проиграет тот, кто устал сильнее.

Дз-з-зонг!

Мечи, издав жалобный стон, слились в мимолетном поцелуе и тут же отскочили друг от друга.

И вновь плетение кружев в воздухе, попытка создать прекрасный, сверкающий узор, окончанием которого должна стать смерть.

Мейло прыгнул к Мумру, с хаканьем нанося удары снизу вверх и напирая на Фонарщика.

Х-х-ха!

Дза-анг!

Х-х-ха!

Тса-анг!

Х-ха!

Дза-анг!

Последний удар Мейло был особенно силен, меч Фонарщика подскочил вверх, открывая брешь, и враг тут же ударил в беззащитную голову. Мумр толкнул свой меч навстречу, и их клинки застыли. Каждый из противников давил на меч другого, пытаясь вбить клинок в лицо врагу.

На несколько секунд над площадкой разлилась тишина.

Маленький Фонарщик юркнул под клинком слишком увлекшегося давлением Мейло и резко оттолкнул противника от себя. Мей-

ло провалился вперед, превратился в размытое и едва различимое глазу пятно, крутанулся похлеще, чем шаман гоблинов, переевший на завтрак мухоморов. Росчерк молнии, тоненький взвизг меча...

Фонарщик сумел разгадать уловку и подпрыгнул.

— Мама! — Шут закрыл глаза руками, продолжая смотреть на бой сквозь растопыренные пальцы.— Скажите, что он жив!

— Жив! — Халлас, сам того не замечая, сжимал побелевшими пальцами рукоять боевой мотыги.

Гном был прав, Мумр твердо стоял на ногах, хотя на его лице появилось выражение злости и досады. Едва не попался.

— Счет не в нашу пользу,— буркнул Медок.— Мумру пора прекратить играть с ним.

Дзанг! Тса-а-анг! Дза-анг! — пели клинки.

Тик-так-тик-так,— отсчитывали секунды жизни часы богов.

Мейло резко распрямил руки и нанес укол в шею Мумра. И вновь мои глаза не успевали следить за тем, что происходило на судебной площадке. Миг — и левая рука Фонарщика в перчатке уже лежит на середине клинка. Словно в руках у него обычный шест, воин оттолкнул от себя жало вражеского меча и попытался поразить острием биденхандера горло противника. Мейло, не ожидавший такой наглости, отпрянул, но Мумра это не остановило. Держа свой меч, словно боевой посох, он попытался ударить Мейло навершием, метя в лицо. Удары Мумра были «неправильными», отчаянными, и смущенный Труг отступал, едва успевая уклоняться.

Х-ха! Х-ха!

Широкие размашистые движения «посоха» Дикого ни на секунду не давали его противнику расслабиться. Казалось, сам воздух стонал от звона сталкивающихся клинков. Пот катился по лицу Труга.

Мумр пошел на хитрость — перенес на клинок, где уже лежала его левая рука, на правую, положил ее недалеко от гарды и, превратив меч в крест, ударил, посылая тяжелый эфес в голову.

— Р-р-р-а-а-а! — волной прошло по рядам зрителей.

То, что случилось дальше, произошло очень быстро...

Фонарщик подался назад, Мейло тут же оказался рядом, собираясь атаковать... Следующий удар я пропустил, понял только, что Мумр оказался быстрее и ударил навершием меча в грудь врага.

Зрители ахнули, загудели. Клянусь Саготом, даже я услышал, как хрустнула кость!

— Есть! — выдохнул Халлас, не отрывая взгляда от боя.

Мейло вскрикнул от боли, попятился и прижал левую руку к груди. Фонарщик шагнул вперед, подхватил его за лодыжку выстав-

ленной вперед ноги и резко дернул вверх, применяя борцовский прием.

Рывок за ногу заставил противника потерять равновесие. Фонарщик отбросил клинок в сторону и освободившейся левой рукой нанес сильный толчок в грудь соперника, ускоряя его падение.

Труг всем весом рухнул на утоптанную площадку, стукнувшись спиной и затылком о землю. Кажется, боец Балистана Паргайда на миг потерял сознание, по крайней мере, он лежал без движения, хотя и продолжал сжимать правой рукой меч.

Мумр подобрал свой клинок, наступил на вражеский биденхандер, бросил быстрый взгляд на Альгерта Далли и с силой вонзил оружие в грудь попытавшегося встать соперника, пригвоздив его к земле. Тот дернулся и затих. Под воином стала растекаться кровавая лужа.

Фонарщик с усилием вырвал меч, отошел на несколько шагов от тела проигравшего, поклонился, покачнулся, но на ногах устоял.

Альгерт Далли встал с места, и его голос разнесся над двором:

— Сталью, огнем, кровью и волей богов подтверждаю — суд свершился и виновный наказан! Да будет так!

— Что значит наказан?! — взревел взбешенный Балистан Паргайд.

— Вы сомневаетесь в суде богини, милорд? — Бровь Альгерта Далли удивленно поползла вверх.

— Нет. Не сомневаюсь,— пересилил себя граф.

Кем-кем, а дураком Балистан Паргайд не был.

— Хорошо, тогда я приглашаю вас на праздничный пир по поводу свершения суда.

— Благодарю,— скорчил рожу граф Паргайд.— Но у меня слишком много дел. Я и мои люди уедем немедленно.

— Как вам будет угодно! — Альгерт Далли не собирался его задерживать.— Удачной дороги.

Граф Балистан Паргайд ответил на эти слова раздраженным кивком и, даже не посмотрев на тело Мейло Труга, покинул площадку.

Вокруг Мумра суетились Дикие. Халлас вообще был доволен так, будто победа над соперником была только его заслугой.

— Ты знаешь, Гаррет-баррет,— Кли-кли задумчиво откусил от морковки,— меня немного беспокоит наш общий друг — Балистан Паргайд. Две недели гнаться за нами — и так отступить. Он слишком легко сдался, не находишь? Да и Лафреса куда-то запропала... Ой чую, готовят нам какую-то гадость!

— Жуй свою морковку, Кли-кли, и помалкивай. Пусть Алистан с Миралиссой беспокоятся,— сказал я ему.

Но и у меня на душе отчего-то было тревожно...

Глава 13
ПЕРЕКРЕСТОК

В этот день Фонарщик стал героем замка. Не секрет, что жители Пограничного королевства больше всего ценят в человеке умение владеть оружием, а Мумр сегодняшним утром доказал, что обращаться с мечом он умеет. Так что весь день воины замкового гарнизона ходили перед нашим героем на цыпочках, словно тот был сделан из тончайшего низинского фарфора.

Вечером милорд Альгерт Далли устроил пир, где собрались все воины замка. Мумра посадили на самое почетное место, навалили вокруг него еды на целый полк, да и мне с Дикими перепало от славы Фонарщика.

Сидели мы рядом с ним, за одним столом с высокородными. По мне, уж лучше забраться в самый темный угол зала, за дальний стол, а то чувствуешь себя как на еже. Кажется, проще всех было Халласу и Делеру, эта парочка, не смущаясь, пожирала и выпивала все, до чего могли дотянуться их руки, оглушительно рыгала и ежесекундно лезла в спор друг с другом.

От многочисленных тостов за милорда Альгерта, его прекрасную дочь, милорда Алистана Маркауза, славных эльфов, мастера Фонарщика, смерть оркам, Пограничное королевство и прочая и прочая и прочая уже кружилась голова.

Делер раскраснелся от выпитого, Халласа тянуло в сон, Сурок еле ворочал языком и, к вящей радости Кли-кли, под визг высокородных барышень норовил запихать Непобедимого в кувшин с вином. Гоблин радовался жизни и делился этой радостью с окружающими. Недовольны его выступлением были лишь личные дураки Альгерта Далли, смотрящие на маленького шута с плохо скрываемой завистью и ненавистью. Так, чего доброго, к концу праздничного вечера Кли-кли могут крепко отмутузить.

Одно блюдо сменялось другим, песня шла за песней, и, когда сидение за столом стало просто невыносимым, меня толкнул локтем Медок:

— Слышал? Завтра с утреца выступаем, так что, если боги нам помогут, через два дня уже будем в Заграбе.

— Я не очень рад этому обстоятельству. По мне, так за каменными стенами намного безопаснее, чем среди елок и палок.

— Безопасных мест нет, Гаррет,— хмыкнул Медок.— Смерть пролезет и сквозь каменные стены, тут уж кому как судьбой на роду написано. Помнится, одна ведьма предсказала Арнху, что он утонет. Арнх только посмеялся, а вон видишь, как все сложилось... Волков бояться — в Заграбу не ходить.

— Если бы там были только волки...

— Тоже верно,— согласился великан, отхлебывая из кружки.— Я же говорю — судьба.

— Пойду-ка я спать.— Я встал из-за стола.— Насиделся.

— Сиди, Гаррет-баррет, и дуй свое вино,— подскочил Кли-кли.— Нечего судьбу искушать.

— В смысле? — не понял я.

— Прошел слушок среди стражников, стоявших на воротах, что Балистан Паргайд уехал.

— И что?

— Когда он с отрядом сюда прибыл, их было двадцать, а когда уехал, то отчего-то восемнадцать. Одного пронзил Мумр, итого остается девятнадцать. Куда делся еще один?

— Бледный! — Во рту у меня сразу пересохло.— Пожалуй, я выпью еще немножко.

— Правильно,— одобрительно кивнул гоблин.— Одному шастать по замку тебе противопоказано.

— Его пробовали найти?

— Шутишь? Ну полазили, поискали... В такой громадине можно мамонта спрятать, и никто не найдет, пока он не сдохнет и не завоняет. А уж о человеке и речи нет.

— И ты мне это говоришь только сейчас!

— Не хотел тебя расстраивать и портить аппетит.— Кли-кли невинно посмотрел на меня.

— Брысь с глаз моих долой. Ты хуже, чем чума!

— Не переживай так, Танцующий, мы ведь с тобой. Пожалуй, и я выпью за компанию, ты не знаешь, если я у них попрошу, мне принесут молока?

— Может быть...— Все мои мысли были заняты Бледным.

Я отчего-то ни на секунду не сомневался, что это он отстал от отряда графа и затаился в замке именно для того, чтобы отправить вашего покорного слугу в свет. Такие мысли хорошему настроению не способствовали, и я едва дождался, когда вся эта тягомотина с речами и пением за здравие всех воинов закончится. Когда все же я оказался в комнате, то для успокоения души проверил окна, двери и дымоход. Дымоход был слишком узок, вряд ли Бледный умудрился бы через него пробраться, на двери засов — мощный дубовый брус, окна в пятидесяти ярдах над землей. Через них сюда не залезть — если только Бледный не умеет летать.

Кли-кли, Халлас и Делер уже давно уснули, а я все никак не мог сомкнуть глаз. Лежал на кровати и смотрел в потолок, пока сон наконец не сморил и меня.

Злой вопль боли заставил меня проворно скатиться с кровати, схватиться за арбалет и затаиться. Я осоловело вертел головой, стараясь не высовываться и понять, что происходит.

— Что случилось? — орал сонный и ничего не понимающий Делер.

— Зажгите свет! — пищал Кли-кли.

— Эй, вы! У вас все в порядке? — кричали из-за двери.

— Кто вопил? — не унимался Делер.

— Да зажгите же свет!

— Откройте дверь! — кричал Медок, дубася по ней кулаками.

Чиркнуло, сверкнули искры, и в руках Халласа загорелась свеча.

— Чего орете, как бабки на рынке? Все уже кончилось,— буркнул гном и поднес свечу к факелу.

— Эй, вы! Слышите меня? Откройте дверь! — надрывался Медок.

— Да не орите же! Сейчас! — Халлас сдвинул засов, отворяя дверь и впуская Медка с Угрем. Из коридора к нам в комнату заглядывали воины Альгерта Далли.

— Что у вас здесь произошло?

— Да верхолаз какой-то в окно пытался залезть, ну я его делеровской секирой и приголубил, чтоб не лазил ночами и честной народ не смущал,— буркнул Халлас, кивая на окно.

Оно было распахнуто, возле стены стояла окровавленная секира Делера, на полу валялась отрубленная кисть. Кто-то совсем недавно лишился части левой руки.

Как оказалось, Халлас проснулся ночью, чтобы прогуляться по своим маленьким гномьим делам. Вернувшись в комнату, он решил раскурить трубочку, но, чтобы дыма в комнате не было, открыл окошко. Буквально через минуту откуда-то с улицы появилась вначале одна рука, затем другая. Халлас верно решил, что нормальные люди в такое время спят, а не ползают, как пауки, по отвесным стенам, потому взял лежащую поблизости секиру карлика и стукнул по ближайшей к нему руке.

— А там уж и вы заорали,— закончил гном.

— Медок, пойдем проверим.— Угорь направился к двери.

— Зачем? — удивленно спросил Халлас.— Он с такой высоты гикнулся, теперь костей не соберет.

— Узнаем, кто это был.

Угорь, Медок и стражники ушли. Я осторожно высунулся в окно и посмотрел вниз. Как я и думал, тела на земле не оказалось. Солдаты бегали по замковому двору с факелами, но, как видно, они никого не заметили, лишь слышали крики.

— Гаррет, это Бледного? — Кли-кли брезгливо держал отрубленную кисть за палец.

— А я откуда знаю? Вроде похожа, пальцы тонкие, как у Ролио, но точно смогу сказать, если только увижу самого убийцу.

— Ясно.— Кли-кли небрежно вышвырнул обрубок в окошко.

— И какого ляда ты брал мою секирку, мотыгой, что ли, не мог? — тем временем недовольно бурчал Делер, заботливо протирая страшное лезвие тряпицей.

— Жадный ты, Делер, — обиделся Халлас.— Одним словом — карлик. Вся ваша безбородая порода такая!

— Чья бы корова мычала,— не остался в долгу тот.— Как чужое брать, так вы первые!

— Мы берем чужое?! Мы?! — начал распаляться гном.— А кто книги забрал? Кто спер наши магические книги, я тебя спрашиваю?!

— Чегой-то они ваши? Они наши, мы вам просто давали попользоваться!

Халлас аж задохнулся от возмущения. Пока гном подыскивал достойный ответ, вернулись Угорь с Медком. За ними шел Алистан.

— Пусто,— скривился Медок.— Ни тела, ни крови, будто никого и не было. Стража прочесала весь двор — ни следа.

— Ключ у тебя, вор? — спросил Алистан Маркауз.

— Да, милорд.

— Хорошо,— кивнул граф и ушел.

— Давайте спать,— вздохнул поостывший Халлас и закрыл окно.— Завтра опять целый день в седле, а я еще хочу нормально выспаться. Делер, запирай дверь и туши факел.

— Я тебе слуга, что ли? — недовольно буркнул карлик, но дверь закрыл, напоследок сказав Угрю.— Будите нас утром сами.

Он опустил засов и сунул факел в ящик с песком.

Через несколько минут тишины и покоя в темноте раздался голос Кли-кли:

— Гаррет, ты спишь?

— Чего тебе?

— Я вот тут подумал — теперь этот Бледный перестанет тебя доставать, да?

— Может быть. Если это действительно был он.

— А кто же еще?

— Слушайте, мужики! — прошипел Халлас.— Давайте спать, берите пример с Делера!

С кровати рыжего карлика раздавалось тихое посапывание.

— Хорошо, хорошо,— шепотом сказал Кли-кли и замолчал.

Я закрыл глаза, но сон, как назло, не шел. Сагот! Бледный едва не добрался до меня сегодняшней ночью.

— Гаррет, ты спишь?

— Ну? — вздохнул я.

— Слушай, а как ты думаешь, куда теперь направился Балистан Паргайд?

— Это тебе у него надо было спросить.

— Да заткнитесь же вы наконец! — взревел Халлас.

— Чего орешь, борода? Дай поспать,— сквозь сон пробурчал Делер и перевернулся на другой бок.

— Я не ору, это они спать не дают,— проворчал гном.— Кли-кли, заткнись!

— Молчу, молчу,— поспешно сказал гоблин.

Я зевнул, закрыл глаза.

— Гаррет, ты спишь? — опять раздалось шипение.

Когда же он успокоится-то? Вот назло не скажу ему ни слова.

— Гаррет? Да Гаррет же!

— Ы-ы-ы-ы! — застонал Халлас, а затем разразился отборной бранью, мешая слова из гномьего и человеческого языка.— Кли-кли, еще слово — и я за себя не отвечаю!

— Да я заснуть не могу.

— Так посчитай чего-нибудь!

— Чего?

— Мамонтов! — взорвался гном.

— Хорошо,— вздохнул шут.— Один мамонт прыгает через ограду... Второй мамонт прыгает через ограду... Третий мамонт прыгает через ограду... Четвертый мамонт прыгает через ограду...

Халлас вновь застонал.

— Двадцать пятый мамонт прыгает через ограду,— между тем продолжал Кли-кли.— Два-ааа-адцать седьмой... прыгает... а-а-а... ограду...

Видать, гоблин все же уморился считать стада лохматых слонов.

— Тридцатый мамонт прыгает через ограду. Ой! — По комнате разлилась тишина, а затем печальный гоблинский голосок изрек: — Все.

— Что все? Кончились? — заскрежетал зубами Халлас.

— Нет,— вздохнул Кли-кли.— Он ногу сломал.

— Кто?!

— Мамонт, конечно.

— Как?!

— Как-как... Прыгнул через ограду и приземлился неловко, вот и сломал,— невозмутимо ответил гоблин.

— А-а-а! — Надо мной что-то свистнуло, и Кли-кли испуганно ойкнул.

— Ты чего сапогами кидаешься, Халлас? — возмутился шут.

— Того! Если не заткнешься, ночевать будешь в коридоре!

Кли-кли вздохнул, поворочался на полу и затих. Я отчего-то не сомневался, что гоблин задумал какую-то каверзу. Но шли минуты, а он не издавал ни звука.

Я все же умудрился заснуть. То ли сказалась накопленная за день усталость, то ли сопение уснувшего гоблина подействовало на меня ничуть не хуже колыбельной...

Мы покинули замок Альгерта Далли на рассвете, когда просыпающееся солнце окрасило краешек неба в бледно-розовые тона. Кли-кли отчаянно зевал, сонно бормотал и грозился рухнуть с седла Перышка, если его не будут поддерживать.

Милорд Альгерт Далли вместе с женой и дочерью самолично явился проводить нас в этот ранний час и пожелать удачи. Тут же присутствовал Оро Габсбарг. Уж не знаю, что графу рассказали Миралисса и Алистан Маркауз, но нам выделили в сопровождение сорок всадников под командованием некоего милорда Фера, оказавшегося внебрачным сыном Далли. В Пограничье, как сказал мне Кли-кли, к бастардам совершенно иное отношение, чем в Валиостре. Лишь бы воин был хороший, а какая у него кровь — дело второстепенное. Фер оказался года на три старше леди Алии. Он был похож на своего отца — такой же невысокий и крепко сбитый.

Милорд Альгерт щедро распахнул для нас двери своей оружейной. Трое замковых оружейников в самые скорые сроки подобрали броню для Халласа, Делера, Алистана Маркауза, Фонарщика и Сурка. Теперь весь наш отряд чувствовал себя более-менее защищенным, хотя замена все равно не шла ни в какое сравнение с теми доспехами, что ушли на дно Черной реки вместе с паромом. Фонарщик получил от графа персональный подарок — кинжал с дорогой рукоятью.

Воины Фера должны были довести нас до замка, в котором был размещен мощный гарнизон на случай внезапной атаки из Заграбы. Этот замок — последний оплот людей, за ним начинаются чащи, куда без нужды не полезет ни один разумный воин Пограничья.

Наша дорога пролегала через хвойные леса, журчащие реки и укрепленные деревеньки. Три раза отряд окликали со смотровых вышек, еще раз пять нам попадались встречные патрули воинов.

Пограничье кипело, воины говорили о том, что орки зашевелились в Золотом лесу.

— За этот месяц два раза нападали на деревни, мастер Фонарщик,— почтительно поведал Мумру один из воинов.— Да и отряд из

Засечного кряжа хорошо потрепали. Раньше такого не было, орков видели раз в полгода, да и то издали, а теперь они пробуют нас на зуб по всей длине границы королевства, ищут слабины. Говорят, Рука собирает армию и мечтает сделать то, что не получилось в Войну Весны.

— Неужто опрокинут? — Мумр, морщась, поерзал в седле. Вчера он слишком много принял на грудь, и сегодня его голова просто раскалывалась от боли.

— Опрокинут? — Воин на миг задумался.— Не знаю, мастер Фонарщик... Если дело дойдет до горячего, то точно попытаются, но не в наших землях. Пройдут западнее, там сплошной лес, гарнизонов мало, да и, простите меня за такие слова, воины Валиостра в последнее время мышей не ловят. Мимо тамошних крепостей любой проскользнет — хоть орк, хоть толпа Ужасных флейт, если они существуют, конечно.

— Не дай Сагра, начнется заварушка, придется нам одним мечами махать,— сказал другой воин.— Пока основные силы подтянутся, пока у вас в Валиостре регуляры соберутся... Сколько времени пройдет? Я свою семью уже перевез поближе к Шамару. Спокойнее там, столица все-таки.

— А эльфы? Эльфы разве вам не помогут? — спросил Угорь.

— Эльфы? — Воин с опаской посмотрел на едущих в начале колонны темных.— Знаете, что милорд Альгерт говорит про эльфов? Он говорит, что его от них и от их посулов тошнит уже.

— Помолчи, Сервин,— угрюмо сказал один из десятников.— Фер не любит, когда ты начинаешь распускать язык.

— Но я ведь прав, Хрюч. Прав, и тебе это известно.

— Пусть так, но получить с'кашем по голове мне не улыбается. Эльфы многое нам обещают, но кто поймет этих темных? Они не такие, как мы.

— Дом Черного пламени пообещал прислать шестьсот воинов на наши рубежи, но до сих пор так никто и не пришел,— сплюнул под копыта лошади воин.

К обеду отряд остановился в безымянной деревушке. Лошадям дали отдых, нас приветливо встретили и, нисколько не смущаясь такой оравы ртов, накормили. Небольшой отдых пошел всем на пользу, и с новыми силами отряд отправился в дальнейший путь.

— Елки, елки, елки,— вздыхал Кли-кли, с тоской осматривая окрестные пейзажи.

— Что тебя так смущает? Можно подумать, Заграба встретит нас цветущим садом.

Кли-кли презрительно фыркнул:

— Гаррет, ты даже не знаешь, о чем говоришь. Да, в Заграбе растут ели, но там есть и другие деревья. Сосны, дубы, лиственницы, клены, златолисты, березы, рябины... всех и не упомнишь.

— Чем же тебе насолили елки?

— Не нравятся они мне, плохие деревья. Темные.

— И в них кто-то пря-ачется,— сделал страшные глаза Медок.

— Угу, например, Балистан Паргайд со своей ведьмой! Как выскочит, как закричит ого-го-го-го! — поддакнул Делер.

— Тяжело с вами, дураками,— пригорюнился шут и не разговаривал с нами до самой ночи.

Несмотря на то что август уже перевалил за середину, по всем законам природы утро должно было выдаться таким же жарким, как и вчера. Как назло, погода испортилась, и не знай я, что сейчас август, решил бы, что это поздний октябрь.

Мглисто и прохладно — вот, пожалуй, те два слова, которые подходили к сегодняшнему дню. Небо было полностью затянуто серо-сиреневыми пузатыми облаками, и я начинал опасаться, что мне вновь, как и во время путешествия по Приграничью, придется ехать под дождем. Прохладный ветерок тоже не способствовал улучшению хорошего настроения. Делер жаловался на боль в костях, Халлас на Делера, Кли-кли на них обоих. Думаю, не надо объяснять, какой в итоге поднялся гвалт.

— Вот, вступаем в Страну ручьев, как мы называем эту местность,— зевнул Сервин, тот самый парень, что вчера начал разговор про орков.— Мы на самом краю обжитых мест. Часика через четыре будем в Кукушке.

— Кукушке? — переспросил Сурок.— Какой Кукушке?

— Замок это, где гарнизон.

— А-а-а... Сколько вас там?

— Четыреста, если не считать прислуги и волшебников.

— Волшебников? — крайне подозрительно спросил Халлас. Гном отчего-то просто не выносил волшебников Ордена.

— Да, мастер гном, их самых. У нас в каждой крепости по магу. На тот случай, если орочьи шаманы нагрянут.

— Если нагрянут орочьи шаманы, проще надеть белые тапочки, чем надеяться на этих ваших орденских фокусников! — презрительно фыркнул Халлас.

— Не скажите, мастер гном, волшебники ой как нужны! Помню, был я в сотне милорда Фера, когда мы защищали Пьяные ключи, так там шаман на нас набрёл, он всю сотню чуть в свет не отправил. Не будь рядом мага, я бы с вами сейчас не разговаривал, клянусь Сагрой!

Халлас лишь что-то пробормотал себе под нос и перевел разговор на другую тему.

Прискакал Элл и передал, что меня зовет Миралисса. Пришлось ехать за к'лиссангом в начало отряда. Эльфийка о чем-то любезно щебетала с Фером, но, заметив меня, придержала лошадь и спросила:

— Гаррет, ты ничего не ощущаешь?

— Н-нет,— немного подумав, ответил я ей.— А что я должен был почувствовать, леди Миралисса?

— Не знаю,— она вздохнула.— Ключ молчит?

— Да.— Поделка карликов после ночи в доме Балистана Паргайда не давала о себе знать.

— Меня беспокоит внезапная пропажа Лафресы. Ее не было в Кротовом замке с Балистаном Паргайдом, значит, она где-то еще, да и сам граф не очень-то был расстроен, когда его воин проиграл суд.

— У меня тоже создалось впечатление, что он припрятал в рукаве козырного туза.

— Козырного туза? — Она на миг задумалась.— Ах да! Карты... Да, ты прав, у него должен быть запасной вариант, иначе он бы так просто не сдался. Чувствуется рука этой прислужницы Хозяина, вот я и подумала, раз ты настроен на Ключ, то должен ощутить ее.

— Нет, ничего, леди Миралисса.

— Жаль,— искренне ответила она.— Хотя, с другой стороны, если ты не чувствуешь ее присутствия, значит, она далеко.

— Или близко, но артефакт просто не способен ощутить ее силу,— промолвил Эграсса.

Мне больше понравился вариант Миралиссы, так я чувствовал себя намного безопаснее.

— Леди Миралисса, можно задать вопрос?

— Слушаю.

— Балистан Паргайд наш враг, он служит Хозяину, а между тем вы свободно позволяете ему покинуть замок Альгерта Далли. Почему?

— Ты так и не понял, что в Пограничном королевстве законы отличны от законов Валиостра? Балистан Паргайд сидел за столом милорда Альгерта и, чтобы арестовать его... Здесь нужны более веские доказательства, чем наши слова. К тому же после суда Сагры граф имел право уйти, и никто не мог чинить ему препятствия.

Я кивнул в ответ на ее слова, в душе кляня проклятых пограничников с их глупыми законами.

— О чем она с тобой говорила? — полюбопытствовал Кли-кли.

— Ничего важного.

Шут недовольно скривился и спросил, с опаской посматривая на мрачное небо:

— Ты знаешь, что мы уже сегодня будем в Заграбе?

— Сегодня? Но я, грешным делом, подумал...

— Головой надо думать, Гаррет, а не грешным делом. Толку будет в два раза больше, можешь мне поверить,— заметил шут.— Время уходит, так что сразу из замка пойдем в Заграбу, да и ночью идти намного безопаснее.

Лес поредел, угрюмые елки отпрянули в стороны, тракт вильнул влево, и впереди появилась большая деревня.

— Любезные вояки, как называется эта деревушка? — состроив важную мордочку, спросил у воинов Кли-кли.

— Перекресток.— Нам опять ответил Сервин.— От нее до замка час ходу.

— А-а-а,— протянул шут, во все глаза глядя на далекие дома.

Фер поднял вверх сжатый кулак, и отряд остановился.

— Что происходит? — Сурок оторвался от возни с Непобедимым.

— Не знаю,— ответил я ему.

— Странная деревня,— процедил Угорь, подтягивая «брата» и «сестру» поближе к себе.

— Вот-вот,— поддакнул Фонарщик, быстро повязывая ленту на лоб.— Я бы сказал, что очень странная.

— Чего в ней странного-то? — недоумевал я.

— Ты видишь людей?

— Вроде еще далековато,— неуверенно ответил я, шаря глазами по далеким домикам.

— Не настолько, чтобы не увидеть жителей,— возразил Сурок.— Смотри — возле домов никого, на улице никого, смотровые вышки тоже пусты. Я лично не помню ни одной деревушки в этой стране, где на вышках не сидели бы лучники.

Дикий прав — на вышках было пусто.

— Гаррет, кольчуга на тебе? — забеспокоился гоблин.

— Под курткой.

Фер, посовещавшись с десятниками и милордом Алистаном, махнул рукой, и отряд медленно двинулся к поселению.

— Держи арбалет под рукой,— посоветовал мне Делер, нахлобучивая на голову шлем.

Тревога и напряжение воинов передались и мне, я достал малыша, взвел его и зарядил болты. Первый обычный, второй с ледяным духом. Делер прижал секиру ногой к лошадиному боку и тоже взвел арбалет, который был раза в три больше моего. Некоторые воины отряда поступили так же.

— Поспешаем медленно, ребята. Фер сказал смотреть в оба,— произнес десятник Хрюч, когда отряд въехал в деревню.

Прямая улица была пустой и тихой, как будто все вымерли.

— Почему здесь нет частокола? — спросил я.

— Бесполезно, деревня слишком большая,— ответил Сервин, держа руку на рукояти меча.— Замучаешься обносить, да и Кукушка под боком...

— Сервин, Кассани, Урч, Одноглазый! — оборвал ответ воина Фер.— Проверьте дома. Парами.

Воины соскочили с лошадей и по двое бросились к домикам на правой и левой стороне улицы. Первый солдат каждой пары держал арбалет, второй — меч. Мечник подбежал к двери ближайшего дома, ударил ее ногой, отворяя, прянул в сторону, пропуская арбалетчика. С другой стороны улицы происходило то же самое. Воины Пограничья действовали как механические часы карликов — четко и точно.

Секунды текли слишком долго, я уже начинал подумывать, что ребята провалились в погреб, так долго их не было. Наконец мужчины вышли из домов и вернулись назад.

— Никого! — сказал воин первой пары.

— У нас тоже, командир, дома пусты. Никаких повреждений, ничего не разбито, на столе еда, похлебка давно остыла.

— Уверен, что и в других домах будет то же самое, милорд Алистан! — крикнул Медок графу.

— Может, у них какой-то праздник или свадьба?

— Никаких у нас праздников нет,— сказал воин с копьем.— И свадьбы с утра пораньше не бывают.

— Орки? — одними губами спросил Фонарщик.

— Не может такого быть, Кукушка рядом, Первые никогда бы не осмелились напасть на деревню в такой близи от гарнизона.

— Урч, Кассани, проверьте вышку! — отдал приказ Фер.

Вышка находилась рядом, всего в десяти ярдах от дороги, возвышаясь на краю поля. Пока ребята проверяли дома, трое воинов на лошадях не спускали с нее глаз, держа под рукой арбалеты. Там, наверху, вполне мог спрятаться стрелок.

Один из солдат, зажав в зубах нож, стал подниматься по шаткой лестнице, второй направил арбалет вертикально вверх на тот случай, если из квадратной дыры в полу вдруг ненароком высунется враг. Воин с ножом забрался наверх, на секунду исчез с наших глаз, затем вновь появился и крикнул:

— Чисто!

— Что-нибудь там есть, Урч? — крикнул Фер, поднимая забрало.

— Лук, колчан стрел, крынка молока, командир! — после недолгого промедления ответил Урч.— Кровь! Здесь кровь на досках!

— Свежая? — крикнул один из десятников, обнажая меч.

— Нет, уже подсохла! И совсем мало, возле самого люка!

— Кассани, что на земле?

— Я ничего не вижу,— сказал воин внизу.— Земля как земля, да и мы натоптали!

Элл подъехал к вышке на лошади, спрыгнул, отдал поводья воину и, сев на корточки, стал изучать землю.

— Гаррет,— опасливо позвал меня шут,— ты ничего не чувствуешь?

— Нет.

— Вроде гарью пахнет.

— Не чувствую,— понюхав воздух, сказал я.— Тебе, наверное, показалось.

— Клянусь Великим шаманом Тре-тре, но в воздухе пахнет горелым.

— Кровь! — крикнул Элл.— На земле кровь!

Эльф вскочил на лошадь, подскакал к Феру, Алистану и Миралиссе.

— Его убили наверху, возможно, стрелой, и он свалился вниз.

— Понятно,— заиграв желваками, кивнул милорд Алистан и, натянув на голову кольчужный капюшон, надел закрытый шлем с прорезями для глаз. Элл и Эграсса как по команде взялись за свои полушлемы, скрывающие верхнюю половину лица.

— Нечисто здесь дело, ох нечисто! — Фонарщик нервно озирался по сторонам, выискивая возможного врага.

Но улица была пуста, как и дома вокруг нас. Даже не пуста, а мертва. Не было слышно ни пения птиц, ни мычания коров в хлеву, ни лая собак.

— Собаки! — вырвалось у меня.

— Ты о чем, Гаррет? — обернувшись ко мне, спросил Эграсса..

— Собаки, Эграсса! Ты видел хоть одну? Ты слышал, чтобы они лаяли?

— Орки,— сплюнул один из воинов.— Эти твари ненавидят псов и убивают их в первую очередь.

— Тогда где трупы? С собой утащили? — спросил Сурок.

— Некоторые кланы так поступают.— Кассани залез в седло.— Делают из собачьих шкур украшения.

— Урч, слезай! — крикнул один из десятников.

— Постой! Командир, дым! — Урч ткнул пальцем куда-то в центр деревни.

— Сильный?

— Нет, едва виден!

— Что горит?

— Из-за крыш домов ничего не разглядеть!

— Слезай!

Урч скатился с лестницы и сел на лошадь.

— Двигаемся вперед, не спим, прикрываем спину.— Фер плавным движением опустил забрало.

— Ты знаешь, Гаррет,— шепотом сказал гоблин,— я начинаю бояться, что мы нарвемся на Первых.

— Я тоже, Кли-кли. Я тоже.

— Может, все же они ушли на праздник, а тот воин ошибся? — Видно было, что шут не очень-то верит собственным словам.

Конечно же они не ушли ни на какой праздник...

Запах гари мы почувствовали еще домов за двадцать от пожарища. Горел огромный амбар какого-то зажиточного крестьянина. Точнее, не горел, а сгорел. Нас встретило едва дымящееся пепелище.

К запаху гари примешивалась вонь горелого мяса. Лошади начали нервничать.

— Проверьте,— пророкотал из-под шлема Фер.

Один из воинов неохотно прикрыл лицо рукавом и пошел к пожарищу. Ступая по остывшим углям, переступая через прогоревшие бревна, он поводил носком сапога по пеплу и побежал к нам. Лицо у него побледнело.

— Все сгорели, командир! Сплошные обугленные кости. Загнали в амбар и подожгли, их там сотня с лишним.

Кто-то за моей спиной шумно вздохнул, кто-то выругался.

— Как это могло произойти?

— Кто-то за это ответит!

— Не распускать сопли! Вперед, шагом,— резко сказал Фер.— Арбалетчики, выдвинуться в первую линию.

— А мертвые, командир?

— Позже,— ответил Фер.

Остальных жителей мы нашли на маленькой площади деревушки, где расположился трактир и деревянный храм богов — больше пяти десятков трупов. Все тела выпотрошены, будто рыбы, головы отрублены и свалены в одну большую кучу. Запах крови и смерти стучался в ноздри, гул от тысяч мух, слетевшихся со всей округи, звенел в ушах. Казалось, здесь пробежала толпа безумных шутов, которая разбрызгивала кровь из ведер направо и налево.

Кто-то из воинов свесился с лошади, и его вывернуло наизнанку. Я и сам, признаюсь честно, едва не последовал его примеру. Пришлось приложить массу усилий, чтобы сохранить завтрак в желудке.

Такого не должно быть, такое просто не имеет право существовать в нашем мире!

Мужчины, женщины, старики, дети... Все те, кто не сгорел в амбаре, лежали на затопленной в крови площади.

— Там,— мотнул головой Сурок.

На стене трактира висело семеро. Их руки и ноги были прибиты гвоздями к доскам, животы вспороты, головы отсутствовали. Двух женщин повесили, перебросив веревку через вывеску трактира, и их тела едва качались, подчиняясь слабым дуновениям ветерка.

Послышалось чириканье, и я повернул голову на звук. Маленькая тварь с серой кожей, размером не больше младенца, оторвалась от пожирания плоти и подняла на нас окровавленную морду, моргая красными плошками глаз. Вторая тварь, увидев, что мы смотрим на нее, зло зашипела.

Щелкнула тетива лука, и первый трупоед, взвизгнув, упал, пронзенный эльфийской стрелой. Второй падальщик проворно юркнул в сторону, и Элл промазал. Существо, гневно чирикая, скрылось за домами.

— Гхолы, мать их! — заворчал Делер.

— Трупоеды уже пируют...

— Снимите тела,— отдал воинам приказ Фер.

Пограничники принялись перерезать веревки у повешенных и снимать со стены семерых мертвецов.

— Мне не нравится, как здесь пахнет,— простонал Кли-кли.

— Мне тоже, Кли-кли.

— У всех голов отрезаны уши,— сказал Угорь, бесстрастно рассматривая мертвецов.

— Груунские ухорезы,— со знанием ответил нам один из воинов.— Это их работа.

— Ухорезы? — вскинул бровь Халлас.

— Карателя. Любят пошастать по нашей земле и пособирать уши.

— Ясно.

— Фер, скажите, мог кто-нибудь остаться в живых? — обратился к командиру воинов Алистан Маркауз.

— Из жителей? Сомневаюсь,— мрачно сказал пограничник, наблюдая, как воины бережно укладывают снятых со стены мертвых.— Хасал, как давно все случилось?

— Вчерашний вечер, командир. Пепелище едва дымится, кровь свернулась...

— Нам надо как можно скорее попасть в Кукушку, мы еще успеем догнать Первых и отомстить.

— Надо проверить остальную деревню, орки могли остаться,— покачала головой Миралисса.

— Зачем, треш Миралисса? Что им здесь делать?

— Кто поймет Первых, Фер? Дальше улица разветвляется, по какой вы думаете повести отряд?

— Одноглазый, ты ведь отсюда? — обратился Фер к воину с черной повязкой на левом глазу.

— Да.— Лицо у парня было зеленее весенней листвы.— Тетка, сестренки... Все...

— Соберись, воин! Не время раскисать! Куда ведут эти две улицы?

— Они друг напротив друга, командир, идут до конца деревни. Там дальше богаче жили, дома получше, да и сады начинаются...

— Я думаю разделить отряд поровну, милорд Алистан. Надо обследовать обе улицы, вдруг кто и выжил из жителей?

— Дробить силы — это неразумно.

— И все же я считаю, что так лучше.

— Поступайте, как считаете нужным, вы здесь командир.

— Хрюч, Рот, со своими десятками по левой улице. Орел, Факел, вы со мной.

— Хорошо, командир.

— Элл, Медок, Халлас, Угорь, Гаррет, Кли-кли, езжайте с Хрючем,— отдал приказ Алистан Маркауз.— Леди Миралисса, Эграсса, Сурок, Делер, Фонарщик и я будем следовать за отрядом Фера.

— Стоит ли нас разделять, милорд? — недовольно спросил Делер, пробуя большим пальцем остроту лезвия секиры.

— Нельзя ослаблять один из отрядов. Мы им можем пригодиться.

— Двинулись,— скомандовал Фер.— Рот, встречаемся в конце деревни.

— Да, командир.

— Если что, трубите в рога,— сказал напоследок рыцарь, посылая коня вперед.

— Береги бороду, борода! — прогудел Делер Халласу.

— О себе беспокойся,— беззлобно ответил гном, поудобней перехватывая боевую мотыгу.

Мы выехали на улицу, следуя за двумя десятками хмурых и настороженных воинов Фера.

— Мразь, Тварь,— обратился десятник к двум братьям-близнецам,— впереди отряда, в тридцати шагах, так, чтобы я ваши задницы видел. Глядите в оба, если что — сразу назад.

Два воина послали лошадей вперед, высматривая врага.

Элл тоже подстегнул лошадь и поехал рядом с десятником, держа стрелу на тетиве лука.

— По мне, так все это глупость,— пробурчал Халлас.— Неужто орки будут дожидаться, пока мы придем и пощекочем им животы?

— Первые могут устроить любую пакость, мастер гном,— сказал один из воинов.— А уж Груунские ухорезы в первую очередь.

— Гаррет, Кли-кли, держитесь за мной, коли что, я их встречу,— сказал Халлас.

— Защитничек ты наш,— хихикнул Кли-кли, но, следуя совету гнома, придержал Перышко.

Два разведчика медленно продвигались впереди нас, но улица оставалась тиха и спокойна.

Аккуратненькие домики с ярко окрашенными ставнями и дверьми сейчас выглядели зловещими и таящими в себе угрозу. Улица расширилась, дома и заборы, выкрашенные желтой и голубой краской, стали больше. Ворота дома, в саду которого росли медвяные подсолнухи, были снесены и лежали на земле. Здесь кто-то очень хорошо поработал топором. На крыльце лежал человеческий труп, утыканный стрелами. Как и у всех мертвецов в деревне, у этого тоже не было головы. Я отвернулся — хватит с меня покойников на сегодня.

Дома по левую руку кончились, потянулись сады. Густые кусты вдоль дороги сочились угрозой, там могла спрятаться целая орочья армия, да и на ветвях яблонь, густо поросших зеленой листвой, вполне способны затаиться лучники. Воины внимательно посматривали на заросли, но они оставались недвижимы, лишь однажды с ветки вспорхнула испуганная трясогузка и, крича, скрылась за деревьями.

Мы подъезжали к концу Перекрестка — три дома справа, небольшое поле, а дальше еловый лес. По левую руку потянулось капустное поле, и Кли-кли заметил, что неплохо бы было слямзить пару кочанчиков на ужин, крестьянам они теперь все равно уже не понадобятся. Гоблин неуклюже намекал на то, что умыкнуть капусту должен я, но после того, что я увидел на площади, аппетит у меня был отбит напрочь, о чем я не преминул сообщить шуту.

Беда пришла, когда ее никто не ждал. Одновременно рухнули огромные ворота двух последних домов, и сквозь поднятую от удара падения пыль полетели стрелы.

Крики боли, шелест выхватываемого оружия, ржание лошадей.

— Орки!

— Первые!

— К оружию!

— Труби!

Запел и тут же умолк боевой рог. Воин, получив стрелу в горло, выронил его и упал под копыта лошади. Пропел еще один рог, откуда-то из-за домов слышался звон оружия. Помощи нам ждать не приходилось, второй отряд тоже угодил в ловушку.

— Влямзались! — прокричал шут, смотря на меня безумными и расширенными от ужаса глазами.

Дальнейшее я помню слишком плохо и одновременно слишком хорошо. Я был собой, я видел себя со стороны и одновременно я мог разглядеть, что творится вокруг меня. Весь бой навсегда врезался мне в память, он прошел как в кошмаре, как в застывшем на морозе сне, который порубили топором на отдельные ледяные глыбы.

Еще раз щелкнули луки, и орки, обнажив ятаганы, бросились на нас. Бросились молча, и это, наверное, было самым страшным из всего, что происходило со мной за сегодняшний день. Как говорят, у страха глаза велики — в эти секунды мне показалось, что врагов много, очень много, намного больше, чем нас.

Мы находились в самом конце отряда, и поэтому первый и самый страшный удар приняли на себя воины Пограничного королевства... и Элл. Я заметил, как стрела застряла в прорези его шлема, как эльф отклоняется назад, заваливаясь на спину...

Защелкали немногочисленные арбалеты воинов, несколько орков упали, остальные все так же молча неслись на нас.

Пограничники встретили Первых сталью, отражая атаку мечами и копьями. Гвалт стоял неописуемый, ругательства и крики, звон стали, хрипы. Орков нисколько не смущало, что их противники на лошадях. На меня бросился один из них, я выстрелил, промазал, выстрелил второй раз, ледяной болт попал Первому в щит, со звоном, высвободил магию, превращая врага в ледяную статую.

— Медок, закрой меня! — проорал я, стараясь перекричать шум битвы. Арбалет следовало перезарядить как можно скорее.

Орки все еще были заняты теми, кто находился впереди, они не очень рассчитали атаку, и мы, находящиеся в конце колонны, получили два десятка драгоценных секунд, чтобы ответить Первым дождем смерти.

Наверное, ни разу в жизни я не заряжал арбалет с такой скоростью. Болты в ложе, рычаг на себя, прицелиться, задержать дыхание, нажать на один спусковой крючок, затем на другой.

Битва с улицы переместилась на капустное поле, и, прежде чем орки успели добраться до меня, я уложил четверых, еще три болта прошли мимо, а два отскочили от доспехов врагов, будто те были заговоренные. Один из противников попытался прорваться ко мне, но его остановил огролом Медка. Тяжелый цеп ударил Первого в бок и отбросил в сторону.

Бах! — ударило мне по ушам.

Пчелка в испуге встала на дыбы, и я очень неизящно хрястнулся о землю. Пришлось откатиться в сторону, чтобы не попасть под копыта собственной лошади.

Я вскочил с земли и оказался лицом к лицу со здоровенным орком. Арбалет я уронил во время падения, доставать нож времени не было, Первый явно намеревался снести мою буйную голову и отрезать уши. Ятаган противно вжикнул, я втянул голову в пятки, и вражеский клинок прошел выше, лишь всколыхнув волосы.

Вокруг кипела битва, враги наседали, люди пытались выжить, так что помощи мне ждать было неоткуда. Орк ударил с оттяжкой, я в ответ рухнул на землю, прокатился по грязюке, вцепился в ближайший кочан и швырнул его в голову противника. Первый небрежно отмахнулся от капусты ятаганом, разрубая ее на две равные половинки. Мне вновь пришлось отскочить, парень был донельзя проворен и...

Бах! — вновь ударило по ушам.

Мимо щеки что-то просвистело, и голова орка разлетелась похлеще чем спелая султанатская дыня, обдав меня на прощание брызгами горячей крови.

Я обернулся на шум. Халлас стоял на земле, передвинув свой драгоценный мешок на живот. Вокруг гнома рассеивался сизый, вонючий дымок. Изо рта он не выпускал обычную курительную трубку. В каждой руке мой спаситель держал по толстой короткой штуковине, очень похожей на миниатюрную пушку.

Такого чуда я еще не видывал.

Между тем к гному бросились сразу три Первых, понявших, что Халлас представляет для них самую большую угрозу. Гном без всякой суеты отбросил странные трубки в сторону, запустил в мешок обе руки, вытащил еще две точно такие же пушечки, поднес одну из них к дымившей во рту трубке, поджег фитиль, направил на спешащего к нему орка.

Бах!

Враг изобразил в воздухе ногами презабавнейший кульбит и упал.

Бах!

В панцире второго появилась дыра величиной с кулак, и тот, закачавшись, рухнул лицом в грязь.

Третий орк остановился как вкопанный, и его тут же пригвоздил копьем один из воинов Фера.

Один из орков обрушил топор на щит едва державшегося на ногах Одноглазого. Я вытащил нож и совершил самый безумный поступок в своей жизни. Разбежался, подпрыгнул и ударил тварь обе-

ими ногами в спину. Пришлось рухнуть на землю, орк, не ожидавший ничего такого, нырнул вперед, упал на колени и тут же распрощался с головой.

Одноглазый благодарно кивнул и врубился в свалку по соседству.

Тьма! Надо пробраться назад и подобрать арбалет.

— Умри, мартышка! — Два орка в шлемах заметили одинокого и безобидного человека с ножом. Я в отчаянии швырнул нож в одного из них, но орк играючи отбил оружие щитом.

— Гаррет, за спину! — выскочил Медок.— Подбери топор!

Я отпрянул, давая место его огролому. Боевой цеп упал низко, Медок целил в ноги, Первые резво подпрыгнули, стараясь разминуться с тяжелым шипастым билом. Дикий изменил направление удара, и цеп взлетел вверх, выбивая дух из менее ловкого парня. Второй орк постарался атаковать, но я и топор мертвого Первого уже были рядом. Ударил я неловко, но от души.

Топор врезался в щит и завяз.

— Убирайся отсюда!

Орк отшагнул назад, увлекая за собой мое оружие. Я вовремя послушался совета Дикого и отскочил в сторону. Первый в отчаянии выставил перед собой ятаган, пытаясь защититься от удара Медка. Било огролома прошло выше, сделало оборот вокруг ятагана орка, наматывая цепь, и застыло, связав оба оружия.

Медок потянул на себя, орк не растерялся и стал тянуть к себе. Медок выпустил рукоять огролома из рук, шагнул вперед и ударил кинжалом ошеломленного противника под шлем, в подбородок.

— Гаррет, я кому сказал? Убирайся к лошади! — Медок, подняв с земли чей-то меч, уже дрался со следующим Первым. Все капустное поле просто кипело от звона оружия, криков и крови. Битва длилась не более минуты, ну, может быть, двух. Мне же показалось, что с начала нападения прошла вечность.

Я подхватил с земли свой нож, огляделся, увидел Пчелку и ринулся к ней. Один из орков метнул копье, и оно, пробив звенья кольчуги, застряло в спине десятника Рота. Еще двое орков расправились с отчаянно отбивавшимся от них Сервином. Один отвлек на себя его внимание, второй топором отрубил ему руку.

Меня взяла злость.

Тьма меня раздери, клянусь Саготом, я человек спокойный и не склонен к самоубийственным поступкам, но тут меня пробрало по самую печень! Наши гибли, падали, а я только метался по полю, уворачиваясь от ятаганов Первых.

Я запрыгнул на спину того, что был с топором, и буквально вбил нож ему в затылок. Он вздрогнул, обмяк и стал падать.

Его товарищ яростно взревел и бросился на меня. Меня спас щит, выпавший из рук убитого мною орка. Я выставил его перед собой, держа обеими руками. Первый ударил раз, другой, третий. Желтые глаза горели ненавистью.

Краем сознания я отмечал, что сквозь шум битвы пробивается чье-то заунывное тягучее пение на незнакомом мне языке. С каждым ударом, сотрясавшим щит, я отступал на несколько шагов назад. Орк вошел во вкус, и я еле-еле успевал подставлять защиту под падающий ятаган. Щепки так и летели, этому парню надо было идти не в воины, а в лесорубы. Я наступил на кочан капусты, поскользнулся и едва не упал.

Бах-звянг! Бах-звянг!

После десятого «бах-звянга», когда проклятый щит уже стал оттягивать руки, а орк вновь замахнулся для удара, я пошел на хитрость и не стал защищаться от удара, а просто отступил в сторону во время следующей атаки.

Орк весь вложился в удар и, не встретив привычной преграды, пролетел вперед, зло зарычав. Чтобы не упасть на землю, Первый сделал несколько шагов, я шарахнул его щитом по спине. Удар отвлек его и тут мне на подмогу подоспел Халлас.

Обратная часть его боевой мотыги, так похожая на чекан, с протяжным «з-звонг» пробила доспех Первого, убив того на месте.

— Гаррет, что бы я делал без твоей помощи! — усмехнулся в окрашенную кровью бороду Халлас.

— Сзади! — крикнул я ему, предупреждая о подкрадывающейся угрозе.

Низкорослый гном резво отскочил в сторону, крутанулся и атаковал нового врага.

Пчелка стояла на том самом месте, где я ее и оставил. Я даже не заметил, когда горячка боя успела откинуть меня на такое большое расстояние от собственной лошади. Арбалет лежал у нее под копытами, в грязи.

Передо мной появился Кли-кли.

Гоблин плавным движением опустил руки на пояс, снял с него два тяжелых метательных ножа, которые исполнили в его пальцах сверкающую круговерть, и, схватив оружие за лезвия, швырнул в меня.

Я не пригнулся, не шевельнулся и в общем-то даже не успел испугаться, так быстро все это произошло.

Один из ножей взвизгнул возле моего правого уха, второй возле левого, едва не срезав его.

Удивительно, но я все еще был жив.

Мне достало ума обернуться назад. Враг находился у меня за спиной, уже успев замахнуться топором. В глазницах у него торчали метательные ножи гоблина. Орк постоял, покачался на пятках и упал лицом вниз, едва не придавив меня.

— Ты не расплатишься за спасение своей шкуры.— В руках у шута уже была вторая пара ножей.

Я не нашелся что сказать, со стыдом вспоминая, как все мы смеялись над умением гоблина владеть метательными ножиками.

Я поднял арбалет и поспешно зарядил его.

— Мы проигрываем, нас только восемь против двенадцати! — заявил мне гоблин.

И когда он еще считать успевает?

— Знаю!

— Так не спи! Слышишь, шаман поет? Когда он закончит творить заклятие, нам станет совсем худо!

Шаман! Я похолодел, наконец понимая, какую беду может нести эта песня.

— Что ты от меня хочешь?

— Найди его и убей! Он где-то прячется!

Легко сказать — убей шамана!

Внезапно Пчелка ударила одного из орков, которого теснил солдат Пограничного королевства копытом в незащищенную спину. Воин доделал все остальное.

— Я же говорил, что она боевая кобыла.— У шута даже в такой ситуации достало сил улыбнуться.— Я знаю, что дарить своим друзьям!

Пропели рога, и второй отряд под командованием Фера, как стальной кулак, на полном скаку ударил в спину врага. Алистан пронесся мимо меня и срубил голову одному из четверых орков, наседающих на Угря.

Не могу сказать, что гарракец против четверых противников чувствовал себя неловко, но неожиданная помощь никому еще не мешала. «Брат» и «сестра» в руках воина порхали как бабочки, сливаясь в единый размытый сверкающий вихрь. «Сестра» колола, «брат» рубил. «Сестра» стремительно ударила сверху, целя в голову, орк закрылся щитом, и «брат» тут же вспорол открывшийся живот.

Нисколько не смущаясь, я всадил болт третьему орку, попав ему под правую лопатку. Кли-кли юркнул вниз, подрезал сухожилие на ноге четвертого, и Угорь довершил дело, добив упавшего.

— Миралисса! — заорал я, разглядев эльфийку, вооруженную с'кашем. Кольчужный капюшон скрывал ее пепельно-серые волосы.— Здесь шаман!

Она что-то прокричала на орочьем Эграссе и произнесла заклятие, выбросив вперед руку. Под ногами бегущего к ней орка появился лед, и враг, скользя, проехал по нему вперед, удивленно размахивая руками. Его с радостью встретил Фер, опустив булаву на шлем Первого. Во все стороны брызнула кровь.

В воздухе появились полупрозрачные пузыри ядовито-зеленого света.

— Держитесь от них подальше! — прокричала Миралисса, заставляя свою доралисскую лошадку совершить резкий скачок в сторону.— Эграсса ш'тан ныpг ш'аман дулле!

Эльф, не слушая ее, посылал стрелы, ориентируясь на звучащий голос. Можно было подумать, что Эграсса безумен, иначе зачем палить в абсолютно пустое место на поле? Стрелы волновали воздух, втыкались в землю, пение продолжалось, мыльных пузырей становилось все больше и больше. Кто-то из воинов закричал от боли.

Удар опрокинул меня на землю, зубы звонко клацнули.

— Жить надоело?! — проорал Угорь.

Гарракец не спал и вовремя оттолкнул меня от летящего заклятия шамана.

Очередная стрела эльфа застряла в воздухе, послышался вскрик, и пение смолкло. Прямо из ничего, можно сказать, из разреженного воздуха появился орк, обряженный в довольно странный головной убор, и повалился на землю.

— Иллюзия невидимости! — крикнул Кли-кли.

Со смертью шамана мыльные пузыри разом лопнули и исчезли.

Над капустным полем и пустой деревенькой больше не было слышно звона оружия. Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Я понял, что мы выиграли и мне по какой-то прихоти Сагота удалось пережить эту битву.

— Спокойно, дружище, осталась пара стежков, и я закончу.— Угорь, ловко орудуя кривой иглой, накладывал швы на лоб Фонарщику.

Мумр шипел, морщился, но терпел. Орочий ятаган задел Фонарщика и срезал лоскут кожи с его лба. Когда бой закончился, все лицо и одежда воина были залиты кровью, и теперь гарракец суконной ниткой пришивал обратно свисающую на глаза Фонарщика кожу.

— Хватит меня мучить, Угорь, и так крови натекло! Лучше бы Миралиссу позвал.

— Она занята, надо спасать тех, кто попал под магию шамана.— Угорь наложил еще один стежок.— А что крови много, это не

страшно. При ранах в лицо всегда так, гораздо опаснее было бы, если бы проткнули твой живот и оттуда не вытекло ни капли.

— Ловкий гад мне попался...— Мумр поморщился, когда Угорь стал вязать узел.— Теперь шрам будет...

— Говорят, они украшают,— хмыкнул Угорь.— Делер, дай свою «Ярость глубин».

Карлик оторвался от чистки лезвий секиры и протянул гарракцу флягу с карликовским пойлом. Угорь намочил тряпицу и безжалостно приложил ее ко лбу Мумра. Фонарщик взвыл, будто его посадили на горячие угли.

— Терпи, если не хочешь, чтобы рана загнила.

Дикий с исказившимся от боли лицом кивнул и взял из рук гарракца тряпку.

— Ты не ранен, вор?

Милорд Крыса снял с головы шлем и теперь держал его в руках. Понятное дело, что капитан гвардии озабочен моим здоровьем. Сталкон как-никак поручил ему охранять меня, а я сегодня едва не отправился в свет. Вот смеху-то было бы, если бы милорд Алистан Маркауз не справился с поручением!

— Вроде нет,— тупо произнес я.

Бой закончился, но я все еще никак не мог отойти от той безумной горячки, что рождается под звон клинков. Сейчас я вместе с Кли-кли сидел на земле возле Пчелки и смотрел на перетоптанное капустное поле, усеянное телами орков, людей и лошадей.

— У тебя кровь на лице.

Кровь? Ах да! После того как Халлас пробил голову орку из своего чудо-оружия, на меня вроде бы попали какие-то капли.

— Не моя, милорд.

— Вот, вытрись.— Он был настолько любезен, что протянул мне чистую тряпицу.— Молодец, что выжил, вор.

Я грустно усмехнулся. Я-то выжил, а вот другим повезло намного меньше, чем мне. Орочья стрела убила Элла на месте. Сурку больше никогда не кормить Непобедимого — копье орка пробило воина насквозь. Боюсь, что Медок не дотянет до утра, он попал под пузыри шаманства и теперь лежал без сознания, при смерти. Миралиса пыталась помочь ему и еще троим воинам, но выйдет ли это у нее, неизвестно.

Второй отряд тоже нарвался на орков, но там Первых было гораздо меньше. Поэтому Фер с людьми успел расправиться с врагами и подоспеть к нам на помощь.

— Хорошо они нас,— обратился Фер к Алистану.

— Сколько?

— Восемнадцать убитых, не считая двух ваших воинов, милорд. Хасал, сколько раненых?

Лекарь оторвался от перевязки раненого.

— Легко — почти все. Четверо тяжело, Сервину отрубили руку и пробили живот, боюсь, он не переживет эту ночь, командир.

— А сколько орков?

— Никто не считал,— скривился Фер.— Не больше трех десятков.

Тридцать орков в противовес к пятидесяти. Мы еще легко отделались.

— Командир, что делать с двумя пленными?! — крикнул Одноглазый.

— Сейчас разберемся,— мрачно сказал Фера.

— Идем, Гаррет, поглядим,— вскочил на ноги Кли-кли.

Лично мне неинтересно было смотреть на орков. По мне, так пусть сразу отправляются во тьму, так намного безопаснее.

— Да идем же! — Кли-кли дернул меня за руку.— Чего сиднем сидеть?

Кляня на чем свет неугомонного гоблина, я встал с земли и поплелся за ним.

Двое Первых были оплетены веревками так, как будто они попали в паутину гигантского паука. Один оказался ранен в ногу, кровь еще сочилась, но никто не озаботился перевязать ему рану. За пленными пристально следили четверо воинов, один держал наконечник копья возле самой шеи Первого. Рядом стоял Эграсса, поигрывая кривым кинжалом.

Орки и эльфы. Эльфы и орки. Они настолько похожи, что неопытному человеку с первого раза достаточно сложно различить эти две расы. И те и другие смуглы, желтоглазы, пепельноволосы, черногубы, клыкасты, говорят на одном и том же языке. Различия слишком незначительны для стороннего наблюдателя.

В Первых и эльфах течет родственная кровь. Орки чуть ниже эльфов, чуть массивнее, чуть пошире в кости, у них чуть толще губы, чуть длиннее клыки. Эти маленькие «чуть» в некоторых случаях могут стоить жизни невнимательному человеку. Единственное явное отличие — орки никогда не обрезают свои волосы и заплетают их в длинные хвосты-косы.

— Если хотите умереть быстро, ответьте на мои вопросы. Начнем с тебя,— Фер обратился к раненому.

Тот стиснул челюсти, дернулся, забулькал, и из его рта потекла кровь.

— Сагра! — в ужасе воскликнул один из воинов.— Он откусил себе язык!

Орк быстро изогнулся дугой, и наконечник копья, коловший кожу Первого, насквозь пробил его шею. Пограничник, выругавшись, отпрянул и отдернул копье, но было поздно — ударивший в небо тугой алый фонтан засвидетельствовал смерть Первого.

— Кассани, тьма тебя забери! Ты что как маленький?! — обругал воина Фер.

— Они все ненормальные, командир! Он сам напоролся,— попытался оправдаться воин.

— Что ж, твой приятель отправился во тьму, тебе я такого шанса не предоставлю,— обратился Эграсса к оставшемуся орку.— Ты ответишь на вопросы этого человека, иначе у нас с тобой будет долгий разговор.

Орк презрительно посмотрел на эльфа и плюнул ему в лицо.

— Я не разговариваю с низшими!

Эграсса бесстрастно вытер плевок со щеки и сломал орку палец на руке. Первый взвыл.

— Ты ответишь, или я сломаю тебе оставшиеся девятнадцать пальцев.— Голос эльфа был холоден, как лед Игл Стужи.

Я отвернулся и пошел прочь. Не испытываю радостных ощущений, когда кому-то ломают пальцы. Кли-кли присоединился ко мне:

— Гаррет, я до сих пор не верю, что мы выжили.

— Ну тогда ущипни себя за ухо,— посоветовал я ему.

Оставшиеся на ногах воины уже успели сложить тела павших на телегу, найденную в одном из дворов. На вторую уложили раненых.

Медок был все так же бледен, хмурая Миралисса шептала заклятия над ним и другими воинами, попавшими под волшебство шамана.

— Как он? — с тревогой спросил Кли-кли.

— Плохо. Из него выходит жизнь, я могу замедлить это, но не остановить. Здесь нужна помощь мага. И как можно скорее.

— В Кукушке есть опытный волшебник, миледи,— сказал один из раненых воинов на телеге.

— Тогда нам надо быстрее привезти их туда, иначе они умрут.

— Мразь, бери ребят и впрягай лошадей в телеги! — крикнул Фер.

Воины засуетились, подводя лошадей, потерявших хозяев в битве. Я вернулся к Диким.

Халлас сидел на земле и заботливо засыпал порох из большого серебристого рога в свои маленькие пушечки.

— Так вот что ты так долго прятал в мешке, борода,— хмыкнул Делер.— Что еще за дурь вы придумали?

— Что хотели, то и придумали,— неохотно буркнул гном и стал поспешно убирать загадочное оружие в мешок.

— Халлас, ты позволишь? — Алистан Маркауз протянул руку к гномьему оружию.

Гном недовольно посмотрел на Крысу, но отказывать графу было как-то не с руки, и он нехотя протянул ему одну из своих игрушек. Милорд Алистан повертел трубку и спросил:

— Как ею пользоваться?

— Это гномий секрет, милорд,— насупился Халлас.— Простите, не скажу.

— Да чего там, тут и дурак разберется,— влез в разговор Делер.— Вон фитиль, вон курок. Нажимаешь на курок, фитиль опускается, порох вспыхивает, и ядро летит! Велика гномья хитрость, ха! Просто маленькая пушка.

Халлас с досады заскрипел зубами:

— Сам ты пушка, шляпа! Это пистоль, наше новое изобретение. Вот погоди, посмотрим, как вы запоете, когда мы к вам с таким оружием в горы нагрянем наши земли отвоевывать!

— Всегда рады, приходите в любое время. Мало вам, бородатым, поля Сорна, так мы добавим, мы не жадные! — Голос Делера звучал бахвальски, но глаза внимательно следили за пистолью в руках Алистана Маркауза.

— Нам бы несколько сотен таких пистолей, и с армией Неназываемого сражаться было бы намного проще,— мечтательно сказал капитан, отдавая оружие гному.— Как думаешь, Халлас, твои родичи выполнят такой заказ?

— Уж простите, милорд Алистан, за резкие слова,— глухо произнес Халлас, убирая оружие обратно в мешок.— Но гномы никогда не были дураками. Дай вам в руки такие штуки, так вы сначала врагов перебьете, а потом от скуки за нас возьметесь. Вы, люди, на голову недалекие, вам бы только повоевать да врагам кровушку попускать. Такое оружие в таких руках... Наши правители никогда не пойдут на эту сделку.

— Жаль, придется отбиваться мечами.

Вернулся Эграсса и покачал головой.

— Он ничего не сказал.

— Тьма с ним, с орком! Поехали.— Миралисса торопилась как можно быстрее оказаться в замке.— Вы готовы, Фер?

— Да, миледи.

Отряд тронулся в путь, телеги заскрипели колесами. Перекресток остался позади, забрав из нашего отряда в свет еще две души.

Глава 14
НА ГРАНИЦЕ

Отряд шел со всей возможной скоростью. Эльфийка следовала рядом с телегой, ежеминутно проверяя состояние раненых.

— Надеюсь, с Медком все будет в порядке,— глухо пробурчал Халлас.

— Все надеются, борода,— ответил Делер и отхлебнул из фляжки.— Будешь?

— Давай,— после недолгого раздумья сказал гном.— Раз больше ничего нет, то сойдет и карликовское пойло.

Фер послал в Кукушку двух всадников, чтобы предупредить волшебника, лекарей и гарнизон. Все держали оружие наготове на тот случай, если в лесу, через который пролегает наш путь, окажется засада из орочьих недобитков.

— Факел! — крикнул десятнику воин с перевязанной левой рукой.— Сервин умер!

— Да пребудет он в свете,— прошептал кто-то из воинов.

— Гаррет! — Угорь протянул мне линга.— Подержи его у себя, зверек к тебе привык.

Я взял в руки лохматую крысу, совсем недавно потерявшую своего хозяина, и засунул за пазуху. Линг посопел, устраиваясь там, и затих. Что с ним делать дальше, решим позже.

Протрубил рог — возвратились гонцы, посланные Фером вперед. С ними прибыл отряд из восьмидесяти всадников.

Командир, пожилой воин с хлипкой бороденкой, спросил:

— В деревне остался кто-нибудь живой?

— Насколько я знаю, нет. Но надо похоронить убитых жителей.

— Мы займемся этим. Я оставлю двадцать всадников вам в сопровождение, до замка не больше четверти лиги, вас уже ждут.

— Благодарю,— только лишь кивнул Фер.

Кукушка — красно-серая громадина с тремя башнями, двойными стенами и шестью насыпными валами — бурлил как растревоженный муравейник. Надо думать — орки в часе езды отсюда уничтожили деревню, а воины даже не знали об этом, пока мы им не сообщили.

— Лекарей! — гаркнул Фер, как только мы оказались во внутреннем дворе замка.

К телеге подбежали люди, кто-то притащил носилки. Раненым стали оказывать помощь тут же, оставив тех, кто попал под удар магии орка, на попечение Миралиссы.

К неустанно шепчущей заклятия эльфийке подошел лысый высокий человек, облаченный в черную кольчугу простого воина. На поясе у него висел меч, в руках был посох мага Ордена.

Орденские волшебники Пограничного королевства не очень-то отличались от обычных воинов. Они в равной степени владели и мечом и магией. Не чета нашим валиостровским бездельникам.

— «Мыльный пузырь», миледи? — спросил он, положив руку на покрытый потом лоб Медка.

— Да, это Хра-з тен'р,— кивнула она в ответ.— С кем имею честь?

— Уолнер Сивый, маг Ордена Пограничного королевства, к вашим услугам э-э-э...

— Миралисса из дома Черной луны, вы сможете мне помочь?

— Да, треш Миралисса. Эй, ребята! — Волшебник обратился к воинам.— Берите носилки и несите пораженных в госпитальный зал.

Волшебник и эльфийка удалились. Следом за ними воины несли раненых.

— Паренек! — Делер поймал за рукав конюшего мальчика.— У вас тут храм Сагры есть?

— Да, мастер карлик, вон там.

— Ты чего, Делер? — спросил Халлас.— Набожным стал в одночасье?

— Дурак ты, борода! Пойду помолюсь за здоровье Медка.

Халлас почесал бороду и крикнул:

— Постой, шляпа, я с тобой схожу! А то заблудишься...

— А я никуда не пойду.— Фонарщика лихорадило от полученной раны.— Угорь, помоги доковылять до лекарей, меня что-то шатает.

Мумр оперся на биденхандер и встал на ноги. Гарракец молча подставил ему плечо и повел к суетящимся возле телеги лекарям. Мы с Кли-кли остались в одиночестве.

— Идем, Танцующий, я тебе кое-что покажу,— позвал меня за собой шут.

— Куда мы? — недоверчиво спросил я у него.

— Идем, ты не пожалеешь.

Делать все равно было нечего, наступал вечер, да и не думаю, что мы сегодня пойдем в Заграбу, так что я последовал за гоблином. Кли-кли подошел к подъемнику возле стены.

— Ты куда, зеленый? — спросил человек, загружавший в подъемник камни для катапульты.

— Не будете ли вы так любезны, уважаемый человек, поднять нас на стену вместе с этими наизамечательнейшими камнями, так прекрасно гармонирующими с цветом вашего лица? — выдал Кли-кли.

— Чего? — округлил глаза работник.

— Поднять наверх нас можешь, дубина?! — Гоблин перешел на более простой и понятный язык.

— Вон лестница! — Человек ткнул грязным пальцем в сторону стены.— Поработаете ножками, у меня работы полон рот, нет времени, чтобы еще и вас возить.

Кли-кли показал ему язык и сердито протопал к лестнице, ведущей на стену.

— Кли-кли, ты можешь сказать, ради чего мне лезть двадцать ярдов? — спросил я у гоблина.

— Так неинтересно, Гаррет-баррет. Я испорчу весь сюрприз. Разве ты когда-нибудь жалел, что послушался меня? — Гоблин уже бодро поднимался по лестнице.

— Да,— совершенно искренне ответил я ему.

— У-у-у,— обиженно протянул шут, но идею залезть на замковую стену не бросил.

Я последовал за ним. Подъем был легким, лестница извивалась вдоль стены змейкой, и идти по ней было достаточно легко. Замковый двор проваливался все ниже и ниже, люди, лошади, телеги уменьшались в размерах.

— Ты мне вот что скажи,— спросил я семенящего впереди меня Кли-кли.— Где ты так ловко навострился орудовать метательными ножами?

— Что, понравилось? — Кли-кли засветился от неожиданной похвалы.— Я полон скрытых талантов не меньше, чем ты, Танцующий!

— Да что ты?

— Я шут.— Он пожал плечами.— Метать ножи не труднее, чем жонглировать четырьмя факелами или делать тройное обратное сальто.

— Тяжелая у тебя работа, дружище,— усмехнулся я.

Он остановился, посмотрел на меня снизу вверх и серьезно ответил:

— Ты даже представить себе не можешь, насколько тяжелая, Гаррет. Особенно когда приходится заботиться о таких дылдах, как ты!

— Это ты-то обо мне заботишься? — возмутился я.

— Вот она, благодарность человеческая! — Гоблин скорбно воздел руки к небу.— Не я ли спас твою шею от собачьих зубов?

— Ну ты,— пришлось согласиться мне.

— А сегодня? Сегодня чьи ножи остановили топор того орка? — продолжал допытываться гоблин, поднимаясь на очередной лестничный виток.

— Твои,— вздохнул я.

— О! — Гоблин, не оборачиваясь ко мне, назидательно поднял палец вверх.— Что и требовалось доказать. Вы, воры, все такие?

— Какие?

— С короткой памятью на добрые дела, которые совершают ради вас!

— Да ладно, успокойся, Кли-кли. Я помню, что обязан тебе один раз.

— Как один раз?! — Шут аж споткнулся и едва не полетел вниз.

— Ты меня спас от собаки, а я тебя из речки, так что я должен тебе одно спасение,— ухмыльнулся я.

— А может, я умею плавать, а тогда просто притворялся? — с хитрым прищуром проговорил Кли-кли.

— Ну, тогда ты и в самом деле дурак.

— Ладно, признаю — плавать я не умею. Мы, кстати, пришли.

Я и не заметил, как оказался на стене. Она была широкая, огромные зубцы, бойницы, синее небо и ветер. Здесь стены уже не защищали от него, и он дул прямо в спину. Представляю, каково тут находиться зимой или во время урагана. Непобедимый вылез из-за пазухи и перелез мне на плечо.

— Ну и что ты хотел показать? — Ничего интересного, кроме катапульт, нескольких лучников, несущих стражу, и одного мастерового, укрепляющего камни стены, я не увидел.

— Да не туда смотри! — Кли-кли подтянул меня к самой бойнице, от усердия едва не столкнув со стены.— Сюда!

Замок стоял на пригорке, и вид открывался великолепный. За крепостными валами, тремя рвами, небольшой речкой с ленивым течением, полем ярдов триста в длину, поросшим какими-то редкими кустиками, начинался лес.

Заграба.

Огромная стена деревьев, величественная и прекрасная, смотрела на меня с того берега реки. Лес, размерами готовый поспорить с Валиостром. Он простирался на тысячи лиг.

Передо мной был край, где на заре времен гуляли боги, королевство, существовавшее на Сиале еще во времена Темной эпохи, когда об орках и эльфах еще и не слышали. Загадочные, сказочные, волшебные, чарующие и в то же время кровавые, страшные и жуткие леса Заграбы.

Сколько легенд, сколько мифов, сколько бесконечных историй, загадок и тайн пряталось под зелеными ветвями лесной страны? Сколько прекрасных, диковинных, опасных существ бродило по узким звериным тропам?

Прекрасные города эльфов и орков, знаменитые Листва и Лабиринт, заброшенные идолы и храмы ушедших рас, останки городов огров, с которыми может поспорить лишь само время, и конечно же чудо и ужас всех северных земель — Храд Спайн.

— Моя родина.— Голос Кли-кли звенел.— Чувствуешь запах?

Я вдохнул воздух. Пахло свежестью, лесом, медом и размятым в руках листом дуба.

— Да.

— Правда, они прекрасны?

— Правда,— совершенно искренне ответил я.

Огромный зеленый ковер простирался перед нами, уходил далеко за горизонт и скрывался в вечерней дымке.

Заграба казалась бесконечной. Я сощурился, и на миг в сиреневатой дымке мне почудились величественные вершины Гор карликов, подпирающие небо. Конечно же мне всего лишь показалось, до великих гор сотни лиг, и отсюда их невозможно увидеть.

— Почему этот лес называют Золотым? — спросил я у приникшего к бойнице Кли-кли.

— Там растут златолисты.— Шут безразлично пожал плечами.

— Темнеет, давай возвращаться.— Я бросил последний взгляд на Заграбу.— Не хочется поломать себе ноги во время спуска.

К замку подступили сумерки. Во дворе зажгли факелы, людей было мало, тела мертвых уже сгрузили с телеги и унесли. Ни Угря, ни Алистана, ни Миралиссы.

— Ну и где нам теперь искать своих? Я не собираюсь как дурак бродить по цитадели.

— Чего-нибудь придумаем,— неунывающе сказал Кли-кли.

— Мастер Гаррет, мастер...— небольшая заминка,— ...Кли-кли?

К нам подошел старикашка в необъятном балахоне.

— Совершенно верно.

Старикашка вздохнул с облегчением и дернул головой:

— Следуйте за мной, вас ожидают.

Он прошаркал в одну из башен, провел нас через длинный холл, все стены которого были увешаны оружием, повернул на узкую винтовую лестницу, и мы оказались в зале, где уже находились Дикие, милорд Алистан и Эграсса.

— А где Мумр? — Кли-кли уселся на лавку и подвинул к себе тарелку.

— Спит, ему нездоровится,— прочавкал Халлас, запихивая в рот кусок колбасы.

— С ним все в порядке?

— Небольшой жар.— Угорь отхлебнул пива.— Пару дней — и он будет в норме. Меня больше беспокоит здоровье Медка.

— Миралисса сделает все возможное, чтобы спасти его,— не поднимая глаз от тарелки, сказал Эграсса.

Весь дальнейший ужин прошел в молчании.

Когда среди нас появилась эльфийка, Эграсса вскочил и подвинул ей стул. Леди Миралисса благодарно кивнула, было видно, что

она выжата до предела. Под глазами залегли тени, лоб прорезали глубокие морщины, волосы распущены и перепутаны.

Милорд Алистан молча налил темной вина.

Она лишь отрицательно покачала головой и улыбнулась грустной улыбкой:

— Вино и еда подождут, мне следует сделать еще одно дело. Эграсса?

— Да, люди уже все приготовили, на улице стемнело. Можем начинать.

— Вы поели? — обратилась она к нам.

— Мы готовы, миледи,— ответил за всех милорд Алистан.

Кли-кли поспешно кивнул с набитым ртом.

— Идемте,— односложно сказала она и встала. Эграсса бросился к ней и поддержал за локоть.

— Леди Миралисса,— жалобно протянул Халлас.— Вы ни словом не обмолвились о Медке. С ним все в порядке?

— Да, опасность миновала, он выживет. Сейчас воин спит, но, боюсь, дальнейший путь он продолжить не сможет. Потребуется две недели, чтобы Медок смог встать с постели, а у нас нет времени, чтобы ждать. Оставим его в замке.

— Куда мы идем, Кли-кли? — спросил я у гоблина, когда Миралисса вышла из зала.

— Сейчас будут хоронить Элла, так что поспеши, Танцующий. И линга не забудь забрать со стола, а то кто-нибудь примет его за крысу и прибьет.

Я сгреб Непобедимого и посадил себе на плечо. Ума не приложу, что мне с ним теперь делать?!

На улице уже полностью стемнело, но ворота замка не были заперты. Только что вернулся отряд воинов, которых мы встретили по пути сюда. С ними было четверо жителей Перекрестка — все, кто успел скрыться в лесу, когда на деревушку напали орки.

Миралисса вывела нас через ворота и привела к реке. На той стороне на фоне звездного неба чернильной кляксой высилась Заграба. Возле самой воды был сложен погребальный костер. Кто-то не пожалел на него дров, и они грудой возвышались над землей на два ярда. На самом верху находилось тело Элла, обряженное в шелковую черную рубаху. Рядом с ним лежали его с'каш и лук.

Мы остановились в отдалении, наблюдая, как Миралисса и Эграсса подошли к мертвому товарищу.

— Ну вот и еще один оставил нас,— сказал Алистан Маркауз.

— Двое, милорд,— поправил графа Угорь.— Завтра надо будет предать земле Сурка.

— Боюсь, даже на это у нас не будет времени, мы выходим с рассветом.— Капитан гвардии немного виновато покачал головой.

— Но похороны...— возмутился карлик, однако Алистан Маркауз его перебил:

— О теле Сурка позаботятся, Делер.

К нам подошли Миралисса и Эграсса.

— Спи спокойно, к'лиссанг. Я и Эграсса позаботимся о твоем роде,— произнесла Миралисса и щелкнула пальцами.

Костер занялся сразу. Огонь рыжим конем взметнулся к небу, превратился в дракона, взревел, поглотил дрова и тело мертвого эльфа. Магическое пламя рвалось к звездам, отражалось в воде, выло и ревело, унося душу эльфа в свет. До костра было больше двадцати ярдов, но все мы отступили еще дальше, потому что жар стоял невыносимый.

Внезапно огонь всхлипнул, прогоревший помост, где лежал Элл, рухнул вниз, в разверзнутую пасть жара, и костер выбросил в холодные звезды сноп искр.

Миралисса запела низким грудным голосом песнь, которую поют эльфы над умершим сородичем.

Никто не произнес ни слова, пока от костра не остались мигающие и пышущие жаром угли.

— Вот и все.— Эльфийка сделала несколько пассов руками, и внезапно поднявшийся ветер подхватил с земли угли и пепел Элла, смерчем закрутил их в воздухе, наполняя ночь горячими светлячками, а затем бросил остатки костра в реку.

Та встревоженно зашипела, зафыркала, спокойные воды всколыхнулись, брызнули паром, и вода поглотила то, что совсем недавно было нашим спутником.

— Гм...— после недолгого молчания прогудел Делер.— Хотел бы я, чтобы и меня похоронили так...

— Красиво,— закончил за него Халлас.

— У нас существует поверье, что, когда эльф умирает в бою, на небе загорается новая звезда,— сказал Эграсса.— Глупо, но прекрасно. Элл заслужил свою звезду.

— Как и все, кто был с нами,— ответил Алистан.— Идемте в замок, уже поздно.

А река все так же тихо и лениво несла свои воды, будто не глотала остатки костра несколько минут назад.

— Гаррет, это твое.— Кли-кли ткнул пальцем на мешок с двумя лямками, стоявший возле моей кровати.

На дворе едва рассвело, а отряд уже встал. Нас ждала Заграба, и в животе у меня бродил холодок предчувствия. Хорошего или плохого, я еще сам толком не знал.

— Что в нем? — Я пристегнул арбалет.

— Твои вещи. Одеяло, паек, ну и по мелочи. Я позволил себе переложить все это барахло из твоих седельных сумок, плюс взял из общей кучи...

— Тебя кто просил? — грозно спросил я у него.

— Ой, Гаррет,— отмахнулся Кли-кли.— Не надо никаких благодарностей, я встал намного раньше, чем ты, так что для меня это не составило труда.

— Кли-кли, не притворяйся глупее, чем ты есть. Зачем ты разгрузил сумки?

— Затем, что ты не попрешь их на своей спине. Ведь не лошадь же ты в самом деле! По Заграбе удобнее ходить с мешком. Трапперы и немногие охотники, отваживающиеся заходить в леса, берут именно такие мешки.

— Мм,— осторожно начал я.— Кли-кли, мне показалось, что ты произнес слово «ходить». Я не ошибся?

— Нисколечко, все верно, я сказал «ходить». Лошади остаются в замке.

— Что?!

— Ты, Гаррет, как я вижу, ни разу не бродил по лесу,— хмыкнул Угорь, затягивая узел на своем мешке.— Попробуй поскакать на коне через буреломы, болота и тьма знает что еще. Удовольствие еще то. Мы идем пешком. Как говорит эльфийка, отсюда до Храд Спайна ровно семь пеших переходов. То есть неделя. Вход в могильники находится в Золотом лесу. Если боги будут благосклонны к нам, скоро окажемся там.

Удивительно, но я не хотел расставаться с Пчелкой. За полтора месяца путешествия я уже не представлял, как можно обходиться без собственной лошади. А теперь мне придется сбивать себе ноги и переть на спине тяжеленную ношу.

Я не очень-то верил, что Кли-кли нормально уложил мои вещи, и вывернул содержимое мешка на кровать. С гоблина станется подложить мне в вещи с пяток тяжеленных булыжников просто так, по доброте душевной. Булыжников, слава Саготу, не оказалось, зато нашлась куча ненужного и тяжелого.

— Что ты делаешь? — Кли-кли скептически смотрел, как я откладываю лишние вещи.

— Избавляю свою спину от ужасных мучений,— буркнул я, отбрасывая в сторону чугунный котелок.

Следом за котелком полетел набор столовых приборов, подсвечник со свечами, моток веревки, молоток, швейные иглы, две пары сапог, запасная кольчуга и прочая и прочая и прочая. Когда я закончил, мешок значительно полегчал. Теперь я со спокойной душой

мог взять его с собой в путешествие, не опасаясь, что переломлюсь в самый неожиданный момент.

— Столько трудов насмарку,— скорбно вздохнул Кли-кли.

— Не тебе его нести, так что не ной,— сказал я, укладывая одеяло.

— Давайте поторапливайтесь.— В дверь заглянул Халлас.— Пора.

— Идем попрощаемся с Медком.— Кли-кли выскользнул за дверь.

По дороге мы наткнулись на Фонарщика. Дикий был бледен, рубец на его лбу выглядел ужасно, но на ногах Мумр стоял крепко.

— Ты как, живой? — участливо спросил у воина Кли-кли.

— Рано хоронишь, шут,— криво усмехнулся Фонарщик и тут же болезненно поморщился.— Я еще намереваюсь вернуться к Одинокому Великану. Вы к Медку?

— Ага, знаешь, где он?

— Да, я только что оттуда. Выходите из башни, через двор, в левую дверь, по лестнице на второй этаж и третья дверь справа.

— Спасибо, если нас будет искать Алистан, скажи ему, что ты нас не видел. Шевели копытами, Гаррет, время уходит!

Мумр посмотрел на меня с жалостью — когда Кли-кли садится кому-нибудь на шею, от него не отвяжешься никакими силами.

Комнату Медка мы нашли без всяких трудностей. За одну ночь воин исхудал так, будто его не кормили целый месяц. Из великана и силача, каким мы все его помнили, он превратился в скелет. Пергаментная кожа, грозясь лопнуть, обтягивала кости, глаза лихорадочно горели, желтые волосы казались выгоревшими на солнце. Не знай я, что на кровати лежит Медок, подумал бы, что передо мной глубокий старик. Шаман орков славно поработал и, если бы не помощь Миралиссы и мага Пограничного королевства, лежать нашему товарищу в могиле рядышком с Сурком.

Увидев нас, он слабо улыбнулся.

— Как ты? — пискнул Кли-кли.

— Паршиво.— Воин усмехнулся.— Умудрился же я попасть под раздачу к этому шаману!

— Не переживай. Главное, что жив остался.

— Спасибо, Гаррет, успокоил,— фыркнул он мне в ответ.— Делер обмолвился, что Сурок и Элл... Это правда?

— Да,— односложно ответил я.

— Что ж, выходит, я действительно легко отделался... Вы уже уходите, как я смотрю.

— Угу.— Кли-кли поспешно кивнул.

— Жаль, что не смогу отправиться с вами,— вздохнул он.— Как не вовремя все это приключилось!

— Ты не переживай и выздоравливай,— засуетился Кли-кли.— Я вот тут тебе принес, поправляйся, в общем.

Кли-кли достал из-под плаща большое спелое яблоко и положил его на стол возле кровати Медка. Потом подумал и присовокупил к нему морковку.

— От чистого сердца.

— Я знаю, Кли-кли,— серьезно кивнул Медок.— Ты хороший парень.

— А то! — заухмылялся гоблин. Затем проказливо оглянулся на меня, наклонился к самому уху воина и что-то ему прошептал.

Медок вытаращил глаза и удивленно посмотрел на гоблина.

— Я не вру,— совершенно серьезно произнес Кли-кли. В глазах шута плясали демоны веселья.

Медок, откуда только силы взялись, оглушительно захохотал:

— Ну ты даешь! Ну... Никто не знает?!

— Не-а,— ухмыльнулся гоблин.

— Вы о чем? — озадаченно спросил я.

— Ни о чем. Мы это так...— ощерился в идиотской улыбке гоблин.

Медок захохотал еще сильнее. М-да... гоблин сегодня в ударе.

— Присмотришь за ним? — Я снял с плеча Непобедимого и усадил на стол рядом с морковкой, которая сразу же заинтересовала линга.— Здесь ему будет намного лучше, чем с нами в лесу.

— Конечно, пускай остается.

— Ну, нам пора, бывай.

— Выздоравливай.

— Эй! — окликнул он, когда мы уже выходили.— Возвращайтесь с победой.

— Обязательно. Обязательно вернемся!

Не знаю отчего, но я почувствовал странную уверенность, что назло всем врагам и судьбе добуду для Ордена этот проклятый Рог.

До границы нас провожал Фер с десятком воинов из тех, что ехали с нами от Кротового замка. Заграба встретила отряд молчанием дремлющего леса, утро для которого наступит лишь через несколько часов.

— Дальше вам придется идти самим,— сказал Фер.— Не знаю, что вам понадобилось в этом лесу, но в любом случае желаю удачи.

— Позаботьтесь, чтобы Сурка похоронили достойно,— попросил Фонарщик, забрасывая биденхандер на плечо.

— Я лично прослежу за этим,— торжественно кивнул рыцарь.

— Ждите нас к концу сентября,— сказала Миралисса.

— Хорошо, треш Миралисса,— подтвердил внебрачный сын Альгерта Далли и, развернув лошадь, направился обратно к замку.

Казалось, за спиной остался целый мир, знакомый и горячо любимый. Впереди меня ждала Заграба. Темная, неприветливая и чужая.

Когда я отвернулся от отъезжающих людей, почти весь наш отряд скрылся в лесу.

— Гаррет, ты решил остаться? — Кли-кли нетерпеливо переминался с ноги на ногу. За спиной гоблина висел маленький мешок.

— Давай, Кли-кли, покажи пример, я следом за тобой.

Гоблин ухмыльнулся и скрылся за деревьями. Я вздохнул, сделал шаг и оказался там, где не собирался оказываться ни за какие деньги. Я вступил в Заграбу.

Апрель—сентябрь 2002

• Вьюга теней •

Глава 1
ЗОЛОТОЙ ЛЕС

— А чего ты ожидал, Гаррет? Фанфар?! — не переставал возмущаться Кли-кли, и его писклявые вопли разносились по всей округе.

Маленький зеленый гоблин довольно болезненно реагировал, когда я начинал критиковать леса Заграбы. Стоило мне раскрыть рот и выразить недовольство даже самым дохленьким цветочком, как королевский шут тут же бросался в яростную словесную перепалку, защищая свою родину.

— Да нет, просто я думал, что Заграба немного другая,— миролюбиво ответил я ему, уже жалея, что затеял этот разговор.

— А какой она, по-твоему, должна быть? — тут же спросил меня Кли-кли.

— Ну не знаю...— задумчиво протянул я, лишь бы только избавиться от надоедливого гоблина.

— Раз не знаешь, чего же ты тогда мне голову морочишь? — Голубоглазый шут в раздражении пнул кочку, так некстати подвернувшуюся ему под ногу.— То ему не так! Это ему не так! Кому ты только такой достанешься?! Что ты хотел лицезреть здесь своим прекрасным и наивным взором? Величественные деревья в девяносто ярдов высотой? Или ручьи с кровью и обуров под каждым кустом? Прости, этого здесь нет. Заграба — лес, а не собрание детских сказок!

— Я это уже понял,— примиряюще кивнул я.

— Понял он, ха! — Кли-кли жаждал крови.

— Кли-кли, веди себя потише,— не оборачиваясь, попросил идущий впереди гоблина Угорь.

Ворчливая мелочь обиженно посмотрел на высокого смуглого жителя Гаррака, надулся, замолчал, и в следующие два часа из него невозможно было вытянуть ни словечка.

Мы шли по Заграбе уже пятый день. Да, да, понимаю, как это должно выглядеть в ваших глазах: девять ненормальных, среди которых два темных эльфа, один гоблин, один широкоплечий карлик, один сварливый бородатый гном, один хмурый рыцарь, двое воинов

и парень явно воровской наружности, шествуют меж елок и вопят во всю глотку.

Почему вопят? Потому что психи.

Почему психи? Потому что ни один нормальный ни за какие деньги не сунется в Страну лесов, тем более на территорию орков, славящихся на всю Сиалу «горячим гостеприимством» к чужакам.

На самом деле мы не такие уж ненормальные (по крайней мере за себя я отвечаю). Просто сунуться в Заграбу нас заставила очень большая необходимость, имя которой — Рог Радуги.

Вы спросите, какой тьмы нам понадобилась какая-то проклятая дудка? Что ж, охотно отвечу: будь моя воля, я ни за какие деньги не полез бы за Рогом в могильники Храд Спайна. Но я человек подневольный, на мне висит Заказ, и к середине зимы я должен притащить Рог Ордену магов в славный город Авендум, иначе всему королевству настанет большой и полный привет.

Рог Радуги, по глупости запрятанный магами прошлого в самую глубину Костяных дворцов, сдерживает парня по имени Неназываемый, что уже лет пятьсот точит зуб на наше королевство. Теперь сила Рога слабеет, и уже к марту можно ожидать колдуна вместе с силищей всех Безлюдных земель к нам в гости. Естественно, Неназываемого с распростертыми объятиями здесь никто не ждет, и поэтому Ордену магов позарез нужен Рог, дабы прогнать врага обратно в ледяную пустыню.

Это так, краткая справка для тех, кто ломает голову, что мы делаем в Заграбе. Достаем Рог, спасаем мир и занимаемся другой бесполезной и совершенно дурацкой ерундой.

Глупо? Что ж, склонен с вами согласиться. Я и сам каждое утро просыпаюсь с этой мыслью, но меня отчего-то никто не желает слушать. Ни Миралисса, ни тем более Алистан Маркауз.

Но тут я сам виноват — связался с Заказом, который невозможно расторгнуть. Теперь приходится пыхтеть, бегать, кричать и постоянно вылезать из кучи... неприятностей.

Впрочем, есть и хорошие стороны Заказа — после выполнения работы я получу пятьдесят тысяч золотом и королевское помилование... Вот только я что-то не слышал, чтобы покойники нуждались в деньгах и помиловании. Обычно мертвецам требуется глубокая могилка и надгробный камень.

К чему я все это говорю? А к тому, что все, что происходило с нашим отрядом во время пути от Авендума до Заграбы,— ласковые весенние цветочки. А вот в Заграбе и тем более в Храд Спайне начнутся горькие ягодки. Я не питаю иллюзий (разве что чуть-чуть) по поводу успеха нашей миссии.

— Гаррет, ты опять занимаешься ерундой? — Голосок Кли-кли отвлек меня от мрачных раздумий.

— Заниматься ерундой — твоя работа. Я вор, а не королевский дурак,—мрачно ответил я маленькому пакостнику.

— Не повезло,— ухмыльнулся тот.— Был бы шутом, не подставился и не получил бы от короля теперешний Заказ. Сидел бы дома, попивал пивко...

У меня возникло стойкое желание отвесить зеленому негодяю пинка, но он, как видно, читал мои мысли и живенько юркнул за Угря. Пришлось отложить расправу на потом.

В тот самый момент, когда мы вступили в Заграбу, Миралисса задала отряду бешеный темп, и к концу первого дня я едва не помер. На ночлег мы остановились на какой-то лесной полянке, и я начал подумывать, что на следующее утро уж точно не встану. Если всем остальным так нравится идти через лес — это их полное право, а я лучше полежу на травке и отдохну. Или пусть, коли охота, тащат меня на закорках, потому как, клянусь Саготом, сил для лесных прогулок у меня не осталось.

Утро следующего дня действительно выдалось тяжелым. Пришлось пересилить себя и, сжав зубы, топать, топать и топать. Но к обеду я как-то втянулся в этот размеренный, но быстрый темп и еще через день почти перестал замечать усталость. У меня даже возникло подозрение, что эльфийка подмешивает в котелок что-то из своих магических запасов, чтобы мы легче переносили дневные переходы.

С тех пор как мы вошли в Заграбу, костер разжигал Эграсса. Удивительно, но огонь, разведенный кузеном Миралиссы, почти не давал дыма. В первую ночь я немного нервничал — пламя могло привлечь к нам ненужное внимание,— но вечно осторожный эльф не очень-то беспокоился, а раз так, то и мне не стоило волноваться.

За те пять дней, что мы путешествовали по лесу, при всем моем скептическом отношении к Заграбе я повидал множество чудес. Мы шли звериными тропами, которые то появлялись, то вновь терялись в зарослях папоротника и колючей ежевики. Мы проходили через густые рощи черного заграбского дуба, сосновые боры, лесные полянки и лужайки, залитые солнечным светом и заросшие лесными цветами. Перепрыгивали через журчащие ручьи с хрустальной водой. Лес тянулся и тянулся: лиги рощ, густых непролазных буреломов, которые приходилось обходить, теряя драгоценное время, десятки полян и болотистых низин в тех местах, где разливались запруженные неизвестными существами ручьи.

И ни следа орков.

Лишь белки встречали нас гневными криками «чак-чак!» и подолгу провожали отряд, перепрыгивая с ветки на ветку и с дерева на дерево. Позавчера, часа три пролазив по поваленному весенней бурей лесу, мы вышли на прекрасную лесную поляну, заросшую цветами, от ярких красок которых рябило в глазах. Но стоило идущему впереди всех Эграссе сделать шаг, как поляна взорвалась яркой радугой, и цветы взмыли в небо, превратившись в тысячу бабочек всех цветов и размеров. Кли-кли в силу своего природного любопытства попытался поймать хотя бы одну, но по самую макушку угодил в чью-то нору. Пока мы его оттуда доставали, потеряли массу времени. Гоблину влетело и от Миралиссы, и от графа Маркауза. Теперь Кли-кли старался не показываться им на глаза и шествовал в компании вашего скромного слуги.

Возле дубовой рощи, где звенел веселый ручей, гоняя кораблики из упавших листьев, мы встретились с кабаном. Это был матерый секач, на его спине вполне могло усидеть сразу два человека. Попади такая тварь на праздничный стол, и ее бы еле-еле съели две роты вусмерть голодных воинов.

Делер, как самый умный и проворный, мигом оказался на дереве. И это несмотря на то, что возле земли у бука не было ветвей, по которым следовало взбираться всякому уважающему себя карлику. Секач посмотрел на нас черными злобными глазками, яростно хрюкнул и двинулся вперед.

Но Миралиссе было достаточно сверкнуть желтыми глазами и выставить перед собой руку, чтобы кабан встал как вкопанный, а затем, виновато похрюкивая, удалился.

Делер с высоты своего убежища глянул на эльфийку с нескрываемым уважением и спустился вниз. Халлас не преминул отметить, что все карлики трусы. Тот в свою очередь сказал, что гномы просто слишком неловкие и не умеют лазить по деревьям, поэтому им и завидно. Крепкий карлик и худенький гном едва не затеяли очередной спор, и пришлось вмешиваться Угрю и Фонарщику, чтобы оттащить вечных спорщиков друг от друга.

По лесу мы передвигались гуськом, следуя за Эграссой. Нашу маленькую колонну замыкал Алистан Маркауз. Рука графа не покидала рукояти любимого меча, но дубовый треугольный щит был заброшен за спину.

Такое передвижение, как сказал эльф, уже три раза спасало нам жизнь. Халлас с истинным гномьим упрямством возмутился, что все это ерунда и ему не очень приятно наблюдать у себя под носом задницу карлика. Эграсса на это лишь усмехнулся:

— Как только мне представится такая возможность, я с удовольствием продемонстрирую почтенному мастеру гному сюрпризы Заграбы.

Халлас встопорщил бороду, хмыкнул и в тон эльфу ответил, что с превеликим удовольствием посмотрит на эти самые дурацкие сюрпризы.

Случай представился совсем скоро. Эграсса ткнул подобранной с земли палкой перед собой, и земля обрушилась, представляя нашему взгляду глубокую волчью яму, дно которой было усажено кольями, словно спина какого-нибудь ежа.

— Вот и подумай, гном, что бы было, если бы ты шел не за мной,— весело сказал эльф, сверкнув для убедительности клыками.

Халлас озадаченно крякнул, стянул с башки шлем, почесал в затылке, но на попятный пошел, только когда эльф обезвредил при нем еще две ловушки — скрытый в кустах самострел и огромное бревно, висящее высоко в листве дуба прямо над тропинкой. Рухни такая штука на тропу, и кто-то бы оказался раздавленным.

— А кто поставил эти ловушки? — полюбопытствовал Фонарщик, перекладывая страшный двуручный меч с левого плеча на правое.

— Кто знает.— Эльф хитро улыбнулся и посмотрел на низкорослого человека.— Троп слишком много, чтобы проследить за всеми.

— Но ты-то ведь знаешь, где какая западня находится! — Мумр решил во что бы то ни стало добиться ответа на свой вопрос.

— Немного магии — вот и вся хитрость.— Смуглый эльф поправил с'каш за спиной.

Понятное дело — темный не собирается делиться секретами своего народа с чужаками.

Однажды, после того как Кли-кли по грудь провалился в болото (ему приспичило отойти в кустики), на тропу перед нами вышел лось. Это был король лосей, размах его рогов оказался больше трех ярдов. Зверь втянул носом воздух, безучастно поглядел на нас огромными бархатными глазами и, деловито переставляя длинные мощные ноги, скрылся в ельнике. Кажется, в Заграбе просто нет маленьких животных. Халлас огорченно крякнул и пожалел, что не догадался прибить зверюгу.

— Вот мяса бы наелись!

На что Делер весело расхохотался и сказал, что весь разум гномов ушел в их бороды, иначе они бы догадались, что не стоит связываться со здоровенными чудовищами.

Целый день в ветвях деревьев чирикали, стрекотали и пели птицы. Дубы шептали нам перед сном колыбельную леса, а совы умиротворяюще ухали в ночной тишине. На четвертый день нашего пу-

тешествия Миралисса сказала, что надо прибавить ходу и теперь отряд будет идти еще и ночью. Кто-то тихонько застонал (вроде это был я), но, естественно, никто не обратил на это должного внимания.

На небе появилась полная луна, света в лесу оказалось предостаточно, да и эльфы, похоже, видели в темноте не хуже кошек. Теперь мы шли большую часть ночи и ложились спать в предрассветные часы, чтобы после полудня вновь начать продвижение к Храд Спайну.

Ночью я и узнал, что такое волшебство Заграбы. В это время суток лес преображался, превращаясь в дикий, чужой, таинственный, но на свой лад прекрасный мир.

Темные ветви-руки дубов и кленов, загадочный шепот в кронах — то ли это шепчет листва, разбуженная ветром, то ли общаются между собой неведомые существа. Шепотки, попискивания, легкие смешки раздавались с деревьев, из кустов и высокой травы. Иногда за нами следили яркие искорки крохотных глаз. Зеленые, желтые, красные. Ночные жители леса наблюдали, переговаривались, но не спешили вылезать из своих норок нам навстречу.

— Кто это? — шепотом спросил я у Кли-кли.

— Ты об этих говорунах? Мой народ называет их лесными духами. У каждого дерева, куста, лесной поляны или ручья свой лесной дух. Не обращай на них внимания, они совершенно безобидны.

— Это так, мелочь.— Делер попробовал пальцем одно из лезвий своей секиры.— Видел бы ты, какие лесные духи в Дремлющем лесу! Вот от тех неизвестно чего ждать, а эти сидят тихонько, никого не трогают...

— Только зырят,— закончил за Делера Халлас.

— Во-во,— в кои-то веки согласился с гномом карлик.

Но духи — это еще не все, что было в ночной Заграбе. Однажды мы увидели, как в лесу горел воздух. Тысячи светлячков порхали меж деревьев, вспыхивая изумрудным, бирюзовым и алым. Кли-кли поймал с десяток этих безобидных созданий и посадил себе на плечи. Несколько минут гоблин светился, как какой-нибудь святоша из рассказов жрецов, затем светлячкам наскучило кататься на королевском шуте, и они упорхнули в яркий живой калейдоскоп своих собратьев.

Ночь была временем сов, бесшумно плывущих в лунном свете над лесными полянами. Птицы искали еду, вслушиваясь в звуки, раздающиеся из травы.

Ночь была временем волков — мы несколько раз слышали их отдаленный вой. Ночь была временем существ, названия которых я не знал. Крики ночных птиц, больше похожие на хохот сумасшедшего,

рев, уханье, чириканье, рычание. В ночи жили самые разнообразные существа, и не всегда они были добры к незваным гостям.

Четырежды Эграсса и Миралисса уводили нас с тропинки, и мы, затаившись, пережидали опасность. Что нам угрожало и от чего мы прятались в придорожных кустах, эльфы объяснять не удосуживались. Но в такие моменты даже непоседливый гоблин и скандальный гном затихали и выполняли все эльфийские приказы.

Ночью Заграба становилась разноцветной. Яркой и сочной. Свежей изумрудной, нежной бирюзовой, льдисто-голубой, сладкой огненной, ядовитой салатовой. Всполохи холодного огня наполняли лес чарующей жизнью и сказкой. Радужными красками переливались светлячки, мерцала голубым гигантская сеть-паутина, пурпурным отливало тельце ее хозяина-паука (размерами паучище был с добрую тыкву), зеленым полыхали трухлявые пни, сине-оранжевым пульсировали прожилки на изумрудных шляпках гигантских грибов, под которыми вполне мог переждать дождь взрослый человек. Розовый огонь, отражаясь в воде, блуждал в ветвях приозерных ив.

Холодное пламя бродячих огоньков, голубые искорки в кронах деревьев, мерцание глаз ночных духов, запах леса, трав, влажной земли, подгнившей листвы, еловых иголок, сосновой смолы, дубовых листьев, меда и свежести ручья. Что бы я там ни говорил Кли-кли днем, дикая и ни с чем не сравнимая ночная красота лесов Заграбы меня потрясла. Но чаще всего ночами Заграба была почти черной, и в такое время нам приходилось идти в бледно-серебряном свете луны.

К вечеру пятого дня по узкой тропке, петляющей меж заросших мхом лиственниц, мы вышли к Золотому лесу.

— Слава богам! — Фонарщик с облегчением бросил свой мешок на землю.— Кажись, добрались!

— Ты прав,— подтвердила Миралисса.— Отсюда до Храд Спайна полтора дневных перехода.

От ее слов у меня ни с того ни с сего неприятно кольнуло в животе. Вот оно! Почти дошли! То, что два часа назад казалось мне таким далеким и недостижимым, теперь лежит от нас всего лишь в двух днях пути.

— Лес как лес.— Халлас презрительно покосился на деревья с золотистыми листьями.— Вечно Первые строят из себя избранных! Можно подумать, что и дерьмо у них из золота!

— Надеюсь, тебе не представится возможность спросить их об этом, Халлас,— нехорошо усмехнулся Угорь.— Орки не склонны отвечать на такие вопросы.

— Идемте, надо продолжать путь.— Милорд Алистан снял сапог, вытряхнул из него попавший туда камешек и снова натянул обувку на ногу.

Золотым лес назвали оттого, что кроме других деревьев, самых обычных, здесь росли златолисты. Это были величественные гиганты с темно-оранжевыми стволами и широкими листьями, будто бы отлитыми из червонного золота. Златолисты росли только здесь, в Золотом лесу, и древесина их очень ценилась во всех Северных землях, не говоря уже о таких странах, как обе Империи и Султанат. Если орки ловили дровосека, срубившего златолист, то поначалу отрубали ему руки его же топором, а затем делали и уж вовсе ужасные вещи.

— Ты бы видел, Гаррет, как красив Золотой лес осенью!—разглагольствовал Кли-кли.

— Ты здесь бывал раньше? — спросил у шута Делер.

Кли-кли с театральным презрением посмотрел на карлика:

— К сведению некоторых, Золотой лес — это моя родина. Он тянется аж до самых Гор карликов — это вся восточная Заграба, так что нечего удивляться, что я знаю, как он выглядит осенью.

— Сейчас, кстати, уже осень,— поддел я гоблина.

— Начало сентября.— Шут презрительно фыркнул.— Вот погоди, начнется октябрь...

— К началу октября мне хотелось бы оказаться как можно дальше от Заграбы.

— Темнота-а-а!—обиделся Кли-кли.

— А далеко отсюда до твоего дома? — поинтересовался Фонарщик, машинально поглаживая свежий шрам на лбу (память, оставленная орочьим ятаганом).

— В гости собрался? — Кли-кли весело хихикнул.— Тогда тебе предстоит идти еще недельки три, пока не доберешься до центра территорий орков. Оттуда еще две недели до самой глухой чащобы, а дальше уж как судьба направит, может, и сможешь отыскать гоблинов, конечно, если они захотят, чтобы их нашли. Орки приучили нас к осторожности, да и вы, люди, в прошлом любили на нас поохотиться со славными собачками.

Тут Кли-кли прав — гоблинам сильно досталось в былые времена от людей, решивших, что маленькие зеленые создания — ужасные чудовища. Пока разобрались что к чему, от некогда большого народца осталось всего лишь несколько племен.

— А все же интересна история этого леса. Правда, что именно здесь впервые появились и эльфы, и орки?

— Правда,— хихикнул Кли-кли.— И тут же вцепились друг другу в глотку. У эльфов вроде даже песенка есть об этом. «Сказка о золоте» называется.

— «Легенда о мягком золоте», Кли-кли, ты все перепутал,— поправил гоблина Эграсса, слышавший наш разговор.

— А-а, какая разница! — беспечно отмахнулся Кли-кли.— Сказка, легенда... Все равно мира в Заграбе не будет, пока жив хотя бы один орк.

— Эграсса,— попросил эльфа Мумр.— Не расскажешь нам эту легенду?

— Ее надо не рассказывать, а петь. Спою. На привале.

— Запрещенные песни решил петь, кузен,— хмыкнула Миралисса, срывая с ближайшего дерева золотисто-красный лист и разминая его пальцами.

— А почему она запрещенная? — тут же пристал к Миралиссе Кли-кли.

— Не то чтобы запрещенная, просто петь ее в приличном эльфийском обществе считается верхом неуважения к окружающим. А так поют — в основном бунтующая молодежь, правда, по углам, чтобы не позорить честь предков.

— Что же там такого плохого? — вопросительно приподнял бровь Угорь.

— Эльфы там выставлены не в самом лучшем свете, Угорь,— ни с того ни с сего отозвался ранее молчавший милорд Алистан Маркауз,— а орки представлены благородными белыми овечками. Спорю на половину своих земель, что эту сказку придумали люди.

— Милорд ошибается, песню сочинил эльф. Очень давно. Вы ее слышали? — удивился Эграсса.

— Да, еще в молодости. Ее спел один из ваших светлых собратьев.

— Эти могут.— Темный эльф поправил серебристый обруч на голове.— Наши сородичи отказались от магии предков, так что не стоит удивляться тому, что они поют такое чужакам.

— Но и ты обещал нам спеть! — поддел Эграссу Кли-кли.

— Я — другое дело! — гордо отрезал эльф.

Что бы ни говорили темные другим, но отношения между ними и светлыми родичами были не такими уж и безоблачными.

Мы шли еще часа три, прежде чем эльф скомандовал привал. Отряд остановился на поляне, заросшей мелкими лесными ромашками. Из-за белизны цветов казалось, что выпал снег. Осень была не властна над Страной Лесов. По крайней мере пока. Оттого здесь можно было встретить и бабочек, и летние цветы.

На краю полянки меж корней кряжистого граба журчал ручеек, так что в воде у нас недостатка не было.

— Сегодняшней ночью останемся здесь,— решительно сказала Миралисса.

Алистан кивнул. С тех пор как мы вошли в лес, он полностью снял с себя командование и во всем подчинялся Миралиссе и Эграссе. В чем милорду Крысе не откажешь, так это в мозгах. Граф прекрасно понимал, что эльфы о лесе знают намного больше, чем он, и стоит прислушаться к их словам и предложениям. То бишь выпустить, когда это надо, бразды правления из своих рук.

— Эграсса, ты обещал нам песенку,— напомнил эльфу после ужина Кли-кли.

— Давайте лучше спать,— зевнул Халлас.— Ночь на дворе.

Гном любил лишь песни своего народа. Нечто вроде «Молота по топору» или «Песни безумных рудокопов». Все остальное ему было абсолютно неинтересно.

— Ничего подобного! — отчаянно запротестовал гоблин.

— Халлас, тебе еще на часах сегодняшней ночью стоять,— напомнил гному Угорь.— Так что не укладывайся, все равно выспаться не удастся.

— А вот и нет! Первая стража твоя и Фонарщика, а мы с Делером заступаем только во вторую половину ночи, так что успею.

Халлас завалился на бок и тут же, не обращая внимания на других, захрапел.

— Так мы услышим песню? — полюбопытствовал Мумр, которому Миралисса только что закончила снимать швы со лба.

Благодаря шаманству эльфийки вместо грубого и уродливого шрама, напоминающего о страшной ране, через лоб Фонарщика проходил едва видимый розоватый рубчик.

— Услышите, я же обещал,— ответил Эграсса.— Просто для нее требуется музыка.

— Дык какие проблемы-то? У меня ведь дудка имеется! — Фонарщик полез в мешок за дудочкой.

— Боюсь, нужна музыка понежнее,— отказался от предложения Мумра эльф.— Да и шума от дудки много. Я сейчас.

Эграсса легко встал с травы, подошел к своему мешку и выудил из него дощечку размером не больше ладони. На дощечке были натянуты тонкие, едва видимые в темноте серебристые струны.

— Что это? — с интересом спросил Делер.

— Г'дал,— ответила на вопрос карлика Миралисса.— Эграсса любит поиграть на нем на досуге.

Эграсса любит поиграть? Вот уж чего не знал, того не знал! По крайней мере не замечал за эльфом такого во время нашего путешествия.

Грубые пальцы темного неожиданно ловко пробежали по тоненьким струнам, и странный инструмент издал тихий певучий звук. Эграсса продолжал волновать струны, и уснувшую поляну заполнила мелодия.

—Учтите, что на самом деле петь легенду надо на орочьем. На человеческом она будет не такой прекрасной,— предупредил нас Эграсса и запел:

Златые стрелы у эльфов в чести,
Оркам бронза милей,
Лес Золотой и Черный лес,
Холодная песнь ветвей.

Эльфы пришли во главе с Королем,
Орков привел Аргад,
И друг против друга, глаза — в глаза,
Рука с Королем стоят.

«Это наш лес,— сказал Король,—
Идите назад, друзья,
Шкура орка не станет целей,
Если в шкуре стрела!»
«Слова не заменят тебе бойцов,—
Ответил ему Рука,—
Моих две тыщи, а твой — двухсот
Не наберет отряд!

Закалка клинков решает судьбу,
Бронза пусть правит бал!
Возьмем мы добычу, наш лес отберем,
Золото — мягкий металл!»

Элдониэсса, эльфийский Король,
Долго и странно молчал,
Потом улыбнулся Король врагу
И показал колчан.

«А где же стрелы,— спросил Аргад,—
Ужель ты сдаешься нам?»
Король рассмеялся: «Мечтай, Рука!
Горе твоим мечтам!

Ты слышишь, Аргад, трубят рога?
Пыль взбивает сапог,

То люди идут, доспехи надев,
Ваш наступает срок!

Вы любите бронзу? Она прочна —
Ты правду, Рука, сказал...
Но золото лучше. Я злато стрел
На силу людей поменял».

Стояли орки, подняв щиты,
Плотнее сомкнули строй,
Молчал Рука, потемнев лицом,
Да усмехался Король.

«Ты глупый эльф.— Аргада слова
Ударом меча разят.—
Ты, верно, решил, что, расправившись
с нами,
Люди тебя пощадят?!»

...Ревела ярость, гремел металл,
Клинок находил клинок...
Аргад, получивший двенадцать ран,
Упал. И подняться не смог.

Над ним склонился эльфийский Король:
«Рука, ты чего замолчал?»
«Спасибо, Король, хорошо лежать,
Золото — мягкий металл.

Скажу немного, а смерть добавит
Цену моим словам.
Пускай ты слаб, а враг силен —
Свой дом защищай лучше сам!» —

Закончив речь, глаза распахнул...
И замер — забыв дышать.
«Прощай, Рука орков,— сказал Король,—
Но как же тебя понимать?»

«Тяжелая битва,— сказал человек,—
Я много своих потерял,
Орки упорны, а бронзу рубит,
Увы, не всякий металл».

«Мы благодарны,— ответил Король,—
Мы не забудем услуг...»
«Для вас мы слуги? — спросил человек,—
Ответь мне, эльфийский друг!

Наемник хорош, коль надо искать
Добычу и где-то там...

Когда он рядом, собаке и то
Больший почет воздан!»

«Вам заплатили!» — «И мы дрались!»
«Так что же хотите вы?
Еще одной платы? Ну что ж, вот вам!
Мы не настолько скупы!»

Тогда улыбнулся солдат-человек,
С усмешкой он эльфу сказал:
«Не надо платы. Мы все возьмем.
Золото — мягкий металл»[1].

Эграсса умел петь, песня лилась тихо и красиво. Слова бежали, когда кипела далекая битва, струны плакали, когда умирал Рука орков, оставляя родичу-эльфу и кровному врагу последний совет.

Г'дал эльфа издал последний жалобный аккорд, и над поляной повисла гнетущая тишина.

— Красивая легенда,— наконец вздохнул Делер.

— Неудивительно, что эльфы не очень-то любят эту песню. Милорд Алистан прав: ваша раса выставлена не в самом лучшем свете,— изрек Мумр.

— Зато орки слишком уж благородны,— с презрительной миной ответила Миралисса.

— «Не в самом лучшем свете...», «слишком благородны...»,— протянул Кли-кли.— Это всего лишь глупая песня, на самом деле ничего подобного не было!

— С чего это ты решил, что этого не было? — Делер растянулся на своем походном одеяле и широко зевнул.

— С того, что это всего лишь легенда. Сказка, в которой нет ни капли правды. Когда в Золотом лесу появились эльфы, никаких разговоров не было. Орки сразу полезли в драку. И уж точно никто друг другу не говорил «друзья».

— Но Элдониэсса был. Он первый и последний Единый Король нашего народа.— Миралисса немножечко остудила воинственный пыл Кли-кли.— Его дети создали Дома эльфов.

— А Аргад жил на восемьсот лет позже и, помнится, едва не дошел до Листвы, вы еле-еле отбросили его армию на самом рубеже Черного леса,— хмыкнул гоблин.— А люди на Сиале появились через тысячу семьсот лет после описываемых событий, так что Элдониэсса, Аргад и человек никак не могли встретиться друг с другом. И эльфы отнюдь не такие идиоты, чтобы делать наконечники для

[1] Стихи Вячеслава Доронина.

стрел из золота. А орки не дураки ковать ятаганы из бронзы. Это не больше чем легенда, треш Миралисса.

— Но признайся, Кли-кли, красивая,— сказал я.

— Красивая,— благосклонно кивнул маленький шут.— А еще очень поучительная.

— Поучительная? Чему же она учит, гоблин? — Алистан Маркауз поворошил палкой костер.

— Тому, что не стоит полагаться на людей и доверять им, иначе можно потерять свой дом навсегда,— ответил гоблин.

Никто не стал спорить и возражать. На этот раз королевский дурак был абсолютно прав: дай нам волю, и мы перебьем всех врагов, потом друзей, а затем и друг друга.

Ночью ко мне вновь пришли кошмары, и в какой-то момент, когда мешанина снов переполнила голову, я открыл глаза.

Уже наступило утро, но все еще спали, если не считать Фонарщика. Халлас и Делер дрыхли, переложив свои обязанности на плечи безотказного Мумра. Заметив, что я проснулся, воин молча кивнул. Я немного полежал, удивляясь тому, что Миралисса не торопится вставать сама и будить других. Эльфийка решила дать отдых отряду перед последним рывком к Храд Спайну?

Вполне вероятно.

Откуда-то с края поляны доносилось тихое мурлыканье Кли-кли. Гоблин бродил возле самого леса и напевал незатейливую песенку. Выходит, не только мне одному не спится.

— Чего поешь? — спросил я, подойдя к нему.— Сейчас всех перебудишь.

— Я тихонько. Землянички хочешь? — Кли-кли протянул мне шляпу Делера, доверху наполненную отборной земляникой.

— А Делер знает, что ты таким образом используешь его любимую шляпу? — скептически спросил я у гоблина, но предложенную землянику взял. От ягод шел изумительный запах, и я просто не смог устоять.

— Ты думаешь, наш карлик может расстроиться? — задумчиво пожевал губами Кли-кли, бросив быстрый взгляд в сторону спящего Делера.

— Какой ты проницательный, Кли-кли,— хмыкнул я и взял еще горсть земляники.

— Ты опять стонал во сне, Танцующий. Плохие сны?

— Наверное.— Я небрежно пожал плечами.— По счастью, последнее время я их почти не помню.

— Мне это не нравится,— поморщился гоблин.— Кто-то не хочет, чтобы ты их видел.

— И кто же этот кто-то?

— Хозяин, например. Или его служанка — Лафреса.

—Умеешь ты радовать друзей,— сказал я Кли-кли.— Пойдем, разожжем костер, пока все спят.

— Давай, иди. Я сейчас землянику доем и принесу делеровскую шляпу обратно.

— Мм... Кли-кли, ты разве не видишь, что внутри она окрашена соком? Ты же половину земляники подавил!

— М-дя? Об этом я как-то не подумал.— Гоблин задумчиво оглядел дело рук своих.— Просто давленая земляника, по-моему, капельку вкуснее, чем обычная. Может, мне шляпу в ручье постирать?

— Пожалуй, не надо, сделаешь только хуже,— порекомендовал я ему и пошел обратно.

Кли-кли как маленький, будто не знает, что Делер теперь будет орать целый день по поводу безнадежно изгаженной шляпы! Да еще шут про Хозяина с Лафресой так некстати вспомнил.

Хозяин тот еще злыдень, устраивает нам прелестную жизнь с самого начала путешествия, но кто он такой, мы так и не узнали. Сволочь это всесильная и злопамятная и силенками может помериться с кем-нибудь из богов. Но, как видно, просто прихлопнуть нас ладошкой парень не хочет, поэтому изгаляется, как может, а когда мы портим его очередной каверзный план, он нисколечко не расстраивается, а в сжатые сроки придумывает новый, еще «краше» и опаснее. Хозяин, как и Неназываемый, не шибко хочет, чтобы мы добыли Рог Радуги из могильников. И если для Неназываемого это вопрос жизни и смерти, то для Хозяина (как я думаю) — очередной каприз.

Лафреса же является служанкой Хозяина, и хоть она и выглядит двадцатилетней, ей уже несколько сотен лет, по крайней мере, так было в одном моем сне (да, да, представьте себе, в последнее время я обладаю такой нехорошей особенностью, как видение пророческих снов). А еще Лафреса самая сильная на моей памяти шаманка (или шаманша?), намного сильнее Миралиссы. Служанка Хозяина владеет запретной магией — Кронк-а-Мором, с помощью которой она даже умудрилась убить двоих наших, когда мы оставили ее с носом и украли Ключ. И если честно...

— Смотри под ноги, дылда! — рявкнули басом откуда-то снизу.

Я со страху едва не научился летать. Во всяком случае, подпрыгнул знатно.

— Много всего я в жизни видел, но чтобы дылды так подскакивали — никогда! Эй! Куда смотришь, идиот? Вниз смотри! Вниз!

Вроде голос никакой опасности не представлял... Я послушно посмотрел вниз.

На земле сидело существо, больше всего похожее на странную помесь кузнечика, стрекозы и козла. Да-да. Ноги у этого маленького существа были как у кузнечика, голова и туловище козлиные, а прозрачные сетчатые крылья достались в наследство от крупной стрекозы. Все туловище раскрашено желто-черными полосами. Одним словом, возле моих ног сидел не кто иной, как самый настоящий сказочный стрекозел. Размерами существо было не больше ладони.

— Ну, долго ты еще будешь на меня глазеть? — раздался тот же самый голос.

Только тогда я заметил, что на шее стрекозла сидит человечек размером с мой мизинец. Золотые кудряшки, плаксивые черты лица, бархатный лиловый костюмчик, маленький лук. На меня это существо смотрело с изрядной долей раздражения.

— Флини! — ахнул я.

— Какая проницательность, выпей мою кровь лесные духи! Ты всегда такой умный или только по утрам? Быстро веди меня к эльфийке!

— Какой эльфийке? — опешил я от наглости мелюзги.

Стрекозел взмыл в воздух и завис передо мной, мельтеша крыльями. Флини на его шее неприязненно смотрел на меня:

— Все дылды такие тупые или ты один несчастный на мою голову выискался? Треш Миралисса из дома Черной луны. Знаешь такую?!

— Да...

— Так не спи и проводи меня к ней, идиот! — заорал малыш.

— Что за шум? — К нам незаметно подошел Кли-кли.— А, флини приперся!

— Я тебе покажу «приперся», зеленый! — возмутился тот.

— Зеленый, говоришь? — Кли-кли опасно прищурился.— А ну заткнись, мелочь золотоволосая, иначе худо будет!

— Да ладно, что ты взъелся? — сразу пошел на попятную флини.— Я же знакомлюсь!

— Вот и познакомились. Так зачем ты приперся? — Кли-кли специально выделил последнее слово, но флини сделал вид, что не услышал оскорбления, и пропел:

— Сообщение. Информация. Новости.

— Так иди и передавай, вон эльфы уже встали!

—Нужно, чтобы меня представили, сам знаешь обычаи.— Флини недовольно скривился, будто ему в рот напихали кислого крыжовника.

— Да уж знаю,— вздохнул Кли-кли.— Все вы стрекозлиным молоком мазаны! Идем, что ли?

Стрекозел загудел крыльями и полетел рядом с плечом гоблина. Я шествовал за ними в качестве почетного эскорта.

— Леди Миралисса, позвольте представить вам флини... как тебя там, мелкий?

— Ааррoo г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы, дубина,— прошипел, растягивая губы в улыбке, флини.

— Ааррoo г'наа Шпока из ветви Хрустальной Капли...

— Росы, бестолочь! — раздраженно зашипел флини.

— Да какая разница? — Кли-кли отмахнулся от гудящего над ухом стрекозла. Но все же исправился и сказал: — Из ветви Хрустальной Росы.

— Я рада приветствовать брата из маленького народа возле своего костра. Что привело тебя сюда, Ааррoo г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы? — приветливо кивнула Миралисса.

— Сообщение. Информация. Новости,— ответил церемониальной фразой Ааррoo и посадил стрекозла на землю.

—Ты специально искал меня или твои знания для любого темного?

— Специально. Глава дома Черной луны послал нескольких моих братьев, чтобы они искали вас, треш Миралисса, но посчастливилось только мне. А все оттого, что я могу думать!

— Везет достойным,— серьезно ответила маленькому хвастуну эльфийка.— Не желаешь отведать нашей пищи и выпить нашего вина?

— Охотно,— крякнул Ааррoo и в предвкушении скорого пиршества потер маленькие ручки.

Эграсса уже позаботился о еде, и перед довольным флини появилась махонькая золотая тарелочка с кашей, приготовленной Халласом, и махонький кубок с душистым вином. Видать, эльф таскает эти миниатюрные вещицы специально для маленьких говорунов, путешествующих на стрекозлах.

Я тронул Кли-кли за локоть и отвел в сторону, чтобы, не дай Сагот, флини не услышал нашего разговора.

—Чего с этой мелюзгой так носятся? Не проще ли было вначале узнать, зачем он к нам пришел, а затем уже кормить?

— Ох, Гаррет,— огорченно цокнул языком гоблин.— Конечно, не проще! Это же флини! Им не надо прощать грубости, иначе эти летуны, сующие нос куда ни попадя, сядут тебе на шею, но и древние обычаи не стоит вот так просто нарушать. Было бы что-нибудь срочное или опасное, он бы нам обязательно сообщил, а раз дело терпит, то стоит придерживаться их дурацких правил. Сейчас слопает кашу и сам все расскажет. Ты лучше скажи спасибо, что его послали к нам с сообщением, иначе едой бы мы не отделались. Вольные флини

обычно берут за информацию чем-нибудь более существенным, чем набитый живот. Давай вернемся, я хочу послушать, что скажет этот пустобрех.

Флини почти закончил трапезу. Ел этот мелкий парень со скоростью оголодавшего великана. Стрекозел заглядывал в тарелку через плечо хозяина и тоненько, просяще мекал. Больше всего это меканье походило на писк несчастной тонущей мышки. Ааррoo как-его-там в который раз раздраженно отпихнул морду стрекозла в сторону.

—У вас больше ничего не осталось в том здоро-о-овом котелке? А то Флолидаль не отстанет от вас, пока его не накормят,— ворчливо проговорил флини, отхлебывая вино из кубка.

Эграсса взял деревянную ложку, зачерпнул из котелка, и стрекозел, загудев крыльями, упал на ложку с едой, словно голодный коршун на курицу.

Тем временем проснулся Халлас. Гном зевнул, увидел завтракающего флини, захлопнул рот, да так, что клацнули зубы, и принялся отчаянно протирать глаза. После этой поспешной процедуры Халлас вновь посмотрел на Ааррoo, но тот, как и следовало ожидать, никуда не делся и, хмуро покосившись на удивленного Халласа, продолжал жевать.

— Странно,— задумчиво изрек гном и толкнул спящего Делера локтем в бок. — Эй, шляпа! Вроде мы вчера ничего не пили. Какого ж хрена мне мерещатся маленькие человечки?

Делер проснулся, покосился на Ааррoo и изрек:

— Это флини, дятел бородатый!

— Какой, к Неназываемому, флини, Делер?! Флини только в сказках живут и не поедают кашу моего собственного приготовления!

— Гномы еще хуже людей,— недовольно изрек Ааррoo, по всей видимости обращаясь ко всем присутствующим на поляне.— Что до каши, милейший, то только из уважения к почтенной треш Миралиссе я не кидаю это варево вам в бороду. В жизни не пробовал такой премерзопакостной дряни!

Гном поперхнулся от такой наглости и не нашелся что ответить.

— Ну что же.— Отдуваясь, флини отодвинул от себя тарелку.— Все законы соблюдены.

Ааррoo свистнул, подозвал к себе стрекозла, залез к нему на шею, сделал над нами круг и, зависнув в воздухе, нараспев произнес:

— Сообщение. Треш Эдданрасса, глава дома Черной луны, шлет своей дочери Миралиссе привет и скорбное сообщение. Треш Эдонтасса погиб в стычке с кланом Кровавых топоров. Там же погиб треш Эпевласса. Теперь треш Миралисса становится третьей в оче-

реди за лиственной короной. Впереди только треш Меленасса и треш Эпилорсса. Треш Эдданрасса просит свою дочь как можно скорее вернуться домой, оставив все остальные дела. Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ?

— Как это случилось? — резко спросила Миралисса.

— Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ? — упрямо гнул свое флини.

— Ответ. Пока не завершится дело, которое доверил мне объединенный совет Домов в прошлом году, я домой не вернусь.

— Услышано,— важно кивнул флини, и стрекозел сделал над нами еще один круг.

— Прямо как стрекоза,— завистливо присвистнул Мумр, следя за полетом волшебного существа.

— Информация. Бесплатно,— между тем пропел флини и скривил рожицу. Видно, бесплатно он делать ничего не любил.— Из Красного урочища, что за городом Чу, исчезли все птицы. А также кабаны, лоси, медведи, волки и почти все лесные духи.

— Почему? — коротко спросил Эграсса.

— Кабы я знал, информация не была бы бесплатной,— раздраженно ответил Аарроо.— Мне об этом сказал дух большого пня, что живет в трех лигах пути от этого места. Он сам ничего не знал, но в последнее время маленькие жители стараются держаться подальше от тех мест. И молчат, будто воды в рот набрали.

— Глупая информация.— Халлас в раздражении дернул себя за бороду.

— Какова каша, такова и информация! — обозлился флини, и его стрекозел гневно зажужжал.— Если гном будет дразниться, узнавайте новости от кого-нибудь другого! Пусть этот бородатый вам их и рассказывает!

— Заткнись, Халлас,— тут же сказал Угорь.

— Прошу простить моего слугу, почтенный Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы,— примиряюще произнесла Миралисса.

— Слугу? — беззвучно спросили губы гнома.

Делер показал Халласу кулак. Гном стал красным, как раскаленный лист металла в горне у кузнеца, но не произнес ни слова.

—Так-то лучше,— довольно ухмыльнулся флини, и стрекозел сделал над нашими головами третий круг.

— Мы будем проходить через это урочище, леди Миралисса? — между тем задал вопрос Алистан Маркауз.

— К сожалению, да. Это самый короткий путь.

— Но есть и другие? — выделяя каждое слово, уточнил граф.

—Есть, но если мы пойдем через Красное урочище, то окажемся у Костяных дворцов уже к завтрашнему вечеру. На обходном пути мы

потеряем пять-шесть дней. Да и дорога будет пролегать прямо по границе с обжитыми землями орков. Это слишком опасно.

— Не опаснее, чем место, из которого исчезли все лесные духи,— не согласился с кузиной Эграсса.

— Мы рискнем.— Эльфийка сверкнула глазами.

—Ты старше в роду, тебе и решать.— Эльф поднял руки вверх, показывая, что не собирается с ней спорить.

— Новости.— Флини дождался окончания разговора и пропел: — Целых три штуки. Цена первой новости — пляска этого упрямого гнома.

—Что? — взревел Халлас.— Гномы ни для кого не танцуют!

— Значит, мне повезло вдвойне! — злорадно заржал флини.— Хотите узнать первую новость, пусть гном танцует. Не хотите — я полетел. С порученным заданием я уже справился и общаюсь с вами только из чистой любезности.

— Ах ты, маленькая...— Гном вскочил и сжал кулаки.— Да я тебя вместе с твоим жужжащим вонючим козлом сейчас так пну!

— Он будет танцевать,— твердо сказал Алистан Маркауз.

— Что?! Да чтобы я...

— Это приказ, воин! Танцуй! — В голосе капитана гвардии звенела сталь.

—Танцуй, дружище.— Делер успокаивающе положил руку на плечо гнома.— Ну подумаешь — танец для флини. Представь, что ты танцуешь для меня.

Это решило дело. Гном презрительно фыркнул:

—Чтобы гном танцевал для карлика? Я быстрее для флини станцую!

И станцевал. Вроде это был какой-то военный танец гномов. Во всяком случае, Халлас плясал с боевой мотыгой в руках, да и пляска больше напоминала бой, а не праздничный танец. Пожалуй, Золотой лес еще не видывал такого представления. Фонарщик наигрывал на дудке, помогая гному. Кли-кли весело хлопал в ладоши, Делер старался не лопнуть со смеху.

— Все! — сказал запыхавшийся гном.

— Вы, гномы, танцуете еще хуже, чем готовите,— безжалостно изрек флини.

Делер вовремя успел схватить Халласа и оттащил в сторону от греха подальше.

— Как насчет новости? — Миралисса, несмотря ни на что, старалась быть вежливой.

— Новость. В Золотом лесу видели людей. Они опережают вас на два дня. Больше двух десятков. Все вооружены. Одна женщина. Гербов на одежде не видел.

— Куда они направились?

— Шли к Красному урочищу. Два дня назад оно еще было спокойно.

— Готов прозакладывать душу, что это Балистан Паргайд со своими людьми,— нахмурился милорд Алистан.

— И Лафреса. Они будут возле входа намного раньше нас,— шмыгнул носом Кли-кли.

— Они оплошали с Ключом и решили устроить нам засаду у входа?

— Может быть, Гаррет, а может, и нет...— В глазах эльфийки застыло беспокойство.— Они могли рискнуть и попытаться взять самый сладкий кусок.

— Рог?

— Да. Если ты кому-нибудь расскажешь про наш разговор, я найду тебя,— обратилась эльфийка к флини.

— Да уж понимаю, в эльфийские тайны лучше не лезть. Буду нем как могила,— недовольно буркнул флини.

— Никто из людей не был ранен? — спросил я у него.

— У одного не было левой кисти.

— Это они.

Ну, раз нет кисти, то это точно Бледный. Этот гад давно охотится за мной, а во время последней попытки отправить меня в свет Халлас отрубил ему левую кисть. Бледный работает на Влиятельного, или, как его называют слуги Хозяина,— Игрока. Игрок — какая-то большая шишка в Авендуме, и именно благодаря его «заботе» я едва не распрощался с жизнью. На данный момент Бледный состоит в свите Балистана Паргайда.

Граф Балистан Паргайд, если кто не знает, слуга Хозяина, и именно из его дома в Ранненге я спер Ключ, благодаря которому мы и надеемся проникнуть в самое сердце Храд Спайна. Этот самый Ключ Лафреса должна была самолично доставить Хозяину, а тут приключилась неприятность, имя которой Гаррет. Ключ я украл, но Балистан Паргайд вместе со своими людьми и Лафресой бросился за нами в погоню.

Пока нам как-то удавалось водить их за нос, и им даже не помог судебный поединок. Мумр почикал бойца милорда Паргайда в капусту, а потом как-то все разом стихло. Балистан Паргайд с братией исчез. Мы даже головы ломали, решая, куда он делся. Разгадка пришла вместе с флини. Во время судебного поединка куда-то пропала Лафреса, а оказалось, что она сразу направилась к Храд Спайну, а по дороге ее догнал граф. Понятное дело, Лафреса не боится войти в Заграбу (видать, надеется, что знание шаманства ее спасет). Да и выбора у нее просто нет: артефакт потерян и Посланник, поручив-

ший ей доставить Ключ, очень расстроится, не говоря уже о Хозяине.

— Какова вторая новость? — Эграсса посмотрел на флини.

— Цена второй новости — щепотка сахара.

— У нас нет сахара,— злорадно сказал Халлас.— Мы не кондитеры. Может, мне еще раз перед тобой станцевать?

Последние слова гнома прозвучали с вызовом.

— Нет уж! Второй раз мое сердце такого зрелища не выдержит! Что у вас есть на обмен?

Мы переглянулись. Тьма знает, что может заинтересовать носителя новостей.

— У меня есть конфета! — неожиданно воскликнул Кли-кли.

— Покажи,— подался вперед Аарроо.

Кли-кли торопливо порылся в многочисленных кармашках своей одежки и выудил оттуда изрядно помятую, но завернутую в яркую золотистую бумагу конфету. Видать, заначка еще с Авендума.

Флини внимательно изучил ее и со скучающей рожей, будто он делал нам вселенское одолжение, изрек:

— Дрянь, конечно, но сойдет. Бросай на землю.

По-моему, он ломался, конфета ему понравилась. Флини опустил стрекозла прямо на брошенную конфету и стал привязывать ее к брюху своего ездового зверя.

— Новость. В Золотом лесу видели человека. Одет в серый плащ, лица не разглядели. Вооружен копьем. Идет быстро, почти не задерживаясь. В четырех часах полета от вас. Идет прямо сюда. Золотой лес на этой неделе будто медом намазан, все так и прут. Давно я не видал столько чужаков. Ах да! Связываться с ним не советую, древесные духи говорят, что он воин.

— Мы тоже не сапожники,— возмутился Делер.

— Когда древесные духи говорят, что человек воин, мы обычно к этому прислушиваемся, но дело ваше. Цена третьей новости — перстень вон того дылды с длинными усами,— флини кивнул на Алистана Маркауза.

— Какой? — уточнил граф.

— Ну уж точно не серебряный с твоим гербом,— съязвил маленький вымогатель.— Вы, люди, слишком щепетильны в отношении этих родовых побрякушек. Просить их — большая глупость, все равно не отдадите. Мне по нраву вон тот, с красным рубином.

Алистан без всяких возражений снял с пальца перстень и положил его на землю. Флини довольно улыбнулся, и перстень, как и конфета, оказался под брюхом стрекозла.

— Стоит ли этого твоя новость? — спросил я.

— Это уже вам решать, а не мне. Новость. Орки близко.

— Где? — Эграсса потянулся за луком.

— В развалинах города Чу. Их шестеро. Обычные разведчики. Вас не ждут. Просидят там еще дней пять.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал,— заухмылялся флини.— Один из них попал в ловушку и пробил себе ногу, сейчас он в бреду, так что боеспособны только пятеро. Можете прикончить их, можете обойти.

— Мы примем к сведению твою информацию. Это все?

— Да, новостей больше нет, прощайте.

Стрекозел, гудя, поднялся в воздух и, касаясь брюхом ромашек, полетел к лесу. Нагружен зверек был отменно, я вообще удивляюсь, как ему удалось взлететь с таким весом.

— Флини очень любят разные перстни и кольца,— просветил меня Кли-кли.

— Учту.

— Мерзкая сволочь! — Халлас проводил улетевшего флини злым взглядом.

— Что ты хочешь от флини? — делано удивился Кли-кли.— Они зарабатывают тем, что разносят новости.

— А не продаст ли он нас тому же отряду орков? Думаю, у Первых найдется чем расплатиться за информацию о нашем местонахождении. Я не доверяю этим мелким.

— Он бы сделал это, если бы Первые стали с ним разговаривать. Но они флини ни во что не ставят, а те чересчур горды, чтобы терпеть к себе такое отношение.

— Собираемся! — Эграсса поднялся с земли.— У нас еще целый день до темноты и ночь в запасе. Сегодня мы должны пройти как можно больше.

— Что будем делать с орками?

Вопрос Мумра не праздный, где-то впереди Первые, пускай они нас и не ждут.

—Убьем.— Эграсса посмотрел на Миралиссу, и та кивнула.— Их всего пятеро. Конечно, можно обойти, но негоже оставлять у себя за спиной врагов.

— А что делать с тем парнем, что идет за нами? Давайте мы с Делером задержимся и зададим ему парочку вопросов!

— Халлас, у тебя ни ума, ни фантазии! — Карлик в разговоре с напарником не церемонился.— Тебе бы только мотыгой помахать! Флини же сказал, что тот тип опасен и от него следует держаться как можно дальше! И даже победив его, как мы потом найдем отряд, ты подумал? Или гномы с сегодняшнего утра способны бродить по лесам и не плутать?

— Это не сложнее, чем ходить по штольням,— буркнул Халлас.

— А я не хочу заблудиться в лесу и в один прекрасный день выйти к орочьему жилью,— отрезал Делер.

— Никто здесь не останется,— прервал спор гнома и карлика милорд Алистан.— Если этот человек хочет идти за нами, пусть идет. Если догонит и нападет, мы дадим ему бой. Меня больше заботит поджидающий нас возле Храд Спайна Балистан Паргайд с псами и это урочище.

— О Балистане мы позаботимся, когда доберемся до него, милорд.— Угорь уже собрал мешок.

— Урочища тоже не стоит так уж сильно опасаться.— Миралисса закинула с'каш себе за спину.— Лесные духи могли уйти из него по сотне причин. Будем надеяться на лучшее.

— И ожидать худшего,— тихонько буркнул я, но эльфийка, по-моему, все же меня услышала.

— Кли-кли,— голос Делера был очень тихим, но взгляд карлика не предвещал гоблину ничего хорошего,— что ты сделал с моей шляпой?

Гоблин счел за лучшее спрятаться за моей спиной. Всегда так — напроказничает, а отдуваться Гаррету.

Глава 2
КРАСНОЕ УРОЧИЩЕ

— Что здесь было раньше, Кли-кли?

— Сам, что ли, не видишь по развалинам? Город, конечно!

Мы с гоблином лежали, спрятавшись за грудой серых камней, изрядно поросших мхом. Рядом возвышалась высокая ребристая колонна из точно такого же камня и точно так же, как и весь город Чу, заросшая темным густым мхом.

Меж стволов златолистов и лиственниц возвышались руины древнего города. Здесь колонна, там стена, чуть дальше, возле кустов волчьей ягоды, арка с древними рунами, еще дальше — огромное здание с провалившимся куполом. И так покуда глаз хватало. Развалины вырастали прямо из мягкого ковра мха, тонули в нем, задыхались в зарослях папоротника и остролиста, погибали под корнями могучих златолистов. Наверное, когда-то этот город был велик и прекрасен, но от былого величия остались лишь призраки прошлого. Сейчас это был всего лишь мертвый камень, изъеденный молью времен.

— Понимаю, что не деревня. Кто тут жил?

— А я откуда знаю? — Шут пожал плечами.— Эти руины помнят исход огров в Безлюдные земли и приход на Сиалу орков и эльфов. Не мне знать, кто жил в нем в те времена. Но поверь мне, Чу очень красив. Ну или был очень красив.

— Ты и здесь успел побывать?

— Нет, конечно. Просто Чу — не единственный заброшенный город в Заграбе. Возле того места, где живет мое племя, есть еще один, он очень похож на этот. Мы называли его город Бу. Он сохранился намного лучше Чу.

Вечерело, солнце уходило за горизонт, и уже не все лучи могли пробиться сквозь ветви деревьев. В лесу становилось сумрачно. Я подвинул миниатюрный арбалет к себе поближе и в сотый раз проверил, заряжен ли он.

К моей глубокой радости и к вящему неудовольствию Кли-кли, Алистан Маркауз оставил нас здесь, пока остальные не расправятся с орками.

Ну и правильно! Вор и шут не созданы для драк и сражений. Гоблин на этот счет был иного мнения, но после недовольного ворчания все же решил остаться со мной.

— Кра-а-а! Кра-а-а! Кур-ра-ра!

Крик птицы тоскливым призраком разнесся над развалинами, отражаясь от стен и бередя покой заброшенного места. На миг на верхушке покосившейся колонны-шпиля и на стволах деревьев блеснул голубоватый отблеск заклятия, сотворенного в двух сотнях ярдов отсюда. Блеснул и пропал, уступив место уже привычной тишине мертвого города.

— Началось,— сказал Кли-кли, приподнимаясь.— Это работа Миралиссы.

— Я ничего не слышу.

— Это к лучшему. Значит, не слышат и другие. Будем ждать.

И мы ждали. Минуты тянулись бесконечно долго.

Плотный густой ковер мха заглушал шаги, и мы услышали бегущего, только когда между нами оказалось не больше десяти ярдов. Кли-кли пребольно ущипнул меня за руку и кивнул в сторону колонны. Поначалу я принял бегущего за Эграссу. Вот только отчего у эльфа в руках не привычный с'каш, а ятаган?

Конечно же это был не эльф, а орк. Две расы слишком похожи друг на друга, чтобы в первые секунды их можно было различить. Первый бежал прочь из города, постоянно озираясь по сторонам. Мы лежали за камнями, и орк не мог нас видеть, хоть на этом спасибо Саготу.

—Чего ты ждешь? Уйдет ведь,— просипел Кли-кли, снимая с пояса первую пару метательных ножей.

Шут прав: если Первый скроется и избежит смерти, он предупредит своих, и тогда плакали наши головы. Расстояние до врага не ахти какое, и, чтобы промазать, надо было очень постараться.

Щелк!

Болт без труда пробил легкую кольчугу и застрял в спине орка. Тот споткнулся и рухнул лицом в мох. Никаких угрызений совести о том, что стреляю в спину убегающему, я не испытывал. Будь у него возможность и время, он бы без всяких раздумий попытался прикончить и меня и Кли-кли.

— Ты его убил? — Кли-кли испуганно жался ко мне.

— Вроде как,— неуверенно сказал я, не торопясь убирать арбалет.

— Вот в том-то и дело, что вроде как. Ему хватит ума притвориться! — Гоблин не спешил приближаться к телу.

— Кли-кли, у него в спине болт, который вошел туда чуть ли не по самое оперение. Как он может быть жив?

— Я бы все равно не стал к нему подходить,— предупредил меня тот.

Страх и сомнения всегда заразительны. Теперь и я смотрел на недвижимого орка с должной опаской. А вдруг гоблин прав и Первый всего лишь строит из себя покойника? Во всяком случае, ятаган до сих пор у него в руке.

— Хорошо,— вздохнул я.— Учти, я это делаю лишь для твоего успокоения.

Пришлось приблизиться к телу на несколько шагов и всадить в спину орка второй болт. Парень в ответ на такой неприкрытый садизм даже не дернулся.

— Ну, теперь ты убедился, что он мертвее камня?

— Почти что.— Шут осторожненько подошел к телу и ткнул мертвеца носком сапога.— Слава богам, ты его прикончил.

— Не такие уж они и страшные, да и умирают не хуже людей.

— Если застать их врасплох.— Голос Эграссы заставил меня резко обернуться и вскинуть арбалет.

— Бесполезно, Гаррет. Будь на моем месте орк, ты был бы уже мертв. К тому же арбалет у тебя разряжен. Что тут у вас?

— Орк, один из тех, кого вы должны были убить. Гаррет его подстрелил, но заметил Первого я,— затараторил Кли-кли, не собираясь приписывать всю победу мне.

— Нет, Кли-кли, этот не из тех.— Эльф перевернул тело и склонился над орком, бесстрастно изучая лицо мертвеца.— Миралисса наложила на них Сеть Недвижимости, и мы смогли расправиться со всеми, они даже пикнуть не успели. Четверо возле костра, еще один рядом с раненым, итого пятеро, не считая раненого. Мы прикончили всех.

— Тогда откуда взялся этот? Или сей орк — плод моего больного воображения? — недовольно пробурчал гоблин.

— Просто ваш мерзкий флини не посчитал нужным сообщить о седьмом.

Из-за стены появился Халлас.

— Я с самого начала говорил, что не следует доверять этой летающей сволочи!

— Где был седьмой, мог быть и восьмой,— задумчиво сказал Эграсса.

— А также девятый и десятый.— Гоблин не преминул насыпать соли на рану.

— Идемте к остальным, там решим, что делать дальше.

Мы пошли за эльфом, позади сопел Халлас. Эграсса уверенно вел нас через лабиринт заросших развалин. Везде властвовала разруха и упадок, но вместе с тем это место было... пожалуй, красиво. Красиво своей непонятной, загадочной красотой тысячелетий.

Колонны высились наравне с златолистами или лежали разбитые и заросшие мхом. По стенам некогда величавых зданий вился плющ. Статуя на постаменте, такая древняя, что нельзя было рассмотреть, кто перед тобой — человек, орк или кто-то другой, живший на Сиале еще до начала Седой эпохи.

В четверке орков, лежавших возле едва горевшего костра, стрел было натыкано больше, чем требовалось, — Миралисса и Эграсса постарались на славу. Чуть поодаль, под старой лиственницей, лежали еще два мертвеца.

Эграсса кратко рассказал милорду Алистану про орка, которого я укокошил.

— Флини мог не увидеть его, если Первый сидел в секрете.— Миралисса задумчиво теребила рукав темно-зеленой куртки.

— Он просто не захотел увидеть, миледи.— Халлас все еще не мог забыть пляску для маленького распространителя новостей.

— Халлас, Делер, Мумр, Угорь! Разделитесь на пары и найдите, где скрывался этот седьмой.

Угорь кивнул за всех, и Дикие скрылись меж развалин.

— Через час полностью стемнеет.— Милорд Алистан, прищурившись, посмотрел на небо.— Останемся здесь или продолжим путь?

— Все зависит от того, что найдут наши воины,— устало ответила Миралисса,— но я за то, чтобы идти. Сейчас полнолуние, света достаточно, до утра можем свободно идти, а дальше отдых — и мы у Храд Спайна.

— Я тоже считаю, что мы не должны останавливаться сейчас, кузина. Преодолеем Красное урочище, и тогда уже можно будет отдохнуть.

— Гаррет, пошли глянем на покойников,— позвал меня Кли-кли.

— Я мертвецами не интересуюсь.

— Ну и зря!

Пока гоблин бродил среди трупов, я перезарядил арбалет, уложив в него два новых болта.

— Мастерски сработано, леди Миралисса. В лучших традициях Зеленого Взвода! Я оценил,— сказал эльфийке вернувшийся Кли-кли.

— Ну раз даже ты оценил мою работу...— усмехнулась она.

— Нет, я серьезно. Кидаем Сеть Недвижимости, затем у нас пяток секунд, чтобы нашпиговать их стрелами. Думаю, даже когда Сеть лопнула, оставшиеся двое так ничего и не поняли и их легко зарубили. Кто прикончил раненого?

— Делер,— ответил Алистан Маркауз.— Ты-то откуда знаешь о работе диверсионных отрядов эльфов?

— Я вообще полиглот,— ни к селу ни к городу гордо ответил Кли-кли.

— Поля апосля глотать будешь.— Делер слышал лишь последнюю фразу шута.— Убираться надо, милорд Алистан. Упустили мы одного.

—Ушел. Двое их было. Там, дальше, что-то вроде колодца. В нем они и сидели. Один, к несчастью для себя, вышел на Гаррета, другой ушел на юго-запад. Целым, милорд. Я попробовал догнать, но мох почти не сохраняет следы.— Лицо Угря было хмурым.— Да и не следопыт я. Сюда бы Кота, да пребудет он в свете...

— Что они делали в колодце? — спросил Алистан Маркауз, и Мумр молча протянул ему обрывок какой-то ткани.— Человек?

— Да, милорд, он мертв, да и лицо у него все исполосовано, но я его по одежке узнал,— кивнул Фонарщик,— этот парень был среди людей Балистана Паргайда во время поединка.

— Все ясно. Орки теперь знают, что в Золотом лесу чужаки, и этого беглеца мы уже не догоним,— огорчилась Миралисса.— Надо поскорее уходить из города, пока не подоспели Первые. Единственный шанс — добраться до спуска в Храд Спайн быстрее, чем нас нагонят.

— Вы намереваетесь укрыться от них в Костяных дворцах, миледи?

— Это не обязательно. Первые — не дураки. После того как на нижних уровнях могильников пробудилось зло, они обходят это место за лигу. Ничто, даже близость эльфов, не заставит орков совершить глупость и приблизиться к Восточным воротам Костяных дворцов.

— Тогда не будем задерживаться.— Маркауз кивнул Эграссе, чтобы он двигался вперед, указывая нам дорогу.

И отряд ушел в ночь.

Ночью в лесу темнеет быстро и в то же время очень незаметно. Только что из-под ног выбегала узкая, едва различимая тропка, а через минуту она уже скрылась во тьме.

Деревья, ветви, кустарники растворяются в обволакивающей паутине ночи, от них остаются одни воспоминания (мол, там была сосна, а вот там, где сейчас чернильный мрак, рос старенький клен), и только если поднять глаза к небу, можно увидеть силуэты переплетенных между собой ветвей, загораживающих высыпавший на небе горох звезд.

Несколько долгих и очень томительных секунд ты едва плетешься, до боли напрягаешь глаза, чтобы хоть что-то увидеть в кромешном мраке. Затем нехотя из-за пазухи богов выкатывается полная луна.

Она похожа на темно-желтый круг исилийского сыра, она толста, и ее поверхность, как и сыр, изрезана темными дырами и морщинами. Луна рожает свет, отдает его ночной земле, и столбы лунного дара заливают спящий лес, играют меж ветвей и стволов дремлющих златолистов, отражают мать-луну в сонно шепчущем ручейке, танцуют на полях зарождающегося ночного тумана, что белыми струйками поднимается изо мха и тянется вверх. С лунным светом лес становится прекрасным и волшебным, словно из детской сказки. Луна преобразила руины древнего города Чу.

Свет падал на изгрызенные зубами времени лица безымянных идолов, придавал им подобие жизни, волновал воображение.

У-у-ух-ху-ху-у-у! Уханье то ли совы, то ли еще какой птицы густыми волнами расплывается по столбам лунного света, отражается от лиственниц, златолистов и стен мертвых зданий.

Весь мир, вся Заграба сейчас дышат серебряными нитями, струящимися из веретена полной луны. Светло как днем, и лишь звезды недовольны проснувшейся луной. Они потускнели и даже отползли подальше от земли, чтобы не попасть под магию ночного светила.

Отряд шел ходко, и идолы города Чу, с укором смотрящие нам в спину, остались далеко позади. Тропка петляла, то появлялась, то вновь исчезала в придорожных зарослях кустарника. Спустя час она совсем исчезла, и нам пришлось продираться сквозь густой ельник.

Лохматые и колючие лапы норовили стегнуть по физиономии, приходилось закрываться руками и сгибаться в три погибели. Пока я лазил по этим колючим и не очень-то гостеприимным зарослям,

успел проклясть все на свете. Мумр, идущий сейчас впереди меня, ругался на чем свет стоит. Угорь слишком быстро отпустил ветку, и еловая лапа стегнула Фонарщика по лицу. Вот уж не знаю, один ли я вздохнул с облегчением, когда меж елок вновь появилась тропка.

Она пошла под уклон, еловый лес сменился лиственным. Сейчас мы топали по низким холмам, заросшим кленами и кустами цветущего краснобровника. Наверное, при солнечном свете маленькие красненькие цветочки на кустах казались капельками крови, сейчас же они, впрочем, как и весь лес, были насыщены серебром луны.

Мы прошли по берегу озера, в черной воде которого отражались луна и звезды, поднялись на очередной холм, спустились, перепрыгивая через спешащий по неотложным делам ручеек. Краснобровника здесь оказалось намного больше, чем возле озера, он рос везде, куда падал взгляд, вытесняя другие кусты и даже деревья.

— Смотри-ка, один все же остался,— пробурчал за моей спиной Кли-кли.

— Ты о чем? — полюбопытствовал я.

— Да вон, меж веток лесной дух. Видишь, глазки сияют? А флини говорил, что они ушли из Красного урочища.

— Так мы что, уже идем через Красное урочище?

— А где мы, по-твоему? На улице Искр, что ли? — ядовито отозвался Кли-кли.— Ясное дело, что в Красном урочище.

— Не больно-то оно красное, опять ты что-то путаешь, Кли-кли,— недоверчиво хмыкнул Фонарщик.

— Раскрой глаза, Мумр, сейчас же ночь! А днем, да еще в начале сентября, здесь все красно от цветов краснобровника.

— Да и на урочище это место никак не тянет,— поддержал я Фонарщика.

— Дураки! — надулся шут и перестал с нами разговаривать.

Гоблин сегодняшней ночью был не в настроении. По-моему, он слишком сильно нервничал.

Я же ничего такого не чувствовал, да и Вальдер молчал. Правда, он молчит с тех пор, как я увидел сон о тюрьме Хозяина. Может, наконец мертвый архимаг оставил меня в покое и убрался восвояси? Ха! Надежда на такой исход небольшая.

Кто такой Вальдер? Я вроде уже говорил. Вальдер — это такой волшебник, к сожалению умерший из-за Рога Радуги несколько веков тому назад, но вселившийся мне в голову. Ладно, это длинная история, может, когда-нибудь напишу мемуары, тогда и узнаете все подробности.

Тропинка шуршала под ногами, спина Фонарщика маячила впереди меня. Шаг, шаг, еще шаг. Сколько сотен шагов я сделал с тех пор, как мы покинули развалины города Чу?

Ночь давно перевалила за середину, звезды плыли по небу, а луна светила все ярче и ярче. Весь лес был захвачен краснобровником, росшим чуть ли не под каждым златолистом. Казалось, этим проклятым кустам не будет ни конца ни края. Но больше всего надоел кисловатый запах, источаемый цветущими кустами. Он настырно лез в нос, и по прошествии полутора часов от него раскалывалась голова и зверски хотелось чихать.

Чем глубже мы уходили в Красное урочище, тем напряженнее становилась тишина. Не стало слышно привычного шепота ветра, шелеста ветвей, криков ночных птиц и звуков ночных насекомых. Ни светлячка... да и лесных духов больше видно не было. Лишь звуки наших шагов тихим шуршанием плыли в ночи.

Лес, казалось, вымер, тишина давила и вызывала смутную тревогу. Даже лунный свет стал неживым, он заливал всю округу мертвенно-бледной дланью.

Сзади послышался тихий шелест оружия, извлекаемого из ножен. Я обернулся. Милорд Алистан шел с обнаженным мечом, лицо у графа было хмурым и встревоженным.

— Не нр-р-равит-тс-ся мне эта тишина,— растягивая слова, брякнул Кли-кли, беспокойно озираясь по сторонам.

— Она еще никого не убивала.

— Не скажи, Гаррет, очень даже убивала,— ответил наш всезнайка.

В следующие полчаса мы не сказали друг другу ни слова. Все вслушивались в разлившееся молчание, надеясь уловить хоть какой-то звук, кроме шороха наших шагов.

Так всегда бывает. Никогда не обращаешь внимания на посторонние звуки. Всегда принимаешь их как само собой разумеющееся. Там птичка чирикает, там сверчок трещит, здесь листочки шелестят. Но как только привычные уху звуки исчезают, ты понимаешь, как тебе не хватает всех этих посторонних и временами ненужных треньканий и пиликаний.

— Приехали,— прошипел сквозь стиснутые зубы Халлас и покрепче сжал боевую мотыгу.

Тропинка упиралась в мост, казавшийся таким же старым, как и Чу. Нисколько не удивлюсь, если его построили одни и те же мастера. Но, в отличие от города, мост оказался целым.

Каменный, тридцать ярдов в длину и два ярда в ширину. По нему вполне могли пройти сразу два человека. По бокам тянулись высокие, в пол человеческого роста, прямоугольные барьеры, заменяющие перила. Через каждые пять ярдов из перил вырастали колонны и поднимались на высоту двух человеческих ростов. Наверное, раньше они были тем, что держало крышу (сейчас не существующую).

А может, никакой крыши никогда и не было и колонны создавались просто для красоты.

Мост связывал две стороны то ли оврага, то ли ущелья. Уж не знаю, как это называлось, но обрывистые берега резко уходили в темноту и в поднимающийся с невидимого сейчас дна серебристый туман.

— Вот и сердце урочища,— сообщил нам Кли-кли.

— Нам через него? Что-то он не вызывает у меня особого доверия.

— Не беспокойтесь, милорд Алистан, мост крепче скалы и простоял здесь не одно тысячелетие,— успокоила капитана гвардии Миралисса.— Не будем медлить.

— Постойте.— Угорь поднял руку и внимательно осмотрел противоположную сторону урочища.— Леди Миралисса, Эграсса, возьмите луки, а мы с Делером перейдем на ту сторону.

—Угорь прав, если там засада, то нас всех почикают на мосту, словно жирных перепелок,— поддержал гарракца карлик, меняя любимую шляпу на шлем.

— Хорошо,— скупо кивнул Алистан Маркауз.— Идите.

Карлик бежал впереди, лезвия его секиры грозно сверкали в лунном свете. Эграсса и Миралисса стояли с натянутыми луками. Воины перебежали мост и скрылись в кустах краснобровника.

Я стал про себя считать. Когда счет дошел до шестнадцати, появился Угорь и махнул нам рукой. Настал наш черед. На этой стороне остался только Эграсса со все так же натянутым луком и Фонарщик, прикрывающий эльфа от возможной опасности с тыла.

— Здесь глубоко? — спросил я у гоблина на середине моста.

— Я тут впервые, так же, как и ты.

— Просто ты так хорошо знаешь эти места...

— Знать места — это не значит бывать в них раньше, Гаррет. Как гномы и карлики ориентируются в своих подземных лабиринтах? Они дети гор, и им не надо каждый раз узнавать, где восток, а где запад. Гоблины, дриады, эльфы и орки — все мы дети Заграбы и никогда не заблудимся в ней. Мы всегда знаем, где находимся, независимо от того, в какой части леса оказались. Вам, людям, слишком сложно это понять.

Мы продолжили путь. Краснобровник начал редеть. Ели и лиственницы оттеснили кусты в сторону, проклятый запах цветов почти исчез, но тишина никуда не делась. Отряд все еще находился в урочище.

Мы опять шли, шли и шли. Легкий мешок потихоньку стал тянуть меня вниз, кольчуга стерла все плечи, давила на спину, ноги наливались усталостью и болью. Давно пора было сделать привал,

мы топали уже несколько часов, но Эграсса лишь увеличивал темп, стараясь как можно скорее вывести отряд из урочища.

Первым почуял неладное Кли-кли. Он споткнулся, оглянулся и втянул в себя воздух ночного леса.

— Кли-кли, не останавливайся,— попросил гоблина Халлас.

—Что-то не так,— обеспокоенно сказал гоблин.

— Что не так?

— Не знаю,— буркнул шут и заторопился дальше.

Затем остановился Эграсса и поднял руку, чтобы мы не шумели. Эльф долго вслушивался в мрачную тишину ночного леса, а затем что-то сказал Миралиссе на гортанном орочьем наречии.

Она ответила на том же языке, и Эграсса вновь повел нас вперед. Эльфы поминутно оглядывались. Я тоже не сдержался и оглянулся, но позади нас была лишь узенькая тропинка, посеребренная светом луны, и мрачные стены елей, возвышающиеся по обе стороны от нее.

— Что происходит? — спросил Алистан Маркауз.

— Пока ничего, милорд, просто не отставайте.— Эльф почти перешел на бег.

Миралисса бубнила что-то себе под нос, иногда взмахивая руками. Я с ужасом понял, что она на бегу подготавливает какое-то заклятие. Выпей меня тьма, они могут сказать, что происходит, или нет?!

Кли-кли подпрыгивал впереди меня, мешок бил его по спине, и коротконогому гоблину было нелегко поддерживать тот темп, что задал нам Эграсса.

Гоблин тихонечко повизгивал. Поначалу я думал, что это он так дышит от натуги, а потом понял: Кли-кли скулит со страху. Вот тогда-то я и напугался.

Сильно.

— Кли-кли! — рявкнул я ему.— Давай сюда свой мешок, тебе будет легче идти!

Шут посмотрел на меня. Синие глаза были полны животного первобытного ужаса. Мне пришлось повторить свое предложение дважды, прежде чем он понял, чего я от него хочу. Гоблин не стал спорить и сразу же передал маленький мешок с пожитками мне.

— Что происходит?—повторил я уже прозвучавший вопрос.

— Флейта! — пискнул шут.

— Какая, во тьму, флейта?!

— Просто иди быстрее, ладно?

Вот и весь сказ.

А затем я услышал это. Услышал и в первую секунду даже не поверил, что такое возможно. Тишину разорвала чистая хрустальная

трель. Едва слышный звук. Расстояние до неизвестного флейтиста, видать спьяну вздумавшего поиграть в ночном лесу, было довольно большим. Флейта настолько неожиданно разрезала покой ночи, что я остановился как вкопанный и в меня тут же врезался Делер.

— Перебирай ногами, Гаррет, коли жить охота! Не знаю, что там за нашей спиной, но чувствую, что ничего приятного мы от него не дождемся!

Эграсса перешел на бег. Вновь раздалась трель флейты, теперь намного ближе, чем в прошлый раз, и тогда-то я понял, кто приближается к нам. Лишь одно существо издавало звуки, так похожие на трель флейты. Орки прозвали это чудовище Ужасной флейтой, или Х'сан'кором.

— Спаси нас всех, Сагот! — вырвалось у меня.

— Это вряд ли! Просто беги, Гаррет!

И мы побежали. С каждым разом трели становились ближе и громче. Звуки флейты подстегивали нас не хуже, чем боевой кнут-ламия. Кем бы ни была тварь, именем которой нас пугали по ночам в далеком детстве, бегала она быстро, гораздо быстрее, чем мы.

— Я... думал... они... все... давно... вымерли... или... вообще... сказка,— сипел Фонарщик.

Мумр выбросил свой мешок, сейчас ему хватало веса одного биденхандера. Но тяжелее всех приходилось Алистану Маркаузу. Наконец капитан гвардии не выдержал, отбросил в сторону шлем, затем щит, потом настал черед малой булавы. Из оружия у графа остались только меч и кинжал.

—Как... видишь... не... все,— прохрипел Кли-кли.— Этот... вполне... жив... и голоден. Он... не... сказка...

— Почему мы... бежим? — задыхался я.— Еще три минуты такого бега, и я сдохну.

— Чтобы... не... съел... дурак! Ждем... когда... Миралисса... сотворит заклятие!

«Быстрей бы! — подумалось мне.— Сагот, если ты меня слышишь, поторопи ее!»

Деревья слились в одну темную мелькающую полосу. Мир сузился до узкой тропки, спины Кли-кли, хрипа, вырывающегося из моей груди, бормотания Миралиссы и воплей Х'сан'кора, вышедшего на охоту. Пот застилал глаза, волосы прилипли ко лбу, хотелось остановиться, упасть и умереть прямо здесь. Но все бежали, и мне не оставалось ничего другого, как бежать вместе с ними.

— Брось... мешок... оба, — скрипуче посоветовал Кли- кли.

Я с облегчением отбросил его мешок в сторону, затем скинул со спины свой, и бежать стало значительно легче. Еще бы сбросить ко-

льчугу, но для этого надо остановиться, а остановка сейчас — это прямой путь в желудок твари.

Трель флейты... и ровно через секунду ей ответила другая.

— Их двое! — взвизгнул Кли-кли.

В этот самый момент Миралисса закончила бормотать, и кусты справа от дороги раздвинулись в сторону, открывая проход.

— Туда! — выдохнула эльфийка.

Нас не надо было уговаривать дважды. Кусты, как только мы сошли с тропы, сдвинулись за нами, примятая трава волшебным образом распрямилась, как будто ее и не топтали наши ноги. Отряд оказался в ельнике, где нас окружил густой мрак. Мигнуло, и по телу забегали мелкие мурашки.

— Теперь мы невидимы, но не стоит рисковать, ложитесь! — приказала Миралисса.— Кли-кли, твой народ знает защитные заклятия, на Х'сан'кора магия эльфов практически не действует. Помогай!

— Я не умею,— заныл испуганный гоблин.— Только самую малость, что дедушка научил!

— Делай, что можешь! — яростно прошипела эльфийка, распыляя по воздуху какой-то порошок.

Кли-кли кивнул и закрутился волчком. Прошло десять долгих секунд, и гоблин рухнул на траву, а мир на краткий миг полыхнул розовым. Не знаю, что это было, но Миралисса одобрительно кивнула:

— Хорошо, а теперь не шевелитесь и даже не дышите. Сейчас для Флейты вы всего лишь корни деревьев. По крайней мере, на минуту...

Последние слова она пробормотала тихо-тихо.

Вляпались мы знатно.

О Х'сан'корах практически ничего не известно, что вполне естественно — те, кто с ними встречается, обычно ничего никому не рассказывают (по причине внезапной кончины). Так что все, что мы имеем об Ужасных флейтах,— это страшные легенды эльфов и гоблинов о таинственных чудовищах леса да несколько гравюр с изображением трупов Флейт (я лично до сих пор не представлял, как выглядит эта тварь).

Два обнаруженных тела Х'сан'коров особо храбрые трапперы, забредающие в глубину Золотого леса, продали за бешеные деньги (одно тело досталось Ордену, другое купил какой-то коллекционер). Да еще, лет триста назад, один особо храбрый и глупый барон Приграничья устроил на Х'сан'кора охоту. Половина отряда полегла, но тварь удалось захватить живьем. Пока к барону спешили пустившие слюну маги Ордена, Флейта не стал ждать, проломил клеть, куда его по глупости усадили, и перебил весь замок вместе с сосед-

ней деревушкой. А затем дождался магов и прикончил почти всех. Оказалось, что на тварь совершенно не действует боевая магия, поэтому лишились трех адептов и семи аколитов. Счастье, что среди орденских был архимаг, который и прибил чудовище, обрушив ему на голову близлежащую мельницу.

Но это дела давно минувших дней. Рядом с нами не было ни находчивого архимага, ни лишней мельницы. Сейчас мы лежали на земле, не шевелясь и едва дыша. Вновь раздалась трель флейты. Ох, как близко, тьма меня разбери! Первой флейте тут же ответила вторая.

— Я бревно, я невидим,— тихонько зашептал я. Волосы на голове со страху встали дыбом.

Кли-кли пребольно пнул меня ногой и приложил палец к губам. Я моргнул глазами, мол, понял, затыкаюсь.

Из нашего укрытия открывался великолепный вид на тропинку. Ночная тишина то и дело прерывалась трелями, и оставалось лишь молиться Саготу, чтобы нас не заметили.

— Они кого-то гонят! — прошипел Мумр и тут же заработал болезненный тычок от Угря.

То, что я увидел через мгновение, осталось в моей памяти навечно.

По тропинке бежал человек. Даже не бежал, а летел, вкладывая в бег все свои силы. Неизвестный едва касался ногами земли, он огромными скачками убегал от преследующих его чудовищ. Вот его сапог задевает землю, толчок, человек пролетает добрых три ярда, вновь касание земли и вновь длинный скачок. Могу поспорить, при сильном желании парень способен бежать наравне с лошадью. Серый плащ развевался за его спиной, как крылья ночной птицы, лицо скрыто капюшоном. В руках человек держал копье с черным древком и очень широким листовидным наконечником.

За четыре секунды человек появился, пробежал мимо нас и исчез за деревьями.

А потом пришли они.

Вновь запела флейта, и из-за поворота выскочило существо. Оно пробежало настолько быстро, что я даже не успел разглядеть его — росчерк красно-черно-зеленого с нелепо длинными ногами и руками. Миг — и тварь уже исчезла. Х'сан'кор был слишком увлечен преследованием добычи, чтобы обратить на нас внимание, к тому же благодаря Миралиссе и Кли-кли мы на какое-то время стали невидимы для его глаз.

Опять прозвучала флейта, говоря, что она уже близко, и пробежавший мимо нас Х'сан'кор ответил ей.

Вторая тварь выскочила на тропинку, неожиданно споткнулась и остановилась прямо напротив того места, где мы прятались. Глаза, пылающие лиловым огнем, обратились в нашу сторону. Я вжался в землю. Теперь это существо можно было очень хорошо рассмотреть.

Высокая, в три человеческих роста фигура казалась нелепо худой, длиннющие ноги и руки, голова на точно такой же, как и тело, худой шее. Башка у Х'сан'кора больше всего была похожа на причудливый лягушачий череп, обтянутый кожей.

Я не увидел у твари ни шерсти, ни чешуи, вся кожа была размалевана в красно-черно-зеленую полоску. Нос — черная впадина, огромные, на полморды, глазницы лилового пламени, короткие витые рога на голове, рот... Отчего-то я думал, что в нем будет много зубов, но, когда тварь раздвинула губы и оскалилась, я с удивлением обнаружил, что в пасти у нее не больше пяти кривых желтых пеньков. Никакой брони или одежды, зато в правой когтистой лапе нечто похожее на шипастую дубину, а в левой... в левой Х'сан'кор держал брошенный мной не далее как пять минут назад мешок.

В животе зашевелились ледяные черви. Оно не может нас увидеть! Оно не должно нас увидеть!

Тварь поднесла мешок к носу, понюхала, фыркнула и отбросила его в сторону.

Где-то в отдалении прозвучала победная мелодия флейты, видно, первая тварь наконец настигла человека. Х'сан'кор, нюхавший воздух, отвлекся, склонил голову набок и стал вслушиваться в призыв товарища. Победная трель сменилась ревом боли, а затем в ночном лесу наступила оглушающая тишина.

Было слышно, как колотится сердце лежавшего рядом со мной Фонарщика. В голове бился только один вопрос: почему тварь так сильно орала? Видно, этот вопрос мучил не только меня, Х'сан'кор сделал несколько неуверенных шагов по тропинке туда, откуда донесся рев...

Вдруг мир вновь мигнул розовым, колючие мурашки, беспрестанно бегающие по телу, пропали, заклинания Миралиссы и Кли-кли исчезли, и... чудовище увидело нас. Тварь с грозным рычанием двинулась вперед, ломая кустарник.

— Рассыпаться! — Миралисса уже была на ногах.— Нападать на него со всех сторон, разом!

Ну и перепугался же я в этот момент! Эльфийка пела заклятие, воины подались назад, завлекая Х'сан'кора, а я смотрел, как к нам приближается эта похожая на ожившую смерть тварь. Лиловое пламя в глазах Флейты горело голодным огнем.

Взвизгнула стрела Эграссы, и я пришел в себя.

— Стреляй, Гаррет! — крикнули мне.

Я попал, болты угодили точнехонько в грудь лесного чудовища, и я стал перезаряжать арбалет, теперь уже ледяными болтами, потому как от обычных никакого толку не было. Тварь их даже не почувствовала, впрочем, как и стрелы эльфа. В чудовище их уже было штук шесть, но оно не испытывало от этого никаких видимых неудобств.

Перед Х'сан'кором полыхнула зеленая стена (точно такая же, как та, что сотворила Миралисса в гнезде слуг Неназываемого). Х'сан'кор остановился, взревел так, что у меня заложило уши, и грохнул дубиной по волшебной преграде. Видать, дубина твари оказалась непростой, потому как стена довольно заметно прогнулась.

— Я не удержу его долго! — закричала эльфийка.— Эграсса, Гаррет! По глазам! Выбейте их ему!

К этому моменту на Х'сан'коре уже не было живого места, эльф утыкал тварь стрелами по самую макушку. Чудовище сделало шаг назад, а затем с ревом вновь атаковало стену. Эльфийка застонала от напряжения, пытаясь удержать преграду. Я разрядил арбалет в тварь, ледяные болты звонко разбились, не причинив врагу никакого ущерба.

— На него не действует боевая магия! — Кли-кли бросил первую пару метательных ножей.— Обычными! По глазам!

— У меня стрелы кончились! — крикнул Эграсса.

Вновь рев, удар, вспышка стены и сдавленный стон Миралиссы.

— Возьми мои! — Эльфийка отчаянно шептала новое заклятие.

Эграсса бросился к ней, Кли-кли расстался с еще одним ножом, Халлас колдовал над небольшим костерком. Чего он делает, тьма его забери?!

Перезарядка, рычаг на себя, прицелиться в лиловое пламя... Похоже, Х'сан'кор прекрасно понимал человеческую речь. Он увидел, что я целюсь в его самое уязвимое место, прекратил штурмовать стену, отделяющую нас от него, и в тот момент, когда я нажал на оба спусковых крючка,.закрыл глаза лапой.

Чпок! Чпок! Оба болта попали в ладонь. Тварь нехорошо глянула в мою сторону, обещая тысячелетия мучений, как только она до меня доберется, и как заведенная шарахнула дубиной по стене. Та издала жалобный стон, но выдержала и на этот раз.

Треньк, треньк! Вновь запела тетива эльфийского лука. Одна стрела попала в пасть, другая застряла в голове, только каким-то чудом разминувшись с глазом. Тварь сунула лапу в рот, выдернула стрелу и вымолвила какую-то погань на корявом и совершенно непонятном языке. Очередная стрела, выпущенная Эграссой, сгорела

в воздухе, так и не долетев до цели. Такая же участь постигла мой болт.

Этот гад еще и колдовать умеет?!

— Бесполезно! — Эльф убрал лук и обнажил с'каш.

Кли-кли выл и крутился волчком, творя заклятие. Миралисса закончила шаманство, и в свете луны и отблесках костерка гнома вся ближайшая трава поднялась в воздух, собралась в одном месте, сложилась в лезвие огромного ножа и ударила в грудь Флейты.

Не подействовало. Нож упал и рассыпался безобидной травой. Алистан Маркауз выругался, чудовище издало победный хохоток и обрушило дубину на едва державшуюся стену.

Бах-бах! Два выстрела из пистолей слились в один и отвлекли Кли-кли от заклятия.

Халласа окутало вонючим пороховым дымом. Левый глаз твари лопнул и погас. В реве врага смешались боль и ярость. Второе попадание пришлось несколько ниже, пуля пробила шею. Тело Х'сан'кора и так было черным от текущей из десятков ран крови, а теперь из его шеи упругими толчками выходила жизнь. Гном молодец, он вовремя сообразил, что поставленное Флейтой заклятие может действовать на стрелы и арбалетные болты, но ядра, или пули, как называет их Халлас, могут пройти магическую преграду. Так и случилось.

Бах!

Гном великолепно владел оружием, и теперь погас правый глаз чудовища. Но, вопреки моим ожиданиям, Х'сан'кор все еще твердо стоял на ногах. Ослепший, да еще и воющий, как сотня поджаривающихся на сковородке грешников, он обрушился на стену.

Она вспыхнула в последний раз и лопнула, разлетевшись тысячью зеленых осколков. Я думал, от звона у меня голова взорвется. Миралисса беззвучно осела на землю. Три ели, находящиеся рядом с уничтоженной стеной, вспыхнули зеленым пламенем. Деревья горели от земли до самой верхушки, освещая лес зеленым светом.

Делер вопил и катался по земле, его куртка вспыхнула. К карлику бросился Угорь и принялся сбивать пламя с его спины. Огонь ревел и пожирал деревья, Х'сан'кор пронзительно визжал и слепо размахивал перед собой дубиной, надеясь задеть кого-нибудь из нас.

— Все назад! Валите отсюда, живо! — заорал Халлас.

Угорь помог Делеру подняться, и они побежали в глубь леса. Алистан и Эграсса подхватили лежащую Миралиссу и потащили ее подальше от чудовища. Я улепетывал следом за всеми, сейчас не было времени рассуждать, что к чему, у гнома в рукаве мог быть припрятан очередной сюрприз.

— На землю! — донесся до нас крик Халласа, и все как один послушно упали.

— Ко мне, ублюдок! Иди сюда!

Гном рядом с воющим Х'сан'кором казался мелкой букашкой.

Тварь слепо била по земле дубиной и шла на голос.

— Ну? Я здесь! Поймай меня, рогатая сволочь!

Х'сан'кор что-то прорычал, и его оружие разметало ближайшую молодую елочку на миллион щепок. Когда Флейта поравнялся с разведенным костром гнома, Халлас что-то швырнул в огонь и со всей поспешностью своих коротких ног бросился прочь.

От ослепительной вспышки, озарившей лес, я на миг перестал что-либо видеть. Затем раздался оглушительный хлопок, пламя взметнулось к самому небу, и земля ощутимо вздрогнула.

Когда яркие пятна исчезли из глаз, передо мной предстала картина разрушений, причиненных неизвестным оружием Халласа. Ели продолжали гореть, и света было предостаточно — можно разглядеть творящееся вокруг нас. Счастливчик стоял на четвереньках и отчаянно тряс головой. Лицо гнома оказалось залито кровью, борода опалена. На том месте, где совсем недавно горел костер, появилась яма. Рядом с ней лежал Х'сан'кор, взрывом ему оторвало обе ноги, но, несмотря на это, тварь пыталась дотянуться лапой до дубины.

— Живучая сволочь! — произнес Мумр, поудобней перехватывая рукоять меча.

— Отрубите ему голову! — крикнул откуда-то сзади Эграсса.

— Гаррет, позаботься о Халласе! — приказал Делер, поднимая секиру.

Угорь, Делер, Алистан Маркауз и Фонарщик бросились к Х'сан'кору.

— Ты в порядке? — Я помог гному подняться.

— Я ни хрена не слышу, Гаррет! — проорал гном и затряс головой.— Ни хрена! Куда ты меня тащишь?!

— Подальше!

— Чего?! Говори громче!

— Подальше отсюда!

— Я сам идти могу!

— У тебя все лицо в крови!

— Кто?! А! Задело! Царапина!

Между тем Алистан подскочил к чудовищу и изо всех сил вонзил ему в грудь меч. Тварь взревела и слепо отмахнулась рукой. Удар пришелся в нагрудник милорда Алистана и сбил графа с ног.

Мумр взмахнул биденхандером и остановил повторно опускающуюся на милорда руку. Меч перерубил Х'сан'кору запястье, и кисть повисла на лоскуте кожи. Тем временем Угорь всадил «брата»

и «сестру» в другую руку, пригвоздив ее к земле, а Делер, широко размахнувшись, вбил лунообразное лезвие секиры Х'сан'кору в лоб.

Тварь ревела, выла и размахивала обрубком, из которого хлестала кровь. Мумр подлетел к обездвиженной Угрем руке и, хакнув, тремя ударами перерубил ее возле самого плеча.

— Умри! Умри! Да умри же ты, сволочь! — Карлик обрушил на голову Х'сан'кора град ударов.

Тяжелое оружие крушило плоть и ломало кости. Флейта дергался, хрипел и... жил. Кто бы ни создал эту тварь на самой заре времен, но живучестью он наделил ее отменной, любой х'варр лопнет от зависти.

В груди у Х'сан'кора клокотало, Алистан Маркауз решил не церемониться и превратил ее в решето. Изо рта чудовища доносились хрипы и невнятные обрывки фраз. По-моему, оно решило осчастливить нас новым заклятием. Так думал не только я.

— Да отрубите же ему башку наконец! — пронзительно взвизгнул Кли-кли.

— Гаррет, где моя мотыга? — Халлас зажимал левой рукой рассеченную бровь, а правой пытался оттолкнуть меня.

— Успокойся, они сами справятся!

— Как же, справятся! Башку долой, тупицы!

— Делер, справа! — рявкнул Мумр, раскручивая Биденхандер над головой.— Угорь, милорд! Отрубите ему культю, чтоб не дергался! Начали! И э-э-эх!

Биденхандер рухнул на шею чудовища. Затем секира. Потом снова двуручник. Карлик и человек работали, как заядлые лесорубы. Наконец Делер в третий раз опустил секиру, и Х'сан'кор замолк. Теперь уже навечно.

— Штихс фаста райк! — выругался на гномьем языке Делер и вытер рукавом пот со лба.— Запарились! Халлас, ты как?

—Что?! Жив. А твоя спина?

—Куртка сгорела,— скорчил физиономию карлик и закинул секиру на плечо.

Ели все еще продолжали гореть, но зеленое пламя уже успело смениться обычным, немагическим.

— А скажи-ка мне, друг Халлас, что это ты в огонь бросил? — задумчиво спросил у гнома Кли-кли, изучая образовавшуюся в земле яму.

— Громче говори!

— Что в костер кинул?!

— Много будешь знать — быстро помрешь,— отрезал гном.— Рог с порохом, вот что! Из-за этой страхолюдной паскуды у меня осталась заряженной только одна пистоль! Ладно... Шут с ней, с писто-

лью! Главное, что все живы. Скажу ребятам в Великане, что Х'сан'кора завалил, так они ведь не поверят!

— Это ты-то завалил? Если б мы с Фонарщиком не оттяпали ему голову, то плакала бы твоя опаленная бороденка! — Делер не собирался оставаться в стороне от такого подвига.

— Вы не забыли о первом чудовище, милорд? — спросил я у Алистана Маркауза.— Где-то там, впереди, точно такое же, только, в отличие от этого, оно живехонько!

— Думаю, о той Флейте нам не стоит больше беспокоиться, Гаррет,— тихо вымолвил Эграсса.— Будь Х'сан'кор жив, он бы уже пришел на шум, что мы здесь устроили.

— Неужели человек убил его? — Халлас не мог поверить в такое.

— Видимо, да.

— Значит, он еще опаснее Флейты,— заключил Угорь.— Что с леди Миралиссой?

Вопрос гарракца повис в воздухе, все смотрели на эльфа, который все это время оставался с эльфийкой.

—Теперь уже ничего,— ответил темный и убрал с'каш за спину.

Глава 3
У ВРАТ

Нам потребовался час, чтобы сложить погребальный костер. Деревьев вокруг было много, и секира Делера поработала на славу. Да и остальные ненамного отстали от карлика. Теперь груда дров, на которую положили Миралиссу, не уступала размерами погребальному костру, который мы сложили, когда умер Элл. Рядом с эльфийкой лежали ее с'каш и лук. Эграсса оставил себе только колчан.

Когда эльф подвел нас к Миралиссе, никто не поверил, что эльфийка умерла. Казалось, что она просто спит или отдыхает, закрыв глаза. Никаких ран, кольчуга из голубоватой стали осталась целой. И лишь когда мы подняли девушку, чтобы отнести на костер, из ее правого уха вытекла одна-единственная капелька крови.

Миралиссу убило ее же шаманство. В тот момент, когда под напором Х'сан'кора лопнула и разбилась магическая стена, лопнула и разбилась нить жизни эльфийки. Принцесса дома Черной луны полностью вложила себя в магию, и сила отката заклятия не оставила ей никаких шансов остаться в живых.

Когда волшебное пламя костра превратилось в дикого ревущего дракона, грозившего сжечь луну и звезды, а Миралисса навсегда скрылась в рыжих языках пламени, Эграсса запел погребальную песню.

Огонь яростно ревел, принимая душу Миралиссы, провожая ее в свет, но голос эльфа перекрывал этот рев. Отблески костра плясали на лицах воинов, молчаливо наблюдающих за беснующимся пламенем.

Халлас и Делер сейчас казались братьями — оба мрачны и молчаливы. Алистан Маркауз крепко стиснул зубы и сжал кулаки. Как всегда бесстрастный Угорь — на его лице ни тени эмоций, лишь в глазах цвета стали плещется усталость. Фонарщик опирался на биденхандер и с прищуром смотрел в огонь. Кли-кли, рыдающий в три ручья и размазывающий слезы по щекам. И я...

Какой?

Наверное... опустошенный... и... очень уставший. Сейчас мне не хотелось ни-че-го.

— Кли-кли, прекрати рыдать.— Эграсса закончил песню.

— Я не рыдаю,— сдавленно прохныкал гоблин, стараясь скрыть от нас свои слезы.

— Я что, не вижу?

— Говорю же, что не рыдаю, значит, не рыдаю!

— Она знала, что делала. Утешься тем, что, не продержи кузина стену так долго, мы все стали бы мертвецами.

— Но...

— Она истинная дочь дома Черной луны и сделала это, чтобы мы завершили то, зачем сюда пришли. У нас, эльфов, совершенно другое отношение к смерти. Она погибла не зря, и хватит об этом!

Гоблин поспешно кивнул и высморкался в огромный носовой платок.

Мы продолжили путь, когда от костра остались лишь одни угли.

До рассвета оставалось не больше двух часов, и Эграсса, не считаясь с усталостью, вел нас вперед.

Я до сих пор не верил, что мы потеряли Миралиссу. Кто угодно, но только не она. Я отчего-то считал, что с ней мы дойдем до самого конца. Но, как говорится, человек предполагает, а боги располагают. Пепельноволосая эльфийка с вечно вежливой полуулыбкой на иссиня-черных губах и загадочными желтыми глазами навсегда ушла от нас, исчезнув в огне.

Теперь мы продвигаемся к Храд Спайну лишь благодаря знаниям эльфа и в меньшей степени гоблина. Не будь их с нами — отряд заплутался бы в лесах и нипочем не нашел бы могильники, даже будь они в ста ярдах от нас.

С гибелью Миралиссы мы понесли еще одну невосполнимую потерю — практически лишились магической защиты. Да, Эграсса кое-что умел, но это «кое-что» ограничивалось поверхностными

знаниями, которыми обладает любой из правящей семьи дома темных эльфов. Эльфийка тоже не являлась полноправной шаманкой, но ее умения были не в пример глубже, чем у Эграссы.

Был, конечно, еще Кли-кли — несостоявшийся ученик деда-шамана, но ему в этом вопросе вообще не стоило доверять, иначе можно оказаться с поджаренными пятками в самый неподходящий момент. У нас уже были прецеденты, когда благодаря гоблинским знаниям магии отряд едва не отправлялся к богам. Лично мне больше рисковать не хотелось.

Когда мы покидали пепелище погребального костра, гоблин вытащил из тела расчлененного Х'сан'кора метательные ножи и напоследок зло пнул отрубленную голову. Я поднял брошенный чудовищем мешок.

Сейчас Кли-кли плелся впереди меня и все еще продолжал хлюпать носом.

—Ты как? — участливо спросил я у гоблина.

— В порядке,— гнусаво сказал он и украдкой вытер слезы.— В полном порядке.

— Мне тоже жаль, что она погибла.

— Угу. Почему так происходит, Гаррет?

— Не знаю, дружище, из меня не очень хороший утешитель. На все воля богов.

— Богов? Эта шайка существует здесь только благодаря тому, что какой-то Танцующий создал этот мир и разрешил им здесь поселиться! — Он вздохнул.— Ладно, не будем об этом.

Танцующий...

Это мое проклятие. По словам гоблина, я тоже Танцующий в тенях. По крайней мере, так говорит знаменитая Книга Пророчеств гоблинских шаманов. Не знаю, с чего он взял, что я Танцующий (первый за последние десять тысяч лет), но доказывать гоблину, что ты не баран, все равно что заставить солнце повернуть вспять.

Ни первое, ни второе невозможно. Так что иногда шут называет меня Танцующим в тенях. Я полмесяца пытался вытрясти из него, кто же такой этот Танцующий и что ему следует делать. Наконец проклятущий маленький мерзавец сдался и выдал старую байку своего придурковатого племени.

Вроде бы раньше существовал мир Хаоса, первый и единственный мир Вселенной, в котором и жили люди. Некоторые из них обладали странными свойствами творить новые миры. Для этого нужна была любая тень мира Хаоса.

Таких людей прозвали Танцующими с тенями. Они строили тысячи тысяч миров и в итоге достроились до того, что в мире Хаоса почти не осталось этих чудодейственных живых теней, и Хаос умер.

Но суть не в этом. Просто если гоблинская теория не врет, то и наш мир сотворил кто-то из Танцующих с тенями. Парень, видать, был немного безумен, иначе отчего наш мир вышел таким препоганейшим?

Что до меня — так я никаким Танцующим себя не ощущал, чего бы там ни талдычил Кли-кли. Хотя было бы неплохо создать собственный мир, где появятся горы золота и не будет сволочных стражников, их охраняющих. Но тут я ничего не могу поделать, так как для создания нового мира нужны тени Хаоса.

А, тьма! Кто разберет эти гоблинские предания?!

Эграсса неожиданно вскинул вверх руку, призывая остановиться. Еще один едва заметный жест, и все потянулись за оружием. Эльф с наложенной на тетиву стрелой сделал шаг вперед и в сторону, пропуская воинов.

Тропа привела нас на небольшую лесную поляну. Здесь находились двое. Х'сан'кор, распоротый от шеи до паха и выпотрошенный, словно рыба на рынке, и разорванный человек в сером плаще. Ноги и нижняя часть туловища лежали рядом с Х'сан'кором, а верхняя половина оказалась отброшенной на несколько десятков ярдов.

— Оба мертвы,— заключил Алистан Маркауз, вгоняя меч в ножны.

— Как же несет от его потрохов! — скривился Халлас, закрывая рот и нос рукавом рубахи.

Гном прав: от мертвого Х'сан'кора воняло похуже, чем от сотни разлагающихся на жаре мертвяков.

— Да-а-а,— протянул Фонарщик,— знатно парень тварь выпотрошил. В одиночку прибить Флейту — это даже не сказка, это...

— Легенда,— подсказал воину Угорь, внимательно рассматривая место, где произошел бой.— Прибить-то он прибил... но посмотрите на следы... Эграсса?

— Да, он вспорол ему брюхо вот этим.— Эльф держал в руках черное копье незнакомца.— Но его это не спасло. Даже смертельно раненное чудовище опасно. Умирая, он успел разорвать человека на две половины.

— Один удар на один удар,— пробормотал Угорь, разглядывая примятую траву.

— Ты о чем? — спросил милорд Алистан.

— Каждый из них нанес всего лишь по одному удару, милорд. Вот видите эти отметины на траве? Хоть я и не Кот, но вполне могу разобраться. Все закончилось очень быстро. Человек шагнул, ударил снизу вверх и вывалил Флейте все потроха.

— Он должен был быть очень быстр, чтобы совершить такое. Двигаться столь же проворно, как и Х'сан'кор,— не веря словам Угря, сказал Делер.— Люди на такое не способны.

— Ты видел, с какой скоростью этот серый пробежал мимо нас? И видишь, что он сотворил с тварью? Так какого же рожна тебе еще надо? — спросил у Делера Халлас.

— Не знаю,— неохотно буркнул карлик.— Просто что-то не верится.

— Но это так,— продолжил Угорь.— Парень убил тварь, но с Х'сан'кором он встретился впервые, и незнание повадок чудовища его погубило. Он думал, что нанес смертельную рану и потерял бдительность. Флейте, прежде чем умереть, хватило секунды, чтобы разорвать своего убийцу.

— А ну-ка, Делер, рубани с его башки рога.— Халлас задумчиво поглаживал рукоять любимой мотыги и смотрел на мертвую тварь.

— Чего? — удивился карлик.

— Того! У тебя в руках секира или палка? Руби ему с башки рога!

— Зачем, забери меня тьма?!

— А затем! Знаешь, сколько стоят рожки Х'сан'кора?

— Не знаю, их еще никому не продавали.

— Во-во! Именно что не продавали! Они бесценны! Вот и думай, сколько нам золотых за такое чудо тот же Орден, гори он в бездне, отвалит! Представляешь, купим сотню бочек самого дорогущего эльфийского вина, ту же «Янтарную слезу» к примеру.

— Лопнешь, Халлас,— подтрунил над гномом Фонарщик.

— Не лопну. Я же не только для себя куплю! Отвезем к Одинокому Великану, пора забить наши погреба хорошим вином.

— Великану, говоришь? Вино, говоришь? Что же, давай попробуем! — Делер поплевал на ладони и взялся за секиру.

— Эх! — между тем сокрушался Халлас.— Надо было и у первой твари рога повыкорчевать!

— Гаррет! — Кли-кли глазами указал на тело человека.

—Зачем? — Я понял, что задумал гоблин.

— Я хочу увидеть его лицо. Угорь, ты с нами?

— Идем,— односложно ответил Дикий.

Человек лежал лицом вниз, раскинув руки.

— Гаррет,— опасливо начал Кли-кли,— переверни его.

— Сам переворачивай.

— Эй, Мумр! — гаркнул Угорь.— Зажги факел и дуй сюда!

— Сейчас!

— Гаррет, оттого, что ты стоишь, покойник не перевернется.— Кли-кли нетерпеливо переминался с ноги на ногу, как будто ему приспичило отойти в кустики.

— Вон пусть Угорь его переворачивает,— попытался снова отказаться я.

— Даже не подумаю. Мне он и задаром не нужен. Кстати, это, видимо, тот парень, о котором нам говорил флини,— ответил Угорь.

Как какая-нибудь грязная работа (ну там слазить в Храд Спайн за Рогом Радуги или покойника перевернуть), так сразу все вспоминают о Гаррете. С чего бы это?

Я со вздохом сделал то, что меня просили, а тут как раз подоспел Фонарщик с факелом.

— Чего вы, покойников не видели? — недовольно проворчал он.

— Поднеси факел поближе,— вместо ответа сказал Кли-кли.— Капюшон с него стяни, Гаррет.

Я сделал то, что просил гоблин, и мы увидели лицо убитого. Вот уж ожидал чего угодно, но только не того, что воин окажется молоденьким пареньком. Ему с очень большой натяжкой можно было дать лет восемнадцать, не больше.

Бледное, бескровное лицо, тонкие посиневшие губы, каштановые волосы, прилипшие ко лбу. Серый порванный плащ, грубая рубаха из некрашеной шерсти. На грудь свисает толстая серебряная цепь. На цепи дымчатый кристалл продолговатой формы.

Я наклонился над мертвым, стараясь рассмотреть загадочный камень.

— Кли-кли, живо зови Эграссу! — неожиданно произнес Угорь.

—Зачем? — изумился гоблин.

— Не нравится мне все это — его разорвали на две половинки, а вокруг ни капли крови.

И тут мертвец, от тела которого осталась лишь верхняя половина, распахнул глаза. Его рука метнулась ко мне со скоростью змеи и вцепилась в ворот куртки.

—Вы не должны... брать Рог... равновесие может быть... нарушено!

Я попытался вырваться, но рука держала крепко. Серые глаза смотрели прямо на меня, зрачки у парня были размером не больше булавочных головок...

Покойник ожил! Но не это меня ужаснуло. У человека (а перед нами лежал именно человек) во рту блестели тонкие белые клыки.

— Не берите... слышите? Равновесие...— просипел парень.

Кто-то с силой рванул меня за плечи, и рука незнакомца разжалась. Кли-кли орал и звал Алистана и Эграссу.

— В порядке, Гаррет? — спросил Угорь.

— Да.— Я старался, чтобы мой голос не дрожал.

Подбежал эльф:

—Что тут у вас?

— Он ожил и схватил Гаррета! — затараторил Кли-кли, испуганно кивнув на человека.

— Не пори чушь, шут,— нахмурился милорд Маркауз.— Его разорвало на две части, как он мог его схватить?

— Это правда, милорд,— подтвердил я слова Кли-кли и заработал недоверчивый взгляд капитана гвардии.

— Ничего удивительного, они говорят правду.— Эграсса встал перед телом на колени.

— Осторожнее! — предупредил эльфа Фонарщик.

— Не беспокойтесь, он мертв.— Эльф бесстрастно заглянул в глаза незнакомцу.

Эграсса был прав, глаза воина уже подернулись поволокой смерти и остекленели.

— Как он мог прожить столько времени? — все еще не веря своим глазам, произнес Алистан Маркауз.

— Очень просто, смотрите.

Эльф без всякой брезгливости приподнял верхнюю губу человека. Мне не показалось — у парня действительно были тонкие словно иглы клыки.

— Это уже слишком,— потрясенно выговорил капитан.

— Но это действительно так.

— ...В одну ночь встретить Х'сан'кора и...— Маркауз запнулся.

— Что вас так смущает? Вампира, милорд. Именно вампира.

— Вампиров не существует! — презрительно фыркнул Халлас, вертя в руках отрубленный рог Флейты.— Это такая же сказка, как...

Гном посмотрел на рог, смутился и заткнулся.

— Сказка? Тогда кто меня схватил? Привидение? — Мое сердце до сих пор еще бешено колотилось.

— Вампиры существуют, и, если вы их не видели, это ничего не значит. Вот почему ему удалось так лихо расправиться с Флейтой и выжить до нашего прихода.— Эграсса осторожно ощупал клыки вампира.

— Гаррет, он тебя не цапнул? — ни с того ни с сего спросил у меня карлик.

Я машинально поднес руку к шее.

— Нет. Я в порядке.

— Милорд Алистан, а может, мы этого... вампира вашего... колом осиновым проткнем для острастки?

— Он мертв, не говори ерунды,— ответил вместо Алистана Угорь.

— Пока мертв, а потом как вскочит и начнет кровь сосать!

— Халлас, ты наслушался сказок. Вампиры почти как люди, просто они быстрее, сильнее и пьют кровь. Убить их можно обычной

сталью, а уж никак не осиной, серебром, чесноком или солнечным светом. Все это вопиющая чушь, равно как и превращение вампира в туман или летучую мышь. Так! А это что?!

Эграсса увидел кристалл и, сняв его с тела, показал нам.

— Милорд?..

— Это уже становится полным абсурдом! — покачал головой капитан.

—Что за штука?—полюбопытствовал Фонарщик, смотревший на дымчатый кристалл как на ядовитую змеюку.

— Это знак отличия Ордена Серых,— ответил товарищу Угорь.

Халлас вроде бы потрясенно крякнул. Делер присвистнул и, сняв шлем, почесал затылок.

Орден Серых.

Я мало, что знаю о нем. Да, впрочем, как и все присутствующие. Все мои знания основаны на тихих разговорах в тавернах, непроверенных слухах и книге моего учителя Фора, в которой о Серых был всего лишь небольшой отрывок.

Далеко в Холодном море есть остров, который народная молва прозвала островом Серых. Он защищен магией, и никакой корабль не может пристать к нему без желания хозяев. Маленький клочок суши получил свое название благодаря тому, что на нем расположился Орден Серых.

Говорят, что они — великие и непобедимые воины. Их готовят с самого раннего детства, и ходит слух, что Серый в одиночку может выйти против пятнадцати опытных воинов и без всякого труда отправить их во тьму. Конечно же в каждой таверне найдется умник, который лично встречался с таинственным воином, и если этому умнику еще подлить в рюмку побольше, то он вам расскажет полную ярких красок историю, как Серый перебил сотню рыцарей, а потом победил еще и дракона.

Сколько в этих слухах правды, а сколько лжи, я не знаю. Но даже самый глупый слух и самая сказочная история имеют в своей основе зерно истины.

Еще говорят, что Серые — хранители равновесия на Сиале. Они покидают остров, только когда миру грозит нешуточная опасность, способная поколебать весы равновесия в ту или иную сторону. Если говорить простыми словами (хотя это и неправильно), Серым неважно, куда перекашивается мир — к добру или к злу, на белую или темную половину.

Они хранят равновесие и в той или иной ситуации встают на более слабую сторону. Когда выигрывает добро, они рядом со злом, когда зло — они рядом с добром. Им безразлично, какие цели или идеалы вы преследуете и чего хотите — мира во всем мире или зла

во Вселенной. Если вы угрожаете равновесию, вас попытаются убедить остановиться. Если убеждения не помогут, то... Серые слывут опасными бойцами и великолепными магами, и они найдут для вас другие способы убеждения. Орден таинственных воинов вне стремлений и вне сторон. Он не белый и не черный.

Он Серый.

— Вы уверены, что это всамделишный Серый? — потрясенно спросил Халлас.

Эграсса встал с колен и бросил кристалл гному.

— Смотри сам. Такую цепь Орден Серых выдает всем своим воинам. Во всяком случае, так говорится в наших хрониках. Я за свою жизнь ни с одним из их братии не встречался.

— Выходит, что Серые — вампиры? — пискнул Кли-кли, с опаской посматривая на неподвижное тело.

— Нет... наверное. Как говорят, в их Ордене есть и люди, и эльфы, и даже орки. Отчего бы не быть и вампиру? — Эграсса пожал плечами.— Меня заботит другое: что этот парень делал в этом лесу?

— О нем нам рассказывал флини,— вновь повторил Угорь.— Вампир шел за нами.

— Знаю, но вопрос остается открытым. Что ему понадобилось от нас? Последний раз эти воины уходили с острова во время Войны Весны.

— Он что-то сказал Гаррету,— брякнул Кли-кли.

Все взоры обратились на меня.

— Что он сказал, вор?

— Что мы не должны брать Рог, иначе равновесие может быть нарушено,— вспоминая шепот незнакомца, совершенно искренне ответил я.

Над поляной повисла тишина.

— М-дя,— задумчиво протянул Кли-кли и почесал крючковатый нос.— Ты ничего, случаем, не перепутал?

Я бросил на гоблина раздраженный взгляд. За дурака он меня, что ли, принимает?

— Ладно, ладно! Верю! Значит, это не Серый. Не мог Серый такое сказать, ведь он на нашей стороне.

Услышав от Кли-кли такие слова, Делер не выдержал и заржал.

— Ты чего? — изумился гоблин.

— С чего это ему быть на нашей стороне, глупый гоблин? Он на стороне равновесия, и если то, что говорит Гаррет,— правда... ну, тогда нам очень повезло, что его прибил Х'сан'кор, иначе этот паренек попытался бы остановить нас любыми средствами. А я не настолько безумен, чтобы не понимать, что супротив Серого, и к тому же вампира, нам не выстоять. Нам очень повезло.

— Дурак ты, Делер,— обиделся Кли-кли.— Он должен был быть на нашей стороне. Когда Неназываемый придет из-за Игл Стужи и, не дай боги, пройдет Одинокого Великана, равновесие пошатнется, а мы ведь пытаемся этого не допустить...

— Этот — настоящий,— перебил шута эльф.

— Но тогда...— запнулся гоблин, покосившись на мертвеца.

— Тогда почтенный карлик прав и нам крупно повезло — вампир погиб, захватив с собой еще и Х'сан'кора.

— Как он нас нашел? Как Орден Серых узнал о том, что мы пытаемся достать Рог Радуги?

— Ты это у меня спрашиваешь, Делер? — усмехнулся темный.— Я знаю не больше твоего. У них свои способы узнавать тайны.

— Нам повезло, что он был один,— буркнул Алистан Маркауз.

— А если не один?

— Один, Гаррет, один,— успокоил меня Фонарщик.— Флини сказал...

Халлас громко фыркнул, показывая, как он относится к словам Аарроо.

— Серые ведь должны были знать, что мы хотим достать Рог из могильников, чтобы остановить Неназываемого,— гнул свое Кли-кли.— Почему же они думают, что если Гаррет достанет его, то равновесие окажется нарушено?

— Может, они знают то, чего не знаем мы, Кли-кли? — Я вспомнил свой сон-явь, когда из-за Рога Радуги в Авендуме появилась Запретная территория.— Ведь недаром же маги Ордена спрятали Рог в Костяных дворцах?

— Но если Серые так боятся появления Рога в мире... если он так опасен... может, не стоит его доставать? — неуверенно выдавил из себя Фонарщик.

— Мы слишком далеко зашли, чтобы теперь останавливаться,— возразил ему милорд Алистан.— Да и Орден Серых может ошибаться. До Храд Спайна полдня пути, неужели мы остановимся на границе, возле самых ворот?

—Милорд, не подумайте, я не трус, просто если пошел такой расклад и за нами прислали самого настоящего загадочного убийцу...

— Никто не считает тебя трусом, Фонарщик,— перебил его капитан.— Тебе не меньше моего известно, как нам нужен этот Рог. Эграсса, ночь была тяжелой, и все устали. Пора останавливаться на ночлег.

— Я уже думал об этом.— Эльф убрал кристалл мертвеца к себе в сумку и поднял с травы его копье.— Давайте пройдем еще ярдов пятьсот, не стоит ночевать рядом с мертвецами.

— Мы не будем его хоронить? — Угорь вопросительно смотрел на Маркауза.

— Нет,— хмуро ответил тот.— Иначе провозимся всю оставшуюся ночь, идемте.

— Лес позаботится о теле,— уверенно сказал Эграсса и пошел с поляны.

Маленький костерок, разожженный эльфом, весело трещал и плевался искрами в небо. Я так и не смог уснуть и просто лежал, наблюдая за холодным мерцанием звезд. Лучник, Рачий Хвост, Свинопас, Псы Сагры... Десятки созвездий смотрели на меня сквозь ветки деревьев. Корона Севера, растянувшись на половину неба, сияла Камнем, мерцая на небосклоне не хуже чем угли в костре.

Когда умирает эльф, на небе загорается новая звезда. Может, Эграсса и прав, поверье глупое, но сейчас я до рези в глазах вглядывался в ночное небо, стараясь рассмотреть звезду, которая должна была появиться после смерти Миралиссы.

Бесполезно.

Если звезда и появилась, то ее просто не видно из-за окружающих нас деревьев.

Падающая звездочка беззвучно рассекла ночное небо. Она пронеслась над моей головой и, в последний раз мигнув, скрылась за деревьями. Обычно когда видят падающую звезду, загадывают желание.

Чего бы я хотел?

Тех, кто умер в дороге, уже никогда не вернешь. Кот навсегда остался в Харьгановой пустоши возле старого оврага. Горлопан, пускай он и оказался предателем, в подвале близ Ранненга. Арнх, Дядька благодаря волшебству Лафресы — на дне Иселины. Сурок — в земле Пограничного королевства, пепел Элла стал частью реки, Миралисса упокоилась под тенью елей. Все они остались где-то там... позади. Они приложили все силы, чтобы довести меня до Заграбы, не щадя своих жизней, лезли в самое пекло... Так пусть же этот проклятый Рог Радуги попадет ко мне в руки, и Орден остановит Неназываемого. И еще... пусть больше никто из тех, кто сейчас спит возле костра, не умрет во время нашего путешествия.

Вновь холодная вспышка неба — и огненная полоса прочертила меж звезд новую огненную дорожку. Орки называют сентябрь Пор За'ралло, или месяцем Падающих Звезд.

Еще одна звезда.

Если долго-долго смотреть на небо, то за ночь можно увидеть десятки падающих звезд, которые могут стать нашими желаниями, пускай даже эти желания, скорее всего, никогда и не сбудутся.

Кто-то кашлянул.

Я повернул голову и увидел Делера. Карлик тоже не спал. Он, нахохлившись, сидел у костерка и неотрывно смотрел на пламя. Рядом тихонько посапывал Халлас, подложив под голову мешок товарища.

Я встал, осторожно перешагнул через Фонарщика и подошел к Делеру.

—Не спится?

Он оторвался от созерцания пляшущего пламени и посмотрел на меня:

— Шел бы спать, пока у тебя есть такая возможность, это мне еще час на страже стоять, пока борода не встанет.

— Не могу уснуть,— сказал я, присаживаясь рядом.

— Вполне тебя понимаю. После такого-то...

Он немного помолчал, а затем неохотно выговорил:

— Эльфийку жалко. Как-то глупо все это... нелепая смерть... от своего же волшебства...

Я ничего не ответил, да и не было в словах никакой необходимости. О Миралиссе скорбели все, хоть и старались этого не показывать. Просто... просто у Диких так заведено: когда умер друг, не давай волю слезам, а найди врага и отомсти.

Делер, кряхтя, повернулся, поднял с земли поленце и бросил его в костер. Огонь отшатнулся, потом осторожно лизнул угощение, пробуя его на вкус, и с голодной жадностью набросился на предложенную еду.

— Знаешь, однажды к нам в Горы карликов пришел Серый,— неожиданно начал Делер.— Это было очень давно, в последний год Пурпурных лет, когда мы уже почти победили гномов. Оставалось совсем немного до полной победы, мы уже вытеснили родственничков к Воротам Гранхеля, когда явился этот парень. Карлики не дураки, гостя приняли честь по чести, отвели на Совет... Серый тогда сказал, что в наших же интересах помириться с гномами, и как можно скорее, иначе через сотни лет равновесие сместится. Он предупредил, что если гномы покинут горы и уйдут, то рано или поздно вернутся. Какая-то буйная головушка сразу же сказала, что, мол, пусть возвращаются, секир на всех хватит. Ты знаешь, что ответил Серый? Что мы заговорим по-иному, когда гномы принесут в горы порох, пистоли и пушки, которые изобретут из-за того, что мы их прогоним. А еще он сказал, что когда-нибудь творения бородатых захватят люди и рано или поздно рыдать будут и карлики, и гномы. Сказал и ушел. Он даже не стал дожидаться нашего ответа, хотя и доралиссцу было бы понятно, каким будет ответ.

— Просто ушел? — не поверил я.

— Представь себе, Гаррет, просто ушел. Не стал уговаривать, не стал рубить нас в капусту... Свалил восвояси. Совет задумался, почему тот так поступил, а потом они решили, даже если все, что он говорил, правда, то до смещения равновесия сотни лет. Серые решили ждать... Мы победили в той войне, бородатые ушли из гор в Стальные шахты Исилии, и все как-то утихомирилось на время. Поколения сменялись поколениями, эту историю стали забывать... До того момента, пока гномы не изобрели этот тьмой отодранный порох. А затем пушки. Тогда-то наши умные головы вспомнили ту старую историю, а вспомнив — призадумались. Выходило, что не врал тогда Орден хранителей равновесия. Все так и было — порох, пушки... только о тех странных пистолях никто не слышал. А вот теперь я эту самую пистоль увидел в руках Халласа. Выходит, что недалек тот день, когда гномы решатся вернуться на родину... А потом вы захапаете их оружие, и тогда нам всем придется худо... Вот...

— Зачем ты мне все это рассказал?

Карлик задумчиво смотрел на меня:

— А тьма его знает, Гаррет. Просто эта история доказывает, что Серые редко ошибаются, а раз тот вампир сказал тебе, что, когда мы выудим из Храд Спайна Рог, равновесие нарушится, то так оно, скорее всего, и будет.

— Он сказал: «может».

— Знаешь гномью присказку? Ты сидишь на бочке с порохом, и фитиль горит. И вся твоя надежда на то, что, может быть, пойдет дождик и потушит огонь. Ты понимаешь, о чем я толкую?

— Прекрасно,— хмыкнул я.

— Ведь этот Рог создали огры, чтобы защитить себя же от собственной магии, так?

— Так говорит Орден.

— Ну тогда не мне тебе объяснять, как опасны вещи, сотворенные в Темную эпоху.

—Так ты тоже, как и Мумр, считаешь, что артефакт должен остаться там, где сейчас лежит? На могиле Грока?

— Не знаю, Гаррет... Рог Радуги нейтрализует магию Неназываемого. Одно присутствие артефакта в Авендуме заставит колдуна отступить на веки вечные. Без магии он ничто... Так что Рог нам нужен. С другой стороны, это «может быть»... Не принесем ли мы в мир нечто более страшное? Его ведь не зря так хорошо спрятали, правда?

— Более страшное, чем Неназываемый?

— Да.

— Остается лишь довериться богам, Делер.

Карлик тихонько хмыкнул и поворошил палкой уголья, вспугнув стаю искр.

— Не надо было мне начинать этого разговора. Теперь будешь сомневаться. Достань этот треклятый Рог, а уж затем разберемся, что к чему... Иди спать.

— Сейчас,— сказал я и остался сидеть на месте.

—Ты видел, какое у Серого было копье? — спросил карлик.

—То, что забрал Эграсса?

—У нашего эльфа губа не дура,— усмехнулся Делер.— Да, именно это.

— Копье как копье.— Я едва заметно пожал плечами.— Просто немного странное...

— Эх, люди... Вы вечно кичитесь своим превосходством над нами, но во многих вопросах словно дети малые. Странное...— ворчливо протянул Делер.— Под странным ты понимаешь форму или что-то другое?

— Форму,— ответил я, хотя знал, что мой ответ неверен.

—Так я и думал,— вздохнул карлик.— Это не совсем копье, это краста. Им и рубят и колют. Оно довольно редко встречается, особенно в Северных землях. Это придумка Мамбары, страны, что далеко за Султанатом. Но сейчас не о том речь. Никто из вас, людей, не обратил внимания на древко и металл клинка. А Эграсса и я сразу заметили. Да и Халлас небось тоже, хоть и молчит, борода проклятая.

— А что с древком и металлом?

— На древке древние руны. Их едва видно, но это первый язык гномов. Язык времен Великих Грахеля и Чигзана — первого карлика и первого гнома. Не спрашивай, что там написано, я воин, а не Мастер, и смог узнать всего лишь несколько рун. Таким копьецом можно пробиться через любой магический щит.

— Ого!

— Вот тебе и «ого». А что до металла, который пошел на клинок... Когда-то, еще в Эпоху Свершений, его называли Дымчатой сталью. Слышал о такой?

— Нет.

— Что и неудивительно. За время Пурпурных лет мы многое забыли. Секрет сплава утерян, и боюсь, навсегда. А раньше... Раньше гномы и карлики работали сообща. Одни искали руду и создавали сталь, другие придавали ей нужную форму и призывали магию. Рубиновая кровь никогда не сравнится с Дымчатой сталью. Последняя резала все. Неважно, на что падал клинок — на шелковый платок, камень или на самый лучший доспех.

— Сколько же она стоила? — вырвалось у меня.

— Много,— усмехнулся Делер.— Так много, что такой клинок мог позволить себе только король, ну и Серые... Представь, что перед тобой латник первой линии. Тяжелый доспех, башенный щит. Он ничем не хуже черепахи, такого пока мечом прибьешь, семь потов сойдет... А тут ты просто замахиваешься, шарахаешь его по шлему, и клинок из Дымчатой стали разрезает человека, словно нож масло, на две одинаковые половинки. Вместе со шлемом, доспехами и щитом. Вот такие пироги...

— Значит, то, что взял себе эльф, сейчас очень дорого стоит.

Я заработал презрительный взгляд карлика.

— Дорого? Оно бесценно! Подари его королю — и можешь просить герцогство, а также сотню кораблей, летний дворец и еще всего до кучи...

— Жалеешь, что не ты первый его взял? — хмыкнул я.

— Есть немножко,— неохотно признался Делер.— Но только немножко. Ни я, ни Халлас ростом не вышли, чтобы работать крастой. Да и секира мне намного привычнее, чем эта оглобля. Просто вдруг возникла безумная мысль: а вдруг наши мастера, изучив клинок, смогли бы изготовить точно такой же? Ладно, это бесполезный разговор, все равно без гномов у нас ничего не получится.

— Так помиритесь.

— Ты сам-то понял, что сейчас предложил? — фыркнул Делер.— Разбитую на тысячу осколков вазу из низинского фарфора уже невозможно собрать, как и дружбу гномов и карликов.

— Но ты ведь с Халласом дружишь?

— Мы — это особый случай.— Карлик покосился на спящего гнома.—Вылазки в Безлюдные земли... Как я могу доверять напарнику, если он не друг?

М-да, Делер и Халлас — действительно случай особый. Сейчас очень редко можно видеть картину, когда гном и карлик мирно сосуществуют друг с другом. После Пурпурных лет от былой дружбы между родичами не осталось и следа. Исход гномов из Гор карликов в Стальные шахты Исилии, битва на поле Сорна... Ничто теперь не разобьет ненависть, вспыхнувшую между двумя некогда дружественными расами.

Делер подбросил в костер новую порцию дровишек:

— Давай, Гаррет, спать, завтра трудный день, будешь как вареная рыба. Или ты берешь пример с эльфа?

— Где он, кстати говоря?

— Там, недалече.

— Пойду пройдусь,— сказал я, вставая с бревна.

Делер лишь махнул рукой, мол, походи.

Ночь близилась к концу, звезды потускнели, полная луна стала бледнеть. Эграссу я нашел ярдах в двадцати от лагеря. Эльф — темный силуэт на фоне светлого ствола златолиста. Он сидел на земле, положив руки на колени. Его глаза были закрыты.

Под моими ногами зашелестела трава, Эграсса сделал едва уловимое движение, и вот уже на меня смотрит стрела, готовая сорваться с тетивы лука. Я замер, предоставляя эльфу возможность меня рассмотреть.

— Что ты здесь делаешь? — неприветливо спросил меня Эграсса, но лук убрал.

— Делер сказал, что ты здесь.

— И что?

Я заколебался. Действительно, «и что»? Какой тьмы я сюда приперся? Желтые глаза внимательно следили за мной.

— Мне тоже жаль, что так случилось с Миралиссой.

Молчание.

—У нее ведь есть дочь?

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сказала.

— Сказала... Она очень сильно надеялась на вас, людей... уважала и считала, что вы не так уж плохи, просто сами не знаете об этом... Большинство эльфов так не думают. Ей не следовало покидать дом. Нам никому не следовало этого делать.

— Я...

— Просто достань этот Рог, Гаррет. Просто достань. Докажи и мне, и моим родичам, что Миралисса не ошибалась. Ступай, ты мне мешаешь.

Вот и весь сказ. Кто поймет, что на душе у этих эльфов?

— Гаррет! — окликнул он меня.

— Да?

— Так ты добудешь его?

— Добуду.

— Без сомнений и колебаний?

— Без сомнений и колебаний,— помедлив, ответил я ему.

Его мои слова вроде убедили, во всяком случае, он больше ничего не сказал.

Когда я вернулся к костру, Делер уже спал. Стражу нес Халлас. Услышав меня, гном вскинулся, схватился за мотыгу, но, узнав, неодобрительно плюнул в костер.

— Так и до разрыва сердца можно довести,— пробурчал он.

Я виновато развел руками, завернулся в одеяло и провалился в сон без всяких сновидений.

— Теперь можно не опасаться Первых.— Эльф оперся на свое новое оружие.

— Зато следует опасаться людей Балистана Паргайда, их больше двадцати человек.— Милорд Алистан проверил, хорошо ли выходит меч из ножен.

— И Лафреса,— напомнил Кли-кли.— Она стоит двадцати воинов.

Шут прав: Лафреса опасна, особенно теперь, когда рядом с нами нет Миралиссы.

— Идемте, только тихо, до ворот осталось совсем немного,—предупредил нас темный и двинулся в путь.

Мы шли по роще, где росли одни златолисты. Эти деревья были не чета тем, что мы видели раньше.

Огромные древние стволы больше пятнадцати ярдов в обхвате, кроны деревьев уносились на недосягаемую высоту и, казалось, подпирали само небо. Из земли кое-где торчали оранжевые корни, каждый раза в четыре толще бедра взрослого мужчины. Сквозь золотистые кроны на землю падали копья солнечных лучей, пронизывающие не разошедшуюся с утра туманную дымку. Вот именно такой я представлял Заграбу в своем воображении — величественной и прекрасной.

Тр-рррррр... Тр-рррррр...

— Эк дятел старается,— уважительно крякнул Делер.

— Тихо! — просипел Эграсса, вслушиваясь в лесной шум.

Ветер тихонько шелестел в кронах недовольно ропщущих златолистов, дятел без устали добывал себе пропитание, оглашая лес звонким «тр-рррр». Щебетали пташки, в траве гудели насекомые, лес жил своей жизнью, словно сейчас не начало осени, а середина лета.

— Люди... близко.

Эльф прислонил красту к дереву, натянул на лук новую тетиву и достал из колчана стрелу.

— Я пойду проверю... Если услышите шум, будьте готовы...

— Угорь, иди с ним,— приказал Алистан Маркауз.

— Да, милорд. Гаррет, одолжишь арбалет?

— Уже заряжен.— Я протянул гарракцу оружие и два дополнительных болта.

— Если все в порядке — свистну,— сказал Эграсса.

Эльф и человек скрылись в густых зарослях можжевельника. Довольно долго не было слышно ничего, кроме звуков леса, и все напряженно вслушивались в птичьи трели и шелест ветвей. Наконец до нас долетел приглушенный расстоянием свист.

—Вперед! — скомандовал Алистан Маркауз.— Кли-кли, не путайся под ногами.

— Когда я путался-то? — проворчал Кли-кли, обнажая метательные ножи.— Это Гаррет путается.

Я усмехнулся, но ничего не сказал и взял в руки копье эльфа.

Эграсса и Угорь ждали нас на маленькой тенистой поляне, окруженной кольцом златолистов. У меня даже возникла мысль: а по воле ли природы растут эти деревья? Слишком ровный, слишком идеальный круг они образовали. Казалось, что от всего остального мира это место защищает мощная темно-оранжевая стена древесных стволов. В самом центре поляны находился холм. Высотой он был в пять человеческих ростов. Эдакий прыщ на теле земли.

Возле холма стояли Эграсса и Угорь, а у их ног лежали трое. Люди. Двое из троих — покойники: стрелы эльфа без труда пробили кольчуги воинов Балистана Паргайда. Одному стрела попала прямехонько в сердце, другому, до сих пор сжимающему в руке малый топор, в глаз. Третий человек был жив — он корчился с арбалетным болтом в ноге.

— Кто тут у вас?

— Это мы и пытаемся узнать, милорд,— хмыкнул Угорь и передал мне арбалет.— Первого Эграсса сразу пристрелил, второй схватился за топор и получил в глаз. А третий... решил сбежать, пришлось продырявить ему ногу.

— Кто вы и что здесь делаете?! — резко повернулся к пленному Алистан Маркауз.

Тот только скулил и держался за пробитую ногу.

— Да что вы, милорд, как будто и так не знаете?! — удивился Кли-кли.— Это псы Балистана Паргайда, по рожам же видно!

— Сейчас он все расскажет.— Эльф наступил человеку на раненую ногу, тот взвыл от боли и потерял сознание.

Халлас достал флягу с водой и плеснул человеку в лицо. Никакого эффекта. Пришлось отвесить пару пощечин. Человек вздрогнул и открыл глаза.

— А теперь мы поговорим.— Эльф приставил к груди человека кривой кинжал.— Сколько вас?

— Что? — Человек облизал пересохшие губы.

— Сколько вас? — повторил вопрос Эграсса и кольнул человека кинжалом.

Это подействовало.

— Трое, нас было только трое! Не убивайте, милорды! Я все скажу! — зачастил человек, расширенными глазами смотря на темного эльфа, явно перепутав его с орком.

— Где остальные?

— Они все... ушли.

— Врешь.— Эграсса вдавил кинжал.

Человек взвизгнул и заорал:

— Я говорю правду, они все ушли, а нас оставили охранять! Я ничего не делал, правда! Не убивайте!

— Может, этот хмырь и вправду ничего не знает? — прогудел Делер.

— Как же! Эграсса, оставь его мне, я живо выбью из него эту дурь! — предложил Халлас, свирепо вращая глазами.

— Куда они ушли? — не обращая внимания на предложение гнома, спросил Эграсса.

— В могильники, они все ушли в эти тьмой проклятые могильники, милорд орк!

— Когда?

— Два дня назад.

— Сколько человек туда спустилось?

— Десять.

— Врет,— сказал Кли-кли, сделав в уме нехитрые подсчеты.

— Это уже неважно... Граф тоже ушел со всеми?

— Да, милорд.

— А женщина? — вырвалось у меня.

— Ведьма? И она с ними. Это все она придумала! Это она решила спуститься туда!

— Зачем они туда пошли? — Эграсса безжалостно продолжил допрос.

— Нам не говорили. Мне и ребятам просто надо было находиться здесь и ждать, когда вернутся остальные, вот и все. Я больше ничего не знаю!

— Очень жаль,— сказал эльф и погрузил кинжал человеку в грудь по самую рукоять.

Пленный вздрогнул и затих. Эграсса без всяких эмоций выдернул кинжал из тела и вытер его об одежду мертвеца.

— Зачем его надо было убивать?—недовольно спросил Фонарщик.— Он же сдался.

— Что нам делать с пленным? — Эльф зло сверкнул глазами.— Он прибавил бы нам лишних забот. К тому же в одну прекрасную ночь человек мог попытаться прирезать нас.

— Делер, Халлас! — Алистан Маркауз подозвал карлика и гнома.— Похороните этих троих. Нам здесь долго торчать незачем.

На том разговор и прекратился, разве что гном с карликом недовольно бурчали, что они солдаты, а не могильщики.

— Ну и как тебе это, Гаррет? — спросил у меня Угорь, когда я отошел в сторону.

— Эльфы.— Я пожал плечами, думая, что меня спрашивают о том, как я отношусь к недавнему убийству.

— Да я не об этом,— поморщился Угорь.— Я про спуск в Храд Спайн.

— А где он? — брякнул я.

Кли-кли трагически вздохнул:

— Гаррет, ты безнадежен! А это что такое, если не спуск?

— Холм?! — изумился я.

— «Холм»,— скорчив рожицу, передразнил меня Кли-кли.— Ты разуй глаза-то! Какой, подавись костью, холм?! Иди, обойди его!

— Ладно, ладно! Только не вопи,— успокоил я гоблина.— От твоего визга у меня голова раскалывается.

Это действительно был спуск в Храд Спайн, по крайней мере, при более внимательном изучении холм оказался рукотворным строением. Неудивительно, что я ошибся — за давностью постройки (как-никак начало Темной эпохи!) задняя сторона сооружения поросла травой и кустами. Когда я обошел ее и оказался с другой стороны, то понял, что с эпохой немного приврал.

Конечно же ворота были не из Темной эпохи (хотя именно в то время неизвестные существа заложили первые и самые глубокие ярусы Храд Спайна). Ворота появились намного позже — в период расцвета эльфов и орков. Просто когда в Костяных дворцах пробудилось древнее зло и эльфы с орками (а затем и люди) оставили могильники на растерзание веков, ворота пришли в упадок и поросли лесом. Ведь раньше здесь не было никакой Заграбы и уж тем более Золотого леса. Просто несколько тысячелетий деревья наступали. Наступали до тех пор, пока не поглотили ворота и не спрятали их от чужих глаз.

С этой стороны холм как будто вертикально резанули ножом. И вместо травы и кустов здесь зиял прямоугольный вход высотой в четыре человеческих роста. Солнечные лучи падали на каменный пол, под углом уходящий во тьму.

Я поежился.

— Ну и как тебе это, Гаррет? — вновь поинтересовался гарракец.

— Неужели мы дошли? — Мне до сих пор в это не верилось.

— Еще как дошли! Вот смотри! — Кли-кли подбежал к входу, сунул туда голову, нисколько не боясь, что кто-нибудь ее откусит, и громко крикнул:

— Бу!

— У... у... у... у... у! — ответило гоблину эхо.

— Ты это, Кли-кли...— К нашей компании присоединился Фонарщик.— Поостерегся бы глупости делать.

— Да не боись, Мумр, не сожрут! — беспечно отмахнулся от него шут.— Это всего лишь вход, коридор тянется на тысячу ярдов, постепенно уходя вглубь. Отсюда до первого яруса еще топать и топать.

—Ты просто знаток, Кли-кли. А не скажешь мне тогда, что написано над входом и что это за статуи по бокам?

— Орочьим не владею, Гаррет, это ты у Эграссы спроси, чего тут накалякано. Что до статуй, то это никакие не статуи. Их вытесали прямо из камня, видишь? Да и разрушены они слишком сильно, теперь уже и не определишь, кого они изображали.

— Эй вы! Историки! — крикнул Халлас.— Пошли лагерь обустраивать, наглядитесь еще!

— Итак,— начал Алистан Маркауз, когда все (кроме Фонарщика и Угря, отправленных на дежурство к входу в Храд Спайн) собрались,— Балистан Паргайд с людьми уже внизу.

— Чтоб их там кто-нибудь сожрал! — искренне пожелал нашим врагам добрейший гоблин Кли-кли.

— Они опережают нас на два дня, вор. У тебя ведь есть карты Костяных дворцов, как думаешь, где сейчас они могут быть?

— Дворцы или люди? — бесхитростно влез в разговор шут и сразу же получил от милорда Алистана сердитый взгляд.

— Где угодно, милорд,— подумав, ответил я графу.— Уже на первом ярусе начинается настоящий лабиринт, если у них нет карт...

Все и так поняли, что я хотел сказать. Без карты в Костяных дворцах вы гарантированно покойник. По счастью, у меня карты были, не зря я в свое время полазил по Закрытой территории Авендума. Так что дорогу до восьмого яруса, где находится могила Грока и Рог, я найду. То есть я смогу найти дорогу, но вот доберусь ли до цели?

— Думаю, надо выступать немедленно,— Алистан Маркауз дернул себя за ус.

— Скоро ночь, милорд. Давайте подождем до утра,— осторожно начал Халлас,— нечего по темноте лезть в эту дырищу.

— Ночь, день... Какая разница? Там, внизу, все равно вечная ночь. Паргайд и эта женщина хотят опередить нас и взять Рог, чтобы принести его Хозяину.

— Они не смогут обскакать нас, милорд.— Я, сам того не замечая, язвительно усмехнулся.— У них нет Ключа, а без него им не открыть Створки третьего яруса. Если у них нет карты и Лафреса решит идти в обход... Ну что же, это займет у них пару месяцев.

— Пару месяцев? — недоверчиво переспросил карлик.

— Под нами Храд Спайн.— Эграсса постучал ногой по земле.— Не хочу разрушать твои радужные иллюзии, Делер, но Костяные дворцы намного больше всех ваших подземных городов в Горах карликов. Храд Спайн похож на гигантский слоеный пирог, он растянулся на десятки лиг в глубину и ширину. Здесь поработали огры, орки, люди и еще неизвестно кто. Так что Гаррет прав. Если идти не через Створки, можно потерять очень много времени, ища обходные пути.

— И нарваться на очень ба-а-альшие неприятности,— вякнул Кли-кли.

— Так ты тоже предлагаешь подождать до утра? — спросил капитан у эльфа, не обращая внимания на гоблина.

— Лучше идти отдохнувшими.

Крыса поджал губы и нехотя кивнул.

— Ладно, так и поступим. Тогда давайте решим, кто пойдет с Гарретом, а кто останется снаружи.

— Думаю, это решать Гаррету.— Эграсса посмотрел на меня.

— Решать должен вор? — изумился Алистан Маркауз и посмотрел на эльфа — не шутит ли тот.

— Именно. Ему лучше знать, кому следует идти с ним, а кому остаться.

— Ладно,— процедил граф.— Что скажешь, вор?

Я набрал в грудь воздуха и изрек:

— Со мной никто не пойдет.

— Что?! Ты совсем ошалел?!

Я боялся, что Алистана Маркауза хватит удар.

— Нет, милорд.— Я решил сказать все, что думал о безумной идее совместного похода в Храд Спайн.— Когда вы вели нас от Авендума, я не вмешивался и делал то, что вы говорили. А когда мы шли по Заграбе, даже вы прислушивались к Эграссе. Мне не нужны спутники в Костяных дворцах. Вы для меня будете только обузой.

— Мы воины, Гаррет, а не обуза,— с обидой произнес Делер.— Кто тебя спасет от тех же зомбиков?

— Вот в том-то и дело,— вздохнул я.— Один я проскользну мимо покойника незамеченным или просто убегу, а с вами я буду ввязываться в каждую стычку. Я не смогу там присматривать еще и за вами.

— Мы сами можем за собой присмотреть, вор.— Алистану Маркаузу не очень нравилось то, что я говорил.— Как я буду тебя охранять, если останусь здесь?

— Вы довели меня до Храд Спайна и выполнили свой долг, милорд. К тому же, как говорят, нижние ярусы затоплены и придется плыть, а на вас слишком много железа.

— Значит, придется снять доспехи.

— Милорд, я пойду быстро, а с вами... Просто не мешайте мне выполнять Заказ.

—А люди Балистана Паргайда?

— Шанс встретить их в таком лабиринте невысок.

Пришлось еще целый час доказывать, что мне проще идти в одиночку. Капитан скрипел зубами, хмурился, но все же в конце концов сдался.

— Хорошо, вор, будь по-твоему. Хотя я не очень доволен своим решением.

На языке у меня вертелась колкость, но я благоразумно промолчал. Нечего злить милорда Крысу по пустякам.

— Карты Храд Спайна у тебя? — спросил Кли-кли.

— Да,— вздохнул я.

С самого утра гоблин доставал меня похлеще, чем компания жрецов, рассказывающих высокобожественную чушь.

— А как с факелами?

— Две штуки.

— Издеваешься? — ядовито осведомился шут.

— Нисколько. Двух факелов мне вполне хватит, чтобы добраться до первого яруса.

— А дальше будешь идти на ощупь?

—Ты же сам мне говорил, что в подземных дворцах достаточно света.

— Если магия еще работает, а если нет? Да и не везде в Храд Спайне дворцы...

— У меня есть «огоньки».

— Так чего же ты мне голову-то морочишь?! Сразу не мог сказать? — не на шутку рассвирепел он.— Ладно, как с едой?

— Кли-кли, ты нарочно меня доводишь? Ты уже два раза спрашивал! — застонал я .— У меня полно волшебных сухарей. Я две недели могу не думать о еде.

—Теплая одежда?

—Угу.

Тьма знает, каково на большой глубине. Я взял у Угря шерстяной свитер двойной вязки. Такие Дикие Сердца надевают во время зимних патрулей по Дремлющему лесу. Греет сия одежка не хуже чем печка. А уж самое главное достоинство — это то, что ее можно свернуть в настолько тоненький и махонький сверток, что он без всякого труда поместится в полупустой холщовой сумке, переброшенной через плечо.

— А ты...

— Хватит! — взмолился я.— Ты своими вопросами меня в могилу загонишь! Сделай перерыв хотя бы на полчасика.

— Через полчасика ты уже будешь вне пределов моей досягаемости,— возразил мне Кли-кли и безжалостно продолжил: — Стих помнишь?

— Какой?

— И он меня еще спрашивает? — трагически воззвал к небесам шут.— Забыл тот свиток, что показывал на совете у короля?

— А! Ты о стишке-загадке? Прекрасно помню.

— Повтори.

— Кли-кли, поверь, я его прекрасно помню.

— Тогда повтори. Ты что, не понимаешь, что он — ключ ко всему? Там говорится о том, чего нет в картах.

—Тьма с тобой.— Проще рассказать, чем спорить с премерзким гоблином.— Тебе с самого начала?

— Лирику можешь опустить.

— Ладно,— прорычал я.— Но если после этого ты от меня не отстанешь, я самолично тебя придушу.

Пришлось напрячь память и пересказать Кли-кли стих-загадку.

Обнаружил я этот стишок совершенно случайно. Он был нацарапан на маленьком клочке бумажки, затерявшемся среди бумаг и карт Храд Спайна, найденных в заброшенной башне Ордена. Стишок написал маг, относивший Рог Радуги в Костяные дворцы. И чего уж скрывать, благодаря сему литературному творению я мог увидеть свой будущий путь, просматривая карты Костяных дворцов во время вечерних остановок отряда.

— Сойдет,— довольно кивнул приставучий гоблин после того, как я закончил декламировать последнее четверостишие.— Не забывай о нем. И, кстати, помни, что один отрывок изменен, но, впрочем, я тебе уже говорил. В Книге Пророчеств...

— Я помню,— поспешно перебил я его. Вот не поверите, сейчас мне хотелось одного — побыстрее сбежать в Храд Спайн, чтобы не слышать наставлений.

— Бяка ты, Гаррет,— обиделся Кли-кли.— Я же хочу как лучше! Ладно, фиг с тобой, потом вспомнишь доброту гоблина, но будет поздно. Наклонись.

— Чего? — не понял я.

— Наклонись ко мне, говорю! Я слишком мал, чтобы до тебя дотянуться!

Пришлось исполнить, что он просил, хотя я ожидал от шута прощальной каверзы. Кли-кли встал на цыпочки и надел мне на шею медальон в виде капельки. Тот самый, что он нашел в Харьгановой пустоши на могиле мертвой волшебницы. Медальон обладал воис-

тину бесценным свойством — он мог нейтрализовать боевые заклятия шаманства, направленные непосредственно на его владельца.

— В былые времена эльфы и орки понаставили во дворцах магических ловушек. А эта штука сможет тебя обезопасить хотя бы от некоторых.

— Спасибо,— проникновенно поблагодарил я его за внезапную щедрость.

— Ты мне его назад принеси,— ворчливо сказал гоблин.— Да и себя заодно притащи, и лучше с Рогом.

Я хмыкнул.

— Ну что, вор, пора,— сказал милорд Алистан.

— Да, милорд.— Я в десятый раз мысленно пробежался по снаряжению, проверяя, не оставил ли чего, и забросил арбалет за спину.— Ждите меня две недели. Если ничего не случится, я вернусь.

— Мы подождем три.

— Хорошо. Если не вернусь к этому сроку, уходите.

— Если ты не вернешься к этому сроку, пойдет кто-то другой. Без Рога я к королю не вернусь.

Я кивнул. Милорд Крыса — человек упорный и не отступит, пока не будет так, как он хочет.

— Вот, Гаррет,— Эграсса протянул мне браслет из красной меди,— надень его на руку.

Браслет как браслет, правда, очень старый и с орочьими поистершимися рунами.

— Что это?

— По нему я буду знать, что ты жив и где находишься. К тому же он даст тебе безопасный проход через стражей Кайю.

Я изумленно воззрился на эльфа, но тот лишь пожал плечами и улыбнулся.

— Говорят, что он защищает, его для этого и создавали, но не больно-то на него рассчитывай. Лично я не проверял.

Я благодарно кивнул и надел браслет на левую руку. Видно Сагот решил, что сегодня Гаррет должен быть при побрякушках. Ну и плевать, в стишке упоминались стражи Кайю, а раз эльф считает, что артефакт спасет меня от слепых сторожей эльфийских гробниц, следует с благодарностью воспользоваться предложенным подарком.

— Да помогут тебе боги,— пожелал мне эльф на прощание.

— Не подведи своего короля и свое королевство, Гаррет,— напыщенно произнес милорд Алистан, в кои-то веки назвав меня по имени.

— Удачи! — Угорь крепко пожал мне руку.

Делер и Мумр поступили так же. Халлас помялся, попыхтел, а потом протянул мне пистоль:

— Вот! Последняя. Бери, что ли?

— Спасибо, дружище, но лучше не стоит. От нее слишком много шума, да и, если ярусы затоплены, порох отсыреет,— отказался я.

— Удачи, Танцующий в тенях,— шмыгнул носом шут.

— Ждите меня через две недели,— напомнил я им еще раз и, развернувшись, пошел к черному провалу, ведущему в сердце древних могильников.

Глава 4
ДОРОГА К СТВОРКАМ

Факел шипел и яростно плевался. Видно, он не очень-то хотел, чтобы я тащил его за собой в мрачную тьму подземелья.

Что же, вполне понимаю это отчаянное нежелание следовать со мной. Самоубийц, по собственной воле спускающихся в заброшенные могильники, можно пересчитать по пальцам одной руки (может, я привираю, но таких людей действительно не так уж и много).

Два раза я останавливался и оборачивался назад. В первый раз это случилось, когда я прошел по коридору не больше ста пятидесяти шагов. Просто захотелось в последний раз посмотреть на солнечный свет.

Далеко-далеко позади виднелся маленький светлый прямоугольник.

Выход.

Там, за спиной, остался мир солнца, мир живых, а под ногами лежал мир тьмы и мертвых. Когда я обернулся во второй раз, свет уже пропал, везде была одна лишь тьма.

Пол шел под уклон, уходя все глубже и глубже под землю. Абсолютно пустой коридор, стены выложены желтым песчаником или очень похожим на него камнем. Под потолком гулял легкий сквознячок, но этого было достаточно, чтобы от каждого дуновения пламя факела то дрожало, то бесновалось.

Моя тень, огромная и черная, плыла по стене, отзываясь на пляску огня. Спустя какое-то время на стенах появились картинки и надписи на орочьем языке. Поначалу они были тусклы и едва заметны (несмотря на вековечную тьму, властвующую здесь, краски, которыми были сделаны картинки и надписи, сильно выцвели), но стоило пройти еще двести ярдов, и уже можно было различить изображения и буквы.

На первые я не очень-то засматривался, вторые просто не понимал. Лишь однажды, когда факел высветил из тьмы огромную эпическую битву огров и созданий, как две капли похожих на тех, что были изображены на шкатулке Балистана Паргайда, где ранее хранился Ключ, я остановился.

Полуптицы-полумедведи сражались с оградами меж стилизованно нарисованных деревьев. Внизу была какая-то подпись закорючками, но что она говорила, для меня так и осталось тайной.

Я пошел дальше. Еще тысяча ярдов, и стены запестрели от изображений и ярких красок, которые отчего-то были неподвластны зубам времени. Тьма давила, и я возблагодарил богов, что у меня есть свет (хотя, с другой стороны, свет мог принести мно-о-ожество неприятностей своему владельцу, в особенности если бы его увидел кто-нибудь большой и в меру голодный).

Шел я уже достаточно долго, в коридоре не было ответвлений, и он лишь все сильнее и сильнее вгрызался в землю. Вот уж не знаю, как глубоко я спустился, но не преминул вознести искреннюю благодарность Саготу за то, что не испытываю страха перед глубиной.

Шаги гулким эхом отражались от пола, бились о стены и затихали под высоким потолком. Факел начал затухать, и пришлось остановиться, чтобы зажечь новый. Я и не заметил, как быстро пробежало время. Сколько же я топаю по этому коридору?

Что удивительно, здесь не ощущалось холода, запаха сырости и затхлости. Сухой теплый воздух дул в лицо, поднимаясь вверх, к выходу. Откуда на такой глубине дует ветерок, я задумываться не стал. Вентиляционные шахты, магия или что-то другое? Тьма его знает. Ну дует и дует. Главное, что не кусает.

Начались лестницы. Вначале маленькие, не больше трех-четырех ступеней, затем все длиннее и длиннее. Коридор, лестница, вновь сто ярдов коридора и новая лестница. Все глубже, все ниже, все темнее.

Я решил сделать привал и остановился. Прислонился к стене, пристроил факел так, чтобы он не погас, вытянул ноги и глотнул воды из фляги. Подумать только, столько протопал, а до первого яруса до сих пор так и не дошел! Извлек из сумки дрокр, развернул его и достал старые карты Храд Спайна. Не знаю, где я сейчас нахожусь, но скоро коридор начнет закручиваться спиралью. Шесть огромных витков, уводящих в бездну, к первому ярусу Костяных дворцов. А мне нужно еще дальше — на восьмой ярус. Именно там находится могила полководца Грока, на погребальном камне которой и лежит Рог Радуги.

До восьмого яруса долгие и тяжелые дни пути. В лучшем случае неделя. Неделя до восьмого, а сколько же идти до сорок восьмого? А

еще глубже, туда, где ярусы не имеют названий и куда не входили живые существа вот уже девять тысячелетий?

Коридор повернул, затем еще раз. Я накручивал круги, спускаясь все глубже и глубже.

Свет выхватил из тьмы очередную надпись, и я остановился как вкопанный. Она была на человеческом языке.

Я приблизил к стене факел. Так и думал — буквы темно-ржавого цвета. Писали кровью. Кто-то очень старательно, большими буквами вывел всего лишь два слова: «НЕ СПУСКАЙСЯ!» Я постоял перед этим предупреждением, прошел несколько шагов вперед и наткнулся еще на одно слово — «УХОДИ!».

Некто не пожалел ни времени, ни собственной (надеюсь) крови, чтобы предупредить таких, как я, о том, что живым здесь делать нечего. Спасибо за предупреждение, неизвестный парень, но мне отступать уже поздно. Придется идти вперед и выполнять Заказ короля.

Спустя еще вечность, после шестого витка, в коридоре стало светлеть. Поначалу я подумал, что это обман зрения, но тьма пропала, уступив место густым сумеркам. Через двести шагов откуда-то заструился слабый серый свет, казалось, его излучают стены. Видимость стала вполне приемлемой, и пришлось побороться с самим собой, чтобы не затушить факел прямо сейчас.

Пол под ногами накренился еще сильнее, он уже стал напоминать крутую горку. Приходилось идти очень осторожно и медленно, чтобы, не дай Сагот, не оступиться и не поехать вниз на заднице. Свет никуда не делся, и, немного поколебавшись, я отбросил факел в сторону. Горка внезапно кончилась, пол стал горизонтальным, коридор повернул, и я увидел то, что уж и не чаял увидеть,— вход на первый ярус Костяных дворцов.

Ну, с входом я немного загнул, от него совершенно ничего не осталось. Лестница, соединяющая Преддверье Храд Спайна с первым ярусом, обвалилась, и сохранилась только верхняя часть, ведущая вниз, в зияющий провал в полу.

Я аккуратно подобрался к дыре и глянул вниз.

М-дя, как говорит мой достославный дружок Кли-кли, когда ему что-то очень не нравится. Четыре ступеньки — и пустота. Продолжение дороги находилось от меня на расстоянии восьми ярдов. Обломки лестницы грудой камней лежали внизу. Странно все это... Очень странно... Какая гадина ее обрушила?

Да-да, именно обрушила, как иначе объяснить тот факт, что уцелевшие ступеньки лестницы изрядно покрыты копотью, а порой и оплавлены? Кто-то просто не хотел, чтобы я спустился вниз, и предусмотрительно накрыл лесенку заклятием. Имя этому «кому-то», вне всякого сомнения, Лафреса.

Вот только я немножечко не понимаю логики служанки Хозяина. Во-первых, неясно, каким боком она вместе с Балистаном Паргайдом и его людьми теперь собирается возвращаться назад. Во-вторых, с ее стороны по меньшей мере очень странно думать, что я не смогу спуститься. Нет, конечно, прыгнуть с такой высоты — это прямой путь к превращению собственных костей в мелкое крошево, но ведь кроме прыжков существуют и другие способы оказаться внизу. Например, эльфийская веревка-паутинка, прилипающая к любой поверхности и самостоятельно втаскивающая своего хозяина на любую высоту.

Лафреса отнюдь не дура, и уж она-то была уверена, что я смогу спуститься. Значит, дело тут нечисто и меня поджидает теплая встреча с королевским оркестром и глашатаями. Лучше сто раз убедиться, что никакой опасности нет, а затем уже лезть в глотку к демону.

Пришлось лечь на землю и свеситься в дыру, дабы изучить место будущего приземления со всей тщательностью и кропотливостью.

М-дя.

Ничего не изменилось. Великолепно освещенный коридор с горящими факелами на стенах и груда камней, осколков и мелкой пыли на полу. Что до факелов — здесь все понятно, они пылают несколько тысячелетий и будут гореть еще столько же. Шаманство не дает погибнуть огню, и я очень надеюсь, что, чем глубже буду спускаться, тем больше света окажется в залах, иначе даже на «огоньках» я долго не протяну. Но об освещении поговорим как-нибудь потом, сейчас меня уж очень сильно смущает это странное разрушение лестницы.

Пора залезть в сумку на поясе и выудить пробирку с магическим реактивом. Я вновь лег на живот и пролил несколько его капель вниз, прямо на груду обломков.

То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. И, по правде говоря, от неожиданности я едва не сверзился вниз. Потому как на груде обломков сидело существо. До этого оно было накрыто магическим заклятием, и, пока я не поплескал волшебной жидкостью, сия тварь казалась невидимой.

В общем, она разлеглась как раз под дырой и, раззявив пасть, терпеливо ждала, когда к ней спустится ужин. Нисколько не удивлюсь, что это чудовище родилось в очаровательной, но, несомненно, безумной голове Лафресы. Ну не может существовать в мире тварь, состоящая исключительно из одной пасти и рядов, рядов, рядов ослепительно-белых кинжалов-зубов! В принципе если очень постараться и порядком поднатужиться, то в глотку такой голодной твари вполне можно запихать рыцаря на лошади.

Коварная бестия эта Лафреса. Такой великолепный капкан собиралась мне устроить. Я представил, как спускаюсь по веревочке вниз и с превеликим изумлением оказываюсь в желудке очень голодного создания. Какой бесславный конец, да еще и на первом ярусе Костяных дворцов!

Захотелось лупануть из арбалета ей прямо в глотку, но, боюсь, тут нужен не арбалет, а целая баллиста. Обычным болтом ее не возьмешь. Да и медальон Кли-кли, вероятно, будет бесполезен против такой дури.

Я со злости пошарил по полу, поднял каменный осколок от лестницы размером чуть больше моего кулака и швырнул точнехонько в середину разверзнутой пасти. Капкан сработал идеально — стоило камню упасть, и зубастый рот резво захлопнулся.

— Клац!

Чтоб у тебя несварение желудка случилось!

Камень не понравился, и чудовище, оглушительно «чпокнув», исчезло.

Это еще что за?.. Капкан на один раз? Сработал и больше не нужен?

Но я слишком подозрительная натура, чтобы вот так просто купиться на внезапное исчезновение. Поэтому я не пожалел еще нескольких капель эликсира, обнаруживающего скрытые ловушки магического содержания. Никакого эффекта. Пасть действительно приказала долго жить.

Спускался я по веревке все же с некоторой опаской. Поэтому для собственного успокоения и душевного равновесия, когда до пола оставалось не более двух ярдов, я отцепил от веревки руку, залез в сумку и бросил на пол заготовленный булыжник. Камень громко стукнулся об пол, тем самым доказав, что внизу меня никто не поджидает. Я спустился, мысленно приказал веревке отцепиться, а затем смотал паутинку и прикрепил ее к поясу.

Пора в путь.

Сейчас я находился в небольшом пустом зале с восемью горящими факелами. В каждой стене было по проему, и мне пришлось потратить несколько секунд, чтобы сориентироваться с планами. Где север, а где юг, на такой глубине определить было попросту невозможно, но, на мое счастье, зал Прихода, как его называли на картах, обладал очень четким указателем для всех тех, кто по глупости решил наведаться в Костяные дворцы. Правда, для того чтобы определить стороны света, пришлось задрать голову к потолку. Там чьими-то умелыми руками была выложена огромная стрела, говорив-

шая путнику, где находится север. Судя по стрелке, мне нужно идти в правый дальний проем.

По закону всемирного свинства именно он вел в самый темный и самый узкий коридор. К тому же в отличие от трех других — широких и более светлых, этот поднимался вверх, а не шел вниз. Я остановился перед выходом и внимательно прислушался.

Ни шороха. Ни звука. Лишь в четырех десятках шагов от меня горит одинокий факел. Сюда ли мне? Пришлось лезть в сумку и сверяться с картами. Да, вроде сюда. Я вновь бросил тоскливый взгляд в более приветливые коридоры, но делать нечего — карта не врет.

Проход в следующие залы построили таким узким, что плечи касались стен и мне приходилось, словно крабу, идти полубоком. К тому же, излишне напуганный рассказами о пробудившемся зле костей огров, я часто останавливался и вслушивался в тишину.

На мое счастье, тишина так и оставалась тишиной, никаких посторонних и необъяснимых звуков слышно не было. Я прошел мимо первого факела, второго, третьего. Коридор все так же едва заметно вел вверх, и я все сильнее начинал беспокоиться, что иду не туда, даже несмотря на то, что карта показывает именно это направление. Восьмой уровень, насколько я мог представить, должен находиться ниже, а не выше первого. Надо мной Заграба, а не сердце могильников. Возле седьмого факела я остановился и попытался вытащить его из гнезда. Бесполезное занятие — сидит как влитой и даже не шевелится.

Подъем завершился, коридор под прямым углом вильнул в сторону и вывел меня на маленькую площадку с двумя ответвлениями. Здесь так же светло, как и в первом зале, и сверяться с картой не было нужды, я и так помнил, куда надо идти.

Дорога до лестницы, ведущей на второй ярус, заняла у меня шесть часов. Не так уж и много, если разобраться. Скажу честно, первый ярус меня не очень-то и впечатлил. Не могу соврать, что я разочаровался, но слухи о Храд Спайне оказались излишне преувеличены.

Никаких зубов, клыков, голодных ртов, вековечной тьмы и тому подобного стандартного набора страстей и ужастей я, слава Саготу, не встретил. Очень надеюсь, что во время всего последующего пути дорога будет такой же скучной и унылой. Собственно говоря, от первого яруса нельзя было ожидать ничего другого. На первом даже люди никогда и никого не хоронили, он скорее являлся проходным двором, да и до ярусов огров отсюда далековато, а Створки третьего яруса надежно защищали верхние уровни от глубинного зла. Захоронения людей начинались на втором и в меньшей степени на тре-

тьем уровне (где хоронили покойников в обход Створок). Ну и на шестом, где лежали кости воинов-героев. Могила Грока, находящаяся на восьмом, скорее исключение из правил.

Весь первый ярус оказался переплетением залов, коридоров и комнат. Дважды я запутывался, сверялся с картой и возвращался назад, ища нужное ответвление. Везде меня встречали унылые стены из серого базальта, ничем не украшенные, а порой и небрежно обработанные. Три раза я натыкался на лестницы, ведущие вниз, во тьму, но разумно избегал по ним спускаться. Неизвестно, в какие дали они могли меня завести, к тому же в картах о них не было ни слова. Четырежды я делал остановки и отдыхал, унылость и полумрак этого места нагоняли смертельную тоску, глаза и голова нещадно болели, ноги ныли, и когда я дошел до нужной лестницы, то вздохнул почти что с облегчением.

Тишина молчаливых залов давила на уши, хотелось завыть, лишь бы услышать хоть какой-нибудь живой звук. Удивительно, но на такой глубине оказалось не холодно, а скорее даже тепло. И главное, ни дуновения, ни сквознячка, пламя факелов горело ровно, не дрожало, и тени не плясали на стенах. Вместе с тем воздух в залах был свеж и чист, словно я бродил по Заграбе, а не по глубокому подземелью. Наверное, и здесь не обошлось без магии.

В общем, от первого яруса у меня осталась размытая картина впечатлений. По крайней мере, четверостишие из стиха-загадки, по счастью, не сбывалось. Какое? Вот это самое:

Коль смел ты и быстр, коль храбр ты и ловок,
Коль легок твой шаг и остра твоя мысль,
Избегнешь расставленных нами уловок,
Земли, воды, пламени ты берегись.

Ничего из этого пока не случилось, ну и слава Саготу. Очень надеюсь, что и далее ни одно из четверостиший глупого стишка магов Ордена не сбудется.

Но даже никого не встретив, я изрядно устал. Хотя бы оттого, что все время по старой привычке держался стен, бегал из полутени в тень, стараясь избегать освещенных мест, и через каждые две минуты останавливался и вслушивался в тишину. Так что устал я не только физически, но и морально.

Для отдыха нашлось очень удобное место, в дальнем углу зала, где по стенам растекся густой полумрак. За время пути я изрядно проголодался, а потому без всякого колебания умял половину сухаря. Сухарь — пластинка не больше ладони, наделенная волшебными свойствами. Съел половинку и как будто отужинал на королевском пиру, попробовав сто одно блюдо. Сытно, но не очень-то вкусно. Он

великолепно подавляет голод, хотя и совершенно не способствует утолению ваших гастрономических пристрастий. В самом лучшем случае эта штука по вкусу напоминает хлеб. В худшем — прелое сено. Есть можно, но особого удовольствия не испытываешь, если, конечно, ты не лошадь.

Сжевав сухарь, я запил все это водой из фляги и устроился на ночлег. Сегодня я слишком устал, чтобы продолжать путь, следовало хоть немного отдохнуть и набраться сил. Я положил рядом с собой арбалет и уснул.

Не могу сказать, что спал как младенец. Храд Спайн не самое лучшее место для приятных снов. Я летел по границе полусна-полуяви, то погружаясь в него, то вновь выныривая на поверхность. Это была излишне чуткая дрема, во время которой пришлось раз шесть открыть глаза и схватиться за арбалет, но никакой опасности не было, зал неизменно оказывался пустым, лишь факел мерцал на дальней стене.

Не знаю, что заставляло меня просыпаться, но, даже с учетом этих частых пробуждений, сон пошел на пользу. По крайней мере, проснулся я отдохнувшим и, что самое удивительное, — целым и невредимым. За время сна никто не решился откусить мне ногу или голову, за что пришлось тут же возблагодарить Сагота.

Перед широкой каменной лестницей, уплывающей вниз, во тьму, я ненадолго замешкался. Неизвестно, что скрывается там, во мраке, а проверять на собственной шкуре остроту зубов какого-нибудь страшилища не хотелось. Но сколько бы я здесь ни простоял, Рог Радуги сам ко мне не приползет. Я вздохнул, достал «огонек», потряс его, заставляя вспыхнуть и встал на первую ступеньку лестницы, ведущей ко второму ярусу.

На лестнице царила тьма-тьмущая, и если бы не холодный магический свет «огонька», спускался бы я целый час. Какая-то сволочь то ли по забывчивости, то ли по злому умыслу не озаботилась понатыкать в стены факелов.

Лестница уходила все ниже и ниже. Она не закручивалась спиралью, не плясала, как опьяневшая гадюка, она тянулась и тянулась, уводя меня вглубь, и слабый свет моего волшебного фонарика едва-едва дотягивался до потолка.

Прежде чем выйти на второй ярус, я насчитал одну тысячу двести сорок четыре ступеньки. Кто строил это длиннющее чудовище, вырубая ступеньки прямо в теле земли, навсегда останется очень большой загадкой, но мысленно я промыл ему все кости, особенно в те моменты, когда подумывал: каково будет подниматься и отчего никто не догадался создать здесь подъемники, как в пещерах гномов или карликов?

Ладно, пусть горе-строителям судьями будут боги, потому как я опоздал ныть и стонать лет, наверное, на тысячу, а то и больше. Теперь уж точно никто не прибежит и не построит персональный подъемник для Гаррета-тени.

Удивительно, но второй ярус очень отличался от первого.

Во-первых, все потолки здесь были не прямыми, а сводчатыми. Во-вторых, стены уже не казались голыми и безжизненными. То в одном, то в другом зале виднелись сохранившиеся изображения и даже надписи. Некоторые на человеческом. Правда, буквы оказались древними и вычурными. В основном это были указатели, направляющие в ту или иную секцию и говорящие, где какое захоронение.

Во-вторых, здесь было много каменных горгулий, натыканных чуть ли не через каждые сто шагов. Все статуи казались абсолютно разными, по крайней мере, пока я шел, ни одной одинаковой не заметил. Неизвестные скульпторы создали горгулий всех размеров и изобразили их в самых невероятных позах. Многие статуи были настолько мерзкими, что без дрожи в коленях не посмотришь. Их выдалбливали прямо в стенах, и от этого они напоминали парочку знакомых мне по приключениям в Авендуме демонов. По крайней мере, те тоже очень любили вылезать из стен, причем в самый неожиданный момент, а уж рожами могли испугать даже этих каменных истуканов.

Изо рта одной горгульи серебристым звонким ручейком выбегала нитка воды и падала в неглубокую чашу, которую статуя держала в своих руках. Я осторожно попробовал воду. Вроде не отравленная. Так что, пользуясь случаем, я вдоволь напился и наполнил изрядно опустевшую флягу.

В-третьих, на втором ярусе напрочь отсутствовали факелы. Огонь трепетал либо в раскрытых ладонях горгулий, либо под самым потолком в маленьких клетушках. Но по большей части пламени не было совсем, и свет лился прямо с потолка, причем в некоторых местах потолок едва светился, и тогда по залу растекались густые сливки сумерек.

Костяные дворцы подтвердили славу самых гигантских могильников в мире, потому как, несмотря на архитектуру, картинки на стенах и десятки горгулий, дворцы оставались могилами для тысяч и тысяч ушедших в свет.

Уже возле самого входа на второй ярус меня поджидали два саркофага. Каменные ящики с массивными и, как видно, тяжелыми крышками. Ради любопытства я подошел к одному и прочел на табличке имя человека и дату его смерти. Парня похоронили семьсот с

лишним лет назад. Помнится, когда мы еще были в Ранненге, Кли-кли настоятельно рекомендовал мне, как только я окажусь в Храд Спайне, поднять крышку и заглянуть внутрь саркофага. Проверить, правда ли там лежит покойник.

Я не настолько безумен, чтобы следовать глупым гоблинским советам. Надо быть настоящим силачом, таким как Медок, чтобы сдвинуть каменюку хотя бы на четверть дюйма. Да и огрести по ушам от того, кто сейчас спит вечным сном, можно в любой момент. Мертвых лучше не тревожить, особенно без всякой на то необходимости.

Так что я пошел своей дорогой, иногда, любопытства ради, останавливаясь возле того или иного гроба, чтобы узнать имя усопшего. Но любопытство вскоре иссякло, приходилось отчаянно вертеть головой, чтобы, не дай Сагот, не свернуть не в тот коридор, да и саркофагов стало так много, что если бы я читал имена всех усопших, то проторчал бы здесь лет десять.

Ящики иногда высились один на другом, поднимаясь до самого потолка, или прятались в нишах стен, сейчас больше всего напоминающих пчелиные соты. Причем очень часто на крышках саркофага оказывалось выдолбленное изображение покойного. Еще чаще, особенно в дальних от лестницы залах, мертвецов хоронили прямо в стенах, затем замуровывая ниши, или в полу, оставляя как напоминание о мертвом человеке могильные плиты.

Залам, коридорам, галереям, штольням, проходам, комнатам и лестничным пролетам, казалось, никогда не будет конца. И везде меня встречала кладбищенская тишина, многочисленные могилы и горгульи, провожавшие зашедшего сюда незрячими каменными глазами.

На первого мертвеца я наткнулся после долгих блужданий по второму ярусу, как обычно проигнорировав несколько лестниц, ведущих на третий ярус. (Я желал попасть на третий только через Створки, благо именно для этого у меня и имелся Ключ. А идти в любой проход мимо Створок ничем не лучше, чем сразу сигануть в омут головой или войти в горящий дом голышом.)

Покойник разлегся на полу, раскинув руки и ноги, явственно говоря, что он мертв уже не один месяц, о чем свидетельствовали изрядно истлевшая одежда и избавленные от плоти кости.

Если честно, именно таких мертвецов я уважаю больше всего, потому как от них меньше всего неприятностей. Сей вид трупов всегда лежит — никого не трогает, не хрипит, не желает тебя съесть или сотворить еще какую подлость. Образцовый усопший, в общем. А вот одежда его мне не понравилась, потому как она оказалась серо-синего цвета. И удоду ясно, что это не какое-то гражданское пла-

тье, а военный мундир. Мундир гвардейца королевской гвардии. О том, что при жизни человек был военным, свидетельствовал и сломанный меч, валявшийся рядом с останками.

Как сюда попал гвардеец Сталкона? Что ж, вероятно, я способен ответить на этот вопрос: парень мог оказаться участником первой экспедиции, той, что отправлялась за Рогом Радуги еще зимой — весной этого года. Тогда на поверхность не вернулся никто, а Алистан Маркауз потерял в Костяных дворцах больше сорока своих людей. Этот вояка был одним из них. А может, я ошибаюсь и покойник — участник второй экспедиции, которая тоже нашла свой последний приют в мрачных глубинах подземелья.

Череп оказался расплющен, словно на нем усердно потоптался мамонт из Безлюдных земель. Интересно знать, что могло убить парня? Я наклонился, внимательно изучая покойника, и тут мой взгляд уткнулся в черную сумку, на которой лежал мертвец. А ну-ка посмотрим, что там...

Я без всякой брезгливости (кости они и есть кости) отодвинул остов несчастного в сторону и поднял с пола сумку. Ткань от пропитавшей ее крови была жесткой и темной. Внутри лежала книга, но, увы, то, что в ней было написано, я разглядеть не смог — она оказалась почти вся залита кровью. Я попробовал перелистнуть страницы, но они слиплись, и лишь несколько из них поддались на мои настоятельные уговоры. Тьма! Ничего невозможно прочесть, хотя и видно, что книгу использовали для того, чтобы писать на полях.

...6 м...та
..... попал в л...вушк...

М-да, ничего не разберешь. Может, на последних страницах дела пойдут получше? Посмотрим...

Пока я листал книгу, мне попалась еще одна едва-едва различимая надпись.

28 ...арта.
Ст...рки заперт.. ....буем найти обхо....й путь. Синий св...т несет сме...ь!

Ага! Значит, отряд дошел до Створок, ведущих на третий ярус. Что за синий св...т? Сват? Свет? Или еще что-нибудь этакое? Посмотрим-посмотрим, что там дальше.

На последней странице не было ни капли крови, но единственная уцелевшая запись оказалась очень неразборчивой, и мне потребовалось небольшое усилие, чтобы прочитать закорючки. Казалось, что писавший очень торопился.

2 апреля

Лейтенант погиб, тварь расплющила его в лепешку. Сиарт и Шу ушли к лестнице.

Бедняга... Что же такое выползло к нему из глубин и размозжило голову?

Я с опаской осмотрел пустой зал и вход в следующий. Как и следовало ожидать, никаких страшилищ на горизонте. Что бы ни убило несчастного, оно уже давно ушло отсюда, поэтому, нисколько не таясь, я отправился дальше.

Здесь не было ни одного склепа, лишь высокие четырехгранные колонны с широким основанием. Казалось, им нет конца. Потолок едва светился, и от этого зал казался бесконечным и мрачным. Я старался держаться поближе к колоннам. Тьма его знает, что на меня нашло, но это место мне жутко не нравилось. Я прошел где-то четверть пути, и вот тут-то и начались неприятности.

По всему залу разнесся страшный скрежет, и я, не ожидавший ничего подобного, замер. Восемь секунд оглушающей тишины, и вновь скрежет. За две колонны от меня на стене появились три длинные и глубокие царапины. Казалось, что чьи-то мощные невидимые когти прочертили на камне борозды. Я, не веря своим глазам, испуганно клацнул зубами, и тут же под все тот же безумный скрежет на ближайшей колонне появились новые царапины.

От пронзительных звуков сводило челюсти.

Больше раздумывать и медлить я не стал и задал хорошего стрекача в обратном направлении. Колонна позади взорвалась облаком осколков. Что-то пребольно ударило меня в правое плечо, и я едва устоял на ногах.

Бум-м-м! Бум-м-м!

Тяжелые шаги и скрежет раздавались прямо за спиной, но я несся изо всех сил и не оборачивался (излишнее любопытство в Костяных дворцах каралось смертью). Колонны мелькали справа и слева, выход из зала сделался несравнимо далеким. Как назло, с пояса соскользнула казалось бы так хорошо закрепленная веревка-паутинка и шлепнулась на пол. Не могло быть и речи, чтобы остановиться и подобрать ее — своя жизнь дороже всех волшебных веревок мира.

Что бы за мной ни гналось, но дело свое оно знало, и еще три колонны позади меня лопнули каменным крошевом. Такое впечатление, что взбесившийся великан лупил по ним кулаками. Только вот какой надо обладать силищей, чтобы разнести каменную колонну толщиной с вековой дуб?

Я юркнул в зал, где лежал мертвый гвардеец, перескочил через покойника, пробежал все помещение и остановился у дальнего выхода. Чем бы ни была эта тварь, но выход из колонного зала слишком узок для нее. Шаги приближались, но, клянусь Саготом, я никого не видел!

Вновь заунывный скрежет, а затем большая часть стены у входа в колонный зал пошла трещинами, застонала, словно живая, и рухнула горой обломков.

Бум-м-м! Бум-м-м!

Невидимое чудовище наступило на скелет гвардейца, разнеся того в мелкую пыль, и с явным намерением сделать то же самое с милягой Гарретом двинулось в мою сторону.

Не стану врать, я, кажется, взвизгнул, а затем бросился бежать. Просто бежать, не думая о том, куда следует поворачивать, и не опасаясь заблудиться. Сейчас надо спасти свою шкуру. Позади меня раздавались страшные «бум-м-мы» и грохот рушащихся стен. Я бросился в коридор, свернул налево, направо, вновь налево...

Грохот твари уже давным-давно затих, а остановиться не хватало смелости. Я понял, что заблудился, лишь в тот момент, когда бежать уже не было никаких сил.

Послав все и вся во тьму, я уселся на пол и прислонился спиной к саркофагу. Будь что будет, но Гаррет больше бегать не намерен. Чем дольше носишься по полутемным коридорам, тем меньше шансов найти обратную дорогу. Плечо, куда угодил осколок колонны, ныло. Видать, теперь будет здоровенный синячище. Сейчас мне следовало отдохнуть, отдышаться и подумать, где я в данный конкретный момент нахожусь.

Собственно говоря, все начиналось так же невинно, как и на первом ярусе, и кое-кто (не будем показывать на этого субъекта пальцем) излишне и непростительно расслабился, не ожидая никакой беды. Вот и доигрался! Мало того что заблудился, так еще и веревку потерял. А без паутинки назад не вернешься, милочка Лафреса обрушила лестницу, и восемь ярдов до потолка мне не преодолеть до тех пор, пока люди не научатся более-менее прилично летать. Перспектива подохнуть в Храд Спайне увеличилась в десятки раз. Пытаться вернуть веревку нет никакого смысла — не уверен, что смогу отыскать дорогу назад, да и соваться в логово Разрушителя стен не очень-то и хотелось.

Итак, выход под солнышко закрыт для меня на веки вечные. Если, конечно, не отыщется другой или не найдется новая эльфийская веревка-паутинка (последнее — еще менее вероятное чудо, чем успех попытки добраться до люка в потолке).

То, что есть другие выходы из Костяных дворцов, я нисколечко не сомневался. По крайней мере, существовало четыре центральных спуска в Храд Спайн. Восточный — тот, через который я вошел. Западный — где-то в самом сердце Заграбы, но до него идти сотни лиг. Еще было два входа возле отрогов Гор карликов, но с тех пор как в могильниках пробудилось зло, карлики завалили ближайшие к их королевству входы от греха подальше. Так что о перечисленных спусках я могу забыть. Но кроме центральных должны быть и менее значительные входы. Обязательно должны быть, весь вопрос в том, смогу ли я их отыскать?

Просто так бродить по первому ярусу и тешить себя зыбкой надеждой на чудо в мои планы не входило, поэтому я извлек из сумки карты и при тусклом свете занялся очередным кропотливым их изучением. Пришлось провозиться более получаса, чтобы отыскать старую лестницу первого яруса, ведущую на поверхность. По моим подсчетам, если она, конечно, сохранилась и продержалась все эти тысячелетия, от Створок до нее было две лиги по второму ярусу и пять лиг по первому. Огромное расстояние, но это лучше, чем ничего.

Что ж, после того как (то есть если) я смогу добыть Рог, у меня появится шанс выбраться из могильников, пускай я и окажусь за тьму-тьмущую от того места, где меня ожидает отряд. Но уж лучше я буду в совершенно незнакомой мне лесной чаще, чем подохну от голода в этих унылых каменных залах. (И какая только сволочь придумала сказку, что здесь неимоверно красиво?)

Сейчас же основной проблемой и главным жизненным вопросом было то, что я не имел никакого понятия, в какой части второго яруса нахожусь. Панический забег наперегонки с разрушителем стен полностью лишил меня ориентации в пространстве, и теперь в верном нахождении пути могут помочь только карты. Следовало найти какой-то приметный и необычный зал, затем отыскать его на карте и сориентироваться.

Задачка, на первый взгляд очень легкая, на самом деле оказалась очень непростой. В этом секторе все залы и все коридоры были похожи один на другой.

Полутьма, захоронения и сотни горгулий. Чем дольше я бродил в каменном лабиринте усыпальниц, тем в большее отчаяние впадал.

Зал, коридор, комната, перекресток, зал, зал, коридор, полутьма и горгульи. Эти проклятые твари с мерзкими рожами нервировали меня почище, чем сотня гоблинов-шутов, обкурившихся красавки. Ноги гудели, пришлось сделать очередной перерыв и перекусить. Я все еще нахожусь где-то на ярусе людей, но на стенах, как это было раньше, не наблюдалось ни одного указателя или пометки. По Храд Спайну я мотался уже полтора дня, но так и не смог добраться до

Створок. А ведь где-то еще бродит Лафреса с прислужниками Хозяина. Будет крайне приятственно наткнуться на них в самый неподходящий для этого момент.

Наконец, когда уже собирался взвыть во весь голос, чтобы хоть что-нибудь услышать в давящей на глаза полутьме, я вышел к громадному залу, где все саркофаги были установлены в форме огромной восьмиконечной звезды. При ближайшем рассмотрении зал тоже оказался такой же формы — звезды, но только пятиконечной.

Вновь пришлось лезть за картами. Зал-звезду я нашел довольно быстро, его не заметил бы только слепой. Проследив по картам путь до Створок, я тихонько присвистнул. Да-а-а-лековато меня занесло. Топать и топать. И путь в отличие от пути, указанного магами Ордена на карте, казался несоизмеримо опаснее. Здесь не были указаны ни расположение ловушек, ни другие «милые» моему сердцу сюрпризы. Все то, что я обходил за лигу, теперь могло находиться прямо у меня под ногами. Возвращаться назад не имело смысла — я так хорошо заплутал, что путь обратно и дальнейшее путешествие к третьему ярусу будут намного длиннее, чем дорога отсюда до Створок. К тому же я ни на миг не забывал о твари, едва не расшибившей меня в лепешку. Вот радости-то было бы, попадись я ей под ноги!

Я отправился в путь, между делом кляня почем свет проклятых магов, запрятавших Рог Радуги на такую несусветную глубину, строителей Костяных дворцов, создавших бесконечный лабиринт, тварей, которым не сидится на месте, и себя за то, что так плохо закрепил паутинку на поясе.

Не прошло и получаса с тех пор, как я покинул зал-звезду, а в одной из смежных с коридором комнат что-то блеснуло. Этот блеск я заметил краем глаза, но подействовал он на меня, как запах травки-красавки на любителя этого зелья или как жирный червяк на голодного карася. То бишь я остановился и дважды протер глаза, дабы удостовериться, что у меня не внезапное видение. Протирание глаз нисколечко не помогло — блеск никуда не делся.

Собственно говоря, в маленькой круглой комнатушке стояли два каменных гроба, на крышках которых лежали мечи. Из коридора я не мог различить, насколько хорошо сохранились клинки, но, думаю, они были точно такими же, как в тот момент, когда навечно упокоились в подземелье вместе со своими хозяевами.

Воздух здесь был сухой и очень теплый, так что ни о какой влаге и сырости, грозящей металлу ржавчиной, не могло быть и речи. Но тьма с ними, с мечами! Такого барахла полно в любой оружейной лавке, пускай у лежавших на гробах клинках и были очень дорогие ножны.

Мое внимание привлекло совершенно другое: на ближайшей ко мне каменной усыпальнице лежала самая настоящая корона. Тяжелый золотой обод, из которого вырастали маленькие золотые листья. Но и золото сейчас было не главным. В короне находились камни — целых четыре штуки. Каждый размером с приличное голубиное яйцо. И камушки эти мерцали насыщенным темно-синим цветом.

Клянусь всеми богами и демонами, но таких булыжников не было даже в короне Сталкона, а оттого у меня возникло стойкое и непроходящее желание выковырять камушки себе.

Выходит, не врала людская молва, говорившая, что есть в Костяных дворцах несметные богатства, да такие, что им позавидуют некоторые королевские сокровищницы. Правда, меня немного смущал тот факт, что корона лежала на виду. А нет ли здесь какого-то подвоха?

Я осторожно заглянул в зал, внимательно изучая пол. Вроде ничего опасного, все плиты плотно подогнаны друг к другу. В стенах никаких отверстий. Так что не стоит опасаться стрелы в брюхо или огненного шарика в задницу. Но вот потолок... Потолок был немного странноват. Он сужался в виде конуса, кончик которого был направлен точнехонько на саркофаг, где покоилась корона.

Жадность боролась с осторожностью, и первая победила. Камни оказались для меня уж очень большим кушем, и я не мог оставить их лежать на могиле неизвестного мертвеца еще пятьсот лет. Я сделал аккуратный шаг и оказался в комнате. Еще один шаг. И еще один. Корона была все ближе и ближе.

Едва слышное «з-з-з» привлекло мое внимание. Я задрал голову и увидел, что по конусу растекается розовое сияние.

«Прочь!» — рявкнуло у меня в голове.

В два прыжка я вылетел в коридор, и в этот самый момент тоненький писк комара сменился визгом ошалелого гоблина, и ослепительный розовый луч, упавший с потолка, в один миг развалил гробницу.

Из комнаты стеной повалила пыль, мелкая каменная крошка и прах, а я зло выругался, сетуя на потерю сокровища и на гадов, установивших ловушку. В глазах плясали яркие пятна, в ушах все еще стоял звон. Благодаря своей вселенской жадности я едва не отправился в свет. Спасибо Вальдеру — мертвый архимаг вовремя предупредил меня об опасности. И не только предупредил, но и на несколько секунд овладел контролем над моим телом и заставил выскочить из комнаты.

— Спасибо, Вальдер,— просипел я, но, как и следовало ожидать, в голове у меня молчали.

Душа погибшего на Закрытой территории мага не считала своим долгом общаться по пустякам.

Я вздохнул.

От Вальдера не было ничего слышно с тех самых пор, как я побывал в тюряге Хозяина. Архимаг молчал уже давно, и я стал забывать о его существовании. Но он появился как всегда неожиданно и как всегда в тот самый момент, когда моей шкуре грозила оч-чень большая опасность. Дух, без спросу поселившийся в голове, не всегда спешил на помощь. Иногда, когда жизнь висела на тонюсеньком волоске, допроситься помощи от Вальдера было все равно что дождаться дождя в пустынях Султаната.

Пройдя сорок три зала, я нарвался на новую ловушку, по счастью уже активированную. Короткий отрезок коридора с дырой вместо пола. Яма глубиной в три ярда, утыканная острыми стальными шипами. Внизу лежал скелет, сквозь ребра которого, словно побеги молодых деревьев, торчали шипы. Бедняга не заметил капкана и поплатился за это жизнью.

Проблема была в том, что Гаррет, увы, не блоха. Даже если я разбегусь, то не смогу преодолеть в прыжке пятнадцать с лишним ярдов. Реальность такова, что на половине полета рухну в яму.

Тупик.

Обходного пути нет, и либо я преодолею яму, либо придется потерять еще один день, чтобы возвратиться назад, а уже оттуда искать дорогу к Створкам.

При внимательном изучении провалившегося пола я увидел, что в стенах имеются широкие длинные щели, где вполне могли находиться исчезнувшие плиты. Значит ли это, что здесь какой-то скрытый механизм и если его активировать, то плиты встанут на свои места и закроют яму, предоставив мне возможность пройти дальше?

Вполне вероятно.

После дальнейших изысканий я заметил на потолке выступающий прямоугольный блок. А вот и разгадка. Сейчас до него мне ничуть не ближе, чем до луны, особенно если учесть тот факт, что паутинка безвозвратно потеряна.

Но оставался еще арбалет. Я прицелился и нажал на спуск. Болт щелкнул по стене рядом с блоком, высек искру и, отскочив, упал в яму. Ладно, попробуем по-другому. Я лег на пол так, чтобы выступающая часть потолка оказалась прямо надо мной, обеими руками поднял оружие.

Звеньк!

Блок плавно и беззвучно утонул в потолке, слившись с ним в единое целое. В стене что-то тихонько загудело, а затем из дыр выползли плиты и ме-э-эдленно двинулись навстречу друг другу. Я не

стал ждать, когда они сомкнутся и создадут монолитный пол — слишком велика вероятность того, что ловушка окажется взведенной.

Прыгнул на левую движущуюся плиту и, стараясь не хряснуться в яму, поспешил вперед. Я успел встать на нормальную поверхность до того, как плиты с глухим «пфф» сомкнулись.

Еще два зала и вновь коридор с узкими длинными прорезями в стенах, только на этот раз прорези находились на уровне моих бедер. Оч-чередной сюрпризец, прибери его тьма!

Я подошел к разбитому саркофагу. Вот уж не знаю, кто постарался разбить крышку гроба, но теперь до останков можно было легко добраться. Желтый череп скалился на меня из усыпальницы. Я взял его в руки и бросил на пол коридора.

Из дальних прорезей выскочили полукруглые лезвия, взвизгнули в воздухе, долетели до входа, щелкнули, остановились. Теперь понятно. Меня вполне могло разрезать на двух Гарретов. В то время как лезвия исчезали в стене, а ловушка перезаряжалась для нового путника, я проскочил мимо и был таков.

Пока все уловки-западни выглядели излишне топорными, а это говорило лишь о том, что все ловушки — поделки людских рук. Думаю, эльфы и орки были бы намного изобретательнее в способах отправки в свет нежелательных посетителей священных дворцов.

Прошло довольно много времени, и усталость взяла свое. На этот раз я устроил себе гнездышко на руках большой и страшной горгульи. Пришлось потрудиться, чтобы залезть в сложенные чашей каменные ладони, но здесь я себя чувствовал, как у Сагота за пазухой. Пережевав половинку сухаря, сняв сапоги и положив под голову сумку, а под руку взведенный арбалет, я уснул как младенец.

Не знаю, сколько я проспал — в подземельях время течет незаметно. Ни солнца, ни звезд. Приходилось ориентироваться на голод и усталость, а если считать, что от усталости не осталось и следа, то вполне возможно предположить, что продрых я долго. По крайней мере, в животе требовательно урчало, и мне потребовалось запихать в него очередную половинку волшебной снеди, дабы он заткнулся на какое-то время.

От долгого лежания на камнях все тело затекло, и я с трудом встал, потянулся и надел сапоги. Пора было двигаться в путь, до Створок оставалось пройти не больше десяти залов.

— Ходим, ходим, ходим, а никакого толку! Ты понимаешь, что мы заблудились в этих проклятых коридорах?!

Неожиданно прозвучавший голос заставил меня инстинктивно пригнуться, хотя, даже стой я во весь рост, меня бы никто не увидел. Сложенные руки горгульи служили великолепным укрытием.

— А все из-за тебя! — раздался второй голос.

— Из-за меня?!

— А кому приспичило отлить?! Из-за тебя все ушли дальше, и мы не смогли их найти! Какой же я дурак, что остался с тобой!

— Не паникуй. Милорд Балистан Паргайд своих людей не бросает.

— То-то последние восемь часов он нас так усиленно ищет,— фыркнул второй.

— Есть-то как хочется! Куда нам теперь идти?

— Один хрен! Давай вперед. Будь проклят тот день, когда я полез под землю!

— Граф обещал заплатить по сто золотых каждому.

— Покойникам деньги не нужны. А мы — покойники, все припасы остались у Лорга.

Голоса стали отдаляться, и я позволил себе подпрыгнуть, схватиться за край чаши-рук и подтянуться. Два воина, облаченные в кольчуги и при мечах, устало плелись в ту сторону, откуда я совсем недавно пришел.

Заблудились бедные. Ну туда им и дорога. Через два зала ловушка, которая расплющит их в кровавый блин. И я даже не подумаю их остановить.

Выходит, что Балистан Паргайд и Лафреса добрались-таки до второго яруса. Неприятное известие. Надеюсь, они успели потерять достаточно людей.

Я дождался, когда люди скроются в дальнем коридоре, спрыгнул вниз и поспешил своей дорогой. Здесь путь был прямой, словно улица Смотра, а значит, до первого перекрестка я могу идти совершенно смело.

Два барана, только что протопавших подо мной, должны были активировать все ловушки, а так как они все еще живы, я вполне могу заключить, что ни одной западни на дороге не предвидится. Следующие шесть залов я преодолел бегом (на тот случай, если заблудившиеся решат вернуться назад).

В седьмом зале, стены которого пестрели от черных провалов коридоров, ведущих во все стороны, я замешкался, покопался в бумагах и шагнул в четвертый по правую руку. Коридор выглядел по меньшей мере странно — семь шагов и резкий поворот налево, еще семь шагов и вновь налево, затем направо, и так достаточно долго. Эдакая ломаная змейка, построенная руками безумного ребенка. К

тому же здесь было настолько узко, что в некоторых местах приходилось угрем продираться между сдвинувшихся стен.

Я возблагодарил Сагота, когда оказался у лестницы. Здесь меня встречали два каменных изваяния. Знакомые твари — полуптицы-полумедведи. Интересно, в чьей больной голове родилась мысль придумать таких образин? Уж точно не в человеческой.

Чем ниже я спускался по ступенькам, тем выше поднимался потолок и тем темнее становилось вокруг.

Лестница кончилась, и я оказался в зале. Огромном. Необъятном. Совершенно темном, хоть глаз выколи. Я уже было собрался лезть в сумку за «огоньком», но тут пол тихонько засветился, и прямо из-под ног куда-то вдаль побежала ярко освещенная дорожка.

Снова магия, но эта хотя бы не грозит мгновенной смертью. Дорожка все бежала и бежала, указывая путь, а затем остановилась у дальней стены, и тут же на ней вспыхнул большой прямоугольник. До него было так далеко, что я поначалу не понял, что это такое, а когда понял... Когда понял, возблагодарил Сагота.

Впереди сияли Створки.

Глава 5
СКВОЗЬ ДРЕМЛЮЩИЙ МРАК

Шаги громким эхом отпрыгивали от пола, выложенного белыми мраморными плитами, и словно летучие мыши, испугавшиеся света факела, метались под потолком, отражаясь и множась.

Меня так и подмывало сойти с тропинки в полумрак, чтобы быть менее заметным, но, тьма меня возьми, световая дорожка ведь специально создана для того, чтобы по ней шли пришедшие сюда, и Сагот знает, что меня ждет, если я с нее сойду.

Створки становились все ближе и ближе, но на них я почти не смотрел. Меня больше заботило то, что плиты, по которым я проходил секунду назад, тускнели, темнели и гасли. За мной кралась темнота. Не очень-то приятное ощущение. Стен зала я не видел, они тонули в черной бархатистой мгле и были недосягаемы для света, излучаемого дорожкой.

Перед самыми Створками неровным полукругом светились сразу два десятка плит, образующих площадку ярдов в двадцать в поперечнике. Отсюда вправо и влево от Створок отходило два коридора с высокими потолками, где мерцали маленькие голубые огоньки, заливающие холлы бледным голубоватым светом, переходящим в дымку точно такого же цвета. Куда они вели, я не знал. В бумагах старой башни Ордена о них не было ни слова.

К Неназываемому таинственные коридоры! Я не собирался устраивать по ним ознакомительные прогулки, сейчас в целом мире существовали только я и Створки, возвышавшиеся надо мной на высоту семнадцати ярдов.

Я снял с руки перчатку и осторожно коснулся ладонью поверхности Створок. Они оказались теплыми, словно в них горело слабое пламя, и в то же время ледяными, как будто их вырезали из единой глыбы темного льда. А еще они были очень гладкими. Я даже не стал предполагать, из какого материала их сотворили, но внешне он был очень похож на черное непрозрачное стекло. Готов поспорить на выручку от ста будущих Заказов, что, стучи по Створкам хоть рота великанов, хоть армия магов всех мастей — преграда даже не дрогнет.

Эльфы сотворили великолепную вещь, и тому, кто не владел Ключом, проход дальше был заказан (представляю, как взбесились орки, когда обнаружили, что самый легкий и быстрый путь к гробницам их предков оказался заперт темными до скончания веков).

Сейчас врата едва сияли темно-синим светом, но даже он нисколько не мог помочь мне отыскать то место, где одна Створка соприкасалась с другой.

Я встал у края этих великолепных Дверей и, приложив к ним руку, прошел все десять ярдов от одного края до другого. Ни-че-го. Абсолютно ровная, совершенно цельная поверхность, если не считать искусно выполненных на ней мастерами-скульпторами темных и светлых эльфов изображений, повествующих о схватках своего народа с Первыми.

Эти картины поражали своей красотой, выразительностью и вниманием к мелким деталям. Вот эльф, вооруженный с'кашем, опустил ногу на тело поверженного противника. Складывалось впечатление, будто все изображенное неизвестными скульпторами происходит у тебя на глазах. Фигуры казались живыми, был виден каждый волос, каждое колечко кольчуги, каждая морщинка в уголках глаз уже немолодого эльфа.

А вот исполинский дуб. Можно разглядеть каждый листочек, каждую щербинку на толстой коре. Связанные орки висят на нем вниз головой, в раскосых глазах стынет вселенский ужас. Внизу стоят эльфы. Много эльфов. Насколько я знаю расу Вторых, ребята собираются устроить оркам Зеленый лист.

Все это, конечно, впечатляло, но на Створках не было самого важного — замочной скважины, куда следовало вставить принесенный мною Ключ. Я проглядел все глаза, два раза прошел из угла в угол, но не нашел ни одной зацепки. Мало того что меня немного нервировал окружающий мрак огромного зала и голубая полумгла

двух коридоров, так еще и со Створками было что-то не так. Самое досадное, что я никак не мог понять, что же так меня смущает с того самого момента, как я к ним подошел.

Это «что-то» постоянно от меня ускользало, может быть оттого, что я слишком сильно волновался, находясь перед одной из великих легенд этого тысячелетия.

Спокойно, Гаррет, спокойно. Давай трезво оценивать ситуацию. Ключ у тебя, и его создали именно для того, чтобы отомкнуть Створки. Значит, он должен их отомкнуть, а тебе надо всего лишь поднапрячь то, что находится у тебя в башке, и найти замочную скважину.

Я зашел и так и эдак, и сяк и не сяк... Пусто. Может, это такая эльфийская шутка — создать неоткрывающиеся Створки? Тогда какой тьмы они пыжились и связывались с карликами, чтобы те сделали Ключ? Ведь не для собственного же удовольствия? Была бы жива Миралисса, и все оказалось бы намного легче и проще. Эльфийка могла знать что-то такое, чего не знал Эграсса. Просто держала тайну до того момента, как мы придем к Храд Спайну, но сказать ее так и не успела...

Разгадку я все же нашел. Она крылась в фигурах, изображенных на Створках, а точнее, в одной из них. В левом нижнем углу был изображен высокий эльф. Правая рука протянута вперед, ладонь открыта, а в ладони — почти незаметная из-за цвета стекла — выемка. Даже не выемка, а так, маленькая бугристость, теряющаяся среди десятков выдавленных в Створках фигур. Размеры выемки как раз подходили для того, чтобы положить туда Ключ.

Выудив из-под рубахи цепочку, где болтался тонкий и изящный льдисто-хрустальный артефакт, я вложил его в ладонь эльфа. Кристалл мигнул фиолетовым, и вся фигура эльфа на миг засияла. Из прозрачного Ключ стал точно такого же цвета, как и Створки. Эльфийский артефакт слился с ними в одно целое.

Затем ровно посередине огромных ворот снизу вверх пробежала светящаяся фиолетовая линия, и Створки медленно и абсолютно бесшумно принялись раскрываться в мою сторону. Пришлось отступать назад, чтобы какая-нибудь из них меня не задела. В груди что-то тихонько лопнуло, и я понял, что узы, которыми Миралисса связала меня и Ключ, порвались. Ничего удивительного: я же отомкнул врата, и теперь узы больше не нужны. Артефакт сделал свое дело.

— Узы были крепки,— промурлыкал Ключ.— Беги!

Бежать? Но они же еще не раскрылись?

— Беги прочь! Запах врага! Узы были крепки! — напоследок шепнул Ключ и замолк.

Запах врага? О чем он говорит?

Я принюхался и почувствовал слабый запах клубники. Лафреса!

—Убейте его! — рявкнул из темноты мужской голос.

Может, местами я плохо соображаю, может, я туп как пробка, может, я не умею владеть мечом, но одного у меня не отнимешь — когда прижмет, я мыслю со скоростью молнии, а бегаю еще быстрее.

Не верите?

Что ж, спросите у доблестной стражи Внутреннего города, сколько раз они смогли меня догнать. Не думаю, что они ответят вам правду, но так и быть, скажу сам. Меня еще никому не удавалось поймать (исключая тот памятный случай, когда за дело взялся барон Фраго Лантэн и я получил нынешний Заказ).

Когда граф Балистан Паргайд проорал команду, я уже находился далеко от Створок и что было сил улепетывал по левому коридору. В отдалении кто-то орал, что меня надо догнать, другие требовали, чтобы я немедленно остановился, или хуже будет. Естественно, я даже не думал останавливаться. На мое счастье, у поджидавшего, пока я открою Створки, отряда не было при себе арбалетов, иначе бы я уже отправился в свет. Теперь им оставалось только одно — догнать меня и продырявить.

Естественно, я не собирался принимать участие в столь неприятном процессе и, услышав за спиной голоса преследователей, поднажал еще сильнее. У меня было небольшое преимущество перед шакалами Хозяина — я сорвался с места намного раньше, чем они, да и бегать в кольчугах и при мечах чуть тяжелее, чем без оных.

Я несся по нескончаемому коридору, залитому голубым светом, молясь Саготу лишь о том, чтобы он даровал мне перекресток, дабы я смог запутать следы. Как назло, по пути не было ни одного ответвления, лишь коридор раздвинул стены в стороны, приподнял потолок и погасил каждый второй голубой огонек.

Стало еще мрачнее, видимость ухудшилась, создавалось ощущение, что я бегу по призрачному миру, купаясь в голубоватой патоке дымки. Сине-голубой свет вызывал ощущение нереальности происходящего, я попал в иллюзорный мираж сна, который никак не хотел кончаться.

Фш-ш-ш... Фш-ш-ш... Ф-ш-ш-ш...

Огоньки под потолком проносились надо мной яркими размытыми пятнами. Пол здесь, как и в Створчатом зале, был выложен белой мраморной плиткой с золотыми прожилками, но, по счастью, не светился. Топот преследователей, впрочем, как и их воинственные вопли, были прекрасно слышны. До идиотов пока еще не дошло, что громко орать в местах вроде Храд Спайна опасно для здоровья.

Фора у меня есть, и я позволил себе оглянуться назад, дабы оценить шансы выжить в сегодняшнем забеге.

Коридор залит густым туманом, и видно не далее чем на пятьдесят шагов. А я оторвался на гораздо большее расстояние, так что в поле зрения пока никого не наблюдалось.

Раздумывать нет времени — псы Балистана Паргайда вот-вот будут здесь, и тогда меня сможет спасти одно лишь чудо. По стенам коридора тянулись широкие бордюры, с которых на меня скалились каменные горгульи, каждая высотой в два человеческих роста.

Скульптор изобразил тварей совершенно одинаковыми — у всех головы в виде человеческих черепов и неестественно длинные лапы с тремя пальцами. Горгульи наклонились над дорожкой, и казалось, еще секунда — и какая-нибудь из скульптур оживет и спрыгнет вниз. То, что я задумал, вполне могло пройти.

Я вскочил на бордюр, закинул ногу на бедро горгульи, подтянулся, вцепился в шею статуи и спрятался между ее спиной и стеной коридора.

Великолепное место. Во-первых, вряд ли преследователи станут смотреть вверх. Во-вторых, меня не видно, а в-третьих, я все прекрасно видел.

На секунду мне показалось, что каменная спина горгульи едва заметно дрогнула. Естественно, это полная чушь, в голубом мареве могло привидеться и не такое. Я извлек из-за спины арбалет и принялся ждать гостей.

Спустя десять долгих, но отнюдь не томительных секунд появились преследователи. Граф Балистан Паргайд снарядил в погоню четверку воинов. Эти ребята ничем не отличались от тех двоих, что заблудились в лабиринте второго яруса. Кольчуги, мечи и свирепое желание догнать некоего Гаррета, преспокойно (вру) пережидающего опасность за спиной статуи.

Как я и думал, парни даже не удосужились посмотреть по сторонам. Все их силы были направлены на вопли и размахивание мечами. Четверка пробежала мимо моего укрытия и с победными криками скрылась в голубой дымке. Что же, пущай догоняют, бег, как говорят, полезен для здоровья. А я лучше посижу здесь и подожду, когда они набегаются и уберутся подальше.

Как же все-таки мастерски провела меня Лафреса! Хотя я сам виноват — недооценил опасного противника. А ведь знал же, что она не последняя фигура в играх Хозяина и к тому же еще и волшебница каких поискать! Так что ничего удивительного, что женщина смогла найти дорогу к Створкам и избежать ловушек, а также подготовить для меня приятную встречу. Не буду даже предполагать,

как она догадалась, что я тоже достигну Створок, но выводы служанка Хозяина сделала правильные.

Без Ключа ей не удалось отомкнуть врата, поэтому Лафресе оставалось только одно — ждать, пока олух, связанный с артефактом узами, не откроет их для нее. Я поступил так, как она и предполагала, и тогда уж вступили в игру люди Балистана Паргайда, жаждущие моей кровушки. Да, возле Створок витал слабый запах клубники, он смущал меня, но внимания на него я не обратил, и если бы не волшебный Ключ...

Долгий и ни с чем не сравнимый вопль боли и ужаса потряс коридор, заставив меня испуганно икнуть. Шаткое мгновение тишины, а затем еще один захлебывающийся крик. И еще один. Волосы на голове зашевелились и встали дыбом. Я как можно теснее прижался к спине горгульи, пытаясь раствориться в воздухе.

—Спаси меня, Сагра! Спаси меня, Сагра!!! А-а-а-а!!! Спаси меня, Сагра!!!

С криками и мольбами из дымки выскочил человек. Единственный из той четверки, что совсем недавно преследовала меня.

Человек отбросил меч и что было сил несся обратно к Створчатому залу, призывая на помощь Сагру. Как и следовало ожидать, богиня войны не откликнулась на призыв. Зато откликнулся кое-кто другой. Горгулья, находящаяся на противоположной от меня стороне коридора, повернула голову на вопли воина.

Поначалу я даже подумал, что это обман зрения, вызванный странным светом, заливающим коридор, но вот шевельнулись пальцы на лапах, дрогнули плечи, и, когда человек пробегал под ожившей горгульей, каменный монстр проворно спрыгнул с бордюра и всей тяжестью обрушился на воина.

Кляк!

От парня осталось мокрое место, он даже не успел понять, что его убило. Длинные каменные руки чудовища приподняли тело за ноги, размахнулись и ударили мертвеца головой о бордюр. Раздался звук треснувшего ореха. Камень окрасился темным. Все так же молча горгулья вернулась на свое привычное место и застыла в прежней позе, вновь обратившись в безжизненный камень. Будто и не было той страшной картины, что я увидел минуту назад.

Я старался успокоить бешено колотящееся сердце, но это было выше моих сил. Сохрани Сагот, никак не могу оторвать взгляда от чудовища, убившего человека! Но тварь не шевелится и не подает признаков жизни.

Как же, меня теперь не обманешь!

Спина горгульи, за которой я все это время прятался, вновь едва заметно дрогнула. Да нет, почудилось... Или НЕ почудилось? Я не дышал. Голова на каменной шее пришла в движение...

Я говорил, что, когда крепко прижмет, старина Гаррет соображает быстрее молнии? Ах говорил! А я случайно не рассказывал, что бегаю очень быстро? И это было? Тогда ничего удивительного, что во время такой канители я мог забыть все сказанное ранее.

Итак, я что есть сил несся к Створчатому залу, а где-то у меня за спиной просыпалась от долгого сна горгулья. Конечно же я не собирался дожидаться пренеприятнейшего момента полного пробуждения каменного монстра и сделал ноги, прежде чем меня успели схватить.

Фш-ш-ш... Фш-ш-ш... Ф-ш-ш-ш...

Голубые огоньки слились в длинные росчерки. Сейчас мне приходилось бежать в обратном направлении. Во тьму Лафресу и Балистана Паргайда с его людьми! Как-нибудь прорвусь! В Створчатом зале у меня был хоть какой-то шанс, хоть какая-то капелька удачи и внезапности, а беги я в противоположную сторону — гарантированно попаду в свет. Да и сквозила у меня в голове одна глупая идейка: выскочи я к Створкам — и горгулья вполне способна обратить свое драгоценное внимание на кого-нибудь из людей Паргайда и забыть про меня. Немного эгоистичный поступок, но эффективный, с этим, надеюсь, никто спорить не будет?

По коридору разносился скрежет каменных когтей. За мной неслось что-то большое и очень недружелюбное. Я поддал скорости, дабы не оказаться в каменных объятиях преследователя.

Горгулья, стоявшая впереди, потянулась и стала слезать с бордюра, но я уже пролетел мимо, не давая очередному ожившему порождению тьмы опомниться. До выхода из коридора было недалеко, но дорогу мне преградила третья тварь. Она, с горящими голубыми угольками вместо глаз, встала прямо на моем пути. Остановиться сейчас — совершить большущую и непростительную глупость, поэтому я камнем рухнул на пол, проехал на животе по мраморной плитке и прошмыгнул между ног твари. Вроде бы та даже не успела ничего понять.

Я вскочил и дал деру. За спиной раздался жуткий грохот — это преследовавшее меня чудовище не успело остановиться и врезалось в подружку, под которой я так ловко проскользнул.

Коридор выплюнул мою быстроногую светлость обратно в Створчатый зал.

Светящийся пол возле Створок. Тьма в глубине зала. И никого. Так я и думал: Балистан Паргайд не стал дожидаться, когда его

люди меня укокошат, и пошел к третьему ярусу, благо, на его счастье, один идиот успел отомкнуть Створки.

Сдавленное разочарованное стенание донеслось до меня из коридора. Я обернулся.

Купаясь в лучах голубого света, на границе коридора и Створчатого зала стояло несколько оживших статуй. Они смотрели на меня в бессильной ярости. Секунда — и они, развернувшись, потопали назад, так и не решившись переступить границу голубого света.

Я облегченно крякнул и попытался отдышаться. Недаром в дневнике убитого гвардейца было написано, что синий свет несет смерть.

Фу! Так, не ровен час, и помереть можно.

Кли-кли меня предупреждал и частенько насмехался, говоря, что если я выживу в Костяных дворцах, то они запомнятся мне именно беготней. От одного убежишь. Потом от другого. Затем от третьего.

Я едва не упустил момент, когда Створки стали закрываться. Все это происходило абсолютно бесшумно, и когда я обратил внимание на волшебные ворота, они уже закрылись на четверть.

Так недолго и здесь остаться! Я бросился к ним, лихорадочно ища фигуру эльфа, в руке которого я оставил Ключ. Створки продолжали безжалостно закрываться.

Тьма! Нужен Ключ! Эграсса оторвет мне голову, если я вернусь назад без эльфийской реликвии!

Тьма! Тьма! Тьма! Тьма!

Сожри мои мозги демоны бездны! Ладонь эльфа была абсолютно пустой! Проклятая Лафреса забрала артефакт!

Не время посылать проклятия небесам — между Створками осталась небольшая щель, и я бросился вперед. Иначе, чтобы попасть на третий ярус, мне придется прогрызать дыру в воротах зубами.

Я успел.

Угроза быть раздавленным сдвигающимися Створками заставила меня пошевеливаться, и я выскочил на другую сторону, словно пробка из бутылки игристого вина. Ворота бесшумно сомкнулись за мной, не оставив каких-либо шансов вернуться назад этой дорогой. Теперь или я отниму Ключ у Лафресы (что невероятно), или пройду через бездну ужаса и найду другой выход (что еще менее вероятно). Мне оставался один-единственный путь — вперед и только вперед, надеясь, что какая-нибудь добрая душа пришибет колдунью и я сниму с ее тела Ключ.

Прижавшись спиной к гладкой черной поверхности, я вглядывался в темноту. Перед Створками еще жил какой-то мало-мальский свет, а вот дальше...

Через тридцать шагов уже ничего не было видно. Густой бархатистый мрак. Я стоял на едва освещенной гранитной площадке шириной чуть больше Створок и длиной шагов в пятнадцать.

Вся площадка усыпана костями. Слева и справа пол переходил в стены пещеры, уходящей во мрак. Потолка не видно, он слишком, он чудовищно высок, и отсутствие яркого света надежно скрывало его от моих глаз. Площадка с неровными, обломанными краями срывалась в бездну, залитую пустотой. Похоже, Створки впустили меня в непостижимо огромную естественную пещеру, обнаруженную строителями Храд Спайна множество тысячелетий назад.

Третий ярус намного ниже того места, где я сейчас нахожусь, и к нему ведет каменный мостик, начинающийся от волшебных ворот и кончающийся где-то там. Мне придется пересечь пещеру по мосту.

М-дя...

Не очень обнадеживающая перспектива, особенно если учесть, что он всего четыре шага в ширину и у него отсутствует всякое подобие перил. Как бы не свалиться, а то буду лететь вниз, пока не помру с голоду.

Не вовремя проснувшееся любопытство заставило меня поднять с камней то, что раньше было плечевой костью, и бросить это в бездну. Я тут же пожалел о своем минутном порыве — мало ли кого можно растревожить. Жалеть жалел, но считать не забывал, авось узнаю глубину бездонной пещеры. Я бросил это дело на девяносто трех, поняв, что так ничего и не услышу. Если кость и упала, то расстояние оказалось слишком велико, чтобы мои уши смогли расслышать звук удара.

С тех пор как захлопнулись Створки, прошло больше пятнадцати минут, пора двигаться в путь, отринув на время соображения о том, как мне выбираться обратно.

Сейчас я попросту тянул время и не спешил вступать на мост. Спорю на полновесный золотой, что он длиннее, чем жизнь огра, а между тем никаких опор, отходящих от него вниз, я не видел. На чем держится весь этот вес? Какая магия заставила камень превратиться в путь?

Да и слуги Хозяина все еще могли быть где-то поблизости, а встреча с ними на площадке шириной в четыре шага фатальна для здоровья. Лафреса, Балистан Паргайд, Бледный и еще дюжина людей. Думаю, они как никогда будут рады меня видеть. С одной стороны, наткнись я на них, и как пить дать произойдут неприятности. С другой стороны, упусти я их сейчас и потеряй в лабиринте дворцов и залов, и о Ключе можно забыть. Как и о шансе вернуться из глубин под солнечные лучи. Нечего раздумывать! Надо действовать! Как там дальше в стишке-загадке?

А дальше — иди же! Распахнуты Створки
В Уснувшего Шепота залов покой.
Здесь мозг человека, и эльфа, и орка
В безумии гаснет... Погаснет и твой.

Очень обнадеживающая перспектива, особенно если учесть, что Створки отнюдь не распахнуты, а до залов Уснувшего Шепота предстоит долгий многодневный путь по тонкой каменной нитке, протянувшейся между мраком и бездной.

Я отбросил колебания, зажег «огонек» и, вступив на мост, пошел вперед.

Стараясь идти посередине и не смотреть вниз, я держал волшебный фонарик на вытянутой руке и втайне от самого себя надеялся, что свет во мраке не привлечет ко мне излишнего внимания недружелюбных личностей, которые вполне могли здесь обитать.

Дорога была прямой словно струна. Идти удобно, надо всего лишь забыть о том, куда забросила меня нелегкая, и не подходить к краю.

Тишина и тьма. Тьма и тишина. Как описать Костяные дворцы, если выбросить слова «тьма», «тишина» и «полумрак»?

Никак. Потому что Храд Спайн — это именно тьма подземелий, тишина древних могил и полумрак, властвующий в мрачных залах, иногда освещенных непонятным образом.

Сейчас каждой частичкой своего тела я ощущал неизмеримое давление тьмы, тишины и нескольких лиг камней, земли и Сагот знает чего еще.

«Огонек» едва-едва прогонял мрак и высвечивал мост на семь шагов вперед и на семь шагов назад. Света было недостаточно, и я чувствовал себя одинокой букашкой, оказавшейся за пазухой у демона. Мост имел едва заметный уклон, и постепенно я спускался все ниже и ниже. Здесь было прохладнее, чем на втором и первом ярусах, но в коридорах и залах частенько ощущались откуда-то берущиеся сквозняки, а в пещере не чувствовалось ни дуновения.

Далеко-далеко впереди полыхнула быстрая череда молочно-белых вспышек. Отсюда они казались миганием крохотной раскалившейся песчинки. Но этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы я остановился и сжал «огонек» обеими руками, чтобы его свет не был виден.

Еще одна череда молочно-белых искорок. Отсюда до них больше тысячи ярдов. Три долгих томительных минуты я слепо вглядывался во мрак, но вспышки больше не повторялись. Чего бы там ни напридумывала Лафреса (а я уверен, что это ее проделки), все было кончено.

Я сел, скрестил ноги и на всякий случай выждал еще десять минут, отпуская идущий впереди меня отряд. Это не лишняя предосторожность, пускай слуги Хозяина не подозревают о моем присутствии и считают, что я остался где-то за Створками.

Теперь я нисколько не беспокоился, что люди увидели свет «огонька»,— слишком велико расстояние между мной и компанией Балистана Паргайда. «Огонек» по сравнению со вспышками магии Лафресы — это все равно что уголек супротив пламени лесного пожара.

Минут через двадцать ходьбы я услышал ровный тихий гул. Так гудят растревоженные пчелы в улье, так гремит вода, падая с большой высоты. Но до источника непонятного шума надо было еще дойти, и я шел, шел и шел. Все ниже, ниже и ниже. Прямой мост, незнамо как державшийся под гнетом времен, едва заметно опускался, теперь я оказался ярдов на триста ниже, чем Створки. Чем дольше я шел, тем сильнее становился неизвестный гул.

Тело одного из воинов Балистана Паргайда лежало прямо на дороге, вся поверхность камня была щедро залита свежей кровью. У покойника отсутствовала голова. На мосту ее тоже не наблюдалось, из чего я заключил, что она свалилась вниз. Думать о том, с какой стати человек потерял голову, не приходилось. Видать, излишне горячий граф снес ее у ослушавшегося приказа слуги. Правда, это не очень похоже на Паргайда. Не его стиль. Скорее уж тут поработал мой дружок Бледный.

Морщась, как от зубной боли, я наступил сапогами в кровь и перешагнул через мертвеца. Теперь придется искать воду, чтобы вымыть обувь. Многие твари чуют вожделенный аромат за лигу, и привлекать к себе их внимание без всякой на то нужды не стоило.

Я бросил невольный взгляд на мертвеца и замер. Что за клинок снес голову несчастному? Если это меч, то он был самым тупым во всем мире. Срез оказался неровным, кожа свисала лохмотьями, мясо местами вырвано, позвонки... Все было измочалено, как будто кто-то просто оторвал человеку голову. Я наклонился над телом и поднес к нему «огонек», дабы лучше рассмотреть рану.

Это меня и спасло.

Из мрака выскользнуло нечто, просвистело надо мной и вновь исчезло в темноте. От неожиданности я едва не свалился с моста. Выпрямившись и озираясь по сторонам, я испуганно размахивал «огоньком» из стороны в сторону, стараясь разогнать темноту.

На этот раз я услышал хлопанье крыльев и вовремя отскочил в сторону. Страшные когти, собиравшиеся оторвать мне голову, загребли воздух. Существо издало разочарованный скрежет и вновь упорхнуло во мрак. Я бросил источник света на мост и, присев на

землю, лихорадочно принялся отцеплять арбалет. Арбалет, конечно, не магия Лафресы...

Теперь оно упало на меня сверху, издав вопль победителя. Я откатился в сторону, чуть не рухнув в пропасть. Существо отчаянно забило крыльями, чтобы не врезаться в твердую поверхность, и я тут же выстрелил. Естественно, промазал, и тварь соскользнула куда-то вниз.

Пока я разбирался с первой, вторая бестия появилась в круге света, и мне пришлось прыгнуть вперед, чтобы избежать встречи с ее когтями. Вновь разочарованный скрежет-крик. А теперь представьте, каково это — заниматься акробатическими трюками на узенькой площадке. Мне едва-едва хватало места, чтобы разминуться с летунами. Я схватил «огонек» и побежал вперед, питая надежду, что твари от меня отстанут.

Как же! Размечтался!

Хлопанье крыльев за спиной известило о приближении преследователя. Я упал, тварь, обдав ветерком, пронеслась надо мной, и прежде чем она успела вылететь из круга света, второй болт, остававшийся в арбалете, вонзился в нее. Существо издало скрежет боли, рухнуло на мост и в конвульсиях застучало перепончатыми крыльями.

Вторая тварь, забыв обо мне, упала на своего недавнего товарища и принялась вырывать из умирающего здоровенные куски мяса. Я недолго думая достал два коротких болта, уложил их в арбалетные ложа, потянул рычаг, взводящий тетивы, и, прицелившись, вбил их в голову твари. Та незамедлительно подохла, за что я поспешил выразить Саготу горячую благодарность.

На поверку летуны оказались не такими уж и большими. Чем-то похожие на летучих мышей, с длиннющими перепончатыми крыльями, маленькими телами, головой с подковообразным носом, большими ушами и огромными черными плошками глаз. Зато вот коготки задних лап размерами могли поспорить с приличными кинжалами.

Каждое существо было едва ли крупнее средней собаки. Но самое удивительное, что летучие мышки оказались обычными живыми существами без всякой примеси магии. Интересно, чем они тут питаются, когда нет людей? Ведь не каждый же век повезет оторвать голову у ничего не подозревающего путешественника?

Брезгливо сморщившись, я забрал болты, ногой спихнул оба создания в бездну и поспешно пошел дальше, держа арбалет наготове. Лафреса небось неплохо поработала и пожгла уйму таких вот порхающих в непроглядной темноте тварюшек, но не стоило задерживаться, потому как незнамо сколько бестий уцелели и желали пола-

комиться свежим мясом. Я вновь двинулся по мосту, думая о том, что должен же он когда-нибудь кончиться.

Гул превратился в грохочущий рокот, рокот сменился громом, гром перешел в рев. В воздухе витала свежесть и почти неосязаемая водяная пыль. Теперь я знал, что там, впереди.

Водопад. Не было ни времени, ни желания выяснять, откуда он здесь взялся. Очень незаметно стало светлеть. Из призрачной тьмы появились стены. Они слабо сияли мертвенным бледно-зеленым светом, затем сдвинулись, где-то высоко-высоко заискрился неровный потолок.

Рев стоял неописуемый, стены сомкнулись еще больше, от моста до них было не более сорока ярдов. Влага, висящая в воздухе, росой оседала на одежде и холодила кожу. От гула падающей воды грозила расколоться голова. Мост стал мокрым, и камень блестел в свете «огонька». Слава Саготу, что здесь не скользко, а то зазеваюсь и загремлю вниз.

Еще двести ярдов, и вот они — водопады. На правой и левой стене появились огромные, ярдов в тридцать гротескные головы полуптиц-полумедведей. Пасти-клювы широко раскрыты, и из них с ревом вырываются потоки воды. Водопад по правую и водопад по левую руку. Черная вода, едва различимая в бледно-зеленом свете, царящем в пещере, ревела, бесновалась и неслась куда-то вниз.

Я поравнялся с головами на стенах и за несколько секунд промок до нитки (к тому же еще и оглох). Откуда здесь вода? Какой-то подземный приток Иселины или что-то совершенно другое? Мне сразу же вспомнилась легенда про Реку Мертвых, текущую в мрачных глубинах земли и несущую души грешников во тьму.

Сагот! Когда я проходил мимо ревущих как сто тысяч демонов бездны водопадов, я боялся, что или оглохну на веки вечные (про припасенные затычки для ушей я и думать забыл), или меня сметет водяным потоком. Казалось, протяни руку — и дотронешься до одного из них. Да и головы уже не раз виденных птицемедведей грозили поразить чужака или хотя бы напугать до мокрых штанов. Впрочем, штаны-то как раз у меня и вправду были мокрыми, как и вся остальная одежда.

Водопады подземной реки остались позади, провожая меня затихающим гулом. Стены вновь разошлись, их бледно-зеленый свет погас, приглашая прийти мрак (последний не преминул воспользоваться приглашением и тотчас явился).

Тьма меня забери, но я зверски устал и поэтому расположился прямо на мосту, решив перекусить. Заодно пришлось раздеться и отжать пропитанную влагой одежду. Я мелко дрожал и ежился по-

сле невольного купания в брызгах водопада. Затем, приведя свой гардероб в более-менее божеский вид, пришлось уделить внимание желудку, и я добыл изрядно промокший сухарь. «Огонек» в последний раз мигнул и погас. Я ругнулся и зажег новый. Сколько же времени я прусь через мост? По моим подсчетам, с тех пор, как я оказался в Храд Спайне, прошлю почти три дня, а я до сих пор где-то между вторым и третьим ярусом.

После краткого отдыха пришлось продолжить движение. Мост к этому времени перестал быть прямым и принялся закручиваться серпантином, ускоряя мой спуск. Серпантин прервался провалом. Дальше ничего не было. Точнее, было, но только через пару ярдов, а между двумя половинками лежала пустота. Пришлось отходить назад и штурмовать маленькую пропасть с разбега. Миг, и бездна, мелькнув под ногами, уступила место твердой поверхности.

Еще пять раз мост заканчивался провалами, но они были не более полутора ярдов в длину, и я без всякого труда преодолел опасные участки. Очень странно, что мост обрушен, и еще более странно, что его отдельные половинки без всяких опор держатся в воздухе, словно прибитые невидимыми гвоздями.

Спустя вечность стены вновь сошлись, мост сделал последний виток, и передо мной показался выход, а точнее, вход на третий ярус.

Зал.

Даже не могу найти слов, чтобы описать то, что высветил «огонек». Стоило лишь отдать ему надлежащий приказ, и круг света расширился до сорока шагов (все прекрасно видно, но жизнь волшебного фонарика сокращается на несколько часов). Все виденное мной в Храд Спайне до этого не шло ни в какое сравнение с первым залом третьего яруса.

Передо мной лежал уровень эльфов и орков, к созданию которого не прикасались человеческие руки. Где потрескавшийся камень? Где базальт и гранит? Где простецкая архитектура и отделка стен? Куда подевались грубые статуи и едва обтесанные гробы? Все это осталось наверху, а здесь... Здесь разметалась потрясающая и ни с чем не сравнимая красотища.

Зал — черное вперемежку с ярко-алым. Очень красивое сочетание, если приглядеться. Черные стены с красными прожилками и вкраплениями, изящные черные полуарки с красным орнаментом, очень похожим на орочьи буквы, потолок, где красные линии и штрихи сливались между собой в изображение большой паутины. Пол выложен черной матовой плиткой с теми же красными прожилками, что и на потолке. Между каждой плиткой — тоненькая

красная прослойка. Свет «огонька», падая на красное, заставлял зал искриться и придавал этому месту совершенно волшебный и сказочный вид.

В груди неприятно закололо, и я понял, что не дышу с того самого момента, как оказался здесь. Я воистину оказался во Дворцах, слава о красоте которых ходила по всей Сиале, и даже гномы с карликами приходили в Храд Спайн, дабы поглазеть на красоту могильных залов. Но те времена давно канули в Лету вместе с Эпохой Свершений.

Храд Спайн перестал быть безопасным, дорога в него заброшена, и уже редко кто решается прийти сюда. Эльфы и орки, карлики и гномы, люди и гоблины. Все они помнят о том, что таится под зелеными кронами Заграбских лесов, все они рассказывают внукам легенды, предания, мифы и сказки о былом величии подземных дворцов. С тех пор как на нижних ярусах проснулось зло костей огров и еще незнамо кого, все ушло, все погибло, все поблекло.

Отчего-то на третьем ярусе непроглядно темно. Не было уже ставшей привычной магии светящихся стен, и если б не «огоньки», мне пришлось бы продвигаться на ощупь. Моих шагов практически не было слышно, но я заставил себя идти осторожно и уменьшил свет «огонька» до его привычного размера. Нечего уподобляться солнышку, ребята Балистана Паргайда могут оказаться поблизости.

Черно-красный зал сменился точно таким же, а из него было сразу три прохода в три абсолютно идентичных первому. А из них еще в три. И так до бесконечности. Лабиринт по своей запутанности не уступал верхним ярусам.

Везде, в каждом помещении замершая черно-алая красота то одним, то другим краешком появлялась в лучах фонарика и вновь скрывалась, кутаясь в ночь. Застывшая колонна там, изящная арка здесь.

Сколько же я повидал залов за эти часы? Не будь у меня бумаг из заброшенной башни Ордена, я давно бы затерялся в лихо закрученном лабиринте. Наверное, именно это и произошло с опережающими меня где-то на час-полтора слугами Хозяина. Если бы не Лафреса, я бы живо записал ребят в кандидаты на отправку во тьму. Но голубоглазая женщина каким-то внутренним чутьем, не имея ни одной карты, находила нужную дорогу в лабиринте Костяных дворцов-могильников.

Каждый зал третьего яруса представлял собой огромную могилу. На третьем уровне находились самые поздние захоронения эльфов и орков. Могилы появлялись здесь в последние годы Мертвого перемирия, которое обе расы хранили многие тысячи лет. Во время перемирия ни Первые, ни эльфы не трогали друг друга в Костяных

дворцах, но когда-нибудь всему приходит конец. Кровь пролилась, и перемирие рухнуло. Эльфы поставили Створки и перекрыли Первым (впрочем, как и себе) легкий путь к могилам предков.

В отличие от людей старшие расы не устанавливали памятных надгробных плит, а просто замуровывали своих мертвецов (или их прах) в стены, да так, что могил-ячеек не было видно, и тот, кто не знал о них, никогда бы даже не предположил, что за искусной лепкой, или рисунком, или колонной лежат кости умерших столетия, а то и тысячелетия назад орков и эльфов.

Третий ярус, затем четвертый.

И все это в полной, кромешной темноте. Я находился в Храд Спайне уже шесть дней. Я ел, спал и шел дальше. Минуя залы, коридоры и галереи. Все дальше, все глубже... И везде ни души. Ничего жуткого и зубастого. Какие бы существа ни жили здесь столетия назад, они давно померли или ушли на более глубокие ярусы. Ни одного явного присутствия человека или другого создания.

Лишь на четвертом ярусе я наткнулся хоть на какое-то отличие от всего виденного мною за последние два дня. Здесь не было нетронутого спокойствия, здесь явственно пахло смертью. Стены зала покрыты материалом, похожим на дубовую кору, потолок — переплетение каменных ветвей, пол — застывшая в мраморе трава. Причудливое сочетание запахов розы, корицы, кардамона, имбиря, шиповника и тления.

Мертвецы.

Много, больше трех десятков. Скелеты, обтянутые желтой пергаментной кожей, в стальных доспехах, отливающих небесной синевой, и с кривыми мечами — с'кашами.

Эльфы. В центре зала останков было особенно много. Свет «огонька» вырвал из тьмы лежащий на боку гроб из черного заграбского дуба. Ко мне он был повернут дном.

Стараясь не тревожить костей погибших эльфов, я подошел поближе. Наверное, когда на эльфов напали и застали их врасплох, те, кто несли гроб, уронили его, и, ударившись об пол, тот раскололся.

Темные встали на защиту мертвого, но полегли сами. С точки зрения большинства людей, умирать из-за мертвеца — наиглупейший поступок, но для родственничков Эграссы все совершенно иначе. Для клыкастых созданий слово «дом» и слово «род» превыше собственной жизни.

Крышка гроба отлетела на ярд, и покойник наполовину вывалился из своего последнего пристанища. Интересно, видел ли дух умершего, как те, кто принес его, гибнут?

На голове эльфа была надета корона. Платина обода и черные бриллианты, перемежающиеся искусно сделанными розами из потемневшего серебра. Передо мной лежал владыка одного из темных эльфийских домов.

Я бросил быстрый взгляд на доспех лежащего слева от меня воина — на нагруднике гравировка Черной розы. В одной из книг Королевской библиотеки была краткая история о попытке сорокалетней давности донести тело умершего владыки до двенадцатого яруса. У темных ничего не получилось, их слишком крепко прижали, и эльфы оставили тело владыки на четвертом уровне, а сами отступили, теряя бойцов. Только жалкая часть из почти двух сотен ушедших под землю смогла выбраться из Костяных дворцов.

Сагот знает, что на меня нашло, но я все же совершил (даже по моим меркам) глупый поступок. Подошел к останкам короля, уложил их обратно в гроб, с натугой перевернул внезапно оказавшийся очень тяжелым ящик.

Во время этих манипуляций корона, продержавшаяся на челе мертвого короля больше сорока лет, противно звякнув, упала на пол. Я поднял ее, и в свете «огонька» черные бриллианты вдруг заиграли и зажили новой жизнью.

Я не смог подавить возглас невольного восхищения. Сагот! Эта игра, эти переливы были необычайно красивы. Представляю, что будет, если показать камушки солнечному свету. Корона на втором ярусе, которую расплавил луч, сорвавшийся с потолка, не шла ни в какое сравнение с короной главы дома Черной розы. Ну разве можно сравнивать лошадиное дерьмо с нектаром богов?

На несколько секунд я застыл, борясь с собственным «я». Одна моя часть предлагала забрать бесценную вещь, ведь мертвецу она уже не нужна, а мне принесет баснословные деньги. Но другое «я» пронзительно взывало к благоразумию и тому факту, что еще никому не удавалось ограбить эльфа из правящего дома, и совсем неважно, жив он или мертв.

На этот раз жадность разочарованно вздохнула и отступила. Тьма меня задери, к Саготу алмазы! Эльфы мстительны даже после смерти. Я без всякого сожаления о совершаемой глупости осторожно надел черный обруч на голову мертвеца. Покойся с миром, король, и забудь, что я ненароком тебя потревожил.

Мой взгляд натыкается на с'каш с нефритовой рукоятью. Клинок валяется у меня под ногами. Я наклоняюсь, поднимаю оружие, и металл с волнистым рисунком тускло блестит в свете волшебного фонарика. Клинок, достойный владыки дома. Кладу кривой меч эльфу на грудь, в ноздри бьет едва ощутимый запах дикой розы. Складываю руки-кости на рукояти.

Сначала левая рука, а затем правая. Правое запястье мертвого внезапно изгибается, оказывается поверх моей ладони, разжимается, кожу обдает холодком. Рука эльфа падает обратно на меч, прежде чем я догадываюсь испуганно отдернуть свою.

Отдергиваю и прижимаю к себе, все еще не веря, что так легко отделался. Мертвый эльф держал меня всего лишь какую-то долю секунды, но ладонь до сих пор обжигает холодом. Испуганно отшатываюсь от гроба, краешком сознания отмечаю, что инстинктивно сжал кулак, в который мертвец умудрился что-то вложить. Испуганно разжимаю пальцы, словно в руке притаился злющий огненный скорпион.

Мимолетный росчерк падающей звезды.

Успеваю заметить, что она черная. Звездочка падает на пол, и раздается едва слышный звук. Нагибаюсь и поднимаю упавшую красоту. Уже не холодную, а теплую. Не могу удержать очередной вздох восхищения.

У меня на ладони лежит перстень, не уступающий в изяществе короне владыки дома Черной розы. Тело перстня — переплетенные между собой нити черного серебра и платины, а сердце — черный бриллиант. Не удивлюсь, если камень обладает магией — на его гранях, разбуженных светом «огонька», плясал весь радужный спектр миров. Конечно, стоимость перстня никогда не сравнится со стоимостью короны, но и этого черного бриллианта достаточно для восьмилетнего безбедного существования в собственном маленьком дворце.

Подхожу к гробу и пристально смотрю на мертвого. Игра света и теней сделала лицо мертвого почти живым, почти одухотворенным, но очень и очень старым. Слабый запах роз щекочет ноздри, я бросил на покоящегося короля последний взгляд и отошел назад, крепко сжимая перстень в кулаке и понимая, что это дар. Нежданный от эльфийского народа, но все же дар. Снимаю перчатку с правой руки, надеваю перстень, вглядываюсь в грани камня.

В глубине бриллианта вдруг зарождается золотая искорка, она вспыхивает, гаснет и вновь вспыхивает. Вспышка. Темнота. Вспышка. Искорка едва трепещет—медленно, лениво, размеренно, словно в бриллиант и в самом деле заключено самое настоящее сердце.

Озарение приходит как всегда неожиданно. Мое сердце бьется с точно такой же ритмичностью, что и камень. Точнее, камень мерцает в такт биению сердца. Не знаю, что за перстень у меня сейчас на руке и какие последствия будут от его ношения, но понимаю, а точнее ощущаю, узы единения, точно такие же, как порванные узы Ключа. Ощущаю себя в камне и камень в себе.

Это чем-то похоже на щекотку и длится не более трех секунд, затем мерцание камня затухает и бриллиант вновь становится обычным бриллиантом. Надеваю перчатку на руку, пряча под ней бесценную вещь. Бросаю последний взгляд на зал-дерево, накидываю капюшон черной куртки на голову и следую своей дорогой, оставляя так и не похороненного эльфа во вновь сгустившемся мраке.

Мертвая тишина, разбуженная звуками моих шагов. Мне не хватит слов, чтобы описать всю красоту подземных дворцов. Черное и красное, оранжевое и золотое, синее и цвет морской волны, сочный пурпур и тусклая охра, холод голубого мрамора и жар огненного гранита.

Искрящиеся от слюды стены и величественные колонны из чистого янтаря, уходящие в необъятную высь. Статуи орков и эльфов завораживающей красоты, бассейны с проточной водой, дно которых выложено бирюзой, составляющей причудливый узор сказочных цветов. Воздушные лестницы с тонкими перилами, казалось выточенные искусным мастером из единой глыбы зеленоватого горного хрусталя, и балконы, сплетенные из тонких нитей неизвестного мне металла, проходящие на вторых ярусах залов.

Всполохи черного серебра стен и потолка, красота увядшей осени в каждом жесте, в каждой позе статуй, тихое, едва слышное «хм-м-м-ммм» — песнь залов, хранящих покой мертвых. Ни дуновения самого слабого сквознячка, ни звука, кроме песни залов, ни шепота, ни лучика света. Какая бы магия раньше ни освещала эти места, она умерла вместе с уходом эльфов и орков из Храд Спайна.

Все дальше и дальше я спускался под землю, и мне даже не хотелось думать, сколько лиг камня лежит сейчас у меня над головой. Кто, каким чудом, какими силами смог сотворить такое застывшее великолепие на такой непостижимой для разума глубине? И это только четвертый ярус, а ведь существуют сорок восьмой и Безымянные, куда не решались спускаться даже огры в пору расцвета и величия своей расы. Тот, кто создал Храд Спайн на заре времен, наверное, был равен богам, а то и превосходил их.

Мрак дремал, мертвецы спали вечным сном в нишах древних могил, и лишь я не знал покоя и, уже не обращая внимания на красоту подземных дворцов, топал и топал вперед, с каждой секундой, с каждым шагом приближаясь к своей цели, своему Заказу — к Рогу Радуги.

Шел второй день моего путешествия по четвертому ярусу и седьмой день в Храд Спайне. Неделя прошла, и я очень удивлялся тому, что не свихнулся от гнетущего чувства одиночества.

Неделя. Целая неделя, проведенная Сагот знает где. Половина пути пройдена, осталось всего четыре яруса.

Ха! Всего! Я до сих пор не дотопал до мест, о которых говорилось в путеводном стихе. Неделя промелькнула как скомканный и едва запомнившийся мне кошмар. Я уже вряд ли успею вернуться к нужному сроку, и с милорда Алистана станется самому спуститься сюда.

От первоначального количества сухарей и «огоньков» у меня оставалась где-то половина, и я потихоньку начинал беспокоиться, что скоро придется урезать свой рацион, потуже затянуть пояс и научиться бродить в кромешном мраке. К тому же на в этой части уровня отсутствовала вода, и приходилось зверски экономить ту малость, что сейчас плескалась на самом дне фляжки. Отчаянно чесалось лицо — недельная щетина давала о себе знать.

Я уже давно должен был добраться до лестницы на пятый ярус, но ее не было. Я стал волноваться, что по ошибке свернул не в тот зал и заблудился.

Карта почти не помогала. По ней я мог определить, где выход, но узнать, в каком месте я сейчас нахожусь, не было никаких шансов. Все залы этого сектора были похожи друг на друга — индиго и охра стен переплетались с перламутром колонн и бирюзой пола (зверское для глаз сочетание).

Сейчас я искал одно-единственное помещение. То, где был вход в длинную и абсолютно прямую галерею, которая должна была привести меня к нужной лестнице. Искал уже четвертый час. И не находил.

Повезло мне неожиданно (если, конечно, язык повернется назвать это везением).

Это место было не таким, как все предыдущие. Маленькая комнатка с закрытой железной дверью в противоположной стене и узеньким люком в полу, закрытым стальной решеткой. Я подошел к двери, отчаянно соображая, на кой кому-то потребовалось устанавливать здесь преграду, в особенности если учесть, что раньше в Храд Спайне я не замечал изобилия дверных перегородок. Понимая, что пропустил поворот и свернул не туда, я пошел прочь из комнаты, но на полпути меня поджидал великолепный и оч-чень неожиданный сюрприз. Стена сдвинулась, словно живая, и закрыла выход, заперев меня в помещении.

— Не понял,— довольно глупо заявил я в темноту.

Гул с потолка был мне ответом. Я поспешно приказал «огоньку» засиять на полную мощь и высказал богам крайне нелицеприятную для их ушей фразу.

Богохульство? Да еще какое! Но в данном конкретном случае мне было плевать на это.

Потолок двигался в мою сторону, грозя через пару минут насадить Гаррета на торчащие на черную зависть всем ежам Сиалы двухъярдовые шипы.

Переборов столбняк, я бросился к железной двери и еще раз поспешно ее осмотрел. Замочная скважина... Есть! Руки немного дрожали, потолок медленно и неотвратимо опускался.

Отмычка вошла в скважину, издала извиняющее «дзан!» и сломалась. Я тупо уставился на огрызок, оставшийся в замке. Вот те на! В ярости отбросив ее в сторону, я ударил плечом в дверь и зашипел от боли. Она даже не подумала поддаться!

Мой взгляд упал на люк в полу. Вцепившись обеими руками в решетку, я потянул ее изо всех сил и едва не лопнул от натуги. Решетка, как и следовало полагать, не сдвинулась ни на дюйм.

Надо действовать, и действовать быстро, иначе живым из этой ловушки я не выберусь! Неизвестные строители, неизвестно зачем создавшие этот неизвестный люк, предоставили мне шанс избежать гибели, и я не собирался его упускать.

Я выудил из сумки горсть пузырьков, выбрал тот, на стенке которого был нарисован череп в огне, а остальные бросил обратно. Швырнул волшебную склянку на решетку, стекло звякнуло и разбилось, а я отлетел на максимально возможное безопасное расстояние.

Яркий всполох огня!

На карачках ползу к люку, молясь Саготу, чтобы все сработало как надо. Шипы с потолка едва ли не корябают спину. Возле люка остро воняет ландышами и пеплом, хочется чихать, глаза режет неимоверно, истощившийся от усилий осветить весь зал «огонек» едва горит.

Решетка, закрывавшая люк в полу, исчезла. Не думая о последствиях, ныряю в люк. Секунда полета, ударяюсь о каменный пол, шиплю от боли.

Скрежет где-то наверху говорит о том, что шипы потолка встретились с полом. «Огонек» прощально вспыхивает с прежней силой и гаснет.

Великолепно! Место, куда я попал, настолько узкое, что приходится показывать чудеса природной ловкости, лишь бы только добраться до сумки на поясе. Двумя пальцами выуживаю из внутреннего кармана новый фонарик, зажмуриваюсь, зажигаю и, выждав несколько секунд, начинаю осматривать свое нечаянное убежище.

Мизерная квадратная комнатушка, из которой уходит идеально круглая каменная кишка, в которой я едва-едва могу поместиться.

Скрючиваюсь в три погибели, смотрю вверх. Квадратный люк, через который я сюда прибыл, и нависший потолок, хищно скалившийся на меня шипами.

Скрючиваюсь еще сильнее, практически ложусь и свечу в каменную кишку. Видимость не больше пяти ярдов, дальше — тьма-тьмущая.

Можно, конечно, подохнуть, как крыса, запертая в ловушке, но мне отчего-то не хочется так рано отправляться в свет. Придется ползти по узенькому проходу и надеяться, что он не сузится до ширины игольного ушка.

Отцепляю арбалет, снимаю с пояса сумку с магическими безделушками, снимаю вторую сумку, холщовую, где у меня лежит теплый свитер и которую я приготовил для Рога Радуги. Отстегиваю ремешки, удерживающие нож на ноге. Складываю на холщовую сумку все другие вещи, кладу в проход. Буду толкать перед собой, а то, не дай Сагот, застряну из-за какого-нибудь арбалета посреди дороги и помру от голода. «Огонек» я водрузил поверх всего хлама, дабы он освещал мне предстоящий путь.

Я лег на живот и пополз, толкая перед собой свою немногочисленную поклажу. Приходилось извиваться словно змея и работать локтями и коленями, чтобы передвигаться с как можно большей скоростью. «Огонек» бил прямо в глаза, и пришлось уменьшить его свет до минимально возможного. Я полз, извивался и протискивался, обдирая себе колени и локти. В кишке нельзя даже голову приподнять — потолок навис прямо надо мной.

Не хочу думать, сколько ярдов я вот так прополз. Едкий пот попадал в глаза, сверток, который я толкал перед собой, наливался тяжестью. Я уже пару раз успел проклясть тьму и свою глупость, заставившую влезть в каменную ловушку.

Камень давил со всех сторон, вызывая приступы страха, грозящие повергнуть меня в глубокую пучину паники. Казалось, что воздух сгущается, становясь таким же твердым, как окружавший меня камень, и дышать становилось очень и очень трудно. В такие минуты мне приходилось останавливаться, закрывать глаза и считать про себя до тех пор, пока кровь не переставала греметь в ушах.

Ярдов через семьдесят, когда стало уж совсем невмоготу, а стены сузились настолько, что приходилось попросту ввинчиваться между ними, впереди забрезжил едва видимый тусклый свет.

Я с еще большим рвением и усердием принялся продвигаться вперед. Последние шесть ярдов оказались особенно тяжелыми и стоили мне огромных усилий. Я едва не сломал ногти, впиваясь пальцами в скалу, дабы проползти еще хоть немножко. Даже думать не

хочу, кто и для чего потратил свое драгоценное время на выдалбливание в теле земли такого ужасного прохода.

Наконец я оказался у разветвления. Прямо передо мной было рваное отверстие, ведущее туда, где есть свет, кишка же поворачивала влево и уходила еще глубже, почти сжав стены и оставляя для прохода щель такую узкую, что через нее смог бы проползти не всякий таракан, что уж говорить обо мне?

Из дыры, выходящей в зал, до пола было не более двух ярдов. Первыми вниз полетели толкаемые всю дорогу вещи, а затем и я сам. Пришлось довольно сильно извернуться, дабы приземлиться не на голову, а на ноги, но я успешно справился с этой небольшой задачкой и очутился в ярко освещенном помещении.

Оглядываться времени не было — я поспешно собирал валявшиеся на полу вещи. Сумку через плечо, другую на пояс, нож на бедро, покрепче затянуть ремешки, арбалет за спину. Кажется, все. Теперь можно и осмотреться, благо впервые на ярусе я встречаю ярко (именно это слово) освещенный зал.

Довольно нелепая для эльфов и орков архитектура — нечто излишне прямолинейное, грубое и неказистое. На каждой из стен по большой каменной роже полуптицы-полумедведя. Рожи у этого скульптурного творчества как всегда недружелюбны, глаза ярко горят в свете магических светильников. Светильники наподобие моего «огонька», но гораздо больших размеров.

Горящие глаза привлекли мое внимание. Привлекли и больше не отпустили. У первой рожи они были зелеными, у второй — огненно-красными, у третьей — густо-желтыми и у четвертой — глубокого цвета предгрозового неба. Ладони у меня враз вспотели, потому как глазки были не чем иным, как драгоценными камнями, каждый из которых совсем чуть-чуть уступал размерами моему кулаку.

Если собрать все камушки, можно больше не работать. Можно обогатиться на сотню лет вперед, и цена Заказа, те пятьдесят тысяч, что обещал мне Сталкон, если я притараню Ордену Рог Радуги, покажется попросту смехотворной. Да за один такой камень карлики продадут мне полóвину своих гор!

Сейчас я даже не раздумывал и, достав нож, подошел к ближайшей ко мне зеленоглазой морде. Всадив клинок между драгоценностью и обычным камнем, я стал действовать ножом, словно рычагом, и начал расшатывать гигантский изумруд.

Драгоценность неожиданно легко поддалась и оказалась у меня в руке, а из пустой глазницы на пол просыпался зеленый водопад. Я даже забыл закрыть рот. В течение десяти секунд на пол высыпалось целое состояние из мелких (то есть теперь, после камня-глаза мелких) изумрудов.

Они просом рассыпались по гладкому полу и искрились зелеными капельками в свете фонарей. Сунув глаз-изумруд в сумку, я дрожащими руками принялся за сбор его мелких братьев. Меня не покидала лихорадочная мысль, что как только я очищу все глазницы от спрятанных в них сокровищ, то стану богаче иных королей.

Возле головы с желтыми глазами начиналась деревянная лестница, ведущая прямо к потолку, где был люк. Именно так можно было выбраться отсюда.

От собирания изумрудов меня отвлекла выросшая за спиной тень. Я совершенно неизящно, прямо с четверенек, отпрыгнул в сторону, и на то место, где я только что стоял, опустился ятаган, звонко звякнув о мраморную плитку пола.

Я обернулся, увидел своего почти состоявшегося убийцу и обомлел — в трех ярдах от меня стоял самый настоящий скелет. Он не принадлежал человеку, скорее орку — слишком широкий костяк, да и клыки соответствующего размера.

В правой руке ятаган, в левой маленький круглый щит, в черных провалах глазниц горят мириады багровых искр пробудившейся магии. Тьма знает, каким боком держались его кости, но тварь бросилась ко мне.

Вот уж не думал, что скелеты настолько проворны. Парень не уступал мне в скорости, ятаган превратился в одно размытое пятно. Как я понял, невесть откуда взявшийся здесь страж намеревался напластать Гаррета на сотню маленьких ломтиков.

Он едва не загнал меня в угол, но, на мое счастье, рядом была лесенка, и я принялся со всей возможной скоростью карабкаться вверх. Сейчас мне было не до драгоценных камушков — следовало спасать свою жизнь. Преодолев четверть пути тех одиннадцати ярдов, что отделяли потолок от пола, я почувствовал, что лестница подрагивает.

Бросил быстрый взгляд вниз и стал перебирать руками и ногами с удвоенной скоростью. Скелет не собирался останавливаться на полпути. Отбросив щит в сторону и зажав в зубах ятаган (видок еще тот!), мертвец проворно карабкался следом за мной. Надо сказать, что лазил он намного проворнее, чем я, и на высоте девяти ярдов он меня настиг.

Ничего не оставалось, как пойти на отчаянные меры. Я вцепился руками в перекладину, поджал ноги и, дождавшись, когда нас с противником будет разделять совершенно мизерное расстояние, что есть сил опустил оба сапога на желтый череп.

Мой противник рухнул вниз, ударился об пол и разлетелся вдребезги.

Вниз спускаться расхотелось. А ну как меня будет ожидать еще один сюрприз? Нет уж! Дудки! Фор всегда говорил мне — довольствуйся малым и никогда не ставь деньги выше собственной жизни. Старый вор и жрец Сагота как всегда прав. Я лучше буду следовать его советам и утешусь тем, что лежит у меня в сумке.

Через минуту я оказался в уже привычной тьме пурпурно-серебряных залов пятого уровня. Пришлось воспользоваться новым «огоньком». Я осмотрел место, где очутился, и хмыкнул. Все что ни делается — к лучшему. Прямо из зала, куда я попал, начиналась галерея, ведущая к лестнице на пятый ярус.

Я не надеялся, что нежданно-негаданно попаду в залы Шепота, оказавшиеся совсем не залами, а той самой галереей, что вела к пятому ярусу. Разумеется, никто меня не предупредил о том, ГДЕ я нахожусь, да и на картах указаний не было.

Галерея — сплошь черный мрамор с белыми крапинками. Мраморный пол, мраморные стены, мраморные колонны балкона по правую руку. Я подошел к краю и посмотрел вниз. Света едва хватало, чтобы увидеть пол находившегося там зала.

— Ш-ш-ш-ш...— послышалось мне.

Я остановился и прислушался. Да, уши меня не обманули, шипение было. Осмотрелся, но источника звука поблизости не обнаружил, казалось, шипение раздается прямо в голове. Списав неожиданный звук на не в меру разыгравшееся воображение и перестав обращать на него внимание, я продолжил путь.

Еще шагов через сто мне стало казаться, что между «ш-ш-ш» начали проскакивать едва различимые слова, но, как я ни напрягал слух, смысла их понять так и не удалось. Может, это какие-то странные шутки строителей? Надырявили стен, пустили сквознячков, вот они и шипят, словно беззубые демоны, заболевшие почесухой, или змеи, которых переехала телега.

На мертвеца я наткнулся шагов через двадцать. Груда костей, вот и все, что осталось от человека. Хотя постойте, у человека не растут клыки из нижней челюсти. Как и скелет, едва не порубивший меня в капусту, этот был или эльфом, или орком, но, на мою счастливую звезду, костяк не собирался на меня нападать.

Шипение к этому времени сменилось сплошным совершенно непонятным бормотанием, будто говоривший набил рот горячей кашей. Новый покойник поджидал меня через двадцать ярдов, а за последующие пять минут я насчитал двадцать шесть костяков, непонятно отчего умерших и непонятно как здесь оказавшихся.

Бормотание теперь уже настойчиво стучалось в мое сознание, такое впечатление, что какой-то гад запихал мне в голову целый улей

злых пчел, к тому же еще и умеющих произносить слова. Я смог выловить из нестройного гудения отдельные из них, вроде «кровь», «смерть», «умри», «мозг» и в том же духе.

Скажем так, я слышал не те слова, что могли меня обрадовать. Это бормотание и участившиеся «находки» начинали меня заметно нервировать. Я запел незатейливую песенку, стараясь вытеснить голоса, но и это почти не принесло желаемого результата.

Следующий покойник несказанно меня удивил. Это были не старые кости, а вполне свежий труп. Готов заложить душу, что этот парень еще несколько часов назад был жив, здоров и не предполагал умирать.

Я видел его в Кротовьем замке вместе с Балистаном Паргайдом. Отсюда можно сделать вывод, что Лафреса со своими спутниками уже прошла по галерее и обогнала меня на несколько часов. Ловкая стерва!

Но хоть с этим мертвецом было все более-менее понятно. Даже тупому доралиссцу ясно, отчего помер этот парень — несколько раз всадил себе ярд железа в грудь, то бишь покончил жизнь самоубийством. Рука до сих пор сжимала рукоять засевшего в груди кинжала. Довольно странно сводить счеты с жизнью, особенно без веских на то причин, не находите?

Бормотание пульсировало в голове тупой болью, я морщился, скрипел зубами и никак не мог понять, что за напасть со мной приключилась.

Объяснение появилось немного погодя, когда из полумрака, разлившегося между двумя факелами, на меня выскочила фигура и схватила вашего покорного слугу за отвороты куртки. Я даже испугаться как следует не успел.

Это был человек. Живой, но вот с головой у него были явные проблемы. Как говорит незабвенный Кли-кли, колпак у парня съехал основательно. Этот тоже был слугой Паргайда. Волосы растрепаны, глаза безумны, челюсть трясется, руки ходят ходуном.

— Ы-ы-ы-ы! Ты-ы-ы-ы! Спас-и-и-и-и! Зло! Там зло! Оно ждет! Ы-ы-ы-ы! Оно схватит меня! — Человек выл и нес полную околесицу.

Я попытался отцепить его руки от своей куртки, но не тут-то было — парень прицепился, словно голодный клещ.

— А-а-а! — завыл он.— Так ты из них?! Ты тоже хочешь моей смерти?! Ы-ы-ы-ы-ы!!!

Он стал подталкивать меня к балкону, я, естественно, принялся сопротивляться. Мы застыли друг перед другом, отчаянно борясь.

Этот спятивший гад выл, как стая облапошенных демонов. Я догадался боднуть его головой в нос. Парень от неожиданности ослабил хватку, я рванулся в сторону, закрутил его и оттолкнул.

Видит Сагот, я и не думал, что так получится, но сумасшедший отшатнулся, сделал несколько шагов назад, замер на самом краю балкона, закачался, пытаясь сохранить равновесие, и с отчаянным криком рухнул вниз.

Послышался удар.

Вот тьма! Один пыряет себя ножом, другой окончательно лишается разума. Какого здесь творится?

Еще пяток шагов, и шепот победным хором взвыл у меня в голове, заставив рухнуть на колени и сжать голову руками. Меня накрыла волна мерзости и вселенского ужаса.

Я услышал не только слова. Здесь было все — видения одно страшнее другого, запах разложившихся трупов, вкус могильных червей на языке, ощущения, словно копаешься в животе у покойника. Голоса требовали, звали к себе и пели песнь, заставляя выть от ужаса и гремящей боли. Все чувства перепутались, но все и вся кричало и жаждало моей смерти, призывало достать нож и всадить себе в горло.

Песнь гремела, звучала и мягкими скользкими пальцами настойчиво теребила разум. С каждым словом, с каждым аккордом пробудившегося шепота все новые и новые ужасы проникали мне в уши, вставали перед глазами, ощущались на языке...

Теперь я понимал, что попал в залы Уснувшего Шепота, но сделать уже ничего не мог. Голоса оказались сильнее меня, и я медленно и неотвратимо сходил с ума. Хотелось сделать несколько шагов и прыгнуть с балкона вниз, или разбить себе голову о стену, или взяться за нож.

Сделать хоть что-нибудь, но прекратить ЭТО! Рука сама, помимо моей воли и едва теплящегося сознания, потянулась к рукояти ножа. Видит Сагот, я пытался бороться, но эта борьба была равносильна попытке прутиком разбить каменную глыбу. Голоса ТРЕБОВАЛИ умереть, и им нельзя было не подчиниться.

Как и в Харьгановой пустоши, Вальдер едва-едва прошептал:

— Помогу!

Голоса взвыли в унисон с льющейся песней и внезапно отдалились на самую границу слышимости. Рука вновь стала послушной.

— Быстрее, Гаррет, я могу подарить тебе лишь минуту! Большее теперь не в моих силах! — сказал мертвый архимаг.

Я, рывком встав на ноги, отскочил назад, туда, где голоса еще не имели надо мной власти. Руки дрожали, но все же я смог быстро выудить из сумки заранее приготовленные хлопковые пробки и запи-

хать их в уши. Бормотание вновь приблизилось и стало почти различимым. Еще десять драгоценных секунд мне понадобилось, чтобы добыть пузырек с жидкостью, которая на пару минут нейтрализует любую враждебную магию. Я сорвал печать зубами и влил содержимое пузырька себе в рот. По языку растеклась горечь, желудок запротестовал и вздрогнул, едва не заставив меня вывернуться наизнанку. Пришлось сделать усилие и удержать влитую в себя дрянь.

— Все, больше не могу! — произнес Вальдер, и созданная им плотина, вздрогнув, рухнула.

Голоса вернулись, но сейчас это были всего лишь голоса, говорившие мерзости, не подкрепленные видениями. Горькая жидкость действовала, но надолго ли? Отбросив все сомнения и колебания, я ринулся вперед, надеясь пробежать галерею до того момента, как защитная магия ослабнет настолько, что шепот голосов вновь обретет силу.

— Убей себя! Иди во тьму! Умри! Умри! Умри! Убей! Кровь! Убей! — в бессильной ярости шептали голоса.— Остановись! Подожди! Умри, это так легко!

Я не обращал на шепот внимания и, стиснув зубы, несся вперед и только вперед. Постоянно приходилось перепрыгивать через лежащие на полу кости.

Я наткнулся еще на двух людей Балистана Паргайда, но где же остальные? Почему не видно трупов? Неужели Лафреса и с шепотом смогла справиться?

Голоса почувствовали слабину, придвинулись, зашептали, грозя всеми кошмарами и всей болью мира. Пришлось приложить усилие, чтобы не остановиться и продолжить бег. Горечь на языке постепенно пропадала, и возвращался шепот.

Последние пять ярдов галереи я пролетел тремя огромными прыжками, без всякой защиты от магии. Голоса победно взвыли, впились в мозг, но я уже преодолевал последний ярд, и шепот не успел связать мой разум сетями безумия.

Я попросту вылетел из галереи в зал, и тут же стало тихо. Медальон Кли-кли обжег кожу холодом, и я, так и не успев понять, что же со мной произошло, со всей дури врезался в графа Балистана Паргайда.

Пришлось немного полежать, похватать ртом воздух и дождаться, пока из глаз не исчезнут искры. Столкновение выбило из меня весь воздух и заставило рухнуть на пол. Проклятый Балистан Паргайд, так не вовремя попавшийся мне под ноги!

Его милость, а также один из его воинов замерли, превратившись в статуи. Оба казались вырубленными из мутного льда, да еще изрядно присыпанного инеем.

Я приблизился к ним и осторожно дотронулся до руки. Пальцы обожгло холодом. И вправду лед. Кто-то добренький шутки ради превратил слуг Хозяина в ледяные статуи. Нелепый, но абсолютно заслуженный конец для одного из могущественнейших лордов Валиостра и слуги Хозяина.

Из-за Балистана Паргайда я не сразу обратил внимание на серпантин лестницы, вгрызающейся в пол и ведущей на пятый ярус. Ну что же, очередная веха пути пройдена.

Глава 6
ХОЗЯЕВА МРАКА

Считать ступеньки в Храд Спайне уже вошло у меня в привычку. Отвлекает от мрачных раздумий, знаете ли. Вот только на этот раз счет не очень-то и помогал. На пятьсот семьдесят третьей черные мысли так на меня насели, что я сбился со счета и продолжать уже не стал.

Лафреса все еще опережает меня в гонке за Рогом Радуги, к тому же у нее Ключ, без которого я из дворцов не выберусь. Она безошибочно находит дорогу в лабиринте мертвых залов, да еще и идет словно по улице Смотра, не обращая внимания на притаившуюся угрозу и расплачиваясь за безопасный проход людьми покойного Балистана Паргайда.

Их, по моим подсчетам, осталось не больше двенадцати. Скорей всего меньше. Кто знает, какой дорогой вела свой маленький отряд голубоглазая ведьма и сколько тел осталось мною не замеченными. Вполне вероятно, что служанка Хозяина пробирается дальше совершенно одна.

Первая главная опасность — залы Уснувшего Шепота, предсказанные в путеводном стихе-загадке, — осталась позади, но все только начинается. Как там дальше было в свитке?

Сквозь залы Уснувшего Эха и Мрака,
Минуя слепых сторожей Кайю,
Под взгляд Великанов, сжигающих в пепел,
К гробницам Великих, погибших в бою...

Обнадеживающие строчки, не правда ли? Они попросту заставляют меня изо всех сил бежать вниз, навстречу неожиданностям. Во всяком случае, некоторые любознательные и не в меру сумасшедшие гоблины считают, что бежать следует. Но что возьмешь с королевских дураков?

Проснулся я от кошмара, хотя и не помнил, что за ужасы мне снились. От сна осталась только кинжальная боль в груди и огромная усталость, словно я и не спал вовсе.

Отдых, который я устроил себе на последних витках лестницы, не принес долгожданного облегчения, и в путь я двинулся в весьма подавленном настроении.

Усталость последней недели тяжким грузом давила на плечи и прижимала к земле. Только сейчас я стал понимать, что путешествие по Храд Спайну получилось не таким уж и легким, как казалось мне раньше. Постоянное напряжение, постоянное ожидание опасности сказались на здоровье даже сильнее, чем то расстояние, что я протопал от входа во дворцы до входа на пятый ярус.

Я со стоном встал (каменные ступеньки, увы, не самое удобное место для сна) и размял затекшие руки и ноги. Сотни мелких иголочек принялись бродить по телу, покалывая то здесь, то там. Как ни странно, но это мелкое неудобство взбодрило меня лучше любого другого средства, и на пятом ярусе я оказался в уже вполне бодром расположении духа.

Пятый ярус. Первый зал — и вновь неожиданная смена декораций. Где золото, где изыски, где очарование статуй и радующая глаз красота стен? Все это осталось на третьем и четвертом уровнях подземных дворцов. Здесь же однотонные каменные стены с весьма посредственными рисунками на них и пол с небрежно подогнанными друг к другу разноцветными плитами в два квадратных ярда каждая.

Я обратил внимание на то, что все плиты имеют разную и местами не соответствующую эстетике и вкусу любого приличного художника расцветку. Скорее всего, кто-то выложил с помощью плит большую мозаику, но из-за ее огромных размеров я никак не мог понять, что было изображено на полу. В каждом зале своя мозаика, своя расцветка пола, но из-за скудного света «огонька» рассмотреть общую картину не представлялось возможным.

Вот уж не знаю, почему именно эти залы назвали залами Уснувшего Мрака, по мне так это почетное звание можно смело присуждать любому неосвещенному помещению, начиная с третьего яруса.

Полдня я топал по подземному лабиринту, лишь иногда сверяясь с картами и меняя «огоньки», количество которых неумолимо сокращалось. Я старался не думать о том времени, когда мне придется шляться по подземелью на ощупь.

Здесь оказалось намного прохладнее, чем на верхних ярусах. По сути дела я брел по большим природным пещерамм с кое-как обработанными стенами-могилами, полом-мозаикой и сталактита-

ми-сталагмитами, сросшимися между собой и превратившимися в сказочные колонны.

Пятый ярус казался безразмерным, а залы-пещеры — бесконечными. Чем дальше я шел, тем больший упадок былого величия Костяных дворцов окружал меня мертвой паутиной времени.

Колонны бугрились от наростов, кое-где с потолка капала вода, и на мозаичном полу уже появились наметки будущих колонн. Стен я не видел, они были где-то там — очень далеко от меня, и долгое время я топал, ориентируясь лишь на выложенную красными плитками дорожку.

Она иногда ветвилась на две, три, четыре, а то и восемь новых троп, и приходилось долго листать бумаги, до боли напрягая глаза и мозги в попытке сравнить орочьи закорючки в картах и на плитках пола.

От этой постоянной тьмы можно было запросто сойти с ума! Я душу готов продать за порцию хорошо прожаренного мяса, пинту пива и лучик солнечного света. Слава богам, хотя бы в воде я не нуждался. Ее тут было предостаточно. Однажды я даже прошел по горбатому мостику над маленьким озерцом с черной и гладкой словно зеркало водой.

Подземные пещеры кончились и вновь сменились мрачными залами Костяных дворцов. Потеплело, вода перестала течь со стен, запах сырости исчез, уступив место едва ощущаемому запаху тления.

Последнее мне очень не понравилось. С какой стати воняет, если время захоронений этого яруса исчисляется столетиями и все, что могло гнить, уже должно быть сгнившим и в меру костлявым? Этот аромат застарелой смерти вызывал у меня смутные опасения, но запах есть запах, ничего более неприятного пока не происходило.

В залах Уснувшего Мрака дул слабый ветерок. Он пел где-то под потолком, выдавая вечное мрачное «Хммм-ммм-ммм». Впервые услышав этот звук, я подумал о возвращении страшного шепота, но спустя вечность холодного пота и дрожи в коленях до меня дошло, что это всего лишь ветер и невинная шутка строителей.

Я шел до тех пор, пока не наткнулся на стену. Она отчего-то была немного выпуклой, и, удивленный этим, я позволил себе роскошь приказать фонарику загореться в полную силу.

Волшебный свет вырвал из тьмы огромный столб, обхватить который могли человек сорок (предварительно взявшись за руки). М-да, толщине и высоте каменного чудовища могли позавидовать многие деревья Заграбы. А в зале таких колонн оказалось несколько сотен. Я шел мимо гигантских каменных исполинов и чувствовал себя жалкой мелкой букашкой, невесть как оказавшейся в этом месте. Угрюмые серые великаны вырастали в лучах света, безмолвно

нависая над незваным гостем и грозя обрушить на него далекий свод потолка.

Тревожное чувство не покидало меня во время всего путешествия по этому месту с его извечным воем ветра — «хм-м-м», серой угрюмостью и едва ощутимым запахом тления... В один прекрасный момент, когда нежданные мурашки в сотый раз пробежали вдоль моей спины, я по какой-то уже неясной мне причине решил, что следует как можно быстрее обернуться. Не знаю, было ли это моим желанием или решением Вальдера. Одного мимолетного взгляда мне хватило, чтобы спрятать «огонек» под куртку и приказать ему погаснуть.

Далеко-далеко, в самом начале колонного зала рассыпалась едва видимая цепь оранжевых точек. Никаких сомнений в том, что это факелы. Несколько десятков огоньков мигали, на краткое мгновение исчезали за колоннами и вновь появлялись, пускай медленно, но неуклонно продвигаясь в мою сторону.

Готов заложить душу, но факелоносцы не могли быть людьми Балистана Паргайда. Тех, кто спустился с Лафресой в Костяные дворцы, должно быть немного, а здесь... Здесь счет шел на пять-шесть десятков. Так что по залу шествовал кто-то другой.

Надеясь, что «огонек» я успел спрятать вовремя и неизвестные его не заметили, я прянул за колонну, поближе к стене и подальше от центра зала. Бежать в темноте вперед глупо — шанс врезаться лбом во что-то твердое очень велик (не говоря уже о том, что заблужусь я на все сто). Лучше затаиться, благо даже такого количества факелов не хватит на то, чтобы осветить безграничные просторы зала, и у меня есть вполне реальная возможность переждать опасность в укромном и очень темном уголке.

Сейчас меня заботил лишь один вопрос: незнакомцы ищут именно меня или у них рядовая ежедневная прогулка с осмотром местных достопримечательностей? На всякий случай я приготовил арбалет, накинул капюшон на голову и прижался к стене.

«Хммм-ммм-ммм».

Ветер древних залов пел колыбельную для уснувшего мрака вечности. Звук ветра тоскливой нотой едва звучал в ушах, и ничто, кроме моего отчаянно бьющегося сердца, не могло его заглушить. Долгое время я слышал лишь стук своего сердца и колыбельную ветра. А затем залы Уснувшего Мрака вздрогнули, и ночь пробудилась.

Они приближались, ничуть не скрывая своего присутствия. В громкой поступи десятков ног чувствовалась уверенность хозяев, идущих по своему собственному дому и не боящихся никаких опасностей. Вот уж чего-чего, а встреч на сегодня я не планировал, поэтому и затаился, словно мышка, почуявшая приход голодного кота.

Шаги были все ближе и ближе... Вот на дальних колоннах появился оранжевый отблеск, вот уже слышно тяжелое сопение неизвестных. С одной стороны, хорошо — раз сопят, значит, живые. С другой стороны...

Додумать я не успел, потому как наконец увидел их, и мне сразу же захотелось оказаться за десяток лиг отсюда. Не каждый день можно стать свидетелем, как оживают изображения со стен. Как-то не ожидал увидеть живыми тех, кого с такой маниакальной тщательностью изображали в виде статуй, рисунков и мозаики создатели Костяных дворцов.

Полуптицы-полумедведи, о которых (уверен!) не знал даже Орден. Высокие, такого же роста, как огры, массивные, почти квадратные, с толстыми руками-лапами и босыми когтистыми ногами, эти существа шли мимо меня. Большие вытянутые головы, чем-то похожие на медвежьи, с маленькими ушами, круглыми птичьими глазами и небольшими изогнутыми клювами, блестящими в свете факелов словно стальные.

Странные и, не побоюсь этого слова, нелепые создания были облачены в свободные фиалковые одежды. Балахоны почти полностью скрывали тела существ, оставляя для обозрения лишь кисти рук, ступни и голову, покрытые короткой шерстью рыжего цвета. А может, это была не шерсть, а перья. Отсюда мне было трудно рассмотреть.

Никаких украшений и никакого оружия. В созданиях чувствовалась сила, уверенность и... старость. Даже не старость, а древность тысячелетий, способных поспорить с самой вечностью.

— Они — это сам мир,— внезапно прошептал Вальдер.— И пришли на Сиалу в момент ее рождения. Первыми были не огры и уж точно не орки... Эти существа жили в самом начале Темной эпохи. Некогда великая и чуждая даже для огров раса, которой теперь уготовано жить здесь. Чужие нам... Абсолютно другие... Смотри, Гаррет, вот они — Первые дети этого мира.

Не знаю, откуда о полуптицах-полумедведях узнал архимаг, но смотрел я на тварей во все глаза.

Сейчас они проходили в пятнадцати ярдах от меня. Шли гуськом, друг за другом, громко сопя и переваливаясь с ноги на ногу. Каждый третий нес то, что поначалу я принял за факелы. Это были черные бугристые и отполированные до блеска деревянные посохи, на каждый из которых было нанизано по черепу. Черепа эльфов и орков, людей и даже огров — они излучали яркий оранжевый свет, так похожий по цвету на обычное пламя.

Фигура сменялась фигурой, казалось, что веренице не будет конца. Сопение, звук шагов, царапанье когтей по плитам пола. Они про-

плывали мимо меня, корабли древности и былой силы, ушедшие на дно веков, и их огромные тени зловеще скользили по телам колонн. Наконец последний, восемьдесят шестой путник, высоко держа факел-череп, прошел мимо меня, и наступила темнота.

Откуда, из каких глубин Костяных дворцов вышли эти существа, как они прожили все тысячелетия Сиалы, чего хотят и к чему стремятся? Не знаю, опасны ли они, но слава Саготу, что я с ними разминулся. Тьма знает, как Первые (действительно Первые!) отнесутся к незваному гостю. Может, встретят с распростертыми объятиями и проведут по безопасному пути до самой могилы Грока к Рогу Радуги, а может, без всяких разговоров сделают из моего черепа новый светильник. Что-то подсказывало мне, что второй вариант куда как вероятнее первого.

И все же я не мог оставаться на месте. Колонна существ следовала в нужном мне направлении, поэтому очень осторожно, едва дыша, я пошел за Древними.

Я держался в отдалении, чтобы, не дай Сагот, не быть услышанным или — того хуже — не попасть в круг света черепов-светильников. Перебегая от колонны к колонне, я преодолел весь гигантский зал. Цепочка огней впереди меня дрогнула, рассыпалась на три, растеклась по коридорам-лабиринтам, и воцарилась тьма.

За все время я не услышал от этих существ ни слова. Куда направились птицемедведи, какие цели преследовали, чего хотели? Конечно же я не стал догонять ушедших и задавать им глупые вопросы. Куда бы ни ушли существа — мне с ними было не по пути. Как в фигуральном, так и буквальном смысле. Моя дорога вела в едва заметный узкий коридор, начинавшийся меж двух последних колонн зала, а разделившиеся на три отряда Древние ушли по другим трактам.

Возникло сильное искушение достать карты и посмотреть, куда эти создания могут направляться, но я самым безжалостным образом подавил в себе предательское любопытство. Меньше знаешь, лучше спишь. Я не сомневался, что только что прошедшие по колонному залу, полуптицы-полумедведи пришли сюда из глубин Безымянных ярусов, куда никто не решался заглянуть в течение последних семи тысячелетий.

— Чего они хотят, Вальдер? — вырвалось у меня.

Удивительно, но на этот раз архимаг соизволил мне ответить:

— Они ждут, Гаррет.

— Ждут?! Но чего?!

Он долго молчал. Очень долго. Я уж подумал, что не дождусь ответа.

— Шанса. Шанса вернуться в наш мир. Они — ошибка богов, а может быть, и того, кого называют Танцующим в тенях. Они были созданы как... как эксперимент, как первые существа и чуть ни уничтожили Сиалу и были наказаны... Они ждут, когда кто-нибудь разобьет оковы цепей, что удерживают их в недрах земли. Ждут и мечтают, чтобы ИХ мир стал прежним. Без орков, огров, эльфов и уж конечно без людей. Ждут, когда Держащие Цепи, те, кого мы привыкли называть Серыми, замешкаются и нить равновесия лопнет, как это едва не произошло в одну из лютых зимних ночей много лет назад...

От слов мертвого архимага меня пробрало до костей. Я понял, на что он намекает.

— Рог Радуги?

— Скорее всего. Это они пробудили зло, спящее здесь. Свое собственное зло. Они чуют, что время близко...

— Но откуда ты все это знаешь?

Нет ответа. Вальдер исчез, оставив меня в сомнениях и раздумьях.

Скудный ужин, сон, почти не принесший облегчения, и вновь дорога. Коридор привел меня в пещеру, где наконец-то не надо было тратить «огоньки» и тыкаться носом в стены.

Размерами она не уступала залу с колоннами — красновато-оранжевые стены, потолок, с которого срывались столбы света, прекрасно освещавшие округу. Клянусь, свет не был волшебным, а оказался самым настоящим, солнечным.

Первые две минуты мои глаза, совсем от него отвыкшие, отказывались что-либо видеть, я щурился и смаргивал невольные слезы. Пришлось изрядно помучиться, чтобы привыкнуть и нормально смотреть на мир.

Солнечный дар, вырывающийся из потолка, находившегося от меня на высоте шестидесяти с лишним ярдов, казался светом вечернего светила, пробивающимся сквозь густую лесную листву. Это было нечто теплое, ласковое, не слишком яркое и конечно же (особенно после мрака подземелий) непостижимо прекрасное. Пожалуй, впервые за неделю гуляния по Костяным дворцам я был благодарен архитекторам и магам, создавшим в одной из глубоких каверн такое чудо.

Пещера была настолько большой, что неизвестные строители поместили в ней маленькую крепость.

Да-да! Самую настоящую крепость!

Стены высотой ярдов в двенадцать, сорванные и разбитые створки ворот. Четыре изящные воздушные башенки с острыми, будто

копья, шпилями (поправка — три со шпилями, а по четвертой словно ударили волшебным кулаком. От башни остался лишь один огрызок).

Еще одна башня в самом центре, точно такой же архитектуры, как четыре другие, но несоизмеримо большего размера. Возникни сейчас у кого-нибудь желание там обосноваться и устроить оборону, даже профессиональным воинам, решившим штурмовать укрепление, придется туго (на мой неискушенный воровской взгляд).

Первоначально я и не заметил цитадель, потому как ее стены практически не отличались цветом от стен пещеры. До невесть как оказавшегося здесь бастиона пришлось достаточно далеко идти. Я потопал по красноватой дорожке, змейкой вьющейся между высоких каменных наростов-пальцев, повсеместно растущих прямо из пола. Тропа была усыпана мелким каменным крошевом, и камушки то и дело скрипели под подошвами сапог.

Когда я подошел ближе, то понял, что крепость обойти нельзя. Ее стены упирались в стены пещеры, а без потерянной паутинки штурмовать преграду высотой в двенадцать ярдов у меня, увы, не получится.

Остается одна возможность попасть на другую сторону — пройти в зияющий провал, пересечь внутренний двор и надеяться, что есть ворота на противоположном конце укрепления.

Входить внутрь, как вы понимаете, мне не улыбалось. Уж слишком много костей перед входом.

Они были жутко старыми.... У многих мертвецов меж ребер застряли стрелы. Оборонявшиеся лучники сняли богатую жатву. Много оружия, но настолько старого и ржавого, что касание сапога заставляло его рассыпаться в прах.

Щиты, шлемы, луки с истлевшими тетивами, доспехи с едва видимой гравировкой Черной розы, Черного пламени, Черного камня, Белого листа, Белой воды. Эльфы темных и светлых домов, сражавшиеся, а точнее нападавшие плечом к плечу.

Я даже знаю, против кого могли объединиться некогда единые эльфийские дома. Только против своего главного и извечного врага, против ближайших родственничков — орков. Рядом с сорванными створками ворот валялись останки тарана. Несмотря на то что под стенами полегло с сотню бойцов, эльфам все же удалось разбить неприступный орешек.

Я постоял, подумал, прикидывая свои шансы, затем вздохнул, достал арбалет, вытащил один из обычных болтов и заменил его на ледяной. Делать нечего, либо возвращаться, либо лезть в крепость.

Удивительно, но ни в воротах, ни в узком коридоре с бойницами для встречи незваных гостей меня ничто не схватило. Теперь вместо

камушков под ногами скрипели старые кости. Эльфов и здесь ожидал дружественный прием. В коридоре чувствовался запах затхлой сырости старых деревянных перекрытий потолка и терпкая горечь миндаля. По меньшей мере странный аромат для такого места.

Я вышел во внутренний двор. Прямо напротив красным столбом возвышалась центральная башня. Все пространство, как и площадка перед воротами, усыпано костями.

Нешуточная схватка. Орочьи и эльфийские скелеты порой переплетались в самых немыслимых позах. С'каши и ятаганы кривыми ржавыми полумесяцами валялись под ногами. Во многих местах земля, стены и кости покрыты сажей, а то и оплавлены. Западная часть двора завалена красноватыми глыбами и обломками разрушенной башни. Кроме стрел и мечей в дело шла магия.

Эльфов полегло много, очень много, но не возникало никаких сомнений, кто вышел победителем из этой битвы. В стену центральной башни на высоте десяти ярдов были вплавлены тела восьми орков. Не исключу, что после того как эльфийские шаманы и маги свершили казнь, орки еще долго, о-о-очень долго мучились. Удивительно, но казалось, время не тронуло, пощадило мертвых. Возникало впечатление, что они погибли всего лишь минуту назад.

Их плоть не растаяла, словно воск свечи, не сгнила, как протухшее мясо, и не усохла, словно заморская слива. После путешествия по Пограничному королевству, общения с воинами Альгерта Далли и схватки у Перекрестка я немного разбирался в нашивках самых известных кланов орков. У оборонявших крепость нашивки были бело-черными, почти выцветшими. О таких клановых отличиях я раньше не слышал. Если выберусь из Храд Спайна, спрошу у Эграссы ради любопытства, какой клан орков носит бело-черные цвета.

Прямо перед башней росло большое старое дерево, чем-то напоминающее воина-карлика, отдыхающего после долгой дороги. Кряжистое, крепкое и низкорослое. Такое же древнее, как и красная крепость, что теперь хранит кости павших воинов. Вот только в отличие от давно умершей и заброшенной крепости старое нелепое растение все еще жило. Все ветви долгожителя усыпаны мелкими белыми цветочками, и казалось, что дерево укуталось в пушистое снежное одеяло.

Цветы благоухали миндалем, и их горький аромат ощущался даже во рту. От запаха уже начинала болеть голова, и я поспешно двинулся прочь. Не стоит задерживаться больше, чем это требуется.

Иду широкими осторожными шагами, стараясь не наступать на кости. Глупо, но ничего не могу с собой поделать — детские суеверия все еще сильны и что-то подсказывает мне, что не стоит без причины будоражить останки эльфов и орков. Все же мне не всегда уда-

ется разминуться с желтоватыми костяками, облаченными в ржавые доспехи. Слишком много скелетов, иногда ногам не остается ничего другого, как вдавить кости в рыхлый песок крепостного двора. Вот и сейчас я не рассчитал и наступил на череп.

КРАНК!

Он оглушительно лопнул и развалился, словно у меня под ногой была не кость, а переспелая гарракская дыня. Я брезгливо дернулся, на миг отвлекся от костей и бросил взгляд на дерево.

Сердце в груди сделало безумное сальто, воспарило в небеса, а затем рухнуло вниз и запуталось в кишках.

Цветы у дерева теперь были не белыми, а красными! Кроваво-красными! Кровь скапливалась на лепестках в виде огромных капель, а затем срывалась вниз, орошая кости и песок. Тяжелые капли, словно дождь из кошмара какого-нибудь ненормального, срывались с ветвей, сочились из всех пор древесного ствола и падали вниз. За несколько секунд под деревом уже успел образоваться маленький пруд. Пруд рос и рос, расширялся и словно какой-то хищник поглощал лежавшие на песке кости.

Мучительный, нескончаемый, пробирающий до костного мозга вопль боли раздался откуда-то сверху и заставил меня пригнуться и втянуть голову в плечи. Я поднял глаза вверх, ожидая увидеть падающего на меня, но вот... Вот только на меня никто не собирался падать.

Кричал один из орков, вплавленных в тело башни. Кричал безостановочно и мучительно. Его лицо исказилось от вселенской боли. Вот тут-то меня и пробрало...

Я, не разбирая дороги и расшвыривая попавшие под ноги кости, бросился прочь. Орк орал, как свинья, попавшая под нож неумелого мясника. Я метнулся из одного конца дворика в другой, стал прыгать по валявшимся камням разрушенной башни, не удержался, рухнул вниз, едва не попав в растекающуюся по двору кровь, откатился в сторону, вскочил, зажимая руками уши, и побежал.

Понял, что уронил арбалет, вернулся, отбросил в сторону чьи-то ребра, подхватил оружие, вновь бросился прочь, заметался... Вопль мучившегося создания сводил с ума и поднимал со дна моего сознания льдинки страха.

Так и остался у меня в памяти размытый от бега двор, красный столб башни, горечь миндаля, истекающее кровью дерево и крик обреченного на вечные муки орка.

Страх заставлял бежать и скулить. Он заполнил почти все сознание, и я лишь каким-то чудом смог выскочить через проломленную в стене дыру, находящейся на противоположной от ворот стороне. Крики орка подталкивали в спину и заставляли бежать по красной

дорожке все быстрее и быстрее. Два раза я падал, отбивая колени, вновь вскакивал и продолжал бегство.

Остановился лишь после того, как вопли вечно живого и вечно умирающего существа поглотило расстояние.

Я уперся руками в колени и отдышался. А тьма! Только и знаю что бегать! Так ни на какие Костяные дворцы здоровья не напасешься!

Я оглянулся назад, на покинутую крепость. Отсюда она казалась не больше маленькой шкатулки, в которой некоторые недалекие личности хранят дурящую мозги дрянь.

Солнечный свет, бивший все время моего путешествия по оранжевой пещере, постепенно мерк и становился не таким ярким и живым. Случись такое на поверхности, я, не задумываясь, сказал бы, что начинается закат и наступают сумерки. Впрочем, наверное, так оно и было, а значит, не стоит стоять и глазеть, как пещера погружается во тьму. Зачем тратить и так уже порядком оскудевший запас «огоньков», если можно поспешить и преодолеть расстояние до выхода из оранжевой пещеры засветло?

Ежеминутно косясь на темнеющий потолок, я направился по красной дорожке к далеким стенам пещеры. Каменное крошево скрипело под сапогами, словно снежный наст или осколки древних костей.

Когда я подошел к стене пещеры, редкие солнечные лучи уже не могли осветить местность. Собрался было воспользоваться новым волшебным фонариком, но случилось чудо. Каменные столбы-пальцы, меж которых вилась дорожка, разом мигнули, полыхнули и засияли холодным бледно-голубым светом.

Точно такие же камни, только размером поменьше, росли прямо из стены, и их сияние указало мне на ранее незаметную тропку, которая причудливым серпантином взбиралась куда-то ввысь.

Делать нечего, тропка должна привести меня к выходу, это вроде единственный путь, если только я не захочу пойти вдоль стены, надеясь найти еще какой-нибудь способ выбраться отсюда. Но стоит ли заниматься глупостями и терять время, если пещера даже в картах не указана? А вдруг другого выхода нет?

Несмотря на подъем, идти оказалось легко, и, преодолев девять витков серпантина, я поднялся на довольно большую высоту. Тропка была узкой, и приходилось прижиматься к стене, чтобы чувствовать себя хоть немного увереннее. Зазевайся, не заметь плохо лежащий камень — и тут же сверзишься вниз.

Конечно, под ногами не пропасть в сто ярдов глубиной, но, рухни я, костей точно не соберу. Вниз я старался не смотреть до тех пор,

пока серпантин, вырубленный прямо в отвесной скале, не привел меня к выходу.

Стоило отдохнуть. Я расположился на ровной площадке явно искусственного происхождения, добыл сухарь, поболтал фляжкой, проверяя, сколько осталось воды, и разочарованно цокнул языком, понимая, что там не больше чем на три-четыре глотка. Надо срочно отыскать какой-нибудь источник или пруд, чтобы пополнить скудные запасы.

Сухарь, как всегда, оказался безвкусным и жестким, словно подошва старого военного сапога (слава Саготу, что он не пах соответственно). Пережевывая эту снедь, я наслаждался открывающимся передо мной видом. До потолка отсюда было не более шести ярдов, а до пола около пятидесяти. Вся пещера как на ладони. Сотни искорок-столбов яркими холодными светляками горели ровным волшебным огнем, озаряя местность. Пол и стены тонули в голубых кругах света, исходящего от столбов. Столбы-фонари, находящиеся слишком далеко, сливались в одну яркую линию. Островки голубого света топили пещеру в нереальном сказочном сне. Даже ночным огням Заграбских лесов далеко до такой красотищи.

Наслаждаться можно бесконечно, но, сидя здесь, Рог Радуги не добудешь. Я с сожалением встал, отряхнул крошки с рук, убрал флягу и вошел в просторный коридор, на стенах которого осталась копоть факелов.

Ковырнул ее ногтем. Свежая. Уверен, что это Лафреса. Она явно наколдовала себе крылья и теперь постоянно меня опережает.

Солнечный янтарь тепла стен и немногочисленные волшебные факелы, едва разгоняющие темень залов.

Бесконечные узоры стен, складывающиеся в весьма небрежные рисунки — нечто вроде хроники. Передо мной расстилались все мало-мальски значимые события истории Сиалы за Неназываемый знает сколько тысячелетий. Но рассматривать все художества орков и эльфов не было ни времени, ни желания. У меня нет в запасе лишнего миллиона лет.

Пол из красного минерала точно такой же фактуры, как и стены, оказался зеркальным. Так что сейчас по залам шли сразу два Гаррета, только один был здесь, а другой там — в зеркальном полу. Плиты отчего-то были скользкими. Повинуясь какому-то детскому порыву, я разбежался и заскользил, словно у меня под ногами не пол, а настоящий лед.

Я понял, куда попал, после того как пропутешествовал около часа по сектору Янтаря (как я стал называть это место) и вышел к двум четырехъярдовым статуям возле входа в очередной зал. Спра-

ва стоял орк, слева эльф. Оба в одинаковых свободных одеждах с поясами-цепями, оба с несвойственными им двуручными мечами с волнистым лезвием. Эльф и орк закрывали руками уши. На полу какая-то надпись на орочьем, но, как это бывало и раньше, я проигнорировал непонятные закорючки.

Предупреждение? Пожелание доброго пути? Сагот их знает! Какой тьмы ломать себе голову и беспокоиться, если все равно ничего не поймешь?!

Так что особо не раздумывая, я прошел мимо застывших скульптур в следующий зал. Хотя признаюсь, что после оживающих горгулий к статуям я относился с вполне понятной подозрительностью.

...бам! баМ! бАМ! БАМ! БАМБАМ!! БАМ-БАМ- М-м-м-!!!

Вот уж действительно неожиданно! Я едва не оглох от гремящего эха собственных шагов! Оно все нарастало, нарастало, затем перешло в рев прорвавшегося водопада, зазвучало как разящий гром богов и сгинуло без следа, оставив на прощание звон в ушах.

— Тихо,— шепнул я, и эхо тут же подхватило это слово, разнеся его чуть ли не по всему Храд Спайну.

— тихо! тихО! тиХО! тИХО! ТИХО! ТИХО-О-О-О! ХО-о-о!

Я сморщился, как от зубной боли. Лучший способ заявить о своем присутствии на весь мир — это заорать в залах Уснувшего Эха. Малейший шум — и разбуженное эхо загрохочет так, что покойники должны повыскакивать из гробов за лигу от этого места.

Я сделал парочку пробных шагов, стараясь как можно меньше шуметь. Бесполезно. Даже осторожная ходьба вызывала неизменное и магически усиленное во множество раз эхо.

Пришлось снять сапоги и идти босиком. Удивительно, но эта мера помогла, и эхо почти не просыпалось, так что дальше я шел беспрепятственно и не опасался быть услышанным на другом ярусе Храд Спайна. Вот только проклятущий зеркальный пол оказался ужасно холодным.

Спустя какое-то время, когда пальцы на ногах попросту отказались что-либо чувствовать, дорога вывела меня к подземной реке, заключенной в плен мраморных берегов. Черная лента безмятежной воды появлялась из дыры в янтарной стене, разделяла зал на две половины и исчезала в точно такой же дыре в противоположной стене.

Пересекая зал, подземная речка самым наглым образом перегораживала мне дорогу. Раньше через нее был перекинут мостик, но сейчас от него остался лишь каменный огрызок не больше четверти ярда. От мраморного берега до воды не более полуярда, можно достать рукой, и я не преминул воспользоваться предоставленной возможностью и наполнить флягу.

В ширину канал оказался в три—три с половиной ярда, так что вполне можно перепрыгнуть с разбега, что, собственно, я и сделал, предварительно обувшись. Пол оставался все таким же скользким, и прыжок вышел достаточно неловким. Сердце екнуло, казалось, я не долечу и рухну в воду, но уже через секунду ноги коснулись противоположного берега. Пол проворно выскользнул из-под ног, я рухнул и проехал на боку ярдов десять, если не больше. Я же говорил — самый настоящий январский лед! Хорошо хоть ничего себе не отбил.

— А тьма! — выругался я и только тут понял, что эхо не стало повторять мои слова.

Залы Уснувшего Эха остались позади.

Лабиринт Пятой руки. Именно так называлось место, в которое я попал. Череда узких извилистых коридоров и комнат с бесчисленным количеством входов и выходов. Один неверный шаг, один неверный поворот — и останешься здесь навсегда.

В таких местах можно петлять годами, бродить из одной комнаты в другую, сотню раз проходить одной и той же дорогой и так и не найти спасительный выход, находящийся в пяти ярдах от тебя. Страшное место. И унылое, как затяжной дождь в октябре. Хорошо, что хоть не темное — факелы-светильники горели так же исправно, как в Янтарных залах.

Намаялся я в Пятой руке знатно. Дорога, словно взбесившаяся змеюка, петляла из комнаты в комнату, из зала в зал. В узких коридорах с низким потолком воздух оказался спертым, и хотелось расцарапать себе грудь, чтобы дышать стало хоть немного легче.

Один раз я чуть заикой не стал. Вошел в зал и увидел на стене огромную тень. Как оказалось, это была моя тень, в десятки раз увеличенная висящим на стене факелом. Трижды я находил скелеты путешественников. У последнего еще не успела истлеть одежда. Это кто-то из первой экспедиции Сталкона, но каким чудом человеку удалось без Ключа пробраться через Створки на пятый ярус, навсегда останется загадкой.

Можно сказать, что после часа блужданий по узкому душному подземелью я готов был отдать половину своей крови, лишь бы выбраться. Ну я и выбрался, правда, спустя еще целый час. Просто в один прекрасный момент, следуя указанию карты, я повернул направо, вышел из лабиринта и оказался в двух шагах от пропасти. Возле выхода горел последний факел. Он-то и помешал мне шагнуть в бездну. Я очутился на маленькой площадке в шесть шагов шириной. Позади дыра, из которой я вышел, покидая лабиринт Пятой руки, впереди и внизу бездна. Вверх, в темноту, уходила гладкая

стена. Площадка плавно перетекала в тропку, вырубленную прямо в стене. Тропа шириной в шаг. Шаг влево — и плечо упирается в холодный базальт стены, шаг вправо и... ничего.

Пустота. Пропасть.

Видать, тропку прогрызали в скале прямо зубами. Грубая и небрежная работа, сделанная на скорую руку. Из-за постоянных неровностей и выступающих камней приходилось прижиматься к скале и ползти с черепашьей скоростью. То и дело по левую руку появлялись темные провалы, ведущие в глубь скалы. Я старался как можно быстрее миновать их.

Тьма знает, что оттуда может выскочить. Тропинка сузилась до четверти шага. Теперь я едва мог поставить ногу, и угроза рухнуть со скалы возросла многократно. Приходилось впиваться ногтями в базальт, чтобы хоть как-нибудь удержаться.

Впереди и немного справа появилась горизонтальная цепь, состоящая из шести огней. Тропка кончилась как раз возле них и плавно перетекла в площадку, ведущую в точно такой же вход, как и тот, который вывел меня из лабиринта Пятой руки. В дыру лезть нет смысла, мне совсем не в ту сторону. Я повернулся к огням и к тому, что на картах было изображено тонкой, едва различимой на желтоватой бумаге линией и называлось Волосом Нирены.

Это был всего лишь мост, вот только шириной он не уступал последним ярдам тропки. Да к тому же еще и круглый! На него едва можно поставить ногу. И вправду самый настоящий волос! Куда уж тоньше-то! И такого чуда целых тридцать ярдов с гаком. Попробуй перейди, если ты, конечно, не канатоходец с Рыночной площади!

Я не боюсь высоты, но это чудо архитектурной мысли не по моим зубам. Все, на что я окажусь способен,— это сделать с десяток ма-а-ахоньких шажков до момента неизбежного падения. Над мостом, прямо в воздухе, дрожа и мигая, как какие-то огненные сердца, висело шесть больших волшебных фонарей.

Что же, мое созерцание моста не прибавит ему толщины и не приблизит ко мне противоположную сторону. Гаррет не дурак, у Гаррета в башке кроме Вальдера есть еще и мозги! Я решил не выпендриваться и преодолеть мост самым удобным и безопасным способом — просто улегся на Волос Нирены, оплел его ногами и стал подтягиваться руками.

Полз я со скоростью гусеницы, которая, на свою беду, нажралась листьев травки-красавки. Но полз ведь! Лучше уж передвигаться медленно, но наверняка, не боясь упасть. Ну... или почти не боясь упасть. Вниз я старался не смотреть, и совсем не потому, что было глубоко и страшно. Причина крылась в том, что я попросту не видел дна. Подо мной была сплошная чернота.

Преодолев четверть пути, я решил, что честно заслужил небольшой отдых, и остановился, обхватив мост руками и ногами, словно он был самым большим сокровищем в моей жизни. Откуда-то снизу поднимались едва уловимые потоки теплого воздуха с запахом выгребной ямы. От вони слезились глаза.

Представляю, какое очаровательное зрелище открылось бы для того, кто находился бы на «берегах» (в особенности для хорошего стрелка). Распластанная по мосту и еле ползущая фигурка — великолепная мишень. Но, наверное, на сотни лиг вокруг меня никого живого не было, а оттого никто не мог насладиться видом Гаррета, вступившего в отчаянную схватку с мостом.

Все же победитель в этом поединке вскоре определился, и им был я. На все попытки моста сбросить меня я неизменно отвечал упрямым отказом и продолжал ползти вперед до тех пор, пока не оказался на противоположном берегу.

В который раз я широко зевнул и плеснул из фляги себе в лицо, стараясь прогнать сон. Не помогло. Да и неудивительно! Больше двадцати часов на ногах, практически без всякого отдыха. Усталость давала о себе знать, настойчиво и безжалостно требуя отдыха, не собираясь идти ни на какие уступки.

Сейчас вот тут посижу, отдохну немножечко... совсем чуть-чуть... глаза закрою, а то от рези аж выть хочется... просто закрою, а спать не буду... ни за что не буду... не буду...

Глава 7
ТАНЕЦ СОЛНЕЧНЫХ ЗАЙЧИКОВ

Все же мне не удалось обмануть самого себя и не уснуть. Не знаю, сколько прошло времени, но проснулся я внезапно, словно кто-то что есть сил пихнул меня локтем в бок.

Карты называли место, куда я попал, восемьдесят шестым северо-восточным Лестничным залом. Зал черного оникса. Черный камень жадно пожирал свет «огонька», и видимость была препаршивой. Я не рисковал увеличивать яркость, теперь приходилось беречь каждый новый волшебный фонарик, растягивать его жизнь на как можно более долгий срок, чтобы дотянуть до выхода наружу.

Я даже старался не думать, в какую переделку угодил. Там наверху, в прошлой жизни, я считал, что, спускаясь в Костяные дворцы, ввязываюсь в самую крупную и опасную авантюру столетия. Только теперь я понял, что это нечто гораздо серьезнее. Я не могу подобрать слова, чтобы хоть как-то охарактеризовать нынешнюю ситуацию.

Один. Совсем один. Почти в кромешной темноте, спускаясь все глубже и глубже, с остатками припасов, исчезающих с катастрофической скоростью, без Ключа, без всякой надежды вырваться наружу и преодолеть Створки.

На что я надеюсь? Наверное, только на чудо. На Очень Большое Божественное Чудо. Конечно, боги так и горят желанием спасти некоего Гаррета и даже занимают очередь.

Что, не верите? И я не верю. Ха-ха! Вот такая глупая шутка. Вы погодите, когда сойду с ума в этой непроглядной утробе, вот тогда-то мы всласть и похохочем. М-дя... В последние дни настроение у меня хуже некуда.

Десятки черных лестниц вздымались вверх или, закручиваясь штопором, уходили вниз. Среди лестниц никакого разнообразия, все абсолютно одинаковые, будто архитекторы подчинялись какой-то жесткой и непонятной мне системе.

Долго-долго иду мимо них, иногда касаюсь пальцами прохладного камня, вслушиваюсь в тишину. Оникс пожирает все звуки. Во всяком случае, я так думал, пока не услышал крик. Даже не услышал, а, скорее всего, почувствовал. Кричали недолго, крик оборвался через секунду после того, как я его расслышал, да и расстояние оказалось чересчур далеким.

Я остановился, прислушался. Тишина. Пройдя Лестничный зал насквозь, протопав через несколько холлов, я оказался перед входом в зал, где был свет, и поспешно загасил «огонек».

Вход высотой и шириной не уступал Створкам. Вновь, как и перед залами Уснувшего Эха, меня встречали две статуи. Справа орк, слева эльф. Двуручный меч орка сломан, и Первый с бесстрастной физиономией выкалывал стилетом себе правый глаз. Вместо левого уже зияла пустая глазница. Меня аж передернуло — огромная, в пять человеческих ростов статуя казалась живой. Скульптор (впрочем, как и все строители Храд Спайна) был наделен талантом самих богов.

Эльф сохранил свой меч в целости, но оружие демонстративно лежало у босых ног, рукоятью в мою сторону. Я хмыкнул — не каждый же день увидишь, как эльф добровольно отказывается от своего оружия. Глаза эльф решил поберечь и не пихать в них всякого рода острые предметы и попросту прикрыл их руками.

Вот и пойми, что хотели сказать этими статуями строители! На полу вновь оказались надписи. Я уж было хотел пойти дальше, но выдавленные в плитах буквы полыхнули серым жемчужным светом, призывая обратить на них самое пристальное внимание.

Поначалу это были орочьи закорючки, затем они дрогнули, расплылись и собрались в квадратики, кружочки и треугольнички, ко-

торыми пользовались для письма гномы и карлики. Еще несколько мгновений, и гномьи каракули перемешались между собой, незнамо как превратились в человеческие буквы и окончательно застыли, мерцая жемчугом.

Здесь вечным сном спят шестьдесят девять правителей дома Белого листа. Если ты гном, карлик, человек или дитя иной расы и можешь прочесть эти строки, то заклинаем тебя — не тревожь тех, кто охраняет покой мертвых, и поищи другой путь.

Ну а если ты презренный орк или упрямец, не желающий прислушаться к голосу разума, или попросту не умеющий читать невежда — входи, прими судьбу, предначертанную тебе богами, и не жалуйся, что тебя не предупреждали.

Буквы еще несколько секунд посверкали, сложились в орочьи закорючки и погасли. Пожалуй, впервые с момента попадания в Храд Спайн я крепко подумывал о том, чтобы плюнуть на все и поискать другой путь к шестому ярусу.

Я отношусь к тем людям, что обычно прислушиваются к внутреннему голосу разума и оттого живут долго и по возможности счастливо. Ну не будут же эльфы ни с того ни с сего предупреждать путника о грозящей опасности, особенно если учесть то, что раньше перед встречаемыми мною ловушками никаких сопроводительных надписей не было. Стоит поостеречься и не лезть в гадючье гнездо без веских причин. До основной дороги, ведущей к спуску на шестой ярус, оставалось пройти всего лишь несколько залов, пройти по прямой, никуда не сворачивая (если только карты мне не врали).

Обходной путь занял бы у меня лишних полтора дня блужданий по лестницам, коридорам и залам, а именно этих лишних полутора дней у меня сейчас как раз и не было. Я и так уже достаточно сильно выбивался из графика. И все сроки, отпущенные мне милордом Алистаном, летели ко всем собачьим демонам.

Все же пребывание в Костяных дворцах повлияло на мои мозги с самой неблагоприятной стороны. Потому как с недавних пор ценность времени у меня встала на одну ступеньку выше ценности собственной жизни (скажи кому из моих знакомых, так не поверят же!). В итоге в башке у меня произошло мимолетное потемнение сознания, и очнулся я уже после того, как сделал два десятка шагов по залу, куда мне категорически не советовали соваться.

Вот так и свершаются самые большие глупости во Вселенной. Мол, не делал, не хотел, это оно само случилось. Ноги не туда завели, руки сами ножом пырнули, а голова не виновата, хотя именно ей теперь придется отвечать за оплошности рук и ног.

Страх во мне бурлил не хуже чем гейзеры на острове Дракона. Вот-вот выплеснется через край.

«Спокойно, без паники! — шепнул мне внутренний голос.— Ничего страшного не случилось, ты еще можешь вернуться. Попытайся успокоиться. Осмотрись!»

В кои-то веки мне посоветовали что-то приличное. Я несколько раз глубоко вздохнул, стараясь успокоить дыхание и грохотавшие барабаны сердца. Действительно, я прошагал по запретному залу целых двадцать шагов и, несмотря на грозные предупреждения у входа, все еще был живехонек. Неужто эльфы попросту решили взять меня на испуг? Стоило осмотреться и решить, возвращаться назад или идти вперед.

Зал оказался не очень «большим». Всего лишь с турнирное поле величиной. Стены сложены из огромных каменных блоков, каждый из которых размером с небольшую карету. Достаточно грубая архитектура, особенно если учесть, что здесь покоятся шестьдесят девять владык одного из светлых эльфийских домов.

Этот зал не идет ни в какое сравнение с той красотой, что встречала меня на последних ярусах. Даже странно. А похоронены ли здесь эльфийские короли или это очередная сказочка для легковерных? Теперь не проверишь, ниши между каменными блоками давным-давно замурованы, да и вряд ли по обычным костям можно определить, королевского рода покойник или самого что ни на есть сиволапого.

Совершенно хаотичное нагромождение колонн. Тут три, здесь одна, а там сразу восемь. Восьмигранные, высокие и очень тонкие, за такой едва спрячешься. Самое странное — по полу медленно и хаотично ползали пятна света. Казалось, что с потолка на пол падают солнечные лучи, но, естественно, никаких лучей и солнца здесь и в помине не было.

Картина получалась довольно странной и отчего-то зловещей. Полутемный, едва освещенный бледным, излучаемым светом стен, зал, где каждая колонна отбрасывает густую, просто чернильную тень и по полу медленно, величественно и абсолютно бессистемно ползают четыре десятка солнечных пятен. Каждое размером в добрых полтора ярда. Там, где я стоял, никаких солнечных зайчиков не наблюдалось, но впереди...

Это можно было назвать и скопищем, и роем. Я повернулся к выходу. Невесть откуда взявшиеся восемь солнечных зайчиков преградили мне дорогу, и теперь, чтобы выйти из зала, мне придется пройти прямо по ним.

Наступать на неизвестно что никакого желания не было, и оставался только один выход — прыгать через них, благо, на мое счастье,

между выстроившимися передо мной «зайчиками» были небольшие черные промежутки чистого пола. Будто читая мои мысли, пятна пришли в движение и слились в одно большое пятнище.

— Сволочи! — ни с того ни с сего вырвалось у меня.

Пятна, естественно, не поняли и даже не дрогнули (не говоря уже о том, чтобы отодвинуться в сторону и дать дорогу). Казалось бы, чего проще — возьми и пройди по полу. Какая, собственно говоря, разница — освещен он или погружен в тень?

В общем-то никакой, но вот смущали меня эти «зайчики» и их брожение. Я даже лупанул по пятну из арбалета, надеясь хоть на какой-то эффект, но ничего не произошло, лишь болт глухо звякнул об пол.

— А вот не пойду, и все тут. Не пойду, хоть режьте! — пробормотал я и отвернулся от выхода.

Придется пересечь зал, ведь должен же быть какой-то путь!

Я остановился у самой границы пятен. Дальше идти пока не решался. Все же в этом на первый взгляд бессмысленном брожении должна быть какая-то система, но я пока никак не мог понять принцип этого движения.

Они ползали со скоростью парализованных мамонтов. Что бы это ни было, но оно никуда не спешило и двигалось в свое удовольствие.

Одни пятна решили, что лучше всего ползти вправо, другие — влево, третьи — по диагонали, четвертые — по окружности, пятые — по спирали, шестые — только по им понятной ломаной линии. Иногда они наползали друг на друга, на мгновение сливались в одно большое пятно, вновь разделялись и следовали своей дорогой. Но всегда между ними оставались достаточно большие промежутки, так что при должной ловкости можно попросту бегать между вялыми световыми ползунами. Возле самой границы пятен было не так уж и много, но чем ближе к центру зала, тем больше. Особенно много их оказалось возле какой-то кучи, что располагалась ярдах в восьмидесяти от меня.

Как я ни напрягал глаза, четко рассмотреть то, что лежало на полу, не получалось. А затем я увидел то, на что ранее не обратил внимания, — места, куда пятна категорически отказывались заползать.

Тени от колонн! Они длинными темными линиями лежали на полу, и ни одно пятно не рисковало пересечь их.

Тени — эдакие маленькие островки в кромешном шевелении пола. Что же, у меня есть неплохая возможность пересечь зал, двигаясь по ним и минуя пятна.

Я переступил границу, как только очередное световое пятно проплыло мимо. Прыжок! Еще! Еще! И еще! Остановка. Два пятна двинулись мне навстречу, я отскочил назад, едва не наступив на третье. Влево! Вправо! Прямо! В три прыжка я преодолел расстояние, отделявшее меня от первой тени, и, оказавшись в безопасности, облегченно перевел дух. В общем-то все не так уж и сложно, главное не зевать и оставаться внимательным, чтобы ненароком не наступить на пятно.

До следующей тени восемь ярдов пустого пространства. Вперед!

Бежал я, словно заяц, надеющийся запутать следы и оторваться от долгой погони. Приходилось то и дело останавливаться, пропускать пятна, отпрыгивать в сторону, прыгать вперед, сразу через два пятна или бежать в противоположном направлении. Ни с того ни с сего заныла левая рука. Там угнездилась тупая боль, и во время резких движений я невольно морщился. Вполне возможно, что застудил. Сон на холодном каменном полу еще никому не шел на пользу.

Пятна то ли сообразили, что я пьяным доралиссцем скачу меж ними, то ли просто решили немного поразвлечься, но ползать стали намного быстрее и хаотичнее, так что к пятому теневому островку я добрался изрядно вспотевшим и запыхавшимся, словно на мне вспахали весь Валиостр. Да к тому же я трижды едва не опростоволосился и только каким-то чудом умудрился не наступить на «зайчика».

Боль в левой руке принялась с деловитой основательностью грызть кости. Пришлось прислониться спиной к колонне, сесть на пол и порыться в маленькой сумке, чтобы выудить что-нибудь подходящее из магических эликсиров. Во время чехарды по залу все содержимое отделения сумки, где хранились пробирки, каким-то необъяснимым образом перемешалось.

Я выругался и, сетуя на беспорядок, занялся сортировкой. Несколько ничего не значащих пузырьков пришлось рассовать по карманам куртки. Пусть полежат, пока не найду для них свободной ячейки. Наведение порядка заняло минуты две, и пятна за это время даже не подумали остановиться, а лишь еще сильнее взвинтили темп. Пузырек с целебным содержимым, который должен был на время убить любую боль, ни капли не подействовал, и я послал проклятие на голову Хонхеля, всучившего мне некачественный товар. Не могу сказать, что движения разболевшейся рукой причиняли мне уж очень сильную боль, но безостановочный зуд доставлял неудобство.

Пятна словно взбесились, и в одном месте дорогу мне пересек сплошной поток. Пришлось изловчиться и совершить один из самых лучших прыжков в своей жизни. Дальше стало легче. Тени от

колонн накладывались одна на другую, и в течение следующих двадцати ярдов я шел по ломаной черной дорожке. Боль в руке стала просто невыносимой, и пришлось стиснуть зубы. Моя импровизированная дорога кончилась. Отсюда до середины зала не более десяти ярдов, а до следующей спасительной тени все тридцать. И разделяющее расстояние заполняли ползающие пятна, да еще в таком количестве, что черных участков пола практически не было видно. Вот ведь задачка! Попробуй преодолей такой участок, да еще и «зайчика» не задень.

Потом я соизволил обратить внимание на кучу, лежавшую не далее чем в пятнадцати шагах от меня. То, что издали представлялось мне непонятным, вблизи оказалось не чем иным, как нагромождением человеческих тел. Люди Балистана Паргайда.

Конечно же для Лафресы и Бледного места среди мертвецов не нашлось. Семеро покойников лежали на полу в позах, которые не сможет вообразить ни один нормальный человек. «Нелепые» и «противоестественные» — вот, пожалуй, самые пристойные слова для описания того, что я здесь увидел. Создавалось впечатление, что у покойников с самого рождения отсутствовали кости. У одного шея повернута под таким углом, что затылок смотрит вперед, а лицо назад. К тому же локти и колени сгибаются в совершенно противоположном направлении, а не так, как им велит мать-природа, и оттого человек напоминает странную пародию на паука. Другой мертвец попросту завязан в узел, у третьего ноги переплетены так, что аж страшно становится. Многочисленные кровавые полосы на полу свидетельствовали о том, что смерть застигла несчастных в различных точках зала, а уж потом покойников стащили в одну кучу. Кто-то даже пытался отбиваться, вон валяется меч, но, как видно, безуспешно — трупа убившего людей существа я что-то не видел.

Плохо. Очень плохо. Гаррет, как всегда, вляпался во что-то о-очень поганое. Теперь главное — успеть узнать об этом «поганом» до того момента, как оно отчекрыжит голову. Поэтому пусть даже неполная информация о противнике — уже половина победы. В этом я достаточно часто убеждался, идя на дело в Авендуме. Всучи осведомителю серебряную монетку — и у тебя уже есть наиподробнейший план дома вплоть до того места, где будущая жертва прячет ларец с фамильными драгоценностями. Ну да речь сейчас не об этом...

По крайней мере, пока я внимательнейшим образом изучал скрюченных мертвецов, никто не спешил со мной расправиться. В зале ничего не изменилось, лишь лужа крови, накопившаяся под телами, стала несколько больше.

И тут пришло озарение...

— Ну и туп же ты, братец Гаррет! — выругался я и в раздражении стукнул себя по лбу.

Вот где скрыта истина! Ведь не зря же, тьма меня раздави, перед входом были слова: «Не тревожь тех, кто охраняет покой мертвых»! И статуи не смотрели и притворялись незрячими или слепыми. Слепые сторожа, вечно охраняющие покой эльфийских владык! Ведь в путеводном стихе была строка, о которой так не вовремя я соизволил забыть! И не случайно так ноет рука, на которой надет браслет из красноватой меди, врученный мне Эграссой! Именно от стражей этого зала он сейчас меня защищает, пускай защита и проходит через боль.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове со скоростью шторма. Вот уж не знаю, что теперь делать. То ли бояться того, что может произойти, то ли радоваться, что до сих пор жив.

Я косился на тела несчастных (что нисколько не прибавляло смелости и оптимизма). Наконец набрался храбрости, послал все и вся к Неназываемому, бросился вперед, преодолел середину зала, даже не взглянул на мертвецов, отлетел в сторону от неслышно подползшего сзади пятна, совершил умопомрачительный кульбит, стараясь разминуться сразу с тремя пятнами, движущимися прямо на меня. До растянувшейся на полу тени было не больше пяти шагов, я уже рассчитывал, как буду двигаться дальше и... И в итоге прозевал одинокого «зайчика», наступив на него самым краешком подошвы.

Сказать, что за один удар сердца я оказался на безопасном островке... значит ничего не сказать. Какой там, к Х'сан'кору, удар сердца! В пять, в десять, в сто раз быстрее!

Арбалет сам по себе оказался у меня в руках, медный браслет причинял жгучую боль, но я даже не думал о том, чтобы снять амулет темных эльфов. Сейчас он являлся единственной защитой, единственным спасением против сторожей, охраняющих находящийся здесь прах мертвецов. Световые пятна во всем зале остановились, а затем над тем пятном, в которое я так неловко угодил, стали появляться махонькие золотистые искорки. Вначале одна, затем сразу дюжина, потом сотня...

Искорки появлялись прямо в воздухе, на миг вспыхивали ослепительным золотым светом, а затем начинали пульсировать в такт биению моего сердца! Их становилось все больше и больше, и вот уже можно различить чей-то пока еще не очень ясный силуэт. Еще мгновение, и передо мной стоит блестящее золотое существо, созданное миллионом махоньких искорок.

Кайю.

Величайший миф эльфов, величайший ужас орков.

Две тысячи лет тому назад, когда в Костяных дворцах эльфы вцепились в глотку оркам и в залах-усыпальницах рекой потекла кровь враждующих сородичей, случилось то, что никак не должно было случиться.

Орки в отместку принялись разорять могилы эльфов, причем выбирали могилы только высших родов Черного леса, расшвыривая останки мертвецов по залам и оставляя кости на поругание мраку. Первые покусились на самое главное для любого эльфа — на честь дома и память предков. Эльфы пытались бороться, пытались оставлять возле могил охрану, ставили ловушки, шептали заклятия... Но на всякое нападение есть адекватный ответ, любая охрана когда-нибудь должна устать, всякая ловушка может быть обезврежена и всякое заклятие можно перебороть другим заклятием.

Разорение захоронений продолжалось, и тогда кто-то из эльфийских домов решил вызвать из других миров этих самых Кайю, чтобы они охраняли могилы от поругания Первых. То, что произошло дальше, можно узнать из легенд орков и эльфов, рассказываемых особенно темными ночами. Но с тех пор никто из Первых больше не смел разорять эльфийские некрополи.

И вот один из неподкупных, безжалостных, неубиваемых слепых стражей стоял в пяти ярдах от меня. Кайю казался сложенным из тысяч мерцающих искорок, долго смотреть на это существо было невозможно — от яркого золотого блеска начинали слезиться глаза, фигура бездушного стража расплывалась и дрожала, словно морок во время особенно жаркого полдня. Я мог разглядеть лишь силуэт.

Существо оказалось на голову ниже меня. Две руки, две ноги, голова. Никаких тебе хвостов, рогов или зубов. Да что там зубов! У твари даже рта не было! А вот на том месте, где должны были находиться глаза, зияли две большие пустые дыры. Существо оказалось совершенно слепым.

Ну слепое не слепое, а мое местоположение оно вроде определило безошибочно. Во всяком случае, направилось в мою сторону, причем нисколько не торопясь, будто бы было уверено, что я никуда от него не денусь.

Я запаниковал и всадил в него болт. Он пролетел сквозь тело существа, не причинив тому никакого вреда, и звякнул где-то в полумраке дальней стены. Тварь неуловимым движением оказалась в шаге от меня, взмахнула рукой, я испуганно заорал, понимая, что это все, но рука Кайю лишь зачерпнула воздух возле моего уха, а затем стражник прошел мимо и остановился, предоставляя мне разглядывать его спину.

Вот уж не знаю, кто из нас удивился больше: я или он. Кайю постоял секундочку, видно размышляя, отчего это я все еще жив, а за-

тем повторил попытку. Тот же результат. Словно какая-то сила воздвигла между нами преграду. Охранник меня видел (как это ни странно звучит), но не мог причинить вреда. Спасибо Эграссе и его браслету!

Между тем Кайю шагнул на ближайшее световое пятно, и искры, составляющие его тело, золотым дождем осыпались на пол. Все пятна в зале вновь пришли в движение. Это как понимать? Это значит, что меня решили отпустить, что ли?

Браслет жег руку все сильнее и сильнее, и недалек тот миг, когда боль станет настолько невыносима, что мне придется снять защитный амулет (если только я не собираюсь потерять сознание). Следует рискнуть и, пока не поздно, добраться до выхода.

Уже не обращая никакого внимания на пятна, я направился к выходу. Как только нога коснулась первого же пятна, вновь появился Кайю. На этот раз золотые искорки сложились в фигуру стража намного быстрее. Тварь уже не пыталась атаковать. Я наступил еще на одно пятно, потом еще на одно...

Не из каждого пятна появлялся Кайю, случись такое — весь зал был бы ими битком набит. Всего появилось пять охранников. Теперь они, образовав полукруг, следовали за мной. Сказочно красивое и вместе с тем страшное зрелище.

Пять золотых созданий «смотрят» в мою сторону, затем рассыпаются искрами, втягиваются в пятно, на долю секунды исчезают и вновь появляются, но уже возле пятна, на которое я только что наступил. Так мы и прошли весь зал.

Стоило мне покинуть зал, и Кайю прекратили преследование. Я смотрел на них, они — на меня. Затем игра в гляделки им надоела, и хранители праха эльфийских владык рассыпались затухающими искрами.

Пятна на полу засуетились и стали поджидать нового гостя, что нагрянет сюда тьма знает через сколько столетий. Боль в руке потихоньку затихала, защищавший меня амулет успокаивался и становился обычным и ничем не примечательным медным браслетом.

Я миновал зал Кайю и остался жив. Это следовало отметить, что я, собственно говоря, тут же и сделал. Правда, вместо вина пришлось довольствоваться обычной водой из подземной реки, а вместо перепелов грызть половинку сухаря.

Через сорок шагов появились ответвления, и я начал считать перекрестки, чтобы не пропустить нужный мне поворот. У восемнадцатого перекрестка я остановился и повернул направо, уходя из центрального холла.

Там, впереди, он переходил в лестницу, ведущую на шестой ярус, и я нисколько не сомневался, что Лафреса с оставшимися людьми

Балистана Паргайда пошла именно этой дорогой. Я же поступлю хитрее и сверну с главной дороги. На шестой ярус ведет множество путей, и тот, что указан в путеводном стихе, намного короче дороги, выбранной служанкой Хозяина.

Я сокращу расстояние вчетверо и окажусь в самой середине нужного мне сектора шестого яруса, тогда как дражайшей Лафресе придется протопать его с самого начала и потерять чуть ли не целых два дня. Таким образом, я сильно обгоню соперников. Вдруг мне удастся подготовить встречу и отвоевать Ключ? Почти все (если не все) спутники Лафресы погибли в Костяных дворцах, и мои шансы на победу возросли многократно. Главное, чтобы «огоньков» и еды хватило на обратный путь.

Статуи великанов, чей «взгляд сжигает в пепел», я заметил сразу. Они стояли напротив друг друга, сжимая в корявых сучковатых ручищах каменные молоты.

От великанов веяло древностью и затаившейся угрозой. Чей резец мог создать из камня таких колоссов? Как их доставили на такую глубину и главное — для чего? Вместо лиц у статуй гладкая поверхность сплошного шлема с высоким гребнем и узкой смотровой щелью. Оба колосса смотрели вниз, себе под ноги. Меж ними находилось нечто вроде бассейна, хотя с того места, где я стоял, никакой воды видно не было.

Под взгляд Великанов, сжигающих в пепел,
К гробницам Великих, погибших в бою...

Возможно, бассейн — не что иное, как спуск в сектор Героев шестого яруса. Собственно, именно туда мне и надо, но вот фраза о том, что исполины вроде как без всякого труда обращают в пепел любого, кто рискнет попасть под их взгляд, заставляла осторожничать.

Войдя в зал, я старался не лезть вперед, а искать разгадку, прижавшись к стене. А разгадка должна быть, ни один дурак не станет строить спуск так, чтобы в него было невозможно попасть. Значит, чтобы я мог добраться до бассейна, великаны должны на время закрыть глаза.

Но как их заставить это сделать? Они ведь статуи! Какой-то механизм? Вроде ничего такого не видно. Признаюсь честно, в этот раз мне пришлось здорово повозиться и поломать голову. Но в нее ничего умного не приходило. Статуи казались монолитными и неподвижными.

Я решил проверить огненный взгляд, запустил руку в холщовую сумку и выудил самый маленький из изумрудов. Это было единственное, от чего мне не было жалко избавиться. Камень я положил на

гладкий пол, а затем ловко пнул его ногой. Он прощально мигнул мне зеленой звездочкой, скользнул по поверхности, попал под взгляд великанов и исчез в ослепительной вспышке.

— Ах ты!

Пришлось вновь заняться насущной проблемой проникновения на шестой ярус.

Я перелопатил все бумаги, добытые в Закрытой территории. Обратил особо пристальное внимание на ту часть, что ранее представлялась ненужной и таскаемой с собой только для довеска. Куча невнятных набросков, изображающих архитектуру некоторых залов, непонятная вереница значков, выстроенных в цепочку, еще какая-то муть... М-дя. И в бумагах ни шиша. Тухлая была идейка. Но ведь разгадка где-то рядом! Нутром чую!

Когда я осторожно подбирался к великанам, то чуть не заработал себе косоглазие и вскипание мозгов. Одним глазом я старался смотреть на головы статуй и мысленно проводил по полу границу действия их огненного взгляда. Другим пытался заметить хоть какую-нибудь зацепку для разгадки. Наконец пришлось остановиться, иначе мне грозила поджарка с последующим испепелением.

Теперь великаны оказались совсем рядом, и с того места, где я остановился, было прекрасно видно, что статуи не так уж и совершенны и резец мастера достаточно грубо обработал камень. И еще я заметил одну вещь, именно ту, ради которой стоило заработать косоглазие и даже геморрой. Каждый из великанов стоял на достаточно высоком круглом постаменте. В принципе ничего особенного, ну постамент, ну и что? Готов отдать на выбивание еще один гномий зуб, если эти постаменты при должном хотении нельзя развернуть в сторону (вместе с великанами, естественно)! Во всяком случае, наметанный глаз опытного человека сразу заметит скрытый механизм. Не зря же старина Фор вбивал в меня прописные истины! Осталось только найти, каким образом активизируется механизм, и дело в шляпе.

Зал с великанами вновь подвергся тщательному осмотру. Я искал нечто похожее на рычаг или выступающий блок, но вроде ничего такого не замечалось. Тут мой взгляд упал на пол, скользнул по гладким бордовым плитам, остановился на значках неизвестного мне алфавита.

Где-то я уже видел подобные закорючки. Ну конечно же! В «ненужной» части бумаг! Именно среди рисунков и невнятных набросков имелась бумага с цепочкой подобных символов. Я вновь достал сверток дрокра из сумки и, развернув его, стал копаться в манускриптах.

Вот она! Действительно, память меня не подвела. На бумаге изображены те же буквы, что и на полу. Кто-то добрый составил ключ, но забыл упомянуть о том, когда и как его применять.

Я нагнулся и, найдя символ, который был первым изображен на бумаге, надавил на нужную плиту. Она без всяких возражений на дюйм ушла вниз. Все оказалось просто до безобразия (особенно когда под рукой бумага с разгадкой). Всего пришлось поочередно нажать на четырнадцать из представленных здесь семи десятков символов. Как только последняя из плит ушла вниз, в зале раздалось тихое гудение, словно где-то под полом пришли в движение противовесы и блоки, а затем великаны начали медленно поворачиваться ко мне спиной и огненным взглядом к дальней стене.

Я издал победный вопль, словно нашел у себя под кроватью сокровища династии Сталконов.

Путь оказался свободен, теперь грозные великаны уже не смотрели на бассейн, и я неспешным шагом Гордого и Очень Довольного Своей Неподражаемо Гениальной Персоной Победителя направился в нужном направлении.

Вновь загудело, постаменты дрогнули и принялись медленно разворачиваться в обратную сторону. Гордый и Очень Довольный задал стрекача, стараясь преодолеть разделяющее его и бассейн расстояние до того момента, как взгляд статуй вновь начнет угрожать смертью, и не думая, словно в омут головой, прыгнул в черную дыру.

— А-а-а-а-а тьма-а-а-а-а! — издал я испуганный вопль, понимая, что в самое наиближайшее время мне не удастся коснуться ногами пола.

Дыра казалась безразмерной и очень глубокой. Первые двадцать ярдов я пролетел как камень. Я уже попрощался с жизнью, и в этот самый момент воздух сгустился, мое падение замедлилось, и начался мягкий плавный спуск.

Мне хватило храбрости и ума перестать орать и зажечь «огонек». Я медленно падал в узкой шахте. Ее стены проплывали мимо и исчезали где-то вверху. Возникни у меня желание, я вполне бы мог дотянуться до них рукой. Только по какому-то капризу богов в самом начале падения я не разбил голову о стену. Один раз мимо меня проплыло черное жерло какого-то туннеля. Проплыло и скрылось во мраке — я даже не успел решить, стоит ли мне «сойти» с этой «дороги». Пришлось опускаться дальше. Ноги висели над бездной, и чувствовал я себя не очень уютно. Спустя ярдов двести падение еще более замедлилось, и я оказался в одном из залов шестого яруса, в самом сердце сектора Героев.

Глава 8
ПЯТНАШКИ С ПОКОЙНИКАМИ

Шестой ярус — это запредельная граница для людей. Даже в века, когда зло костей огров, зло птицемедведей, теперь свободно разгуливающих по Костяным дворцам, еще не пробудилось, редко кто из человеческого племени набирался отваги спускаться ниже шестого яруса.

Ходили слухи, что были ненормальные, забредающие даже на двенадцатый ярус, но живыми психов после этого никто не видел.

Сектор Героев, расположенный на шестом ярусе,— единственное доказательство присутствия людей на этой глубине. Отчего-то ни эльфы, ни орки не спешили хоронить мертвецов в этом месте, и люди живенько воспользовались досадной оплошностью старших рас. Когда Первые и эльфы ушли из Храд Спайна, Костяные дворцы целиком остались на попечении людей, и те сразу же стали «заселять» пустующий сектор наиболее влиятельными (при жизни конечно же) покойниками.

В течение пяти с половиной веков в секторе Героев ставили гробы и склепы. Удостоиться чести быть похороненным на уровне Героев могли только очень великие и известные люди. Полководцы, воины, проявившие себя в битвах, высшее дворянство, короли.

Потом сюда стали спускать всех без разбору, и в итоге сектор так набили костями, что некоторые даже подумывали, что стоит почистить древние могилы и вместо старых покойников притащить на освободившееся место новых. Но стало лень спускать мертвецов вниз, и захоронения продолжились на верхних ярусах. Глубже шестого оказалось лишь одно людское захоронение — могила Грока, куда я, собственно говоря, и направляюсь.

Люди поняли, почему эльфы и орки не спешили хоронить умерших в секторе Героев, только когда в Храд Спайне пробудилось зло. Почему-то именно здесь ощутимее всего проецировалось Дыхание бездны. Таким зловещим словечком умные головы из Ордена обозвали фигню, поднимавшуюся с Безымянных ярусов и шуткующую с покойниками.

Старые кости, веками пролежавшие в гробах, ни с того ни с сего начинали обрастать плотью, а потом бродить по своим делам. В итоге живых покойников в секторе Героев расплодилось больше, чем тараканов на грязной кухне.

Хорошо хоть они не лезли наверх, а сидели как приклеенные в одном месте, питаясь поднимающимися с глубин эманациями зла. А еще в Ордене говаривали, что творящееся на шестом — попросту детская забава и приходящее из глубин — вовсе не Дыхание бездны,

а всего лишь ее отголосок. Я в отличие от того же Халласа (которого начинает трясти от одного слова «Орден») орденским волшебникам склонен доверять, впрочем, как и рукописям Королевской библиотеки. Судя по всему, прежде чем я окажусь на седьмом ярусе, меня могут поджидать оч-ч-чень ба-а-альшие неприятности, которые я не расхлебаю даже солдатским сапогом.

На меня напала мелкая нервная трясучка, и я старался успокоить себя тем, что по шестому ярусу мне следует протопать лишь жалких три часа, а это всего ничего по сравнению с тем же четвертым, где я потерял уйму времени. Да и мысль, что Лафресе и ее компании придется пройти весь сектор от начала до конца, обнадеживала и грела душу. Я пожелал недругам нарваться на полк мертвяков, дабы они прочувствовали на собственной шкуре, каково мне было бродить по Запретной территории.

Надо сказать, что шел я очень осторожно, почти так же, как в самом начале своего появления в Костяных дворцах. Ежеминутно останавливался и вслушивался в давящую на мозги тишину. Здесь было темно, лишь через каждые двадцать—тридцать шагов шипели волшебные факелы, едва-едва разгоняющие тьму. Тени и мрака предостаточно, есть где спрятаться как мне (я это умею), так и другим (надеюсь, что они как раз не умеют). В любом случае освещенные участки я пролетал как молния, внутренне содрогаясь от перспективы попасть в цепкие объятия мертвяка.

Бурые гранитные стены, низкие потолки (иногда приходилось идти скрючившись), узкие проходы, обилие гробов, по виду ничем не отличающихся от усыпальниц первого и второго яруса. Лишь спустя минут сорок беспрерывной ходьбы узкие, едва освещенные коридоры стали чередоваться с гигантскими (но также слабо освещенными) залами.

Иногда тишину разрывал звук падающих капель. Тогда я замирал и в испуге хватался за сумку с магическими побрякушками, лишь спустя несколько секунд осознавая, что никакой опасности поблизости нет. Запах здесь витал... Не могу сказать, что неприятный, но необнадеживающий. Затхлость, застарелый пот и едва ощутимый дух гнилого мяса.

На первый «плохой» гроб я наткнулся после того, как в сотый раз перепроверил наличие световых кристаллов и пузырьков с кошачьей слюной в сумке. Создавалось впечатление, что какой-то умник заложил в гроб порох, поджег фитиль, а затем накрыл сверху крышкой. В общем-то теперь каменная крышка зияла развороченной дырой, через которую как раз мог пролезть живой человек. Или НЕ живой.

Я отпрянул от гроба и огляделся. Вроде ничего такого особенного, если покойник и решил прогуляться перед вечным сном, то ушел он достаточно далеко.

Дальше — хуже. Вскоре в каждом зале наряду с уцелевшими гробами можно было насчитать от одной до дюжины развороченных усыпальниц.

На первого усопшего я наткнулся совершенно неожиданно (так всегда бывает), попросту не разглядел его в полумраке зала. Покойник оказался женщиной. Она лежала лицом вниз и была облачена в прекрасно сохранившуюся одежду позапрошлого века.

Пепельная кожа на руках подернута язвами едва начавшегося разложения, длинные и некогда очень красивые волосы спутаны. От дамы совершенно, то есть абсолютно не пахло мертвечиной. Судя по одежде, похоронили ее здесь давненько, и в принципе от нее за прошедшие века должны были остаться одни лишь кости, а никак не плоть, почти не тронутая временем. Это все шутки пробудившегося Кронк-а-Мора.

Она неуклюже двинулась ко мне, и я успел прийти в себя. Перво-наперво отпрыгнул подальше от ее рук, а затем вытащил из сумки стеклянную горошину со слюной кошки и бросил ее под ноги покойнице. Как известно, ожившие зомби не выносят не только солнечного света, но и кошачьей слюны.

Хрипящий мертвец рухнул на пол. Слюна разрушила магию Кронк-а-Мора, удерживающую оживший труп в этом мире. Теперь плоть отваливалась от костей целыми пластами и таяла, источая ужасающую вонь. Действительно, умерщвление плоти оказалось похоже на таяние куска сахара, брошенного в горячую воду. Мне от вида мгновенного разложения и заполнившего зал запаха сильно поплохело, и, закрыв нос и рот рукавом куртки, я отвернулся. Когда немного полегчало и я решил посмотреть, что сталось с мертвецом, то увидел лишь отдельные фрагменты костей и клок волос, плавающий в луже того, что ранее было человеческим телом. Кости постепенно таяли и разваливались, будто кто-то вылил на мертвую целую бочку кислоты.

Брр!

Я вышел из зала, сетуя на то, что вонь накрепко въелась в мою одежду. Теперь не отстираешь. Остановившись в ближайшем коридоре, я сделал то, что давно было пора сделать,— заменил обычные болты на огненный и ледяной.

Увы и ах, мои встречи с ожившими мертвецами только начинались. Чуть дальше по коридору я встретился с еще одним. Этого я услышал задолго до того, как различил его темный неуклюжий силуэт. Тварь стонала и хрипела ничуть не хуже гребца, испускающего

дух на пиратской галере. Я быстро отступил назад, подальше от факела, и спрятался за одной из каменных усыпальниц, сжимая в руке световой кристалл. Зомби прошлепал мимо и, не заметив меня, свернул в один из смежных коридоров. Прежде чем продолжить путь, я выждал минутку, чтобы уж наверняка не встретиться с ходячим трупом.

Гуляющих мертвецов оказалось на удивление много. В некоторых залах можно было встретить до двух десятков покойников различной степени подпорченности. Одни бродили из угла в угол, будто заводные игрушки карликов, другие оставались недвижимы, и складывалось впечатление, что они до поры до времени решили вздремнуть. Естественно, что все это пахло, хрипело, сипело, рычало да и выглядело отвратительно.

Вся моя дальнейшая дорога больше всего походила на игру в прятки. Я прятался, они искали. Точнее бродили, по счастью даже не подозревая, кого и где следует искать. Я не питал радужных иллюзий по поводу доброты зомби. Доброта им неизвестна, так же как и ненависть. Все, что знают ожившие огрызки,— голод. Жрать они готовы постоянно, а от запаха крови попросту дуреют и в лепешку разобьются, только бы добраться до вожделенной добычи. Так что если меня обнаружит кто-то из неспокойной братии, придется либо сматываться (а беспорядочный бег чреват столкновением с другими мертвецами), либо принимать бой (а в дураков, воюющих с покойниками, я себя зачислять не спешу). Поэтому, как только я видел очередного не лежащего спокойно в гробу мертвяка, то прятался в тени или за каким-нибудь гробом (а то и в нем).

Хуже всего приходилось в узких коридорах, когда бредущая тебе навстречу гниль загораживала проход. Приходилось резво скакать обратно и молиться, чтобы с другой стороны коридора мне не попался еще один шатун.

Но кроме узких коридоров было еще одно место, где витала уж очень большая опасность,— излишне освещенные залы. Через них так просто не проскользнешь. Обязательно найдется глазастая гнида, которая тебя заметит. Пока Сагот миловал, но вечно так продолжаться не может. Законы всемирного свинства едины для всех и каждого.

Как я предполагал, так и случилось. Дважды меня замечали и хотели сожрать. В первый раз я попросту напоролся на мертвяка, из-за полумрака перепутав его с какой-то вычурной и оригинальной статуей, невесть кем поставленной среди гробов. Когда я понял, что передо мной никакая не статуя, было уже поздно. Меня заметили. Тварь поплелась в мою сторону, выставив перед собой руки-крюки. «Поплелась» — это еще очень мягко сказано. Мертвец еле передви-

гался. Да и немудрено: из тела покойника торчали кости, а сгнившие мышцы почти не помогали движению. Я вообще удивился, как он ходить-то может. Тварь натужно булькала и пыталась добраться до Гаррета. Думаю, зомбика при должном старании обогнала бы даже улитка.

— Ну куда тебе рыпаться! — усмехнулся я и был таков.

Покойник решил поддержать мой забег, но безнадежно отстал в паутине коридоров и остался несолоно хлебавши. Ха! Если кто-то хочет поймать Гаррета, то ему следует быть немножечко порасторопнее!

Затем меня засекли в зале с гробами, присобаченными прямо к стенам. Я по глупости и недосмотру решил проскользнуть мимо факела. Естественно, бродивший поблизости кусок гнилого мяса возжелал отобедать моей печенью, несмотря на то, что нижняя челюсть у покойника отсутствовала напрочь.

Этот гад, в отличие от первого, пытавшегося закусить Гарретом, каждый день занимался зарядкой, и, прежде чем я успел опомниться, меня едва не сграбастали. Парень оказался «свежаком». Создалось впечатление, что он умер всего лишь сутки назад, а теперь встал проверить, много ли родственников скорбит о нем и не стоит ли сожрать фамильное завещание. Пришлось отбежать и всадить в грудь преследователя ледяной болт.

Он тут же застыл, но на мелодичный звон сбежались все окрестные покойники в количестве шести с половиной (верхняя часть мертвеца, передвигавшаяся на руках) штук. Естественно, они очень обрадовались моей невесть каким чудом свалившейся на них персоне, и пришлось потратить два световых и один кошачий кристалл, чтобы их утихомирить и в доступной форме объяснить, что приставать к мирным и никого не трогающим прохожим чревато неприятностями. Из зала пришлось отступать со всей поспешностью — разрушение плоти тварей вызывало такие миазмы, что хоть стой, хоть помирай.

От гробов и усыпальниц рябило в глазах. Тесные коридоры остались в прошлом, им на смену пришли просторные залы с однотипными колоннами и узкими лестницами.

К сожалению, все лестницы вели вверх, а не вниз, и я не обращал на них внимания (кроме того случая, когда пришлось взбежать на десяток ступенек, заманивая за собой зомби, а затем спрыгнуть на пол, оставив парня ни с чем. Пока тот думал и гадал, как спуститься, я успел спрятаться в темном уголке, и мертвяк разочарованно утопал совсем в другую сторону). Прятаться от мертвых стало проще — скрылся за колонной, и тебя не видно. Иногда зомби проползали в двух шагах от меня, но так ничего и не замечали. На мое сча-

стье, обоняние у ходячих вешалок повернуто только в одном направлении — они чуяли лишь запах крови.

Вонь мертвечины никуда не пропала, но мой нос перестал мучиться и теперь попросту отказывался различать запахи. В залах оказалось намного прохладнее, чем на верхних ярусах. По счастью, до того, чтобы замерзнуть, было еще очень далеко, но я начинал беспокоиться, что на нижних ярусах будет хуже и мне все же придется напялить на себя свитер, который пока болтался в холщовой сумке.

Кое-где на стенах блестела какая-то гадость, очень уж сильно похожая на те лужи, что остаются от покойников после применения световых кристаллов. Пахло от нее соответственно. В углу зала эта гадость наползла на скелет и мелко пульсировала, словно требуха, только что выпавшая из вспоротого лошадиного живота.

В свете висящего на стене факела она казалась прозрачной, и через нее открывался прекрасный вид на человеческие кости, потихоньку обрастающие черными мышцами. Увидев меня, скелет задергался, попытался встать, но плоти на костях оказалось слишком мало, и мертвяк лишь разорвал когтистыми пальцами стенку требухи. Кости опасности не представляли, и я не стал тратить на него магический боезапас, хотя руки так и чесались.

Потом пошли пустые залы, словно покойники разом решили исчезнуть. Я, собственно говоря, не очень сильно расстроился этому обстоятельству (а точнее, совсем не расстроился) и в приподнятом настроении миновал огромный участок подземных могильников, так никого и не встретив.

Вновь узкие коридоры с низким потолком. В них объявились лестницы в пять-шесть ступенек. Сектор Героев спускался все ниже и ниже. А затем стала появляться вода.

Вначале я почувствовал запах сырости и тухлятины, затем стены заблестели от влаги, кое-где с потолка падали капли, так и норовя попасть мне за шиворот.

Наконец, настал момент, когда последние три ступеньки, ведущие в очередной зал-склеп, оказались скрыты под слоем воды. Здесь было не так уж и глубоко, мне по щиколотку, но идти все равно было очень противно и страшно. Противно оттого, что вода была стоячей и от нее разило тухлятиной, а страшно...Тьма знает, что или кто может находиться под водой.

Вновь ступеньки, и вода добралась до колен. Каменные усыпальницы скорбными островками вырастали из черной маслянистой глади, и я перебрался на ближайший гроб. Их оказалось много, и в дальнейшем я просто перешагивал с одного на другой, здраво рассудив, что такой способ путешествия гораздо лучше «водного». Глав-

ное — не разбудить спящих внутри саркофагов покойников, а все остальное — мелочи жизни.

В следующих залах уровень воды не увеличился, зато количество усыпальниц уменьшилось, и от путешествия по ним пришлось отказаться. Зал за залом оказывался затопленным, я шел по колено в воде, стараясь соблюдать осторожность и не выходить на освещенные чадящими факелами пространства. В некоторых местах с потолка срывались частые капли, в одном из залов попросту шел дождь. В коридоре, где глубина достигла ярда, из-под воды бил небольшой фонтанчик.

Мокрая одежда доставляла неудобства. К счастью, я уже преодолел полузатопленный участок сектора Героев и по коротеньким лестницам поднялся выше уровня залов, залитых водой. До лестницы на седьмой ярус оставалось совсем ничего, а потому я позволил себе немного передохнуть. Выбрал самый темный уголок, вылил из сапог воду, отжал штаны. Есть не хотелось, что и неудивительно. От витавших здесь ароматов потеряет аппетит даже непривередливый гхол.

Хрипы я услышал загодя и успел подготовиться. Ну вот, не ждали! Я так надеялся, что мертвяки остались позади. Покойник, раскачиваясь из стороны в сторону, вышел из бокового ответвления и пошел в мою сторону. Вся беда была в том, что в темноте мне скрыться не удастся, вокруг парня кружилось целое облако мух. Или это было нечто очень похожее на них.

Каждое насекомое тихонько жужжало и источало бледно-зеленый свет. Получался достаточно яркий круг, освещающий покойнику путь. Впервые на своем веку вижу, чтобы мертвецы догадались озаботиться освещением. Свет разгонял мрак, и укрыться в тени от такого чуда мне не удастся. Пришлось вновь потратить кристалл. Тварь захрипела, осела на пол, и мухи, гневно жужжа, взметнулись к потолку. Покружились и светящимся облаком улетели туда, откуда пришел зомби.

Еще раз восемь я натыкался на блуждающих по залам мертвяков, окруженных мухами. Ребята сияли, словно спустившиеся с небес посланники богов. Кому расскажи, ведь не поверят, что я видел эдакое чудо. От светящихся шатунов я, естественно, старался держаться за целую лигу. Кто их знает, для чего, кроме освещения, эти мухи и как вообще возможно такое...

По ошибке прошел мимо нужного мне зала и вышел в здоровый холл, заваленный гробами по самый потолок. Выругался, полез за картами. Разумеется, во мраке ничего толком не разглядел, и пришлось подходить к факелу, чтобы рассмотреть на бумагах, где я мог

ошибиться. В этот самый момент с хрустом лопнула каменная крышка одного из дальних склепов.

Вот и еще один беспокойный проснулся. И чего ребятам не спится? Разве интересно бродить из зала в зал и коллекционировать светящихся мух?

Из дыры показалась рука. Тварь сипела и шарила рукой, стараясь нащупать какую-нибудь опору, чтобы подняться. Но я был бы не я, если бы предоставил мертвецу такую возможность. С безопасного расстояния зашвырнул в черную дыру гроба световой кристалл и пошел искать нужный зал. Когда выходил, лопнули еще две крышки, выпуская на волю еще двух зомбиков. Тут уж я не стал тратить время и смылся от греха подальше. На каждого кристаллов не напасешься.

Опять появилась вода, причем если раньше залы были затоплены, то теперь вода плескалась в бассейнах и протекала в каналах, через которые были переброшены горбатые узкие мостики. Факелов на стенах прибавилось, в некоторых помещениях под потолком тысячами свечей-звездочек горели люстры.

Иногда меж мрачных колонн и седых каменных гробов медленно и величаво летали блуждающие огоньки, каждый размером с приличный кулак. Все это доставляло мне множество неудобств, так как прятаться от мертвых становилось все труднее и труднее, а следовательно, мне приходилось тратить бесценные кристаллы и арбалетные болты.

Когда меня замечала та или иная тварь, я большей частью попросту убегал от неповоротливой и тупой образины, но не всегда это удавалось. Один из покойников преследовал меня минут двадцать, увлекая за собой других. В итоге, когда за мной уже плелась вереница из четырнадцати созданий различной степени подпорченности, разум возобладал над жадностью и я потратил драгоценный кристалл, чтобы утихомирить моих веселых спутников.

Как раз между тем моментом, когда я прикончил цепочку преследователей и залез на поперечную балку, пропуская под собой одного не в меру прыткого зомбика, сектор Героев вздрогнул. Пол задрожал, заходил ходуном, стены затряслись, словно от озноба. Колонна, к которой я прижался, стараясь удержаться на ногах, пошла мелкими трещинами. Несколько гробов, висящих под самым потолком, рухнули на пол и раскололись, разбрасывая по всему залу останки умерших. Даже вода в канале пошла волнами и выплеснулась на берег. Затем до моих ушей донесся приглушенный расстоянием гул, и неожиданное землетрясение стихло.

Я с опаской посмотрел на потолок. Слава богам, он не обрушился и меня не завалило каменными глыбами. И слава Саготу, что я не шел вдоль стены, иначе один из упавших гробов вполне мог превратить меня в лепешку.

Я осторожно пошел дальше, с удивлением поглядывая на причиненные землетрясением разрушения. В одном из залов рухнуло сразу двенадцать колонн, и я чуть ноги не переломал, пробираясь через завал.

Стоит ли говорить о таких мелочах, как разбитые гробы, перевернутые могильные плиты и разваленные мостики через каналы? Хотя очень меня порадовал покойник, которому придавило ноги каменной глыбой. Завидев живого человека, тварь, оскалив желтые пеньки зубов, зашипела и попробовала дотянуться до меня. К счастью, у зомби ничего не получилось — огромный булыжник надежно обездвижил поганца на ближайшую тысячу лет. Опасности для меня тварь не представляла, поэтому, разом выбросив его из головы, я пошел своей дорогой. До лестницы оставалось пройти три зала.

Ну конечно, в предпоследнем зале меня ожидал сюрпризец в лице шести с лишним десятков покойников. Как они вообще тут уместиться-то умудрились?

Стоят рядами, как самые настоящие солдаты, словно ждут чьего-то приказа. Я быстренько отпрянул назад во тьму коридора, покуда меня не заметили недружелюбно настроенные личности. Да-а-а уж... Мимо такого скопища так просто не то что человек, комар не пролетит. Я вложил в пустующее ложе арбалета второй световой болт и вышел в зал.

Удивительно, но меня даже не соизволили заметить. Все как один мертвецы глазели в совершенно противоположную сторону. Чего у них там такое?

На меня напало какое-то удалое безумство, и я ни с того ни с сего громко ляпнул на весь зал, сам испугавшись собственного голоса:

— Не уделите мне минутку внимания?!

Застывшее море мертвых пришло в движение, взволновалось и захрипело. Вот обернулся один, затем другой, потом десять, двадцать, и вот уже весь зал смотрит на меня. Изъеденные проказой разложения лица. Кожа желтого, черного, серого и зеленого оттенка. Язвы и дыры. У кого-то нет носа, у кого-то глаза, кто-то потерял челюсть или целую руку. Сквозь расползающуюся плоть и серые ошметки того, что ранее было погребальной одеждой, сияли кости. Мне улыбались черепа, на меня шипели, ко мне тянулись руки... Затем как по команде море трупов двинулось в мою сторону.

Первый болт я вбил прямо в толпу. Свет, стоны, вонь...

Второй раз я выстрелил в потолок, и свет полился на толпу зомби не хуже чем от солнца. Затем швырнул два кристалла с кошачьей слюной и поспешно отступил назад, как можно дальше от зала, и со всей поспешностью перезарядил оружие двумя новыми болтами.

Вернулся. От запаха я чуть не умер. Пол пузырился и булькал, плоть таяла, кости разваливались. Из присутствовавших ранее в зале мертвецов лишь пятеро подавали слабые признаки жизни (как бы кощунственно это ни звучало). Твари дергались и хрипели. Я, не церемонясь, послал к потолку еще один световой болт и вновь отступил в коридор.

Там я проторчал добрых двадцать минут, ожидая, когда в зале хоть немного спадет вонь. Сейчас находиться там было выше моих сил. А если честно, из-за банального отвращения я просто не мог идти по жидкому бульону, который совсем недавно являлся человеческой плотью. Но все же никуда не денешься, пришлось идти. Я попросил Сагота дать мне силы и, замотав лицо обрывком подкладки куртки, вошел в зал.

Запах никуда не исчез, от него щипало глаза и бунтовал желудок, и пока меня не вывернуло наизнанку, я бросился вперед. Под ногами мерзко хлюпало, пол был скользким, и я чудом не упал в мерзость, залившую гранитные плиты.

Извилистый ломаный коридор, восемь ступенек вниз, коридор, поворот, коридор. Зал.

— Чтоб вас всех разорвало! — зло выкрикнул я.

Никакой лестницы на седьмой уровень не было.

Я опоздал всего лишь на полчаса. Если бы шел быстрее, то мог бы добраться сюда до начала злосчастного землетрясения. Теперь поздно. То ли в этом зале строители Костяных дворцов приложили чуть меньше усилий и не укрепили потолок, то ли у меня такая удача... Случившаяся в секторе Героев тряска обрушила колонны, удерживавшие потолок, и вот передо мной громоздилась мешанина из каменных блоков, мусора и до сих пор не осевшей пыли. Лестница навеки завалена камнями, и потребуется не один год, чтобы разобрать завал.

Что делать? Как говаривает в подобных ситуациях Кли-кли — снять штаны и бегать. Из-за клубившейся в зале пыли дышать было сложно, и пришлось вернуться. Здесь я уселся прямо под факелом и в сто тысяч миллионный раз занялся исследованием карт и путеводных бумаг.

Исследование не обнадеживало. В секторе Героев эта лестница была единственной, и теперь, чтобы спуститься вниз, мне придется возвращаться на место моего первого появления на шестом ярусе. А

оттуда... Оттуда топать в та-а-акие дали, что проще лечь и умереть сразу или разобрать завал!

Сектор Героев не такой уж и маленький, а сколько покойников встретится на пути... пока я достигну лестницы. Да и количество кристаллов и волшебных болтов не безгранично и уже подходит к концу.

Я жутко устал, но спать здесь равносильно самоубийству. Вероятность проснуться оттого, что кто-то давно мертвый и шибко голодный откусывает тебе ногу, крайне высока. Так что пойду-ка я дальше, пока силенок хватит, а там уж поглядим, спать или не спать...

Я затерялся в переплетении коридоров и залов сектора Героев. Шел, шел и шел. За три часа ходьбы и краткой полудремы на гробу второго «этажа» я не встретил ни одного самого завалящего покойника. Как будто их и не было вовсе. Размочаленные усыпальницы говорили об обратном, и я держался настороже до тех пор, пока не начались «спокойные» места (то есть гробы были целыми и трупами не воняло). Вот тут-то я и дал маху. То бишь расслабился и сразу же был наказан кем-то с особо извращенным чувством юмора.

Из тьмы на меня выпрыгнуло нечто. Оно было настолько проворным, что мне едва хватило времени, дабы отпрянуть в сторону, и когтистая рука твари задела лишь сумку с магическими побрякушками, висевшую у меня на правом боку. Естественно, никакая сумка не создана для того, чтобы выдержать такой удар. Ремешки, удерживающие ее у меня на поясе, лопнули.

Весь магический запас, арбалетные болты и куча важных и полезных вещей рухнули на пол. Времени подбирать их не было, слава Саготу, что сам жив остался. Пока мертвяк (а это был именно мертвяк, но уж очень проворный) терзал мои вещи, я отскочил назад и всадил в него болт с ледяным духом.

Звенькнуло, ледяная волна сбила меня с ног, а в ушах зазвенели небесные набаты. Когда я поднялся, взору предстала следующая картина — на том месте, где валялась моя порванная сумка, топталась целая бригада мертвецов. Твари недолго думая направились ко мне.

То ли эти покойники просто были «неправильными», то ли какой-то добряк натер им задницу жгучим гарракским перцем, но ребята передвигались не в пример быстрее обычных зомби. То есть с такой же скоростью, как живые люди. Раздумывать было нечего, все равно сумку теперь уже не вернуть. Я разрядил второй болт в толпу, забросил арбалет за спину и побежал. Стоило спасать собственную жизнь, а об утрате сумки я поплачу позднее.

Все еще бегу. Бригада не в меру голодных и не в меру покойных ребят едва не наступает мне на пятки. Вот уж не думал, что иссохшие и мумифицированные тела обладают такой прытью. Я нырял в смежные коридоры, проносился сквозь залы, пытался путать следы, но ничего из этого мне нисколечко не помогло. Преследователи не отставали, и это лишь придавало мне прыти, хотя, признаюсь честно, я начинал уставать. Наконец оказавшись в темном холле, я отпрянул к стене и, приготовившись к неизбежному, обнажил нож.

Меня не заметили. Дюжина дохляков пронеслась дальше, а я недолго думая побежал в обратном направлении. Свернул в паутину узких коридоров. Постарался запутать погоню и одновременно вернуться в зал, где осталась сумка. Без оружия, карт, еды и прочих припасов я гарантированно покойник. Не получилось. Донесшиеся до меня хрипы известили о том, что ребята вновь напали на мой след.

Я выругался и продолжил бегство. А что мне, собственно говоря, оставалось делать? Выходить на покойников с одним ножом я еще не готов. Коридор стал плавно поворачивать направо.

Бегу, оставив позади ответвление еще более узкое, чем это. Бегу. Поворачиваю. Бегу. Поворачиваю. Бегу... И нос к носу сталкиваюсь с толпой точно таких же, как и мои преследователи, тварей. Секундное замешательство. И я, и они удивлены неожиданной встречей.

Прихожу в себя на мгновение раньше, чем они. Разворачиваюсь и несусь обратно, навстречу первой партии. За спиной слышится хрип, и эта группа тоже вступает в погоню за призом, имя которому Гаррет. Прибавляю ходу и бегу на пределе своих возможностей. Я должен добежать до перекрестка раньше, чем впереди покажется погоня. Темные угловатые фигуры, едва видимые в отблеске одинокого факела, появились прямо у меня на пути.

И все же я успел. У ответвления в другой коридор я оказался на долю секунды раньше, чем они. Костлявые руки-крюки загребли лишь воздух, я же юркнул в проход, и тут в моих преследователей врезалась вторая бригада покойников. В образовавшейся свалке мне вновь удалось сделать ноги без всякого вреда для своей шкуры.

Хрипы за спиной. Настырные ребята свалились по мою голову! Вперед. Налево. Вперед. Налево. Направо. Направо. Направо. Вперед. Перескочить через канал. Вперед. Вперед. Направо. Вперед. Налево. Обогнуть так некстати подвернувшийся гроб. Вперед. Налево. Тупик. Назад. Направо. Вперед. Направо. Налево.

Вылетаю в коридор и ошеломленно смотрю в спины целой толпы зомби. Тех самых, что вот уже битых пятнадцать минут носятся за мной бодрым галопом. Стоят, принюхиваются. Тут один из трупов оборачивается, «смотрит» черными провалами глазниц...

Бегу. Опять бегу. Снова бегу. Влетаю в зал, где шастают несколько самых обычных мертвяков. Один плетется мне навстречу, загораживает дорогу. Врезаюсь в него со всей дури. В нос бьет вонь. Оба падаем. Я делаю кувырок через голову, вскакиваю, кляня почем зря так некстати подвернувшуюся под ноги образину.

Хрипы за спиной. Мне остается лишь бежать.

И я бегу.

Глава 9
СДЕЛКА

К исходу второго дня желудок прекратил гневно урчать и требовать пищу, но голодная боль никуда не пропала. Даже попытка задобрить голодуху бутылью самого лучшего в моей жизни вина ни к чему хорошему не привела, я лишь напился, словно доралиссец, под завязку накачавшийся вонючим крудром. Поначалу, конечно, мне было хорошо и беззаботно, но вот когда я проснулся, голова болела жутко и вина, как назло, осталось лишь на самом донышке бутылки.

Нет-нет! У меня не начался бред. Я на самом деле вот уже два дня ничего не ел и подпитывался лишь бутылью «Майдингской лозы» четырехсотлетней выдержки. Вино было, надо признать, отменным, такого не сыщешь даже в погребах королей и жрецов, но я отдал бы бесценную бутылку всего лишь за один сухарь, если бы только здесь нашелся тот, кто способен был предложить мне такой обмен.

Вот уже второй день с того момента, как ожившие мертвецы решили поиграть со мной в пятнашки, я сижу в своем убежище. Точнее, НА своем убежище.

А что? Иногда и каменный гроб можно так обозвать. Как я попал на гроб (слава Саготу, что не в него)? Да очень просто! В тот злополучный миг, когда меня взяли в клещи, пришлось быстренько искать безопасное местечко.

А гроб, находящийся на втором ярусе зала, именно таким местечком и является, так что я недолго думая забрался сюда.

Хм... Хотя теперь было бы очень интересно услышать, как мне удалось забраться на вплавленный в стену гроб, располагающийся на высоте пяти ярдов от поверхности. Правда, в том состоянии, что я тогда находился, можно было бы и выше запрыгнуть. Например, на луну. Тогда я все делал в спешке, но сейчас сомневаюсь, что смог бы проделать нечто подобное еще раз.

Ладно, я забегаю вперед. Вот как все было на самом деле...

Я влетел в очередной зал. Совсем небольшой, у одной из стен плескался махонький бассейн. Два выхода. Восемь факелов. Подстегиваемый хрипением, бросился вперед, и тут из обоих выходов валом поперли покойники. Еще и преследователи через вход влетели. Счет шел на секунды, я разбежался, одним прыжком преодолел три ярда водной глади бассейна, оказался на чьей-то усыпальнице и, карабкаясь по едва заметным выступам и буграм на стене, залез на гроб второго яруса.

Отдышался. Осмотрелся. Вид отсюда открывался замечательный. Подо мной пять ярдов пустоты, а затем вода. Впереди — зал, битком набитый покойниками. Дохляки здесь собрались чуть ли не со всего сектора Героев. Стоят, не двигаются и молча смотрят. То ли это мне так «повезло» и все, что здесь случилось,— нелепая случайность, то ли мертвецы все же могут соображать и самостоятельно устроили мне ловушку, то ли их кто-то сюда согнал.

В любом случае спуститься — быть съеденным. Вырваться из кольца мне не удастся. Сидеть здесь — умереть от голода, что-то не заметно, что меня собираются кормить. Оставалось лишь думать, надеяться на спасение и играть с мертвецами в гляделки. Хотя последнее мне довольно быстро надоело — рожи у моих сторожей были отвратительнейшими и к играм не располагали.

Первым делом я конечно же отдышался и немного пришел в себя. Бег на столь огромные дистанции забирает все силы. Потом, когда дыхание пришло в норму и сердце отказалось выпрыгивать из груди, я осмотрел свое убежище. Каменный ящик три ярда в длину и ярд в ширину — вполне найдется место, где может разместиться незваный гость. Массивная крышка, на которой написано: «Любимый виночерпий герцога Патийского-шестого». По странному стечению обстоятельств имя виночерпия накарябать на камне почему-то позабыли. Впрочем, как и дату смерти. Зато кто-то шибко оригинальный оставил на гробу замшелую бутылку.

Я скептическим взглядом осмотрел нежданный сюрприз. Выдавленное на стекле название и цифры говорили о том, что это — вино и что ему по меньшей мере четыреста лет. Делать было совершенно нечего, я достал нож, срезал печать с пробки. За неимением штопора протолкнул пробку в бутылку. Понюхал. Попробовал. Одобрительно крякнул. Вино тянуло на очень звонкую монету.

Я все еще надеялся выбраться отсюда живым, но, через часок поняв, что мерзкие образины даже не подумывают о том, чтобы разойтись, убил в себе всякую надежду на благоприятный исход. Либо я спущусь и меня сожрут, либо я помру от голода. Впрочем, даже если зомби свалят обратно, я слишком заплутал во время бегства и теперь уже никогда не найду дорогу к сумке, в которой находятся кар-

ты Храд Спайна. А без карт... Без карт я не попаду на восьмой ярус и уж тем более не выберусь наружу. То бишь я все равно что мертвец. У меня осталась лишь холщовая сумка за спиной со свитером и изумрудами, но там ни карт, ни еды...

В итоге я убил бутылку вина, и мне стало хорошо. До самого момента пробуждения...

Вот такие вот дела. Проснулся я часов шесть назад, а в зале ничегошеньки не изменилось. Мертвецы до сих пор не разошлись.

— Ну, чего смотрите, твари?!

Естественно, никакого ответа я от них не получил. Никто даже не зашипел. Меня самым наглым образом проигнорировали. Пальнул бы по гадам из арбалета, но, жаль, больше нет болтов. Поэтому оставалось только кинуть в толпу пустой бутылкой. Та несколько раз кувыркнулась в воздухе и, вмазавшись в одного из дохляков, снесла ему половину подгнившей головы, даже не встретив никакого сопротивления со стороны черепа, будто его у покойника и не было. Мертвеца нисколько не смутило данное обстоятельство, и он остался стоять.

Эх! Вот уж не думал, что буду мечтать о стае голодных гхолов! Как бы маленькие твари оприходовали сих покойников!

— Развлекаешься?

Голос, раздавшийся в зале, был для меня такой неожиданностью, что я подпрыгнул.

Он стоял в тени колонны, и я видел лишь едва очерченный темный силуэт с массивными крыльями. Золотые глаза смотрели на меня с затаенной насмешкой. На покойников Посланник не обращал никакого внимания, впрочем, как и они на него.

— Нечто в этом роде.

Как ни старался я казаться спокойным, голос выдал предательского петуха.

Слуга Хозяина! Посланник! Здесь! В зале! Рядом со мной! Во рту пересохло, ладони вспотели, позвоночник растаял. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, кто и зачем согнал сюда мертвецов.

— У меня к тебе предложение.— Посланник, казалось, не заметил моего испуга.

— Какое? — У меня хватило духу не упасть в обморок.

— «Майдингская лоза» четырехсотлетней выдержки. Ты мне бутылку, а я тебе целый сухарь, идет?

Я так и остался сидеть с открытым ртом. Вроде прямо сейчас он не собирался меня убивать.

— Ах, совершенно забыл, ты ведь только что ее выбросил, да еще и пустую. Так что я свое предложение снимаю.

Посланник размахнулся и бросил сухарь в толпу зомби.

Кажется, я заскрежетал зубами. Эта тварь попросту издевалась надо мной.

— Ты далеко прошел по Костяным дворцам, вор. Не каждый может этим похвастать. Обидно вот так попасться, да еще из-за этих тупых образин. Скажи-ка, долго ты намерен здесь просидеть?

— Пока не надоест.

Не знаю, что задумали Посланник вкупе с Хозяином, но меня они уже не запугают. Я настолько испуган, что дальше некуда.

— Мм? Я думаю, что тебе это уже надоело. Или я не прав?

Я промолчал, и мне показалось, что Посланник улыбнулся.

— Ладно, Гаррет. Давай без всяких проволочек приступим к нашему делу.

— К какому делу, Посланник?

— О! Я вижу, ты знаешь, как меня зовут! — Он снова хохотнул.— Сам догадался или подслушал, когда шастал по владениям моего господина? Как твоя рана? Вижу, что в Изначальном, куда ты смылся, все так же хорошо лечат!

И снова я ничего ему не ответил, и снова он сделал вид, что не заметил этого.

— Меня прислал Хозяин. Прислал, чтобы предложить тебе выход из западни. Тебе это интересно или мне уйти?

— Мне интересно, продолжай.

— Хорошо. Откажись от Заказа, забудь про Рог Радуги и будешь вознагражден.

— И чем же? Еще раз вспорешь мне живот?

— Ну зачем же так сразу? Если бы я хотел, то убил бы тебя прямо сейчас. Сколько там тебе обещал король? Пятьдесят тысяч? Как тебе предложение, скажем, в триста? Мало? Может, тебе больше нравится цифра восемьсот? Назови свою цену, вор.

Угу. Верю. Может, я и получу это золото, но только оставят его на моей могиле. Если оставят. Так что на сомнительные договоры я не клюю. Особенно на договоры, поступившие от вот таких парней.

— Меня вполне устраивает цена, предложенная королем. Заказ...

Посланник громко фыркнул, выражая презрение:

— Заказ? Ты что, из толпы дворян?! С каких это пор воры держат слово?

Да что же это все привязались к слову «вор»! Вначале — тени мира Хаоса, затем — этот. У меня тоже есть свои профессиональные принципы! К тому же я не ненормальный и нарушать Заказ не собираюсь. Себе дороже.

— А... Ты боишься нарушить Заказ и расстроить своего любимого Сагота? — Он словно читал мои мысли.— Вы, люди, слишком трясетесь перед теми, кого привыкли называть богами. Не беспокойся, вор. Боги — всего лишь шайка никчемных прихлебателей, и они зависят от слова Хозяина. Можешь не бояться, никто не будет тебя карать за отказ от Заказа. Хозяин об этом позаботится, как только ты дашь свое согласие.

Боги зависят от Хозяина? Вот так новость!

— Мне здесь деньги ни к чему,— промямлил я.— Золотом не наешься.

— Забыл упомянуть, что, если ты согласишься на предложение, тебя доставят куда угодно. А может, тебе попросту не нужны деньги? Изумрудов в твоей сумке вполне хватит на покупку небольшого графства, куда тебе еще? Может, ты хочешь чего-нибудь другого? Скажи, и если это в силах Хозяина, ты это получишь. Согласись, хороша цена? Получишь все что угодно, стоит лишь забыть о Роге Радуги.

— Бессмертие? — наугад ляпнул я.

— Бессмертие? Может быть...

Я удостоился очень подозрительного взгляда.

— Кто такой Хозяин? Почему он не хочет, чтобы Рог Радуги покинул Храд Спайн?

Я настолько обнаглел, что решил идти напролом.

— Что же, времени у нас полно, и Хозяин разрешил мне ответить на некоторые из твоих вопросов. Ты ведь никуда не спешишь?

Золотые глаза сверкнули, я счел, что отвечать не стоит. И так все ясно.

— Мой повелитель — Хозяин этого мира. Он создал Сиалу из тени Изначалья, он...

— Танцующий с тенями! — вырвалось у меня.

— Теперь я понимаю, что твоя просьба о бессмертии была всего лишь проверкой. Ты очень многое узнал... К сожалению.

Проверкой? Но я и не думал его проверять! Просто так сказал.

— Правильно, вор. Когда-то давно Хозяин был Танцующим с тенями и сотворил этот мир. Вижу, что тебе уже известно намного больше, чем мы предполагали. Впрочем, неудивительно, ты ведь тоже Танцующий с тенями.

Я вздрогнул.

— Не отрицай, вор. Ты — Танцующий, иначе я бы с тобой не церемонился.

— Не отрицаю.

Я что, дурак, загонять себя в петлю? Раз сейчас выгодно быть Танцующим, значит, я им буду. Назови он меня ослом, я бы и на это согласился без всяких возражений.

— Вот и хорошо. Ты Танцующий, и только поэтому тебе предлагают право выбора. Убивать тебя все равно без толку: пока ты не окажешься в одном из Великих Домов, ты бессмертен. Ты ведь видел их, правда?

— Кого?

— Первых детей Хозяина? Падших?

Я понял, что он говорит о птицемедведях, и кивнул.

— Они были Первыми, и Хозяин наделил их силами, почти что равными своим. Они приняли этот дар и захотели стать новыми Хозяевами мира. Решили сыграть в Игру. Тогда-то Падшие и были низвергнуты и заключены в сердце Костяных дворцов.

— Я все еще не услышал, при чем тут Рог Радуги.

Посланник вздохнул:

— Хозяин не смог уничтожить Первых детей и лишь погрузил их в сон, но Вторая раса, те, кого вы привыкли называть оградами, в один из не самых лучших дней по ошибке разбудила в Храд Спайне спящее зло. Вот в то самое время огры и создали Рог Радуги. Создали намного раньше, чем принято считать. Артефакт сдерживал Падших, и они не могли выбраться и овладеть изначальной силой этого мира. Им оставалось лишь ждать, когда цепи лопнут. Так что Рог сделали не только для того, чтобы нейтрализовать Кронк-а-Мор, первородную магию. Наиглавнейшая цель была другой — не допустить Падших на Сиалу. Огры дорого заплатили за свое любопытство. Они создали артефакт, спасли мир, но ценой гибели своей расы. Потому как то, что вы сейчас называете оградами, не больше чем животные. Ради спасения мира они потеряли разум и оказались во власти первородной магии. Пока Рог Радуги находится здесь, Падшие не смогут выбраться в мир Сиалы.

— Рог Радуги лежит в Храд Спайне не так уж долго. Не все те тысячелетия, о которых ты только что мне рассказал.

— Верно. Пока он находился у эльфов, все было в порядке, и если бы не противоборствующая Хозяину сторона, ничего бы не случилось. Но я не собираюсь рассказывать тебе все. Просто вспомни, что случилось, когда Орден пытался с помощью артефакта остановить Неназываемого.

— Очень хорошо помню. Маг-отступник говорил, что ему поручил это Хозяин!

— Ты слеп, Гаррет! Хозяин тут ни при чем. Во всяком случае, Хозяин Сиалы.

И вновь я остался сидеть с раскрытым ртом.

— Удивлен? У каждого мира свой Хозяин, и между Танцующими всегда идет Игра. Один спасает свой мир, другой пытается изменить его в худшую сторону. Игрой и борьбой мир проходит проверку на жизнь.

— А чьей игрушкой является Неназываемый?

— Много знать вредно. Так каков твой ответ?

— Твой Хозяин служит злу, Посланник!

И вот тогда-то он рассмеялся. Веселым искренним смехом. Он хохотал и хохотал, не останавливаясь и не успокаиваясь. Хохотал до тех пор, пока даже эхо не устало повторять его смех.

— Что есть зло, вор? Просвети меня! Что есть добро? Кто сможет определить, что есть первое и что есть второе? Где та неуловимая грань между добром и злом?!

— Твой Хозяин пытался убить меня и моих друзей!

— Это и есть зло? — Он насмешливо хмыкнул.— Выходит, зло у каждого свое? Если человек хочет убить тебя, это зло. Если этот же человек дал тебе золотой, спас тебе жизнь и убил другого, незнакомого тебе парня, это добро? Ответь мне, вор!

Я молчал, но он и не ждал моего ответа.

— Орк убил лесоруба, и конечно же с точки зрения семьи последнего совершено ужасное зло. А вот с точки зрения орка он сотворил несомненное добро и спас священные деревья от посягательства человека. Вот видишь, вор, зло становится добром, а добро злом, стоит лишь посмотреть на них с разных берегов реки Жизни! Тебя пытались убить, но тебе везло, везло, как самой тьме! Хозяин стал подозревать, кто ты есть на самом деле, после того, как разбилось заклятие дражайшей Лафресы. А уж после того, как ты сам по себе попал в его дом, выжил после моего удара и не дал порвать узы Ключа, все встало на свои места. И попытки убить тебя прекратились. Танцующий с тенями не убивает Танцующего.

— Вот только Лафреса и ее люди об этом забыли.

— Она действует на свой страх и риск. Хозяин не успел ее предупредить.

Или не захотел. В любом случае я ни капли не верил в истории про Рог Радуги.

— С покушениями на твою драгоценную персону мы разобрались. Что еще ты можешь назвать злом?

— Хозяин выпустил демонов из тьмы.

— И что? Тебе не понять Игры, тебе не понять, зачем были нужны демоны. И какую роль они сыграют в этой истории.

— Так объясни!

— Ну уж нет, Гаррет! Я тебе обещаю, что ты еще вспомнишь о демонах и поймешь, зачем Хозяину следовало их выпускать и приносить Коня Теней в Авендум.

— Принес, а затем так же спешно попытался его отобрать.

— Конь сделал свое дело, да и другой Хозяин...

— Ты пытаешься убедить меня, что по Сиале бродит толпа Хозяев! — Я и сам не заметил, как перебил его.

— Ну что ты! На Сиале только один Хозяин, но есть еще и тот, кто ведет Игру.

— Зачем ему это?

— Зачем? Такова Игра.

— Игра? — переспросил я.

— Что тебя удивляет? Жизнь слишком скучна для тех, кто творит миры. И они иногда играют в Игры. Только и всего. И уж не тебе жаловаться на демонов. Помнится, если бы не случайно найденный и никому не известный свиток, они до сих пор носились бы по Авендуму. Вот видишь, ты тоже поучаствовал в Игре. И сейчас она продолжается, и Рог Радуги является козырной картой. Хозяин старается не допустить его возвращения в мир.

— Для них все это лишь глупая игра?

— Глупая? Благодаря Игре этот мир живет.

— Я не верю тебе!

— А мне этого и не надо. Я разговариваю с тобой лишь потому, что мне велели.

— Хорошо! — Я распалялся все больше и больше.— Но ты ведь не будешь отрицать, что Неназываемый появился благодаря твоему Хозяину?!

— Не буду,— очень спокойно ответил Посланник.

— И ты не будешь отрицать, что Неназываемый — зло?

И вновь эхо зала повторило смех слуги.

— Зло?! Я думал, мы закончили с этой темой, Танцующий! Для тебя он, может, и зло... Он ведь хочет свергнуть твоего короля и разрушить королевство... Историю пишут победители, вор! Так было и так будет! Отчего-то все забыли упомянуть ту малость, что династия Сталконов вырезала всю семью того, кого сейчас называют Неназываемым! Всех! Подчистую! Это ли не зло? И не добро ли, что теперь он хочет отомстить?

— Это не добро. Это месть.

— Пусть так,— не стал спорить он.— Пусть так. Но Неназываемый нужен этому миру. Он сдерживает вас, не дает слишком сильно разгуляться и забыться.

— О чем ты?

— Когда на Сиале жили Падшие и огры, а Игра еще не началась, Хозяин старался не вмешиваться в дела мира, но потом появились молодые расы, и среди них вы, люди. Все изменилось. Вы хуже маленьких детей. Вас приходится направлять, указывать цель. Иначе, оставшись без присмотра, вы наворотите таких дел, что Игра закончится, так и не успев развиться. Не имея цели, вы рушите все, на что падает ваш взгляд. Настанет день, и вы погубите этот мир. А Хозяину бы этого очень не хотелось, поэтому он и дает вам множество целей. Например, Неназываемого.

— Я не понимаю.

— Что и немудрено. Ты Танцующий только по крови. Чтобы понять, надо стать им по духу, надо пройти сквозь Великие Дома, но у тебя все еще впереди. Что было бы, не угрожай Неназываемый Валиостру с севера?

— Все жили бы счастливо,— буркнул я.

— Сомневаюсь. Может, это было бы возможно лет шестьсот назад, когда королевство было не так сильно, но сейчас, когда ваша армия самая сильная во всех Северных землях, очень сомневаюсь. Без постоянной угрозы с севера вы бы обратили свое внимание на юг. Война с Мирануэхом. Сколько тысяч останется на полях сражений? Затем — орки. Они всегда вам мешали, и вы бы их истребили в конце концов. И опять тысячи тысяч жизней. А у орков своя цель в этом мире. А потом бы пришел черед союзников. Что мы имеем в итоге, Гаррет? Не будь Неназываемого, который словно меч висит над Валиостром,— и весь север Сиалы утонул бы в крови. И Неназываемый — не единственная сдерживающая людей сила.

—Оставь эти разглагольствования для философов, Посланник! — Меня взяло зло.— Вот-вот колдун придет в Валиостр, и все будет так, как ты сказал, только после падения королевства этим займутся орки!

— Ты не понимаешь цели Игры, Танцующий.

— Плевать я хотел на такие игры! Как кто-то может все решать за других?!

— Это его мир, не забывай.

— И если это его мир, то ему позволено разрушить союз темных и людей и тем самым спасти орков? — возразил я, припоминая давешний сон.

— Орки нужны этому миру, и Хозяин не хочет, чтобы они исчезли по вашей прихоти.

— Еще одна сдерживающая сила?

— Не только,— уклончиво произнес Посланник и спросил: — Так что ты мне ответишь? Согласен забыть про Рог Радуги?

Я молчал, усиленно соображая, затем выдал:

— А что будет, если я не соглашусь?

— Да ничего!

— Ничего? — Я не мог ушам своим поверить.

— А ты чего ожидал? Что я начну тебя пугать? Ничего не будет! Ты просто останешься сидеть там, где сидишь, пока не сдохнешь от голода. Конечно же ты возродишься в Доме Любви... через какое-то время, когда про Рог уже все забудут. Думаешь, Хозяину так уж важен этот артефакт? Все, что ты видишь перед собой, все твои друзья, весь мир — всего лишь большая Игра, которой вы никогда не поймете. Останься Рог здесь — и Хозяин выиграет. Забери ты Рог, и Хозяин все равно выиграет, пускай это будет в десять раз сложнее! Даже если Серые ничего не сделают, даже если равновесие нарушится, даже если вырвутся Падшие и разрушат Сиалу, Игра попросту пойдет по другому витку. От тебя ничего не зависит. Просто если Рог останется нетронутым, Игру выиграть проще, вот и все дела.

Мне не нравился весь наш разговор, все эти сказки про Падших, других Хозяев, глупую Игру... Я не верил Посланнику.

— Отчего же эти Падшие сами не возьмут то, что лежит под их носом?

— Время вопросов подошло к концу, мне нужен твой ответ.

— Раз от меня ничего не зависит, мой ответ — нет.

Золотые глаза внимательно изучали меня. После долгого молчания Посланник наконец сказал:

— Что же, Хозяин знал, что ты ответишь именно так. Жаль, вор. Тогда предлагаю заключить сделку.

— Какую? — осторожно спросил я у него, подозревая подвох.

— Я предложу тебе два варианта, как выбраться из западни, а ты за это выполнишь Заказ Хозяина.

— Какой?

— Кто знает, что потребуется украсть для Хозяина в скором будущем? Сейчас мне достаточно твоего слова.

Я молчал.

— Так ты согласен? — В его голосе проскользнула недовольная нотка.— Раз уж Рогу Радуги суждено появиться в мире, то пускай это сделает другой Танцующий. Обострим Игру.

Чем я рискую? Разумеется, у Хозяина есть какой-то план, иначе он не позволил бы мне завладеть Рогом, будь я хоть трижды Танцующим с тенями. Но мне плевать на игры богов, или кто там управляет миром?

— Согласен.

— Чудесно! Первый способ выбраться отсюда — это покончить с собой. У тебя ведь есть нож? Ты Танцующий, и ты бессмертен. Как только умрешь, окажешься в доме Любви.

— Этот вариант мне не подходит.

Конечно, радостно узнать, что ты бессмертен (хотя я в это не верю), но уж чего я не собирался, так это вспарывать себе горло от уха до уха.

—Тогда второй вариант тебе понравится больше. Под тобой бассейн. Нырнув в него и проплыв, ты выйдешь на Ярус меж ярусов. С него можно попасть в любое место Костяных дворцов. Ищи дверь с красным треугольником. Пройдя через нее, ты сразу окажешься на восьмом уровне, совсем рядом с могилой Грока. Все время иди прямо, никуда не сворачивай и окажешься у цели. До скорой встречи, вор, оставляю тебя в приятной и надежной компании.

— Постой! Кто такой Игрок?

— Узнаешь в свое время. Больше вопросов у тебя нет?

— Если ты здесь, то почему сам не возьмешь Рог?

— Если бы я мог, этого разговора бы не было.

— Как долго мне плыть под водой?

— О! Совсем недолго! Не больше шести минут.

Мгновение — и его уже нет в зале.

Вот тут-то меня и начало колотить. Все еще не верилось, что разговаривал с Посланником, все еще не верилось, что он меня даже пальцем не тронул, все еще не верилось, что я знаю, кто такой Хозяин и чего он хочет.

Шесть минут без воздуха! Я послал проклятие желтоглазой твари, очень надеясь, что оно ее непременно настигнет. Еще с час я не решался ничего предпринимать.

Во-первых, я не доверял Хозяину, все время устраивающему козни, а тут неожиданно решившему мне помочь. Раз ему теперь надо, чтобы я достал артефакт, то почему бы сразу меня к нему и не переправить?

Во-вторых, я попросту боялся того, что может скрываться под черной водой. Да и не было во мне уверенности, что я смогу продержаться без воздуха столько времени. Но делать-то ведь нечего, правда? Мертвые все еще ждали, когда я спущусь к ним, и вроде как стали проявлять нетерпение. Как бы ко мне не полезли...

Нырять придется в сапогах. Да, плыть будет не очень-то удобно, но бродить по Костяным дворцам без обуви еще неудобнее. Ради сапог придется чем-то жертвовать. Это хоть как-то облегчит плавание. Конечно же куртка! Я скинул ее с себя, оставшись в одной черной

рубахе. Из карманов вытащил пробирки с заклятиями, которые попали туда во время сортировки в зале Кайю.

Три штуки. Две «пугалки», почти такие же я использовал в Ранненге, когда за нами неслась шайка Неназываемого. Третья... Третью, с черной жидкостью, Хонхель сунул мне в довесок (что по меньшей мере странно для жадного карлика). И до сегодняшнего часа я не думал, что она мне понадобится. Пузырек был предназначен для того, чтобы свободно дышать под водой. Сегодня он сослужит мне очень хорошую службу, пускай его действие распространяется не дольше чем на минуту.

За курткой настал черед арбалета. Я в последний раз прикоснулся к верному другу, а затем без всяких сожалений положил его на саркофаг. Все равно без болтов он бесполезен, а лишний вес под водой мне не нужен.

Что дальше? Нож? Нет, пожалуй, расстаться со всем оружием будет последней глупостью. Из сапога я добыл старую добрую бритву и положил ее рядом с арбалетом. Настал черед холщовой сумки. Ее придется взять с собой. Если я доберусь до Рога, будет в чем его нести. Свитер, плотно завернутый в дрокр, тоже следует поберечь. А вот изумруды — долой. Конечно же не все. Я оставил себе «глаз» и ровно четверть от мелочи. Не такой уж и большой вес. Единственный «огонек», чудом оказавшийся на дне сумы, был встречен радостными воплями.

Что еще оставить? Да вообще-то больше нечего. Медальон Кли-кли, браслет Эграссы и кольцо короля эльфов почти ничего не весили, да и нельзя назвать магические побрякушки лишними.

Ну вот и все. Надеюсь, что когда-нибудь кто-нибудь наткнется на лежащие здесь вещи, и они ему помогут.

Пора.

Я встал на краю гроба лицом к стене и спиной к залу, затем повис на руках, вцепившись в крышку усыпальницы любимого виночерпия герцога, разжал пальцы, пролетел пять ярдов и упал в бассейн.

Глава 10
ЯРУС МЕЖ ЯРУСОВ

Девяносто восемь. Девяносто девять. Сто!

Я вынырнул, хватая ртом воздух и кашляя. Вечернее солнце медленно уходило за горизонт и совершенно не грело. После часового пребывания в воде я мелко дрожал и хотел только одного — вылезти из реки Хрустальной Мечты, высохнуть и выпить чего-нибудь горячего. Например, вина со специями.

— Сколько? — Голос Фора отвлек меня от мечтаний.

— Сто сорок семь! — не моргнув глазом соврал я.

— Врешь, ты просидел под водой не больше минуты.

Я угрюмо посмотрел на учителя. Фор, словно кот, щурился на садящееся солнце и грыз махонькое зеленое яблоко.

— Минута — тоже много,— перечил я, не собираясь сдаваться и уступать в этом вопросе.

— Мало! — возразил мой учитель.

— Здесь холодно.

Я попытался давить на жалость. Ага. Как же! Проще у карлика выклянчить золотой, чем разжалобить Фора во время урока!

— Чего это тебе холодно? Сегодня на редкость погожий день.

— Вот залезь в воду вместо меня, и я погляжу, какой он погожий,— недовольно буркнул я себе под нос, но Фор услышал.

— Для четырнадцатилетнего неумехи ты слишком много разговариваешь,— беззлобно бросил он и швырнул огрызок, который не преминул угодить мне точнехонько в лоб.

— У-у-у,— протянул я и обиженно потер ушибленное место.— Почему этой ерундой занимаюсь я, а не Басс?!

— Потому что из Басса никогда не получится приличного вора.

— А из меня получится?

— Если ты будешь поменьше врать и спорить, то, может, и получится.

— Я не так уж много и вру! — возмутился я.

— А споришь тоже мало?

У меня хватило ума промолчать.

— Давай, малыш, продолжай. Ты еще успеешь нырнуть пару раз, прежде чем настанет пора идти домой.

— Хорошо, учитель,— обреченно вздохнул я.— Только зачем мне это надо? Я ведь не рыба!

— Задержка дыхания очень важна. Любая лишняя секунда может увеличить шансы на спасение жизни.

— Это как?

— Ну если в доме, куда ты заберешься, сработает ловушка с ядовитым газом и тебе придется не дышать до тех пор, пока ты не выберешься из опасной зоны. Или кто-то ушлый сбросит тебя с Пирсов. Связанным. И тебе потребуется некоторое время, чтобы развязаться. Или ты нырнешь и будешь сидеть под водой, чтобы в тебя не всадили стрелу. Видишь, сколько причин, чтобы ты перестал ныть и занялся обучением?

— И ничего я не ною! До каких пор мне так нырять?

— Пока ты без всякого труда не просидишь там как минимум две минуты.

— Две минуты?! — ужаснулся я.

— Но лучше три,— безжалостно добил меня Фор.

— Три минуты?!

— Слушай, Гаррет! — Мастер-вор внимательно посмотрел на меня.— Ты решил стать моим учеником или эхом?

— Учеником.

— Раз учеником, давай ныряй! Время идет.

Ага. Именно этого я и добиваюсь. Чем дольше буду заговаривать зубы Фору, тем меньше мне сидеть под водой. Солнце почти скрылось за морем, в которое впадала река Хрустальной Мечты.

— Все равно я сегодня не смогу просидеть три минуты,— позлорадствовал я.

— Не только сегодня, но и завтра. Но не переживай, малыш, у нас для тренировок целое лето, а как придут холода, я наполню бочку и ты продолжишь тренировки дома.

Удар ниже пояса. Чувствую, наставник не отстанет от меня, пока я не отращу жабры и не просижу под водой эти долбаные три минуты. Я обиженно посмотрел на Фора, глубоко вдохнул и нырнул.

Эх, старина Фор! Знал ли тогда мой учитель, что беспрерывное сидение в бочке с водой когда-нибудь спасет мне жизнь?

Вода в Костяных дворцах из-за скудности освещения всегда казалась мне черной. Но стоило только нырнуть, и стало понятно, что прозрачностью она не уступает слезе. «Огонек», прикрученный к левому предплечью полосками, безжалостно вырезанными из брошенной куртки, великолепно освещал колодец, по которому я спускался все ниже и ниже. На глубине четырех ярдов он заканчивался.

В одной из стен круглая нора. Туда. Теперь горизонтальный коридор. Здесь «огонек» уже не требовался, стены излучали бледно-зеленый свет.

Я плыл не суетясь, делая мощные гребки руками и помогая себе ногами. Вперед и только вперед.

Минута.

Круглый лаз неожиданно пошел вверх и кончился. Я со скоростью щуки, покидающей свою нору, вырвался из него и оказался под самым потолком полностью затопленного зала. Вода была настолько прозрачна, а стены сияли так сильно, что пол в девяти ярдах подо мной было видно как на ладони. Вплоть до самой мелкой мраморной плитки, вплоть до изображений на каменных крышках гробов. Все это медленно проплывало подо мной. Стена. Приходится поднырнуть, чтобы через проход попасть в следующий зал.

Две минуты.

Здесь все так же. Темные призраки гробов, статуи у стен. Эльфийская красота. И я точно помню, что на картах ничего подобного нет. Плыву, держась чуть ли не под самым потолком, замечаю новую «нору». В груди постепенно растекается тяжесть, в глазах темнеет. Я и так на пределе. Ныряю в «нору», оставляя залы. Легкие горят огнем, откупориваю пробку пузырька, черная жидкость медленно и тягуче смешивается с водой. Секунду ничего не происходит, и я начинаю паниковать.

Три минуты.

В испуге открываю рот и... дышу. Черная жидкость растворилась в воде, теперь вокруг меня нечто вроде большого пузыря с невидимыми стенками. Водой, свободно проходящей через пузырь, можно вполне сносно дышать. У меня чуть больше минуты.

Плыву с удвоенной силой. Коридор кажется нескончаемым. Развилка. Три направления. В какое из них? Среднее! Прямой путь! Туда, только туда!

Волшебный пузырь лопается, и я едва успеваю запастись воздухом. Вновь впереди тупик, ход вертикально уходит вниз. Три ярда по колодцу, выплываю из раззявленной пасти горгульи. Зал. Из-за тысяч маленьких пузырьков, поднимающихся к потолку, практически ничего не видно.

Минута.

Плыву «на ощупь», но противоположной стены не видно, хоть ты тресни. Пытаюсь опуститься к полу и не могу. Ощущаю, как сотни колючих пузырьков подбрасывают меня вверх. Даже не пробую бороться. На это просто нет времени. Плыву. В груди нарастает боль.

Две минуты.

Я уже шесть минут под водой, но вожделенного выхода нет. Или Посланник соврал, или я ошибся коридором. Стена! Наконец-то. Мечусь из стороны в сторону, как головастик, попавший в кипящий котел. Нет выхода! И нового пузырька с заклятием тоже нет! Судорожными движениями поднимаюсь к самому потолку.

Есть!

Пузырьки веселой толпой устремлялись в рваную щель наверху! Следую за ними, оказываюсь еще в одном колодце, но теперь уже уходящем точнехонько вверх. Там, впереди, мерцает что-то неуловимо прекрасное.

Работаю ногами, в глазах темно, начинаю подумывать, что срочно пора учиться дышать водой или собирать вещички перед дорогой в свет. Серебристое мерцание уже рядом, больше всего это похоже на тонкую пленку, растянувшуюся от стенки до стенки. Пузырьки свободно проходят сквозь нее. Значит, и я смогу.

Касаюсь пленки, по всему телу пляшут иголки... Лечу... и я уже не в узком коридоре, а где-то...

Сижу на берегу огромного подземного озера. А может, и не огромного, но «огонек» не может высветить другого берега. Вдыхаю пьянящий аромат воздуха.

Дрожу. Пока плыл, вода казалась очень теплой, но стоило выползти на берег — и откуда ни возьмись напал такой озноб, что хоть костер разжигай. Рад бы это сделать, да дров нету. Сразу же сбросил с себя всю одежду и вытащил из насквозь промокшей сумки свитер, завернутый в дрокр. Спасибо эльфийской ткани, одежка оказалась сухой, словно и не побывала в воде. Одеваюсь. Сразу полегчало. В довесок к теплому свитеру я ещё попрыгал и подрыгал ногами и руками. После долгого купания это обычно помогает прийти в норму.

Не знаю, как я оказался в озере, не знаю, где оно находится, то ли в пещере, то ли в зале, но Посланник не обманул — это Ярус меж ярусов. Потому что ничего подобного в секторе Героев уж точно нет.

А тьма! Все равно холодно! Выжимаю одежду, но без солнца она будет сохнуть еще Сагот знает сколько времени.

Волшебный фонарик у меня всего лишь один, и его силы уже на исходе. А вокруг темнота, и стоит поторопиться, если, конечно, я не хочу, как крот, тыкаться носом в стены и идти на ощупь. Что случится после того, как погаснет «огонек», я старался не думать и бежал по совершенно прямому коридору, стены которого в свете «огонька» цветом походили на запекшуюся кровь.

В боку давно уже засела тупая игла, и пришлось перейти на шаг. Я устал и очень хотел есть. Два дня вынужденной голодовки и водопой (иначе не назовешь) на берегу пещерного озера (хотя от воды после подводной прогулки меня и так уже мутило) не способствовали покою желудка. За кусок хлеба отдам правый глаз. Или левый.

Наконец настал самый неприятный момент. Вначале свет волшебного фонарика побледнел, расплылся, затем «огонек» неуверенно мигнул и погас. Вновь вспыхнул, испуганно затрепетал, пытаясь разгореться с новой силой, сверкнул. На мгновение озарил коридор на целых двадцать ярдов и теперь уже окончательно угас, подарив мне слепоту. Сейчас я оказался беспомощнее новорожденного котенка.

Я в раздражении отбросил погасшую палочку в сторону. Доигрался. А Фор ведь меня предупреждал. Уж лучше камера в Серых камнях, чем вот так бродить по мраку, ожидая неизвестно от кого неизвестно какой бяки.

Поныв в свое удовольствие, я приложил левую руку к стене и поплелся (именно так, и никак иначе) вперед. Все дальнейшее очень

напоминало мне путешествие по тюрьме Хозяина. Тогда я путешествовал точно так же. Держась рукой за стены и таращась в темноту.

Врать не буду, я не знаю, сколько времени прошло. Трижды я отдыхал, один раз пытался дремать, но голодные боли не давали уснуть.

Нога вверх, нога вниз. Держаться стены. Не останавливаться. Идти. О том, что все мои потуги, скорее всего, останутся безнадежными, я старался не думать. Гнал от себя плохие мысли, но они возвращались с новой и новой силой.

Под подошвами сапог раздался едва слышный хруст, и я остановился. Нагнулся, пошарил у себя под ногами. Пальцы нащупали что-то маленькое, с неровными, острыми краями. Кажется, осколки костей. Кто-то, как и я, пытался пройти этим путем, но остался здесь навсегда.

Хруст, хруст. Хруст, хруст.

Этот мерзкий звук начинал меня раздражать. И смущать. Что-то в нем было не так. Я остановился.

Хруст.

Не понял... Это что еще за чудо такое?! Сделал еще несколько шагов, напряженно прислушиваясь.

Хруст. Хруст.

Остановился.

Хруст. Хруст.

Желая проверить свою догадку, я громко выкрикнул:

— Хей!

Ничего. Никакого ответного «хей» или хотя бы «эй-эй-й». Никакого козлом дранного эха, как говаривал Дядька, да пребудет он в свете. Правая рука как бы невзначай упала на рукоять ножа. Уже догадываясь, в чем тут дело, я прошел еще немного вперед.

Хруст-хруст.

Остановка и уже привычное: хруст.

Это было не эхо, а чужие шаги.

Кто-то шел следом за мной! Он старался идти в такт моим шагам и останавливался, когда останавливался я. Правда, делал это очень неумело, потому-то я его и услышал. Я весь обратился в слух, но тот, кто находился у меня за спиной, не шевелился и не издавал ни звука.

Прижавшись спиной к стене, я усиленно боролся с паникой. Главное не делать резких движений, кто знает, как мой невидимый попутчик отреагирует на размахивающего ножом человека.

С минуту ничего не происходило, а затем кто-то очень осторожно коснулся моего левого плеча. Коснулся и тут же отпрянул. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не заорать и не бросить-

ся прочь. Снова касание, теперь уже гораздо более уверенное. Я пошевелился, и вновь меня оставили в покое.

— Ступай прочь! — каркнул я не своим голосом.

Нет ответа.

Касание. Я отмахнулся, но тварь оказалась слишком проворной и отскочила, прежде чем я успел ее задеть.

— Ступай прочь! Слышишь?!

Нет ответа. И вдруг:

— Ступай прочь! Слышишь?!

Голос у того, кто стоял в темноте коридора, оказался тоненький, свистящий. Казалось, что существо пробует слова на вкус.

Тычок в грудь.

— Ступай прочь? — спросили у меня.

С этим срочно надо что-то делать. Я зашарил в сумке. Изумруды, изумруды... Полсумки изумрудов за факел! Всю сумку! Наконец пальцы нащупали один из двух стеклянных цилиндриков.

— Слышишь! — Меня ущипнули.

Да как больно! Что дальше? Гаррета попробуют на зуб?

Я закрыл глаза и бросил пузырек с волшебным эликсиром на пол. Бумкнуло, вспыхнуло. Кто-то испуганно взвыл. Остатки эликсира медленно угасали, но я мог различить нескладную, скорчившуюся словно от боли тень. Не раздумывая, я выхватил нож и, размахивая им крест-накрест, бросился вперед. Прежде чем эликсир перестал действовать, а ослепленное создание вновь обрело способность видеть, я трижды ударил гадину ножом.

С каждым моим ударом на том месте, где появлялись раны, разливалось свечение ядовито-зеленого цвета. Со страху, да еще и впопыхах я, по всей вероятности, не задел ни одного жизненно важного органа существа. Оно, шипя и истекая светящейся кровью, оттолкнуло меня от себя и со всей поспешностью бросилось во тьму.

Я перевел дух только после того, как кричащее от боли странное создание окончательно затихло где-то вдали. Клинок до самой рукояти заляпан кровью, да и на полу ядовито-зеленых фосфоресцирующих пятен осталось предостаточно.

Кровь оказалась странной, но в данном конкретном случае мне на это было начхать, главное, что благодаря ей у меня появился свет. Клинок лучился. Вытянув руку с ножом вперед, я направился дальше, очень надеясь, что в округе больше нет никаких страшилищ.

Кости перестали хрустеть под сапогами ярдов через пятьдесят. Как назло, тварь убежала вперед по коридору, и меня совершенно не грела мысль о повторной встрече. Мерзкая вражина истекала кровью, и теперь на полу пролегла дорожка из ярко-зеленых пятен. Эдакая путеводная ниточка сквозь мрак. Сейчас я шел достаточно

быстро и уверенно (если сравнивать с моим недавним ползаньем во тьме).

Вот только кровь на ноже начала засыхать и терять свои волшебные свойства. Еще с пяток минут — и вновь окажусь в темноте. Я прибавил ходу, и прежде чем зеленая кровь окончательно погасла, впереди забрезжила еле заметная искорка света. Кажется, мне все же удастся выбраться из темноты.

Воспрянув духом, я двинулся навстречу желтой искорке. От нее отделился маленький огонечек, дернулся и скрылся из виду. Тут-то меня и осенило, что я вижу свет отнюдь не факелов или фонарей.

То, что один из светлячков двинулся, вселяло в меня очень большие опасения. Я так некстати вспомнил о птицемедведях и их светильниках — черепах. Это местечко вполне в их духе и очень им подходит. Но искорка, от которой отделился огонек, оставалась недвижима, и после недолгих уговоров себя любимого я продолжил путь.

Проклятый коридор остался за спиной, и я очутился в... наверное, это была пещера. Я попросту не мог оценить ее настоящих размеров. Здесь дул самый настоящий ветер. Здесь пахло землей, свежей весенней травой и грибами.

Шляпки грибов, походившие на огромные купола соборов, источали ровный желтый свет. Он озарял все вокруг на два десятка ярдов, и я прекрасно видел росшую в пещере траву и тропинку, уходящую куда-то во мрак. Также я видел то, что осталось от твари, напавшей на меня в коридоре,— тело без головы, двух рук и одной ноги. Вокруг трупа копошилось четыре... хм... ну можно сказать, что муравья.

По крайней мере, на муравьев эти создания походили больше всего. Правда, на земле вряд ли встретишь муравчиков с руку величиной, да еще и совершенно белого цвета, словно они все извалялись в муке. Шесть ног, отчаянно пляшущие усики на вытянутой голове, здоровенные жвалы и отсутствие всякого намека на глаза. Муравьишки деловито суетились возле трупа. Вот один из них отпилил (или откусил) ногу твари и потащил куда-то в глубь пещеры.

Деловые ребята.

На меня они не обращали никакого внимания и вроде даже не собирались нападать, что мою особу, как человека мирного и отнюдь не злого, несказанно обрадовало. Я обошел бригаду насекомых-переростков сторонкой и направился к странным грибам. На одной из грибных шляпок сидел муравей. Я остановился, не решаясь приближаться. Сагот знает, что учудит насекомое, если оторвется от своего занятия и почует меня.

Муравчик между тем отгрыз от уже изрядно подпорченной грибной шляпки кусок и, перебравшись на ножку гриба, пополз к полу, сжимая вожделенную добычу челюстями. Я подождал, покуда муравей с едой-фонариком-добычей скроется из виду, и только после этого пошел к грибочку. Чем я хуже муравья? Мне тоже следует отрезать небольшой фонарик для собственных нужд.

Не тут-то было. Откуда ни возьмись появившийся муравей преградил мне дорогу. Этот парень был не рабочим, а воином, о чем говорили и его размеры (на локоть больше своих собратьев), и здоровеннейшие жвалы (такие без труда перекусят ногу). Я помахал рукой, стараясь привлечь его внимание. Никакого эффекта, лишь усики дернулись. Я сделал шаг к муравью, тот в ответ раздраженно щелкнул жвалами. Понятно. К грибу меня не пустят.

— Будь у меня арбалет, ты бы вел себя приличнее.

И на это стражник никак не прореагировал. Чего со мной разговаривать, если арбалета у меня нет?

К этому времени муравьишки-трудяги уже добыли по достойному куску из тела коридорной твари и уползли вместе с добычей, оставив на травке какие-то жалкие ошметки. Попробуем по-иному.

Я подцепил ножом самый большой из ошметков и бросил его под ноги стражнику. Тот подозрительно пошевелил усиками, осторожно исследовал и, видимо оставшись довольным подношением, без всяких возражений пропустил меня к грибу. Я отрезал от него кусок размером с кулак и, оставив муравья сторожить мясо до прихода кого-нибудь из рабочих, пошел по тропинке.

Света от гриба было даже больше, чем от «огонька», и после томительно длинного коридора, соединяющего зал с Подземным озером и этой пещерой, он был попросту подарком богов.

Тропка оказалась такой же прямой, как извилина доралиссца. Никаких перекрестков, никаких ответвлений. Знай себе иди и ни о чем не думай. Ха! Легко сказать — ни о чем не думай!

А еда? Помилуй меня Сагот! Сейчас я был готов умять целого быка, фаршированного тремя баранами, которые в свою очередь должны быть фаршированы перепелами, или чем там полагается фаршировать такие блюда? В общем, если до кого не дошло, я очень хотел жрать. От куска гриба, находящегося в моей руке, исходил дивный дух, и я то и дело глотал слюну, чтобы не захлебнуться и не погибнуть смертью храбрых. Или смертью голодных. Но отведать гриб не позволял пока еще не полностью обезумевший от голода рассудок. Во-первых, я не шаман гоблинов, чтобы жрать сырые грибы, а после создавать всякие безумные книги предсказаний. Во-вторых, я не хочу корчиться на травке в предсмертных конвульсиях, если вдруг гриб окажется всего лишь ядовитой поганкой. Так что

приходилось стоически бороться с самим собой, чтобы не отбросить все опасения и не начать лопать источник освещения.

Гроздь грибов, на которую я наткнулся при выходе из коридора, в пещере оказалась не единственной. То и дело взгляд натыкался на новые островки света. Естественно, каждый гриб находился на учете и охранялся одним, а то и двумя стражниками-муравьями.

Чем дальше я уходил в глубь пещеры, тем больше муравьев попадалось мне на пути. В основном это были снующие по своим делам рабочие, но иногда приходилось встречаться со стражниками. Эти тоже не обращали на меня никакого внимания, надо было всего лишь не делать резких движений и не подходить к воинам близко. Рабочие суетились, как видно, на благо своего муравейника. Одни куда-то спешили, другие кормили стражников, запихивая неаппетитные комки черного цвета в широко раззявленные жвалы. Третьи тащили камни, кусочки грибов, палки (откуда они здесь взялись?) и тьма знает что еще.

Один раз пришлось остановиться и ждать, покуда две дюжины рабочих перегонят стадо махоньких (не больше моей ладони) беленьких жучков. Тля. Я сделал шаг вперед и тут же отскочил в сторону, так как один из рабочих повернулся ко мне задницей и выдал едкую и вонючую струю какой-то жидкости. По счастью, муравей промазал, но на запах сбежались все окрестные вояки и взяли меня в кольцо.

Я стоял ни жив ни мертв до той поры, пока стадо и пастухи не скрылись во мраке пещеры. Только после этого кольцо муравьев-воинов распалось, и меня пропустили, напоследок предупреждающе щелкнув жвалами.

После этого случая я унял свое любопытство и перестал приставать к насекомым. Зачем провоцировать здешних обитателей, особенно если учесть, что, коли им придет в голову разрезать меня на кусочки, не отвертишься? Повалят и затопчут. Против такого количества не спасет никакое оружие.

Но мне все же пришлось нарушить свой зарок и подступиться к муравьям и их собственности вплотную. Это случилось уже после того, как количество попадавшихся мне здешних обитателей заметно уменьшилось, и теперь в минуту я встречал от силы двух-трех насекомых, а не пятьдесят, как это было раньше.

Свет гриба вырвал из тьмы следующую картину: возле тропинки росли низенькие колючие кусты и вокруг них ползала парочка муравьев-рабочих. Ребята срывали с веток темно-зеленые плоды, каждый из которых размером мог поспорить с яблоком. Я дождался, пока парни насытятся и уползут восвояси, огляделся и, не заметив присутствия стражников, начал срывать плоды и запихивать их в сумку,

трезво рассудив, что, раз от этих яблок не дохнут насекомые, значит, и я не помру... наверное. Длиннющие шипы на ветках кололи руки даже сквозь кожу перчаток, я морщился, шипел, но причинять ущерб муравьиному хозяйству не переставал и успокоился только тогда, когда сумка оказалась набитой под завязку. Как только это произошло, я быстренько свалил, пока муравьи не застали меня на месте преступления.

Все же потребовалось большое мужество, чтобы решиться попробовать плод. Сверху он был покрыт плотной кожурой, и пришлось поработать ножом. Ноздри защекотал аромат сливы и малины. Желудок призывно заурчал. Я откусил кусочек и опомнился лишь после того, как умял четыре плода. Удивительно, но голод исчез, будто я слопал целого жареного гуся. Если фрукты все же окажутся ядовитыми и я помру, то помру сытым.

Сразу же стало веселее. Я даже приободрился, и дальнейшая дорога перестала казаться тоскливой и бесконечной. Минут через сорок Пещера муравьев, как я стал называть это место, осталась позади. По широким ступеням я поднялся в следующую пещеру. Колонны здесь напоминали зубы дракона, и казалось, что я нахожусь где-то в середине пасти огромного чудовища.

Гриб светил исправно, тропка и не думала никуда исчезать, так что без всяких проблем и неожиданных неприятностей Гаррет-тень добрался до конечной цели своего путешествия.

Колонны-клыки прянули в сторону, открывая мне вход в довольно маленькую пещерку. Тропка разветвлялась на восемь частей, ведущих в восемь коридоров. Туда мне не надо, мое путешествие по Ярусу меж ярусов, если верить словам Посланника, закончится здесь.

В стенах была уйма дверей, отлитых из бронзы, которая под гнетом времен давно уже стала темно-зеленого цвета. Массивные ручки из того же сплава, и никакого намека на замок или засов.

Я сошел с тропы и по мягкой траве дошел до ближайшей двери. Я нашел на ней то, что нужно, хотя пришлось изрядно повозиться. Маленький синенький кружок в нижнем углу. Теперь остается найти дверь с красным треугольником, помолиться Саготу и войти на восьмой ярус. Я пошел вдоль дверей, ища нужную метку.

Зеленый кружок, желтый квадратик, красный квадратик, черный ромб, пурпурный кружок, треугольник, но вот только оранжевый. Я проходил мимо дверей, на которых были начертаны кружочки, квадратики и ромбики всех цветов и расцветок. Среди них не было лишь красного треугольника. Наконец последняя дверь, круг завершен. На ней — зеленая линия.

Неужели я пропустил нужную мне фигурку? А может, такой метки попросту нет? Может, это такая веселая шутка Посланника? Следует еще раз внимательно проверить значки. А вдруг я все же просто пропустил метку?

Первая дверь. На ней красный кружочек.

Брр! Что такое? Я точно помню, что раньше здесь был кружок синего цвета! Следующая дверь, и теперь вместо зеленого кружка белый ромб. Следующая дверь — вместо желтого квадратика коричневый треугольник. Стоило сделать круг, и все метки изменились.

Спокойствие, Гаррет! Сейчас не время удивляться чудесам. Я вновь исследовал все двери и вновь не нашел то, что мне нужно. Все что угодно, выбор фигур и расцветок, как на Большом Рынке в Ранненге, вот только махонький красный треугольник словно корова слизала.

Третий круг. Первая дверь. Зеленый квадрат. Сколько же это будет продолжаться? Спокойно, Гаррет, спокойно. Нет повода для паники. Будем ходить по кругу столько, сколько нужно. Будем рассматривать двери, пока не найдем искомую. Ненароком касаюсь рукой холодной бронзы и тут же отскакиваю назад.

На какое-то мгновение дверь стала прозрачной. Я видел то, что было за ней! Не могу преодолеть любопытства и вновь прижимаю ладонь к металлу. Пару секунд ничего не происходит, затем по металлу пробегает мелкая рябь и дверь становится призрачной.

Я вижу перед собой Створки.

Подхожу к следующей двери. Кладу руку.

Огромный ярко освещенный зал заполнен грудами алмазов. Не знаю, где в Костяных дворцах находится такое чудо, но тому, кто там окажется, несказанно повезет. Обогатится навеки.

Следую дальше, смотрю сквозь двери, не забывая искать красный треугольник. Десятки безликих залов всех ярусов. После Створок я не увидел ни одного мало-мальски знакомого места. За то время, что я переходил от двери к двери, возникало столько различных картин Храд Спайна, что в голове была самая настоящая куча-мала. Запомнился лишь скелет, бродивший по какому-то холлу из угла в угол, и багровые искры в каком-то зале. Представьте себе полный, кромешный бархат ночи, на фоне которого рассыпаются очень далекие багровые искорки, так похожие на огненные снежинки мира Хаоса. Не сомневаюсь, что эта дверь вела на один из самых глубоких ярусов Костяных дворцов.

Еще одна дверь. Прикладываю руку. Громко охаю от неожиданности. Там ночь. Силы месяца едва хватает, чтобы осветить поляну, окруженную величественными златолистами. Недалеко от спуска в Храд Спайн горит маленький огонек. Его робкое трепетанье про-

буждает в сердце странную тоску. Возле костра лежат воины. Все спят, и лишь фигура часового застыла на самой границе света огня и ночи. Страж пошевелился, и я узнал Угря.

Вот он шанс! Вот она возможность прямо сейчас вырваться из Храд Спайна! Стоит лишь открыть дверь, шагнуть, и я окажусь на свободе. И не будет больше этих проклятых стен, гробниц, подземелья, страха, усталости, бесконечных кошмаров во время краткого отдыха, голода и беготни.

Послать погоню за Рогом Радуги во тьму, отправить Заказ куда подальше и забыть эти дни, словно они были одним страшным сном. Рука помимо моей воли легла на дверную ручку, и дверь совершенно легко отворилась.

В лицо пахнуло свежестью осенней ночи и дымом костра. Я вдыхал этот аромат как самый великий дар богов. Один шаг, и кошмар кончится. Всего лишь один шаг. Я приоткрыл дверь пошире, и петли тихонько скрипнули. Этого звука вполне хватило, чтобы Угорь встрепенулся и осторожно направился в мою сторону. Не знаю, видел ли он что-нибудь или просто шел на звук, но мне очень хотелось заорать и привлечь к себе его внимание.

— Посмотри направо, Гаррет,— шепнул мне Вальдер.

Его голос разрушил наваждение, и я посмотрел туда, куда он советовал. В углу двери, находившейся от меня по правую руку, был нарисован треугольник.

Красный.

Кляня почем зря всех богов вкупе с Хозяином и шутницей Судьбой, я захлопнул дверь к свободе и, сцепив руки в замок, сделал шаг назад. Меня била крупная дрожь, и немудрено! Я едва все не запорол. Чуть не сжег мосты. Проклятье! И что на меня нашло?!

— Спасибо, Вальдер.

— Я просто подумал, что тебе не захочется вновь пройти все восемь ярусов.— Он невесело усмехнулся.

— Ты правильно подумал.— Я все еще не мог прийти в себя.—Еще раз спасибо.

—Не очень-то благодари, у меня в этом деле свой интерес.

— Какой же?

— Вся моя несмерть началась из-за Рога Радуги, когда... ну ты сам знаешь, о чем я.

Я действительно знал. Это был первый из череды снов-видений.

— Вот я и тешу себя надеждой, что...— он помедлил, словно боясь испугать трепетный росточек надежды,— что, если Рог вновь окажется рядом, я смогу покинуть этот мир и упокоиться. Так что видишь, Гаррет, даже бесплотный дух ищет выгоду.

— Будем надеяться, что ты прав, Вальдер, и артефакт тебе поможет.

— Будем,— вздохнул он.

— Ты слышал наш разговор с Посланником?

— Да.

— Он говорит правду?

Недолгое молчание.

— Да. Рог Радуги — это та сила, что может нарушить равновесие.

— А Хозяин? Все, что Посланник рассказал о нем, тех существах и обо мне,— это правда?

— Не знаю.

— Но если Рог способен нарушить равновесие, быть может, не стоит...

— Возьмешь ты Рог или нет, равновесие может нарушиться. От Рога теперь ничего не зависит.

— И что же мне делать?

— Выполни Заказ и молись Саготу,— произнес Вальдер и затих.

Выполни Заказ и ни о чем не думай... Ха! Я подошел к двери с красным треугольником, набрался духу и, распахнув ее, вышел на восьмой ярус Костяных дворцов.

Глава 11
РОГ РАДУГИ

Я оказался в маленькой комнатке, где пахло старостью, пылью и свечами. Чего-чего, а уж свечей здесь было предостаточно. Вся комната заставлена подсвечниками.

Мощный металлический стол, заваленный книгами и свитками, тяжелые драпировки из темно-вишневого бархата на стенах, пол устилает потускневший от времени и чуть ли не расползающийся под ногами султанатский ковер. В дальнем углу, рядом с выходом, маленький шкаф с полками, забитыми банками и колбами. На одной из стен картина в тяжелой вычурной позолоченной раме. Теперь уже никто не разберет, что изобразил неизвестный художник,— все краски выцвели. Возле стола два сундука, окованных бронзой.

Я оглянулся назад, но двери, благодаря которой оказался в этой комнате, больше не было. Она просто-напросто растворилась в воздухе. Теперь вернуться на Ярус меж ярусов не было никакой возможности.

Подойдя к столу, я из чистого любопытства поднял крышку ближайшего сундука. Нет, сокровищ там не нашлось. Сундук оказался

доверху наполнен отборной пшеницей. Очень странный выбор. Кому могло прийти в голову тащить с первого яруса такую бесполезную вещь? Второй сундук был заполнен зерном пшеницы наполовину.

Я в раздражении захлопнул крышку и обратил внимание на стол с книгами и пожелтевшими свитками, покрытыми толстенным слоем пыли. Я даже не собирался их трогать, но невесть с чего решивший заговорить Вальдер произнес:

— Подожди. Подойди к ним.

Я подошел к столу и взял первую попавшуюся книгу.

— Не понимаю эти загогулины,— и без всякого интереса посмотрел на обложку.

— Я понимаю. Это старый орочий. Магическая книга. Она бесценна.

Ну, может, она и бесценна, но я не собираюсь переть ее наружу. Книжка была тяжелее, чем объевшийся черешни Кли-кли.

— Возьми вон ту, с железной обложкой.

Я разгреб свитки, взметнув целое облако пыли, и выудил требуемую Вальдером книгу. Размером книженция была чуть больше ладони и толщиной в два пальца. На железной обложке гномья письменность.

— Малая книга заклинаний гномов.

Мне показалось или в голосе Вальдера послышалось благоговение? Впрочем, было чему удивляться! Все книги гномов запрятаны в Зам-да-Морте, и к ним нет доступа ни гномам (карлики к своим горам бывших родственничков не подпустят на пушечный выстрел), ни карликам (которые так и не смогли разгадать, как открывается магическая сокровищница).

Поэтому то, что я сейчас держал в руках, представляло огромнейшую ценность для обеих рас. Я повертел в руках книжку и осторожно положил на место. Брать я ее с собой не собирался, впрочем, как и извещать Халласа и Делера о своей находке. Ни к чему это. Махонькая книжечка в железном переплете вполне могла разжечь пожар, который окончится новой битвой на поле Сорна. Пусть книга как лежала, так и лежит в этой комнате. Во всяком случае, я не буду тем, кто развяжет очередное смертоубийство между карликами и гномами.

— Тебя что-нибудь еще интересует, Вальдер?

Нет ответа.

Я пожал плечами и двинулся к выходу из комнаты. Пора брать Рог Радуги и улепетывать из этих негостеприимных мест.

Раскатал губу! «Брать Рог Радуги»! До этой дудки еще надо добраться! А добраться оказалось не так-то и просто!

Выйдя из комнаты-библиотеки, я попал в широкий не то коридор, не то зал. Как и на шестом ярусе, здесь царил полумрак и густая тень. Восковые факелы трещали и пытались осветить подземные дворцы, но силенок на это у них, увы, не хватало. Вокруг вроде все тихо, но я не забывал об осторожности и ежеминутно останавливался и прислушивался. Ничего такого ужасного или таинственного, хвала Саготу, не было. На восьмом ярусе оказалось прохладно, постоянные сквозняки из боковых коридоров пробирали до костей.

У меня не было карт, но, помня слова Посланника, я шел только вперед и никуда не сворачивал. Конечно, глупо доверять слуге Хозяина, но пока все его слова были правдой, и я не считал, что импровизация — самый лучший выход из неприятной ситуации, в которой я оказался благодаря потере путеводных карт.

Через полчаса ходьбы факелы на стенах стали реже, а потом и совсем исчезли, и вновь пришлось доставать грибок-огонек. Череда залов с рядами массивных приземистых колонн вдоль стен, сводчатыми потолками и четко выраженными контрфорсами. От архитектуры так и веяло грубой небрежностью и поспешностью, хотя я уверен, что залы создавали орки и эльфы. Вот только сделали все Молодые расы абы как, на скорую руку, словно им не терпелось как можно быстрее уйти отсюда. Собственно говоря, вполне здравое желание для любого разумного существа, правда, в чем тут дело, я понял только спустя минут сорок с того момента, как последний факел остался у меня за спиной.

Свет моего грибка вырвал из мрака необъятного зала достаточно интересную картину. Этого не нарисует даже умалишенный из больницы Десяти мучеников. Ему просто в голову не придет, что такое может существовать.

Признаюсь честно: мурашки по спине забегали, во рту пересохло, и язык прилип к небу. Не каждый день «повезет» лицезреть эпизод из действия, которым нас так часто пугают жрецы (это я про их истории о приходе тьмы на Сиалу и тому подобных сказках). В общем, прямо передо мной высилась девятиярдовая стена. В принципе ничего особенного, если не обращать внимания на то, что вместо кирпичей строители использовали человеческие черепа.

Тысячи тысяч смотрели на меня темными провалами глазниц, тысячи тысяч скалили зубы в сардонических усмешках, тысячи тысяч сияли ослепительной белизной.

Тысячи тысяч? Или больше? Сколько черепов пошло на то, чтобы создать такую стену? Это была страшная и вместе с тем завораживающая картина. Жуткая красота и нереальность происходяще-

го. Кто и каким образом создал это? Зачем? И где он нарыл такую гору человеческих черепов? И не окажется ли моя башка еще одним кирпичиком в страшной стене?

Стена полностью перегораживала мое дальнейшее продвижение. Я прошелся вдоль нее, но уперся в стену зала. Пошел в обратном направлении и обнаружил проход в виде арки, свод которой был выложен ребрами. Я проскочил через арку и...

Вот вам и «и»! Теперь-то я уверен, что Костяные дворцы получили свое название благодаря этому месту. Передо мной лежал склад, хранилище, коллекция, сокровищница человеческих костей! Груды останков и остовов, некогда бывших людьми.

Такое не могло присниться даже в самом страшном сне. Стены зала выложены черепами, потолок — скрещенными между собой ребрами и лопатками, огромные люстры состояли из целых ярдов позвоночных столбов, реберных решеток и черепов, внутри которых горел магический огонь, прекрасно освещающий Костяные залы.

Я шел мимо этих останков и, бросая взгляды на кости, ежился, словно от холода. Не очень-то приятно ходить по гигантской открытой могиле-складу человеческих смертей. Явственно веяло жутью. Казалось, что души тех, кого так и не удосужились похоронить за прошедшие столетия, смотрят на меня через темные провалы глазниц.

Среди залежей костей ни одного целого скелета. Тот, кто собрал экспонаты для огромного и страшного музея, не жалея времени, позаботился о том, чтобы разодрать остовы и рассортировать кости. Вдоль стен теснились (громоздились, лежали, вздымались, высились) кучи различных костей. Отдельно лежали позвонки, отдельно ребра, тазовые кости, нижние челюсти, большие и малые берцовые, плечевые, локтевые, лучевые кости, фаланги пальцев, были даже залежи зубов.

Меж груд костей (некоторые достигали высоты шести с лишним ярдов) петляла вполне приличная дорожка. Я шел по ней, стараясь не очень-то разевать рот и в особенности не смотреть на черепа. Тысячи тысяч глазниц буравили меня взглядами. Во мне бурлил совершенно детский страх. Ходить меж гор останков, молча внимающих вечности и всему живому,— это ли не вселенский ужас?

А затем начались пирамиды. Как и следовало ожидать, в их постройке тоже использовались черепа несчастных покойников. Каждое такое сооружение вздымалось на высоту десяти с лишним ярдов. Отстроено словно по линейке, черепа идеально подогнаны друг к другу. Думаю, что в каждой такой пирамидке было использовано несколько тысяч голов мертвецов. В каждом строении — темный

треугольный провал-ниша. Не знаю, кой тьмы его делали, лично я ни за какие коврижки туда не полезу.

Отдаленный звон я услышал после того, как миновал восьмую пирамиду. Создавалось впечатление, что кто-то повесил на себя цепи и насыпал в карманы мелких монеток.

Звонг, звонг. Звонг, звонг.

Шаги неизвестного приближались, и я заметался, ища, куда бы спрятаться. Вот так всегда бывает — никогда не стоит зарекаться. Видать, Сагот меня услышал и решил пошутить, потому как единственное место, где сейчас можно спрятаться,— ниша в пирамиде. Раздумывать некогда, вот-вот неизвестный звонарь окажется рядом, и тогда тьма знает что случится. У меня только нож, и веры в свою способность отбиться от неизвестно чего не так уж и много.

Ниша оказалась достаточно просторной, и я без всяких помех в ней поместился. Гриб пришлось убрать в сумку, свет выдавал мое присутствие. Мир вокруг меня погрузился во мрак.

Звонг, звонг — шаги все ближе и ближе.

Внезапно из тьмы проступили стены пирамиды, находящейся как раз напротив меня. Неизвестный звонарь нес факел. А затем я увидел этого парня. Как я и предполагал, ни цепей, ни денег в карманах (из-за отсутствия последних) у создания не имелось. Просто каждый его шаг по полу превращался в звон. Звонарь оказался из многочисленной породы неспокойных покойников. Во всяком случае, лицо у него было мумифицировано и высохло, словно изюм, нос отсутствовал напрочь, щеки вырваны, и сквозь дыры видны зубы. Глаза черные, агатовые, мертвые. Как у Басса.

На твари был колпак придворного дурачка, правда, вместо бубенцов на нем висели миниатюрные золотые черепа. В левой руке создание держало факел, а в правой кистень. Видок у Звонаря был одновременно и страшный, и нелепый до невозможности.

Я сидел в своем убежище, словно мышка. Звонарь продолжил осмотр вверенной ему территории и канул во тьму. Я дождался, когда стихнут его шаги, и вылез из пирамиды. Надо как можно быстрее миновать Костяные залы, иначе нарвусь на неприятности. Нож супротив кистеня — не самое эффективное оружие.

Вновь заслышав звон, я, уже не раздумывая, забрался в очередную пирамиду, и покойник опять меня не заметил. Еще четырежды мне приходилось прятаться от патрулирующих Костяные залы созданий.

Кости, горами сваленные вдоль стен, уже как-то перестали смущать и пугать, не до того мне было. Теперь у Гаррета-тени лишь одна забота — не нарваться на Звонарей.

Костяные пирамиды прянули в стороны, и я очутился... Наверное, это можно было назвать площадью. Совершенно свободное пространство без всякого намека на кости. Грибок-огонек давал немного света, поэтому пришлось идти вперед наугад, надеясь, что поблизости никого нет. В самом центре площади находилась статуя.

Мне довелось лицезреть саму Смерть. Она казалась вырезанной из единого куска кости, по своей структуре и ослепительной жемчужной белизне очень напоминающей бивень мамонта.

Смерть сидела на массивном троне, сложенном из человеческих костей. Ее босые ноги опирались на огромный череп, который, как и статуя с костяным троном, тоже являлся частью монументальной скульптуры.

Смерть была облачена в простенькое платье без рукавов, более приличествующее обычной крестьянке, идущей на местный праздник сбора урожая, а не Королеве Жизней и Судеб. Лицо скрыто под полумаской-черепом, и для стороннего наблюдателя остаются видны только полные губы (сейчас крепко сжатые и напряженные) и идеальный подбородок. Пышные белесые волосы рассыпаны по обнаженным плечам.

Мастерство скульптора не вызывает никаких сомнений, волосы кажутся настоящими, фигура — почти что живой. Обычно в храмах служанку Сагры — Смерть всегда изображают с оружием (косой или серпом на длинном древке-посохе), здесь же ничего такого не было. В руках женщина держала букетик цветов. Изящные длинные пальцы аккуратно сжимают нежные бледные нарциссы — символ смерти и забвения. Но больше всего меня поразили ее глаза, а точнее, их отсутствие (ведь всем известно, что Смерть слепа, но никогда не ошибается в своем выборе).

Два темных провала в маске-черепе, казалось, наблюдали лишь за мной одним, словно говоря, что недалек тот срок, когда и мои кости окажутся рассортированными в залах восьмого яруса. Не могу сказать, что мне было уж очень страшно. Смерть никогда не пугает тех, за кем приходит. Зачем пугаться? Мы в любом случае окажемся ее призом. Сколько бы мы ни поганили воздух, конец всегда один — ее приход. С нарциссами или с косой, не суть важно. Даже бессмертные, даже боги в конечном итоге будут ее, это всего лишь вопрос времени, а Смерть умеет ждать. Вечность научила ее терпению, и рано или поздно все попадут под ее всевидящий и в то же время незрячий взгляд.

Ох уж эти глазницы! Не знаю, кто посмел создать статую, не знаю, кому удалось изобразить ее настолько живой, но это был, несомненно, один из Величайших Мастеров Сиалы. Черные провалы полумаски-черепа действительно оказались всевидящими. Куда бы

я ни отходил, создавалось явственное ощущение, что она за мной наблюдает. Не с угрозой, а так... с затаенным интересом, пожалуй.

Вновь послышался приближающийся звон шагов, и я, кинув прощальный взгляд на Смерть, бросился прочь, очень надеясь, что еще не скоро наши дороги с Хозяйкой Жизней пересекутся и мы встретимся с ней лишь на самом последнем перекрестке.

Хозяйка Жизней? Последний перекресток? Откуда я знаю эти названия? То ли память Вальдера шалит, то ли это знания Танцующего с тенями.

Я добрел до стены черепов, нашел арку, прошел сквозь нее и очутился в обычных подземных чертогах-могильниках.

Сон был наводнен кошмарами, словно исилийский каравай, набитый изюмом. Мне снилась Смерть, снилось, что она возвышается надо мной, снилось, что ветер Хаоса развевает ее белые волосы и льняное платье, словно желает сорвать его. Снилось, что она наклоняется, собираясь положить к моим ногам букет нарциссов, словно говоря, что я принадлежу только ей. Снилось, как снежный буран, состоящий из жгучего вихря и багровых огненных снежинок, вырывает цветы из ее рук, уносит прочь, а затем срывает с лица Смерти полумаску-череп. Она закрывается руками и отворачивается, прежде чем я могу рассмотреть ее лицо.

— Не время,— шепчет ветер Хаоса, развевая гриву ее бесподобных волос.

— Не время,— мурлыкают огненные снежинки, закручиваясь вокруг Смерти в искрящемся танце.

— Уходи, он нужен нашему миру,— просит непреклонную Королеву невесть откуда появившееся багровое пламя.

— За все надо платить. Вы согласны? — Ее голос необычайно молод и звонок.

— Он наш,— хором отвечают три тени.— Мы заплатим.

Та кивает и отступает в сторону, давая теням дорогу, а затем исчезает. Смерть терпелива. Она умеет ждать.

Просыпаюсь. Долго вглядываюсь в темноту у своих ног, боясь увидеть бледные и раздавленные вихрем нарциссы. Боюсь услышать рев багрового пламени и ветра мира Хаоса. Страшусь встречи с тенями.

Сон. Это всего лишь сон, наполненный чередой бессмысленных кошмаров. Но Сагот, до чего же все было реально! Встаю, на ходу запихивая в рот один из плодов, добытых в Пещере муравьев. Делаю несколько шагов и замираю. По телу веселыми волнами разбегаются мурашки.

Одиноко блестя в свете грибка-огонька, на полу лежит махонький золотой череп. Бубенчик с колпака Звонаря. Пока я спал, тварь стояла в двух шагах от меня, но не убила, а ушла обратно. Но зачем было оставлять на полу эту изящную безделушку? Намек? Предупреждение о том, что Смерть помнит обо мне? Что сон — это не совсем сон и все, что я увидел в последнем кошмаре, сущая правда?

Х'сан'кор его знает! Даже не берусь предполагать, для чего мне оставили череп, но уж точно — брать я его не буду. Я обошел лежащий на полу бубенчик и углубился в переплетение залов восьмого яруса.

За все три с половиной часа пути я не встретил ничего опасного и ужасного. Я все так же придерживался совета Посланника и шел только вперед, по центральному холлу яруса, никуда не сворачивая. Вскоре в залах вновь появились факелы, нужда в грибке-огоньке отпала, и я убрал его в сумку.

Архитектура залов восьмого уровня вновь кардинально изменилась. Грубость и небрежность гранита канули во тьму, уступив место удивительной четкости и изяществу серебра и мрачному спокойствию черного мрамора. Каждый зал был сокровищницей, серебра здесь хватило бы на пяток замков.

Прекрасные серебряные вставки в черном мраморе колонн, изумительной красоты скобы для факелов, балконы второго уровня, сложенные из тончайших мраморных плит, перевитых серебряными нитями, из одного зала в другой вели распахнутые настежь двери, изготовленные из лучшей древесины Сиалы — заграбского дуба и златолистов. Мощные дверные петли из драгоценного металла, искусные дверные ручки, изображающие каких-то неведомых мне животных. На каждой двери рисунки, выполненные с применением серебряной краски. В основном чести быть увековеченными удостоились деревья и, как это ни странно для культур орков и эльфов,— боги. Вот только эти боги очень походили на людей и не вызывали того благоговейного трепета, что возникает у некоторых обывателей, приходящих в храмы или в Собор Авендума.

Пожалуй, Серебряные залы ничем не уступали ало-черным дворцам четвертого яруса.

Центральный холл поворачивал под прямым углом налево. В общем-то в этом ничего такого уж страшного не было, если не вспоминать совет Посланника все время идти только прямо и никуда не сворачивать.

Так что если следовать логике, то мне надо идти дальше по коридору и не забивать себе голову всякими глупостями, а если посту-

пать как прежде, то... то мне вон в ту махонькую серебряную дверь, что спрятана меж двух мраморных выступов.

Никаких замочных скважин или тому подобной людской чепухи я не заметил. Если в двери секретный замок и если его создавали эльфы или орки, то мне придется очень и очень сильно потрудиться, а в итоге надежда на то, что я ее открою, все равно останется очень маленькой.

Я осмотрел ее с безопасного расстояния. Нечего лапать то, что внушает тебе смутные опасения,— это одно из главных правил мастера-вора. Лучше уж все основательно изучить, а затем уж лезть руками в гномью топку.

Я увидел между мраморной стеной и дверью зазор толщиной не больше волоса. Словом, только я ткнул пальцем в дверцу, как она не преминула отвориться.

Сразу за ней начинался узкий коридор с очень низким потолком. Пламя в махоньких лампадках, находящихся в не менее махоньких стенных нишах, трепетало, словно раненый мотылек. Идти пришлось скрючившись, потолок нависал прямо надо мной, и создавалось впечатление, что делали сей проход для низкорослых карликов, гномов и гоблинов, а уж никак не для людей, орков и эльфов.

На мое счастье, коридор оказался не слишком длинным, и, пройдя несколько десятков шагов, я уперся в очередную серебряную дверь. Эта дверь тоже оказалась незапертой. Открываю, позабыв об осторожности, нагло вхожу в просторный зал, и замираю.

Как там у нас говорится в путеводном стишке?

Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,
И только один не умрет под мечами,
Один, что сам тени стал ближе, чем брат.

Что же, это четверостишие вполне соответствовало тому, что я увидел в зале. Прижимаясь к стенам в тенях, падающих от квадратных колонн, зазубренным ломаным строем друг против друга стояли орки и эльфы. Вот только Кли-кли утверждает, что строки изменены и в знаменитой Книге Пророчеств гоблинов Бруг-грук это звучит иначе:

Измучены жаждой и прокляты тьмой,
Немертвые грешники кару несут,
И только один не умрет под клыками,
Один, что с тенями танцует, как брат.

Вот уж не знаю, кто из милордов стихоплетов прав и чьи стишки более верны. Во всяком случае, и первая, и вторая версия откровенно предупреждает, что если забыть об осторожности, то можно враз распрощаться с ушами.

Орки с эльфами продолжали стоять вдоль стен и сверлить друг друга глазами. Я осмелился войти и с безопасного расстояния принялся изучать фигуры. Как оказалось, это были скульптуры воинов. Сделаны в натуральную величину, все в доспехах, все с оружием. Такое впечатление, что еще несколько секунд — и статуи оживут и набросятся друг на друга.

Колонны, проходящие по центру зала, излучали серебристый свет, но возле стен властвовала густая тень, и от этого большинство статуй выглядело зловеще. Помня, что в Храд Спайне иногда оживает то, что никак не должно оживать, через помещение я пошел с изрядной опаской.

Статуй в необъятном зале насчитывалось несколько тысяч. Кто-то излишне усердный умудрился сварганить целую армию. Надо ли говорить, что фигуры не были одинаковыми и совершенно не походили друг на друга?

У каждого эльфа свое лицо, своя поза, броня, оружие. Поначалу мне показалось, что скульптуры стоят хаотично, и только спустя какое-то время стало понятно, что это строй. Сложный и в то же время весьма эффективный.

Впереди эльфы в тяжелой броне, с очень широкими с'кашами, насаженными на длинное древко, за ними лучники в легких кольчугах. За лучниками три ряда мечников, сохраняющих промежутки, чтобы в случае чего лучникам было куда отступать.

Подняв копья и закрывшись от возможной опасности тяжелыми вытянутыми щитами, напротив эльфов застыли орки. У них тоже были лучники, мечники и ребята с мощными двуручными топорами. Я же говорю — целая армия.

Я прошел мимо рядов каменного воинства, и никто, ни одна из статуй даже не подумала пошевелиться и накромсать из меня бифштексов. Войдя в следующий зал, остановился и перевел дух.

Казалось, что боги хлопнули в ладоши и остановили время в самой середине кипящей битвы. Зазубренный строй распался, теперь статуи орков и эльфов оказались перемешаны. Первые и Вторые дрались между собой по всему залу. Скульптурная композиция боя просто продирала до печенок.

Множество эльфов и орков уже лежало на полу. Кто со стрелой, застрявшей в смотровой щели шлема или между сочленением доспеха, кто в разрубленной кольчуге, кто с копьем в животе, кто с отрубленной рукой, кто распрощался с головой.

Прямо передо мной застыл орк, вбивающий копье в эльфа, пытающегося встать с земли. Чуть дальше в жестокой схватке сошлись ятаганы и с'каши двух десятков непримиримых врагов. Я шел мимо застывшей битвы, обходил бойцов и смотрел.

Вот оскалившийся орк закрывает щитом упавшего товарища и не замечает, что эльф, вооруженный орочьим топором, находится у него за спиной. Вот Второй пытается удержаться в седле, а Первый схватил лошадь за уздечку и уже готовится перерубить ятаганом эльфийскую ногу. Вот эльф и орк, лежащие на полу, сплелись в клубке смерти, и каждый из бойцов пытается удержать руку другого и в то же время поразить противника своим кинжалом.

Иду дальше, позабыв о всякой осторожности, смотрю на статуи словно завороженный. Жду, когда застывшее время оттает, жду, когда по подземелью разнесется рев, звон оружия и крики сражающихся.

Вот в самом центре зала немногочисленный отряд Первых, выстроив с помощью копий кругового «ежа», пытается сдержать эльфийских всадников. Вот эльфы выпустили стрелы в десяток напавших на них орков и тянутся к колчанам за новыми смертями. Шестеро Первых, несмотря на кольчуги, остались лежать на полу, но четверо, один из которых ранен стрелой в ногу, продолжают бежать к врагам. Интересно, если бы бой был настоящим, они бы успели добежать до Вторых до того, как лучники дадут новый залп?

Иду вперед.

Вот эльф в отчаянии пытается закрыться рукой от падающего на него топора озверевшего орка с нашивками клана Груунских ухорезов.

Иду дальше.

Эльф поднял руки вверх, раскрытые ладони смотрят вперед. Но он и не думает сдаваться. Вокруг эльфа валяется куча орков, словно это деревья, поваленные особенно лютым ураганом. Шаман эльфов разметал отряд Первых, словно злой матерый пес, наткнувшийся на выводок слепых котят.

Иду вперед.

Орк, прикрываясь щитом, на котором изображена какая-то мифическая птица, отражает натиск троих не в меру молодых и очень ретивых эльфов. Четверо Вторых уже распрощались с жизнью, пятый с гримасой боли пытается перевязать культю, оставшуюся от правой руки.

Иду дальше.

Эльф впивается клыками в горло орку.

Дальше...

Эльф пытается удержать внутренности, вываливающиеся из распоротого живота.

Дальше...

Орк разбивает шипастой дубиной эльфу голову.

Вперед...

Эльф в упор выпускает стрелу в зазевавшегося орка.

Новая картина...

Командиры Первых и Вторых затеяли поединок на копьях, а вокруг вперемешку, забыв о вражде, стоят эльфы и орки и наблюдают за боем.

Эльф держит Первого за косу и заносит с'каш, чтобы отхряпать врагу голову.

Эльф лежит, придавленный собственной лошадью, его рука повернута под неестественным углом.

Орк, одиноко стоящий в тени, целится из лука в командира одного из эльфийских отрядов.

Иду дальше. Невесомым перышком скольжу между фигур, проскальзываю под так и не уколовшими копьями и так и не опустившимися мечами.

С интересом смотрю, как эльфы и орки пытаются справиться с невесть откуда взявшимся огром, вооруженным каменным молотом.

Мой взгляд натыкается на орку. Я впервые вижу женщину расы Первых. Она очень напоминает Миралиссу, разве что волосы забраны не в косу, а в длинный хвост. Орка вооружена двумя кривыми саблями и запечатлена скульптором во время быстрого разворота. Кривая сабля распорола эльфу горло, а вторая стремится вперед, навстречу другому противнику.

Подхожу к орке вплотную, вглядываюсь в гладкое лицо, на котором лежит печать дикой красоты и отчаяния. Не удерживаюсь, касаюсь пальцем ее щеки. Секунду ничего не происходит, а затем по щеке статуи пробегает ряд извилистых и тоненьких трещинок. Трещинки захватывают все лицо, разветвляются и множатся, частички камня начинают осыпаться, открывая настоящее лицо воительницы.

На меня пустыми глазницами смотрит череп с остатками истлевшей плоти. Вся дикая красота орки исчезла в один миг.

Только теперь я понимаю, что это не камень, а всего лишь тонкая глазурь, покрывающая некогда живые фигуры. Понимаю, что в огромных залах собраны вовсе не статуи, а некогда живые и мгновенно застывшие в вечном сне орки и эльфы, с которыми кто-то сыграл злую шутку, заставив усопших играть в не прекращающуюся уже не одно тысячелетие войну. Я больше не смотрю на битву и стремлюсь как можно быстрее покинуть залы «игрушечных солда-

тиков». Пробираюсь сквозь ряды эльфов, стараясь ни до кого не дотрагиваться, чтобы не разрушать оболочку мертвых воинов.

И все-таки интересно, была ли тут битва на самом деле? Если это действительно было, то какая же сила и магия могла враз превратить бойцов в статуи, простоявшие тысячелетия? Ответа на этот вопрос у меня конечно же не находилось, а оттого я лишь прибавил ходу, вполне разумно полагая, что свинство случается в самые неожиданные моменты и меня тоже вполне может накрыть какая-нибудь гадская магическая ловушка. Не очень-то приятно осознавать, что и тебя кто-нибудь увидит через тысячу лет вот таким вот в виде статуи «Гаррет, спешивший к Рогу Радуги, но так до него и не добравшийся».

Залы Воинов кончились так же неожиданно, как и начались. Дальше не было ни одной статуи. Что же, пожалуй, в первый раз на моей памяти ни одна строчка из четверостишия не исполнилась. Никто не собирался насаживать меня на меч или на клыки. Также осталось непонятно, почему «измучены жаждой» и «немертвые грешники». В общем-то я нисколько не расстраивался, что ничего такого сугубо неприятного не произошло, но... стих ведь до этого никогда не врал, а тут такое неожиданное расхождение между словом и делом. Может, я прошел в удобное и безопасное время?

— Точнее, кое-кто прошел раньше тебя и обезопасил дорогу,— шепнул Вальдер, и я от неожиданности вздрогнул.

— Вальдер! — прошипел я.— Ты ведь хочешь и дальше сидеть в моей башке, верно? Так будь любезен, не пугай меня так больше, иначе я умру от разрыва сердца и тебе придется искать другое пристанище!

Нет ответа.

Тут только до меня дошло, что архимаг говорил о... Кто мог пройти раньше меня и обезопасить дорогу?! Ответ напрашивался сам собой.

— Лафреса?

На этот раз он посчитал своим долгом ответить:

— Здесь ощущаются остатки Кронк-а-Мора. Кто-то усыпил этих... Возможно, она.

— Но как ей удалось?! Я же ее намного опережал!

— Откуда мне знать? — произнес архимаг и затих.

Лиха беда начало! Мне только не хватало колдуньи под носом! Как бы там ни уверял Посланник, что Хозяин больше не имеет на меня зуб, я не такой дурак, чтобы лицом к лицу встречаться с ведьмой, которая ради меня и Ключа полезла в Храд Спайн. Надо ли говорить, что пылкой любовью леди Йена ко мне вряд ли воспылала и держаться от нее следует как можно дальше?

Череда безликих, скупо освещенных залов с лестницами, ведущими в глубину Костяных дворцов. Прохожу через галерею, затем снова зал. Вхожу и, как говаривает Кли-кли,— тихо обалдеваю. Круглый зал размером ярдов в шестнадцать. Зеркальные стены, зеркальный потолок, пол скрыт от глаз тонким слоем густого молочного тумана. Странно. Очень странно.

Мир мигает, на глаза накатывает давящая волна. Мгновение — и странные ощущения пропадают. Исчезают вместе с выходом. Теперь на его месте продолжение зеркальной стены. Оборачиваюсь. Входа тоже нет. Кто-то решил замуровать меня в круглом зале.

Стараюсь не паниковать, подхожу к тому месту, где раньше был выход, касаюсь рукой зеркала в тщетной надежде оттолкнуть его в сторону и открыть проход к свободе. Как оказалось, при ближайшем рассмотрении и внимательном изучении стены зала не зеркальные, а серебряные.

Они составлены из массивных плит чистого серебра, которое долго-долго полировали речным песком, доводя до зеркального блеска. Но самое интересное состояло в том, что идеальные зеркальные стены отражали все, что есть в зале, но отчего-то забывали показывать мою воровскую персону.

Двигаюсь вдоль стены, иду по кругу, пытаюсь разгадать загадку зала, пытаюсь найти выход. Первый круг. Второй. Третий. Никакой зацепки. В зале что-то изменилось, но не могу понять что. Затем замечаю, что туман исчез и теперь пол покрывает мелкая красно-желтая мозаика.

Иду как зачарованный. Круг — и мозаика уже зелено-синяя. Круг — и она черно-белая.

Ерунда какая-то получается. Или пол безостановочно решил менять свою расцветку, или... Да нет, чушь! Хотя... Хотя вполне может быть верным вариант, что, идя все время по кругу, кружась в маленьком зеркальном зале Храд Спайна, я в то же время двигаюсь вперед. Значит ли это, что таким образом можно дойти до выхода? Видимо, да, мне, собственно говоря, больше ничего и не остается.

Еще несколько кругов — и впереди, прямо из воздуха, появляется человек. Выхватываю нож, потому как дорожка свела меня с Бледным. Он не двигается, все его внимание поглощает зеркало, напротив которого стоит наемный убийца и мелкий прихвостень Хозяина. Я окликаю его. Никакой реакции. А вдруг дражайший дружок Ролио, охотящийся за моей тушкой с самого Авендума, всего лишь притворяется и ждет момента? Нет, вроде не похоже.

Держа нож наготове, приближаюсь к заклятому врагу. Оказываюсь рядом. Он так и не пошевелился. Стоит лишь протянуть руку и

Бледный — покойник. Я так давно этого хотел, но сейчас не спешу, с удивлением смотрю на его лицо.

Он зачарованно глядит в зеркало. Я из любопытства сделал то же самое, но ничего особенного не увидел. Лишь Бледного и зал. Моего отражения все еще не было. Странное зеркало еще в одном странном и загадочном месте Храд Спайна.

Одежка у Ролио потрепанная и кое-где порванная, на роже несколько кровоподтеков. Из оружия только кинжал и несколько метательных звезд на поясе. После недолгого размышления звезды я взял себе. Хоть с этим оружием я и не в большой дружбе, но, когда карманы пусты, грех жаловаться на найденный медяк. Ни еды, ни личных вещей у убийцы не было, и я лишь разочарованно цокнул языком.

Я не стал его убивать. Не знаю, что меня остановило, но... Ну не смог я! От него сейчас не исходило никакой угрозы. Разум Ролио бродил где-то далеко-далеко, а перерезать горло безвольному телу я не обучен. Не то воспитание, и квалификацией, видно, не вышел. Так что оставил я его наедине с зеркалом в мире грез. Правда, отходя, я не поворачивался к Бледному спиной.

Когда я все же отвернулся от убийцы и сделал буквально три шага, раздались булькающие хрипы. Бледный лежал на полу, а из его рта беспрерывным алым потоком хлестала кровь. В глазах Ролио вновь пробудился разум и ужас осознания скорой смерти. Он заметил меня, попытался скривить губы в своей извечной насмешливой улыбке и умер.

Его глаза потускнели и закатились, кровь изо рта перестала хлестать и заливать одежду и пол. Я спокойно посмотрел на тело того, кого в течение последних двух месяцев так хотел отправить во тьму, и пошел своей дорогой, все равно последних слов для врага у меня не было.

Как и следовало ожидать, на следующем кругу тело Ролио и его кровь попросту исчезли. Я бросил на зеркало невольный взгляд и ошеломленно замер. Чего я не ожидал, так это того, что зеркало покажет мне...

Знакомая комната. Массивный стол, стулья с вычурными спинками и глубокое кресло возле окна, забранного фигурной деревянной решеткой. Ближайшая стена размалевана картиной на какую-то божественную тему. Стол ломится от тарелок с едой и бутылок с вином. За столом сидит человек и уплетает курицу. Он поднимает взгляд от тарелки, тянет здоровенную толстую ручищу к бокалу с вином и замечает меня.

— Эй, малыш! Чего так долго? — Фор приветливо машет мне рукой.— Заходи, пока еда не остыла, не стой на пороге!

Я в изумлении смотрю на него.

— Ну что же ты, Гаррет? Как все прошло? Не стой столбом, я как раз хотел тебе сказать, что наше дельце, кажется, принесет немалый доход и нам следует...

Отскакиваю от зеркала, как от заболевшего чумой-медянкой. Меня колотит. А Х'сан'кор! Ведь как прихватило-то! Чуть не купился! Но ведь это действительно был Фор! Старый учитель! Вот только нет его больше в Авендуме. Свалил в Гаррак сразу же после моего отъезда с отрядом. В Гарраке намного безопаснее, чем в нашей столице. Пристально всматриваюсь в зеркало, но ни комнаты, ни Фора там не вижу. Морок исчез, и серебро вновь отражает лишь зал.

Иду вперед...

Закат в ясный летний вечер — это всегда прекрасно, особенно когда находишься на высоком холме, откуда видны все окрестности. Внизу раскинулась широкая лента реки. В лучах заходящего солнца ее вода приобрела цвет расплавленной меди. На другом берегу селение — то ли большая деревня, то ли маленький городок. Ласковый летний ветер дует мне в лицо, приносит с собой запах воды, клевера и дымка от маленького костра. Слышится приглушенное расстоянием мычание стада коров, которое пастух гонит домой.

На холме растет большое раскидистое дерево, под деревом горит костерок, на нем — весело булькающий котелок. От котелка идет изумительный дух ухи. Возле костра сидят трое. Самый старший, с густой седой бородой, так похожей на свалявшуюся овечью шерсть, деловито и важно помешивает стряпню деревянной ложкой. Двое других — высокий лысый воин со шрамом, пересекающим лоб, и маленький пухленький со смешными усами, играют в кости, беззлобно переругиваясь между собой. Из-за дерева появляется четвертый. В одной руке он держит сеть, в другой — щуку.

— Хороший улов, Сурок,— одобрительно кивает лысой головой Арнх и бросает кости.

— А, Сагра! Ты опять выиграл! — Кот огорченно качает головой.— Вот невезуха так невезуха! Дядька, когда мы жрать-то будем?!

— Когда все соберутся,— недовольно бурчит в бороду десятник Диких.

— Э-э-э как ты загнул! — протянул Сурок, бросая щуку и сеть в траву.— Когда они еще к нам придут! Мы десять раз успеем проголодаться!

— Вон Гаррет уже пришел,— сообщил Арнх и встал с травы.— Ты к нам насовсем или как?

— Или как,— тупо бормочу я.

— Уху будешь, Гаррет? — Дядька пробует варево ложкой и, крякая от удовольствия, снимает котелок с огня.

— Вы же умерли,— тупо говорю я им.

— Да? — Сурок и Кот озадаченно переглядываются между собой.

— Я так живее всех живых и очень хочу жрать,— наконец отвечает Кот.— Так ты идешь?

Я отрицательно качаю головой и пячусь от костра.

— Ну раз ты не голоден, мы приступим, а ты сходи к воде за остальными, сколько их можно ждать?!

Киваю и не перестаю пятиться. Это не мое место! Это всего лишь сон! Это другой мир! Другая реальность! Здесь мои друзья живы и даже не думают умирать.

— Эй, Гаррет! Передай Халласу, что я сегодня жрачку готовить не нанимался! — Крик Дядьки настигает меня в тот момент, когда картинка в зеркале уже пропадает.

Иду вперед и вижу Лафресу. Она стоит и смотрит в зеркало ярдах в десяти от меня. Достаю нож, делаю шаг...

— Вухджааз — умный демон! — Старый знакомый вылезает из стены и хватает меня за грудки.

— Отвали! — Я бью его ножом по лапе, и от неожиданности он разжимает пальцы.

— Со мной так нельзя разговаривать,— изумленно бормочет демон, обдавая меня ароматом помойки.— Вухджааз очень умный демон!

— А Щдуырук еще умнее! — нагло говорю я ему и отступаю.

— Хш-ша? — Кажется, мне удалось его разозлить.— Иди сюда, и я высосу мозг из твоих костей!

— Смотри, кто у тебя за спиной! — ляпаю я и вытягиваю руку.

Он оборачивается, и я, воспользовавшись этим, отступаю и оказываюсь в зеркальном зале.

Лафреса отрывается от зеркала, замечает меня и прищуривает глаза. Затем делает шаг в противоположную от меня сторону и застывает перед очередной зеркальной стеной. Следую ее примеру и оказываюсь...

Лесная поляна, окруженная частоколом высоких елей. Трава черным-черна от тел эльфов. В живых только двое. Они стоят и молча смотрят на тело поверженного Х'сан'кора. Кто эти двое, рас-

смотреть не могу, лишь вижу, что это мужчина и женщина. А потом понимаю...

Делаю невольный быстрый шаг к ним. Оба услышали шелест травы и обернулись. Мужчина натянул лук, и стрела смотрит мне прямо в лицо. Золотой глаз эльфа внимательно отслеживает любое мое движение. Другого глаза нет — это старая память об орочьей стреле.

Элл.

— Что тебе надо, человек? — Голос у Миралиссы хриплый.

— Я...

— Убирайся, это наш лес! — Единственный глаз к'лиссанга сверкает.

— Зачем ты сюда пришел? — Миралисса вытирает со щеки кровь, струящуюся из ее уха.

— За Рогом Радуги.

— Рог Радуги? — Она грустно качает головой.— Слишком поздно. Теперь Рог у Первых, и даже мы ничего не можем сделать. Эльфы проиграли битву, и Листва разрушена. Тебе здесь не место.

— Хорошо,— говорю я и отступаю.

Передо мной не те эльфы, которых я знал. Эти совсем другие. Чужие.

Элл не спускает с меня своего единственного глаза и что-то говорит эльфийке на орочьем. В его словах слышится вопрос.

— Дулле,— кивает та и отворачивается, теряя ко мне всякий интерес.

«Дулле». Вроде я уже слышал это слово. Прыгаю в тот самый момент, когда эльф пускает в меня стрелу...

Падаю на пол, с ужасом смотрю в пустое зеркало. «Дулле» по-орочьи — это «стреляй». Не вспомни я слово, которое как-то говорила Миралисса Эграссе, и лежать мне со стрелой в башке. Иду дальше, спешу к все так же опережающей меня Лафресе, ожидая, какие еще сюрпризы принесут мне зеркала...

И зеркала звали, предлагали, просили, умоляли, требовали, угрожали и хотели затянуть меня в себя навсегда. Передо мной вереницей ярких картин проскальзывали лица тех, кого я знал, лица тех, кого я когда-нибудь узнаю, и тех, кого я так никогда и не увижу.

— Гаррет! Иди сюда!

— Гаррет, иди к нам!

— Умри!

— Чего тебе стоит остановиться?!

— Заходи, ты теперь с нами!

— Привет, Гаррет!

— Эй, Гаррет, видишь меня?!

— Пожалуйста, ну пожалуйста, добрый господин!

Уже просто не обращаю на них внимания, отталкиваю от себя, вырываюсь из липкой паутины зеркал, благо научился отличать явь от видений. Не всегда это получается сразу, иногда картины так ярки и сильны, что требуется сделать над собой немалое усилие, чтобы отринуть морок.

Лафреса тоже идет вперед, и идет с трудом. Я то нагоняю ее, то вновь отстаю, замирая перед тем или иным зеркалом. А затем Лафреса пропадает, и я остаюсь в полном одиночестве. Шаг, еще шаг и еще...

— Эй, Гаррет! — зовет меня Горлопан со зверски объеденным лицом.— Иди, поговорим!

Я лишь качаю головой и прохожу мимо зеркала.

— Остановись, хулюган! — просит Болт и достает из-за спины бутылку дешевого вина.— Ты только посмотри, что у меня есть!

Иду мимо.

— Именем короля, вор! — Барон Фраго Лантэн с десятком стражников пытаются заступить мне дорогу.— Иди сюда, иначе Серые камни тебе обеспечены!

Даже не обращаю на них внимания.

— Хочешь золота, Гаррет? — Маркун трясет перед моим носом целым мешком золота.— Только остановись!

Я лишь хохочу, и мне в спину несется его визгливая брань.

— Кто мне заплатит за трактир? — в отчаянии ломает руки Гозмо.

Пожимаю плечами.

— Эй, Гаррет! — окликает меня знакомый голос.— Иди сюда!

Останавливаюсь, долго смотрю на отражение и делаю шаг в сторону зеркала...

Гляжу на него, а он на меня. У нас есть время изучить друг друга. Сейчас в наших руках целая вечность, и нам незачем спешить.

— Ну и как я тебе? — с искренним интересом спрашивает он у меня.

— Если честно, то не очень.

— Ничего удивительного, у меня был плохой образец для примера.— Он усмехается, и усмешка выходит какой-то ядовито-гадкой. Неужели и у меня такая?

Продолжаю смотреть на своего двойника — точную копию мастера-вора Гаррета-тени. Бледное лицо, черные круги под запавшими усталыми глазами, черная щетина бороды, грязная, измятая, по-

рванная одежда. Видок еще тот. Некоторые покойники, не говоря уже о нищих, и то краше.

— Кто ты?

Достаточно своевременный вопрос, не находите?

— Я? Я это я. Или ты. Все зависит от того, с какой стороны на нас посмотреть и что в итоге ты захочешь увидеть.

— Ты вроде звал меня? Так говори, чего надо, у меня своих дел полон рот, не хватало еще с собственными отражениями беседовать!

— Кто из нас отражение, вот в чем вопрос, Гаррет.— Его глаза нехорошо прищуриваются.

— Мы будем играть в словесную перепалку, двойник?

— Ты что-то имеешь против словесных перепалок, двойник?

— Да.

— Вот и первое различие между нами, ты не любитель поговорить, Гаррет.

— Что тебе надо? — Его рожа (моя рожа) начинает выводить меня из себя.

— Ну-ну, спокойнее! — В его глазах пляшет насмешка.— Гляди на мир веселей, отражение! Здесь много хорошего и прекрасного, просто ты не умеешь этим пользоваться.

Молчу. Жду.

— Ну хорошо.— Он вздыхает.— Зачем тебе все это?

— Что все?

— Не понимаешь?

— Нет,— совершенно искренне отвечаю ему.

— Все эти проблемы, все эти потуги спасти кого-то или что-то, все эти друзья, все эти моральные комплексы и прочая дребедень, от которой нет никакой прибыли. Зачем ты ввязался в эту авантюру? Раньше ты таким не был. Раньше ты больше походил на меня.

— Я рад, что теперь между нами нет ничего общего.

— Да полно тебе, Гаррет! Со всей этой беготней ты превратился в размазню и тряпку, зависящую от других людей! Вспомни золотое времечко, когда был только ты и ночь, когда ты полагался только на себя и не держал за пазухой десяток друзей, обязательств и правил. Разве раньше нам было плохо? Вспомни то время, когда ты играючи проникал в дом какого-нибудь толстозадого хмыря и обчищал его до нитки! Вспомни то время, когда, не думая о последствиях, ты всаживал болт в того, кто оказывался на твоем пути! Раньше ты убивал легко, и раньше ты бы не оставил Бледного жить!

— Я никогда не убивал того, кто мне просто мешал, отражение! Если бы это было так, то половина Авендума оказалась бы на кладбище. Я всегда защищался, чтобы спасти свою жизнь. Не путай себя и меня. От убийства я не ощущаю никакого удовольствия! Если у

нас с тобой посиделки ради воспоминаний, то я лучше пойду. Наш разговор ни к чему не приведет.

Делаю шаг назад, и спина упирается в холодное серебро зеркала. Он смеется, и этот смех мне не нравится. Сейчас мы с ним совсем не похожи, сейчас мы совершенно разные люди.

— Отсюда ты сможешь выйти только со мной, Гаррет.

— Кто ты? — вновь спрашиваю у него.

— Я ведь уже говорил, кто я такой. У тебя плохая память?

— Ты позвал меня не для пустых разговоров, так? Ты ведь всегда ищешь свою выгоду, двойник?

— Выгоду? А ты не совсем безнадежен, отражение.— В его глазах просыпается затаенная искорка интереса.— Да, наметилась очень выгодная сделка, и я по старой дружбе хочу предложить тебе долю в одном маленьком дельце.

Решаю играть по его правилам.

— Маленькое дельце подразумевает маленькие барыши.— Усмехаюсь, стараясь скопировать его усмешку.

Он вновь смеется:

— Ай да Гаррет! А я уж подумал, что совсем тебя потерял! Не беспокойся, в этом маленьком пустяковом дельце очень большой куш.

— Что мы должны сделать?

— Мы? Клянусь тьмой, мне это нравится! Собственно говоря, ничего. Как тебе такой расклад костей? Получить кучу золота за ничегонеделание?

— Всегда готов поучаствовать в таком сложном деле.— На этот раз скопировать его усмешку оказалось намного проще.

— Отлично! Тебе всего лишь не надо вытаскивать из Костяных дворцов ту проклятую дудку, и нам отвалят целый мешок золота.

— Целый мешок? — Я скорчил удивленную и сомневающуюся гримасу.— А ты в этом так уверен?

— Не беспокойся, дружище. Я уже обо всем договорился.

— И кто же Заказчик?

— Ну, скажем так, сторонний наблюдатель. Его имя тебе ничего не скажет.

— Я в принципе ничего не имею против, вот только прежний Заказ...

— Ах, оставь. Я не верю в глупые приметы и гнев богов. Ну как, ты согласен?

— Пожалуй, да.— Я кивнул, и отражение расслабилось.— Правда, у меня есть небольшое дополнение по поводу моих прежних слов.

— Какое? — он стал приближаться ко мне.

— Помнишь, я говорил, что убиваю без удовольствия?

— Ну? — В глазах двойника застыло непонимание.

— Я солгал,— сказал я и, выхватив нож, ударил свое отражение в грудь.

Он или понял, или почувствовал и успел отскочить в сторону. Я лишь разодрал его одежду. Мгновение, и в его руке тоже появился нож.

— Глупец! — выплюнул он и бросился на меня.

Очень сложно драться с самим собой. Я всегда знаю, куда ударю, а если знаю я, то знает и он. Ножами мы владели одинаково, и итогом минутного кружения среди зеркал явилось лишь несколько неглубоких порезов у каждого из нас.

Сейчас он ударит в горло и, когда я шагну вперед и влево, попытается достать мое плечо на обратном доводе.

Он ударил в горло, я сделал шаг вперед и влево, и отражение тут же попыталось достать меня в правое плечо. Я знал это и встретил его нож своим. Тут же перешел в атаку, метя ему в лицо, схватил свободной рукой за грудки, притянул к себе и тут же получил ногой в живот. Отскочил назад, пригнулся, избежав рубящего удара, разорвал дистанцию и постарался восстановить дыхание.

— Стареешь,— ухмыльнулся он, сдувая с ножа клок волос, срезанных с моей головы.

Я ничего не сказал, и он вновь бросился на меня. Кружение, звяканье ножа об нож, шипение сквозь зубы, когда кто-то из нас получал очередную царапину. Никто не мог победить, все мои попытки достать двойника разбивались о мою (или его?) защиту. Наконец, тяжело дыша, мы остановились друг против друга.

—Тяжело бороться с тем, кто читает твои мысли, правда, отражение? — спросил он и облизал свое окровавленное запястье.

— Легко,— сказал я и бросил в двойника горсть мелких метательных звезд, взятых у Бледного.

Конечно же он прочитал, что я сделаю, конечно же он попробовал уклониться, но на этот раз у отражения ничего не вышло. Я швырнул звезды не целясь, да еще и левой рукой, и он не знал, в какую сторону следует отклониться. После броска каждая из пяти звездочек полетела по своей, совершенно хаотичной траектории (я ведь говорил, что метатель из меня неважный).

Три прошли мимо, но две попали. Первая угодила двойнику точнехонько в правое запястье, и он уронил нож, дернулся, чтобы уйти с пути еще двух звезд, летящих в него, и нарвался на третью, угодившую ему в левую ногу. Он с проклятием рухнул на пол. Я в два прыжка оказался рядом, зашел двойнику за спину и приставил нож к его горлу.

— Как глупо я попался,— деревянным голосом проговорило отражение, стараясь не дергаться.— Думаю, ты этого не сделаешь.

— Почему?

— Достаточно сложно убить самого себя. Ты знаешь, существует примета, что, убив своего двойника, отправляешься во тьму следом за ним?

По его виску скатилась одинокая капелька пота.

— Не ты ли мне говорил, что не веришь в глупые приметы? — спросил я у отражения и перерезал ему глотку.

Зеркала вокруг меня лопнули, и я вновь оказался в зале, только теперь на месте одного из зеркал зиял выход. Тело двойника, лежащее на полу, задрожало и растеклось белесым туманом.

Я прошел испытание собственным «я», а потому дорога была открыта, и, сделав шаг, я вышел из зеркального зала.

Вначале я даже не понял, куда попал. Это было самое обычное и ничем не примечательное помещение без всякого выхода. Я недоуменно прошел вперед, не понимая, где же ошибся и что привело меня в тупик. И тут-то это и случилось. Зал изменился.

Я чуть было не перепугался до мокрых подштанников. Во всяком случае, мой желудок ухнул куда-то вниз и мне показалось, что я падаю в бездну. Вполне простительная реакция любого человека, внезапно оказавшегося где-то между небом и землей. Пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не запаниковать и сообразить, что я, как и прежде, стою на полу, а не болтаюсь тьма знает где.

Не знаю, была ли тут магия или еще какой секрет, но стен, пола и потолка сейчас как бы не существовало. Создавалось впечатление, что я нахожусь в ночном небе.

Вокруг меня мерцали звезды. Тысячи тысяч ярких звезд. Сказочная, завораживающая картина. Звезды были на стенах, на полу и на потолке, а в середине зала сиял ровный круг бледной луны. Фиолетовой луны, имя которой — Селена. А раз Селена рядом, то и до Рога Радуги всего ничего.

Пока я шел к луне, сердце гулко стучало. Я почти сделал это! Сделал то, чему сам до сегодняшней минуты не верил!

Ру-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о!

Чистый, глубокий и в то же время тоскливый призыв разнесся меж звезд. Где-то там, наверху, у могилы Грока дует ветер, и Рог Радуги вторит ему вечным зовом.

Ру-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о! У-у-у-у-у-а-а-а-а-р-р-р-у-у-у-у!

Этот звук пробирал до мурашек. Он звал. Тоскливая песнь ветра и Рога брала за живое.

Я так и не дошел до Селены. Прямо мне под ноги ударила ослепительная нитка молнии, я отскочил в сторону и зажмурился, отчаянно пытаясь восстановить зрение после яркой вспышки.

В воздухе пахло грозой и магией.

Когда способность видеть вернулась, на противоположной стороне Селены среди звездного неба я увидел Лафресу. Она больше не пыталась атаковать и лишь ждала, когда я приду в себя.

Казалось, что она и сейчас находится на балу, а не в сердце Костяных дворцов. Во всяком случае, девушка нисколько не походила на человека, проболтавшегося в могильниках целых две недели. Ее походная одежда была совершенно чистой и даже не смятой, в ушах сережки в виде серебряных паучков, широкий кинжал на поясе. С момента нашего с ней знакомства на приеме у Балистана Паргайда леди Йена нисколько не изменилась.

Среднего роста, с русыми волосами, сейчас собранными в короткий хвост, на высоких скулах играют фиолетовые отблески луны. Ее голубые глаза больше не задумчивы, а настороженны, они ловили каждый мой жест, каждое движение. На открытой ладони правой руки мерцал маленький багровый шарик. Я знал, что это такое, а потому мне стоило большого труда отвести взгляд от ее руки и вновь посмотреть Лафресе в глаза.

— Леди Йена.

— Я рада, что ты меня помнишь, вор.

Ее пухлые губы скривились. Голос женщины в корне отличался от ее внешности. Он был очень, очень усталым.

— Ведь ты же хочешь дожить до старости? — ни с того ни с сего спросила она у меня.

— Есть такая задумка.

— Тогда советую тебе отойти от Селены и не вставать у меня на пути, иначе мне придется тебя остановить.

— Вроде ваш Хозяин запретил меня трогать.

— Если ты не будешь крутиться под ногами. Ты ведь не хочешь кормить червей, правда?

— Вроде Посланник обнадежил, что я бессмертный.

Я продолжал тянуть время.

— Все принадлежащие Домам бессмертны. Но только не в самих Домах. Этот зал — преддверие Дома Боли, и здесь и я, и ты смертны. Так что в сторону, вор!

— Как скажете, леди Йена.

Я услышал все, что хотел, и стал медленно отходить к стене. Я не самоубийца, чтобы влезать в разборку с одной из самых сильных колдуний.

Она продолжала внимательно следить за моими движениями. А я продолжал молиться Саготу, чтобы все получилось и леди Йене не вздумалось швырнуть в меня багровым шариком вопреки воле Хозяина.

Лафреса дождалась, когда я упрусь спиной в стену, и только потом двинулась к Селене. Видать, все же опасалась Танцующего с тенями (это я себе льщу). Перед фиолетовой луной она на миг заколебалась, а затем шагнула на Селену. Ее тут же окутало ласковое бархатное сияние. А затем, затем леди Йена, окруженная светом луны, начала медленно подниматься над полом к звездам.

Она засмеялась, и ее смех, восторженный, искренний, детский, заметался среди звезд, и те ответили Лафресе, закружившись вокруг фиолетового сияния веселым хороводом. Признаю, это было очень красиво.

Леди Йена и думать обо мне забыла, но я не рыпался, я смотрел, как она возносится к звездам, и ждал. Хотел бы я, конечно, сказать, что напоследок она торжествующе и злобно рассмеялась мне в лицо или сказала нечто вроде «Рог Радуги теперь мой», но ничего такого не было.

Звезды и столб света, вырастающий прямо из Селены, увлекли леди Йену к Рогу Радуги, призывно певшему: «У-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-о».

Я ждал и дождался.

Селена из фиолетовой стала черной, и ее свет померк. Звезды, танцевавшие с Лафресой, вспыхнули горящими багровыми полосами, оставляя за собой искрящиеся хвосты, стали падать с небес, но ни одна из них так и не долетела до пола, растаяв в воздухе. Потеряв световую опору, служанка Хозяина, не издав ни единого крика, упала прямо в центр луны.

Падение с высоты тьма знает скольких ярдов всегда смертельно, в данном случае оно оказалось смертельно вдвойне. Смерть в одном из Великих Домов является окончательной даже для тех, кто ранее был бессмертным и возрождался в Доме Любви.

Лафреса сама сказала мне о том, где мы находимся, и, помня о предупреждении Сагота не вставать на Селену, я не трепыхался, а позволил ведьме испытать на себе одну из ловушек Костяных дворцов. Слава богам, все прошло удачно. Золотой, заплаченный за совет старого нищего, принес свои плоды. Ведь если бы один попрошайка, откликающийся на имя Сагот, когда-то не посоветовал мне не наступать на Селену, неизвестно, как бы все сложилось.

Я смотрел, как под переломанным и исковерканным от падения телом растекается темное пятно крови. До последнего момента не

верилось, что смогу обыграть ту, которую в другие времена звали Лиа.

У-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о!

Тоскливая песнь Рога, находящегося где-то наверху, снова вернула меня к действительности.

Я задрал голову к потолку, силясь рассмотреть то место, где лежит Рог Радуги, но конечно же ничего не увидел. Слишком высоко.

Пока я глазел, и ловил ворон, тело Лафресы стало медленно погружаться в Селену, словно это был не пол, а какая-то вязкая то ли слизь, то ли грязь. Через несколько секунд леди Йена, доставившая нашему отряду массу хлопот, навсегда исчезла в черной луне, а еще через миг Селена вновь стала фиолетовой, а на «небе» вспыхнули тысячи звезд и созвездий, словно в зале ничего и не произошло.

В середине Селены что-то сверкнуло. Я сощурил глаза, пытаясь разглядеть, что там такое, но, увы, не получилось. После смерти леди Йены я не очень-то стремился приближаться к опасному месту, но, разумно рассудив, что, пока не встану на волшебную луну, мне ничего не грозит, подобрался к Селене почти вплотную. В центре лежал Ключ. То ли магия карликов и Кронк-а-Мора была неприятна волшебству, использованному для сотворения этого зала, то ли я такой везучий, но артефакт был рядом, только руку протяни. Во всяком случае, теперь Эграсса не открутит мне голову за потерю эльфийской святыни. Ключ я повесил на шею, благо Лафреса не озаботилась снять его с цепочки.

Р-р-у-у-у-у-у-о-о-о-о!

Пора выдвигаться. Должен быть другой путь. Во всяком случае, по словам Сагота, рекомендовавшего мне поработать ножками. Осталось только найти дорогу.

Я прошествовал по звездному небу, ища лестницу, ведущую наверх.

Р-р-р-у-у-у-у-ту-ду-у-у-у!

— Слышу, слышу,— буркнул я, идя вдоль стены.

Язык не повернется назвать это лестницей. Всего лишь каменные прямоугольные ступеньки, вбитые в небо меж звездных скоплений. К тому же очень неудобные. Чтобы залезть наверх, придется изрядно попотеть. Но делать-то нечего, Рог Радуги сам ко мне не спустится.

Я встал на первую ступеньку, подпрыгнул, зацепился за вторую, подтянулся. Вновь встал, подпрыгнул, подтянулся. Мир мигнул, и магия звездного неба пропала. Подо мной вновь лежал самый обычный и ничем не примечательный, но ярко освещенный светом, струящимся из стен, зал восьмого яруса.

Лезть пришлось долго, и я достаточно сильно запыхался. Балансировать на узкой ступеньке, где едва можно поставить ноги, оказалось самым сложным делом. Вниз я старался не смотреть. Сейчас я забрался на такую высоту, что, не приведи Сагот, закружится голова — и точно придется падать вслед за Лафресой. После череды каменных блоков-ступеней, когда руки уже были готовы отвалиться, появились вбитые в стену металлические скобы. Лезть стало гораздо проще, и спустя какое-то время я очутился на широкой каменной площадке.

Здесь гулял достаточно ощутимый ветерок.

У-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о!

С этого места звук Рога был намного глубже и четче. Проклятая дудка где-то рядом. Где-то совсем рядом. Вновь мигание мира, и вновь я словно оказываюсь в самом центре звездного неба. Где-то внизу горит фиолетовая искра Селены, и ее едва можно различить среди россыпи звезд. Вот уж не ожидал, что мне удалось так высоко забраться.

Так. Куда теперь? Скобы заканчивались, дальше начиналась гладкая стена, едва различимая среди волшебных звезд. Лестница, ведущая вверх, оказалась там, где я ее меньше всего ожидал увидеть. Она висела над пропастью в трех ярдах от площадки, на которой я сейчас находился. И в который раз за время пребывания в Костяных дворцах я пожалел о потере веревки-паутинки.

Теперь же у меня была одна-единственная попытка, один-единственный шанс на прыжок.

Я еще раз задумчиво изучил лестницу, уходящую в звездное небо. В принципе попытаться можно, все равно деваться-то некуда. Сагот сохрани!

Под ногами мелькнули звезды, лестница выросла, устремилась куда-то вверх, и я едва успел схватиться руками за самую нижнюю из перекладин. Она оказалась жутко скользкой, и только по воле богов мои пальцы не сорвались и я не отправился в свой последний полет на встречу с Селеной.

Подергался, поизвивался ужом, поскрипел зубами. Подтянулся, перебросил левую руку на верхнюю перекладину, затем снова подтянулся, закинул ноги на нижнюю и полез.

У-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-о-о!

Ветерок разгулялся, и теперь Рог пел ежеминутно, оглашая тишину Звездного зала мощным боевым ревом. Я вывалился в ярко освещенный коридор, оставив звезды за спиной.

У-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-р-а-а-а!

От зова Рога дрожал пол, но теперь уж я не спешил. Ничего с ним не случится, подождет, пока отдышусь. Двадцать ярдов коридо-

ра, и вновь звездное небо раскинуло одеяло над моей головой. Жемчужный мост, висящий меж звездных огоньков. Пройдя по нему, я вышел к могиле Грока.

Это было прекрасное аметистовое сооружение. Нечто среднее между летней беседкой и маленьким некрополем. Четыре тонкие изящные колонны поддерживали купол нежно-голубого цвета. Под куполом находилась надгробная плита, на которой были высечены слова: «Гроку, великому воину от благодарной страны».

— Добрался,— выдохнул я, все еще не веря, что достиг цели своего путешествия.

Я стоял у могилы знаменитого полководца прошлого и брата Неназываемого. Никакого священного трепета или еще чего-нибудь такого. Ну великий полководец, ну легенда, ну спас страну от орков во время Войны Весны.

Ну и что?

Я вот тоже страну почти что спас, а, судя по обрывочным сведениям, Грок был не таким уж и героем, раз с его подачи у нас появился Неназываемый.

На могиле на самом видном месте лежала моя цель — Рог Радуги. Он ничуть не изменился с тех пор, как я впервые увидел его во время своего сна-яви в Закрытой территории. Большой витой рог, отливающий бронзовым блеском, инкрустированный перламутром и голубоватой костью огра. Красивая, искусно сделанная вещь. Настоящий боевой рог, которым не постыдился бы владеть даже король.

— Позволь? — В голосе Вальдера проскользнули молящие нотки.

— Валяй,— сказал я и открылся, давая ему полную свободу.

Вот теперь я увидел совершенно другой Рог. Его окружал радужный ореол, который едва мерцал от уходящей из артефакта силы, которая держала Неназываемого в Безлюдных землях. Силы, которая удерживала Падших в глубинах Храд Спайна, не давая им вернуться на Сиалу. Силы, созданной оградами. Силы, погубившей эту расу и спасшей других.

Она уходила, исчезала, словно вода, просачивающаяся сквозь песок. Время магии, наполняющей Рог, было сочтено.

— Ты можешь вновь вернуть в него магию? — спросил я у архимага, не отрывая взгляда от сокровища.

— Нет, на это потребуется мощь всего Совета. Прости.

— Ничего,— сказал я ему, хотя и питал в душе смутную надежду, что Вальдер справится и мне не потребуется носить с собой такую опасную игрушку.— Теперь ты сможешь уйти?

— Нет... Он слишком слаб. Может быть, позже, когда его наполнят силой. Прости.

— Не извиняйся. Твоя компания начинает мне нравиться. Это лучше, чем разговоры с самим собой.

Тихий, едва слышный смешок в ответ. Затем:

— Бери его, Гаррет, и пойдем домой.

Вальдер прав, нечего раздумывать. Я облизал разом пересохшие губы и с гулко грохочущим сердцем подошел к могиле.

Вот он. Лежит передо мной. Спасение и погибель этого мира. Козырная карта в глупых играх Хозяев. Что будет, если я осмелюсь вынести его из Храд Спайна? Спасет ли это хоть кого-нибудь или принесет лишь очередные беды и горе? Как поступить? Выбор — это ведь так страшно! Решать судьбу мира и держать в своих руках власть! Знать, что благодаря твоему поступку чаши весов могут попросту перевернуться и все полетит огру в пасть.

А стоит ли брать эту вещь? Стоило ли ребятам из отряда отдавать за нее жизни?

Я стоял и не знал, что мне делать и как поступить. На меня словно ступор напал. Я не мог двинуть ни рукой, ни ногой словно завороженный. Стоял и смотрел на артефакт, а он лежал и молчал, ожидая, когда пришедший к могиле Грока человек наконец-то решится.

— Без сомнений и колебаний,— произнес я, словно заклинание, обещание, данное Эграссе, а затем, послав во тьму все и вся, подошел и поднял с могилы Рог.

Последнее, что я помнил,— небо вспыхнуло, и второй раз за день заплакало огненным дождем умирающих звезд.

Глава 12
МОТЫЛЕК

Сон — это всегда облегчение. Он как водопад, который смывает с путника накопившуюся усталость. Сон нужен каждому, но иногда вместе с ним приходят кошмары. Они — вечные спутники сна и всегда где-то рядом. Ждут, что ты зазеваешься, дашь им волю — и вот тогда-то и наступит самый сладостный миг для осмелевших и набравшихся силы кошмаров. Они вихрем ворвутся в сознание и, как клещи, вопьются в отдыхающий мозг.

У всякого кошмара своя цель. Один приползает, чтобы напугать и напиться из колодца страха своей жертвы, другой является лишь эхом вашей совести, третий разбередит старые раны, четвертый пробудит сомнения и нерешительность, пятый заставит сойти с ума или покончить с собой, шестой...

Яркий. Ослепительный. Лучезарный. Нереальный. Потрясающий. Искрящийся. Блистающий снег.

Он толстым пуховым одеялом лежит на пустых улицах Авендума и нежится под лучами беззлобного декабрьского солнца. Снег хрустит, мириады красивых, идеально правильных снежинок ломаются под моими подошвами. Иду по пустым улицам, вслушиваясь в этот хруст. Пытаюсь услышать еще хоть что-нибудь, но город то ли спит, то ли затаился в ожидании грядущего и не собирается шуметь.

Во Внутреннем городе Авендума тоже никого нет, даже извечных и падких на золотишко стражников, охраняющих покой богатеев этого района. Снежное покрывало выглядит совершенно нетронутым, словно по нему вот уже целую неделю никто не осмеливается ходить.

Делаю несколько поворотов, ухожу с центральной улицы, прохожу два квартала, где дома занесены снегом, и оказываюсь на такой же пустой, как и улицы города, площади. В трехстах ярдах от меня величественно возвышается прекрасная башня Ордена. Сейчас зима, и она кажется вырубленной из цельной глыбы светло-синего льда. Еще один из многих фокусов Ордена, благодаря которым каждый новый сезон камни, из которых сложено строение, кажутся то ледяными, то деревянными, то огненными.

Между мной и башней стоит фигура, облаченная в серый плащ. Незнакомец скидывает капюшон, и я узнаю его. Я уже однажды имел удовольствие пересечься с этим человеком.

Человеком? Нет. Вампиром.

Бледное бескровное лицо, тонкие посиневшие губы, каштановые волосы. Серый порванный плащ, грубая рубаха из некрашеной шерсти. На груди толстая серебряная цепь, дымчатый кристалл продолговатой формы искрится на солнце не хуже чем крупный бриллиант или слеза дракона. Человек небрежно держит в руках красту. Он не угрожает, в этом нет никакой нужды, и наконечник его причудливого копья смотрит в небо.

Останавливаюсь, смотрю в безучастные глаза Серого. Молчим. Не знаю, сколько времени проходит, но никто из нас не хочет говорить первым.

Солнечный диск внезапно заволакивает тонкая дымчатая пелена, и буквально через несколько секунд вместо голубого неба — низкие седые тучи. Что-то белое и ничтожно маленькое беззвучно падает между нами.

Снежинка. Следом за первой из туч потянулись другие. Они падали в абсолютной тишине и безветрии. Мир тускнел, зимние сумерки со скоростью легкой кавалерии захватывали город.

— Ты знаешь, зачем я здесь.— Он не спрашивает, он утверждает.

— Догадываюсь,— неохотно говорю я и кривлю губы.

— Вы все слишком далеко зашли. Цепи, удерживающие Падших, могут лопнуть в любой миг, и мир содрогнется. Отдай мне это, пока чаши весов окончательно не сместились.

Мне даже не стоит думать о попытках потягаться с воином на равных. Я знал, что случится, если откажусь и не отдам свое сокровище,— краста в мгновение ока разрубит меня пополам и Серый все равно завладеет Рогом Радуги. Этот парень мне не по зубам. Обидно терять то, к чему стремился долгие месяцы, будучи всего лишь в нескольких шагах от выполнения Заказа. Я молча снял с плеча холщовую сумку и протянул ее вампиру.

— Он там?

— Да.

Он делает шаг, протягивает руку и берет то, что является целью моей жизни.

Редкие снежинки уступили место густому снегопаду, пробудившийся ветер закружил по площади поземку. От снега каштановые волосы Серого стали белыми, но он, кажется, не обратил на это никакого внимания. Яркий зимний день, властвующий в городе несколько секунд тому назад, сменился невесть откуда наползшей глубокой непроглядной ночью.

Удар сердца, и в ночном небе родились огненные звезды. Они появились на горизонте, приблизились и рухнули на площадь. Почти все упали в снег и, рассерженно зашипев, погасли. Одна едва не задела меня, лишь каким-то чудом разминувшись с ногой.

Это оказалась стрела с красно-зеленым оперением. Серому повезло меньше, чем мне, и сразу четыре горящие стрелы ударили ему в грудь, словно лучники знали, куда следует целиться.

Воин покачнулся, рухнул на колени, но так и не выпустил из рук красту и сумку с Рогом. За первым залпом «звезд» последовал второй, гораздо более многочисленный и слаженный. Но на этот раз стрелы не долетели до площади и упали на крыши дальних домов.

Тут же на Авендум рухнула третья волна, но это оказались уже не стрелы, а огромные огненные шары, выпущенные из катапульт. Они проламывали крыши домов, взрывались с громким «Ф-у-уух!» и расплескивали вокруг себя языки пламени, вызывая пожары. Я вовремя успел заметить падающий на площадь горящий шар и что было сил бросился прочь, разом забыв о Сером и Роге Радуги.

За спиной вздохнул великан, мягкая горячая рука подтолкнула меня в спину, и я понял, что вопреки всем законам природы научился летать. Лечу... Секунду... Миг... Одно биение сердца парю над площадью, словно орел. А затем со всего маху падаю в сугроб, выросший возле стены одного из домов.

— Ф-у-уух! — запоздало вздыхает великан.

Вылезаю из сугроба, куда меня занесла нелегкая, выплевываю снег изо рта, ошалело озираюсь по сторонам.

Площадь превратилась в островки снега и огня. Ветер беснуется, гоняет стадо снежинок из стороны в сторону, бросает несчастных в огонь, где они гибнут тысячами, но так и не могут потушить разбушевавшееся пламя.

Серый все так же стоит на коленях, он даже не пытается встать, и я понимаю, что со времени падения первых стрел прошло не более десяти секунд. Нас с вампиром разделяет пламя, но я вижу путь, выложенный белыми островками снега. Сейчас или никогда! Достаю арбалет, в котором каким-то чудом уже находятся два ледяных болта. Стоит рискнуть. Делаю первый шаг к вампиру.

Тишина лопается, словно мыльный пузырь откуда-то издалека слышатся голоса боевых горнов, призывающих жителей Авендума к оружию. Тревожно звучит колокол Собора.

Тревога! Тревога! Вставайте! Вставайте!

Мимо пробежали три десятка воинов. В руках копья, мечи, алебарды и арбалеты. Серо-синие повязки на руках — королевская гвардия, черно-оранжевые — городская стража. Не обращая на меня никакого внимания, воины выстроились перед выходом с площади и перегородили узкую улицу. Первый ряд встал на колено и выставил копья, второй ряд составили алебардщики вперемежку с арбалетчиками. Последние дали залп из-за спин товарищей. Часть солдат принялась перезаряжать оружие, часть отбросила арбалеты в сторону и взялась за мечи. Из пелены снегопада с ревом появился вал воинов. На их шлемах развевались красно-зеленые плюмажи. Тьма! Солдаты Рачьего герцогства в городе! Как это произошло?!

Начался бой. Арбалетчики дали повторный залп, и несколько врагов упали. А затем началась свалка. Красно-зеленые гибли на копьях и алебардах, но защитников Авендума было слишком мало, а враги валили и валили из-за снежной завесы нескончаемым потоком. Тут и ежу понятно, что солдаты короля и стражники Лантэна долго не продержатся. Минута-другая — и «раки» прорвутся на площадь.

Надо брать Рог и нести его в башню, пока не стало слишком поздно. Разворачиваюсь и бегу к Серому. Вампир, опираясь на красту, пытается встать. Бегу что есть сил, но меня опережают...

Из тени башни Ордена появляется... призрак? Фигура? Силуэт? Я знаю, что это живой человек, но могу рассмотреть лишь размытое пятно. Он скользит по огню и снегу, оказывается рядом с Серым... Несмотря на ранения, вампир быстр, нечеловечески быстр, его краста взрывается росчерком дымки, визжит, словно паленая кошка, но

человек-пятно отшатывается, оказывается за спиной Серого и атакует.

Багровый шар разрывает воина на две половинки, а человек-пятно, уже начисто забыв о своем противнике, проворно наклоняется и поднимает с земли мою сумку.

Ветер бесчинствует и плюется снегом прямо в глаза. Не слышно ни колокола, ни боевых рогов, ни битвы. Все исчезло. В целом мире лишь я и он. Незнакомец смотрит на меня. Это всего лишь мимолетный взгляд, но я понимаю, что убийца Серого принес победу в Игре одному из Хозяев. Моргаю, прогоняя с ресниц мерзкие снежинки, и человек-пятно пользуется этим, чтобы исчезнуть. Набираюсь смелости и подхожу к лежащему на снегу Серому. Как и ожидалось, вампир все еще жив.

— Игрок Хозяина перешел на другую сторону... овладел... цепью... Вы не должны... были брать Рог... теперь... равновесие нарушено...

Я недоумевающе смотрю на него и ничего не могу понять. Игрок отказался служить Хозяину Сиалы? Неужели сбылось предсказание Серых? Неужели Танцующий с тенями, создавший Сиалу, проиграл? И тут мир замер. Останавливаются снежинки, останавливаются языки огня на площади и в остовах горящих домов, в воздухе застывают горящие стрелы, замирают воины, держащие мечи и копья. Мгновение всепоглощающего ничто.

Та-дам! Та-дам! Как гулко стучит сердце!

А затем мир вздрагивает. Мир взрывается. Мир умирает.

Я или не я вижу, как рушатся законы магии, как рвутся цепи тысячелетий, вижу, как мир скатывается к своему первому, изначальному дню, когда не было ничего того, что мы привыкли называть Сиалой.

Растревоженные моря уничтожают страны, пробуждаются вулканы, с неба падают звезды, сжигая своим жаром целые города. Ворота иных миров распахиваются, и на Сиалу приходят демоны и те, кто хуже их. Весь мир кружится в последнем предсмертном танце, агонии, вьюге пробудившихся теней древности. Пожары, безумства, эпидемии, голод, войны и создания тьмы уничтожают мир и очищают дорогу тем, кто так долго ждал этого сладостного мига — мига разрушения равновесия. Из Храд Спайна темным валом, черным потоком, ступая по костям и пеплу умерших рас, движутся те, кого Серый назвал Падшими, а я — птицемедведями.

Я кричу. Кричу до хрипоты, и мир, точно кривое зеркало, разбивается вдребезги и заставляет меня проснуться...

Просыпаюсь в темноте. Здесь жарко, так жарко, что трудно дышать. Каждый вдох грозит опалить легкие, глаза едва ли не лопаются, и я еще могу удивиться тому обстоятельству, что у меня только каким-то чудом не вспыхнули одежда и волосы. Закрываю лицо рукавом, но желаемого облегчения это не приносит, дышать все еще трудно.

— Тысяча демонов! — пробормотал я.— Куда меня занесло на этот раз?

— Туда, где ты был дважды и пришел вновь. Не мы ли говорили тебе, что узнавшие дорогу в Изначальный мир всегда сюда возвращаются?

Все ясно: я вновь каким-то непостижимым образом оказался в мире Хаоса и меня снова встречали три последние тени. Из-за того что здесь было темно, я так и не смог разглядеть их и лишь слышал голоса.

— Именно вы и говорили, леди.

— Рады, что ты нас не забыл. Здравствуй, Танцующий.

— Мое почтение. В этот раз у вас жарко.

— Наш мир умирает, и то, что ты принес сюда, лишь ускоряет его агонию.

Я машинально протянул руку и нащупал сумку, в которой лежал Рог.

— Сон,— облегченно пробормотал я, вспоминая видение, во время которого погибла Сиала.

Какая-то из теней горько рассмеялась:

— Сон? А может быть, грезы? Может, ты увидел будущее? Или прошлое?

— Или то, что теперь уже никогда не случится? — поддержала свою сестру другая тень.

— Не знаю.

— И мы не знаем, что может привидеться Танцующему и куда эти видения могут привести. Чаши весов уже дрожат, и тебе следует торопиться.

— Торопиться куда? — довольно тупо спросил я у темноты.

— К последнему броску костей. Туда, где закончится эта партия Игры. Ее все еще можно выиграть, несмотря на то что Рог вновь вышел из подземных чертогов Тюрьмы Падших.

— Уходи, Танцующий. Присутствие артефакта ускоряет гибель нашего Дома.

Темноту прорезали три прямоугольника света, и я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, передо мной было три выхода, ведущих куда-то в белесый свет.

— Что это? — Я обернулся к теням, которые теперь стали различимы.

— Это? Это твой выход из нашего мира.

— Но здесь три двери!

— Мы знаем.— Вторая тень, кажется, усмехнулась.— Тебе придется выбрать одну из них.

Я почувствовал какой-то подвох.

— Здесь нет ловушки, Танцующий. Это всего лишь двери Судьбы. Все последующие события зависят от того, через какую дверь ты решишь уйти.

Приятная перспектива, ничего не скажешь!

— Что за ними?

— Никто не знает. Выбирай сердцем и иди. Прощай,— сказала Третья.

— Прощай, Танцующий.

— Прощай,— эхом повторила Первая тень.

А побери меня тьма! Какая разница, через какую дверь выходить! Все равно все будет плохо, в этом я уверен на все сто! Я двинулся к ближайшей от меня, правой.

На полпути к ней я остановился. В голову так некстати забралась мыслишка, что в этот раз тени показывали мне дорогу из мира Хаоса без моей просьбы. Наверное, это из-за Рога Радуги, который отравляет Изначальный мир и грозит ему полным крахом. В прошлый раз они просили меня остаться, просили помочь им, вернуть жизнь их миру, превратившемуся в кошмар благодаря Танцующим с тенями. Теперь же я не услышал от них ни слова о помощи.

Обернувшись, я увидел, что все это время они молча наблюдали за мной.

— Что с ним будет?

Они поняли, о чем я говорю.

— Мир Хаоса умрет. Не сегодня, так завтра. Он слишком долго цеплялся за жизнь, но всему когда-нибудь приходит конец.

— И за все надо платить,—говорит Третья, и я сразу же вспоминаю Смерть, сказавшую теням эти слова.

Тени заплатили за мою жизнь жизнью своего мира.

— А что будет с вами, леди?

Нет ответа. Я жду, и наконец Третья не выдерживает и отвечает:

— Этот мир наш. Мы последние и останемся здесь до конца.

Я понимаю, что совершаю глупость, но ничего не могу с собой поделать. Не люблю быть обязанным кому-либо, и если есть возможность выплатить долг... Поворачиваюсь спиной к выходам из Изначального мира, и они тут же затягиваются тьмой. Но в этот раз тени не сливаются с мраком, я прекрасно вижу их силуэты.

— Ты понимаешь, что теперь тебе не выйти отсюда? — В голосе Первой слышится явственный страх.

— Я выйду сквозь огонь, как раньше.

— Огонь уже умер, Танцующий!

— Потанцуем, леди? — спрашиваю, я не обращая внимания на их последние слова...

Когда я покидал этот мир, ему уже ничего не грозило. Ревело багровое изначальное пламя, и огненные снежинки кружились вокруг меня в медленном чарующем танце. Среди вечной пустоты и огненного безумства — островок, заросший высокой серебряной травой. В середине острова появилось маленькое озеро с гладкой как зеркало водой, в которой отражались всполохи пламени и багровые снежинки.

Над озером возвышался молодой белопенный каштан с льдисто-огненными листьями. Скоро его плоды созреют и дадут жизнь еще сотням таких же клочков суши. А пока этот остров — первый кирпичик в возрождении мира Хаоса. На время я могу оставить Изначальный мир и заняться собственными делами. Он будет жить и вместе с тенями дожидаться меня или другого Танцующего. Свой долг трем теням я выплатил сполна...

Проснулся я оттого, что в лицо тыкалось что-то мокрое и жутко холодное. Пришлось открыть глаза и посмотреть на гада, мешающего мне нормально выспаться. Передо мной стояло существо. Большое, косматое и довольно опасное. Обур — гигантский медведь Заграбских лесов.

Я постарался не двигаться, может, тварь сочтет меня несъедобным и пойдет ловить кабанов. Неожиданно обур лизнул меня в лицо. Я осоловело вытаращился на зверюгу. Тот не нашел ничего лучшего, как тихонечко заскулить в ответ.

— Кис-кис,— глупо хихикнул я, все еще не отойдя от столь неожиданной встречи.

Достаточно сложно свыкнуться с мыслью, что одна из самых грозных зверюг Заграбских лесов не собирается тебя есть (во всяком случае, прямо сейчас). Обур в ответ еще раз облобызал мое лицо.

Я осторожно сел, пытаясь выбросить из головы возвышающуюся надо мной тушу и рассмотреть то место, где я очутился. По всему получалось, что на этот раз меня занесло в Заграбу. Во всяком случае, этот уголок ничуть не походил на Храд Спайн. Елки, златолисты, пожухлая трава, синее небо над головой. Невесть каким чудом

меня вынесло из Костяных дворцов на поверхность. Небось проделки Рога Радуги.

Рог! Я в панике зашарил вокруг себя, разом забыв о нависшем надо мной обуре. Слава Саготу, артефакт лежал рядом, зарывшись в ковер опавшей листвы. Я немедля спрятал реликвию в сумку.

Обур вновь попытался дотянуться до меня языком, но, видя, что мне ничего не угрожает, я оттолкнул от себя косматое рыло и поднялся с земли. Сразу же все стало на свои места. Обур больше не казался огромным и стал просто большим. А еще я заметил, что на ногах он стоит не так уж и уверенно, да и черные глазки были совершенно пустыми.

Страшный и ужасный обур оказался обуренком, у которого совсем недавно открылись глаза. Видать, он каким-то образом выполз из берлоги и принял меня за собственную мамку. Этого мне только не хватало! А если мамаша заметит пропажу своего единственного и драгоценного, наткнется на меня и решит, что я причастен к исчезновению дитя? Я уже себе не завидовал. Встреча с гигантской разъяренной медведицей еще никому не помогала поправить пошатнувшееся здоровье. Пора сваливать!

К сожалению, из моей гениальной идеи ничего не вышло. Обуренок плелся за мной как привязанный.

— Фу! Сидеть! Пшел на место!

Ничего из арсенала собачьих команд мне не помогло. Зверюга лишь тупо таращилась на меня и тихонько пищала. Я вздохнул, отломал от ближайшей елки ветку и несильно хлестнул медвежонка по носу. Тот испуганно взвизгнул, отскочил в сторону и пронзительно заголосил, жалуясь на судьбу-злодейку и призывая мамку. Она не преминула откликнуться — из-за деревьев раздался рассерженный рев медведицы.

Услышав неприятный звук ломающегося кустарника, я задал стрекача. Встречаться с мамашей и объяснять, что я тут ни при чем и просто проходил мимо, не имело никакого смысла. Поэтому единственным выходом из создавшейся щекотливой ситуации был галоп по пересеченной местности.

Ух я и побежал! Один раз даже упал и пропахал носом прелые листья, так как какой-то мерзкий древесный корень подвернулся мне под ноги. Остановился я, только когда понял, что медведица, кажется, раздумала снимать с меня шкуру. Я в изнеможении рухнул на мягкую подкладку из золотых листьев, перевернулся на спину и сквозь полуголые ветки златолистов принялся смотреть в небо.

Эх, благослови меня Сагот, как хорошо-то! После мрачных темных лабиринтов, где пахнет затхлостью и мертвым временем, вид обычного неба приводил меня в детский восторг. Хрен знает, как

меня вынесло из Храд Спайна обратно в Заграбу, но это к лучшему, пускай я даже не знаю, в каком месте лесов очутился и как далеко отсюда до ворот, где меня ожидают друзья.

Заграба — это хорошо. Это намного лучше Костяных дворцов. Тут уж я как-нибудь прокормлюсь, да и шансов нарваться на крупные неприятности несоизмеримо меньше, чем под землей. А если уж говорить честно, останься я в Храд Спайне — и в могильниках на одного мертвеца станет больше, потому как обратный путь, да еще и без карт, для меня был бы непосильным. Так что хвала всем богам.

С другой стороны, следует поразмыслить, где я все-таки оказался? Нет, что в Заграбе и в Золотом лесу — это и вождю доралиссцев понятно, но где точно и как долго мне придется добираться до отряда? Хотя о чем я говорю? Добираться до отряда... Я не знаю, где теперь ворота Храд Спайна, а бродить по Заграбе, не зная дороги,— это все равно что... бродить по Заграбе, не зная дороги.

Глупое и пустое занятие. К тому же если исходить из того, что я протопал по Костяным дворцам тьма знает сколько лиг и в итоге выбросило меня в Заграбу прямо над могилой Грока, то идти до ворот Храд Спайна я буду достаточно долгое время. Остается лишь один шанс — двигаться на север и надеяться, что я выберусь из Золотого леса и окажусь в более знакомых, а то и обжитых местах. А там поглядим, что к чему. Ну и еще, конечно, следует положиться на амулет Эграссы, который не только спас меня от Кайю, но, будем надеяться, подскажет эльфу, где меня искать. Думаю, отряд уже знает, что я вылез из подземелий, и спешит мне навстречу...

Большой золотой лист прочертил в небе золотую дугу и приземлился мне точнехонько на лицо. Я снял зловредного летуна и отбросил в сторону.

Листья падают. Сожри меня самый мерзкий из семейства демонов! До меня только сейчас дошло, что, пока я торчал в подземелье, сентябрь подошел к концу. Неудивительно, что листья опадают и небо приняло бездонный светло-фиолетовый оттенок.

Конечно, это не Авендум, где в конце сентября уже достаточно холодно и идут проливные дожди, но и в Заграбе чувствовалось легкое дыхание осени. Надо успеть выбраться из лесов до той поры, когда начнутся настоящие ливни и холода, а потом и заморозки. Без плаща и в одном свитере рано или поздно я помру от холода и слякоти.

«Надо выбираться»,— в сотый раз подумал я.

Надо так надо... На мое счастье, хоть я и был городским жителем, но уроки Фора не прошли даром и я еще был способен определить, где находится север. Следовало найти какую-нибудь звериную тропу, так идти будет намного легче, чем продираться че-

рез кустарник и высохшую траву. Еще меня немного заботила перспектива оказаться перед каким-нибудь болотом или встретиться с волчьей стаей.

Заграба, как всегда, была прекрасна.

Сейчас она оделась в осенний наряд и поражала своей яркостью. Лес купался в красках увядания — золота и огня. Ярко-желтые заросли краснобровника, уже расставшегося со своими цветами, плавно переходили в золотые рощи златолиста, которые в свою очередь сменялись огненно-красными всполохами заграбской рябины и осины. А синие листья слез горя казались невообразимо сказочными островками в королевстве золотой осени. И лишь мрачные суровые ели бунтовали против вездесущей осени и нарушали праздник сентябрьского увядания грязно-зеленым цветом. Вся земля была покрыта толстым нетронутым слоем опавших листьев. В лесу властвовало безветрие и тишина засыпающего в преддверии зимы великана. Казалось, что в Заграбе я совершенно один.

Шел до самой темноты и — о чудо! — нисколько не устал. Пускай я и не нашел никакой тропинки, но идти было сравнительно легко. Ни буреломов, ни завалов, ни болота. Лишь однажды мою дорогу пересек тоненький ручеек, петляющий меж массивных корней златолистов. Звонкий парень был настолько добр, что поделился со мной водой.

Темнело в лесу, да еще и осенью, достаточно быстро, и я еле-еле успел присмотреть себе лежбище у развороченного ствола старой ольхи. В одно мгновение тусклые нарождающиеся сумерки сменились непроглядной теменью. Небо стало мглистым, на нем не было ни звездочки, и лишь маленький медяк полной луны выглядел тусклым подобием того, что светило нам с неба в середине лета.

Я кое-как перекусил изрядно опостылевшими мне плодами из Муравьиной пещеры. Спать не очень-то и хотелось, и я просто сидел и таращился в темноту ночного леса. Спустя какое-то время на соседних деревьях стали появляться разноцветные огоньки — это просыпались лесные духи. Красные и зеленые искорки удивленно изучали невесть каким образом появившегося в их лесу человека. Нисколько не сомневаюсь, что сейчас между духами идет горячее обсуждение чуда по имени Гаррет. Ну и пусть обсуждают, мне не жалко, лишь бы не трогали. В компании лесных духов было не так одиноко. Я наблюдал за мигающими глазками до тех пор, пока меня не сморил сон.

Над ухом трещала сорока, и мне пришлось открыть глаза. На ветке сидела бело-черная птица и зыркала на меня то одним, то другим глазом.

— Уйди, злыдня! — Я кинул в нее палкой, и сорока, гневно треща и оглашая лес возмущенными воплями, скрылась за деревьями.

Ругнувшись сквозь зубы, я встал и поежился. С утра было свежо, чего уж говорить о ночи? К ее середине я дал знатного дубаря и только каким-то чудом умудрился уснуть во второй раз. Если так будет продолжаться и дальше, то в одну из следующих ночей точно околею или подхвачу простуду — это как пить дать.

Судя по туману, скопившемуся возле самых корней, сейчас раннее утро и солнце появилось на небе не так уж давно. Кстати, сегодня небо меня уже не радовало, так как стали появляться облачка крайне нехорошего цвета. Как бы не было дождя. Осенний дождь — это одно из самых мерзких «удовольствий» для путешественника.

За весь прошедший день, хвала Саготу, дождь так и не пошел, и я протопал по Заграбе достаточно приличный отрезок пути. К вечеру наткнулся на звериную тропу, и моя скорость заметно возросла. Ни Вальдер, ни Рог Радуги никаких признаков жизни не подавали. Смешно сказать, владею одним из самых мощных артефактов в мире и никакой пользы от этого не имею. Ни тебе теплой одежды, ни верного арбалета, ни еды. Мог бы хоть в Авендум меня сразу переправить, а не заставлять тащиться по осенним зарослям!

Тропа нырнула в густые дебри какого-то жутко разросшегося куста, подозрительно похожего на дикий шиповник, я сдуру решил преодолеть их нахрапом, и в итоге вся Заграба могла слышать мои ругательства по поводу проклятых колючих недоумков, разросшихся на пути у мирного человека. Зато, когда заросли оказались позади, тропка вывела меня на берег маленького лесного озера с высохшим тростником по берегам и ржаво-коричневой водой, подернутой мелкой рябью. Я напился, а потом пошел прочь.

До темноты оставалось еще около часа, и у меня было время присмотреть более уютное местечко для ночевки, чем берег озера. Если летом ночами, а особенно по утрам от воды веет прохладой, то осенью от нее несет холодом, а у меня нет желания мерзнуть больше, чем того требуют сложившиеся обстоятельства. К сожалению, от озера никаких троп не было, и мне пришлось топать, как Сагот на душу положит.

Когда озеро и маленький голый овражек остались за спиной, в лесу появились достаточно большие проплешины, заросшие низенькими молоденькими сосенками. Тут уж я вообще пошел как по улице Смотра и хотел было заночевать в этом месте, однако мой нос забил тревогу. Я почувствовал слабый, едва уловимый и смешивающийся с ароматом осени запах дыма.

— Или это пожар, или кто-то разжег костер,— пробормотал я, прижимаясь к ближайшему сосновому стволу и вытаскивая нож.

Любой другой заплутавший в великих лесах Заграбы поступил бы иначе и с воплями радости бросился бы к огню и разумным существам, что его разожгли, но я, знаете ли, ученый. Меня на медяк не купишь. Иногда общество разумных существ бывает намного опаснее одиночества. Так что нечего лезть на рожон. Вначале следует все хорошенько разведать, а затем уж кричать: «Братцы, я здесь!»

Это вполне мог быть отряд орочьих разведчиков или того лучше — какой-нибудь из эльфийских отрядов, забравшихся на территорию орков. Первые и Вторые любят устраивать тихую резню в угодьях друг друга. Но все же следует знать, кто это.

Пришлось двигаться вперед, ориентируясь на едва ощутимый запашок дыма. Проплешины и сосны кончились, и лес вокруг меня вновь захватили величественные златолисты вкупе с низенькими осинами и березами. Видимость сразу же ухудшилась, и теперь поди пойми, что скрыто за красно-золотой стеной листвы и частоколом древесных стволов. А если еще присовокупить ко всем неприятностям такую штуку, как подступающие сумерки, вот-вот грозящие смениться очередной непроглядной ночкой, то становилось и вовсе худо. Запах дыма усилился, и это говорило, что я иду в правильном направлении.

Под ногой предательски хрустнула ветка, хрустнула едва слышно, но я застыл и сморщился, словно мне наступили на любимую и горячо лелеемую мозоль. Ах, как не вовремя! Спасибо воровской удаче, я пока что слишком далеко от огня, и меня не могут услышать.

«Следует быть осторожнее, Гаррет»,— в сотый раз подумал я и, переложив нож из правой руки в левую, вытер вмиг вспотевшую ладонь. Давно я так не нервничал. Ну словно новичок, решивший грабануть первого в своей жизни прохожего.

Наконец меж древесных стволов мигнул огонек костра. Я нырнул к ближайшему златолисту и, прижавшись к стволу, стал всматриваться в густеющие сумерки. Вновь мигнул огонек, задрожал, исчез и опять появился.

«Осторожнее, Гаррет! Осторожнее! Поспешай медленно!»

Вначале огонек костра был размером всего лишь с жалкую песчинку, потом с мой ноготь, затем в половину ладони. Сумерки сменились ночью. Запах готовящейся еды, запах мяса, которого я не пробовал вот уже сотню лет, бередил разум и заставлял желудок призывно урчать. Огонь манил, и я осторожно приближался к нему, все ближе и ближе. Тихо и незаметно.

До костра еще оставалось ярдов пятьдесят, и я остановился, спрятавшись за очередным древесным стволом. Силился рассмотреть, кто сидит возле огня, но тщетно. Из моего укрытия обзор был неважным, и, кроме отблесков огня, я так и не смог ничего рассмотреть.

Я сделал шаг вперед, и тут же на меня обрушилось небо. Оно со всей силы хрястнулось мне на спину и заставило зарыться лицом в листья. Я дернулся, попытался вслепую отмахнуться ножом, но кто-то излишне расторопный крайне невежливо наступил мне на руку.

Я взвыл и разжал пальцы. Они мне были как-то дороже ножа. Попытался перевернуться — не получилось. Брыкаться не имело смысла — тот, кто упал на меня с дерева, уселся мне точнехонько на лопатки, и ногами я его достать не мог. Впрочем, как и сбросить — гад отличался изрядным весом.

Поначалу я думал, что на меня упала рысь или еще какая лесная кошка, но кошки, насколько я знаю, не обездвиживают руку, держащую оружие. Трепыхаться я бросил только после того, как второй враг уселся мне на ноги и заломил левую руку за спину. Я взвыл. Парень едва не вырвал мне руку из сустава. Затем настал черед правой руки, но я разом поумнел и перестал сопротивляться. В итоге процедура вышла не такой уж и болезненной.

Тот, кто сидел у меня на спине, ничего не говорил, лишь держал свою лапищу на затылке и заставлял вдыхать запах прелой листвы и сырой земли. К этому времени второй надежно связал мне запястья веревкой. Все это было проделано быстро и совершенно молча.

Угу! Чем дальше, тем веселее. Наконец тот, кто сидел у меня на ногах, встал, но его товарищ даже не подумал совершить благородный поступок и слезть с Гаррета. Он лишь схватил меня за волосы, оттянул мою голову на себя, так что слезы из глаз брызнули, а затем приставил мне к горлу что-то острое и жутко холодное. Я счел за умное вериться в небо и помалкивать.

— Так, так, так,— проговорил тот, кто стоял.— Как-то глупый мотылек прилетел на огонек... Кого на огонек нам духи леса принесли?

— Мартышку, полагаю,— проговорил тот, кто держал меня за волосы.

— Переверни его.

Достаточно бесцеремонно перевернули, но, чтобы я не рыпался, предусмотрительно поставили ногу мне на грудь, да так, что я едва мог вздохнуть.

Разглядеть, кто стоит надо мной, я не смог. Темные силуэты. То ли люди, то ли эльфы, то ли орки.

— И вправду мартышка,— хмыкнул перевернувший меня.— Карад драг су'ин тар?[1]

— Кро! Алле бар натиш, кита'л у Багард[2].

Тьма знает, о чем эти ребята талдонили, но этот язык, вне всякого сомнения,— орочий. Разумно рассудив, что люди вряд ли будут болтать на таком ужасе, я вычеркнул их из списка. Остаются орки или эльфы. Между тем эти двое продолжали трепаться друг с другом, причем один постоянно говорил «кро», а другой все время поминал какого-то «тара». Вроде ребята никак не могли прийти к единому мнению. Я попытался сказать свое веское слово и пошевелился. Тут же нога стоявшего на мне парня надавила несколько сильнее, и я, напоследок огорченно клякнув, заткнулся. Наконец говоривший «тара» сдался.

— Хорошо, одним больше, одним меньше. Берем его.— Эти слова уже были для моих ушей.

Меня рывком поставили на ноги.

— Будешь дергаться, мотылек, не долетишь до огня. Мы обожжем тебе крылья прямо здесь, это понятно или мне тебя ударить?

— Я понял.

— Вот и чудесно.— Меня довольно невежливо толкнули в спину.—Мисат'у но алдди Олаг[3].

— Мисат'а[4].

Глупец! Я как-то не подумал, что вокруг костра могут быть выставлены секреты и охрана.

Что же, мои захватчики были правы — я словно мотылек полетел на огонь, и в итоге мне обожгло крылышки.

Глава 13
В ПЛЕНУ

Вежливыми манерами мои спутники не отличались, и если тот, кто сидел у меня на ногах, лишь поторапливал, то второй постоянно толкал в спину, и я едва не падал. Наконец мы вышли на небольшую лесную полянку, где горел костер. Возле костра сидело человек (или не человек) десять. Еще несколько стояли или лежали в отдалении от огня, и я попросту не мог их сосчитать. Многочисленная компания.

---

[1] Отправим его во тьму? — *Здесь и далее орочий.*

[2] Нет! Отведем к костру, Багард сам разберется.

[3] Приглядывай за мотыльком, Олаг.

[4] Пригляжу.

— Гхей Багард! Масат'у нер ашпа туг Олагэ перега![1]— крикнул Здоровяк.

Фигуры у костра зашевелись и встали на ноги. Меня подтолкнули поближе к огню. У ребят, плениших меня, была смуглая кожа, желтые глаза, черные губы, клыки, волосы цвета пепла.

«Эльфы!» — обрадовался я, а затем пригляделся и очень, очень расстроился. Сбылись мои опасения. Из двух зол я угодил к худшему. Эльфы никогда не собирают волосы в хвосты, эльфы не такие массивные, и эльфы никогда не носят ятаганы. Вековечная тьма и все боги Сиалы вкупе с проклятущим Хозяином!

Первые! Я угодил в лапы к оркам! Хотя мне немножечко повезло. На желто-коричневых одеждах Первых были нашивки клана Ходящих по ручью, а это намного лучше, чем встреча с теми же Грунскими ухорезами. Во всяком случае, меня не будут убивать сразу.

— Где вы нашли это? — спросил невысокий орк.

— Ходил вокруг костра, Багард,— переходя на человеческий язык, заговорил Нездоровяк.

— Мартышка была одна?

— Да, прежде чем его схватить, мы осмотрели окрестности. Он был один. Олаг подтвердит.

Нездоровяк кивнул. Орки вновь перешли на свой язык, быстро переговариваясь. Я стоял, словно баран, и ожидал, что же из всей этой канители выйдет. Вроде Багард был главным в этом отряде, во всяком случае, он произнес несколько резких фраз, и шестерка Первых скрылась в ночных зарослях.

— Оружие? — Багард вновь заговорил на людском языке.

Олаг протянул командиру мой нож. Багард бесстрастно повертел клинок в руках и передал одному из орков, стоявших рядом с ним.

— Это все, Фагред? — Вроде Первый был немножечко удивлен.

— Да,— кивнул Здоровяк.

— Обыскивали?

— Кро.

— Он не слишком похож на воина,— сказал один из орков.

— Сейчас мы все узнаем, к костру его!

Фагред и Олаг подхватили меня под руки и поволокли к огню. Я, понятное дело, ожидая того, что сейчас мне начнут поджаривать пятки, начал сопротивляться, но орк, завладевший моим ножом, от души дал мне под дых, и сопротивляться сразу как-то расхотелось. Теперь была только одна забота — попытаться вдохнуть. Меня бесцеремонно усадили возле огня, и Фагред стал задавать вопросы:

— Кто ты? Сколько вас? Что ты делаешь в нашем лесу?

---

[1] Эй, Багард! Посмотри, кого мы с Олагом поймали!

Каждый вопрос орк сопровождал звонкой оплеухой. Если учесть размер его лапищ — а орк был ничуть не меньше того же Медка,— то я вполне справедливо опасался за целостность своей головы. Увы, ответить я ничего не успевал, потому как оплеухи сыпались на меня с той же скоростью, что и вопросы. А вопросы чередовались в крайне быстром темпе. Когда Фагред стал задавать их по пятому кругу, все более распаляясь от моего молчания, раздался голос Багарда:

— Хватит!

Фагред, недовольно ворча, отошел.

— Обыщите его.

Меня вновь поставили на ноги, сняли сумку, ловко прошлись по одежке.

— Недл кро[1].

— Говорил же я, что это на воина не похоже,— пробурчал один из орков и подбросил в огонь еловых веток.

К этому времени вернулась шестерка воинов, посланных Багардом в разведку. Один из Первых отрицательно покачал головой и убрал стрелу в колчан.

— Если он не похож на воина...— Желтые глаза Багарда внимательно изучали меня.— Шокрен, проверь мартышку!

Из тени вышел орк, и я похолодел — у парня на голове был странный головной убор, слишком уж сильно смахивающий на шляпу шамана. Вот только шамана до полной кучи мне и не хватало! Шокрен чем-то неуловимо напоминал Багарда, видать, ребята были родственничками. Шаман подошел и, не прикасаясь ко мне, молча провел открытой ладонью.

— Шея,— буркнул Шокрен, и чьи-то проворные руки враз избавили меня от медальона-капельки Кли-кли. Шаман удовлетворенно кивнул.— Рука, левая.

Браслет Эграссы лег рядом с медальоном Кли-кли.

Шокрен довел ладонь до моих сапог и сказал:

— Все, он чист.

— Что за безделушки? — Олаг вертел в руках браслет из красноватой меди.

— Долго объяснять.— Шокрен убрал медальон-капельку к себе в сумку, а затем взял из рук Олага браслет.

Подержал в руках, внимательно изучил, а затем бросил на траву и скомандовал:

— Все назад!

---

[1] Ничего нет.

Орки послушно отошли, причем Олаг взял заботу обо мне на себя и без всяких разговоров оттащил в сторону. Между тем шаман что-то пробормотал, сложил пальцы левой руки в замысловатый кукиш, и браслет Эграссы расплавился, превратившись в маленькую лужицу.

— Теперь они тебя не найдут, мартышка,— усмехнулся шаман.

— Поводок? — со знанием дела спросил у Шокрена Багард.

— Да.

— Низшие?

— Вероятно.

Низшие? Так Первые называют эльфов, если не ошибаюсь. Кстати, теперь Эграссе будет достаточно проблематично меня найти.

— Так наш мотылек спутался с этим стадом? — нехорошо хмыкнул Фагред.

— Дайте мне его сумку,— внезапно сказал шаман.

Кто-то из Первых тут же протянул Шокрену мою сумку. Надо ли говорить, что случилось, когда шаман выудил из нее Рог Радуги? Естественно, обычные орки ничего не поняли, но Шокрен, Багард и Олаг многозначительно переглянулись. У шамана так вообще руки затряслись.

— Что это? — вытянув шею, осторожно спросил Фагред.

— Это то, что поможет Руке в битве с Низшими,— благоговейно пробормотал Багард.— Запомните этот день, воины.

— Ай да Мотылек! — Олаг криво усмехнулся.— Какие еще сокровища ты нам приволок?

Шокрен аккуратно положил Рог на расстеленный кем-то из воинов плащ и вновь взялся за мою сумку. Горсть плодов с презрением была отброшена в сторону, затем из сумки появился Ключ. Слеза дракона сверкнула в свете костра, и из глоток Первых вырвался единый восхищенный выдох. Похоже, все знали, что сейчас сжимал в руке шаман. Тот держал Ключ двумя пальцами, словно боялся, что реликвия возьмет и исчезнет.

— Ключ от Створок! — выдохнул один из воинов.

— Верно. Вот только как реликвия Низших попала к человеку? — Шокрен посмотрел на меня.— Ты был в Храд Спайне?

— Да.— Я не видел смысла врать.

— Это оттуда? — шаман кивнул на Рог.

— Да.

— Хорошо.— Видимо, орк был вполне удовлетворен моими односложными ответами.

— Больше никаких подарков Мотылек нам не принес? — поинтересовался Фагред.

Шаман молча перевернул сумку, и на орочий плащ обрушился изумрудный дождь. Кто-то из Первых тихонько хмыкнул.

— Что с ним делать, Багард? — спросил Фагред.

Командир отряда безразлично пожал плечами:

— Нам лишние рты не нужны.

Огромный орк понимающе усмехнулся и взялся за нож.

— Погоди, Багард.— Шокрен не спеша складывал все сокровища обратно в сумку.— Эта мартышка не так проста, как кажется. Когда будет свободное время, я с ним поговорю, да, думаю, и Рука тоже.

— Рука далеко,— нахмурился Багард.

Орки отчего-то совершенно не желали разговаривать на своем языке.

— Отошлю к нему ворона с посланием, он решит, как распорядиться всем этим. В любом случае Мотылек послужит хорошей ставкой на Празднике середины осени. Отправь мартышку к остальным.

— Хорошо,— согласился Багард, а затем заговорил на орочьем.

Первые, видимо, потеряли ко мне всякий интерес и, возбужденно переговариваясь, стали рассаживаться вокруг костра. Шаман перекинул мою сумку через плечо, думаю, теперь он с ней не расстанется, даже если на него нападут все темные эльфы Черного леса.

Проклятье! Орки завладели Рогом Радуги и Ключом! Узнай об этом Эграсса, его паралич от огорчения разобьет! Вроде бы орки не обращали на меня никакого внимания, и я решил рискнуть, то есть смыться. Лучше бегать по Заграбе со связанными руками, чем оставаться в обществе Первых.

Естественно, за глупость следует платить, ну я и расплатился. Фагред, как оказалось, глаз с меня не спускал, и пробежал я не больше шести ярдов. Проклятый желтоглазый ублюдок догнал меня, сбил с ног и со всей дури прошелся кулаком по затылку. Да так прошелся, что в глазах вспыхнуло сразу пять лун, и я потерял сознание.

— Да оставь ты его, все равно долго никто из нас не проживет.

— Это мое дело, лучше дай воды, человек.

— Разбежался, зеленый. На этого типа Первые порцию не выделяли!

— Дай ему воды, Киор.

— «Дай ему воды, Киор. Дай ему воды»... Вечно ты так! Бери, зеленый.

На лоб легло что-то до жути приятное и холодное. Я счел за лучшее открыть глаза.

— С пробужденьицем вас.

Я изумленно уставился на говорившего. Вроде не сплю, а видения продолжаются. Или это все-таки сон?

— Кли-кли, ты?! — прохрипел я, пытаясь сесть.

Лучше бы я этого не делал. Земля и деревья закружились, и я со стоном рухнул на подстилку из еловых веток.

— Ошибся, паренек,— между тем хмыкнул гоблин и убрал с моего лба мокрую тряпицу.

Да я и сам теперь видел, что это не Кли-кли. Гоблин был гораздо старше моего королевского дурака. Его кожа казалась светло-зеленой и потускневшей, кустистые брови, нос крючком, половины зубов как не бывало, и глаза не нежно-голубые, а фиолетовые. Да и сам гоблин был похож на маленькую сморщенную зеленую обезьянку.

— Я...

— Ты совершил достаточно большую глупость, пытаясь убежать от Первых. Как тот громила тебя не убил, вот чему я не перестаю удивляться! Как ты?

— Голова болит,— поморщился я и сделал вторую попытку встать.

На этот раз получилось, и земля даже не закружилась.

— Не волнуйся, скоро твою голову отчекрыжат, и ничего болеть не будет,— закашляли сбоку от меня.

Я счел нужным скосить глаза и увидел говорившего. Это был огромный детина, по глаза заросший густой черной бородой. Он с вызовом выдержал мой взгляд и снова закашлялся.

— Это Киор,— пояснил гоблин, и любви в его голосе к лохматому чуду природы я что-то не услышал.— А это Мис.

Рядом с Киором сидел сухощавый мужик лет сорока пяти. Лысый, кареглазый, усатый. У него было кое-как перевязано правое плечо. Мис приветливо кивнул:

— Добро пожаловать в нашу невезучую компанию, парень.

— Воин? — спросил я, найдя в себе силы кивнуть ему в ответ.

— Угу,— ответил мне Мис и закрыл глаза.

Что ж, я не ошибся. Вот только как воина Пограничного королевства занесло в эти дебри?

— У тебя имя есть? — между тем спросил меня гоблин.

— Гаррет.

— А я Гло-гло,— ощерился зеленый.— Будем знакомы.

Над Заграбой просыпалось утро, но света было мало, так как небо обложило тучами, и вот-вот должен был пойти дождь. Костер в середине поляны едва горел, большинство орков спали. Лишь несколько часовых у самой кромки леса несли службу. Правда, не сомневаюсь, что Багард расставил секреты по всем окрестностям. Это же сколько я провалялся? Целую ночь?! Крепкая, однако, у Фагреда рука! В затылке пульсировала тупая боль, и я, морщась, приложил к

нему левую руку. Тут только до меня дошло, что руки уже не связаны.

— А незачем,— словно читая мои мысли, ответил гоблин.— Куда ты тут сбежишь? Вон глянь!

Я посмотрел в сторону, указанную гоблином. На суку ближайшего дерева тихонько покачивался повешенный за ноги человек.

— Это напарничек нашего Киора,— охотно пояснил мне Гло-гло.— Он вчерась вздумал сбежать, ну его и подвесили в назидание остальным. И живот на всякий случай вспороли.

— Помолчал бы, зеленый! — зло сверкнул глазами Киор.

— Намолчался уже, хватит! — Гоблин уселся рядом со мной и зашептал мне на ухо: — Не обращай на него внимания, Гаррет. Киор — браконьер, охотился в орочьих угодьях на золотую кошку, а Первые его поймали. Вчера, кстати, поймали, часа за три до твоего появления. У орков был удачный денек.

— Ясно,— пробормотал я, хоть как-то пытаясь остановить поток его красноречия.

— Ты-то как в Заграбе очутился?

— Гулял,— хмыкнул я.

— Ох уж эти мне тайны,— вздохнул Гло-гло.— Это ты Киору можешь рассказывать, что просто гулял. Думаешь, я не видел, что Первый достал из твоей сумки?

— Откуда ты знаешь, что это такое? — полюбопытствовал я.

— Я как-никак шаман.

Я недоверчиво хмыкнул:

— Обычно шаманы в руки к оркам просто так не попадаются.

— Это если они перед этим не потеряли бдительность,— огорченно вздохнул Гло-гло.— Я и вправду шаман.

— Тогда что ты здесь делаешь?

По мне, раз гоблин шаман, то уж должен был найти способ смыться.

—То же, что и ты. Вот.— Гоблин показал мне руки, на которые были напялены варежки.

Странные, надо сказать, это были варежки. Во всяком случае, на каждой был замок и стягивающая цепочка. Выходило нечто вроде кандалов. Просто так их не снимешь. Хотя замочки были пустяковые, и, думаю, постаравшись, я смог бы их отомкнуть. На каждой из варежек были начертаны какие-то руны.

— Это зачем?

— Чтобы я колдовать не мог,— расстроенно прокряхтел шаман.— Варежки ограничивают движения пальцев, а руны не дают волшебству работать, и пока на мне эти орочьи штуки, ни о каких

заклятиях и речи быть не может. Попытаться-то я могу, но что в итоге у меня выйдет, неведомо даже лесным духам.

— И после этого некоторые еще пытаются утверждать, что шаманство лучше волшебства? — в общем-то ни к кому не обращаясь, пробормотал я.

Но Гло-гло услышал и, приняв мои слова на свой счет, обиженно засопел.

— Дай срок, освобожу руки, они-то у меня тогда попляшут! — мстительно процедил гоблин, с прищуром наблюдая за спящими орками.

— Если только тебе раньше руки не отрубят,— «обнадежил» Гло-гло Мис.

— Не отрубят,— беспечно отмахнулся гоблин.— До Праздника середины осени я могу ничего не опасаться.

— А что будет потом? — спросил я.

— Суп с котом! — отрезал все еще дувшийся на меня Гло-гло.

Между тем стал накрапывать мелкий дождик, а поутру — это не самый приятный подарок. Лагерь постепенно просыпался. Несмотря на дождь, орки вновь разожгли костер. Багард сновал среди Первых, отдавал приказания, и воины достаточно бодренько их исполняли. Я заметил шамана, так и не расставшегося с моей сумкой. Вроде бы я даже заскрипел зубами с досады. Ну что мне стоило не лезть на рожон, а обойти костер стороной и дождаться, когда меня нагонит эльф?!

Орки занимались своими делами, мы мокли под дождем. Идиллия, одним словом. Так прошло часа два, и, несмотря на непрекращающуюся изморось, я умудрился задремать. Разбудили меня отчаянные тычки Гло-гло. Я сонно захлопал глазами, пытаясь выяснить, что происходит.

— Началось,— произнес Мис, а затем грязно выругался.

— Чего началось? — не понял я, но никто из моих товарищей по несчастью не счел нужным ответить.

Все как один смотрели на середину поляны. Я, так и не получив разъяснений, тоже стал наблюдать за суетящимися орками. Кто-то заливал костер, кто-то поспешно складывал вещи. Двое орков приволокли из леса огромный пень. Это еще на кой?

— Сколько их?

— Сколько кого? — Мис удосужился мне ответить.

— Орков.

— Девятнадцать. Они — передовой отряд, за темными гнались.

— Темными? — не понял я.

— Темными. Эльфами. Отряд эльфов хорошо погулял в орочьих угодьях, а команда Багарда ринулась в погоню и в итоге поймала не только эльфов, но и всех нас,— сплюнул Гло-гло.

— Они поймали эльфов? — Положительно я сегодня очень туго соображал.

Впрочем, со мной такое частенько бывает после того, как приложат по башке чем-нибудь тяжелым.

— Ну не всех...— протянул Гло-гло, наблюдая, как Фагред устанавливает пень на середине поляны.— Тех, кому не повезло погибнуть в бою. Вон, кстати, они.

Из-за дерева, где висел один из пленников, восьмерка орков вытолкнула четверых эльфов. Было слишком далеко, чтобы я мог рассмотреть лица пленных и гербы их домов, но то, что один из четверых был женщиной,— несомненно. Выглядели эльфы не очень живописно, словно побывали в комнате, набитой взбесившимися кошками. На Вторых живого места не было, обработали их хорошо. Один из эльфов еле шел, и его поддерживали двое товарищей. Темных вывели на середину поляны, где уже собрались все орки, и Багард коротко кивнул.

— Что они хотят с ними сделать? — спросил я, хотя уже и так знал ответ.

Расправа была быстрой и кровавой. Орки не стали изощряться в пытках и тому подобных эльфийских шалостях. Первые попросту поочередно уложили эльфов на импровизированную плаху, и огромный Фагред топором отрубил темным головы. Орки бесстрастно наблюдали за казнью, а когда все было кончено, отволокли тела к висевшему на дереве покойнику.

— Вот и все,— кашлянул гоблин.

— Похоже, еще не все,— процедил Мис.

Я проследил за его взглядом, и в животе у меня все заиндевело. Багард указывал Первым на нашу притихшую кучку. От отряда отделились трое воинов.

— Я просто так не дамся,— пробормотал воин Пограничья.— Пусть поищут себе другого барана на заклание.

Мис сжал рукой невесть откуда взявшийся у него короткий острый сучок. Таким вполне можно было ударить в глаз или в шею. Весь вопрос — дадут ли орки ему это сделать?

Двое воинов подошли к нам, и я поджал ноги на тот случай, если Мис решит действовать, и мне придется пнуть ближайшего орка. Но Первые, не обращая никакого внимания на меня и Миса, схватили разом побледневшего Киора под руки и поволокли к плахе. Траппер орал и вырывался до тех пор, пока третий орк не саданул его пяткой копья в живот.

— Почему его? — хриплым голосом спросил я.

— Он браконьер,— неохотно сказал Гло-гло.— Когда его поймали, нашли несколько шкур золотых кошек. А браконьер для орков все равно что лесоруб.

Вопящего Киора подтащили к плахе, но не положили на нее, а просто растянули на траве, как для четвертования, и Фагред поднял свой страшный топор. Два быстрых удара — и вопль браконьера перешел в хрип.

— Спаси нас Сагот,— пробормотал я и отвернулся.

Орк отрубил человеку обе руки по самые плечи.

— Сагот здесь не поможет,— сказал Мис.— Сюда бы два десятка наших из отряда «Лесных котов», да с луками...

Киор, между тем, затих. Никто из орков не подумал перевязать страшные раны, и браконьер очень быстро умер от потери крови, а если боги были милостивы, то он потерял сознание сразу после пытки. Орки между тем подвесили обезглавленные тела эльфов рядом с уже висящим приятелем Киора и теперь насаживали головы темных на вбитые в землю колья.

К нам подошел Олаг, внимательно осмотрел всех троих и произнес:

— Посмотрите на висящее мясо и запомните: то же самое будет с вами, если хотя бы один из вас вздумает бежать. Вам понятно, мартышки, или мне объяснить еще раз?

— Не считай нас глупее себя, орк,— кашлянул Гло-гло.— Мы не глухие и все поняли.

Похоже, шаман нисколько не опасался, что Первый сделает ему больно. Олаг хмыкнул и посмотрел на гоблина, словно впервые его увидел.

— Ну, раз тебе понятно, зеленый, собирай мартышек в путь, мы выступаем.

Сказал и ушел.

— Куда мы выступаем? — спросил я, ежась от проклятой влаги, льющейся с неба.

— Туда,— неопределенно буркнул гоблин и закутался в плащ.

Ни о каком побеге не могло быть и речи. Нас троих поставили в середину цепочки, и сбежать так, чтобы тебя не заметили, было достаточно проблематично. Также не стоило забывать, что сзади шествовал Олаг, беспечно мурлыкая песенку, и Фагред с топором. Последний внушал мне заметные опасения, потому что как только я встречался с ним взглядом, орк мечтательно улыбался и поглаживал свое оружие.

Понятное дело, о чем думал этот парень. Он не успокоится, пока не снесет мне черепушку. Так что мне придется постараться и отсрочить удовольствие этому громиле на как можно более длительный срок.

Дождь, по счастью, кончился, но было не настолько тепло и сухо, чтобы я чувствовал себя уютно. Так что приходилось ежиться, стучать зубами и молиться, чтобы боги распугали тучи и показали солнышко. Впереди меня семенил маленький Гло-гло. Он постоянно кашлял, кряхтел и тихонько ругался сам с собой. Орков вроде бы это забавляло.

— Эй, парень! — позвал меня Мис.

— Ну? — спросил я, не оборачиваясь. Незачем привлекать к себе лишнее внимание Первых.

—Ты вроде Сагота поминал. Ты вор?

— В точку попал,— сказал я, перешагивая через лежащую на звериной тропе толстую ветку.

— Как тебя сюда занесло?

— Прекратить разговоры, мартышки! — рявкнул Фагред.— Наговоритесь на привале!

Пришлось заткнуться, благо я уже успел понять, что Фагред шутить не любил и терпимостью Олага не отличался.

Багард вел отряд куда-то на юг, в глубь Заграбы. Не могу сказать, что мы путешествовали по лесу прогулочным шагом, но и не очень-то торопились. Даже коротконогий Гло-гло был в состоянии поддерживать заданный орками темп.

Багард, надо отдать ему должное, беспечностью не страдал, поэтому несколько орков все время шли впереди нас, разведывая местность на предмет возможных неприятностей вроде эльфийских стрелков или задремавшего Х'сан'кора. Мимо, спеша к голове нашей маленькой колонны, протопал Шокрен. На плече шамана примостился здоровый ворон. Я бросил полный вожделения взгляд на свою сумку, болтающуюся на боку у орка. Шокрен заметил мой интерес и нахмурился. Я видел, как шаман нагнал Багарда и, указав на меня, что-то сказал ему. Багард задумчиво кивнул и остановился, дожидаясь, когда я до него доковыляю.

Багард терпеливо дождался, когда я с ним поравнялся, и пошел рядом.

— Мой брат сказал, что тебе следует выдать куртку.

Признаюсь честно, эта фраза поставила меня в тупик.

— Был бы очень благодарен,— осторожно проговорил я.

— Мне не нужна благодарность мартышки,— отрезал орк.— Ты низшее существо и, что самое забавное, даже не можешь этого понять. Фагред, скелл драго с'и ллост![1]

Тьма знает, чего там Багард протявкал, но идущий позади нас Фагред недовольно заворчал:

— Прза? Шедо т'на гхону![2]

— Не сейчас. Он может понадобиться Руке, или ты хочешь, чтобы мартышка сдохла от холода в дороге?

Огромный орк сразу перестал спорить и спустя минуту протянул мне выуженную из заплечного мешка кожаную куртку с капюшоном. Одежка к тому же оказалась еще и с меховой подкладкой. Просто какой-то день сюрпризов! Правда, куртка была несколько большего размера, чем требовалось, но, понятное дело, я и не думал жаловаться. Сразу стало теплее. Вот только радости в желтых глазах Фагреда по поводу пожертвований в пользу Гаррета я не увидел. Боюсь, он поставил в памяти еще одну зарубку на предмет расправы над некой не в меру говорливой мартышкой.

Трижды мы останавливались на привал. Один раз нас соизволили покормить, а затем снова погнали в дорогу. До вечера мы прошли еще уйму ярдов, и, когда Багард остановил отряд на ночевку, я без всяких колебаний рухнул на землю.

— Не время спать, Мотылек! — Фагред пребольно пнул меня прямо в бок.— Вначале следует сделать себе постельку.

Пришлось встать и, скрежеща зубами на проклятого орка, сгрести в кучу опавшие листья. Затем мне и Мису дали задание наломать еловых веток, и только после этого орки оставили нас в покое. Приперся Шокрен, поводил руками и вновь свалил.

— Это что?

— Это такая маленькая тревога,— охотно объяснил мне Глогло.— Выйдешь за границу круга, и начнется шум, все орки сбегутся.

— Что-то я не вижу никакого круга.

— Ну ты даешь, человек! — искренне удивился старый шаман.— По-твоему, орк дурак? Все так и задумано, чтобы ты его не увидел!

Стемнело. Орки разожгли костер и словно забыли о нас. Да и чего им о нас вспоминать?! Волшебство Шокрена делает за них всю работу. Затем Первые стали готовить ужин, и мне приходилось глотать слюну, чтобы не захлебнуться. Удивительно, но, когда еда была готова, пришел Олаг и еще один орк. Они оставили нам вполне приемлемую порцию мяса и флягу с водой. Выходит, морить нас голодом в планы Первых не входило.

---

[1] Фагред, дай ему свою куртку!

[2] Зачем? Он все равно подохнет!

За едой постепенно разговорились. Гло-гло насел на меня по поводу Рога Радуги, и пришлось рассказать настырному гоблину краткую и хорошо подчищенную версию истории. Вроде бы старый шаман остался доволен моим рассказом и отстал.

— А ты как здесь очутился, Мис? — спросил я воина Пограничья, когда с едой было покончено.

— Да эти...— неохотно кивнул в сторону Первых пожилой воин.— Ты знаешь, что такое дальний рейд?

— Представляю,— ответил я ему.— Это нечто вроде забавы у Диких, когда они до Игл Стужи доходят?

— Во-во,— хмуро подтвердил Мис.— То самое. А у нас дальний рейд — это прогуляться по Золотому лесу и посмотреть, хорошо ли ведут себя орки и не собираются ли они чего-нибудь учудить. Ну вот и попали мы с ребятами в переделку. Эти на нас с деревьев словно переспелые груши посыпались, никто из наших пикнуть не успел, всех перещелкали за милую душу. А меня этот ихний колдунец скрутил. На забаву.

— Понятно,— сочувственно ответил я.— Гло-гло, ты так и не сказал, зачем мы им живые нужны и куда нас ведут.

— Зачем ты им живой нужен, и так понятно. Будет к тебе со временем важный разговор. А мы им живые — ради забавы, хотя, я думаю, и ты не избежишь нашей участи.— Гоблин отвечал, развалившись на еловых ветках.

— Ты о чем?

— Будто не догадываешься? — весело закудахтал Гло-гло.

— Вот не поверишь, ничего не понимаю.

— В лабиринт нас ведут. В лабиринт, парень! Знаешь такое чудненькое местечко?

— Слышал,— сказал я, перепугавшись до безумия.

— Слышал,— передразнил меня гоблин.— У этих желтоглазых крыс скоро Праздник середины осени. А какой это праздник без гоблина в лабиринте? Ты думаешь, они такие добрые, раз меня не убили? Это они меня до их сраного лабиринта берегут, потому и стерпят почти любую гадость, что я им скажу!

— Эй вы! Обезьяны! Пожрали? Тогда дрыхните, завтра снова в дорогу! — рыкнул кто-то из часовых.

Была середина ночи, а я так и не смог заснуть. Видно, сказывалась новость о том, что меня собрались засунуть в лабиринт.

Костер едва горел, орки спали, и лишь тени часовых то и дело пересекали поляну. Этой ночью было не так холодно, как предыдущей, хотя, по словам Гло-гло (сейчас тихонько посапывающего у меня под боком), уже наступил октябрь. Звезды на небе так и не по-

явились, но бледный призрак луны присутствовал. Я все еще думал, что нахожусь во власти очередного кошмара, и надеялся вот-вот проснуться в Костяных дворцах.

Рог Радуги в лапах орков, я в плену, впереди маячит безрадостная перспектива лабиринта, а друзья-соратники не могут прийти мне на помощь просто потому, что какой-то не в меру умный шаман взял да и расплавил браслет. Бежать, во всяком случае пока рядом Шокрен и Фагред, не представляется возможным. Да и куда мне бежать? Вокруг чащобы, а орки здесь как дома, враз найдут, и тогда поминай как звали. Да и Рог останется у шамана... Что остается? Остается только ждать подходящего случая и улыбки удачи. Теша себя безумным призраком надежды, я наконец-то провалился в сон.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего. Моросил мерзкий дождик, но на этот раз я чувствовал себя вполне комфортно, благо куртка Фагреда защищала от мелких капризов осенней погоды. Мы топали по желто-красному, все еще не отошедшему от ночной дремы лесу. Полдня нам пришлось плутать по болоту, заросшему сухим камышом. Тьма знает, зачем Багард нас сюда привел, но я вдоволь напрыгался с кочки на кочку. Скажу вам, что впечатления от прыжков достаточно яркие. Когда находишься в воздухе, а под тобой темная нетронутая гладь воды, где скрыта вечно голодная бездна...

Каждый прыжок приходилось рассчитывать, но в итоге одного орка отряд Первых все же недосчитался. Это случилось под вечер, когда уже все устали прыгать по проклятущему болоту. Один из желтоглазых не рассчитал длину прыжка и рухнул в воду всего лишь в четверти ярда от островка, на котором росла одинокая чахлая осинка. Достать Первого не успели. Он сразу ушел под воду с головой, и сколько бы ни бесился командир орков, отобрать воина у бездны не удалось. В итоге после пятиминутных попыток нащупать палками утонувшего орки продолжили путь, а черная и сразу же успокоившаяся торфяная вода выдала нам на прощание всего лишь несколько пузырьков.

Фагред рвал и метал, и я старался не попадаться ему под руку. Тяжелее всего было Мису, который после каждого прыжка морщился и шипел,— сказывалась боль в плече. Гло-гло так вообще должен был загреметь в болото. Шаман гоблинов не отличался большим ростом и прыгучестью. По приказу Багарда Олаг отдал свое оружие на попечение дружка Фагреда и взял Гло-гло себе на закорки. Гоблин, конечно, не удержался и тут же съязвил, что свершилось форменное чудо — впервые гоблин катается на шее орка.

Олаг тут же снял Гло-гло с закорок, взял его за шкирку и погрузил в болото по пояс, любезно поинтересовавшись, не собирается ли зеленая гнида заткнуться и, если нет, не разжать ли Олагу руку и не отправить ли никчемное низшее существо прямиком в Лужу бездны?

Гло-гло, враз поняв, что его шутку Олаг не оценил, нижайше заверил Первого, что он будет нем, как белка, обожравшаяся орехов. Видимо, орк удовлетворился обещанием Гло-гло и вновь закинул гоблина себе на плечи, даже не посмотрев на то, что шаман насквозь мокрый. Гло-гло, кстати, сдержал свое обещание, и до того момента, как отряд добрался до нормальной земли и Олаг освободился от ноши, гоблин не произнес ни слова, лишь кряхтел, когда Первый перепрыгивал с кочки на кочку.

— Гло-гло,— обратился я к гоблину,— а чего мы через болото поперлись?

Мы шли по широкой тропинке, протянувшейся меж старых, обветренных каменюк, разбросанных в зарослях то ли терновника, то ли еще какой неизвестной мне растительности.

— Через Лужу бездны-то? — уточнил шаман.— Так быстрее, пусть и опаснее. Если бы мы обходили болото, потеряли дня четыре, а так за половину управились.

— Поскорей бы уж привал,— сплюнул идущий позади меня Мис и тут же словил тычок Фагреда.

— Устали, мартышки? — поинтересовался орк.— Только скажите, и я облегчу ваши страдания. Навечно.

Естественно, никто и не подумал ему отвечать. Мало удовольствия получить еще один пинок от эдакой скотины.

— Через полчаса стемнеет,— буркнул Мис.

— Почти пришли.— Гоблин потер ноющую спину.— Сейчас сами все увидите.

И действительно, не прошло и десяти минут, а кусты растительности сменились красными кленами, а те в свою очередь уступили место мощным кряжистым дубам. Каменюки перестали быть каменюками и стали походить на древние развалины. Еще несколько минут, и я уже шел по городу, пускай этот город и был разрушен намного сильнее, чем Чу.

На земле остались лишь едва видимые остовы бывших фундаментов зданий да разбросанные вокруг деревьев каменные глыбы и плиты. Ни одного целого строения за все время нашего пути по развалинам я так и не увидел. Лишь однажды я заметил поваленную колонну, больше чем наполовину вросшую в землю. Дубы здесь стояли чуть ли не сплошной стеной, и мне пришлось протискиваться

между стволами, чтобы попасть в центр кольца, образованного деревьями.

Очередная шутка природы или деревца посадили чьи-то заботливые руки? Очень уж мне это место напомнило кольцо златолистов у входа в Храд Спайн. Броди я по этим местам один, без чуткого надзора орков, никогда бы не догадался, что за деревьями может что-то скрываться.

Прямо в центре большой поляны, уже изрядно поросшей побегами молодых дубков, возвышалась круглая каменная площадка, а из нее вырастал высокий ослепительно белый иглообразный обелиск. Он словно бы впитывал в себя окружающий свет и даже на фоне величественных деревьев казался истинным совершенством.

— Единственное, что уцелело в этом городе,— безразлично кивнул в сторону сооружения Гло-гло, никак не разделяя наших с Мисом восторгов по поводу красоты этого места.— Все остальное — труха времени.

— Это город Бу? — спросил я у старого гоблина, припоминая давние рассказы Кли-кли.

— Нет, это Безымянный город,— ответил Гло-гло.— А откуда это ты знаешь о городе Бу?

— Знакомый гоблин просветил.

— Ох уж мне эти знакомые гоблины. Как ты там говорил его зовут? Кли-кли?

— Да.

— А где он сейчас?

— Где-то возле входа в Костяные дворцы.

Гло-гло недовольно нахмурился, но промолчал.

Нас, как пленников, усадили у самой границы дубов, и Шокрен вновь очертил волшебный круг, чтобы мы, не приведи боги, не слиняли. Мартышек к обелиску пускать никто не собирался. А жаль. Очень уж мне хотелось дотронуться до странного камня. Я физически ощущал исходящее от него тепло.

— Гло-гло, ты не знаешь, кто построил это чудо? — поинтересовался я у располагавшегося на ночлег гоблина.

— Те, кто был до орков и огров,— ответил мне гоблин, когда я уже стал думать, что шаман решил пропустить мои слова мимо ушей.— Давайте спать, думаю, сегодня нас кормить уже не будут.

Гло-гло ошибся, буквально через час нам принесли еду и, о спаси меня боги Сиалы, вино! Настоящее орочье вино, которое редко кто из людей мог попробовать по причине нежелания орков делиться с мартышками такими вещами (единственное, что орки могли выдать людям задарма,— это ятаган в шею).

Так что когда стемнело, мы устроили себе маленькое пиршество. Олаг был настолько любезен, что принес факел на длинном шесте и установил его рядом с нашей тюрьмой, у которой не было ни стен, ни решеток.

— Первые даже решили осветить нашу трапезу,— прочавкал вмиг проснувшийся Гло-гло.

— Жди! — фыркнул Мис, нюхая вино во фляге.— Это чтобы за нами присматривать было сподручнее.

— Да уж не дурак! — хмыкнул Гло-гло, запихивая в рот здоровый кусок мяса.

— Чего это они так расщедрились? — спросил я, поглядывая на сияющий во мраке обелиск.

Зрелище, я вам скажу, еще то!

— Так мы же ценные пленники. Да и завтра никуда идти не надо. Теперь небось проторчим здесь дней шесть, не меньше. Можем расслабиться.

— А ты-то откуда знаешь, зеленый? — Мис протянул флягу мне, и я в ответ благодарно кивнул.

— Я все же шаман как-никак,— обиделся гоблин.— Часа два назад, аккурат после болота, к Шокрену ворон с посланием прилетел.

— Ты еще и читать на расстоянии умеешь? — изумился я.

— Да какое там! — отмахнулся Гло-гло.— У нас, гоблинов, просто слух хороший. Куда лучше, чем у вас, верзил. Я услышал, как Шокрен этому Багарду говорил. Смысл сводился к тому, что надо вести отряд в Безымянный город и ждать у Обелиска древних, когда подойдет другой отряд. А так как тот отряд только у Лисьих холмов, то идти им до нас как минимум дней шесть.

— Кстати, а ты не знаешь, сколько отсюда до Восточных ворот Храд Спайна? — как бы между прочим, спросил я у шамана.

Гло-гло быстро зыркнул на меня из-под насупленных бровей и ответил:

— Если в ваших лигах, то не знаю, не понимаю я по-вашему. А если днями... Ну ты будешь топать все две недели, а то и больше, я за полторы, если приспичит, управлюсь. А орки и эльфы, коли прижмет, в неделю обернутся. Думаешь, твои знакомые тебя еще ждут?

Я пожал плечами:

— Даже если и ждут, то думают, что я под землей.

— Или мертв,— «обнадежил» меня Гло-гло.— Браслет-то твой уничтожен, и тот, кто его тебе дал, вполне может посчитать тебя покойником.

— Весточку бы им послать,— попросил я у гоблина, надеясь, что шаман тут же устроит для меня чудо.

— Как? Птичку попросить? Или мотылька? Так такое только в сказках бывает. Все, давай спать, завтра наговоримся. Скоро полночь.

Кошмары — это мой бич. А уж после Храд Спайна ночи не проходило, чтобы на меня не обрушивалась какая-то гадость. Вот и сегодняшней ночью мне снилось, что я вновь нахожусь в комнате с опускающимся потолком, только на этот раз никакой дыры в полу не существует, и мне остается только метаться из угла в угол и ждать, когда меня расплющит.

Я проснулся. Судя по луне, до рассвета еще больше трех часов. Факел, оставленный Олагом, потух, и никто не позаботился заменить его новым. На поляне весело полыхало сразу четыре костра, да и от обелиска света было вполне достаточно, чтобы видеть лежащих тут и там орков. Не спал только один — тот, кто поддерживал огонь.

Все спят, а это великолепный шанс сбежать, если бы не проклятущий защитный круг Шокрена. Интересно, не будь у Гло-гло на руках варежек, он смог бы разрушить магию орочьего шамана? Я вот уже второй день цеплялся за пока еще безумную идейку — освободить старого гоблина от его волшебных кандалов. К сожалению, замки, удерживающие варежки на руках гоблина, при должном изучении оказались довольно хитрой штукой, и отомкнуть их с помощью обычной щепки и думать не приходилось. Нужно было что-нибудь тонкое и железное, а такой безделушки в наличии ни у меня, ни у Миса, ни у Гло-гло не находилось. Так что оставалось только ждать, что представится шанс и я смогу отомкнуть миниатюрные замки.

«А вдруг Гло-гло просто треплется?» — подумалось мне.

Может, из него такой же шаман, как и из Кли-кли? Тогда освобождать гоблина от оков было бы явным самоубийством. Но выбора-то нет, не так ли?

Наконец удовлетворившись тем фактом, что если мне суждено зажариться от магии гоблина, то зажарюсь я в компании орков, я вновь улегся с намерением поспать хотя бы до утра, но не вышло, так вас растак!

Совершенно случайно я бросил взгляд на остатки нашей трапезы и так и остался лежать с открытым ртом. Прямо на недоеденном куске жареной лосятины сидел стрекозел. А рядом с ним крутился флини, пытаясь отвертеть плотно завинченную крышку фляги с вином. Мое сердце отчаянно заколотилось. Только бы не спугнуть! Только бы не улетел!

Я осторожно приподнялся на локте и прошептал:

— Эй, флини!

Он подскочил и, развернувшись, выхватив миниатюрный кинжальчик. Стрекозел тоже оторвался от еды и, тревожно мекнув, подлетел к своему хозяину. К моему глубокому сожалению, этот флини был мне незнаком и не имел ничего общего с Аарроо г'наа Шпоком. Даже кудряшки у малыша были не золотыми, а черными.

— Отвали, дылда! — Флини угрожающе взмахнул своим смехотворным оружием.

— Не думал, что флини воры.

— Я не вор! — оскорбился парень.— Это еда ничья!

Я огорченно цокнул языком:

— Еда моя, и ты это прекрасно знаешь.

— Ну и ладно! — буркнул флини, в раздражении забираясь на стрекозла.— Смотри не подавись, жадина!

— Постой! — поспешно шепнул я.

— Чего тебе? — довольно неприветливо спросил он, но стрекозел завис в воздухе.

Я отчаянно подбирал слова:

— Мне нужно, чтобы ты передал сообщение.

— Не катит! — фыркнул недомерок.— Я с вашим народом не желаю иметь никаких дел!

— Я заплачу!

— Не катит! Что ценного может быть у пленного, которого орки обыскивают по пять раз на дню?

Но улетать гаденыш не спешил. Ждал. А вдруг у меня все же найдется что-то такое... И это «что-то» у меня нашлось. Шокрен прозевал или не почувствовал дар мертвого короля эльфов. А может, перстень и не обладал никакими магическими штучками и биение сердца в черном бриллианте просто-напросто было каким-то фокусом. Так или иначе, а перстень, спрятанный под перчаткой, все это время находился на моей руке, но теперь с ним придется расстаться.

К сожалению, я недолго владел этой драгоценностью, но сейчас у меня есть шанс с толком распорядиться подарком мертвого короля. Я помнил слова Кли-кли о том, что флини сходят с ума по всяческим перстням и кольцам. Снял с руки перчатку и показал карапузу сокровище. Даже сейчас, в свете белого обелиска и холодной луны, в глубине камня отчаянно трепетал огонек, вторя бешеной пляске моего сердца.

— О-о-о-о...— неожиданно тоненьким голосочком протянул флини.

Маленькое создание было не в силах оторвать от перстня взгляда. Я сел, и стрекозел опустился к моим ногам. Сняв перстень с пальца, я покрутил его в руке, заставляя черный бриллиант ловить

скупые лунные лучи и превращать их в ледяную феерию пламени. По-моему, флини находился в глубочайшем экстазе.

— Это достаточно ценно, для того чтобы ты выполнил простую работу?

Парень нашел в себе силы кивнуть, но взгляда от награды так и не отвел:

— Я Иирроо з'маа Олок из ветви Озерной Бабочки. Что я должен сделать за это?!

— Ты можешь освободить нас и вывести так, чтобы орки ничего не заметили?

— Нет.— Он с сожалением вздохнул.— Может, я смогу сделать для вас что-то еще?

Флини был сама любезность.

— Я отдам тебе перстень, если ты передашь сообщение.

— Согласен! Какое, кому и куда? — поспешно затараторил маленький разносчик новостей.

— Лети к Восточным воротам Храд Спайна, найди Эграссу из дома Черной луны или милорда Алистана Маркауза и передай им, что Гаррет жив и он в плену у Первых. Рог тоже у орков, и меня ведут к Лабиринту. Также скажешь, где ты меня встретил. Это ясно?

Флини, как заморский попугай, повторил все сказанное мной. Я удовлетворенно кивнул и положил перстень на землю. Стрекозел тут же упал на драгоценность, и флини поспешно, боясь, что я передумаю, привязал перстень к брюху своего летающего зверька.

Я наблюдал за мелочью и, если честно, немного нервничал. Душу грызли вполне понятные сомнения — парень получил плату вперед, а сделает ли он работу или полетит прямиком домой, да еще и посмеется потом в компании своих родственничков над тем, как здорово облапошил дылду?

Наверное, на моей физиономии что-то такое было, потому, как флини зыркнул на меня и понимающе усмехнулся:

— Расслабься, человек. Мы всегда выполняем свою работу, это профессиональная этика.

Ни хрена себе он словечки знает! Ну, раз «профессиональная этика», значит, могу быть спокоен.

— Их может не быть у ворот.

— Мне не впервой.— Флини безразлично пожал плечами.— Поищу по окрестностям. Давно они могли оттуда уйти?

Я прикинул:

—Три-четыре дня.

— Отлично! Бывай, человек!

— Когда ты окажешься у спуска в Храд Спайн?

— Сегодня к полудню,— ответил флини и, заметив мой недоуменный взгляд, ухмыльнулся: — У нас есть свои маленькие тайны путешествия по Заграбе, иначе новости, что мы разносим, потеряли бы свою ценность из-за упущенного времени.

— Поторопись, флини.

— Не учи ученого, человек! То, что ты мне отдал, — бесценно, и я, так и быть, из чистой любезности, после того как найду твоих друзей, предупрежу кого надо. Вперед, Лозирель!

Прежде чем я успел спросить, кого это флини решил предупредить, стрекозел скрылся в ночном лесу, унося своего маленького седока и мою большую надежду.

— Будем надеяться, что флини найдет твоих друзей и они успеют нас вытащить,— прозвучал голос, и я, вздрогнув, обернулся.

На меня с усмешкой смотрел старый гоблин. Гло-гло все то время, что я разговаривал с флини, и не думал спать.

В профессии вора одна из неоспоримых добродетелей — умение ждать. На крыше здания, в темном пыльном закутке, по горло в дерьме — неважно, где ты находишься и кого поджидаешь, но если ты терпелив, то тебе всегда будет сопутствовать удача. Поэтому после того как флини улетел, я постарался выбросить его из головы, иначе время бы тянулось катастрофически медленно.

Прошло четыре дня, а орки и не думали никуда уходить. На нас Первые в общем-то не обращали никакого внимания, разве что Олаг проверял, не затеваем ли мы какой каверзы, да Фагред бросал в нашу сторону хмурые взгляды. Внимания обращать не обращали, а кормить — кормили. Не секрет, что знания об орках всегда строятся на досужих вымыслах и легендах. Редко кому из писавших научные труды о расе Первых удавалось увидеть этих самых Первых живьем. Поэтому и в моем представлении (в особенности после краткого знакомства с орками на капустном поле и в некоторых снах-явях) Первые были жестокими, грубыми и неотесанными созданиями, а в итоге...

В итоге по характеру они так походили на эльфов, что впору было диву даваться. Правда, чему тут удивляться? Ближайшие родственнички, побери их тьма! Единственное отличие — орки на дух не переносили чужаков и считали все другие расы намного ниже себя.

Но вернемся к заблуждениям. Я вот лично думал, что нас по крайней мере будут держать на голодном пайке, ежедневно избивать, вгонять под ногти раскаленные иглы и чинить тому подобные зверства. В итоге все оказалось совсем иначе — никто и не думал нас трогать (пара тычков от Фагреда не в счет), а кормили и во-

все замечательно, и наша еда ничем не отличалась от еды орков, правда, вина больше не давали.

Погода улучшилась, ветер унес тучи и дождливые облака куда-то на юг, к Горам карликов, и небо вновь поражало осенней синевой, так красиво гармонировавшей с желтыми листьями деревьев. К тому же еще и потеплело. Наверное, последняя, ну, может, предпоследняя более-менее теплая неделя в этом году.

Пускай Заграба и находится на юге нашего королевства (ха! Это у наших дворян такое мнение. Эльфы и орки считают несколько по-иному, и королевство лесов к Валиостру никоим образом не относят), но скоро и сюда приползет северная мерзопакостная погодка.

Пока же можно было вдохнуть полной грудью запах еще не опавших листьев, понежиться под ласковым и едва теплым октябрьским солнышком и в сотый раз попытаться изобрести Великий и Ужасный план похищения Рога Радуги и побега. Конечно же ничего умного в голову не приходило, а планы, начинающиеся с «отнять у орка ятаган, порубить всех в капусту и стать победителем и героем», отвергались сразу и безо всяких сожалений. Так что оставалось только ждать, ждать и еще раз ждать.

Дважды к Шокрену прилетали вороны, но что было в принесенных посланиях, нам оставалось только догадываться. Гло-гло все дни сидел нахохлившись под старым залатанным плащом и лишь иногда язвительно отвечал на наши вопросы или вставлял ничего не значащие реплики во время наших с Мисом диалогов.

Основным занятием старого шамана оставалось быстрое и едва слышное бормотание себе под нос. То ли гоблин совсем из ума выжил на старости лет, то ли, даже несмотря на варежки, готовил какое-то заклинание. Скорее всего, мое второе предположение было верным, так как, если рядом появлялся кто-то из орков, Гло-гло вмиг затыкался, а уж когда на горизонте начинала маячить рожа Шокрена, старый шаман и вовсе притворялся спящим.

Я, припоминая выкрутасы Кли-кли и то, как он спалил дом с шайкой Неназываемого, старался держать ухо востро. Не приведи Сагот, гоблин решит побаловаться волшебством. Да нет, я, конечно, не сомневаюсь в способностях старикашки, просто, имея на руках варежки, он вполне может чего-то там перепутать, не довести палец до нужного положения, и в итоге его хитрое шаманство подарит нам, к примеру, не крылья, а воз гарракского перца в зад. А такое при должном «везении» и «умении» вполне могло произойти. Огрехи волшебства, так сказать.

Мис поначалу не был склонен к задушевным беседам, но со временем оказалось, что житель Пограничья — прекрасный собеседник

ник. Рана воина постепенно затягивалась, а орки, проявив неслыханную заботу, выделили чистую тряпку и какую-то мазь для лучшего ее заживления. Гло-гло сунул в мазь нос, остался доволен полученным результатом и, посоветовав Мису почаще менять повязки, вновь принялся играть в шепталки.

На пятый день заявились Олаг и улыбающийся Фагред. У последнего в руках был моток веревки. В голову сразу же прыгнула нехорошая мыслишка о том, что кого-то сейчас вздернут.

— Мотылек, вставай! — приказал Олаг.

Как вы, должно быть, догадались, это предложение расстроило меня до такой степени, что я даже остался сидеть на месте.

— Куда вы его ведете? — вступился за меня гоблин.

— Не твоя забота, зеленый! — рыкнул Фагред.

— Вставай, Мотылек! Шокрен ждать не любит! Или мне тебя поднять? — поинтересовался Олаг.

Здраво рассудив, что Шокрен — это не виселица, я встал на ноги, и Фагред тут же накинул мне петлю на шею, а другой конец веревки намотал себе на руку. Вот на таком импровизированном поводке меня и отвели к шаману орков.

Шокрен о чем-то разговаривал с Багардом, но, увидев, что привели меня, прекратил обсуждение.

— Перо ат за нук на тенши[1],— сказал шаман и последовал в сторону обелиска.

Иногда я начинаю очень жалеть, что не знаю орочьего языка.

Фагред дернул веревку, тем самым едва не сломав мне шею, и потащил за Шокреном. Олаг шел рядышком и иногда подталкивал в спину. Ну, право слово, словно барана на ярмарку ведут! Естественно, возмущаться я не стал, так как упрямиться — это прекрасный шанс получить от Фагреда зуботычину.

Меня привели к краю леса, Шокрен уселся на землю и вперил в меня задумчивый взгляд. Разумеется, Гаррету сесть никто не предложил. Так что пришлось стоять, да еще и с этим глупым поводком на шее, и изображать из себя скучающего идиота. Вроде шаман немного расстроился, что его обработка взглядом не дала желаемого результата, и, состроив недовольную рожу, произнес:

— Мне нужно прояснить несколько деталей твоего появления в нашем лесу и узнать, как ты умудрился добыть Рог. Ты будешь отвечать или мне сказать Фагреду, чтобы он подвесил тебя ненадолго?

— Я буду отвечать,— поспешно вякнул я.

---

[1] Ведите это за мной.

— Са'руум[1],— прошипел стоявший за моей спиной Олаг.

— Я буду отвечать, са'руум,— послушно повторил я.

— Хорошо. Если я почувствую, что ты мне врешь, Фагред тебя подвесит.

Я покосился на довольную рожу огромного орка. Этот гад спит и видит, чтобы Шокрен уличил меня во лжи.

А затем посыпались вопросы. Естественно, несмотря на орочьи угрозы, я не собирался трепаться о Заказе. За четыре дня безделья вполне можно было придумать вполне правдивую легенду, просчитать все шаги, сделать пару отходов, и в итоге не то что какой-то шаман орков, даже мой дражайший знакомый, глава Ордена Валиостра Арцивус, никогда бы не отличил правду от лжи. Так что ушам Шокрена и моих охранников-поводырей была поведана душещипательная история старого и очень богатого графа, который поручил вору добыть для его коллекции какой-то неизвестный мне Рог.

Отвалили гору золота, помогли добраться до Храд Спайна, а там боги направили. Взял Рог, по дорожке пособирал изумрудики и каким-то образом очутился в Заграбе. Как очутился? Знать не знаю, ведать не ведаю. Магия какая-то, шутки тьмы одним словом. Как ко мне Ключ попал? А очень просто, господин са'руум. Он у того, стало быть, графа в коллекции уже был, ему эльфы продали.

Олаг тут же громко фыркнул, показывая всему лесу, как он относится к эльфам, продающим собственные реликвии людям, но Шокрен цыкнул на воина и вновь начал задавать мне свои нескончаемые вопросы. Как добирался? С каким отрядом? Были ли в отряде эльфы? Угу, скажи вам, что эльфы были, так мне сразу же присобачат ярлык эльфийского прихвостня.

— Эльфов не было,— ляпнул я и тут же пожалел о сказанном.

Рожа у Фагреда стала какой-то уж очень, просто очень довольной.

— Ты врешь,— бесцветным голосом ответил мне Шокрен.— В городе Чу ты и твои друзья-мартышки убили наших воинов. Фагред единственный, кому удалось отступить. Подвесьте его!

— Вы убили моего брата! Раненого! — Фагред с силой дернул веревку, и я рухнул на колени, хватаясь руками за затягивающуюся петлю.

«Жаль, что не удалось прикончить тебя!» — подумалось мне. А тьма, так вляпаться! Разговаривать с шаманом так же трудно, как с Вухджаазом. Опять пришлось импровизировать.

---

[1] Шаман.

— Были эльфы! Были! — взвизгнул я, видя, как Олаг перебрасывает веревку через сук ближайшего дерева.— Только это были не совсем эльфы!

Шокрен вскинул руку, показывая воинам, чтобы они немного повременили с экзекуцией.

— Чего ты там лопочешь, мартышка? Как это не совсем эльфы?! Как я там говаривал? Врать, так до синей луны?

— Они были ублюдками!

— Мы и без тебя знаем, что все эльфы ублюдки! — Фагред вновь потянул за веревочку.

— Да нет же! Отцами у них были люди, а матерями эльфийки!

Чем невероятнее вымысел, тем он больше похож на правду. Не знаю, возможно ли то, что я сейчас сочинил (вроде ничего такого нигде не было), но орки заглотнули наживку вместе с удочкой. Первые всегда были не лучшего мнения об эльфах и, услышав такое, поверили сразу и крепко. Олаг вроде выругался, на Фагреда смотреть было страшно и одновременно смешно, казалось, его вот-вот стошнит. Шокрен задумчиво потирал подбородок.

— Я знал, что они садисты, но чтобы с мартышками... так...— Олаг даже не посчитал нужным говорить на орочьем.

— Хорошо, тащите это обратно. У меня к нему еще несколько вопросов,— буркнул Шокрен.

Поняв, что вешанье пока отменяется, я немного повеселел. «Несколько вопросов» растянулись на добрый час, но, отдаю себе должное, я ни разу не запутался, хотя допрашивал меня шаман с пристрастием. Наконец он встал с барабана и сказал:

— Уберите это, я узнал все, что хотел.

С этими словами орк направился к обелиску, а меня повели обратно к Мису и Гло-гло, которые находились на другой стороне поляны. На середине дороги Фагреду приспичило поиграться — он стал дергать веревку и, ухмыляясь, предлагать мне поиграть с ним в собачку.

— Давай, Мотылек, скажи «гав»! Ну, чего тебе стоит? Ну же, давай! Скажи «гав»!

Каждое предложение сопровождалось рывком веревки. Я стоически молчал.

— Плохая собака! Плохая! Скажи «гав»!

— Хватит, Фагред,— одернул орка товарищ.— Этот может еще понадобиться.

— Шокрен узнал у него все, что хотел. Говори «гав», Мотылек, иначе мне придется тебя наказать!

— А когда придет время, на кого ты будешь ставить? — внезапно окрысился Олаг.— На зеленого или на ту раненую мартышку?!

Фагред нахмурился, задумался, а затем кивнул:

— Ладно, ты прав, Олаг. Пока можешь не гавкать, Мотылек, но твое время скоро придет. А вековечный лес! Багард зовет. Пригляди за мартышкой, я сейчас вернусь!

Фагред передал веревку в руки Олага и потопал к командиру орков.

— Садись,— приказал Олаг и, показав пример, уселся прямо на покрывающие всю землю желтые листья.

Пришлось сесть. В принципе сейчас, один на один, я мог бы попытаться справиться с орком, но меня останавливали две вещи — кинжал, который Олаг вытащил, как только отошел его напарник, и то, что сейчас мы находились на просматриваемом месте. Пока я добегу до деревьев, меня попросту истыкают стрелами. Так что приходилось сидеть рядом с Первым и ждать, когда вернется Фагред.

— Ты глупая мартышка,— неожиданно произнес Олаг.— Неужели тебе было сложно подыграть Фагреду?

— Я не считаю себя глупой мартышкой и не хочу развлекать твоего друга.

В разговоре с Олагом можно было позволить то, на что я никогда бы не решился в разговоре с Фагредом.

— Не мартышка? — В глазах орка зажглась едва заметная искорка любопытства.— А кто ты?

— Я? Но уж точно не обезьяна.

— Все люди — обезьяны! — безапелляционно изрек Олаг.— Вы хуже животных, вы низшие, вы такая же ошибка богов, как и эльфы, что появились сразу за нами. Этот мир должен был принадлежать нам! Мы! Мы были его единственными хозяевами до тех пор, пока не появились низшие. Да, вы умеете говорить, но дай мне два месяца сроку, и я научу говорить ворона. Умение говорить не означает умение мыслить! Вы все, вы, появившиеся на нашей земле, вы, вырубающие наши леса и не пускающие нас в наши же земли, вы ничуть не лучше грязных и вонючих обезьян, которые научились разговаривать и делать оружие! Стадо тварей! Не будь вас, и на Сиале было бы намного лучше! Мы, орки, Первые дети богов! Высшие! Почему мы должны делить Сиалу с эльфами, которые пришли в Заграбу на все готовенькое, когда мы уже выбили отсюда последних огров, потеряв тысячи?! Но эльфы это еще куда ни шло! Они жестоки и коварны, они много попортили крови моим братьям, но рано или поздно мы сомнем их! А вот люди... Вы появились самыми последними,

даже доралиссцы, это отродье козьих матерей, пришли раньше вас! Вы появились в нашем мире, и мы прозевали эту угрозу! Глупцы! Пока мы воевали с эльфами и пытались выковырять из проклятых гор карликов и гномов, вы разбежались по всему миру, и стало поздно. Больную чумой деревню следует сжигать сразу! Но вы даже хуже чумы! Вы хуже тараканов! Плодитесь со скоростью эльфийской стрелы и отличаетесь безумием бешеного волка! Вы можете только убивать и уничтожать все прекрасное, что есть в нашем мире! Люди — тупые мартышки, и вы не остановитесь до тех пор, пока не разорвете Сиалу на тысячу кусков, не упьетесь кровью и вином!

Он перевел дух.

— Наш прямой долг — всеми силами остановить вас, стереть людскую расу с лица Сиалы, да так, чтобы даже памяти о вас не осталось! А когда последний из ваших детей утонет в океане, мы вернемся и расквитаемся с эльфами и со всеми остальными, что водят с вами дружбу. Если опрокинем вас, значит, и других сомнем! То, что не получилось в Войну Позора, получится сейчас! Пока мы говорим с тобой, мартышка, Рука выводит моих братьев по оружию из наших городов, и скоро, очень скоро мы выступим из Заграбы, маршем дойдем до Авендума и Шамара, а затем настанет черед и других берлог людей! Мы не оставим камня на камне от вашего стада, потому что таким, как вы, не место в нашем мире. А то, что ты принес сюда, поможет нам в битве!

Я молча внимал. Проникновенная речь настоящего фанатика, впрочем, все они фанатики. Глаза орка горели золотым огнем, он то и дело сжимал кинжал, видимо собираясь пустить его в ход, если я начну ему возражать. Первые, Первые... Интересно, что бы он сказал, если бы узнал о Падших?

— Вы, не знающие чести животные, требуете от нас преклонения! Требуете союза! Требуете отдать вам наш лес, принадлежащий по праву Первых, пришедших на Сиалу! Как вы вообще что-то можете требовать от нас?! Как прожорливые червяки могут просить нас о чем-то, ответь мне, мартышка! Чем вы лучше животных?! Ну чем?!! Эльфы хоть и достойны смерти, но хотя бы знают, что такое честь и гордость, а скот вроде вас достоин только смерти. Даже старший сын вашего короля и то безумен!

— Оставь его, Олаг,— неожиданно мягко произнес подошедший Фагред.— Он все равно ничего не поймет.

— Да,— выдохнул Олаг и убрал кинжал за пояс.— Не поймет. Вставай, Мотылек, и помни, если до того момента, как мы дойдем до вашего загона, ты еще раз посмеешь открыть рот, я вырежу тебе язык.

Я и не думал разговаривать. Меня тревожила очень нехорошая новость, что проскользнула в речи орка. Боюсь, что нынешней осенью Первые решили пощупать границы союзных королевств и устроить нам новую Войну Весны.

Глава 14
ЛАБИРИНТ

Гло-гло ошибся — отряд орков, который мы поджидали все это время, явился не на шестой день, а на седьмой, да еще и к самому вечеру.

За неделю мне обрыдли орки. Как говаривал милорд Альгерт, меня от них просто тошнило. Конечно, больше всего неприятностей исходило от Фагреда — здоровенный орк просто не знал, что бы еще такое сотворить, и если бы не Олаг, синяков на мне было бы гораздо больше.

К шестому дню Багард стал заметно нервничать и ежечасно поглядывать на солнышко, поджидая, когда же соизволят приперется его родичи. Напряжение немного спало, когда к Шокрену прилетел очередной ворон. Гло-гло и в ус не дул, словно это орки были у него в плену, а не наоборот. Старый шаман все продолжал бормотать себе под нос гоблинские скороговорки и на мои опасливые взгляды лишь отвечал загадочными улыбочками, что, признаюсь, нервировало меня еще сильнее. Мис последнее время больше спал или сидел, уставившись в одну точку, и иногда я не мог его дозваться.

Впрочем, и я от ничегонеделания потихоньку сходил с ума и старался либо спать (пока сапог Фагреда не прогонял сон), либо наблюдать за действиями и повадками орков, пока какая-нибудь клыкастая тварь не советовала мне (прошу отметить, что советовала она крайне невежливо) пойти поспать. Слова Олага о том, что Первые после стольких столетий покоя решились пощекотать животы Валиостра и Пограничного королевства, никак не шли у меня из головы.

Ну Пограничье, может, и устоит, а вот южные границы родного Валиостра (при разболтанных гарнизонах, где уже не помнят, как держать меч) дрогнут. И погонят Первые нашу армию аж до самой Иселины. Пока очухаются вояки, пока оттянут силы с севера и от Мирануэха, пройдет минимум неделя, а за это время орки много бед натворят. Да и выстоим ли мы, даже если армия подоспеет? Одна надежда на баронов — таких, как Оро Габсбарг,— да на города вроде Майдинга и Мойцига, что совсем рядом с Заграбой. Их стены смогут задержать армию орков, пускай и на непродолжительное время. Будем надеяться, будем надеяться...

Не забывал я о маленьком флини: если он выполнил мое задание и нашел отряд, то помощь должна уже спешить. Вопрос — успеют ли?

Ну так вот, насчет прибывшего отряда орков. К вечеру где-то за деревьями прокричала птица. Орки, сидевшие возле костра и рядом с обелиском, встрепенулись, и кто-то из Первых прокричал в ответ и спустя несколько мгновений на поляну высыпали орки. Они все шли и шли, и, когда последний вышел из-за деревьев, я успел насчитать семьдесят шесть Первых — это без пленных.

Основной массой пленников оказались эльфы, но было и четверо людей. Все люди — воины Пограничья, и Мис, заметив их, встрепенулся:

— Я их знаю! Это парни из гарнизона, что у Пьяного ручья. Как же их угораздило-то?! Неужто ты прав, Гаррет, и эти нелюди выступили?!

— Не думаю,— сказал Гло-гло.— Будь это так, пленных было бы гора-аздо больше. Наверное, как и ты, сунулись в Золотой лес и схлопотали по макушке!

— Все может быть,— вздохнул Мис.

— Сейчас опять начнется!

— Ты о чем, Гло-гло?

— Да все о том же, Гаррет. Эльфам сейчас бошки будут оттяпывать!

Гоблин оказался прав, но не совсем. Казнили только двух эльфов, да и то не здесь, а отвели куда-то в лес. Остальных под усиленной охраной и под приглядом Шокрена отвели к обелиску, да там и оставили вместе с людьми, видно, до лучших времен.

— А может, и не отрубят,— немного задумчиво протянул Гло-гло.— Может, решили на этот раз сделать небольшое исключение и загнать темных в лабиринт.

— Ты не видишь, какие у них нашивки? — спросил я у гоблина.

— Да те же самые, что и у остальных,— Ходящие по ручью. Так себе клан, слабенький.

— Да нет же! Я про эльфов спрашивал!

— А-а-а... Вроде дом Черной воды. Те еще злыдни, они ближе всех к Золотому лесу из Темных домов, орки от них плачут кровавыми слезами, но теперь, видно, пришел черед эльфов плакать.

— Эльфы не плачут,— возразил Мис.

— Все плачут.

— Ну, тебе виднее,— не стал спорить с гоблином воин.— Вон опять наши дружки идут.

К нам действительно направлялась неразлучная парочка — Олаг и Фагред.

— Готовьтесь, мартышки, через пять минут выступаем. Надеюсь, в ваши тупые головы не закралась мысль сбежать? Если да, лучше скажите нам. Уж лучше потерять голову сразу, чем болтаться на дереве выпотрошенными, словно рыбы.

Естественно, никто из нас бежать не собирался, а если и собирался, то мысли известить об этом Первых не возникло. Олаг удовлетворенно кивнул и, поправив ятаган, потопал к обелиску. Фагред было последовал за ним, но задержался. Он радостно осклабился и, схватив меня за волосы, прошептал на ухо:

— Вчера к Шокрену прилетел ворон, Мотылек. Ты больше не нужен, так что готовься побегать по лабиринту.

Сказав это, он, очень довольный собой, поспешил догнать Олага.

— Сожалею, мой мальчик.— Гло-гло, утешая, похлопал меня по плечу.

— Да я, собственно, не очень-то и расстроился,— нисколько не кривя душой, ответил я гоблину.— Рано или поздно...

— Мы еще повоюем! — хитро подмигнул мне гоблин.

Что же, очень надеюсь, что, если мы начнем воевать, орки запомнят нас на века, потому что таких воинов, как старый, немного свихнувшийся шаман и вор, по собственной глупости угодивший к Первым, надо еще поискать.

— А этот Олаг не врал,— сказал Гло-гло, взбивая самый настоящий соломенный матрас.— Орки ушли. Все деревни пустые, женщины, дети, старики и минимум воинов. Первые оттянули силы на север. Ой, что-то будет!

— Не глупо ли? — Мис лежал, закинув руки за голову и вперившись в низкий потолок.— Пока они будут с нами разбираться, в их дома придут темные...

— Не скажи... Уверен, что на запад тоже оттянуты немалые силы, и между Золотым и Черным лесом теперь прослойка из орочьих гарнизонов. Ни один эльф не просочится.

Может, гоблин и прав, кто знает? Во всяком случае, за те пять дней, что мы топали по Заграбе, орки только и говорили о великом походе. Мы все больше и больше отклонялись на юг, забираясь в сердце орочьих лесов. На пути нам то и дело попадались их деревеньки. Впрочем, называть их деревеньками я бы не стал. Это были хорошо укрепленные и замаскированные поселения. Сам лес защищал их обитателей от нападения врагов. Воинов в таких крепостях как раз столько, чтобы продержаться в случае неожиданного нападения. Дома мирных жителей выглядели основательными — из камня и дерева, а еще были домики, располагающиеся в два, а то и три яруса прямо на деревьях.

Между деревьями были протянуты невесомые мостики, так что можно было вполне свободно перемещаться с одного дерева на другое, но только при том условии, что вы не боитесь запредельной высоты. Эти мосты и дома были идеальным местом для лучников в том случае, если враг прорвет линию обороны и хлынет в селение. Пока противник будет бегать внизу, лучники соберут с него достойную плату, да и при попытке забраться на толстенные, величественные деревья защиты от стрел не будет, и многие тоже полягут.

Последние две ночи мы провели именно вот в таких деревеньках. Нас троих держали отдельно от других пленных — как сказал Гло-гло, мы являемся собственностью Багарда. Мы его ездовые лошадки на Празднике середины осени. Нас берегли, кормили, укладывали спать под крышей какой-то лачуги, где нашлись даже соломенные матрасы. Но и охраняли нас знатно — кроме уже ставшего привычным круга Шокрена возле двери поставили стражника.

Погода за время нашего путешествия ничуть не изменилась. Все дни были очень ясными и солнечными, пускай и достаточно прохладными. Никакого намека на дожди, хоть сейчас и была почти середина осени.

— Завтра во второй половине дня будем у лабиринта,— как бы невзначай проинформировал нас Гло-гло.

В животе у меня тут же неприятно заколодо.

— А послезавтра гребаный орочий праздник, так что готовьтесь.

Гоблин вновь занялся бормотанием себе под нос, словно нас тут и не было вовсе. Побери меня Неназываемый, у всех гоблинов такая любовь испортить ближнему своему настроение перед сном! Или это мне так везет на придурковатых представителей зеленого племени?

И опять старый гоблин оказался прав! На следующий день, как только мы подошли к низеньким полуразрушенным скалам, заросшим огненно-красным кленовым лесом, до лабиринта стало рукой подать. Во всяком случае, так сказал гоблин — лично сам я никакого лабиринта не увидел. Кругом лес, низенькие скалы, больше похожие на холмы, и осенняя тишина. И маленькая орочья деревенька без всякого намека на стены или оборонительные сооружения.

— Это и есть лабиринт?! — Я еще ни разу так не разочаровывался.

— Да нет.— Гоблин невозмутимо пожал плечами, посмотрел на меня и тут же споткнулся о подвернувшийся ему под ноги корень.— А лесные духи! Чтоб вас всех! Лабиринт дальше, Гаррет.

— А ну заткнуться, твари! — рыкнул какой-то орк и угрожающе ткнул копьем в нашу сторону.

Пришлось повременить с разговором. Нас троих посадили в глубокую яму, что находилась на самом краю деревни. Сверху яму на всякий случай накрыли стальной решеткой.

— Весело,— крякнул Мис.— До нее не достать, даже если прыгнуть. Коли пойдет дождь, вымокнем.

— Главное, чтобы не утонули, а вымокнуть — это не так уж и страшно,— ответил Гло-гло.— Так о чем это я? А! Лабиринт! Так вот... он сразу за тем лесочком, что был от нас по правую руку. Минут десять ходьбы отсюда.

— То есть в десяти минутах от деревни расположен город? — уточнил я.

— Кто сказал? — выпучил на меня глаза Гло-гло.

— Ты сказал.

— Я ничего ни о каком городе не говорил,— возразил старый шаман.— Я говорил о лабиринте.

— А разве лабиринт и город — это не одно и то же? Ну, как Листва у эльфов.

Шаман бросил на меня крайне подозрительный взгляд и, поняв, что я и не думаю шутить, презрительно фыркнул:

— Так то Листва, а то лабиринт! Листва — это город Черного пламени, самый большой в Заграбе, и бывшая, так сказать, столица эльфов до того, как между светлыми и темными пробежала кошка. Так сказать, первый изначальный город. А лабиринт... Тут ваши «знатоки» все перепутали. Это не город, а сооружение. Лабиринт в общем. В нем орки не живут, сюда Первые вообще-то приходят один раз в год, как раз к Празднику середины осени, чтобы, так сказать, развлечься и гоблинов попускать.

— Вот оно что...— протянул Мис.

— Только не ждите забитых трибун. Этот год будет самым неурожайным на аплодисменты. Орки вздумали повоевать, и не думаю, что здесь соберется много Первых.

— Ну и ладно... Хотя я думал, что Шокрен встретится здесь с Рукой и передаст ему Рог.

— Да нет, Гаррет. Рог — он не к спеху, да и Руке пока без надобности. Что он с ним будет делать? Пока Первые лоб в лоб не столкнутся с Неназываемым, которого они якобы номинально признали господином, Рог им без надобности. Да и чтобы с ним позабавиться, если я не ошибаюсь, потребуется не один Шокрен, а могучая кучка ихних колдунов. Так что Шокрен поначалу насладится бегами в лабиринте, а потом уже со всеми отрядами направится на север. По крайней мере, я так думаю.

— Он здесь единственный шаман?

— Откуда же мне знать? Я не провидец какой-нибудь. Надеюсь, что один, и буду очень надеяться, что он не так силен, как о нем думают, иначе цена моей магии — медяк.

— Ты варежки вначале сними, а потом колдуй,— хмыкнул Мис.

— Завтра тяжелый день.— Гоблин не стал спорить с воином.— Советую набраться сил, да помогут нам боги.

Я, конечно, тоже надеялся на богов, но обычно так случается, что, когда крепко прижмет, все боги находятся очень и очень далеко, и приходится самому справляться со всеми кознями судьбы. Так что у меня вся надежда была только на себя да еще на отряд, который уже давно должен был быть здесь.

— Поешь, Гаррет,— с набитым ртом предложил мне Гло-гло и протянул еду, которую еще ранним утром спустили нам в яму.— Сегодня ты должен быть сытым.

— Спасибо, не хочется,— буркнул я.

Мне действительно совершенно не хотелось есть, кусок в горло не лез, хотя выспался я на удивление хорошо. Гоблин и Мис завтракали так, что аж за ушами трещало, а я все никак не мог отвлечься от доносившегося до нашей ямы гула. Орки, тьма их забери, с раннего утра начали развлечение и уже успели кого-то вывести в лабиринт. Были ли это эльфы, или пленные воины Пограничья, или еще кто, я не знал. Рев толпы то затихал, то вновь усиливался, напоминая мне ворчание отдаленного грома.

— Развлекаются, падлы! — сквозь зубы процедил Мис, вслушиваясь в крики толпы.

Никто ему не ответил. Я был на взводе, а Гло-гло все продолжал долдонить себе под нос гоблинскую скороговорку. Наконец настал и наш черед принять участие в представлении. Решетка ушла в сторону, и на фоне облачного неба появилась рожа Фагреда. Он и еще какой-то незнакомый нам орк опустили в яму лестницу, по которой мы уже имели счастье сюда спускаться, и гаркнул:

— Эй, лысая обезьяна! Пора на выход!

Мис не торопясь встал, потянулся.

— А мы? — тихо спросил я.

— Мы в следующий заход,— так же тихо ответил мне Гло-гло.

— Не поминайте лихом, коли что,— попрощался с нами Мис и полез по лестнице наверх.

Он вылез из ямы, и орки вновь уложили решетку на место.

— Слушай меня очень внимательно, парень,— внезапно зашептал Гло-гло, опасливо посматривая вверх.— Я до этого молчал, потому что не знал, с кем из вас пойду в связке, и сказать раньше — это значит почти упустить тот крохотный шанс, что у нас остался. Если уж

лесные духи выбрали тебя в мои спутники... Слушай и запоминай, времени рассказывать второй раз у меня не будет. Мне уже доводилось побегать по лабиринту, давно, больше тридцати лет назад. Тогда мне удалось уйти от Первых целым, так что я знаю, о чем говорю. В лабиринт всегда запускают шестерых — три пары. Каждую пару сковывают одной цепью. И сковывают совершенно по-разному, как лесные духи шепнут. Самый приемлемый вариант: рука — рука. Но могут быть и другие: рука — нога, нога — нога. Или еще хуже нога — шея или рука — шея. Последние два для нас неприемлемы — если тебе навесят цепь на шею, а мне на ногу, мы долго не пробегаем, так что будем молиться, чтобы ничего такого не произошло. Когда нас поведут к лабиринту, не забудь хромать...

— Это зачем? — перебил я Гло-гло.

— Да слушай же ты! — окрысился гоблин.— Хромай, да так, чтобы все поверили. Иногда Первым приходит в голову идея, что их пленники слишком быстро бегают, а это не очень хорошо. Чтобы бегали медленно, некоторым из них подрезают сухожилие на ноге. Ты, надеюсь, не хочешь ползать по лабиринту? Правильно, что не хочешь. Когда нас выпустят, мы должны будем добежать до его центра. В центре есть камень, нам достаточно встать на него, чтобы выиграть. Только это не так уж и легко, точнее, практически невозможно. Одна пара из пятидесяти добегает. Если мы побежим по той дороге, которая ведет к камню, мы обречены, но есть обходной путь. Я наткнулся на него в прошлый раз, когда по глупости побежал не в ту сторону. Путь охраняется «столбами», и если мы преодолеем их, то сможем пробраться через узкий лаз к камню. Шанс очень небольшой, но это лучше, чем бежать, как все.

— Что нас ждет в лабиринте, какие опасности?

— Во-первых, Охотники. Четверка орков. Их задача — добыть наши головы, но и мы в свою очередь можем прикончить Охотников, и ни один из Первых, наблюдающих за этим дурацким спектаклем, ничего нам за это не сделает. Как Охотники будут нас ловить — все вместе или по отдельности,— я не знаю. Каждый раз у них это по-разному. Во-вторых, ловушки. Как простые, так и магические. С последними, думаю, я смогу справиться. В-третьих, твари. Они — порождения орочьей магии и бывают разных видов, но самые опасные из них — это «столбы». Всех их можно убить, главное знать как, но будем надеяться, что нам не придется заходить столь далеко. Запомни главное — делай все, что я тебе буду говорить, как бы странно это ни казалось. Это понятно?

— Вполне. А орки об этом твоем тайном лазе знают?

— Знают, но не считают нужным его заделывать. Это вносит приятную сумятицу в их ставки. Слава лесным духам, что они даже и не

подозревают, что я уже имел сомнительное удовольствие погулять по лабиринту.

— Эта информация могла бы спасти жизнь Мису.

— Что я тут могу сказать, Гаррет,— вздохнул Гло-гло, даже не собираясь оправдываться.— Может, ты и прав и это бы его спасло, а может, и не прав и он бы просто запутался в переплетении коридоров и не нашел нужного места. Я знаю всего лишь одно: скажи я ему — и мой шанс выжить стал бы неизмеримо меньше. Орки никогда не допустят, чтобы второй раз за день кто-то уподобился крысе и пробрался по лазу к камню. Такая вот правда жизни.

Я ничего не сказал гоблину. Наверное, он был прав. А может, и нет. Кто знает? Не мне его судить.

Я вслушивался в отдаленный рев толпы и гадал: когда же наступит наш черед? Ждать, пока за нами придут, пришлось долго. Больше двух часов. Меня немножечко трясло, точнее колотило. Проклятая нервная дрожь выбивала из колеи, и я жаждал лишь одного: чтобы проклятущее ожидание раз и навсегда закончилось.

Решетка вновь отъехала в сторону, вновь опустилась лестница, вновь появилась рожа Фагреда.

— Ваш дружок отбыл в мир иной. Вылезайте, обезьяны, настала ваша очередь.

Значит, Мису не удалось. Да пребудет он в свете!

Как только я вылез из ямы, меня тут же повалили и связали руки, затем то же самое проделали с Гло-гло.

— Идете за мной, молчите, слушаете. Это понятно? — спросил один из орков.

— Нам понятно,— ответил Гло-гло.

— Перебирай ногами, Мотылек.— Фагред подтолкнул меня вперед, на этот раз в толчке не было никакой грубости. Бережет ездовых лошадок, гад.

Во всяком случае, я не забыл наказ старого шамана и картинно хромал, припадая на правую ногу.

—Что у тебя с ногой? — тут же пристал Фагред.

— Подвернул, когда в яму спускался,— соврал я.

Фагред озабоченно нахмурился, но ничего не сказал.

—Прежде чем вы войдете в лабиринт, вас скуют цепью,— начал просвещать нас орк.— В лабиринте вы должны найти лежащий на земле треугольный камень. Встаньте на него, и игра закончится. За вами пойдут четыре Охотника — пытаться убить их не возбраняется. У вас есть право выбрать любое оружие из представленного. Время нахождения в лабиринте не ограничено. Это все. Вам понятно или мне повторить еще раз?

— Мы все поняли,— вновь ответил Гло-гло.

Интересно, орки действительно думают, что мы ничего с первого раза не понимаем? Крики толпы стали четче, деревушка осталась позади, клены разошлись в стороны, и перед нами открылась долина, зажатая покрытыми лесом скалами. В долине не росло ничего, в ней также не было никакого намека на реку. Создавалось впечатление, что в этих местах когда-то поработала магия. Во всяком случае, в пятидесяти ярдах от нас долина заканчивалась обрывом, гигантской ямой, которая тянулась между нависшими скалами, покуда хватало глаз. В скалах было вырублено нечто вроде смотровых площадок. Многие площадки оставались пустыми, на других можно было увидеть орков. Гло-гло немного ошибся в своих подсчетах — здесь было не двести и даже не триста Первых. По моим прикидкам, на горах, наблюдая за действием, разворачивающимся в яме, находилось несколько тысяч орков. Выходит, не все отправились в поход на север.

— Ждем здесь,— буркнул Фагред, когда нас подвели к самому краю ямы.

Мне представилась уникальная возможность заглянуть вниз. Яма была глубиной ярдов в двадцать пять. И вся перегорожена стенами, наставленными как попало, и именно этот хаотический беспорядок создавал то, что привыкли называть лабиринтом. Я был немного разочарован. Вот уж не думал, что грандиозное строение орков — это обычная, пускай и жутко большая яма, в которой просто наставили перегородок. Перегородки были выполнены из какого-то дикого ползучего растения и, несмотря на середину октября, зеленого. По крайней мере, мне так показалось.

— Гло-гло, что это там за цветочки? — тихонько прошептал я.

— Советую держаться от стен как можно дальше,— в ответ прошипел гоблин.— Это желтые глазки, и мало того что они жрут все что ни попадя, так еще и ядовиты.

— Спасибо, ты меня обрадовал.

В это время подоспел Олаг, и нас провели вдоль края ямы к лесенке, уводившей вниз. Спустившись, мы оказались в загоне, отгороженном от основной части лабиринта мощной решеткой. Кроме нас с Гло-гло и шедшей за нами пятерки орков (в которую входили и Олаг с Фагредом, следившие, чтобы нам раньше времени не попортили шкуру) здесь находился еще добрый десяток Первых, а также двое людей и двое эльфов. Последние, хоть и были грязны и изрядно биты, держались подчеркнуто гордо, словно это орки, а не они были пленниками и лабиринт принадлежит им весь без остатка.

— Последняя партия? — спросил у Олага орк в кожаном фартуке.

— Да.

— Приступаем.

— Рука — рука,— ткнул он пальцем в эльфов.

— Нога — нога.— Настал черед людей.

Двое Первых стали старательно заковывать будущих беглецов по лабиринту в цепи. Кожаный фартук подошел к нам, на мгновение задумался и выдал:

— Шея — нога.

Гло-гло сдавленно застонал, но тут вылез Фагред и, схватив Кожаного фартука за рукав, оттащил в сторону. Я смог заметить, как один из моих изумрудов исчез в руке Кожаного фартука. Орк вновь подошел к нам, подумал и выдал:

— Рука — рука.

На мою левую руку надели тяжелый браслет, соединенный с точно таким же цепью длиной около ярда. Второй браслет достался гоблину и сковал его правую руку.

— Смотри не подведи нас, Мотылек,— угрожающе прошипел мне на ухо Фагред.— Мы слишком много на тебя поставили.

— Как быстро ты бегаешь? — спросил у меня Кожаный фартук.

— Разве ты не видишь, что он хромает?! — влез гоблин и тут же получил подзатыльник от Фагреда.

Но Кожаный фартук, к счастью, от меня отстал.

— Как быстро ты бегаешь? — Кожаный фартук теперь обращался к одному из двух воинов-людей.

— Быстро,— хмуро ответил человек.— Так, что ты не догонишь.

— Это хорошо,— серьезно кивнул Кожаный фартук и отошел в сторону.

— Выбирайте оружие, и без глупостей!

Никто глупить не собирался, даже гордые и молчаливые эльфы. Не очень оригинальная идея — бросаться с мечом на орка, когда тебя держит под прицелом шестерка лучников.

На двух больших столах, находившихся возле самой решетки, была навалена целая гора стали. Еще столько же лежало у стен. Естественно, ничего метательного или стреляющего. Ни луков, ни арбалетов, ни дротиков, ни метательных ножей, ни даже самой завалящей и простой пращи. Орки умны и не хотят, чтобы кто-то из пленников покусился на жизнь зрителей. Так что пришлось выбирать из колюще-режущего ассортимента.

Пока мы с гоблином шастали меж столов, эльфы взяли себе по с'кашу, а парочка людей ограничилась мечом и одноручным топором. Я бы, конечно, взял нечто вроде копья или протазана — таким оружием можно любого врага (ну или почти) удержать на расстоянии,— но для этого требуется, чтобы обе руки были свободными. Да и с копьем много не набегаешь. Так что после недолгих колебаний я

выбрал короткий и широкий меч, который использует панцирная пехота. По длине он не слишком отличался от моего ножа, хотя и был шире и тяжелее его. Да и ножны прилагались, так что я мог не таскать оружие в руках.

Гоблин осмотрел железки и разочарованно фыркнул, но затем, покопавшись в самой дальней куче, выудил длинный султанатский кинжал с пламевидным лезвием. Он для пробы несколько раз взмахнул оружием и засунул его себе за пояс.

— Все, выходите! — приказал Кожаный фартук, и по его знаку орки стали поднимать решетку.

Эльфы не стали ждать, когда решетка поднимется, и, выскочив вперед, оказались в лабиринте. Темные что есть сил бросились прочь. Видно, у ребят тоже был какой-то план. По крайней мере, вместе с нами преодолевать лабиринт они не собирались.

Затем настал черед людей. Гло-гло тоже не стал терять времени даром и, потянув меня вперед, выскочил в лабиринт. Решетка за нашими спинами начала медленно опускаться, и в ее ужасном скрипе я едва смог различить крик Кожаного фартука:

— Эй, бегун!

Мы все как по команде обернулись, и один из орочьих лучников всадил стрелу в ногу человека, который сказал, что он очень быстро бегает.

— Попробуй теперь побегать быстро, мартышка!

Орки заржали.

— А ты говорил, что они сухожилия подрезают,— буркнул я, направляясь к упавшему человеку.

— Времена меня... Берегись!

Гло-гло отпрыгнул в сторону и рванул меня за собой. Как ни мал был гоблин, а силой он обладал еще той, и я едва удержался на ногах. Из прохода, куда совсем недавно убежали эльфы, выскочили два существа. Больше всего они походили на обычные человеческие скелеты, правда, несколько повыше ростом и с четырьмя руками вместо двух. А еще эти существа оказались точно такого же темно-зеленого цвета, как и стены лабиринта. Похоже, твари были не из костей и мяса, а из растений. По скалам загулял восторженный рев орков. Представление началось.

— Бежим! — проорал гоблин, пытаясь перекричать рев зрителей.— Им ты уже ничем не поможешь!

Кляня почем зря всех богов и проклятущего гоблина, я бросился за ним, плюнув на тварей, подбирающихся к двум воинам, и, следуя за спутником, нырнул в какой-то узкий коридор с высоченными стенами. Маленький шаман оказался не в меру проворным, и я едва за ним поспевал.

— Влево... пропустить три коридора слева... направо... вперед... снова влево...— бормотал гоблин, ведя меня по только ему известному пути.

Я опасливо оглянулся назад, но зеленые твари, кажется, и не думали нас преследовать.

— Кто это был? — спросил я у Гло-гло.

— Порождения орочьего шаманства, в принципе неопасны, если не лезть им под ноги,— мелочь пузатая.

— То-то ты от них так дернул!

— Не отвлекай меня! Теперь вроде направо... Да! Сюда!

И гоблин вновь побежал вперед, увлекая меня за собой. За следующие три минуты бега я был полностью дезориентирован в зеленом лабиринте и послушно, словно собачка, бежал за гоблином. Наконец Гло-гло резко свернул влево, и мы оказались в тупике.

— Приехали! — пропыхтел я, и горы ответили нам радостным гулом.

Скажите на милость, как орки могут нас видеть?! А ведь видят же, побери их демоны тьмы!

— Куда ты меня завел, Гло-гло?

— Помолчи немного и дай мне подумать! Я здесь тридцать лет не был, да и память уже не та. Та-а-ак, где же я мог ошибиться?

— А может...

— Заткнись!

Пришлось последовать гоблинскому совету и подождать, когда его озарит очередная светлая идея. Я в который раз пожалел, что связался с гоблинами. У этих ребят ветер в голове, и они все всегда делают шиворот-навыворот.

Пока гоблин думал, я нетерпеливо переминался с ноги на ногу и опасливо поглядывал в глубину зеленого коридора. Слава Саготу, все было тихо (если не считать криков орков и отчаянного спора гоблина с самим собой).

Теперь я мог как следует рассмотреть лабиринт. Зеленые заросли вздымались на десятиярдовую высоту, и нечего было думать, чтобы в случае чего перелезть через стену. Мало того что высота запредельная, так еще все эти заросли настолько густы и шипасты, что просто страшно становится. А вот пол в лабиринте меня сильно удивил — все выложено мелкими серыми плитками, плотно подогнанными друг к другу. И кругом ни пятнышка грязи, словно здесь ежедневно убирают.

— Я не заметил ни одной ловушки.

— И не заметишь,— буркнул гоблин.— Они расположены на центральных тропах, а сюда обычно ни один дурак не забегает.

— Кроме нас с тобой,— съязвил я.

— Угу. Пошли, умник, я знаю короткий путь!

Гоблин повел меня в обратную сторону. Убедившись, что идет в правильном направлении, Гло-гло перешел на бег. Мы вновь погрузились в пучину лабиринта и носились меж зеленых стен, пока впереди не показалась тварь, как две капли воды похожая на тех двух, что напали на нас возле самого входа. Только этому созданию кто-то ретивый отрубил одну из четырех лап. Завидев чужаков, зеленый скелет бодрой трусцой направился в нашу сторону.

— А тьма! — выругался я и достал меч.

Гло-гло, видать, спятил, потому как ринулся навстречу нашей смерти, да еще и возмущенно зарычал, когда я попытался его остановить. Пришлось бежать следом за ним и надеяться, что он знает, что следует делать. Гоблин внезапно остановился, выставил вперед руку, крутанулся вокруг своей оси, увлекая меня за собой, и, что-то быстро прошептав, зашевелил пальцами в рукавицах. Поначалу ничего не случилось, а затем спешащая к нам тварь остановилась, и на ней стали распускаться многочисленные желтенькие цветочки. То же самое сейчас происходило и с ближайшим участком стены.

— Отойдем-ка подальше на всякий случай,— совершенно спокойным тоном проронил Гло-гло.— Как бы чего не вышло.

Мы отступили назад.

— Второй раз так не получится, это заклятие лежало у меня еще до того, как мне надели варежки,— самодовольно объявил Гло-гло.

Между тем на стене и напавшем на нас существе живого места не было от желтеньких цветочков. Затем они лопнули, и тварь развалилась, превратившись в нечто очень напоминающее высохшее сено. То же самое приключилось и с частью стены. Она попросту развалилась, открывая проход в соседний коридор.

Как назло, из дыры тут же вылез не в меру удивленный орк. Первый был вооружен копьем с широким наконечником, что меня нисколько не обрадовало. Заметив нас, орк перестал удивляться и занялся делом.

Каким? Как это каким?! Конечно же попыткой добыть в качестве военного трофея бесценную голову некоего Гаррета, ну и гоблина по возможности. Надо ли говорить, что ни я, ни Гло-гло просто так, за здорово живешь, не собирались отдавать собственные головы в лапы какого-то там Охотника. Поэтому мы понеслись в обратном направлении. Орк, на наше несчастье, соображал достаточно быстро и поэтому, потрясая копьем, устремился за нами в погоню. Орки-зрители заулюлюкали.

Я опять подчинился воле Гло-гло и просто следовал за ним. Гоблин добежал до перекрестка, куда-то там повернул парочку раз, и

мы оказались в коридоре, который шел параллельно тому, где мы наткнулись на орка.

— Этот Первый думает, что он умнее меня,— неожиданно хихикнул старый шаман.

Точно свихнулся! Нашел время радоваться!

Разгадка радостного настроения гоблина открылась спустя несколько секунд — в стене зияла огромная дырища, появившаяся здесь благодаря гоблинскому шаманству, и, нырнув в нее, мы оказались в коридоре, откуда совсем недавно нам пришлось убегать.

— Теперь прямо... направо... прямо, миновать четыре перекрестка... так... третий... четвертый... на пятом налево...

Я удивлялся, как в голове у гоблина, побывавшего здесь всего один раз, смог отложиться такой точный маршрут. Мы выскочили на достаточно большую круглую площадку, в которую открывалось сразу шесть проходов, и бросились вперед.

— Третий по правую руку!

До нужного хода мы не добежали, так как Гло-гло прошипел:

— Замри и даже не шевелись!

Я покосился на шамана, превратившегося в некое подобие статуи. Чего это он? Затем мой взгляд переместился с гоблина на центр площадки. Там невесть откуда объявилось нечто зеленого цвета, похожее на помесь огромного мыльного пузыря и паука, с той лишь разницей, что вместо ног у существа были человеческие руки в количестве то ли шести, то ли восьми штук. Ни головы, ни глаз, ни рта я не заметил. Существо сидело, поджав под себя ноги-руки, и тихонько булькало.

— Гаррет, не дергайся и молчи.— Гоблин не спускал цепкого взгляда с паука.— Пока мы не двигаемся, оно нас не тронет.

— Что это? — опасливо прошептал я.

Гоблин не посчитал своим долгом мне ответить. Тут на площадку с копьем наперевес вылетел очень довольный собой орк. Заприметив паучка, Охотник как-то сразу поскучнел и тоже остановился. Паучок вскочил на ноги (точнее, на руки), пробулькал к орку пару ярдов и вновь уселся на землю, как видно потеряв застывшую добычу из виду.

Первый сверлил нас яростным взглядом желтых глаз, и я, не удержавшись и несмотря на катастрофическую ситуацию (судя по виду гоблина и орка), подмигнул Охотнику. Вроде мой жест расстроил орка до невозможности, и он даже зарычал. Паучок тут же придвинулся к орку еще на пару ярдов, и тому пришлось заткнуться.

Гло-гло вновь стал шептать себе под нос, а затем издал что-то вроде щелчка пальцами. Все это было проделано несмотря на то, что у шамана на руках до сих пор находились дурацкие варежки. Орк

завопил от неожиданности и подскочил на целый ярд, словно ему воткнули в зад раскаленную иглу.

Паук проворно бросился вперед и схватил вопящего Первого всеми восемью руками. Что было дальше, я уже не видел, так как что есть мочи бежал следом за Гло-гло. Думаю, орку не стоило завидовать. Что же, от одного из Охотников мы избавились, и теперь их осталось трое. Наконец Гло-гло решил, что после такого длительного забега неплохо бы нам передохнуть, и остановился на одном из перекрестков.

— Что... это... было? — хватая ртом воздух, просипел я.

— Это? Да есть... такое чудо... в чащобах. Появилось... после того, как... эльфы и орки экспериментировали в боевом... шаманстве. Вот и доэкспериментировались. В принципе оно совершенно безопасно.

— Ты вроде то же самое говорил о тех четырехруких.

— Нет, оно и вправду безопасное. Его главное не трогать. Пузыребрюх просто очень дорожит своей территорией и считает всех зашедших к нему врагами. Так что надо не двигаться и ждать, когда он уползет. Он даже никого не ест, просто пережевывает в мелкую кашицу, а затем выплевывает.

— Очень обнадеживающая перспектива — превратиться в кашицу. Кстати, здорово ты с этим орком придумал.

Гло-гло отчего-то недовольно нахохлился и пробурчал:

— Вообще-то моя магия должна была ударить в пузыребрюха молнией, а из-за варежек вышло так, что орк подскочил.

М-дя. Спасибо богам, что подскочили не мы.

— Кстати, при чем тут молния? Разве гоблины владеют боевой магией? Ведь у вас только защитное шаманство.

— Кто сказал?

— Ну вы и сказали вроде...

— Вот потому и сказали, чтоб всякие Ордена к нам в леса не лезли. Больно нам надо с вашими волшебниками секретами делиться. Идем, что ли? Слышишь, как орки разорались?

— Пускай поорут, может, осипнут,— безжалостно ответил я шаману, практически перестав обращать внимание на шум наблюдающей за нами толпы.— Далеко нам еще?

— Где-то столько же,— на секунду задумавшись, выдал мне гоблин.

Я застонал. Эта беготня меж колючих зарослей уже начинала мне надоедать.

— Ну и как тебе лабиринт? — хихикнул Гло-гло.

— Не страшнее Храд Спайна. Пешая прогулка,— разочаровал я гоблина.

— Ну и чудненько!

Лево, лево, право, право, вперед, снова налево, потом направо, затем прямо, затем назад, поскорей от очередного четырехрукого скелета. Эти четырехрукие, несмотря на свое проворство, оказались жутко тупыми. Мы добежали до тупика и, дождавшись последнего прыжка твари, попросту упали на землю. Тварь, словно большой кузнечик, пролетела над нашими головами и вмазалась в стену. Стена тут же ожила, оплела зеленое создание ветками и всосала в себя.

— Ух! — Это все, что я смог вымолвить, увидев эдакое чудо.

— Ничего удивительного.— Гло-гло отряхнул свой плащ.— Они и стена порождены единым заклятием, так что, если касаются друг друга, попросту сливаются.

— И все-то ты знаешь!

— Я шаман, мальчик мой, а не какой-нибудь шарлатан! А шаман должен многое знать, иначе его племя долго не протянет. Давай, шевели копытами, идти осталось недолго.

Ну мы и прошли недолго, так как на ближайшем перекрестке наткнулись на второго Охотника. По счастью, он стоял к нам спиной и всматривался куда-то в даль, держа наготове наложенную на тетиву стрелу. Засаду, что ли, решил устроить?

От нас до Первого было не больше семи ярдов. Всего ничего, но лично я не был уверен, что, попытавшись напасть на Первого, не схлопочу стрелу. Мы с Гло-гло переглянулись, и он указал глазами на мой меч. Я покачал головой. Гоблин сделал страшную рожу. Я вздохнул и медленно принялся вытаскивать меч из ножен. Орк, на мое счастье, даже не подумал обернуться. Тут, как назло, звякнула наша цепь.

На раздумья времени не было, и я изо всех сил швырнул тяжелый короткий клинок в орка. Свершилось невозможное. Наверное, сегодня удача была на моей стороне, потому как, сделав несколько оборотов в воздухе, меч врезался в грудь так и не успевшего выстрелить Первого. Удар был настолько силен, что Охотник отлетел назад и долбанулся спиной о стену.

— Забери меня лесные духи! — восторженно покачал головой Гло-гло.— А я и не знал, что ты так умеешь.

— Я тоже,— ответил я гоблину, с сожалением наблюдая, как тело орка, а также и мой меч постепенно исчезают в толще зеленой изгороди.

— Давай, Гаррет, осталось два перекрестка, и мы пришли. Надуем всех Первых! — Гло-гло, не обращая внимания на труп орка и на потерю меча, потопал дальше.

— Ты уверен, что за тридцать лет орки не заделали твой лаз?

— Не уверен, но надо надеяться на лучшее.

Вот тебе и весь сказ.

Ровно через два перекрестка гоблин схватил меня за руку и сказал:

— Смотри.

Перед нами была точно такая же площадка, как и та, где мы встретили пузыребрюха. Правда, никаких выходов из нее не было, а на самой полянке торчали три высоких столба зеленого цвета. Два из них были столбы как столбы — хоть сейчас их колоннами в какой-нибудь дворец определяй, а вот у третьего невесть от чего прямо из середины тела выросли две руки, сильно похожие на клешни богомола, вот только раз в сто побольше и поострее.

— И что нас ожидает на этот раз? — простонал я.

— Это как раз те самые «столбы»,— вякнул гоблин.— Те, что без клешней, сейчас спят, а этот сторожит. Они жутко проворны, но если мы сможем проскочить мимо них, то как раз окажемся возле прохода.

— А где проход-то?

Вроде пока на нас не обращали внимания, и я немного расслабился.

— Так вон же он! — Гоблин невозмутимо ткнул пальцем в противоположную сторону площадки.

Мне пришлось напрячь глаза, чтобы разглядеть гоблинский лаз.

— Ты издеваешься?! — чуть ли не во весь голос заорал я.— Да туда даже беременная мышь с трудом пролезет!

— Положим, в тот раз я туда пролез без всяких проблем,— ворчливо ответил мне гоблин.

— Но я же не ты! Я туда не влезу!

— Еще как влезешь!

— И какой тьмы я тебя послушался?! — простонал я.

— Такой, что благодаря мне ты, очень даже может быть, выживешь.—Шамана ничто не могло смутить.— Поверь, мальчик мой, лаз намного больше, чем кажется. Все, больше медлить нельзя, а то дождемся, пока придет кто-нибудь из оставшихся Охотников или еще какие твари набегут. Просто изо всех сил дуй к лазу и не попадайся под клешни «столбу».

— А другие?

— Другим понадобится полминуты, чтобы проснуться. Готов?

Я судорожно сглотнул и кивнул.

— На счет три... Три! Бежим!

Проклятый гоблин не предупреждал, что он не собирается говорить «один» и «два», так что я едва не упустил момент и бросился за ним, кляня на чем свет все зеленые создания. Не успели мы преодолеть и четверть пути, как «столб» совершенно беззвучно и очень быстро поехал в нашу сторону.

Удар сердца, и он уже навис над нами. Пришлось проявить всю свою сноровку, чтобы избежать нежелательной встречи с падающей клешней. Избежал, но «столб» тут же ударил снова, неведомо каким образом успев развернуться. Я отпрыгнул в одну сторону, Гло-гло в другую, и клешня ударила по сковывавшей нас цепи почти рядом с рукой гоблина.

Цепь лопнула, и у Гло-гло остался только браслет, а у меня — все остальное. Оглашая лабиринт отборными ругательствами, я принялся на бегу наматывать цепь на руку и заодно попытался догнать улепетывающего во все лопатки гоблина.

«Столб» висел у меня на пятках, так что я рыбкой нырнул в узкий лаз за Гло-гло. Где-то за спиной по каменным плиткам ударили клешни, и я отчаянно заработал руками и ногами, протискиваясь как можно дальше от немного расстроившегося «столба». На наше с гоблином счастье, тварь не стала штурмовать стену и оставила нас в покое.

— Гло-гло, чтоб тебя! — зарычал я на ползущего впереди гоблина.— Давай помедленнее, я не успеваю!

Шаман послушно приостановился и подождал, пока я до него доползу.

— Ну, как мы ловко, а? — гордо хихикнул гоблин.

— Если не обращать внимания на то, что этот твой «столб» едва нас не прибил и что в твоем лазе теснее, чем под кроватью самого жадного из торговцев, то да... это мы ловко.

— Не беспокойся, ты тут вполне помещаешься! — Гло-гло был слишком доволен собой, чтобы обращать внимание на мое нытье.— Только голову не поднимай, а то тебя стена враз оприходует.

Мог бы и не напоминать! Я и без него знал, что, дернись я влево или вправо, тут же коснусь зеленых стен лаза.

— Далеко нам так ползти?

Шаман не рискнул поворачиваться ко мне лицом. Любое неосторожное движение в этом месте могло закончиться смертью, которая, вне всякого сомнения, будет одной из самых нелепых в истории Вселенной. Это все равно что сбежать из Серых камней и, поскользнувшись на ровном месте, сломать себе шею. Так сказать, закон всемирного свинства в действии.

— Так далеко нам ползти по твоему крысиному лазу?! — вновь спросил я у гоблина.

— Сто пятьдесят ярдов осилишь?

Я заскрипел зубами и сказал:

— Куда же я денусь? Осилю. Главное, чтобы он не стал еще уже.

— Не станет. Поползли.

И мы поползли. Схожее «удовольствие» я получал только в Храд Спайне, когда мне пришлось ползти по длинной и узкой каменной кишке. Но там я опасался застрять, а здесь старался не дотрагиваться до стен. Когда мы, по моим подсчетам, преодолели большую часть пути, Гло-гло внезапно остановился, перестал пыхтеть и выдал:

— Это, Гаррет... тут небольшая неприятность.

— Какая? — с дрожью в голосе спросил я, уже представляя, что гоблин нос к носу столкнулся с очередным страшилищем лабиринта.

— Тут покойник на дороге разлегся.

— Живой?

— Какой живой?! Говорю же покойник!

— Ну я про ожившего...

— Это при дневном-то свете?! — фыркнул гоблин.— Нет, самый обычный покойник. Скелет.

— Так в чем проблема?

— В том, что он разлегся прямо на нашей дороге, — терпеливо повторил он. — Я-то, может, через него перелезу, а вот насчет тебя очень сильно сомневаюсь.

—Только не говори мне, что придется ползти назад! — зло просипел я, даже не пытаясь приподнять голову.

— Ни в коем случае! Я его сейчас разберу!

— Это как?

— Это по косточкам. Жди.

Пришлось лежать и слушать, как сопит гоблин. Наконец даже мое терпение закончилось, и я прошипел, словно простуженный уж:

— Ну, скоро там?!

— Сделано! Надеюсь, покойничек на нас не в обиде. Так, сейчас черепушку уберу с дороги... А чтоб тебя! Вот... Все, поползли!

Не знаю, как это удалось гоблину, но на дороге я встретил всего лишь несколько вдавленных в землю (в лазе не было никаких каменных плиток) костей, все остальное Гло-гло скормил стене. Дальнейший путь к спасению прошел безо всяких происшествий, и, когда мы с шаманом вылезли из лаза, нас встретил рев на трибунах.

Мы опять оказались на круглой площадке, в центре которой лежала массивная серая плита треугольной формы. А между плитой и нами стоял третий Охотник. Завидев нас, он улыбнулся, отвесил поклон (что само по себе несколько удивительно) и обнажил ятаган. И доралиссцу понятно, что за простое «спасибо» нас к камню не пропустят.

Первый не спешил атаковать, видимо, ждал, когда мы сами попытаемся пробиться к камню. Глядя на его ятаган, я пожалел о такой несвоевременной утрате меча.

— И что мы будем делать? — не разжимая губ, процедил я.— Эта гнида спит и видит, как бы нас нарубить на мелкие ломтики.

— У меня есть кинжал.— Гло-гло извлек из-за пояса свою восточную безделушку.

— Рассчитываешь, что этот парень увидит твою зубочистку и умрет от хохота? — спросил я, не отводя взгляда от улыбающегося орка.

— А если ты бросишь кинжал в Охотника? Как меч.

— Два чуда за один день — это слишком жирно. Не получится. Как там поживает твоя магия?

— Исключено. В варежках может получиться такое, что лучше даже и не пытаться.

Орк, как видно, начал терять терпение и поманил нас к себе пальцем, все так же сохраняя улыбку на физиономии.

— Давай-ка, Гло-гло, обходи его по кругу,— решил я.— Сразу двоих он не достанет.

— Глупости.

— Так хоть кто-то доберется до камня. Давай.

Гоблин не стал спорить и начал обегать орка по кругу. Первый не ожидал от мартышек такого оригинального хода и, враз перестав улыбаться, бросился наперерез гоблину.

Гло-гло вломил еще быстрее. Я бросился к камню, и орк, тут же забыв о гоблине, стал ждать меня. Я несся к нему, раскручивая над головой цепь, коей у меня был целый ярд.

Шаман молодец, послушался меня, не стал лезть в драку и, запрыгнув на камень, вмиг исчез.

На моем пути встал орк. Я бросил цепь вперед, силясь ударить его в лицо, тот ловко, словно танцуя, оттек в сторону и взмахнул ятаганом. Я достаточно неуклюже рухнул на землю, перекатился, отмахнулся цепью. Видимо, воин и не пытался убить меня сразу, а решил развлечь зрителей. Теперь я оказался между орком и плитой и, не собираясь упускать такую удачу, ломанул к камню, оставив противника с широко разинутым ртом.

Неужели этот кретин ожидал, что я начну испытывать судьбу и выйду с жалким обрывком цепи против ятагана?! Воистину, Первые слишком сильно недооценивают людей! Может, мы и обезьяны, недостойные жить на Сиале, но уж точно не дураки!

— Стой, трус! Дерись! — взревели сзади, но было поздно, я уже запрыгнул на плиту.

Бац! И вот я в загоне Кожаного фартука. Рядом, ухмыляясь, стоит Гло-гло. Кое-кто из орков доволен и потирает руки, кто-то ругается почем зря. Ухмыляющиеся рожи Олага и Фагреда на миг показались родными и любимыми. Небось и они, и их командир вместе с

шаманом выиграли сегодня гору ценностей, или на что там орки ин рают?

—Давайте руки, обезьяны! — пробурчал Кожаный фартук.— Я сниму с вас цепи.

— Поздравляю, Гаррет! — заухмылялся Гло-гло.— Теперь можешь причислять себя к тем немногим, кто прошел лабиринт и остался жив.

— Рано радуешься, зеленый,— буркнул Кожаный фартук.— Посмотрим, как вы побежите завтра, когда лаз перекроют.

Я так и остался стоять с открытым ртом, до той поры пока Олаг и Фагред не выпроводили нас с гоблином наверх.

—Ты ничего мне не говорил о втором заходе в лабиринт! — обвиняюще заявил я Гло-гло после того, как нас вновь отправили в яму.

— Не хотел тебя расстраивать раньше времени,— осторожно начал гоблин.

Я сжал зубы и досчитал до десяти. Вроде полегчало. Во всяком случае, желание паниковать и закатывать истерику пропало.

— Гло-гло,— очень проникновенно начал я,— а когда ты мне собирался рассказать?

— Сегодня вечером,— тут же ответил он.

— А сколько раз я вообще должен спуститься в этот тьмой проклятый лабиринт?

Гоблин замялся и постарался на меня не смотреть.

—Так сколько? — Я решил быть безжалостным.

— Праздник начинается в середине осени и длится восемь дней.

— Восемь дней? — словно эхо повторил я вслед за шаманом.

Значит, мы должны еще семь раз развлечь Первых и рискнуть собственной шкурой.

— Ну подумай, если бы я тебе сообщил об этом сегодня с утра, каким бы ты вошел в лабиринт?

— Восемь дней?! — Я все еще никак не мог поверить в такое форменное свинство.

— Вот видишь? — вздохнул гоблин.— Именно об этом я и говорил.

— И что? Кому-то удавалось продержаться? — вопрос я задал, надо сказать, риторический.

— Да нет,— неохотно ответил шаман.— Таких еще не было. Максимум — три.

— Тогда на что нам рассчитывать?

— Может, я что-нибудь и смогу придумать.

Я помолчал. Говорить было не о чем. Только сейчас я начал понимать, в какую навозную кучу угодил.

— Как же тебе удалось избавиться от назойливого внимания орков во время твоего первого посещения лабиринта?

— А-а-а...— Гоблин довольно осклабился, припоминая былое.— Я тогда после первого забега по лабиринту сразу и сбежал. В то время никаких ям не было, да и орки нас охраняли с грехом пополам. А если учитывать, что они наклюкались в честь праздника будь здоров, то сбежать в далекую и прекрасную пору моей юности было достаточно просто и легко. Не то что теперь.

— Значит, и этой ночью орки будут навеселе...

— Да, но мы с тобой не стрекозлы, в вышину воспарить не можем, а если бы и могли, то решетка нас не пустит.

В этот самый момент решетка отползла в сторону, и к нам заглянули Олаг с Фагредом.

— Хорошо бегаете, мартышки. Багард и Шокрен вами очень довольны. Вот вам от них.

Орки спустили нам сумку с едой и двумя флягами.

— Жрите и набирайтесь сил. Завтра вам снова придется бежать.

Решетка встала на свое место, но Фагред не успокоился и напомнил, что не спускает с нас глаз.

В этот вечер мы устроили себе пир. Еды нам навалили много, причем разной. В одной фляге оказалась вода, в другой вино.

Орки тоже не сидели сложа руки, и мы то и дело слышали их песни и гул барабанов. Веселятся, гады, и в принципе имеют на это полное право. Ведь не они же сидят в проклятущей яме!

— Пс-с-с! Пст! Эй! Гаррет, ты здесь?!

Сквозь сон раздавалось шипение взбесившейся сковородки. Я решил не обращать на посторонний шум внимания и поспать еще немного, но не тут-то было! Шипение и не думало стихать, а потом еще прибавились и тычки под ребра. В последнем был виноват Гло-гло. Пришлось проснуться.

— Что? — спросил я у гоблина.

— Там кто-то есть!

Я посмотрел вверх, но облака скрыли звезды и луну, ночь была темной, так что нечего было пытаться хоть что-нибудь разглядеть. Сверху вновь послышался писк:

— Пс-с-с-с! Гаррет, ты там?!

— Кто эт... Кли-кли, ты?!!

— Ну наконец-то! — обрадованно затараторил королевский дурак.— Я уже думал, что этот флини нам наврал!

— Ты один?

— Нет, с Эграссой.

— Можете поднять решетку?

Вот уж не думал, что можно так сильно радоваться. Да я чуть ли не в пляс пустился!

— Нет, Гаррет,— ответил Эграсса.— На ней замок. Если будем сбивать, орки услышат. Ты знаешь, у кого ключ?

— Подождите секунду! Если я стяну с тебя варежки, ты сможешь убрать решетку тихо? — поинтересовался я у молчавшего все это время Гло-гло.

— Да.

— Ключ не нужен. У вас есть что-нибудь тонкое и острое?

— Зачем тебе?

— Так есть или нет?

— Нет! — прошипел Эграсса.

— У меня есть! Гвоздик! — сообщил Кли-кли.

— Кидай сюда! — обрадовался я, стараясь не думать, на кой гоблину в походе гвоздь и в чей сапог он его задумал со временем положить.

— Бросил!

Я, естественно, ничего не увидел и не услышал. Теперь ищи-свищи этот гвоздь! На мое счастье, Гло-гло обладал куда лучшим слухом, чем я, и смог нащупать брошенное Кли-кли спасение. Гвоздь оказался о-очень маленьким и о-очень тоненьким. Словно по заказу делали.

— Нашел? — раздалось сверху.

— Да, теперь ждите.

— Быстрее давай! Орки могут нагрянуть в любую минуту.

— Не торопи меня! — прошипел я и принялся отчаянно орудовать в замке левой варежки Гло-гло.

Шаман покорно ждал.

— Сколько осталось до того момента, как начнет светать? — тихо спросил я у него.

— Около двух часов,— так же тихо ответил он мне.— Может, немного дольше, минут через десять начнется дождь.

— А ты почем знаешь?

— Шаманы должны знать, когда пойдет дождь.

— Как лягушки? — глупо хихикнул я.

Мне показалось или гоблин действительно улыбается в темноте? В этот самый момент тихонько щелкнул замок, и шаман снял варежку. Я занялся вторым замком.

— Если пойдет дождь и не поднимется тревога, у нас есть прекрасная возможность попытаться запутать следы.

— А если не выйдет?

— Представь, что с нами сделают протрезвевшие Первые, которым мы испортили праздник.

Я невольно поежился, и тут щелкнул второй замок. Теперь Гло-гло был свободен от своих варежек.

— Как хорошо-то,— буркнул он.— Прижмись к стене и скажи своим друзьям, чтобы они отошли подальше от решетки.

— Эграсса! Кли-кли!

— Да? Как успехи?

— Замечательно! Давайте прочь от ямы. Ярдов на десять! Сейчас будет фокус!

— Но ты...

— Кли-кли, не спорь хотя бы сейчас!

— Но...

— Мы ушли,— ответил Эграсса.

Скорее всего, эльф попросту бесцеремонно сгреб Кли-кли за шкирку и оттащил в сторону. В темноте я не видел, что делает гоблин, просто в яме внезапно загудел ветер, рванулся вверх, и решетка совершенно беззвучно улетела куда-то в небо.

— Вот и все,— вздохнул Гло-гло.— Зови своих, пускай вытаскивают наши задницы.

— А она нам обратно на головы не рухнет? — Признаюсь, я был восхищен демонстрацией, устроенной стариканом.

— Не бойся, мой мальчик.

Тут к нам в яму опустилась лестница, и я первым стал выбираться наверх. Возле самого края меня подхватили чьи-то сильные руки, и вот она — поверхность земли. Здесь было намного светлее, чем внизу, и я мог разглядеть довольного Кли-кли, Алистана Маркауза и Эграссу.

— Жив, вор?

— Да, милорд.

— Ну и фокус ты тут учинил! — затараторил Кли-кли.— Р-раз, и она в небо улетела! Я даже своим глазам не поверил!

— Я не один,— предупредил я своих спасителей, и тут как раз подоспел Гло-гло.— Это почтенный Гло-гло, шаман.

— Ой! — тихонько пискнул Кли-кли, заметив моего друга, и отчего-то спрятался за эльфа.

— Рад,— кивнул милорд Крыса.— А теперь, если никто не возражает, давайте уходить отсюда, пока орки не нагрянули.

— Рог у них,— выдал я.

— Уже нет,— возразил Эграсса и протянул мне мою сумку.

— Как? — вымолвил я, не веря своим глазам.

— Флини постарались. За то кольцо, что ты им дал, они теперь по гроб нам обязаны,— объяснил эльф.

— А Шокрен?

— Какой Шокрен?

— Шаман, у которого была моя сумка,— пояснил я.

— Получил стрелу в шею,— обрадовал меня милорд Алистан.— Поэтому нам и следует уходить, пока не забили тревогу.

Я не стал спрашивать, как им удалось пробраться в сердце орочьей деревни и незаметно от всех убить шамана и снять с него сумку с Рогом. И также я старался не думать о том, что первым делом они спасали артефакт, а не меня.

— Идите за мной, только тихо,— предупредил нас Эграсса и двинулся вперед.

Я последовал сразу за эльфом, но меня обогнал Кли-кли и поспешно пристроился впереди. Гло-гло и Алистан замыкали шествие. Где-то на краю деревни горели костры и звучали песни. Из высокой сухой травы черным призраком вырос Угорь. Заметив меня, он едва заметно кивнул, затем смерил Гло-гло удивленным взглядом, но так ничего и не сказал, пока Алистан Маркауз не спросил у него:

— Все тихо?

— Да, только вот к яме те двое шли, пришлось попотеть.

Теперь я разглядел двух мертвецов. Не удержался, подошел ближе. Так и есть. Олаг и Фагред. Оба убиты одолженными у Кли-кли метательными ножами.

— Шума не было? — обеспокоенно спросил милорд Алистан.

— Они даже не поняли, что случилось,— хмыкнул Угорь.

Гло-гло смачно харкнул на тело Фагреда.

— Все, к деревьям!

Мы бегом преодолели поляну и оказались под сенью спящих кленов. От древесных стволов отделились две низкорослые фигуры.

— Говорил же я тебе, что у них получится, борода!

— А не торчали бы мы в лесу, еще лучше бы получилось, шляпа! Здорово, Гаррет, сто лет не виделись! Ух! Да ты себе бороду отрастил, прямо как я! А это кто еще с тобой?

— Вроде гоблин.— Делер подошел поближе.

— Второго шута я не выдержу! — простонал Халлас, но Эграсса живо заткнул обоих.

Что-то зашелестело по листьям кленов, и мне на лицо упали первые дождевые капли.

— Уходить надо, почтенные, и уходить быстро! — Гло-гло взял инициативу в свои руки.

— Ну нас еще гоблин будет учить! — пробурчал Халлас.

— Сейчас следует идти на восток,— как ни в чем не бывало продолжил старый шаман.— Как только выйдем за пределы скал, пойдем по ручью, он течет точнехонько на север. Возле воды я смогу запутать наши следы.

— Решено! — Эграсса отчего-то сразу поверил гоблину.— Покажешь дорогу?

— Да, идемте.

И мы углубились в мокрый лес. Дождь шептал листьям колыбельную, было мокро, холодно и очень темно. Я шел за Халласом и поэтому не сразу заметил, когда к отряду присоединился Мумр. Фонарщик попросту появился рядом, по-дружески пихнул меня кулаком в плечо и поспешил вперед, докладывать Алистану.

—Угорь,— позвал я идущего за мной гарракца.— Орки совсем не выставляют охрану на ночь?

Меня немножечко смущало, что все кончилось настолько просто.

— Пятерых по периметру мы убрали, а так было тихо,— ответил Угорь.— Чего им бояться в собственном доме, да еще и в канун праздника? Думаю, не будь его, мы тебя бы так просто не вытащили, чего уж говорить о Роге.

— Это флини нам все рассказали.— Сбоку объявился Кли-кли.— И про Рог и про тебя.

— Это кольцо для них такое ценное?

— Да. Мы, кстати, сюда еле успели. Неслись галопом, чтобы тебя выручить, а ты даже спасибо не сказал!

— Спасибо, Кли-кли.

— Не за что,— благодушно отозвался шут.— Я очень рад, что ты выжил, Танцующий в тенях. Чес-слово.

— Я тоже.

— Кстати, как ты с ним познакомился? — Гоблин кивнул в сторону идущего впереди отряда Гло-гло.

— Мы с ним вместе по лабиринту бегали.

— А-а-а,— несколько удивленно протянул гоблин и на время от меня отстал.

Дальнейший путь проходил в молчании. Гло-гло взвинчивал темп, да так, что нам иногда приходилось за ним бежать. Дождь не прекращался, а все больше усиливался, и я поплотней закутался в куртку ныне покойного Фагреда, чтоб его кости Х'сан'кор сожрал! Шли без всякого отдыха целый час, и я представлял, каково было воинам, которые спешили через половину Заграбы мне на помощь, а теперь вместе со мной убегали от орков. Когда стало светать, мы покинули местность старых скал и оказались возле весело журчащего и очень широкого ручья. Теперь наш путь пролегал вдоль его берега. Еще минут через двадцать Эграсса попросил Гло-гло остановиться и, подняв руку, попросил тишины.

— Что происходит? — спросил я у Кли-кли.

— Ш-ш-ш,— зашипел он на меня.

Я, как и все, стал вслушиваться в утреннюю тишину и шум дождя. И, наконец, тоже услышал этот звук. Он почти сливался с дождем, и поэтому сперва я даже не понял, что это такое.

Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м!

Едва слышный, едва различимый грохот боевых барабанов орков, поднявших тревогу.

— Заметили-таки, что яма пуста, а шаман отбросил копыта! — сплюнул Халлас.

— Надо торопиться.

— Куда уж дальше торопиться-то, Гаррет? И так несемся не покладя ног! — недовольно буркнул Делер.

— Не покладая, а не не покладя,— поправил карлика гном.

— А если кто меня будет учить, так я того секирой по башке не покладя рук! — упрямо заявил Делер.

— Идите-ка под деревца, мне тут покумекать надо,— бросил Гло-гло.

Милорд Алистан было принялся возражать, но Эграсса только покачал головой. Граф недовольно насупился, но решил последовать совету эльфа.

Дождь к этому времени перешел в мелкую изморось, так что стало немного полегче, да и деревья давали какую-никакую, а защиту. Все отошли от старого гоблина и принялись наблюдать, как он крутится волчком, машет руками и ворошит листья. Все это продолжалось довольно долго, и милорд Маркауз начал немного нервничать, впрочем, как и остальные.

— Долго мы будем смотреть, как изгаляется старый дуралей? — наконец не выдержал Фонарщик.

— Он не старый дуралей! — тут же окрысился Кли-кли.— Это Гло-гло, один из самых великих шаманов нашего времени!

— А ты почем знаешь? — ехидно спросил Халлас.

— Знаю, и все! — недовольно надулся Кли-кли и уставился на носки своих сапог.— Он, кстати, является хранителем Книги Пророчеств Великого шамана Тре-тре.

Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м! — едва слышно пели барабаны орков.

— Так, не ровен час, нас догонят, милорд! — теперь уже не выдержал терпеливый Угорь.

— Ой! — пискнул Кли-кли и закрыл глаза руками.

Фонарщик витиевато выругался. Все остальные уставились на то, что сделал Гло-гло. А посмотреть было на что! Гоблин закончил колдовать, и все листья в пределах видимости опали с деревьев и зависли в воздухе. Затем к ним прибавились те, что до этого преспокойно лежали на земле.

Далее произошло и вовсе странное — создалось впечатление, что тысячи рук принялись рвать несчастные листья и не успокоились до той поры, пока от каждого не осталась сотня очень маленьких кусочков. Миг — и они превратились в тысячи крылатых созданий. Над лесом зависла густая, темная, колышущаяся живая туча. А затем каждый кусочек этой огромной и необъятной тучи принялся расти, и рос до тех пор, пока не вымахал размером с добрый кулачище.

— Спаси нас боги! — попытался перекричать гул Халлас.

— Не спасут! — крикнул Угорь.

А затем гоблин махнул рукой в ту сторону, где звучали барабаны, и туча, состоявшая из волшебных шершней, устремилась прочь. Их были тысячи, и это действительно было очень страшно. Один из шершней вырвался из тучи и полетел к нам. Я прекрасно рассмотрел его сияющие серебром безучастные глаза, мохнатое черно-желтое брюшко и страшное фиолетовое жало.

Пошевелились мы лишь после того, как гул пчелиных крыльев стих вдали.

— Ну ни хрена ж себе листики! — выдавил Халлас, опасливо поглядывая на Гло-гло.

— Рад, что тебе понравилось, гном.— Шаман, устало морщась, подошел к нам.— Неделю подготавливал это заклятие, так что самому было интересно, что получится. Теперь мне надо отдохнуть полчасика. Можете никуда не торопиться — Первые сейчас будут слишком заняты, чтобы еще и о вас вспоминать.

— Гном, у тебя вода есть?

Халлас поспешно протянул свою фляжку Гло-гло. Тот отхлебнул, вернул флягу обратно и произнес:

— Все, погуляйте с полчасика под дождичком, а я тут под деревцем посижу и сил наберусь.

Эграсса вновь согласился с гоблином, и мы отошли в сторону, оставив шамана одного. Без листьев лес был голым, а от этого казался еще холоднее.

—Ты видел это? — пораженно спросил у Фонарщика Делер.

—А ты? Ни за какие посулы Сагры я бы не согласился поменяться с орками местами.

—Я же говорил вам, что это сам Гло-гло! — сделал страшные глаза Кли-кли.— А вы, раздолбаи, меня не слушали! Скажите спасибо, что он вас в червяков не превратил!

Халлас испуганно покосился на гоблина. Гло-гло сидел, закрыв глаза, и, казалось, спал.

— Это очень сильный шаман. Самый сильный из виденных мной. Чтобы сотворить Шершней возмездия, потребовалось бы пятеро наших из Первого десятка! — тихо сказал эльф милорду Алистану.

Тот, как всегда, молчаливо кивнул и уселся под ближайшим кленом.

— Думаю, мы ничего не потеряем, если подождем, когда он придет в себя.

— Вы заметили, что барабаны смолкли? — вякнул из-под капюшона шут.

Мы прислушались. Действительно, в Заграбе стояла полная тишина, лишь осторожно журчал ручей, стараясь не привлекать к себе внимания великого шамана. У меня постепенно начала появляться одна очень интересная мыслишка. Если предположить, что...

— ...Да Гаррет же! — Голос Кли-кли вырвал меня из задумчивости.— Ты, конечно, ничего не слышал из того, что я тебе здесь говорил?

Гоблин стоял, упершись руками в бока.

—А? Прости, Кли-кли. Задумался.

Шут вздохнул и вновь спросил меня:

— Где твой арбалет? Орки отобрали?

— Нет, в Храд Спайне оставил.

— Расскажешь, как там было?

— Не сейчас. Может, как-нибудь потом.

— Понимаю,— вздохнул Кли-кли и перестал теребить меня вопросами.

— Тяжело пришлось? — участливо спросил Халлас.

— Угу.

— Но все же ты сделал то, что велел тебе король. Молодец. Я рад, что ошибался в тебе,— неожиданно подал голос капитан гвардии.

— Спасибо, милорд Алистан.

Я стянул капюшон и подставил лицо под струи вновь усилившегося дождя. Кто-то тихонько ойкнул.

— Что с твоими волосами? — спросил Угорь.

— А что с ними?

Кли-кли поспешно выудил из одного из своих кармашков маленькое зеркальце и протянул мне. В зеркале я увидел, что виски у меня совершенно седые.

Глава 15
ШАМАН И ШУТ

К счастью, никто не стал донимать меня вопросами, и минут десять я проторчал возле ручья в полном одиночестве. Надо было немного успокоиться и подумать, а седина на висках — это пустяки, главное, что голова осталась целой. Затем, когда ускользавшая от

меня все это время идея окончательно созрела, я отошел от ручья и направился прямиком к сидевшему под деревом Гло-гло. Халлас проводил меня взглядом, но ничего не сказал, впрочем, как и другие. Я подошел к гоблину и присел рядом с ним на корточки. Старый шаман даже не соизволил открыть глаза. Спит?

— Ты что-то хотел спросить, мой мальчик? — неожиданно заговорил Гло-гло.

— Да.

— Я тебя слушаю.

— Мне интересно, как, обладая заклятиями такой мощи, гоблины гибли под мечами людей и ятаганами орков?

— Неужели ты думаешь, что ваши историки решились бы сказать правду? — криво усмехнулся гоблин.— Мы не овцы, Гаррет. Мы гибли, но забирали с собой многих врагов.

— То есть...

— То есть не верь россказням, что гоблины — беззащитное племя. Да, мы малы ростом, но наше шаманство наиболее близко к Кронк-а-Мору, и мы дорого продавали свои жизни. Знаешь, почему люди ни с того ни с сего стали за нами охотиться?

— Ну...— протянул я, не решаясь продолжать.

— Нет, не оттого, что у нас рожи страшные, хотя про ваши физиономии я вообще молчу. И не оттого, что вы посчитали нас союзниками орков. Все гораздо проще и сложнее. Мы владеем почти изначальной магией, а вашему Ордену издавна не давали покоя наши знания, а точнее их боевая сторона, и поэтому они шли на все, лишь бы только завладеть нашим шаманством и нашими книгами. Естественно, мы не хотели делиться — эти знания не для людей,— и в итоге Орден не успокоился, пока почти не уничтожил нас. Или, точнее сказать, пока люди не потеряли сто с лишним тысяч в наших лесах. Не удивляйся, что ты ничего об этом не слышал. Никто не слышал. Это дела давно минувших дней, а Орден никогда не рассказывает о своих поражениях. — Гоблин еще раз усмехнулся и открыл глаза.

— Но...

— А у гоблинов это не тайна. Мы всегда рады припомнить, как утерли нос вашим волшебникам и солдатам. Теперь к нам не лезут, да и мы не спешим выходить из лесов. У нас свое дело, у вас свое. Я ответил на твой вопрос?

— В связи с рассказанным тобой у меня есть еще один.

— Давай.

— Никогда не поверю, что шаман такой силы, как ты, мог так просто угодить в лапы к Багарду.

— А ты умен, Танцующий,— хмыкнул гоблин, и я вздрогнул от неожиданности.

— Откуда ты...

— Знаю, и все. Я ведь только что сказал, что у гоблинов своя цель в этом мире. Я не буду надоедать тебе долгими лекциями о равновесии и Великих Домах, ты и так, как я понял, многое знаешь. Последнее время моей главной целью, впрочем, как и целью моего отца и отца моего отца...

— Я понял,— поспешно прервал я гоблина, подозревая, что перечисление всех предков старого шамана может продолжаться так долго, что я просто забуду о своем вопросе.

— Понял он,— недовольно покосился на меня Гло-гло.— Тебя не учили, что старших перебивать нехорошо? Так о чем это я? А... Так вот, целью моих предков, ведущих свою родословную от Великого безумного шамана Тре-тре, было ожидание Танцующего в тени. То есть тебя.

— Очень приятно,— скептически хмыкнул я.

— Не язви. Мы должны были дождаться, когда в наш мир придет Танцующий, как это предсказал в Великой книге Брук-грук Тре-тре. А когда Танцующий явится, мы должны были научить его, как попасть в Изначальный мир и как вернуть ему жизнь.

— О! — Вот и все, что я сказал.

— Но, как я вижу, тебе все это удалось и без моей помощи,— несколько разочарованно буркнул гоблин.— Не отрицай, я вижу в твоих глазах блеск изначального пламени, и этот иней на висках... Знающему он может многое рассказать.

— Ты все еще не ответил на мой вопрос.

— Правда? — Гло-гло скорчил удивленную физиономию.— Мне не повезло — я последний в роду Тре-тре по мужской линии, и ты появился слишком поздно. Когда звезды указали на тебя, я был слишком стар и на мне лежала слишком большая ответственность, чтобы уйти из Заграбы. Пришлось действовать другим путем, надеясь, что там, где не справился я, справятся другие. На тебе печать, мой мальчик, печать, которую видит любой гоблин моего рода. Он ее даже не видит, он ее чувствует за сотню лиг. Так что я знал, когда ты выбрался из Храд Спайна, я знал, что должно было случиться дальше, и мне это жутко не понравилось. Пришлось импровизировать, но игра стоила свеч. Попасть в лапы орков было достаточно просто, а дальше оставалось дождаться, когда ты попадешь к ним, и сыграть роль придурковатого шамана. Вот так.

— Но получилось ведь не так, как ты хотел, правда?

— Да уж. Я не рассчитывал, что в отряде будет шаман, и что меня опознают, и я лишусь своего умения. Не будь на мне варежек, мы сбежали бы в первую же ночь после нашей встречи.

— Не проще ли было не попадать в плен, а просто предупредить меня, чтобы я к оркам не лез?

— Не проще! — отрезал старый шаман.— Я знал, что случится, но не знал, где мне тебя искать. Вы, Танцующие, еще те ребята. Вас магией поиска так просто не нащупать. Пришлось действовать через орков.

— А в лабиринте-то ты был?

— Был. Все сказанное мной про лабиринт — истинная правда. Хотя, если честно, я не рассчитывал вернуться в него спустя тридцать лет.

— Ты рисковал.

— Риск полностью оправдался. Не приди твои друзья, я бы использовал заготовленные козыри.

— Это какие?

— Это теперь уже неважно. Ну что? Пора в путь, пока Первые не очухались.

— Еще один вопрос.

— Ух! Ты любопытен сверх всякой меры. Ну что еще?

— На кой вам понадобился Танцующий?

— Рав-но-ве-сие! Я хочу, чтобы мои потомки жили на Сиале еще тысячи тысяч лет, а такой тип, как ты, может отправить все равновесие коту под хвост одним щелчком пальцев.

— Рог?

— Да забудь ты об этой дудке! Рог — это всего лишь Рог. И по сравнению с тобой он все равно что мотылек супротив пламени свечи! Все, хватит вопросов!

— Справятся другие,— пробормотал я, поднимаясь с земли.

— Что? — не понял Гло-гло.

— Ты говорил, что там, где не справился ты, справятся другие. Это о ком?

Я задал вопрос и сразу же нашел на него ответ, стоявший недалеко от нас и поглядывающий опасливыми голубыми глазищами из-под надвинутого на лицо капюшона.

— Ты же все понял, чего спрашивать-то? — усмехнулся шаман.— Сам идти не мог, пришлось послать... ученичка. Кли-кли, иди сюда!

Королевский шут опасливо приблизился.

— Ученичка? — глупо переспросил я.

— А что тут удивительного? — хмыкнул Гло-гло.— Больше все равно некого было посылать. В Брук-груке было сказано, что ты встретишься с королем Валиостра, так что, чтобы точно на тебя наткнуться, пришлось ученичку стать шутом.

— Кли-кли? — обратился я за разъяснениями к угрюмо молчавшему гоблину.

— Да? — невесело пискнул он из-под капюшона.— Все это правда, Гаррет. Я жутко извиняюсь, если причинил тебе неудобства. Но так было надо.

— Ты мне лучше скажи, где я тебе приказал все время находиться?! — между тем грозно сдвинул брови Гло-гло.

— Рядом с Гарретом,— промямлил шут.

— Громче! Не слышу!

— Рядом с Гарретом!

— Так почему же в Костяные дворцы он полез один, и мне пришлось бросить все дела племени и примчаться его выручать, пока ты неизвестно чем зани...

— Но дедушка! — обиженно перебил не на шутку разошедшегося шамана Кли-кли.

— Дедушка?! — вытаращился я.

— А что тебя так удивляет, Гаррет? Вполне естественно, что в ученицы я взял родную кровь.

— Деда! — пискнул Кли-кли и испуганно на меня покосился.

— Просто Кли-кли неоднократно говорил, что его дедушка был шаманом, вот я и подумал, что раз был, то, значит, умер.

— Так ты меня еще и похоронила?! — свирепо завращал глазами Гло-гло.— Ну спасибо!

— Но я...

— И в кого ты такая пошла? Опять позоришь своих предков!

Кли-кли пытался оправдаться, Гло-гло костерил его почем свет, говоря, что такой ученицей его, видно, лесные духи наградили. Я внимал, ничего не понимая. Старый шаман от переизбытка чувств, кажется, начал заговариваться.

— Кли-кли! — встрял я в разговор, когда Гло-гло решил сделать маленький перерыв и отдышаться.— Почему он обращается к тебе как к девчонке?

Вроде гоблин сейчас собирался сквозь землю провалиться. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

— Дурак-человек! — всплеснул руками Гло-гло.— Я же тебе по-людски сказал, что я последний в роду великого шамана Тре-тре по мужской линии! Кли-кли — моя внучка.

— Кли-кли! Ты... Ты ОНА?! Ты девчонка?!!

Гоблину (гоблинше?!!) хватило совести не встречаться со мной взглядом и пробормотать что-то себе под нос. Я различил едва слышное «да».

Я как стоял с открытым ртом, так и сел. Надо сказать, что это был удар! Таких неожиданных сюрпризов жизнь мне еще не пре-

подносила! Это было немыслимо! Кли-кли оказался ею! Гоблиншей! Девчонкой! Все это долгое время он, а точнее, она водила нас за нос! Да как ловко-то! Тут-то у меня открылись глаза на некоторые странности шута, которые теперь не казались такими уж странностями.

Видок у меня, наверное, был еще тот, и Гло-гло понимающе ухмылялся, а Кли-кли готова была сквозь землю провалиться. Когда я более-менее пришел в себя, то счел за лучшее расхохотаться. Так меня еще никто не надувал!

— Ты... ты не сердишься? — испуганно спросила она у меня.

— Нет, Кли-кли! — Я покачал головой.— Если и сержусь, то только на себя, потому что сразу не понял.

— И не понял бы,— с некоторой ноткой превосходства в голосе ответила мне она.— Для людей все гоблины на одно лицо.

— Но, забери меня Х'сан'кор, почему?!

— Так проще, Гаррет.— Она едва заметно пожала плечами.— Многие двери для меня открылись, в том числе и в королевский дворец. Да и с вами со всеми так было гораздо проще. Знай милорд Алистан, кто я на самом деле, он вряд ли разрешил бы мне путешествовать. Случись такое — и я бы не смогла за тобой присматривать.

— Вряд ли бы он что-нибудь сделал. Ведь ты привез... привезла письмо короля с его разрешением на твое участие в кампании.

— Письмо — банальная подделка,— хмыкнула Кли-кли.— Неужели ты думаешь, что король послал бы своего шута на такое дело?

— Тяжело было играть мужскую роль, ученица? — встрял в разговор Гло-гло.

— Да я привыкла, деда. Тяжелее было быть шутом и дураком. Хотя... когда ты шут и у всех на виду, никто тебя не замечает, никто не принимает всерьез, не считает угрозой, и ты можешь делать то, что непозволительно другим.

— Неужели никто так и не догадался, кто ты есть на самом деле, Кли-кли?

— Я же говорила, Гаррет. Для людей мы все на одно лицо.

Шут прав. А тьма! Никак не могу привыкнуть! Она права. Как часто мы видим гоблинов в Валиостре? Не часто. Как часто мы видели гоблинш? Еще реже, чем гоблинов. А точнее, никогда не видели. Ходили слухи, что женщины гоблинов никогда не покидают Заграбы. Вот и верь слухам после этого.

— Да-а-а...— Я покачал головой, все еще не веря в произошедшее.

— Ну, правда...— она наморщила лоб,— правда, Миралисса знала. Мне пришлось ей сказать. Она помогала направлять и спасать тебя.

— Направлять? Спасать?

— Сколько раз благодаря мне ты остался жив, а? А о скольких разах ты так никогда и не узнаешь?!

Я промолчал.

— Вот она, благодарность! А ты думаешь, в первый раз было просто выпихнуть тебя в Изначальный мир? Я и Миралисса едва не опухли. А направить тебя... А! Что там говорить! Всего и не упомнишь! — махнула она рукой.

Мне оставалось лишь пораженно внимать ее откровениям. Ай да Кли-кли!

— Так что, кроме Миралиссы, да пребудет она в свете, и тебя, никто не знает. Ну и я Медку перед отходом сказала.

Гоблинша ухмыльнулась. Так вот почему Медок гоготал без остановки, когда Кли-кли что-то шепнула ему на ухо!

— И что теперь? — спросил я.

— Что теперь, мой мальчик? — переспросил меня Гло-гло.— Если говорить о далеко идущих планах, то теперь тебе надо как можно быстрее оказаться в Авендуме и передать Рог Радуги этому вашему Ордену. Ты оказался гораздо сильнее, чем я думал... В лучшую сторону конечно же. Так что опасаться за равновесие пока не приходится. Нет, не надо мне говорить про Рог, Падших и Великую Игру Хозяев. Я все это прекрасно знаю и без тебя. По сравнению с тем, что ты мог учинить, грядущее возможное, прошу заметить, возможное смещение равновесия — всего лишь маленькая досадная неприятность.

— А что я мог учинить?

— Чего уж об этом теперь говорить? — произнес Гло-гло.— Ты ведь прошел Зеркало выбора и выбрал свою дорогу. По крайней мере, я спокоен, а значит, и тебе не стоит волноваться. Тебе сейчас не обязательно знать все подоплеки пророчеств. Все узнаешь в свое время, у тебя в руках почти что вечность в буквальном и фигуральном смысле этого слова. Сейчас важен лишь Рог, все остальное — второстепенно.

— Мастер гоблин! — окликнул Гло-гло Эграсса.— Вы отдохнули?

— Сейчас иду! — ответил шаман.— Отдохнуть-то отдохнул, но теперь в течение недели не смогу наколдовать ничего сложнее обычного огненного шарика. Надо ли говорить, Гаррет, что тебе не обязательно распространяться о нашем разговоре?

— Не надо.

— Вот и замечательно. А ну-ка помоги старику подняться. Создание этого треклятого заклятия сожрало все мои силы.

Я протянул гоблину руку и помог встать ему на ноги.

— Спасибо, мой мальчик. Пойду поговорю с эльфом и вашим усатым предводителем.

Гло-гло побрел к нетерпеливо поджидающим нас воинам. Я было пошел следом, но тут меня окликнула Кли-кли:

— Эй, Гаррет!

— Да?

— Ты и вправду не очень сильно на меня сердишься? Ну... за это... ты понял, о чем я.

Я немного помолчал, подбирая слова. Все это время она не отводила от меня настороженного взгляда.

— И вправду, Кли-кли,— наконец ответил я.— На тебя нельзя долго сердиться.

Мне показалось или в ее глазах мелькнуло несказанное облегчение?

— Чес-слово?

— Честное благородное слово мастера-вора, Кли-кли.

— Ну и ладушки! — разом повеселела она.— Только ты никому не говори. А то они надо мной трястись будут. Опекать, чтобы ничего не случилось.

— Ты так боишься, что о тебе будут заботиться?

— Просто ты не знаешь наших гнома и карлика, как знаю их я. Делер хуже наседки, узнай он правду...

Я растянул губы в ехидной улыбке, представляя физиономию Делера, узнавшего, что Кли-кли вовсе не он, а она. Да и Халлас небось от удивления собственную бороду проглотит. Кли-кли, видать, прочла мои мысли и беззлобно пихнула в бок кулаком. Гоблин перед тобой или гоблинша — скучать все равно не придется.

Дождь прекратился только к утру следующего дня. За это время мы протопали тьма знает какое расстояние и порядком оторвались от возможного преследования. Во всяком случае, рокота барабанов орков мы больше не слышали. Ночевали рядом с какими-то огромными валунами, которые кое-как прикрывали нас от дождя. Остановка была до жути короткой. Казалось, я только-только закрыл глаза, а Фонарщик уже тряс меня и поднимал в дорогу.

Милорд Алистан наконец соизволил заметить, что я безоружен, словно монашка Сильны. Мумр тут же вручил мне свой кинжал, а Делер порывался отдать маленькую секиру, что постоянно висела у него за спиной рядом со щитом, но я отказался. Не мое это.

— Боевым шестом владеешь, Гаррет? — неожиданно поинтересовался Эграсса.

— Нет.— Вопрос меня несколько удивил.— Разве что дорожным посохом, да и то чуть-чуть.

— Все едино. Значит, справишься и с копьем. Бери.— Эльф протянул мне красту Серого.— Мне хватит с'каша и лука, а вот тебе с ней будет сподручнее. По крайней мере, некоторое время сможешь удерживать врагов на расстоянии.

— Спасибо.— Я взял оружие.

— Только если будешь вращать, не забывай, что один конец утяжелен. Не хотелось бы видеть, как она вылетает у тебя из рук в самый неподходящий момент,— предупредил меня Эграсса, и вопрос об оружии больше не поднимался.

Теперь, имея в руках наследие Серого вампира, я чувствовал себя увереннее. Да и кольчуга, оставленная на время моей прогулки по Храд Спайну на хранение Мумру, вселяла некоторую надежду. Есть пришлось на ходу чем боги одарили. А боги в этот день были не слишком к нам благосклонны, и можно сказать, что я и не наелся-то по-людски. Так, червячка заморил.

Гло-гло с самого утра взял бешеный темп и повел нас вдоль ручья, который от ночного дождя раздулся до неимоверных размеров. Кли-кли семенила впереди, сразу за Гло-гло, и я постоянно ловил себя на мысли, что до сих пор никак не могу привыкнуть к тому, что гоблин оказался гоблиншей.

У отряда было несколько приподнятое настроение, что, впрочем, и понятно — орки, кажется, не собирались нас преследовать. Халлас на радостях даже замурлыкал «Песнь безумных рудокопов»:

Вгрызается бобр зубами в кору,
Чтоб с нею забраться под воду.
Барсук землю роет, построив нору,—
Мы так же срезаем породу!

Насмешливы горы и молча плюют
Нам в душу немыми словами,
Но верные кирки их яростно бьют,
И ярость клокочет меж нами!

Пьет пиво рекой, кто под светом живет,
Чтоб страх утолить пред горами,
А мы ярость пьем, ту, что сил придает,
И смех лишь гуляет меж нами!

Пред нами дрожат и земля, и гранит,
А мы их все рубим и рубим.
Ни смертный, ни бог в шахтах не усидит —
Придут пусть, и всех мы погубим!

Мы гор Короли, и подгорный предел
Пред гномом — что гладкое блюдце.

Коль сунется кто в наш просторный удел —
Своей лишь кровищей упьется!

Способны мы горы с землею сровнять
И реки заставить вспениться
И пустим под нож тех, кто смеет устать,
Чтоб ярости дать набурлиться!

Пусть битва не скоро — мы близим тот срок,
Плюем на огонь и потопы,
Мы — Кости земли, мы — Предсмертный
морок,
Мы — Ярость! Вперед, Рудокопы![1]

— Ну вот,— беззлобно пробурчал Делер, выслушав песню до конца.— Опять раскудахтался Счастливчик.

— Просто тебе завидно, что у твоего народа таких песен не сыщется даже в Зам-да-Морте,— хмыкнул Халлас, предвкушая старый добрый спор.

— В Замке Смерти сыщется много всего, и ты это прекрасно знаешь,— не стал спорить с гномом карлик.

— Да уж слышал,— разом посерьезнел Халлас и песен больше не пел.

К обеду совсем распогодилось, и выглянуло солнце. Идти стало веселей. Гло-гло неожиданно стал забирать левее, и ручей, что так долго был нашим спутником, скрылся за деревьями. Теперь мы шли не на север, а на запад. Вроде милорд Алистан был недоволен этим обстоятельством, и Гло-гло пришлось объяснять, что недалеко орочий город и следует сделать крюк, если мы, конечно, не желаем воспользоваться гостеприимством Первых.

Изрядно поплутав по лесным дебрям, к вечеру мы вновь оказались возле старого знакомого — ручья и, пока еще было светло, дошли до густого ельника, что сжимал ручей в своих лохматых колючих объятиях. Здесь, надежно скрытые от чужих глаз огромными елями, мы и заночевали. Эграсса запретил разжигать костер — орки были близко,— и ночь пришлось коротать без тепла. Сумерки упали на лес неожиданно, впрочем, осенью так всегда бывает.

Халлас и Делер сразу же уснули (им нести службу вторую половину ночи), Гло-гло увел Кли-кли в сторону, но о чем старый шаман говорил со своей внучкой и ученицей, для меня осталось тайной. Вроде давал какие-то советы, и, очень надеюсь, не по мою душу. Я тоже стал укладываться спать и только улегся, основательно закутавшись в теплое одеяло, как кто-то потрепал меня по плечу. Мумр.

---

[1] Стихи Михаила Федорова.

— Да?

— Покажи его, а? — В голосе Мумра мелькнули просящие нотки.

— Кого — его? — не понял я.

— Рог. А то возле лабиринта мы его толком рассмотреть не смогли. Уж очень любопытно, ради чего мы пошли на все это.

— Так темно же! Эграсса запретил огонь разжигать. Первые могут учуять дым.

— Выход есть,— неожиданно проговорил Эграсса, и между его ладонями затрепетал маленький огонек.— Я не очень хорошо знаю шаманство, но три минуты света могу вам обеспечить.

Волшебного света оказалось как раз столько, сколько нужно для того, чтобы можно было разглядеть лица друг друга. Кроме Делера и Халласа, никто и не думал спать. Все ждали, когда Гаррет явит им Рог. Пришлось встать и открыть сумку, с которой я теперь ни на минуту не расставался.

—Так вот он какой...— пробормотал Угорь, с удивлением разглядывая артефакт.

— Ты позволишь? — отчего-то робко спросил у меня милорд Алистан.

Я с готовностью протянул ему Рог Радуги. По мне — пусть хоть насовсем забирает. Уж он-то сбережет эту дудку для своего любимого короля.

— Интересно, что будет, если я в него сейчас дуну? — входя в образ дурака, спросила Кли-кли.

— Я тебе дуну, шут! Так дуну! — пригрозил милорд Алистан гоблину, возвращая мне драгоценность.

Меня опередил Гло-гло. Он ближе всех стоял к капитану гвардии, и Рог оказался в руках старого шамана. Гло-гло закрыл глаза, прикоснулся к артефакту лбом, сморщился, словно слопал тарелку кислого крыжовника, и вынес свой приговор:

— Он слаб. Очень слаб. Сила почти покинула его, она продержится не больше нескольких недель, а затем...— Гло-гло не закончил, но и так всем было понятно, что будет потом.

— Значит, надо поторапливаться,— сказал Алистан Маркауз.

— У нас еще уйма времени, милорд. В начале ноября С'у-дар уже занесен снегом, и Неназываемому понадобится уйма сил, чтобы вылезти из своей берлоги. Да и от Игл Стужи до Одинокого Великана путь неблизкий. До крепости армия колдуна доберется не раньше середины января,— успокоил графа Фонарщик.

— Мумр прав, милорд. Зимняя кампания слишком сложна. Безлюдные земли занесены снегом. Дремлющий лес зимой становится опасным даже для слуг Неназываемого. Рачье герцогство раскачает-

ся только месяца через два.— Угорь задумчиво покачал головой.— Враг будет ждать весны, когда перевалы освободятся от снега.

—А если не будет? — спросил Эграсса.— Если Неназываемый почувствует слабину, не боитесь попасть под бросок кобры?

— Если не будет, то эта зимняя кампания заберет четверть его армии, треш Эграсса.

Воины углубились в споры и обсуждение возможных вариантов нападения врага. Кли-кли отчаянно зевнула, прикрывая рот ладошкой, да и я, признаюсь честно, держался из последних сил. А вот другим хоть бы что. Железные они, что ли? Прежде чем заснуть, я убрал Рог Радуги обратно в сумку, а заодно проверил наличие других вещей. Ключ присутствовал, а вот изумруды, которые я с таким усердием протащил через половину Костяных дворцов, бесследно пропали. Я бы рассмеялся, но слишком уж хотелось спать. Проклятые орки все же умудрились украсть причитающееся мне, чтоб им пусто было!

В середине ночи вновь начался дождь, но я укрылся эльфийским плащом и до самого утра проспал без задних ног. Последние дни я спал без всяких сновидений. Стоило лишь закрыть глаза, и я проваливался в какое-то вязкое и темное болото, из которого меня вытаскивал Мумр. Вот и сегодня я проснулся лишь после того, как Фонарщик потрепал меня по плечу.

Совсем я от такой жизни хватку потерял! Раньше просыпался на каждый подозрительный звук, а теперь по вечерам наваливалась жуткая усталость, и разбудить меня могли только залпы гномьих пушек. Я вылез из-под плаща и сонно захлопал глазами.

Дождь, на наше счастье, кончился, зато невесть откуда взялся туман. И это в конце октября! Конечно же это Заграба, но у нас в Авендуме в это время года туман — большая редкость, если не сказать — чудо.

Он тягучей молочной завесой повис меж елей, и деревья, находящиеся от нас в пятидесяти ярдах, уже были скрыты под его пологом. Я проснулся последним, все остальные уже встали. Халлас раздавал скудный паек. Заметив меня, гном подмигнул и всучил кусок черствого хлеба и ломоть вяленого мяса. Вот и весь завтрак.

— Сколько времени? — простонал я.

— Тьма его знает, Гаррет,— обронил Делер, востривший точильным камушком лезвия любимой секиры.— Небывалый туман, так что сказать ничего не могу, но рассвело не далее как пятнадцать минут назад.

— Выступаем. Гаррет, скатывай одеяло.— Алистан Маркауз не собирался ждать, когда я окончательно проснусь.

Сейчас мы шли медленно, неизвестно что скрывалось в тумане, и наткнуться в нем на орочий секрет — плевое дело. Так что приходилось идти с оглядкой на возможные неприятности. Кругом властвовала абсолютная тишина, все звуки пожирала туманная пелена, и даже журчащий ручей теперь звучал как-то приглушенно и зловеще. Кли-кли ежилась и опасливо вертела головой. Заметив, что я на нее смотрю, она состроила рожицу, но все же сказала:

— Ненавижу туман, мы в нем как слепые.

— Не бойся, Кли-кли,— подбодрил ее Халлас.— Если бы тут что-то было, мы бы давно влипли в неприятности. Сам ведь знаешь.

— Знаю,— буркнула она.— Но все равно как-то мне нехорошо. Что-то должно случиться. Носом чую.

— Вот только панику не надо наводить, шут,— попросил Угорь, но, несмотря на свой скептический тон, проверил, легко ли выходят из ножен «брат» и «сестра».

Гоблинша лишь разочарованно вздохнула.

О ее предупреждении мы вспомнили минут через сорок. Уже стало достаточно светло, но туман и не думал исчезать, а оттого мы не сразу смогли расслышать этот звук.

Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м!

Туман съедал звуки, и рокот барабанов я скорее ощущал кожей, чем ушами.

— Орки! — просипел Делер, хватаясь за секиру.

— Достали все-таки!

Халлас витиевато выругался, мешая людской и гномий язык. В краткой речи гном успел помянуть орков, появившихся на Сиале по какому-то недоразумению. Дальше пошло перечисление сношений, которыми занимаются Первые в свободное от стука в барабаны время. От столь внушительного списка извращений любое разумное существо должно было возненавидеть Первых на всю оставшуюся жизнь.

Делер потрясенно внимал злой речи напарника, Кли-кли вроде как несколько смутилась. Уверен, что она слышала подобное и до этого момента, но в столь большом количестве — никогда. В другое время я бы восхитился умению Халласа плести столь сложную ругательную вязь, но сейчас было не до того — орки вновь сели нам на хвост. Милорд Алистан и Эграсса тоже не собирались выслушивать гномьи тирады.

— Халлас, молчи! — рыкнул граф.

Гном заткнулся на середине особо цветистого оборота, и Эграсса лег на землю, разгреб листья, сказал несколько слов на гортанном наречии и стал слушать. Барабаны не смолкали.

— Они в полутора часах от нас. Очень быстро продвигаются.

— Сколько их, треш Эграсса? — спросил граф, сжимая рукоять меча и силясь хоть что-то разглядеть за стеной тумана.

— Не знаю, милорд. Я не мастер вязать такие заклятия. Все, что могу сказать,— их много.

— Не очень-то помогли нам твои пчелки, шаман! — с неприкрытой ехидцей обратился к Гло-гло Халлас.— Ну и что ты теперь намерен делать?

— Взять тебя за ноги и отдубасить твоей башкой орочью армию! — вспылил Гло-гло.— Если бы не мое заклятие, тебе бы уже поджаривали пятки!

— Не обращайте на него внимания, почтенный! — вмешался в перебранку Делер.— Это он не со злобы, а по скудоумию.

Халлас от такой несправедливости поперхнулся, пошел красными пятнами, сжал кулаки, но в драку не полез.

— Вы можете нам помочь, почтеннейший? — взял быка за рога милорд Алистан.

— Если милорд граф имеет в виду очаровательных пчелок или какую-нибудь бурю с молниями, то мой ответ — нет. Я теперь еще долго не смогу сотворить что-нибудь внушительное. Так, по мелочи.

— А Кли-кли? — ляпнул я.

— Не та специализация, Гаррет,— покачал головой Гло-гло.— Ему еще учиться и учиться.

— Только колдующего шута мне сейчас и не хватает! Хоть что-то вы можете?

— Да, я в силах увести от вас погоню, по крайней мере, на время. И вот, возьмите.— Гло-гло протянул милорду Алистану нечто напоминающее комок грязи.

—Что это? — скривился Фонарщик.

— Ваше спасение.— Гло-гло вытер руки о плащ.— Если совсем прижмет к стенке, раздавите этот комок в кулаке, и те, кто вас преследует, пойдут за тем, кто раздавит грязь.

— В чем смысл? — не понял Угорь.

— Смысл в том, что тот, кто активирует заклятие, побежит прочь от отряда, а орки последуют за ним, считая, что гонятся за всеми. Беда в том, что этот одиночка, скорее всего, погибнет, орки след не отпускают и рано или поздно нагонят. Так что, милорд, сами решайте, кто из вас побежит в случае чего. Я смогу увести тех, кто сейчас идет за нами, и увести далеко, мне на это сил, спасибо лесным духам, еще хватит, так что опасайтесь не тех, кто за спиной, а тех, кто впереди. Преследователи, раз они выжили, скорее всего, успели сообщить родичам о беглецах, а впереди два крупных орочьих поселения. Лес наводнен Первыми, так что смотрите в оба. Идите вдоль ручья до

озера, поворачивайте на северо-запад. Может, прорветесь. Треш Эграсса, надеюсь, вам улыбнется удача.

Эльф кивнул.

— Я все сказал, идите быстро, старайтесь не останавливаться, но и не зевайте. Кли-кли, на минуту.

Гло-гло увел внучку в сторону и стал ей что-то втолковывать. Остальные занялись проверкой вооружения.

— Гаррет, проверь свои сапоги,— посоветовал мне Угорь.

— Зачем?

— Быстро пойдем. Точнее, побежим. Если натрут ноги, времени остановиться не будет.

Я счел за лучшее последовать его совету. Подбежала Кли-кли, и Гло-гло обратился ко всем нам:

— Да сохранят вас лесные духи,— а затем добавил только для меня: — Береги себя, Танцующий, и сделай то, что должно.

Не знаю, что он имел в виду под словом «сделай», но я на всякий случай кивнул:

— Спасибо, что вытащил меня из лабиринта, Гло-гло.

Старый шаман лишь усмехнулся и, кивнув на прощание, скрылся за деревьями.

— Вперед,— сказал Эграсса и побежал вдоль ручья.

Глава 16
ПЕСНЬ ФЛЕЙТЫ

Бежать дальше не было сил, и я рухнул на землю. Сейчас надо полежать, отдышаться, набраться сил. Но мечтам не дано было сбыться. Меня с двух сторон подхватили под руки и рывком поставили на ноги.

Догоним... Убьем... Догоним! — пели барабаны за стеной тумана.

— Беги, Гаррет! — просипел Угорь.

— Еще немного! — поддержал товарища Фонарщик.— Давай, парень! Ты справишься!

Я, хватая ртом воздух, кивнул. В боку нещадно кололо, но бежать надо, никуда не денешься.

— Взяли! — рявкнул Угорь, и они вдвоем с Мумром потащили меня вперед.

Я по мере сил и возможностей перебирал ногами. Халлас и Делер последовали примеру Мумра и Угря и взяли в оборот уставшую Кли-кли. У той даже не было сил сопротивляться. Выходит, только я и гоблинша не выдержали двухчасовой гонки. Воины тоже устали,

а тут еще мы на них повисли, словно спелые груши. Минут десять я пользовался услугами Угря и Фонарщика, а затем побежал сам.

— Сможешь? — на всякий случай спросил меня гарракец.— Давай копье.

Я едва заметно покачал головой.

Догоним... Убьем...

К полудню туман так никуда и не исчез. Казалось, Заграба решила навеки спрятать нас от глаз всего мира в своих дремучих пущах. Но мне сейчас было все равно. Когда спустя вечность Эграсса понял, что лишь он один может поддерживать заданный темп, а остальным требуется срочный отдых, эльф скомандовал привал. Я где стоял, там и упал.

— Как тебе такие гонки? — просипела Кли-кли, ловя воздух ртом.

— Я не привык к забегам на столь длительные дистанции,— ответил я.— Как сам?

— Со мной все в порядке. А вот Делеру, тащившему меня на закорках, последние сорок минут пришлось тяжеловато.

— Не беспокойся, дружище, я в порядке.— Делер, как и все, дышал словно пробитые кузнечные мехи.

— Что-то я не вижу,— фыркнула Кли-кли.— Больше так не делай. Я и сам смог бы бежать.

— Я что, по-твоему, слепой? Думаешь, не видел, как у тебя ноги подкашивались?

— Барабаны стихли! — влез в нашу беседу Угорь. Он сидел, прислонившись спиной к стволу старого златолиста.

Я начал вслушиваться в наступившую тишину, но тяжелое сопение гнома зверски мешало.

— Халлас, прекрати сопеть! — попросил Мумр.

Гном яростно хрюкнул, но спорить не стал и постарался не пыхтеть. Действительно, рокота орочьих барабанов, суливших нам все земные муки, больше не было слышно.

— Неужели отстали? — облегченно спросил Мумр.

Фонарщику пришлось тяжелее всего. Бегать по лесу с биденхандером, да еще и за мной приглядывать — не очень легкое занятие.

— Или Первые решили преследовать нас молча, что для них совсем нехарактерно, или гоблину удалось сбить их со следа,— задумчиво протянул Эграсса.— Сколько вам потребуется времени для отдыха, милорд?

— Сколько у нас есть?

— Чуть больше десяти минут, затем придется отправиться в путь, если мы не хотим, чтобы на нас наткнулись орочьи патрули. Пойдем вдоль ручья, благо он течет на север. Орки не боги, они

вполне способны потерять наш след, и если мы поторопимся, то выберемся из Золотого леса через неделю.

— А потом нам потребуется еще неделя, чтобы выбраться из Заграбы. Мы расшевелили Первых, так что вряд ли они оставят нас на границе Золотого леса, Эграсса,— возразил Угорь.

— Может, ты и прав, а может, и нет,— ответил гарракцу темный эльф.— Если не будем шуметь и привлекать к себе внимания, я вполне смогу вывести вас из Заграбы. Только ради всех богов — идите очень тихо. Туман густой, орки близко, и я предпочитаю, чтобы не они первыми заметили нас, а мы узнали об их присутствии.

По мне, так восьмерка орков передвигалась очень тихо, а вот на слух Эграссы — они слишком сильно шумели, так что нам не составило труда схорониться и навалиться на врага всем скопом. Первых нельзя было отпускать, они могли наткнуться на наши следы и, поняв, что мы их облапошили, броситься в погоню или еще того хуже — предупредить приятелей. В этом случае весь эффект внезапности будет утерян и мы вновь окажемся в роли лисицы, убегающей от своры гончих. Я бы, конечно, с радостью никуда не лез, но нас было восемь на восемь, и сейчас каждый клинок на счету, так что в драку пришлось лезть наравне со всеми.

Все закончилось, едва успев начаться. Орки не подозревали о нашей засаде, и эффект внезапности сыграл для них роковую роль. Кли-кли и Угорь одновременно бросили метательные ножи, а Эграсса взялся за лук. Прежде чем орки что-то поняли, четверо уже были мертвы, еще четверо схватились за ятаганы. Один бросился к Эграссе как к самому опасному, но дорогу Первому преградил Мумр, которому было велено защищать нашего единственного лучника во что бы то ни стало. Фонарщик встретил Первого, нанес стремительный укол в пах, тут же «утек» в сторону, оказался за противником и одним плавным движением перерубил Первому ногу.

В этой кратковременной стычке я не успел принять участия. Алистан, удерживая клинок двумя руками, сшибся с другим орком, но противники успели обменяться всего лишь одним ударом, так как Эграсса всадил орку в спину стрелу. Такая же участь постигла Первого, нарвавшегося на Делера.

Последнего из четверки свалил Халлас. Первый пытался ударить гнома топором, но Счастливчик схватился за древко, ударил орка мотыгой в ногу и, когда Первый отпустил свое оружие и стал заваливаться на спину, гном перехватил топор и опустил его на голову упавшего врага. Весь бой занял чуть больше двадцати секунд.

— Видал, как я его? — спросил у Делера гордящийся собой Халлас.

— Неплохо,— похвалил гнома карлик. — Что будем делать с телами, Эграсса?

— Спрячем, может, их и не найдут какое-то время.

— Как мы их, а, Гаррет? — спросила меня Кли-кли.—Прямо как орехи. Видел, как я нож кинул?

— Нет.

— Эх! Многое упустил,— разочарованно вздохнула она.

— Ты мне лучше скажи, когда туман пойдет на убыль?

— А я откуда знаю? Это Заграба, в конце октября туманы могут держаться до недели. Понимаю, что для нас это не очень хорошо, но тут уж как лесные духи распорядятся.

— Кли-кли, вытаскивай свои ножи и мои стрелы, а все остальные берите этих за руки и за ноги и тащите подальше от ручья,— приказал эльф.— Все же я рискну применить немного магии, может, это собьет их со следа.

Тела мы спрятали меж корней двух старых и почти переплетенных между собой дубов. Сверху насыпали гору пожухлой листвы. Угорь и Халлас еще раз прошлись по месту битвы и постарались уничтожить все следы крови. Эграсса между тем накладывал на могилу какое-то заклятие.

— Зря пыжимся,— вздохнул Мумр, вытирая пучком листьев лезвие своего меча.— Тут натоптано, словно стадо мамонтов гуляло. Землю на место не поставишь и листья обратно не уложишь. Была бы здесь леди Миралисса...

— Тут уж ничего не поделаешь, Мумр,— согласилась с ним Кли-кли.— Я мог бы попробовать, но не уверен, что мое колдовство не послужит колоколом для всех шаманов орков.

— Даже не думай об этом, Кли-кли! Мало нам неприятностей, так еще ты со своими фокусами. Я не забыл, как ты спалил сторонников Неназываемого и нас чуть не поджарил! — фыркнул Делер.— Давай уж, пока есть такая возможность, проживем без твоих заклинаний.

— Мое дело предложить.— Кли-кли нисколечко не обиделась.— Тогда нам просто лучше быстренько свалить, пока не грянуло.

— Мудрые слова, шут,— угрюмо бросил Алистан Маркауз и вогнал меч в ножны.— В путь!

Боги миловали, и за весь остаток дня нас никто не обнаружил. Однажды Эграссе почудилась отдаленная барабанная дробь, но это был всего лишь ветер, гулявший в ветвях порядком избавленных от листвы деревьев. Ручей, сопровождавший нас все эти два дня, раз-

россия до размера небольшой речушки, которая, в свою очередь, втекала в большое озеро, к которому мы вышли уже в сумерках. Туман и подступающая темнота сделали свое дело, и противоположного берега озера видно не было.

Заночевали на берегу, устроив себе лежбище в густых зарослях высохшего камыша. Мумр отошел в сторону и спугнул одинокую утку, но Эграсса даже не подумал ее подбить. Приготовить птицу было не на чем, так как разжигать огонь эльф нам запретил. Пришлось довольствоваться остатками скудных запасов. Халлас ворчал, что еще два дня и нам придется научиться есть листья.

Ночь выдалась тревожной и очень зябкой. Холодные порывы ветра, завывающего в волнующемся море камыша, пробирали до костей, и я, дрожа от холода, несколько раз просыпался. Затем вновь засыпал. Впрочем, стоило мне уснуть, как тут же снилось, что через высокие камыши крадутся орки и вот-вот на нас нападут. Я снова просыпался и долго смотрел на колышущуюся стену сухой травы.

Милорд Алистан поднял нас еще засветло, и мы, окутанные густым туманом, продолжили путь на север.

К тому времени как рассвело, мы прошли изрядный кусок пути. Озеро осталось далеко за нашими спинами, но проклятый туман и не думал растворяться под первыми солнечными лучами, и от этого Заграба казалась лесом из сказки о призраках.

Из молочной пелены вырастали темные силуэты древесных стволов. Казалось, что вся округа умерла или затаилась, ожидая, когда туман сгинет из леса. Такое же молчание в Заграбе было, только когда мы проходили через Красное урочище. Стоило мне подумать о том, что там произошло, и сердце неожиданно кольнуло тупой иглой. Я одернул себя и постарался не думать о неприятностях. Еще не хватало накаркать Х'сан'кора по нашу душу. Но чем больше я старался не думать о страшном, тем сильнее в голову лезли всякие неприятные мысли. Тупая игла из сердца никуда не делась, и я морщился и шипел, когда следовал особенно сильный укол. Наконец я не выдержал и шепотом спросил у Кли-кли, которая в прошлый раз первая что-то почувствовала:

— Кли-кли, тебя ничего не беспокоит?

Она приостановилась, втянула носом воздух и, немного подумав, ответила:

— Насморк.

— Да я не про то! — капельку разозлившись на ее недогадливость, отмахнулся я.— Ты ведь в Красном урочище почуял неладное.

— Почуял,— согласилась она.— Так там опасность была. А здесь я ничего такого не ощущаю. Разве что лес спит, но это из-за тумана всегда так бывает. Если и есть опасность, то она самая обычная, я такую почувствовать не могу. А вот ты... Ты Танцующий с тенями, может, поэтому... Делер, иди, скажи Эграссе, что нашему Гаррету как-то неспокойно. Как бы беды не вышло.

Делер не стал спорить, он даже нисколько не удивился, лишь внимательно зыркнул на меня из-под рыжих бровей и пошел к находящемуся впереди отряда эльфу.

Никого предупредить карлик так и не успел. Все произошло быстро и очень неожиданно. Из тумана молча вынырнули тени с обнаженными ятаганами, двое или трое спрыгнули с деревьев, находящихся по сторонам от нашей тропинки, и в довершение земля в двух местах взорвалась фонтанами листьев, и из замаскированных ям выбралось несколько тварей, очень напоминающих помесь обезьяны и волка. Засада была организована мастерски. Видать, нас очень давно поджидали, и на этот раз мы, а не Первые попали врасплох.

— Орки! — заорал Мумр, срывая с плеча биденхандер.

— Лирде драаст! П'ун эдрон![1] — крикнул один из врагов.

Кто-то из Первых дунул в маленький ловчий рожок, и неожиданно громкий звук разнесся по всему лесу, растревожив туман. В руках Эграссы уже был лук, и проклятый трубач, забыв о своем рожке, схватился руками за застрявшую в его груди стрелу. Но было поздно — где-то далеко-далеко, на самой границе слышимости, прозвучал другой рожок. Прежде чем бой закрутил меня в смертельном вихре, я успел увидеть, что Угорь сдерживает двоих орков и не дает им приблизиться к Эграссе. Затем мне стало не до чего.

Я и Кли-кли ближе всех находились к ямам, и обезьяноволки, рыча, бросились в нашу сторону. Они двигались очень проворно, но как-то боком, словно крабы. Тощие, обросшие грязно-желтой шерстью с бурыми подпалинами, внушительным набором волчьих зубов и мощными ошейниками, утыканными шипами.

— Грууны! — пискнула Кли-кли и бросила в ближайшую тварь один из четырех ножей.

Нож угодил грууну точнехонько в бок. Ручная тварь орков взвизгнула, перекувырнулась через голову и задергалась, загребая лапами землю и листья. Остальные, нисколько не смутившись гибелью товарища, продолжали переть на нас.

Бах! — грохнуло у меня за спиной.

Халлас использовал свою последнюю пистоль. От неожиданного звука один из грууноов остановился как вкопанный, и Делер, только

[1] Взять живыми! Кроме эльфа!

что расправившийся со своим орком, швырнул в зверя извлеченной из-за спины малой секирой, а точнее метательным топором. С глухим звуком оружие раздробило грууну голову. Раздробило, но не убило. Истекающая кровью тварь от боли и ярости, как видно, лишилась последних мозгов и вцепилась в ногу ближайшему орку.

— Берегись! — заорала Кли-кли.

Я совершенно машинально выставил перед собой красту, и груун со всего маху напоролся на острие копья. Кли-кли бросила следующий нож, но на этот раз не так удачно, и оружие впилось твари в ляжку. Пока зверюга визжала и крутилась на месте, оставшиеся в живых кинулись на меня одновременно и с двух сторон. Я отчаянно дернул красту на себя, освобождая оружие от повисшего на нем тяжелого тела.

Один из грууноов вытянулся в прыжке, целясь мне в горло, и получил в бок стрелу. Спасибо Эграссе. Тварь со всего маху врезалась в меня, и мы упали на землю. Я проворно откатился в сторону, едва не потеряв копье, а на то место, где я только что находился, всеми четырьмя лапами упал последний из грууноов.

Все же расстояние было слишком небольшим, и зверюга задела меня передней лапой. Когти без труда вспороли куртку, и меня спасло лишь то, что под ней находилась так нелюбимая мною кольчуга. Не обращая внимания на боль от удара, я пихнул тварь обеими ногами в морду. Груун взвизгнул, отлетел в сторону, умудрился приземлиться на лапы и вновь прыгнул на меня. Я уже был на ногах и сумел подготовиться. Копье встретило грууна в воздухе, и Дымчатая сталь без труда перерубила обезьяну на две половинки.

Я даже не почувствовал никакого сопротивления. Кли-кли между тем прикончила раненого грууна и теперь поспешно извлекала из трупов свои ножи. Где-то справа визжал меч милорда Алистана. Эграсса сменил лук на с'каш и спина к спине с Угрем отражал атаки наседающих на них орков.

— Сзади, Гаррет! — гаркнули мне.

Я не мешкая отпрыгнул в сторону. Орк, собиравшийся снести мне голову, видимо, расстроился до невозможности и поэтому полез напролом. Взвизгнул метательный нож, но Кли-кли угодила Первому прямо в центр щита, на котором была изображена какая-то диковинная птица. Копье длиннее ятагана, у меня было небольшое преимущество, и я удерживал орка на расстоянии до тех пор, пока Кли-кли не бросила следующий нож.

Этот угодил в плечо. Угодил и отскочил. Видно, под желтой курткой орка скрывался доспех. Я не мешкая рубанул крастой, орк проворно закрылся круглым щитом, но копье Серого без труда разнес-

ло преграду, а также руку Первого. Я крутанулся вокруг своей оси, и орк лишился второй руки.

— Караде тиг су'ин тар![1] — вновь гаркнули на орочьем.

Так, с этим покончено, как там у других дела? Угорь и Эграсса держатся, Делера не видать, Мумр успешно отмахивается своей оглоблей сразу от троих, Халлас только что прикончил Первого, разбив ему мотыгой лицо, Кли-кли бросилась на помощь Фонарщику... А вот милорд Крыса долго не продержится, тот парень с копьем, что подбирается к нему сзади, сейчас насадит нашего графа на вертел.

Я заорал, привлекая внимание орка, и, потрясая крастой, бросился на помощь Алистану Маркаузу. Орк принял вызов и, перехватив копье двумя руками, словно шест, шагнул в мою сторону. Он бил то острием, то пяткой, и мне едва хватало времени, чтобы отражать его удары. Ни о какой контратаке не могло быть и речи. Тут бы выжить. Первый оказался жутко проворен, он едва не заехал мне пяткой копья в лицо, и меня спасло то, что я успел отклониться назад. Но, проделав это, я потерял устойчивость, и орк атаковал серединой древка, находящегося между его рук, попросту оттолкнув меня от себя.

Едва не упав, я что есть силы вмазал Первому древком красты по пальцам. Орк взвыл от боли, выпустил копье из левой руки, и я ударил той частью древка, что была ближе к «пятке», Первого под колени. Враг рухнул, и я, не задумываясь, пригвоздил его к земле. Выдернул красту, поспешно огляделся.

Милорд Алистан добивал последнего из своих противников. Орк закрывался от ударов батарного клинка уже порядком изрубленным щитом, но минуты Первого были сочтены. Кли-кли вроде цела. Эграсса и Угорь уже спешат нам на помощь, они расправились со своими противниками. Халлас, находящийся от меня дальше всех, теснит орка.

Гном выбил из рук Первого ятаган, и теперь орку приходится защищаться только кинжалом. Гном сделал шаг вперед, чтобы навсегда покончить со своим противником, но споткнулся о тело грууна и на мгновение потерял равновесие. Первый тут же воспользовался гномьей оплошностью, оказался рядом со Счастливчиком и, схватив того за бороду, дернул на себя, одновременно ударяя кинжалом в незащищенное лицо гнома.

Счастливчик, обливаясь кровью, упал, а орк занес кинжал для последнего удара. Я бросился на помощь, хотя понимал, что опоздаю, но меня опередил Делер. Он взревел и двумя руками швырнул

---

[1] Отправьте их во тьму!

в склонившегося над гномом орка свою страшную секиру. Оружие превратилось в воздухе в размытый сияющий круг и врезалась в Первого, раскроив верхнюю часть торса и голову.

— Делер, сзади! — крикнул Угорь, но было поздно.

Оказавшийся за спиной карлика орк ударил Делера коротким широким клинком, так непохожим на привычные орочьи ятаганы. Удар был такой силы, что острие меча вышло из груди воина. Дикий зашатался и рухнул на колени. Прежде чем орк успел высвободить меч, вновь взявшийся за лук Эграсса превратил Первого в подушечку для иголок.

Все было кончено.

Орк, ударивший Делера мечом, был последним. Мы бросились к Халласу и Делеру. Груун, получивший от Эграссы стрелу в бок, все еще был жив и, скуля, пытался достать стрелу зубами. Я задержался, чтобы добить зверюгу. Охотничьи рожки орков вновь подали голос и на этот раз гораздо ближе.

— О свет! — простонала Кли-кли, рухнувшая на колени возле Халласа.— О свет! Сколько крови! Сколько крови!

Она без остановки твердила про кровь, и в ее глазах плескалась паника. Я впервые видел нашу шутессу в таком состоянии.

— О свет! Как же это, а?

Рядом с гоблиншей валялся орочий кинжал с зазубренным клинком.

Стоило мне только увидеть гнома, и я понял, что дело плохо. Удар пришелся в правую щеку. Лезвие было зазубрено, и от этого рана получилась неровной. Правая половина лица Халласа представляла собой одну сплошную рваную рану. Орк ударил оружием сверху вниз — от этого пострадал глаз Счастливчика. Теперь на его месте зияла кровавая дыра.

И кругом кровь. Много крови. Гном был пока еще жив, но, кажется, без сознания.

Эграсса бесцеремонно отодвинул Кли-кли в сторону и начал действовать, шепча орочью скороговорку и сыпля прямо на открытую рану какой-то желтый порошок.

— Угорь! Что с Делером?! — каркнул Фонарщик, суетящийся возле Халласа.

— Умирает! — донеслось до нас.

— А тьма! А тьма! А чтоб вас всех! — взвыл Мумр.— Гаррет, дуй к Угрю, может, еще можно...

Я, уже не слушая, бросился на помощь к Угрю. Тут же был и милорд Алистан. Гарракец не рискнул вытаскивать меч из спины карлика, это бы усилило и без того сильное кровотечение. Делер был в

сознании и пытался что-то сказать, но лишь беззвучно шевелил губами.

— Ему можно помочь? — спросил я.

— Разве что чудом,— хмуро бросил Алистан Маркауз.

Но чуда не произошло. Через минуту, так ничего и не сказав, рыжий карлик умер.

— Да пребудешь ты в свете,— пробормотал Угорь и осторожно закрыл Делеру глаза.

Как же нас так угораздило вляпаться! Как глупо все получилось! Делер мертв, Халлас на пороге смерти. Кто недоглядел?

— Гаррет, потом будем горевать! — Угорь яростно тряхнул меня за плечо.— Очнись!

Гарракец прав: сейчас не время. Мумр незнамо откуда добыл чистые тряпки и перевязывал рану гнома. Тряпки враз пропитались кровью, но после магической помощи Эграссы она хотя бы немного приостановилась.

Рожки орков предупредили о том, что Первые спешат к нам изо всех сил, и тут же справа им ответили другие.

—У нас мало времени, Мумр.

— Знаю! — зарычал воин, бинтуя голову гнома.— Уже заканчиваю!

— Делер? — задал вопрос эльф.

— Мертв.

Кли-кли ойкнула и закрыла лицо руками. Я похлопал ее по плечу, пытаясь хоть как-то утешить.

— Пора уходить! Они скоро будут здесь!

— Я закончил! — Руки у Фонарщика были в крови.— Но долго ему не продержаться, боюсь, мы только отсрочили конец.

— Будем надеяться на лучшее. Нет времени делать носилки, гнома придется нести,— сказал Алистан.

— Кли-кли,— обратился я к хлюпающей носом гоблинше,— возьмешь красту.

Гнома придется нести мне, потому как, если нас настигнут орки, воины должны быть готовы отразить нападение.

— Ты один не справишься,— остановил меня Фонарщик.— Угорь, на тебя мой клинок.

Гарракец кивнул и взвалил биденхандер себе на плечо.

— Взялись, Гаррет! Только ради всех богов, осторожнее!

Мы аккуратно подняли раненого.

— А Делер? — всхлипнула Кли-кли.— Разве мы его не похороним?

— У нас нет на это времени, гоблин. Лесные духи позаботятся о его теле,— ответил Эграсса.

Кли-кли неохотно кивнула и как-то сникла. Рожки орков перекликались в тумане.

— Уходим!

Покидая поле битвы, я бросил последний взгляд на Делера. Пока мы пытались спасти Халласа, Угорь успел позаботиться о мертвом. Он извлек орочий меч, положил на грудь карлика его секиру и сложил руки мертвого на ее древке. Мумр на ходу шептал слова погребальной песни Диких Сердец. Мы прошли ярдов двадцать, когда Кли-кли неожиданно развернулась и бросилась назад.

— Стой, Кли-кли! — гаркнул я, но она даже не подумала остановиться.— Стой, дурак!

— Что он делает?! — выругался милорд Алистан.— Вернись, шут!

— А тьма! Только этого нам еще не хватало!

Гоблинша вернулась спустя минуту. В руках она держала шляпу-котелок карлика. Милорд Алистан помянул тьму, но головомойку Кли-кли устраивать не стал, как видно отложив ее до более спокойных времен.

Быстро с раненым гномом не побегаешь, но нам это как-то удавалось... пока. Когда руки вот-вот должны были отвалиться, нас с Мумром сменили Угорь и Алистан Маркауз. Во время пути еще дважды менялись и столько же раз останавливались, чтобы проверить состояние гнома. Надо ли говорить, что Халлас держался только каким-то чудом, но Эграсса лишь огорченно качал головой:

— Его часы сочтены. Эту ночь Халлас не переживет.

— Посмотрим! — зарычал Угорь, злясь на весь белый свет.

— Мы не сможем нести его вечно, этим мы лишь делаем ему еще хуже.

— Ты предлагаешь его бросить?!

Желтые глаза эльфа сверкнули бешенством, и он положил руку на рукоять кривого ножа.

— Ты забываешься.— Тон у эльфа был уж очень холодным.

— Только дуэлей мне сейчас не хватало! — рассвирепел милорд Алистан.— Угорь!

Угорь заиграл желваками, но все же сказал:

— Прости Эграсса, погорячился.

Темный эльф едва заметно кивнул:

— Понимаю. Но мы не можем бежать вечно. Первые в десяти минутах от нас. Второго такого боя нам не выдержать, к тому же у них могут быть луки.

— Нам придется принять бой,— согласился гарракец.— Лучше это сделать сейчас, пока мы еще не падаем от усталости.

— Этот бой будет последним.

— Пусть так, эльф. Пусть так. Но я не собираюсь ждать заклания и попытаюсь продырявить нескольких Первых.

Эграсса повернулся к милорду Алистану:

— Милорд?

— Мне нужна минута, я думаю,— сдвинув густые брови, сказал капитан.

— Хорошо. Гаррет, Кли-кли, будьте рядом с Халласом. Угорь, справа. Мумр, слева. Постарайтесь продержаться подольше и не подпускать их, пока у меня не кончатся стрелы. Видите вон тот златолист...

Эльф продолжал отдавать приказания, но я уже не слушал. Забери меня Неназываемый! Неужели это все?!

— Главное, чтобы не было лучников,— тихонько сказала Кли-кли.

Ее пальцы мелькали в отчаянном плетении какой-то сложной фигуры.

— Ты уверена в том, что делаешь? — осторожно спросил я у нее.

— Я еще никогда не была так уверена, Танцующий. Это, конечно, не Пчелы возмездия, но Пылевой молот им вряд ли придется по вкусу.

— Сколько их?

— Столько же, сколько на нас напало. Не больше семнадцати.

— На нас напали семнадцать орков?!

— И пять их собачек-груунов. А ты не заметил? Если бы не Эграсса с луком, нас бы потрепали гораздо сильнее.

— Послушайте меня! — неожиданно сказал молчавший все это время Алистан Маркауз.— Не стоит начинать бой сейчас. Кли-кли, лови!

Он что-то бросил гоблинше, и та ловко поймала маленькую вещицу. Это оказался серебряный перстень с личным гербом графа.

— Милорд, не надо! — испуганно вскрикнула она.

— Надо, шут, это ваш единственный шанс. Если доберешься, отдашь моему сыну.

— Что происходит? — ничего не понимая, спросил Мумр.

Впрочем, не только он один ничего не понимал. Не все так умны, как Кли-кли или Угорь.

— Вы уверены? — спросил гарракец.— Может, лучше я?

— Я уверен,— ответил капитан гвардии.— Шаман знал, поэтому и отдал мне эту вещь. Я попробую увести их от вас как можно дальше. Эграсса, веди отряд!

— Не беспокойтесь, милорд. Я доведу их до самого Авендума,— торжественно кивнул темный эльф.— Возьмете красту? С ней вы продержитесь дольше.

— Нет, я привык к мечу. Гаррет!

— Да, милорд? — Во рту отчего-то пересохло.

— Передай Рог Арцивусу, чтобы он загнал ту тварь обратно в снега. Если не сделаешь, я тебя с того света достану!

Я лишь кивнул. Граф достал подарок Гло-гло, сжал грязевой комок в кулаке, и тут же из воздуха появились наши призрачные двойники. Милорд Алистан развернулся и, не оглядываясь, побежал на запад. Наши копии последовали за ним, оставляя на земле вполне реальные следы.

— Эграсса, надо торопиться. Заклинание Гло-гло не продержится вечность, и скоро мы опять будем оставлять следы.

— Ты прав, Кли-кли. Гаррет, Мумр! Поднимайте гнома.

Звуки рожков давно стихли, а мы все бежали и бежали. На душе было пусто — мы живы только благодаря тому, что милорд Алистан увел орков. Умом я понимал, что графа никто из нас больше никогда не увидит, во всяком случае, в этой жизни... но вот в сердце еще теплилась надежда. Может, обойдется? Может, ему удастся обмануть орков, а потом догнать нас?

— Пока не увижу его тело, буду считать милорда живым,— словно читая мои мысли, тихо произнесла идущая рядом со мной Кли-кли.— Что я теперь скажу королю?

Ее вопрос остался без ответа.

— Надо остановиться,— пропыхтел Мумр.— У него вновь открылось кровотечение.

Я скосил глаза на Халласа. Действительно, из-под повязки сочилась кровь.

— Эграсса! Угорь! — позвала Кли-кли идущих впереди воинов.— Стоп!

— Не время,— отрезал Эграсса.

— Если мы не остановим Халласу кровь, он умрет!

— Хорошо, но делайте все быстро. Ловчие отряды потеряли наш след, но это всего лишь отсрочка.

Мы опустили Халласа на ковер из осенних листьев, и Кли-кли с Угрем стали суетиться над раненым гномом.

— Гаррет, Мумр, на минутку,— позвал нас эльф.— Я постерегу, а вы пока достаньте две длинные крепкие палки. Пока есть время, попробуем соорудить носилки.

— Двумя палками не обойдешься, треш Эграсса.

— Знаю, привяжем между ними плащи из дрокра. Ткань должна выдержать. Не мешкайте, у нас почти не осталось времени.

Мумр извлек из-за пояса Халласову мотыгу, положил ее рядом с крастой и взялся за двуручник. Долго искать требуемое эльфом не

пришлось. Фонарщик просто-напросто снес биденхандером два молоденьких деревца, затем обрубил им ветки, и у нас в руках оказались две жерди. Мы притащили их к тому месту, где Кли-кли все еще продолжала заботиться о гноме, и из эльфийских плащей и двух жердин соорудили вполне сносные носилки, куда и положили Халласа.

— Как он? — спросил я у Кли-кли.

— Плохо. Была бы здесь Миралисса...

— Миралиссы больше нет,— безжалостно отрезал Эграсса.— Уповай не на мертвых, а на богов. Жизнь гнома у них в руках. Угорь, взялись.

Теперь гнома понесли эльф и гарракец, дорогу указывала Кли-кли, а мы с Фонарщиком шли позади носилок. Спустя час я сменил Угря, а Мумр — Эграссу. Нести Халласа таким образом оказалось намного удобнее, чем на руках. Мы пошли быстрее, да еще и Кли-кли вывела нас на широкую звериную тропу, которая бежала прямо на север.

Во второй половине дня начался промозглый осенний дождик, и мне пришлось укрыть Халласа своим плащом, благо самому хватало куртки. Теперь наш изрядно поредевший отряд вел Эграсса, а освобожденная от почетной должности проводника Кли-кли вертелась под ногами и следила за состоянием Счастливчика. Иногда гном начинал стонать, и гоблинша брала его за руку, начиная что-то тихонько шептать себе под нос.

Когда раненый затихал, Кли-кли просто молча шла рядом, лишь иногда оглядываясь назад. Понятное дело, она, как и я, надеялась на то, что вернется милорд Алистан. Кли-кли заметила мой мимолетный взгляд:

— Туман рассеивается.

— Есть немного,— согласился я с ней.— Наверное, это из-за дождя.

Девчонка тихонько фыркнула, но ничего не сказала.

— Как долго нам еще идти по Золотому лесу?

— Если Халлас выживет, то полторы недели, может, и больше. Если...— она помедлила.— Если не выживет, то неделю.

Вот такая правда жизни — раненый гном замедляет наше продвижение. Конечно, не было и речи о том, чтобы бросить Халласа, но... Эграсса мог пойти на такое, если уж нас очень сильно прижмет. Выбирая между товарищеским долгом и долгом пред всем остальным миром, уверен, что эльф выберет, по его мнению, меньшее зло, а это может очень не понравиться Угрю. Что случится потом, я старался не думать.

Два часа мы шли по дождливому холодному лесу. Слава богам, что это юг Валиостра. На севере королевства уже давно должны начаться первые заморозки, и лужи по утрам, скорее всего, уже покрываются тоненькой корочкой льда. Хотелось бы выбраться из Заграбы до начала ноября, когда здесь станет совсем холодно и неуютно.

Халлас уже не стонал. Цветом его лицо могло поспорить со снегом в Великаньих пустошах. Ни Кли-кли, ни Эграсса ничем не могли помочь гному. Мы все уже давно знали, что ночь Халлас не переживет, но упорно продолжали нести носилки, словно пытаясь обогнать саму смерть.

Бум-бум! Бум-бум! Бум-бум! Бум! Бум-бум!

— Орки! Совсем рядом! — выдохнула Кли-кли, резко выхватывая ножи.

— Принесла нелегкая! — сплюнул Фонарщик.

Вот тьма! Казалось, что орочьи барабаны гремят вон за теми златолистами. Близко. Очень близко. Эграсса проделал уже виденный мною трюк с прослушиванием земли. Когда эльф встал на ноги, лицо его не выражало ничего хорошего.

— До Первых не более пятнадцати минут бега. И их много.

— Насколько много? — решился я задать волнующий всех вопрос.

— Больше четырех десятков. Сейчас мы на землях клана Груунских ухорезов.

Фонарщик витиевато помянул всех орочьих матерей. Не надо было никому объяснять, что против стольких Первых нам не выстоять. Да что там сорок! Даже пятнадцати было бы достаточно, чтобы отправить нас в свет. Мы слишком устали от бесконечной гонки по Заграбе.

— Нужна поляна! — неожиданно сказала Кли-кли.— Эграсса, мне нужна большая поляна!

— Что ты задумал?

— Я приготовил Пылевой молот, осталось лишь нарисовать активирующую руну. Сейчас заклинание — наш единственный шанс выстоять! Чтобы все прошло удачно, вокруг не должно быть деревьев, нам нужна поляна, и по возможности большая.

— Ты уверен в своем заклинании?

— Забери меня лесные духи — да! На этот раз вам придется мне довериться. Или заклинание, или ваши мечи! Я бы поставил на первое.

— Будь по-твоему. Значит, говоришь, поляна?

Барабаны грохотали, словно сердца демонов. Кли-кли бежала впереди нас, мы же вчетвером несли носилки.

— Стой! — рявкнул Эграсса.— С тропы! Налево!

Не знаю, что там почуял эльф, но гоблинша тут же последовала его совету и бросилась в густой ельник.

— Кладем! — приказал Угорь.

Мы опустили носилки на землю, и гарракец, крякнув, взял гнома на руки.

— Вперед! Уберите с дороги ветки!

Эграсса потянулся за с'кашем, но я отдал ему красту. Волшебное копье Серого сносило ветви елей словно былинки, эльф без всяких усилий прорубал для нас просеку в густом ельнике, уже ничуть не заботясь о том, что орки обнаружат нашу дорожку. Нас в любом случае найдут.

Бум-бум! Бум! Бум-бум!

Ельник кончился, и мы вывалились на большую черную поляну, едва подернутую зыбким туманом.

— Как ты узнал? — вырвалось у Фонарщика.

— Почуял.— Эльф неожиданно улыбнулся.— Думаю, и Кли-кли тоже. Здесь прошел пожар. Видите, как обгорели деревья?

Под сапогами хлюпала черная грязь, родившаяся от встречи дождя, золы и почвы. Скользко, а значит, сражаться будет сложно. Мы остановились на середине поляны, окружавшие ее деревья отсюда казались черными призраками, прячущимися в тумане. Ничего не видно. Мумр бросил на землю плащ, и Угорь уложил на него Халласа.

— Когда все начнется, стойте у меня за спиной и не лезьте вперед, пока я не скажу. Хорошо? — попросила нас Кли-кли, поспешно рисуя пальцем в грязи нечто напоминающее толстую гусеницу с крылышками.

— Хорошо. Как закончишь, отойди к Халласу и не лезь вперед.— Эграсса заменил тетиву на своем страшном луке.— Угорь, прикроешь меня по мере сил. Мумр, Гаррет, на фланги. Не лезь вперед, вор.

— И не подумаю,— хрипло ответил я ему.

Бум-бум! Бум! Бум-бум! Бум-бум!

— Они близко. Самое время для того, чтобы начать молиться.

— Не самое лучшее время вы выбрали. Особенно для такой магии.

Звонкий молодой голос, раздавшийся за нашими спинами, прозвучал совершенно неожиданно. Мне даже показалось, что он на миг заглушил рокот барабанов. Эграсса резко развернулся. Стрела была готова вот-вот сорваться с тетивы его лука. Покидая ножны, зашелестели «брат» и «сестра» Угря, биденхандер крутанулся над головой Фонарщика. Кли-кли отвлеклась от своего рисунка и ти-

хонько ойкнула. Нас самым банальным образом застали врасплох, а чуткий гоблин и опытный эльф даже ничего не почувствовали.

Когда я увидел говорившую, то, пожалуй... удивился. Ожидал встретить что угодно, вплоть до Х'сан'кора верхом на пузыребрюхе, но вот четверых девчушек в таком месте... Это уж совсем ни в какие ворота не лезет!

Их было четверо, и они были очень похожи друг на друга. Словно сестры. В голове промелькнула мысль: «Каким образом четыре двенадцатилетние девочки смогли так далеко забраться в лес и куда смотрят их родители?»

Совсем еще дети. Невысокого роста. Короткие черные волосы, намокшие от дождя. Глаза... большие, круглые, чернющие. На левых щеках незнакомок красной краской была нарисована ломаная линия, очень похожая на молнию. Правда, по одной «молнии» было только у трех девочек, что стояли немного позади четвертой. У четвертой, которая заговорила с нами, молнии были намалеваны на обеих щеках, да и под глазами были проведены две тоненькие красные линии.

Девчушки были обряжены в нечто похожее на куртки. Кожа, шерсть, мех. Короткие юбочки, состоящие из длинных кожаных ленточек. Никакой обуви. Ни осенний холод, ни дождь их, как видно, нисколечко не смущали. Хотя я бы поостерегся ходить в такую погоду босиком.

Из украшений — лишь тонкие нитки сердоликовых бус и браслеты. Из оружия — прямые кинжалы с широким основанием и узким острием.

Эграсса опустил лук и неожиданно преклонил колено. Кли-кли отвесила очень почтительный поклон. Я, Угорь и Фонарщик выглядели несколько удивленно. Ладно Кли-кли, но чтобы эльф королевского рода преклонял колено перед какими-то маленькими девчонками! Было чему удивляться.

— Сын дома Черной луны приветствует Дочерей леса! — произнес Эграсса.

Я вытаращил глаза.

Дочери леса! Так эльфы и орки называют дриад! Неужели сейчас передо мной стоит очередная сказка Заграбских лесов?!

О дриадах болтали всякое, но немногим людям доводилось встречаться с Дочерьми леса, впрочем, эльфы, орки и гоблины тоже недалеко от нас ушли. Те, в чьих жилах поет кровь Заграбы, никогда не спешат показываться на глаза другим.

Эльфы и орки считают себя чуть ли не хозяевами Заграбы, но они всего лишь одни из многих, кто обитает в Королевстве лесов. Дриады — вот кто живет Заграбой и вот кто повелевает ею. Они

лишь терпят присутствие других в своем лесу, и молодые расы это понимают и стараются не докучать им. Даже гордые и нетерпимые орки склоняют голову перед Дочерьми леса.

Во всяком случае, так говорят. Дриадам нет дела до склок между орками и эльфами, пока те не причиняют вред лесу. И уж тем более им нет никакого дела до людей. Дриад заботит, как живет Заграба. Они следят за лесом и помогают его обитателям, начиная с ночных мотыльков и выводка луговых мышей и заканчивая семейством обуров и рощ златолистов.

И я представлял все что угодно, но только не то, что они окажутся так похожи на обычных человеческих детей.

— Черная луна...— Стоявшая впереди других дриада усмехнулась.— Горды, как пламя, и вспыльчивы, как вода[1]. Как твое имя, эльф?

— Эграсса, госпожа. Я к вашим услугам.

— К услугам? Мы не нуждаемся ни в чьих услугах. Нам помогает лес. Но я забыла хорошие манеры, прости. Меня зовут Звонкий Ручеек.— Маленькая девочка с необычной серьезностью посмотрела на эльфа.

Тот лишь склонил голову еще ниже.

— Мы рады встретиться с Владычицей,— тихонько пискнула Кли-кли.

Ого! Вроде мы столкнулись с какой-то важной шишкой. Барабаны рокотали за нашими спинами, и Мумр, не удержавшись, оглянулся. Звонкий Ручеек заметила это и произнесла:

— Не беспокойся, человек. У нас есть немного времени, прежде чем случится то, что предопределено. Встань, эльф, негоже королю стоять на коленях даже перед Владычицей.

— Госпожа ошибается, я не король,— сдержанно сказал Эграсса, поднимаясь с колен.

— Госпожа лишь торопит события,— в тон эльфу ответила дриада.— Я смотрю в будущее, хотя вижу немногое. Все подернуто рябью из-за того, что этот человек несет в себе вьюгу.

Звонкий Ручеек посмотрела на меня:

— Ты достал из Колыбели мертвых то, что не следовало доставать, и теперь оно в моем лесу. Раньше, когда это было у эльфов, я закрывала глаза, но теперь, когда его сила слабеет, я не хочу гибели Заграбы. Вам нужно покинуть лес, и как можно скорее.

— Поверьте, госпожа,— смиренно ответила Кли-кли,— мы этого и хотим. У нас и в мыслях не было причинять вред лесу.

---

[1] Намек на дом Черного пламени и дом Черной воды.

— И это говорит та, что едва не сотворила боевое заклятие, способное превратить рощу златолистов в щепки,— покачала головой Звонкий Ручеек, но, на счастье гоблинши, никто из отряда вроде не обратил особого внимания на слова Владычицы дриад.— Я вижу, ваш товарищ ранен.

— Орки.

— Орки.— Она грустно кивнула.— Флини рассказал мне о том, что происходит, но прийти я смогла только сейчас. Солнечный Зайчик позаботится о вашем друге.

Одна из трех ее спутниц склонилась над раненым.

Я думал о флини. Маленький паренек обещал мне, что предупредит кого следует, но кто мог догадаться, что речь идет о дриадах!

Барабаны продолжали грохотать.

— Орки горды и упрямы,— вздохнула Звонкий Ручеек.— Рог ослепил их. Они не захотели слушать меня и предоставить артефакт своей судьбе.

— Орки посмели ослушаться? — с ужасом прошептала Кли-кли.— Но...

— Но они собираются прийти сюда и забрать то, чем вы владеете,— жестко произнесла Владычица.

— Но ведь госпожа не допустит, чтобы Первые завладели Рогом? — жалобно пискнула Кли-кли, вслушиваясь в барабанную дробь.

— Не допущу, хотя я и хотела бы, чтобы он никогда не покидал мрачных глубин Колыбели мертвых. Первые сделали свой выбор, а я свой. Лес превыше всего, и я выведу вас из Заграбы.

— Простите, что вмешиваюсь. Не подумайте ничего плохого, я человек простой,— протянул Фонарщик.— Как четыре маленькие девочки смогут остановить Первых?

Кли-кли зашипела от такого кощунства, но дриада лишь грустно улыбнулась:

— Там, где не поможет сталь, поможет лес, человек.

За деревьями раздался оглушительный треск, и Угорь вновь схватился за клинки.

— Убери оружие! — холодно бросила гарракцу одна из дриад.

Угорь вопросительно посмотрел на эльфа. Эграсса, не отрывая взгляда от деревьев, едва заметно кивнул. Через лес к нам ломилось что-то большое. На губах Звонкого Ручейка застыла загадочная улыбка. Кусты на краю поляны заколыхались и, затрещав, рухнули. Из тумана вынырнули огромные тени.

— Спаси нас, Сагра! — выдохнул Угорь.— Это же...

— Это Гром, Смерч, Град, Ураган, Метель и Рокот.— В голосе Звонкого Ручейка проскользнула гордость.— Они согласились помочь мне.

Я и не заметил, когда Кли-кли успела схватить меня за руку. Похоже, она была испугана не меньше, чем я. И было отчего испугаться!

Когда отряд вошел в Заграбу, мы наткнулись на кабана. То был здоровый матерый секач, и я думал, что это был король кабанов. Что больше зверя найти просто невозможно.

Оказалось, что я ошибался. И ошибался очень сильно. Тот кабан не шел ни в какое сравнение с пятеркой, застывшей перед нами. Это были боги леса. Короли кабанов. Каждый достигал высоты четырех с лишним ярдов, а их вес я даже не мог предположить. Они были чудовищно огромны, огромны настолько, что мы все казались перед ними не больше жалких букашек. Длинные вытянутые бугристые морды, огромные темно-желтые клыки, способные одним ударом вспороть брюхо мамонту, бурая блестящая шерсть, черные умные глазки. Наверное, я до конца жизни не забуду величие этих прекрасных животных. Они взяли нас в полукруг и ждали, когда Владычица дриад отдаст свой приказ.

— Мы не приказываем, человек.— Звонкий Ручеек посмотрела мне в глаза.— Мы не в силах приказывать лесу. Мы всего лишь просим помощи. Веди своих воинов, Рокот!

Один из кабанов, разъявив страшную пасть, взревел, да так, что я чуть было не оглох, и бросился на звук орочьих барабанов. Четверка кабанов, воинственно визжа, последовала за своим вожаком. Пять лесных богов добежали до деревьев и, ломая густой подлесок, скрылись.

— Рокот и его воины остановят Первых. Вряд ли кто уйдет от их клыков и копыт, так что у вас есть несколько дней.

— Благодарю, Владычица,— прижав правую руку к сердцу, произнес Эграсса.— Мой дом перед тобой в неоплатном долгу.

— Я запомню твои слова, эльф, и попрошу вернуть долг, когда придет время,— серьезно кивнула дриада.

— Госпожа, если орки найдут тела своих товарищей, они поймут, что произошло, и нас вновь начнут преследовать.

— Они не найдут тел,— сказала Солнечный Зайчик, отходя от Халласа.— Воины Рокота всегда съедают своих врагов.

Стоило мне представить, как гиганты пожирают трупы орков, и по спине забегали мурашки. Как раз в этот момент барабаны орков смолкли. Спустя секунду раздался тягучая песня рога. Орки трубили тревогу. Но звук оборвался, едва успев начаться, и в лесу наступила тишина.

— Вот и все, теперь вам пора уходить,— обратилась к эльфу девочка.— Солнечный Зайчик?

— Серьезная рана, Владычица. Я сделала все, что могла.

— Он будет жить? — вырвалось у Фонарщика.

— Да. Сейчас у него жар, но через два дня он уже сможет стоять на ногах. К сожалению, я не смогла спасти его глаз.

— Лес не всесилен,— вздохнула Звонкий Ручеек.— Главное, что ваш друг выживет.

Лес не всесилен? Очень сомневаюсь. Во всяком случае, самый искусный целитель не смог бы сделать то, что сделала дриада. Вылечить такую рану и выдернуть гнома из цепких объятий красавицы-смерти сможет не каждый маг Ордена. А эта дриада, так похожая на двенадцатилетнюю девочку, смогла.

— Мумр, возьми Гаррета, и сходите за носилками,— тихо сказал Эграсса.

— Незачем,— остановила нас Звонкий Ручеек.— Я не собираюсь терпеть Рог в своем лесу больше, чем это требуется. Пешком вы будете выбираться слишком долго. Лес это не устраивает. Если сила покинет Рог, недалеко от Колыбели мертвых случится страшное. Так что чем дальше вы окажетесь от места, что называется Храд Спайном,— тем лучше для леса. Мне не придется еще сильнее впутываться в дела людей, эльфов и орков.

— Вы предоставите нам лошадей? — удивился я.

— Нет. Они будут продвигаться по лесу не так уж и быстро. У меня есть для вас кое-что другое. Пушистое Облачко?

Дриада, стоявшая рядом с Солнечным Зайчиком, кивнула и звонко свистнула. На поляну вышла четверка лосей.

— Спасибо, что ответил на нашу просьбу, Бегущий-в-лунном-свете,— улыбнулась Звонкий Ручеек,— этих пришельцев следует как можно скорее доставить в земли людей.

Карие глаза лося внимательно оглядели нас. Затем прекрасное животное склонило рогатую голову и согласно фыркнуло.

— Благодарю тебя, друг. Не стоит медлить, Эграсса из дома Черной луны. Тебе и твоим людям пора отправляться в путь.

— Как нам на них сидеть и ими управлять? — Фонарщик с недоверием и некоторым испугом покосился на животных.

— Ими не надо управлять. Пушистое Облачко и Солнечный Зайчик отправятся с вами, так что тебе нет нужды волноваться.

Мумр вновь покосился на замершего перед ним лося, судорожно сглотнул, но так ничего и не сказал.

Залезали на лосей в полном молчании. Первым на спину ближайшего зверя заскочил Угорь. Он протянул руку Мумру и помог другу устроиться позади себя. Мне достался лось, размерами ничуть

не уступающий Бегущему-в-лунном-свете. Я как раз прикидывал, как мне на него взгромоздиться, когда животное избавило меня от всех проблем, опустившись на колени. Я быстро устроился на влажной от дождя спине. Кли-кли, не собираясь меня отпускать, уселась сзади и вцепилась мне в куртку.

Лось плавно выпрямил ноги, и я, чтобы ненароком не упасть, схватился одной рукой (вторая держала красту) за его рога. Зверь вроде бы не возражал против такой фамильярности. С помощью эльфа дриады водрузили Халласа на третьего лося. С гномом осталась Солнечный Зайчик, крепко обхватившая раненого за талию. На Бегущем-в-лунном-свете оказались Эграсса и Пушистое Облачко.

— Еще раз благодарю тебя, Владычица, за помощь, что ты нам оказала,— произнес Эграсса на прощание.— Двери моего Дома открыты для Дочерей леса, и в нем не будет зла. Клянусь честью рода.

— Благодари не меня, король. Благодари лес.— Маленькая девочка с мудрыми глазами посмотрела на возвышавшегося над ней эльфа.— Может, я и найду время прийти в твой Дом, когда будет мир и равновесию ничто не будет угрожать. Я на это надеюсь. Но полно, я уже слышу, как сюда идет Рокот со своими воинами. Вам следует уходить. После битвы они всегда хотят есть, а орков было недостаточно, чтобы насытить Детей леса. Если им придет в голову закусить вами, даже я не смогу их остановить. Вам лучше уйти.

Звонкий Ручеек отвернулась от нас, на прощание махнула рукой, и Бегущий-в-лунном-свете, воспринявший ее жест как приказ, сорвался с места и резвой рысью направился к укутавшимся в туман деревьям.

Звонкий Ручеек была права — лоси оказались намного лучше самых распрекрасных лошадей. До самой ночи четверка животных безостановочно мчалась по Заграбе. Там, где лошади давно бы пали, переломали ноги или попросту не прошли, лоси шли вперед.

Бегущий-в-лунном-свете пер напролом, и под его мощными копытами ломался кустарник. Болотистые лесные низины, распухшие от непрекращающегося дождя, и древесные завалы преодолевались бегом или мощными стремительными прыжками. Лоси были неутомимы, и за полдня мы преодолели расстояние, которое лошади осиливают за три, да и то в лучшем случае.

Поначалу я боялся упасть, но все мои опасения оказались напрасными. Зверюга, несмотря на непроходимую чащобу, шла настолько ровно, что, увидь это королевские лошади, они бы попросту умерли от зависти.

Когда стало смеркаться, Пушистое Облачко попросила Бегущего-в-лунном-свете остановиться и легко спрыгнула на землю. Мы последовали ее примеру, затем сняли с лося Халласа. Гном так и не пришел в сознание, но теперь хотя бы был не так бледен, как утром. Раненый тихонько стонал.

— У него жар,— сказала Солнечный Зайчик.— Рана уже почти затянулась, но он все еще слаб.

— Это и есть магия леса? — поинтересовалась Кли-кли.— Я еще никогда не слышала, чтобы раны затягивались всего лишь за полдня.

— У леса нет магии, у леса есть сила, и он делится ею с нами. Прости, я не могу этого объяснить. Несите гнома к златолисту, перед сном я еще раз его осмотрю.

— Разожги костер,— попросил Эграсса Угря.

Гарракец глазами указал на дриад, но эльф покачал головой.

— Они ничего не имеют против огня.

Лоси скрылись в лесу, и Пушистое Облачко сказала, что они вернутся к рассвету. Солнечный Зайчик принялась ухаживать за гномом. Кли-кли крутилась рядом. Пушистое Облачко раздала нам свежие лепешки. Так что мы не голодали. Затем дриада подошла к златолисту, прижала ладонь к древесному стволу и попросила дерево защитить нас от дождя. Клянусь своим первым Заказом, но дерево ее послушалось! Оно, казалось, склонилось над нами, и его ветки сплелись в нечто очень похожее на огромный навес. Пушистое Облачко порекомендовала нам ложиться спать.

— День завтра тяжелый,— сказала она.— Вам следует выспаться, если не хотите упасть со своих коней.

Эграсса было собрался назначить на ночь стражу, но дриада лишь состроила презрительную рожицу:

— Спите спокойно. Пока мы рядом, опасность вам не грозит.

— А Первые?

— Они не осмелятся напасть на Дочерей леса. Ничего не бойтесь.

Эграсса, казалось, вполне удовлетворился словами дриады и не мешкая завалился спать. Его примеру последовал Угорь. Мумр еще немного посидел у костра, повздыхал, а затем тоже начал укладываться.

— А ты чего, Гаррет? — спросила меня Кли-кли.

— Не хочется,— соврал я.— Ты давай, не стесняйся. Я еще посижу.

— А мне тоже не хочется,— нашлась гоблинша и осталась рядом со мной.

Солнечный Зайчик села напротив и не мигая стала смотреть в пляшущие язычки костра. Пушистое Облачко скрылась в темноте

леса. Куда она ушла, я не знал. Мы молчали, и постепенно Кли-кли начала клевать носом. Затем сон все же сморил внучку Гло-гло, и она прикорнула, привалившись к моему плечу. Даже хрюкать начала. Устала, да это и немудрено — все мы сегодня очень устали.

Тяжелый день. Мерзкий день. Черный день. Такой же, как и многие другие за последние месяцы. Отряд понес невосполнимые потери. Я все еще не мог поверить, что рыжий карлик, который еще утром спорил с гномом, теперь мертв и оставлен на милость лесных духов.

Делер заплатил своей жизнью за жизнь Халласа, и эта страшная цена была бы напрасной, если бы не дриады. Делера теперь нет, впрочем, как и многих других из нашего маленького братства, отправившегося в дорогу вместе со мной за Рогом Радуги. Алистан ушел в туман, уводя за собой орков, и сгинул. Самое страшное, что мы теперь так никогда и не узнаем, что случилось с графом, как он умер.

Умер?

Я рано хороню капитана королевской гвардии. Ведь я не видел его тела, значит, для меня он останется живым. А может, он действительно жив? Может, милорду Алистану удалось уйти от Первых и теперь он идет по Заграбе один-одинешенек?

Я почувствовал взгляд и посмотрел на Дочь леса.

— Он не придет, человек.

— Откуда ты... вы знаете, госпожа?

— Мне сказал лес и лесные духи. Ты не слышишь... Поверь, мне очень жаль, что мы не смогли прийти раньше.

— Как...— В горле неожиданно появился скользкий комок.— Как он умер?

— Ты действительно хочешь знать? — В ее больших черных глазах отражалось пламя костра.— Нужна ли тебе эта боль? Он мертв, разве этого недостаточно?

— Для меня — нет.

— Хорошо же, смотри. И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Ее черные глаза неожиданно полыхнули густой зеленью, и, прежде чем я понял, что происходит, мир окутал мрак.

Ловчие рожки победно перекликались за спиной, а он все бежал и бежал, уводя орков подальше от отряда. Он очень надеялся, что Эграсса сможет вывести их из проклятого леса, и тогда у Валиостра появится надежда. Призраки, созданные заклинанием старого шамана, молча скользили за спиной, исправно оставляя на земле и на листьях следы.

Он бежал быстро, но старался экономить силы и не сбить дыхание для предстоящего боя. Никаких иллюзий на спасение граф Алистан Маркауз не питал. Он знал, что Первые рано или поздно его нагонят, и знал, что вряд ли выстоит против них.

Лес тянулся и тянулся, никакого просвета среди сдвинувшихся кленов не было, кругом сплошной туман и долгая гонка, на пределе его сил и возможностей, уже ничего не решала. Пора искать место для смерти. Он не думал, что умрет так, среди дождя, тумана и унылого осеннего леса.

Капитан не боялся смерти, достаточно повидал ее на своем веку. Вот только жаль, что о том, как он умер, так никто и не узнает. В ранней юности ему виделось, что он погибает героем на поле боя, защищая знамя или закрывая собой тогда еще молодого короля. Красивая смерть, достойная песен. Но смерть не выбирают, это она делает свой выбор, когда прийти к человеку и забрать его в свет. Или во тьму. Конец всегда один, и какая разница, где погибать — в бурлящей битве или в туманном лесу?

Он дорого продаст свою жизнь, главное, чтобы орки не воспользовались луками, и пошли в бой. Конечно же капитан мог и не уводить за собой погоню, поручив это или Угрю, или Фонарщику, но смог бы он потом нормально спать, зная, что вместо себя послал в объятия смерти другого? Алистан привык первым идти в бой, первым направлять своего коня на ряд пикинеров. Всегда первый, всегда на острие удара. За это его и уважали воины.

Рожки вновь загудели, и граф помянул тьму. Преследователи сокращали разрыв, и следовало поторопиться, если, конечно, он не хочет принимать бой, прижавшись спиной к какому-нибудь клену. Алистан Маркауз никогда не обращался к богам с мольбами, считая, что не стоит их тревожить по пустякам. Он берег свою единственную молитву на тот случай, когда стоит воззвать к Сагре. И он воззвал, всей душой прося грозную богиню войны даровать ему место для боя, да такое, чтобы она, увидев его самую важную в жизни битву, возрадовалась.

И богиня услышала.

Клены остались позади, лес расступился, и милорд Алистан Маркауз оказался возле глубокого оврага, дно которого скрывал густой туман. Через овраг был перекинут мост. Он чем-то напоминал тот, что находился в Красном урочище. Такой же старый и такой же удобный для обороны.

Каменный, десять ярдов в длину и два ярда в ширину. При должном желании по нему вполне могли пройти сразу двое, но вот развернуться для нормальной атаки мог только один. По бокам тянулись высокие, в пол человеческого роста прямоугольные барьеры,

заменяющие перила. Через каждые два ярда из них вырастали колонны и поднимались на высоту двух человеческих ростов.

Десять ярдов — невесть какое расстояние, и, несмотря на туман, противоположный берег прекрасно видно. Там раскинулся древний и почти не тронутый временем город. Стены шли впритык к краю оврага, а мост упирался в каменные и сейчас, увы, закрытые ворота.

У него есть несколько минут для того, чтобы передохнуть. Надо встать у моста, и тогда бой пойдет один на один, оркам просто не будет места для атаки или обхода с флангов, а если что, ворота прикроют ему спину.

Маркауз медленно перешел мост и, когда повернулся лицом к кленам, призраки шаманства исчезли. Заклинание Гло-гло перестало действовать. Что ж, оно выполнило свою работу, теперь графу предстояло выполнить свою.

На какой-то миг капитан гвардии пожалел, что на нем всего лишь легкая броня, а не тяжелые латы. Ни шлема, ни щита, благодаря которому можно было продержаться очень и очень долго. Из оружия лишь меч и кинжал. Несмотря на дождь, граф избавился от плаща, кинув его себе под ноги. Затем отбросил ножны в сторону и взял клинок двумя руками.

Меч был несколько длиннее обычных клинков, и второй руке нашлось место на рукояти. Он готов. Оставалось лишь ждать.

Рог запел совсем близко, а затем из-за пелены тумана показались орки. Шесть, десять, пятнадцать, семнадцать. Враги заметили Алистана Маркауза, и один из них поднял сжатый кулак. Преследователи замедлили бег и перешли на шаг, подозрительно оглядываясь по сторонам, как видно опасаясь засады.

— Где твои спутники, человек?! — крикнул один из них.

— Далеко,— тихо сказал граф, но его услышали.

— Сдавайся, иначе умрешь!

Милорд Крыса едва заметно покачал головой. Вперед вышли двое лучников.

— Неужели вы испугались?! — что есть сил рявкнул Алистан Маркауз, и его голос разнесся над оврагом и заброшенным городом.— Или вы не орки?! Те, кто считают себя высшей расой, испугались человека?! Ну что же вы, Первые?! Неужели у вас не хватит духу выйти на меня с ятаганом и вы возьметесь за оружие детей, трусов и эльфов?! Вас семнадцать, а я один! Докажите мне, что вы действительно Первые! Вам всего лишь надо обнажить клинки и перейти мост!

Один из орков остановил лучников и стал совещаться с другими воинами. Граф ждал и молился. А затем почувствовал взгляд, сверливший его в спину, и резко обернулся.

Она стояла за ним. Женщина облаченная в простенькое платье без рукавов, с пышной, рассыпанной по обнаженным плечам гривой белесых волос. Ее лицо скрывала полумаска-череп. В руках незнакомка держала букетик бледных нарциссов и неотрывно смотрела на Алистана Маркауза пустыми провалами глазниц.

— Нет! — Он зло и яростно затряс головой.— Нет! Только не так! Не от стрелы!

Она молчала.

— Мне нужно время! Совсем чуть-чуть! А затем я уйду с тобой! Дай мне всего лишь несколько минут, во имя Сагры! Я заберу с собой стольких, скольких смогу!

На секунду ему показалось, что Смерть откажет, но она задумчиво сорвала лепесток с нарцисса и бесшумно отошла назад, к воротам.

«Я подожду, но недолго».

Он скорее почувствовал, чем услышал ее слова, и, еще крепче стиснув рукоять меча, зарычал, предвкушая грядущий бой. Орки перестали совещаться, и один из них отозвал лучников.

— Последний раз предлагаем тебе сдаться, крыса!

Крыса? Что ж, он и в самом деле был Крысой и удостоился чести носить ее на своем гербе. «Не загоняйте крысу в угол» — вот его родовой девиз. Ей нечего терять, и она дорого продает свою жизнь.

— Вперед, Первые! Я покажу, на что способны крысы!

И эти слова решили дело. Враги вступили на мост и, не торопясь, начали приближаться.

Первым шел высокий орк, вооруженный ятаганом и круглым щитом. Хорошее оружие, но у врага нет даже кольчуги, лишь куртка из толстой грубой кожи и легкий полушлем. Алистан Маркауз пошел навстречу. Лучше всего встретиться на середине моста, будет куда отступить.

Отчего-то в этот момент милорду вспомнилось детство. В пять лет он впервые взялся за меч, но наука фехтования юному графу не давалась. Он не мог почувствовать ритм, музыку, пляску клинка. Это продолжалось до тех пор, пока учитель не догадался принести на оружейный двор флейту.

Старый воин хорошо играл, флейта пела в его руках, и музыка, разносящаяся по оружейному двору, помогла мальчонке почувствовать оружие. Музыка флейты вела его и меч за собой, подсказывала, когда следует ударить, когда сменить стойку или закрыться от атаки. Старый Мастер был доволен сыном своего сюзерена.

Шли годы, на могиле первого учителя Алистана Маркауза уже давно выросли цветы, но песня флейты навсегда осталась в сердце графа. Стоило лишь взяться за рукоять меча, и она просыпалась,

пела в его ушах, помогая и в боях, и в турнирных поединках. Наверное, благодаря ей он в конце концов и стал одним из лучших мечей Валиостра.

Вот и сейчас флейта пела ему, в последний раз. Веселая, удалая мелодия подхватила Алистана Маркауза и бросила в бой.

Пой, флейта! Пой!

Он встретил первого орка и, не дожидаясь нападения, ударил. Противник, на свою беду, находился в левосторонней стойке, удерживая щит перед собой. Его левая нога оказалась лакомым кусочком, и батарный клинок, сверкнув розовым росчерком, стремительно рухнул, перерубая плоть и кость. Орк закричал и упал. Милорд Алистан нанес несколько быстрых и сильных ударов по вражескому шлему.

Пой, флейта! Пой!

Второй орк, несмотря на смерть своего товарища, бросился вперед. «Правосторонний бык», быстрый укол, орк закрывается щитом и тут же наносит стремительный ответный удар. Ятаган с неприятным шелестом вспарывает воздух и натыкается на «корону». Клинок графа плашмя принимает удар, отталкивает ятаган от себя, бьет в лицо, смещается и ухает в щит.

Пой, флейта! Пой!

Орк отшатывается, спотыкается о труп товарища и тут же расстается с ятаганом и правым предплечьем.

Пой, флейта! Пой!

Добить Первого не удается. Очередной орк перепрыгивает через раненого товарища и бросается в яростную атаку. У него в руках ятаган и длинный кинжал. Другие Первые уносят лишившегося руки воина подальше от кипящей схватки. На этот раз графу попался опытный противник, причем отсутствие щита не делало его более уязвимым. Ятаган и кинжал плели сложный серебристый узор, через который невозможно было пробиться.

Сшибка. Еще одна. И еще. Каждый раз, встречаясь с вражеской сталью, батарный клинок яростно визжал, и ему вторила неслышная оркам флейта.

Пой, флейта! Пой!

Орк перешел в атаку, ятаган рухнул сверху, встретился с «окном», попробовал обойти неожиданную преграду, и в этот момент Алистан Маркауз закрутил вражеский клинок, отбросил его вправо и «вошел», изо всех сил ударив орка навершием меча в подбородок.

Пой, флейта! Пой!

Тяжелый шар, расположенный на рукояти меча, раздробил кость, и орк мешком рухнул на землю. Алистан Маркауз не собирался оставлять противнику жизнь. Сейчас не время благородных ры-

царских поступков, сейчас у него всего лишь одна цель — забрать с собой как можно больше Первых. Тяжелый батарный клинок словно перышко крутанулся вокруг правого запястья, и граф, перехватив меч посоховым хватом, с силой вонзил оружие в лежащего противника.

Пой, флейта! Пой!

Еще не время умирать! Еще немного танца и песен!

Левая щека отчего-то была влажной, и с подбородка противно капало. Он скосил глаза — вся куртка была залита кровью. А тьма! Все же орк с кинжалом был быстр. Граф и не заметил, когда Первый успел дотянуться до него. Странно, что сейчас он не чувствует никакой боли. То, что левая половина лица распорота,— вне всякого сомнения. Хвала Сагре, что удар пришелся ниже глаз, иначе льющаяся со лба кровь помешала бы бою.

Пой, флейта! Пой!

Флейта пела, меч ей подпевал. Ятаган рассекал воздух, щит принимал на себя мощные вертикальные удары. Когда батарный клинок вновь упал, орк не стал тупо подставляться, а оттянул щит на себя, тем самым погасив удар. Меч завяз в щите, и Первый, торжествуя, замахнулся ятаганом и открылся. Неожиданно оказавшийся в левой руке Алистана Маркауза кинжал ударил в брешь и, без труда пробив орочью куртку, застрял в том месте, что у воинов называется «кровавым яблоком». Граф отскочил назад, резким поворотам высвобождая меч.

Пой, флейта! Пой!

Щека горела, словно палачи зашили в нее горсть горящих углей, но сейчас не до боли, на него бросились сразу два противника. Первый, с копьем, ринулся напролом, словно кабан. Второй, с топором, ловко запрыгнул на левый бортик моста, грозя ударить сверху. Алистан Маркауз подскочил под падающий топор и что есть сил ударил стоявшего на узком бордюре орка локтем промеж ног. Тот потерял равновесие и рухнул в овраг.

Пой, флейта! Пой!

Держа оружие двумя руками над головой, словно это было не копье, а какой-нибудь боевой багор, орк наносил стремительные жалящие уколы в шею и грудь Алистана Маркауза. Графу удавалось, хоть и с большим трудом, отбивать удары.

Пот градом катился по его лицу, смешивался с кровью, текущей из раны. В ушах звенело, ноги наливались свинцом, воздуха не хватало. Он уже не знал, сколько времени пятится. Все внимание графа было сосредоточено на золотистых глазах противника. Жало копья выписывало круги, затем бросалось к плечу, меняло направление, целясь в колено, взлетало к подбородку. Ему все сложнее и сложнее

было отбивать удары. Все, что он мог,— это сбивать копье влево или вправо от себя. О том, чтобы перерубить орочье оружие, не могло быть и речи — древко почти на четверть было оковано железом.

Каждый ждал, когда его противник допустит ошибку, когда приоткроется, зазевается, внезапно споткнется или попросту не успеет закрыться от удара. Меч в руках Алистана Маркауза с каждой секундой становился все тяжелее и тяжелее. Вот он едва успевает отбить жало копья вправо, вот продолжает движение клинка и переводит его в рубящий удар, пытаясь достать Первого...

Орк оказался быстрее. Он практически лег на землю и выбросил свое короткое копье вперед двумя руками. Узкое четырехгранное острие пробило кольчугу Алистана Маркауза и ударило графа в правый бок. И опять он не почувствовал боли.

Перехватил застрявшее в боку копье левой рукой, с усилием оттолкнул от себя, радуясь, что острая пятка ударила не ожидавшего такого поворота событий орка в грудь, сместил копье вправо, давая себе возможность подойти к ошеломленному противнику.

Пой, флейта! Пой!

Первый распрощался с головой, и граф прижал левую руку к правому боку. Плохо дело. Граф знал, что случается, когда сталь пробивает печень. Это конец.

Руки с тонкими изящными пальцами требовательно легли ему на плечи. Он яростно зарычал, дернул плечами, сбрасывая их, заставляя Смерть отойти назад.

— Не время! Я успею забрать еще одного!

Мост кончился. Ему приходилось держать меч одной рукой, а другая сжимала раненый бок. Это хоть как-то остановит кровь и даст ему лишнюю минуту.

Пой, флейта! Пой!

Весели Смерть! Порадуй ее своей песней, да так, чтобы она навсегда запомнила этот бой! Как досадно, что, кроме нее и желтоглазых тварей, никто не увидит его лучшей битвы!

И флейта пела, а меч из Поющей стали вторил ей яростно и отчаянно. Отойти, ударить, поймать на контрудар, отойти в сторону. Еще удар. И еще. Прижаться спиной к воротам. Ударить. Закрыться.

Он выбросил левую руку вперед, и кровь с перчатки попала в глаза орку. Тот на миг потерял темп, и граф, перехватив меч двумя руками и наплевав на кровотечение, подрубил орку ногу, пошел напролом.

Пой, флейта! Пой!

Песнь флейты гремела над Заграбой, разносилась над миром. Интересно, слышат ли ее в отряде? Наверное, нет, они теперь далеко. Очень далеко. Граф победно улыбнулся.

В глазах стало темно, в ушах шумело, и отчего-то кружилась голова. Он отмахивался вслепую, действуя интуитивно, предугадывая каждый следующий удар. Ну еще немножко!

Клинок натыкается на что-то твердое, на миг останавливается, рукоять меча едва не вырывается из рук, а затем слышится чей-то короткий булькающий вскрик.

Пой, флейта! Пой!

Ну что, Смерть, видишь?! Это гораздо лучше, чем стрелы. Он еще повоюет. Орки запомнят этот бой и будут рассказывать о нем своим внукам.

Почему же так темно? Почему так тяжело? Это снова твои руки, Смерть?! Не время! Еще не время! Ты слышишь, как поет флейта?! Ты слышишь музыку?!

Пой, флейта! По...

Глава 17
ИЗ ЛЕСА

На следующее утро Солнечный Зайчик ни словом не обмолвилась о том, что я увидел прошлой ночью, да и я у нее больше ничего не спрашивал. Кли-кли, видно, что-то подозревала, так как все утро подозрительно косилась в мою сторону, но, слава Саготу, с расспросами ко мне не приставала. За прошедшую ночь туман, державшийся в Заграбе последние двое суток, исчез. Гному стало гораздо лучше, во всяком случае, он был не так бледен, как вчера, да и дыхание стало ровным. Пока Пушистое Облачко выдавала нашему маленькому хмурому отряду невесть откуда взявшийся свежий хлеб, сыр и мясо, Солнечный Зайчик шептала над Халласом заклятия. Только мы собрались перекусить, как вернулись лоси. Пришлось жевать на ходу, Бегущий-в-лунном-свете не собирался ждать, когда мы соизволим утолить голод, сидя на траве.

Лоси бежали весь день, лишь дважды останавливаясь по просьбе дриад. Похоже, зверюги нисколько не устали, несясь напролом через самые глухие лесные чащобы, чего не скажешь о нас, сидевших на их спинах. Дриады с нами почти не разговаривали, отделываясь короткими, ничего не значащими фразами. Лишь с Эграссой маленькие Дочери леса были подчеркнуто вежливы и приветливы.

Все последнее время гоблинша была очень задумчива и печальна. Уже ставшее таким привычным дуракаваляние кончилось. Шут

исчез, умер. Кли-кли стала сама собой, и это было непривычно. Если честно, я ловил себя на мысли, что начинаю скучать по никогда не унывающему шуту.

Краткий перерыв вновь сменялся бешеной лосиной рысью по осеннему лесу. Животины словно от огня бежали, только успевай держаться. Останавливались лишь в сумерках, да и то это было желание дриад, а не лосей. Мне показалось, что наши рогатые лошадки, дай им волю, смогли бы бежать без устали пару деньков и никакая темень их, похоже, нисколько не смущала.

Костер горел, Мумр тихонько наигрывал на дудочке. Дриады и лоси, исчезли в ночном лесу, предоставив нас самим себе.

— Куда они уходят? — спросил Угорь.

— Разговаривать с лесом,— немного помолчав, ответил Эграсса.— Узнают новости, советуются, может, еще что-нибудь. Не знаю... Ни мы, ни орки так и не научились слушать лес. Так что мне нечего вам рассказать. Может, Кли-кли знает больше.

— Да нет. Я знаю столько же. С лесом могут общаться лишь его дочери. Ну и флини... иногда. Наши старики говорят, что раньше гоблины могли разговаривать с Заграбой, но это в далеком прошлом. Теперь Заграба молчит, и нам для разговоров остаются лишь самые болтливые из лесных духов... Слишком многое оказалось утеряно в Седую эпоху...

— Халлас очнулся! — крикнул Фонарщик, ходивший проведать гнома.

Счастливчик действительно пришел в себя и теперь, привалившись к дереву, осторожно ощупывал повязку. Заметив нас, гном криво усмехнулся и зашипел от боли.

— Кто мне накрутил такое чудо?

— Лежи,— подскочила Кли-кли.— Тебя ранили.

— Раз говорю и жив, значит, не серьезно,— хмыкнул гном, но повязку теребить бросил.— Как это меня так?

— Ты ничего не помнишь?

— Да помню что-то,— задумчиво протянул гном.— А подземная бездна! Голова кругом идет, и рожа вся огнем пылает! Чего молчите? Крепко он меня зацепил?!

— Ты глаз потерял,— жестко сказал Угорь, решив ничего не скрывать.— Досталось тебе здорово. Если бы нам не помогли, по тебе бы уже пели «Прощение».

Халлас пожевал губами, подумал:

— Значит, мне повезло. Глаз не башка — проживу как-нибудь... А где Делер? И милорда Маркауза что-то не видно... Чего замолчали-то?

— Им повезло меньше, чем тебе,— вновь взял слово Угорь.— Они погибли.

— Делер... Как? — разом потеряв голос, просипел бородатый.

Угорь рассказал.

— Оставьте меня,— дослушав рассказ, буркнул гном и отвернулся.

Фонарщик собрался что-то сказать, но Угорь лишь едва покачал головой. Мы вернулись к костру, а Кли-кли, несмотря на просьбу, осталась рядом с гномом.

— Они были очень дружны. Даже странно,— неожиданно сказал Угорь.— Когда Счастливчик пришел к Одинокому Великану, они с Делером чуть друг друга не пришибли. А потом так случилось, что десяток Халласа попал во время рейда в засаду рачьего герцога. Орденский маг их подвел. Гнома должны были вздернуть, но Делер его вытащил чуть ли не с эшафота. С тех пор гнома и прозвали Халласом. Они с карликом были не разлей вода, хотя и дня не проходило, чтобы не поругались...

— Вы как хотите, а я иду спать,— вздохнул Мумр.— Завтра опять целый день скакать.

— Эграсса! — Я достал из сумки Ключ.— Думаю, лучше, если ты возьмешь его себе.

Эльф посмотрел на артефакт и молча повесил его себе на шею.

— Какие они, Гаррет?

— Кто?

— Створки.

Я задумался:

— Не смогу нормально их описать.

— Понимаю.— Эльф неожиданно улыбнулся.— Их никто не может описать. Наверное, когда-нибудь придется спуститься и увидеть творение рук мастеров моего народа. Там ведь очень красиво, правда?

— Не всегда,— осторожно ответил я.— Я не сторонник красоты, которая может укусить, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Говорят, там много сокровищ. Ты прихватил что-нибудь с собой? — Уголки губ гарракца дрогнули в едва заметной усмешке.

— Не так уж и много,— вспомнив о пропавших изумрудах, буркнул я.— Все, что я вытащил из Храд Спайна, отняли орки.

— Сочувствую,— произнес Эграсса.

Интересно, он насмехается или серьезно?

— Можно задать вопрос? — Я решил сменить тему.

— Попробуй.

— У какого орочьего клана черно-белые нашивки?

— Черно-белые? Ты что-то путаешь. С чего это тебе пришло в голову спрашивать?

— В Костяных дворцах я видел тела орков. На их одежде были черно-белые нашивки.

— Такого клана давно не существует. Это Сгинувшие, мы истребили его еще в Седую эпоху.

— Сгинувшие? — Кли-кли села рядом, затем поймала взгляд Угря и сказала: — Халлас уснул. Так Сгинувшие... Это ведь вы их так назвали? Клан Аргада?

— Да, гоблин, именно клан Аргада. Мы потрудились стереть его с лица земли, и нам это удалось.

— С чего такое рвение?

— Аргад довел своих воинов почти до Листвы. Мы не смогли стерпеть такой пощечины. Рано или поздно, но мы смогли победить. Последние сотни Сгинувших спрятались в Костяных дворцах, в какой-то из семи крепостей, что являлись пропускными пунктами, через которые беспрепятственно могли проходить любые желающие. Черно-белые словно сошли с ума, они стали нападать на всех, даже на своих собратьев. Другие кланы от них отвернулись, а нам это было на руку. Мы взяли ту крепость, а Аргада вместе с его полководцами наши шаманы вплавили в центральную башню. Живыми. Так говорят легенды. С тех пор через ту крепость редко кто отваживался проходить. Мои предки перестарались, и души мертвых до сих пор мстят путникам.

— Я прошел,— как бы между прочим выдал я.

— Ты хочешь сказать, что видел Аргада? — Эграсса смерил меня недоверчивым взглядом.

— Если какой-то из покойников, вплавленных в башню, был Аргадом, то да.

— Значит, ты везучий, если целым и невредимым прошел через проклятое место.

— Или ваши легенды ошиблись,— тихо ответил Угорь.

— Просто Гаррет — Танцующий, вот и весь сказ,— выдала свое веское мнение Кли-кли.— Другой бы не прошел.

— Спасибо тебе, Кли-кли,— ядовито ответил я ей.— Ты вселил в меня уверенность в моей исключительности.

— Но ты и вправду исключительный! — возмутилась она.— Ты Танцующий с тенями! Великая книга Брук-грук не врет!

— Ты повторяешься,— вздохнул я.— Скажи что-нибудь новенькое.

— Дриады идут,— произнесла Кли-кли, и из темноты в круг света вступили Солнечный Зайчик и Пушистое Облачко.

— Лес говорил с нами,— произнесла Солнечный Зайчик, не спеша присаживаться. — Орки выступили. Война началась.

Я охнул, Кли-кли пискнула, Мумр, которому не удалось уснуть, затейливо выругался, Угорь и Эграсса остались бесстрастными, словно им сообщили не о войне, а о том, что завтра нам на завтрак не выдадут сладкую булочку.

— Когда это случилось?

— Несколько дней назад.

— Это все, что мы должны знать?

— Нет, но мы ничего не понимаем в войне и не сможем рассказать вам так, как требуется. Лишь смутим и запутаем. Звонкий Ручеек послала к нам флини, скоро он будет здесь.

— Как скоро?

Пушистое Облачко закрыла глаза, словно вслушиваясь в ветер, что гулял в голых ветвях деревьев.

— Он будет у костра через несколько минут. А пока, думаю, вам стоит узнать, что завтра придется изменить направление.

— Как?

— На запад. Мы не хотим, чтобы вы, выйдя из Леса, оказались в руках орков.

Угу. Они не хотят, чтобы Рог Радуги попал в орочьи лапы. До нас им нет никакого дела.

— Мы переправим вас на западный берег Черной реки. Вы окажетесь рядом с людским городом. Мойциг, если я правильно помню. Орки обошли его стороной. Скоро прилетит флини, советую его выслушать. Завтра мы выйдем из Золотого леса.

Дриады вновь скрылись за деревьями. Видно, они не очень-то жаловали наше развеселое общество.

— Что же получается? — Фонарщик задумчиво потер щетинистую щеку.— Если завтра из Золотого леса... То при такой скорости через три, нет, через два дня мы уже покинем Заграбу?

— Будем уповать именно на это.— Угорь сжимал и разжимал кулаки.— Сейчас на юге королевства горячо!

— Но если мы выйдем на западном берегу Иселины, то из Заграбы мы сразу попадем в Валиостр?

— Ты всегда был гением, Гаррет,— съязвила Кли-кли.— Да, ты совершенно прав. Мы окажемся на самом южном из всех югов — юге Валиостра. Южнее некуда. От Мойцига до Ранненга всего девять дней пути. Оттуда еще немного, и мы дома.

— Не надо, Кли-кли,— попросил Угорь.— Не стоит ничего загадывать. Неизвестно, что с нами случится.

— Но если ничего не случится, то скоро будем на месте.

— Кли-кли, ты все сказал? — осведомился я.

— Угу.

— Не возражаешь, если я продолжу?

— Угу.

— Спасибо.

— Не за что, Гаррет.

Я ожег ее взглядом, но девчонка состроила невиннейшую из рожиц, словно она тут и ни при чем.

— Так вот я о чем. Просто мне думалось, что мы из Заграбы выйдем в Пограничном королевстве, как раз у Кукушки.

— У Кукушки? Нет, Гаррет, ты это загнул. И си-и-ильно. Где Кукушка, а где мы?! — фыркнула Кли-кли и протянула руки к огню.

— Находясь в Храд Спайне, ты и не заметил, сколько прошел, а, вор? — сверкнул глазами Эграсса.— А ведь это многие лиги. Ты выбрался из Костяных дворцов настолько далеко от ворот, а потом еще и с Первыми сколько прошел? Мы едва успели к лабиринту.

— Это уж точно! — поддакнул Фонарщик.

— Так что не стоит пытаться идти к Кукушке. Это огромнейший крюк.

—А как же Медок?

— Думаю, его уже нет в замке. Милорд Алистан, да пребудет он в свете, еще перед Заграбой оставил ему письмо. Если Медок выздоровел, то он уже давно должен скакать к Авендуму с сообщением для короля.

— А лошади? Не думаю, что лоси домчат нас до столицы.

— У нас достаточно денег, чтобы купить новых лошадей.

Золота-то достаточно, но Пчелку жалко. Все-таки я уже привык к собственной животине, а тут придется садиться на новую. К тому же Пчелка была королевским подарком.

Вначале мы услышали жужжание, а затем к нам метнулась маленькая тень стрекозла. На нем восседал мой старый знакомый, тот, что получил в награду эльфийское кольцо и, по сути дела, вытащил мою задницу из лабиринта.

— Иирроо з'маа Олок из ветви Озерной Бабочки рад приветствовать треш Эграссу и его спутников! — пропел флини, и стрекозел заложил круг над костром.

— Я рад приветствовать брата из маленького народа возле своего костра. Что привело тебя сюда, Иирроо з'маа Олок из ветви Озерной Бабочки?

— Новости,— прозвенел хрустальный голосочек.— Бесплатно.

Последнее, как следовало из тона Иирроо, было не очень хорошо. Флини привыкли получать за свои труды звонкой монетой.

— Не желаешь отведать нашей пищи и выпить нашего вина? — произнес Эграсса церемониальную фразу.

— Хе! — отозвался черноволосый флини.— Еда дриад, а вином и вовсе не пахнет. Нет, спасибо за предложение. На этот раз дела слишком спешные и слишком важные. Пища подождет. А вот от того, чтобы куда-нибудь Лозиреля посадить, я бы не отказался. Мы полдня на крыльях провели.

Не дожидаясь разрешения, стрекозел спланировал на землю и, высунув язык, облегченно мекнул.

— Рад видеть, что ты выбрался из лап Первых, дылда! — обратился ко мне флини.— Вы не возражаете, треш Эграсса, если я буду говорить с земли? Боюсь, в ближайшие десять минут Лозирелю следует отдохнуть.

Никто не возражал.

Новости, что рассказал нам Иирроо, были не самыми приятными. На этот раз орки хорошо подготовились — поражение в Войне Весны не прошло для Первых даром. Рука собрал всех, кого только мог, а когда все было готово, ударил быстро и стремительно. Орков было так много, что Военный вождь Первых рискнул разделить свою многотысячную армию на три кулака.

Первый кулак обрушился на Пограничное королевство, второй ударил по Валиостру и сейчас спешным маршем продвигался к Ранненгу, практически не встречая на своем пути никакого сопротивления. Третий кулак рухнул на юго-западные провинции Валиостра, но основная сила удара пришлась на Черный лес.

— Ваши соплеменники, треш Эграсса, не ожидали ничего подобного. Прежде чем дома успели дать достойный отпор...— Флини помялся, не решаясь оглашать дурные новости.

— Продолжай.— Лицо Эграссы словно высекли из камня.

— Они лавиной прошлись по Черному лесу. Дом Черной воды принял бой, сдерживая Первых, пока остальные собирали воинов. Из Черной воды никто не выжил, весь дом уничтожен. Оркам удалось дойти до Листвы. Древний город полностью разрушен. Черное пламя едва не погибло. Почти все, кто был в родстве с великим Элодссой Разрушителем Законов,— пали. Сейчас этим домом правит Мелессана Ночная лиса. Черная луна вовремя подоспела и закрыла брешь, приняв на себя основной удар Первых. Затем подоспели другие дома, и кто взял верх, я не знаю.

— Ясно.— Эграсса погладил рукоять с'каша.

— Это еще не все плохие новости, треш Эграсса.

— Разве могут быть хуже?

— Черная луна закрыла собой Черное пламя. Теперь весь дом Черного пламени стал вашими к'лиссангами. Пламя сказало, что это дело их чести — быть верными тем, кто их спас.

— Это невозможно,— отрезал Эграсса.— Черное пламя — главенствующий дом. Они не могут служить нам. Ночная лиса, видно, сошла с ума от горя!

— Мелессана слишком молода, но слова сказаны, и совет Черного пламени их одобрил.

— Мой дядя ни за что не пойдет на такое неслыханное нарушение закона!

— Треш Эдданрасса, глава дома Черной луны, погиб, защищая Пламя. Его дочь — треш Мелессана — умерла рядом со своим отцом. Сожалею.

Эграсса заскрипел зубами:

— А Эпилорсса?

— Треш Эпилорсса должен надеть лиственную корону, но он больше месяца назад ушел с отрядом из трехсот лучников в Авендум.

— Кто же сейчас правит домом?

— Ваш младший брат, треш Эграсса. Он ждет, когда вы вернетесь.

— Корона будет моей только после Эпилорссы! — отрезал Эграсса.— У меня есть дело, порученное объединенным советом домов! Сейчас я не могу вернуться. Ты передашь мое сообщение брату?

— Да. Передам бесплатно.

Я дернул бровью. А флини ли перед нами? Тот заметил мое сомнение и сказал, обращаясь ко всем:

— Времена нынче мрачные. Если мы не поможем эльфам и орки победят, то нам некому будет рассказывать новости. Может, мы и жадные, но не глупые. Ваше сообщение, треш Эграсса?

— Передай моему младшему брату, пусть опирается на совет и дожидается возвращения Эпилорссы. Я вернусь, как только смогу. И нужно что-то делать с Черным пламенем.

— Ты ведь знаешь, что следует делать, эльф, знаешь и страшишься.— Пушистое Облачко тихо вышла из мрака.— Однажды уже было такое.

— В любом случае это решение придется принимать Эпилорссе, когда он вернется,— отрезал Эграсса.— Только глава дома...

— А уверен ли ты, что твой брат вернется с севера? Уверен ли ты, что он захочет лиственную корону? Ты ведь знаешь, как он относится к власти. Звонкий Ручеек видела королем тебя. Лучше поспешить домой, эльф. Мы доведем твоих друзей до людских земель. Брак короля Луны и королевы Пламени решит все вопросы. Они не будут к'лиссангами.

— Это дело чести Пламени. Если целый дом решил служить нам в течение восьми лет — это их право. Брак с Ночной лисой объединит наши дома навечно, а на это совет не пойдет. Если один дом бу-

дет сильнее всех других, это рано или поздно приведет нас к единому королю. А единая власть в Черном лесу рано или поздно закончится расколом. Сейчас у меня нет права возвращаться.

— Это вопросы политики. В любом случае ты свое слово сказал. Торопись, флини.

— Постой! — окликнул Угорь уже взобравшегося на стрекозла Иирроо.— Ты рассказал об эльфах. А что с людьми?

— Сожалею, но мне это не ведомо. Знаю, что Пограничное королевство стоит насмерть, знаю, что второй кулак, самый большой, движется к Ранненгу, знаю, что часть третьего кулака завязла под Майдингом. Город стоит. Мойциг Первые обошли стороной. Эти земли пока не затронуты войной, и если поспешите, то успеете проскочить. Это новости вчерашнего дня, может, сейчас есть что-то еще, но я не знаю. Сожалею. Прощайте!

Стрекозел натужно загудел, сделал прощальный круг и скользнул в темноту леса. Затем Угорь, Мумр и Эграсса затеяли спор о том, что могло произойти в Валиостре и какую бучу там устроили орки. Военный вождь орков оказался хитрым парнем — он связал по рукам и ногам Пограничное королевство и эльфов, а основные силы двинул на Валиостр. Помощи нам ждать не от кого. Своими силами королевство, может, и справится, но на южной границе гарнизоны слабы, войск мало. Силы оттянуты большей частью на север и к границе Мирануэха. Мягкое подбрюшье юга открыто: бери — не хочу.

Никто не ожидал, что Первые решатся повторить Войну Весны. Так что дай Сагот, чтобы армия подоспела хотя бы к Ранненгу. Приграничье и весь юг придется возвращать с боем. Это при условии, что мы выстоим у Ранненга, а пограничники и эльфы сдержат орков у себя. Если Приграничье и Черный лес падут и новые толпы орков ринутся на нас — все пропало. При плохом раскладе нас погонят до Холодного моря. Обнадеживающая перспектива, не правда ли? И никакого Неназываемого не понадобится. И Рога. Все кончится задолго до того, как волшебник явится к нам из-за Игл Стужи.

На следующее утро Халлас уже вполне уверенно держался на ногах. На присутствие дриад и лосей гном совершенно никак не прореагировал. Счастливчик был мрачен, хмур и почти не разговаривал. Услышав известия о начавшейся войне, которые ему поведала Кли-кли, гном лишь кивнул. Единственное слово прозвучало, только когда Фонарщик протянул Халласу его мотыгу. Гном произнес «спасибо» и закинул оружие себе за спину. Кли-кли, помявшись, отдала Счастливчику шляпу Делера. Гном покрутил подарок в руках, кашлянул и надел шляпу на голову.

— Когда с меня стянут эти бинты? Я уже в порядке.

— Когда придет время,— ответила Солнечный Зайчик, поглаживая шею одного из лосей.

— И когда оно придет?

— Скоро.

Халлас фыркнул, но в спор с дриадой вступать не стал. Так же гном промолчал, когда выяснилось, что ему придется ехать за спиной Дочери леса.

Весь холодный осенний день нам вновь пришлось провести в дороге. Лоси еще больше прибавили ходу, да так, что окружающий мир слился в одно размытое коричнево-золотое пятно.

После обеда Золотой лес кончился. Фонарщик возблагодарил Сагру. Потянулся обычный осенний лес. Здесь на деревьях уже не было листьев. Что и немудрено — последние дни октября. Скоро начнутся настоящие холода, да и снег не задержится. Вот тогда-то мы и померзнем. Как это дриады по такой погоде босиком ходят?

Близость Дочерей леса была гарантией нашей безопасности, и по ночам мы разжигали огромные костры, не опасаясь того, что нас могут обнаружить орки. Огонь ревел, и становилось немного теплее. Во всяком случае, Кли-кли, подхватившей простуду и безостановочно чихающей, жар костра был на пользу. О Гло-гло и миссии ученицы старого шамана мы больше не говорили, придя к негласному соглашению, что вроде ничего такого и не было. Раз Кли-кли надо приглядывать за мной, пусть приглядывает. По крайней мере, я к этому уже привык, и она гораздо лучше кого-нибудь другого. Эграсса думал о своем, он разрывался между нами и долгом перед своим домом. Фонарщик приглядывал за Халласом. Гном совсем оправился от раны, но все так же был мрачен, словно осеннее небо над нашими головами.

На второй день после нашего выхода из Золотого леса Пушистое Облачко сказала, что на ночлег мы останавливаться не будем. Халлас ядовито заметил, что суток езды на лохматой зверюге даже гном не выдержит и он на такой расклад не согласен. Также Халлас крайне непочтительно (гному было все равно, что перед ним дриада. Гномы дриад отродясь не видели и не понимали, зачем с ними говорить вежливо) осведомился, когда с него соизволят снять давившую на рожу повязку. Солнечный Зайчик вздохнула и совершенно по-людски сказала гному, что повязку она снимет немедленно, но, если Халлас после этого и не подумает заткнуться, она скажет Бегущему-в-лунном-свете, чтобы он раздавил гнома копытами. Счастливчик согласился, что сделка вполне честная.

Он долго рассматривал свое лицо в зеркальце Кли-кли, а затем бесстрастным голосом попросил у Мумра какую-нибудь тряпку, чтобы закрыть пустую глазницу. Фонарщик выдал ему широкую

полоску черной ткани, и гном теперь походил на какого-нибудь пирата или Веселого висельника.

Скакали всю ночь, и на этот раз даже я умудрился заснуть. Разбудило меня то, что лось остановился. Было раннее утро, темные силуэты деревьев вздымались на фоне едва посветлевшего неба. Пахло морозной свежестью и водой. Я, ежась, слез со зверя, затем помог спуститься Кли-кли.

— Иселина,— объяснила она.

Было так холодно, что при разговоре изо рта вырывались облачка пара.

Если рядом и протекала Черная река, то я ее не видел. Вода была темной, как и окружающий нас лес.

— И что теперь? — буркнул Халлас, кутаясь в плащ.

— Спасибо, Бегущий-в-лунном-свете,— обратилась Пушистое Облачко к лосю.

Зверь фыркнул, обдал дриаду паром и, развернувшись, скрылся в лесу. За ним последовали остальные «кони». Миг, и лоси уже исчезли, даже кусты не затрещали, словно нас возили не животные из плоти и крови, а неосязаемые духи.

— Теперь? Теперь мы поплывем,— ответила гному Солнечный Зайчик.

— Сейчас?!

— Да.

— А не слишком ли темно и холодно для заплыва, любезная леди?

Клянусь всеми богами, но в глубине души Солнечный Зайчик, наверное, жалела, что вылечила гнома. Во всяком случае, она проигнорировала вопрос Халласа и ничего ему не ответила в отличие от Пушистого Облачка.

— Подожди немного и все поймешь.

Делать нечего, пришлось ждать. В ветвях соседнего дерева я заметил две маленькие голубенькие точки.

— Смотри, Кли-кли. Лесной дух.

— Я его давно увидел. Он присматривает за этим участком леса.

— А где все остальные? — спросил Угорь.— В сентябре их в Заграбе было гораздо больше.

— В спячке. Они теперь до весны улеглись. Оставили наблюдателей, чтоб за лесом приглядывали, а сами дрыхнут.

— Не повезло парню,— посочувствовал я лесному духу.— Теперь ему всю зиму здесь торчать придется.

— Что уж тут поделаешь? Жизнь такая. Хочешь, возьми его с собой. Будет у тебя зверушка,— предложила мне Кли-кли.

— Мне и тебя вполне хватает,— ляпнул я и тут же схлопотал от Кли-кли преболезненный тычок в бок.

В этот момент из леса вылетел шарик, источающий ровный золотистый свет, и уселся на плечо Солнечного Зайчика. При ближайшем рассмотрении шарик оказался здоровым светлячком. Но меня удивил не размер. Просто я еще не встречал живых светлячков в конце осени. По всем законам мироздания, насекомое должно было давным-давно помереть или забиться на зиму в какую-нибудь щель, а не летать, словно огонь святоши, по лесу. Но для этого законы мироздания, как видно, были не писаны. Или он попросту не успел с ними ознакомиться.

— Теперь мы можем идти к воде. Все готово,— сказала Солнечный Зайчик и уверенно пошла в сторону реки. Света светлячка вполне хватало, чтобы видеть дорогу.

— Так я и думал! — недовольно изрек Халлас, когда мы спустились к реке.— Лодка! Ненавижу лодки!

— Это не лодка, а плот,— опровергла утверждение гнома Кли-кли.

— Какого ляду разница? Лодка, плот, паром, корабль или корыто? Ненавижу все плавающее!

— Предпочитаешь остаться в лесу? — спросил Эграсса.

Счастливчик вздохнул и нехотя забрался на наше плавательное средство.

Плот был большим, так что места хватило на всех. Я, Угорь, Фонарщик и Эграсса взялись за шесты, дриады с гоблином и гномом, который враз почувствовал себя плохо, разместились в центре.

Эльф отвязал толстую веревку, что удерживала плот у берега, затем пришлось немного поднапрячься, и, работая шестами, мы вывели наше новое средство передвижения на середину реки.

— Откуда здесь взялся плот? — спросил Фонарщик, наваливаясь на шест.

— Небось дриады постарались,— ответил я воину.

— Какая, собственно, разница откуда? Главное, что он есть. А уж дриады тут постарались или Сагра нам его послала, мне совершенно все равно,— буркнул Угорь и, вытащив шест из воды, аккуратно положил его у своих ног.

Я тоже убрал шест, плот потихоньку плыл, до дна уже было не достать — так стоило ли дальше напрягаться?

Когда уже совсем рассвело, светлячок вспорхнул с плеча Солнечного Зайчика и с протяжным гудением полетел к лесу. Тот мрачным унылым великаном вздымался по обе стороны Черной реки, словно пытаясь сжать ее в своих объятиях. Иселина здесь была не в пример уже, чем возле Болтника. Эльфийская стрела при должном

умении лучника вполне была способна перелететь с одного берега на другой. А вот течение оказалось таким же ленивым, как и там, где мы впервые переправлялись через реку. Так, чего доброго, мы из Заграбы будем неделю выплывать. Не проще ли было на лосях добираться?

Так думал не только я. Эграсса озвучил мои сомнения, но Пушистое Облачко лишь сказала, что в скором времени мы поплывем быстрее. Эльф кивнул, гоблинша полезла с расспросами (дриады их попросту проигнорировали), а я начал думать: уж не собираются ли Дочери леса ускорить течение реки?

Фонарщик высказал мнение: не пора ли нам перекусить? Его предложение все восприняли с радостью. Ну или почти все... Когда Кли-кли предложила гному кусочек, Халлас молча зыркнул на гоблиншу единственным глазом, встал, на негнущихся ногах подошел к дальнему краю плота и, свесившись к воде, принялся блевать. Кликли лишь огорченно вздохнула и сама умяла порцию гнома. Не пропадать же добру?

После того как завтрак закончился, Пушистое Облачко попросила Угря и Мумра взять лежащие на плоту веревки и привязать их к скобам.

— Один конец оставьте свободным. И привязывайте крепко! — сказала дриада.

Угорь и Фонарщик справились с этой работой на совесть.

— И что теперь? — поинтересовался на время прекративший ныть и стонать Халлас.

— Ждать,— бросила ему Пушистое Облачко.

Ждать пришлось недолго. Кли-кли пискнула и ткнула пальцем в сторону кормы. Халлас охнул и даже нашел в себе силы вскочить, Мумр схватился за биденхандер, Эграсса — за лук.

— Нет нужды в стрелах, эльф! — резко бросила Пушистое Облачко.— Это друзья.

Эльф кивнул, но оружие убирать не спешил.

Их было двое, и они летели над рекой, быстро догоняя наш плот. Мерные взмахи длинных крыльев и непередаваемая грация полета. Существа снизились, прошли над водой, едва ли не касаясь животами речного зеркала, догнали, нырнули в небо, обдав нас ветром, и принялись набирать высоту.

— Драконы! — охнул Халлас, придерживая шляпу.— Клянусь подземной бездной и мотыгой — это драконы!

— Хуже! — ответил ему эльф.— Это виверны!

Виверны к этому времени уже набрали приличную высоту, на миг зависли в пасмурном осеннем небе и рухнули вниз.

— Не спите! — крикнула Пушистое Облачко.— Когда они будут пролетать над нами, бросьте веревки!

Фонарщик громко помянул чью-то мать и вместе с Угрем кинулся к веревкам. Виверны вновь нагоняли плот. На миг я встретился взглядом с пылающими раскосыми глазами «дракона». Мощные лапы ловко поймали веревки.

— Держитесь! — крикнула Солнечный Зайчик.

«Интересно, за что нам тут держаться?» — успел подумать я, и тут веревки натянулись.

Плот резко рванулся вперед, и я рухнул на спину. Спасибо, что не в воду! Устояли лишь дриады да Угорь с Эграссой. На Халласа упала Кли-кли, и теперь над рекой разлеталась отборная брань на гномьем языке.

Виверны, мерно взмахивая крыльями, тащили за собой плот, да так, что вода за бортом просто кипела. Любая шхуна, видя, с какой скоростью движется это сооружение, почернела бы от зависти и завершила бы жизнь самоубийством, напоровшись брюхом на ближайший риф. С такими темпами мы через несколько дней окажемся у моря Бурь (если, конечно, вивернам не надоест нас тащить).

Твари, буксирующие нас, размером были не больше коровы, но силой обладали чудовищной. Широкие крылья, длинная гибкая шея, узкая клиновидная змеиная башка и мощные когти на лапах. Виверн часто путают с драконами, но это, наверное, со страху. Драконы гораздо большего размера, они не отличаются большим желанием попадаться людям на глаза и влезать в их дела, а также не обладают склочным кровожадным характером. А вот виверны опасны, на их пути лучше не попадаться. Они взбалмошны, вспыльчивы, агрессивны и обладают плохим чувством самосохранения (то бишь иногда бросаются даже на отряды эльфийских лучников).

Связаться с подобным существом — это все равно что запустить к себе в штаны разъяренную гадюку. Рано или поздно тебя все равно цапнут. Обычно виверн в наших краях встретишь редко, на севере они обитают лишь в Заграбе и на южных отрогах Гор карликов, а вот в Низине или в лесах И'альяла их полным-полно. Твари еще те, любят пожирать скот, да и человеком с удовольствием закусят. Так что вдвойне удивительно было наблюдать, как эти создания нам помогают. Дриады опять показали себя хозяйками леса. Только им такие чешуйчатые крылатые твари и могут подчиняться.

Халлас разразился очередной бранной тирадой, сводившейся к тому, что он в гробу видал всякие лодки, всяких виверн и всяких ослов, затащивших порядочного гнома на середину реки. Мумр попросил Счастливчика не доводить дело до беды и заткнуться, иначе

наши крылатые лошадки сожрут гнома вместе с его любимой мотыгой, да и нас заодно.

Халлас немного подумал, поправил съехавшую с глаза повязку и замолчал. Но нехорошо поглядывать на виверн и бормотать себе под нос гадости не перестал. Кли-кли неприязненно наблюдала за машущими крыльями созданиями, и я стал опасаться, что она сотворит какую-нибудь глупость, дабы поддержать шутовской образ. Например, кинет в виверн чем-нибудь тяжелым — и поминай как звали.

Я постарался занять ее разговором и поподробнее расспросить о Гло-гло и его планах по поводу моей столь популярной среди гоблинов персоны. Но только мы начали разговор, как к нам присоединился Мумр, а затем и Угорь. Пришлось поменять тему. Фонарщик размечтался о том, что неплохо бы было хорошенько пожрать, а в этом лесу, кроме Х'сан'коров, орков и виверн, ничего не водится. Угорь на нытье Мумра лишь понимающе ухмылялся, но стоически молчал, а затем вообще взялся за приведение в порядок «брата» и «сестры». Халлас вновь вспомнил, что он ненавидит лодки, и совершил пару экскурсий к краю плота, а затем обессиленно задремал на плече у Фонарщика. Эграсса и Солнечный Зайчик разговаривали на орочьем, и понять, о чем идет речь, для нас не представлялось возможным. Хотя, думаю, Кли-кли орочий язык прекрасно понимала. Она еще та хитрюга. Лишь Пушистое Облачко была занята. Дриада расположилась на «носу» плота и следила за тем, чтобы наши «лошади» не отклонялись от середины реки.

К полудню и так облачное небо еще сильнее затянуло, и часика через два стал накрапывать дождик. На плоту, посередине реки, да еще и вода, льющаяся с неба,— не самый приятный денек. Мы кое-как закутались в плащи, но даже это не спасало от холода и влаги.

— Последний дождь в этом году,— шмыгнула носом Кли-кли.

— С чего ты взял?

— У нас на такие вещи нюх, Мумр-бубр. Раз говорю, что последний,— значит, последний. Уже наступают холода.

— Холода уже давно,— возразил Кли-кли Халлас.— Я по утрам разогнуться от них не могу.

— Это ерунда,— отмахнулась от гнома Кли-кли.— А вот теперь похолодает, и если с неба что-то и повалит, то только снег.

— Знаток ты у нас, Кли-кли,— усмехнулся Угорь.

— А то! — согласилась гоблинша с гарракцем и, покосившись на свинцовое небо, огорченно вздохнула.

Виверны держались середины реки, мерно взмахивали крыльями и тащили плот. Берега проносились мимо с такой скоростью,

словно мы оседлали волшебного коня из глупой сказки доралиссцев и сунули ему в зад раскаленную кочергу.

Чувствовалось, что удовольствия от своей работы виверны не испытывают. Один раз они даже в воздухе умудрились повздорить, и быть бы вселенской драке, если бы не грозный окрик Пушистого Облачка. Твари трудились до самого вечера и лишь в сумерках побросали веревки и, устало взмахивая крыльями, скрылись в вечернем небе.

— И как понимать такое вот самоуправство? — ожил Халлас.— А кто дальше потащит?

— Привык к удобствам, морячок? — хохотнул Мумр.

— Они сделали свое дело и теперь спешат в гнездо.

— Нам тоже надо во что-то вроде гнезда. Авендумом кличут,— зло буркнул гном.

— Мы почти приплыли, Халлас. Это уже границы Заграбы. Завтра к утру будем в Валиостре,— успокоил гнома эльф.

— Если не потонем,— недовольно пробурчал гном.— А с веревками что делать? Их же теперь из воды по такой холодрыге придется доставать!

— Да ладно тебе, Халлас, не так уж и холодно,— пискнула Кли-кли.

— Веревки нам больше не нужны, можете их обрубить,— посоветовала Солнечный Зайчик.

— А костер здесь нельзя разжечь, а? — просяще заканючила гоблинша.— Нам ведь еще целую ночь плыть!

— Какой костер? — удивился Мумр.— При таком-то дожде! Да и к берегу придется грести, тут дров нет. Или ты собираешься разжигать огонь с помощью своего плаща?

— Нет! С помощью твоей головы! — рассвирепела Кли-кли и до самой ночи больше ни с кем не разговаривала.

Глава 18
МАРГЕНДСКАЯ ПОДКОВА

—Ты уверен, что здесь нет орков, Эграсса? — спросил Фонарщик у эльфа.

— Да,— ответил тот, но лука из рук не выпускал.

Это меня немного нервировало, впрочем, как и других. Мы привыкли доверять чутью темного. Сейчас Эграсса был напряжен и собран, словно на нас вот-вот должны были напасть.

— С чего такая уверенность? — поинтересовалась Кли-кли.

— Ты сам слышал, как флини говорил о том, что возле Мойцига орков нет.

— Когда это было! От Майдинга до Мойцига пять конных переходов. Орки лошадок недолюбливают, но вполне способны преодолеть такое расстояние за этот срок. Флини мы видели давненько, так что я не удивлюсь, если все успело десять раз измениться и земли кишат Первыми.

— Не каркай,— беззлобно бросил гоблинше Халлас, семенящий впереди меня.

— А я и не каркаю, просто немного тревожусь.

— Бери пример с Угря.

— Он всегда спокоен. Я так не могу.

— Тогда хотя бы не ной, а то я не услышу, когда к тебе орк подкрадется,— посоветовал гном гоблинше.

— Я спокоен, Кли-кли, потому что склонен доверять словам дриад. Раз они нас сюда вывели, значит, здесь более-менее безопасно,— произнес молчавший все утро Угорь.

— Вывести-то вывели, но с нами не пошли! — проворчал Халлас, все еще не забывший, как Солнечный Зайчик напоследок напоила его каким-то горьким настоем.

— Они Дочери леса. Вне Заграбы у них нет сил. Да и люди их скорее примут за девчонок, чем за владычиц Королевства лесов,— вступилась за дриад Кли-кли.

В отряде надолго повисла тишина. Все были слишком заняты выискиванием возможной опасности, и разговор сам собой прекратился...

Ранним утром этого дня наш плот пристал к левому берегу Иселины. Отсюда до границы Заграбы было не более трехсот ярдов. Дриады первыми покинули плот, затем дождались, когда мы окажемся на берегу, и повели отряд вперед. В начале ночи дождь кончился, а уже к середине ударил легкий морозец, и теперь земля и стволы деревьев были покрыты инеем. Редкие лужи затянулись ледяной корочкой.

Спустя несколько минут мы вышли из Заграбы. Впереди покуда хватало глаз раскинулась холмистая равнина, заросшая редким серым редколесьем. Отряд оказался на южной границе Валиостра.

Дриады вновь перешли на орочий и обменялись с Эграссой несколькими фразами. Затем молча кивнули нам, на миг задержали взгляд на сумке, в которой был спрятан Рог, и скрылись в лесу. Казалось, что кусты и черные, лишившиеся листьев деревья, расступились перед Дочерьми леса.

Эграсса поправил серебряный обруч и молча повел нас прочь от Заграбы. Ярдов через пятьсот я не удержался и оглянулся. Вряд ли когда-нибудь еще придется увидеть легендарный лес.

Заграба темной молчаливой стеной застыла позади нас. Она слишком сильно отличалась от кипучей зеленой страны, что я видел со стены Кукушки, да и на золотое королевство осени сейчас нисколько не походила. Обычный, пускай и огромный, лес. Ноябрь съел все краски. Недаром эльфы и орки называют его Серым месяцем.

Теперь у нас была вполне реальная вероятность нарваться на Первых. Заграбу мы покинули два часа назад, местность пока оставалась мирной. Незаметно, что здесь проходила тысячная армия — на земле никаких следов, кроме наших. Эграсса вел отряд вдоль реки, и, по его расчетам, скоро мы должны были выйти к Мойцигу, раскинувшемуся на левом берегу Иселины. Обходить стороной этот город не стоило, нам нужны лошади (представляю, как должны взлететь на них цены из-за начавшейся войны) и новости о том, что творится на рубежах королевства.

Эта война случилась очень не вовремя. Даже если мы выстоим и Первые не опрокинут нас в Холодное море, потери будут слишком велики и до весны армия может не оправиться от такого удара. Вся надежда на Арцивуса и Орден. Может, они смогут что-то сотворить с артефактом, и тогда Неназываемый не придет по наши души.

Спустившись с невысокого, поросшего осинами холма, мы вышли на довольно широкую дорогу. Благодаря морозцу грязь, образовавшаяся в результате вчерашнего дождя, застыла в виде причудливых бугорков и оспин. Идти не очень-то удобно, но это намного лучше жидкой кашицы, которая, не будь холодов, надолго задержала бы нас в пути. Я уже четырежды успел пожалеть об отсутствии у нас лошадей. За последнее время я вдосталь набродился на своих двоих. Слава Саготу, что сапожник не обманул и моя обувка не развалилась где-нибудь в Лабиринте.

— Вы заметили странность? — неожиданно начал разговор Угорь.

— Верно мыслишь,— отозвался Эграсса.— Мне это тоже не нравится.

— Вы о чем? — непонимающе вопросила Кли-кли и на всякий случай судорожно вцепилась в метательный нож.

— Мы уже час идем по тракту, но так никого и не встретили,— пояснил Угорь.

— Чего же тут странного? — Мумр перекинул биденхандер с одного плеча на другое.— Кто поедет в Заграбу? Дорога ведь туда ведет?

— Не скажи,— возразил Эграсса.— Возле Заграбы, насколько я помню, несколько рыбачьих деревушек, и в это время рыбаки должны были продать рыбу и возвращаться из Мойцига.

— Может, у них не клевало? Или рыбу продавать нет нужды,— предположил я.

— Это во время войны-то? Да цены на жрачку так должны подскочить, что любой рыбак за день месячную выручку получит! Мотаться в город и продавать — вот что надо делать! — прогудел Халлас.

— Тогда не знаю...

— Я знаю! Клянусь подгорной киркой, Гаррет, дело тут нечисто. Огребем по башке! Клянусь Яростью глубин, огребем!

— Теперь ты у нас начал каркать,— кольнула гнома Кли-кли.

— Действовать надо, а не идти по дороге, как стадо баранов! Нас тут любой лучник почикает, только стрелы считай! Эграсса, дай я пойду впереди! Авось, если напоремся, успею вас предупредить.

— Нет,— после недолгого раздумья покачал головой эльф.— Пойдем я и Угорь. Вы продолжайте держаться дороги, если что случится, мы вам подадим знак. Гаррет, держи копье.

Эльф передал мне красту и вместе с гарракцем бегом бросился вперед. Мы подождали, когда воины скроются за очередным холмом, и только после этого продолжили путь. Еще с полчаса ничего не происходило, а затем раздался свист.

Сердце у меня мгновенно провалилось в пятки, но Фонарщик развеял мой страх:

— Это Угорь, пошли быстрее. Там что-то интересное.

— Интересное не выглядит опасным?

— Было бы там что-то опасное, он бы совершенно не так свистел. Но все же постарайся держаться у меня за спиной.

— Обещаю не высовываться. И Кли-кли придержу, дабы не лез под ноги.— Что бы кто ни говорил, а я обладаю массой хороших качеств, и главное из них — благоразумие.

Дорога взбиралась на очередной низенький холм, и мы поспешили вперед. На вершине появился Угорь и махнул нам рукой. Поднявшись, мы увидели то, что привлекло внимание наших разведчиков,— впереди лежал Мойциг.

— И кто мне говорил, что Первые сюда не добрались? — прорычал Халлас.

Его вопрос остался без ответа. С холма открывался замечательнейший вид на реку, огромное неровное поле, кое-где поросшее редколесьем, и город, располагающийся в четверти лиги от нас. Справа, между полем, городом и рекой, возвышались мощные серые стены небольшого замка. Как я знал, еще два замка находились по ту сто-

рону Мойцига. Задумка строителей заключалась в том, что город находился в середине треугольника, образованного тремя цитаделями. Вполне удачное оборонительное решение — прежде чем идти на штурм городских стен, надо было разобраться с форпостами, иначе существовала неплохая возможность схлопотать удар по флангам или в тыл от замковых вояк, предпринявших вылазку, когда враг, позабыв обо всем, ломится в городские ворота.

Но и штурм одного из бастионов мог оказаться палкой о двух концах. Пока разбираются с одним, придет помощь из другого, да и из города не упустят возможности укусить. Так что Мойциг был воистину крепким южным орешком, и взять его лобовым штурмом было практически невозможно, разве что одновременно начать штурм всех трех замков и города, а такое возможно лишь при очень большой армии. Если бы все орки нагрянули под стены Мойцига, а не разделились на три отдельные армии, у них был бы шанс, а так... так это было заведомо проигрышным делом, о чем и говорило поле.

Оно было черным-черно от трупов. Слишком далеко, чтобы я мог разглядеть детали, но и бобер бы понял, что Первые взялись штурмовать ближайший замок и нарвались на фланговый удар подоспевшей армии Мойцига и других бастионов. Цитадель, которую пытались захватить, устояла, но часть ее стен и три из шести башен были разрушены. Не удивлюсь, если здесь поработало орочье шаманство. Но даже магия не смогла помочь Первым, и они не устояли против человеческой армии. Я ни на мгновение не сомневался, кто победил в этой битве.

— Сколько их? — машинально вырвалось у меня.

— Если на глазок, то не больше трех тысяч,— прищурившись единственным глазом, выдал Халлас.— Знатно их покрошили. Жаль, что мы не успели принять участие в драчке.

Лично я нисколько не жалел о том, что мы слегка запоздали к побоищу. Тьма поймет этих гномов, им бы только мотыгой кому-нибудь доспех проломить.

— Не думаю, что три тысячи,— возразил Фонарщик.

— Чего гадать-то? Давайте подойдем и посмотрим! А лучше спросим у кого-нибудь!

— Разбежался, Халлас! По мне, так туда лучше не лезть! Пристукнут свои как каких-нибудь дезертиров, и поминай, как звали. Раз тут у нас такие пироги, предлагаю обойти город стороной. Чего шею в петлю совать?

— Идти придется, Мумр. Без лошадей до следующего города будем добираться слишком долго.

— А на кой нам город, Эграсса? Зайдем в любую деревню и купим лошадок.

— Ага! — Кли-кли прямо-таки источала волны цинизма.— Так тебе и продадут! И парадную уздечку с седлом еще в придачу накинут! Думать-то тоже иногда надо! Да во всех окрестных деревнях не найдется самой завалящей кобылы! Всех животин в армию согнали, а коли не согнали, то крестьяне своих пахотных лошадок не отдадут.

— Значит, Гаррету придется украсть у них лошадей,— невозмутимо парировал Мумр.

— Я не конокрад,— буркнул я и поспешно добавил: — К тому же это могут расценить как мародерство и вздернуть нас на ближайшем дереве.

— Нам придется идти.— Слова Фонарщика о дезертирах эльфа нисколько не смутили.— Сейчас информация намного важнее лошадей. Стоит послушать, что здесь знают, прежде чем отправляться в Авендум. Первые могли взять местность в кольцо, а этот отряд мог оказаться всего лишь авангардом.

С этими словами Эграсса стал спускаться с холма. Остальные двинулись следом. Кли-кли на всякий случай вцепилась в мой рукав, но на этот раз я не пытался высвободиться из ее цепких пальчиков. Пусть идет.

— На что они рассчитывали? — произнес я.— Тремя тысячами взять такой укрепленный город просто невозможно.

— Ну почему же невозможно? — услышал меня Угорь.— Очень даже возможно. Насколько я помню военную историю и историю Войны Весны, такой случай уже был. В ту войну две тысячи Первых нахрапом взяли Майдинг, захватив врасплох и разгромив втрое превосходящие силы людей, а затем удерживали город до подхода своей основной армии. Наверное, эти парни решили повторить подвиг предков.

— И в итоге обломали зубы! — безжалостно закончил Халлас.— Это же надо было такое удумать! Пытаться взломать такую оборону! Даже карликам было бы ясно, что горожане прослышат о продвижении орков по восточному берегу Иселины и успеют подготовиться! Вот олухи эти Первые! Тупее их только доралиссцы!

— Первые не были глупы,— не согласился эльф. — Они были молоды, а молодости присуща самонадеянность.

— Не понимаю.

— У Эграссы зрение лучше твоего,— разъяснила гному Кли-кли.— Вот погоди, дойдем до места, где проходило сражение, сам все поймешь.

— А может, мы обойдем стороной поле боя?

— В чем дело, Гаррет? — нахмурился Фонарщик.— С каких это пор ты стал бояться покойников?

«С тех самых пор, как прогулялся по Храд Спайну!» — подумалось мне, но я благоразумно промолчал. Просто не понимаю, зачем нужно переть напролом и шагать через мертвецов, когда есть совершенно свободный клочок пространства, стоит лишь немного забрать левее.

Эграсса, кажется, считал так же, как и я, потому что свернул с дороги, и, когда мы подошли к полю битвы, основная масса убитых осталась по правую руку, но и того, что мы увидели, было вполне достаточно.

Эльф оказался прав — насколько я мог рассмотреть, орки и вправду были молодыми. Очень молодыми. Совсем еще дети. Они решили повторить подвиг предков, но в итоге встретили смерть.

— Мальчишки...— прошептала Кли-кли.— Вот странно, Гаррет. Они наши враги, страшные враги. Они ненавидят всех, кто другой, но сейчас мне их жаль.

— Ты прав, шут. Дети не вправе находиться там, где за мечи должны браться настоящие воины. Что ими двигало? Зачем это глупое нападение? Они ведь знали, что нет никаких шансов на победу,— произнес Угорь, стараясь не смотреть на лица мертвецов.

— Может, их окружили и заставили принять бой, Угорь? — предположил я.

— Следы говорят обратное. Их никто не окружал, да и Заграба рядом. Они могли бы прорваться.

— Интересно, когда произошла эта битва?

— Побоище, Гаррет,— поправил меня Эграсса.— Это поле — поле побоища, а не поле битвы. Глупым щенкам не оставили никаких шансов. Ты чувствуешь, Кли-кли?

— Да.

— О чем вы, побери меня тьма?!

— О магии, Халлас. Тут использовали магию.

— Не слепой, гоблин. Слава богам, один глаз у меня еще есть! Замок вон как порушили!

— Это сделали люди.

— Что?! — в один голос спросили мы с Фонарщиком.

— Здесь не было никакого шаманства, лишь волшебство. А значит, это поработали или люди, или светлые эльфы. Последнее, как ты понимаешь, весьма сомнительно.

— Зачем же тогда было рушить собственный замок, умник?!

— Откат, Халлас. Так называемый откат. Цена волшебства. Здесь использовали одно из сильнейших заклятий вашего Ордена. Смею предположить, что грохнули какой-то мерзостью, которая на время обездвижила всех орков. Заклинание должно было быть так сильно, что откат не смогли проконтролировать, и он шандарахнул по зам-

ку. Но большая часть удара пришлась по тем же оркам. Видишь, как земля вдавлена и что с телами?

— Я думал, это кавалерия их так помяла,— процедил Угорь.

— Следов копыт нет.

— Уже вижу, Кли-кли. Зато следов подкованных сапог полно.

— Ага. Тех, кого не примял откат, добили подоспевшие защитники. Первые все равно не могли сопротивляться и отправились во тьму. Не очень-то честную битву затеяли люди.

— По мне, так туда оркам и дорога.— Мумр сплюнул себе под ноги.— Сидели бы в своей Заграбе и не лезли к нам в королевство. А что до войны... Как раз вот это и есть война, Кли-кли, а на войне все средства хороши. Это на какой-нибудь дуэли ты можешь проявить благородство и дать противнику время, чтобы тот поднял выпавший из рук меч. Здесь если ты лишаешься меча, то сразу теряешь и голову. Неважно, зачем ты пришел на войну, сколько тебе лет и насколько ты благороден,— или выигрываешь и вырываешь победу, или гниешь на поле. Третьего, дорогой гоблин, на войне не дано.

— И все равно это нечестно,— упрямо нахохлилась Кли-кли.— С ними не было даже шамана. На оружие надо отвечать оружием, а не магией.

— И слава Сагре, что не было! — распалялся Фонарщик.— Будь здесь шаман, и наших полегло бы раза в три больше. Это война, Кли-кли. Может, ты потом поймешь...

— Да я понимаю,— неохотно протянула гоблинша.

Пока разговаривали, вновь вышли на дорогу, ведущую в Мойциг. Полуразрушенный замок, в котором, как видно, не было ни души, и мертвое поле остались в стороне. Город был все ближе и ближе.

— Как давно произошла битва? — нарушил я тягостное молчание.

— Судя по тому, что тела орков не успели сжечь, а воронье еще способно летать,— не раньше вчерашнего вечера,— ответил мне Угорь.

— А ворота-то в Мойциг открыты настежь! — удивилась Кли-кли.— Или горожане после битвы совсем перестали бояться, или что-то случилось.

— Да ничего не случилось! — прищурился Угорь.— Вон на стенах сколько людей!

Ну если черные точки — бегающие по стенам люди... До города было все еще слишком далеко.

— Нас, кажется, заметили! — сказал Эграсса, наблюдая, как из городских ворот вылетает отряд всадников.

— Немудрено,— пожал плечами Фонарщик.— Мы на открытой местности, нас всякий норовит увидеть. Давай-ка, Эграсса, отойди назад. Мы в случае чего...

Фонарщик не счел нужным договаривать, но и так все было понятно. Парни, спешащие к нам, могут оказаться излишне горячими и скорыми на расправу. В пылу скачки вполне возможно перепутать эльфа с орком.

На слова Мумра Эграсса лишь нехорошо сверкнул глазами, но за с'кашем, слава Саготу, не потянулся. По-моему, Фонарщик так и не понял, что нанес эльфу смертельное оскорбление.

— Я не привык прятаться за чужие спины!

— Не сердись, Эграсса! — поспешно встрял Угорь.— Мастер длинного меча дело говорит, лучнику лучше находиться во второй линии.

— Ты собираешься воевать? — Правая бровь эльфа насмешливо поползла вверх.

— Нет.

— Тогда это ни к чему,— поставил точку в неприятном разговоре Эграсса.

— Халлас! — окликнул я гнома, начиная немного нервничать.— Не хватайся за мотыгу!

Всадники приближались. Четверка воинов направила лошадей левее и стала обходить нашу маленькую недвижимую группку. Все четверо были вооружены луками. Основная группа неслась прямо на нас и не собиралась придерживать лошадей. Мне это все больше и больше не нравилось. Краста, как назло, была у Эграссы, а кинжалом против человека на коне, да еще и вооруженного копьем, не очень-то повоюешь. Один из всадников всадил шпоры в лошадиные бока и оторвался от своих товарищей на два конских корпуса. Что этот парень собирается делать? И почему он опустил копье?

Земля под ногами начала подрагивать.

— Гаррет, стой! — шепнула Кли-кли, впиваясь рукой в мою одежку.— Побежим — ударит копьем!.. Стоим... Стоим...

Лошадь — огромная черная зверюга, словно выбравшаяся из самой тьмы,— вылетела на нас. В последний момент, когда казалось, что нас сомнет эта туша, всадник осадил лошадь. Та встала на дыбы, ударила воздух передними копытами, едва не раскроив голову Угрю. Гарракец «утек» в сторону, не спуская с всадника взгляда, но тот видел только одну цель — Эграссу.

Как только лошадь коснулась земли передними копытами, неизвестный воин что есть сил ударил копьем, метя эльфу в грудь. Быть бы тому нанизанным на «вертел», если бы не Фонарщик. Щуплый Дикий каким-то непостижимым образом оказался между всадни-

ком и темным. Биденхандер с шелестом рассек воздух, врезался в копье, отбивая его в сторону и вверх, и пошел на очередной замах, который должен был завершиться ударом в незащищенный бок врага, но тут подоспели другие всадники.

Тот, что скакал первым, от души врезал напавшему на нас человеку пяткой копья по щиту. Воин не ожидал ничего подобного и не удержался в седле. На миг передо мной мелькнуло белое и донельзя удивленное, совсем еще молодое лицо, и парень со всего маху рухнул на землю, прямо под ноги Фонарщику.

— Совсем мозги потерял, Боррик?! — рявкнул один из всадников.— Или ослеп?!

Воин, лежащий на земле, лишь таращил глаза и отчаянно хватал воздух ртом. Видать, крепко он с седла треснулся.

— Простите моего человека, треш эльф,— обратился все тот же всадник к Эграссе.

— Эльф? — наконец смог выдавить из себя тот, кого всадник назвал Борриком.— Я думал, это один из орков.

— Плохо думал! Да я тебя до конца службы на стену отправлю ворон считать! Ты у меня год в седло не сядешь! Еще раз приношу свои глубочайшие извинения за это недоразумение, треш...

— Эграсса. Эграсса из дома Черной луны,— ответил темный, сверля взглядом пытающегося встать с земли Боррика.

Не будь здесь столько всадников, воин уже познакомился бы с эльфийским с'кашем. Сейчас же Эграсса счел за лучшее не обострять отношения и оставить расправу с этим малым на более спокойное время.

— Я Нэол Ираген, лейтенант гвардии Мойцига,— представился всадник.

Нэолу Ирагену было за сорок. Кошачьи усы, густые брови, сросшиеся на переносице, и крайне унылая физиономия мелкого дворянчика, никак не вязавшаяся с пронзительной остротой голубых глаз и уверенной посадкой в седле.

— Эти... люди с вами, треш Эграсса? — на слове «люди» лейтенант гвардии запнулся, так как гоблина и гнома к людям отнести было довольно сложно.

— Да, это мои воины.

Уж не знаю, что подумал Нэол Ираген, но я и Кли-кли заработали парочку недоверчивых взглядов. Ну что поделаешь, не похожи мы с гоблиншей на бойцов.

— Что привело эльфа в наш город, когда Черный лес в огне? — Лейтенант постарался, чтобы его вопрос не прозвучал грубо.

— Приказ короля.— Эграсса достал бумагу Сталкона, ту самую, что мы показывали двум магам Ордена еще в Вишках, и протянул всаднику.

Воин взял бумагу и внимательно изучил королевскую печать. Надо заметить, что милорд Нэол несколько удивился, но это практически не отразилось на его лице, лишь густые брови удивленно дрогнули.

— Когда началась война, нам приказали проверять случайных и нежданных путников,— осторожно начал лейтенант, возвращая эльфу бумаги.— Сейчас кто только не ходит по дорогам. Дезертиры и шпионы в том числе. Ваше появление очень странное, да еще и эти бумаги... Вы ведь понимаете, треш Эграсса, что мы не можем просто так вас отпустить?

— Что вы предлагаете?

— Нам надо все проверить, и лучше, если мы проводим вас в город, к начальнику гарнизона.

— Мы ничего против этого не имеем.— Эграсса небрежно пожал плечами.

— Вот и чудесно! — облегченно вздохнул Нэол Ираген, понимая, что эльф не собирается упрямиться.— Боррик! Отдай треш Эграссе свою лошадь!

Парень к этому времени уже пришел в себя и безропотно подвел черную животину к Эграссе. Еще пятеро всадников спешились, отдавая нам своих лошадей. Мне досталась серая в яблоках кобылка, вроде бы спокойного нрава. Во всяком случае, пока я забирался в седло, смотрела она на меня более-менее благосклонно. Кли-кли лошадь не предоставили. Гоблинша уже собиралась обидеться и учинить скандал, но я усадил ее впереди себя. Вроде маленькая проныра осталась довольна таким раскладом.

Двигаясь к Мойцигу, мы оказались в центре отряда всадников, которые как бы невзначай взяли нас в кольцо на тот случай, если странные путники вдруг решат, что в городе им делать нечего, и зададут стрекача.

— Что с армией? Майдинг еще держится? — нарушил затянувшееся молчание Угорь.

Один из воинов открыл рот, чтобы ответить, но заметил предупреждающий взгляд Нэола Ирагена и проглотил все заготовленные слова.

— Подожди немного, воин,— сказал лейтенант.— Комендант все расскажет.

Угорь кивнул и больше ни о чем не спрашивал. По мне, так к чему такие тайны? Разве королевская бумага их не убедила? Считать нас дезертирами по меньшей мере глупо. Да и на шпионов мы

не тянем. Орки никогда не будут использовать людей как шпионов. Или будут? Если вспомнить о Первой людской ударной армии, перешедшей на сторону орков во время Войны Весны, то опасения жителей Мойцига не напрасны.

— Фонарщик! — неожиданно окликнул Дикого Эграсса.

— Да?

— Спасибо.

Мумр, не ожидавший от эльфа благодарности, довольно сощурился и растянул губы в улыбке от уха до уха.

Мойциг кипел и бурлил. Размерами город раза в три уступал тому же Ранненгу, а уж с Авендумом его и вовсе нельзя было сравнивать, но это не мешало жителям южного городка на день почувствовать себя самыми счастливыми и удачливыми горожанами во Вселенной.

Праздничной атмосфере, властвовавшей на городских площадях и улицах, могли позавидовать все города мира. Праздник носился в воздухе, слышался в разговоре горожан и стражников у ворот, звенел в песнях гуляющих в трактирах и кабаках. Словно и нет войны. Сегодня жители города были победителями. Они, и только они, разгромили целых три тысячи (а то и больше!) орков, и какая разница, каким способом была вырвана победа? Победителей не судят, не так ли? Сегодня люди радовались и пытались взять от жизни все, но уже завтра вновь наступят суровые дни и война для них продолжится.

По запруженным народом улицам мы ехали недолго. Нэол Ираген привел наш отряд к городским казармам. Солдат здесь было не меньше, чем горожан на улицах. Воины, похоже, собирались в поход. Все носились из угла в угол, сотники и десятники орали, отдавая приказания, кто-то собирал вещи, кто-то седлал лошадей.

Ребята собирались задать кому-то жару? Давно пора.

Нас привели в казарму и оставили в обществе находящихся здесь солдат. Эграсса и Угорь ушли вместе с лейтенантом гвардии к коменданту, а мы коротали время за столом. Слава богам, нас не собирались морить голодом. Кли-кли есть не стала, и стоило мне на мгновение упустить ее из виду, она тут же исчезла. Небось побежала за эльфом или вынюхивает новости.

— Не нравится мне все это,— прочавкал Халлас, вылавливая из котелка с похлебкой особенно аппетитный кусок мяса.— Праздник праздником, победу надо отметить, но и дурить не стоит. На кой, я вас спрашиваю, хрен надо держать городские ворота открытыми? Орки всегда славились стремительностью атак. Прощелкают клювами их приход, помяни мои слова, Гаррет! Стражники могут и не

успеть ворота закрыть, что тогда делать-то? На улицах воевать гораздо труднее, чем на стенах.

— Не нервничай. Все обойдется,— философски изрек Фонарщик и протяжно рыгнул.— Этот Нэол на дурака не похож. Раз ворота открыты, то опасаться нечего. Думаю, его разведчиков в окрестностях города не меньше, чем блох на шелудивой собаке. Орков за лигу заметят.

— Как ты не понимаешь, Мумр! — возмутился гном.— Порядок во всем быть должон! Если ворота открыты, это форменное раздолбайство! Мы, гномы, никогда до такой глупости не опустимся.

— Был бы тут Делер, да пребудет он в свете, он бы тебе ответил,— буркнул Фонарщик.

Халлас сразу поскучнел, поковырялся ложкой в похлебке и отодвинул от себя котелок.

— Чего-то долго они ходят. Надеюсь, что этот комендант не самодур и не станет нас задерживать дольше, чем следует.

— Кто же нас задержит с королевскими-то бумагами? — совершенно по-детски изумился Мумр.

— Кто же нас задержит,— передразнил товарища гном.— Больно нам эти бумаги под Вишками помогли. Маги на них и не взглянули как следует. Было бы у них желание, они бы ими еще и подтерлись. Если бы не та рука-чудовище, тьма знает что бы с нами случилось. Кто даст гарантию, что на этот раз все обойдется? Молчишь? Правильно! Никто не даст никакой гарантии. А ты, Гаррет, что разумеешь?

— Да в общем-то ничего,— сказал я.

—Как это ничего?! — оскорбился Халлас.— Как это?! У тебя что, нет своего мнения на данный счет?

— Халлас, хватит трещать,— успокоил я гнома.— Ты что, Эграссе и Угрю не доверяешь?

На такие слова гном лишь выпучил свой единственный глаз и покрепче стиснул ложку, собираясь пустить ее в ход.

— Вот,— рассудительно произнес я и подвел черту в возникшем разговоре: — Значит, нечего опасаться. Эльф с Угрем найдут способ убедить этого коменданта.

Халлас хмуро покосился на меня из-под повязки и вновь подвинул к себе котелок.

— Все равно, тут все раздолбаи. Нас без охраны оставили.

— Куда ты отсюда побежишь, скажи на милость? — Мумр облизал ложку.— Народу кругом полно, и твой уход не пройдет незамеченным.

— Эй, постойте! — Один из проходивших мимо нашего стола солдат резко затормозил.— А я вас знаю!

Мы трое вытаращились на него. Солдат как солдат. Могу поклясться, что его физиономию я раньше не видел. А вот герб, нашитый на куртке воина, был мне очень знаком — черная туча на зеленом поле. Герб моего дражайшего друга — барона Оро Габсбарга. Выходит, этот парень один из солдат барона. Вот только каким ветром его так далеко занесло?

— А мы тебя не знаем,— достаточно неприветливо буркнул Счастливчик.— Не встречались.

— Ошибаешься, почтенный! В конце этого лета, в Кротовьем замке. Вспомнили?

— Нет.

— Я был в дружине милорда Габсбарга. Ух! Слушай, а ведь это ты тот парень, что пригвоздил к земле Мейло Труга?! — Последние слова воина были обращены к Фонарщику.

— Ну я,— нехотя признался Мумр.

— Эй! Ребята! — заорал на всю казарму воин, привлекая к нам всеобщее внимание.— Это тот мастер, о котором я вам рассказывал! Он самого Труга в замке Доброй Души по стенке размазал!

Что тут началось! Похоже, о подвигах Фонарщика были наслышаны все воины королевства. Во всяком случае, наш стол окружила плотная толпа народа, и всякий норовил хлопнуть Мумра по плечу. Те, кто не дотягивались до Мумра, отрывались на мне и Халласе, словно это мы вдвоем с гномом махали двуручником во внутреннем дворе замка Альгерта Далли на том памятном поединке суда Сагры. Халлас даже оттаял и заухмылялся, находясь в центре внимания.

Парень с гербом Габсбарга надрывался вовсю, наверное в сотый раз пересказывая историю и ход поединка. Народ восхищенно внимал. Сквозь толпу, наседающую со всех сторон на наш стол, протиснулся седовласый ветеран. На плече воина громоздился огромный цвайгхандер. На рукояти двуручника был явственно виден золотой дубовый лист. Мастер меча. Воин почтительно поклонился, Мумр не ударил в грязь лицом и тоже ответил поклоном.

Воин вежливо попросил господина Фонарщика, конечно, когда у того найдется время, преподать ему несколько уроков. Мумр согласился. Халлас крякнул и как бы невзначай намекнул, что «хорошо бы было бы пивка бы немного бы». Кто-то из молодых воинов опрометью бросился из казармы, и спустя неполных пять минут перед нами стояли пузатые пивные кружки.

А тьма! Я со всеми этими гуляниями по Заграбе успел забыть, какой у пива вкус. Так что наслаждался, предоставив Халласу, оказавшемуся в окружении благодарных слушателей, травить байки. Гном, раздувшись от гордости, поведал всему миру, как он самолично вытащил меня из лабиринта и вот этой вот самой мотыгой при-

бил в Золотом лесу девяносто восемь орков и одного Х'сан'кора. С орками Счастливчик конечно же крупно приврал, но ему поверили. Да и как тут не поверить, когда тебе в доказательство предоставляют самый что ни на есть настоящий рог лесного чудовища?!

К концу легенды все воины казармы были готовы броситься ради гнома в огонь. Уверен, что через три дня сказку Халласа будет знать вся армия. Слава богам, что он не додумался приплести еще и дракона с принцессой до полной кучи.

Я уже начинал ловить на себе вопрошающие взгляды. Наверное, некоторые из присутствующих здесь предположили, что, раз я путешествую с такими отчаянными и уважаемыми личностями, как Халлас и Делер, значит, и я легендарный герой и по меньшей мере голыми руками скрутил шею Неназываемому. Знай ребята, что я прошел через Храд Спайн и сейчас в моей сумке Рог Радуги, они бы точно уверились, что мы — троица великих героев из Седой эпохи.

Гном разделывался с третьей кружкой пива и не затыкался ни на минуту. Я улучил момент и привлек к себе внимание воина Габсбарга.

— Ты-то здесь как оказался? — спросил я у солдата.

— Я теперь адъютант и личный посланник милорда! — гордо ответил парень.— Меня сюда прислали за подмогой.

— Подмогой? У барона что-то случилось?

— Барона?! — солдат хохотнул.— Бери выше, дружище!

Но тут, как назло, объявилась Кли-кли и, не церемонясь, перебила Халласа, разглагольствующего о том, как он запрягал в плот кровожадных виверн:

— Заканчивай, нас Эграсса зовет!

Гном разочарованно крякнул и, одним глотком осушив кружку, встал со скамьи:

— Извиняйте, братцы! Дела. Бум живы, свидимся, дорасскажу.

Все дружно пожелали нам удачи и пошли по второму кругу хлопать по плечам. Когда я все же вылез вслед за гоблиншей из толпы, плечи ныли, как будто я целый день таскал что-то тяжелое.

— Куда ты нас повел? — спросил я у Кли-кли.

— В более спокойное место. Туда, где можно нормально поговорить,— ответила она.

— Так, значит, нас не звал Эграсса? — насупился гном.

— Конечно же нет!

— Такую историю не дал рассказать! — пожалел Халлас.

— Ты и так наврал им с Зам-да-Морт. Пора было тебя остановить.

— О чем ты хотел с нами поговорить?

— О многом. Я кое-что узнал и думаю, вам это будет интересно, Угорь нас уже ждет.

— А Эграсса?

— Комендант пригласил его отобедать.

— Это значит, что все уладилось?

— Я всегда говорил, что наш Танцующий — самый настоящий гений! — хмыкнула Кли-кли, выводя нас во двор.

— И это, по-твоему, уединение?

— Тут, по крайней мере, на нас не обращают внимания. Еще вопросы будут?

— Что за мешок ты прешь? Не надорвешься?

— За собой следи,— фыркнула она.— Мы, кстати, пришли.

Гоблинша привела нас к какому-то зданию, бесцеремонно пнула дверь ногой, и мы оказались в просторной комнате. За столом восседал Угорь и грыз куриную ножку. Еды, надо отметить, было предостаточно.

— Хорошо устроился! Кто за все это заплатил? — Халлас задал животрепещущий для любого гнома вопрос.

— Никто. Милорд комендант был настолько любезен, что снабдил нас едой со своего стола и выделил комнату, пока Эграсса обедает в обществе его светлости. Присоединяйтесь к пиршеству.

— Да мы в общем-то уже в казармах поели,— хотел было отказаться гном.

— Ну, дело ваше. Мне больше достанется.

И тут же Халлас, потирая руки, пошел к столу.

— Ладно, вы лопайте, а я буду рассказывать о тех делах, что приключились в Валиостре, пока мы по Заграбе ходили. Угорь уже все знает. Да ты жуй, Халлас, жуй. Все обстоит гораздо лучше, чем мы думали.

— Насколько лучше? — осторожно спросил я у Кли-кли.

— Намного. Оркам дерут задницу на всех фронтах! — скорчив довольную физиономию, известила она нас.

— Чего-о-о-о?!! — вытаращил глаза Халлас.

— А того, мой любезный гном. Как оказалось, нахрапом нас не возьмешь. Каким-то образом за два дня до начала войны стало известно о вторжении. Пограничные гарнизоны большей частью успели подготовиться и отошли.

— Отошли? — Я немного не уловил соответствие между словами «подготовиться» и «отошли».

— Ну да. Пограничники вообще никуда отступать не собирались, а вот наши поперли назад. А им навстречу доблестная армия Валиостра. Бездушные егеря, Псы Удачи, Ершистые, Бродяги, Клоуны Гимо, Оболтусы судьбы и многие другие. Под Верхними Выдрами—

знакомое название, не правда ли? — под Верхними Выдрами вступили в бой и так вма-а-азали Первым по рогам, что те очухались только денька через два. К тому времени нашей армии уже и след простыл. Опять отступили, теперь уже за Иселину. Орки словно обезумели, пошли вперед и вновь схлопотали. К этому времени уже и северная армия подоспела. Под Ранненгом дали генеральное сражение и армию орков расчленили на три части. Первую, самую многочисленную, погнали аж до самого Пограничного королевства, что там случилось, мне пока неведомо. Остатки второй кое-как доползли до своего ненаглядного Золотого леса, а третья застряла в окружении в графстве Маргенд, до коего отсюда рукой подать. Вы не представляете, как я рад! Центральную армию орков расфигачили в пух и прах!

— Н-да...— протянул я, не веря своим ушам.— А это точно?

— Конечно, точно, глупая твоя голова! Сам комендант Эграссе рассказал! Он, как только увидел бумаги с королевской печатью, прямо залебезил. Вон, если мне не веришь, у Угря спроси.

Доблестная армия Валиостра на этот раз действительно оказалась доблестной, и кошмара, произошедшего в Войну Весны, на этот раз не случилось. Остановлены и отброшены назад. Ха-ха! Вот что значит своевременная информация и сорок тысяч северной армии, которую король собирал для торжественной встречи Неназываемого.

— А как обстоят дела с первой и третьей орочьими армиями?

— Пограничники вроде стоят и будут стоять, пока наши не подоспеют. Так что первой можно только посочувствовать. Скоро уберутся в свой Золотой лес и не будут высовываться еще лет триста. Такое сокрушительное поражение они будут до-о-олго помнить. Что касается третьей, то там все просто. Эльфы оправились, и вроде положение в Черном лесу, по последним сведениям, выровнялось. Что же касается тех, кто пошел на Майдинг...— Кли-кли заговорщицки усмехнулась.— Их ждал не менее неприятный сюрприз, чем тех, кто попер на Ранненг и нарвался на Диких егерей и пограничные гарнизоны. Наши ребята там тоже не спали, а потом подоспела помощь и...

— Постой, Кли-кли! — перебил гоблина все это время молчавший Фонарщик.— А там-то откуда помощь взялась?

— А про наши пятнадцать тысяч, что на границе с Мирануэхом постоянно торчат, забыл?

— Я-то не забыл, но вот только Мирануэх, наверное, тоже. Весь запад теперь в полном распоряжении «усачей»![1]

---

[1] Презрительное название жителей Мирануэха.

— Не боись! И тут у нас все здорово! На Майдинг выползло двадцать тысяч Первых. Так мирануэхский король не стерпел такую несправедливость и прибавил к пятнадцати тысячам наших десять тысяч своих пикинеров и четыре тысячи кавалерии.

— Чего-о-о-о?!! — Теперь уже мы трое вытаращили глаза.

— Ага. Орки Его Величеству чем-то очень насолили, и Его Величество решил вмешаться и помочь северному соседу.

— Не верю. Все что угодно, но чтобы Мирануэх! Сколько веков грызлись за Спорные земли, и вот на тебе!

— Разве жрецы не учат нас быть щедрее, Гаррет? — хихикнула гоблинша.— Тьма знает, что подвигло короля Мирануэха на столь щедрый и своевременный ход, но и мой разлюбезный Сталкон шаркнул ножкой и подарил Мирануэху Спорные земли.

Халлас подавился вином и закашлялся. Угорь стукнул гнома по спине.

— Невелика потеря. Столько лет бодаться из-за двадцати лиг никому не нужных болотистых земель... Только северяне на такое способны.

— Ну, это у тебя в Гарраке земель навалом, а у нас все на счету,— защитил родное королевство Фонарщик.— Но что сделано, то сделано. Значит, от Майдинга орков отогнали?

— Не только отогнали, но и окружили и полностью перебили! — пропела гоблинша.— Победа на всех фронтах! А затем союзная армия не успокоилась и полезла в Черный лес, помогать братьям-эльфам. Если наши военачальники имеют хоть капельку мозгов, они вычистят Золотой лес от Первых.

— Засим — ура! — поднял бокал Халлас.

— Так выходит, что покусившиеся на Мойциг — из недобитков центральной армии?

— Да нет, Мумр. Их из Заграбы выманили. Нашим повезло, выцепили самого кланового вождя Груунских ухорезов, когда он со своей швалью в родной лесок пробирался. Ну и вздернули его на городских воротах, так сказать, в назидание тем, кому в Золотом лесу не сидится. А эти щенки ничего не поняли и выползли под глаз Сагры. Решили отбить тело. Ну их и посекли... Так, Гаррет. Теперь с тобой. Пока ты в казарме прохлаждался, я кой-куда успел сбегать и разжиться кое-чем.— С этими словами гоблинша залезла в мешок и выложила на стол арбалет, а затем два десятка коротких болтов.— Вот... а то ты совсем без нормальной железяки скиснешь.

Я взял арбалет в руки. Конечно, не мой малыш, оставленный в залах Храд Спайна, но тоже неплохо. Раньше у меня был точно такой же. «Оса» — оружие легкое и очень надежное.

— Где ты его добыл?

— Спер конечно же! Из ихней оружейной.— Она гордо надулась.

— А если меня теперь с ним поймают? — хмыкнул я, удивляясь наглости Кли-кли, посмевшей слямзить из-под носа солдат оружие.

— Если тебя поймают, Танцующий, то тебе и отдуваться. Я свое дело сделал, а дальше уже твои проблемы.

— Спасибо, Кли-кли,— с сарказмом поблагодарил я свою «благодетельницу».

— Не за что,— в тон мне ответила она и ехидно осклабилась.— Вы, кстати, быстрей челюстями работайте. Мне вас еще надо за теплой одежкой сводить. Зима на носу, а вы в этом рванье щеголяете.

— Всей толпой пойдем воровать? — сделав страшный глаз, поинтересовался Халлас.

— Плохого же ты мнения о гоблинах, Счастливчик,— расстроилась гоблинша.— Ну почему же сразу воровать? Эграсса обо всем договорился с комендантом. Осталось только взять чего потеплее и сваливать из Мойцига. Когда доберемся до Авендума, уже ударят настоящие морозы, и вы все, да-да, именно вы, скажете маленькому гоблину спасибо за теплую одежку, потому что, если бы не я, вы бы все от холода околели.

— Ты вроде только что говорил, что об одежде позаботился Эграсса, а не ты,— невинно заметил Угорь.

— А ему кто, по-твоему, сказал?! — враз озлобилась Кли-кли.

— Ты и сказал,— ответил Эграсса, входя в помещение.— Собирайтесь, через час из Мойцига выходит вооруженный отряд. Отправимся с ними.

— Зачем с ними-то? — нахмурился Халлас.— Али заблудимся?

— Ты забываешь, что, хоть орки и разбиты, шанс нарваться на разрозненные отряды Первых все еще очень высок. Тебе бы хотелось лишиться и второго глаза?

На слова эльфа гном лишь бахвальски ответил, что пусть орки только попробуют до него добраться. Если такое случится — чья-то мотыга кому-то пробьет черепушку.

— Мойцигские воины тоже следуют в Ранненг?

— Нет, Угорь. Они спешат в графство Маргенд. Часть центральной армии Первых взята в окружение всего лишь в дне пути отсюда. Отряд Нэола Ирагена спешит принять участие в предстоящем сражении.

— А орков-то много? — поинтересовался Счастливчик, приглаживая бороду.

— Около пяти с половиной тысяч.

— Мне вполне хватит,— решительно тряхнул головой гном, и шляпа Делера сползла ему на глаза.— Чего сидите?! Давайте быстрее, а то всех орков без нас перебьют!

Я было хотел сказать, что оно и к лучшему, но промолчал. Чего расстраивать гнома? Халлас сейчас радовался, словно ребенок, которому пообещали долгожданную игрушку.

Мы покинули Мойциг спустя полтора часа под приветственные вопли горожан, провожающих своих воинов в победный (никто в этом не сомневался) поход. Комендант был настолько любезен, что предоставил нам не только новую одежду, но и лошадей.

Мне достался темно-коричневый жеребец с явной склонностью к убийству своих хозяев. Во всяком случае, животина все время норовила пуститься в галоп и отправить своего незадачливого седока прямиком в могилу. По какой-то насмешке богов это был кавалерийский конь, у которого была только одна цель — нестись вперед сломя голову, и желательно под звуки горна. После смирной «боевой кобылки» Пчелки сей экземпляр лошадиной породы наводил на меня тоску и тихий ужас. Приходилось прилагать массу усилий, чтобы сдержать горячего парня и не грохнуться с седла. Угорь следил за потугами усмирения демона безумия, овладевшего конем, с жалостью, наконец не выдержал и предложил обменяться лошадьми. Я, пока гарракец не передумал, тут же сполз с седла и пересел на смирную, в меру лохматую и упитанную лошаденку неизвестной породы.

Вот эта лошадь мне по нраву! Побежит, только если я захочу или если за ней погонится огр с больным зубом.

— Как ее зовут? — спросил я.

— Лошадь.— Гарракец ухмыльнулся уголком рта.

Кто-то из воинов, ехавших позади нас и слышавших разговор, откровенно заржал. Не знаю, что его так насмешило.

— Ну, Лошадь так Лошадь,— хмыкнул я, потрепав животное по шее.— Это имя ей очень идет.

— Смотри, Гаррет. Видишь вон тех огурцов?

— Каких еще огурцов, Кли-кли?

— Да вон тех, в серых плащах.

— Орденских, что ли?

— Их самых. Именно эта шестерка остановила Первых под Мойцигом.

— Ну и молодцы.

Лично мне никакого дела до магов не было.

Интересно, что бы они сказали, узнай о Роге Радуги. На миг у меня возникло желание отдать им волшебный артефакт и распро-

ститься с магией на веки вечные. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не избавиться от Рога прямо сейчас.

Дорога уходила на север, и, судя по словам всезнайки Кли-кли, по ней мы попадем прямо в Ранненг, надо всего лишь миновать маленькое графство Маргенд, земли которого раскинулись вдоль западного берега Иселины чуть ли не до Болтника.

Из Мойцига вышел отряд конных, насчитывавший шестьсот воинов. А еще раньше, два дня назад, из города в направлении Маргенда выступило полторы тысячи тяжелой пехоты Кошачьих алебард и Разгуляк Рого. Первые спешным маршем пришли в город из-под Майдинга, сразу после того, как орки на том участке фронта были разбиты и потребовалась срочная переброска сил на восток, к Иселине. Что же касается Разгуляк, так эти ребята были расквартированы в Мойциге и попросту рвались в бой.

Все воинские сплетни мне поведал воин Габсбарга, ехавший в нашей сотне. Парень болтал без умолку, но, как только я собрался спросить о делах барона, его вызвали куда-то вперед, к Нэолу Ирагену, и вопросы пришлось отложить на потом.

Судя по всему, скоро наш многочисленный конный отряд должен был догнать пехоту и большой обоз, ползущий ко Второй южной армии, взявшей остатки недобитых Первых в кольцо. Судя по разговорам воинов, к завтрашнему полудню мы уже прибудем на место и поможем своим загнать орков в реку. Больше всех этого хотел некий Халлас, как-то не задумывавшийся о том, что лично его в рубку с орками, скорее всего, и не пригласят. Мумр так и сказал об этом гному, но тот лишь гневно встопорщил бороду и заявил, что он перестанет быть гномом, если не завалит в предстоящей битве хотя бы десяточек жалких орков.

Эграсса ехал где-то впереди отряда вместе с Нэолом Ирагеном, так что мы были предоставлены самим себе. Точнее, не мы, а гоблинша. Кли-кли, лишившись эльфийского надзора, решила вновь взвалить на себя роль наилюбимейшего и наигениальнейшего королевского шута. Через час от шуточек-песенок-стишков и прочих выкрутасов гоблинши гоготало добрых две сотни воинов.

Спустя десять минут уже весь отряд был наслышан о маленьком и остром на язык гоблине, путешествующем в первой сотне. Естественно, тут же другие пять сотен наперебой принялись звать Кли-кли к себе. Маленькая затейница была жутко довольна. Она в очередной раз стала душой всей честной компании и развлекала воинов до наступления сумерек, когда отряд остановился на ночлег возле большой и совершенно не тронутой войной деревушки.

Как оказалось, местные жители уже ждали нас, и пусть на такую ораву домов для ночлега не хватило, но местный барон, примчав-

шийся из ближайшего замка со своей немногочисленной дружиной, успел все подготовить для встречи дорогих гостей и победителей. Благодаря Эграссе нам даже выделили дом, где можно было переночевать.

Пока мы с Угрем и эльфом устраивались на новом месте, Кли-кли успела куда-то улизнуть. Халлас и Фонарщик тоже не задержались надолго. Их чуть ли не на руках унесли к центру деревушки, где в самом скором времени должно было начаться празднество по случаю прибытия славных воинов. Думаю, теперь у гнома будет много слушателей. Солдаты звали и нас, но я отказался сразу же, Угорь немного подумал и тоже отрицательно покачал головой. Эграссу за праздничный стол пригласил барон, и эльф, решив проявить вежливость, ушел.

— Слушай, Угорь. А где хозяева?

— Ушли. Сегодня дом в нашем распоряжении. Даже если Халлас напьется и разобьет пару печных горшков — нам никто и слова не скажет, можешь не волноваться.

— С чего ты взял, что я волнуюсь? Мне не впервой находиться в чужих домах во время отсутствия хозяев.

— Верю,— ухмыльнулся воин.— А насчет дома... Крестьяне даже рады, что могут оказать нам такую услугу. Во-первых, на них нежданно-негаданно свалился самый что ни на есть настоящий праздник. Во-вторых, кормит нас барон, а не они...

— А кто кормит барона? — ехидно спросил я, но гарракец пропустил мой вопрос мимо ушей.

— В-третьих,— невозмутимо продолжил Угорь,— предоставление нам дома на одну ночь — сущий пустяк. Не победи воины орков, вполне возможно, что этого дома уже бы не было.

— Пошли на улицу? Чего одним здесь сидеть?

На дворе к этому времени стемнело. Я вдохнул холодный, уже совсем зимний воздух.

— Пахнет первым снегом.— Угорь словно читал мои мысли.

— Прохладно,— согласился я.— Ноябрь в этом году на юге выдался холодным.

— Разве это холод? Всего лишь легкий морозец,— хмыкнул мой собеседник.— Видишь, какие звезды тусклые? Когда сильный мороз, они горят, словно каменья в королевской короне.

— У нашего Сталкона в короне не так уж много камней.

— Я говорил о гарракской короне.

— О! — сказал я, понимая, что сморозил глупость.

Мы помолчали, вслушиваясь в веселые крики и хохот, раздававшиеся в ночи.

— Веселятся, словно и нет никакой войны,— пробормотал я.

— Почему бы и нет? Война и бой будут завтра, а сегодня у них есть шанс забыть обо всем. Разве это плохо?

— Да нет,— смутился я.— Наверное, хорошо.

— Что тебя гнетет, Гаррет?

Я помолчал, подбирая слова. Как назло, нужные из них в голову не приходили.

— Так просто не объяснишь. Слова Серого, Хозяин, Рог Радуги и, конечно, равновесие со всеми вытекающими последствиями. Очень неприятно думать, что я, сам того не желая, таскаю у себя на боку самую ядовитую из змей.

— Просто не думай об этом.

— Что?

— Вот посмотри. Что ты видишь? — Он извлек из ножен «сестру».

— Оружие,— тупо промямлил я.

— Правильно, оружие. Сейчас оно опасно?

— Нет,— подумав, ответил я.

— Правильно. «Сестра» у меня в руках. Все зависит от того, кто держит оружие и какие цели он преследует. Рог Радуги — такое же оружие, как «сестра», и он у тебя в руках. Я не считаю, что ты хочешь отправить наш мир в небытие.

— Но он не всегда будет у меня.

— Орден позаботится о Роге. Или ты и магам перестал доверять?

— Нет, но слова Серого...

— Слова Серого всего лишь слова — и ничего больше. Моя старая бабка, да пребудет она в свете, всегда говорила, что пророчество никогда не свершится, если мы этого не захотим.

— Успокоил,— кисло усмехнулся я, но не думаю, чтобы в темноте воин смог разглядеть мою жалкую ухмылку.— Пойдем, что ли, ко всем? Может, и на нашу долю вина оставят?

— Вряд ли лейтенант позволит солдатам принять на грудь. Да и они сами не дураки: идти в бой с похмельной головой — небольшое удовольствие. Так что больше чем на кружку пива мы с тобой можем не рассчитывать. Давай поспешим, иначе Халлас вылакает нашу порцию.

...Конный отряд покинул деревню, когда горизонт на востоке расчертила жемчужно-алая нитка рассвета.

— День будет ясным,— произнес Фонарщик, и из его рта вырвалось облачко пара.

— И очень, очень холодным,— расстроенно просипела незнамо как умудрившаяся охрипнуть Кли-кли.— Кто из вас, умников, догадался снег накаркать? Молчите? Э-эх...

Первого в этом году снега было еще слишком мало, поэтому он превратил землю в буро-белое лоскутное одеяло. Кли-кли неправа, это сейчас холодно, а вот к полудню солнышку будет вполне по силам растопить снежок и превратить дорогу в грязное месиво.

С самого раннего утра отряд шел то галопом, то рысью. Несколько раз останавливались или заставляли лошадей идти шагом, чтобы дать им хоть какой-нибудь отдых. В лучах взбирающегося на небо солнца Иселина, находящаяся от нас по правую руку, играла и исходила яркими бликами.

По словам Кли-кли, мы уже находились в графстве Маргенд. Вскоре предположения гоблинши подтвердились — мы наткнулись на деревню с сожженными домами. В отличие от той деревеньки, где мы ночевали, сюда война добралась.

Спустя какое-то время нас заметил разъезд легкой кавалерии, что рыскал по окрестностям в поисках улизнувших из окружения орков. Командир разведчиков сообщил, что Разгуляки Рого и Кошачьи алебарды вместе с обозом уже прибыли к Маргендской подкове и битва вот-вот должна начаться. Кто-то из воинов глубоко посочувствовал несчастным разведчикам, которым придется ловить по полям заячьи хвосты, когда другие через несколько часов пойдут в бой. По мне так лучше носиться по графству в поисках возможной опасности, чем самому лезть к оркам на «сладкие пирожки». Естественно, я держал эти мысли при себе, а то, чего доброго, меня неправильно поймут.

Представьте на минутку, что Иселина является прямой палкой, середина которой состоит из мягкого металла.

Представили?

А теперь представьте, что кто-то из богов от нечего делать взял эту палку и, положив ее на свою могучую шею, надавил на концы. От такого усилия мягкий металл выгнулся дугой и принял форму подковы. Именно эта речная петля, вогнутой частью обращенная на запад, а выпуклой — на восток, и получила название Маргендской подковы. Петля идеально прямой Иселины являлась тем самым местом, где орки попались в расставленную ловушку.

Вторая южная армия загнала Первых в полукольцо речной подковы и перекрыла все пути к отступлению. У Первых было лишь два выхода — или попытаться преодолеть Черную реку вплавь (что в принципе невозможно из-за ее ширины и холодной погоды), или попытаться прорвать блокаду.

Мы подобрались к Маргендской подкове после полудня. Народищу здесь было — хоть сразу вешайся. Вся Вторая южная армия в сборе. В четверти лиги от нас, прямо на той стороне большого и со-

вершенно голого поля виднелись река и темная стена орочьих щитов. Я даже вздрогнул, увидев такое количество врагов.

— Чего они ждут? — Я нервно облизал губы. Так и подмывало вынести на обсуждение идею смыться отсюда как можно скорее.

— Когда на них нападут. На прорыв они не пойдут — видишь, сколько здесь лучников? — объяснил мне Угорь.— Их так потреплют, что атака захлебнется, едва успев начаться.

— Их уже потрепали.— Несмотря на потерю глаза, Халлас прекрасно видел, что поле усыпано мертвецами.

Сотни три-четыре покойников. Играющие с ветром за попытку прорыва взяли с орков хорошую плату.

— А что бы ты на их месте делал?

— Ждал.

— Чего?

— Когда командир людей допустит ошибку.

— А если он не допустит?

— Значит, орки покойники,— безжалостно закончил за гарракца Эграсса.— Кто бы ни командовал вашей армией, Гаррет, он умен, как сама тьма. Лучшего места, чтобы расправиться с Первыми, просто не придумаешь.

— Тогда чего же все эти люди ждут?

— Когда их станет еще больше. Или ты не знаешь, что трое на одного — это самое оно? Первых просто задавят числом.

Эльф, как всегда, прав, хотя это и не очень приятная, а тем более вовсе не героическая правда. Втроем бить одного гораздо сподручнее, чем выходить против врага один на один.

Наш прибывший отряд встречали приветственными криками и вопросами о том, какие новости из Майдинга, Мойцига и Черного леса. Солдаты (те, кто не стоял в оцеплении) занимались своими обыденными делами (грелись у костра, правили оружие, готовили пищу, резались в кости) и словно бы и не собирались принимать участие в скором сражении. Знаю, что это впечатление было обманчиво и, не пройдет и пяти минут с того момента, как протрубят боевые рога,— все воины будут стоять в строю.

С двумя всадниками к нам приблизился Нэол Ираген.

— Треш Эграсса, думаю, вам следует вместе со мной подъехать к командующему армией. Если вы покажете ему бумагу с королевской печатью, герцог выделит отряд, который сопроводит вас до Ранненга.

— Благодарю, милорд, но дальнейший путь мы проделаем самостоятельно.

— Понимаю вас, треш Эграсса, но все же продолжаю настаивать на своем предложении. Дороги опасны, стоит ли рисковать, когда есть возможность не дразнить демонов?

Эграсса засомневался, но потом все же разум взял верх над гордостью и эльф кивнул:

— Мы следуем за вами.

— Думаю, вашим друзьям лучше подождать здесь,— осторожно проговорил лейтенант гвардии Мойцига.

— Они пойдут со мной.

— Как угодно,— не стал спорить воин.

В это время заиграли горны, и солдаты, подхватив оружие, побежали из лагеря.

— Орки напали?! — с ужасом ахнул я.

— Что? Нет, просто обычная готовность. Скоро начнется,— ответил мне Фонарщик.

— Эх! Вот бы и мне с ними! — Халлас тоскливым взглядом проводил перекидывающихся пошлыми шуточками Бездушных егерей.

— Даже не думай лезть в эту мясорубку,— предупредил гнома Угорь.

— А что будет, если подумаю?

— Ты меня знаешь.

Халлас действительно слишком хорошо знал гарракца и понимал, когда тот шутит, а когда говорит серьезно. Так что гном лишь вздохнул и надулся.

Тем временем мы приблизились к огромному шатру, который, вне всякого сомнения, являлся главным местом в этом наспех сооруженном лагере. Возле шатра реяли стяги. На самом высоком древке колыхалось знамя с гербом Габсбаргов. Я усмехнулся — барон-то оказался тщеславным парнем. Мой дружок может крепко схлопотать, если командующий армией увидит, что стяг захудалого дворянина из Приграничья висит выше знамен всяких там графов и прочих великосветских шишек.

Бездушные егеря в бело-малиновых туниках, надетых поверх доспехов, охраняли знамена. Возле входа в шатер стояла многочисленная стража, обряженная в оранжевые штаны (одна штанина широкая и короткая, другая узкая и длинная) и ярко-красные туники. Волосы и усы этих оригиналов были выкрашены в ядовито-зеленый цвет, а носы — в красный. Оружие у парней тоже было несколько странным: на поясах — свернутые в несколько колец боевые кнуты-ламии, в руках — гизармы, а за спиной — широченнейшие мечи в ножнах, обтянутых чьими-то шкурами, которые тоже не избежали участи быть покрашенными в ужасный зеленый цвет. Такими мечами самое оно рубиться в свалке. Они будут даже лучше, чем секиры.

— Это что еще за огородные пугала? — поинтересовался я.

— Это Клоуны Гимо, Гаррет. Я очень тебе советую с ними не связываться. И не вздумай ухмыляться словно идиот! Я не собираюсь хлестаться с ними из-за твоей глупой рожи! — ответил мне Фонарщик.

Про Клоунов Гимо ходило несколько историй, и в основном плохих. Говорят, что эти парни не очень-то в ладу с собственной головой, в особенности если над ними подтрунивать. Шуток они не понимают, поэтому их старались не злить. Однако воинами они были отменными. Нередко даже можно было услышать такой риторический вопрос: кто сильнее — Дикие Сердца, Бобровые шапки, Веселые висельники или Клоуны Гимо? Но вопрос так и оставался невыясненным, потому что эти отряды никогда не выходили на поле битвы друг против друга.

— Куда? — спросил один из Клоунов, когда мы слезли с лошадей и подошли к шатру.

Нэол Ираген молча показал воину какую-то бумагу. Тот недовольно скривил губу, явно сожалея, что нет повода подраться, и убрал гизарму, давая нам пройти.

— Держите гоблина подальше от ценных вещей,— бросил нам вдогонку охранник.

Кли-кли возмутилась и собралась было объяснить солдату, что она думает о придурках, обряженных в такую одежду, но Халлас быстренько увлек гоблиншу за собой.

—...Не согласен, граф! Мне доверили жизни людей, и если мы можем обойтись малой кровью и придавить этих гнид, не вступая в затяжной бой, то так этому и быть! Не надо, милорд! Я знаю, что вы хотите мне сказать. Честь и доблесть оставьте на следующую войну. Насколько я вас знаю, вы-то вперед не полезете, а будете наблюдать за битвой, сидя на белом коне. Я командую армией, и это мое решение! Солдаты пойдут в бой, если только у меня не останется никакого выбора! Ваше магичество, что с боевыми заклятиями?

— Ничего не можем сделать, милорд. У них десяток шаманов, и они блокируют любое наше волшебство, впрочем, как и мы их. Эта битва начнется без магии.

— А! Все демоны бездны! Как не вовремя! Ладно, но, если их шаманы дадут слабину, Орден, надеюсь, знает, что следует делать?! Нет-нет, ваше магичество! Я в вас совершенно уверен, простите меня за мой вопрос. Грэно! Грэно!! А! Я тебе сейчас акну! Так акну! Баржи выведены?! Отлично! Мастер Кун, сколько вы посадили на них ваших людей?

— Четыреста, милорд. По двести лучников на каждую посудину.

— Хорошо. Тогда не смею вас задерживать, отправляйтесь к своей тысяче и настройте ребят на то, что сегодня их колчаны опустеют. Господин Штургель! Сколько у вас в распоряжении людей? Мало! Чертовски мало! Что говорите? Они уже здесь? Великолепно! Кто командует Кошачьими алебардами и Разгулями Рого? Ага, мое почтение, господа. У вас, если не ошибаюсь, полторы тысячи на двоих? От-тлично! Спасибо Мойцигу за столь щедрый подарок! Господа, поступаете в распоряжение господина Штургеля! Думаю, двух тысяч хватит, чтобы закрыть собой лучников в случае внезапной атаки. Господин Штургель, возьмете на себя правый фланг. Берегите мастера Куна и Играющих как зеницу ока. А вы, господа, держите своих Разгуляк и Алебард на коротких поводках! Сегодня день луков, а не мечей и алебард. Если будет жарко, восемь сотен кавалерийского резерва вам помогут. Свободны!

В шатер набилось народу поболе, чем в некоторые бочки набивают моченых яблок. Тут были все командиры отрядов, тысячники и даже сотники. Не считая множества дворян. Кто-то получал приказ и, поспешно кланяясь, удалялся, кто-то вбегал в шатер с докладом. Было душно и тесно, нас отодвинули к самому входу. Я не сразу разглядел отдающего приказания командующего, а когда разглядел — ахнул.

Командовал этой братией мой лучший дружок барон Оро Габсбарг собственной персоной! Я чуть было язык не прикусил от удивления. Милорд Оро сыпал приказаниями с такой скоростью, что их едва успевали выполнять. Барон — все такой же огромный и бородатый гигант, каким я его в последний раз видел у милорда Альгерта Далли. Разве что теперь милорд Габсбарг не гнушался высказать высокородным хлыщам все, что думает. Самое удивительное, что господа дворяне, у которых на рожах была видна вся их благородная родословная вплоть до Эпохи Свершений, бледнели, багровели, но терпели баронскую бесцеремонность и манеру речи.

— Спаси меня Сагра, милорд! Вы так же безумны, как ребята Гимо! Нет! Не разрешаю! У меня нет лишней кавалерии. Шесть сотен всадников, пускай они и тяжеловооруженные, но на орочьи копья я их не пошлю. По крайней мере, до тех пор, пока ребята мастера Куна вволю не наиграются с луками. Вы храбры, милорд, но вам следует поучиться осторожности у милорда Белого коня. Кавалерия останется в резерве. Вы меня поняли, милорд?! Вот и чудно! Грэно! Что у нас с центром?

— Бездушные готовы, милорд.

— Как и Ершистые, милорд.

— Как и Тухлые коняги, милорд.

— Итого три тысячи.— Оро Габсбарг задумчиво потеребил нижнюю губу.— Выдержите лобовой удар?

— А то, милорд!

— Что же, быть посему, хотя... Грэно!

— Да, милорд?

— Перебрось с левого фланга всех арбалетчиков.

— Разумно ли это, милорд?

— Знаю, что неразумно,— хмурясь, буркнул барон,— но, если центр провалится, можешь копать себе могилку. Всех арбалетчиков! Чьи ребята?

— Мои ребята, милорд. Трепачи! — отозвался пожилой воин, стоявший рядом с Халласом. За спину солдата был заброшен склот.

— Действуйте по обстановке, дружище. Так, чтобы желтоглазые гниды из-под щитов и носа не могли казать! Милорд Лакстерский! Окажите мне честь — возьмите на себя командование центром.

Высокий и совсем еще нестарый дворянин вздрогнул от неожиданности, но тут же расплылся в благодарной улыбке и сдержанно поклонился:

— Это вы мне оказываете честь, милорд. С вашего позволения пойду к солдатам.

—Удачи, милорд. Что бы ни случилось, не проваливайте центр слишком глубоко. Действуем по плану.

Командующий центром еще раз поклонился и поспешно вышел из шатра. Вроде милорды Белый конь и Пустоголовый храбрец остались очень недовольны этим назначением. Во всяком случае, рожи у господ дворян были такие, словно им в штаны кактус положили.

— Итак, что мы имеем? Тысяча лучников и две тысячи пехоты на правом фланге. Три тысячи линейных и двести пятьдесят арбалетчиков в центре. Будем надеяться, что пики удержат Первых от соблазна попортить нам кровь. Левый фланг... Баронские дружины и Клоуны. Гимо, пусть твои ребята не спят. Я беру левый под свое командование. Устоим, бароны?!

— Устоим! — дружно заревели бородачи.

— Тысяча четыреста кавалерии в резерве. Милорд! Я надеюсь на ваш разум! Пока не будет моего сигнала, резерв остается на месте. Кавалерии на этом поле сегодня делать нечего!

Дворянин кивнул.

— Милорд! — В шатер вбежал запыхавшийся воин.— Орки заметили баржи и выстраиваются в боевой порядок!

— Как?

— Два отряда.

— Клянусь Сагрой, один из них решится на прорыв! Грэно! Общая готовность! И приведи коня, недотепа! Господа, не смею вас задерживать. Вы и так все не хуже меня знаете. План кампании уже три раза перемололи. И помните! Не суйтесь вперед! Солдаты мне понадобятся в Приграничье! И еще! Берегите господ магов! Именно они хранят ваши задницы от зубов орочьего шаманства. Свободны!

Люди стали поспешно покидать шатер. Оро Габсбарг, склонившись над столом и водя толстым пальцем по карте, что-то втолковывал зеленоволосому командиру Клоунов. Затем барон оторвался от карты, и маленькие черные глазки уставились прямо на меня. Секунду ничего не происходило, а затем красная рожа милорда растянулась в довольной улыбке.

— Клянусь Фарахоллом, если передо мной не вор со всей честной компанией! — взревел барон.— Вот уж не думал, что нынче из Заграбы возвращаются живыми!

Барон, несмотря на свою огромную фигуру, каким-то образом быстро оказался рядом и от души хлопнул меня по плечу своей огромной ручищей.

— Вы знакомы?! — ошеломленно пролепетал Нэол Ираген.

— Представьте себе, лейтенант! Гимо, будь добр, введи милорда в курс дела, пока я беседую со старыми знакомыми. Грэно! Грэно!! Где мой конь?! Вина неси! Быстро! Проходите, господа, проходите! Не стойте у входа. Треш Эграсса, если не ошибаюсь? Рад видеть вас у себя в шатре. Мастер Фонарщик, слава о вашем искусстве разнеслась по всему Пограничному королевству. Но я не вижу милорда Крысу и других...

— Они погибли.

— Жаль,— опечалился бородач.— Говорил я Алистану Маркаузу, что Заграба — опасное место... Да пребудет он в свете. Но вы хотя бы выполнили приказ короля?

— Да, барон,— сдержанно ответил я.

— Барон? — удивился Габсбарг, а затем расхохотался и вновь саданул меня по плечу.— Ну конечно же вы ничего не знаете! В Заграбе же нет сплетников и тупоумных родовитых хлыщей! Где же она... А вот!

Барон запустил руку в ворох карт и вытащил на свет тяжелую золотую цепь.

— Как это вас угораздило стать герцогом, милорд? — несказанно удивилась Кли-кли.

— Что, малыш, считаешь, что барон Приграничья не может в один прекрасный день стать герцогом и командующим почти десяти тысяч воинов? — ухмыльнулся в бороду Оро Габсбарг.— Грэно! Ты принесешь это растреклятое вино или мне дать тебе в рыло, чтоб по-

шевеливался?! Беда с этими адъютантами, господа. Помню, раз послал его за гусем, очень я, знаете ли, люблю жареного гуся, да чтобы еще с яблоками и... Ну вот наконец и вино! Налей моим гостям, дурак! И давай эти паршивые доспехи! Сам я в них сейчас не влезу. По мне, уж лучше кольчуга, чем такой панцирь. Грэно, затяни потуже! Вот! Так о чем это я? А!

Пока Халлас расправлялся с вином, Оро Габсбарг поведал нам о том, как на него свалилось герцогство. Все началось с того, что люди барона еще в начале сентября поймали разведчиков Первых. Орки, естественно, не сочли нужным объяснять, зачем их понесло на родовые баронские земли. Орков перебили, а одному Первому «повезло» попасть в плен. По воле богов, в дружине Габсбарга нашелся человек, способный развязать врагу язык. Тот-то и рассказал о планах Руки и скорой войне.

Барон поверил, поднял на дыбы округу. Всех крестьян поставил под копье, всех неспособных держать оружие отправил к Фарахоллу. Ему даже удалось взбаламутить несколько пограничных гарнизонов, коими командовали его старые дружки-товарищи. В итоге набралось человек четыреста разношерстной компании. Барон на этом не успокоился и разослал гонцов по соседним баронствам, а также в Ранненг, Шамар, к Ордену и конечно же к королю. Кто-то поверил, но большинство подняло провинциального дворянина на смех. Милорд Альгерт Далли, верный своему обещанию, прислал барону триста латников.

А потом Первые вылезли из Заграбы. Помощи от Пограничного королевства ждать не приходилось, они сами увязли в боях. Тысяча людей против тридцати пяти тысяч орочьей центральной армии — это даже не смешно. Оро Габсбарг не был дураком и начал отступать к Иселине. Отступали организованно и без паники, опережая катящуюся армию орков на один дневной переход. Барон не успокаивался и рассылал депешу за депешей. К отступающим присоединялись все новые и новые баронские дружины, и вскоре армия Габсбарга уже насчитывала десять тысяч воинов (правда, четверть ее состояла из ополченцев, которые, кроме вил, в жизни ничего более угрожающего в руках не держали).

Где-то наверху все же сподобились разобраться в депешах, да и маги, получив предупреждение, на всякий случай приглядывали за Заграбой и Приграничьем. Так что о вторжении орков узнали сразу. Первая южная армия успела вовремя и, соединившись с силами барона, встретила орков в пустошах Приграничья. Двадцать три тысячи встретились с тридцатью пятью и выдержали удар.

Местность располагала к хорошей обороне, и люди стояли, не давая оркам прорваться к Иселине. Король в это время уже перебра-

сывал с севера две армии. Оставалось лишь дождаться помощи и надеяться, что Майдинг выдержит и не откроет дорогу Первым к западному берегу Черной реки. Так уж получилось, что во время очередной атаки орков погиб командир Первой южной армии, и только благодаря действиям Оро Габсбарга люди не побежали. Глубокой ночью измученные и усталые солдаты, которых осталось не больше четырнадцати тысяч, отступили за Иселину, предварительно разрушив паромы и все, что могло плавать в радиусе нескольких лиг.

Пока орки налаживали переправу, подоспела Первая северная армия. На берегу Иселины объединенные силы вновь хорошо потрепали орков, но в решающее сражение ввязываться не стали, а отступили под стены Ранненга.

И вот тут люди встали крепко. Два дня никто не мог взять верх, а затем подоспели свежие силы Второй северной и восемь тысяч наемных отрядов, и армия орков была разгромлена в пух и прах. Как раз к этому времени из столицы прибыл пакет. Сталкон был наслышан о заслугах ранее никому не известного барона и теперь платил долги. Отныне и вовеки веков Оро Габсбарг и его наследники становятся герцогами, правда, без права на корону. Во владения барона отходят земли части Приграничья и бывшее графство Маргенд со всеми вытекающими. Также за боевые заслуги и героические подвиги герцог назначается командующим Второй южной армией.

— Вот так я и стал герцогом. Многим это не понравилось, но их никто не спрашивает. После поражения под Ранненгом орочья армия раскололась. Тысяч двенадцать смогли переправиться через Иселину, за ними в погоню отправились основные силы. Ничего, ребята загонят их сразу в Пограничное королевство, все южные пути перекрыты, и Первые попадут между молотом и наковальней. Часть орков смогла смыться в свой Золотой лес, ну и пусть их! А эти, что сейчас в Подкову попали, переправиться со всеми не смогли. Ну, я их с ребятами и погнал подальше на юг. Вот позавчера утром догнали, и так удачно вышло, что орки здесь оказались... Мне только и оставалось, что кольцо замкнуть. Теперь уже не вырвутся! Вчера пытались прорваться, но лучники хорошо поработали. А расквитаемся с гадами, пойдем в Приграничье, мне еще свои земли надо отвоевывать, да и Первой объединенной надобно помочь. Закончил, Грэно? Тогда подай мне мою секиру, и пойдем громить черепушки. Треш Эграсса, вам нужно сопровождение? Я распоряжусь, а хотите, задержитесь, глянете, как мы этих сучьих котов задами в воду окунем!

— Конечно же мы останемся! — загорелся глаз у Халласа.— Ведь останемся, Эграсса? Два часа роли не сыграют!

— Сколько там Первых? — не ответив, спросил эльф у напялившего на голову шлем герцога.

— Шесть с половиной тысяч против моих девяти.

— Это может быть опасно. Численный перевес не так уж и велик.

— Знаю и поэтому не хочу бодаться с орками лбами. Врубимся в свалку — потеряем три-четыре тысячи. Первые понимают, что шансов у них нет, поэтому драться будут до последнего. Кавалерию тоже не пустишь, мне приказано беречь всадников для войны на равнинах Приграничья.

— Простите, милорд, но кавалерия в тылу опасна для ваших же солдат. Если тот дворянин решит, что настало время вступить в бой, он помнет вашу пехоту.

— Не помнет, мастер Фонарщик. Я к нему человечка с арбалетом приставил.— Барон хитро усмехнулся.— Если вздумает делать глупости, одним графом в Валиостре станет меньше. Политика, понимаете ли! Ну, пора на поле!

Мы стояли на самом краю спешно укрепленного лагеря и наблюдали, как армия Габсбарга сближается с орками. Первые разделили свои силы на два равных квадрата по три тысячи в каждом и, ощерившись копьями, ждали накатывающийся стальной вал людей. Вид отсюда открывался неважный, здесь была низина, а не холм, к тому же расстояние до реки и орков было достаточно большим, и силы Первых отсюда казались двумя темными прямоугольниками.

— Кр-р-расотень! — прорычал Халлас.— Чуешь, Гаррет?!

— Чую. Лошадиным навозом воняет, — кисло ответил я.

— Тьфу ты!

Если бы я следил за сражением с облаков, то Вторая южная армия с воздуха казалась бы идеально прямой линией. Правый и левый фланг шли наравне с центром, а за основными силами шагом выступал отряд кавалерии, находящийся в резерве.

— По мне, так лошадей надо было пустить вперед,— буркнул я, заметно нервничая.

— Много воры понимают в сражениях,— ответил мне Халлас.— Здесь же река рядом. Низина. Почва болотистая. Нормального разбега у кавалеристов не получится, и налетят они на орочьи копья как пить дать!

— Халлас! Побойся богов! Какая болотистая почва?! Снег на дворе! Да земля на ярд уже успела промерзнуть!

— Отстань, Гаррет! Чего ты ко мне с этой кавалерией привязался? Сказано, что нельзя ее здесь использовать, значит, нельзя! Поле глянь какое! Лошади пока разворачиваться будут, своих подавят! Такая куча-мала начнется, хоть плачь!

Армия тем временем остановилась, не дойдя до орочьих щитов четырехсот ярдов. Минута проходила за минутой, но противоборствующие стороны не шевелились. Наконец до нас донеслись мерная дробь и крики. Орки стучали в барабаны и щиты.

— Вызывают на бой.— Эграсса криво усмехнулся и накинул на голову капюшон.— Сами напросились.

На левом и правом фланге армии Габсбарга запели горны, и тут же с барж, находящихся на середине реки, прямо за орками, взлетели сотни ярких точек. Четыреста лучников начали обстрел орков огненными стрелами.

Правый фланг, на котором находилась тысяча Играющих с ветром, накрыл стрелами ближайший орочий «прямоугольник». Орки попали под перекрестный огонь. По отрядам Первых прошла рябь — прямоугольные щиты поднялись над головами, защищая от пикирующей смерти. Волны стрел падали на противника одна за другой, не давая ему опомниться. Наконец орки не выдержали и качнулись в сторону. Командиры выводили своих солдат в менее гибельное место.

— Они постараются как можно быстрее преодолеть пустое пространство.— Мумр, сам того не замечая, стиснул рукоять меча.— Вступить в бой — это единственный шанс избежать стрел.

Четыреста ярдов, что отделяли орков от людей, Первые преодолели за неполных полторы минуты. Воины бежали плотным строем, стараясь не раздвигать щиты, не давать стрелам шанс найти цель. Орки проигнорировали правый фланг, развернуться на него — значит проворонить время и потерять под стрелами еще сотню. Первые стремились ударить в центр, опрокинуть его и тем самым вырваться на свободу. Второй орочий отряд несся к самому слабому (с виду) левому флангу, состоящему из баронских дружин и Клоунов Гимо.

— Сотни три они уже потеряли,— процедил Эграсса, для которого черные точки трупов на белом поле свежего снега были видны так же, как мне мои пальцы.

Лично я с такого расстояния ничего нормально разглядеть не мог и больше ориентировался по комментариям Халласа и Фонарщика. Прежде чем орки сшиблись с людьми, Играющие с ветром успели дать еще несколько залпов. Стрелы прошивали открывшийся левый бок прямоугольника, спешащего к центру, и орки даже на бегу несли немалые потери.

— Как минимум еще сотня,— удовлетворенно заключил эльф.

Двести ярдов...

Сто...

Первый ряд орков, даже несмотря на щиты, внезапно рухнул — в бой вступили склоты Трепачей, стоявших за спинами линейной пе-

хоты. Солдаты организованно отступили назад и принялись перезаряжать оружие.

Сшибка!

Центр и левый фланг приняли на себя удар. Даже отсюда мы слышали грохот и гвалт битвы. Казалось, дрожала сама земля. Реяли и падали знамена. Падали лишь для того, чтобы через секунду вновь взмыть в небеса. Рокотали барабаны. Над рекой разносились низкие, пробирающие до костей звуки боевых рогов. Стало совсем ничего не ясно.

Как я уже говорил, было слишком далеко, чтобы разглядеть детали, люди отсюда были размером не больше оловянных солдатиков. Да к тому же воины армии смешались друг с другом, и шла самая настоящая сеча. Правый фланг наших стал разворачиваться лицом к центру, не решаясь вступить в бой (или выжидая чего-то). Левый был слишком занят свалившимися на них неполными тремя тысячами гостей из Золотого леса. Бой разгорался все сильнее и сильнее.

— Какого хрена правый фланг спит?! — заорал Халлас.— Да помогите же центру, идиоты!

Но гнома конечно же никто не слышал. Кавалерия тоже стояла как вкопанная, всадники даже не собирались вступать в свалку.

— Кажется, все пошло не так, как планировали! — тоненько пискнула Кли-кли.

— Все пошло не так! Первые не собирались принимать смерть под стрелами и бросились не на правый, к лучникам, а на не ожидающий подвоха левый!

— Еще не вечер.

— Да какой там вечер, Эграсса?! — простонал гном, всплеснув руками.— Они же отступают!

Халлас был прав. Центр армии, не выдержавший орочьего натиска, медленно отступал. Люди еще могли устоять, вцепиться в землю зубами, сдвинуть ряды, но малодушие уничтожало и не такие армии. Сначала не выдержали стоявшие в задних рядах Трепачи. Они развернулись и побежали к лагерю. Затем дрогнули остальные отряды, и центр стал стремительно проваливаться все глубже и глубже.

Орки, окрыленные победой и видящие перед собой лишь отступающих людей, совершенно забыли о тихо и мирно стоявшем все это время правом фланге. Центр уже достаточно сильно отступил назад, и Первые, преследуя людей, оголили левый бок и тыл.

Внезапно загудел рог, и центр прекратил бегство. Трепачи остановились и, поспешно развернувшись, бросились назад. Орки так ничего и не поняли, а когда у кого-то из них хватило ума обернуться, было уже слишком поздно. Разгуляки Рого и Кошачьи алебарды,

до этого не участвовавшие в сражении, словно таран ударили в спину слишком увлекшихся преследователей.

Над полем разнесся многоголосый стон, и началось форменное избиение. Теперь гвалт был такой, что хоть уши затыкай. Звуки рогов напоминали рев смертельно раненных мамонтов. Даже небеса грохотали в унисон ударам оружия о щиты. Центр и правый фланг все больше и больше сближались, а орков становилось все меньше и меньше.

— Сейчас начнется! — проорала гоблинша.— Шаманов порубили! Орки остались без магической поддержки!

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую! Смотри!

С неба с треском сорвалась ослепительно голубая нитка молнии и ударила в самую середину зажатых Первых. Затем последовало еще несколько страшных ударов. Маги Ордена вступили в игру. Пока мы наблюдали за тем, что творится в центре, на поле произошли изменения. Пять сотен господина Штургеля и тысяча лучников — другая часть правого фланга — спешили через поле на подмогу все еще каким-то чудом державшемуся левому флангу Оро Габсбарга. На этот раз орки не зевали и, оставив порядком потрепанный левый фланг людской армии, начали организованно отступать к Иселине.

Я пропустил тот момент, когда успели ввести в бой конный резерв. Останься орки на месте, и всадники не решились бы ударить, боясь помять своих же, но сейчас Сагра дала людям шанс, и кавалерия, едва не задев своих же лучников, словно молот рухнула на не успевших поднять копья орков.

Всадники в два счета разметали уцелевших врагов по полю. Разворачиваясь, кавалерия потопталась на том, что раньше было орочьими солдатами, напоследок задев уцелевших левым крылом. И отошла через широкую брешь, которую создали разошедшиеся в стороны воины левого фланга.

Тем временем центр и правый фланг полностью разделались со своей частью работы и теперь, топчась на месте, разворачивались в сторону реки.

Помощь не потребовалась.

Орков, разметанных по всей береговой линии, осталось не более шести сотен, и за дело вновь взялись Играющие с ветром мастера Куна. Первые не смогли оправиться от удара кавалерии, создать плотный строй и теперь десятками гибли под стрелами, метаясь вдоль берега Черной реки.

— Сегодня Валиостр расплатился за поражение под Болтником.— Глаза Фонарщика горели.

Даже наитупейшему из всех доралисских вождей было ясно, что это победа.

Подоспели Трепачи, и их тяжелые склоты внесли свою лепту в избиение армии Первых. Затем орденские маги, тоже решившие урвать себе кусочек славы, взялись за дело, и черная вода Иселины возле самых барж вспучилась и, превратившись в огромную змею-кнут, ударила по берегу, сметя оставшихся в живых в воду. Спустя несколько мгновений все было кончено и дружный победный рев тысяч людей накрыл Маргендскую подкову.

Через неделю после битвы мы оказались в Ранненге. Герцог Габсбарг, прежде чем его армия начала форсировать Иселину, выделил нам в сопровождение сорок всадников. Предосторожность оказалась излишней — за все время пути до южной столицы мы не встретили никакой, даже самой что ни на есть маленькой опасности. Чуть ли не на каждом перекрестке и в каждой не пострадавшей от войны деревушке можно было видеть солдат в бело-малиновых туниках, надетых поверх кольчуг и теплых курток. Бездушные егеря неусыпно следили за порядком и отлавливали тех, кто пытался ловить рыбку в мутной воде, появившейся в нашем славном королевстве после приключившейся войны.

Несколько раз мы натыкались на развешанные вдоль дороги тела. Бездушные на то и были Бездушными, что вешали мародеров, дезертиров, насильников, спекулянтов и прочих злодеев без суда и следствия. Может, это было несколько жестоко, зато вполне эффективно.

Пока добирались до Ранненга, наступила самая настоящая зима. И это несмотря на то, что была середина ноября. Снега навалило много, да и холода стояли такие, что хоть вторую пару перчаток надевай. Думаю, всем понятно, что сидеть в такую погоду на лошади — удовольствие небольшое, так как спустя несколько часов перестаешь чувствовать собственные руки и ноги. По примеру Фонарщика я замотал свою физиономию шарфом, и это хоть как-то оберегало от холодного ветра, так и норовившего плюнуть в лицо. Для себя я решил, что если когда-нибудь еще соберусь путешествовать, то только летом. Лучше уж пусть солнце печет голову и шею, чем холод жжет руки и ноги.

Всадники Габсбарга довели нас до Ранненга и, не задерживаясь даже на день, умчались прочь, догонять Вторую южную армию. Есть же на Сиале безумные люди, которым не терпится по своему собственному желанию вступить в бой!

Если честно, то после летних приключений я не воспылал любовью к Ранненгу. То, что я увидел сейчас, еще больше укрепило меня

в убеждении, что в южной жемчужине Валиостра нам делать совершенно нечего.

Город задыхался от наплыва беженцев, которых война согнала с насиженных мест. Отчего-то все решили, что городские стены являются надежной защитой от орков, да и выжить здесь легче, чем в какой-нибудь крестьянской глубинке. Поэтому народу сюда навалило столько, сколько не приснится в страшном сне. Естественно, городская стража перестала впускать через ворота всех желающих, и под стенами города с катастрофической скоростью появлялись палатки, шатры, землянки и все то, что могло сойти за жилье. Вокруг горели костры, на топливо шел не только заметно поредевший ближайший лес, но и все, что под руку попадется. Кругом грязь, да такая, что я начал опасаться, что в Ранненге, несмотря на холода, в самом скором времени вспыхнет какая-нибудь особенно мерзкая зараза. А нам только чумы-медянки для полного счастья и не хватало.

— И что теперь, Эграсса? — скептическим голоском осведомилась Кли-кли.— Неужели ты жаждешь остановиться в такой помойке?

— Нет. Попробуем пробраться за городские стены.

— Не выйдет, бороду даю на отсечение! Ничего у нас не выйдет. Там толпень такая, что и пытаться не стоит. Нам ведь только переночевать надо, да? Может, найдем какой-нибудь трактир за пределами городских стен? Раньше их было много.

— Не уверен, что будут свободные места, Халлас. Но давай попробуем.

Лошади продирались сквозь грязную многолюдную толпу, запрудившую дорогу. Воняло дымом многочисленных костров и отбросами. Кто-то возле ближайшей землянки готовил ужин. Я толком не присматривался, но, кажется, жарили крыс. То и дело взгляд натыкался на стражников. Ребята предпочитали не рисковать и наблюдали за соблюдением закона в составе отрядов, насчитывающих десять, а то и более человек.

Как и предполагал Эграсса, все места в трактирах оказались заняты. Лишь в шестом по счету нам предложили переночевать на конюшне всего за три золотых монеты. Халлас чуть собственную бороду не проглотил, но Эграсса, не раздумывая, заплатил. Сейчас было не до экономии. Такую же сумму пришлось выложить за скудный и жалкий ужин. Счастливчик бродил по конюшне мрачнее тучи и мечтал о том, что бы он сделал с трактирщиком, будь на то его воля. Гном переживал так, словно выложил деньги из собственного кармана, и не мог успокоиться до тех пор, пока все не стали укладываться спать.

Мне снилось, что на мою голову медленно опускается меч. Я пытался вырваться из зыбкого сна, убежать, но ничего не получалось, и

смерть была все ближе и ближе. Затем клинок упал, и я проснулся. Как оказалось, это Угорь отчаянно тряс меня за плечо. Вроде еще была глубокая ночь, но уже никто не спал. В скудном свете масляного фонаря Фонарщик и Эграсса поспешно седлали лошадей, Кли-кли и Халлас складывали вещи.

— Гаррет, вставай! — вновь потряс меня Угорь.

— Что случилось? — Я ничего не понимал.— К чему такая спешка?

Щека гарракца дернулась.

— Одинокий Великан пал!

Глава 19
ПОЛЕ ФЕЙ

Это казалось сущим безумием. Продолжение моего кошмара, который вдруг стал явью.

Даже спустя два дня с тех пор, как мы вихрем вылетели из Ранненга и направились в Авендум по Новому тракту, мне да и моим товарищам все еще не верилось, что Одинокий Великан — самая знаменитая и неприступная крепость Северных земель пала. Разрушена. Уничтожена. Стерта с лица земли армией Неназываемого.

Все считали, что, пока Рог Радуги не лишится последних сил, Неназываемый и носа не покажет из-за Игл Стужи. Надеялись, что раньше середины весны нам и думать нечего о колдуне. Кто рискнет ломиться через Безлюдные земли зимой? Это же сущее безумие!

Неназываемый рискнул и нанес страшный удар. Орден прозевал это нападение, все были слишком заняты югом и орками, и армия колдуна без труда добралась до цитадели. Дикие не ожидали нападения, но все же удерживали врага под стенами крепости целых четыре дня. Стояли на смерть до тех пор, пока оставались силы. По стране расползались слухи один другого хуже. Кто-то говорил, что все Дикие погибли. Кто-то, что части воинов удалось оставить крепость и отступить. Одни талдычили, что стены бастиона уничтожил Кронк-а-Мор, другие — что среди Диких были сторонники Неназываемого, которые открыли ему ворота.

Мы приближались к Авендуму не щадя коней. Все еще можно было поправить, надо всего лишь добраться до Арцивуса и Совета Ордена, а они-то уж вольют в Рог Радуги силы. Неназываемый без своей магии не опасен, а с его армией мы как-нибудь справимся. Должны справиться.

Колдун ловко подгадал время для нападения на страну. Именно сейчас, когда наши силы оттянуты за Иселину, север был особенно

уязвим. Если король решится дать генеральное сражение... Успеет ли он набрать нужное количество солдат?

Естественно, не все воины ушли на юг. Кто-то ведь должен был остаться на северных рубежах. Хоть кто-то...

Новый тракт был запружен народом. Если после известия о вторжении орков все бежали на север, то теперь беженцы сотнями уходили на юг или на запад, надеясь, что там их Неназываемый не достанет. Пешие, конные, на повозках, телегах, санях, а то и в каретах люди мечтали лишь об одном — как можно дальше оказаться от места, где скоро начнется война. На лице каждого, словно посмертная маска, стыла печать испуга.

Эграсса нещадно подстегивал лошадь, пер напролом, через толпу, невзирая на крики и ругань. Мы старались не отставать. Это была самая настоящая гонка, призом в которой являлась победа в войне. Безумная скачка, в которой проверялась выдержка людей и лошадей. Кто сдастся первым? Кто запросит пощады?

Первая лошадь пала на второй день. Это оказался конь Угря. Гарракец вовремя успел соскочить с падающего животного и тем самым избежать травм. Дальнейший путь воин продолжил на лошади Кли-кли, усадив гоблиншу позади себя. Но такая спешка долго продолжаться не могла, и уже к вечеру наши кони едва могли стоять на ногах. Еще чуть-чуть — и оставшийся до Авендума путь придется преодолевать пешком.

На окраине большой и богатой деревни Эграсса остановил отряд:

— На ночь останемся здесь. Надеюсь, в трактире найдутся свободные места.

— Я готов спать на улице, лишь бы лошадей свежих найти,— произнес Угорь.

Не говоря ни слова, мы направились к одноэтажному бревенчатому зданию. На нем висел знак гильдии трактирщиков и название трактира, намалеванное на жестяном листе,— «Ы».

— Оригинальное имечко, ничего не скажешь! — презрительно фыркнула Кли-кли.— Если и хозяин под стать названию, то я опасаюсь за свой живот.

— Можешь подремать в сугробе, а с утра мы тебя разбудим,— предложил я ей.

— Добрый ты парень, Гаррет. Я просто млею,— не осталась в долгу гоблинша.

Заведение оказалось не так уж и плохо. По крайней мере, здесь было чисто. И что самое главное — народу не очень и много. Я насчитал одиннадцать человек вместе с толстым трактирщиком. Увидев нас, хозяин начал нервничать. С чего бы это? На разбойников

мы вроде не похожи. Остальные присутствующие в зале на нас никак не прореагировали и продолжали дуть свое пиво.

— Места есть? — взял быка за рога Фонарщик.

Трактирщик хотел было соврать, но бросил взгляд на угрюмого эльфа и передумал.

— Да, благородные господа.

— Хорошо, тогда мы остаемся.

Хозяин бросил на нас умоляющий взгляд, незнамо отчего вспотел, но промолчал и повел показывать комнаты. Мне, как всегда, полагалось делить жилье с Фонарщиком и Кли-кли. Устроившись, мы первыми вернулись в зал. Никто из наших еще не подошел, да и в трактире ничего не изменилось. Как сидели с десяток пьянчуг, так и продолжали сидеть. Мы расположились у стойки и ожидая, пока Халлас, Угорь и Эграсса спустятся к нам и будет готов ужин, заказали по кружке пива.

Кли-кли, естественно, потребовала молока, и что удивительно — ей его сразу же предоставили. Трактирщик продолжал усиленно потеть. Вот странно — здесь, конечно, натоплено, и натоплено знатно, но не настолько же! Когда этот странный дядька наливал нам с Мумром пива, промахнулся мимо кружек. У него сильно дрожали руки.

— Лошадей в деревне купить можно? — между делом поинтересовался у хозяина Фонарщик.

— Может, и можно, господин. Я, если честно, про то не ведаю.

— Как не ведаешь? Ты же здесь живешь!

— Да я, право, не интересовался раньше ими. Вот кто чего из съестного продает, это я сказать могу. Колбаса, например...

— Да на кой нам твоя колбаса! — отмахнулся Фонарщик.— А собственных лошадей продаешь?

— У меня нет лошадей.

— Чего врешь-то? Я, когда на конюшню заходил, самолично десятерых зверюг видел! Или это не твои?

— Не мои, господин. Постояльцев.

— Ясно,— разочарованно протянул воин и уткнулся носом в пивную кружку.

— Новости с севера есть? — настала моя очередь задавать вопросы.

— Бегут люди,— вздохнул хозяин и нервно глянул мне за спину.— Пришла беда, когда не ждали.

— А что король?

— Армию собирает. Со дня на день битва будет. Так говорят.

— А Орден?

— Маги-то? Ждут чего-то. Это их винят в том, что Неназываемый пришел.

— Кто винит?

— Все.

С этими словами он отошел, оставив нас в одиночестве.

— Странная ситуация, не находишь, Гаррет? — задумчиво процедила Кли-кли.— Наш хозяин что-то уж слишком нервничает, словно ему к горлу приставили ножик.

— Может, ему твоя физиономия не понравилась.

— Может,— серьезно кивнула головой маленькая гоблинша.— А может, тут что-то другое.

— Что, например?

— Ты не заметил еще одну странность? В конюшне десять лошадей, в зале десять человек. Они сидят по двое и занимают пять столов. Причем сидят так, что закрывают выход из трактира.

В моей голове тревожно звякнул колокольчик.

— Совпадение,— все же проговорил я, теперь понимая, что мне так не понравилось.

— Угу. — Она незаметно опустила левую руку на рукоять метательного ножа.— Именно совпадение. Мумр, ты нас слушаешь?

— Еще как!

Фонарщик, сощурив глаза, смотрел на металлическое блюдо, прислоненное к стене. Оно было отполировано до зеркального блеска, и в нем прекрасно отражался весь зал.

— Ну так вот, еще одна странность в том, что они хоть и сидят по двое, но совершенно не разговаривают. Прямо могильная тишина.

— Мы тебя поняли, Кли-кли. Ты пой песенку, и погромче,— предложил я ей.

Кли-кли послушно запела незатейливую песню.

— Что будем делать?

— Пить пиво и ждать, когда спустятся наши, — ответил Фонарщик

— Похоже, они тоже этого ждут.

— Знаю. Решили взять всех разом. Арбалет у тебя заряжен?

— Как всегда. Кто они такие?

— Не все ли равно, кто перережет тебе глотку? — Мумр не отрывал взгляда от «зеркала».

Кли-кли продолжала петь и плести пальцами невидимый мне узор.

— Не вздумай! — процедил я, обращаясь к ней.

Она словно и не услышала. Громкие шаги, раздавшиеся из коридора, что примыкал к трактирному залу, известили нас и странных неизвестных о приближении по крайней мере двоих постояльцев.

Лично я без труда узнал шаркающие шаги Халласа. Хозяин трактира проворно нырнул под стойку. Это послужило сигналом к действию.

Кли-кли небрежно щелкнула пальцами, и позади нас на долю мгновения полыхнула яркая вспышка. Раздались вопли боли и ярости. Двое гадов закрывали глаза руками, еще один не переставая вопил и катался по полу. Остальные хоть и были ошеломлены неожиданным волшебством, бросились к нам. У всех в руках было нечто острое и опасное для жизни.

Кли-кли, не церемонясь, бросила первую пару ножей, я лупанул из арбалета, принялся перезаряжать оружие, гоблинша отправила в полет вторую пару. Мумр преградил дорогу нападающим, размахивая биргризеном из стороны в сторону. Ребята, опасаясь быть нашинкованными, поостереглись лезть напролом, и тут в зал ввалились Халлас с Угрем.

Дикие не стали разбираться, из-за чего весь сыр-бор. Чтобы начать действовать, им вполне хватило увидеть нас, прижатых к трактирной стойке, и пятерку нехороших и до зубов вооруженных парней. Оба врубились в свалку, Мумр тоже не зевал. Столы и скамьи так и падали. Я стрелять поостерегся, боясь попасть в своих. А вот Кли-кли, не раздумывая, швырнула мою пивную кружку и попала одному из напавших на нас аккурат в голову.

Халлас безжалостно прикончил упавшего, и последний из оставшихся в живых разбойников, поняв, что дело плохо, бросился к двери. Я выстрелил и, как назло, промазал. Парень выскочил на улицу, Угорь бросился за ним. Раздался вопль, и спустя мгновение в трактир вошел хмурый Эграсса с окровавленным кинжалом.

— Только не говорите мне, что этот был последним и вы не догадались хотя бы одного оставить в живых.

— Он был последним, Эграсса. Ты через окно вылез?

Эльф не ответил Кли-кли, лишь выругался.

— Все было несколько неожиданно. Мы даже не подумали о «языке».

— Я сам виноват. Не надо было мне приканчивать беглеца. Ну что уж теперь поделать.

— Чего хотели эти хмыри? — Халлас нехорошо поглядел на валяющиеся на полу трупы.— Ну и разгром здесь!

— А где трактирщик?! — осенило меня.

— Я здесь, благородные господа,— испуганно пролепетали снизу.

Мумр запустил под стойку руки и явил всему свету испуганного хозяина.

— Вот ты-то нам и расскажешь, что было нужно твоим друзьям!

— Они не мои друзья! Нет! — с ужасом проблеял перепуганный человек.

Если Фонарщик не перестанет строить такие грозные рожи, то этот дядечка точно хлопнется в обморок.

— Не твои?! Тогда кто они такие?!

И трактирщик, стеная и заламывая руки, рассказал. Парни приехали в трактир под вечер прошлого дня, напугали его до смерти, приставили нож и посоветовали вести себя тише воды ниже травы, словно ничего не случилось. Постояльцы не были дураками и смылись из опасного места, даже не соизволив заплатить. Ни стражи, ни егерей поблизости нет, так что оставалось лишь молиться богам да надеяться, что все закончится хорошо. Раньше он этих ребят не видел, но они точно не разбойники. Сразу видно, что люди серьезные.

— Серьезные! — хмыкнул Мумр, отпуская пленника.— Может, и серьёзные, но дураки еще те. Так просто дали себя перебить.

— Может, они не нас ждали? — предположил я.

— Да нет, именно нас.— Угорь перестал изучать карманы убитых.— Все так, как я и предполагал.

На ладони гарракца лежало золотое колечко с гербом ядовитого плюща.

— Слуги Неназываемого.

Я и думать о них забыл, зато они забыть о нас не смогли.

— Слуги Неназываемого?! — с ужасом повторил трактирщик, враз побледнев.— Нет, добрые господа! Я не знаю этих душегубов! Горе-то какое! Если местные прознают, кто тут лежит, они же мой трактир подпалят! В первую ночь как пить дать красного петуха пустят!

— Хватит ныть! — грубо оборвал стенания несчастного гном.— Хочешь, чтоб трактир еще сто лет простоял, избавься от мертвецов. И порядок наведи! А мы, так и быть, назавтра забудем твою рожу и ничего не скажем ни Бездушным, ни Королевским песочникам.

Трактирщик, во весь голос воздавая хвалу богам и добрым господам, опрометью бросился исполнять поручение.

— Как они нас нашли, хотел бы я знать.

— Какая разница как? Главное, что нашли, Гаррет. Неназываемый не оставил надежды заполучить твою дудку.

— Она не моя. Что нам теперь делать?

— Что делать, что делать... Не знаю, как вы, а я иду спать,— вздохнул Халлас и слез со скамьи.— Время позднее.

— А ужин? — изумилась Кли-кли.

— Чего-то мне расхотелось.

— Одно хорошо,— усмехнулся Эграсса,— нам не надо будет искать и покупать лошадей.

На этот раз я знал, что сплю и что, несмотря на кажущуюся реальность, этот кошмар можно прекратить, стоит лишь открыть глаза — и ничего не будет. Я мог, но не хотел проснуться. Тихий голос Вальдера в моей голове безостановочно твердил, что этот сон очень важен. Я пытался возмутиться, постарался отбросить от себя его голос, но архимаг умел быть убедительным.

Я сдался. Оставалось лишь смотреть и запоминать, ежесекундно твердя себе, что все, что сейчас творится со мной, уже было, пускай и совсем недавно. Все это не со мной... Не со мной... Это только сон...

День обещал быть ясным, несмотря на то что прошлым вечером опять пошел снег и все небо затянуло тучами. Даже мороз, вот уже неделю сжимающий весь север в холодных объятиях, на время отступил, и солдаты перестали опасаться, что оружие примерзнет к рукам.

С самого раннего утра армия Сталкона ожидала появления войска Неназываемого. Конная разведка докладывала, что до передовых отрядов противника не больше двух часов пути. А еще говорили, что против неполных двадцати восьми тысяч армии Валиостра Неназываемый поставит как минимум шестьдесят. Лейтенант королевской гвардии Изми Маркауз полной грудью вдохнул в себя свежий утренний воздух. Сегодня им придется туго. Королю и его командующим и так удалось сотворить чудо и даже при отсутствии двух северных армий набрать восемнадцать тысяч регуляров, три тысячи наемников и семь тысяч ополченцев. Король ждал еще пятнадцать тысяч, которые маршем шли к Авендуму от границы с Исилией, но даже дуракам было ясно, что они не успеют и доберутся, лишь когда битва будет выиграна или проиграна.

— Что думаете, лейтенант? Припечет?

— Припечет, Вартек.

— Место уж больно плохое.

— Ничего лучше не нашли. Не у Авендума же встречать гостей? Стены нас не спасут, а здесь сама земля на нашей стороне. Как ребята?

— Спорят, кто первым убьет вражеского воина.

— Они же знают, что королевская гвардия не вступит в бой, пока худо не придется. Наша задача — беречь короля.

— А Бобровые шапки на что? — недовольно пробурчал Вартек.— Я слышал, что нас всех в левый резерв центра ставят.

— Я тоже это слышал,— пожал плечами Изми.— Успеем еще секирами намахаться. Или не терпится?

— Вы бы надели броню, милорд,— вместо ответа посоветовал маркиз.

— Успеется.

— Легкая кавалерия уже вступила в стычку с передовыми силами, вон за тем леском. Так что, может, и не успеется.

— Милорд! — подбежал воин с бумагой.— От командующего центром!

Изми пробежался взглядом по строчкам и кивком показал посыльному, что тот свободен.

— Вартек, давайте к нашим. Оставьте с королем сто, нет, лучше сто пятьдесят гвардейцев, а со всеми остальными — на левый склон.

— Так все-таки нас запихнули в резерв! — Вартек недовольно нахмурился.

— Исполняйте, гвардеец! — Голос Изми Маркауза стал жестким.

— Да, лейтенант! — Вартек подхватил с земли припорошенный снегом шлем и побежал исполнять распоряжение.

Прежде чем пойти к королю за последними указаниями, Изми еще раз оглядел поле. Кто-то с какой-то дури назвал огромное, чуть ли не в лигу длиной пространство Полем Фей. Отчего в голову пришло это название, лейтенант королевской гвардии не знал, да и не хотел знать. Ну, Поле Фей. Было бы легче сражаться, если бы оно называлось, к примеру, Полем Божьих Коровок или Полем Великого Пророчества?

Вот-вот. Не легче.

Так какая, собственно говоря, теперь разница? Не случайно именно это место и было выбрано на военном совете для генеральной битвы. Оно располагалось в четырех днях пути от Авендума, как раз там, где должна была пройти армия Неназываемого. На южной оконечности высился Прыщ — высокий холм с пологими спусками. Именно на его вершине находилась королевская ставка. Тут же гномы установили два своих дальнобойных орудия и одно ранее не виданное чудовище — мортиру. Вторую мортиру вместе с гномьим расчетом, к сожалению, так и не успели перебросить из Исилии.

Огромный холм был основой всей обороны, и именно на нем располагался центр армии Сталкона. Две тысячи линейной пехоты, пять тысяч кавалерии и шесть тысяч Играющих с ветром. Мощная сила, особенно если учесть, что противнику придется забираться на холм под огнем лучников, находящихся на возвышенности, да и удар кавалерии под горку выходил куда более сокрушительным.

За центр Изми не очень-то и волновался. Шесть тысяч лучников способны остановить кого угодно. Да и на левом и правом фланге

центра находилось еще по тысяче легкой кавалерии. Слева — он со своими людьми, Справа — Лунные жеребцы, ребята лихие, если что — и лучникам помогут, и к правой армии их перебросить всегда можно будет.

За холмом расположили обоз и лекарей.

В полулиге, как раз напротив Прыща, через поле, темнел Регский лес. С севера, огибая лес, справа и слева выходили две дороги. Они шли параллельно друг другу, как раз через все поле.

Левая дорога пересекала Винный ручей и проходила между Прыщом и другим лесом — Лузским. Правая также располагалась между холмом и в меру широкой и не в меру быстрой речкой Кизевкой. Прямо на дороге между холмом и речкой находилась небольшая деревушка — Точеные Луки.

Именно она и послужила основой для базирования правой армии. Решение расположить солдат в Точеных Луках оказалось верным. Если противник попрет по правой дороге, то ему обязательно надо будет пройти через деревню, иначе придется или лезть на холм под огонь лучников, или плыть по реке. За фланги правой армии можно было быть спокойным — они надежно защищены.

За неделю армия превратила Точеные Луки в маленькую крепость. Вырыли ров, куда пустили воду из реки, насыпали крепостной вал, натыкали в него кольев на зависть всем ежам Сиалы, разобрали почти все дома и строительный материал пустили на сооружение стен и вышек для лучников.

Стен построили целых две, и если случится так, что враг возьмет первую, у защитников будет время, чтобы отступить за вторую. Теперь в Точеных Луках засели две тысячи арбалетчиков и три тысячи мечников, набранных из разных отрядов. Гномы поставили на первой стене три пушки. Ярдах в девятистах позади Точеных Лук застыла черная стена двухтысячного резерва.

Куда большие опасения у Вартека возникали по поводу левой армии. Девять тысяч пехоты, четверть из которой были ополченцами и стражниками из Авендума, стояли на дороге между Прыщом и Лузским лесом. Солдат разделили на баталии так, чтобы полностью перекрыть пространство между холмом и лесом. Баталии стояли ярдах в пятидесяти за Винным ручьем.

Несмотря на свою небольшую ширину — всего какой-то жалкий ярд,— ручей был глубоким и не думал замерзать. Раньше тут был мост, но старательные солдаты его разобрали, и теперь вражеской кавалерии придется постараться, чтобы пересечь ручей. Во всяком случае, места для разгона им не будет. Да и вражеская пехота, преодолевая эту преграду, потеряет строй, а значит, прежде чем успеет сдвинуть щиты, получит тяжелый болт в качестве угощения.

Между левой баталией (основой для которой послужили Веселые висельники, снятые с двенадцати кораблей) и Лузским лесом поставили триста эльфийских лучников. Эльфы сами настояли на том, чтобы их направили именно в это место. Изми надеялся, что луки темных помогут левой армии продержаться.

Левая армия Сталкона была самым уязвимым местом в предстоящей обороне. Поэтому и сюда пришлось поставить двухтысячный резерв.

Изми посмотрел вдаль, туда, где возвышалась едва различимая стена Регского леса. На самом берегу Кизевки, прямо у дороги, змеей выворачивающейся из леса, высился замок Нуад. Высокие двадцатипятиярдовые стены и четыре круглые башни грозно высились над трактом. Гарнизон замка — четыреста человек — был пополнен пятьюстами Играющими с ветром. Врагу придется или взять цитадель штурмом и запоздать с наступлением на правую армию, или пройти этот отрезок пути под непрекращающимся обстрелом, ведущимся защитниками Нуада. Также Неназываемого ждал неприятный сюрприз в виде двух гномьих пушек. А если враг все же пройдет, в тыл ему ударят триста всадников, до поры до времени скрывающихся за стенами замка. Не ахти какие силы, но и они способны доставить множество неприятностей.

Перед Изми вырос его оруженосец:

— Милорд?

— Подготовь мои доспехи.

Паренек кивнул непокрытой головой, и Изми пошел к королевскому шатру. Гвардейцы и Бобровые шапки взяли ставку Сталкона в надежное кольцо. Еще несколько воинов, вооруженных страшными фламбергами, охраняли королевское знамя.

В шатре кроме короля и его младшего сына — Сталкона Весеннего Жасмина, что сейчас командовал кавалерией центра, находился глава Ордена магов Арцивус и еще двое неизвестных Изми волшебников — мужчина и женщина. Посохи обоих помечены тремя полосками.

Птицы высокого полета, пускай и не архимаги. Король заметил лейтенанта, приветливо кивнул и подал знак, чтобы тот подождал, пока закончится разговор.

— Это реальный выход из ситуации, Ваше Величество,— продолжил Арцивус, кутаясь в теплый плед.

— А если ветер подует не в ту сторону? На нас?! Мы потеряем армию еще до начала сражения! — отрывисто бросил королевский сын.

— Уверяю вас,— прогудел незнакомый Изми маг.— На людей это заклятие не действует и...

— Напомните мне, господин Балшин,— оборвал король мага.— Мы говорим о том же заклятии, что не далее как летом полностью уничтожило всех жителей деревушки к югу отсюда? Как там она называлась?

— Вишки, ваше величество,— неохотно произнесла женщина.

— Благодарю вас, госпожа Клена. Вы очень любезны. Именно Вишки. Та самая деревня, где вы едва не пленили людей, исполняющих мой особый приказ?

— Это было досадное недоразумение,— попытался защитить магов глава Ордена.— Вору и эльфам ничего не угрожало.

— Охотно верю,— согласился король, хотя в его голосе не было ни капли доверия.— Конечно же им ничего не угрожало, кроме ваших опытов, стоивших мне целой деревни. Когда весной я давал разрешение, ваше магичество, на этот безумный эксперимент, то никак не предполагал, что будут жертвы среди мирного населения!

— Поверьте, Ваше Величество, мы тоже,— заговорила Клена.— Те книги огров, что были у нас, таили в себе ошибку. Она исправлена, и история с Вишками не повторится.

— Вы должны дать разрешение, Ваше Величество,— продолжал убеждать короля старый маг.

— Нет, Арцивус! Вы ведь понимаете, какой это риск?

— Понимаю,— по-птичьи наклонил голову волшебник.— Но вы ведь знаете мою квалификацию... я ручаюсь, что заклятие сработает как надо.

Король молча барабанил пальцами по столу.

— Разведчики докладывают, что у Неназываемого пятнадцать тысяч огров. Пятнадцать тысяч! Они в один присест сметут наш левый фланг и даже не остановятся. После Неназываемого это самая большая опасность, что угрожает Валиостру. Чтобы убить одного огра, понадобится как минимум восемь наших солдат. У нас нет таких сил. Мы можем...— Арцивус специально выделил последнее слово,— можем спасти королевство, если уничтожим огров. Именно для этого я столько лет изучал древние книги этой расы, именно поэтому госпожа Клена и господин Балшин так долго экспериментировали с тем заклятием и добились успеха, пускай путем проб и ошибок.

— Ничего себе ошибка! — заметил принц.— Несколько сотен человек погибло за пару секунд, а вы называете это ошибкой.

— Вам надо лишь отдать приказ, и спустя две минуты ни одного огра в Валиостре не останется. Это очень сильно ослабит армию Неназываемого, Ваше Величество,— не обращая внимания на младшего Сталкона, продолжил магистр Ордена.— Уверяю вас, погибнут только огры.

— Хорошо! — наконец решился король.— Действуйте, и да поможет нам Сагра!

Арцивус кивнул, и Балшин с Кленой, поспешно поклонившись, вышли из шатра.

— Полагаюсь на ваш опыт, ваше магичество. Когда ждать результата?

— Через две-три минуты.

— Так быстро?! — удивился король.— Но не вы ли говорили мне, что из-за равновесия между силами колдуна и Ордена такие сильные заклинания невозможны?

— Это самое простое из всех известных мне заклинаний, Ваше Величество. Его было трудно подобрать, но теперь с ним справится ученик первой ступени. Что же до равновесия, к сожалению или к счастью, все это верно. Пока есть сила в Роге Радуги, совет Ордена способен поглощать силу Неназываемого. Хуже обстоит дело с его свободными шаманами. Мы не сможем уделить им время.

— И что? Моим солдатам суждено быть зажаренными какими-то шаманами?!

— У Ордена есть пять свободных боевых магов. Это те, которые не потребуются нам для создания круга. Если Ваше Величество позволит, я отправлю их в войска.

— Конечно.

Арцивус, кряхтя, поднялся с кресла, оперся на посох и, подозвав своего ученика — Родерика, покинул шатер.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, отец.

— Знаю. Арцивус меня еще ни разу не подводил. Как твои люди?

— Кавалерия рвется в бой.

— Прикажи им спешиться. Лошадей отправьте в обоз.

— Но...

— Слушай, что я говорю. Спешиться всем. От кавалерии в центре толку не будет. Когда заговорят гномьи пушки, лошади взбесятся и самое малое — нарушат строй, а в худшем случае разнесут всю линию обороны. Уж лучше пять тысяч спешившихся кавалеристов усилят линейную пехоту и остановят тех, кто будет прорываться к Играющим с ветром, чем уничтожат своих же товарищей по оружию. Спешиться. Я знаю, что говорю.

— А если на нас выйдет тяжелая кавалерия Рачьего герцогства?

— Что ж, прикажешь лучникам стрелять по лошадям. Не по-рыцарски, зато эффективно.

— Хорошо, отец, я так и сделаю.

— Изми, мальчик мой, забери от моего шатра всех своих людей. Я обойдусь «бобрами».

— Обязанность королевской гвардии — охранять своего короля.

— В мирное время. Во время войны для этого существуют Бобровые шапки. Забирай всех своих людей, вскоре каждый человек будет на счету.

— Жаль, что здесь нет моего отца,— с горечью произнес Изми.— Он бы смог убедить Ваше Величество.

— Я тоже жалею, что Алистан сейчас далеко.

— Мой король! — В шатер влетел очередной адъютант.— Конные лучники борона Тогга столкнулись с передовыми частями Неназываемого и после скоротечного боя отступили из Регского леса под прикрытие Нуада!

— Началось. Командующих армиями ко мне!

— Плотнее крепи! Да плотнее, кому говорят?! Мать твою, ты девку гладишь или рогатку забиваешь?! Так рогатку?! А какого хрена она у тебя в небо смотрит?! Чтобы воробушков не подпускать?! Наклони ее, дурья твоя башка! Вот! А теперь крепи, чтобы ни одна падла на лошади до нас не добралась! Даже не надейся на ручей, он тебя от кавалерии не спасет, а вот добрая рогатка и, тем паче, пика вытащат наши задницы из этой выгребной ямы! И на кой Сагра мне послала в подчинение таких тупых обезьян?!

Джиг с интересом слушал, как какой-то сотник из его баталии костерит ополченцев. Хоть какая-то забава перед боем. Стражник левой рукой прижал к себе алебарду, достал из кармана зубчик чеснока, почистил, запихнул в рот и с наслаждением начал жевать.

— Опять ты эту дрянь жрешь? — скорчив кислую мину, спросил стоявший справа от Джига его напарник по кличке Клоп.

— Не нравится? — ухмыльнулся воин.

— А кому понравится, когда ты благоухаешь, как целый Чесночный ряд с Рыночной площади?! Ты этой вонью не только меня с ума сведешь, но и Неназываемого.

— Хорошо бы.

— Ты полдня только и делаешь, что жрешь свой чеснок!

— Не нравится, можешь уйти. Милорду Лантэну сейчас каждый стражник в Авендуме нужен. Не выстоим мы, вся оборона будет на бароне. Еще не поздно вернуться.

— Не говори ерунды! — раздраженно бросил Клоп.— Я не для того тащился четыре дня, чтобы в самый последний момент свалить домой.

— Тогда не ной.

— Я и не ною. Просто зло уже берет. Полтора часа торчим курам на смех, и никого! У меня ноги озябли.

— Вы не знаете, кормить нас будут? — спросил кто-то из воинов первой линии.

— Это ты у нашего тысячника спроси! — посоветовали откуда-то сзади. Видно, какой-то арбалетчик.

— Я вас накормлю вот этим, если не заткнетесь! — гаркнул проходящий вдоль первой линии баталии сотник и показал кулак.— Словно дети малые! Потерпеть не можете!

— Вот ты тут вместо нас с годендагой али алебардой постой, а мы на тебя посмотрим! Говорим же, мороз ноги жжет!

— Ноги не задница, пожгут, перестанут! А если такой умный, вали домой, к мамочке, и народ мне не баламуть! Ополченцы и так позеленели и животом маются! Еще ты пугаешь!

— Кто там позеленел, а? — вновь донеслось из задних рядов.— Мы не позеленели, мы посинели! От холода!

По шеренгам центральной баталии левой армии пронесся гогот.

Джиг тоже усмехнулся. Быть может, из ополченцев и выйдет толк, благо многого от них в этой битве не потребуется, если, конечно, противник не разорвет строй. Баталия сильна, пока она является цельным и сплоченным организмом.

Джигу и Клопа угораздило попасть в третью фронтальную шеренгу центральной баталии. Первые две шеренги состояли из пикинеров. Парней заковали в железо по самую макушку и выдали вместо пик сущие оглобли, на которые было не стыдно и мамонта насадить. Сейчас пики, словно деревья, смотрели в небо, но, как только начнется бой, им найдется применение. Да и тяжелая броня пикинеров объяснялась просто — ребята удерживали пику двумя руками, и ни о каких щитах не могло быть и речи, а так как основной и самый страшный удар принимают две первые шеренги, им и носить все это железо.

В третьей шеренге стояли алебардисты. У них было единственное и очень простое задание — бить по башке тех, кто каким-то образом умудрится пробиться к первой шеренге. Сразу за шеренгой Джига находились три ряда арбалетчиков. Их роль и того проще — выстрелить и как можно быстрее отойти в пустующий центр баталии, освободив место для четвертой и пятой шеренги пикинеров, вооруженных семиярдовыми пиками.

Этих парней называли «удильщиками». Сейчас все, кто находился за арбалетчиками, стояли, сохраняя промежутки, чтобы стрелкам было куда отступить после залпа.

Сразу за «удильщиками» находилось несколько шеренг совершенно разномастной братии, основной задачей которой было создавать давление на первые ряды в случае столкновения баталии со строем линейной пехоты. Ну и конечно, если шеренги будут порваны, заткнуть на время бреши, пускай и собственными телами. С

этим делом вполне могли справиться и не обученные работать в баталии воины и ополченцы.

В самом центре находились командир, знаменосец, несколько Бобровых шапок, трубачи и барабанщики, которые подавали сигнал для маневра. От центра вновь начинались шеренги, но теперь они шли в обратном направлении. Таким образом, баталия представляла собой грозную силу и была хорошо защищена от ударов с флангов.

— Клоп, куда засмотрелся?

— Да вон, на соседей,— хмыкнул стражник.— Повезло парням, ничего не скажешь. Прямо как за пазухой у Сагры. Говорил же я, что надо было к ним идти.

Слева от баталии Джига стояла еще одна. Эта была крайней и находилась ближе всех к Лузскому лесу.

— Почему за пазухой? — не понял Джиг, обдав Клопа ядреным чесночным духом.

— Потому что у них полно Бобровых шапок и Веселых висельников. Да еще и триста эльфийских лучников под боком!

— Ну что до Висельников, то у них с мозгами не все в порядке. Что до «бобров», так их поставили в третью линию, и алебардистов в ту баталию не брали. А клыкастые... Сагра поймет этих эльфов. По мне так ну их во тьму. Они добрые, добрые, а потом кинжал под ребро сунут!

— Уж пусть лучше они кинжал сунут, чем Неназываемый своей магией меня во тьму отправит. К тому же у эльфов луки, а я слыхал, что темные ими владеют куда лучше Играющих.

— Тебе нечего волноваться, парень,— встрял в разговор ближайший пикинер.— От нас до желтоглазых не больше трехсот шагов. Так что если что, и до наших врагов дострельнут.

— Я не буду волноваться, когда все это кончится.— Ничто не могло улучшить настроение Клопа.

— Расступитесь! Да расступитесь же!

Все взоры обратились на тысячника баталии. С ним было еще двое каких-то людей. Явно не воины.

— Вам, господин, сюда. Вот прямо за ним и вставайте.

Молодой человек в кирасе и легком шлеме, вооруженный коротким мечом, встал прямо за Джигом.

— Эй! Командир! — крикнул кто-то из «удильщиков».— Это как понимать?! Ты что, не видишь, что строй разрушаешь?! На кой нам тут мечник понадобился? Или он через головы будет прыгать?!

— Помолчал бы лучше, бестолочь зеленая! Это не мечник! Это милорд маг! Если хочешь, я могу его на другую сторону баталии поставить.

— Ну, если маг... тогда нет... извиняюсь я, господин хороший.

— Берегите его магичество, ребята. Он вам душонки сбережет, если шаманы Неназываемого шалить будут.

— Сбережем! — дружно рявкнули шеренги.

На лицах многих солдат явственно проступило облегчение. Никто не говорил, но все думали: что произойдет, если по баталии ударят магией. Солдаты способны сражаться с солдатами, но как воевать с шаманами? Сагра услышала их молитвы и прислала магов.

— Вот теперь мы повоюем! — Клоп покрепче перехватил алебарду. Настроение у него явно пошло на поправку.

— Эй, соседи! Со-се-ди! Как вы там?! Не замерзли?! — крикнули из стоявшей справа от них баталии.

— А что, хотите прийти и погреть?! — ответил им задорный голос. Вроде опять кто-то из ополченцев.

По шеренгам вновь загулял хохот.

— Да сидите уж, лапти! Просто если станет холодно, милости просим к нам! — не растерялись те.

— А если у нас станет жарко, тогда вы к нам! Мы щедрые! Всегда теплом и вражиной поделимся! — неожиданно для себя гаркнул Джиг.

Шеренги поддержали его слова дружным ревом.

—Ты это, слушай.— Клоп неловко ткнул Джига локтем в бок.— На вот тебе, может, пригодится.

— Что это? — Джиг посмотрел на протянутый ему комок то ли тины, то ли сухой травы, перевязанный потускневшей от времени тоненькой синей ленточкой.

— Ну...— помялся Клоп.— Помнишь, я как-то в караулке говорил, что у меня бабка ведьмой была?

— Ну?

— Так это ее работа. Амулет. Она говорила, что он заклятия гадкие от владельца отводит.

— Ну?

— Да что ты заладил: ну да ну! — разозлился Клоп.— Берешь или нет?

— А тебе?

— У меня такой же есть.

Джиг пожал плечами, взял пучок травы и заткнул его за пояс. Он не верил сказкам Клопа, но береженого Сагра хранит. Хуже от этого мусора уж точно не будет, да и Клоп успокоится.

— Эй! На кобыле! Как там дела?! Драка будет или можно по домам?! — спросил один из пикинеров у гонца, перемахнувшего через

Винный ручей и направившего свою лошадь между двумя баталиями к холму.

Всадник осадил коня.

— Недолго осталось ждать! — Гонцу приходилось кричать, чтобы дальние шеренги его услышали.— Конные разъезды уже покинули Регский лес. Разведчики вступили в бой на правой дороге, совсем рядом с Нуадом!

— Кто там у них?!

— В основном жители севера! Племена, что живут на Берегу огров! Ну и варвары, разумеется!

— Этих опасаться пока не стоит,— буркнул Клоп.— Толпа.

— А кто по нашу душу?

— Раки! Идут по левой дороге, в получасе от вас!

— Сколько их?

— Много! Восемь тысяч кавалерии и пехоты тысяч пятнадцать!

Кто-то присвистнул, кто-то выругался, кто-то помянул Сагру.

— Шаманов не заметил? — спросил стоявший за Джигом маг.

— Чего не видел, того не видел, ребята! Бывайте! Даст Сагра, свидимся!

— И тебе удачи!

— Береги себя!

Но всадник уже умчался к холму и не слышал пожеланий солдат.

— Ну вот и дождались, Джиг. Уже скоро.

— Ты вроде как задрожал.

— Это у меня всегда так. Еще с тех пор как я взятки в страже стал брать. Нервное. Пройдет. Восемь тысяч кавалерии!

— Выстоим. Они через лес пик до нас не доберутся, не боись. Хотя лучше — боись.

Вдоль баталий пошли жрецы Сагры, наставляя воинов перед битвой. Джиг, как и все воины, забормотал молитву, посвященную богине войны.

Откуда-то с севера донеслось два еле слышных хлопка.

— Магия! — ахнул сосед-пикинер.

— Какая, к Неназываемому, магия?! — успокоил заволновавшихся солдат сотник.— Пушки недомерков на Нуаде заговорили! Видать, там уже пошла потеха!

Воины вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что творится на противоположной стороне Поля Фей, но длинный темный «язык» Регского леса загораживал замок и мешал рассмотреть, что там происходит.

— Смотрите! — крикнул кто-то.

Джиг перевел взгляд с леса на левую дорогу. На той стороне поля появились первые силы армии Неназываемого.

— У нее имя есть? — спросил гном, раскуривая трубку.

— Вообще-то это — он.

— Ну хорошо, у него имя есть?

— Непобедимый.

— Что же, вполне подходит,— одобрительно кивнул канонир, с интересом разглядывая лохматую крысу, надежно угнездившуюся на левом плече Медка.— А меня Одзаном, стало быть, кличут, а ребята Перцем зовут.

— Медок.

— Да я уж знаю. Мне тысячник сказал. Из Диких, если не ошибаюсь?

— Да.

— Слышал я о том, что с вами у Одинокого Великана произошло. Горячо было?

— Меня там не было.

— А... Я слышал, что пятидесяти вашим удалось выжить и выбраться.

— Сорока семи.

— А... Они в твоей сотне?

— Нет, в центре, насколько я знаю.

— Хм? — Гном выпустил колечко дыма.— А тебя тогда каким чудом в правую армию занесло?

— Сказали, что сотник нужен.

— Стало быть, ты со своими ребятами теперь наши бороды охранять будешь?

— Стало быть, так.

— Экий ты немногословный, братец,— пожаловался гном.

— Уж какой есть.

Вдали вновь раздалось: «Бум! Бум!» Гном встал во весь свой небольшой рост, достал маленькую подзорную трубу явно карликовской работы и навел ее на замок, находящийся как раз по прямой линии от Точеных Лук.

— У них там жарко. Уже минут сорок палят. И враг чего-то к нам не спешит. Неужто Лепзан за нас всю работу сделает? А ведь был дурак дураком. Раньше не мог фитиль нормально поджечь, а вон ведь теперь как палит! Помню, случилась у нас в Стальных шахтах одна история...

Медок не слушал словоохотливого гнома и, прислонившись к стене, закрыл глаза. На Поле Фей он оказался достаточно неожиданно. С тех пор как маг'в Кукушке сказал, что Дикий здоров и полностью излечился от последствий орочьего шаманства, прошло не так уж много времени. От силы месяц—полтора.

Покинув Пограничное королевство, Медок добрался до Ранненга, а оттуда до столицы. Здесь надлежало передать письма, что ему оставил Алистан Маркауз. Когда все дела были сделаны и воин решал, что дальше — дождаться возвращения отряда в Авендуме или сразу отправляться к Одинокому Великану,— Неназываемый вторгся в королевство.

Случай столкнул его с Изми Маркаузом, который помнил желтоволосого воина еще по схватке с огром в королевском дворце. Лейтенант гвардии сразу же предложил Дикому взять под свое командование сотню. Медок поначалу отказывался, говорил, что его место с товарищами, с теми, кто выжил после падения Одинокого Великана, но милорд Изми умел убеждать.

Теперь под командованием Медка находилось шесть десятков отчаянных рубак, набранных в Точеные Луки из всех отрядов, и сорок арбалетчиков из отряда северян Шега. Воин, который раньше не командовал более чем десятком, поначалу испугался, но за неделю общения понял, что разницы между десятком и сотней практически никакой. Отдавай приказы да смотри, чтобы ребята не лезли на рожон, когда не надо.

Теперь его сотне отдали приказ охранять одну из трех пушек, расположенных в Точеных Луках.

— Смотри-ка! Этим счастливчикам повезло, клянусь горном моего деда!

Возглас гнома вывел Медка из задумчивости. Дикий встал, поднял с земли огролом и посмотрел налево. К холму на полном скаку неслась кавалерия. Еще один такой же отряд — линия красно-зеленого — направлялся в сторону левой армии.

— По четыре тысячи в отряде! — сощурив глаза, высказал свое мнение Ротт — командир арбалетчиков сотни Медка.— Похоже, «раки» выставили всю конницу. Левым тяжело придется!

— Поднимай ребят! — отдал приказ Медок, следя за катящимся красно-зеленым валом.— Если споткнутся на холме, попрут на нас.

Бам! — содрогнулись небеса, и Медок от неожиданности втянул голову в плечи.

— Мортира с холма жахнула! — хохотнул Перец, задрав голову к небу.

Медок тоже посмотрел наверх и увидел, как дымная свеча возносится к солнцу, на миг замирает в наивысшей точке, словно бы раздумывая, стоит ли ей падать, и с визгом несется к земле.

Гномы на холме просчитались, кавалерия уже миновала тот участок, где должно было упасть ядро, и мощнейший взрыв лишь взметнул в небо землю. Единственным положительным моментом от этого выстрела было то, что лошади задних рядов, не ожидавшие

ничего подобного, перепугались и на некоторое время там воцарился полный хаос.

— Куда палите, мерзавцы?! — заорал Перец, потрясая кулаками, словно его могли услышать.— В молоко лупите, карликово племя! Вы же ее теперь полчаса перезаряжать будете! Косорукие! Кто у них там в расчете?! Жиргзан! Разворачивай орудие! Боги дадут, забубеним кавалерии в левый фланг! Когда нам теперь еще придется пострелять?!

После выстрела мортиры лошадь все еще продолжала нервничать, и Изми Маркауз вновь потрепал ее по шее. Животным не нравился незнакомый шум, но тут уж ничего не поделаешь.

На левом фланге центра все еще было спокойно, резерв не требовался, основная часть битвы была впереди, и воинам королевской гвардии оставалось лишь смотреть, как кавалерия «раков», пришедшая по левой дороге, разделилась на две равные части и, набирая темп, нацелилась на пехоту центра и баталии левой армии.

Бах!

Бах!

За спиной принца бухнуло, и два ядра, просвистев над головами пехоты, понеслись к приближающейся кавалерии. Первое, не причинив противнику никакого вреда, просвистело над всадниками и упало далеко в поле. Второе угодило прямо в несущихся кавалеристов, сшибло несколько человек и взорвалось в центре атакующего порядка.

Даже отсюда были слышны крики людей и ржание раненых и испуганных лошадей. Атакующий строй кавалерии «раков» вновь сломался, и там началось форменное безумие. Всадники едва справлялись со взбесившимися лошадьми, и ни о какой атаке сейчас не могло быть и речи.

— Молодцы, гномы! — крикнул кто-то из стоявших позади пехоты лучников.

Принц обернулся. Стрелки, находящиеся от них всего-то в десяти ярдах, времени зря не теряли. Каждый принес на холм две длинные заостренные жердины. Теперь вокруг лучников возвышался целый лес. Прежде чем добраться до облаченных в легкую броню Играющих, врагу понадобится пробраться через эту преграду. Под стрелами. Ну а если все же угораздит добраться, то воины повесят луки на плечо и возьмутся за мечи.

Бух!

Сталкон подумал, что ослышался, но это действительно выстрелила пушка. Левый фланг неприятельской кавалерии вздыбился, во все стороны полетели ошметки человеческих и лошадиных тел.

— Это из Точеных Лук пальнули, милорд! — обратился к принцу его оруженосец.

— Вижу. Гномам тоже не терпится повоевать.

Тем временем в рядах кавалерии сложилось некое подобие порядка, и «раки» под улюлюканье стоявших на холме отступили в глубь Поля Фей. Принц рассчитывал, что враг оправится от пережитого не раньше чем через пятнадцать минут. Именно столько времени гномам требовалось, чтобы остудить и перезарядить орудие.

Загудел рог, и сотники отдали приказ:

— Алебардисты! В четвертую шеренгу!

— В четвертую шеренгу! Поменяться с пикинерами!

— Арбалетчики, приготовиться! Пятая и шестая линия пикинеров, не спать!

— Пригото-овиться арбалетчикам!

Джиг, словно дело происходило на учениях, а не на войне, без всякой суеты перестроился в четвертую шеренгу и встал полубоком, чтобы у арбалетчиков была возможность свободно пройти мимо него. Клоп, словно отражение, повторил все действия напарника. Единственной заминкой оказался маг, не знающий, что ему делать, но оказавшийся поблизости десятник приткнул волшебника в пустеющий промежуток.

— Алебардисты, в четвертую шеренгу! — донесся приказ из соседних баталий.

Все командующие избрали стандартный вариант защиты от кавалерии. Именно из четвертого ряда при нападении всадников вооруженные алебардами воины могут свободно работать оружием, нанося рубящие удары сверху или колющие — через плечи впереди стоящих пикинеров. Отсюда алебардисты не могли помешать первому и тем паче второму ряду, и алебарды не задевали пик. Бывшие четвертая и пятая шеренги «удильщиков» соответственно становились пятой и шестой.

Вновь запел рог, и по баталиям разнеслось:

— Пер-рвые шеренги, на коле-но! Пики го-о-о-товь!

Воткнув «пятки» пик в мерзлую землю, наклонив оружие так, что, если кавалерия попробует взять баталию нахрапом, ей придется продраться через лес пик, солдаты опустились на колено.

— Втор-рые шеренги! Пики о-овсь!

Второй ряд опустил пики, держа их над плечами сидевшей первой шеренги и на уровне своих бедер.

— Тр-реть-и шеренги! Пики о-всь.

Лес пик присовокупился к уже опустившимся. Воины, стоявшие впереди алебардистов, держали оружие на уровне груди, чтобы не мешать сражаться второму ряду.

Кавалерия была уже близко, ярдах в ста пятидесяти от Винного ручья. Всадники опустили копья, готовясь вспороть баталию, разнести ее таранным ударом, словно молотом.

Джиг наблюдал за всадником первой линии, который, казалось, несется прямо на него. Воин в рогатом шлеме с зеленым плюмажем, в ало-зеленой тунике, скрывающей крепкий панцирь, опустил длинное, украшенное многочисленными ленточками и флажками копье.

В воздухе запели стрелы — это отряд эльфов, стоявший у Лузского леса, начал обстреливать правый фланг кавалеристов. Пускай темные обращаются с луками точно боги, но их всего лишь триста против нескольких тысяч и они не остановят кавалерию.

Грохот стоял неописуемый. Земля содрогалась под ударами тысяч копыт. Низко прогудел рог, и сотники, надрываясь, заорали:

— Пер-рвая линия ар-тов! Пли!

Под ухом у Джига сухо щелкнул склот. На место первой линии арбалетчиков уже встала вторая.

— Пли!

И снова смена шеренг.

— Пли!

Третья волна стрелков поспешно отступила в центр баталии, туда, где их товарищи уже перезаряжали оружие.

— Пят-ая и шест-ая шер-ренги! Р-разом! Пики о-всь!

Пятая и шестая шеренги «удильщиков» уже успели встать на те места, где раньше стояли арбалетчики, и, перебросив пики на левую сторону, дабы не мешать второму и третьему ряду, замерли.

Теперь все три баталии, стоявшие на левой дороге, казались очень большими, очень рассерженными и очень опасными ежами, к которым было невозможно подступиться.

Между залпами арбалетчиков и сменой построения прошло не более восьми секунд. Арбалетчики здорово потрепали передние ряды, да и эльфы продолжали поливать врага стрелами, и теперь лошадям задних рядов приходилось продвигаться по телам убитых, что замедлило их скорость. Да и Винный ручей сыграл свою роль — если первые ряды (теперь в большинстве своем мертвые) успели перемахнуть через преграду, то задние заметили ручей слишком поздно, и десятки лошадей и всадников полетели кувырком, внося еще большую сумятицу в свои ряды.

Приходилось осаживать коней, выбиваться из ритма атакующего строя и тем самым терять знаменитую мощь удара тяжелой кавалерии. Но не по всей длине Винного ручья была свалка. Многие всад-

ники продолжали нестись на баталии, словно собираясь выковырять из центра ненавистных арбалетчиков.

— Держать строй, обезьяны!

— Сто-о-оять! Не бежать! П-и-и-ики!

— Держа-а-а-ать!

— С-т-о-о-о-о-о-о-и-и-и-и-и-м!

Кавалерия накатывала, все ближе, ближе, ближе...

— А-а-а-а-аа-аа-аа-ааа-ааа-аааа-ааа-аааа! — Все баталии издавали один и тот же рев, в котором слышались и предвкушение битвы, и ругательства, и страх, и желание вызвать страх у лошадей и их седоков.

Всадники не были дураками и не собирались лезть на пики.

Кавалерия всегда пугает и всегда считает, что пехота должна побежать. И очень часто пехота бежит, хотя спасением для нее является не бегство, а плотный строй.

Большинство «раков» вовремя развернули коней и теперь неслись параллельно баталиям. Другая часть воинов устремилась в промежутки между ощетинившимися пиками квадратами пехоты. Арбалетчики боковых сторон не решались стрелять по врагу, опасаясь попасть в своих товарищей в противоположных баталиях, зато стрелки задних сторон не мешкали и, как только кавалерия вылетела в тыл, открыли сокрушительный огонь. К ним присоединились стрелки передней части баталии, уже успевшие перезарядить свое оружие.

Но все же среди всадников, атаковавших левую армию, находились и такие, что без всякого страха направили закованных в броню лошадей на пики. Часть из них была глупцами, часть отчаянными храбрецами (то есть безнадежными глупцами), кто-то впал в боевую ярость и удаль, кто-то просто не смог и не успел вовремя остановиться или справиться с лошадью. Фронт баталий принял удар нескольких сотен всадников.

Грохот! Крики! Отчаянные крики! Лязг! Скрежет металла о металл.

От удара кавалерии шеренги качнулись назад. Кто-то упал.

— А-а-а-а-а! — Один из всадников не удержался в седле и, словно выпущенный из катапульты камень, пронесся над пехотой и рухнул где-то в задних рядах.

Джиг очень надеялся, что там гада встретят с распростертыми объятиями.

Впереди была форменная свалка. Пикинеры самозабвенно кололи любого, кто рисковал приблизиться на расстояние удара. Кто-то из всадников поставил своего коня на дыбы и направил на врагов. Конь напоролся животом сразу на четыре пики, рухнул вниз, под-

миная под себя двух воинов первого ряда, всадник ловко соскочил с несчастного коня, замахнулся мечом, стараясь продержаться, пока не появится подмога, но Клоп не спал, и тяжелая алебарда ухнула храбрецу прямо промеж рогов его шлема. Джиг недолго думая добавил от себя, воткнув алебарду человеку под шлем.

Пока на их участке несколько солдат высвобождали пики из тела коня, другой всадник проделал тот же самый маневр, и конь смял часть второй шеренги. В образовавшийся промежуток вклинилось еще двое всадников, а затем еще.

И еще.

Кавалеристы теряли лошадей, но дело свое делали — участок фронтального строя центральной баталии был разорван и находящиеся поблизости «раки» времени зря не теряли.

Джиг рванулся вперед. Задача алебардиста — погасить порыв нападающих, и он, сам не понимая как, оказался в рубке. «Раков» было от силы человек пятнадцать, и только трое из них — на лошадях. Пикинеры взялись за мечи.

Джиг ударил древком алебарды в спину одного, подсек ногу другому, что есть сил, хорошенько размахнувшись, пробил шипом алебарды тяжелый панцирь какого-то благородного воина. Клоп, невесть как оказавшийся поблизости, перерубил ногу коню, и всадник упал прямо на заботливо выставленную пику какого-то воина.

Клоп встать не успел, кавалерист, находившийся поблизости, ударил сверху вниз и пригвоздил стражника копьем к земле. Джиг закричал и атаковал. Всадник подставил щит. Стражник ударил еще раз, зацепил крюком алебарды врага за шею, рванул на себя, стаскивая с лошади. Вновь подоспел кто-то из пикинеров и расправился с оглушенным в результате падения из седла и теперь беспомощно лежащим на земле человеком.

— В строй! — рявкнули Джигу, и какой-то воин пихнул его назад.

Он послушался — Клопа уже не вернуть. Прорыв кавалерии был остановлен, пикинеры восстановили шеренги.

— Ар-ты, пли!

Вновь запели арбалеты. Теперь к фронтальным шеренгам арбалетчиков прибавились стрелки задних рядов, уже успевшие расстрелять тех всадников, что проскочили в тыл.

Неся сокрушительные потери под стальным дождем арбалетных болтов, остатки кавалерии Рачьего герцогства благоразумно отступили.

— Первая шеренга с колена! Алебардисты! В третью шеренгу и-раз! Воль-н-наа! Пики в воздух! Рогат-ки из зем-ли! На десять шагов! Под барабанный счет! На-зад!

Джиг послушно топал, отходя вместе со всеми. Впереди остался участок, устланный телами людей и лошадей.

— Эй, приятель!

Джиг не сразу понял, что обращаются к нему. Это был знакомый пикинер.

—Рад, что ты остался жив.

— Я тоже.

— Здорово ты того гада за шею с кобылы стянул! Молодец!

— Мало ему! Он Клопа убил.

— Видел. Жаль парня, но и мы их здорово потрепали.

— А они нас?

— Десятков восемь полегло.

— Сто-ять! — отдали приказ, и армия остановилась.

Правая и левая баталия, следуя примеру центральной, тоже отошли назад, сохраняя линию обороны.

— Отдых! — пронеслась по рядам команда.

Только сейчас Джиг понял, насколько сильно он вспотел во время этого скоротечного боя.

Измн облегченно вздохнул. Несмотря на его опасения, левая армия выдержала удар кавалерии, и не только выдержала, но и нанесла ей заметный урон. На земле осталось больше тысячи «раков», в основном погибших под огнем арбалетчиков и луками эльфов. Теперь отступившие части Неназываемого вновь соединились с кавалерией, которая несколько минут назад пробовала на зуб центр. Сейчас уцелевшие всадники перестраивались в широкий атакующий порядок. По подсчетам Измн, их было чуть меньше семи тысяч.

— Я не ошибаюсь, милорд? Похоже, они решили прорваться на холм? — прищурив глаза, спросил Вартек.— Гномы так и не успели перезарядить пушки.

— Опусти забрало и будь готов вести людей на подмогу, если «раки» сомнут пехоту.

— Работайте, карликовы дети! Работайте! — костерил канониров Перец.— Видите, что на поле творится?! Центр — это не левая армия, у них столько пик не наберется! Надо подсобить!

— Да мы и так работаем, Перец! Сам же видишь! — пыхтя, пробасил рыжебородый Жиргзан.

— Значит, медленно работаете! Быстрее перезаряжайте!

— Погоди, Перец! — Медок на время позаимствовал у гнома трубу и теперь рассматривал то, что творится у Нуада.— Разворачивай пушку.

— Чего?! Это еще зачем?!

Дикий молча протянул гному его трубу. Тот посмотрел в указанном направлении и заорал:

— Ух, мать! Похоже, и до нас докатилось! Разворачивай ее! Разворачивай! И засунь это ядро себе в задницу! Картечью заряжай!

— Боюсь, мой принц, гномы не успеют дать повторный залп,— произнес стоявший рядом со Сталконом телохранитель. На эту должность к Весеннему Жасмину было приставлено двое «бобров».

— Трубите готовность!

Он видел неудачную попытку кавалерии прорвать левую армию. Теперь соединившиеся силы «раков» попытаются опрокинуть центр.

— Передайте лучникам, чтобы целились в лошадей! — не отрывая взгляда от приближающегося противника, отдал приказ командующий центром.

— Уже сделано!

— Ваше магичество! Вы способны помочь нам в этой проблеме?

— Я не владею атакующими заклинаниями такой силы, Ваше Высочество,— произнес маг, присланный Арцивусом.— Вряд ли мне удастся за раз уничтожить хотя бы пять десятков.

— А если не за один раз, а за пять?!

— Тогда боюсь, что уже не смогу защитить солдат от магии шаманов.

Принц поджал губы.

— Но думаю, что смогу сделать для вас кое-что полезное.

— И что же?

— Ледяной каток,— сказал маг и улыбнулся.

Изми Маркауз проклял ту минуту, когда его людей отправили в резерв. Центру сейчас потребуется помощь. Такая туча всадников лавиной пройдется по холму и остановится только в Авендуме. Похоже, зря король спешил кавалерию. Так бы у них был шанс. Теперь же на все воля Сагры и удачи.

На левой дороге уже показалась пехота «раков», и ее было до безобразия много. Парни рассредоточивались вдоль Регского леса с явным намерением разом атаковать все три армии Валиостра. В таком количестве они вполне способны провернуть этот трюк. Да и от Нуада к Точеным Лукам уже спешило несколько сотен воинов северных племен. Замок все еще продолжал огрызаться и трепать всех, кто двигался по правой дороге, и противник, судя по тому, что видел Изми, не прекращал попыток взять самый северный оплот ар-

мии Валиостра. Но большая часть войска Неназываемого проходила мимо Нуада, не обращая на ливень стрел никакого внимания.

Армия колдуна вступала в битву прямо с марша, и в этом был единственный плюс обороняющихся. Приди враг всем скопом, выжди, и оборона была бы раздавлена, словно спелая ягода. А так у Валиостра оставался шанс — надо было лишь бить тех, кто шел впереди, затем следующих и так до бесконечности, пока хватит сил. Слава Сагре, что противник лишился огров.

— Ты глянь! Ты глянь! Какая силища-то прет! Похоже, ребятам в центре будет туго! — выкрикнул кто-то из пикинеров.

—Погоди хоронить, парень,— сплюнул сосед Джига.— Посмотрим, как лошадники копьями поорудуют в горку-то.

Кавалерия наступала, всадники пустили лошадей в галоп. Вот враг прошел участок, где лежали тела тех, кто погиб от выстрелов гномьих пушек, и начал подъем на холм. С центра Поля Фей подъем на холм казался не таким уж и крутым. Но действительность обычно оказывается куда хуже, чем мы предполагаем. Лошадям, обремененным броней и всадниками, оказалось не так-то просто преодолеть этот подъем.

— Дуга три пальца! Ориентируясь на сотников! Пли!

От шести тысяч лучников отделилось облако стрел, пронеслось над пехотой и рухнуло на первые ряды противника. Затем последовал еще один залп. И еще. Даже несмотря на тяжелые доспехи, люди гибли, потому что при таком количестве стрел хотя бы одна да проникнет между сочленением брони.

Но основной удар пришелся по лошадям. Не имея надежной защиты, они падали, оставляя всадников без всякой возможности уйти из-под огня. Похоже, командир кавалерии не ожидал нарваться на такое количество лучников.

Горн протрубил отход, и тут случилось невероятное: земля под копытами лошадей и под ногами людей превратилась в лед, и началось их форменное избиение. Лучники без перерыва посылали во врага стрелу за стрелой. Сотники ежесекундно орали команды, меняя угол обстрела и делая поправку на ветер. Хладнокровный расстрел продолжался. Первые ряды пехоты и спешенных рыцарей не утерпели и начали обстрел «раков» из арбалетов.

— Они их разгромили, милорд! Клянусь Сагрой, разгромили! — вскричал Вартек.

— Вижу,— произнес Изми Маркауз, наблюдая, как около шести сотен спешившихся всадников врага бросились в отчаянную атаку на линию пехоты.

Битва была скоротечной и кровавой. «Раков» не любили, и они платили валиострцам той же монетой. Когда схватка подошла к концу, от кавалерии Рачьего герцога, которую он, скорее всего, собирал и обучал не один год, не осталось ничего. Люди Сталкона пленных не брали.

— Ах, побери меня тьма! — Вартек от переизбытка чувств ударил себя кулаком по ноге.— Все бы отдал, чтобы оказаться на месте самого занюханного из пехотинцев центра!

— Не вы один, маркиз! Не вы один!

— Погоди ты!

— Куда уж годить? — возмутился рыжебородый гном.— Стрелять надо!

— Я тебе стрельну! Жди, кому говорят?!

— Да чего ждать?! Они сейчас по нашим головам пройдут, Перец!

— А хоть бы и по головам! Сказано ждать — значит, жди! — рассвирепел командир орудия.

— Ротт! — окликнул Медок командира арбалетчиков.

— Да, сотник?

— Ребята готовы?

— А то!

— Действуете, когда посчитаете нужным!

Тот кивнул и подготовил к бою стоящий на стене мощный армейский арбалет. Такие использовали для обороны замков и крепостей. В это чудовище разом заряжалось шесть длинных и тяжелых стальных болтов. Естественно, что весило это чудо военной мысли прилично и таскать его за собой — пупок надорвать, а вот отстреливать врага из-за стены — самое дело. Помимо сокрушительной пробивной силы, которой позавидуют даже склоты линейной пехоты, «град» обладал еще и такой необходимой и бесценной штукой, как скорострельность.

Медок хлопнул себя по шлему, опустил носовую стрелку и выглянул из-за стены.

По правой дороге на них катилась буро-серая, совершенно неорганизованная толпа варваров и воинов северных племен. Благодаря вылазкам за Одинокого Великана он знал и тех, и других.

Варвары облачались лишь в шкуры мамонтов, белых медведей и вареную кожу с нашитыми на нее костяными пластинами тюленей, а вместо шлемов использовали черепа животных Безлюдных земель и поэтому выглядели достаточно устрашающе. Вооружались они топорами и дубинами, практически не признавая луков. Во время схваток очень часто впадали в боевое безумие. Медок не кривил ду-

шой — варвары Безлюдных земель хорошие бойцы, но им далеко до воинов северных племен.

Спроси у Дикого, с кем бы он сразился, будь у него выбор: с тысячью варваров или с пятью сотнями воинов северных племен, и Медок без колебания выбрал бы варваров. Там был бы шанс закончить бой малой кровью. С северными дикарями так не получится. Низкорослые, черноволосые и узкоглазые люди были великолепными охотниками, а тем паче воинами. Они мастерски владели короткими копьями и с их помощью могли добыть не только нерпу, но и голову врага. Эти парни ко всему прочему были очень выносливы и жили там, где не мог жить никто из людей,— на Берегу огров.

Теперь же они, не зная таких слов, как «стратегия» и «тактика», «резерв» и «обход с флангов», перли на Точеные Луки с явным намерением взять укрепленную деревню. Самое страшное, что у них это могло получиться.

Катапульты, установленные за второй стеной, начали обстрел наступающих горшками с зажигательной смесью и камнями. К катапультам присоединились немногочисленные отряды Играющих с ветром.

— П-а-а врагу! — рявкнул Ротт.— Свободный огонь!

Точеные Луки разразились стальным градом. Растратив все шесть болтов, Ротт стащил арбалет со стены, передал заряжающему и тут же получил новый. Медок пользовался обычным склотом. Прицелился в высоченного бородатого варвара с размалеванным синей краской лицом, задержал дыхание и нажал на спуск. Болт без всякого труда пробил череп-шлем.

— Неплохо! — одобрительно кивнул Перец и тут же заорал: — Стрелки!

Воины северных племен принялись обстреливать стену из коротких составных луков. Одна из стрел попала в шею зазевавшегося гнома, что держал тлеющий фитиль. Другая отскочила от кирасы воина, перезаряжающего «град» Ротта. Третья пробила ногу мечнику, стоявшему за арбалетчиками.

— Лекаря! — заорал Медок.— Усильте огонь!

— Куда уж больше?! — Командир арбалетчиков взялся за склот.— Метко твари стреляют!

— Ух, мать! Ну я им сейчас задам! — Перец схватил оброненный убитым гномом фитиль и поднес к пушке.

Медок вовремя закрыл уши руками. Орудие рявкнуло, стену заволокло дымом. Сразу же за этой выстрелили и две других находящихся дальше по стене пушки.

— Вечно гномы всякую хренотень изобретут! — закашлялся один из арбалетчиков.

Сизый, вонючий дым ел глаза. Перец вопреки всем ожиданиям уже костерил своих подчиненных, чтобы те пошевеливались и поскорее перезаряжали. Когда дым рассеялся, стало видно, что картечь прогрызла в рядах противника широкую кровавую просеку. Воины северных племен в панике отступили, а вот шесть сотен варваров то ли по скудоумию, то ли из-за боевой удали перли вперед и уже преодолевали ров.

— Мечники! Гото-о-овьсь! — едва не сорвав себе голос, заорал Медок.— Перец! Оставь на время пушку и давай со своими ребятами за щиты!

— Хрена лысого! — выругался гном и, отбросив в сторону какую-то штуку (ею гномы прочищали жерло), схватился за боевую мотыгу.— Чтобы гномы отсиживались за спинами других! Да не бывать этому! Жиргзан! Подай мне шлем!

Под Нуадом кипела битва, враг, видно, во что бы то ни стало решил расправиться с непокорным замком. До баталий, стоявших на левой дороге, вновь долетела отдаленная канонада орудий.

—У меня там племянник,— неожиданно сказал пикинер.

— Тебя как зовут-то, братишка?

— Бансом.

— А я Джиг.

— Руки замерзли, скоро даже через перчатки к древку примерзнут,— пожаловался Банс.

— Чесночку хочешь?

— А он согреет?

— Вон кто тебя скоро согреет.— Джиг кивнул в сторону приближающейся на них пехоты «раков».— Через две минуты здесь будет жарче, чем у гнома в топке.

— Сколько же этих ублюдков?

— Столько же, сколько и нас. Если не больше.

С холма Изми Маркауз прекрасно видел, как пехота врага разделилась на три неравные части и двинулась к позициям армии Валиостра. Меньший отряд, находившийся дальше всех, едва ли не бегом двигался к Точеным Лукам. Около десяти тысяч «раков», разбитые на пять отрядов, перли на левую армию. Остальные «раки» и тьма-тьмущая варваров наступали на центр.

— Почему наши маги ничего не предпринимают, милорд? — возмутился Вартек.— Ведь весь Совет Ордена находится на холме!

— Весь Совет, любезный маркиз, трогательно взявшись за руки, стоит в кругу,— пророкотал из-под шлема один из гвардейцев.— Благодаря им Неназываемый пока еще ничего нам не сделал.

— Командир! — примчался запыхавшийся гвардеец.— Король отдал приказ следить за левым флангом обороны и, если им потребуется помощь, вступить в бой!

— Ну наконец-то! — восторженно зарычал Вартек.

— Что-нибудь еще? — Изми Маркауз обратился к гвардейцу.

— Говорят, все огры подохли!

По рядам гвардейцев загулял удивленный и радостный ропот.

— Кто говорит?

— Все. Я самолично слышал от одного из разведчиков.

— Превосходно. Можешь вернуться в строй.

— Отбились, м-мать их. Упорные сволочи оказались! — Перец от переизбытка чувств махнул окровавленной мотыгой.

Атака варваров захлебнулась. Две тысячи арбалетчиков по всему фронту правой армии устроили в нестройных рядах нападающих настоящую бойню. Тех немногих, кому все же удалось пересечь ров и насыпной вал, прикончили мечники. Теперь под стеной валялась груда тел. Медок начинал опасаться, что после нескольких таких атак противник будет подниматься на стену по трупам своих товарищей, словно по лестнице.

— Жиргзан! Да брось ты эту гадость! — обратился Перец к рыжебородому гному, с интересом изучающему трофейный шлем-череп.— Давай заряжай! Видел ведь, как эти узкоглазые драпанули?!

— Второй раз не побегут.

— С чего это ты так решил, сотник?

— Они хорошие бойцы, пускай и суеверные. В следующий раз поймут, что, когда гремит гром, не все умирают, и продолжат атаку.

— Медок! — подошел тысячник.

— Да, командир?

— Потери?

— Восемь погибших и семь раненых.

— Вот, принимай к себе в отряд.— Тысячник указал на молчаливого бледного паренька.— Это его магичество Родерик. Поможет твоим ребятам в случае чего.

Родерик несколько нервно кивнул и испуганно покосился на двоих мечников, которые как раз перебрасывали через стену труп варвара.

— У вас кольчуга есть, ваше магичество?

В то, что парень маг, Дикий не очень-то верил. По его мнению, даже Кли-кли заткнул бы этого юношу за пояс.

— Да.— Молодой человек поспешно кивнул.

За стеной запели рога. Враг вновь пошел в атаку.

За спиной грохнуло, небеса отозвались эхом, и дымная комета, выпущенная из мортиры, рухнула прямиком в середину переднего квадрата пехоты, надвигающейся на центр.

Удар был страшен. Всех, кто попал под взрыв, разметало. Ядро мортиры напомнило Изми ногу бога, который по ошибке нечаянно наступил на людей.

Пехота надвигалась пятью отрядами. В первой линии три, за ними, на расстоянии в тысячу ярдов, двигались еще два.

Сквозь шеренги людей и ряды поднятых пик Джиг со странным безразличием смотрел на надвигающуюся на них стальную черепаху.

— У них арбалетчики! — крикнул кто-то из пикинеров.

Джиг похолодел. Если у пехоты склоты, то первым шеренгам, несмотря на их броню, придется худо. С близкого расстояния болт прошьет доспехи насквозь, словно они сделаны из бумаги, а не из славной исилийской стали.

Эльфы принялись обстреливать отряд, надвигающийся на самую левую баталию.

— Пропустите меня! Да пропустите же!

Маг, все это время молча стоявший за Джигом, продирался вперед.

Джиг пронзительно свистнул и заорал:

— Пропустите мага вперед, сучьи пни! Быстрее давайте, иначе болты нам с вами придется ловить!

Это подействовало, и пикинеры подались в сторону, освобождая дорогу. Маг выскочил вперед, встал перед первой шеренгой и вытянул руки, направив их раскрытыми ладонями в сторону отряда пехоты, уже почти добравшегося до Винного ручья. С ладоней волшебника сорвался ослепительный огненный шар. Он ударил в первый ряд щитов, враз испарив их вместе с людьми, добрался до второго ряда, третьего, четвертого, арбалетчиков и, наконец, взорвался...

Враги взвыли! Слышались вопли погибающих и сгорающих заживо людей. Многие стоявшие в баталии удовлетворенно выругались, видя, какой урон нанес врагу всего лишь один человек.

Маг между тем создал еще один шар, затем еще, продолжая сжигать десятки людей. И пехота не выдержала. Она дрогнула и рассыпалась, в панике заметавшись по берегу Винного ручья. Даже сюда долетал запах горелого мяса.

Маг неожиданно покачнулся и кулем повалился в снег. Кто-то из первых рядов бросился к упавшему, подхватил, втянул в баталию.

Недремлющие сотники заорали:

— Арбалетчикам приготовиться! Пер-рвая шер-ренга! Залп! Втор-рая шер-ренга! Залп! Тр-ретья залп!

Стрелки сделали свое дело и отошли назад. На их место встали еще девять шеренг, снятых с тыла и флангов баталии.

— Залп! Залп! Алп! Алп!

Мечущуюся вражескую пехоту накрыло стальным дождем.

— Ух! Маги взялись за дело!

Изми не слушал, он, как и все, следил за битвой, происходящей в левой армии. Неизвестный маг без труда разнес центральный отряд нападающих, но правый и левый продолжали двигаться вперед и уже успели пересечь Винный ручей. Да и два задних отряда войска Неназываемого были недалеко.

— Милорд!

Изми Маркауз отвлекся от картины боя и посмотрел на подошедшего к нему солдата с огромным двуручником.

— Милорд, Его Величество прислал мой отряд в ваше распоряжение.

— Сколько у тебя людей?

— Двести человек.

Неплохо. Двести «бобров» — больше, чем он рассчитывал получить.

— Хорошо. Выдвигайтесь вон к той рощице, за левой армией. Но в бой пока не лезьте.

— Да, милорд.

Что-то подсказывало Изми, что там в самом скором времени понадобится помощь.

— У них арбалетчики, командир.

— У, кур-рвы! — Командующий шестью тысячами Играющих с ветром, что сейчас стояли сразу за пехотой и спешенными рыцарями, погрозил кулаком небесам.— Сколько?

— Не знаю.

— Ну так узнай! Да побыстрее! А то они нам всю пехоту перещелкают! Нарк!

— Да, командир?

— Бери свою тысячу и давай вперед! Поставь ребят среди мечников. Пусть оттуда палят прямой наводкой! Если кто из пехотуры будет бочку катить, скажешь, что я приказал! Действуй!

— Около трех тысяч! — прибежал запыхавшийся солдат.— Разведка говорит о трех тысячах! Идут впереди пехоты.

— Да уж вижу, как они идут, чай не слепой.

За спиной громыхнули пушки, солдат пригнулся, командир Играющих даже не обратил внимания.

— Значит, их в два раза меньше, чем нас,— задумчиво процедил старый воин, наблюдая, как ядра, выпущенные из пушек, угодили в дальние ряды пехоты противника.— Тем лучше. Ничего они нам не сделают. Луки куда как дальнобойней, и стрелять мы умеем. Слухай мою команду! Дуга два пальца! Поправка на ветер четверть пальца вправо! Пощелкаем кур-рвиных детей до того момента, как они начнут стрелять! Пли!!!

Воин легко перемахнул через стену, и Медок едва успел отскочить в сторону. Коротким копьем с широким зазубренным наконечником низенький черноволосый противник владел мастерски. Оружие выплетало круги и зигзаги, и Дикому приходилось пошевеливаться. На этом участке стены, несмотря на беспрерывный огонь арбалетчиков, противнику все же удалось прорваться в Точеные Луки. Теперь по всей стене кипел бой. Следовало продержаться до прихода подкрепления.

Узкоглазый воин неожиданно взвился в воздух с явным намерением ударить Медка копьем сверху. Дикий прянул в сторону, широко отмахнулся огроломом, и шипастый шар выбил дух из врага, не озаботившегося защитить себя каким-либо доспехом.

Из-за стены высунулся варвар, на голове коего красовался череп белого медведя. Страшный топор ударил в спину рыжебородого гнома, сражавшегося с воином, облаченным в цвета Рачьего герцогства.

Огролом рухнул на медвежий череп, разнес его на осколки, заодно смяв голову варвара.

— М-мать! — Перец ткнул факелом в лицо другому воину и затем пихнул его мотыгой в пах.

— Сотник! Прикрой моих ребят! — Ротт и два десятка арбалетчиков притащили перезаряженные «грады».

Человек семь принялись методично отстреливать тех, кто перебрался через стену, остальные открыли огонь по перебирающимся через неглубокий ров. Подоспело подкрепление из пяти десятков мечников, и общими силами врага удалось скинуть со стены. Незнамо каким чудом выживший в этой мясорубке маг швырнул на прощание в толпу врагов несколько огненных сгустков.

— Куда огонь?! — заорал Перец.— Куда огонь?! Здесь же порох!

— Ротт! По отступающим! Перец! Давай к пушке! Ваше магичество, уйдите со стены, иначе на шальную стрелу нарветесь!

Первая и вторая шеренга левой баталии на несколько секунд раздвинулись, пропуская вперед «Бобровых шапок». Воины, вооруженные двуручниками, соблюдая широкие промежутки, бросились вперед, прямо на выставленные пики врагов.

За «бобрами» медленно двигались остальные. Широкими размашистыми движениями «бобры» перерубали пики и врубались в шеренги противника, ломая строй. Конечно же не все смогли избежать встречи с вражеской пикой, но основная масса справилась с задачей. Глубоко вгрызаясь в ряды атакующих, размахивая двуручниками, точно косами, мечники наносили перепуганной и ошеломленной пехоте страшный урон, а сзади уже напирали свои.

Они с грохотом протаранили пехоту, ударили пиками и словно мамонт, который оказался в посудной лавке, поперли вперед. Медленно и неотвратимо следовали сразу за построившимися в клин «бобрами».

Правая баталия тоже сшиблась с пехотой «раков», но, как там обстояли дела, Джиг уже не видел. По шеренгам передали приказ:

— Алебардисты, в шестую шеренгу!

Баталия готовилась нанести таранный удар, а в это время алебарды не нужны, и воинов переводят назад, заменяя их пикинерами.

— С первую по шестую шер-ренги! Пики, овсь!

— Под бар-рабаны! Бе-э-эгом!

В центре отряда загрохотал барабан, баталия, выставив пики, качнулась.

Бум... Бум... Бум... Бум... Бум... Бум... Бум-бум... Бум-бум-бум-бум! Барабаны наращивали темп, и баталия, все более разгоняясь, неслась вперед, туда, где на место выжженной магом и расстрелянной арбалетчиками пехоты уже накатывал двухтысячный отряд второй линии. Джиг исправно давил в спину стоявшего впереди пикинера и орал «а-а-а», сжавшись в ожидании скорого удара.

Не выдержав обстрела засевших на холме лучников, выжившие арбалетчики противника, так и не сделав ни единого выстрела, бросились назад и большей частью были помяты своей же пехотой. С «линейными» было сложнее, они, несмотря на подъем, перли вперед, стараясь как можно быстрее преодолеть обстреливаемый участок. Многие закрывались от стрел щитами. Один из отрядов врага даже умудрился создать вполне приличную «черепаху», но вышел на ледяной участок холма, развалился, и лучники тут же перестреляли невезучих воинов.

— Сомкнуть щиты! Копья! Арбалетчикам стрелять по своему усмотрению! — приказал Сталкон.

Принц отдавал себе отчет в том, что, несмотря на урон, наносимый лучниками, враг на этот раз все же до них доберется. Задние ряды лучников прекратили переставший быть эффективным обстрел и, взявшись за мечи, слились с рядами пехоты. Теперь огонь вели лишь тысяча Нарка и немногочисленные арбалетчики, но и они вскоре вынуждены были его прекратить. Неровный залп лучников «раков» был остановлен магом, заставившим большинство стрел сгореть в воздухе. Вражеская пехота вытолкнула вперед несколько сотен воинов, вооруженных двуручниками, с явным намерением сломать ровный строй пехоты центра.

— «Бобры», не спать!

И «Бобровые шапки» не спали. Щиты на короткий миг разомкнулись, пропуская воинов легендарного отряда вперед. Когда у врага кувалда, тебе тоже нужна кувалда — неоспоримое правило войны. По всему фронту завязались одиночные и групповые стычки на двуручных клинках. «Раки» дрались хорошо, но все же им было далеко до «Бобровых шапок». Перевес был на стороне Валиостра, но все же сын короля отдал приказ горнисту:

— Труби отход!

Горн несколько раз передал сигнал, и мечники отступили за щиты, прежде чем до них успела добраться разъяренная гибелью товарищей вражеская пехота.

— А ты неплохой маг, парень,— пропыхтел Перец Родерику.— Почаще бы делал эти шарики-огонечки — тебе цены бы не было.

— Как могу, господин гном,— криво усмехнулся молодой маг.

Было видно, что волшебство, разнесшее ровный строй наступавшей на Точеные Луки пехоты, далось ему нелегко.

— Сотник, ты вроде запыхался малость! А ведь едва за полдень перевалило,— окликнул Медка гном.— Жив?

— Жив. На, подержи Непобедимого.

— На кой мне нужна твоя сумасшедшая крыса? Думаешь, я не видел, как она тому варвару в рожу вцепилась?

— Подержи, говорю! Мне надо к тысячнику смотаться!

Гном, ворча, усадил линга себе на плечо:

— Надеюсь, она не отгрызет мне бороду. Побыстрей давай!

— Ротт! Пока меня нет, ты за главного.

— Понял,— невозмутимо ответил командир арбалетчиков.

Тысячника Медок нашел в центре деревни, где располагался временный госпиталь. Кто-то располосовал ему лицо, и теперь за командира взялись лекари. Медку пришлось ждать, когда они закончат работу.

— Ты кого мне принес?! Кого принес?! — между тем орал парень, носящий знак гильдии лекарей.

— Так у него же вся одежда была в крови! — пытался оправдаться санитар.

— У него порез! Понимаешь ты, дурья башка! Обычный глубокий порез!

— Ну он же орал, словно его режут!

— Сколько раз я вашему брату говорил, что первым на операционный стол надо нести того, кто молчит! Раз орет и требует помощи — значит, выживет! Ничего с ним не случится! А если лежит, молчит и бледен словно покойник — значит, дело худо! И если вы еще раз принесете сюда легкораненых, я не знаю, что с вами сделаю! Их всех на телеги и в основной госпиталь, за холм! Пускай там сортируют и думают, что с ними делать! Мне только тяжелых, с ранениями брюшной полости и с потерей конечностей. Это ты своим подчиненным в башку вбить можешь?

— Ты ко мне, сотник? — окликнул отвлекшегося Медка тысячник.

— Да, командир. Надо бы к берегу Кизевки две сотни мечников и хотя бы сто арбалетчиков перекинуть. Резервы еще есть?

— Резервы-то мы найдем.— Перевязанный тысячник внимательно посмотрел на Дикого.— Вот только я не понял, зачем мне туда ребят перебрасывать?

— Не думаю я, что северные племена в третий раз попрут на стену.

— А куда же им деваться-то? Не по речке же плыть?

— Именно по ней.

— Понимаю, если бы это лето было, так сейчас почти уже зима. Глянь, холодина какая! Кто же в воду полезет, когда она, того и гляди, льдом затянется?

— Им не привыкать плавать в ледяной воде. В Безлюдных землях как-никак живут.

— Ну ты тоже выдумал!

— Просто не хотелось бы, чтобы они внезапно оказалась у нас в тылу.

Тысячник подумал, а затем кивнул:

— Хорошо. Я распоряжусь. Ступай к своим, с минуты на минуту ожидается новый штурм. Кстати, слышал, что Орден всех огров уложил?

Бой казался бесконечным. Секира в руках принца потяжелела, но он безостановочно, словно волшебный механизм карликов, продолжал рубить и рубить. Уже давно не было никакой ровной линии, по всему фронту кипели отдельные стычки. Четырежды врага уда-

валось отбросить, и четырежды он возвращался с явным желанием на этот раз уж точно раздавить проклятую пехоту.

Цвет северного дворянства Валиостра, те, кто раньше был в тяжелой кавалерии, послужили песчинками, вокруг которых строились жемчужины отрядов. Практически все лучники вступили в рукопашную (хотя ребята и старались не связываться с тяжелыми пехотинцами), и лишь небольшая группка самых опытных Играющих с ветром, коих было не больше шести сотен, отошла в сторону от кипящей битвы и вела выборочный огонь по противнику.

Сталкона берегли и защищали, прикрывали ему спину и не давали противнику выстрелить в королевского сына. Но все равно, несмотря на все ухищрения, наследник короны дважды оказывался на земле. В первый раз его сбил с ног удар боевой кувалды, угодившей в щит. На счастье, один из двоих приставленных к нему для охраны «бобров» выжил в рубке и, широко отмахиваясь от наседающих противников цвайгхандером, не давал им приблизиться до тех пор, пока Весенний Жасмин не встал на ноги.

Второй раз в шлем угодил арбалетный болт. К счастью, удар пришелся по касательной, и болт отскочил, не нанеся принцу никаких ран. Но все равно, оглушенный, Сталкон рухнул на колени и на миг потерял всякую ориентацию. Этим воспользовался кто-то из варваров, и если бы не Пепел — командир уцелевших Диких Сердец, не пережить Весеннему Жасмину эту битву.

Пушки и мортира молчали. Сейчас стрелять было бесполезно — больше своих поляжет. Оставалось только стиснуть зубы и рубиться.

Сталкон принял на порядком изрубленный щит очередной удар варвара, пихнул бородатого дикаря щитом в лицо и раскроил ему секирой шкуру и плоть. Пора было заканчивать этот бой, и как можно быстрее. Словно услышав эти мысли, король прислал в поддержку пехоте правый кавалерийский резерв центра, атаковавший противника во фланг.

Нуад держался, положение в центре выправлялось, нежданное появление кавалерии расстроило ряды Неназываемого. Лунные жеребцы появились как нельзя вовремя. У Точеных Луков пока затишье, отброшенные варвары, северные племена и часть легкой пехоты «раков» отошли для перегруппировки. А вот у левой армии дела обстоят не так уж и хорошо. Левая баталия занята разгромом противника, центральная только что врезалась в отряд пехоты второй линии, правая еще как-то держится, но противник им попался упорный, и вот-вот ровные шеренги дрогнут.

— Вартек! Скачи к двум сотням «бобров»! Скажи, чтобы зашли в тыл пехотуре, насевшей на правую баталию! Исполняй! — решился Изми.

— Командир! Похоже, эльфам приходится туго!

— Вижу! Исполняй, что я сказал! Горнист! Труби атаку!

Багровые шары, внезапно появившиеся в рядах правой баталии, методично принялись уничтожать солдат, и люди дрогнули.

— Правая баталия отступает, Ваше Величество!

— Вижу. Скачи к резерву, пусть закроют дыру. Интересно было бы знать: как маги умудрились подпустить шамана так близко?

Прежде чем Джиг успел что-либо понять, первые две шеренги погибли. А ведь вначале все было так хорошо! Баталия успешно протаранила отряд пехоты второй линии, Джиг, следуя приказу, вновь оказался в третьей шеренге, и пошла знатная рубка. Тех, кто умудрялся добраться до пикинеров, ждали тяжелые алебарды. Затем внезапно из-под доспехов передних шеренг повалил темно-лиловый дым, и доспехи упали на землю, а их хозяева самым немыслимым образом исчезли в разреженном воздухе.

Одним из первых погиб пикинер Банс. Затем настал черед шеренги Джига. Оружие и доспехи соседних воинов звякали и падали на землю. Через секунду Джиг остался единственным выжившим из всей линии. Баталия все еще перла вперед, не успев понять, что произошло с первыми рядами.

Прямо перед собой Джиг увидел трех людей, облаченных в черные плащи. Ни доспехов, ни оружия. Один человек вскинул руки, и в грудь стражника ударила серебряная стрела. И тут же исчезла, не причинив человеку никакого вреда.

— Шаманы! — испуганный крик из задней шеренги перекрыл даже грохот сражения.

— А-а-а-а! — с выпученными глазами заорал Джиг, понимая, что это конец.

Он занес алебарду и что было сил ударил оказавшегося поблизости колдуна. На миг перед стражником промелькнуло бледное и донельзя удивленное лицо шамана, а затем колдун с раскроенной головой упал под ноги обезумевшему от страха алебардисту.

— Их можно убить!!! — гаркнул Джиг.— Колдунов можно убить!!! Бей их, ребята!!!

С этим воплем он замахнулся алебардой, и враз опьяневшие от собственной храбрости люди, ломая строй, бросились вперед, чтобы первыми добраться до ненавистных шаманов. Джиг подцепил крю-

ком алебарды ногу уже начавшего творить заклинание колдуна, потянул к себе, опрокинул, проткнул живот. Соседи добили уцелевшего и с ревом кинулись на дрогнувшую пехоту, увидевшую жестокую расправу над, казалось бы, такими могучими волшебниками.

— Заклинания прекратились, Ваше Величество! Должно быть, колдунов убили!

— Какая теперь разница? — горько спросил король.

Правой баталии больше не существовало. Враг бил побежавших в спину, и спустя несколько минут от отряда осталось не больше девятисот человек. К счастью, вовремя подоспел двухтысячный резерв и те двести «Бобровых шапок», что он отдал в распоряжение юного Маркауза.

Из парня выйдет толк. Отец им будет гордиться. Оставалось лишь надеяться, что гвардейцы смогут спасти эльфов. Хотя нет, вряд ли. Не успеют.

Эпилорсса из дома Черной луны выругался и потянулся к колчану за новой стрелой. Люди слишком увлеклись сражением и совершенно упустили из виду второй отряд второй линии. Около двух тысяч человек разворачивались у Винного ручья с явным намерением перебить кучку эльфов у Лузского леса.

— Дулле! Дулле!

Помощи им ждать неоткуда. Соседи добивали уцелевших врагов, центральная баталия, несмотря на шаманов Неназываемого (а Эпилорсса почувствовал магию), продолжает рубку, правая из-за колдовства и паники почти полностью уничтожена. Эльфы могли бы скрыться в лесу, но до него не так уж и близко, а показывать врагу спины, когда еще можно драться, не для них.

И они дрались, посылая во врага стрелу за стрелой. Противник перешел на бег, подбадривая себя криками. Многие, получив стрелу в лицо или в сочленение между доспехами, падали, но эльфов было слишком мало, а участок, разделявший их и врагов, был и того меньше. Всех перебить они все равно не успеют.

Темные стояли в четыре линии. Первая стреляла с колена, в десяти шагах за ними располагались эльфы, стреляющие из «положения стоя». Еще через десять шагов вновь эльфы стреляли с колена, но стрелки были сдвинуты на два корпуса вправо, чтобы нечаянно не угодить в спины стоящим впереди товарищам. За этой линией располагалась еще одна; последняя. Здесь воины опять стояли.

Эпилорсса отдал новый приказ, и первая линия вскочила, бросилась назад, встала за четвертой и вновь открыла огонь. Настал черед

отступать второй шеренге. Затем третьей. Затем четвертой. Затем вновь за спины товарищей отошла первая.

Эльфы отступали, постоянно огрызаясь стрелами. Едва ли не каждый выстрел находил цель, но до линии щитов было уже рукой подать.

Защелкали арбалеты. Темные, находящиеся в первой и во второй линиях, падали, сраженные болтами. Что-то ударило Эпилорссе в грудь, и он упал. Эльф никак не мог понять, почему ему так больно, почему он не сражается и отчего лицо так сильно обжигает снег.

Красный снег.

— По отступающим кур-рвам! Прямо по их задницам! Свободный о-гонь!

Лучники, вновь вставшие за спинами отбившейся от врага пехоты центра, принялись осыпать отступающих врагов стрелами.

— Картечью, пли! — рявкнул Перец и сунул в уши пальцы.

Пушка грохнула, стену в Точеных Луках вновь заволокло сизым дымом, а спустя несколько секунд в поддержку трех орудий мортира, стоявшая на холме, прислала большой огненный подарок.

От левой баталии, практически полностью расправившейся со своим врагом, внезапно отделился клин, состоявший из тысячи Веселых висельников. Люди в черных одеждах, оглашая Поле Фей слитным ревом «Па-а-ал-л-лунд-д-дра!», ударили в правый фланг отряда Неназываемого, готовившегося раздавить уцелевших эльфов.

— Вон они! Вон они! Ух мать! — Один из мечников указал в сторону Кизевки.— Да сколько их там!

— Стреляйте! — отдал приказ командир, и арбалетные болты взволновали речную воду.

— Дуга один палец! Слитно! Разом! Пли!

Бух! Бух! — ответили лучникам пушки.

Клин морской пехоты с разгону влетел в неприкрытый бок отряда противника и, не встречая никакого сопротивления, принялся пробиваться к центру, сея на своем пути ужас и смерть. На помощь Веселым висельникам уже спешила их баталия, а в тыл врага заходила центральная, уже полностью расправившаяся с первым отрядом второй линии. Враг, начисто забыв об эльфах, принялся защищаться.

— Эй, Медок! А ты был прав! Эти парни действительно решили искупаться!

— Ты стреляй давай! — буркнул Дикий.— Перец! Ты чего делаешь?!

— Подсоби! — пропыхтел гном, держа в руках тяжеленное ядро.— Когда еще ребята мне пушку перезарядят?! Как далеко кинешь?

— Ты что задумал? — Медок взял ядро из рук гнома.

— Ты здоров как бык, сотник. Через ров перебросишь?

— Если раскручу.

— Бросай,— сказал гном и поджег фитиль ядра.

Если бы не Висельники, не видать бы эльфам своей Заграбы. Изми Маркауз осадил коня перед шеренгой темных и проорал:

— На лошадей! Позади всадников, ребята! Быстро!

Темные не стали мешкать и запрыгивали на коней позади гвардейцев. Некоторые при этом продолжали стрелять. Очнулись вражеские арбалетчики. Несколько гвардейцев упали, но большинство уже скакали прочь, увозя союзников на безопасное расстояние. Изми уходил последним. Сейчас следует сгрузить эльфов и догнать тех, кто наседал на правую баталию. Отступающие еще не успели пересечь Винный ручей, и лейтенант гвардии надеялся добить оставшихся. Вартек скакал, прижавшись к лошадиной шее. В спине у него Изми заметил арбалетный болт. Доспех все же подвел.

— Жив?!

Маркиз едва заметно кивнул головой. Изми Маркауз схватил его лошадь под уздцы. Следовало как можно скорее доставить раненого к лекарям.

Точеные Луки, несмотря на массовые непрекращающиеся атаки, держались превосходно. Все же хорошо, что король не поскупился и заплатил гномам. Без пушек воевать было бы гораздо сложнее. Левая армия полностью восстановила фронт и вновь заняла свои позиции. Правда, теперь у нее нет резерва, а центральная баталия порядком поистрепалась в битве.

— Какой сюрприз нам приготовит Неназываемый, мой принц? — спросил Пепел, убирая красивый клинок из черной стали в ножны.

— Что ты скажешь о них, Дикий?

Пепел, сощурив глаза, посмотрел в сторону Регского леса. По полю, закинув дубины на плечи, вышагивало три десятка огромных фигур.

— Так я и думал,— хмыкнул командир Диких Сердец.— Если нет огров, в дело пойдут великаны.

— Приготовиться! — отдал приказ принц.— Лучники! В первые ряды!

ЭТО услышали все, кто был на Поле Фей. Казалось, что в морозном воздухе лопнула струна. Тихий певучий звук разнесся над землей, а спустя несколько секунд на Нуад рухнул багровый огонь.

— М-мать! — Перец схватился за подзорную трубу.— У них там порох взорвался?!

— Боюсь, что нет.— Медок, все еще не веря в произошедшее, покачал головой.

Весь Нуад был охвачен огнем.

— Это Неназываемый! Это Неназываемый! — Белый как снег Родерик расширенными глазами смотрел на воинов.

— Что ты мелешь?! — не выдержал Ротт.

— Это сам Неназываемый ударил! Орден не справился! Что-то нарушило равновесие!

— Мой принц! Орден покидает холм!

— Да что там у них происходит?! — взорвался младший Сталкон.

— Видно что-нибудь?

— Нет. Вначале земля затряслась, а потом дым повалил,— ответил Джиг.

— Это я и сам вижу! — буркнул стоявший рядом сотник.

Из-за языка Регского леса, за которым находился Нуад, поднимался иссиня-черный столб дыма.

Неожиданно небо над правой, восстановленной с помощью резерва, баталией замерцало. Все задрали голову, дивясь на такое чудо. Через минуту мерцание прекратилось, и на баталию упал гигантский сгусток огня, разом спаливший несколько тысяч человек.

Земля опять содрогнулась, и шеренги баталии Джига повалились одна на другую. Послышались испуганные крики.

— Спокойно! Всем встать! Встать, я сказал!!! — орал какой-то сотник.

Испуганные люди поднимались на ноги. Все смотрели на то место, где раньше находилась правая баталия. Теперь там не было ничего, кроме черной воронки. Казалось, что сама земля горит.

— Что это?!

— Да чтоб меня козел отодрал!

— Тикать надо!

— Магия!

— Всем заткнуться!

— Да пребудут они в свете!

Джиг задрал голову вверх и увидел, как небо над ним начинает мерцать.

— Там! — гаркнул Джиг, вытягивая руку вверх.

— Все назад! — крикнул пришедший в себя маг.— У нас есть время! Назад! Сотники, отдавайте приказ!

— Назад! Под барабанный бой! Бегом! Сохраняйте строй, обезьяны, если не хотите подавить друг друга! Вперед!

Центральная баталия бросилась прочь. Следом за ней пошла та, что стояла у Лузского леса. Люди бежали что было сил, но ни один не бросил оружия и не попытался толкнуть своего товарища в спину. Все понимали, что толпа — это верный путь в могилу.

Спустя минуту на то место, где стояла левая армия, упали две огненные капли.

— Левая армия бежит, ваше высочество!

— Сам знаю, ещ... тьма!

Принц увидел, как два огненных шара рухнули туда, где должна была находиться отступающая армия. Грохот за спиной едва не оглушил его. Он обернулся и, не веря своим глазам, уставился на то место, что совсем недавно было вершиной холма. Теперь там появилась ровная дымящаяся площадка. Ни пушек, ни мортиры, ни королевского шатра.

— Король убит! — разнеслось по рядам воинов.

— Проклятье! — сквозь зубы выругался младший Сталкон и, взяв себя в руки, заорал: — Пепел! Останови их! Если они побегут, все пропало! Надо отступать через Точеные Луки!

Даже дурак понимал, что сражение на Поле Фей проиграно.

— Сделаю все, что в нужно, мой король!

Горнисты в Точеных Луках надрывались и безостановочно трубили отступление. Армия в спешке, но без всякой паники отступала за холм, к Авендуму. Все видели, как удар накрыл вершину холма. Все знали, что там был руководящий сражением король. Все понимали, что после такого выжить никто не мог.

Медок видел, как два багровых огня рухнули на позиции левой армии, но выжил ли кто-нибудь из воинов, ему было неведомо. Слишком далеко, да и холм мешает.

— Люди построены, командир! — доложил Ротт.

— Бросайте «грады», ребята. Иначе не успеем уйти, если по нас жахнут.

— Не жахнут.— Родерик перестал паниковать и пришел в себя.

— А ты откуда знаешь?

— Если бы Неназываемый мог, то уже давно бы ударил. Даже он не всесилен.

— В любом случае надо отходить. Скоро опять начнется штурм. Пепел! Идем!

— А пушка?! Пушка как же?!

— Идем! Нет времени ее тащить! Я тебе новую потом куплю!

— Как же! — буркнул гном и принялся высыпать порох из бочонка.— Купит он! В любом случае врагу моя драгоценная не достанется! Взорву!

Медок думал уже о том, как армия выстоит у Авендума. Пока они проиграли сражение, но не войну.

Глава 20
ИГРОК

Мой смех разбудил всех, а я все никак не мог остановиться. Столько сил потрачено, столько жизней загублено, и все оказалось напрасно! Мы не успели.

Похоже, больше других за меня перепугалась Кли-кли. Думаю, вы бы тоже испугались, если бы какой-нибудь идиот вдруг ни с того ни с сего начал хохотать среди ночи. «Лекарство» от смеха нашлось у Угря. Он попросту отвесил мне пару крепких затрещин, и я успокоился.

— Я в порядке,— перевел дух я.— Хватит меня по щекам лупасить. Простите, ребята.

— Что произошло, Танцующий? Ты здоров? — озабоченно спросила Кли-кли.

— Все в порядке, малышка.— Я и сам не заметил, как обратился к гоблинше. К счастью, окружающим было не до оговорок, так что никто не обратил на это внимания, включая Кли-кли.— Просто еще один плохой сон.

— Что-то я не припомню, чтобы после плохих снов ты хохотал,— буркнул Халлас.— Чаще орал. Выкладывай, что на этот раз тебе приснилось.

Пришлось рассказать им о той битве. Естественно, не все, а только то, что мы проиграли.

— Если король погиб, то дело плохо. Это армию не воодушевит,— задумчиво сказал Мумр, разом поверивший в мой сон.

Это не только не воодушевит армию, это аннулирует мой Заказ. Заказчик мертв, а значит, сделка расторгнута. Так что я могу не везти в Авендум, под стенами которого вот-вот вспыхнет бойня, Рог

Радуги. Также можно навсегда забыть о помиловании и тех пятидесяти тысячах золотом, что были мне обещаны Его покойным Величеством.

— Если битва случилась прошлым днем, то у нас еще есть немного времени. До столицы осталось не так уж много. Мы можем попытаться успеть.

— Мы успеем, гном! Клянусь своим домом, что успеем! Угорь, Мумр! Седлайте лошадей! Халлас расплатись с трактирщиком!

Дикие бросились исполнять поручения.

— Слушай, Гаррет, ты не мог бы мне дать Рог Радуги на минуточку?

— Зачем он тебе понадобился, Кли-кли? — спросил я, но все же достал из сумки артефакт и протянул ей.

Она взяла его в руки, повертела, понюхала, побормотала над ним какую-то чушь, достала из кармашка какой-то порошок, насыпала.

— Эграсса? Видишь?

— Я не силен в шаманстве. Ничего не вижу.

— Я тоже ничего не увидел,— вздохнула она.— Держи, Гаррет. Теперь мне стал понятен твой сон.

— И?

— Ты говорил, что как будто лопнула струна. Это Рог Радуги потерял Силу.

— Ты хочешь сказать, что...

— Именно это я и сказал. Сейчас это всего лишь рог. Пустышка. Во всяком случае, пока им не займется Орден. Артефакт потерял Силу, и равновесие пошатнулось. Неназываемый теперь способен пользоваться магией на нашей территории.

— Значит, мы должны поспешить! Собирайтесь, мы выезжаем! — сухо бросил эльф.

— Вальдер! — позвал я.— Вальдер! Это правда?

— Да,— спустя минуту соизволил сказать мне мертвый архимаг.— Рог Радуги потерял свою силу.

— Но это значит, что Падшие вырвались из Костяных дворцов!

— Не так все просто, дружище. Да, Рог бесполезен, и Падшие способны подняться до самых верхних ярусов Храд Спайна, но не выйти. Рог — это Ключ. Пока Ключ не повернется и не разрушит весы равновесия, Падшие не вырвутся на Сиалу. А повернуть Ключ способен только Хозяин. Или другой Хозяин, или... Игрок.

— Ты знаешь имя Игрока?

Нет ответа.

— Гаррет, о чем задумался?

— Ни о чем, Кли-кли. Идем, лошади, наверное, уже готовы.

Все следующие дни запомнились мне бешеной скачкой и холодом, постоянно пытающимся пробраться под одежду. За время пути до Авендума мы загнали по три пары лошадей. Приходилось покупать новых. Из-за разразившейся катастрофы цены на все товары, в том числе и на средства передвижения, взлетели до небес, но Эграсса не скупясь платил золотом.

Новости были одна другой хуже. К сожалению, мой сон не врал — армия на Поле Фей проиграла сражение. Однако нельзя было сказать, что она разбита — большинству солдат, выживших после атаки Неназываемого, удалось беспрепятственно отступить к Авендуму. Король, да пребудет он в свете, погиб. Вместе с ним погиб почти весь военный штаб и, по крайней мере, двое архимагов. Теперь в стране новый король — младший сын Сталкона Девятого Сталкон Весенний Жасмин.

Орден делал все возможное и невозможное, чтобы остановить Неназываемого, но, как видно, у наших магов ничего не получалось.

Часть населения спешно покинула столицу и окрестности. Бежали все, кто мог и кто не собирался защищать стены столицы. Лично я таких людей не винил, по мне, так это сущее безумие — воевать сталью против магии. Если бы не Рог Радуги, я бы, наверное, тоже уже находился на полпути к Исилии или Низине. Что меня удерживало от разумного бегства — я не знал.

— Щас опять жахнут! Слушай, Эграсса! Я все понимаю, но это все равно, что муравью перебежать через полянку, по которой носится вся королевская кавалерия! Они даже не заметят, как нас затопчут!

— Заткнись, Халлас! Мы думаем! — крайне невежливо попросил Угорь.

К Авендуму мы прибыли поздним утром, как раз к началу битвы. Войска Неназываемого собирались штурмовать стены. Пока что там шел поединок магов и шаманов. То и дело воздух разрывался от свиста камней, треска молний, рева пламени и воплей каких-то волшебных тварей. Ко всему этому прибавилась отдаленная канонада орудий, установленных на городских стенах. Неназываемый в игре мускулами вроде пока не участвовал. То ли еще не дополз до Авендума, то ли решил посмотреть, на что способна его армия.

Мы вполне разумно забрались в небольшую рощицу, находящуюся между Авендумом и дорогой на юг. Вид отсюда открывался замечательный. Однако и дураку было ясно, что просто так, за здорово живешь до таких близких и таких несравнимо далеких башен города нам не добраться. Кругом ребята Неназываемого, и нас враз заметят.

Вдоль городских стен выстроилась наша армия. Не так уж и мало народищу, но по сравнению с силами Неназываемого — капля в море. Пригород уничтожили полностью. От него осталось лишь темное пятно на снежном поле. Прямо перед рощицей, как назло, торчало несколько сотен варваров, и нам приходилось ждать, когда они попрут на наших, иначе незамеченными не проберешься.

— Вряд ли мы проберемся в город через ворота, Эграсса,— рассуждал Угорь.— Да и наши нас же и подстрелят по ошибке.

— Вряд ли мы вообще доберемся до ворот,— раздраженно бросил гном.— Терпеть не могу магов! Вот! Опять! Чтоб их подбросило!

Тысячи ледяных сосулек накрыли мешающий нам отряд варваров. Люди за несколько секунд превращались в кровавое месиво. Тут же под городскими стенами расцвел огненный цветок. Шаманы врага решили не оставаться в долгу. Противники планомерно уничтожали пехоту друг друга. Если так будет продолжаться и дальше, то вскоре здесь никого, кроме магов, и не останется. Кажется, такого же мнения придерживались и командующие обеими армиями. Загудели рога, зарокотали барабаны, и темные массы, вздрогнув, двинулись навстречу друг другу.

— Пора!

— Да погоди ты, Мумр! — Халлас продолжал лежать в снегу и разглядывать поле сражения.— Пусть немного повоюют, чтобы на нас внимания не обратили!

— Гаррет, ты в этом городе жил,— обратился ко мне Эграсса.— Можно попасть в Авендум не через городские ворота?

— Можно,— подумав, ответил я.— Но нам это не подойдет.

— Почему?

— Вряд ли нам позволят забраться на стену по веревке. К тому же веревки такой длины у нас нет.

— Это единственный способ?

— Ну... Можно попробовать через городскую канализацию, но там...

Пришлось прерваться, так как огненный метеорит шарахнул в соседнюю рощицу и сжег отряд кавалерии противника.

— Но там все перекрыто решетками. Да и, опять же, придется пробираться к стенам. Хотя есть одна идейка... Городские стены врезаются в Холодное море. Думаю, рыбаки, живущие возле города, давно подались в бега или ушли в город. Если постараться, можно найти лодку.

— Ничего у вас не выйдет! В Бастионе, что охраняет вход в гавань, гномы с пушками. Они любую лодку враз на щепки пустят. А нас на рыбий корм!

— Не пустят, Халлас! — успокоила гнома Кли-кли.— Мы тебя в лодке поставим, чтоб в Бастионе видели и не стреляли.

— Чтобы я?! В лодку?! Да ни за что! Не полезу!

— Еще как полезешь! Хочешь, чтобы Неназываемый ушел восвояси,— полезешь! И орать на своем языке, чтобы твои сородичи услышали, будешь.— Эграсса не обращал на нытье гнома никакого внимания.— Возьми мотыгу и разбей вот это.

Эльф протянул Счастливчику какой-то кристалл.

— Что это? — заинтересовалась Кли-кли.

— Мне еще в Заграбе Маркауз передал. А ему Арцивус. Сказал, как будем близко, разбить — и Орден узнает.

— Действительно, куда уж ближе? — проворчал Халлас, замахиваясь мотыгой.

Кристалл гному удалось разбить только со второй попытки. Камень лопнул, словно простая стекляшка и... И ничего не случилось.

— И что теперь? — тупо произнес я.

— Откуда я знаю? — Эграсса уже был в седле.— Мне было велено разбить его, когда придет время. Мы это сделали, теперь ход за Орденом. Далеко отсюда до Холодного моря, Гаррет?

— Прилично. Надо пересечь поле, вон тот лесок, а потом еще полторы тысячи ярдов до берега.

— Прорвемся! Всем держаться вместе и не отставать! Если кто потеряет лошадь или просто упадет, орите.

Тут эльф прав, вокруг гремела битва, и того, кто находился сзади, попросту могли не услышать.

Мы вылетели из рощи и направились в сторону темнеющего леска. Спаси нас Сагот! Как же до него далеко!

Пространство перед нами было пустым, но это ненадолго. Я вбивал каблуки в лошадиные бока и думал только о том, чтобы не упасть. Влетели на горку, съехали, оказались в пустом (относительно) военном лагере Неназываемого. Похоже, «раки» очень удивились нашему появлению. Дорогу нам заступил только один, но Угорь смял храбреца лошадью, и мы точно вихрь вылетели прямо в тыл вражеским пикинерам.

Нас не заметили, ребята были слишком заняты тем, что уворачивались от сыплющихся на них с неба изумрудных искр. Падая на землю, искры превращались в здоровенных змеюк, плюющихся зелеными шарами. Пришлось забирать влево, мы подъехали чуть ли не к городским стенам, и лошадь Халласа тут же схлопотала стрелу в круп от какого-то нетерпеливого лучника. Мумр на полном скаку (и как только ему удалось?!) стащил гнома с обезумевшего от боли животного и бросил его поперек своей кобылы.

— Свои же стреляют! Давай в поле! — крикнул эльфу Угорь.

Баталия справа от нас врубилась в разрозненные ряды варваров и северных племен. Вновь пришлось осаживать коней и нестись в противоположном направлении. До леска мы все же добрались, но вот облегчения нам это не принесло. Нас тут же окружили всадники. Поначалу я испугался, что это парни Неназываемого, но потом удосужился обратить внимание на то, что ребята были одеты в серо-синюю форму королевских гвардейцев.

— Кто такие?! — рявкнул один из всадников.

Другие воины благоразумно держали руки на копьях.

— Свои мы! — пропыхтел Халлас и сполз с кобылы Мумра.

Естественно, нам не поверили. К счастью, и убивать не спешили, присутствие эльфа и гнома, незнамо как оказавшихся среди кучки то ли дезертиров, то ли бродяг, то ли шпионов Неназываемого, заставляло не делать поспешных выводов. Эграсса без всякой суеты вновь предъявил изрядно помятую за время путешествия бумагу с королевской печатью. Это возымело хоть какое-то действие.

— Что вы здесь делаете?! — спросил гвардеец.

— Нам надо попасть в город, милорд. Вы сможете помочь?

— Сомневаюсь. Ворота могут быть открыты только на северной стене. Все остальные завалены. Да и пробраться через всю битву на другую сторону города слишком сложно.

— Смотрите! — ахнул кто-то.

Посмотреть было на что. Над кипящей битвой и сражающимися людьми к городу медленно летело два огромных багровых шара. Эти шары были гораздо больше того, что швырнула Лафреса в наш паром, когда мы пересекали Иселину. Первый коснулся стены, и громыхнуло так, что я едва устоял на ногах. Огонь, дым, камни и люди взлетели к небесам, а в стене остался пролом шириной ярдов, наверное, сто пятьдесят. Возле второго шара вспыхнул голубой сгусток света. Он что есть сил шарахнул по творению Неназываемого. Багровый шар полетел в обратном направлении и взорвался, врезавшись в толпу великанов.

—Могут магики, когда захотят! — доволько потирая руки, хохотнул гном.

— Горнист! Пора! Труби атаку! — крикнул командир гвардейцев.— Не знаю, кто вы такие, господа, но желаю вам удачи!

— Один вопрос, милорд! У берега есть лодки?!

— Не знаю, эльф!

Сотня вырвалась из леса и под звуки горна понеслась в бой.

Лесок, даже не лесок, а просто большая роща, оказался тихим. Больше никаких «секретов» мы не встретили. А вот выйдя из леса и почти оказавшись у моря (я уже чувствовал соленый запах), мы самым что ни на есть подлым образом напоролись на двух великанов.

Тьма знает, что эти синешкурые громилы делали так далеко от битвы, но, увидев нас, они подхватили дубины и бодрой трусцой направились в нашу сторону.

— Назад! — гаркнул Угорь.— Мы с ними не справимся! В лес! В лес!

Клянусь Саготом, но несущиеся на нас парни высотой были в добрых восемь ярдов. Синяя лохматая шкура не прибавляла этим чудесам природы никакого очарования. А уж если бросить взгляд на дубины, что сжимали в лапах чудовища, то и вовсе все желание познакомиться и мило провести время с этими созданиями исчезало напрочь. Так что, не мешкая, отряд развернул лошадей и бросился обратно в лес. Уже находясь у деревьев, я обернулся и увидел, что Кли-кли и не думала бежать. Кобыла гоблинши в панике уносилась прочь, а девчонка стояла на коленях и рисовала на снегу, едва ли не под ногами у великанов, какую-то картинку. А, побери меня демон! Нашла время заниматься рисованием!

Я выругался и отчаянно заработал уздечкой. Эту зеленую дуру следует спасать! Я направил лошадь прямо к гоблинше, не обращая внимания на предостерегающие вопли, раздающиеся за моей спиной.

Великаны уже были рядом с Кли-кли, и один из них заносил над ней огромную дубину. Рядом с ними внучка Гло-гло казалась особенно маленькой. Я заорал, чтобы она сматывалась. Кли-кли закончила рисовать на снегу и ткнула пальцем в великанов.

В воздухе возникло нечто похожее на дымчатый молот. Он что есть сил ударил в грудь чудищ. Синешкурых ребят отбросило на сто с лишним ярдов, словно они ничего не весили. Похоже, штука, сотворенная гоблиншей, выбила из чудовищ дух.

— Ты последних мозгов лишилась?! — заорал я на нее, осаживая лошадь.

Она улыбнулась мне самой из наиглупейших своих улыбок.

—Это тебе, братец, не сыроежку слопать! Это Пылевой молот, а не какое-нибудь фигли-мигли! — дрожащим голосом произнесла она и хлопнулась в обморок.

Я, проклиная всех богов, слез с лошади.

— Что с ним? — Эграсса и компания уже подоспели.

— Он в порядке! Наверное, это из-за заклинания.

Халлас спрыгнул с коняги Фонарщика и принялся деловито натирать физиономию гоблинши снегом. Та сразу же пришла в себя и попросила гнома отложить телячьи нежности на потом.

—Ты в состоянии сидеть в седле? — спросил у нее Угорь.

— Если только ты поделишься лошадью. Эти великаны перепугали мою клячу — теперь ее не поймаешь.

За леском грохнуло. Опять маги шалят.

— До моря недалеко. Если мы все еще хотим попасть в город, то следует поторопиться.

До моря действительно было недалеко. Рыбацкая деревушка, как и Пригород, оказалась сожженной на тот случай, если враг решит воспользоваться строительным материалом для создания осадных машин. Зато на берегу лежал вполне приличный рыбацкий баркас. Увидев море и волны, Халлас сразу как-то поскучнел и заявил, что эта штука, называемая умными людьми не иначе как корытом, потонет сразу же, как окажется в море.

Берег оказался слишком крутым, и лошадей пришлось оставить.

До баркаса мы не дошли каких-то жалких десять ярдов. Дорогу нам преградили трое. Один был орком, двое других оказались людьми. У всех оружие, у всех серые плащи и дымчатые кристаллы на серебряных цепочках. Серые сподобились появиться в самое неподходящее время.

Зашуршали извлекаемые из ножен «брат» и «сестра». Эграсса сделал гарракцу предупреждающий жест рукой и покачал головой. Против троих Серых нам не выстоять при всем нашем желании. Мы смотрели на них, а они на нас. Рядом рокотало свинцовое зимнее море.

— Отдайте Рог,— сказал один из людей.— Он не принадлежит вам.

— И вам. Он не принадлежит никому,— ответила Кли-кли.— Но сейчас он нужен нам.

— Если артефакт останется у вас, равновесие может быть нарушено.

— О каком равновесии идет речь?! — вспылил всегда спокойный Угорь.— Вы видели, что творится у города?!

— Мы в последний раз просим отдать Рог.

— А если не отдадим? То что тогда, орк?! — Эграсса нехорошо усмехнулся и сжал красту.

— Также советую вам вернуть нам кристалл и оружие нашего брата,— все так же невозмутимо продолжил Серый.

Вот тут-то это и случилось. Оглушительно бумкнуло, и прямо из разреженного воздуха появились четверо с посохами архимагов Совета. Один из Серых погиб сразу. Двое других ловко отскочили в сторону. Орк прыгнул к ближайшему магу, а оставшийся в живых человек обнажил парные сабли. Прежде чем умереть, орк захватил с собой одного из волшебников.

Два мага взяли уцелевшего Серого в оборот. Тот бросился на ближайшего архимага, взмахнул саблей, но посох преградил ей дорогу. На мгновение полыхнуло, и Серый отлетел назад, к самой кромке моря. Эграсса выстрелил из лука и попал встающему с мор-

ской гальки человеку в спину. Тот развернулся в сторону новой опасности, и тут же архимаги набросили на Серого волшебную сеть, горящую изумрудным огнем. Заклятие разрезало его на десятки кусков. Я отвернулся.

— Нам повезло, что это были солдаты, а не маги,— пробормотала Кли-кли.— Знай Серые волшебство, орденцам пришлось бы хуже.

Один из архимагов, достаточно молодой и чем-то внешне похожий на Вальдера, подбежал к нам:

— Вы достали Рог?!

— Да, ваше магичество,— поклонился Эграсса.

— Сейчас не до этикета, темный! — отрывисто бросил маг.— Мы получили ваше сообщение, и весь Совет уже собран! Где артефакт?!

Я полез в сумку. Череда взрывов донеслась до нас со стороны города.

— Еще час, и нечего будет спасать! Быстрее!

Архимаг выхватил Рог из моих рук. Бумкнуло, и трое волшебников исчезли, даже не озаботившись прихватить с собой тело погибшего товарища. Нас, естественно, архимаги с собой не пригласили.

— И что нам делать теперь? — ядовито осведомился Халлас.

— Теперь? — Эграсса задумчиво посмотрел на море.— Теперь будем ждать.

Мы остались на холодном и продуваемом всеми ветрами морском берегу.

Ждать.

Война с Неназываемым окончилась так же неожиданно, как и началась. Уцелевший Совет Ордена не подкачал и наполнил Рог Радуги силой по самую верхушку. Колдун сразу же потерял способность колдовать, а без колдовства армия Неназываемого оставалась лишь армией, а на нашей стороне был Орден.

Великаны, почувствовав, что их владыка потерял силы, в страхе бежали. Огры, пришедшие в Валиостр, сдохли от заклятия магов гораздо раньше. Так что в основном нам противостояли люди — варвары, северные племена, остатки воинов Рачьего герцогства и куча другого отребья. Их все еще оставалось гораздо больше, чем наших солдат, но даже несмотря на проломы в стене, обстрелы города из катапульт, страшную атаку шаманов колдуна, не растерявших своих сил, Авендум держался.

Битва длилась еще пять дней, то затихая, то вновь возобновляясь. На второй день молодой король оттянул все войска в город, решив не давать генерального сражения и не выходить в поле. Гномы сняли с бастиона все пушки и перенесли на стены. Началась оборона.

Бывали дни, когда тот или иной участок стены по шесть-семь раз переходил из рук в руки. Нас отбрасывали, мы вновь скидывали противника за стены, а он опять лез. И так продолжалось до бесконечности. Мы едва вновь все не потеряли, когда сторонники Неназываемого из числа городских жителей чуть не прорвались к Рогу Радуги. Но Арцивус берег артефакт как зеницу ока, и предателей встретила сталь и магия. Те из сторонников Неназываемого, кто по глупости своей решил сдаться в плен, был четвертован или повешен на городской стене в назидание агрессорам.

Несмотря на потери, мы выстояли. В одно из прекраснейших декабрьских утр раздался рев рогов, и подоспевшая Вторая южная армия, а также Первая западная и Третья ударная, усиленная ребятами из Мирануэха и добровольцами из Исилии, от всей души ударили в тыл ничего не подозревающему противнику.

Сталкон собрал все силы и вывел их за стены, вмазав врагам в лоб. У противника все еще оставалось численное превосходство, но он дрогнул и побежал. Неназываемый тоже не стал ждать, когда с ним поговорит Орден, и драпанул так, что пятки засверкали. Армия погнала отступающего противника на север и гнала его до самого Одинокого Великана.

Все сходились в одном: Неназываемый не скоро оправится от такого удара и решится напасть на королевство не ранее как лет через пятьсот—шестьсот. Будем надеяться, что, если колдун все же вздумает вернуться и вновь попробует укусить Валиостр за пятку, Орден не будет щелкать клювом и вовремя достанет Рог Радуги из старого, заросшего паутиной сундука.

Пока армия была занята войной на севере и добиванием тех, кто никак не хотел добиваться, столица потихоньку приходила в норму. Дел у всех было по горло, но каждый горожанин ходил радостный и довольный, словно он самолично засунул Рог Радуги в зад проклятому колдуну.

Но победа победой, а жить как-то надо. Армию содержать тоже. Так что налоги поползли вверх. Удивительно, но теперь, отдавая кровную деньгу королевским сборщикам, народ почти не роптал. Все как-то сразу уяснили, что лучше крепкая и сытая армия, чем Неназываемый на шее. Помню, как-то раз Фор сказал замечательную фразу: «Иногда королевству, чтобы встряхнуться и согнать с себя пыль, требуется война». Наверное, мой старый учитель, ныне пребывающий в далеком Гарраке, был прав. Война — это страшно, но после нее на многие вещи смотришь по-иному. Например, на спекулянтов.

Эти ребята, несмотря на то что городские склады отнюдь не были пустыми, а корабли и караваны из Исилии и Мирануэха до-

ставляли продукты регулярно, решили взвинтить цены и немножечко нажиться на своих же согражданах. Для расправы со спекулянтами не потребовалось ни указа короля, ни Королевских песочников, ни Бездушных егерей. Славные, добрые и милые жители Авендума отловили самых отъявленных барыг, забили им гвозди во все части тела, а затем подвесили на городской стене рядышком со сторонниками Неназываемого.

Как рассудили жители — между слугами Неназываемого и спекулянтами, искусственно создающими недостаток продуктов, нет никакой разницы. В принципе они были правы. Во всяком случае, король в это не вмешивался, хотя кое-кто поговаривал, что именно Сталкон (или его люди, не суть важно) прислал самодеятельным палачам гвозди. Расправа пошла на пользу всем, кроме прибитых спекулянтов. Больше никто не решался поднимать цены и воровать продукты.

Люди потихоньку возвращались в город, слушали на площадях глашатаев, повествующих о победах армии на севере и объединенных сил Валиостра, Пограничного королевства и темных эльфов на юге над орками, а затем отстраивали порушенные войной дома и налаживали жизнь. Постепенно все становилось по-прежнему.

Что до нашей маленькой компании, то тут все пошло кувырком. Как только маги разобрались с делами (читай с Неназываемым), меня взяли в оборот. Ко мне приставили старого моего дружка Родерика, и тот ходил за Гарретом точно хвост. А если серьезно, всю нашу компанию на целый месяц запихали в королевский дворец. Что там делали с остальными — не знаю, но лично меня по три раза на дню допрашивал кто-нибудь из архимагов. В основном их интересовал Храд Спайн. Архимаги задавали вопросы, я рассказывал, Родерик записывал. И так до бесконечности. Дважды я имел счастье видеть Арцивуса.

Старик за время моего путешествия еще больше сдал. Похудел да и кашлять стал сильнее. Казалось, холод съедает его. Он постоянно кутался в теплое одеяло и дрожал. Родерик ежечасно приносил своему учителю лекарство. Мне было жаль магистра Ордена, и слепой видел, каких сил ему стоили все эти разговоры. Архимаг тоже задавал мне вопросы, но куда более щекотливые, и мне приходилось юлить и врать. Не хотелось рассказывать Ордену про Хозяина, мир Хаоса и тому подобные штуки.

Казалось, я поведал Ордену все, что мог, но маги все спрашивали и спрашивали. И пришлось рассказывать во второй раз, в третий раз и даже в четвертый. Из меня вытягивали все, самые мельчайшие детали, и конца-краю этому видно не было.

Своих друзей я практически не видел. Лишь Кли-кли, взявшаяся опекать молодого короля (это она так мне говорила), иногда забегала ко мне и делилась новостями. Халлас, Угорь и Фонарщик были вместе с Дикими, оставшимися в живых после Одинокого Великана и Поля Фей. Медок и Непобедимый, слава Саготу, выжили в битве при Авендуме и теперь тоже были рядом с друзьями.

Король пока не отпускал Диких и держал их подле себя. Что касается Эграссы, то он совершенно неожиданно для себя стал главой дома Черной розы, так как треш Эпилорсса погиб в битве на Поле Фей, и лиственная корона перешла к двоюродному брату Миралиссы. Сейчас Эграсса был вместе с теми эльфами, что пришли сражаться за Валиостр, но, по словам Кли-кли, через пару недель темный отправится в Заграбу.

Наконец, когда я тьма знает по какому разу рассказал свою историю магам, они махнули на меня рукой и сказали, что я могу валить на все четыре стороны.

— Пи-и-раги! Пи-и-ираги!

— Какого хрена прешь?! Не видишь, что я иду?!

— Да кто ты такая?! Старая выдра!

— От выдры и слышу!

— Доблестная армия Валиостра!

— Слышали?! Вчера в Портовом городе грабанули карету, везущую кучу золота!

— Врешь небось? Чего карете с золотом делать в Портовом городе?

— Говорят, корабли из Исилии будут приходить в три раза чаще.

— Слава королю, если бы не он...

— Да здравствует король!

— А правда, что темные перебили всех орков и теперь пошли на карликов войной?!

— Ну и дурак ты, братец, раз такую ерунду рассказываешь!

— Пи-и-раги!

Ничего в нашем мире не меняется. Даже если с начала войны прошло всего лишь полтора месяца, народ уже занят своим любимым делом — сплетнями.

Середина января выдалась донельзя холодной и снежной, но горожан это нисколько не смущало, и улицы были полны праздношатающегося народа. Отмечали очередную победу: армия отбросила последних врагов за Одинокого Великана.

На сегодняшний поздний вечер у меня была запланирована встреча со всей компанией в одном из трактиров Внутреннего города. Наконец-то появится возможность увидеться. Но это вечером, а

сейчас мне абсолютно нечего делать. И чтобы хоть как-то убить время, я решил сходить кое-куда и проверить одну очень занимавшую меня в последнее время штуку.

Пока шел к улице Сонного Пса, думал о том, чем мне следует заняться в ближайшие недели. Ничего путного в голову не приходило. Поездочка в дальние края порядком выбила меня из колеи городских событий и дел, и теперь следовало наверстывать упущенное. Да и берлогу надо новую подыскивать.

Любопытство свое я удовлетворил. «Нож и Топор» вопреки всему стоял на прежнем месте. Несмотря на учиненный прошлым летом во время памятной драки за Коня Теней разгром, трактир был как новенький. Дыры, что проломили демоны в стенах, оказались мастерски заделанными, да и все здание выглядело так, словно Вухджааз и Щдуырук к нему ближе чем на сто ярдов никогда не подходили. Даже вывеска осталась прежней. Я толкнул дверь заведения и вошел.

Громилы, стоявшие на входе, были мне незнакомы, зато меня они, как видно, очень хорошо знали и пропустили без всяких вопросов, разве что воинский салют не отдали. В зале сделали ремонт, и теперь здесь было как всегда шумно и многолюдно. Воровская братия и мошенники разных мастей заняли все столы и лавки. Служанки сновали между них и разносили снедь и пиво.

Меня конечно же заметили и конечно же не подали виду, что узнали, хотя на лицах многих знакомых и малознакомых я видел удивление и даже некоторый испуг. Я кивнул двум-трем своим знакомцам и направился прямиком к стойке.

Старина Гозмо, как всегда, стоял на боевом посту. Когда старый плут меня увидел, его чуть удар не хватил. Вытянутая физиономия трактирщика стала тоскливой до невозможности. Бывший вор то бледнел, то багровел. Наконец он нашел в себе силы вымолвить:

— Гаррет?!

— Рад, что ты меня не забыл, Гозмо.

— Какого...?! Откуда ты взялся?

— В смысле? — Похоже, мне тут были не очень рады.

— Ну...— смутился Гозмо.— Говорили, что ты навсегда покинул Авендум. Как и Фор.

— Кто говорил?

— Все говорят. Рад, что это не так.

Как же, верю.

— Вижу, твои дела идут как и прежде.

— Не твоими стараниями,— буркнул трактирщик. Кажется, он пришел в себя от удивления.— Ты, думаю, видел, что ребята Маркуна вкупе с доралиссцами и этими двумя чудовищами здесь устрои-

ли?! Знаешь, сколько денег мне пришлось убить, чтобы восстановить все как было?! Не боишься, что я выставлю тебе счет?!

— Не боюсь.— Я мило улыбнулся ему.

Гозмо от этой улыбки прикусил язык.

— Согласись, что порушенный трактир куда лучше, чем загубленная репутация, Маркун на шее и прощание с жизнью?

— Гангрена ты, Гаррет.

— Стараюсь. Мой стол свободен?

— Угу.

— Пиво. Темное.

Я, усмехаясь, направился к столу. Гозмо, если честно, получил в ту ночь по заслугам. Хотя я и был рад узнать, что старый прохиндей и его заведение живы-здоровы.

Мне принесли заказанное пиво, так что в следующие несколько минут я ничего не делал и просто наслаждался. Тут неожиданно рядом кто-то присел на свободный стул. Я оторвался от изучения кружки и взглянул на незваного гостя. Маленький, черноволосый, со сросшимися у переносицы густыми бровями и каменным лицом.

Ого! Какие люди решили почтить меня своим присутствием! Сам Ургез, глава гильдии наемных убийц!

— Пива? — предложил я ему.

— Благодарю, в следующий раз,— отказался он.

Интересно, что ему от меня потребовалось?

— Прошел слух, что ты вернулся в город,— решил проверить.

— Слухи очень быстро распространяются,— согласился я с Ургезом. Не прошло и десяти минут с момента моего появления в «Ноже и Топоре», а об этом уже знает все городское дно.

— Так о слухах я и пришел поговорить. Не возражаешь, мастер-вор?

— Отнюдь, мастер-убийца.— С такими людьми, как Ургез, всегда следует быть вежливыми.

— Ходил слушок, что один наемный убийца очень старался добыть твою голову. Также говорят, что обитель Сагота подверглась нападению. Несколько удалых молодцов хотели добраться до старины Фора. Хочу сказать, что к гильдии эти люди не имеют никакого отношения. Моим ребятам нет нужды портить дружбу с ворами, а тем паче со служителями Сагота.

— Я знаю, что это не твои ребята.

— Ну вот и славно. От себя хочу сказать, что у гильдии к этому залетному есть парочка вопросов. Он, как говорят, прикрывался моим именем, а я этого не люблю. Так что мы его ищем.

— Нет нужды. Он больше не доставит вам неприятностей.

— Тем лучше.— Глава гильдии нисколько не удивился.— Бывай, Гаррет.

— Бывай, Ургез.

С делами было покончено, и глава убийц ушел. Что ж, неприятности улажены. Я, если честно, рад, что парни Ургеза не имеют никакого отношения к тем нескольким покушениям, что едва не отправили меня в свет прошлым летом. Воевать с Ургезом опасно для здоровья.

— Разрешишь присесть?

Похоже, у меня сегодня незапланированный вечер приемов. На этот раз возле столика застыл Шелоз. Позади него маячила шестерка молодых бычков-охранников.

— Присаживайся.

Шелоз сел, охранники остались стоять.

— Прошел слух, что ты вернулся в город,— решил проверить.

Они сговорились, что ли? Шелоз, если кто не знает, был тем самым парнем, что воевал с Маркуном за право управлять гильдией воров.

— Вернулся.

— Я всегда уважал тебя, Гаррет...

— Взаимно.

Шелоз и впрямь был неплохим человеком и вором. Думаю, под его управлением гильдии будет гораздо лучше, чем при Маркуне.

— Знаю, что раньше у тебя были проблемы с гильдией, впрочем, как и у всех нас. Эта толстая свинья Маркун лишь воровал деньги для себя. Сейчас все изменилось. Так что хочу сказать тебе, что, если возникнет желание вернуться в лоно родного дома, мы все будем рады. Естественно, возьмем без всяких вступительных взносов и процентов с Заказов.

— Почетный член? — усмехнулся я.

— Почему бы и нет? Уважаемые мастера не должны платить деньги за свою работу. Достаточно того, что они состоят в гильдии и делают ей имя.

— С чего такая щедрость, Шелоз?

— Ну...— Он помялся.— Если раскрыть карты, Гаррет, то я лично обязан тебе избавлением от Маркуна. Да и многие ребята тоже, можешь мне поверить. Без этой жирной пиявки все пошло на лад. Считай, что это моя маленькая благодарность. Не люблю быть должником. Так что ты подумай о возвращении.

— Хорошо. Подумаю.

— Отлично. Увидимся, мастер.

— Увидимся.

Шелоз с ребятами свалил, а я действительно стал прикидывать: стоит ли возвращаться в гильдию или продолжить работу на вольных хлебах? И тот и другой вариант сулил свои плюсы и свои минусы, так что было о чем подумать.

Время незаметно подошло к тому, что мне пора было отправляться в путь. Я кивнул на прощание Гозмо, попросив записать пиво на мой счет, и вышел на улицу.

Уже было темно и народу поубавилось. Пошел снег. При полном безветрии снежинки плавно и совершенно беззвучно падали на мостовую. А тьма! Кажется, я просидел в заведении у Гозмо несколько дольше, чем планировал. Следует поспешить.

Пошел переулками, срезая путь. Так было намного быстрее, хотя прогулки через подворотни Портового города для неопытного человека в достаточно большом проценте случаев заканчивались потерей кошелька, а то и жизни. Так что, петляя в полутемных и полупустых пространствах, я не терял бдительности и держал арбалет под рукой. Всегда найдется идиот, жадный до чужих денег.

Сагот миловал, по дороге мне не встретилось ни одного человека. Правда, однажды посчастливилось наткнуться на десяток стражников. Ребята проводили меня крайне недобрыми взглядами, но на этот раз вопросы задавать не стали. Я свернул в переулок Вонючих Клопов, из него вышел на улицу Яблок, проскочил через Малый Кислый переулок, завернул в темную арку и...

И тут кто-то проворно и очень крепко схватил меня сзади за плечи. Я дернулся, потянулся за оружием, и неизвестный тут же одной рукой блокировал мне руку, а второй так сжал шею, что я едва мог дышать, не говоря уже о том, чтобы дергаться. Парень, стоявший за моей спиной, был зверски силен.

— Вряд ли тебе поможет оружие, Гаррет,— произнес насмешливый голос, и я, вздрогнув, прекратил всяческое сопротивление.

Посланник! Чтобы его тьма забрала!

— Мм? Как вижу, ты меня узнал, вор. Что ж, тем лучше. Сейчас я тебя отпущу, но не вздумай делать глупости. Ведь ты же умный человек, правда?

Я промолчал.

— Ну вот и хорошо,— хмыкнул самый главный слуга Хозяина.— Как я вижу, ты добыл Рог.

— Представь себе,— вымолвил я, отчаянно соображая, что ему могло от меня потребоваться.— Ведь ты и твой повелитель не предполагали, что я смогу добраться до него?

Тихий смешок.

— Не льсти себе, Гаррет. Ты думаешь, Хозяин не знал, как пойдет Игра? Рог был у тебя только потому, что он этого захотел.

Тварь разжала руки, и я, сделав шаг от него, обернулся. Он опять стоял в полумраке, и я видел лишь темную тень и золотые глаза.

— Зачем ты пришел?

— Мне показалось или ты не рад меня видеть?

Молчу.

— Ладно, Гаррет,— вздохнул Посланник, и его глаза сверкнули.— Пора платить долги.

— Долги?!

— Неужели ты забыл о договоре?

— Я помню наш договор, Джок.— Я и сам не заметил, как назвал настоящее имя Посланника.

— Это хорошо.— Он, казалось, не обратил никакого внимания на мою оговорку.— Хозяин просит тебя исполнить Заказ.

Я вздохнул. Очень не хочется ничего делать ни для какого Хозяина, но сделка есть сделка. Да и от Посланника, способного появиться где угодно и в любое время, так просто не избавишься. Как назло, в переулке не было никого, кроме нас.

— Каковы условия Заказа?

— О! Все очень просто, вор. Сегодня до полуночи ты должен выкрасть из башни Ордена Рог Радуги.

Вас когда-нибудь били кувалдой по башке?

— Что?! Твой господин издевается?! Я не буду этого делать!

— Почему?

— Почему?! Это невозможно! Мало того что он просит забраться в башню Ордена, так еще и украсть Рог Радуги! Да там через каждый ярд по волшебнику!

— Вот что я тебе скажу, Гаррет. Ты достанешь этот артефакт. Достанешь сегодня до полуночи. И не только потому, что согласился на сделку. Ты сам захочешь нам помочь в самые кратчайшие сроки, как только я тебе расскажу, что произошло.

— И что же произошло?

По мне пусть хоть луна упадет. По собственному желанию Рог доставать я не буду.

— Игрок предал Хозяина.

— Не улавливаю связи.

— Игрок предал моего Хозяина и теперь служит другому. Сегодня великая ночь, Гаррет. Ты даже не представляешь, насколько великая. Решается партия Игры. Если Игрок последует приказаниям нашего противника, то равновесие рухнет и кое-кто вырвется из Костяных дворцов. Если это случится, Сиала вернется к началу Тем-

ной эпохи. Моему Хозяину очень бы не хотелось все создавать заново. Рог Радуги — это то, что сможет поколебать весы равновесия.

— Хорошо, хорошо. Давай по порядку. При чем тут Рог и этот Игрок?

— Если Игрок использует Рог, то Игра будет проиграна.

— Так сделайте так, чтобы он не завладел артефактом.

— Он уже сделал это.

— О! — многозначительно произнес я, соображая.— Ну так убейте Игрока.

— На то он и Игрок, что Хозяева не имеют права его убивать.

— Мне показалось, что ты говорил о том, что Хозяин знал, как пойдет Игра? Неужели он не мог предугадать, что Рог попадет не в те руки?.. Стоп! Кто такой Игрок?

— Верно мыслишь, Гаррет. Верно. Хозяин все просчитал, но нет тех, кто не ошибается, особенно если приходится полагаться на людей. Люди слабы, и Игрок не оказался исключением. Хозяин знал, что Рог попадет к Игроку, но не предполагал, что старый лис перебежит в чужую нору. Я говорю об Арцивусе.

— Нет. Не может быть!

— Почему? Хозяин знал, что ты обязательно передашь Рог Радуги Ордену, а значит, Арцивусу.

— Но почему он? — Я мог поверить во все что угодно, но чтобы славный старикан Арцивус оказался Влиятельным, желающим убить меня...

— Что тебя так удивляет? Игроком может стать только маг. Хозяин за службу обещал ему знание и власть.

— А что обещал другой?

— Молодость и бессмертие.

— Тогда все понятно.

А затем Посланник стал рассказывать. Именно Арцивус выбрал мою кандидатуру для похода за Рогом. Он думал, что я не справлюсь и артефакт останется в Храд Спайне.

Затем, когда звезды сказали другое, он решил убить меня. Но тут вмешался Хозяин и лично запретил магу трогать меня. Зато Арцивус нашел Бледного. Именно кольцо архимага показывали в королевской библиотеке два мастера-вора и именно поэтому убили старика Болта.

Люди Арцивуса украли Коня Теней. Архимагу волшебная вещь, способная повелевать демонами, нужна была для своих нужд (к этому времени Хозяин из другого мира уже смог соблазнить старого мага), и он не хотел делиться им с Орденом. Но так уж вышло, что на сцене вновь появился вездесущий Гаррет, и Арцивусу пришлось

спасать Коня Теней, дабы не вызвать подозрений у Танцующего Силы.

Когда после разборки с Конем Теней я ехал в карете магистра Ордена, жизнь моя висела на волоске. Старина Арцивус вовсе не собирался везти меня к королю, он слушал мой рассказ, проверяя, догадался ли я о том, что магистр Ордена замешан в истории с картами Храд Спайна и Конем Теней, и вез меня в «ласковые руки» шайки убийц. Меня спасли слова, что бумаг Храд Спайна при мне нет. Арцивус отпустил меня и натравил убийц на Фора, разумно предполагая, что документы могут быть у него.

— Я мог бы продолжить, вор, но время дорого. Ты должен украсть Рог.

— И все равно слишком много нестыковок в твоем повествовании,— сказал я.— Рог в руках Арцивуса уже больше месяца. Почему именно эта ночь? Он мог все провернуть сразу после того, как получил его. Во время штурма города, когда все заняты, без всяких помех.

— Да, он мог бы воспользоваться Рогом в самом начале, но не добился бы того результата, которого ожидает его новый Хозяин. Только в сегодняшнюю ночь можно соединить Коня Теней и Рог Радуги.

— Спорю на что угодно, что твой Хозяин знал о предательстве Игрока давно. И уж точно он догадывался, что произойдет сегодняшней ночью. Так?

— Предположим.

— Тогда, во имя Сагота, почему нельзя было выкрасть артефакт раньше?! Почему сегодня?! Почему ты не сказал мне об этом за неделю?! За месяц?!

Мне показалось, что он усмехнулся.

— Тогда бы не было риска. Остроты Игры. Интереса. Ты — козырная карта Хозяина. Ему хотелось посмотреть, как ты сможешь разобраться с делами в самый последний момент.

Подумать только! Мир стоит на краю пропасти, а Хозяин все еще играет в игрушки!

— Тогда почему Арцивус отпустил меня? Развязал руки?

— Не льсти себе, Гаррет. Да, он знает, что ты Танцующий с тенями, но он ведать не ведает о твоей сделке с Хозяином и думает, что ты совсем ни о чем не догадываешься. Так ты достанешь Рог?

— У меня ведь нет выбора, да? — Я горько усмехнулся.

— Боюсь, что так. Или Рог Радуги избежит рук Игрока, или... Ты просто не представляешь, на что способна эта волшебная вещь, если ее соединить в такую ночь с Конем Теней! Весы рухнут, Дома Силы

падут, и от вашего... от нашего мира мало что останется. Игра будет проиграна. Насовсем. Ты ведь этого не хочешь?

— Мне нет дела до вашей Игры. Но я постараюсь достать Рог. Каков задаток?

—Твоя жизнь. Как тебе?

— Вполне. Оплата?

— Добудь Рог, и ты больше никогда меня не увидишь.

Лично меня такой расклад устраивает как никого другого.

—Я прошу принять Гаррета-тень мой Заказ.

— Я принимаю Заказ.

—Услышано, вор. Напоследок советую успеть до полуночи. В полночь Игрок начнет ритуал, и тогда вряд ли ты сможешь украсть артефакт у него из-под носа.

— Я вообще сомневаюсь, что смогу проникнуть в башню Ордена. Не рассчитываю, что, заметив меня, волшебники не будут задавать вопросов.

— Никого из магов нет в башне. Арцивус всех отослал.

— Мне не легче. Туда еще надо попасть.

— Здесь я тебе помочь не могу. В башни Ордена мне дороги нет.

— Послушай, какой смысл ему это делать? Разве магистр не понимает, что после того, что он сотворит, всему придет конец?

— Почему не понимает? Очень даже понимает. Но миров много, ему будет куда уйти.

— Если Игра закончится, то что?

— Что? О! Выигравший получит приз, а Игра начнется по новой.

— Приз? Какой приз?

— Ты ведь был в мире Хаоса и тенях?

— Да.

— Тот, кто выиграет Игру, получит в качестве награды одну из теней Изначального мира. Представь себе — с ее помощью можно создать совершенно новый, идеальный мир. Такой, где будут учтены ошибки, допущенные в других вселенных. Победа — это реальный шанс создать совершенство и выставить его на следующую Игру.

Говоря эти слова, Посланник наконец-то вышел из тени на лунный свет. Я вздрогнул. Он в общем-то не очень изменился со времен моего сна-яви. Если не считать того, что теперь парень был черен как смоль, имел крылья за спиной и золотистые глаза, внешне он все еще оставался Джоком Имарго. Во всяком случае, лицо не претерпело никаких явных изменений.

Тьма побери всех Хозяев и их дурацкие Игры! Миры для них — не более чем козырные карты! Они играют, а мне расхлебывать!

— Что мне делать, когда я добуду Рог? — вздохнул я.

— Просто добудь. Тем самым ты помешаешь ритуалу, партия Игры кончится, Игрок станет узвимым, Хозяин его убьет, Рог останется у Ордена, и все закончится.

Сказал, взмахнул крыльями и исчез, словно его и не было.

С тех пор как я расстался с Посланником, прошло уже больше часа. Как проникнуть в цитадель Ордена, я совершенно не представлял. Да и планов башни я не знал. С виду она не такая уж и большая, но, помня заброшенную башню на Закрытой территории, можно было ожидать и от этой чего угодно. Например, шуток с измерениями и пространствами. Внутри она вполне могла оказаться куда больше, чем снаружи. Не хотелось бы в ней заплутать.

Тут боги, как назло, заставили меня вспомнить о том, что Кли-кли однажды хвасталась мне, что она, мол, была в новой башне Ордена и теперь с закрытыми глазами найдет в ней любое помещение. Врала! Клянусь зенками Посланника — врала! Но выбора-то у меня сейчас не было.

Я успел перехватить гоблиншу, когда она уже заходила в трактир, где у нас была запланирована встреча. Пришлось оттаскивать ее в сторону и задавать вопросы. Конечно же она разом почуяла неладное и вцепилась в меня так, что я волей-неволей выложил ей все. Узнав про Арцивуса, она лишь кивнула и, поняв, что от меня требует Хозяин, навязалась в спутницы.

Я уговаривал. Я уламывал. Я убеждал. Я угрожал. Давил на совесть, просил прислушаться к разуму — ничего не помогало. Кли-кли встала в позу оскорбленной невинности и выдала, что либо она идет со мной, либо мне придется самому выпутываться из сложившейся ситуации. Окончательно меня добила фраза, что она знает, как войти в башню, не привлекая внимания. Я согласился. Право слово, если ей недорога своя голова, почему я должен о ней заботиться?! Мы не стали звать наших, оставив их в трактире в неведении. Ни к чему рисковать в данном предприятии жизнями своих друзей, да и вряд ли тут помогут мечи.

Площадь, на которой возвышалась бледно-голубая громадина Ордена, оказалась совершенно пустой и покрытой снегом. Я вздрогнул. Так некстати вспомнился сон, где я разговаривал с Серым.

Вещий сон. Равновесие действительно может рухнуть. При свете луны и волшебных фонарей башня казалась вырубленной из ледяных глыб. Лишь на самом верхнем этаже горели огни.

— Ну и как войти, не привлекая внимания? — спросил я у гоблинши.

— Сейчас покажу.

Она прошествовала к вычурной, покрытой завитками двери и остановилась.

— Вот.

— И как это понимать? — ядовито прошипел я.

—Ты сказал, чтобы я показала тебе дорогу в башню, вот я и показала,— не моргнув глазом произнесла Кли-кли.

— Кли-кли,— сказал я, стараясь взять себя в руки.— Ты издеваешься, да?

— Ничего я не издеваюсь! Единственный путь в башню Ордена лежит через дверь, или ты думаешь, что маги не озаботились перекрыть все другие выходы?

Мог бы и сам догадаться! Купился, как дурак!

— Ты вообще-то внутри была?

— Была. Вместе с королем. Только дальше первого этажа меня они почему-то не пустили.

— Тогда зачем ты мне нужна?

— Чтобы спасать твою шею. И в магии я кое-чего смыслю.

— Кли-кли! Не прикидывайся глупее, чем ты есть! Ты же прекрасно понимаешь, что с магистром Ордена тебе не справиться.

— Слушай, Гаррет, займись делом. Мы с тобой, как два дурака, торчим возле двери в святая святых Ордена. Давай работай отмычками, а то, не ровен час, нас кто-нибудь увидит.

— Боюсь, что маги вряд ли озаботились поставить на дверь замки. Тут что-то другое.

—Так проверь! Я вор или ты?!

Действительно, торчать на виду — глупость. С гоблиншей я поговорю после (если будет это после).

Я протянул руку к дверному кольцу. Осторожно потянул на себя. Дверь даже не шелохнулась. Потянул сильнее. Тот же эффект. М-дя.

— Откройся,— прошептал Вальдер, и дверь башни неожиданно легко поддалась.

— Ого! — восхищенно выдохнула Кли-кли.— Как тебе это удалось?!

— Повезло,— буркнул я, в который раз благодаря судьбу за то, что она свела меня с мертвым архимагом.— Жди меня на краю площади. Если не выйду через час, иди к королю.

— Угу,— сказала гоблинша и, юркнув в дверь, оказалась внутри.— Так я и побежала, Гаррет-баррет. Неужели ты думаешь, что все славные подвиги я оставлю для тебя?

— Кли-кли...

— Я знаю, что я Кли-кли. Оставь этот тон. От меня ты не избавишься.

— А если я тебя свяжу?

— Пр-редупр-реждаю! Я буду кусаться!

Я плюнул. Ну ее во тьму! Хочет неприятностей, пусть идет!

— Ладно! Но чтобы под ногами у меня не крутилась!

— Когда это я крутилась у тебя под ногами?— спросила она и тут же прикусила язык.

Мы находились в ярко освещенном холле первого этажа башни. За ним начинались три коридора и лестница.

— Не шуми,— предупредил я на всякий случай свою спутницу.

— Башня гораздо больше, чем кажется.— Теперь настала очередь Кли-кли предупреждать меня.

— Знаю,— ответил я ей и позвал Вальдера: — Вальдер!

— Да?

— Ты знаешь, куда надо идти?

— Я здесь впервые, но их все строят по одним и тем же чертежам. Думаю, тебе на лестницу.

— А дальше?

— Если магистр собирается провести ритуал, то это случится в зале Совета. Магическое зеркало усилит его заклятия.

— Понял.

— Ты знаешь, мне эта история с Рогом и башней что-то напоминает. Как я вижу, не только Земмел решил поиграть в Игры великих. Будь осторожен.— Сказал и затих.

— Долго ты будешь стоять, уставившись в одну точку? — осведомилась Кли-кли. Естественно, она не слышала моего разговора с архимагом.

— Нам туда.

Лестница из темно-фиолетового мрамора серпантином ввинчивалась в башню. Поначалу мы шли осторожно, опасаясь, что кроме Арцивуса здесь еще кто-то есть, но спустя три этажа пошли увереннее.

— Сколько осталось до полуночи?

— Больше часа,— пропыхтела она.— Успеваем. Главное — не нарваться на Арцивуса.

Пятый этаж. Шестой. На седьмом я бросил быстрый взгляд в ярко освещенный коридор и увидел, что вдалеке, привалившись к стене, сидит человек. На миг я похолодел, подумав, что это Арцивус. Нет, вроде Сагот миловал. Да и сидел человек как-то странно.

— Кли-кли,— позвал я гоблиншу, уже поднимающуюся по лестнице дальше.

— Да?

Молча указал глазами на неизвестного.

— Надо проверить!

— Тебе делать нечего?

— Надо проверить, Танцующий. Нельзя оставлять у себя в тылу непонятно кого.

—Хорошо, только осторожно.— Я достал арбалет.

Мы шли по коридору. Человек не шевелился. Затем я разглядел, кто это, и бросился вперед.

Кто-то очень нехороший разбил голову Родерику. Весь пол и стена, к которой он привалился, были в крови.

— А тьма! — выругался я.— Кто же его так?

— Вестимо кто. Не суетись, Гаррет. Паренек мертв. Наверное, он что-то понял, и его старый учитель решил избавиться от ученика. Небось шарахнул посохом по затылку, и все дела.

— Он мне однажды жизнь спас. Жалко парня.

— Скоро нас всех нужно будет пожалеть, если мы не поторопимся. Давай, Гаррет. Ему мы теперь ничем не поможем. Слушай, а чегой-то дверь открыта, а?

Только сейчас я обратил внимание на то, что ближайшая к нам дверь приоткрыта. Кли-кли тут же сунула свой любопытный нос туда, куда не следует.

— Ух! Ты глянь, Гаррет, что здесь!

Я глянул. Немереных размеров зал был под завязку набит коробками и всякими странными штуками. Не удивлюсь, если это склад магических побрякушек.

— Склад артефактов! — Кли-кли думала то же, что и я.— Может, Рог еще здесь?

— Давай проверим,— тут же согласился я.— Только быстро!

На складе было все, начиная со стеллажей, на которых находились свитки с заклятиями, и заканчивая совершенно непонятными светящимися предметами. Не было только Рога Радуги и Коня Теней.

— Похоже, мы тут ходим без толку,— первой сдалась Кли-кли.

— Похоже,— вздохнул я и уставился на стеллаж, заставленный разноцветными сияющими шариками.

Один из них привлек мое внимание. Он был серого цвета, полупрозрачный, и в нем можно было разглядеть два знакомых мне силуэта. Я направился к стеллажу, и тут башня тихонько содрогнулась.

— Что это? — испуганно озираясь, спросила Кли-кли.

— Не знаю,— озадаченно произнес я.

— Начался! — произнес Вальдер.— Ритуал начался!

— Как начался?! — во весь голос заорал я.— Ведь еще нет полуночи!!!

— Гаррет, ты о чем? — изумленно спросила Кли-кли.

— Плохо дело, Кли-кли. Арцивусу не терпится!

— И что нам делать?

Я не успел ей ответить.

— Пусть гоблинша уйдет! — попросил Вальдер.

— Что?!

— Пусть уйдет, Гаррет. Она слишком сильная шаманша, я и так слаб. Когда она рядом, становится совсем плохо. Сегодня мне понадобятся все мои силы.

— И как я ей скажу? Ты понимаешь, что она ни одному моему слову не поверит?!

— Гаррет, ты чего? — суетилась Кли-Кли.

— Дай я с ней сам поговорю.

Я расслабился, позволяя Вальдеру действовать.

— Да что с тобой проис... ой!

Она изумленными глазами уставилась на меня, как видно прислушиваясь к словам Вальдера. Я не слышал, о чем он с ней говорил, но Кли-кли поспешно кивала.

— Держись, Танцующий! — наконец сказала она мне.— Я приведу помощь.

Гоблинша бросилась прочь. Башня вновь вздрогнула.

— Чего это она?

—Так будет лучше. Нам с тобой следует остановить магистра.

— И как это сделать?

— Пока еще не знаю. Возьми его.

— Кого?

—Тот шар. Пригодится.

— А если они выберутся?

— Это отвлечет Игрока на время.

Я схватил шар, в котором были заключены оба демона. Холодный. Что ж, может, тогда Посланник и был прав — демоны сыграют в этой истории свою роль.

— Оставь арбалет. Сумку тоже. Все это будет ненужно,— продолжал распоряжаться Вальдер.— Хорошо. А теперь вперед, дружище!

Я выскочил в коридор и, сжимая в руках шар, бросился к лестнице.

— Как их освободить? — на бегу спросил я у Вальдера.

— Это магическая тюрьма. Я чувствую, что наверху закручиваются такие силы, что стоит поднести к ним шар — и он попросту рассыплется! Доверься мне.

И я доверился. Да мне больше ничего и не оставалось.

Теперь башня уже дрожала безостановочно. Мелкие толчки сотрясали лестницу и стены, и я начинал опасаться, что, не приведи Сагот, все строение развалится.

Дверь в зал Совета оказалась распахнута настежь, так что в одно мгновение я смог оценить все то, что происходит. Кажется, на все творящееся я смотрел глазами Вальдера.

Зеркальный пол отражал не виданные на Сиале созвездия, и в его глубине проскальзывали багровые всполохи. На расстоянии пяти ярдов друг от друга лежали Рог Радуги и Конь Теней.

Вокруг Рога уже разлилось постоянно меняющее цвет сияние. От Коня Теней то и дело отлетали багровые искорки. Они взмывали к прозрачному потолку и гасли. К артефактам тянулись толстые щупальца Силы. Между волшебными предметами медленно и неотвратимо разрасталось черное пятно. Рядом, воздев руки к потолку, застыла тщедушная фигурка мага. Арцивус стоял к нам спиной, и я сразу же пожалел, что оставил арбалет внизу.

— Не жалей,— сказал мне Вальдер.— Сейчас обычное оружие совершенно бесполезно.

— И что нам делать?

— Ждать. Еще не время.

Арцивус продолжал распевать заклинания на грубом языке, и башня то и дело вздрагивала. В зеркале все сильнее и сильнее полыхало багровое пламя. Черное пятно, находящееся прямо напротив Игрока, уже успело стать размером с приличную карету. Правда, черным теперь оно было только по краям, а вот в середине — прозрачным. И сквозь него был виден совершенно другой, странный мир.

Мир другого Хозяина.

Кажется, Арцивус собирался открыть проход для своего нового повелителя. Рог Радуги теперь сиял нестерпимым блеском, и на него невозможно было смотреть без боли. От Коня Теней к стеклянному куполу башни взлетал непрекращающийся сноп искр.

Неужели никто из архимагов и обычных волшебников столицы не чувствует того, что происходит?

Песня магистра Ордена взвилась, и я почувствовал, как Весы равновесия задрожали. Еще немного, и магия Арцивуса уничтожит все на десяток лиг в округе, не говоря уже о том, что, не выдержав таких магических колебаний, Весы равновесия попросту перевернутся.

А тьма! Опять Вальдер думает за меня!

— Пора! — неожиданно сказал мертвый архимаг.— Бросай!

Я как можно сильнее швырнул серый шар. Он пролетел почти через весь зал Совета и упал прямо за Арцивусом. Магистр Ордена был слишком занят заклятием и ничего не заметил.

Шар бесшумно лопнул и исчез.

— Вперед! Схвати Рог! — приказал Вальдер.— Освободи меня!

Я заколебался, не решаясь вбежать в зал, и тогда архимаг не мешкая взял под контроль мое тело. Я бросился вперед, к ярко сияющему артефакту. Только бы Арцивус не увидел меня раньше времени! Только бы не увидел!

Тем временем в помещении появились новые участники — два здоровых демона. Один серый, другой черный в малиновую крапинку.

Этих-то ребят магистр Ордена ну никак не мог не заметить. Слишком приметными они были. Арцивус прервал заклятие на полуслове, и его ладони засияли бирюзой.

— Вухджааз умный,— сообщил всем присутствующим серый демон и бросился на волшебника.

Бирюзовое пламя сорвалось с ладоней мага и ударило Вухджааза в грудь.

Никакого эффекта. На демонов не действует боевая магия.

Арцивус поспешно выкрикнул несколько слов, Конь Теней полыхнул, и чудовище, взвыв, отлетело в сторону да так и осталось лежать на полу, конвульсивно дергаясь. Похоже, в сражениях с выходцами из тьмы артефакт доралиссцев давал куда больший эффект, чем всякие фокусы.

Щдуырук выругался, протянул когтистые лапы к Коню Теней с явным желанием заграбастать вожделенную штуку. Мой бараноголовый друг явно забыл, что демон может обладать Конем Теней, если только кто-то из людей или доралиссцев по собственной воле передаст могучий артефакт ему в лапы. Конь Теней плюнул в наглеца искрами, и Щдуырук, взвыв, словно тысяча грешников, отшатнулся назад, тряся обожженной, а кое-где и обугленной рукой.

Все описанное выше заняло не больше трех секунд. Я как раз успел преодолеть большую часть пути до Рога. Арцивус, кажется, заметил меня, но не стал отвлекаться на мелочи и, наставив на Щдуырука палец, принялся произносить заклинание.

Демону совершенно не улыбалось разделить судьбу своего «умного» братца, поэтому он, повторно выругавшись, бросился в сторону и, пробив рогатой башкой одно из огромных стрельчатых окон, смылся. Надеюсь, он разобьется в лепешку.

Тем временем все внимание Арцивуса переместилось на меня. Рог Радуги был рядом, вот он — стоит только руки протянуть. Ну я и протянул. Сияние обожгло кожу даже через перчатки, я успел коснуться дудки и тут меня словно молнией ударило.

— Свободен! — выдохнул Вальдер.

Арцивус заверещал, и меня отшвырнуло прямо к телу мертвого Вухджааза. Я попытался встать, но голова кружилась, грудь болела,

и мне пришлось лежать на полу и наблюдать, как вполне реальный Вальдер устроил с Игроком магическую дуэль.

Мой друг обрушил на магистра Ордена поток волшебных ударов, и Арцивусу не оставалось времени, чтобы гадать, откуда в зале Совета появился этот странный и искушенный в магическом искусстве человек.

Игрок ударил, Вальдер отразил, ударил, и теперь уже старому магу пришлось защищаться. Башня дрогнула, и я, сплевывая кровь, незнамо как появившуюся во рту, подумал, что на этот раз уж все.

Рухнет.

Поединок между тем продолжался. Вальдер с трудом отразил багровый шар, тот воспарил к потолку, и стеклянный купол башни Ордена с оглушительным треском лопнул. Мириады острых осколков настоящим дождем обрушились на нас. Оба мага тут же прикрылись от смертельного ливня сияющими куполами. А Вальдеру пришлось закрывать еще и меня.

Затем поединок возобновился, и маги продолжили кружить по залу Совета, обмениваясь ударами. Каждый раз башня тряслась, как во время землетрясения. Казалось, сам воздух выл и стенал от магии, но никто из противников не мог одержать верх.

Я, приложив кучу усилий, встал на четвереньки и тихонько пополз к Рогу Радуги. Интересно, чем это меня так приложил Арцивус и как я умудрился выжить? Вроде на меня не обращали внимания, и я в который раз, сплюнув кровью, пополз несколько резвее.

Между тем Вальдер выкрикнул какую-то фразу и что есть сил оттолкнул от себя Арцивуса. Тот попятился назад и, прикоснувшись спиной к черной дыре, с криком исчез.

— Закрой портал, Гаррет! — заорал Вальдер.— Возьми Рог и закрой портал! Закрой, пока не стало совсем поздно!

Архимаг метнулся следом за Арцивусом.

Я полз.

Башня дрожала. Весы равновесия колебались. Мир замер в ожидании.

Я полз.

Башню уже просто колотило. Мне даже показалось, что волшебное зеркало дало трещину. До Рога осталось совсем немножко.

На этот раз радужное сияние встретило меня болью. Я заорал, из глаз брызнули слезы, но артефакт я все же схватил и тут же отбросил от себя как можно дальше. Рог Радуги вылетел за границу волшебного зеркала, и его сияние тут же погасло. Портал захлопнулся с оглушительным треском.

Грохот. Вспышка. Все тело пронзило холодом. Я разинул рот в немом крике, и меня поглотила ночь.

Пчелка узнала меня и, радостно фыркнув, потянулась за угощением. Я отдал ей заранее припасенное яблоко и потрепал по шее, тоже радуясь встрече. Как оказалось, когда Медок отправлялся из Кукушки в Авендум, он взял именно мою лошадь, за что я не уставал возносить Дикому бесконечные благодарности. Конюх уже оседлал Пчелку, и мне оставалось лишь навьючить на нее седельные сумки и отправиться в путь.

После того, что случилось в башне Ордена, я провалялся в кровати до середины весны. Не знаю, что спасло меня в ту ужасную ночь — сила Вальдера или простая удача,— но прибывшие на «пожар» маги были несколько удивлены, когда обнаружили лежащего возле разрушенной башни человека, сжимающего в руках Рог Радуги.

Все время, что я пробыл в беспамятстве, меня окружали заботой и вниманием. В общем, когда в начале весны я пришел в себя, оказавшиеся рядом с постелью волшебники первым делом спросили, что произошло и как мое здоровье. Именно в такой последовательности.

Слава Саготу, Кли-кли рассказала орденцам почти все, что знала, и меня не очень сильно донимали. Маги были слишком заняты спасением репутации Ордена и восстановлением башни, чтобы допрашивать вора. Так что они почти поверили моему предположению, что Арцивус ошибся в заклинании и из-за этого произошел магический взрыв. Что до Рога, то я действительно не знал, как он очутился в моих руках. Я точно помнил, что, прежде чем потерять сознание, отбросил его.

От меня отстали. Во всяком случае пока.

Все время лежать в кровати было безумно скучно. К тому же меня не баловали посещениями, и даже Кли-кли, первое время не отходившая от моей постели, в связи с какими-то дворцовыми неурядицами практически ко мне не заглядывала. А если и заглядывала, то на минутку, и тут же исчезала, даже не поделившись со мной новостями.

— Ты все же решился?

Я обернулся. Невесть как оказавшаяся в конюшне Кли-кли, прислонившись к стене, грызла морковку. На плече у нее восседал Непобедимый.

— Угу,— смутился я.— Пора. Хватит оттягивать.

— То есть ты намеревался смыться из города, даже не попрощавшись? — нахмурилась она.

— Я пробовал тебя найти.

Это было правдой, но во дворец меня не пускали, и в течение недели я не мог подать гоблинше никакой весточки. Она как в воду канула.

— Знаю,— вздохнула она.— Прости, тут дел навалилось. У нас новый король, слышал?

— Да уж весь город об этом твердит,— усмехнулся я.

К Сталкону Лишенному Короны внезапно вернулся рассудок, а так как он был старшим сыном Сталкона Девятого, то и прав у него было побольше, чем у Весеннего Жасмина.

— Как смотрит на это Весенний Жасмин?

— Даже рад. Он никогда не цеплялся за власть и с радостью передал бы брату корону. Только тот отказался. Старший слишком долго не знал о сотоянии дел в королевстве, чтобы принимать власть. Ты знаешь, я думаю, что это Арцивус виноват в том, что принц лишился рассудка.

— Мне пришла в голову та же мысль, Кли-кли. Весь вопрос в том: зачем это было нужно магистру?

— Кто поймет Игрока? Хотя я думаю, что принц каким-то образом узнал, что Арцивус не такой уж и добренький. Вот магу и пришлось... Убивать носителя королевской крови он не решился, так что превратил в дурака. А когда умер, заклятие пропало.

Мы помолчали. Я проверял сумки, Кли-кли грызла морковку. Непобедимый шевелил розовым носом.

— Я вижу, ты подружилась с лингом.

— Ага. Медок решил, что мышке на королевских харчах будет лучше. Я против зверька ничего не имею.

— Ты надолго задержишься в Авендуме?

— Не знаю. Я пока здесь нужна. Во всяком случае, останусь, пока все не уляжется. Затем вернусь домой. Надо помогать деду.

— Шаманить? — усмехнулся я.

— Шаманить,— усмехнулась она в ответ.— Может, и тебе не стоит уезжать?

— Стоит,— вздохнул я.— Меня в Авендуме теперь ничего не держит. Со всеми делами я уже разобрался, да и маги... Стоит уйти, пока они не вспомнили обо мне и Роге Радуги. Хозяин, несмотря ни на что, выиграл эту партию Игры.

— Будут и другие. Хотя лет через триста, если маги опять потеряют Рог, Валиостр ожидают неприятности.

— Я столько не проживу. Будут искать другого дурака, чтобы он им Рог доставал,— хмыкнул я.

— Еще как проживешь.— Она серьезно посмотрела на меня.— Ты ведь Танцующий.

— Что слышно о Щдуыруке? — спросил я, меняя тему разговора.

— Как в воду канул. Думаю, он доставит Ордену много хлопот. Демонологи стоят на ушах, но пока никаких следов так и не обнаружили.

М-да. Щдуырук — это проблема. Буду надеяться, что обо мне он не вспомнит.

— Как там наши?

К глубокому сожалению, я так и не смог их увидеть.

— Эграсса в Заграбе. Он теперь глава дома. Думаю, у нашего эльфа дел по горло, орки все же крепко потрепали темных. Да и женитьба на наследнице Черного пламени намечается. Болтают об объединении темных домов. Глядишь, Эграсса еще и самым главным в Черном лесу заделается! — Она хрюкнула от восторга.— Ребята вернулись к Одинокому Великану. Тебе велели передавать привет, они уже просто не могли здесь сидеть. Халлас перед отъездом сбагрил рога Х'сан'кора Ордену за гору золотых. Купил, как они и хотели с Делером, целый караван вина, да и всего остального до кучи. Слышал, Одинокого Великана уже восстанавливают?

— Да. Жаль, я не смог с ними попрощаться,— огорчился я.

— Жаль. Кстати, Угорь просил тебе передать.— Она протянула мне длинный сверток.

— Что это?

— Откуда же я знаю? Или ты думаешь, что я буду копаться в чужих вещах?

Я вежливо промолчал и развернул сверток. Так я и думал — «брат» и «сестра» Угря.

— Гарракец сказал мне, что ты знаешь, что следует сделать с клинками.

— Знаю. Как же он теперь без них?

— Король всем подарил новое оружие. Краше прежнего.

Я завернул клинки в ткань и пристроил их рядом с седельными сумками.

— Если увидишь Угря, скажи ему, что я все сделаю, как он просил.

— Хорошо. Слушай, по поводу Заказа...

— Да?

— Ну ты ведь понимаешь, что пятьдесят тысяч тебе не заплатят? Заказ-то аннулирован.

— Не волнуйся, Кли-кли, понимаю.

— Но король, узнав о том, что произошло, решил, что это не очень-то справедливо.

— И? — подтолкнул я ее.

— Ну вот тебе королевское помилование.— Она протянула мне свернутую в трубку грамоту.— Корона прощает тебе все прегреше-

ния. Так что Фраго Лантэн теперь будет локти кусать. И вот тебе денежка. Сколько смогли...

— И сколько смогли? — спросил я, принимая из рук гоблинши увесистую сумку.

— Ты ведь понимаешь, что после войны казна совсем пуста,— осторожно начала Кли-кли.

— Слушай, ты можешь просто сказать, а?

— Сто пятьдесят золотых. Тебе хватит на первое время.

— Что же,— кивнул я.— Совсем неплохо.

Убирая деньги, я думал, что помимо этих ста пятидесяти у меня еще есть около двухсот тех, что я взял из тайника Фора. Старый учитель оставил эту заначку специально для меня. Так что вполне приличное состояние.

— Вот еще что. Эграсса попросил отдать тебе это.

Кли-кли положила мне в руку нитку желто-дымчатых топазов. Тех самых, что были на Миралиссе во время приема у Балистана Паргайда. Я втянул в себя воздух. Эти камни стоят дорого. Очень дорого.

— Боюсь, что я никогда не решусь их продать, Кли-кли.

— Знаю,— улыбнулась она.— Думаю, и Эграсса знал. Кстати, он сказал, что двери дома Черной луны для тебя всегда открыты.

— Вряд ли я снова окажусь в Заграбе. Но за предложение спасибо.

Мы замолчали. Пора было уезжать, и каждый из нас это понимал.

— Куда ты теперь?

— Вначале в Исилию, оттуда на корабле до Гаррака. Проведаю Фора — он сейчас в Хозге — да и дело Угря надо закончить. А там... Там поглядим. Быть может, в Низину.

Она едва заметно кивнула:

— Пора?

— Да.

— Наклонись.

— Чего?

— Наклонись, дубина!

Я послушно наклонился, и она чмокнула меня в щеку.

— Вот теперь можешь ехать.

Я забрался в седло:

— До свидания, Кли-кли.

— Нет,— она грустно покачала головой,— не до свидания. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся, и ты, думаю, это так же понимаешь, как и я.

— Ну, может, когда-нибудь,— неловко произнес я.

— «Когда-нибудь» и «никогда» очень похожи. Мир слишком велик, чтобы мы встретились, да и ты когда-нибудь уйдешь к теням. Я это знаю. Так что не до свидания. Прощай, Танцующий с тенями.

— Прощай,— вздохнул я.— Мне будет тебя не хватать.

— Взаимно.— Она прочистила горло.— Только когда поедешь, не оглядывайся до самых городских ворот. У нас, гоблинов, это плохая примета.

Я кивнул, в последний раз посмотрел на нее и тронул пятками бока Пчелки. Я сдержал слово и ни разу не обернулся. Хотя и очень хотелось.

Несмотря на раннее утро, Куриные ворота, ведущие из города на запад, были распахнуты настежь. Играющая в кости стража не обратила на одинокого путника, которому с утра пораньше взбрело в голову покинуть Авендум, никакого внимания. Впрочем, наши славные служители закона не обратили внимания и на нищего, что сидел с глиняной чашкой для милостыни возле самых ворот.

На бродяге был видавший виды линялый плащ с капюшоном. Он сидел прямо на земле, скрестив обутые в грязные башмаки ноги, и, заметив меня, протянул пустую чашку. Я остановил Пчелку, залез в кошель и бросил ему полновесный золотой, благо он его заслужил. Нищий, получив монету, с достоинством кивнул, и я, кивнув в ответ, поехал дальше.

Отъехав от Авендума на четверть лиги, я выбросил грамоту с королевским помилованием в придорожную канаву. Жил столько лет без нее и еще столько же проживу. Обернулся. Стены Авендума были подернуты легкой утренней дымкой. Я вдохнул полной грудью прохладный воздух.

Сагот меня побери, как же хорошо! Весна как-никак!

— Вперед, Пчелка,— сказал я и больше не оборачивался.

Сентябрь — март 2003

ГЛОССАРИЙ

Авендум — столица северного королевства Валиостр. Крупнейший и самый богатый город Северных земель.

Анналы Кроны — наиболее подробная и самая древняя историческая хроника, которую эльфы ведут с того момента, как они появились в мире Сиалы.

Батарный меч — разновидность полуторного меча. Этот клинок можно удерживать как одной, так и двумя руками.

Бездушные егеря — части армии Валиостра, в мирное время выполняющие функции милиции. Используются в боевых действиях, участвуют в подавлении бунтов, заговоров. Вылавливают и уничтожают опасные банды и отдельных преступников.

Безлюдные земли — леса, тундры и ледяные поля на далеком севере. Они заселены различными существами. Некоторые из них пытаются проникнуть в Северные земли Сиалы, и лишь неприступные горы Отчаяния, крепость Одинокий Великан и Дикие Сердца сдерживают их вторжение в мир людей. Огры, великаны, свены, х'варры, зимние орки и десятки других рас и существ населяют эти огромные территории. Тут тоже живут люди, дикари и варвары, подчинившиеся Неназываемому. В Безлюдных землях, на полуострове Рачья Лапа, существует единственное людское государство — Рачье герцогство.

Далеко на севере Безлюдных земель, за Иглами Стужи, находится жилище Неназываемого, о котором благоговейным шепотом рассказывают плененные разведчиками Диких Сердец дикари.

Биденхандер — двуручный меч. Огромный меч, лезвие которого может достигать полутора ярдов в длину, с массивной рукоятью, тяжелым, обычно круглым, противовесом и широкой крестовиной. Иногда возле крестовины оружейники добавляли массивные клыки-отроги для остановки продвижения клинка противника вскользь.

«Бобровые шапки», или **«бобры»** — воины Валиостра, вооруженные тяжелыми двуручными мечами. Каждый воин носит звание «мастер длинного меча» и свой отличительный знак от других подразделений — бобровую шапку. Эти войска используют в качестве

ударного резерва, для спасения боя в той или иной ситуации. Также во время сражений «бобры» удостаиваются чести нести охрану знамени и короля, заменяя королевскую гвардию.

Больница Десяти мучеников — городская больница Авендума, созданная по приказу Грока на том самом месте, где прорвавшийся через оборону людской армии отряд орков остановили десять воинов из гарнизона Авендума (640 г. Э. С.).

«Брат» и «сестра» – название двух клинков особой школы фехтования, распространенной в Гарраке, обычно только среди знати. Во время боя оружие находится на разных вертикальных уровнях друг от друга. «Братом», узким обоюдоострым клинком, находящимся в правой руке, как рубят, так и колют. «Сестрой», более коротким клинком, не имеющим режущей кромки, наносят только колющие удары. Это оружие носят либо за спиной, либо в одних сдвоенных ножнах.

Вампир — существо-легенда. До сих пор неизвестно, есть ли оно или это всего лишь сказки пьяных крестьян. По легенде, вампирами могут становиться только люди и темные эльфы. Вампирам приписывают волшебные свойства, такие, как превращение в летучую мышь или в туман. Орден магов ставит существование вампиров под сомнение.

Вастарская сделка.— Вастар — король Гаррака, который в 223 г. Э. С. заключил союз с драконом, чтобы тот помог ему напасть на соседние королевства. Ничего из этого у короля не получилось, дракон не стал вступать в бой с людьми, и армия Вастара была разгромлена. Под Вастарской сделкой понимают также невыгодный договор.

Великаны — одна из рас, обитающих в Безлюдных землях.

Веселые висельники — солдаты, набираемые в армию из бывших каторжников, преступников и пиратов. При вступлении в ряды армии Валиостра им прощаются все бывшие прегрешения. Выполняют функции морской пехоты.

Война Весны — война, начавшаяся в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.). С одной стороны в ней участвовали люди и темные эльфы, с другой — орки Заграбы. Война Позора — орочье название Войны Весны.

Волшебство — волшебники людей и светлых эльфов владеют высшей магией, основанной на ранней магии или шаманстве орков и темных эльфов.

Гаррак — королевство на юге Северных земель Сиалы. Сильное, хорошо военизированное. Гарракское дворянство считается очень вспыльчивым, опасным и непредсказуемым.

Гарринч (*гном.*, букв.: хранитель сундуков) — существо, обитающее в степях Унгавы. Выдрессированный гарринч — великолепный сторож для сокровищниц.

Гвардия короля Валиостра — личная гвардия короля. В нее набирают только дворян. Гвардейцы носят цвета короля — серый и синий. Командует гвардией капитан.

Глаза смерти — когда после броска кости показывают одни единицы.

Гномы — как и их более крупные братья, карлики, появились в мире Сиалы сразу же за орками и эльфами. Поселившись в Горах карликов, гномы и карлики углубились в недра гор. Гномы — низкорослые бородатые существа со сварливым характером. В Горах карликов они существовали на правах младших братьев. Гномы — неважные ремесленники, и у них никогда не получалось сделать такую же красивую и искусную вещь, как у карликов. Гномы великолепно работают со сталью, добывают руду и другие богатства земли. Они хорошие строители и землекопы.

Спустя несколько тысячелетий жизни в Горах карликов гномы ушли из старого дома, навсегда рассорившись с родственниками — карликами.

Гномье племя нашло себе новое пристанище в Стальных шахтах Исилии. За проживание в шахтах они платят королевству ежегодную дань — литу, а также поставляют сталь. Гномы изобрели печатный станок, затем им стал известен секрет изготовления пороха.

Карлики говорят, что гномы украли его у их соотечественника, возвращавшегося из путешествия из-за Хребта мира. Разгоревшаяся между бывшими родственниками битва на поле Сорна (1100 г. Э. С.) закончилась ничем. Стороны понесли огромные потери и разошлись по домам.

Гномы тщательно скрывают секрет пороха и продают пушки.

Они не имеют своей магии, их последний маг погиб на поле Сорна, а книги гномов спрятаны глубоко в Горах карликов в надежном тайнике, до которого невозможно добраться из-за вражды с карликами.

Гоблины — маленькие существа, живущие в самой глубине лесов Заграбы. Шаманство гоблинов считается самым мощным после шаманства огров, но оно практически не имеет привычных атакующих заклинаний.

Горы карликов — огромная горная цепь, высотой с которой может сравниться только Хребет мира, протянувшийся через Северные земли с востока на запад, разделяя их на две части. Зам-да-Морт, или Замок смерти,— самая высокая и величественная вершина Гор карликов.

Горы Отчаяния — низкие, но неприступные скалы, разделяющие Валиостр и Безлюдные земли. В них только один перевал, на котором расположен Одинокий Великан.

Грок — 1) легендарный полководец Валиостра, сдержавший армию орков у Авендума в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.) до прихода подмоги темных эльфов. На одной из центральных площадей города ему поставлен памятник; 2) младший брат-близнец полководца Грока, носивший такое же имя. Маг, получивший имя Неназываемый.

Гхолы — трупоеды-падальщики. Обычно этих существ можно обнаружить на полях битв или на старых кладбищах. Если по какой-то причине еда пропадает, то гхолы могут залечь в спячку на несколько лет.

Джанга — быстрый ритмичный танец, очень популярный в Загорье.

Джашла — королевство горцев возле Хребта мира.

Дикие Сердца — отряд воинов, несущих службу у Одинокого Великана.

Джок Имарго, или **Джок-принесший-зиму** — человек, которого обвинили в убийстве принца дома Черной розы. Из-за этого «убийства» началась Долгая зима.

Долгая зима — так эльфы называли отрезок времени в сто сорок лет (500 — 640 гг. Э. С.) Долгая зима произошла после нелепой гибели эльфийского принца дома Черной розы в Ранненге во время городских празднеств. Закончилась в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.), во время Войны Весны, когда эльфы пришли на помощь Гроку и его людям в битве с армией орков. В подтверждение окончания Долгой зимы Гроку был подарен Рог Радуги.

Доралисские лошади — лошади этой породы выведены в степях Унгавы и ценятся по всем Северным землям за красоту, стремительность и неутомимость.

Доралиссцы — раса козлолюдей, обитающая в степях Унгавы.

«Дракон» Гаррака — гвардия короля Гаррака.

Дрокр — эльфийская ткань, которая не пропускает воду, запахи и не горит в огне.

Д'сан-дор (*орк.*), или **Дремлющий лес** — лес, находящийся в Безлюдных землях близ отрогов гор Отчаяния.

Загорье, или **Вольные земли** — земли у южных отрогов Гор карликов. Туда бегут все, кто недоволен властью или законами королевства. Крестьяне, младшие сыновья, опальные дворяне, авантю-

ристы и преступники. Для таких людей в Загорье всегда найдется земля и работа.

Заказ — договор, который заключают между собой мастер-вор и клиент. Вор обязуется доставить нужную вещь, а в случае неудачи вернуть задаток и процент от общей суммы сделки. Клиент обязуется расплатиться после получения интересующего его предмета. Расторгнуть Заказ можно только с обоюдного согласия обеих сторон.

Закрытая (Запретная) **территория,** или **Пятно** — район Авендума, возникший в результате попытки с помощью Рога Радуги нейтрализовать Кронк-а-Мор в 872 г. Э. С. Закрытая территория обнесена волшебной стеной, и почти никто не решается туда проникнуть. Говорят, что там обитает зло.

Зам-да-Морт (*гном.*), или **Замок Смерти** — самая высокая и величественная вершина Гор карликов.

Защитник Рук — одна из высших должностей в иерархии жрецов Сагота.

Звено Борга — названо по имени полководца древности, создавшего построение Цепь, где каждый воин (звено) являлся незаменимым во время отражения нападения.

Зеленый лист — одна из самых страшных пыток темных эльфов, которую они применяют лишь к оркам (единственное исключение — Джок Имарго). О ней практически ничего не известно, лишь слухи, в которых говорится о нечеловеческих муках пытаемого. Пытка может продолжаться годами и без перерыва.

Иглы Стужи — ледяные горы далеко в Безлюдных землях.

Играющие с ветром — так в армии называли опытных лучников, неважно, к какому отряду они принадлежали. Играющие, несмотря на сильный ветер, мешающий полету стрелы, почти всегда попадали в цель.

Империя — после рождения в императорской семье двух сыновей-близнецов Империя распалась на два государства — Приозерную и Заозерную империи. Эти два королевства постоянно воюют друг с другом за право объединения под властью одной из династий, ведущих свою родословную от двух братьев-близнецов.

Имперская собака — порода сторожевых собак, выведенная в Империи.

Ирилла (*орк.*), или **Туманный паук** — порождение шаманства огров. До сих пор точно неизвестно, что это такое — нематериальная субстанция или живое существо.

Иселина (*орк.*), или **Черная река** — начинается в Горах карликов, протекает через восточную часть лесов Заграбы, пересекает Ва-

лиостр, разделяется на правый и левый рукав и впадает в Восточный океан.

Исилия — королевство, граничащее с Валиостром и Мирануэхом.

Исилийский мрамор добывают на южных отрогах Стальных шахт. Во время хождения по такому камню рождается оглушительное эхо. В основном используется либо против воров, либо чтобы к владельцу не подкрались убийцы, либо ради красоты, хотя и приходится терпеть неприятные звуки.

Канийская ковка — оружие, изготовленное из стали, добытой в Стальных шахтах Исилии. Сталь обрабатывают в знаменитых кузнях столицы королевства — Кании. После специальной обработки и ковки она приобретает рубиновый цвет и специфическое свойство — встречаясь со сталью другого вида, издавать мелодичный звон колокольчиков либо яростный визг,— поэтому сталь канийской ковки еще называют Поющей, Визжащей сталью или Рубиновой кровью.

Карлики — низкорослая раса, живущая в Горах карликов. Они ничем не похожи на своих братьев — гномов. Удивительно, но их сильные руки с толстыми пальцами творят изумительные и потрясающие вещи, которые ценятся во всех уголках Сиалы. Неважно, что это — оружие, инструменты или произведения искусства.

К'лиссанг (*орк.*, букв.: хранящий верность) — эльф, давший родовую клятву и поступивший телохранителем к эльфу более знатного рода сроком на девять лет. Если хранящий верность погибает за время своей службы, вся его семья переходит в род эльфа, которого охранял к'лиссанг.

Королевские песочники — тайная полиция короля, защищающая интересы государства и самодержца. Названы так за свою эмблему — песочные часы.

Кронк-а-Мор — шаманство огров.

Лабиринт — древнее сооружение орков, располагается в лесах Заграбы. В лабиринт орки запускают пленников и делают ставки, кто из несчастных дольше проживет.

Леса Заграбы — занимают огромную территорию. Местами прекрасные, местами страшные и опасные вечнозеленые леса скрывают множество загадок и таинственных существ. В лесах Заграбы живут темные эльфы, орки, гоблины, дриады.

Леса И'альяла — расположены возле Хребта мира. В них живут светлые эльфы. И'альяла — леса Северных земель Сиалы возле Хребта мира. Сюда переселились светлые эльфы из лесов Заграбы после раскола эльфийских домов.

Линг — маленький зверек, живущий в тундре Безлюдных земель. Очень похож на лохматую крысу, но с куда большими зубами и когтями.

Мастер длинного меча — звание, которое получал воин, в совершенстве владеющий тремя техниками работы с двуручным мечом (классический хват, хват за один из клыков, посоховый хват). На рукояти меча — золотое тиснение в виде дубового листа.

Миранград — столица Мирануэха, королевства, расположенного по соседству с Валиостром.

Мирануэх — королевство, граничащее с Гарраком, Исилией и Валиостром. Постоянно воюет с Валиостром из-за Спорных земель.

Молельня Рук — собрание верховных жрецов Сагота.

Мотыжники — так иногда называют гномов. Излюбленное оружие гномов, так называемая боевая мотыга. Оружие включает в себя одновременно чекан и боевой молот.

Неназываемый — имя мага Валиостра, которое ему дали после предательства в последний год Тихих времен (640 г. Э. С).

Низина — королевство возле лесов И'альяла.

Низинские мастера — мастера из Низины. Славятся на всю Сиалу изготовлением посуды из особого сиреневого фарфора.

Обур — гигантский медведь из лесов Заграбы.

Огры — раса из Безлюдных земель. Единственная старая раса Сиалы, оставшаяся в этом мире. С самого начала огры получили очень сильную и разрушительную магию — Кронк-а-Мор. Считается, что они — дальние родственники орков и эльфов. Эльфы говорят, что разум огров забрали боги. Если бы огры остались такими же умными, как раньше, то захватили бы и уничтожили весь мир Сиалы.

Одинокий Великан — крепость, которая перекрывает единственный перевал в горах Отчаяния, ведущий из Безлюдных земель в Валиостр.

Орден магов — имеется в каждом королевстве. Только Загорье и Джашла не имеют Ордена. В состав Совета каждого Ордена входят архимаги. Возглавляет Орден магистр. В Ордене существует четкое разделение по рангам, которые отмечаются на посохе. Маг Ордена — одна полоска; стихийный маг (овладевший несколькими спецификациями-школами) — две полоски; маг, допускающийся в совет,— три полоски; архимаг — четыре полоски; магистр — четыре полоски, а навершие посоха маленький черный ворон.

Орки — первая новая раса Сиалы. Эльфов считают своими кровными врагами, хотя те являются их прямыми родственниками.

Орки говорят, что они Первые и должны править всем миром, а все остальные расы — это досадная ошибка богов. Кроме лесов Заграбы орки обитают в Безлюдных землях (снежные орки).

Пограничное королевство, или **Пограничье** — королевство рядом с северными отрогами Гор карликов и лесами Заграбы.

Поле Сорна — поле, на котором произошла битва (1100 г. Э. С.) между гномами и карликами. Пушки и боевые мотыги встретились с секирами и мечами. В этой битве победителей не было.

Пурпурные годы — промежуток времени, когда карлики с гномами вели ряд жестоких войн друг с другом, итогом которых был исход гномов из Гор карликов.

Рачье герцогство — единственное государство на территории Безлюдных земель.

Река Хрустальной Мечты — узенькая речушка в Авендуме, проходящая через Портовый город и впадающая в Холодное море.

Рог Радуги — легендарный артефакт, созданный оградами в противовес собственной магии — Кронк-а-Мору, если она выйдет из подчинения. Рог был захвачен темными эльфами, а впоследствии они передали его людям (Гроку) как подтверждение добрых намерений и заключение вечного союза между темными эльфами и Валиостром. Каждые двести — триста лет Рог нужно насыщать магией, чтобы он не потерял своих свойств. После появления Закрытой территории Рог был похоронен вместе с Гроком в Храд Спайне. Его магия сдерживает Неназываемого в Безлюдных землях.

Рука — военный вождь орков.

Рыночная площадь — известная площадь Авендума, где постоянно проходят театрализованные представления.

Сагот — один из двенадцати богов мира Сиалы. Покровитель воров, мошенников, плутов и шпионов.

Сагра — одна из двенадцати богов мира Сиалы. Богиня войны, справедливости и смерти. Покровительница воинов.

Свены, или **Поющие** — существа Безлюдных земель, похожие на лохматые летающие шары, которые появляются на просторах Безлюдных земель в самые лютые морозы. Поют Песнь, убивая все живое.

Серые камни — самая надежная и страшная тюрьма-крепость Валиостра, из которой за все время ее существования ни разу не было совершено побега.

Сиала — мир, в котором происходят события книги.

Сильна — богиня любви, красоты и природы.

С'каш (*орк.*), или крюк — изогнутый ятаганообразный клинок. Имеет заточку на внутренней, вогнутой стороне. Обычно имеет зубцы как у пилы.

Склот (*гном.*), или штопор – тяжелый военный арбалет, предназначен для пробивания тяжелых доспехов воинов, идущих в передних рядах.

Спорные земли — земли между Мирануэхом и Валиостром, возле лесов Заграбы.

Сталконы — королевская династия Валиостра.

Стальные лбы — тяжелая пехота Диких.

Стальные шахты — горы и рудники в Исилии, где добывают лучшую породу Северных земель. Здесь живет раса гномов.

Степи Унгавы — степи на самом юге Северных земель.

С'у-дар (*огр.*), или **Ледяной перевал** — единственный путь из Безлюдных земель в цитадель Неназываемого, проходящий через Иглы Стужи.

Султанат — государство, расположенное за степями Унгавы.

Тихие времена — отрезок с 423 по 640 г. Э. С., во время которого Валиостр не вел ни одной войны. Это времена благоденствия и расцвета королевства. Они закончились, когда огромная армия орков из лесов Заграбы вторглась в Валиостр.

Треш (*орк.*) — вежливое обращение у эльфов к эльфу знатного рода. Иногда его используют другие расы во время разговора с высокородными эльфами.

Филанд — королевство возле южных отрогов Гор карликов.

Х'варры, или **Снежные падальщики** — обитают в Безлюдных землях.

Холодное море — северное море Западного океана, омывающее берега Валиостра и Безлюдных земель.

Храд Спайн (*огр.*), или **Костяные дворцы** — огромные подземные катакомбы и дворцы, где огры, орки, эльфы, а затем и люди хоронили павших воинов.

Хребет мира — цепь самых высоких гор Сиалы. Проходит с севера на юг почти через весь континент. Хребет труднопроходим, за ним располагаются почти неизведанные земли.

Х'сан'кор (*орк.*), или **Ужасная флейта** — чудовище-людоед, обитающее в лесах Заграбы.

Шаманство — изначальная магия Сиалы. Первыми ее стали использовать огры, затем орки, темные эльфы, гоблины. Именно от шаманства произошла магия людей и светлых эльфов.

Шамар — столица Пограничного королевства.

Шипы — воины, входящие в этот отряд, занимаются разведкой и рейдами в глубь территории Диких земель. О Шипах ходит слава отчаянных рубак и сорвиголов.

Штольни Ола — каменоломни в шести днях пути от Авендума. Название получили по имени их первого владельца. Здесь добывали камни для легендарных стен города. Ныне Штольни Ола заброшены.

Эльфы — вторая молодая раса Сиалы, появившаяся почти сразу за своими родственниками — орками. Через несколько тысячелетий жизни в лесах Заграбы у эльфов произошло разделение на светлых и темных.

Светлые эльфы не удовлетворились тем, что давало им шаманство. Они принялись изучать волшебство, использовав как основу магию людей.

Темные эльфы в отличие от светлых, предавших память предков, продолжают использовать изначальную магию этой расы — шаманство.

Имена всех женщин темных начинаются на «м», мужчин на «э». Если эльф является выходцем из правящей семьи Темного дома, то к имени прибавляется «с-са».

Э. С.— эпоха Снов, последняя эпоха Сиалы (1123 г.). События, описанные в книге, происходят в последний год Э. С. До этого времени были: эпоха Свершений (эпоха, во время которой на Сиале появились люди,— около 7000 лет назад); Седая эпоха (эпоха, отсчет которой пошел, когда на Сиале появились орки и эльфы); Темная эпоха (неизвестно, кто, кроме огров, существовал в те далекие времена на Сиале и что тогда происходило).

Языки Сиалы — существуют три основные группы языков на Сиале. Первая группа — орочий. На нем общаются орки и эльфы. Вторая группа — гномий, на нем разговаривают гномы и карлики. Третья группа — человеческий, или всеобщий. Также существуют другие языки и диалекты. Например, язык огров или гоблинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 11. «Крон» присоединялось к титулу, если человек состоял в родстве с королевской династией.

К стр. 77. *Невинен, как Джок-принесший-зиму* — поговорка. Джок Имарго — человек, которого обвинили в убийстве принца дома Черной розы. Был отдан эльфам и казнен ими. После этого темные эльфийские дома Заграбы с 501 по 640 г. Э. С. не поддерживали отношений с Валиостром. Впоследствии выяснилось, что Джок был невиновен.

К стр. 78. *Конюшня Старка* — один из районов Портового города.

К стр. 153. *Пирсы* — район Портового города, вплотную примыкающий к Холодному морю.

К стр. 157. *Рачьи сани.*— Казненных людей в Рачьем герцогстве перевозили к могилам на санях. Отсюда это название. Пришли рачьи сани, то есть пришла смерть.

К стр. 178. *Низинский хват.* В Северных землях Сиалы существует две крупные школы фехтования на ножах — низинская и гарракская. Низинский хват ножа — обратный, рукоять смотрит вверх, клинок вниз.

К стр. 181. *Рачья хватка* (*разг.*) — то есть невозможно освободиться. Пошло от фразы, что у людей с рачьей лапой рачья хватка и, попав к ним в плен, живым уже не выбраться.

К стр. 192. *Все равно что искать курящего карлика!* — Карлики не курят и относятся к курящим с должной толикой презрения, так как первыми курить стали гномы. Кроме гномов к курению пристрастились люди.

К стр. 194. *Травка-красавка* — наркотик, получаемый из Пурпурного флага, растения, цветущего на отрогах Хребта мира.

К стр. 220. *Кошачьи усы* — усы в виде трех тоненьких полосок над верхней губой, очень похожи на кошачьи усы, отсюда такое название. Мода на них пришла из Филанда.

К стр. 251. *Огр-шач* (*орк.*), или *огролом* — оружие, внешне напоминающее тяжелый цеп. Та часть, которой наносится удар, имеет грушевидную форму, и на ней находятся шипы.

К стр. 316. *Медный губитель* — эльфийское название чумы-медянки.

К стр. 321. *Кости земли* — каменный уголь.

К стр. 428. *Крудр* — доралисская водка с резким запахом.

К стр. 443. *Листва* — центральный эльфийский город в Заграбе. Принадлежит главному дому темных эльфов — дому Черного пламени.

К стр. 524. *Дралан* — простолюдин, которому король или высшее дворянство жаловали дворянский титул. Дралан имел право на титул, герб и земли, но не мог передавать их по наследству.

К стр. 608. *Чемпион* — победитель турнира.

К стр. 615. *Пятка* — обратная сторона копья.

К стр. 639. Пол во всех комнатах замка выстилали тростником.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Вор и герой — понятия несовместимые?

Геннадий Гладков, известный композитор, в одном интервью вспоминал: «Солженицын говорит, что жил при трех поколениях. Первое — дореволюционное, когда люди жили «за Бога и царя» и понимали, для чего живут. Послевоенное поколение было уверено, что социализм, путь к коммунизму — это и есть та единственная правда жизни, ради которой стоит рвать пуп. И третье поколение — постсоветское. Оно оказалось самым страшным. Ничего святого! Никаких нравственных устоев!»

Трилогия писателя Алексея Пехова о похождениях вора Гаррета-тени показывает нам целый мир. Что же это за мир, где воры становятся героями?

Три книги: «Крадущийся в тени», «Джанга с тенями» и «Вьюга теней» — это увлекательно написанное эпическое полотно по сюжету, масштабности событий и грандиозности задач, которые приходится решать героям, очень напоминающее роман Толкиена «Властелин Колец».

Судьба королевства в руках вора! Звучит парадоксально, но это правда. Поэтому стремление помочь Гаррету в выполнении его миссии и лежит в основе поступков тех, кто сопровождает его в нелегком походе.

«Ушел с поколением хиппи Чужак с чужой земли, ушли коммунистические идеалы «Полдня», сошла на нет консервативно-утопическая Ордусь, но читатель остался. Народилось целое поколение, которое не жило при социализме, для которого ужасы 1984-го — пустой звук, которое запросто отметает христианские и буржуазные ценности, желая построить новый мир на развалинах старого» — так писал Сергей Красиков в своей статье «Эскапизм со взломом». Алексей Пехов — в определенной степени выразитель этого нового поколения. Не имеющего нравственных устоев, как выразился Гладков. Сиала — тот самый мир, где, в отличие от Средиземья, нет Зла, против которого, рискуя жизнью, шли бы сражаться герои. В руках мастера-вора — спасение королевства, а не мира. Спасение от кого? Кто враг? Неназываемый, именем которого пугают детишек— кто он? «Зло и тьма»,— говорит Гаррет. Впрочем, смотря как это понимать. «Он ведь... просто очень сильный волшеб-

ник...» — считает король. «Что есть зло, вор?! Что есть добро?! Кто сможет определить, что есть первое и что есть второе?! Где та неуловимая грань между добром и злом?!» — спрашивает Посланник. Вот, оказывается, как все непросто. И вору приходится своими поступками отвечать на эти вопросы.

Мир Сиалы антропоцентричен. Несмотря на то что он заселен множеством рас, человек оказывается сильнее всех. Не потому, что он действительно сильнее, но потому, что стремится к этому. Человек на протяжении всей истории своей считает себя царем природы. И всегда борется за это место. Вспомните «Легенду о мягком золоте»:

Тогда улыбнулся солдат-человек,
С усмешкой он эльфу сказал:
«Не надо платы. Мы все возьмем.
Золото — мягкий металл».

Человек находится в центре мира Сиалы. И можно понять возмущение орка по имени Олаг, который кричит Гаррету: «Вы появились самыми последними, даже доралиссцы, это отродье козьих матерей, появились раньше вас!.. Пока мы воевали с эльфами и пытались выковырять из проклятых гор карликов и гномов, вы разбежались по всему миру и стало поздно... Но вы даже хуже чумы! Вы хуже тараканов! Вы плодитесь со скоростью эльфийской стрелы и отличаетесь безумием бешеного волка! Вы можете только убивать и уничтожать все прекрасное, что есть в нашем мире! ...Вы не остановитесь до тех пор, пока не разорвете Сиалу на тысячу кусков...»

Во все времена человек — как особь и как вид — озабочен выживанием, пусть даже за счет других. «Жить захочется, так и не на такое пойдешь». Поэтому Злом оказывается Война. Не та война, которую всегда ведут люди друг с другом за какие-нибудь Спорные земли, а Война, суть которой — месть и утоление ненависти. Потому что приход Неназываемого закончится смертью для всего королевства, а не потерей клочка болотистых земель.

Главной ценностью оказывается жизнь. «Зло становится добром, а добро — злом, стоит лишь посмотреть на них с разных берегов реки Жизни!» Нет жизни — нет всего остального. Какие тут могут быть нравственные устои? В такой ситуации и вор становится героем, ибо вор — некое средоточие человеческого эгоизма: чтобы жить, он ворует, нарушая одну из заповедей, может и убить, вор живет для себя, не считаясь с окружающими, у него нет друзей, близких людей. Вот он, герой нашего времени,— «хитрый и изворотливый человек», индивидуалист, для которого «нет ничего святого».

«Я принимаю Заказ»,— ответил Гаррет королю. И вот небольшой отряд тронулся в далекий и опасный путь, конечная цель которого — спасение королевства. Так, по крайней мере, воспринимают путе-

шествие его предводители — Алистан Маркауз и Миралисса. Но отношение Гаррета к спасению всех ироничное, он идет не поэтому. Он принял Заказ, и теперь его ведет профессиональная этика. Честность— странное для вора качество, однако оно — одна из основ его ремесла, ведь он мастер-вор. Выходит, есть еще ценности помимо жизни? Есть, и это — дело. Отряд, сопровождающий Гаррета, сильно поредел за время похода к Храд Спайну, и люди без слов отдавали жизнь за Дело. Чье-то дело было поменьше — обычное солдатское, чье-то побольше — спасение королевства, дома... Но любое дело должно быть выполнено с честью, воровское ли, солдатское ли, королевское ли... Как пел Щербаков, «всё победят только лишь честь и свобода». Честь и честность — слова одного корня. Честность перед делом, перед совестью, перед собой. Однако еще кое-что выносит Гаррет из своего похода, и это — понятие дружбы и доверия. Никому не доверять было своеобразным кредо мастера-вора до путешествия в Костяные дворцы— «когда был только ты и ночь, когда ты полагался только на себя и не держал за пазухой десяток друзей, обязательств и правил»,— напоминает Гаррету его отражение.

Нет Тьмы, нет Зла, хотя нет и Добра. Но это не значит, что исчезли нравственные устои, они просто стали другими, изменились. «Куда-то делись незыблемые Социалистические Ценности. Их пытались было заменить на столь же незыблемые Православные, однако в результате естественного отбора победило: «Контракт подписан, не выпить ли нам чаю «Липтон»?» (С. Красиков). Да, современные ценности во многом функциональны, потому что находить их приходится долгим опытным путем и собственной шкурой: надо пройти полмира, чтобы понять кое-что. Но от этого они не перестают быть абсолютными, то есть — выше жизни. Чтобы спасти друзей, королевство, дело, милорд Крыса повел за собой орков, зная, что умрет. И Смерть немного задержалась, оценив стремление Алистана Маркауза умереть воином и героем.

Спасти мир Гаррету все же приходится — мир Хаоса, Изначальный. «Спасаем мир и занимаемся другой бесполезной и совершенно дурацкой ерундой» — так он сам иронично отзывается о своих поступках. Интересно, однако, что делает это вор потому, что таким образом оплачивает личный долг перед тремя тенями, живущими в Изначальном мире: они спасли ему жизнь. Однако своим путешествием Гаррет спасает и собственный мир: он участвует в Игре, а «игрой и борьбой мир проходит проверку на жизнь».

В фантастике основной темой всегда было определение человеком своего места в мире. Литература фэнтези больше ориентирована на решение «вечных» и нравственных вопросов, потому что лишена злободневной, бытовой окраски, налета преходящих, внешних проблем, позволяя делать акцент на глубинных процессах отношений человека и мира, хотя постановка и решение вопроса остаются современными и своевременными. Мир, перманентно находящийся в состоянии войны. Парадокс всего человеческого существования: «Хочешь мира — готовь-

ся к войне». Однако в современном нам мире война становится опасной для всех, и Третья мировая, которая висит над миром как дамоклов меч, может стать последней войной в истории человечества, ибо после нее, возможно, писать историю станет некому. «Хроники Сиалы» довольно точно передают настроение, дух нашей эпохи: переоценка «всего святого» в преддверии великой резни. Чем так опасен Неназываемый? Против его армии найдется у Валиостра своя армия. Но он обладает силой, человеку почти неподвластной, неизвестной, непостижимой. Поэтому так необходим древний артефакт — весь ход Войны, существование мира зависят от одной небольшой вещицы, своеобразной «красной кнопки». И разные силы вступили в схватку за обладание ею.

Гаррет-тень. Тень — не свет, не тьма, а их смешение. Герой отказывается от выбора, он живет в тени, в буквальном и переносном смысле. Он просто человек, который хочет жить, то есть есть и пить и... Тень — лейтмотив всей эпопеи: мир создавался из тени, главный герой — тень, она же его подруга, любовница, напарница. Тень «является убежищем для всех: для мирных горожан, в страхе прячущихся в ней от опасных людей; для грабителей, которые сидят в тени, скрывая ножи под плащами, ожидая добропорядочных граждан; для существ, которые живут в тени и охотятся по ночам на тех и других». Почему именно она? Потому ли, что она не свет и не тьма? Потому ли, что скрывает от других — людей и нелюдей? Однако не было бы тени, если бы не было света и тьмы. Значит, все же есть из чего выбирать?

Но мир — всего лишь тень, а значит, вопроса выбора просто нет — живи и делай свое дело. Вот закончилась война, победа за нами, и что дальше? А дальше жизнь продолжается — «весна как-никак!» — и каждый занимает в ней свое место. Остатки отряда Диких уходят к Одинокому Великану продолжать нести охранную службу, гоблинша, задержавшись в Авендуме, «пока нужна», возвращается в леса Заграбы шаманить.

Герой ли Гаррет? «Я уже начинал ловить на себе вопрошающие взгляды. Наверное, некоторые из присутствующих здесь предположили, что, раз я путешествую с такими отчаянными и уважаемыми личностями, как Халлас и Делер, значит, и я легендарный герой и по меньшей мере голыми руками скрутил шею Неназываемому». Однако героичность Гаррета остается такой же предположительной и условной, как и спасение им мира, которое он совершал в снах. Он видел сны, и нельзя достоверно утверждать, что то, что ему снилось, было на самом деле, что бы ни твердили гоблинские шаманы. Гаррет не герой, он персонаж. Если он и совершил подвиг, то это был подвиг верности себе, честности перед собой и людьми, собой — человеком, обычным — ни большим, ни маленьким — человеком, который во все времена остается в тени истории.

Ольга ЖАКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ 7
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ 387
ВЬЮГА ТЕНЕЙ 687
Глоссарий 1135
Примечания 1145
Ольга Жакова. Герой нашего времени 1147

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения присылать по адресу: 125565, Москва, а/я 4, «Издательство АЛЬФА-КНИГА» или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах можно получить на нашем сайте в Интернете: ***http://www.armada.ru***

Литературно-художественное издание

Алексей Юрьевич Пехов
ХРОНИКИ СИАЛЫ

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Т. А. Стельмах

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
А. А. Ершова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Т. А. Рогожиной

Подписано в печать 17.01.08. Формат 60x90/16.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 72,00. Доп. тираж 7000 экз.
Изд. № 4746. Заказ № 0732110.

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20
Изд. лицензия ЛР № 066460 от 30.03.99
СЭЗ № 77.99.02.953.П.001254.08.03

ЯПК arvato
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Вор и герой — понятия несовместимые? Как бы не так! Когда приходится делать нелегкий выбор между топором палача и Заказом на небольшую прогулку в мрачные могильники эльфийских лесов, трезвомыслящие люди выбирают топор палача, а герои, такие, как Гаррет, решают бросить кости и, надеясь, что выпадут шестерки, рискнуть.

ISBN 978-5-9922-0090-4